РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

Годъ четырнадцатый. **ОКТЯБРЬ.** 1883 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ **Василія Андреевича Жуковскаго**, гравировалъ съ неизданнаго портрета, сообщеннаго К. К. Зейдлицомъ, г. Паннемакеръ въ Парижѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Средняя Подъяческая, д. № 1.

1883.

X-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го октября 1883 г.

Иллюстрированная исторія Петра Великаго. Текстъ А. Г. Брикнера съ 250 портретами и рисунками. Изд. А. С. Суворина. Въ б. 8 д. стр 686+27. Цѣна 12 руб., съ перес. 14 руб.

Въ январѣ 1883 г. мы привѣтствовали выходъ первой части, нынѣ отмѣчаемъ въ своемъ библіографическомъ листкѣ о полномъ довершеніи этого превосходнаго изданія. Можно поздравить съ этимъ издателя и его помощника С. Н. Шубинскаго, осилившихъ массу заботъ и хлопотъ, съ столь сложнымъ предпріятіемъ сопряженныхъ, а еще того болѣе—поздравить русское общество, которое отнынѣ имѣетъ великолѣпный подарокъ для учащагося юношества обоего пола. Подарокъ не только роскошенъ, но онъ, главное, чрезвычайно полезенъ. Въ самомъ дѣлѣ, обстоятельный и дѣльный, хотя нѣсколько суховатый и блѣдный по изложенію, текстъ, почти на каждой страницѣ освѣщенъ либо рисункомъ, либо портретомъ, либо виньетой, либо снимкомъ (всего до 250) и все это съ подлинныхъ петровской эпохи оригиналовъ гравюръ, портретовъ и политипажей, при томъ нынѣ выполненныхъ, большею частью, весьма рачительно и изящно. Наглядность въ дѣлѣ преподаванія и самостоятельнаго изученія каждаго предмета великое дѣло,—истина общепризнанная и въ послѣдніе годы опытами вполнѣ доказанная. «Иллюстр. истор. Петра» хорошее пособіе: оно даетъ русскому юношеству обоего пола полную возможность всесторонне ознакомиться съ петровской эпохой, временемъ наиболѣе важнымъ во всемъ ходѣ исторіи нашего отечества. Да и почему только юношеству? нѣтъ, каждый грамотный нашъ соотечественникъ прочтетъ эту книгу и въ особенности пересмотритъ ея многочисленныя, вполнѣ художественныя приложенія, политипажи и рисунки въ текстѣ съ полнѣйшимъ интересомъ, а главное, повторяемъ, съ несомнѣнною пользою.

Имѣемъ нѣсколько замѣтокъ и указаній по поводу этого изданія, но объемъ нашего листка лишаетъ насъ удовольствія это сдѣлать теперь, почему и оставляемъ до времени, когда издатель приступитъ ко второму тисненію этой изящной книги, что, надѣемся, настанетъ довольно скоро.

Страница изъ исторіи судебной реформы Д. Н. Замятнинъ. Гр. Джаншіева. Москва, 1883 г., въ 8 д., стр. 1—VI+156.

Брошюра весьма интересная и явившаяся вполнѣ благовременно. Въ ней сжато, весьма рельефно и талантливо очерчена дѣятельность одного изъ главнѣйшихъ тружениковъ въ созданіи судебной реформы 1862—1864 гг. Великій Государь-Освободитель нашелъ въ Д. Н. Замятнинѣ честнаго, усерднаго, глубоко искренняго сотрудника для созданія «Судебныхъ Уставовъ 1864 г.», которые, какъ совершенно справедливо признано всѣми ревнителями блага Россіи, «составляютъ гордость нашу и славу минувшаго царствованія».

Гр. Джаншіевъ приводитъ біографическія данныя о Замятнинѣ, представляетъ общую его характеристику, обзоръ работъ министерства юстиціи по составленію «замѣчаній» на Судебные Уставы, приводитъ нѣкоторыя, особенно важныя замѣчанія на Уставы Гражданскаго и Уголовнаго Судопроизводства и на учрежденіе Судебныхъ Установленій, напоминаетъ интересныя подробности о подготовительныхъ работахъ къ открытію новыхъ судовъ и о дѣятельномъ и энергическомъ участіи во всемъ трудѣ и въ дѣлѣ открытія новыхъ судовъ Д. Н. Замятнина и его достойнѣйшаго товарища Н. И. Стояновскаго, неутомимая и высоко просвѣщенная дѣятельность котораго въ созданіи судебной реформы также довольно ярко обрисована въ брошюрѣ Гр. Джаншіева. Повторяемъ, появленіе сего труда въ высшей степени благовременно. Онъ освѣжаетъ и укрѣпляетъ въ сознаніи общества главнѣйшія блага, дарованныя одною изъ славнѣйшихъ реформъ Государя Преобразователя, онъ выдвигаетъ тѣхъ его сподвижниковъ, имена и дѣятельность которыхъ должны быть глубоко почитаемы, такъ какъ они явились вполнѣ достойными выразителями мудрыхъ предначертаній незабвеннаго Государя, даровавшаго «Россіи,—говоря словами высочайшаго указа 20-го ноября 1864 г.,—судъ скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ подданныхъ», «возвысившій судебную власть», «давшій ей надлежащую самостоятельность» и вообще стремившійся «утвердить въ на-

Памяти И. С. Тургенева.
1818—1883.

27 сентября 1883 г. въ С.-Петербургѣ.

Несмѣтная толпа... Какъ будто вся столица
Поднялась на ноги—въ рукахъ вѣнки, цвѣты,
Глубокой горестью омрачены всѣ лица,
Глаза слезами налиты.
И не она одна... Во всѣхъ концахъ отчизны,
Во всѣхъ углахъ чужихъ сторонъ
Благоговѣйно правятъ тризны
По опочившемъ...
Кто же онъ?
Кого такъ дружно до могилы
Собрались проводить на вѣкъ
И немощный старикъ, и молодыя силы,
И скромный труженикъ, и знатный человѣкъ?
Кто въ гробѣ? Доблестный воитель?
Администраторъ славный? Нѣтъ—
Тутъ просто скромный сочинитель,
Безпритязательный поэтъ.

Была пора: неслышно и незримо
Свершалъ свой путь писатель нашъ. Слѣпа,
Безмолвна, проходила мимо
Непросвѣщенная толпа.
Пришла пора—и въ обществѣ созрѣло
Сознаніе, что человѣкъ пера
Великое свершаетъ дѣло
На почвѣ высшаго добра;

Что творческая рѣчь поэта—
Гражданскій подвигъ; что она –
Источникъ воздуха и свѣта;
Что ею движется страна.
Что этотъ человѣкъ не громкій,
Работникъ въ скромной тишинѣ—
Одинъ изъ тѣхъ, кого и дальніе потомки
Глубоко чтить должны съ героемъ наравнѣ.....

И благо той землѣ, гдѣ это убѣжденье
Вошло народу въ плоть и кровь!
Оно—залогъ, что, разъ начавъ движенье,
Онъ вспять не обратится вновь;
Что въ жизни этого народа
Часъ возмужалости торжественно пробилъ,
Что для него на вѣкъ упрочена свобода
Развитья полнаго всѣхъ благородныхъ силъ...

А вы, виновники такого просвѣтленья,
Вы, вѣщіе учителя—
Вы можете теперь въ пріютъ успокоенья
Съ той мыслью отходить, что русская земля
Къ творцамъ-художникамъ любовью вся согрѣта,
Что рукоплещетъ имъ разумная толпа
И къ ихъ могиламъ многи лѣта—
По вдохновенному пророчеству поэта –
„Не заростетъ народная тропа".

Петръ Вейнбергъ.

Примѣчаніе. Стихотвореніе это прочитано авторомъ на литературномъ вечерѣ, устроенномъ Комитетомъ „Общества пособія нуждающимся писателямъ и ученымъ" для образованія капитала имени И. С. Тургенева, 28-го сентября 1883 г., въ С.-Петербургѣ. Ред.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

1883

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XL. (*См. на оборотѣ*).

Примѣчаніе для переплетчика: Первый листъ для этого, XL-го, тома долженъ быть перенесенъ сюда изъ сентябрьской книги „Русской Старины“. изд. 1883 г., при концѣ которой онъ приложенъ: Записка И. С. Тургенева по крестьянскому вопросу, 1858 г.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

ТОМЪ XL.

1883.

ЗИМНІЙ ДВОРЕЦЪ и ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО въ 1753 г.

Состав. А. Шарлемань.

ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ЖУКОВСКІЙ.

† 1852 г.

приложеніе къ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» изд. 1883 г.

БЛИЖНІЙ БОЯРИНЪ

АѲАНАСІЙ ЛАВРЕНТЬЕВИЧЪ ОРДИНЪ-НАЩОКИНЪ,

одинъ изъ предшественниковъ петровской реформы.

Реформа Петра Великаго не разъ служила пробнымъ камнемъ для нашихъ историковъ и публицистовъ. На нее опирались, когда хотѣли защитить идею историческаго прогресса; ее порицали, когда старались отыскать въ прошедшемъ источникъ позднѣйшаго бюрократизма. То слишкомъ преувеличивали ея значеніе, придавая ей исключительный характеръ; то извращали ея смыслъ, объясняя самое происхожденіе вызванныхъ ею явленій капризомъ или произволомъ одного лица. Такимъ образомъ, исторія Россіи XVIII вѣка оказывалась уже естественнымъ послѣдствіемъ этого односторонняго пониманія фактовъ. Правда, отъ времени до времени появлялись разсужденія и изслѣдованія, имѣвшія въ виду выяснить отношеніе реформы къ предшествовавшему времени [1]), но онѣ мало имѣли вліянія на общее историческое

[1]) Еще въ XVIII в. исторіографъ Миллеръ писалъ: „На исторію Ѳеодора (Алексѣевича) можно смотрѣть, какъ на переходъ отъ великихъ дѣяній царя Алексѣя Михайловича къ преобразованіямъ, совершеннымъ Петромъ Великимъ... Исторія должна справедливо судить о всякомъ государѣ и съ благодарностію замѣтить, сколь многое уже было приготовлено отцомъ и братомъ Петра Великаго". Замысловскій, „Царств. Ѳед. Алекс. Спб. 1871, стр. 8.

Ср. Мысли о Россіи или нѣкоторыя замѣчанія о гражданскомъ и нравственномъ состояніи русскихъ до царств. Петра Великаго, „Вѣстн. Европы" 1807 г., т. XXXI, № 1 и 2; Объ историческомъ значеніи царств. Алексѣя Михайловича, Горскаго, Уч. Зап. Казанск. унив. 1857, № 4; О значеніи XVII вѣка въ русской исторіи, Е. Е. Замысловскаго, Журн. Мин. Нар.

пониманіе самой эпохи. Покойный историкъ Соловьевъ въ своемъ многотомномъ и часто слишкомъ объективномъ трудѣ старался разсѣять такой ретроспективный взглядъ на одну изъ коренныхъ эпохъ русской исторіи. Тѣмъ не менѣе вопросъ о значеніи петровской реформы возникаетъ каждый разъ, когда заходитъ рѣчь о степени самобытности русской культуры,—до такой степени эти вопросы кажутся тѣсно связанными между собою. Другіе (напр. Щаповъ) впадаютъ въ непримиримое противорѣчіе съ самими собою, порицая реформу Петра Великаго за упадокъ древнихъ, свободныхъ учрежденій и въ то же время преклоняясь предъ личностью преобразователя за введеніе научныхъ знаній и раціональнаго мышленія въ Россіи. Безусловные поклонники Петра Великаго [1]), въ свою очередь, много содѣйствовали преувеличенному представленію о политическомъ и общественномъ переворотѣ, совершившемся въ началѣ XVIII вѣка въ русской жизни, относя всѣ преобразованія Петра Великаго на его счетъ и часто забывая, какъ о той средѣ, въ которой ему пришлось дѣйствовать, такъ и о дѣятеляхъ, предшествовавшихъ ему на этомъ поприщѣ. Между тѣмъ, смотря на исторію преобразованій Петра Великаго съ этой точки зрѣнія, многое представляется въ иномъ свѣтѣ и значительно видоизмѣняетъ постановку вопроса о характерѣ переворота, происшедшаго въ началѣ XVIII вѣка. Желая, по возможности, содѣйствовать разъясненію послѣдняго, мы намѣрены представить рядъ очерковъ о предшественникахъ Петра Великаго въ дѣлѣ преобразованія Россіи.

I.

Иванъ Грозный во все свое царствованіе сознательно и систематически стремился соединить Россію съ Западомъ, но горькимъ опытомъ убѣдился въ трудности этого дѣла [2]). Борисъ Годуновъ слѣдовалъ той же политикѣ. Многое было подготовлено для

Просв. 1871, № 12; Причины различныхъ взглядовъ на Петра Великаго въ русской наукѣ и русск. обществѣ, К. Н. Бестужева-Рюмина, Журн. Мин. Нар. Просв. 1872, № 6.

[1]) Отъ этого не свободны и труды Устрялова, Погодина.

[2]) Какъ отзываются объ этихъ планахъ новѣйшіе англійскіе и нѣмецкіе историки, вопреки нѣкоторымъ русскимъ, см. у Бестужева-Рюмина: Ливонская война, Жур. Мин. Нар. Просв. т. CCXI, стр. 167—168. В. И.

мирнаго развитія западнаго просвѣщенія въ Россіи этими двумя государями. Вспомнимъ неудавшуюся попытку книгопечатанія и заведеніе латинскаго училища въ Москвѣ при первомъ изъ нихъ (Коллинсъ, стр. 1). Борисъ Годуновъ мечталъ о школахъ съ иностранными языками и университетѣ; онъ послалъ нѣсколькихъ молодыхъ людей учиться за границу и только смутная эпоха, наступившая въ Московскомъ государствѣ, помѣшала имъ возвратиться въ Россію [1]). Англичанинъ Горсей училъ юнаго Ѳедора Никитича, будущаго патріарха Филарета, латинскому языку, по нарочно написанной для него грамматикѣ русскими буквами [2]). Братъ окольничаго Ѳедора Головина учился у иностранцевъ нѣмецкому, латинскому и польскому языкамъ, собралъ у себя множество иностранныхъ книгъ и дѣлалъ даже переводы съ латинскаго на польскій языкъ [3]). Съ этого же времени замѣчается перемѣна въ одеждѣ и нѣкоторыхъ обычаяхъ [4]). Вызовъ иностранныхъ ученыхъ и ремесленниковъ со времени Ивана Грознаго сталъ уже сильно безпокоить политическихъ враговъ Россіи (Польшу, Швецію) и заставляетъ призадуматься даже посредни-

---

[1]) Иванъ Грозный посылалъ молодыхъ людей въ Германію учиться нѣмецкому языку и наукамъ. Такъ, одинъ изъ нихъ жилъ тамъ нѣсколько лѣтъ, объѣздивъ всю Германію. Сказанія Курбскаго, 107. Свѣдѣнія о лицахъ, посланныхъ за границу Борисомъ Годуновымъ (въ Англію, Любекъ и др.) въ Сборн. Ак. Н. т. I, стр. LXVIII (статья Пекарскаго). Грамоты о нихъ въ Сборн. Русск. историч. общ., т. XXXVIII, 1883, 424—25. Въ недавно изданномъ сборникѣ матеріаловъ, собранныхъ В. В. Макушевымъ, находится слѣдующій документъ, относящійся къ приглашенію въ Москву итальянскихъ ученыхъ и художниковъ при Борисѣ Годуновѣ: «Nostrae Caesareae Majestatis et Magnitudinis vocem benevolentiae nostrae anuntiamus tibi Jacobo Aloysio Cornelio admodum insignibus virtutibus eruditio, insimul etiam aliis quiqunque sint Doctores sive eruditi variis scientiis et experientiis, qui a te missi ad nos Magnum Dominum et Principem Boryssium Fiedoroviz totius Russiae Monarcham et in nostrum Moscoviticum imperium miseris, ut sua industria nobis gratificari vellent.... Te autem Jacobe Aloysi Corneli, ut nostrae Magnitudini complaceas, et Doctores et alios in scientiis versatos et in artibus ad nos venire permittas, et procurare rogamur...» (Амброзіанск. библ. въ Миланѣ). Monuments historiques des Slaves méridionaux et de leur voisins, v. II, Belgrade, 1882, стр. 253—55. Ср. Новыя книги по южно-славян: исторіи, Т. Д. Флоринскаго, Унив. Изв., Кіевъ, 1883, № 4; отд. библіогр., 145—146.

[2]) Гамель, Англичане въ Россіи въ XVI и XVII стол., стр. 116.

[3]) Дневникъ Маскѣвича, 55—56.

[4]) Гамель, ibid.

В. И.

ковъ въ ея торговлѣ съ Западомъ (голландцевъ, англичанъ, нѣмецкіе города). Россія становится предметомъ вниманія болѣе дальновидныхъ политиковъ. Не даромъ Маржеретъ, долго жившій въ Москвѣ, посвящая свое сочиненіе „Estat de l'empire de Russie" (Paris, 1607) французскому королю Генриху IV, написанное по его порученію, писалъ ему: „Напрасно думаютъ, что міръ христіанскій ограничивается Венгріею; я могу увѣрить, что Россія служитъ твердымъ оплотомъ для христіанства" и т. д.

Дмитрій Самозванецъ, съ своей стороны, серьезно думалъ объ образованіи союза противъ турокъ, желая тѣмъ удовлетворить общимъ стремленіямъ европейскихъ государствъ.

Смутное время нарушило мирное теченіе политической жизни Московскаго государства, создавъ въ то же время массу внутреннихъ затрудненій, изъ которыхъ не скоро оправилась страна. Но въ этихъ событіяхъ есть другая сторона, имѣющая общеисторическій интересъ. Религіозная борьба, тянувшаяся въ Западной Европѣ въ теченіе всего XVI вѣка, коснулась двухъ сосѣднихъ державъ—Швеціи и Польши, откуда стала угрожать церковному единству Московскаго государства. Въ замѣнъ потерянныхъ земель въ Германіи, папскій престолъ стремится осуществить свои завѣтныя цѣли въ предѣлахъ Восточной Европы. Папа Григорій XIII съ этою цѣлью основываетъ духовныя коллегіи, въ которыхъ воспитывались молодые люди, предназначавшіеся для распространенія католицизма. Такъ, въ 1573 г., была преобразована германская коллегія, въ 1577 г. основана коллегія для магометанъ, евреевъ и т. д., въ 1579 г. возникаютъ коллегіи—англійская и венгерская въ Римѣ, гельветическая въ Миланѣ и еще ранѣе греческая (булла 1577 г.). Послѣдняя получила весьма обширныя привилегіи и должна была приготовлять опытныхъ учениковъ для католической пропаганды, „какъ въ Греціи, такъ и въ странахъ всего Востока" [1]). Вскорѣ послѣ этого папскому нунцію въ Польшѣ поручено было отыскать 5 или 6 мальчиковъ въ Западной Россіи и столько же въ Московскомъ государствѣ отъ 12—18 лѣтъ, притомъ предпочтительно изъ благороднаго сословія и прислать ихъ въ Римъ;

---

[1]) Въ другихъ странахъ основывались для протестантовъ и православныхъ семинаріи: въ Браунсбергѣ—преимущественно для шведовъ; въ Вильнѣ для лифляндцевъ и русскихъ; во Франціи и Испаніи—для англичанъ и т. п. Ранке, Римскіе папы, I, 481—483. В. И.

но на первыхъ порахъ пришлось ограничиться лишь двумя мальчиками изъ Западной Россіи, знавшими полатыни, и однимъ мальчикомъ изъ Московской Руси, 13 лѣтъ, благороднаго происхожденія, хотя и признаннаго даровитымъ, но не умѣвшимъ ни читать, ни писать. Онъ былъ захваченъ въ плѣнъ во время ливонской войны [1]). Съ другой стороны, въ царствованіе Ивана Грознаго и Ѳедора велись весьма оживленныя сношенія о политическомъ соединеніи Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ, еще болѣе подкрѣплявшія эти виды папскаго престола. Понятно, что появленіе Самозванца въ Польшѣ какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало его надеждамъ. И религіозный вопросъ играетъ весьма важную роль, какъ въ судьбѣ послѣдняго, такъ и въ событіяхъ смутной эпохи [2]). Еще при Борисѣ Годуновѣ въ Москвѣ было до 2,500 иностранцевъ въ русскомъ войскѣ, разныхъ національностей; но съ воцареніемъ В. Шуйскаго иноземная дружина разсѣялась въ разныя стороны, такъ что, когда при Михаилѣ Ѳедоровичѣ пришлось защищать Москву отъ нашествія Владислава, то въ столицѣ оказалось всего 137 выходцевъ изъ Литвы и Германіи [3]). Послѣ смутнаго времени вызовъ иностранцевъ подвергся ограниченіямъ, причемъ особенныя предосторожности наблюдались относительно католиковъ [4]).

Были и фактическія подтвержденія этихъ опасеній. Въ началѣ XVII вѣка приливъ польскаго элемента въ Россію способствовалъ броженію въ обществѣ, которое поддерживалось политическими смутами и воцареніемъ Самозванца. Такимъ образомъ, князь Иванъ Хворостининъ, служа при дворѣ послѣдняго, сблизился съ польскими панами и попами и получалъ отъ нихъ раз-

---

[1]) Отношенія Россіи и Польши въ 1574—1578 гг. по донесеніямъ папскаго нунція В. Лаурео, на основаніи матеріаловъ Ватиканскаго архива, Ѳ. Вержбовскаго, Ж. М. Н. Пр. 1882 г., августъ, 236—242.

О видахъ и цѣляхъ папскаго престола см. въ перепискѣ папъ съ Рос. госуд. въ XVI в. Спб. 1834 г. и въ сборникѣ А. И. Тургенева, изд. Арх. Ком., подъ заглавіемъ: Historica Russiae Monumenta, т. I и II.

[2]) Въ значительной степени онъ былъ выраженіемъ общей папской политики того времени. Ранке, II, 149—169.

[3]) Устряловъ, О русскомъ войскѣ до Петра Великаго. Актъ Спб. универ. 1856 г., 58—64.

[4]) Кромѣ французовъ и другихъ папистовъ, всякихъ хорошихъ воиновъ, говорится въ новыхъ приглашеніяхъ. Арцыбашевъ, Повѣств. о Россіи, кн. VI, пр. 321. В. И.

ныя латинскія книги. Усвоивъ ихъ образъ мыслей, онъ сталъ отрицать православные обряды, святыхъ, даже вѣчную жизнь, а своимъ людямъ запрещалъ ходить въ церковь. Въ Польшѣ въ то время было много еретическихъ толковъ и свободомысліе Димитрія Самозванца легко открывало доступъ этимъ мнѣніямъ. Нѣкоторые изъ близкихъ къ нему лицъ были протестанты. Впослѣдствіи Хворостининъ хотѣлъ совсѣмъ переѣхать въ Литву, бранилъ Россію, а русскаго государя называлъ деспотомъ. За свои отступленія онъ былъ сосланъ, при Василіи Шуйскомъ, въ Волоколамскій монастырь; а при Михаилѣ Өедоровичѣ, послѣ временнаго освобожденія и вторичнаго уклоненія въ ересь, снова заточенъ въ Кирилловъ монастырь, откуда освобожденъ только въ 1632 году [1]). На сколько общеніе съ иностранцами способствовало религіозному броженію въ русскомъ обществѣ и приводило часто къ отрицательнымъ явленіямъ, можетъ свидѣтельствовать ближайшій затѣмъ указъ царя Алексѣя Михайловича (окт. 1653 г.), направленный противъ подобныхъ явленій. По этому указу были отняты помѣстья у 6 служилыхъ нѣмцевъ Арзамасскаго уѣзда, не принявшихъ православія и заставлявшихъ своихъ крестьянъ не соблюдать постовъ въ великій постъ и не исполнять другихъ церковныхъ обрядовъ [2]). Еще прежде была сдѣлана попытка совершенно отдѣлить иноземцевъ отъ русскихъ въ Москвѣ. Издавна они жили въ Нѣмецкой слободѣ, но патріархъ, замѣтивъ однажды присутствіе ихъ во время крестнаго хода, въ русскомъ платьѣ, причемъ долженъ былъ давать имъ свое благословеніе, потребовалъ, чтобы они носили особую одежду [3]). Духовенство осталось до конца вѣрнымъ своей традиціи.

Но всѣ эти требованія оказались напрасными. Они могли быть искренни, но не соотвѣтствовали настоятельнымъ потребностямъ страны. Въ этомъ отношеніи они вполнѣ сходились съ желаніями и дѣйствіями крайнихъ противниковъ Россіи. Точно

---

[1]) Соловьевъ, т. IX, 457—459. Жена полк. Лесли заставляла дворовыхъ женщинъ ѣсть мясо и скоромную пищу въ постъ, на что онѣ жаловались правительству. Послѣ этого состоялся указъ, запрещавшій иноземцамъ имѣть крѣпостныхъ людей православнаго исповѣданія. Олеарій и Уложеніе, гл. XX, ст. 70.

[2]) Полн. Собр. Зак. I, № 103.

[3]) Олеарій, 163—164.

такой же взглядъ на допущеніе иностранцевъ въ Москву, но по другимъ побужденіямъ, высказывали нѣмецкіе курфирсты при Карлѣ V, герцогъ Альба при Филиппѣ II, король польскій Сигизмундъ (въ письмахъ къ королевѣ Елисаветѣ), король шведскій Іоаннъ, ливонскіе и нѣмецкіе города въ теченіе XVI и въ началѣ XVII вѣка. Густавъ Адольфъ ясно формулировалъ это нежеланіе допустить Россію къ сближенію съ Западною Европою, съ которымъ обыкновенно соединялось политическое вліяніе и сила возрастающаго государства. „Русскіе—опасные сосѣди, говорилъ онъ по поводу заключенія Столбовскаго договора, границы ихъ земли простираются до Сѣвернаго, Каспійскаго и Чернаго морей; у нихъ могущественное дворянство, многочисленное крестьянство, многолюдные города, они могутъ выставлять въ поле большое войско; а теперь этотъ врагъ безъ нашего позволенія не можетъ ни одного судна спустить на Балтійское море. Большія озера—Ладожское и Пейпусъ, Нарвская область, тридцать миль обширныхъ болотъ и сильныя крѣпости отдѣляютъ насъ отъ него; у Россіи отнято море и, Богъ дастъ, русскимъ теперь трудно будетъ перепрыгнуть черезъ этотъ ручеекъ“ [1]). Почти одновременно съ тѣмъ ученый англичанинъ Традескантъ старшій, основатель извѣстнаго музея того же имени въ Лондонѣ, предпринимаетъ путешествіе къ сѣвернымъ берегамъ Россіи, съ цѣлью изученія ея флоры, фауны, метеорологіи и археологіи [2]). Знаменитый Мильтонъ составляетъ описаніе Московіи на основаніи многочисленныхъ извѣстій англичанъ о Россіи, а въ Германіи издается журналъ „Theatrum Europaeum“, въ которомъ появляются любопытныя современныя извѣстія и сообщенія о Россіи, имѣющія до сихъ поръ большой историческій интересъ [3]). Иностранные ученые избираютъ предметомъ своихъ диссертацій тэмы о религіи и обычаяхъ москвитянъ [4]).

Таковы были точки соприкосновенія въ вопросѣ о сближе-

---

[1]) Гейссеръ, Исторія реформаціи, 464—65. Рѣчь эта помѣщена въ исторіи Швеціи Гейера, III, 97.

[2]) Tradescant der Aeltere 1618 in Russland, v. I. Hamel, Spt. 1847.

[3]) Многія изъ нихъ основаны на донесеніяхъ пословъ. Замысловскій, Царств. Ѳедора Алексѣевича, 210—212.

[4]) Соколовъ, Отношеніе протестант. къ Россіи въ XVI и XVII вв., примѣчанія, стр. 36.

ніи Россіи съ Западомъ. Не смотря на опасенія, существовавшія съ обѣихъ сторонъ, послѣднее представлялось уже неизбѣжнымъ фактомъ.

Такимъ образомъ, когда возникли новыя затрудненія съ Польшею при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, то правительство попыталось собрать всѣ остатки иностранныхъ солдатъ, находившихся въ Россіи, и ввѣрило ихъ начальникамъ изъ славянъ, а затѣмъ поручило полковникамъ Лесли и фонъ-Даму нанять за границею еще до 7,000 охотниковъ въ полномъ вооруженіи, а изъ русскихъ боярскихъ дѣтей и вольныхъ людей образовать полки подъ начальствомъ офицеровъ, для обученія ихъ ратному строю [1]).

Время Алексѣя Михайловича, при всей преданности царя установившимся традиціямъ, представляетъ замѣтный переломъ въ сознаніи русскаго общества. Одновременно съ тѣмъ, какъ новыя идеи и явленія все болѣе захватываютъ поле для своего вліянія, все чаще появляются теперь отдѣльныя личности, вполнѣ преданныя этому движенію и готовыя проводить ихъ въ сферу политическихъ и общественныхъ отношеній. Въ ряду этихъ дѣятелей видное мѣсто занимаетъ, какъ по своему выдающемуся положенію, такъ и по широтѣ преобразовательныхъ плановъ, личность „перваго русскаго канцлера“, боярина А. Л. Ордина-Нащокина, болѣе близкое знакомство съ біографіею котораго лучше всего можетъ выяснить намъ общій характеръ этого движенія.

II.

Фамилія Нащокиныхъ принадлежитъ къ числу выѣзжихъ. Предокъ ихъ былъ родомъ изъ Италіи: онъ пріѣхалъ на службу къ тверскому князю Александру Михайловичу, принялъ православіе съ именемъ Дмитрія и получилъ прозваніе Краснаго [2]). Сынъ его Дмитрій участвовалъ въ битвѣ тверитянъ съ ханскимъ посломъ Шевкаломъ (1327 г.) и, по причинѣ раны, нанесенной ему на лицѣ, былъ прозванъ „Нащокою“, отчего потомки его стали называться Нащокиными; а правнукъ его, убитый въ сраженіи

[1]) Устряловъ, Актъ Петерб. унив. 1856 г., 61—64.

[2]) Рейтенфельсъ неправильно замѣчаетъ: „Нащокинъ, происходящій изъ древнѣйшей курляндской фамиліи фонъ-Сакенъ“. Ж. М. Н. Пр. ч. XXIII, Сказ. о сост. Россіи, 38. В. И.

при Оршѣ (8-го сентября 1514 г.), получилъ названіе Орды, отъ котораго идутъ Ордины-Нащокины [1]).

Еще до половины XIV вѣка фамилія Нащокиныхъ утверждается въ Москвѣ, но потомъ она совсѣмъ захудала [2]). Нѣкоторые изъ нихъ служили воеводами въ разныхъ городахъ [3]). Съ именемъ одного изъ нихъ, двинскаго воеводы П. А. Нащокина, связано возникновеніе города Архангельска, планъ котораго былъ имъ предложенъ царю Ивану Грозному [4]). Двое другихъ были послами въ Константинополѣ и Грузіи (1592—1593 и 1601 гг. [5]). Ордины-Нащокины также долго не занимали видныхъ мѣстъ въ служебной іерархіи. Одинъ изъ нихъ упоминается въ званіи намѣстника Бѣлгорода [6]), другой воеводою [7]). Вообще, до самого Аѳанасія Лаврентьевича мы не встрѣчаемъ этой фамиліи въ спискахъ думныхъ чиновъ [8]). Такимъ образомъ первый русскій канцлеръ былъ въ правѣ жаловаться потомъ на зависть къ нему великихъ и сильныхъ людей, привыкшихъ властвовать при дворѣ посредствомъ родства и другихъ постороннихъ вліяній, а не по заслугамъ и личному достоинству.

Отецъ Ордина-Нащокина былъ небогатый псковскій помѣщикъ. Близость Пскова къ границѣ давно служила однимъ изъ средствъ сближенія съ Западомъ. Такъ, еще въ XV и XVI столѣтіяхъ отсюда проникаютъ въ Россію различныя еретическія мнѣнія [9]), а изъ дѣла Башкина видно, что троицкій игуменъ Артемій, живя во Псковѣ, нарочно ѣздилъ въ Нейгаузенъ, чтобы имѣть бесѣду объ ученіи Лютера [10]). Время Ивана Грознаго, Бориса

---

[1]) Русск. родословн. книга, изд. ред. „Русск. Стар.", Спб. 1873, I, 251. Думаютъ, что онъ былъ названъ такъ за свои подвиги въ битвахъ съ татарами. Терещенко, Опытъ опис. жизни сановниковъ, управлявшихъ иностран. дѣл. въ Россіи, Спб. 1837, I, 31.

[2]) Ключевскій, Бояр. Дума, 235—236.

[3]) Русск. родосл. книга, 251—254.

[4]) Гамель, Англичане въ Россіи, 118.

[5]) Русск. родосл. кн., 252.

[6]) Ib., 263.

[7]) Соловьевъ, VIII, 324; IX, 37; I, 31.

[8]) Архивъ ист. юридич. свѣд. Калачова, т. II, кн. 2, стр. 129—139. Вивліоѳика, т. XX, 1—131.

[9]) Акты историч., I, 286; Соловьевъ, VII, 236.

[10]) Акты экспед. I, № 239. Въ 1665 г. псковитяне писали царю Алексѣю Михайловичу, что „псковское государство, будучи между католицы и лю-

Годунова, наконецъ смутная эпоха много способствовали сближенію русскихъ со шведами и поляками. Много иностранцевъ разсѣялось тогда по разнымъ концамъ Россіи. Теперь все чаще встрѣчаются люди, свѣдущіе въ латинскомъ и польскомъ языкахъ [1]). Въ 1637 г., по приказанію Михаила Ѳедоровича, была переведена съ латинскаго языка на русскій полная космографія Иваномъ Дорномъ и Богданомъ Лыковымъ, а въ Москвѣ появляется греко-латинское училище (въ Чудовѣ монастырѣ). Извѣстному Олеарію царь Михаилъ предлагалъ переселиться въ Россію, какъ знатоку астрономіи, географіи и математики [2]). Самъ Олеарій разсказываетъ, что во время путешествія голштинскаго посольства въ Персію, сопровождавшій его русскій посланникъ Романчиковъ [3]) до того пристрастился къ занятіямъ математикой, что безпрестанно бесѣдовалъ о ней съ послами, занимался въ каждомъ городѣ примѣненіемъ астролябіи и дѣлалъ математическія вычисленія. Кромѣ того, онъ хорошо зналъ латинскій языкъ. Но, узнавъ о неудовольствіи на него государя, за дѣйствія его въ Персіи, Романчиковъ отравился. Послѣ этихъ фактовъ не покажется страннымъ извѣстіе, что отецъ Ордина-Нащокина обучалъ послѣдняго латинскому и нѣмецкому языкамъ и математикѣ, а это обстоятельство со временемъ должно было обратить на него вниманіе правительства. Такъ, уже въ 1642 г. царь Михаилъ отправляетъ Ордина-Нащокина на шведскую границу для осмотра и исправленія пограничной линіи по рр. Меузицѣ и Пижвѣ и для принятія, на основаніи Столбовскаго договора, пограничныхъ земель, неправильно захваченныхъ шведами. Съ этихъ поръ онъ не разъ несетъ различныя посольскія обязанности и порученія. О немъ говорили въ Москвѣ, что онъ знаетъ нѣмецкое дѣло и

торы, отъ всѣхъ прелестей, благодатію Божіею, заступленіемъ пречистыя Богородицы и молитвою псковскихъ чудотворцевъ, неподвижно стоитъ". Дополн. къ Акт. историч. V, 9.

[1]) Въ концѣ царствованія Ивана Грозн. изъ членовъ Думы лишь одинъ думный дворянинъ Зюзинъ (родившійся въ Литвѣ) зналъ нѣсколько по латыни, а думный дьякъ А. Щелкаловъ по польски. Поссевинъ и Сборн. общ истор. и древн. V, 4—6.

[2]) Соловьевъ, XI, 457.

[3]) Въ русскихъ дѣлахъ, при Мих. Ѳедоровичѣ, упоминается дьякъ Савва Романчуковъ. Соловьевъ, IX, 119; Сборникъ кн. Хилкова, 389, 442—443. Сопровождавшій голштинское посольство, Алексѣй Савичъ Романчуковъ, вѣроятно былъ его сынъ. Въ это время ему было 30 лѣтъ. В. И.

нѣмецкіе нравы [1]). И друзья, и враги Ордина-Нащокина отдавали дань уваженія его государственному уму [2]).

Въ самомъ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича Ординъ-Нащокинъ обратилъ на себя вниманіе молодого царя распорядительностью во время псковскаго бунта (въ февралѣ 1650 г.). Онъ жилъ тогда въ Псковѣ и едва не сдѣлался на первыхъ порахъ жертвою бунта, направленнаго противъ нѣмцевъ, вмѣстѣ съ гостемъ Ѳедоромъ Емельяновымъ, другомъ послѣднихъ [3]). Емельяновъ охотно принималъ у себя нѣмцевъ, а по словамъ его враговъ, открыто хвалилъ нѣмецкую вѣру [4]). Упоминаніе имени Нащокина рядомъ съ другомъ нѣмцевъ, показываетъ куда клонились и его собственныя симпатіи. Предупрежденные во-время, Емельяновъ и Нащокинъ скрылись изъ Пскова, а послѣдній прямо отправился въ Москву и доставилъ туда подробныя свѣдѣнія о бунтѣ. Между тѣмъ мятежъ изъ Пскова распространился въ Новгородъ и грозилъ принять значительные размѣры. Тогда противъ нихъ былъ посланъ изъ Москвы отрядъ подъ начальствомъ князя И. Н. Хованскаго, совѣтникомъ котораго въ походѣ подъ Псковъ является тотъ же Нащокинъ. Ему поручено было уговорить крестьянъ возвратиться изъ лѣсовъ въ свои жилища и приняться за прежнія занятія. Хованскій въ лестныхъ выраженіяхъ отзывается объ успѣхѣ Нащокина въ этомъ дѣлѣ [5]). Безъ сомнѣнія во время этихъ сношеній съ Москвою Нащокинъ сталъ лично извѣстнымъ царю Алексѣю. Въ 1656 г. онъ является уже воеводою въ г. Друѣ, недавно отнятомъ у поляковъ и весьма важномъ по своей близости къ Курляндіи [6]). Война съ Швеціею, начавшаяся въ томъ же году, открыла Нащокину новый путь къ возвышенію. Самъ царь участвовалъ въ этомъ походѣ и имѣлъ возможность ближе познакомиться съ Нащокинымъ [7]).

Еще со времени Ивана Грознаго московское правительство имѣло постоянно въ виду пріобрѣтеніе прибалтійскаго края. Но

---

[1]) Соловьевъ, XI, 90 (Отзывъ Алексѣя Михайловича).

[2]) Ib., 90 (отзывъ кн. Ив. Андр. Хованскаго) и XII, 24 (отзывъ кіевскаго воеводы Шереметева).

[3]) Соловьевъ, X, 170—171.

[4]) Ib., 189—193.

[5]) Ib., 422—23.

[6]) Труды и лѣт. общ. ист. и древн. Рос. VI, 173.

[7]) Соловьевъ, X, 422—23.

стремленіе это было значительно отдалено Столбовскимъ миромъ, который Густавъ-Адольфъ называлъ однимъ изъ величайшихъ благодѣяній для Швеціи. Принятіе новаго титула царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ („и земель восточныхъ, западныхъ и сѣверныхъ отчичъ и дѣдичъ") сильно встревожило шведское правительство: оно увидѣло въ этомъ прямыя притязанія на земли, принадлежавшія Швеціи, а успѣхи русскихъ войскъ въ Польшѣ еще болѣе подкрѣпляли опасенія Карла X, что царь воспользуется своими побѣдами, чтобы овладѣть Курляндіею и такимъ образомъ примкнуть къ давно желанному морю [1]). Вотъ почему въ самомъ началѣ польской войны, онъ поручилъ графу Делагарди поспѣшить занятіемъ сѣверо-западнаго угла Литвы, пограничнаго съ Курляндіей. Между тѣмъ австрійскіе послы, Аллегрети и фонъ-Лорбахъ, прибывшіе въ Москву для посредничества между Россіею и Польшею, поддерживали планы московскаго правительства. Данія и Голландія въ свою очередь думали извлечь изъ утвержденія русскаго господства на Балтійскомъ морѣ важныя торговыя выгоды и надѣялись освободиться отъ стѣснительныхъ мѣръ шведскаго правительства [2]). По словамъ иностранныхъ писателей, Аллегрети, знавшему славянскій языкъ, удалось склонить къ этому предпріятію и патр. Никона [3]). Вслѣдствіе этого шведское посольство дурно было принято въ Москвѣ, а нарушеніе Швеціей нейтралитета и царскаго титула послужили достаточнымъ основаніемъ для разрыва [4]). Западныя державы постоянно хлопотали о томъ, чтобы втянуть Россію въ свои политическіе виды и отношенія [5]). Съ своей стороны юный царь, вѣрный политической традиціи предковъ, вмѣстѣ съ датскимъ королемъ думалъ помѣшать Карлу X завладѣть вполнѣ Варяжскимъ (Балтійскимъ) моремъ, желая самъ пробиться къ нему и овладѣть торговлею на немъ, а болѣе пылкіе умы мечтали проникнуть даже въ Стокгольмъ [6]). Сознательнымъ представителемъ этой политики является теперь Ординъ-Нащокинъ.

---

[1]) Пуфендорфъ, De rer. Car. Gust. Lib. III, § 43; Медовиковъ, Историч. знач. царств. Алексѣя Мих. М. 1854, 121—122.

[2]) Пуфендорфъ, Rer. Brandenb. Lib. V, § 24.

[3]) Пуфенд. VI, § 43.

[4]) Опис. корол. шведск. Древн. рос. Вивліоѳ. XVI, 188—190.

[5]) Медовиковъ, 128—129.

[6]) Соловьевъ, X, 407—410.

Такимъ образомъ, вскорѣ уже по открытіи военныхъ дѣйствій противъ шведовъ въ Ливоніи, русскими войсками были заняты: Динабургъ, который царь велѣлъ переименовать въ Борисоглѣбскъ (построивъ здѣсь церковь того же имени); Кокенгаузенъ (древній русскій Кукейносъ), переименованный въ Царевичевъ-Дмитріевъ городъ; Дерптъ (древній Юрьевъ); но этимъ и ограничились завоеванія въ Ливоніи. Подъ Ригою, въ осадѣ которой принималъ участіе и самъ царь Алексѣй русскія потерпѣли даже пораженіе и принуждены были отступить къ Полоцку. Неудачная осада Риги и новыя опасности со стороны Польши заставили подумать о мирѣ съ Швеціей. Миссія эта возложена была на того же Ордина-Нащокина, перемѣщеннаго уже воеводою въ Дмитріевъ, съ подчиненіемъ ему и г. Друи [1]), а по отъѣздѣ царя изъ Ливоніи, онъ становится главнымъ распорядителемъ въ этомъ краѣ.

Прежде всего ему пришлось вступить въ сношенія съ курляндскимъ герцогомъ Іаковымъ, который вызвался быть посредникомъ между Москвою и Швеціею; но Ординъ-Нащокинъ потребовалъ, чтобы рижане приняли русское подданство. Вскорѣ, однако, онъ увидѣлъ уже, что вмѣшательство со стороны герцога имѣло цѣлью только выиграть время. Для того, чтобы поддержать предъявленное требованіе, Нащокину необходимо было опираться на дѣйствительную, военную силу, которой не было въ его распоряженіи. Вотъ въ какомъ видѣ представилъ онъ свое положеніе въ этомъ краѣ, въ письмѣ къ царю отъ половины 1657 года: „Твой государевъ указъ съ осени посланъ въ Полоцкъ, Витебскъ и Псковъ, чтобы высылали оттуда въ Царевичевъ городъ ратныхъ людей и хлѣбные запасы, и до сихъ поръ не исполненъ... а другихъ твоихъ городовъ Рижане не боятся, потому что далеко отъ нихъ. Но помощи мнѣ не даютъ по моей причинѣ, твое государево дѣло возненавидѣли для меня. Четвертое лѣто безъ перемѣны я покинутъ въ самыхъ дверяхъ непріятельскихъ и этимъ путемъ литовскіе и нѣмецкіе люди на твои города не приходили... Тебѣ, помазаннику Божію, Господь Богъ обо мнѣ явно учинилъ: „аще бы отъ міра былъ, міръ убо своя любилъ-бы". Изъ чужихъ непріятельскихъ земель послушаніе и помощь твоему дѣлу чинятъ, а изъ твоихъ городовъ ни малой части твоего указа

---

[1]) Соловьевъ, X, 424.

не исполняютъ". Онъ жалуется на полоцкихъ воеводъ, которые, безъ сношенія съ нимъ, назначаютъ налоги въ Друйскомъ уѣздѣ и насильно собираютъ ихъ при помощи казаковъ. Въ Резицкомъ и Лужскомъ уѣздахъ послѣдніе производили страшныя опустошенія, между тѣмъ какъ шведы совершенно иначе поступали въ Ливоніи. Ординъ-Нащокинъ кое-какъ успѣлъ удержать окрестныхъ крестьянъ отъ побѣговъ. «У служилыхъ людей, замѣчаетъ онъ, тотъ обычай, чтобы тѣхъ, кто не сопротивляется, плѣнить безъ остатка, за что бываетъ имъ смертная казнь, а нрава своего не оставляютъ. Такъ, служилые люди изъ Пскова сдѣлали нападеніе на юрьевскихъ присяжныхъ крестьянъ, побили ихъ, а деревни пожгли, и, видя это, многіе бѣгутъ изъ подданства, а нѣмцы и рады тому, принимаютъ ихъ у себя и пополняютъ ими полки: лучшая пѣхота у шведовъ изъ лифляндцевъ". Признавая главнымъ противникомъ мира съ Россіей шведскаго полководца Магнуса Делагарди, Нащокинъ совѣтовалъ скорѣе нанести пораженіе рижанамъ, пока шведы не успѣли еще оправиться отъ смерти Делагарди, ставшаго жертвою моровой язвы, свирѣпствовавшей тогда въ шведскомъ войскѣ [1]). Планы Ордина-Нащокина могли бы увѣнчаться успѣхомъ, если бы осуществился сѣверный союзъ державъ противъ Швеціи. Думая найти такого союзника въ Даніи, еще въ августѣ 1656 г. царь Алексѣй отправилъ къ Фридриху III своего посланника, кн. Мышецкаго, съ грамотою, подписанною имъ собственноручно [2]); но и этому дѣлу помѣшала неполнота инструкцій, данныхъ русскому посланнику. Король датскій настаивалъ на наймѣ 20 военныхъ голландскихъ кораблей, обѣщалъ съ своей стороны послать сухопутное войско и флотъ, но потребовалъ заключить съ нимъ формальный договоръ, отъ котораго уклонился русскій посланникъ, сославшись на отсутствіе у него царскаго указа. И въ то время, какъ Фридрихъ III дѣйствительно началъ наступательныя дѣйствія противъ Швеціи, въ союзѣ съ Польшею, въ Москвѣ совсѣмъ охладѣли къ шведской войнѣ и сосредоточили все свое вниманіе на Малороссіи. Ордину-Нащокину удалось, однако, убѣдить герцога Іакова признать покровительство Россіи, договоръ съ которымъ о томъ въ 10 статьяхъ

---

[1]) Соловьевъ, X, 423—25.

[2]) Ib., 426.

онъ доставилъ въ Москву, 30 января 1658 г. За эту услугу Ординъ-Нащокинъ былъ пожалованъ въ думные дворяне и намѣстники шацкіе [1]). Но въ этомъ случаѣ не послѣднюю роль играли и личныя качества Нащокина, какъ администратора въ недавно завоеванномъ краѣ. Въ грамотѣ къ нему по этому поводу царь писалъ: „пожаловали мы, великій государь, тебя Аѳанасья, за твои къ намъ многія службы и радѣніе, что ты, помня Бога и его святыя заповѣди, алчныхъ кормишь, жадныхъ поишь, нагихъ одѣваешь, странныхъ въ кровы вводишь, больныхъ посѣщаешь, въ темницы приходишь, еще и ноги умываешь и наше великаго государя крестное цѣлованіе исполняешь, о нашихъ дѣлахъ радѣешь мужественно и храбро, и до ратныхъ людей ласковъ, а ворамъ не спускаешь и противъ свѣйскаго короля славныхъ городовъ стоишь съ нашими людьми смѣлымъ сердцемъ“ (1658 г., апр. 28).

Нельзя не видѣть въ этомъ актѣ оцѣнки тѣхъ личныхъ качествъ Нащокина, которыми онъ успѣлъ заявить себя въ послѣднее время, столь привлекательныхъ въ глазахъ „тишайшаго царя“, отдававшаго должное признаніе не однѣмъ административнымъ способностямъ, но и нравственнымъ достоинствамъ окружающихъ его лицъ, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ; на другомъ любимцѣ Алексѣя Михайловича.

Во всякомъ случаѣ дѣятельность Нащокина настолько выдавалась въ ряду тогдашнихъ администраторовъ, что царь Алексѣй въ правѣ былъ сказать ему: „А служба твоя забвенна николи не будетъ“ [2]). И онъ дѣйствительно не забылъ его, не далъ ему затереться въ рядахъ мелкаго чиновничества, хотя это причинило ему много личныхъ непріятностей.

Пока, однако, Ординъ-Нащокинъ, по прежнему, переживалъ трудные моменты въ жизни. Отзывчивый къ лучшимъ ея требованіямъ, чувствительный по натурѣ, онъ открыто негодовалъ на окружавшую его обстановку, настаивалъ на необходимости важнѣйшихъ перемѣнъ, но чувствовалъ, что не въ силахъ пока справиться съ препятствіями на этомъ пути.

---

[1]) Gadebusch, Livländische Jahrbücher, Riga, 1780, p. 558; Труды общ. исторіи и древн. VI, 178.

[2]) Труды и лѣт. общ. ист. и древн. Рос. VI, 178—179. Акты историч. IV, № 118.

Вновь возгорѣвшаяся война съ Польшею, много ожидавшею отъ измѣны Выговскаго, увеличивала бѣдствія края, занятаго русскими войсками. Съ одной стороны литовцы, а съ другой рейтары и донскіе казаки страшно опустошали окрестности Друи. „Лучше бы я на себѣ раны видѣлъ, только бы невинные люди такой крови не терпѣли, писалъ царю Ординъ-Нащокинъ въ началѣ 1659 года. Лучше согласился я быть въ заключеніи необратномъ, только бы не жить здѣсь и не видать надъ людьми такихъ злыхъ дѣйствій". Между тѣмъ, какъ приказанія его о выступленіи войска противъ литовцевъ оставались безъ исполненія, рейтары и казаки жили въ довольствѣ, отяжелѣвъ награбленными пожитками, которые они нахватали у людей, преданныхъ Россіи. Ординъ-Нащокинъ ссылался на примѣръ другихъ государствъ, въ которыхъ даже въ мирное время, а особенно въ военное, гетманы и генералиссимусы находятся при войскѣ на границахъ и отдаютъ ему приказанія, а не ждутъ отъ кого-нибудь указовъ, какъ было обыкновенно въ московскихъ войскахъ: „отъ этого дѣло скорѣе дѣлается; гдѣ глаза видятъ и ухо слышитъ, тутъ бы и промыслъ слѣдовало держать неотложно, писалъ онъ. Надобно знающимъ полководцамъ быть на границѣ, рати содержать въ порядкѣ и сдерживать ихъ отъ напраснаго кровопролитія, чтобы и миру было мѣсто, а не одно разрушенье, не все войну вести". При этомъ онъ требовалъ полной реорганизаціи московскаго войска и замѣны старинной дворянской конницы новыми конными и пѣшими полками [1]).

Вполнѣ это требованіе могло быть удовлетворено только въ царствованіе Петра В. Въ настоящее время русское войско представляло пеструю смѣсь стараго и новаго строя: въ немъ были полки: гусарскіе, рейтарскіе, драгунскіе, солдатскіе, московскіе полки, устроенные разнымъ обычаемъ; одни изъ нихъ дѣйствовали огненнымъ, другіе лучнымъ боемъ, а иные лучнымъ и огненнымъ боемъ, кто какъ умѣетъ [2]).

Сознавая настоятельную необходимость въ прочной защитѣ своего государства отъ двухъ опасныхъ соперниковъ: Польши и Швеціи, царь Михаилъ Ѳедоровичъ долженъ былъ послѣдовать

---

[1]) По архивн. дѣламъ у Соловьева, XI, 59—60.

[2]) Замѣчанія русск. послан. во Флор., стольника Чемоданова въ его статейн. спискѣ 1657 г. Древн. Рос. Вовліоѳ. IV, 192. В. И.

Борису Годунову и снова пригласить въ ряды русскаго войска наемныхъ иностранцевъ, охотно предлагавшихъ тогда свои услуги во всей Европѣ. Такимъ образомъ были сразу доставлены въ Россію 5 полковъ, которые, однако, не принесли ожидаемой пользы въ войнѣ съ Польшею и послѣ неудачнаго опыта подъ Смоленскомъ правительство не вызывало больше иноземныхъ солдатъ въ такомъ значительномъ числѣ; но за то съ особеннымъ стараніемъ, при помощи своихъ пословъ и торговыхъ агентовъ, оно приглашало изъ-за границы въ русскую службу способныхъ начальниковъ и офицеровъ, а также капраловъ, для обученія русскихъ войскъ иноземному строю. Въ войскахъ Шеина, подъ Смоленскомъ, было уже шесть солдатскихъ полковъ, одинъ полкъ рейтарскій и одинъ драгунскій, составленные преимущественно изъ русскихъ ратныхъ людей, подъ начальствомъ нѣмецкихъ офицеровъ [1]). Алексѣй Михайловичъ слѣдовалъ той же системѣ, въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, чему въ особенности благопріятствовало то обстоятельство, что въ Западной Европѣ, послѣ тридцатилѣтней войны, скитались безъ дѣла и денегъ тысячи отважныхъ людей, которые искали притона и готовы были идти на край свѣта, для удовлетворенія своей жажды къ войнѣ. Внутреннія политическія обстоятельства западныхъ государствъ (Германіи, Франціи, Англіи) заставляли многихъ лицъ знатнаго происхожденія покинуть свое отечество и искать счастья въ другихъ мѣстахъ (Гордонъ, Брюсъ и др.). Московскій государь охотно предлагалъ имъ щедрое жалованье, помѣстья, свободу исповѣданія, и вотъ цѣлыя толпы нѣмецкихъ офицеровъ, моремъ и сушею, стремятся въ Москву, а въ особенности много появилось ихъ во время войны за Малороссію. Такъ, въ одинъ годъ (1661 г.) выѣхали въ Россію изъ Польши полковникъ Кравфурдъ съ 30 офицерами, въ числѣ которыхъ были маіоръ Патрикъ Гордонъ и капитанъ Павелъ Менезіусъ [2]); изъ Германіи полковникъ Шейнъ, подполковникъ Крейцъ, маіоръ Вестендорфъ, съ 39 капралами и рейтарами; изъ Шотландіи капитанъ Смитъ; изъ Любека ротмистръ Шулцъ съ 17 рейтарами; изъ Даніи полковникъ фонъ Эгератъ и подполковникъ Стробель съ 136 офицерами и рейтарами; изъ

---

[1]) Акты арх. экспед. III, 295, 330, 377.

[2]) Дневникъ Гордона, ч. II.

Англіи подполковникъ Дикенсенъ съ товарищами; изъ Аугсбурга полковникъ фонъ Подбергъ, полковники Гольмъ, Вильдъ, Ясманъ съ 12 ротмистрами, 9 капитанами, 18 поручиками, 15 прапорщиками, лекарями, гранатчиками, съ сотнею капраловъ и рейтаръ. Нашлись охотники въ царскую службу даже изъ высшихъ чиновъ: такъ, въ 1659 г. лордъ Шарль Эргардтъ, губернаторъ оксфордскій и начальникъ всей англійской кавалеріи, предлагалъ себя въ главнокомандующіе русской арміи, требуя званія генералиссимуса и неограниченной власти въ судѣ, расправѣ и производствѣ чиновъ. Царь Алексѣй соглашался принять его и предоставлялъ ему эти права, за исключеніемъ наказаній по государственнымъ и уголовнымъ преступленіямъ, и право производства въ чины до подполковника; но договоръ почему-то не состоялся. Письмо Эргардта изъ Брюсселя въ 20 статьяхъ съ царскими резолюціями хранится въ московскомъ главномъ архивѣ мин. иностр. дѣлъ [1]).

Многіе изъ офицеровъ пріѣзжали съ женами и дѣтьми, другіе женились въ Россіи на дочеряхъ и вдовахъ своихъ единоземцевъ, а нѣкоторые приняли даже православную вѣру, какъ полковникъ Лесли и генералъ фонъ-Букговенъ, тесть Гордона [2]). Полковники солдатскихъ (пѣхотныхъ) и рейтарскихъ полковъ были почти исключительно иноземцы, при каждомъ изъ нихъ находилось 33 человѣка офицеровъ, также большею частью иностранцевъ [3]). Еще въ царствованіе Василія Шуйскаго появилась Воинская книга, переведенная по его повелѣнію придворными нѣмецкими переводчиками Михаиломъ Юрьевымъ и Иваномъ Ѳоминымъ (рукоп. in fol. на 76 листахъ въ Импер. публичн. библіотекѣ), заключающая подробное изложеніе о приготовленіи пороха и правила, какъ стрѣлять изъ пушекъ и пищалей. При Василіѣ Шуйскомъ и Михаилѣ Ѳедоровичѣ былъ составленъ Уставъ ратныхъ пушечныхъ и другихъ дѣлъ, касающихся до воин-

---

[1]) Русск. войско до Петра В. Устрялова, въ годичн. торж. актѣ Петерб. универ. 1856 г., стр. 59—62.

[2]) Ibid. 63.

[3]) Ibid. 68. Уже около 1662 г. насчитывали въ Россіи, кромѣ нѣсколькихъ генераловъ, болѣе 100 иностранныхъ полковниковъ и большое число подполковниковъ, маіоровъ, капитановъ и поручиковъ. Мейербергъ, изд. Аделунга, 314. В. И.

ской науки, состоящій изъ 663 статей, выбранныхъ Онис. Михайловымъ изъ иностранныхъ книгъ (на 548 лист., полууставомъ, въ Импер. публичн. библ.), изданный Рубаномъ въ 1777 и 1781 гг. [1]). При Михаилѣ Ѳедоровичѣ былъ составленъ уставъ для обученія войскъ иноземному строю, изданный по приказанію царя Алексѣя въ 1647 г., подъ заглавіемъ: „Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей". Онъ представляетъ собственно переводъ устава Карла V (тактики Леонарда Фронеберга), съ незначительными перемѣнами, и сопровождается чертежами, которые продавались и отдѣльно отъ книги, чтобы каждый солдатъ могъ купить ихъ за деньги и носить при себѣ [2]). Отъ царствованія Алексѣя Михайловича до насъ дошло множество распоряженій, касающихся военныхъ смотровъ, дисциплины, обученія новому строю и т. п. [3]). Вообще, замѣчаетъ одинъ военный историкъ, число регулярныхъ полковъ еще болѣе увеличилось. Стараніе этого государя развить наши военныя силы начинало увѣнчиваться успѣхомъ; постоянныя его заботы о томъ, чтобы иностранцы обучали наше войско, довели его наконецъ до того, что оно умѣло порядочно владѣть мушкетомъ; явились даже весьма хорошіе артиллеристы и литейщики изъ русскихъ, такъ что иностранцы стали отзываться о нихъ съ нѣкоторою похвалою [4]). Ординъ-Нащокинъ, какъ мы видѣли, стоялъ въ уровень съ этими требованіями и настаивалъ на самомъ широкомъ примѣненіи ихъ, являясь предшественникомъ Петра В. въ военномъ дѣлѣ.

Не менѣе былъ недоволенъ Нащокинъ русскою дипломатіею. И здѣсь его приводила въ негодованіе та же медленность, зависимость людей, призванныхъ къ этой роли. Когда въ Москвѣ думали поссорить Выговскаго съ ханомъ и тѣмъ ослабить ихъ союзъ противъ Россіи, Ординъ-Нащокинъ откровенно заявлялъ царю,

---

[1]) Обручевъ. Обз. рукоп. и печатн. матеріал., относ. до ист. воен искус. въ Россіи по 1725 г. Спб. 1853, стр. 19—29.

[2]) Обручевъ, 29—45.

[3]) Ibid. 21—67: обозрѣніе ихъ. Алексѣй Михайловичъ любилъ самъ присутствовать на ученіяхъ рейтаръ и солдатъ, бывавшихъ на Дѣвичьемъ полѣ въ Москвѣ, Арцыбашевъ, ч. VI, пр. CXII. Впрочемъ военный уставъ, напеч. въ 1647 г., не вполнѣ соотвѣтствовалъ современному состоянію военнаго искусства, такъ какъ въ него не вошли позднѣйшія преобразованія, произведенныя въ военномъ дѣлѣ Густавомъ Адольфомъ.

[4]) Обручевъ, 17—18.

что такихъ людей, которые умѣли бы выполнить это порученіе, нѣтъ, потому что они не учились чему слѣдуетъ, да и тѣ дѣла, которыя по наказамъ дѣлаются, не скоро приходятъ къ концу. При этомъ онъ замѣчаетъ, что отвлечь крымскаго хана отъ Выговскаго можно ничѣмъ инымъ, какъ пославъ на Донъ способныхъ людей, для возбужденія тамъ движенія, а не такъ какъ выполнилъ свою миссію думный дворянинъ Кондыревъ, у котораго было множество людей, но ничего они не дѣлали, а всѣ померли съ голоду [1]). Иначе поступалъ самъ Ординъ-Нащокинъ въ краѣ, ввѣренномъ его управленію и недавно еще отнятомъ у поляковъ и шведовъ. „Крестьяне, писалъ онъ царю, съ ноября 1656 по декабрь 1657 г. собрались въ девятнадцати уѣздахъ, селятся въ самыхъ раззоренныхъ мѣстахъ, около большой дороги, и если ихъ впредь также беречь, то на шведовъ отъ нихъ помощь будетъ большая; если лифляндскіе мужики, видя милость, обдержатся, то и къ солдатскому ученью будутъ охотны" [2]). Но вотъ чѣмъ сопровождалась такая дѣятельность умнаго администратора, совершенно предоставленнаго самому себѣ, въ самомъ опасномъ пунктѣ государства. „Не боясь сильныхъ, которые меня ненавидятъ, заключаетъ онъ свое письмо, издалеча, какъ мытарь сокрушеннымъ сердцемъ, какъ евангельская жена грѣшница, твои великаго государя праведныя ноги слезами обливаю: во всѣхъ дѣлахъ службишки мои только объявлялись, а къ совершенію не допускались злыми ненавистниками [3]).

Вотъ при какихъ условіяхъ приходилось работать на общую пользу одному изъ замѣчательныхъ русскихъ дѣятелей XVII вѣка. Поэтому-то онъ неохотно встрѣтилъ и свое новое назначеніе—отправиться для переговоровъ съ шведскими уполномоченными о мирѣ, боясь, что въ его отсутствіе крестьяне, оставленные на произволъ судьбы, снова сдѣлаются жертвою притѣсненій ратныхъ людей.

---

[1]) Соловьевъ, XI, 67.

[2]) О дѣйствіяхъ русскихъ войскъ въ Ливоніи одинаково свидѣтельствуютъ и русскія, и иностранныя извѣстія: «людей побивали, и хлѣбъ и лошади и животину всякую емлютъ, и насильство всякое дѣлаютъ». Дополн. къ акт. историч. IV, № 28. Пуфендорфъ говоритъ: «Et jusserant Mosci omnes Finnos, aut qui ex aliis nationibus eas provincias incolunt, trucidari, baptismi ritum Rusco more suscipere et Czari juratam fidem adstringere abnuentes». Lib. III, § 48.

[3]) Соловьевъ, XI, 82. В. И.

III.

И Швеція, и Московское государство нуждались въ мирѣ, въ виду опасности, грозившей имъ обоимъ. Карлъ X поставленъ былъ въ весьма затруднительное положеніе союзомъ Польши съ Даніей и потому искалъ мира съ Россіей, при помощи курфюрста бранденбургскаго и герцога курляндскаго; московскій царь склоненъ былъ къ миру, вслѣдствіе угрожающаго положенія Польши, ожидавшей значительныхъ для себя результатовъ отъ измѣны Выговскаго. При такихъ обстоятельствахъ, въ концѣ апрѣля 1658 г., состоялось назначеніе уполномоченныхъ на съѣздъ, на р. Нарову: боярина кн. П. С. Прозоровскаго, думнаго дворянина А. Л. Ордина-Нащокина, стольника Прончищева и дьяковъ Дохтурова и Юрьева [1]). Но первенство Прозоровскаго было соблюдено только для виду, изъ нежеланія оскорбить великородныхъ, а въ то же время царь Алексѣй, подобно Людовику XV любившій прибѣгать въ важныхъ случаяхъ къ личнымъ сношеніямъ, писалъ тайно Ордину-Нащокину [2]), чтобы онъ одинъ велъ важнѣйшіе переговоры, и, въ случаѣ надобности, подкупилъ-бы шведскихъ пословъ: онъ желалъ во что бы ни стало удержать за Россіею морскія пристани: Ніеншанцъ и возлѣ Ругодива (Нарва), а отъ нихъ свободный проѣздъ до г. Орѣшка, на р. Невѣ, и г. Кукейносъ, на р. Двинѣ, и другія мѣста [3]), которыя будутъ нужны, за что позволялъ Ордину-Нащокину предложить шведскимъ уполномоченнымъ до 20,000 руб. соболями и ефимками. По этимъ дѣламъ царь Алексѣй уполномочивалъ Нащокина писать прямо къ нему въ приказъ тайныхъ дѣлъ. Но

---

[1]) Со стороны Швеціи представителями были: государственный совѣтникъ, знаменитый патріотъ Густавъ Бельке и эстляндскій губернаторъ Бенгтъ-Горнъ.

[2]) Въ частной перепискѣ съ царемъ Ординъ-Нащокинъ употреблялъ особую азбуку—тайнопись. Ключь къ ней у Попова, Русск. посольство въ Польшѣ въ 1673—77 гг. Спб. 1854, 273—76.

О первенствующей роли его на съѣздѣ говорятъ Пуфендорфъ и Кельхъ (Lifländische Historia). Вообще иностранные историки отдаютъ полную справедливость его дипломатическимъ способностямъ (Пуфендорфъ De Reb. Caroli Gustavi, кн. V, послѣдній §; Loccen. Hist. Suecan. кн. IX) и считаютъ его опаснымъ противникомъ Швеціи, достойнымъ довѣрія царя (Гадебушъ).

[3]) Это были тѣ мѣста, которыя достались потомъ Петру Вел. и гдѣ возникла новая столица Россіи. В. И.

какъ ни настаивалъ послѣдній, чтобы съѣздъ былъ въ Лифляндіи, опасаясь оставить занятыя уже тамъ мѣста, ему не удалось достигнуть этого. Онъ долженъ былъ ѣхать подъ Нарву. Пользуясь же случаемъ, Нащокинъ высказываетъ царю свой взглядъ на значеніе для Россіи занятаго края: „Лучше всякой силы промыселъ; шведы всѣхъ сосѣднихъ государствъ безлюднѣе, а промысломъ надъ всѣми берутъ верхъ, у нихъ, государь, никто не смѣетъ отнять воли у промышленниковъ". Понятно, что подобная роль Нащокина не могла нравиться другимъ членамъ новаго посольства, а также шведскимъ уполномоченнымъ, видѣвшимъ въ немъ твердаго и рѣшительнаго защитника русскихъ интересовъ въ Ливоніи, и они думали даже сбыть его отсюда. Такимъ образомъ снова съ обѣихъ сторонъ шлются жалобы въ Москву. Но къ этому присоединяется еще одно непріятное обстоятельство. Воевода, кн. И. А. Хованскій, находившійся съ войскомъ во Псковѣ и имѣвшій личныя неудовольствія съ Ординымъ-Нащокинымъ [1]), пришелъ въ страшный гнѣвъ, узнавъ, что послы потребовали къ себѣ часть войска, бывшаго въ его распоряженіи. „Знаю я чьи это затѣи", писалъ онъ имъ въ своемъ отвѣтѣ, явно намекая на Ордина-Нащокина. Къ мотивамъ личнаго оскорбленія здѣсь присоединялись еще мѣстническіе счеты, игравшіе весьма важную роль въ глазахъ Хованскаго. Такимъ образомъ царю Алексѣю Михайловичу приходилось принять на себя роль примирителя; но онъ далъ на этотъ разъ почувствовать Хованскому всю неправоту его поступка. Указавъ ему на личныя заслуги Ордина-Нащокина, онъ велѣлъ сказать родовитому, но далеко не обладавшему умомъ сановнику: „а тебя, князя Ивана, взыскалъ и выбралъ на эту службу великій государь, а то тебя всякъ называетъ дуракомъ и тебѣ своею службою возноситься не надобно; ты хвалишься, что тебѣ и подъ Ревель идти не страшно: и тебѣ хвалиться не довелось, потому что, кто на похвальбѣ ходитъ, всегда посрамленъ бываетъ, и ты этою своею похвальбою изломишь саблю; за что ты тѣхъ ненавидишь, которые государю служатъ вѣрно? [2]) Тебѣ бы великаго государя указъ исполнить, съ Аѳа-

[1]) Соловьевъ, XI, 81—83.

[2]) Предсказаніе царя сбылось надъ Хованскимъ въ 1660 году. Соловьевъ, XI, 112—113. Впослѣдствіи, въ письмѣ къ Матюшкину, царь, упрекая Хованскаго за неудачу въ битвѣ съ поляками, приписывалъ это «его безпутной дерзости». Письма Алекс. Мих., изд. Бартеневымъ, 65. В. И.

насіемъ помириться, а если не помиришься и станешь Аѳанасія тѣснить и безчестить, то великій государь велѣлъ тебѣ сказать, что за непослушанье и за Аѳанасья тебѣ и всему роду твоему быть раззорену".

Эти отношенія надѣлали много непріятностей Ордину-Нащокину и онъ откровенно высказалъ царю Алексѣю, къ чему ведутъ тайныя сношенія съ нимъ и полномочія, данныя ему, безъ дѣйствительной власти. Шведы, недовольные медленностію переговоровъ, жаловались, что Нащокинъ склоняется въ пользу поляковъ, а въ Варшавѣ будто-бы разсчитываютъ на его посредничество; они упрекали его въ дружбѣ съ гетманомъ Гонсѣвскимъ, между тѣмъ какъ ему поручено было самимъ правительствомъ вступить въ сношенія съ послѣднимъ и сообща дѣйствовать противъ шведовъ. Гонсѣвскій дѣйствительно занялъ нѣкоторые города въ Ливоніи. Ординъ-Нащокинъ, въ свою очередь, не одобрялъ московскаго договора, составленнаго въ пользу Швеціи; онъ настаивалъ на перемѣнѣ Хованскаго, какъ неспособнаго полководца [1]). „Нельзя во всемъ дожидаться государева указа, прибавляетъ онъ. Вотъ мнѣ не было прислано указа, чтобы идти подъ Маріенбургъ, но я, видя, что нашихъ ратныхъ людей изъ Полоцка и Пскова нѣтъ, а шведы въ сборѣ, призвалъ къ себѣ Гонсѣвскаго и пустилъ въ Лифляндію и затѣмъ взялъ городъ Маріенбургъ". Въ интересахъ дѣла Нащокинъ готовъ былъ примириться съ Хованскимъ, хотя и не вѣрилъ въ постоянство его нрава.

---

[1]) Мейербергъ говоритъ, что Хованскій былъ извѣстенъ въ цѣломъ свѣтѣ (съ 1660 г.) своими пораженіями и проигрывалъ битвы по своей опрометчивости. «Невѣжда во всѣхъ военныхъ наукахъ, тѣмъ не менѣе считается достойнымъ начальствовать войскомъ потому, что ведетъ свой родъ отъ князей Корецкихъ на Волыни; такъ какъ по московскимъ обычаямъ, между военными начальниками принимается въ уваженіе родъ, а не опытность». (Изд. въ Чтен. Моск. общ. ист. 1874 г. стр. 43—44, Ср. Соловьевъ, XI, 112).—Народъ далъ ему прозваніе тараруя (болтуна). Сохранилось извѣстіе о безнравственномъ его поведеніи во Псковѣ, а также о произвольныхъ и жестокихъ поступкахъ его съ ратными людьми. Соловьевъ, XII, 349—350.

Челобитчики (въ 1664 г.) подали роспись сводницамъ, которыя приводили къ князю Ив. Андр. Хованскому и сыну его, князю Андрею, женокъ и дѣвокъ на блудъ: четыре сводницы приводили болѣе 20 женщинъ. Солов. ib., прилож., 357—359.

Все это не мѣшало ему потомъ стать во главѣ защитниковъ старины и раскола и заправлять кровавою Московскою смутою въ концѣ XVII в., жертвою которой сдѣлался онъ самъ и его сынъ. В. И.

Впрочемъ не въ лучшихъ отношеніяхъ находился Хованскій и съ представителемъ посольства, кн. Прозоровскимъ. Онъ хвалился передъ своими подчиненными, что онъ старше его тремя мѣстами, а ему совѣтовалъ не слушаться Ордина-Нащокина. Неумѣстная требовательность Хованскаго вполнѣ подтверждается его оправданіемъ передъ царскимъ посланнымъ, которому онъ говорилъ: „досадно мнѣ то, что пишутъ ко мнѣ съ указомъ; прежде наши братья за честь свою помирали". Но, уступая требованію государя быть въ мирѣ съ послами, Хованскій все-таки сорвалъ свое сердце на этомъ слабомъ пунктѣ самозащиты [1]). Въ требованіяхъ Прозоровскаго, подписывавшагося на бумагахъ къ нему, онъ видѣлъ „затѣйки" того же Нащокина, а о себѣ замѣчаетъ такъ: „знаю я, Аѳанасій человѣкъ умный, великому государю служитъ вѣрно и государева къ нему милость есть, въ прежнія времена и хуже Аѳанасья при государевой милости былъ Малюта Скуратовъ".

Такъ смотрѣли на возвышеніе Нащокина люди, основывавшіе всѣ свои права на одномъ происхожденіи. Отзывъ о Хованскомъ царя Алексѣя вполнѣ подтверждаетъ, что подобные противники не могли стать выше своего положенія даже въ критическіе моменты политическихъ отношеній.

Наконецъ, послѣ продолжительныхъ пререканій о мѣстѣ совѣщаній, представители обѣихъ сторонъ собрались въ деревнѣ Валіесаръ, находящейся между Нарвою и Нейшлотомъ. Царь очень желалъ, чтобы его уполномоченные удержали за Россіею по крайней мѣрѣ часть завоеваній, за которыя онъ готовъ былъ заплатить деньгами; но имъ удалось заключить (1 дек. 1658 г.) только перемиріе на 3 года съ сохраненіемъ однако за Россіею

---

[1]) О его мѣстническихъ счетахъ разсказываетъ весьма забавный случай Мейербергъ: «Князь Хованскій, пишетъ онъ, не присылалъ никого посѣтить насъ отъ своего имени (во время проѣзда посольства въ Москву въ 1661 г.), не почтилъ насъ и подаркомъ: такое нарушеніе обычаевъ мы приписали неудовольствіямъ, бывшимъ у него съ Нащокинымъ, отчего онъ и не хотѣлъ поступать по его примѣру, изъ пренебреженія къ нему..... Впрочемъ мы узнали, что Хованскій не могъ одолѣть своего любопытства, что принялъ насъ за городомъ, находясь между всадниками неузнанный, а потомъ, скрывъ себя подъ крестьянскимъ кафтаномъ, поддерживалъ личнымъ стараніемъ нашу карету, приходившую въ опасное положеніе въ излучинахъ улицъ».!! Изд. въ Чт. М. О. И. 1874, стр. 43. В. И.

всѣхъ завоеваній въ Ливоніи [1]). Требованія эти были поддержаны значительнымъ войскомъ (40,000), появившимся тогда подъ Гдовомъ [2]). Но въ Москвѣ такой неожиданный, хотя и временный, успѣхъ приписывали лишь покровительству Тихвинской Богородицы, образъ которой находился съ послами [3]). Царь Алексѣй хотѣлъ, кромѣ того, присоединить Иванъ-городъ, чтобы русскіе купцы имѣли въ своемъ распоряженіи корабельную пристань, но его отклонилъ на этотъ разъ самъ Нащокинъ, ссылаясь на то, что въ рукахъ шведовъ находится нѣсколько приморскихъ городовъ, и они, пользуясь своимъ преимуществомъ, заставятъ русскихъ ѣздить къ себѣ! „Въ торговлѣ русскіе люди слабы другъ передъ другомъ, туда поѣдутъ, куда ихъ поманятъ, а на своихъ мѣстахъ не держатся", писалъ онъ въ Москву.

Къ сожалѣнію, въ критическій моментъ своей дипломатической дѣятельности, Нащокинъ былъ пораженъ неожиданнымъ извѣстіемъ о бѣгствѣ своего единственнаго сына—Воина—за границу. Отецъ позаботился дать сыну приличное образованіе: онъ учился у плѣнныхъ поляковъ, отъ которыхъ наслышался разсказовъ о прелестяхъ заграничной жизни и польской свободы. Плоды подобнаго увлеченія мы уже видѣли на молодыхъ людяхъ, отправленныхъ за границу при Борисѣ Годуновѣ, на кн. Хворостининѣ, подвергшемся однажды опалѣ за свою склонность къ Польшѣ и критическое отношеніе къ московскимъ порядкамъ. Впослѣдствіи, русскій резидентъ въ Варшавѣ Тяпкинъ благодарилъ короля за образованіе своего сына въ Польшѣ. Котошихинъ, недовольный московскими порядками, бѣжитъ сначала въ Польшу, а потомъ въ Швецію. Такимъ образомъ подобныя симпатіи не были новостью въ русской жизни. Напротивъ, отличное воспитаніе молодого Нащокина обратило на него вниманіе правительства. Въ отсутствіе отца, онъ занимаетъ его мѣсто въ городѣ Дмитріевѣ; ведетъ иностранную корреспонденцію; переписывается съ своимъ

---

[1]) Кокенгаузенъ, Адзель, Маріенбургъ, Дерптъ, Нейшлотъ, Динабургъ, Резитель, Лютинъ и Улехъ со всѣми ихъ округами. П. С. Зак. т. I, № 240 и подтвержденіе № 267.

[2]) Опытъ Терещенка, 43.

[3]) Царь велѣлъ отпраздновать это торжество молебствіемъ и пушечною пальбою: „стрѣлять по наряду, чтобы про то всѣмъ людямъ было вѣдомо". П. С. З. № 241. В. И.

отцемъ и государемъ; былъ приглашаемъ не разъ на тайныя совѣщанія къ послѣднему и пользовался его покровительствомъ. Но, побывавъ въ Москвѣ, онъ не взлюбилъ тамошнихъ порядковъ и, возвращаясь оттуда съ порученіемъ къ отцу и значительною суммою денегъ, уѣхалъ къ польскому королю въ Данцигъ, который отправилъ его къ нѣмецкому императору, а потомъ во Францію. Понятно, какъ эта вѣсть должна была поразить Нащокина, противъ котораго могли теперь поднять головы его недоброжелатели и враги. Онъ ожидалъ уже собственной опалы и сталъ проситься въ отставку [1]).

Но взглядъ на подобныя увлеченія иноземными обычаями уже измѣнился у правительства. Еще недавно кн. Хворостининъ могъ поплатиться ссылкою за то, что хвалилъ другія государства и думалъ уѣхать за границу, а теперь Алексѣй Михайловичъ самъ пишетъ утѣшительное письмо къ отцу виновнаго, успокаиваетъ его мать, а относительно проступка сына дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „Онъ человѣкъ молодой, хочетъ созданія Владыки и творенія рукъ его видѣть на этомъ свѣтѣ, какъ и птица, которая летаетъ туда и сюда, и, полетавъ довольно, опять къ своему гнѣзду возвращается". Только въ тайномъ наказѣ посланному царь говорилъ, чтобы отецъ разыскалъ сына и предлагалъ дать за него 5—10,000 руб., а если его поймать нельзя и отцу будетъ нужно, „то сына его извести бы тамъ, потому что онъ отъ великаго государя къ отцу отпущенъ былъ со многими указами о дѣлахъ и съ вѣдомостями"; впрочемъ былъ данъ наказъ говорить объ этомъ осторожно, „соображаясь съ рѣчами отца". Обрадованный этимъ отецъ, спѣшилъ поблагодарить за вниманіе государя, но отвѣчалъ, что платить деньги за поимку сына не стоитъ, потому что онъ за неправду и самъ пропадетъ.

Къ довершенію этихъ непріятностей присоединилась смерть шведскаго короля Карла X Густава, а новый король (Карлъ XI) поспѣшилъ заключить миръ съ поляками въ Оливѣ, вслѣдствіе чего положеніе Россіи сдѣлалось, можно сказать, критическимъ [2]).

---

[1]) Алексѣй Михайловичъ прямо говорилъ, что измѣну молодого Нащокина „причитали" отцу. Соловьевъ, XI, 96.

[2]) Вслѣдствіе борьбы трехъ соперниковъ, Ливонія стала жертвою всѣхъ несчастій войны. Еще въ 1658 г. Рига имѣла въ своей пристани 600 голландскихъ кораблей, а теперь только 60. Ревель обратился въ запустѣніе; Нарва

Между тѣмъ дѣла въ Бѣлоруссіи и Малороссіи приняли крайне неблагопріятный оборотъ для Россіи. Поэтому Алексѣй Михайловичъ, за вѣчный миръ съ Швеціей, готовъ былъ сдѣлать значительныя уступки, лишь бы удержать что-нибудь изъ своихъ недавнихъ завоеваній. Но Ординъ-Нащокинъ теперь категорически высказался противъ такого плана. Онъ доказывалъ царю, что миръ съ Польшею важнѣе: онъ избавитъ Россію отъ продолжительнаго кровопролитія и разъединитъ силы шведовъ, турокъ и татаръ. „Я стою за Ливонію, писалъ онъ, не изъ чего другаго, какъ только памятуя крестное цѣлованіе, у меня нѣтъ тутъ ни помѣстья, ни вотчины. Если съ шведскимъ королемъ помириться теперь, уступивъ ему города, то съ польскимъ королемъ миру не сыскать: это народъ гордый, подумаютъ, что у насъ большое безсиліе и возвысятся безъ мѣры. А вмѣсто того, чтобы за города платить шведамъ деньги, лучше удержать перемиріе посредствомъ англійскаго короля: послать въ Англію умнаго человѣка, поздравить короля Карла II съ восшествіемъ на престолъ и попросить о посредничествѣ. Король согласится и будетъ радѣть для прежней дружбы, потому что государь съ Кромвелемъ дружбы не имѣлъ и въ посредники его не принялъ". Относительно Польши Ординъ-Нащокинъ соглашался на умѣренныя требованія: „взять Полоцкъ и Витебскъ, а если поляки заупрямятся, то и этихъ городовъ ненадобно: прибыли отъ нихъ никакой нѣтъ, а убытки большіе, надобно будетъ безпрестанно помогать всякою казною, да держать въ нихъ войско. Другое дѣло Лифляндская земля: отъ нея русскимъ городамъ, Новгороду и Пскову, великая помощь будетъ хлѣбомъ, а изъ Полоцка и Витебска Двиною станутъ ходить нѣкоторые товары, а съ нихъ будетъ взиматься большая пошлина въ Лифляндскихъ городахъ, не будутъ отговариваться жалованными грамотами и льготами. А если съ польскимъ королемъ миръ заключенъ будетъ обидный, то онъ не будетъ

сдѣлалась притономъ звѣрей; многіе города и деревни представляли однѣ развалины. Ординъ-Нащокинъ старался помочь бѣдствію жителей. Онъ выхлопоталъ Дерпту и его округу прежнія свѣтскія и духовныя привилегіи и права безпошлинной торговли съ русскими городами. Терещенко, I, 46.

Пребываніе его въ Лифляндіи ознаменовалось учрежденіемъ еженедѣльной почты, которая направлялась изъ Москвы на Ригу, что было весьма важно по причинѣ частыхъ сношеній съ иностранными державами. Ibid. 48.

крѣпокъ, потому что Литва и Польша не за моремъ, причина къ войнѣ скоро найдется". Въ великіе послы для переговоровъ съ поляками онъ предлагалъ назначить кн. И. Б. Репнина, котораго вся Литва знаетъ хорошо, разумъ и дѣла его хвалятъ вездѣ, а съ нимъ быть думному дьяку Алмазу Иванову. Мѣстомъ для съѣзда онъ предлагалъ выбрать городъ Полоцкъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Нащокинъ просилъ освободить его отъ шведскаго посольства, чтобы изъ ненависти къ нему, не докучали царю и не разрушили самаго дѣла. Нащокинъ отлично понималъ всю трудность своего положенія, при извѣстномъ взглядѣ на ливонскія завоеванія, такъ какъ первымъ дѣломъ шведскихъ уполномоченныхъ, по освобожденіи его отъ посольства, была жалоба на его неуступчивость въ дѣлѣ о мирѣ, а по кардисскому договору (21 іюня 1661 г.) русскіе уполномоченные должны были отказаться отъ всѣхъ завоеваній въ Ливоніи. Такимъ образомъ центръ тяжести въ политическихъ отношеніяхъ снова переносится на югъ [1]).

Но уже на другой годъ, вслѣдствіе неудачъ, и здѣсь пришлось думать о мирѣ съ Польшею и новыхъ уступкахъ. Мѣстомъ переговоровъ избранъ былъ теперь Смоленскъ, но вмѣсто Репнина поѣхалъ туда другой „умный человѣкъ"—Ординъ-Нащокинъ, хотя и здѣсь онъ занималъ не первое мѣсто (кн. Н. И. Одоевскій, кн. И. С. Прозоровскій, Нащокинъ и думный дьякъ Алмазъ Ивановъ). Впрочемъ, вскорѣ послѣ того онъ былъ уполномоченъ отправиться въ Польшу, для заключенія союза съ королемъ, подъ условіемъ уступки Смоленска и Сѣверскихъ городовъ, какъ было до смутнаго времени, и съ вознагражденіемъ недовольнаго польскаго войска, подъ условіемъ уступки за это Россіи южной Ливоніи. Однако въ Польшѣ думали иначе: тамъ хотѣли перенести военныя дѣйствія на лѣвую сторону Днѣпра [2]), и потому эти переговоры не имѣли успѣха. Но когда походъ Яна-Казиміра (1663 г.) на Восточную Украину потерпѣлъ неудачу, то переговоры были перенесены сначала въ Москву, гдѣ ихъ велъ самъ Ординъ-Нащокинъ, а потомъ снова подъ Смоленскъ. Передъ своимъ отъѣздомъ онъ представилъ царю обширную записку

[1]) Соловьевъ, XI, 81—102. П. С. Зак. № 301. Кардисъ -деревня на границѣ Лифляндіи и Эстляндіи, между Дерптомъ и Ревелемъ.

[2]) Соловьевъ, XI, 165—171.

(болѣе 50 статей), въ которой опять настаивалъ на необходимости союза съ Польшей противъ Швеціи. Союзъ этотъ онъ оправдывалъ тѣмъ, что въ такомъ случаѣ плѣнные поляки и литовцы, которыхъ находится множество на службѣ въ Россіи и Сибири, гдѣ они давно поженились, могутъ остаться навсегда здѣсь, а въ пограничныхъ мѣстахъ безъ хорошаго строя теперь обойтись нельзя. Союзъ съ Польшею необходимъ также потому, что только при этомъ условіи Россія можетъ покровительствовать православію въ польскихъ областяхъ. Единовѣрные молдоване и валахи, отдѣляемые теперь отъ Россіи враждебною Польшею, послышавъ о союзѣ съ нею, присоединятся къ союзнымъ государствамъ и отпадутъ отъ Турціи [1]). Такимъ образомъ соединится многочисленный христіанскій народъ, одной матери, восточной церкви, дѣти: отъ самаго Дуная всѣ волохи, черезъ Днѣстръ, Подолье, Червонная Русь, Волынь и Малая Россія, уже присоединенная къ Великой. Причиною постояннаго раздора, говоритъ онъ, служитъ Швеція, которая возбуждаетъ непріязнь къ Россіи въ Польшѣ и Турціи. Изъ Стокгольма распространяютъ о Россіи самыя дурныя вѣсти; тамъ печатаютъ сочиненія на униженіе Московскаго государства и разсылаютъ ихъ по всему свѣту—и вотъ польскіе сенаторы стали горды и не уступчивы въ мирныхъ переговорахъ, стали колоть намъ глаза этимъ шведскимъ сочиненіемъ, будто правда, что въ Великой Россіи страшное безсиліе и разореніе; по этимъ вѣстямъ польскій король пошелъ въ Украйну, услыхавъ, что всѣ московскія войска посланы противъ башкирцевъ. Явный виновникъ этихъ ссоръ есть шведскій коммисаръ, который живетъ для того въ Москвѣ и дѣлаетъ что хочетъ.

Отсюда ясно, что въ своемъ мнѣніи о современныхъ политическихъ отношеніяхъ, Ординъ-Нащокинъ, почти одновременно съ Крижаничемъ [2]), является сторонникомъ общаго славянскаго

---

[1]) Продолжительная борьба Польши съ татарами и турками возбуждала даже среди грековъ и славянъ Балканскаго полуострова надежду свергнуть турецкое иго при содѣйствіи Польши. Zbiór pamiętników o dawniej Polsce, Niemcewicza, V, 1—4.

[2]) Съ половины 1658 г. до начала 1661 г. Крижаничъ пробылъ въ Москвѣ, гдѣ близко сошелся съ удалившимся тогда отъ дѣлъ Б. И. Морозовымъ. Есть указаніе на переписку его, веденную имъ въ Сибири съ русскими людьми. А. Маркевичъ, Юрій Крижаничъ, 22—24. Морозовъ съ удовольствіемъ бесѣдо-

союза, который долженъ былъ противустать двумъ сильнымъ тогда противникомъ—Турціи, сохранявшей еще въ Европѣ свой военный престижъ—и Швеціи, такъ возвысившейся со времени тридцатилѣтней войны и съ которою считали въ то время необходимымъ считаться и другія европейскія державы. Насколько правъ былъ въ этомъ отношеніи Ординъ-Нащокинъ доказывается продолжительною борьбою съ Швеціей Петра Великаго, который также долженъ былъ искать для себя союзниковъ въ сосѣднихъ государствахъ и только благодаря напряженнымъ усиліямъ могъ проложить путь къ Балтійскому поморью, сломавъ вмѣстѣ съ тѣмъ политическое значеніе Швеціи въ Европѣ [1]).

Мало того: Нащокинъ полагалъ, что въ связи съ польскимъ союзомъ находится и вліяніе Россіи въ Украйнѣ. Онъ не довѣрялъ черкасамъ: „они, писалъ онъ, не смотря на Польшу и Литву, по совѣту съ ханомъ и шведами, начнутъ злую войну противъ Великой Россіи". Но царю Алексѣю не понравилась эта откровенная замѣтка. Смотря на малороссійскій вопросъ, главнымъ образомъ, съ религіозной точки зрѣнія, онъ замѣтилъ противъ этой статьи слѣдующее: „Собакѣ не достойно ѣсть и одного куска хлѣба православнаго (т. е. полякамъ не слѣдуетъ владѣть западною стороною Украйны): только то не отъ насъ будетъ, за грѣхи учинится". Онъ напомнилъ прежнія настоянія Нащокина на счетъ Малороссіи: „у насъ, великаго государя, твой извѣтъ про ту статью крѣпко памятенъ и за то тебя милостиво похваляемъ". Онъ совѣтовалъ Нащокину идти прежнимъ путемъ, не уклоняясь ни въ какую сторону [2]). Такимъ образомъ стремленія московской политики въ этомъ отношеніи были уже твердо намѣчены. Въ наказѣ отъ уполномоченныхъ требовалось, чтобы они стояли за границу по Днѣпръ, за полную свободу православнаго

валъ съ Крижаничемъ, и, увлеченный его идеями, сказалъ однажды: „о, почему я не моложе, чтобы и мнѣ научиться чему-нибудь хорошему"! Русск. государ. въ полов. XVII в. I, 106, II, 142.

[1]) „Могущество Швеціи (послѣ 30-лѣтней войны), говоритъ Гейссеръ, достигло той степени, которую предназначалъ для нея Густавъ Адольфъ; это королевство занимало теперь берега Балтійскаго моря и владѣло даже частью Нѣмецкаго моря; это была держава, которую ослабить могли только очень талантливые враги ея, а еще болѣе только ея собственное неблагоразуміе". Стр. 570.

[2]) Соловьевъ, XI, 223—27. В. И.

исповѣданія въ западной Украйнѣ, за сохраненіе титуловъ „Малыя" и „Бѣлыя Россіи", на основаніи старинныхъ правъ московскаго государя. Но и теперь для Ордина-Нащокина служили помѣхою тѣ же личные непріятности и счеты: „у насъ любятъ дѣло или ненавидятъ, смотря не по дѣлу, а по человѣку, который его сдѣлалъ: меня не любятъ и дѣломъ моимъ пренебрегаютъ". И вотъ царь снова шлетъ увѣщанія своимъ посламъ, чтобы они послужили на пользу церкви и государя. Пиша эту грамоту на имя пословъ, кн. Н. И. Одоевскаго и Ю. А. Долгорукова, царь велѣлъ было приписать рядомъ съ ними „и думному дворянину Аѳанасію Лаврентьевичу", но потомъ одумался, зачеркнулъ и только въ концѣ ея было прибавлено отъ него: „А думному дворянину и вашему товарищу Аѳанасію Лаврентьевичу это письмо вѣдать же". Вотъ къ какимъ изворотамъ приходилось прибѣгать самой власти, чтобы не сдѣлать безчестія притязаніямъ родовой аристократіи и тѣмъ не повредить самому дѣлу; а царь тутъ же напоминалъ посламъ, чтобы они крѣпко стояли за Полоцкъ, хотя бы и денегъ дать за него не мало; и за Динабургъ давать денегъ, но за Витебскъ можно не стоять, прибавляетъ онъ. Его ужасала даже одна мысль, что въ великой полоцкой церкви Богородицы имя ея не возгласится православно, а по римски, и жертва не принесется правильно, но церковь сдѣлается костеломъ или уніатскою! [1])

При такихъ условіяхъ открылись продолжительные переговоры о мирѣ. Съ своей стороны Ординъ-Нащокинъ опять настаивалъ на необходимости одновременныхъ и рѣшительныхъ военныхъ дѣйствій, направленныхъ внутрь Литвы; а насколько московское правительство дорожило новыми завоеваніями въ Литвѣ и Малороссіи, видно изъ того, что царскіе уполномоченные предлагали за нихъ 3 милліона, не считая подарковъ коммисарамъ. Въ свою очередь, и поляки настолько опасались этихъ уступокъ, что лишь опасность со стороны Турціи и возстаніе въ самой Польшѣ (кн. Любомирскаго) заставили ихъ ускорить миръ.

Заключеніе его было возложено (въ началѣ 1666 г.) на самого Ордина-Нащокина, возведеннаго тогда въ санъ окольни-

---

[1]) Соловьевъ, XI, 227—29.

чаго (съ 1665 г.) [1]. Переговорамъ этимъ, какъ видно, хотѣли придать особенную торжественность: такъ, въ русскій станъ (въ деревнѣ Андрусовѣ, между Смоленскомъ и Мстиславлемъ) были отпущены: золотной коверъ, который постилался на столѣ во время переговоровъ; шатеръ краснаго сукна, карета, серебряный шандалъ, 5 шандаловъ мѣдныхъ съ щипцами, лохань и рукомойникъ серебряные, свѣчи восковыя витыя и сальныя. Видно также, что и въ этотъ разъ надѣялись исписать не мало бумаги: русскимъ посламъ было отпущено изъ Москвы 10 стопъ бумаги и кувшинъ чернила.

Въ виду заключенія мира, военныя дѣйствія были вездѣ пріостановлены, но не прекратились тайныя козни противъ Нащокина. Узнавъ, что сынъ его возвратился въ Москву, онъ просилъ для него одной милости, но самъ боялся, если этотъ явится къ нему въ станъ, чтобы не поднялись противъ него новыя неудовольствія, особенно въ Москвѣ среди думныхъ людей [2]). Ближе другихъ былъ къ нему, по своимъ личнымъ отношеніямъ, тогдашній царскій любимецъ Ртищевъ, но и тотъ, писалъ Нащокинъ царю, „по моей службѣ отъ злыхъ разговоровъ много пострадалъ, и потому побоялся переписываться со мною по дѣламъ настоящаго посольства, что̀ причиняетъ большой вредъ въ докладахъ“. И вотъ, въ скоромъ времени, Нащокинъ получаетъ уже изъ приказа тайныхъ дѣлъ наказъ „оставить всѣ замыслы и служить по обѣщанію“—значитъ противъ него существовали какія-то подозрѣнія. Снова шлются просьбы къ царю о покровительствѣ и увѣренія въ немъ. Но до окончательнаго мира было еще далеко.

---

[1]) Терещенко, 231—232. Ординъ-Нащокинъ назывался „великимъ и полномочнымъ посломъ“, а товарищами при немъ состояли: дворянинъ Богд. Ив. Нащокинъ и дьякъ Григорій Богдановъ, Соловьевъ, XI, 240.

[2]) Изъ современной переписки видно, что Алексѣй Михайловичъ не успокоился на дружескомъ письмѣ къ Ордину-Нащокину о бѣгствѣ его сына. Царю хотѣлось во чтобы ни стало, чтобы послѣдній возвратился скорѣе въ Россію, о чемъ былъ данъ тайный наказъ псковскому воеводѣ князю Ѳ. Ѳ. Долгорукову, а русскому переводчику въ Ригѣ Якову Ренингу передано было письмо къ сыну Нащокина съ предложеніемъ переписки, которая должна была пересылаться въ Москву. Ему обѣщано было прощеніе и милость и въ мартѣ 1669 г. русскій посланникъ въ Копенгагенѣ, Богданъ Ивановичъ Нащокинъ (о немъ у Соловьева, XI, 240; XII, 235—37) сообщилъ уже о пріѣздѣ къ нему молодого Нащокина, откуда онъ отправился съ нимъ въ Голландію, а потомъ въ Москву. Зап. Археол. общ., по отд. словесн., II, 768—770. В. И.

Передача Дорошенка на сторону Турціи рѣшила судьбу Кіева. По Андрусовскому договору (3-го января 1667 г.) [1]), онъ былъ оставленъ на 2 года за Россіею, и хотя завоеванія въ Литвѣ и Ливоніи были уступлены королю, но за то воеводство Смоленское, повѣтъ Стародубскій, воеводство Черниговское и вся Украйна по Днѣпръ были оставлены за Москвою, а Запорожье отдано подъ покровительство обоихъ государей. При этомъ открывался свободный доступъ торговымъ людямъ и гарантировалась взаимная свобода исповѣданія православнымъ и католикамъ въ обоихъ государствахъ [2]). Потомъ, въ Москвѣ, польскимъ посламъ, при посредствѣ Ордина-Нащокина, удалось добиться въ пользу польской шляхты, выѣхавшей изъ Украйны, вознагражденія 200,000 руб. (1,000.000 злотыхъ), союза противъ татаръ и учрежденія постоянной почты между Москвою и резиденціей польскаго короля, для дипломатическихъ и торговыхъ сношеній. Съ своей стороны Нащокинъ предлагалъ устроить съѣздъ русскихъ, польскихъ и шведскихъ уполномоченныхъ въ Курляндіи, для установленія общихъ пошлинъ между тремя государствами. И на этотъ разъ не былъ заключенъ вѣчный миръ, а лишь перемиріе (на 13½ лѣтъ). Но какъ ни казалось оно на первый взглядъ непрочнымъ, однако оно не нарушалось до второй половины XVIII вѣка. Польша, постепенно ослабляемая внутреннею политическою борьбою, не имѣла возможности дѣйствовать противъ Россіи, которая за это время значительно окрѣпла и выступила на историческое поприще съ новою силою и значеніемъ въ ряду европейскихъ державъ. Русскіе гордились выгоднымъ миромъ, заключеннымъ съ Польшею Ординымъ-Нащокинымъ [3]). Въ самой Польшѣ, какъ видно, дорожили андрусовскимъ договоромъ и вполнѣ приписывали его уму и стараніямъ того же Нащокина. „Гремѣвшая въ Европѣ слава тринадцати-лѣтняго перемирія, котораго желали всѣ христіанскія державы (но едва надѣялись), говоритъ одинъ совре-

---

[1]) Онъ состоитъ изъ 34 статей. См. о немъ и послѣдующихъ подтвержденіяхъ П. С. З. I, № 398, 465, 830, 513. Соловьевъ, XI, 249—251.

[2]) Вопросъ о титулѣ былъ обойденъ дипломатическимъ соглашеніемъ. Но польскіе уполномоченные добивались получить свободный пропускъ духовнымъ лицамъ, отправлявшимся въ Персію и Китай, для распространенія христіанства.

[3] Коллинсъ, 39. В. И.

менникъ-полякъ, воздвигаетъ Нащокину благороднѣйшій памятникъ въ сердцахъ потомковъ: ибо тотъ, кто владетъ основаніе миру, хотя бы и непродолжительному, оказываетъ истинную услугу обѣимъ сторонамъ и достоинъ большей славы, нежели тѣ, которые истощаютъ силы государства бѣдственными войнами" [1]).

Во время пребыванія польскихъ пословъ въ Москвѣ, для подтвержденія мира, снова былъ поднятъ вопросъ о соединеніи обоихъ государствъ на случай смерти короля [2]). Въ этотъ разъ послы видѣли недавно объявленнаго наслѣдника московскаго престола, царевича Алексѣя, причемъ Нащокинъ воспользовался удобнымъ случаемъ, чтобы указать, что царевичъ могъ объясняться съ послами попольски и полатыни. „Сколь важная слава, о послы, говорилъ онъ, предстояла бы всѣмъ славянскимъ народамъ и какія бы великія предпріятія увѣнчались бы успѣхомъ чрезъ соединеніе сихъ племенъ и чрезъ употребленіе единаго нарѣчія, распространеннаго въ лучшей части вселенной... Достаточно будетъ назвать Далмацію, Иллирію, Либурнію, Истрію, Боснію, Мизію, Рецію, Богемію, Лузацію, Шлезію, Скандинавію, Булгарію, Вандалію и иныхъ кочующихъ племенъ и наши съ вами государства съ ихъ народами, всѣ почти говорящими на славянскомъ нарѣчіи отъ Адріатическаго до Германскаго моря и до Сѣвернаго океана. Если бы я пожелалъ распространяться о семъ предметѣ вы могли бы мнѣ сказать, что не менѣе моего вамъ самимъ все это хорошо извѣстно. И такъ очевидно всѣмъ, какимъ пространствомъ земель владѣютъ оба наши свѣтлѣйшіе и могущественнѣйшіе государя, и потому достаточно сказать, что въ сущности только наши двѣ державы можно правильно назвать имперіями. И каковая въ будущности предстояла бы слава нашимъ обоимъ народамъ, если бы они соединились въ одно и подъ одною монаршею державою. Но поймите, однако, что мы отнюдь не желаемъ завладѣть достояніемъ вашимъ и не были бы мы озабочены на счетъ наслѣдства вашего государства, если бы имѣли въ виду кого-либо хотя съ каплею ягеллоновой крови въ его жилахъ, кромѣ свѣтлѣйшаго короля вашего, обремененнаго уже лѣтами и перенесенными имъ трудами и если бы такая оди-

---

[1]) Характеры вельможъ въ царствов. Ал. Михайл. „Сѣверн. Арх." 1825 г., ч. XVII, 312.

[2]) Соловьевъ, XI, 256—57. В. И.

новость его величества безъ ближнихъ родственниковъ не внушала бы намъ справедливаго страха... Вы сами могли убѣдиться, что мы пользуемся здѣсь всякою возможною свободою, какая только доступна въ самодержавномъ правленіи всемилостивѣйшихъ государей нашихъ и въ особенности подъ державою благочестиваго и всѣми признаннаго набожнѣйшаго нынѣ царствующаго государя [1]). А что касается до вашей свободы, имѣющей быть ненарушимо и навѣки сохраненной обще съ вашими древними обычаями для блага не однихъ сосѣдей вашихъ, но и для всего христіанскаго міра, мы сами того желаемъ, какъ для вашей, такъ и для нашей собственной пользы. И вотъ почему его царское величество разумно и безобидно предлагаетъ черезъ меня размышленію вашему, какая могла бы послѣдовать слава всѣмъ славянскимъ племенамъ......., если бы отрокъ сей, предстоящій нынѣ предъ вами, отличающійся уже похвальными наклонностями не по лѣтамъ, предлагаемъ бы былъ вашимъ королемъ къ избранію его королевскимъ наслѣдникомъ чрезъ свободную общую подачу голосовъ. Вы сами свидѣтели, съ какимъ тщаніемъ готовится свѣтлѣйшій нашъ принцъ къ достойному и успѣшному управленію государствомъ. Сверхъ всего выставляемъ вамъ на видъ, что его величествомъ совершено въ отношеніи къ свѣтлѣйшему сыну своему то, что съ прискорбіемъ должны мы сознаться не имѣло доселѣ примѣра между нами, но имѣетъ нынѣ служить подтвержденіемъ благосклонности государя нашего къ польскому народу. Этимъ желаю я сказать, что онъ прилежно тщился украсить дорогаго своего сына, одареннаго по природѣ великими способностями и качествами сердца, не только знаніемъ греческой и латинской грамотности, но даже изученіемъ польскаго нарѣчія"... Въ заключеніе своей рѣчи Ординъ-Нащокинъ коснулся постоянной вражды и зависти, существующей между сосѣдями, и пожелалъ вѣчнаго и прочнаго мира [2]).

---

[1]) Рейтенфельсъ, бывшій въ Россіи въ 1670—1672 гг., замѣчаетъ: „Вообще иностранцы живутъ теперь въ Московіи гораздо свободнѣе, нежели прежде. Алексѣй Михайловичъ—такой государь, какого желаютъ имѣть всѣ христіанскіе народы, но немногіе имѣютъ". Ж. М. Н. Пр. т. XXIII, 3.

Въ иноземной слободѣ существовало три лютеранскихъ храма и два кальвинскихъ, для голландцевъ и для англичанъ. Ib. стр. 20.

[2]) Бутурлинъ, Бумаги флорент. арх. 420—26. В. И.

Послы отвѣчали на его рѣчь обычными любезностями; но отъ главной темы уклонились, пообѣщавъ только выхвалять передъ королемъ и Рѣчью посполитой государя и его сына [1]). „Поздравляемъ васъ также, говорили они, что вы съумѣли столь достойно ввести свѣтъ ученой словесности въ ледяной вашъ сѣверъ... По истинѣ сказать можемъ, что отъ подобнаго направленія должны родиться подъ московскимъ небомъ великіе мужи, имѣющіе давать доблестные примѣры. Да и можетъ ли оно быть иначе, тогда какъ сынъ великаго государя столь неожиданно и краснорѣчиво изъясняется на научномъ языкѣ, какъ будто бы онъ воспитывался межъ латинами. Слушая рѣчь сего принца, мы, послы великаго короля, воображали себя перенесенными въ Италію и слышали будто бы сына этрусскаго великаго герцога, весьма начитаннаго, краснорѣчиваго и примѣрнаго во всемъ“ [2]).

Таковы были новыя впечатлѣнія, вынесенныя польскимъ посольствомъ изъ столицы Московскаго государства. И если главный предметъ этихъ рѣчей остался неосуществленнымъ, то условія мира, установленныя при ближайшемъ участіи Ордина-Нащокина, все-таки надолго опредѣлили взаимныя отношенія обоихъ государствъ. Московскій договоръ 26-го апрѣля 1686 года представляетъ лишь подтвержденіе и дальнѣйшее развитіе Андрусовскаго трактата. Поэтому Соловьевъ справедливо называетъ послѣдній „одною изъ граней между древнею и новою Россіею“ [3]); не даромъ и виновникъ его, Ординъ-Нащокинъ, былъ облеченъ, послѣ заключенія его, въ высшій санъ московской служебной іерархіи и поставленъ во главѣ иностранной политики Россіи, не смотря на постоянную тайную и явную вражду къ нему при дворѣ.

Уже вскорѣ по возвращеніи своемъ въ Москву, Ординъ-Нащокинъ былъ пожалованъ чиномъ ближняго боярина и дворецкаго, а затѣмъ получилъ въ управленіе (15-го іюля 1667 г.)

---

[1]) Соловьевъ, XI, 257.

[2]) Бутурлинъ, 426—27. Коллинсъ замѣчаетъ: „Съ тѣхъ поръ, какъ его величество былъ въ Польшѣ, видѣлъ тамошній образъ жизни и сталъ подражать королю польскому, кругъ его понятій расширился: онъ начинаетъ преобразовывать дворъ, строить зданія красивѣе прежняго, украшать покои обоями и заводить увеселительные дома“. 20.

[3]) Соловьевъ, XI, 261. В. И.

посольскій приказъ съ титуломъ царственныя большія печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегателя [1]). Нельзя не видѣть въ этомъ актѣ желанія правительства ввести титулы и званія, соотвѣтствующія западно-европейскимъ понятіямъ о власти [2]). Но, чтобы придать своему министру иностранныхъ дѣлъ болѣе уваженія и чести, царь, кромѣ того, ввѣрилъ Нащокину нѣсколько другихъ приказовъ (смоленскій разрядъ, малороссійскій приказъ и чети новгородская, галицкая и владимірская) и отдѣльныхъ управленій (вяземскую таможню, кружечный дворъ, принадлежавшій прежде устюжской чети, начальство съ судомъ и расправою надъ желѣзными заводами, бывшими въ рукахъ новгородскихъ гостей) и подарилъ ему въ потомственное владѣніе богатую Порѣцкую волость (нынѣ городъ Порѣчье въ Смоленской губерніи), съ пристанью на рѣкѣ Касплѣ, откуда черезъ Двину доставлялись русскіе товары къ рижскому порту [3]), 500 дворовъ въ Костромскомъ уѣздѣ и 500 рублей деньгами въ дополненіе къ жалованью боярина [4]).

Возводя на высоту почестей Ордина-Нащокина, Алексѣй Михайловичъ руководствовался не однѣми его заслугами, но и нравственными качествами. Мы знаемъ уже похвальную грамоту царя Алексѣя Нащокину за его милостивое отношеніе къ людямъ и обиженнымъ судьбою. Такимъ чувствомъ руководился послѣдній и въ отношеніи къ опальнымъ. Ему хотѣлось примирить царя съ Никономъ; стороннику Никона, боярину Зюзину, онъ давалъ деньги въ займы и рѣшился принять его у себя, не смотря на предостере-

---

[1]) Труды и лѣт. общ. исторіи, VI, 181—182.

[2]) Такое примѣненіе видно уже въ сношеніяхъ съ иностранными дворами въ XVI в. Ключевскій. Бояр. Дума, 290—291. Въ сношеніяхъ съ иноземными правительствами былъ обычай московскимъ сановникамъ придавать для большаго значенія титулы намѣстниковъ разныхъ городовъ, въ которыхъ они вовсе не намѣстничали... Такъ, для большей важности, Ордина-Нащокина иногда писали въ актахъ дворецкимъ „имени для, а онъ былъ не дворецкій", откровенно замѣчаетъ оффиціальная запись. Ключевскій, Бояр. Дума, 505—506.

Точно также въ царствованіе Алексѣя Михайловича русскія и иностранныя названія военныхъ чиновъ постоянно смѣшиваются. Соловьевъ, XIII, 252, 266—68, 334.

[3]) Труды и лѣт. VI, 182. Ключевскій, 410. Новгородскимъ приказомъ онъ завѣдывалъ съ 1665 г. Дополн. къ Акт. истор. V, 37.

[4]) Терещенко, Опытъ обозр. жизни сановниковъ, управл. въ Россіи иностранными дѣлами, I, 54—55. В. И.

женіе царя, что онъ человѣкъ опальный, а слѣдовательно и опасный, который можетъ надѣлать множество хлопотъ Нащокину. Послѣдній объяснялъ потомъ свое великодушіе тѣмъ, что для его, Никитиныхъ слезъ, двора онъ своего заперетъ не могъ. „Въ томъ я, писалъ Нащокинъ, передъ великимъ государемъ виноватъ, достоинъ казни, и безъ повелѣнія великаго государя по исповѣди къ причастію сего декабря 24-го числа приступить не смѣю“ [1]. Подобное отношеніе Ордина-Нащокина вполнѣ гармонировало съ религіознымъ настроеніемъ царя, который передъ походомъ считалъ долгомъ напомнить воеводамъ о необходимости, съ наступленіемъ Петрова поста, „обновиться всѣмъ покаяніемъ и причастіемъ“, прибавляя, что хотя одинъ человѣкъ нерадѣніемъ ихъ не исполнитъ этого обряда, то они дадутъ отвѣтъ передъ самимъ Богомъ [2].

Посмотримъ на другую сторону дѣятельности Ордина-Нащокина — административную.

IV.

Въ промежутокъ между своими посольскими обязанностями, а именно въ 1665—1666 годахъ, Ординъ-Нащокинъ состоялъ воеводою во Псковѣ, городѣ, родномъ ему по чувствамъ и личнымъ связямъ. Безъ сомнѣнія этими соображеніями руководился при назначеніи его воеводою и царь Алексѣй, вопреки обычаю—не назначать воеводъ въ тѣ мѣста, съ которыми они были связаны своими помѣстьями и родствомъ. Но пограничный городъ Псковъ, напротивъ, нуждался теперь въ опытномъ, образованномъ администраторѣ, какимъ могъ быть Ординъ-Нащокинъ, хорошо извѣстный тѣмъ, что „онъ нѣмецкое дѣло и нѣмецкіе нравы знаетъ“ [3], а также по важности пограничныхъ сношеній.

Дѣйствительно, вскорѣ по вступленіи въ свою должность [4], новый воевода нашелъ положеніе вещей во ввѣренномъ ему краѣ въ крайне печальномъ видѣ. Война съ Польшею и Швеціей лишила

[1] Соловьевъ, XI, 350.
[2] Ibid. X, 358—359.
[3] Соловьевъ, XI, 89—90. Слова Алексѣя Михайловича.
[4] Онъ былъ назначенъ во Псковъ непосредственно послѣ отъѣзда оттуда кн. И. А. Хованскаго. Дополн. къ Акт. историч. V, 26. В. И.

Псковъ значительныхъ средствъ въ торговомъ отношеніи; всѣ дѣла находились въ рукахъ небольшого числа разбогатѣвшихъ на чужой счетъ купцовъ, вражда противъ которыхъ постоянно питала неудовольствіе и была одною изъ главныхъ причинъ недавняго бунта, принявшаго весьма широкіе и опасные размѣры. Обращая постоянно свои взоры на Западъ, Ординъ-Нащокинъ („по примѣру чужихъ сторонних земель") рѣшился призвать на совѣтъ земскихъ старостъ и выборныхъ отъ народа и предложилъ имъ ввести безпошлинную торговлю съ иностранцами два раза въ годъ, въ теченіе двухъ недѣль, отъ 6-го января и 9 мая, предоставивъ право пользоваться ею только посадскимъ людямъ Пскова, такъ какъ во всѣхъ государствахъ были славны тѣ торги, которые велись безпошлинно. Открылись и другія злоупотребленія. Иностранные купцы, не желая подвергать цѣнъ на свои товары произвольному измѣненію ихъ богатыми русскими купцами, входили въ сношенія съ недостаточными людьми, занимали имъ деньги, на которыя послѣдніе закупали для нихъ товары по низкой цѣнѣ, вслѣдствіе чего богатые купцы и люди, вступившіе въ зависимыя отношенія отъ иностранцевъ, терпѣли большіе убытки, пока не пришли въ совершенное раззореніе [1]). Чтобы устранить искусственное пониженіе цѣнъ и поддержать русскую торговлю, Ординъ-Нащокинъ предложилъ богатымъ купцамъ устроить вмѣстѣ съ несостоятельными посадскими людьми во Псковѣ и пригородахъ **торговыя компаніи** по своимъ промысламъ. Съ этою цѣлью недостаточнымъ людямъ должны были выдаваться ссуды изъ земской избы (т. е. городскихъ суммъ), на которыя они могли скупать товары, привозить ихъ во Псковъ два раза въ годъ (въ декабрѣ и маѣ), записывать товаръ въ земской избѣ, послѣ чего отдавать его на руки своимъ патронамъ и получать отъ нихъ стоимость товара съ извѣстнымъ процентомъ, необходимымъ для ихъ обезпеченія, а послѣ продажи товаровъ оптомъ иностраннымъ купцамъ—продавцы должны были уплатить своимъ кліентамъ ту цѣну товара,

---

[1]) „И до сего времени, государь, пишетъ Нащокинъ, маломожные люди за гнилые сельди и за табакъ безъ изплаты многіе на правежѣ померли, а иные и нынѣ во Псковѣ и на нѣмецкомъ дворѣ сидятъ въ тюрьмахъ, а дворы и запасы за долги иноземцамъ отданы". Дополн. къ акт. историч. V, 22.

В. И.

по какой онъ проданъ былъ на ярмаркѣ [1]). Чтобы прекратить тайный провозъ нѣмецкихъ винъ и водки и происходившіе отъ того значительные убытки для казны и преслѣдованіе виновныхъ, Нащокинъ установилъ во Псковѣ вольную продажу вина, съ опредѣленнымъ взносомъ въ казну (2 деньги съ рубля).

Но быть можетъ, еще большее значеніе для возбужденія общественной дѣятельности гражданъ должно было имѣть преобразованіе, введенное имъ въ городскомъ управленіи. Онъ предложилъ гражданамъ избрать изъ своей среды 15 человѣкъ, которые въ теченіе трехъ лѣтъ, по пяти человѣкъ ежегодно, засѣдали бы въ земской избѣ и производили судъ и расправу по торговымъ дѣламъ и личнымъ обидамъ, отдавая въ руки воеводы только лицъ, виновныхъ въ измѣнѣ, разбоѣ и душегубствѣ. Въ случаѣ тяжбы дворянина съ посадскимъ, судъ ввѣрялся дворянину, состоящему по суднымъ дѣламъ, съ выборными. Пошлины съ этихъ дѣлъ должны были храниться въ земской избѣ для городскихъ расходовъ. Подобное же устройство предположено было ввести и въ пригородахъ.

Однако, не смотря на очевидныя выгоды этого порядка, предложеніе Ордина-Нащокина надѣлало ему много хлопотъ во Псковѣ.

---

[1]) Н. И. Костомаровъ представляетъ реформу Ордина-Нащокина какъ аристократическую, направленную противъ интересовъ меньшихъ людей; но это совершенно невѣрно (Торг. Москов госуд., 96—98). Напротивъ, Нащокинъ, постоянно заботившійся о защитѣ слабыхъ, на свои нововведенія смотрѣлъ, какъ на средство умиротворенія псковитянъ: „чтобы, государь, прошедшая между ними вражда искоренена была и во вѣки не вчиналась" (Дополн. къ акт. ист. V, 27). Въ челобитной средніе и меньшіе люди выражаютъ сочувствіе этимъ распоряженіямъ и жалуются на злоупотребленія сильныхъ, богатыхъ людей, во главѣ которыхъ стоялъ купецъ Сергѣй Поганкинъ, который послѣ отъѣзда Нащокина снова поднялъ голову и сталъ злоупотреблять своимъ вліяніемъ (однажды онъ отправилъ 58 саней, нагруженныхъ товаромъ, помимо таможни, въ Ливонію). Ibid. 36.

Фамилія Поганкиныхъ хорошо извѣстна во Псковѣ. Знаменитыя Поганкины палаты (это огромный плитяной домъ для жилья и вмѣстѣ гостиный дворъ хозяина), значит. часть которыхъ сохранились до сихъ поръ, крытыя нѣкогда черепицею и обведенныя каменною стѣною, также покрытой черепицею, упоминаются въ межевыхъ книгахъ еще въ 1645 г. Въ рядахъ, принадлежавшихъ ему, считалось 44 лавки. Сергѣй Поганкинъ былъ головою денежнаго дѣла и денежнаго двора во Псковѣ. См. Археологич. записку о Поганкиныхъ съ планомъ палатъ, Евлентьева, Псковъ, 1870.

Привыкши заправлять во Псковѣ, Поганкинъ, вмѣстѣ съ своими единомышленниками, велъ интригу противъ новыхъ порядковъ и успѣлъ въ томъ. Дополн. къ акт. истор. т. V, 27, 34. В. И.

Оно раздѣлило жителей на два лагеря: зажиточные люди, привыкшіе отстаивать свои интересы другими путями, были противъ него; меньшіе люди стояли за новый порядокъ. Такимъ образомъ дѣло это тянулось съ апрѣля до половины августа, когда посадскіе люди составили наконецъ челобитныя (петиціи), согласныя съ мнѣніемъ воеводы, принесли ихъ въ Троицкій соборъ и приняли благословеніе отъ архіепископа Арсенія. Послѣ этого челобитныя были отправлены въ Москву и новое устройство введено во Псковѣ. То вліяніе, какимъ пользовался у государяОрдинъ-Нащокинъ, оказало, конечно, существенную поддержку въ этомъ важномъ дѣлѣ. Но, помимо своего значенія, это послѣднее знакомитъ насъ съ тѣмъ, какимъ путемъ могли въ то время совершаться столь крупныя реформы [1]), какъ преобразованіе мѣстнаго управленія, и какое значеніе имѣли въ общей законодательной дѣятельности XVII вѣка такъ называемыя челобитныя [2]).

Но подобная реформа могла окрѣпнуть благодаря лишь той же поддержкѣ сильнаго человѣка. Къ сожалѣнію этого не случилось. Вскорѣ, и быть можетъ не безъ участія своихъ недоброжелателей, Ординъ-Нащокинъ былъ снова отозванъ на дипломатическое поприще, а его мѣсто занялъ во Псковѣ старый врагъ его—извѣстный уже намъ кн. Хованскій, самый выборъ котораго показываетъ, что новшества его предшественника не нравились въ Москвѣ, даже въ томъ приказѣ, которымъ завѣдывалъ самъ Нащокинъ: не напрасно онъ жаловался потомъ на постоянныя помѣхи въ своихъ дѣлахъ со стороны приказныхъ людей [3]).

---

[1]) Еще Б. Н. Чичеринъ, по поводу реформы во Псковѣ, замѣтилъ: „любопытно здѣсь участіе воеводы, который собственною властью вводитъ совершенно новыя учрежденія, и между тѣмъ это не считалось превышеніемъ власти; такъ все зависѣло отъ личнаго вліянія сановника". Областн. учрежд. XVII в. 562.

[2]) Объ ихъ значеніи въ этомъ отношеніи см. статью проф. Дитятина въ „Русской Мысли" 1881 года и Сбор. Археологич. Инст., т. IV, статья объ Уложеніи, стр. 31—42.

[3]) Въ приказахъ, откуда отпускались воеводы, назначеніе ихъ было источникомъ большихъ злоупотребленій: въ Разрядѣ и въ Казанскомъ дворцѣ, по словамъ Татищева, были сдѣланы оклады, что за каждый городъ взять, и кто платилъ, тотъ и получалъ ихъ. Воеводы, надѣясь на своихъ продавцевъ, смѣло грабили, и хотя были на нихъ челобитчики, но продавецъ города ревностно ихъ защищалъ. Голиковъ, Дополн. III, стр. 427. Чичеринъ. Област. учрежд., стр. 85—86. Причиною отмѣны нововведеній Ордина-Нащокина было, между прочимъ, выставлено то обстоятельство, что „такому уставу быть въ одномъ Псковѣ не умѣть и оттого будетъ смута большая". Дополн. къ Акт. историч. т. V, стр. 27. В. И.

Пріѣхавъ во Псковъ, Хованскій воспользовался противъ нововведеній Нащокина партіею недовольныхъ, которые стали обвинять послѣдняго въ произвольномъ и насильномъ составленіи челобитныхъ; а Хованскій, съ своей стороны, въ мрачныхъ краскахъ представилъ государю новые порядки во Псковѣ. Онъ указывалъ на то, что проѣзжія грамоты (подорожныя) за границу выдаются тѣми же невѣжественными выборными людьми, а Нащокина заподозрѣвалъ въ составленіи самой челобитной: „писалъ кто-то умный человѣкъ, а мужикамъ такъ было не сложить", замѣчаетъ онъ, очевидно намекая здѣсь на виновника реформы („а кто чернилъ и челобитную складывалъ, тому то дѣло надобно"). Послѣ такого донесенія всѣ нововведенія Нащокина были уничтожены и во Псковѣ возстановленъ старый порядокъ; питейный сборъ былъ отданъ на откупъ отъ казны, съ тѣмъ, что если не найдется откупщиковъ, то собирать деньги черезъ лучшихъ присяжныхъ людей. Только торговыя компаніи еще удержались на нѣкоторое время. Но питейный сборъ, слишкомъ чувствительный для казны и заманчивый для откупщиковъ, возбудилъ длинные споры и неудовольствія, и потому какъ только Хованскій былъ замѣненъ вскорѣ новымъ воеводою (княземъ Д. С. Великаго-Гагинымъ), партія, сочувствовавшая Ордину-Нащокину, снова подняла голову, надѣясь, при томъ значеніи, какимъ пользовался въ Москвѣ Нащокинъ, возстановить прежніе его порядки. Но и противники его также не дремали. Они послали челобитную въ Москву съ жалобою, что всѣ хлопоты сторонниковъ преобразованія были возбуждены насильственнымъ образомъ и что лучшіе люди вовсе не желали подписываться подъ ихъ просьбою. Ординъ-Нащокинъ пытался защитить свои преобразованія; жаловался на интриги Хованскаго; требовалъ пересмотра этого дѣла; наконецъ указывалъ на успѣхъ нѣкоторыхъ изъ своихъ мѣръ въ другихъ городахъ [1]),—все было напрасно. Поэтому онъ въ правѣ былъ сказать, сознавая всю горечь общепризнанной уже тогда истины, что дѣло его „возненавижено немилосердными людьми, приказною мздою",—ясный намекъ на нелюбовь къ его нововведеніямъ въ московскихъ приказахъ. Только касательно питейнаго вопроса, государь

---

[1]) Въ Смоленскѣ, въ свое пребываніе тамъ, онъ также ввелъ вольную продажу вина. Соловьевъ, т. XIII, стр. 116—124; Дополн. къ Акт. ист. V, стр. 27. В. И.

рѣшился было прибѣгнуть къ разъясненію: онъ приказалъ спросить всѣхъ жителей Пскова и области—чего они хотятъ? Но большинство жителей отказалось дать какой бы то ни было отвѣтъ: одни (дворяне, военные люди, отчасти крестьяне) по незнанію дѣла, другіе вовсе не явились на вызовъ правительства; а нѣкоторые опасались отъ вольной продажи развитія пьянства (въ томъ числѣ и духовенство). Посадскіе люди склонялись къ прежнему способу продажи вина—по кабакамъ, посредствомъ присяжныхъ. Тогда въ Москвѣ рѣшили: отдать кабаки на откупъ, а если никто не возьметъ, то передать на вѣру выборнымъ людямъ. Откупщики на этотъ разъ не явились [1]).

Не смотря на эту неудачу, идеи Ордина-Нащокина нашли себѣ мѣсто въ другихъ актахъ, имѣющихъ тѣсную связь съ торговлею и промышленностью. По миру съ Швеціей признана была вольная и безпрепятственная торговля для русскихъ и шведскихъ купцовъ; установлены были торговые дворы въ обоихъ государствахъ; былъ открытъ свободный проѣздъ для пословъ и дипломатическихъ агентовъ [2]), а въ пользу Россіи былъ выговоренъ свободный проѣздъ докторамъ, лекарямъ, всякимъ служилымъ и мастеровымъ людямъ. Въ 1666 г., въ военное время, была учреждена почта въ двухъ направленіяхъ: на Курляндію и въ Польшу. Она находилась подъ управленіемъ иностранца фонъ-Сведена. По миру же съ Польшею, для усиленія торговли и поддержанія постоянныхъ дипломатическихъ сношеній между обѣими сторонами, постановлено было учредить еженедѣльную почту отъ резиденціи польскаго короля черезъ Мстиславское воеводство и Смоленскъ

---

[1]) Солов. т. XIII, стр. 116—124. Дополн. къ Акт. ист. V, стр. 37.

[2]) „Купцы туземные, пишетъ Рейтенфельсъ, могутъ выѣзжать за границу, но съ позволенія царя и съ обязательствомъ возвратиться въ отечество. Въ Гольмѣ (въ Швеціи), въ Вильнѣ (Литвѣ) и др. пограничныхъ городахъ, они имѣютъ дома, гдѣ складываютъ свои товары и производятъ торгъ. Если товары нужно перевезти моремъ, то обыкновенно нанимаютъ суда у иностранцевъ за дорогую цѣну, потому что своихъ у нихъ не много и тѣ не прочны. Но что касается до сообщеній сухопутныхъ, то въ Московіи вездѣ по большимъ дорогамъ разставлены лошади, которыхъ можно брать за небольшую плату и ѣзда производится такъ быстро, что гонцы царскіе отъ самыхъ отдаленныхъ рубежей государства переносятся въ столицу въ самое короткое время". Рейтенфельсъ, стр. 44—45. О поѣздкахъ купцовъ за границу у Котошихина, глава IV, стр. 43. В. И.

до Москвы. Торговые люди обязывались за пересылку писемъ платить по обычаю, заведенному во всѣхъ государствахъ.

Устройство и завѣдываніе почтами Ординъ-Нащокинъ поручилъ довѣренному иноземцу Леонтію Марселису [1]). „Это великое государственное соединительное дѣло впередъ къ умноженію всякаго добра царству Московскому будетъ", писалъ о почтахъ Нащокинъ царю Алексѣю. Марселисъ нарочно отправился въ Вильну, гдѣ разыскалъ печатные торговые уставы о пошлинахъ съ товаровъ и привезъ ихъ въ Москву. Бояре обратились за разрѣшеніемъ этого вопроса къ гостямъ, но, они, опасаясь разоблаченія своихъ злоупотребленій, наговорили на Марселиса и нашли себѣ поддержку въ приказѣ, подчиненномъ тому же Ордину-Нащокину, почему онъ вынужденъ былъ защищать своего любимца передъ царемъ [2]). Тѣмъ не менѣе заграничная почта на Вильну и Ригу была заведена и оставалась въ вѣдѣніи посольскаго приказа, а потомъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, до 1782 г. [3]).

Въ Москвѣ Ордину-Нащокину удалось провести и свои идеи о торговлѣ въ такъ называемомъ ново-торговомъ уставѣ, утвержденномъ 22-го апрѣля 1667 г. [4]). Уставъ этотъ былъ вызванъ жалобами гостей и торговыхъ людей на привозъ иностранцами худыхъ и поддѣльныхъ товаровъ. Торговый уставъ исходитъ изъ тѣхъ же основаній, какъ и торговыя компаніи, учрежденныя прежде во Псковѣ. „Во всѣхъ окрестныхъ государствахъ, говоритъ авторъ его, свободные и прибыльные торги считаются между первыми государственными дѣлами; оберегаютъ ихъ съ великою осторожностью и держатъ въ вольности относительно пошлинъ, въ интересахъ народнаго богатства". Въ уставѣ приводятся тѣ же начала купеческихъ компаній. Онъ требуетъ, чтобы московскій гость и его товарищъ, избиравшіеся для надзора за ходомъ ярмарки и сбора пошлинъ въ Архангельскѣ, выбирались изъ лучшихъ людей, а не по своему богатству. Эти лица разбирали всѣ

---

[1]) Подробности см. Историч. обозр. россійск. законоположенія Спб. 1826 г., т. XXXVI.

Объ отличіи почтъ отъ ямовъ см. о Ямахъ до конца XVII в. Ж. М. Н. Пр. т. XXXI, стр. 131.

О почтахъ у Рейтенфельса, 45.

[2]) Соловьевъ, т. XII, стр 70—71.

[3]) Труды и лѣт. М. О. Ист., VI, стр. 188.

[4]) П. Собр. Зак. т. I, № 408. Собр. госуд. грам. IV, № 55. В. И.

торговыя и таможенныя дѣла между русскими и иностранными купцами, независимо отъ воеводъ. Точно также уставъ ограждаетъ интересы русской торговли отъ иностранныхъ купцовъ: предоставляя московскимъ купцамъ свободную торговлю съ иностранцами въ пограничныхъ городахъ и на ярмаркахъ, онъ требуетъ, чтобы послѣдніе вели торговлю въ русскихъ городахъ только съ мѣстными купцами и не торговали между собою. Ни одинъ иноземецъ не можетъ продавать своихъ товаровъ въ розницу и ѣздить съ ними по ярмаркамъ. Въ Москву и внутренніе города допускались только тѣ иноземцы, у которыхъ были жалованныя грамоты за красною печатью [1]). Уставъ опредѣляетъ также порядокъ торговли для восточныхъ купцовъ (персіянъ, индѣйцевъ, бухарцевъ, армянъ, кумыковъ, черкесъ) въ Астрахани и внутреннихъ городахъ, и для грековъ, молдаванъ и валаховъ въ Путивлѣ и внутреннихъ городахъ (въ послѣднихъ случаяхъ пошлина увеличивалась). Слѣдуя господствовавшей тогда меркантильной системѣ, уставъ покровительствуетъ привозу иностранной монеты въ Россію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отмѣняетъ множество мелкихъ пошлинъ (подужное, мыто, сотое, тридцатое, десятое, свальное, складки, повороты, статейныя, мостовое, гостиное и др.), замѣнивъ ихъ платою съ рубля. Онъ строго регулируетъ роды и мѣсто торговли (въ рядахъ и лавкахъ). Въ связи съ этимъ монахамъ и монастырямъ, обладавшимъ значительными торговыми правами, запрещено было торговать, кромѣ произведеній своего рукодѣлія [2]). Съ другой стороны, уставъ предлагаетъ мѣры, направленныя противъ роскоши, чтобы

---

[1]) Замѣчательно, что евреи успѣли добыть себѣ въ цар. Алексѣя такія грамоты; между тѣмъ даже для торговли грековъ въ 1647 г. былъ назначенъ одинъ пограничный городъ—Путивль. Евреямъ давались заказы для двора, напр. покупка венгерскихъ винъ. Они привозили въ Москву сукна, жемчугъ и др. товары, Соловьевъ, XIII, 126.

При дворѣ Алексѣя были евреи-доктора; на патріаршемъ дворѣ жили крещенные евреи, надѣлавшіе много хлопотъ Никону, во время его опалы. (Зап Арх. общ. по отдѣлу словесн. II, 14). „Вообще жиды съ недавняго времени, замѣчаетъ Коллинсъ, очень размножились въ городѣ и при дворѣ: имъ покровительствуетъ лекарь-жидъ (почитаемый за лютеранскаго перекреста), который помогаетъ въ любовныхъ дѣлахъ Богдану Матвѣевичу (Хитрово), завѣдывающему домовыми дѣлами царя и доставляетъ ему полекъ". Ординъ-Нащокинъ, напротивъ, строго относился къ хитростямъ и проискамъ евреевъ, которые его не любили за это. Стр. 36.

[2]) П. Собр. Зак. I, 699—700. В. И

предостеречь народъ отъ расточительности, какъ и въ другихъ государствахъ берегутъ серебро: такъ, запрещаютъ его носить людямъ не чиновнымъ, а простымъ людямъ—носить шелкъ и сукна. Наблюденіе за провозомъ предметовъ роскоши (дорогихъ каменьевъ, узорчатыхъ вещей) возлагается въ пограничныхъ городахъ на цѣловальниковъ и головъ. Съ этою цѣлью уставъ рекомендуетъ возвышеніе пошлины или совершенное запрещеніе ввоза означенныхъ товаровъ, а также и увеличиваетъ пошлину на иностранныя вина.

По своему общему характеру купеческія компаніи Ордина-Нащокина были предшественницами торговыхъ, корабельныхъ и друг. компаній Петра В.; стремленіе же оградить интересы торговаго класса отъ административнаго произвола („воеводскихъ налогъ" и „приказныхъ волокитъ") и сосредоточить торговыя дѣла въ спеціальномъ учрежденіи выразилось въ образованіи „приказа купецкихъ дѣлъ" [1]),—предшествовавшаго промышленнымъ коллегіальнымъ учрежденіямъ Петра Великаго. На новый приказъ возлагалась защита торговыхъ людей въ пограничныхъ городахъ отъ иностранныхъ государствъ и во всѣхъ внутреннихъ городахъ Россіи отъ воеводъ, ему предоставлялись судъ и расправа по жалобамъ купцовъ на другихъ людей. Начальникомъ его назначался бояринъ, по выбору государя.

Иностранцы пытались, конечно, обойти стѣснительныя для нихъ условія торговаго устава. Такъ, вскорѣ уже послѣ его утвержденія (въ 1669 г.) Петръ Марселисъ, представилъ въ посольскій приказъ проектъ, клонившійся къ измѣненію главныхъ его положеній, настаивая на свободномъ доступѣ иностранцевъ во всѣ города государства, подъ условіемъ покупки товаровъ на ефимки и золотую монету. Призванные, для обсужденія его, въ посольскій приказъ, гости и торговые люди указывали на опасность отъ этой мѣры для русской торговли, утверждая, что золото и ефимки будутъ проданы иностранцами восточнымъ купцамъ и лишь весьма немного ихъ останется въ предѣлахъ Московскаго государства, а русскіе товары они получатъ въ половину дешевле противъ архангельской цѣны [2]).

---

[1]) Соловьевъ, XIII, 128—129.

[2]) Ib., 127—128. В. И.

Проектъ Марселиса не имѣлъ успѣха. Между тѣмъ еще въ маѣ 1667 г. состоялся договоръ съ одной восточной компаніей, подданными персидскаго шаха, армянами Степаномъ Ромадамскимъ и Григоріемъ Лусиковымъ, о провозѣ черезъ Россію шелку-сырцу и другихъ персидскихъ товаровъ, вмѣсто провоза ихъ черезъ Турцію. Товары эти предназначались въ Россію и другія государства, а мѣстомъ сбыта ихъ назначались Астрахань, Москва, Смоленскъ, Псковъ, Архангельскъ, Новгородъ и заграничныя мѣста; агентомъ компаніи въ Москвѣ былъ утвержденъ англичанинъ Брейнъ. Въ договорѣ устанавливались провозныя пошлины къ мѣсту назначенія и обратно, а также за провозъ нѣмецкихъ товаровъ, пріобрѣтенныхъ въ пограничныхъ городахъ [1]).

Впрочемъ замѣшательства на Волгѣ, вслѣдствіе Разиновскаго движенія, повредили на первыхъ же порахъ этому предпріятію. Казна не получила предполагавшихся выгодъ, а со вступленіемъ въ управленіе иноземнымъ приказомъ Матвѣева, русскіе купцы (1672 г.) вошли съ ходатайствомъ объ ограниченіи торговли армянъ одною Астраханью, какъ убыточной для нихъ и для казны. Правительство хотѣло допустить армянъ, по крайней мѣрѣ, въ Москву, Архангельскъ и др. русскіе города, но, кажется, проникнуть туда имъ не удалось [2]).

Въ то же время Ординъ-Нащокинъ устроилъ и обезопасилъ путь для приходящихъ въ Москву бухарскихъ, хивинскихъ и балхинскихъ купеческихъ карavановъ, приготовилъ русское посольство къ отправленію въ Индію [3]), и обратилъ вниманіе на Китай, въ интересахъ безопасности русской границы. Съ этою цѣлью онъ исходатайствовалъ многія преимущества для поселившейся при Амурѣ вольной станицы казаковъ и хотѣлъ образовать изъ нихъ корпусъ регулярнаго войска. Вообще, онъ имѣлъ въ виду, чтобы выгоды восточной торговли оставались въ рукахъ Россіи [4]).

Въ XVII вѣкѣ борьба между иностранцами за обладаніе торговымъ рынкомъ въ Россіи достигаетъ крайнихъ предѣловъ. Соперничество между Англіей и Голландіей подавало большія на-

[1]) Соловьевъ, XII, 281—82. Полн. Собр. Зак. I, № 409 и 410.
[2]) Ibid. 287—290.
[3]) Труды и лѣт. VI, 189.
[4]) Терещенко, 53; Берхъ, Ист. царств. Алекс. Мих. I, 331.

дежды на осуществленіе этихъ намѣреній со стороны ближайшихъ сосѣдей Россіи. Такъ, въ половинѣ XVII вѣка, Швеція стремилась, хотя и безъ успѣха, перенести торговлю Россіи съ Европою на прежніе ея пути,—на Балтійское море. Отголоскомъ этихъ стремленій служитъ весьма любопытная записка де-Родеса о московской торговлѣ. Авторъ ея самъ велъ торговлю съ Россіею и представилъ свою записку шведскому правительству. Она бросаетъ свѣтъ на одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ моментовъ въ исторіи европейской торговли: тотъ моментъ, когда главныя торговыя націи Европы стремились наперерывъ одна передъ другой утвердиться на сѣверѣ и захватить въ свои руки монополію сѣверо-восточной торговли, когда снова поднялся вопросъ, кому быть преемникомъ умершей Ганзы на Балтійскомъ морѣ—скандинавскому-ли племени, или только что выступившему на поприще европейской исторіи русскому племени.

Не имѣя возможности захватить берега Балтійскаго моря, русское правительство стѣсняло всѣми силами шведскую торговлю, запрещало вывозъ своихъ сырыхъ произведеній къ портамъ Балтійскаго моря, желая такимъ образомъ отвлечь отсюда иностранцевъ и перенести всю торговлю необходимыми для западной Европы произведеніями въ Архангельскъ. Торговля Нарвы и Ревеля пришла въ упадокъ; безпрерывные торговые трактаты и частыя посольства ясно свидѣтельствуютъ объ этой ожесточенной борьбѣ двухъ сосѣдей-соперниковъ, которую суждено было окончить Петру В. Мысль, положенная въ основаніе сочиненія Родеса—показать всю необходимость и важность оживленія упадающей торговли въ балтійскихъ провинціяхъ и перенесенія русской торговли съ Бѣлаго моря на Балтійское. Такимъ образомъ эта записка можетъ служить для насъ вѣрнымъ отраженіемъ всѣхъ намѣреній и мыслей, которыми руководилась тогда московская и шведская торговая политика.

Чтобы убѣдить шведское правительство въ опасности конкуренціи съ московскими купцами, авторъ записки въ самомъ началѣ ея такъ характеризуетъ торговую политику и способности русскихъ купцовъ: „Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ онъ, что въ этомъ отношеніи русская нація гораздо дѣятельнѣе всѣхъ остальныхъ, взятыхъ вмѣстѣ, въ чемъ весьма много помогаетъ москвитянамъ ихъ однообразная, умѣренная жизнь, дурная и незамысловатая

одежда и наконецъ то, что они на все обращаютъ вниманіе и изъ всего умѣютъ извлечь свою пользу, какъ-бы это ни было ничтожно и на что другія націи не обращаютъ никакого вниманія и бросаютъ какъ вещь совершенно негодную. Дѣйствительно, кто только домогается милости и ласки его царскаго величества, достигаетъ своей цѣли скорѣе всего, когда съумѣетъ придумать новую монополію или другой какой-нибудь уловкой доказать, что тотъ или другой товаръ доставитъ большую пользу казнѣ... Русскіе гости, избираемые изъ значительныхъ купцовъ, это факторы его царскаго величества". Чтобы парализовать сѣверную торговлю Россіи и направить ее въ Балтійское море, авторъ не стѣсняется рекомендовать самыя крайнія средства и даже обманы; онъ взвѣшиваетъ всѣ выгоды и неудобства одного и другого пути и представляетъ наглядные примѣры въ пользу своихъ доводовъ. „Между тѣмъ, говоритъ онъ, какъ на Балтійскомъ морѣ можно легко пустить капиталъ въ оборотъ въ одинъ годъ два раза, въ Архангельскѣ онъ обращается одинъ только разъ, и то съ большими затрудненіями. Этого мало: на Балтійскомъ морѣ можно сдѣлать обороты почти три раза въ годъ, и я могу завѣрить въ этомъ каждаго, если только исправить лѣтнюю дорогу отъ Москвы до Новгорода и Пскова и устроить на болотахъ хорошіе мосты". Въ заключеніе авторъ говоритъ о необходимости устройства правильной почты между Нарвою, Ригою, съ одной стороны, и Псковомъ и Новгородомъ съ другой, но которая находилась-бы вполнѣ въ рукахъ шведскаго правительства [1]).

Вся важность торговаго вопроса въ это время для Швеціи, съ цѣлью ослабленія на сѣверѣ русскаго вліянія, подтверждается появленіемъ вскорѣ же затѣмъ (1674 г.) другого оффиціальнаго сочиненія о русской торговлѣ, принадлежавшаго одному изъ членовъ шведскаго посольства, бывшаго въ Москвѣ,—Кильбургеру [2]).

---

[1]) Магазинъ Землевѣд. и путеш., изд. Фроловымъ, V, стр. 231–255 съ предисл. Бабста, и Эверсъ, Beiträge zur Kenntniss Russlands und seiner Gesch., Dorpat, 1816.

[2]) Büsching's Magasin, т. III: Unterricht vom russischen Handel wie solcher im Jahre 1674 durch ganz Deutschland getrieben worden. Въ 1820 г. оно было переведено на русскій языкъ Языковымъ, но этотъ переводъ составляетъ библіографическую рѣдкость. Дополненіе къ нему въ «Сѣверн. Архивѣ», 1823, ч. V, № 2.

В. И.

Значеніе Балтійскаго поморья и его торговыхъ пунктовъ для Россіи прекрасно понимало и московское правительство, а потому оно не щадило средствъ, чтобы упрочить господство Россіи въ этихъ предѣлахъ, но пока оно должно было отказаться отъ осуществленія своего плана. Теперь оно употребляетъ всѣ средства для обезпеченія русской торговли отъ захвата ея иностранцами и старается поддержать значеніе Архангельска. „Новоторговый уставъ" Ордина-Нащокина, одного изъ рѣшительныхъ защитниковъ русскихъ интересовъ въ Балтійскомъ краѣ, служитъ выраженіемъ тѣхъ же стремленій и интересовъ. Таково историческое значеніе этого акта. Послѣдующая дѣятельность Петра Вел. вполнѣ оправдала эти стремленія, давно уже намѣченныя русскою политикою и исторіею.

В. С. Иконниковъ.

Г. Кіевъ

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДАНИЛА ЯКОВЛЕВИЧЪ ЗЕМСКОЙ,

одинъ изъ птенцовъ Петра Великаго.

Подъ этимъ заглавіемъ мы помѣщаемъ весьма обязательно переданныя намъ Петромъ Васильевичемъ Лобановымъ Записки его двоюродной бабки, княжны Евы-Александры Васильевны Вяземской, въ замужествѣ Смирная, родная сестра Софьи Васильевны Лобановой,—Записки, сохранившіяся въ одномъ лишь отрывкѣ. Ева Смирная была внучка Данилы Яковлевича Земскаго, современника и одного изъ птенцовъ Петра Великаго. Настоящій отрывокъ, которымъ и ограничиваются сохранившіяся ея Записки, написанъ Евой Смирной въ тетрадку, въ 4-ю долю, стр. 17, почеркомъ почти уставцомъ, безъ малѣйшихъ знаковъ препинанія. Фактъ интересный: образованіе княжны Вяземской было до того пренебрежено, что оно все ограничилось чтеніемъ церковныхъ книгъ и рукодѣльными работами. Родилась она въ 1771 году, и проживъ долго, подъ старость поселилась въ Ново-Дѣвичьемъ монастырѣ, въ С.-Петербургѣ, еще въ бытность монастыря на Васильевскомъ острову. Скончалась въ новомъ его помѣщеніи за Московской заставой. Записки, нынѣ печатаемыя, писаны ею въ 1850-мъ году, на 79 году отъ рожденія [1]). Разсказъ Евы Смирной мы передаемъ по исправленіи правописанія подлинника, отнюдь не касаясь изложенія. Ред.

I.

Я родилась въ селѣ Кудаевѣ, подмосковной отца моего, князя Вяземскаго, которое принадлежитъ нынѣча (1850 г.) внуку его, князю Алексѣю Вяземскому. Родилась я въ послѣдній годъ чумы (1771 г.) при большомъ собраніи родства.

---

[1]) На первой страницѣ рукописи слѣдующая замѣтка Евы Смирной: „Село Кудаево, единственное удѣльное имѣніе, осталось въ рукахъ князей Вяземскихъ. Родословная была у батюшки, князя Василія Алексѣевича, но дядя покойный, князь Сергѣй Ивановичъ, взялъ у батюшки разсмотрѣть; такъ она и осталась у дяди. Кудаево принадлежитъ теперь внуку князя Василія Алексѣевича Вяземскаго“.

Дѣдъ мой Земской, отецъ моей матери, со всѣмъ семействомъ, съ дочерьми замужними и дѣвицами, переѣхалъ изъ Москвы въ Кудаево избѣжать опасности. Бабушка Соймикова, Прасковья Алексѣевна, съ дочерью Авдотьею Александровною, которая была въ замужествѣ послѣ за Арсеньевымъ, Василіемъ Дмитріевичемъ, и другія ея родныя. У бабки Соймиковой по близости Кудаева была маленькая деревня; у ней было два сына: Петръ и Николай; они жили въ своей деревни, но рано поутру къ чаю уже бывали въ Кудаевѣ.

Домъ хоша былъ очень большой, но по количеству гостей, хозяевамъ не было мѣста, такъ что мой отецъ и мать, соблюдая старинное гостепріимство, перешли жить въ баню, довольно пространную, гдѣ я и родилась, на самую заутреню Свѣтлаго Христова Воскресенья, 19-го апрѣля.

Дѣдушка Данила Яковлевичъ Земской былъ восхищенъ отъ радости; человѣкъ онъ былъ пребогатый, просилъ отца, чтобы мнѣ дали имя Евы, это имя было любезной его супруги, матери моей матушки. Дѣдушка Данила Яковлевичъ былъ чрезвычайно богатъ; вы можете представить какія ризки, какое приданое (онъ мнѣ сдѣлалъ), вѣрьте мнѣ, что я не лгу! Старинныя люльки были висяція; низъ былъ бархатный у люльки, венеціанскаго бархату; оцыпъ, старинное названіе, на чемъ висѣла люлька серебрянная; палки въ люлькѣ—серебрянныя; одѣяльцы парчевыя на собольемъ мѣху, самыя богатыя въ тогдашнее время; такой былъ манеръ, или по нынѣшнему мода; пелёнки, простыни самаго лучшаго голландскаго полотна, и камердухъ—это наволочки, сорочки камердухъ, былъ родъ линонъ-батистъ, батисты такіе были въ то время, какихъ уже нынѣ найти ни за что нельзя! наволочки, простыни, все обшиты брабантскими кружевами; игрушки всѣ были серебрянныя! Все это было принесено въ день крещенія; игрушки состояли: маленькій чайный приборъ, весь комплектный столовый сервизъ, по тогдашнему времени: стопы, кружки, зеркала серебрянныя, вызолоченныя и весь туалетъ, ящикъ, въ которомъ было уложено, серебрянный персидскій. Дѣдушка получилъ этотъ ящикъ отъ персидскаго хана въ подарокъ. Дѣдушка Данила Яковлевичъ Земской крестилъ меня съ дочерью своею Сусанною Даниловною, а моею теткою.

Когда чума кончилась, дѣдушка поѣхалъ въ Москву и взялъ меня съ собою, хотя ни отцу моему, ни матери моей не хотѣлось разстаться съ дочерью; но въ тогдашнее время не смѣли отказывать родителямъ, повиновались ихъ воли. Дѣдушка недолго наслаждился имѣть внучку при себѣ: мнѣ кончилось три года, дѣдушка окончилъ жизнь.

Люди родятся съ благословеніемъ Божіимъ, Господь каждому по милосердію Своему даетъ умъ, красоту, талантъ, богатство; меня Господь одарилъ памятью: въ 79 лѣтъ я пишу эти записки, справьтесь, вы не найдете ни прибавленнаго, ни убавленнаго.

II.

Отецъ мой и мать моя были крѣпко огорчены потерею дѣдушки; я, будучи трехъ-лѣтнею, напоминала матушкѣ, что дѣдушкинъ домъ былъ на Таганкѣ противъ церкви Спаса Нерукотвореннаго, церковь которую строилъ дѣдъ мой на свое иждивеніе. Домъ былъ преогромный, оранжереи, все, что, по тогдашнему, надобно было богатому человѣку имѣть.

Дѣдъ мой (по фамиліи) Земской былъ изъ дворянъ, но самыхъ бѣдныхъ, богатъ былъ умомъ обширнымъ, его лицо изображало самаго умнаго, дѣятельнаго человѣка; у отца моего былъ его портретъ; батюшка покойный любилъ его, почиталъ его за умъ и дѣятельность; справьтесь по лѣтописямъ, съ которыхъ поръ дворяне прежде назывались граждане.

Блаженной памяти императоръ Петръ I, желая блага своему государству, самъ учился художествамъ, былъ корабельной плотникъ, токарь; самъ сапоги чинилъ, показывалъ примѣръ подданнымъ, желая просвѣтить отечество въ художествѣ. Когда государь Петръ I отправился въ Голландію, то пожелалъ взять у добрыхъ и достойныхъ отцовъ молодыхъ людей для обученія мануфактуръ,—18 человѣкъ. Учились въ Голландіи: Земской, Затрапезной, Лакастовъ, Балашевъ. Земской учился шелковой мануфактурѣ; Затрапезной—холщевой; Балашевъ—золотой; Лакастовъ—бумажной. Живучи въ Голландіи, они учились и

иностраннымъ языкамъ. Когда они бывали въ Голландіи, они не знали, что Петръ I былъ ихъ императоръ: они съ нимъ обращались какъ съ добрымъ товарищемъ.

Пробывъ въ Голландіи семь лѣтъ (sic), государь возвратился въ Россію; приказано было имъ возвратиться тоже въ свое отечество. Доѣхавъ до Ревеля, государь пригласилъ ихъ идти за нимъ въ Ревельскій трактиръ; они послѣдовали приглашенію. Государь переступилъ порогъ, трактирщикъ закричалъ: „а! Петръ Великій!“ Можно представить удивленіе сихъ молодыхъ, еще можно сказать юношей! Пали ему въ ноги, просили прощенія, и наконецъ государь приказалъ имъ встать и сказалъ:

— „Друзья мои, вы передо мною ни въ чемъ не виноваты, какъ вы были друзьями моими, такъ и останетесь“.

Наконецъ прибыли въ С.-Петербургъ, гдѣ уже ихъ родители ожидали. Государь приказалъ представиться родителямъ, объявилъ имъ полное удовольствіе и благоволеніе за дѣтей и за ихъ старанія и прилежность; государь спросилъ у отцовъ: какой награды желаютъ дѣтямъ своимъ отъ государя? Отвѣчали:

— „Государь! никакой награды, ни чиновъ, ни почестей не надо; лишь бы они слуги вѣрные тебѣ были, что тебѣ угодно будетъ, въ то ихъ и посвяти“.

Государь пожаловалъ Затрапезному пять тысячъ душъ подъ фабрику и Алексинскую бумажную. Земскому пожалована тоже подъ фабрику Купавинская.

И такъ, по волѣ царя, съ благословеніемъ родителей, и стались (они) фабрикантами.

Въ продолженіи времени дѣдъ мой Земской сдѣлался очень богатъ, и благодарность его къ государю такъ была ревностно соблюдена и посѣяна въ глубинѣ сердца его, что онъ не думалъ пріобрѣтать имѣнія для семейства своего, но для пользы отечества. Такъ прежде старики думали, и чтобы угодить батюшкѣ государю! Государь большаго вниманія былъ о Земскомъ; будучи въ Москвѣ, соблаговолилъ быть въ Купавнѣ у дѣдушки на обѣденномъ столѣ и оставался до вечера; разсматривалъ фабрику, домъ и въ храмѣ Божіемъ молился; очень доволенъ былъ, и съ тѣхъ поръ довольно часто посѣщалъ Купавну, это сдѣлалось его любимое гулянье. Купавна тридцать верстъ отъ

Москвы. Государь одинъ день призываетъ Земскаго къ себѣ, объявляетъ ему свое желаніе:

— „Данила Яковлевичъ, я очень бы желалъ открыть съ Персіею торги, какъ бы ты думалъ?"

Земской, не задумавшись, отвѣчалъ: „ваше императорское величество, позволь мнѣ, я человѣкъ богатый, построю корабли на свой счетъ, нагружу россійскими товарами и отправлю; пожалуй мнѣ только конвой провожатыхъ и орудій мѣдныхъ много, пушекъ налить можно, надобно людей для аріентальныхъ языковъ. Я знаю армянъ, одинъ уже у меня на фабрикѣ—Лазаревъ, (это былъ отецъ Ивана Лазаревича Лазарева).

Государь такъ былъ доволенъ симъ предложеніемъ Земскаго, разцѣловалъ его и пожаловалъ ему, въ память того дня, съ надписью кубокъ и ковшикъ золотой. Вотъ откудова Лазаревыхъ знатный родъ пошелъ. Мнѣ сама покойная Екатерина Ивановна, супруга Ивана Лазаревича, разсказывала, она была урожденная Мирзаханова.

Когда было все готово, отправились корабли, и ихъ было числомъ пять. Пробывъ въ Персіи полтора или три года, возвратились назадъ съ открытіемъ торговли съ Персіею. Въ тогдашнее время ничего не начинали безъ молитвъ, безъ благословенія Божьяго, молилися усердно, съ вѣрою чистою, и просили Господа Бога помочи въ начатіи дѣла.

Читатель моихъ записокъ можетъ живо представить государя императора удовольствіе, а Земскаго восхищеніе, что ему удалось волю и желаніе исполнить царя. Военный былъ начальникъ на корабляхъ Левашевъ, отецъ Василія Ивановича Левашева. Ханъ персидской былъ чрезвычайно доволенъ; переводчикомъ языковъ былъ Лазаревъ, онъ очень хорошо зналъ персидскій и турецкій языки и, натурально, свой природный армянскій. Корабли были нагружены персидскими товарами и подарками отъ хана государю императору. Между прочимъ и дѣдушка мой получилъ значительные подарки, начиная съ кресла, обитаго серебромъ, такъ какъ нынѣ аплике; задъ у креселъ былъ превысокій, убранный каменьями по азіацкому вкусу изумрудами, бирюзами, яхонтами и жемчугомъ; ларецъ серебрянный вызолоченный.

Выше я сказала, что дѣдушка на ризки мнѣ пожаловалъ столъ дубовый, противъ креселъ стоялъ предлинный обитый серебромъ, на серебрянной доскѣ была нарисована тарелка и на каждой тарелкѣ персидскіе фрукты.

И такъ торговля начала процвѣтать. Фабрика приходила Купавинская въ самое лучшее состояніе по своему художеству; я не видала послѣ такихъ матеріевъ, какія были даны матушкѣ въ приданое; матеріи шелковыя имѣли свои названія, напримѣръ: свистунъ, пирюенъ, люстринъ, гронитуръ, парча, штофъ, это правда, что было что носить! хорошо, прочно,—точно внучатамъ или правнучатамъ доставалось. Если-бы не пожаръ похитилъ матушку мою, была бы и у меня: какіе флеры были съ золотыми цвѣтами, разводами,—прелесть смотрѣть, не нынѣшнія тряпки! Гдѣ старинные китайскіе товары! Кто не зналъ прошедшій вѣкъ, тотъ судить не можетъ или не удалось видѣть старинныхъ издѣлій!

III.

Обращусь опять къ дѣду моему, который сдѣлался чрезвычайно богатъ; женатъ онъ былъ на Затрапезной, сестрѣ Алексѣя Ивановича Затрапезнова. По связямъ дружелюбія бывъ товарищами, воспитаны вмѣстѣ и выросли друзьями; по любви къ брату покойной моей бабки, женился дѣдъ, связь родства не нынѣшняго была свѣта и ненарушима, знали другъ друга, любили чистымъ сердцемъ.

Дѣдушка имѣлъ старшую дочь, которую выдалъ замужъ за отца моего, князя Вяземскаго. Мать моя была очень хороша собою; эту свадьбу сосваталъ князь Борисъ Николаевичъ Юсуповъ, мать моя была его крестница. Князя Бориса Николаевича супруга была Измайлова, Ирина Михайловна; матушка моя часто бывала у нея, когда была въ Петербургѣ, и меня ей представила, когда привезла меня въ Петербургъ къ благодѣтелемъ моимъ, къ князю Александру Алексѣевичу.

Вторая дочь, Сусанна, была за фабрикантомъ Максимомъ Алексѣевичемъ Демидовымъ, имѣла двухъ дочерей, Демидовыхъ:

Дарья умерла въ дѣвицахъ, Александра была въ замужествѣ за Фотіемъ Михайловичемъ Митьковымъ. Тетка Сусанна Даниловна вышла замужъ, овдовѣвъ, за Николая Александровича Соймонова. Соймоновы не по матери, т. е. не по теткѣ Сусаннѣ Даниловнѣ, мнѣ были родня, но сами по себѣ: мать Соймоновыхъ была ближняя родня отцу моему.

Третья вышла замужъ за Бобровскаго, Кирилла Прокофьевича. У ней была дочь Варвара Кирилловна, она скоро скончалась послѣ родовъ. Дочь ея была замужемъ за княземъ Друцкимъ-Соколницкимъ-Смоленскимъ.

Четвертая дочь была замужемъ за Аничковымъ, Антономъ Михайловичемъ, племянникомъ фаворитки императрицы Елизаветы Петровны, Сарры Даниловны Аничковой; ей пожаловано было мѣсто съ маленькимъ домикомъ и тогда еще на Фонталькѣ (Фонтанкѣ), а ручей, черезъ который былъ небольшой мостъ возлѣ самаго дома Аничковой и мостъ называли Аничковымъ, что и до сихъ поръ продолжается на мѣстѣ, гдѣ Аничковской дворецъ, гдѣ былъ домикъ Аничковой. Мой дядя Антонъ Михайловичъ (Аничковъ) былъ бы богатъ, но любилъ карты.

Пятая, Варвара Даниловна (Земская), была замужемъ—не могу вспомнить (за кѣмъ); но она отъ рожденія не была въ полномъ умѣ.

Дѣдушка имѣлъ у себя сына Данила Даниловича (Земскаго), но это былъ самый несчастный человѣкъ, онъ былъ не только не далекъ, но даже глупъ. Дѣдушка Земской вздумалъ его женить на дочери Прокофія Акинфіевича Демидова, Аннѣ Прокофьевнѣ; она была совершенная красавица, но какъ была хороша, такъ и не далека. Демидовъ, отецъ ея, онъ изъ ума былъ проказникъ большой: прислалъ на другой день свадьбы свинью, съ большимъ количествомъ денегъ, и приказалъ, если свинья будетъ хорошо принята, то деньги вручить, а если не примутъ, то назадъ привести; сумма (была) довольно значительная. Старинная пословица — нашла коса на камень! Демидовъ былъ уменъ, но Земской умнѣе его былъ, онъ смекнулъ въ чемъ дѣло, приказалъ ввести свинью въ комнату и разостлать скатерть; высыпали изъ боченковъ виноградъ. Свинья порядочно накушалась, тогда внесены были деньги.

Демидовъ былъ родной дядя Маріѣ Никитишнѣ Дурново.

Супруга молодого Земскаго до тѣхъ поръ (до того) была хороша, что при восшествіи на престолъ Екатерины II, былъ данъ маскарадъ во дворцѣ, въ коронацію въ Москвѣ. Государыня, увидавъ Земскую, была фрапирована ея красотою, приказала представить ее ко двору.

Все сіе не долго продолжалось. Дѣдушка, такъ какъ былъ большого ума человѣкъ, онъ сокрушался, не предвидя ничего хорошаго, и самъ покойный говаривалъ эту пословицу: „у богатаго мужика уроди Богъ сына дурака".

Земской часто напоминалъ прошедшее время, какъ государь Петръ I былъ до него милостивъ, сколько онъ имѣлъ (отъ него) рескриптовъ, какъ онъ ѣзжалъ въ Купавну.

(Онъ же, дѣдушка разсказывалъ намъ): Елизавета Петровна государыня, какъ любила Купавну, какъ часто бывала. (Такъ какъ) дѣдушка былъ воспитанъ въ Голландіи, (то) онъ удивительно наблюдалъ чистоту во всемъ. Государынѣ Елизаветѣ Петровнѣ (это) очень нравилось. Государыня императрица жаловала его какъ патріота отечества, отличала его за умъ; часто призывала его къ себѣ и разговаривала съ нимъ о пользѣ торговли. Бывъ въ Купавнѣ у него, она пожаловала ему большой цѣны перстень и приказала написать мѣсяцъ, число, годъ, когда она узнала Купавну по слѣдамъ предковъ ея.

Умъ, богатство, дѣятельность, почести, все смерть прекратила! Дѣдушка не сдѣлалъ духовной, досталось все въ руки безумнаго наслѣдника. Матушка моя говорила, что дѣдушка не видѣлъ никакого проку въ сынѣ, ни въ невѣсткѣ (и) это укоротило жизнь его.

IV.

Дядя (Данила Даниловичъ Земской) былъ слабъ умомъ, многіе воспользовались его слабостью; (онъ) началъ пить, жена оставила его. Не имѣвъ никакой нужды занимать деньги, (онъ) началъ давать векселя. Приставили опеку: вмѣсто поправленія— еще пуще раззореніе; опекуномъ былъ полковникъ Рагожинъ,

дядя родной по женѣ (сестра дѣдушкина была замужемъ—Анна Яковлевна за Раговиковымъ, овдовѣвъ вышла за мужъ за Рагожина).

Корыстолюбіе Рагожина еще болѣе надѣлало; дядя уже не только по глупости, но по пьянству своему пропилъ все имѣніе. Изъ благодарности къ дѣдушкѣ погубили сынка тѣ самые, которыхъ дѣдушка заставилъ жить, сдѣлавъ имъ состоянія; хорошо отблагодарили! даже части своей сестры не получили. Рагожинъ умеръ—всѣ концы въ воду.

Земской-дядя имѣлъ двухъ сыновей: они въ самомъ несчастномъ положеніи были; одинъ недолго жилъ, лѣтъ четырнадцати умеръ, а меньшой жилъ долго. Добрый Николай Никитичъ Демидовъ давалъ ему пенсіонъ, Ивану Даниловичу (Земскому), онъ уже былъ женатъ.

V.

Матушка моя имѣла самое доброе и благородное сердце, никогда ни корысти—любила, напротивъ, дѣлать добро. Хоша это записки, но всей правды писать нельзя: у ней была сестра—не назову, такъ вкралась въ нее, что хотѣла, то изъ нея дѣлала; сестрица была завидливаго характеру, ревновала, что матушка была за княземъ, ревновала ея красотѣ; матушка принимала ея совѣты свято и ненарушимо, которые не слишкомъ были полезны; старалась даже ближнихъ родственниковъ отважить отъ матушки; уже я была свидѣтель нѣкоторымъ происшествіямъ, вотъ какая разница въ характерахъ двухъ сестеръ; матушка скорбѣла, сокрушалась о поступкахъ брата ея, о его развратной жизни, даже я помню, какъ матушка плакала часто; тетушка—напротивъ, забавлялась, глядя на пьянаго развратнаго! Наконецъ дядя умираетъ, имѣніе все разошлось, Богъ одинъ свидѣтель, куды и кому!

Тетка Анна Прокофьевна (Земская, рожденная Демидова), жена его (Данилы Даниловича Земскаго) имѣла еще слѣды отыскать имѣнія наши—нѣкоторую часть, а не все; она всѣ нужныя бумаги сожгла въ печи, вотъ концы въ воду! пошла въ монастырь

въ Затетейской (?); не была пострижена, а жила приватно въ своихъ кельяхъ, которыя она выстроила на свой счетъ. Братъ ея, Николай Никитичъ Демидовъ, давалъ ей пенсіонъ по смерть въ монастырѣ; кончина жизни ея не была завидна послѣ того, какъ она жила, сына къ себѣ не пускала, и не называлась Земскою,— а Демидовою.

Я часто слыхала отъ матушки, что она говаривала: „Боже милостивый, за что такое наказаніе на семейство!"

Мать моя была предобродѣтельная, отецъ хотя и пріобрѣталъ имѣнія, но не съ обидою ближняго.

Государь поставилъ отца моего на степень, что къ нему имѣли почтеніе, уваженіе и любовь; отецъ бо̀льшею частью получилъ имѣнія отъ государя за умъ его, за усердіе къ государю и за любовь къ своей родинѣ; онъ былъ патріотъ, гдѣ слава, гдѣ честь, которою онъ пользовался во всю жизнь свою! кто не зналъ отца моего, кто не уважалъ его; памятники на столбахъ написаны въ Купавнѣ въ храмѣ божіемъ; былъ хлѣбосолъ, наставлялъ людей идти по пути истинной, нынчѣ все помирило конецъ жизни его, все взялъ съ собою, вотъ жизнь человѣческая!

Отецъ мой не былъ ни тщеславенъ, ни гордился ни богатствомъ, ни любовью къ себѣ государей: онъ жилъ подъ тремя коронованными главами. Все померкло, все умерло, и вотъ поведеніе дѣтей: начинаетъ тѣмъ, прекращаетъ жизнь, уничтожаетъ памятникъ.

Дѣдъ мой у царя Петра I былъ любимецъ; гдѣ объ немъ поминаютъ въ достопамятности, вотъ жизнь человѣка; дѣдушка былъ и бабушка хорошіе христіане, на томъ свѣтѣ награждены.

VI.

Затрапезной, Алексѣй Ивановичъ, совершенно равную участь имѣлъ съ дѣдушкою (моимъ) Земскимъ. Я исторію его всю слышала отъ доброй христіанки и любимой всѣмъ нашимъ семействомъ, благочестивой и справедливой дочери Сабакина,

Анны Савишны Баташевой; она была умная женщина, справедливая.

Сава Яковлевичъ Сабакинъ былъ экономическій крестьянинъ; будучи молодымъ мальчикомъ, началъ на Щукиномъ дворѣ сапоги подбивать; наживъ мало копѣекъ, пустился въ торгъ носить боченокъ на головѣ, торговать рыбою; наконецъ сдѣлался богачемъ, какими способами—дочь не могла говорить про отца, я въ невѣдѣніи остаюсь; но судя по поступку Сабакина съ сыномъ Затрапезнова — не богу-угодными. Это былъ братъ бабушки моей или племянникъ родной, наслѣдника богатаго, Сава Яковлевичъ подцѣпилъ какъ молодаго человѣка, подчивалъ, угощалъ, довелъ до того, что споилъ его съ круга долой и будто купилъ у него имѣнія, фабрику, домъ и все, что было въ домѣ: серебро, вещи, даже платья, за двѣсти тысячъ, а по тогдашнему стоило милліоновъ.

Вотъ и тогда какъ заводили молодыхъ людей, не боялись Бога! Прощай всѣ памятники!

Случилось мнѣ быть въ Ярославлѣ, когда уже всѣ эти имѣнія принадлежали Сабакинымъ наслѣдникамъ. Я по пріѣздѣ остановилась у внука стараго прикащика дѣда моего Затрапезнова, но отецъ его еще былъ живъ и былъ въ полной памяти. Я спросила его: гдѣ дѣдушка схороненъ? Онъ мнѣ отвѣчалъ:—„въ своемъ бывшемъ храмѣ, который онъ самъ строилъ“. Я отправилась исполнить долгъ мой, быть на могилѣ его и отслужить панафиду. По пріѣздѣ моемъ начала распрашивать старика. Скажу только то, какъ старые люди, служащіе своимъ господамъ, привязаны были: онъ зачалъ мнѣ разсказывать, неутѣшно плакавши, сказалъ мнѣ: „матушка, мы и отецъ мой жили при батюшкѣ Алексѣѣ Ивановичѣ въ царствѣ небесномъ, какой же онъ человѣкъ былъ! Государи къ нему ѣздили. Хоша я худо хожу, но поведу тебя, гдѣ государыня Елизавета Петровна кушала у нашего батюшки блаженной памяти Алексѣя Ивановича“. Я очень была довольна симъ предложеніемъ, рѣшилась отправиться въ развалину каменную, гдѣ находился армитажъ, канапе дубовое на блокахъ, которое поднимали на верхъ, столъ дубовый и тарелки дубовыя. Старикъ заставилъ и меня плакать, я его утѣшала. Онъ отвѣчалъ, что „было и что таперь! на все власть Божія, и домъ въ

какомъ упадкѣ, пруды заросли!", старикъ все плакалъ: „дѣтей нашихъ жаль, старины, поручите дѣтей Богу, власть Его святая!" Наконецъ я пожелала видѣть издѣлія самаго перваго сорта, принесли мнѣ; но передъ прежними скатертями — такая дрянь, что не похожа съ бывшимъ старымъ!

Евва Смирная,
рожденная княжна Вяземская.

Сообщ. 25-го ноября 1880 г. П. В. Лобановъ.

ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ЖУКОВСКІЙ

ВЪ ЕГО ПИСЬМАХЪ.

(Окончаніе).

ПЕРІОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ [1]).

Письма В. А. Жуковскаго къ Авд. Петр. Елагиной послѣ выхода Марьи Андреевны замужъ за Мойера до кончины ея въ 1823 году.

№ 47.

Къ Марьѣ Андреевнѣ.

(Спб. 1817 г. Весною).

Посылаю къ тебѣ деньги, милая Маша; увѣдомь о полученіи. Письма ваши получилъ. Бѣдная Дуняша! Ангелъ Дуняша! Какъ бы къ ней полетѣлъ! Но можетъ быть это еще и удастся—еще не прикованъ и очень можетъ статься, что и не буду прикованъ! Тогда къ ней поѣду! Прости милая! Писать некогда! Обними мужа и поцѣлуй ручки у нашей маменьки. Твой Ж.

№ 48.

Къ Авдотьѣ Петр. Елагиной [2]).

(25-го генв.—3-го февраля, 1820 г.).

Милая душа Дуняша, виватъ! пріѣзжаю изъ Дерпта и первая встрѣча письмо отъ васъ и въ немъ новорожденная! Благослови Богъ ее при входѣ въ жизнь и васъ на долгое съ нею товарищество! съ

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1883 г., томъ XXXVII, январь, стр. 181—212; февраль, стр. 429—456; мартъ, стр. 665—678; томъ XXXVIII, апрѣль, стр. 95—106; май, стр. 351—362; іюнь, стр. 541—556; томъ XXXIX, іюль, стр. 1—20; августъ, стр. 221—236; сентярь, стр. 533—544.

[2]) По первомъ мужѣ Кирѣевской; за Елагина Авд. Петр. вышла въ 1817 г.

нею и со всѣми нашими милыми. Эта гостья обрадовала мнѣ душу. Какъ жаль, что мы ее встрѣтили розно и что я уже двухъ самыхъ мнѣ близкихъ изъ вашей семьи не знаю въ лице. Я отъ всѣхъ оторванный кусокъ и живу такъ, что душа холодѣетъ. Бѣдная моя поэзія. Былъ въ Дерптѣ, какъ во снѣ. Тамъ тихо, но у всѣхъ у насъ одна болѣзнь—разлука! Чѣмъ отъ нея вылѣчить?—Чтобы дать вамъ понятіе о себѣ пришлю къ вамъ скоро списокъ всего, что я въ послѣднее время написалъ; хорошаго мало. Этотъ списокъ для васъ и для Анеты, которая давно меня наказываетъ самымъ жестокимъ молчаніемъ. Точно жестокимъ, потому что оно произвольное. Ей такъ легко писать письма. Она вѣрно на меня сердится; можетъ быть еще сбирается и разлюбить меня. Но послѣднему я не повѣрю, хотя бы то и отъ нея самой услышалъ. Я сбираюсь къ ней писать и ее допрашивать. Приготовьте ее къ допросу........

№ 49.

Спб. 1822 г.

...Вотъ вамъ еще доказательство моей убійственной лѣни. Я приготовилъ отпускную для людей Попова, и по сію пору не собрался ее засвидѣтельствовать; нынче хотѣлъ послать въ судъ, но праздникъ. И такъ надобно ждать почты. Непремѣнно пришлю на слѣдующей. Предувѣдомьте объ этомъ Попова и чтобы онъ не досадовалъ на мою неточность. Обнимаю васъ и всѣхъ вашихъ=моихъ (знакомыхъ и незнакомыхъ). Ради Бога, не поддавайтесь искушенію сердиться на меня за мою лѣнь и не убавляйте ничего изъ моего безцѣннаго сокровища, вашей ко мнѣ дружбы. Знать, что она у меня есть, принадлежитъ къ счастію жизни. Да напишите жъ ко мнѣ.

№ 50.

27-го іюля. Царское Село (1822 г.) [1].

Милая Дуняша, благодарствуйте за прелестное письмецо, которое такъ полно выраженія безцѣнной вашей дружбы; благодарствуйте за ваши упреки, которые къ несчастію заслуживаю—упреки за лѣнь разумѣется, а не за перемѣну въ моей къ вамъ любви. Какъ можетъ эта любовь перемѣниться, уменьшиться и прочее гадкое и невозможное? Вы мой милый представитель прекраснаго лучшаго времени жизни, товарищъ поэзіи и всего добраго. Можно ли съ вами когда

---

[1]) Собственно безъ означ. года, но „Іоанна д'Аркъ" начата въ 1821 году и окончена въ 1822 г., а въ письмѣ говорится объ окончаніи этого труда.

К. Зейдлицъ.

нибудь разстаться. Но моя убійственная лѣнь пріучила мою душу къ неподвижности. Это болѣзнь и тяжелая болѣзнь, отъ которой я самъ болѣе страждѵ, нежели всѣ вы: безъ вины имѣю то чувство, какое долженъ имѣть виноватый. Впрочемъ теперь я менѣе виноватъ передъ вами, нежели сколько вы думаете: вы пишете о двухъ вашихъ письмахъ, адресованныхъ прямо на мое имя, письмахъ, въ которыхъ вы говорите, подробно о всемъ, что въ послѣднее время съ вами было (такъ думаю, прочитавъ ваше послѣднее письмо, полученное черезъ Батенкова)—но я не получалъ этихъ писемъ! Поищите ихъ у себя! точно ли вы послали? А естьли послали, то когда и какой былъ адресъ! (мой самый вѣрный адресъ: въ Аничковскомъ дворцѣ, отдать швейцару для доставленія). Пожалуйста поищите, вѣрно онѣ у васъ въ какомъ нибудь ящикѣ! Мнѣ ихъ жаль чрезвычайно. Вамъ однако не трудно будетъ и въ другой разъ написать написанное. Вы ничего не сказали мнѣ о томъ получили ли вы мое безсловесное письмо, писанное цвѣтками? па него со временемъ будетъ коментарій. По крайней мѣрѣ оно должно было засвидѣтельствовать вамъ, что въ лучшія минуты путешествія моего вы были моимъ товарищемъ: теперь стараюсь возобновить его въ воспоминаніи и можетъ быть моя Муза пробудится. Вамъ давно она не откликалась. Въ концѣ нынѣшняго года, вѣроятно, будете вы имѣть все, что она сдѣлала въ послѣднее время. Іоанна [1]) кончена въ Берлинѣ: переводъ близкій и надѣюсь, что вы будете имъ радоваться, но для меня не будетъ радости читать его вамъ: вотъ одно изъ очарованій, отнятыхъ для меня у поэзіи! Здѣсь подлѣ меня одна Саша; въ ея гармонической душѣ все отзывается для меня по прежнему, но поэзія уже перестала быть отголоскомъ жизни! Она теперь бываетъ по временамъ однимъ наслажденіемъ. Весело творить! Это наполняетъ душу и душа выражается въ томъ, что она производитъ. Но это прекрасныя минуты, раздѣленныя пустыми промежутками. Прошедшій годъ однако былъ богатъ разнообразными, живыми наслажденіями: и естьли бы я болѣе писалъ къ моимъ милымъ, то эти наслажденія были бы полныя. Но я подѣлюсь съ вами ими въ воспоминаніи. Вы же, мой милый другъ, напишите мнѣ снова ваше потерянное письмо: познакомьте меня со всѣмъ вашимъ! Только не говорите: что же насъ раздѣляетъ? Ничто! ничто раздѣлять не можетъ! Вы писали мнѣ о Ваничкѣ—что-не знаю! Напишите опять. Скажу, что думаю, но знать прежде хочу ваши мысли—а теперь только скажу о Поповѣ. Посылаю отпускную людамъ его. Онъ проситъ за нихъ 2,400 рублей; но у меня денегъ

---

[1]) „Орлеанская дѣва“ или Іоанна д'Аркъ.

нѣтъ. Можете ли вы мнѣ помочь въ этомъ случаѣ и вотъ какъ? Я соглашаюсь дать ему 2,000, остальные же 400 самимъ его людямъ будетъ за себя заплатить не трудно! Естьли онъ согласится, то дайте ему заемное письмо въ 2,000 р. (и т. д., слѣдуютъ расчеты).

№ 51.

19-го сентября. (Ц. Село, 1822 г.).

Вотъ вамъ, безцѣнная моя Дуняша, отпускная Попова людямъ и при ней письмо, къ вамъ написанное, и залежавшееся у меня отъ разныхъ препятствій, помѣшавшихъ мнѣ засвидѣтельствовать въ судѣ бумагу, которую три раза переписывалъ, благодаря моему искусству все откладывать. Жду отъ васъ письма. Мы же всѣ здоровы. Завтра перебираюсь изъ Царскаго Села въ С.-Петербургъ. По пріѣздѣ туда тотчасъ примусь за изданіе новое и полное своихъ сочиненій; въ ихъ числѣ будетъ и Іоанна (которую NB запретили представлять на театрѣ). Теперь же не писалъ ничего, хотя и есть что писать, а подумайте что дѣлалъ! Гравировалъ. За то вы скоро получите собраніе моихъ рисунковъ, сдѣланныхъ въ Швейцаріи и мною почти совсѣмъ выгравированныхъ (au trait). Ихъ болѣе семидесяти. Это будетъ для васъ интересно. Теперь пока простите. Буду отвѣчать на ваше письмо, какъ скоро его получу. Но не медлите, душа. Дайте мнѣ всю вашу исторію. Собираюсь въ концѣ мѣсяца въ Дерптъ съ Е. Аѳанасьевной. Съ Машей побесѣдую объ васъ. Видаете ли Тургенева? Цѣлуйте мужа и дѣтей. А я все-таки вашъ всею душею.

№ 52.

(Спб. 8-го января 1823 г.).

Милая Дуняша, что же нѣтъ отъ васъ ни строчки отвѣта? Получили ли вы мое письмо, рисунки, отпускную и прочія рѣдкости? Что вы скажете? что поетъ Поповъ? Тебѣ Бога хвалимъ или вскую мя оставилъ? Но дѣло не о Поповѣ, а обо мнѣ. (Идутъ денежные расчеты). Прошу васъ мнѣ отвѣчать, милая, и поскорѣе, поскорѣе. Дѣло состоитъ въ томъ, что я принимаюсь за новое изданіе своихъ твореній. Деньги даетъ мнѣ взаймы вел. княгиня; но изъ этой суммы долженъ я взять нѣсколько для уплаты долга и въ мартѣ надобно непремѣнно будетъ уплатить 3,000. Естьли не внесу въ данную мнѣ сумму взятыхъ изъ нея денегъ, то изданіе остановится. Естьли же оно будетъ таково, какимъ я предполагаю его сдѣлать, то я заплачу и долгъ свой и еще черезъ нѣсколько лѣтъ, то есть по распродажѣ всего изданія, можетъ у меня остаться въ карманѣ болѣе 20,000. Видите сами, что время

поэзіи начинаетъ смѣняться временемъ разсчетовъ. Простите, жду вашего отвѣта. И еще жду, что вы напишете мнѣ подробно о томъ, что вы намѣрены сдѣлать съ Ванюшей и Петрушей. До прочихъ еще далека пѣсня. Приложенное письмо отдайте Василію Николаевичу Юшкову. А супруга своего за меня обнимите. Вашъ Жуковскій.

№ 53.

(Спб., начало 1823 г., послѣ 8-го генваря).

Милая Дуняша, благодарю васъ за ваше милое письмо, на которое по обыкновенію я не отвѣчалъ и отвѣчаю поздно. Благодарствуйте за исполненіе однихъ порученій и за намѣреніе исполнить другія. Очень радъ, что мои эсклавы получили волю; хочу поскорѣе дать ее и другимъ. Это поручилъ я Василью Татаринову, который вручитъ вамъ это письмо и который взялся написать въ Бѣлевѣ по формѣ отпускную, которую здѣсь напишу и пришлю къ вамъ или къ Алексѣю Сергѣевичу (и т. д., идутъ денежные расчеты).

Печатаніе Іоанны началось и вы получите ее тотчасъ по окончаніи. Ценсура поступила съ нею великодушно quant à l'impression и неумолимо quant à la representation [1]). Все къ лучшему: здѣшніе актеры уходили бы ее не хуже цензуры.

Оставимъ все это; писать некогда. Посылаю вамъ еще 6 гравюръ Гатчины, и нѣсколько гравюръ моихъ же изъ моего путешествія: хочется сдѣлать ему описаніе и съ рисунками. Но всѣ, которыя теперь посылаю, будутъ передѣланы. Это только для васъ. Обнимите мужа и дѣтей.

№ 54.

Марта 28-го 1823 г. [2]).

Кому могу уступить святое право, милый другъ, милая сестра, и теперь вдвое противъ прежняго говорить (съ вами) о послѣднихъ минутахъ нашего земнаго Ангела, теперь небеснаго, вѣчно безъ измѣненія нашего. Съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь, вы почти безпрестанно въ моей памяти. Съ ея святымъ переселеніемъ въ неизмѣняемость прошедшее какъ будто ожило и пристало къ сердцу съ новою силою. Она съ нами на все то время, пока здѣсь еще пробудемъ. Не вижу глазами ее, но знаю, что она съ нами и болѣе наша, наша спокой-

---

[1]) Что касается печатанія и неумолимо относительно представленія на театрѣ.

[2]) Это письмо напеч. въ біогр. Жуковскаго стр. 131.

6*

ная, радостная, товарищъ души, прекрасный, удаленный отъ всякаго страданія. Дуняша, другъ, дай же мнѣ руку во имя Маши, которая для насъ все существуютъ; не будемъ говорить: ее нѣтъ! C'est un blasphème! [1]) Слезы льются, когда мы вмѣстѣ и не видимъ ее между нами. но эти слезы по себѣ. Прошу васъ ея именемъ. помнить объ насъ. Это должность, это завѣщаніе! Вы были ея лучшій другъ—пусть ея смерть будетъ для насъ таинствомъ, гдѣ два будутъ во имя мое, съ ними буду и я. Вотъ все! Исполнимъ это. Подумайте, что это говорю вамъ я, и дайте мнѣ руку съ прежнею любовью. Я теперь съ ними. Эти дни кажутся вѣкомъ. 10 числа я съ ними простился, безъ всякаго предчувствія, съ какою-то непонятною безпечностію. Я привелъ къ нимъ Сашу и пробылъ съ ними двѣ недѣли; недѣлю лишнюю противъ даннаго мнѣ срока; должно было уѣхать; но Боже мой! Я могъ бы остаться еще десять дней—эти дни были послѣдніе здѣшніе дни для Маши! Боюсь останавливаться на этой мысли; бываютъ предчувствія, чтобы мутить душу; для чего же здѣсь не было никакого милосерднаго предчувствія? Было поздно, когда я выѣхалъ изъ Дерпта, долго ждалъ лошадей; всѣхъ клонилъ сонъ; я сказалъ имъ, чтобы разошлись, что я засну самъ. Маша пошла наверхъ съ мужемъ. Сашу я проводилъ до ея дома; услышалъ еще голосъ ея, когда готовъ былъ опять войдти въ двери, услышалъ въ темнотѣ, прости! возвратясь проводилъ Машу до ея горницы; она взяла съ меня слово разбудить ихъ въ минуту отъѣзда; и я заснулъ. Черезъ полчаса все готово къ отъѣзду; встаю, подхожу къ лѣстницѣ, думаю, идти-ли, хотѣлъ даже не идти, но пошелъ—она спала; но мой приходъ ее разбудилъ—хотѣла встать, но я ее удержалъ. Мы простились, она просила, чтобы я ее перекрестилъ, и спрятала лицо въ подушку—и это было послѣднее на этомъ свѣтѣ. И черезъ десять дней, я опять на той же дорогѣ, на которой мы вмѣстѣ съ Сашею ѣхали на свиданіе радостное и съ чѣмъ же я ѣхалъ! Ея могила нашъ алтарь вѣры, недалеко отъ дороги и ее первую посѣтилъ я!

Я смотрѣлъ на небо другими глазами; это было милое, утѣшительное, Машино небо. Ея могила для насъ будетъ мѣстомъ молитвы. Горе объ ней тамъ, гдѣ мы; но на этомъ мѣстѣ одна только мысль о ея чистой, ангельской жизни, о томъ, что она была для насъ живая, и о томъ, что она нынѣ есть для насъ небесная. Послѣдніе дни ея были веселы и счастливы. Но не пережить родинъ своихъ было ей назначено и ничто не должно было ее спасти. Положеніе младенца было таково, что она не могла родить счаст-

---

[1]) Это святотатство

ливо; но она не страдала, и муки родинъ не сильныя и не продолжительныя. Въ субботу 17-го марта она почувствовала приближеніе родительной минуты; по утру были легкія муки—къ обѣду все успокоилось—она провела все послѣ обѣда съ Сашею, была весела необыкновенно; къ вечеру сдѣлались муки чаще, но и прежде и послѣ ихъ была потеря крови и въ ней то причина смерти. Ребенокъ родился мертвый—мальчикъ. Въ минуту родинъ она потеряла память—пришла черезъ нѣсколько времени въ себя; но силы истощились и черезъ полчаса все кончилось! Они всѣ сидѣли подлѣ нея; смотрѣли на ангельское, спящее, помолодѣвшее лицо, и никто не смѣлъ четыре часа признаться, что она скончалаcь. Боже мой! а меня не было! Въ эти минуты была вся жизнь, а я долженъ былъ ея не имѣть! я долженъ былъ не видѣть ея лица, яснаго, милаго, веселаго, увѣряющаго въ безсмертіи, ободряющаго на всю жизнь. Саша говоритъ, что она не могла на нее наглядѣться.

Она казалась точно такою, какова была 17-ти лѣтъ. Въ голубомъ платьѣ, подлѣ нея младенецъ, миловидный, точно заснувшій. Горе было для всѣхъ; здѣсь всѣ ее потеряли. Знакомый и незнакомый прислалъ цвѣты, чтобы украсить столъ, на которомъ лежали наши два Ангела, и жившій, и нежившій! Она казалась спящею на цвѣтахъ. Всѣ проводили ее, не было никого, кто бы объ ней не вздохнулъ. Ангелъ моя, Дуняша, подумайте, что обо всемъ этомъ пишу къ вамъ я, и поберегите свою жизнь. Другъ милый, примемъ вмѣстѣ Машину смерть, какъ увѣреніе Божіе, что жизнь святыня. Увѣряю васъ, что это теперь для меня понятно—мысль о товариществѣ съ существомъ небеснымъ не есть теперь для меня одно дѣйствіе воображенія, нѣтъ! Это.... (не разобрать) я какъ будто вижу глазами этого товарища, и увѣренъ, что мысль эта будетъ часъ отъ часу живѣе, яснѣе и одобрительнѣе! Самое прошедшее сдѣлалось болѣе моимъ; промежутокъ послѣднихъ лѣтъ какъ будто бы не существуетъ, а прежнее яснѣе, ближе. Время ничего не сдѣлаетъ.... Развѣ только одно: нашъ милый товарищъ будетъ часъ отъ часу ощутительнѣе своимъ присутствіемъ; я въ этомъ увѣренъ. Мысль объ ней полная ободренія до будущаго, полная благодарности за прошедеше—словомъ религія! Саша, вы и я. будемъ жить другъ для друга во имя Маши, которая говоритъ намъ: незрима я, но во мірѣ мы одномъ.

Я не сказалъ почти ничего о Сашѣ; Богъ далъ ей силъ и ея здоровье не потерпѣло. Можно сказать, что у ней на рукахъ ея спаситель; она кормитъ своего малютку. Пока онъ пьетъ ея молоко, по тѣхъ поръ чувство горя сливается съ сладостію материнскаго чувства. Она плачетъ, но онъ тутъ: милый, живой, веселый и спокойный ребенокъ.

Маменькѣ помогають слезы; не бойтесь за нее. Другой спаситель: Машина дочь, наше общее наслѣдство. Она не имѣетъ никакого понятія ни о чемъ—весела, бѣгаетъ, смѣется,—но слезы, которыя она видѣла, ей какъ будто сказали тайну; точно также она привязалась (и вдругъ безъ всякой поспѣшности) къ Сашѣ, какъ (къ) Машѣ. О матери не говоритъ ни слова, но ласкается съ необыкновенною нѣжностью къ Сашѣ, по получасу лежитъ у нея на рукахъ, цѣлуетъ ее и что-то есть грустное въ этихъ поцѣлуяхъ. Милая, Машина дочь теперь и ваша. И для нее вамъ должно беречь себя. Матери не увидитъ она, но отъ кого какъ не отъ васъ дойдетъ до нея преданіе— объ этомъ Ангелѣ.

№ 55.

Дерптъ, 1823 г.

Милый ангелъ Дуняша! Съ какимъ стѣсненіемъ сердца читалъ я записочку вашу къ Е. А. Въ ней стоитъ: что моя Маша? Боже мой! Какимъ языкомъ отвѣчать на этотъ вопросъ? Однимъ языкомъ вѣрующаго сердца: Маша болѣе, нежели когда нибудь, нашъ ангелъ, нашъ спутникъ, нашъ хранитель! Въ пятницу на святой недѣлѣ мы всѣ были на ея могилѣ; тамъ слышалъ я подъ чистымъ небомъ, смотря какъ всѣ плакали, стоя на колѣняхъ, и мать, и мужъ, Христосъ воскресе! и сущимъ въ гробѣхъ животъ даровалъ. Это была возвышенная минута жизни. Теперь знаю, что такое смерть; но безсмертіе стало понятнѣе — жизнь не для счастія: въ этой мысли заключено великое утѣшеніе. Жизнь для души—слѣдственно Маша не потеряна. Кто возьметъ ее у души? Ее здѣшнюю можно было видѣть глазами, можно было слышать, въ ея присутствіи было счастіе. Но ее тамошнюю можно только видѣть душею ея достойною... Въ этомъ не разлучимомъ это чувство согрѣваетъ мою душу. Знаю, что не стою ея; но остатокъ жизни этому чувству. Она оставила ко мнѣ письмо, написанное не въ минуту предчувствія, но она хотѣла. чтобы я не однимъ воображеніемъ слышалъ ея наставительный голосъ изъ гроба. Этотъ голосъ и для васъ: послушаемъ его вмѣстѣ.

Вы для меня точно теперь неразлучны съ нею; думаю объ васъ съ двойною нѣжностію, съ благодарностью за прошедшее и съ надеждою, что вы будете ободрительнымъ товарищемъ на остаткѣ жизни [1]). Душа моя, берегите свою жизнь, чтобы исполнить Машино завѣщаніе. Все, что нашлось вашего между оставшимся, взялъ я себѣ и все будетъ храниться вмѣстѣ съ ея (вещами): вы вѣрно сами

[1]) До сихъ поръ письмо напеч. въ біограф. стр. 134.

мнѣ бы это отдали. Нашелъ и вашъ портретъ, рисованный ею. Какое безцѣнное наслѣдство и какое святое завѣщаніе.

(Къ этому письму сдѣлана приписка рукою Александры Андреевны Воейковой):

«Мой ангелъ! не могу ноиче писать къ тебѣ, потому что не смѣю тою же рукою сама къ тебѣ писать, которой переписала Машино письмо. Береги свою жизнь! Хотя немного времени поживи, чтобы о ней достойно плакать! И въ этомъ есть что-то похожее на наслажденье! Это одно прекрасное, что намъ въ жизни осталось безъ счастія, безъ Маши! Другъ мой! Найдетъ-ли тебя это письмо съ нами? Не съ Машей ли и ты! Боже мой! Дай хоть разъ Дуняшу увидать! Прощай!»

№ 56.

Дерптъ, 1823 г. [1])

Милая Дуняша, черезъ часъ ѣду изъ Дерпта. Ужасно тяжело покидать ихъ, но около нихъ дѣти. А Саша во весь этотъ годъ не разстанется съ маменькою. Третьяго дня я получилъ ваше письмо. Камень упалъ съ души! Вы живы, милый другъ. Прошу васъ, пишите ко мнѣ, есть ли можно чаще. Адресуйте ваши письма прямо на имя почтъ-директора Е. Пр. Константина Павловича Булгакова. Такъ будутъ письма доходить вѣрнѣе и скорѣе. Вы теперь читали Машино письмо ко мнѣ. Богъ его сохранилъ. Оно писано еще прежде первыхъ ея родинъ. Тогда она писала ко всѣмъ; но всѣ прочія письма уничтожила. Это одно сохранилось: и это ея голосъ, увѣряющій насъ, что она жива и жива для насъ; неизмѣнно великое утѣшеніе въ этомъ письмѣ. Оно даетъ великую цѣну жизни. Развѣ не можно будущаго замѣнить прошедшимъ. Я много буду писать вамъ изъ Петербурга. Теперь простите, милый другъ. Мы съ Сашей вмѣстѣ уложили для васъ любимый Машинъ ларчикъ. Все, что тамъ найдете, оставлено на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ осталось послѣ нея. Посылаю еще драгоцѣнность: ея письмо къ вамъ. Послѣдніе три дни мы всѣ провели на ея могилѣ, садили деревья. У васъ, у меня, у Саши одно дерево. Вотъ планъ. Изъ Петербурга пришлю рисунокъ. Первый весенній вечеръ нынѣшняго года, прекрасный, тихій, провелъ я на ея гробѣ! Солнце свѣтило на него такъ спокойно. Въ полѣ игралъ рогъ. Была тишина удивительная; и видъ этого гроба не возбуждалъ никакой мрачной мысли: поэзія жизни была она! Но послѣ

[1]) Нѣсколько строкъ этого письма напечатано въ Біогр. стр. 134.

письма ея, чувствую, что она же будетъ снова поэзіею жизни. Но поэзіею другаго рода!

(Приписка, сдѣланная рукою Екат. Аѳанасьевны Протасовой): «благодарю Бога, что знаю тебя еще живую, мой другъ Дуняша. А ты обо мнѣ пожалѣй! Моя душа, пиши ко мнѣ чаще, милая моя».

№ 57.

19 мая (1823. Спб.) [1]).

Мой добрый ангелъ Дуняша, отвѣчаю нѣсколько строкъ на ваше письмо, полученное мною въ Петербургѣ. Скажу вамъ тоже, что вы говорите мнѣ: мысль объ васъ сдѣлалась мнѣ дороже всего на свѣтѣ; въ васъ болѣе всѣхъ моя Маша. Говорю это изъ глубины сердца; вы мнѣ сдѣлались необходимы. Не утѣшенія отъ васъ требую и надѣюсь, въ этомъ словѣ что-то мелкое и даже непонятное, но помощи, чтобы быть достойнымъ прошедшаго и святаго воспоминанія. Машина потеря есть для меня и для васъ религія; и вотъ почему называю жизнь святынею. Одною только жизнію можно къ ней приближаться—говорю о себѣ, а не о васъ. Вы къ ней ближе; но вы должны быть мнѣ товарищемъ. Не покидайте меня. Все высокое сдѣлалось для меня теперь вѣрою; все стало понятнѣе—но это высокое надобно пріобрѣсти; иначе Маша навсегда потеряна. Буду объ этомъ писать много. Теперь спѣшу, ибо у меня пропасть хлопотъ. Переѣзжаемъ въ Павловскъ. Я говорилъ съ Батенковымъ [2]) и онъ напишетъ къ вамъ о томъ, что мы съ нимъ говорили: люблю его отъ души за его любовь къ вамъ. Мы совершенно съ нимъ согласны въ образѣ мыслей. О томъ же, о чемъ онъ къ вамъ пишетъ, буду писать и я; но не теперь; а на свободѣ. Другъ безцѣнный! Жизнь точно святыня: Маша сама въ этомъ меня теперь увѣрила. Счастіе не нужно, чтобы этому вѣрить. На будущее можно глядѣть спокойно, ибо оно уже не отыметъ счастія. Оборотимся къ прошедшему. Простите, милый, вѣчный другъ».

Василій Жуковскій.

Сообщ. докт. К. К. Зейдлицъ и профес. П. А. Висковатовъ.

Конецъ.

---

[1]) Отрывокъ помѣщ. въ біогр. Жуковскаго (Ж. М. Н. Пр. ч. CXLIII, стр. 97).

[2]) Декабристъ Гаврило Степановичъ Батенковъ, послѣ 18-ти лѣтняго одиночнаго заключенія въ Петропавловской крѣпости и ссылки въ Сибирь, скончавшійся въ 1865 году и похороненный въ селѣ Петрищевѣ Тульской губ., принадлежавшемъ Авдотьѣ Петровнѣ Елагиной. П. В.

МОРСКОЙ КАДЕТСКІЙ КОРПУСЪ

въ воспоминаніяхъ адмирала

АЛЕКСАНДРА ИЛЬИЧА ЗЕЛЕНАГО

1822—1826 гг.

Въ послѣдніе двадцать пять лѣтъ много было писано о бывшемъ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ и почти всѣ писавшіе безъ исключенія выставляли дурныя его стороны, не упоминая о томъ, что было въ немъ хорошаго, чему и теперь можно было бы подражать. Въ виду такого направленія описателей весьма было пріятно прочитать воспоминанія объ общемъ гнѣздѣ коренныхъ моряковъ, представленныя въ правдивыхъ краскахъ А. П. Бѣляевымъ и напечатанныя въ «Русской Старинѣ» изд. 1880 и 1881 гг. Эта правдивость породила у меня мысль дополнить его воспоминанія своими воспоминаніями и впечатлѣніями, чтобы картина была полнѣе, тѣмъ болѣе мнѣ кажется это я могу исполнить, такъ какъ я почти его современникъ, и въ первые годы моего пребыванія въ корпусѣ и порядки, и лица оставались совершенно тѣ же, что и описываетъ А. П. Бѣляевъ.

Я вмѣстѣ съ двумя моими братьями поступили въ Морской кадетскій корпусъ 6 марта 1822 года. Мнѣ было 12, а младшему брату не было еще и 10 лѣтъ. Только что мы переѣхали Исакіевскій мостъ, какъ Нева тронулась и пошелъ ледъ. Никогда ни прежде, ни послѣ Нева такъ рано не вскрывалась, и самое раннее вскрытіе послѣ этого, кажется, приходится на 22 марта. Людямъ, видящимъ въ каждомъ явленіи какое нибудь предзнаменованіе, могло бы показаться, что Нева, открывая свои воды въ день нашего поступленія на морское поприще, предзнаменовала, что изъ насъ выйдутъ знаменитые моряки—но этого не случилось и всѣ мы подвизались болѣе на ученоучебномъ поприщѣ, но морскаго вѣдомства не оставляли.

Насъ помѣстили въ пятую роту, которою командовалъ капитанъ-лейтенантъ Сергѣй Александровичъ князь Ширинскій-Шихматовъ. Въ то время въ каждой изъ пяти ротъ были и гардемарины, и старые кадеты, и вновь поступающіе. Каждая рота раздѣлялась на четыре отдѣленія, называвшіяся частями, и въ каждой части были воспитанники всѣхъ трехъ упомянутыхъ разрядовъ; въ пятой ротѣ этотъ порядокъ нѣсколько измѣнялся: всѣ вновь поступающіе, которые тогда обыкновенно назывались новичками, опредѣлялись въ четвертую часть, въ которой изъ гардемаринъ были только старшій и подстаршій и никого изъ старыхъ кадетъ. Этою частью командовалъ молодой офицеръ Павелъ Михайловичъ Новосильскій, за годъ передъ тѣмъ возвратившійся изъ кругосвѣтнаго плаванія къ южному полюсу на шлюпѣ «Мирный» подъ командою лейтенанта М. П. Лазарева, знаменитаго адмирала, которому флотъ много обязанъ. (Три сына Павла Михайловича служатъ во флотѣ штабъ-офицерами и командирами судовъ и пользуются извѣстностью, какъ опытные моряки). Кругосвѣтное плаваніе въ то время называлось «дальнимъ вояжемъ» и въ первый разъ это выраженіе было употреблено А. П. Лазаревымъ въ описаніи его путешествія на шлюпѣ «Ладога» въ 1822—1824 годахъ. Разбирая сочиненіе А. П. Лазарева, одинъ изъ членовъ адмиралтейскаго департамента жестоко глумился надъ словомъ кругосвѣтное и тогда всѣ ему сочувствовали и сочиненіе вышло подъ заглавіемъ «Плаваніе вокругъ свѣта»; а спустя тридцать лѣтъ слово кругосвѣтное плаваніе вошло во всеобщее употребленіе—такъ бываютъ перемѣнчивы взгляды на одинъ и тотъ же предметъ.

Вообще новичкамъ иногда приходилось плохо, особенно изъ не бравыхъ,—надъ ними издѣвались и шутили самымъ варварскимъ образомъ. Въ то время каждый изъ гардемаринъ могъ послать кадета въ другую роту за чѣмъ ему вздумается, такъ напримѣръ гардемаринъ посылаетъ новичка въ другую роту къ такому то гардемарину или старому кадету спросить и принести книгу «Дерни о полъ» или «Гони зайца впередъ». Въ первомъ случаѣ посланный, спрашивая книгу Дерни о полъ ничего не подозрѣвая, летитъ на полъ подбитый ногою гардемарина, а во второмъ случаѣ посланнаго отправляютъ въ другую роту къ такому то гардемарину, а этотъ къ третьему и такъ далѣе, пока посланецъ не выбьется изъ силъ. Съ нами, новичками четвертой части, ничего подобнаго не бывало, мы были подъ защитою Павла Михайловича, а если и случалось въ классахъ во время перемѣны кто-нибудь изъ старыхъ кадетъ вздумаетъ какъ нибудь посмѣяться, то другой говоритъ: «оставь его, онъ изъ спартанцевъ»; насъ такъ называли вѣроятно потому, что мы не признавали

нѣкоторыхъ обычаевъ и правилъ, противныхъ здравому смыслу, но которые всѣми строго исполнялись. Павелъ Михайловичъ каждый день въ 11 часовъ утра, по выходѣ кадетъ изъ классъ, приходилъ въ часть, каждаго кадета по очереди расспрашивалъ, что дѣлалъ въ классѣ и при этомъ разъяснялъ въ чемъ кто нибудь затруднялся. Послѣ обѣда дежурный кадетъ приходилъ на квартиру Павла Михайловича съ географическою таблицею, на которой были выставлены всѣ европейскія государства съ ихъ народонаселеніемъ, городами, рѣками и проч. и онъ, выслушавъ рапортъ, дѣлалъ разные географическіе вопросы. Онъ преподавалъ навигацію и астрономію и я у него учился; когда онъ въ срединѣ курса оставилъ Морской корпусъ, будучи назначенъ директоромъ канцеляріи министра народнаго просвѣщенія, то мы, его ученики, разставались съ нимъ съ непритворными слезами. Классъ нашъ передали учителю П. Ѳ. Шишкину, который съ знаніемъ соединялъ умѣнье преподавать и пріохотить къ занятіямъ, и своимъ точнымъ и строгимъ исполненіемъ своихъ обязанностей заставлялъ себя уважать и мы скоро его полюбили.

Князь Сергѣй Александровичъ съ большою заботою слѣдилъ за гардемаринами и кадетами своей роты и отличалъ хорошихъ воспитанниковъ. Прилежныхъ и хорошаго поведенія онъ иногда призывалъ къ себѣ на квартиру и угощалъ чаемъ и сластями, бесѣдовалъ о разныхъ ученыхъ и религіозныхъ предметахъ. Онъ кромѣ новыхъ языковъ обладалъ знаніемъ греческаго и латинскаго и однажды мнѣ сказалъ, что въ молодости онъ учился греческому языку, чтобы въ подлинникѣ прочитать Иліаду Гомера, а теперь читаетъ въ оригиналѣ творенія святыхъ отецъ. Онъ любилъ литературу и самъ писалъ, большею частію пьесы религіознаго содержанія, въ стихахъ. Онъ каждый день приходилъ въ роту и бесѣдовалъ съ воспитанниками. По воскресеньямъ послѣ обѣда каждыя двѣ части кадетъ ставились во фронтъ въ двѣ шеренги и онъ приходилъ изъяснять воскресныя евангелія. Для этого каждый гардемаринъ и кадетъ по очереди долженъ былъ сказать одинъ стихъ евангелія и князь изъяснялъ его и поучалъ; такія поученія продолжались часа полтора и болѣе. Если кто изъ воспитанниковъ не могъ сказать слѣдующаго стиха, то онъ, тихо упрекнувъ, переходилъ къ другому. Окончивъ бесѣду, переходилъ въ другія двѣ части и такимъ же образомъ поучалъ и остальныхъ. Для того, чтобы кадеты могли ознакомиться и выучить воскресныя евангелія, въ каждой части было по нѣскольку экземпляровъ воскресныхъ евангелій съ изъясненіями, розданныхъ княземъ. Значительное большинство воспитанниковъ слушали и выучивали Евангеліе съ охотою. Этимъ поддерживалось религіозное направленіе

между кадетами. Во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ въ великій постъ столъ былъ скоромный, за исключеніемъ первой и послѣдней недѣли и средъ и пятницъ прочихъ недѣль поста; но многіе гардемарины и кадеты не только нашей роты, но и въ другихъ ротахъ, не ѣли скоромнаго, а питались однимъ хлѣбомъ и квасомъ, которые, мимоходомъ сказать, всегда приготовлялись превосходно; я помню съ однимъ гардемариномъ въ великую субботу въ церквѣ сдѣлалось дурно и какъ оказалось оттого, что онъ въ страстную пятницу ничего не ѣлъ. Впрочемъ князь Сергѣй Александровичъ видимо не поощрялъ такихъ воспитанниковъ. У него не было обыкновенія по субботамъ наказывать воспитанниковъ, какъ тогда называли «поданными лѣнивыми»; но за важные проступки въ поведеніи и онъ наказывалъ тѣлесно, хотя и не часто, но и это дѣлалъ не охотно, безъ всякаго раздраженія, а какъ бы по необходимости и, всегда увѣщанія его сопровождались ласкательнымъ словомъ «другъ мой» и наказанные всегда сознавали законность постигшей ихъ кары и не питали къ нему никакой злобы.

Между учителями, пользовавшимися всеобщимъ уваженіемъ, кромѣ поименованныхъ г. Бѣляевымъ, находился Иванъ Васильевичъ Кузнецовъ; онъ преподавалъ математику и морскія науки, и съ отличнымъ знаніемъ исполнялъ свою обязанность, съ рѣдкимъ усердіемъ, и всякій попадавшій къ нему въ классъ зналъ, что съ небольшимъ усердіемъ пріобрѣтетъ наилучшія познанія. Онъ кромѣ того былъ начальникомъ гимназіи, которая была основана для приготовленія учителей для корпуса. У него было три сына и всѣ они служили во флотѣ и достигли генеральскихъ чиновъ; старшій командовалъ судами, включая фрегаты и корабли, и кругосвѣтною эскадрою; теперь въ чинѣ адмирала онъ состоитъ членомъ главнаго военно-морскаго суда. Третій написалъ весьма хорошее сочиненіе о морской съемкѣ, имѣвшее два изданія, которое и теперь служитъ учебнымъ руководствомъ въ морскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Говоря о полезныхъ дѣятеляхъ морскаго корпуса того времени, нельзя не упомянуть капитанъ-лейтенанта Марка Филипповича Гарковенко. Онъ командовалъ четвертою ротою и въ то же время исполнялъ обязанность инспектора классовъ. Въ 1811 году, послѣ отъѣзда Платона Яковлевича Гамалѣя на родину въ Малороссію, онъ исполнялъ должность инспектора классовъ, и исполнялъ ее съ неподражаемою точностью: съ приходомъ кадетъ въ классы, съ 7 час. утра и съ 2 пополудни, Маркъ Филипповичъ уже былъ тамъ; точность исполненія своей обязанности простиралась до того, что онъ на другой день своего вѣнчанія, также какъ и ежедневно, былъ въ 7 ч. утра

въ классахъ. Онъ преимущественно обращалъ свое вниманіе на математическіе предметы, какъ служащіе для развитія умственныхъ способностей и какъ основаніе морскихъ наукъ. Подъ его руководствомъ, въ дополненіе сочиненій П. Я. Гамалѣя, нѣкоторыми изъ учителей былъ составленъ элементарный учебникъ математики, содержащій ариѳметику, геометрію, плоскую и сферическую тригонометріи, который много лѣтъ служилъ единственнымъ руководствомъ при преподаваніи математики. Четыре послѣдовательные директоры корпуса оставляли его инспекторомъ классовъ и онъ исправлялъ съ такимъ же постояннымъ усердіемъ свою обязанность до 1851 года, когда, съ производствомъ въ вице-адмиралы, онъ былъ назначенъ членомъ морскаго генералъ-аудиторіата.

Всѣ поименованныя выше лица, свято и съ любовію исполнявшія свои обязанности, руководились единственно чувствомъ исполненія своего долга и не побуждались никакими внѣшними причинами: отъ родителей кадетъ не могли ожидать благодарности, такъ какъ значительное большинство кадетъ имѣло родителей, жившихъ внѣ Петербурга, и которые съ корпусомъ не имѣли никакихъ сношеній. Отъ начальства не могли ожидать наградъ и поощреній; въ то время система наградъ не была еще распространена, да и само начальство корпусное едва ли знало, кто и какъ изъ его подчиненныхъ исполнялъ свои обязанности. Директоръ корпуса, какъ членъ государственнаго совѣта и сенаторъ, имѣлъ много постороннихъ занятій и мало обращалъ вниманіе на корпусъ. Мы его видѣли очень рѣдко, не болѣе двухъ разъ въ году и когда ожидалось его посѣщеніе, то всѣ приходили въ такую тревожную суетливость, какой не замѣчалось и при посѣщеніи корпуса высочайшими особами. Дѣятельность ближайшаго его помощника, называвшагося тогда полковникомъ, ограничивалась, кромѣ хозяйственной части, тѣмъ, что по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ передъ церковною службою онъ приходилъ въ столовый залъ, гдѣ были выстроены всѣ кадеты во фронтѣ по ротно и, поздоровавшись съ воспитанниками, проходилъ по фронту, послѣ чего воспитанниковъ вели въ церковь къ Божественной литургіи. Только этимъ и ограничивалась забота главныхъ начальниковъ корпуса о нуждахъ и потребностяхъ кадетъ, а потому тѣмъ болѣе надобно отдать полную благодарность тѣмъ изъ второстепенныхъ начальниковъ, которые, руководимые только сознаніемъ своего долга, свято исполняли свои обязанности и приносили кадетамъ несомнѣнную пользу. Обычное теченіе кадетской жизни прервалось въ это время двумя замѣчательными событіями.

7-го ноября 1824 года наводненіе и потомъ вскорѣ главная бо-

лѣзнь. Извѣстно, что во время наводненія вода поднималась до 2-хъ часовъ пополудни, и когда въ 11 часовъ утра мы вышли изъ класса, то вода уже покрывала корпусные дворы, помостъ отъ гауптвахты подняло и кадеты, воспользовавшись этимъ, вскочили на него и разъѣзжали на немъ по двору, какъ на плоту. Въ полдень обыкновенно воспитанники обѣдали и когда мы вышли отъ обѣда, то уже въ нашу пятую роту попасть было нельзя: тамъ болѣе, чѣмъ на полъ-аршина стояла вода и насъ прямо изъ зала провели въ верхніе классы (третій этажъ), куда принесены были потомъ тюфяки и прочія постельныя принадлежности; каждый старался захватить себѣ лучшее мѣсто: кто расположился на классныхъ столахъ, кто на скамейкахъ, иные даже помѣстились на шкафахъ, а остальные спали на полу. Такимъ образомъ мы провели нѣсколько дней и на это время классы были прекращены. Другое происшествіе—это глазная болѣзнь, внезапно возникшая. Въ исходѣ того же года въ одинъ день пріѣхало въ корпусъ нѣсколько врачей морскаго вѣдомства, поставили весь корпусъ въ столовомъ залѣ во фронтъ и доктора осматривали глаза каждаго кадета, отворачивая нижнія вѣки, и однихъ ставили въ одну сторону, другихъ въ другую. Первыхъ взяли въ лазаретъ, и какъ для значительнаго числа больныхъ въ лазаретѣ было мало мѣста, то подъ лазаретъ заняли первую роту, а кадетъ первой роты перевели въ классныя комнаты, классы же устроили въ столовомъ залѣ. Каждую недѣлю, кажется по субботамъ, повторяли осмотръ и также вновь набирали въ лазаретъ, изъ лазарета никого не выписывали и такимъ образомъ больныхъ было около 150 человѣкъ. Замѣчательно, что тѣ изъ кадетъ, которые желали сдѣлаться больными, попадали въ лазаретъ, натирая передъ осмотромъ нижнія вѣки, другіе же, имѣвшіе красноту въ вѣкахъ, избѣгали лазарета, кладя, также передъ осмотромъ, нюхательный табакъ за губу, отчего все лицо и самыя вѣки блѣднѣли и такимъ образомъ избѣгали лазарета. Мы съ братьями такъ были счастливы, что безъ всякихъ искусственныхъ средствъ въ глазные больные не попали. Тогда говорили, что въ нѣкоторыхъ войскахъ внутри имперіи солдаты страдали египетскою болѣзнію, то во избѣжаніе ея развитія между кадетами была придумана эта мѣра. Взятыхъ въ лазаретъ лечили цѣлую зиму и въ началѣ лѣта перевезли въ Ораніенбаумъ. Въ срединѣ лѣта начинали выписывать изъ лазарета и передъ самою выпискою вырѣзали на вѣкахъ небольшіе наросты и отсылали кадетъ въ корпусъ или на корпусные фрегаты, плававшіе съ гардемаринами между Петербургомъ и Кронштадтомъ.

Еще весною 1825 года назначенъ былъ новый директоръ корпуса,

адмиралъ Петръ Михайловичъ Рожновъ, извѣстный своимъ хладнокровіемъ и распорядительностію въ сраженіи съ турецкимъ флотомъ 19-го іюня 1807 года близь Аѳонской горы, когда, командуя кораблемъ, перемѣнилъ, подъ градомъ непріятельскихъ ядеръ, перебитый крюйсель-рей, и потомъ участвовалъ во взятіи въ плѣнъ турецкаго корабля Седель-Бахръ.

Вступивъ въ командованіе корпусомъ, онъ нашелъ важные недостатки и неудобства въ помѣщеніи кадетъ какъ въ ротахъ, такъ и въ классахъ, а равно—вполнѣ сознавая вредъ, происходящій для нравственности воспитанниковъ отъ совмѣстнаго житья взрослыхъ кадетъ и гардемаринъ съ малолѣтними кадетами, почти дѣтьми, предпринялъ большія передѣлки во внутренности корпуса, и чтобы удобнѣе это выполнить, гардемарины плавали на фрегатахъ до поздней осени, а для кадетъ нанятъ былъ домъ Ганина на углу 9-ой линіи и Большого проспекта, гдѣ теперь помѣщается типографія Академіи Наукъ. Всѣ младшіе кадеты были собраны въ одну роту, которая названа была малолѣтнею, а всѣ гардемарины и старшіе размѣщены въ четыре роты; для этого кораблестроительное училище, которое помѣщалось въ зданіи Морскаго корпуса, переведено въ Адмиралтейство, а въ ихъ помѣщеніи устроили спальни для кадетъ малолѣтней роты; при ней былъ особенный дворъ и отдѣльные классы, такъ что кадеты этой роты не имѣли никакого сообщенія съ воспитанниками другихъ ротъ и только видѣлись съ ними во время обѣда и ужина въ столовомъ залѣ. Начальство надъ этою ротою было поручено капитанъ-лейтенанту князю С. А. Ширинскому-Шихматову. По его выбору были назначены и офицеры. Также онъ выбралъ 8 гардемаринъ, въ числѣ которыхъ былъ я и оба мои брата; насъ всѣхъ произвели въ унтеръ-офицеры и кадеты не иначе насъ называли, какъ по имени и отчеству. Князь съ обычною своею горячностью и усердіемъ принялся за воспитаніе своихъ юныхъ питомцевъ. Убѣжденный, что въ юныхъ душахъ будущихъ моряковъ должны быть укоренены надежнымъ образомъ религіозныя чувства, и чтобы пріучить воспитанниковъ во всѣхъ случаяхъ жизни прежде всего обращаться къ Богу, онъ сообразно этому устроилъ и внѣшнюю обстановку кадетской жизни: такъ, заказалъ четыре большія иконы по одной въ каждую часть; на одной иконѣ изображалось какъ Іисусъ Христосъ благословляетъ дѣтей, на другой какъ Онъ ходитъ по волнамъ; кромѣ того въ ротномъ залѣ помѣщалась большая икона Казанской Божіей Матери въ серебряной ризѣ, передъ которою постоянно теплилась лампада. Въ этомъ залѣ каждый день собирались кадеты утромъ передъ завтракомъ и вечеромъ послѣ ужина молиться

Богу; для этого одинъ изъ унтеръ-офицеровъ или кадетъ читалъ вслухъ утреннія и вечернія молитвы, а по воскресеньямъ читались акаѳисты или Іисусу Христу или Божіей Матери. Также читалась довольно часто молитва «Боже великій и дивный», обыкновенно читаемая на благодарственномъ молебнѣ въ день восшествія Государя Императора на престолъ, и многіе кадеты знали ее наизусть. Не рѣдко и самъ князь присутствовалъ при моленіи. Въ преподаваніе учебныхъ предметовъ начали вводиться новые способы, облегчающіе ученье, а мы, унтеръ-офицеры, обязаны были ежедневно по выходѣ кадетъ изъ классовъ въ 11 час. утра и 6 час. вечера провѣрить каждаго кадета, порученнаго намъ отдѣленія, чѣмъ онъ занимался въ классахъ.

Еще малолѣтняя рота не была переведена въ свое новое помѣщеніе въ корпусѣ, какъ получено было 27 ноября 1825 г. горестное извѣстіе, что государь Императоръ Александръ Павловичъ скончался въ Таганрогѣ 19 числа. Князь тотчасъ пришелъ въ роту и при собраніи всѣхъ кадетъ объявилъ объ этомъ печальномъ событіи и зарыдалъ непритворными слезами; многіе изъ кадетъ также плакали. Когда привезли тѣло покойнаго Государя въ Петербургъ, то Морской кадетскій корпусъ участвовалъ въ встрѣчѣ вмѣстѣ съ другими учебными заведеніями и стоялъ у Инженернаго замка—это былъ первый шагъ во фронтовомъ образованіи моряковъ.

31-е марта 1826 года былъ самый замѣчательный день въ жизни Морскаго кадетскаго корпуса. Въ этотъ день въ первые посѣтилъ корпусъ Государь Императоръ Николай Павловичъ. Онъ пріѣхалъ въ корпусъ около 3-хъ часовъ пополудни вмѣстѣ съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ и прямо прошелъ въ классы, гдѣ тогда были воспитанники. Главнымъ дежурнымъ былъ князь Сергѣй Александровичъ, а я дежурнымъ унтеръ-офицеромъ по лазарету. Тотчасъ Государя встрѣтилъ директоръ и все начальство. Государь обошелъ классы, роты, лазаретъ, столовый залъ, дѣлая различныя замѣчанія (см. Исторію морскаго кадетскаго корпуса, соч. Ѳ. Ѳ. Веселаго). Шедшій впереди штабъ-офицеръ, отворяя двери, называлъ то помѣщеніе, куда входили; такъ, входя въ отдѣльный классъ, онъ сказалъ: «танцовальный классъ», а тамъ въ то время былъ преподаватель закона Божія. Обыкновенно для преподаванія закона Божія въ кадетскихъ классахъ соединяли, по тогдашнему—два класса, а по нынѣшнему два отдѣленія того-же класса вмѣстѣ, и какъ такое большое число кадетъ не могло помѣститься въ обыкновенной классной комнатѣ, то и помѣщали въ танцевальномъ классѣ. Говорили тогда, что когда сказали «танцовальный классъ», то Государь сказалъ: «это и по учителю замѣтно». Также говорили, что когда вели-

кій князь Михаилъ Павловичъ воротился домой, то въ кругу приближенныхъ разсказывалъ, что въ Морскомъ корпусѣ священникъ учитъ кадетъ танцевать.

Въ 1825 году выпуска изъ корпуса не было и выпускныхъ почти цѣлый годъ экзаменовали и выпустили въ мичмана въ февралѣ слѣдующаго 1826 г. Тотчасъ послѣ производился и нашему выпуску экзаменъ и къ кампаніи былъ оконченъ. Въ тотъ же годъ и посылка гардемаринъ въ море измѣнилась: старшіе два выпуска гардемаринъ, какъ тогда называли трехкампанцы и двухкампанцы, уже не пошли на корпусныхъ фрегатахъ, а были назначены на большую эскадру, то есть на корабли и на фрегаты флота. Я въ числѣ семи человѣкъ былъ назначенъ на фрегатъ «Елена», который долженъ былъ отвезти Н. М. Карамзина въ Бордо, и мы восхищались мыслію, что увидимъ и близко сойдемся съ знаменитымъ историкомъ—но наши надежды не осуществились: Карамзинъ опасно захворалъ и скоро скончался; посылка фрегата въ Бордо была отмѣнена; тогда насъ назначили на корветъ «Помощный», который имѣлъ особое порученіе отвезти тѣла давно усопшихъ: герцогини Виртембергской въ Ригу и принца Ольденбургскаго въ Любекъ.

Окончивъ порученіе, мы присоединились къ эскадрѣ и вмѣстѣ изъ Нѣмецкаго моря возвратились въ Кронштадтъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Тотчасъ былъ назначенъ намъ главный экзаменъ, на которомъ уже присутствовалъ контръ-адмиралъ Иванъ Ѳедоровичъ Крузенштернъ, какъ помощникъ директора. Онъ давно считался инспекторомъ классовъ, но въ дѣлахъ корпуса не принималъ участія и жилъ въ деревнѣ, занимаясь гидрографіею и составленіемъ картъ Великаго океана. 25-го сентября мы были произведены въ мичмана и лучшіе по экзамену получили подарки, чего прежде не было—я, какъ первый по выпуску изъ 81 чел., получилъ описаніе путешествія И. Ѳ. Крузенштерна вокругъ свѣта съ атласомъ картъ и картинъ въ отличномъ переплетѣ.

Въ тотъ-же день нашъ почтеннѣйшій князь Ширинскій-Шихматовъ праздновалъ день своего ангела и мы, по обыкновенію, пили у него чай и угощались фруктами и сластями; онъ благословилъ меня золотымъ образкомъ, на которомъ съ одной стороны изображено Распятіе, а на другой—образъ Божіей Матери; съ нимъ я никогда не разставался и до сихъ поръ постоянно ношу на шеѣ.

Въ исходѣ того-же года директоръ получилъ особое порученіе, князь Шихматовъ въ слѣдующемъ году оставилъ службу и поступилъ въ монастырь (см. О жизни и трудахъ іеромонаха Аникиты, въ мірѣ князя Сергія Александровича Ширинскаго-Шихматова, 1838 г.).

Иванъ Өедоровичъ Крузенштернъ принялся съ усердіемъ и знаніемъ дѣла за преобразованіе корпуса и при частомъ посѣщеніи государя императора въ короткое время корпусъ былъ неузнаваемъ, такъ что государь часто присылалъ начальниковъ учебныхъ заведеній смотрѣть и подражать порядкамъ, заведеннымъ въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ, и дѣйствительно корпусъ, какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи былъ приведенъ въ весьма хорошее состояніе, чему служитъ доказательствомъ, что почти всѣ видные дѣятели флота прошлаго и нынѣшняго царствованія образовались подъ руководствомъ адмирала Ивана Өедоровича Крузенштерна.

А. И. Зеленой.

15 мая 1882 г.

ВОЗСТАНІЕ 17 (29) НОЯБРЯ 1830 ГОДА ВЪ ВАРШАВѢ.

Изъ записокъ русскаго, оставшагося въ плѣну у польскихъ мятежниковъ.

17-го (29-го) ноября 1880 года исполнилось 50 лѣтъ со времени бывшаго возмущенія въ Варшавѣ въ 1830 году.

Находясь тогда тамъ, я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ нѣкоторыхъ фактовъ этого прискорбнаго событія, которые и передаю въ предлагаемомъ разсказѣ на страницахъ уважаемой „Русской Старины".

А. П. Петровъ.

Политическія происшествія, случившіяся на западѣ Европы въ 1830 году, а именно іюльская революція въ Парижѣ, послѣдствіемъ которой было низложеніе съ престола Франціи царствовавшаго тамъ рода Бурбоновъ и возведеніе на тронъ короля изъ дома Орлеановъ,— въ особенности же смуты по поводу отдѣленія Бельгіи отъ Голландіи,—отразились волненіемъ въ Царствѣ Польскомъ. Въ силу Вѣнскаго договора 1815 года, Россія, какъ союзница короля Нидерландскаго, по просьбѣ его, намѣрена была оказать ему вооруженное содѣйствіе къ поддержанію его правъ и къ возстановленію спокойствія въ его государствѣ. Съ этою цѣлію былъ отправленъ въ Берлинъ къ королю прусскому генералъ-фельдмаршалъ графъ Дибичъ Забалканскій для переговоровъ о движеніи русскихъ войскъ чрезъ прусскія владѣнія въ Голландію. Между тѣмъ приготовлялись къ походу за границу литовскій и резервный корпуса, состоявшіе подъ начальствомъ его императорскаго высочества цесаревича великаго князя Константина Павловича. Польская армія также приводилась въ военное положеніе. Но происки заграничныхъ выходцевъ остановили исполненіе этого предположенія. Подстрекательства со стороны ихъ къ мятежу жителей Польши имѣли вліяніе на слабые умы, увлеченные надеждою о возстановленіи независимости ихъ края.

Съ осени 1830 года начали обнаруживаться въ Варшавѣ предвѣстники предстоящаго возмущенія. Къ нѣкоторымъ изъ числа лицъ, стоявшихъ во главѣ управленія краемъ, были подбрасываемы подметныя письма о существовавшихъ заговорахъ, о приготовлявшейся революціи и о намѣреніяхъ злоумышленниковъ къ покушенію на жизнь государя цесаревича; а на стѣнахъ зданій появлялись пасквили и возмутительныя воззванія. Хотя со стороны правительства принимались мѣры предосторожности, но подобнымъ дѣйствіямъ злоумышленниковъ не было придаваемо особенной важности, а признавались онѣ преступною шуткою только горсти неблагонамѣренныхъ людей, и великій князь оставался спокойнымъ въ ожиданіи наступленія грядущихъ обстоятельствъ, въ полномъ убѣжденіи, что благомыслящіе поляки, проникнутые чувствомъ признательности къ русскому правительству за возстановленіе ихъ королевства и за дарованное имъ конституціонное правленіе, не рѣшатся нарушить данной ими присяги на вѣрность ихъ королю въ лицѣ императора россійскаго.

Къ числу подобныхъ возмутительныхъ поступковъ должно также отнести приключеніе съ президентомъ города Варшавы (градскимъ главою) Войдою. Отставной изъ польской кавалеріи Янишевскій, питая неудовольствіе къ правительственной коммисіи внутреннихъ дѣлъ и полиціи, за отказъ въ просьбѣ его о предоставленіи ему мѣста, чрезъ что онъ съ семействомъ своимъ впалъ въ нищету, задумалъ отомстить чиновникамъ этой коммисіи. Для приданія себѣ при этомъ болѣе бодрости, выпилъ онъ порядочно водки и выжидалъ на улицѣ возлѣ дома, занимаемаго коммисіею, чтобы кто изъ него вышелъ, намѣреваясь на первомъ попавшемся утолить свою злобу. Жребій этотъ выпалъ на долю президента Войды, который, при выходѣ изъ коммисіи, былъ ошеломленъ двумя жестокими ударами палкою отъ Янишевскаго. Отъ испуга президентъ перебѣжалъ на другую сторону улицы и уронилъ свою шляпу; но Янишевскій настигъ его и нанесъ ему еще третій ударъ. Къ счастію Войды, что онъ послѣ потери шляпы успѣлъ защитить свою голову лѣвою рукою, вдоль которой попалъ послѣдній ударъ, въ противномъ случаѣ этотъ опасный ударъ могъ разразиться на головѣ и причинить очень вредныя послѣдствія. За этотъ поступокъ виновный былъ подвергнутъ законному суду. Не менѣе того выходка Янишевскаго была принята съ одобреніемъ нѣкоторыми неблагонамѣренными личностями, которые вздумали устроить изъ нея слѣдующую грубую шутку. Назвавъ простую палку Войдовкою, по фамиліи битаго подобною палкою президента города, они подошли къ одному изъ стоявшихъ на улицѣ продавцовъ такихъ

палокъ, стали торговать ихъ и найдя выпрошенную за нихъ цѣну весьма не высокою, купили ихъ, сказавъ продававшему, что напрасно онъ ихъ такъ дешево продаетъ, ибо это не простыя палки, а Войдовки, которыя стоятъ гораздо дороже. Послѣ этого продавецъ, при требованіи отъ него подобныхъ палокъ, конечно запрашивалъ за нихъ неимовѣрную цѣну и на вопросъ: почему онъ такъ дорого за нихъ хочетъ, онъ отвѣчалъ, что это не простыя палки, а Войдовки, которыя всѣ съ охотою раскупаютъ. Эта продѣлка была открыта полиціею.

Другому, подходящему къ сему, случаю въ то же время я самъ былъ невольный свидѣтель. Идя однажды по Сенаторской улицѣ, я встрѣтилъ пьянаго, шатающагося человѣка изъ черни и посторонился отъ него; но онъ, не смотря на это, всталъ передъ мною, поднялъ свою палку кверху и произнесъ слѣдующія слова: «Ja Zygmund Jurkowski idę sobie pomału do domu, nikogo nie zaczepię, a kto mnie zaczepie, to kij mam», т. е. «я Сигизмундъ Юрковскій иду себѣ потихоньку домой, никого не задѣваю, а кто меня задѣнетъ, то у меня есть палка». Конечно я постарался скорѣе уйти отъ такого человѣка, чтобы не подвергнуться непріятности, постигшей Войду.

Эти проявленія мятежнаго настроенія духа между варшавскими жителями еще болѣе подтвердились открытіемъ въ началѣ ноября мѣсяца 1830 г. преступнаго заговора, составленнаго студентами тамошняго университета, нѣкоторыми офицерами, юнкерами и унтеръофицерами польскихъ войскъ, бывшими въ школѣ подпрапорщиковъ.

Его высочество, слѣдуя постоянно принятому правилу предавать поляковъ, за содѣянныя ими преступленія, ихъ собственному народному суду, на основаніи существовавшихъ для того края законовъ, разрѣшилъ составить слѣдственную коммисію, для сужденія означенныхъ лицъ, изъ польскихъ генераловъ: графа Гауке, Рожнецкаго, Потоцкаго, Раутенштрауха и Фредро.

Наступилъ понедѣльникъ 17-го (29-го) ноября 1830 года.

Въ этотъ достопамятный день, въ 7 часовъ вечера, пришелъ я, по обыкновенію, для занятій въ военно-походную его императорскаго высочества государя цесаревича великаго князя Константина Павловича канцелярію, помѣщавшуюся въ Бриловскомъ дворцѣ, въ коей я тогда служилъ, и извѣстился отъ собиравшихся чиновниковъ о происходящемъ въ городѣ волненіи и пожарѣ, произведенномъ злоумышленниками, съ намѣреніемъ вызвать этимъ его высочество, ибо государь цесаревичъ имѣлъ обыкновеніе находиться всегда при такихъ несчастныхъ случаяхъ и присутствіемъ своимъ одушевлять людей, при-

нимавшихъ мѣры къ тушенію. Но происшествія, совершившіяся въ то же время въ Бельведерскомъ дворцѣ, гдѣ великій князь имѣлъ постоянное мѣстопребываніе, воспрепятствовали его высочеству прибыть на пожаръ, произведенный въ двухъ мѣстахъ: на Сольцѣ, близь казармъ гвардейской кавалеріи, и въ Ново-Липской улицѣ, близь арсенала.

Около 7½ часовъ вечера, многіе польскіе офицеры, унтеръ-офицеры школы пѣхотныхъ подпрапорщиковъ и люди въ партикулярной одеждѣ вооруженною силою напали на Бельведеръ. Проникнувъ во внутренность комнатъ, занимаемыхъ государемъ цесаревичемъ, мятежники были встрѣчены тамъ прислугою великаго князя, изъ коихъ нѣкоторыхъ ранили. Въ то же время бывшіе во дворцѣ по дѣламъ службы: состоявшій при его высочествѣ генералъ-лейтенантъ Александръ Андреевичъ Жандръ убитъ, а вице-президентъ (оберъ-полиціймейстеръ) Варшавы Любовидзскій опасно раненъ.

Вслѣдъ затѣмъ возмутительное движеніе обнаружилось между польскими войсками, расположенными въ Варшавѣ, а именно: въ 4-мъ пѣхотномъ полку, содержавшемъ въ этотъ день городскіе караулы, въ саперномъ баталіонѣ и въ 9-ти взводахъ л.-гв. польскаго гренадерскаго полка; остальные же взводы этого полка и весь л.-гв. польскій конно-егерскій полкъ оставались вѣрными присягѣ и присоединились къ русскимъ войскамъ, сосредоточившимся къ Бельведеру. Симъ послѣднимъ было приказано не вступать въ непріязненныя дѣйствія съ польскими войсками. Между тѣмъ при слѣдованіи изъ казармъ на сборный пунктъ л.-гв. Волынскаго полка, онъ вынужденъ былъ имѣть стычку съ напавшимъ на него 4-мъ пѣхотнымъ полкомъ и потерялъ нѣсколько человѣкъ убитыми и ранеными.

Къ ночи безпокойства огласились на улицахъ барабаннымъ боемъ, ружейными выстрѣлами и народными скопищами черни, которая, бросившись къ арсеналу и разобравъ, при содѣйствіи мятежническихъ войскъ, хранившееся тамъ оружіе, бродила безсознательно, почти не имѣя понятія о преступномъ намѣреніи злоумышленниковъ.

Среди этихъ смятеній, безпрестанно угрожавшихъ опасностію жизни всѣмъ русскимъ, находившимся въ Брилевскомъ дворцѣ,— всеблагое Провидѣніе послало намъ избавителя въ подпоручикѣ 4-го пѣхотнаго полка польскихъ войскъ Жиглинскомъ, бывшемъ въ тотъ день въ караулѣ на дворцовой гауптвахтѣ съ 38-ю нижними чинами. Этотъ благородный офицеръ, по обязанности своей, въ 7 часовъ вечера отправился въ смежный съ Брилевскимъ дворцомъ Саксонскій дворецъ, гдѣ помѣщался театръ, во французскій спектакль, и

услышалъ отъ польскихъ офицеровъ о имѣющемъ послѣдовать возмущеніи,—почему немедленно вышелъ изъ театра къ своему посту, велѣлъ всему караулу зарядить ружья, и не смотря ни на что, исполнять его приказанія, подъ опасеніемъ лишиться жизни. Потомъ объявилъ русскимъ, что онъ до послѣдней возможности будетъ защищать насъ, не допуститъ мятежниковъ сдѣлать какія-либо намъ оскорбленія и не сойдетъ съ своего поста до тѣхъ поръ, пока будетъ имѣть хотя нѣкоторую возможность на немъ держаться, или когда мы останемся въ совершенной безопасности,—что и исполнилъ съ величайшею твердостію и присутствіемъ духа, не смотря на покушенія мятежниковъ захватить насъ.

Вслѣдствіе этого рѣшительнаго поступка, г. Жиглинскій сдѣлалъ слѣдующія благоразумныя распоряженія: укрѣпилъ всѣ ворота Брилевскаго дворца, заперевъ ихъ на нѣсколько замковъ, окрутилъ однѣ желѣзныя, выходящія на Саксонскую площадь, такими же цѣпями, и тѣмъ лишилъ средства проникнуть во дворы порывавшихся неоднократно къ тому мятежниковъ; сверхъ сего разставилъ часовыхъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ призналъ за нужное.

Выстрѣлы становились чаще, шумъ народный слышнѣе, а толпы безсмысленной черни густѣли. Изъ числа оставшихся вѣрными своему долгу польскихъ войскъ, представшихъ къ его высочеству, л.-гв. конно-егерскій полкъ былъ посланъ для наблюденія порядка на Саксонскую площадь, гдѣ отбирая отъ проходящаго народа взятое изъ арсенала оружіе, обращалъ людей въ свои дома, а оружіе отдавалъ на гауптвахту Брилевскаго дворца къ подпоручику Жиглинскому, для храненія.

Польскія войска, снявъ всѣ содержимые отъ нихъ въ городѣ караулы и приступивъ къ Брилевскому дворцу, предлагали выйти оттуда подпоручику Жиглинскому, но этотъ достойный офицеръ не удовлетворилъ ихъ требованіямъ и тогда, когда были употреблены противъ его насильственныя мѣры и пули свистали по двору, гдѣ находился онъ на гауптвахтѣ съ карауломъ.

Видя неминуемую погибель, ежели бы мятежникамъ удалось какимъ-либо образомъ разбить ворота и силою ворваться во дворъ,— мы взяли сложенное на гауптвахтѣ отобранное патрулями у черни оружіе и присоединясь къ караулу, рѣшились, если невозможно будетъ сопротивляться, то не даромъ по крайней мѣрѣ отдать жизнь свою. Простясь въ то время со всѣмъ привязывающимъ насъ къ здѣшнему міру, мы ожидали роковой минуты, когда цѣпи, укрѣпляющія ворота, прозвучатъ послѣдній для насъ конецъ; по рука

Всевышняго остановила гибельный мечъ, готовый пролить невинную кровь.

Всѣ усилія злодѣевъ сокрушить твердыя желѣза воротъ остались тщетны и мы сохранены невредимы, только во время распоряженій мужественнаго начальника поста, одна пуля прострѣлила его мундиръ, а другая попала рядовому въ киверъ, но обѣ не произвели никакого вреда.

Неустрашимость исполнившаго свой долгъ караульнаго офицера и строгое повиновеніе его подчиненныхъ привели въ удивленіе мятежниковъ, которые, видя, что ничѣмъ не могли склонить ихъ на свою сторону, удалились.

Наконецъ въ 5 часовъ утра 18-го (30-го) ноября, при усилившемся мятежѣ, пришелъ баталіонъ съ двумя орудіями и требовалъ чтобы Жиглинскій сдался, угрожая разбить въ противномъ случаѣ ворота пушками и взять домъ приступомъ. Видя невозможность далѣе защищаться, онъ приказалъ отворить ворота; но когда вошедшая вмѣстѣ съ войскомъ чернь спрашивала его: нѣтъ ли въ домѣ русскихъ, то онъ, желая сохранить насъ, увѣрилъ ихъ, что въ домѣ никого не было,—и послѣ сего вышелъ оттуда, осыпаемый искреннѣйшею признательностію русскихъ, обязанныхъ ему своимъ спасеніемъ.

По выходѣ толпы изъ Бриловскаго дворца, было похоже, что безпокойство прекратится, ибо тишина начала по прежнему водворяться въ городѣ. Мы вышли за ворота и отбирали оружіе у простого народа, изрѣдка проходившаго мимо. Но за этою тишиною, къ сожалѣнію, послѣдовало продолжительное неустройство, стоившее большого пролитія крови. Часовъ около 8-ми утра возобновились выстрѣлы, а появлявшіяся въ большомъ количествѣ вооруженныя мятежныя толпы принудили насъ возвратиться опять въ Бриловскій дворецъ, какъ безопаснѣйшее противу другихъ мѣстъ убѣжище. Когда же около полудня все приняло видъ прошедшаго вечера, то мы, скрывшись въ домѣ, гдѣ кто могъ, вновь ожидали смерти, которая къ намъ еще болѣе, казалось, приблизилась, когда польскіе юнкера вошли въ Бриловскій дворецъ и, выбирая лошадей изъ бывшей тамъ конюшни великаго князя, спрашивали между прочимъ и о русскихъ офицерахъ, но не получивъ ни отъ кого удовлетворительныхъ свѣдѣній, удалились съ лошадьми.

Кромѣ убитыхъ въ Бельведерѣ и при движеніи л.-гв. Волынскаго полка, въ теченіе 17-го и 18-го ноября погибло отъ рукъ мятежниковъ нѣсколько генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ русскихъ и

польскихъ войскъ и даже частныхъ лицъ. Нѣкоторые изъ нихъ пали жертвами преданности своей законному правительству; другіе вслѣдствіе падавшихъ на нихъ подозрѣній въ измѣнѣ отечеству и шпіонствѣ; были и такіе, которые лишились жизни по недоразумѣнію или по ошибкѣ, бывъ приняты за другихъ лицъ, какъ напримѣръ: польскій генералъ Новицкій, умерщвленный подпрапорщиками на улицѣ, котораго, по сходству фамиліи, сочли за Левицкаго, русскаго генерала отъ инфантеріи, бывшаго Варшавскаго коменданта, которому удалось избѣжать этой опасности, по случаю присоединенія къ государю цесаревичу.

На третій день, т. е. 19 ноября (1 декабря) 1830 года хотя и было довольно спокойно, но мы, видя, что въ Брилевскомъ дворцѣ намъ будетъ во всякомъ случаѣ безопаснѣе, нежели на своихъ квартирахъ, бо́льшая часть которыхъ была разграблена чернью, рѣшились въ немъ остаться, стараясь по возможности пробраться къ его императорскому высочеству, оставлявшему тогда Варшаву.

Вмѣстѣ съ жилищами русскихъ, подверглись расхищенію мятежниковъ денежныя суммы, хранившіяся въ полевой провіантской коммисіи отдѣльнаго литовскаго корпуса, помѣщавшейся въ одномъ домѣ на улицѣ Новый Свѣтъ,—такъ что передъ этимъ домомъ на улицѣ валялись русскія ассигнаціи, потерявшія цѣну до того, что за ассигнацію въ 25 рублей едва можно было достать серебряною или мѣдною монетою 1 злотъ, т. е. 15 коп. сер.

Между плѣнными въ Брилевскомъ дворцѣ находились нижніе чины отъ полковъ россійской гвардіи, наряженные въ день мятежа въ канцелярію для посылокъ, и сторожа, которые такъ же, какъ и мы, во все это время не имѣли пищи, поэтому я на бывшіе при мнѣ 25 злотыхъ послалъ одного служителя изъ поляковъ купить что нибудь изъ съѣстныхъ припасовъ, который тайнымъ образомъ перелѣзъ черезъ заборъ и доставилъ намъ хлѣба и вина, чѣмъ мы подкрѣпили силы свои, истощенныя двухдневнымъ бодрствованіемъ.

Великій князь, избѣгая кровопролитія, не рѣшился возстановить въ Варшавѣ порядокъ силою оружія, но отступилъ съ русскими войсками къ сел. Вержба и слѣдовалъ далѣе въ предѣлы имперіи.

Съ учрежденіемъ въ Польшѣ новаго правительства подъ диктаторствомъ генерала Хлопицкаго, были присланы въ Брилевскій дворецъ депутаты отъ города, которые извѣстили насъ, что мы можемъ оставаться въ томъ дворцѣ въ совершенной безопасности, въ качествѣ военно-плѣнныхъ. На это мы имъ объявили, что не сопротивляемся ихъ намѣренію содержать насъ подъ арестомъ; но какъ въ такомъ

положеніи мы не будемъ имѣть средствъ къ своему пропитанію, то и просили ихъ обратить на это вниманіе правительства: Они съ своей стороны увѣрили, что въ этомъ отношеніи мы не будемъ терпѣть недостатка, и въ подкрѣпленіе сего дѣйствительно прислали послѣ нѣсколько съѣстныхъ припасовъ, коихъ стало намъ на три дня.

Вскорѣ затѣмъ отдѣлили отъ насъ генераловъ и военныхъ офицеровъ, переводомъ ихъ подъ арестъ въ Королевскій замокъ, гдѣ они имѣли хорошее содержаніе; прочихъ же чиновниковъ оставили по прежнему въ Брилевскомъ дворцѣ, не давая ничего, а дозволяя только изрѣдка по билетамъ отлучаться оттуда переодѣтыми въ партикулярное платье.

Недостатокъ продовольствія побудилъ насъ просить польское правительство о выдачѣ намъ жалованья за сентябрьскую треть 1830 года, которое предъ революціей уже было прислано изъ С.-Петербурга и хранилось въ Варшавскомъ коммисаріатскомъ коммисіонерствѣ. Для удостовѣренія сколько и кому именно изъ состоявшихъ въ плѣну русскихъ чиновниковъ причиталось въ выдачу, по распоряженію генерала Хлопицкаго, были составлены списки за подписью начальствовавшихъ лицъ, находившихся также въ плѣну. По доставленіи этихъ списковъ польскому правительству, были посланы уполномоченные отъ него въ коммисіонерство, подъ предлогомъ взятія изъ кассы денегъ, слѣдовавшихъ русскимъ плѣннымъ; на самомъ же дѣлѣ они безцеремонно забрали въ свои руки всю сумму, хранившуюся тогда въ коммисіонерствѣ, и распорядились ею по своему усмотрѣнію, а намъ ничего не дали.

Единообразная и скучная жизнь заключенныхъ русскихъ была иногда потрясаема разными неурядицами у мятежниковъ, какъ напримѣръ: при сложеніи по неудовольствіямъ съ генерала Хлопицкаго носимаго имъ званія диктатора и въ прочихъ сему подобныхъ случаяхъ, кои были не рѣдки, при существованіи различныхъ партій и при общемъ волненіи умовъ.

Въ пылу восторженнаго патріотизма, поляки печатали въ періодическихъ изданіяхъ разныя возмутительныя статьи, пѣли на улицахъ пѣсни и сочиняли мазурки со словами, какъ напримѣръ:

Мазурка 1-я.

Rznijcie nam od ucha
Tęgiego Mazura,
Wszak że my zuch w zucha,
Hura bracia, hura!

Już ne żyją, za to ręczę,
Makroty [1]), Zandry [2]) i Fencze [3]),
Wszak że i to nie jest fraszka
Że podynda cny Jurgaszka [4]).

Choć mała figurka
Szymanosie [5]) drogi,
Nie żałujmy sznurka
Wiszaj go za nogi.

Wszak że o tem dobrze wiecie,
Że wesz mała kąsa przecie,
Dalej bracia w górę dynda,
Niech tyż on sobie podynda.

Мазурка 2-я.

Jeszcze Polska nie zginęła,
Kiedy my żyjemy и т. д.

3-я мазурка Хлопицкаго.

Nasz Chłopicki woyak, brawy, smiały и т. д.

Мотивы этихъ мазурокъ сохранились и впослѣдствіи.

Наконецъ безпрестанныя просьбы находившихся въ плѣну русскихъ чиновниковъ о назначеніи какого-либо содержанія для пропитанія, или объ освобожденіи ихъ изъ плѣна съ отпускомъ въ Россію, побудили революціонное правительство дать намъ разрѣшеніе на выѣздъ изъ Варшавы. Послѣ многихъ хлопотъ и затрудненій получить паспортъ, я, доставши его, въ числѣ 6-ти моихъ сослуживцевъ, долженъ былъ явиться по требованію въ Ратушу 9 января 1831 года, въ пятницу, въ 2 часа по полудни, вмѣстѣ съ моими спутниками и съ фурманомъ изъ евреевъ, который въ своей огромной

---

[1]) Бывшій парикмахеръ, подозрѣваемый въ шпіонствѣ и убитый мятежниками.

[2]) Состоявшій при его высочествѣ цесаревичѣ генералъ-лейтенантъ, убитый въ Бельведерѣ.

[3]) При государѣ цесаревичѣ состояли два брата Феньша: одинъ генералъ-маіоръ, вышедшій съ великимъ княземъ благополучно изъ Польши; а другой каммергеръ, попавшійся въ плѣнъ мятежникамъ, содержавшійся въ Королевскомъ замкѣ и впослѣдствіи лишенный ими жизни.

[4]) Жандарскій штабъ-офицеръ польской службы, спасшійся отъ мятежниковъ.

[5]) Изъ числа лицъ, подозрѣваемыхъ въ шпіонствѣ; повѣшенъ мятежниками.

бричкѣ, покрытой сверху парусиной и запряженной въ 4 лошади, взялся довезти насъ до русской границы, за условленную плату, которую мы не иначе могли ему отдать, какъ по прибытіи на мѣсто,— потому что въ ту минуту, когда отправлялись изъ Варшавы, мы были всѣ безъ денегъ. При исправленіи разныхъ формальностей для выпровожденія изъ города, насъ задержали въ Ратушѣ до сумерокъ. Между тѣмъ наступило время еврейскаго шабаша и жидъ-фурманъ, не столько изъ религіознаго чувства, сколько потому, чтобы не показаться предъ своими единовѣрцами отступникомъ отъ соблюденія правилъ закона, отказался долѣе насъ дожидаться и только внявъ убѣдительной просьбѣ, посадилъ вмѣсто себя на козлы брички, для управленія лошадьми, какого-то жалкаго молодого католика, одѣтаго въ одинъ фракъ, съ клеенчатою фуражкою на головѣ, безъ перчатокъ или рукавицъ. Покуда насъ снаряжали въ дорогу, онъ коекакъ отогрѣвался; когда же поѣхалъ съ нами по городу, въ сопровожденіи конвоировавшаго нашъ экипажъ жандарма, то окоченѣлъ окончательно и едва мы выѣхали за заставу и провожавшій насъ жандармъ поѣхалъ обратно въ ратушу, какъ нашъ легко одѣтый извощикъ-католикъ остановилъ лошадей, соскочилъ съ козелъ и убѣжалъ, оставивъ насъ въ бричкѣ на произволъ судьбы. Послѣ этого одинъ изъ насъ долженъ былъ замѣнить кучера и такимъ образомъ мы доѣхали до первой корчмы, гдѣ насъ уже дожидался настоящій фурманъ-еврей, подрядившійся насъ везти, и какъ тамъ не было его единоплеменниковъ, которые могли бы ему сдѣлать упреки въ нарушеніи обязанностей закона, воспрещающаго всякую работу въ шабашъ, то онъ преспокойно взялъ вожжи и повезъ насъ далѣе.

Не даромъ предусмотрительные поляки задерживали насъ долго въ ратушѣ; они вѣроятно составляли маршрутъ для нашего слѣдованія. Чтобы скорѣе добраться въ Россію, мы разсчитывали, что поѣдемъ на одинъ изъ ближайшихъ пограничныхъ нашихъ городовъ, а именно: Брестъ-Литовскъ или Ковно. Вышло иначе: чтобы лишить насъ возможности видѣть военныя приготовленія, дѣлаемыя мятежниками по этимъ трактамъ, насъ направили на югъ въ Волынскую губернію. Но и на этомъ пути мы подвергались опасности.

Не смотря на нетерпѣливое наше желаніе скорѣе миновать Польшу, мы должны были останавливаться въ нѣкоторыхъ мѣстахъ для кормленія лошадей и хотя извощику нашему запрещено было кому-либо говорить, что онъ везетъ русскихъ, но объ этомъ узнавали. Во время нашего проѣзда чрезъ Люблинъ, на постояломъ дворѣ, гдѣ мы остановились, явилось нѣсколько вооруженныхъ поляковъ съ требованіемъ,

чтобы мы, какъ молодые люди, способные носить оружіе, остались въ Польшѣ и вступили въ ихъ ряды. На это мы нашлись отвѣчать, что никакъ не можемъ исполнить подобнаго требованія, состоя въ русской службѣ и не получивъ отъ нея увольненія,—чему можетъ служить примѣромъ извѣстный всѣмъ случай, бывшій съ поручикомъ самогитскаго гренадерскаго полка Сузинымъ. Офицеръ этотъ, польскаго происхожденія, стоялъ съ ротою въ пограничномъ мѣстечкѣ. Какъ только вспыхнулъ мятежъ въ Польшѣ, онъ, узнавъ объ этомъ, явился къ своему ротному командиру и требовалъ вести солдатъ на присоединеніе къ мятежникамъ, но когда тотъ отказался, то Сузинъ убилъ его, принялъ команду надъ ротою и повелъ ее въ Польшу; на дорогѣ солдаты догадались о своемъ заблужденіи, заподозрили офицера въ измѣнѣ и отказались идти далѣе; тогда онъ одинъ перебѣжалъ чрезъ границу Россіи, а солдаты въ него стрѣляли, но не сдѣлали ему вреда. Прибывъ въ Варшаву, Сузинъ явился къ диктатору Хлопицкому и требовалъ принятія его въ ряды польскихъ войскъ. Благоразумный главнокомандующій, не раздѣлявшій пагубныхъ замысловъ своихъ единоплеменниковъ и весьма часто удерживавшій ихъ отъ безразсудныхъ порывовъ патріотизма, нашелся и въ этомъ случаѣ остановить Сузина. Увидѣвъ на немъ русскій мундиръ, Хлопицкій спросилъ: получилъ ли онъ увольненіе изъ русской службы? когда же тотъ отвѣчалъ, что нѣтъ, то диктаторъ объявилъ ему, что не можетъ принимать офицеровъ иностранной службы въ польскія войска до тѣхъ поръ, покуда эти офицеры не получатъ отставки изъ прежней службы. Послѣ того Сузинъ шатался по Варшавѣ, не имѣя никакого назначенія.

Такому же затрудненію подвергались мы и въ Красноставѣ.

Прибывъ наконецъ въ Устилугъ на нашу границу, мы освѣдомились, что его высочество изволитъ находиться въ мѣстечкѣ Бржестовицѣ Гродненской губерніи, куда не замедлили отправиться на томъ же самомъ извощикѣ. По прибытіи въ это мѣстечко, мы явились къ государю цесаревичу. Великій князь принялъ насъ благосклонно, разспрашивалъ о Варшавскихъ происшествіяхъ и былъ чрезвычайно удивленъ неблагодарностію поляковъ.

Здѣсь мы разсчитались съ нашимъ извощикомъ и отпустили его.

Изъ мѣстечка Бржестовицы его высочество поѣхалъ въ Бѣлостокъ, куда и я отправился въ концѣ января 1831 года. По отбытіи великаго князя въ дѣйствующую армію въ Царствѣ Польскомъ, я остался въ Бѣлостокѣ при супругѣ государя цесаревича, ея свѣтлости княгинѣ Ловичъ, и жилъ тамъ во дворцѣ. Въ февралѣ мѣсяцѣ воз-

вратился въ Бѣлостокъ великій князь, при которомъ я находился до самой кончины его высочества, послѣдовавшей въ городѣ Витебскѣ 15 іюня 1831 года.

Прочіе русскіе чиновники, не успѣвшіе воспользоваться дозволеніемъ возвратиться въ Россію, равно какъ и военные генералы, штабъ- и оберъ-офицеры, въ плѣну находившіеся, были переведены изъ Варшавы въ Ченстоховъ и другія отдаленныя отъ оной и Россійской границы мѣста, гдѣ влачили скучное и опасное заключеніе до освобожденія ихъ нашими войсками.

Сообщ. въ 1880 г. А. П. Петровъ.

АЛЕКСАНДРЪ ѲЕДОРОВИЧЪ БАГГОВУТЪ,

генералъ отъ кавалеріи.

Род. въ 1806 г. † 2-го мая 1883 г.

Записки и очеркъ его жизни.

Въ маѣ 1883 года, 2-го дня, въ С.-Петербургѣ, въ домѣ капитула орденовъ, что на Гагаринской улицѣ, скончался генералъ отъ кавалеріи Александръ Ѳедоровичъ Багговутъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ боевыхъ генераловъ Россіи.

Восемь лѣтъ предъ симъ, именно въ мартѣ 1875 года, въ залѣ гостинницы Демутъ, многочисленными сослуживцами и почитателями А. Ѳ. Багговута чествовался пятидесятилѣтній юбилей доблестной службы его, въ рядахъ славной русской арміи. Въ числѣ присутствовавшихъ на этомъ празднествѣ, находились: маститый военный историкъ М. И. Богдановичъ, бывшій туркестанскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ К. П. Кауфманъ, генералъ-адъютантъ Н. Ѳ. Козляниновъ, одинъ изъ защитниковъ Севастополя, и другія лица, произнесшія много рѣчей и провозгласившія единодушно принятые тосты въ честь почтеннаго юбиляра и его боевыхъ подвиговъ.

Мѣсяцъ спустя, послѣ этого юбилея, именно въ апрѣлѣ 1875 года, А. Ѳ. Багговутъ посѣтилъ Г. К. Градовскаго и передалъ ему запечатанный конвертъ, при слѣдующей запискѣ:

«Многоуважаемый Григорій Константиновичъ! Разбирая старыя бумаги, нашелъ лѣтъ 45 тому назадъ набросанныя замѣтки о персидской кампаніи.

«Если вы найдете что-либо интереснаго, то, исправивъ слогъ, послѣ моей смерти пустите въ печать. Когда я это писалъ, мнѣ было тогда 22 года; теперь мнѣ 69. А. Багговутъ».

„18-го апрѣля 1875 года“.

Выполняя возложенный на него завѣтъ, Г. К. Градовскій, въ день смерти А. Ѳ. Багговута, вскрылъ оставленный ему покойнымъ пакетъ и, просмотрѣвъ содержащіяся въ немъ бумаги, доставилъ ихъ въ редакцію «Русской Старины», предложивъ напечатать ихъ на страницахъ нашего изданія.

Съ удовольствіемъ исполняемъ это предложеніе.

Записки А. Ѳ. Багговута, какъ оказалось при разборѣ ихъ, обнимаютъ періодъ 1825—1831 гг. и касаются не только персидской кампаніи, но и предшествовавшихъ ей декабрьскихъ событій 1825 года, похода своднаго гвардейскаго полка на Кавказъ, возвращенія его въ Петербургъ и, наконецъ, послѣдовавшей затѣмъ польской кампаніи 1831 года. Въ такомъ порядкѣ матеріалы эти, заключающіе довольно много интереснаго, предлагаются вниманію нашихъ читателей. Кромѣ того, желая представить возможно болѣе полный очеркъ боевой дѣятельности А. Ѳ. Багговута, мы напечатаемъ, въ дополненіе его записокъ, составленный Г. К. Градовскимъ обзоръ дальнѣйшей жизни этого генерала, главнѣйшіе военные подвиги котораго относятся къ достопамятной восточной войнѣ, 1853—1855 годовъ.

Въ видѣ предисловія ко всему этому, помѣщаемъ здѣсь слѣдующую автобіографическую замѣтку, писанную собственноручно А. Ѳ. Багговутомъ и приложенную имъ къ своимъ Запискамъ:

«Вступилъ на службу въ 1825 году въ лейбъ-гвардію Московскій полкъ — прапорщикомъ. Выступилъ съ полкомъ на Кавказъ въ 1826 году. Участвовалъ въ войнѣ противъ персіанъ; находился въ безсмѣнныхъ ординарцахъ при наслѣдномъ принцѣ персидскомъ Аббасъ-Мирзѣ. Во время войны въ Азіатской Турціи — находился при взятіи штурмомъ крѣпости Карса.

«Во время персидской войны былъ при взятіи штурмомъ крѣпости Эривани, при осадахъ крѣпостей Аббасъ-Абада и Сердарь-Абада, въ генеральномъ сраженіи при Елизаветполѣ и Джеванъ-Булахѣ.

«Въ 1831 году, въ генеральныхъ сраженіяхъ подъ Варшавою, при Ваврской корчмѣ, въ генеральномъ сраженіи подъ Гроховымъ. Въ семъ сраженіи раненъ въ голову пулею, съ раздробленіемъ черепа, въ лѣвую ногу — картечью, съ раздробленіемъ кости выше колѣна, пулею въ плечо и контуженъ ядромъ въ бокъ.

«Въ венгерской кампаніи командовалъ гусарскою бригадою и авангардомъ 2-го пѣхотнаго корпуса, участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Самосомъ, подъ Вайценомъ, подъ Туромъ и Дебречиномъ.

«На Кавказѣ—противъ Шамиля, на лѣвомъ флангѣ, подъ начальствомъ князей Воронцова и Барятинскаго.

«Въ Азіатской Турціи—въ генеральныхъ сраженіяхъ подъ Башъ-

Кадыкъ-Ларомъ и Кюрюкъ-Дара; въ этомъ сраженіи контуженъ въ ногу осколкомъ гранаты.

«Въ послѣдней польской революціи (1863 г.) командовалъ отдѣльнымъ отрядомъ, командовалъ 3-ею кавалерійскою дивизіею и временно 4-ю кавалерійскою дивизіею; состоялъ въ распоряженіи командующаго войсками кіевскаго военнаго округа. Нынѣ—членъ капитула орденовъ.

«Военныя награды: «золотая сабля, украшенная бриліантами, орденъ св. Георгія 3-й ст. и другіе (ордена) съ мечами».

Остается присовокупить еще, что А. Ѳ. Багговутъ, какъ можно заключить изъ его записки, писанной къ Г. К. Градовскому въ апрѣлѣ 1875 года, родился въ 1806 году и умеръ, слѣдовательно, на 77-мъ году жизни. Въ біографическихъ данныхъ объ А. Ѳ. Багговутѣ, современныхъ войнѣ 1853—1855 гг., дѣйствительно сказано, что онъ «родился въ Кронштадтѣ, 27-го декабря 1806 года, и, поступивъ на тринадцатомъ году отъ рожденія въ 1-й кадетскій корпусъ, былъ выпущенъ оттуда, 19-го марта 1825 года, прапорщикомъ въ л.-гв. Московскій полкъ». Отецъ А. Ѳ. Багговута, Ѳедоръ Ѳедоровичъ Багговутъ, умершій въ 1811 году, служилъ по таможенному вѣдомству; но въ молодости былъ военнымъ и перешелъ въ гражданское вѣдомство въ чинѣ маіора, послѣ отличій, оказанныхъ при штурмѣ Очакова, въ 1788 году, когда онъ первый взошелъ на стѣны Гассанъ-Пашинскаго замка и потомъ, не смотря на полученную контузію, взялъ одну изъ ближайшихъ къ замку турецкихъ батарей.

Извѣстный генералъ 1812-го года, Карлъ Ѳедоровичъ Багговутъ, убитый подъ Тарутинымъ, доводился роднымъ дядей Александру Ѳедоровичу.

Родъ Багговутовъ происходитъ изъ Норвегіи, откуда, въ половинѣ XVI столѣтія, онъ перешелъ въ Швецію, а затѣмъ въ Эстляндію. Фамилія эта пишется и выговаривается: Баггегуфвудтъ (Baggehufwudt); но въ русскихъ письменныхъ актахъ она получила сокращеніе и упрощеніе: Багговутъ.

Ред.

Меррекюль.
24-го августа 1883 г.

I.

14-го декабря 1825 г.

(Отъ) второго баталіона 2-й гренадерской роты (л.-гв. Московскаго полка) 13-го декабря 1825 г. вступилъ (я) въ караулъ въ л.-гв. Семеновскій гошпиталь; получилъ словесное приказаніе отъ командира 1-го баталіона 3-й роты капитана (Мих. Александр.) Бестужева, одного изъ главныхъ заговорщиковъ 14-го декабря, что «по случаю ожиданія въ столицу изъ Варшавы государя Константина Павловича, (которому принесена присяга 26-го ноября 1825 г.), быть крайне осторожнымъ; въ приказаніи было подтверждено, что великій князь Николай Павловичъ замышляетъ противъ законнаго монарха. Мраморный дворецъ всякій вечеръ освѣщенъ. Фельдъегеря, курьеры летаютъ изъ Петербурга въ Варшаву и обратно; надобно быть осторожнымъ, исполнять свои обязанности; въ случаѣ какихъ-либо переворотовъ оставаться вѣрнымъ своему знамени, царю и отечеству. «Вы, Багговутъ, молодой юноша; покажите себя достойнымъ быть гвардейскимъ офицеромъ».

Точныя слова и наставленіе дежурнаго по карауламъ 4-го отдѣленія.

Простоявъ цѣлый день, къ вечеру зашелъ ко мнѣ корпусный мой товарищъ Еврейновъ, который передалъ разные городскіе толки, бросавшіе дурную тѣнь на великаго князя Николая Павловича.

Въ полночь, дежурный по карауламъ повѣрилъ расходъ часовыхъ, зашелъ въ караульный домъ, просилъ дать стаканъ чаю и закурилъ сигару и съ подробностями сталъ передавать мнѣ интриги (!) великаго князя противу Константина Павловича.

Мнѣ было тогда 18 лѣтъ; воспитанный въ кадетскомъ корпусѣ, со дня производства въ офицеры жилъ на Васильевскомъ островѣ совмѣстно съ матерью моею, женщиною съ ограниченнымъ состояніемъ, и потому кругъ ея и моихъ знакомыхъ былъ чрезвычайно малъ. Въ полкъ являлся только по службѣ. Былъ чуждъ всякимъ городскимъ толкамъ, которые переходили съ разными толкованіями изъ устъ въ уста Петербургской публики. По этимъ обстоятельствамъ наставленія капитана Бестужева произвели не малый хаосъ въ молодой моей головѣ.

На слѣдующее утро, 14-го декабря 1825 г., вышедъ на плацъ-форму моего караула, увидѣвъ полкового адъютанта л.-г. Семеновскаго полка верхомъ, въ полной парадной формѣ, послалъ вѣстового въ полковую канцелярію узнать, какой праздникъ. Посланный, вернувшись, объявилъ, что полкъ выходитъ изъ казармъ, чтобы присягать государю Николаю Павловичу. Спустя нѣсколько времени, стремглавъ приска-

калъ въ саняхъ поручикъ Неѣловъ, братъ моего баталіоннаго командира, полковника Неѣлова, съ приказаніемъ: «ни кому не присягать, никакихъ приказаній не исполнять, кромѣ приказаній за подписью полковника А. Д. Неѣлова», нынѣ генералъ отъ инфантеріи, и какъ капитаномъ княземъ Шепинымъ-Ростовскимъ были ранены генералъ Шеншинъ и полковой командиръ Фредерихсъ, равно полковникъ Хвощинскій, то Неѣловъ, какъ старшій въ полку, разсылалъ приказанія молодымъ, въ караулѣ стоящимъ, офицерамъ. Семеновскій полкъ принялъ присягу предъ моимъ карауломъ. Предложеніе командира Шипова принести присягу я отвергъ. Въ 12 часовъ прибылъ ко мнѣ со священникомъ плацъ-маіоръ полковникъ Болдаревъ; всѣ его старанія, даже угрозы принять присягу были тщетны. Солдаты мои повиновались мнѣ. Къ 2 часамъ прибыла фурштатская команда съ плацъ-адъютантомъ смѣнить меня и съ запискою отъ Неѣлова смѣниться съ караула и прибыть въ полкъ; прибывъ въ полкъ, въ полковой церкви (я) присягалъ съ разными командами, которыхъ приказано было присоединить къ полку на Петровской площади подлѣ строющагося Исакіевскаго собора.

Съ этою командою прибылъ въ то время, когда генералъ Орловъ съ коннымъ полкомъ атаковалъ каре бунтующихъ.

По окончаніи дня 14-го декабря 1825 г. бивуаками расположились на занимаемыхъ мѣстахъ. Отъ высочайшаго двора гг. офицерамъ присланъ былъ чай и холодный ужинъ. Что было, то прошло; описывать подробно происшествія этого дня не берусь, хотя какъ очевидецъ и отчасти участникъ—много видѣлъ и слышалъ.

На другой день утромъ послѣ уборки тѣлъ, отчистки крови, молодой императоръ Николай I благодарилъ вѣрныхъ за вѣрность, пропустилъ гвардію церемоніальнымъ маршемъ. Полки вошли въ казармы, строгость была какъ въ военное время. Допросы, запросы, очныя ставки между офицерами, которые дежурили по ротно, не выходя изъ казармъ; были разныя экзекуціи и т. п.

II.

Походъ на Кавказъ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1826 г. е. и. в. в. кн. Михаилъ Павловичъ, дивизіонный мой начальникъ, собравъ (л.-гв. Московскій) полкъ, объявилъ высочайшее повелѣніе, что составъ баталіонный изъ трехъ ротъ и одной роты Черниговскаго пѣхотнаго полка, за вѣрность переведенной въ л.-гв. Московскій полкъ, назначенъ идти на Кавказъ, трудами, военно-боевою службою заслужить проступокъ. Надобно было назна-

чить офицеровъ. Дѣло щекотливое. Ротные командиры, равно и нѣкоторые офицеры полка заключены были въ крѣпость и подъ разные караулы; ихъ надобно было замѣнить офицерами, непричастными къ заговору, и когда по списку стали вызывать, то произошелъ нѣкоторый ропотъ, который вдругъ утихъ, когда я обратился съ просьбою къ полковнику Хвощинскому доложить его высочеству, что я добровольно желаю идти охотникомъ на Кавказъ. Великій князь радостно принялъ мой вызовъ, передъ баталіономъ цѣловалъ меня. Моему примѣру воспослѣдовали поручики: Озерецковскій, Веригинъ, Вороной и Тетеревниковъ. Составленъ былъ сводный гвардейскій полкъ: изъ одного баталіона Московскаго и Гренадерскаго полковъ подъ командою л.-г. Преображенскаго полка полковника Шипова. 1-мъ баталіономъ командовалъ флигель-адъютантъ Хвощинскій, а 2-мъ полковникъ Шебека.

Полкъ въ составѣ двухъ баталіоновъ выступилъ 21-го февраля, дошелъ до Рыбинска; на удобныхъ перестроенныхъ 9-ти баркахъ спустился по Волгѣ до Астрахани; на мелкихъ судахъ доплыли до Швизруковской пристани; вышедъ на берегъ Каспійскаго моря, прошли городъ Кизляръ и получили приказаніе отъ главнокомандующаго на Кавказѣ, генерала Алексѣя Петровича Ермолова, что, по случаю вторженія персіянъ въ наши предѣлы, мы должны идти форсированными маршами въ Тифлисъ. Такой походъ для насъ гвардейцевъ былъ новый и трудный, но который былъ выполненъ съ большою быстротою, безъ больныхъ и усталыхъ. Походъ замѣчательный. Мы шли такимъ образомъ: пройдя 20 верстъ, варили кашу, 20 верстъ—ужинъ, смотря по мѣстности, а главное соображаясь съ водою, чтобы людямъ возможно было купаться. Мы дѣлали до 60 верстъ въ 24 часа со всѣмъ обозомъ.

III.

Осада Эривани.

Находясь безсмѣннымъ ординарцемъ при полковомъ командирѣ, я несъ обязанности личнаго адъютанта. Здоровое тѣлосложеніе и молодость способствовали выполнять разнородныя трудныя порученія, какъ на квартирахъ, такъ и въ походахъ, въ сраженіяхъ и при осадахъ крѣпостей. Службу я несъ болѣе другихъ моихъ товарищей. Напримѣръ, въ сраженіи подъ Джевенъ-Булахомъ Паскевичъ послалъ меня къ полковнику Раевскому, командиру Нижегородскаго драгунскаго

полка, съ приказаніемъ атаковать лѣвый флангъ непріятеля; я пошелъ съ полкомъ въ атаку, врубился въ массу персидской кавалеріи, и еслибъ моя лошадь не была бы ранена пулею въ шею подъ горло, то взялъ бы знамя, которое взялъ поручикъ Левковичъ (съ георгіевскимъ крестомъ).

Подъ Сердарь-Абасомъ днемъ, по указанію полкового командира, подъ сильнымъ огнемъ поставилъ демонтиръ-батарею; а когда сердарь Эриванскій бросилъ крѣпость и поспѣшилъ въ Эривань, я присоединился къ уланамъ и преслѣдовалъ персіянъ. Подъ Эриванью, 29-го сентября 1827 г., по жребію, мнѣ досталась честь съ двумя выборными солдатами, подъ выстрѣлами нашихъ батарей навѣсно, ползкомъ идти къ крѣпости измѣрить лотомъ глубину рва и высмотрѣть намѣреніе непріятеля. Порученіе исполнилъ хорошо, вернулся съ однимъ солдатомъ, другой былъ убитъ осколкомъ бомбы. На слѣдующій день ночью, при коронованіи гласиса, два взвода полка находились въ прикрытіи, (подпоручики Тетеревниковъ и Окуневъ), летучія сапы персіянъ замѣтили, думали, что идемъ на штурмъ; баталіоны, равно какъ крѣпостныя и легкія орудія, подвинутыя къ брешу, открыли страшный огонь по нашимъ траншеямъ. Упомянутые два взвода были оставлены на жертву; чтобы спасти ихъ, былъ посланъ изъ траншей прямо по направленію къ взводамъ, чтобы вернуть ихъ въ траншеи. Порученіе это исполнилъ удачно, получилъ личную благодарность отъ Паскевича и, по данной ему власти, награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ. Часа черезъ два огонь прекратился; полковникъ Шиповъ отпустилъ меня въ лагерь, чтобы перемѣнить одежду, ибо при отступленіи бомба упала, лопнула близь меня, я упалъ въ ручей, былъ весь мокрый, ушибленъ и усталый.

1-го октября 1827 г., рано утромъ, поскакалъ къ полку; прибылъ въ то время, когда Эриванскій гарнизонъ сдѣлалъ въ крѣпости возмущеніе; на нѣкоторыхъ бастіонахъ показались бѣлые флаги, съ другихъ продолжали осыпать насъ ядрами, картечью и ружейнымъ огнемъ; этимъ обстоятельствомъ воспользовался Паскевичъ, послалъ штурмовать. Войска наши двинулись, мнѣ дали 30 человѣкъ охотниковъ, съ которыми спустился въ ровъ противъ бреши, но видя невозможность проникнуть, повернулъ вправо къ крѣпостнымъ воротамъ, заваленнымъ землею и бревнами; въ то самое время, когда я взошелъ на возвышеніе и смотрѣлъ въ отверстіе крѣпостныхъ воротъ, прибылъ съ дивизіею генералъ-адъютантъ Красовскій, который лично съ охотниками, подъ командою поручика Бѣлова, вскочили тоже на возвышеніе, чтобы принять рѣшительныя мѣры; съ Бѣловымъ я былъ знакомъ; онъ отклонилъ мою голову, чтобы посмотрѣть

въ отверстіе воротъ, въ этотъ моментъ раздался выстрѣлъ изъ пушки, ядро оторвало Бѣлову голову и прошло по головамъ нашихъ охотниковъ, Бѣловъ принялъ за меня смерть, его дымящаяся кровь и мозгъ обрызгали меня, знаки пороха до сихъ поръ у меня на лбу. Съ охотниками ворвались въ крѣпость по узкимъ улицамъ подъ перекрестнымъ огнемъ; штыками проложили себѣ дорогу до дворца сердаря Эриванскаго; взялъ коменданта въ плѣнъ, а солдаты начали грабить дворецъ; страхъ и ужасъ овладѣлъ обитателей дворца, но не надолго: мы возстановили порядокъ: къ 10 часамъ крѣпость была занята нашими войсками. Русскія знамена развѣвались надъ грозною крѣпостью—опора и гордость персіянъ.

Паскевичъ послалъ съ донесеніемъ къ государю императору о взятіи крѣпости Эривани л.-гв. сапернаго баталіона шт.-кап. Бухмейера, который отправился подъ сильнымъ конвоемъ въ Тифлисъ; находясь уже въ пути болѣе 30 часовъ, тогда вспомнили, что забыли вручить ему ключи крѣпости и саблю сердаря Эриванскаго. Чтобы поправить эту ошибку, Паскевичъ призвалъ меня къ себѣ, приказалъ во что бы то ни стало догнать Бухмейера. Мнѣ дали деньги, подорожную и предписаніе всѣмъ военнымъ и гражданскимъ начальникамъ, подъ самою строгою военною отвѣтственностію, способствовать мнѣ къ выполненію возложеннаго на меня порученія. Къ подорожной приложили большую печать главнокомандующаго; въ конвой дали 15 отборныхъ линейныхъ казаковъ съ подручными лошадьми. Чтобы выиграть время, я пустился прямою дорогою къ горѣ Ала-Гезъ, оставя Ечміадзинскій монастырь и Баранъ-Поль влѣво. Съ большими усиліями, безъ дорогъ, по непроходимымъ мѣстамъ, въ непріятельской землѣ я догналъ Бухмейера по большой Тифлисской дорогѣ; получилъ отъ него росписку и вернулся къ войскамъ на походѣ къ Тавризу. Паскевичъ былъ доволенъ, приказалъ оставить мнѣ данныя на дорогу деньги и подарилъ мнѣ одну изъ лошадей сѣдла сердаря Гассанъ-хана, коменданта Эриванскаго.

IV.

Ночное происшествіе.

Послѣ сраженія подъ Джеванъ-Булнхомъ и взятіи крѣпости Абасъ-Абада, Паскевичъ съ войсками сталъ недалеко отъ Нахичевани въ горахъ Кара-Бабы, узналъ о движеніяхъ Абаса-мирзы къ Ечміадзинскому монастырю. Мы оставили въ концѣ августа лагерь подъ Кара-Бабы, пошли форсированными маршами на встрѣчу Красовскому, прикрывавшему осадную артиллерію и матеріалы для обложенія Эри-

вании. На пути узнали о пораженіи Красовскаго подъ самыми стѣнами монастыря. Во время палящаго жара, въ безводномъ краю, персіяне прибѣгли къ хитрости: пропустили черезъ дороги воду, по которымъ должна проходить дивизія Красовскаго; потребность утолить жажду превозмогла строгость дисциплины: ни убѣжденія, ни угрозы, ничто не помогало: солдаты какъ безумные бросались къ водѣ. Когда порядокъ строя разрушился, тогда персіяне атаковали Красовскаго, перерѣзали до 1,200 человѣкъ, но артиллерія и другія части дошли подъ защиту стѣнъ Ечміадзинскаго монастыря. Паскевичъ хотѣлъ заградить дорогу Абасу-мирзѣ, но непроходимыя болота между русскими и персіянами воспрепятствовали. Абасъ-мирза направился къ Арарату, удовольствовавшись побѣдою надъ Красовскимъ въ большихъ силахъ, но избѣгая встрѣчи съ Паскевичемъ.

Девяти-недѣльный лагерь въ Кара-Бабѣ утомилъ наши войска; желудочная лихорадка, въ родѣ холеры, похитила у насъ четвертую часть. Мы были лишены необходимыхъ потребностей лагерной жизни, какъ-то: чаю, сахару, хлѣба; офицерамъ раздавали ежедневную пропорцію: фунтъ мяса и фунтъ сухарей; запасы истощились до того, что платили по 40 руб. ас. за фунтъ сахару и 60 руб. за фунтъ чаю; кислое молоко съ водою и хлѣбъ были роскошь; подвозы къ арміи были атакованы и уничтожены персіянами и куртинцами; вино и водка выпущены; чтобы сильнѣй выразить общій недостатокъ—упомяну объ обѣдѣ, данномъ въ день коронаціи 22-го августа Паскевичемъ генералитету и гвардейскимъ офицерамъ: онъ состоялъ изъ обильнаго числа моченыхъ и вкусныхъ черныхъ солдатскихъ сухарей, супу изъ баранины, пилава и жареной баранины; за здоровье его величества пили шампанское первенствующія лица, ибо его купить нельзя было; впослѣдствіи подвезли въ лагерь шампанское, его пили, но шипучее вино имѣло пагубное вліяніе на тощіе наши желудки. Вообще въ этотъ лагерь терпѣли отъ зноя, мухъ, фалангов, тарантуловъ, скорпіоновъ, разнородныхъ змѣй и разнородныхъ гадовъ. Прибывъ въ Ечміадзинскій монастырь, намъ казалось, что мы попали въ рай. Тамъ мы нашли резервы нашихъ маркитантовъ и, подобно войскамъ Красовскаго, прилегли къ бутылкамъ, къ яствамъ, но безъ нарушенія воинской дисциплины.

Черезъ нѣсколько дней отрядъ перешелъ верстъ 15 на выгодное для пастбища и воды мѣсто. Главная квартира осталась въ монастырѣ и около онаго. Съ новаго бивуака вечеромъ Шиповъ послалъ меня за приказаніемъ къ начальнику штаба, графу Сухтелену; какъ посылка была спѣшная, то я сѣлъ на лучшую свою лошадь, поѣхалъ малою рысью по направленію къ монастырской колокольнѣ, отъѣхалъ

верстъ пять; разразилась гроза, ночь сдѣлалась до такой степени темною, что въ 5-ти шагахъ ничего не видно; сперва ѣхалъ цѣликомъ, потомъ попалъ на тропинку. Досадуя на неудачу, я усилилъ ходъ моего быстраго коня,—напалъ на другую дорогу, потомъ дороги стали сходиться, сбился. Въ недоумѣніи вздумалъ положиться на способность моего бодраго боевого товарища, но лошадь взяла другое направленіе. Такимъ образомъ одинъ бродилъ я, но потомъ подъѣхалъ къ оставленной жителями деревушки, въ которую не рѣшился въѣхать. По моему расчету я былъ въ дорогѣ часовъ 5, и по движенію коня проѣхалъ верстъ 25; надобно было на что нибудь рѣшиться. Повернулъ лошадь вправо отъ деревни, пріѣхалъ къ рѣкѣ, которая, какъ мнѣ казалось, была Занча, подъ самою крѣпостью Эривани; отъ нея повернулъ снова вправо—заѣхалъ въ болото, тутъ выбралъ удобное для корма лошади мѣсто и сталъ пасти коня, ожидая разсвѣта, когда показалась утренняя заря и сообразилъ, что нахожусь подъ крѣпостью. Вправо отъ меня озолотились снѣговыя вершины Арарата, рѣшился отъ Арарата скакать вправо на Ечміадзинъ. Сѣвъ на коня отдохнувшаго, напоеннаго струями Занча и напитавшагося тучнымъ кормомъ, я выѣхалъ изъ болота, но въ сторонѣ отъ меня находился спѣшенный конный пикетъ (непріятеля) съ однимъ верховымъ часовымъ. Немедленно сдѣлалась тревога, открыли по мнѣ пальбу, но пока пикетъ подтянулъ подпруги, замундштучили и сняли путы съ ногъ, я успѣлъ выѣхать на возвышеніе, чтобы взять прямое направленіе на монастырь, въ 18-ти верстахъ отъ меня видѣнный. Куртинцы пустились съ крикомъ и съ пальбою вслѣдъ за мною, но благодаря быстротѣ, смѣтливости и вѣрности моего извѣстнаго тогда въ корпусѣ коня подъ названіемъ Джеханъ (дикая коза), Господу Богу благоугодно было, чтобы я благополучно подъѣхалъ къ монастырю. Куртинцы оставили преслѣдованіе при моемъ приближеніи къ казачьему разъѣзду. За это происшествіе получилъ я серьезный выговоръ и какъ по моей службѣ и разъѣздамъ я бы не подвергался такимъ безполезнымъ опасностямъ приказано было дать мнѣ въ провожатые одного хорошаго опытнаго линейнаго казака Ивана Зладѣева.

V.

Дей-Карганъ.

По занятіи Тавриза часть войскъ отправилась для мирныхъ переговоровъ (съ Абасомъ-мирзою) съ наслѣдникомъ персидскаго престола. Въ составъ этихъ войскъ при главной квартирѣ былъ л.-гв. сводный полкъ. Наслѣдникъ персидскаго престола прибылъ въ Дей-

Карганъ 2-го ноября (1827 г.). Ему выѣхалъ на встрѣчу генералъ Бенкендорфъ съ уланскимъ и казачьимъ полками, баталіономъ пѣхоты и двумя орудіями казачей артиллеріи. Принцъ имѣлъ свиту изъ 150-ти человѣкъ.

Прибытіе наслѣдника персидскаго престола для переговоровъ въ русскій лагерь—фактъ историческій и рѣдкій, дѣлающій честь русскому орлу. Бенкендорфу поручено было принять высокую особу; съ малымъ конвоемъ выѣхалъ онъ въ деревню Чевистеръ, а отрядъ выстроился по большой дорогѣ въ одной верстѣ отъ Чевистеръ. Абасъ-мирза въ сопровожденіи Фетъ-Али-хана, храбраго воина, любимца принца, и военнаго генералъ-губернатора и коменданта Тавриза, двухъ англійскихъ офицеровъ и двухъ нукеровъ или grooms.

Принцъ подъѣхалъ къ выстроеннымъ войскамъ, привѣтствовалъ ихъ на русскомъ языкѣ, проѣхалъ по фронту. Подавъ руку Бенкендорфу, сказалъ: «радъ во время переговоровъ о мирѣ ближе познакомиться съ тѣмъ, который во время войны противъ меня такъ славно владѣлъ саблею». Графу Толстому, флигель-адъютанту, полковнику, тоже сказалъ привѣтствіе, потомъ съ спокойною гордостію прибавилъ: «потребно много времени, чтобы сформировать воинственную націю; ваши плоды созрѣли, мы еще далеко отстоимъ отъ васъ; но имѣя противъ себя такихъ опытныхъ, стройныхъ, храбрыхъ и благородныхъ противниковъ, мы пріобрѣли многое, что послужитъ моимъ войскамъ урокомъ военнаго ремесла; скажу болѣе, добрые и великодушные друзья, я надѣюсь, какъ отъ души желаю, что мы впредь останемся друзьями. Но какъ бы то ни было не покажется ли вамъ страннымъ, (улыбнувшись), что я, будущій монархъ, дѣлаю вамъ визитъ здѣсь, на этихъ поляхъ».

Абасъ-мирза просилъ Бенкендорфа показать ему войска; уланы ему очень понравились, но когда увидалъ пѣхотные ранцы, то, покачавъ головою, сказалъ: «удивляюсь, какъ могутъ эти люди носить такую тяжесть въ жаръ и продолжительность маршей: вѣсъ этого мѣшка составляетъ весь вьюкъ моего кавалериста». Казачья артиллерія обратила на себя вниманіе. Абасъ-мирза подробно осмотрѣлъ орудія. Жители деревень, привлеченные любопытствомъ поклониться законному наслѣднику, молча, со страхомъ глядѣли на враговъ. 300 всадниковъ на отличнѣйшихъ лошадяхъ были выстроены на другой сторонѣ дороги, противъ нашихъ войскъ, подъ начальствомъ красиваго молодого человѣка 16-ти лѣтъ, сына Абасъ-мирзы, Хозревъ-мирзы. Эти воины бросали вокругъ себя взоры, въ которыхъ выражалось оскорбленное самолюбіе, униженіе и стыдъ. Непринужденная веселость Абасъ-мирзы составляла разительный контрастъ

противъ мрачныхъ лицъ отборныхъ наѣздниковъ конвоя можетъ быть всего персидскаго государства.

Прошли церемоніальнымъ маршемъ, послѣ котораго отправились въ Дей-Карганъ.

Абасъ-мирза, 4-й сынъ шаха, съ молодыхъ лѣтъ выказывалъ необыкновенныя способности во всѣхъ отрасляхъ военной и гражданской администраціи, былъ любимъ войскомъ и народомъ и по этимъ причинамъ провозглашенъ законнымъ наслѣдникомъ персидскаго престола. Образованіе войскъ по европейски была главная забота принца; ему усердствовали англичане, снабжая всѣмъ, чтобы сформировать регулярныя войска; но Абасъ-мирза боролся со скупостью шаха, который не давалъ ему достаточно денегъ, чтобы достичь цѣли, даже продолжать начатое, хотя англичане давали въ долгъ за проценты и привозили сукна, орудія, аммуницію, даже до мелочей; казалось почему не сформировать въ самодержавномъ государствѣ, гдѣ воля шаха законъ, гдѣ народъ покоряется безъусловно; религіозный фанатизмъ препятствовалъ принцу (ввести) нововведенія. Мало было способныхъ лицъ, окружающихъ наслѣдника, а тѣ, которые могли быть полезными—были на двѣ стороны: угождали принцу, пріобрѣтали богатства и почести, а между тѣмъ держались старой партіи. Принцъ-наслѣдникъ персидскаго престола ничего не могъ сдѣлать одинъ. Посвятивъ 20 лѣтъ дѣятельной жизни, полагалъ, что можетъ бороться съ Россіею: въ 1826 году, собравъ силы, вторгнулся въ Грузію; послѣ многихъ пораженій явился въ главную квартиру главнокомандующаго, генералъ-ад. графа Паскевича-Эриванскаго. Ему было тогда 45 лѣтъ, высокаго роста, очень стройный, умные быстрые глаза, темный смуглый цвѣтъ лица, черные большіе усы и длинная раскладистая борода. Костюмъ его въ этотъ день былъ: папаха, верхняя одежда изъ желтаго канареечнаго цвѣта сукна, опоясанная темною персидскою шалью; короткій персидскій ножъ въ черномъ кожаномъ футлярѣ былъ заткнутъ за шалью, ножъ былъ украшенъ однимъ бриліантомъ величиною съ ружейную пулю; сабля висѣла на черныхъ ремняхъ безъ всякой оправы, (вѣсъ клинка равнялся вѣсу золота); великолѣпная лошадь была осѣдлана бархатными чепраками, шитыми золотомъ, серебромъ и жемчугомъ, сбруя кованнаго золота съ драгоцѣнными каменьями. Таковъ былъ въ этотъ день Абасъ-мирза, которому я явился съ ординарцами отъ л.-гв. своднаго полка и, по его желанію, съ этого дня оставленъ при немъ безсмѣннымъ ординарцемъ.

Обязанности мои были: поутру являться съ рапортомъ о состояніи почетнаго караула, одной изъ ротъ нашего полка со знаменемъ;

сопровождать принца на охоту и прогулкахъ. Изъ придворной конюшни принца назначены были для меня двѣ лошади,—одна свѣтлорыжая туркменской породы, а другой жеребецъ караковый арабской. Обѣдъ имѣлъ отъ кухни принца, часто обѣдалъ у принца Хозрева-мирзы, съ которымъ очень сдружился. Иногда, по приказанію главнокомандующаго, на его счетъ, давалъ вечера съ ужиномъ для свиты Абаса-мирзы. Яя-ханъ, шталмейстеръ его, и нѣкоторые сановники двора, подъ звуки музыки, зурны, пѣсенниковъ, забывали строгость корана: шампанское, въ особенности вареное красное вино съ сахаромъ, ромомъ и специями (глинтвейнъ) вкушали, какъ обыкновенный шербетъ.

(Я пробылъ) отъ 2-го ноября по 11-е декабря 1827 г. въ должности безсмѣннаго ординарца. Жизнь велъ разнообразную, шумную, даже разгульную. Меня называлъ мирзà Ескандеръ-бекъ или Ордаганъ-Ордаги, что значитъ Багговутъ, переводъ Богга-уточка. Принцы отличали меня, свита любила и уважала.

Былъ общій парадъ, отрядъ былъ значительный. Подъѣхавъ къ полку нашему, принцъ съ восточнымъ краснорѣчіемъ выразился:

— «Россію уподобить можно великому океану; по закону природы, море выбрасываетъ на берегъ свои дурныя части, но на сей разъ законъ природы измѣнился, ибо Россія на берегъ свой выбросила жемчужины войскъ!»

Абасъ-мирза съ сыномъ удостоилъ принять обѣдъ отъ полка. Въ особенной палаткѣ, украшенной разными шалями, сѣли за столъ два принца и Паскевичъ, во второй палаткѣ персидскіе сановники и старшіе генералы главной квартиры, въ 3-й гости обѣихъ націй. Гг. офицеры полка наблюдали за порядкомъ. Обѣдъ былъ изготовленъ русскими и персидскими поварами. Тосты за здоровье шаха, государя Николая I, принца были оглашены криками ура и пальбою изъ орудій. Послѣ обѣда принцъ со вниманіемъ слушалъ хоры пѣсенниковъ, потомъ всѣ участвовавшіе за обѣдомъ верхами провожали принцевъ до занимаемой ими квартиры въ Дей-Карганѣ. Кавалькада была monstre, свита съ конвоемъ принцевъ, свита главнокомандующаго, всѣ вообще офицеры отряда составили общую смѣшанную разнородную пеструю массу, до 2,000 человѣкъ. Кавалерія выстроилось по всему протяженію отъ лагеря до мѣстечка, куда по узкимъ улицамъ могли только въѣхать главныя лица. День оригинальный, незабвенный для тѣхъ, которые участвовали въ этомъ празднествѣ двухъ націй, которые проливали кровь, которые сошлись трактовать; переговоры продолжались, равно и заготовленія военныхъ запасовъ для продолженія войны, такъ и случилось: переговоры пре-

кратились. Абасъ-мирза уѣхалъ. Полкъ пошелъ къ озеру Урліи въ мѣстечко Бинобъ, простоялъ тамъ, пока заключенъ былъ прочный миръ въ Туркменчаѣ.

Тогда присланы мнѣ были отъ Абасъ-мирзы орденъ Льва и Солнца 2-й ст., алмазами и драгоцѣнными каменьями украшенный, караковый жеребецъ, мой фаворитъ, на которомъ я ѣздилъ въ свитѣ принца, и двѣ шали, какъ знакъ ко мнѣ благоволенія его высочества; подарки эти мнѣ были переданы моимъ пріятелемъ Яя-ханомъ, шталмейстеромъ принца.

VI.

Въ 1828 г.

По заключеніи мира съ персіянами войска возвратились на кантониръ-квартиры; нашъ полкъ занялъ казармы въ Тифлисѣ, на Влобарѣ. Вскорѣ послѣ нашего прибытія, Россія объявила войну туркамъ. Войска кавказскаго корпуса снова стали готовиться къ походу, а л.-гв. сводный полкъ получилъ приказаніе отвезти въ столицу контрибуцію въ 80.000,000 руб. ас. (золотыми слитками), полученную отъ персидскаго правительства по Туркменчайскому миру.

Графъ Паскевичъ-Эриванскій выступилъ со всѣмъ своимъ штабомъ въ Гумры (нынѣшній Александрополь). Полкъ благодарилъ главнокомандующаго за вниманіе и отличіе, оказанныя частицѣ гвардіи, которая невольно 14-го декабря впала въ проступокъ, но которая усердною службою, трудами впродолженіи трехъ-лѣтняго похода окупила вину. Пока устраивали транспортъ съ золотомъ, л.-гв. Сводный полкъ занималъ караулы въ Тифлисѣ, а обо мнѣ пошло представленіе отъ главнокомандующаго къ е. и. в. в. кн. Михаилу Павловичу о назначеніи меня адъютантомъ къ графу Сухтелену, на что не воспослѣдовало разрѣшенія отъ шефа полка. Между тѣмъ я сопровождалъ въ вояжахъ по всей Грузіи генералъ-губернатора, генералъ-адъютанта Сипягина, а предъ выступленіемъ полка былъ посланъ съ депешами для разъясненія нѣкоторыхъ дѣлъ въ (азіатскую) Турцію въ главную квартиру къ графу Эриванскому, куда прибылъ спустя четыре дня послѣ взятія Карса. Вернулся въ Тифлисъ.

Въ началѣ августа 1828 г. тронулись, имѣя съ собою 70 нанятыхъ перегонныхъ повозокъ съ золотомъ. Мнѣ порученъ былъ особенный транспортъ: онъ состоялъ изъ трона Абасъ-мирзы, взятаго въ Тавризѣ, въ его дворцѣ, знаменитую извѣстность въ ученой азіятской просвѣщенности ардебильскую библіотеку, разные трофеи—знамена и значки, разнаго рода рѣдкое оружіе, картины, (писанныя) масляными

красками, огромныхъ размѣровъ, представляющія церемоніальные выѣзды шаха, религіозныя процессіи, даже мнимыя побѣды, одержанныя надъ русскими въ первые годы владычества Россіи надъ Грузіею, въ командованіе войсками генералами Цидіановымъ и Котляревскимъ; 6 пушекъ, вылитыхъ на литейномъ дворѣ въ Тавризѣ во время пребыванія нашего въ семъ городѣ.

Всѣ эти трофеи сдалъ въ Москвѣ въ Оружейную палату, а въ петербургскую публичную библіотеку рѣдкія сочиненія и роскошныя рукописи ардебильской библіотеки.

11-го декабря 1828 г. полкъ вступилъ въ Петербургъ послѣ трехълѣтняго похода.

VII.

Второй періодъ: переходъ въ артиллерію.—Война съ Польшею.

1830—1831 гг.

Ровно два года послѣ персидскаго похода служилъ въ л.-гв. Московскомъ полку, мнѣ было тогда 22 года.—За мою службу шефъ полка, в. кн. Михаилъ Павловичъ ходатайствовалъ о производствѣ въ офицеры изъ кадетъ 1-го корпуса родного брата моего, Карла Ѳеодоровича (Багговута), который вступилъ прапорщикомъ въ л.-гв. Московскій полкъ.

Занимая одну квартиру, мы съ братомъ, въ свободное отъ службы время, стали заниматься науками, нанимали учителей, посѣщали университетъ, гдѣ слушали лекціи разныхъ профессоровъ; эти полезныя занятія дали мнѣ право посвятить себя на полезнѣйшую службу для продолженія хорошо начатой карьеры. И какъ я изъ корпуса въ 1825 г. назначенъ былъ къ выпуску въ 31-ю конную батарею, пошелъ по недостатку офицеровъ въ саперные баталіоны, а въ гвардію назначенъ былъ по личному выбору великаго князя Михаила Павловича, то просилъ перевода въ артиллерію, тѣмъ болѣе, что мнѣ, при ограниченномъ состояніи, трудно было прилично содержать себя (въ гвардіи). Е. высочество шефъ полка благоволилъ ко мнѣ, желалъ удержать въ полку, но послѣ двухъ кратнаго отказа согласился, на условіи, чтобы я сдалъ экзаменъ въ ученомъ артиллерійскомъ комитетѣ.

Въ концѣ ноября 1830 г. кончилъ я экзаменъ, осталась мнѣ одна строевая часть, но вслѣдствіе вспыхнувшаго въ Варшавѣ возмущенія отправленъ былъ въ 6-й пѣхотный корпусъ.

Прибывъ въ декабрѣ въ 6-й пѣхотный или Литовскій корпусъ, по

распоряженію командира онаго, ген.-ад. барона Розена, прикомандированъ къ Самогитскому гренадерскому полку.

Въ январѣ 1831 г., когда прибылъ въ Бѣлостокъ главнокомандующій арміею, ген.-ад. графъ Дибичъ-Забалканскій, со всѣмъ своимъ штабомъ, чтобы двинуться съ войсками противъ Варшавы, я сталъ хлопотать, основываясь на моемъ приготовленіи къ переводу въ артиллерію, быть прикомандированнымъ къ одной изъ батарей Литовскаго корпуса у оберъ-квартирмейстера арміи, ген.-ад. Нейдгарта, который лично меня зналъ, и ген.-ад. Розена, который былъ друженъ съ покойнымъ моимъ дядею, генераломъ Багговутъ, командиромъ 2-го пѣхотнаго корпуса, убитымъ въ 1812 г. подъ Тарутино. По докладу начальника штаба графа Толстаго графу Дибичу, прикомандированъ я, по недостатку артиллерійскихъ офицеровъ, въ Литовскую гренадерскую № 1-й батарею, съ которою выступилъ за границу, командуя дивизіономъ.

5-го февраля 1831 года находился я съ 4-мя орудіями въ авангардѣ подъ Калушинымъ. Это первый день, гдѣ я дѣйствовалъ со своими орудіями противъ непріятеля, день былъ трудный; составъ людей при орудіяхъ состоялъ изъ солдатъ, не бывалыхъ въ сраженіяхъ, два молодыхъ офицера неопытные въ этотъ день мало мнѣ способствовали, но чувство самолюбія гг. офицеровъ, примѣръ самоотверженія съ моей стороны и пріобрѣтенная мною опытность въ военное время сдѣлали то, что къ концу сраженія сталъ дѣйствовать ввѣренными мнѣ орудіями какъ на маневрахъ. На другой день былъ въ дѣлѣ подъ Минскомъ, а на третій день былъ въ сраженіи у корчмы Вавръ. Батарейному командиру моему, полковнику барону Ренне, поручили командовать резервною артиллеріею. По старшинству офицеровъ я принялъ начальство надъ всей батареей. 7-го числа принялъ участіе со всею батареею, сталъ на позицію противъ непріятельскаго сильнаго артиллерійскаго огня батарей, которую, сбивъ, двигался съ войсками по разнымъ направленіямъ, а къ вечеру, по распоряженію начальника артиллеріи, генерала Шушерина, батарея вышла въ резервъ, дабы пополнить заряды, исправить поврежденія и укомплектовать убитыхъ и раненыхъ людей и лошадей. Войска наши оставались на позиціи съ 7-го по 8-е число, артиллерія поставлена была на возвышеніяхъ противъ Граховской ольховой рощи, занятой поляками.

8-го утромъ открылась канонада по всей линіи, въ особенности съ батарей Литовскаго корпуса, противъ рощи, изъ которой поляки колоннами выходили для атакъ. Въ 7 часовъ утра получилъ я приказаніе, какъ можно поспѣшить идти проселочною дорогою по трудной, почти непроходимой для артиллеріи, дорогѣ, черезъ лѣсъ, на

правый нашъ флангъ, для отраженія собираемой въ большихъ силахъ непріятельской кавалеріи. Чтобы выиграть время, я послалъ 2-й и 3-й ящики по назначенной дорогѣ въ обходъ, посадивъ прислугу на подручныхъ лошадей, справа въ одно орудіе, вдоль нашихъ батарей; подъ защитою конныхъ находился въ виду непріятеля, на полномъ карьерѣ съ нѣкоторою убылью въ людяхъ, довольно благополучно и въ настоящее время (то есть ко времени) прибылъ на угрожаемый нашъ правый флангъ и лишь только выстроилъ батарею, то былъ атакованъ кавалерійскою дивизіею, которую два раза отразилъ, бывъ самъ поддержанъ конною дивизіею ген.-ад. графа **Владека** 30-ю и 31-ю конными батареями; но какъ моя батарея была большого калибра, то дѣйствовалъ ею до самаго вечера съ большимъ результатомъ противъ батарей польскихъ и пѣхоты, покушавшейся выходить изъ рощи; выстрѣлы мои брали непріятеля во флангъ, покушенія непріятеля заставить молчать мою батарею были тщетны, но у меня убыль въ людяхъ и лошадяхъ была до того велика, что изъ одной батареи составленъ дивизіонъ; прочія 4 орудія, пришедшія въ негодность по недостатку въ людяхъ и лошадяхъ, были отправлены въ резервъ, я съ 4-мя орудіями остался на позиціи.

Получилъ благодарность какъ отъ корпуснаго командира, барона **Розена**, исправляющаго должность начальника артиллеріи, ген.-ад. кн. **Горчакова**, и начальника артиллеріи 6-го пѣхотнаго корпуса, генералъ-лейт. **Шушерина**. Дѣло 8-го числа дало мнѣ нѣкоторую извѣстность въ арміи; старые артиллеристы отдавали мнѣ справедливость, тѣмъ болѣе, что я тогда еще носилъ мундиръ л.-гв. Московскаго полка и не былъ настоящимъ артиллеристомъ.

Пять дней до 13-го февраля (1831 г.) простоялъ я на крайней передовой позиціи нашихъ войскъ. Обѣ воюющія стороны приготовлялись къ рѣшительному бою, обѣ воюющія стороны пополняли убыли свои, занимались исправленіемъ поврежденій. Главнокомандующій ожидалъ прибытія на правый свой флангъ гренадерскаго корпуса князя **Шаховскаго**, противъ котораго поляки послали отрядъ, дабы затруднить его движеніе. 14-е число назначено для общаго боя и занятія Варшавы, но утромъ 13-го числа, послѣ пяти-дневнаго отдыха, канонада возгорѣлась съ обѣихъ сторонъ по всему протяженію, занимаемому войсками обѣихъ націй. Ключъ позиціи у поляковъ была Гроховская роща, которую они укрѣпили, воздвигнувъ скрытыя батареи; вся роща была наполнена пѣхотою. Мои 4 орудія молчали. Я берегъ выстрѣлы. Егерская бригада, имѣя впереди себя стрѣлковъ, спустилась съ высотъ нашихъ батарей, колоннами пошла атаковать рощу; въ это время пріѣхалъ на мою батарею генералъ на красивой

лошади, которая не совсѣмъ мирно стояла подъ выстрѣлами, а генералъ хладнокровно и со вниманіемъ разсматривалъ позицію, я подошелъ къ нему, погладивъ лошадь, выразился:

— «Бригада эта идетъ въ лѣсъ, чтобы атаковать; но я навѣрное полагаю, что недостаточно послать одну бригаду противъ сильнѣйшаго въ лѣсу непріятеля, жаль, что не знаю, гдѣ находятся въ это время мои начальники, а то послалъ бы испросить позволеніе поддержать атаку моими орудіями, тѣмъ болѣе, что при начатіи боя, при наступленіи нашихъ войскъ, батарея моя, которая до сей минуты на этомъ пунктѣ была необходима, теперь безполезна—даже молчитъ».

«А какъ ваша фамилія, молодой человѣкъ?» спросилъ меня генералъ, бывшій въ шинели и фуражкѣ.

— «Багговутъ».

«А, вы тотъ самый, котораго я прикомандировалъ къ артиллеріи, вы сынъ Ѳедора Ѳедоровича, ибо у друга моего Карла Ѳедоровича не было дѣтей».

— «А съ кѣмъ я имѣю честь говорить?»

«Я—Толь и потому дайте мнѣ руку; идите сейчасъ съ орудіями, поддержите атаку, Богъ съ вами, но держитесь, въ случаѣ не успѣете, до крайности, васъ поддержитъ фланговымъ огнемъ резервная артиллерія, идите скорѣй съ Богомъ».

Взявъ на передки, рысью сталъ на близкомъ разстояніи отъ лѣса предъ широкимъ рвомъ. Пѣхота предупредила меня, вошли стрѣлки съ пальбою, а баталіоны съ крикомъ ура въ лѣсъ, начали работать штыками. Не прошло четверти часа, какъ стали выводить изъ лѣса раненыхъ и какъ это часто бываетъ, при нихъ люди, которымъ полезнѣе было со штыкомъ работать въ рядахъ товарищей. Правильная атака, перешедшая въ частныя дѣйствія, даже въ одиночный бой, когда офицеры не могутъ наблюдать за солдатами, особенно атака въ лѣсъ, гдѣ нѣтъ точки, но которая назначена для овладѣнія—всегда трудна, даже опасна для атакующаго; это случилось при первой атакѣ Гроховскаго лѣса. Вслѣдъ за ранеными стали отступать и это отступленіе превратилось въ бѣгство; по несчастью, солдаты, въ безпорядочномъ бѣгствѣ, изъ чувства самохраненія бѣжали прямо на батарею, закрывая собою дѣйствія орудій. Махая платкомъ, я кричалъ раздаваться вправо и влѣво, а между тѣмъ непріятель шелъ по пятамъ; тогда нечего было дѣлать, я открылъ огонь ядрами и гранатами, а потомъ уже картечью на самое близкое разстояніе. Непріятель остановился, ибо фланговыми выстрѣлами резервной артиллеріи съ правой стороны въ 30, а съ лѣвой въ 18 орудій поражали непріятеля, который отошелъ въ лѣсъ. Наши баталіоны стали

формироваться за батареею, получили подкрѣпленіе, пошли снова въ лѣсъ, а мнѣ оставили въ прикрытіе баталіонъ Брестскаго пѣхотнаго полка. Вторая атака въ рощу была неудачнѣе первой, ибо поляки, понявъ, что угрожаютъ пункту, свои позиціи подкрѣпили резервами; бой горѣлъ страшнымъ образомъ, долго работали; выстрѣловъ ружейныхъ не слышно было, крикъ, командныя слова, вопли, да трескъ деревъ отъ нашихъ ядеръ! Казалось все идетъ хорошо; но вдругъ на краю лѣса стали сгущаться наши войска и въ совершенномъ безпорядкѣ бросились на мои орудія. Видя невозможность держаться, я бросилъ орудія, а съ передками и ящиками отступилъ. Поляки не долго пользовались своимъ восторгомъ: взявъ 4 орудія, они не могли ихъ увезти, широкій и глубокій ровъ мѣшалъ этому предпріятію; пока они возились съ ними, наши баталіоны, будучи вторично подкрѣплены свѣжими войсками, атаковали, взяли обратно орудія;— ядрами провожалъ ихъ до опушки лѣса, куда поляки выдвинули сильную батарею. Пространство между нами было такъ мало, что картечь не дѣйствовала надлежащимъ образомъ, что заставило меня посылать въ дуло орудія ядро и зарядъ картечи,—это, правда сказать, опасное средство имѣло хорошій результатъ. Въ это время ядро, пролетѣвъ подлѣ меня, свалило меня съ ногъ; я былъ контуженъ въ лѣвый бокъ, а вскорѣ послѣ того ружейная пуля, отскочивъ отъ шины колеса орудія, подлѣ котораго стоялъ, ударила меня въ локоть; боль была невыносимая, но непродолжительная.

Послѣ второй атаки наша кирасирская дивизія пошла въ атаку отъ нашей позиціи по правой сторонѣ рощи; движеніе это угрожало полякамъ, въ лѣсу стоящимъ, быть отрѣзанными отъ главныхъ своихъ силъ; чтобы удержать наше движеніе съ фронта, они усилили огонь своихъ батарей преимущественно на мои 4 орудія, дабы атакою прорвать нашъ центръ и заставить насъ обратить вниманіе на угрожаемый намъ пунктъ. Въ это время ближняя картечь ударила меня въ лѣвую ногу на одну четверть ниже пояса; я упалъ; казалось кость раздроблена, но какъ поляки готовились атаковать въ третій разъ, то не хотѣлъ оставить ввѣренную мнѣ позицію: шелковымъ носовымъ платкомъ перевязалъ или перетянулъ рану, дабы остановить сильное теченіе крови и какъ двѣ мои лошади были убиты, то подвели мнѣ строевую, на которую мнѣ трудно было сѣсть по слѣдующимъ причинамъ: на мнѣ были большіе сапоги, нога не входила въ солдатское стремя, при томъ садиться съ лѣвой стороны, а лѣвая нога была сильно ранена, надобно было при помощи людей, (которые уговаривали идти на перевязочный пунктъ), садиться съ правой стороны; въ это самое время цѣпь застрѣльщиковъ подвинулась впередъ для атаки, я получилъ

ударъ ружейною пулею на 30-ти шагахъ въ голову близъ праваго уха; ударъ былъ такъ силенъ, что я сѣлъ на колѣни, языкъ отнялся, я успѣлъ перекрестить батарею и лишился чувствъ.

Что происходило вокругъ меня—не знаю. Говорили мнѣ послѣ товарищи, когда отнесли меня на перевязочный пунктъ, что слѣдовало идти мимо фельдмаршала, который на курганѣ наблюдалъ за ходомъ сраженія, тогда графъ Дибичъ-Забалканскій снялъ фуражку и поклонился моему трупу, ибо я былъ мертвъ; его высокому примѣру послѣдовала вся свита [1]).

VIII.

Страданія отъ ранъ.—Операціи.—Привозъ въ г. Венгровъ.

1831 г.

Въ моей біографіи разсказываютъ, что я лежалъ между мертвыми, это правда, т. е. послѣ первой медицинской помощи, которая состояла въ томъ, что приложили къ ранѣ кусочекъ корпіи, меня положили на песокъ, гдѣ не было снѣгу; люди, которые меня принесли на перевязочный пунктъ, были пѣхотные солдаты изъ прикрытія изъ разныхъ полковъ; они сдѣлали свое дѣло и ушли назадъ. Наша армія подвинулась впередъ, роща была взята, мы очутились въ Прагѣ и на берегу Вислы, въ такомъ случаѣ передовой первый перевязочный пунктъ слѣдуетъ за движеніемъ войскъ и дѣлается подвижнымъ; я остался между многими моими товарищами, которые были мертвы.

Въ большихъ сраженіяхъ, какова битва Гроховская, которая поглотила и выбила изъ строя съ обѣихъ сторонъ, какъ у насъ, равно и у поляковъ, 26 тысячъ человѣкъ, невозможно при всѣхъ средствахъ доставить удобства раненымъ, такъ и со мной случилось.

Наступила ночь. Битва стихла. Я лежалъ между мертвыми. Солдатъ, прослужившій болѣе 15-ти лѣтъ во фронтѣ, сдѣлался моимъ слугою, моимъ деньщикомъ (поступилъ рекрутомъ изъ крестьянъ Пензенской губ.). Зиновій Галкинъ былъ типъ изъ деньщиковъ, проворный на всѣ руки, камердинеръ, кучеръ, поваръ, даже прачка, сильный, здоровый, что касается до нравственности, то не очень честный, не очень трезвый, за то имѣлъ ко мнѣ необыкновенную привязанность, любилъ и берегъ меня какъ зеницу своего ока. Уже во время боя Зиновій пошелъ съ закускою меня провѣдать; долго бродилъ онъ съ

---

[1]) Разсказъ фл.-ад. ротмистра графа Протасова, впослѣдствіи ген.-ад. и оберъ-прокурора святѣйшаго синода. А. Ѳ. В.

солдатикомъ моей батареи меня отыскивая, и послѣ долгаго времени, уже подъ вечеръ, нашелъ между трупами, обнаженнаго, безъ всякаго признака жизни. Оставалось только предать меня землѣ, но овъ хотѣлъ, какъ послѣ говорилъ, чтобы меня похоронили съ церемоніею. Съ помощію нѣсколькихъ солдатъ отнесли меня въ резервъ; у бивачнаго огня пришелъ я въ чувство, помню, что невыносимо было холодно, въ особенности зябла голова; меня укрыли лошадиными попонами и шинелями отъ убитыхъ солдатъ. На слѣдующее утро сдѣлали носилки и понесли безчувственнаго въ такъ называемый походный лазаретъ. Дорогою, по неотступной просьбѣ Зиновія Галкина, не совсѣмъ трезвый цирульникъ за одинъ червонецъ перочиннымъ ножикомъ вырѣзалъ мнѣ пулю изъ головы, которая раздробивъ подлѣ шва затылочной части черепъ, сдѣлала три трещины и застряла въ одной изъ нихъ. Эту операцію дѣлаютъ съ большою осторожностью, съ разными инструментами опытные хирурги, но милость Всемогущаго Бога выше искусства человѣка: съ Его помощію перочиннымъ ножемъ пьяный полковой цирульникъ подъ часъ сдѣлаетъ операцію лучше медика!

Полевой лазаретъ или операціонный пунктъ есть мѣсто ужаса и страданій; отдаю полную справедливость гг. медикамъ за ихъ знаніе, заботливость, но они люди, они съ горяча примутся рѣзать, но какъ операціи продолжаются нѣсколько дней съ ряду, на невыгодныхъ мѣстахъ, безъ удобствъ, то простительно, если послѣ огромнаго кровопролитнаго сраженія нашъ братъ раненый не найдетъ постоянный покой. Гдѣ все взять, какъ все это устроить! Не всегда сражаются по близости главныхъ городовъ, гдѣ иногда все, но не скоро можно найти. При томъ устройство полевыхъ лазаретовъ подвержены разнымъ условіямъ, какъ то послѣ боя, въ надеждѣ на слѣдующій день продолжать сраженіе съ наступленіемъ или обратно и т. п. Этотъ самый примѣръ условій случился послѣ Гроховской битвы.

Поляки, бывъ оттѣснены за Вислу, вошли въ Варшаву. Мы заняли Прагу. Кровопролитное Гроховское сраженіе не имѣло 13-го числа рѣшительнаго результата и потому въ надеждѣ штурмомъ или капитуляціею овладѣть Варшавою, полевые лазареты были занимаемы въ ближайшихъ отъ поля битвы мѣстахъ.

Я попалъ въ большую Ваврскую корчму, которая до занятія лазаретомъ переходила изъ рукъ въ руки, слѣдовательно кромѣ сѣрыхъ стѣнъ—ничего. Когда меня внесли въ большую комнату, на столѣ дѣлали операцію; тутъ же подлѣ дверей лежали два моихъ товарища л.-гв. Егерскаго полка Муспицкій и баронъ Кедрицъ, мѣста не было. Надобно дожидаться вакансіи на мѣсто умершаго

и очереди быть перевязаннымъ. Не помню, что со мною дѣлали, но я былъ перевязанъ и положенъ на вакантное мѣсто. Дабы имѣть порядокъ въ лазаретѣ, то запрещаютъ офицерской прислугѣ, безъ особенныхъ приказаній медиковъ, входить къ господамъ своимъ. Ухаживаютъ, сколько силъ достаетъ, цирульники, потому больной кромѣ страданій часто мучится жаждою и т. п. Я пролежалъ цѣлую ночь (сутки) въ беспамятствѣ, къ вечеру сталъ приходить въ себя, отъ движеній сосѣда моего, уланскаго офицера, который въ предсмертныхъ мукахъ безпокоилъ меня. Помню, что я поднялся на ноги, имѣлъ столько силъ, чтобы оставить соломенное ложе. Мнѣ было душно. Мнѣ было гадко. Я хотѣлъ умереть подъ открытымъ небомъ. Дежурный цирульникъ вывелъ меня въ другую комнату тяжело, но не смертельно раненыхъ; изъ нихъ многіе сидѣли на скамейкахъ у столовъ въ перевязкахъ, пили чай. Между ними былъ бывшій адъютантъ цесаревича Константина Павловича Вейсъ. Я его не зналъ, но онъ принялъ во мнѣ участіе, напоилъ чаемъ, приказалъ цирульнику положить на ложе. Я отъ напряженія лишился чувствъ, но когда пришелъ въ себя, то не могъ избавиться отъ свинцовой руки, которая давила мою грудь: рука эта была моего бѣднаго сосѣда, уланскаго офицера, онъ метался, бился, охалъ, бредилъ, наконецъ умеръ, бросивъ свою руку на мою грудь, какъ бы пригвоздивъ меня къ землѣ; ночь эта была—ночь ужаса отъ стоновъ умирающихъ.

На другое утро полковникъ Вейсъ взялъ меня съ собой въ мѣстечко Станиславово, гдѣ былъ устроенъ отличный лазаретъ въ загородномъ домѣ графа Замойскаго. Мнѣ стало какъ бы легче, даже хорошо, явился апетитъ. Въ полдень дивизіонный докторъ изъ поляковъ г. Грабовскій, перевязавъ мнѣ рану, спросилъ имѣю-ли родственниковъ; на отвѣтъ, что жива мать, братъ и другіе родные, онъ посовѣтывалъ мнѣ воспользоваться теперешнимъ моимъ положеніемъ, пока не явилось воспаленіе, ибо головная рана смертельна, что (онъ) долженъ сдѣлать перевязку, но это не облегчитъ меня. Вейсъ былъ при этомъ и ужасно сердился на откровенность Грабовскаго; тотчасъ послалъ въ главную квартиру къ ген.-ад. Нейдгардту, котораго просилъ увѣдомить, что я живъ и чтобъ онъ о моемъ состояніи сообщилъ въ Петербургъ родственнику моему, графу В. О. Адлербергу.

Посланный явился съ письмомъ отъ Нейдгардта въ Венгровъ къ губернатору генералу Пинобелю, а медику приказаніе—отправить меня немедленно въ Венгровъ. Дабы тотчасъ исполнить приказаніе, меня съ нѣкоторыми другими ранеными посадили въ пустую сухарную фуру, еще по старому образцу запряженную четырьмя лошадьми съ бича. Въ такомъ невыгодномъ для меня экипажѣ проѣхалъ цѣлыя

сутки по мерзлой землѣ, по лѣсистой дорогѣ. На первыхъ верстахъ ужасно я страдалъ, но потомъ, слава Богу въ безпамятствѣ, доѣхалъ до станціи. Тутъ Зиновій уложилъ меня, плакалъ надо мной и по просьбѣ моей не сажать меня болѣе въ сухарную фуру, а оставить спокойно на мѣстѣ умереть, онъ обѣщался выполнить мою просьбу, вслѣдствіе чего сухарная фура съ ранеными пошла далѣе, а я остался съ Зиновіемъ и однимъ солдатомъ батареи, которому оторвало три пальца на правой рукѣ. Не помню сколько прошло времени, но Зиновій, изъ любви и привязанности ко мнѣ, желая, сколь возможно, удобнѣе сухарной фуры доставить меня до Венгрова, рѣшился на отчаянное дѣло. Ни за какія деньги нельзя было добыть какого-нибудь экипажа; жители по близости отъ Венгрова удалились въ сей городъ, забравъ все съ собою; въ деревняхъ, гдѣ жили польскіе помѣщики, все оставалось на мѣстахъ, но перевозочныхъ средствъ не было. Какъ я уже послѣ узналъ, Зиновій распорядился слѣдующимъ образомъ. Неизбѣжно во время войны, вслѣдъ за арміею, бродятъ собаки, въ южныхъ странахъ чекалки, надъ арміею вороны, ястреба и орлы, а въ Польшѣ—жиды; эти собаки, эти вороны вездѣ даже впереди арміи, даже между воюющими арміями. У польскихъ жидовъ страсть пріобрѣтать до того велика, что всякій изъ нихъ предлагаетъ свои услуги быть шпіономъ и (вызывается на) другія опасныя должности; правда, народъ этотъ полезный, но за то какъ часто при малѣйшемъ подозрѣніи и плутовствѣ или висѣлица, пуля въ лобъ или казачья нагайка служатъ наградою за обманы. Съ движеніемъ нашихъ войскъ на Варшаву жиды стали подвозить къ арміи всевозможные продукты, большею частью дурные, а которые продаваемы были за огромныя деньги. Зиновій отправился въ лѣсъ, черезъ который, пользуясь снѣговою дорогою, жиды пробирались на саняхъ, остановилъ пару лошадей, скатилъ бочку съ водкою, какая участь постигла жида—умолчимъ; но я съ помощію Зиновія и солдата доѣхалъ на саняхъ по голой землѣ, на соломенномъ ложе, довольно спокойно и благополучно до Венгрова, прямо съ письмомъ къ генералъ-губернатору. Письмо было отъ Нейдгардта, оно сохраняется при моихъ бумагахъ въ оригиналѣ:

«М. г. Смертельно раненый л.-гв. Московскаго полка поручикъ Багговутъ отправленъ мною въ Венгрово для пользованія; рекомендую вашему превосходительству храбраго молодого человѣка, въ которомъ, какъ близкій знакомый, принимаю живѣйшее участіе; всепокорнѣйше прошу употребить все, что во власти вашей, чтобы сохранить его для отечества и его родныхъ. Поручите Багговута

надзору опытнаго хорошаго медика; издержки, вами для него дѣлаемыя, беру на себя. Увѣдомляйте по временамъ о состояніи его ранъ и все для Багговута сдѣланное приму какъ за знакъ лично сдѣланнаго мнѣ одолженія. Александръ Нейдгартъ, генералъ-адъютантъ, оберъ-квартермейстеръ большой дѣйствующей арміи».

IX.

Страданія.—Операція.—Докторъ Андрей Шлегель.—Выздоровленіе.

Г. Пинобель помѣстилъ меня въ занимаемой квартирѣ въ домѣ аптекаря въ третьемъ этажѣ, три комнатки въ мезонинѣ. Состояніе моихъ ранъ было неглижировано первоначальными перевязками; я былъ въ памяти, по ночамъ бредилъ. Докторъ зондировалъ головную рану, нужнымъ нашелъ раскрыть ее губкою, напитанной какимъ то составомъ, которая вбирала въ себя матерію и расширяла рану. Это мучительно до такой степени, что у меня дѣлались судороги въ пальцахъ обѣихъ ногъ. Я рѣшительно вооружился противъ моего доктора, вслѣдствіе чего сдѣлали консиліумъ—предложили мнѣ операцію, на которую согласился.

Послѣ одиннадцати дней, отъ 13-го до 25-го февраля 1831 г., настaлъ страшный для меня день. Сильное здоровое мое тѣлосложеніе заставило медиковъ 24-го пустить мнѣ изъ обѣихъ рукъ кровь, къ затылку поставили піявки. 25-го утромъ собрались медики операторъ Шлегель и другіе, разложили инструменты, подняли меня съ постели, посадили на стулъ съ большою спинкою. Операторы, видя мое хладнокровіе и рѣшимость, стали хвалить мою твердость, шутили во время приготовленія, а какъ одинъ молодой медикъ болѣе другихъ хлопоталъ около меня, то я спросилъ его фамилію, узналъ, что онъ родной племянникъ знаменитому Шлегелю, воспитанникъ Виленской академіи, Андрей Андреевичъ Шлегель; въ эту минуту я полюбилъ молодого Шлегеля, сказалъ хочу, чтобы онъ мнѣ дѣлалъ операцію.

— «Хорошо, провозгласили доктора, выборъ хорошъ; онъ искусенъ, рука твердая, мы будемъ ему помогать».

Но когда, бинтами и полотенцами приступили меня привязывать къ стулу, который внизу держали два фельдшера, то я опять сказалъ: «не хочу, чтобы меня привязывали».

— «Какъ угодно, сказали доктора, мы будемъ васъ баловать, хотя васъ и слѣдуетъ привязать, ибо, какъ мы васъ предупредили, согласились на трудную и опасную операцію, которая можетъ, при

отличной комплекціи вашей, спасти васъ отъ гроба, но надобно сидѣть смирно».

Мой операторъ далъ мнѣ въ ротъ двѣ пробки; руки, не взирая, что наканунѣ мнѣ пустили кровь, закинули за стулъ; присутствовавшіе доктора схватили меня за руки, а фельдшера за ноги. Въ одно мгновенье Шлегель вложилъ въ головную рану зондъ съ желобомъ, сдѣлалъ разрѣзъ; таковыхъ было сдѣлано всего 4,—потомъ отдѣлили кожу отъ черепа, очистили рану отъ осколковъ черепа и сдѣлали полутрепанацію, все это продолжалось болѣе 6 минутъ, но какъ двѣ артеріи, артерія Oesipitalis superferiores и артерія inferiores при началѣ операціи были перерѣзаны, то онѣ ушли подъ кожею, надобно было ихъ щипчиками вытянуть и шелкомъ перевязать; операція продолжалась 9 минутъ безъ хлороформа—онъ еще не былъ извѣстенъ.

Съ Божіею помощью все это выдержалъ; меня обмыли, похвалили, успокоили, уложили въ постель.

Къ общему удивленію всѣхъ присутствующихъ я просилъ, чтобы мнѣ дали хорошо покушать, апетитъ былъ фальшивый, помню, что скушалъ кусокъ бѣлаго хлѣба и варенья, да стаканъ воды съ лимонною кислотою. Обыкновенно послѣ такой огромной операціи потребно три дня нагноенія раны; но какъ нагноеніе головной раны воспослѣдовало очень быстро, явилась лихорадка; для уменьшенія жара и бреда поставили піявки; нагноеніе сдѣлалось такъ быстро и такъ обильно, что рѣшились приступить къ первой перевязкѣ послѣ операціи до трехъ дней.

Съ этого времени началась настоящая опасность на счетъ моей жизни. 40 дней я былъ между жизнью и смертью, ежедневно утромъ Андр. Андр. Шлегель, входя въ комнату, спрашивалъ у Зиновія: живъ ли я? Гробъ мой стоялъ въ сосѣдней комнатѣ; перевязка утромъ и вечеромъ была въ родѣ операціи. Не стану входить въ подробности, скажу только, что мало чувствовалъ, ибо все время почти былъ въ безпамятствѣ, а когда вышелъ изъ опасности, то кромѣ благодарности къ Андрею Андреевичу я нашелъ въ немъ образованнаго человѣка, съ которымъ сдружился, доказывая тѣмъ, что ежедневно у меня обѣдалъ, а вечеромъ послѣ госпитальныхъ трудовъ за стаканомъ чаю передавалъ мнѣ событія и военныя наши дѣйствія противъ поляковъ.

Генералъ Пинобель посѣщалъ меня ежедневно. Флигель-адъютантъ шт.-ротм. князь Василій Андреевичъ Долгорукій, инспектируя госпитали, часто у меня бывалъ; посѣщала меня бѣднаго раненаго и хозяйка дома аптекарша, присылала иногда своихъ дѣтей, чтобы развлечь меня. Положеніе было трудное, мрачное, пролежать три

мѣсяца въ темной комнатѣ почти въ центрѣ военныхъ дѣйствій было тягостно. Сдѣлались пролежни, я исхудалъ ужасно, ослабѣлъ до крайности, до того, что если я для развлеченія брался гребнемъ расчесывать большое количество для ежедневной перевязки корпіи, то вскорѣ дѣлалась зѣвота и я засыпалъ сномъ младенца.

Состояніе моихъ ранъ.....

Александръ Ѳед. Багговутъ.

Примѣчаніе. На этомъ мѣстѣ обрываются собственноручныя записки воина-героя, А. Ѳ. Багговута. Скромный столько же, сколько онъ былъ храбръ, Багговутъ не желалъ печатать свои воспоминанія при жизни. Объ этомъ свидѣтельствуетъ собственноручная его надпись на обложкѣ, въ которой сохранились выше напечатанныя тетради: „дозволяю печатать послѣ моей смерти. Багговутъ".

Онъ умеръ, какъ сказано выше, въ нашемъ предисловіи, въ С.-Петербургѣ, въ 1883 г. Ред.

РАЗСКАЗЫ ЯКОВА ИВАНОВИЧА ДЕ-САНГЛЕНА.

1776—1796 гг.

Разсказы эти извлекаемъ изъ одного изъ нѣсколькихъ списковъ, напечатанныхъ нами обширныхъ и интересныхъ Записокъ Я. И. де-Санглена, сообщенныхъ намъ покойнымъ исторіографомъ Александра I—генералъ-лейтенантомъ М. И. Богдановичемъ, каковыя Записки напечатаны въ „Русской Старинѣ“ изд. 1882 г., томъ XXXVI, декабрь; изд. 1883 г., томы XXXVII и XXXVIII. Настоящіе разсказы дополняютъ эти Записки. Ред.

Сперва почитаю обязанностью познакомить вкратцѣ правнуковъ и позднихъ моихъ читателей со мною и моею фамиліею. Та фамилія, которую я носилъ и передалъ дѣтямъ своимъ, не есть настоящая, настоящій только гербъ мой.

Отецъ мой подъ именемъ de Sanglain, a chevalier de la Payre подъ собственнымъ своимъ. Отцу моему прислано было изъ отечества 40,000 руб., и въ 1775 году женился онъ въ Москвѣ на дѣвицѣ Brocas. Плодъ этого брака въ 1776 году 20-го мая былъ я, на квартирѣ въ домѣ Тележникова, у Покровскихъ воротъ.

Chevalier de la Payre въ 1812 году погибъ отъ руки своихъ соотечественниковъ, когда отецъ мой уже давно покоился въ землѣ, оставивъ меня четырехъ лѣтъ. Chevaler de la Payre явился предъ вошедшими въ Москву французами въ темно-синемъ своемъ мундирѣ, съ красными обшлагами и шляпѣ съ бѣлымъ бантомъ. Завязалась ссора, зачѣмъ на шляпѣ его не нововведенный бантъ tricolore! Слово за слово. Французы, выбраня его vilain royaliste, бросились срывать съ него мундиръ, шляпу. 85-ти-лѣтній старикъ обнажилъ шпагу и—палъ, защищая мундиръ и бѣлый бантъ своего короля. Morand, умершій долго послѣ выхода французовъ изъ Москвы, пересказалъ мнѣ этотъ послѣдній подвигъ родственника моего chevalier de la Payre.

Говорить о своей молодости было бы только удовлетвореніемъ самолюбія, а читателю не доставило бы ни малѣйшаго удовольствія,

Выпишу изъ моей жизни единственно тѣ моменты, которые болѣе или менѣе имѣли вліяніе на будущую судьбу мою. Я лишился отца на 5-мъ году своего возраста.

Первою моею наставницею была мать моя, и библейская исторія съ картинками, по которой училась она сама, была и моимъ первоначальнымъ чтеніемъ. Книга эта хранится и нынѣ у меня съ достодолжнымъ почтеніемъ. 7-ми лѣтъ отдали меня въ пансіонъ.

Малѣйшая невѣжливость противъ дамы (въ годы моей молодости) наказывалась со стороны всего прекраснаго пола жестокою холодностію, а со стороны мужчинъ пренебреженіемъ.....

Личное оскорбленіе заставило его забыть ту пользу, которую онъ отечеству принести бы еще могъ.

Я 6-ти лѣтъ находился при семъ отличномъ человѣкѣ, раздавалъ бѣднымъ его благодѣянія съ соблюденіемъ величайшей тайны. Сколько могъ бы представить я примѣровъ благодѣтельныхъ его поступковъ, но я обращусь къ самому себѣ. Открывъ мнѣ домъ свой и присовокупивъ меня такимъ образомъ къ семейству, онъ всячески старался дать юности моей нравственное направленіе. Никогда не оскорблялъ онъ чести офицерской грубыми словами, выговаривалъ ошибки милостиво, передавалъ всякія свои понятія о чести, о службѣ и обязанностяхъ благороднаго человѣка, которыя подтверждалъ примѣрами своими. Пріучилъ меня къ пріятности дѣлиться съ ближнимъ и взирать на все свыше обыкновенной земной точки. Сколько я обязанъ сему возвышенному человѣку за данное юности моей направленіе къ добру, я того высказать не въ силахъ! Пусть выразитъ это слеза, падшая на бумагу при воспоминаніи объ оказанныхъ имъ мнѣ благодѣяніяхъ! Разскажу только объ одной моей шалости, въ которую вовлеченъ былъ болѣе самолюбіемъ, нежели изъ внутренняго желанія показать пренебреженіе къ мертвымъ и къ святынѣ. Но урокъ, данный мнѣ адмираломъ, сильно пробудилъ во мнѣ не только должное уваженіе къ церкви, но и любовь къ религіи, которая тогда между нѣмцами ослабѣвать начала.

Въ то время почитался въ Ревелѣ г. N. (Августъ Коцебу?), какъ драматикъ, романтикъ, поэтъ, величайшимъ геніемъ, прославившій и озарившій всѣ Остзейскія провинціи. Я, какъ молодой человѣкъ, взиралъ на него, какъ на нѣкоего древняго полубога, вѣрилъ его словамъ, какъ святынѣ, а подражать ему во всемъ почиталъ обязанностію просвѣщеннаго человѣка. Вступилъ въ число тѣхъ избранныхъ, которые имѣли счастіе разыгрывать съ нимъ вмѣстѣ его піэсы на театрѣ, все любители Таліи и Мельпомены. Однажды г. N., въ день своего рожденія, собралъ нѣсколько изъ сихъ избранныхъ, въ числѣ которыхъ находился

и я, въ намѣреніи отпраздновать у него на вечеринкѣ этотъ знаменитый день для романтиковъ и поэтовъ. Пили чай, сѣли ужинать за скромную трапезу. Нынѣшней роскоши тогда у авторовъ не было: два блюда, бутылка вина, пива въ волю и вмѣсто десерта вареный черносливъ составляли этотъ великолѣпный ужинъ. Но за то сколько ума, остроты, либерализма сыпалось изъ устъ хозяина на восторженныхъ посѣтителей, которые въ свою очередь, по мѣрѣ силъ, старались не отставать въ любезности отъ главы поэтовъ, авторовъ и актеровъ. Ударило 11 часовъ. Г. N. потребовалъ молчанія и, возвыся голосъ, предложилъ гостямъ своимъ слѣдующее. «Доселѣ праздновали мы рожденіе мое, какъ и всѣ почти профаны, не одаренные Аполлономъ талантомъ поэзіи. Рожденіе автора отличаться должно чѣмъ либо особеннымъ, разительнымъ, поэтическимъ. Приближается часъ явленія духовъ, пойдемъ всѣ провесть ночь въ церкви св. Николая, гдѣ лежитъ лишенный почести погребенія бальзамированный трупъ герцога де-Круа».

Общее рукоплесканіе было отвѣтомъ на это предложеніе, и всѣ гости съ хозяиномъ à la tête пошли весело, на пирушку, къ назначенному мѣсту.

Вотъ мы уже на древнемъ кладбищѣ, окруженномъ столѣтними липами и пересѣкающимися въ разныхъ направленіяхъ густыми аллеями. Подходимъ къ церкви, дверь заперта. Отыскиваемъ кюстера, который за одинъ серебряный рубль (тогда рубль 10 копѣекъ монетою) отворилъ намъ входъ во храмъ. Всѣхъ было человѣкъ до десяти. Мы вошли въ первое отдѣленіе церкви, гдѣ на правой сторонѣ, за стеклянными дверями, стоялъ на возвышеніи, окрашенный тогда зеленою краскою, гробъ герцога де-Круа. «Сперва сюда, сказалъ г. N. (Августъ Коцебу?), мнѣ нужно съ нимъ переговорить». Вошли, вынули по его приказанію тѣло изъ гроба и поставили въ уголъ. Г. N. сталъ передъ нимъ, снялъ шляпу, всѣ послѣдовали его примѣру, и въ рѣчи, имъ говоренной, упрекнулъ герцога въ трусости, оказанной подъ Нарвой въ 1700 г., и осудилъ его за такой малодушный поступокъ стоять всю ночь въ углу, пока мы проведемъ ее въ его сосѣдствѣ. Послѣ такого подвига отворилъ кюстеръ на тяжеломъ блокѣ висящую узенькую дверь, мы вступили въ храмъ. Церковь эта до 200 лѣтъ предъ симъ была римскокатолическая, и въ ней еще оставались многіе памятники того времени. При входѣ находился Confessional, мѣсто, окруженное рѣшеткою съ дверью, гдѣ священникъ исповѣдывалъ приходящихъ.

— «Вы въ мундирѣ, при шпагѣ, сказалъ мнѣ г. N., вамъ должно занять это мѣсто, дабы здѣсь, у входа, въ случаѣ нападенія, вы

могли насъ защитить отъ нечистой силы». Признаюсь, мною овладѣлъ какой-то безотчетный страхъ; вся эта шутка казалась мнѣ неприличною, я готовъ былъ бѣжать. Но какъ на то рѣшиться?— Осмѣютъ,—и бѣжать, когда самъ г. N. предводительствовалъ нами? Мы шли прямо къ алтарю, между колоннами, украшенными латами, шишаками, копьями рыцарей, которыхъ тѣла погребены были подъ ногами нашими. Г. N. назначилъ мѣсто каждому особенно и въ отдаленности другъ отъ друга. Всѣ усѣлись, а я пошелъ въ мой конфесьоналъ. Изъ всѣхъ членовъ моей собратіи я былъ лѣтами (всѣхъ) моложе, мнѣ минуло 18 лѣтъ. Признаюсь еще разъ, страхъ овладѣлъ мною; я задвинулъ, вѣроятно изъ предосторожности отъ злыхъ духовъ, внутреннюю задвижку у дверей моего конфесьонала и сѣлъ въ раздумьѣ на лавочку. Кюстеръ ушелъ съ фонаремъ, и мы остались въ темнотѣ; ибо слабый свѣтъ луны, проникавшій сквозь стекла оконъ, замалеванныхъ гербами и другими разноцвѣтными рисунками, не позволялъ намъ ничего различать. Присовокупите къ этому мысль о святости мѣста, холодъ, сырость, ночное время, близость герцога де Круа, это молчаніе гробовъ,—и вы легко представить себѣ можете непріятное положеніе молодого прапорщика. Вдругъ пролетѣло что-то по церкви, ударилось объ щиты, колонны, взвивалось вверхъ, опускалось внизъ и опять поднималось. Чрезъ нѣсколько времени слышенъ былъ шорохъ по каменному полу, какъ будто извивалось по немъ нѣсколько огромныхъ змѣй. Наконецъ дверь, родъ калитки, скрыпнула, и я услышалъ страшное стенаніе, какъ будто умирающаго насильственною смертью. Ужасъ овладѣлъ мною, но дверь моя заперта, думалъ я,—ко мнѣ никто войти не можетъ, завернулся въ плащъ, и, благодаря молодости, заснулъ. Просыпаюсь, уже солнце взошло, слышу говоръ, хохотъ, вылезаю изъ норы своей и вижу сквозь рѣшетку церковнослужителей. Они мели церковь и между ними узнаю нашего кюстера. «Куда дѣвались товарищи мои?»—«Они разбѣжались, отвѣчалъ улыбаясь кюстеръ, мы до свѣту сюда пришли, и уже здѣсь никого не было. Какъ это вы уцѣлѣли?» Какое торжество! Честь мундира сохранена безъ пятна, и кажется я не струсилъ [1]). Бѣгу домой, разсказываю съ важностью пер-

[1]) На другой день узналъ я, что летавшіе по церкви гости не были душами усопшихъ, какъ я полагалъ, но ночныя птицы, которыя въ желѣзныхъ латахъ завели гнѣзда свои. Онѣ влетали сквозь большое отверстіе, гдѣ стояла погребальная колесница. Не змѣи, какъ мнѣ казалось, ползали по полу, а товарищи мои, которые ползкомъ на брюхѣ искали дверь, чтобы выйти изъ церкви. Стонъ происходилъ отъ господина фонъ П., который былъ не въ мѣру толстъ. Онъ счастливо доползъ до дверей и благополучно пролезъ до половины тѣла, но когда она тяжелымъ блокомъ своимъ обхватила толстое

вому встрѣтившемуся мнѣ знакомому мой подвигъ, другому, третьему; но хвастовство это было причиною той справедливой непріятности, которой я подвергся.

Адмиральшѣ моей разсказала одна дама этотъ подвигъ нашъ съ нѣкоторыми прибавленіями, какъ будто недостаточно было и того, что мы сдѣлали. Адмиральша довела это до свѣдѣнія адмирала моего, и меня потребовали на лицо. Здѣсь попался я въ разставленныя мнѣ сѣти. Адмиралъ приказалъ мнѣ по обыкновенію принести изъ канцеляріи заготовленныя бумаги для подписанія. Это было исполнено и онъ приказалъ мнѣ ихъ читать. Нѣкоторыя онъ подписалъ, другія переправилъ и велѣлъ отдать переписать. Когда я возвратился за новыми приказаніями, адмиралъ, какъ будто мимоходомъ, спросилъ улыбаясь: «ну какъ отпраздновали вы рожденіе г. N.?» Я обрадовался случаю какъ можно живѣе передать начальнику все слышанное, видѣнное и содѣянное на семъ пиршествѣ. Странно показалось мнѣ, что лице адмирала при разсказѣ моемъ становилось болѣе и болѣе серьезнымъ. Но я продолжалъ бодро свое повѣствованіе, не забывая выставить поярче трусость товарищей, а свое мужество и для того скрылъ, что въ церкви проспалъ до утра». — «Это все?» спросилъ адмиралъ съ холодностью, которая меня поразила, — «и вамъ не стыдно, молодой человѣкъ, тщеславиться поступкомъ, который всѣхъ васъ срамитъ въ глазахъ порядочныхъ людей? Знаете ли вы, что такое церковь, когда обращаете ее преступно въ мѣсто вашего кощунства, и за что опозорили вы тѣло давно опочившаго несчастнаго человѣка?» Тутъ представилъ онъ мнѣ всю важность моего проступка. Онъ говорилъ такъ сильно, убѣдительно, вмѣстѣ съ тѣмъ такъ трогательно, что непроизвольно на глазахъ моихъ навернулись слезы. Адмиралъ увидѣлъ это и тотчасъ смягчился. «Вы молоды, продолжалъ онъ, будьте осторожнѣе въ выборѣ друзей и бесѣдъ вашихъ. Желаніе блеснуть въ сообществѣ г. N. васъ увлекло. Если хотите удержать мое хорошее о васъ мнѣніе, то удаляйтесь отъ подобныхъ обществъ».

Этотъ урокъ такъ сильно подѣйствовалъ на меня, что я отказался отъ театра, и мало-по-малу оставилъ бóльшую часть членовъ этого

брюхо, онъ далѣе пролѣзть не могъ, испугался, думалъ, что не пускаетъ его герцогъ де-Круа, стоналъ, просилъ у него пощады и помилованія. Худощавый г. N. (Августъ Коцебу), отыскавшій ту же дверь, наткнулся на него, догадался въ чемъ состоитъ дѣло, переползъ чрезъ несчастнаго, растворилъ дверь побольше и выручилъ г. фонъ П., который все еще оглядывался не бѣжитъ ли за нимъ герцогъ де-Круа. Прочіе товарищи, не найдя дверей, выползли сквозь большое отверстіе, родъ свода, въ которое влетали и улетали ночныя птицы.

общества. Хотя симъ отреченіемъ я нажилъ кучу враговъ и самаго г. N. (Августа Коцебу), но я имѣлъ довольно силы этимъ пренебречь и обрѣлъ ту выгоду, что этотъ случай направилъ мой умъ и сердце къ религіи, и во все теченіе жизни со стези религіозной я никогда не совращался.

Я слишкомъ долго, можетъ быть, останавливаюсь на предметѣ, маловажномъ для читателя, но я хотѣлъ познакомить его съ великодушнымъ, отческимъ обращеніемъ начальниковъ тѣхъ временъ съ своими подчиненными, и какъ счастливы были родители, поручая дѣтей своихъ болѣе милостивымъ наставникамъ, нежели суровымъ командирамъ.

Служба моя была легка (и т. д. см. «Русскую Старину» изд. 1882 г. декабрь, стр. 449).

Въ 1790-хъ годахъ и въ началѣ XIX в. велика была (въ средѣ русскихъ офицеровъ) сила общаго point d'honneur. Мы по пріѣздѣ въ Москву ни къ кому не являлись, часто не знали имени и фамиліи г. командира или г. оберъ-полиціймейстера. И никогда ни о какой глупости или шалости офицера въ обществѣ не слыхали. Чѣмъ же это держалось? Амбиціею. Честь была не на словахъ, а въ сердцѣ и дѣлахъ. Она едва ли не составляла главную часть души, а примѣръ подавали вельможи, прибавлю: военные. Тогда ни единый дворянинъ, развѣ больной, горбатый и проч. не начиналъ службы съ чина коллежскаго регистратора (и т. д. ibid. стр. 455).

Въ высшихъ сословіяхъ и бесѣдахъ никогда, и всюду соблюдался тотъ же этикетъ, какъ и при дворѣ. Даже и купеческіе дома (и т. д. ibid.).

Многіе вельможи слѣдовали высокому примѣру императрицы Екатерины II и въ своей частной жизни.

Окно государыниной (императрицы Екатерины II) опочивальни выходило на такъ называемый черненькій дворикъ. Случайно подошла она къ нему утромъ и ужаснулась, увидѣвъ страшное количество привезенной на императорскую кухню провизіи. Вдругъ явилась и куча салазокъ. Главный поваръ, отобравъ нужное для императорскаго стола, раздавалъ лишнее, которое поваренки укладывали на салазки и увозили со двора. Императрица открыла форточку и, погрозивъ пальцемъ, вскричала: «право пожалуюсь на васъ оберъ-гофъ-маршалу. Смотрите, бѣда будетъ!» Послѣдній, узнавъ о приключившемся, явился къ государынѣ и просилъ позволенія наказать виновныхъ. «Хорошо, сказала императрица, но надобно сперва узнать, куда они все это сваживаютъ?» По строгому изслѣдованію, оберъ-гофъ-маршалъ доложилъ, что кухмейстеры отправляютъ все къ своимъ семействамъ. «Кор-

мятся отъ моего стола, отвѣчала государыня, а я думала, ужъ не продаютъ ли? А коли такъ, пусть ихъ кушаютъ на здоровье. Смотри только, чтобы не свезли всего, а то мнѣ не чѣмъ будетъ кормить гостей моихъ». Какъ снисходительна она была, а по ней и вельможи... (ibid. стр. 460).

Однажды графъ Салтыковъ поднесъ императрицѣ Екатеринѣ II списокъ о производствѣ въ генералы. Чтобы облегчить императрицѣ трудъ и обратить ея вниманіе, подчеркнулъ онъ красными чернилами имена тѣхъ, которыхъ производство, по его мнѣнію, должно было остановить. Государыня нашла подчеркнутымъ имя бригадира князя Павла Дмитріевича Циціанова. «Это за что?»—спросила государыня. Графъ отвѣчалъ: «офицеръ его ударилъ». «Такъ что-жъ? ты выйдешь отъ меня, изъ-за угла накинется на тебя собака, укуситъ, и я должна Салтыкова отставить? Князь Циціановъ отличный, умный, храбрый офицеръ; имъ должно дорожить; онъ намъ пригодится. Такихъ людей у насъ не много!» И собственноручно отмѣтила: «производится въ генералъ-маіоры».—Екатерина не ошиблась; князь Циціановъ оправдалъ ея мнѣніе,—пригодился!

Во второй день моего пріѣзда въ С.-Петербургъ встрѣтился я съ однимъ изъ нашихъ офицеровъ О..... На вопросъ его: «гдѣ ты остановился?»—У Демута, отвѣчалъ я.—«Что платишь за обѣдъ?»—Рубль.—«Ого, братъ, видно у тебя денегъ много».—Не слишкомъ; да дѣлать нечего,—ѣсть надобно.—«Коли хочешь дешево и славно отобѣдать за императорскимъ столомъ, то приди завтра ко двору въ 12 часовъ и стань у фонарика. Коли прежде меня придешь, то выжди меня, а то я подожду. Не забудь только взять 25 копѣекъ». Признаюсь, я ничего не понялъ, однако въ 12 часовъ явился въ назначенномъ мѣстѣ; вскорѣ пришелъ и покровитель мой. Мы вошли во дворецъ, поворотили на право и между колоннами пробрались до императорской кухни. Всѣ поваренки поклонились моему товарищу, и онъ подошелъ къ человѣку пожилыхъ лѣтъ, указалъ на меня, и насъ впустили въ боковую комнатку. Столъ былъ накрытъ. «Садитесь, сказалъ мой лейтенантъ, отвѣдайте царскаго кушанья и царскаго вина». И въ самомъ дѣлѣ мы славно отобѣдали. Никакого нѣтъ сомнѣнія, что мы и на второй и третій день не преминули воспользоваться этимъ благопріятнымъ случаемъ, положивъ каждый разъ на столъ по 25 к. ас. Кто ихъ получалъ, неизвѣстно. На 5-й день, накормивъ насъ сытно, объявили намъ печальную вѣсть, что обѣды наши прекращаются. Причина была слѣдующая: Какой-то шпіонъ, виноватъ, тогда ни людей этихъ, ни слова этого не существовало, а просто какой-то мерзавецъ донесъ о нашихъ обѣдахъ гофъ-маршалу, и этотъ импе-

ратрицѣ, которая приказала узнать, кто эти обѣдальщики? Къ счастію, никто фамилій нашихъ не зналъ. Гофъ-маршалъ могъ только донесть, что это флотскіе офицеры, а о деньгахъ умолчено было. —«Я такъ и думала, сказала императрица, у моряковъ науки много, а денегъ мало; пусть ихъ кушаютъ. Прикажите только, чтобы они на кухню не весь флотъ вдругъ приглашали».

И мы по старому ходили обѣдать.

Александръ Дмитріевичъ Балашевъ, бывъ еще камеръ-пажемъ, носилъ за императрицею Екатериною II ментикъ ея. Однажды, сидя въ камеръ-пажской комнатѣ, онъ заснулъ, и ментикъ, Богъ вѣсть какимъ образомъ, исчезъ. Проснувшись, онъ горько заплакалъ. Государыня услышала рыданіе, вышла и сказала: «о чемъ плачешь ты?» Онъ палъ на колѣно и, проливая слезы, разсказываетъ про свое несчастіе. «Встань, сказала императрица, плачь о томъ, что на службѣ заснулъ, а не о ментикѣ. Стыдно, что скажутъ товарищи?» И протянула ему милостиво руку въ знакъ прощенія.

Я слышалъ долго послѣ кончины Екатерины, отъ князя Николая Григорьевича Рѣпнина, которому пересказывалъ дѣдъ его, фельдмаршалъ князь Николай Васильевичъ Рѣпнинъ, слѣдующій разсказъ. Императрица желала прокатиться въ саняхъ съ графомъ Кирилломъ Григорьевичемъ Разумовскимъ. Она садилась уже въ сани, когда пробрался сквозь толпу, собравшуюся посмотрѣть на свою государыню, крестьянинъ и подалъ ей бумагу. Государыня приняла оную и приказала крестьянина продержать въ караулѣ до ея возвращенія. Прибывъ во дворецъ, она поспѣшила прочесть просьбу крестьянина, которая вкратцѣ была слѣдующаго содержанія: крестьянинъ винился въ томъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ бѣдную дворянку, которая ежегодно ѣздила собирать съ помѣщиковъ новину, рожь, гречу и проч. и на возвратномъ пути всегда останавливалась у него, онъ убилъ. Терзаемый нѣсколько лѣтъ угрызеніями совѣсти, явился онъ въ судъ, объявилъ о томъ, просилъ наказанія, чтобы освободиться отъ барыни, которая преслѣдуетъ его день и ночь. Приняли крестьянина за сумашедшаго, отправили въ тюрьму, продержали нѣсколько мѣсяцевъ и отпустили домой. Но барыня отъ него не отставала. Онъ бросился къ ногамъ губернатора, просилъ строгаго наказанія, чтобы тѣмъ избавиться отъ преслѣдованія мертвой барыни. Его наказали плетьми, а барыня тутъ, какъ тутъ. Онъ прибылъ наконецъ въ Петербургъ испросить у императрицы милости велѣть его такъ наказать, чтобы барыня навсегда оставила его въ покоѣ. Государыня, прочитавъ бумагу, задумалась и потребовала къ себѣ Шешковскаго: «прочти эту бумагу, сказала она, и подумай что намъ дѣлать съ этимъ крестьяниномъ?»

А между тѣмъ прислонилась къ окну и стояла въ глубокомъ раздумьѣ.

Шешковскій, познакомясь съ прошеніемъ, отвѣчалъ: «позвольте мнѣ, ваше величество, взять крестьянина съ собою; онъ навсегда забудетъ свою барыню».

— «Нѣтъ, возразила императрица, онъ уже не намъ подвластенъ; нѣкто выше насъ съ тобою наложилъ на него руку свою, и барыня останется при крестьянинѣ до конца дней. Прикажи его отправить домой и дать на дорогу 50 рублей денегъ».

Этотъ случай, говоритъ Н. Г. Рѣпнинъ, подалъ императрицѣ мысль учредить совѣстные суды.

Однажды въ близкомъ обществѣ эрмитажныхъ собраній была императрица Екатерина II очень весела. Играли въ горѣлки, бѣгали, хохотали и вдругъ довольно громко.... Одинъ смѣтливый флотскій офицеръ, лейтенантъ, допущенный въ общество за искуство вздергивать носъ къ верху и къ низу, услышалъ странный звукъ, палъ на колѣно и просилъ пощады.

Императрица сказала ему, улыбаясь: «кто такъ искусно умѣетъ пользоваться вѣтромъ, достоинъ быть произведенъ въ слѣдующій чинъ. Поздравляю васъ, г. капитанъ-лейтенантъ».

Въ тотъ же вечеръ, возвратясь въ свои аппартаменты съ графомъ К. Г. Разумовскимъ, императрица сказала ему. «Какъ бы мнѣ хотѣлось подслушать 20 или 30 дураковъ, разсуждающихъ серіезно о какомъ нибудь дѣлѣ, и, судя глупо и криво, почитали бы себя умными».

— «*Прошу* ваше императорское величество, отвѣчалъ графъ кланяясь низко, завтра пожаловать къ намъ въ общее присутствіе сената».

Графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій, подъ старость лѣтъ, удалился на покой въ Москву; по своему сану, какъ фельдмаршалъ, по богатству, имѣлъ онъ, такъ сказать, свой маленькій дворъ, гдѣ возобновлялись сцены большого царскаго двора. Всякій день былъ у него столъ на 100 кувертовъ, и каждый военный офицеръ имѣлъ право, записавшись наканунѣ у швейцара, быть во всей военной формѣ за его столомъ. Натурально, что число бѣдныхъ было болѣе числа гостей, составлявшихъ компанію графа. Главный дворецкій указывалъ вѣжливо каждому мѣсто по его чину. Графъ выходилъ съ своими гостями, кланялся и, обращаясь ласково ко всѣмъ, говорилъ: прошу садиться. Примѣтно было какъ онъ заботился, чтобы всѣхъ равно угощали, достаточно было ему кивнуть головою, и столовый дворецкій бѣжалъ исправлять недостатки.

Домовый дворецкій жаловался графу на лакеевъ, обирающихъ огарки изъ люстръ и жирандолей и проч., когда они могли бы еще горѣть на другой вечеръ.

— «Какое воровство, сказалъ графъ. Вотъ мы ихъ поймаемъ; скоро будутъ мои имянины, съѣдется почти вся Москва. Сочти сколько выйдетъ свѣчей въ этотъ вечеръ».

На другой день этого празднества докладываетъ дворецкій, что вышло 7 или 8 пудовъ.

— «Хорошо, отвѣчалъ графъ, попались! смотри только, чтобы всякій вечеръ выходило столько же; огарки пусть лакеи дѣлятъ между собою. Коль скоро будетъ порядокъ, такъ и воровать перестанутъ».

Гр. Разумовскій поѣхалъ на балъ въ благородное собраніе; пока онъ проводилъ время въ собраніи, гусару его показалось скучно,—онъ заснулъ. Начали разъѣзжаться, графъ выходитъ, кличетъ гусара. Полиція засуетилась, отъискали гусара, будятъ его, онъ ищетъ соболью шубу—ее нѣтъ. «Холодно! - подай шубу!» восклицаетъ графъ. Гусаръ кидается ему въ ноги: «виноватъ, ваше сіятельство, заснулъ.—шубу украли, ради Бога не сказывайте дворецкому!»—«Вставай, дуракъ!» сказалъ графъ, улыбаясь, и пошелъ съ лѣстницы. Карета подана, гусаръ, отворяя дверцы, проситъ опять графа не сказывать дворецкому—«скорѣй запирай дверцы!—кричитъ графъ,—холодно!» Подъѣхали къ дому, гусаръ, высаживая графа, опять проситъ слезно не сказывать дворецкому. «Хорошо, хорошо! пусти скорѣй, прервалъ его графъ, ты только молчи, а я не скажу!» На другой день дворецкій докладываетъ: «Соболья шуба вашего сіятельства пропала!»—«Что за вранье! статься не можетъ, спроси у гусара!»—«Я спрашивалъ, онъ твердитъ одно: не знаю».—«Поди спроси еще разъ». Дворецкій возвратился: «Онъ, ваше сіятельство, все то же говоритъ: не знаю».—«Ну, а ты что суетишься, хлопочешь? Видно, знаетъ про шубу гусаръ да я. А тебѣ какое дѣло?—Отстань!»

Разумовскому понравилась физіономія одного офицера, который всякій день обѣдалъ у него. Послѣ обѣда велѣлъ онъ дворецкому спросить фамилію, указывая на офицера. Узнавъ оную, онъ приказалъ его позвать. «Не служилъ ли твой отецъ маіоромъ въ моемъ полку?»—«Служилъ, ваше сіятельство».—«Честный и хорошій офицеръ, я часто его употреблялъ; живъ онъ?»—«Давно скончался, лѣтъ десять, ваше сіятельство».—«Ты одинъ сынъ?»—«Насъ 3 брата и 4 сестры.—«Гмъ! проворчалъ графъ,—имѣніе есть?»—«Очень мало, ваше

сіятельство».—Фельдмаршалъ взялъ лоскутокъ бумаги, написалъ что-то и вручилъ офицеру, сказавъ: «отдай, пожалуйста, моему дворецкому». Офицеръ получилъ 500 рублей. Видно это ему понравилось. Чрезъ нѣсколько времени подалъ онъ прошеніе о вспомоществованіи и, не получивъ отказа, повторилъ. Наконецъ это показалось графу частенько. Увидѣвъ послѣ обѣда офицера, опять идущаго съ бумагою въ рукахъ, онъ поспѣшилъ въ другую комнату и притворилъ за собою обѣ дверцы. Офицеръ замѣтилъ, что двери не плотно притворялись къ полу, пропустилъ сквозь эту щелку свое прошеніе и сталъ передъ дверьми. Чрезъ нѣсколько минутъ бумага воротилась тою же дорогою, но была свернута другимъ образомъ. Офицеръ догадался, что графъ ее прочиталъ, развертываетъ и читаетъ слѣдующее, подписанное рукою графа дворецкому: «выдать такому-то офицеру 1000 рублей, взявъ съ него сперва росписку, что не прежде явится просить денегъ, какъ чрезъ 6 мѣсяцевъ».

Въ Почепѣ доносятъ графу довольно правдоподобно, что управитель его обкрадываетъ. Съ горяча пишетъ онъ къ сыну своему, Алексѣю Кирилловичу, жившему въ Петербургѣ: «Алексѣй! пріѣзжай счесть моего управляющаго». Между тѣмъ графъ разсматриваетъ подробно дѣла и находитъ всюду порядокъ, вѣрность въ счетахъ и денежныхъ суммъ, за исключеніемъ маловажныхъ неисправностей,—и удостовѣряется, что сдѣланный ему доносъ основанъ болѣе на зависти и клеветѣ, нежели на злоупотребленіи данной управителю довѣренности. Что дѣлать? А графъ Алексѣй Кирилловичъ уже ѣдетъ. Желая удалить невиннаго человѣка отъ всѣхъ непріятностей, а отъ сына скрыть поспѣшность свою, приказываетъ онъ призвать управителя. «Алексѣй ѣдетъ», говоритъ ему графъ.—Слышалъ ваше сіятельство.—«Слышалъ! такъ утекай!»—Помилуйте, ваше сіятельство, у меня семейство, вещи, я безъ денегъ.—«Возьми сколько надобно подводъ и вотъ тебѣ 2000 р., только пожалуйста утекай». Управитель бросился ему въ ноги.—«Ну, полно, сказалъ графъ, утекай».—Чрезъ два дня, послѣ отъѣзда управляющаго, пріѣхалъ и графъ Алексѣй Кирилловичъ поздно вечеромъ. Фельдмаршалъ уже легъ почивать. На другой день, утромъ, встрѣчаетъ графъ сына своего слѣдующими словами: «Здравствуй, Алексѣй, а управитель-то утекъ!»

Однажды вздумалось графу играть въ шахъ и матъ.—«Спроси, сказалъ онъ дворецкому, не знаетъ ли кто этой игры».—Явился армейскій капитанъ. Графъ, видя, что капитанъ ведетъ игру строго, не спускаетъ ему ничего, не поддается, и даже выигралъ у него 2

партіи, крайне этому обрадовался.—«Ого! сказалъ графъ, будемъ всякій день вмѣстѣ играть».—Это продолжалось нѣсколько времени, какъ вдругъ капитанъ исчезъ.—«А гдѣ мой игрокъ?» спросилъ графъ. Доложили, что онъ уѣхалъ въ полкъ. «Немедленно его возвратить», сказалъ графъ. И повелѣніе фельдмаршала было исполнено.—«Что ты такъ поспѣшно бѣжалъ?» спросилъ графъ при входѣ капитана. Послѣдній сознался, что онъ поѣхалъ было защитить сестеръ отъ графскаго прикащика.—«Моего? развѣ сестры къ тебѣ писали?» — Капитанъ подаетъ письмо, но графъ повелительнымъ тономъ приказываетъ читать ему самому. Когда капитанъ кончилъ читать, графъ съ негодованіемъ сказалъ: «мошенникъ!—а сколько у васъ душъ?»—«16», отвѣчалъ капитанъ.—«А у меня?»—80, ваше сіятельство.—«Гмъ! понимаю, продолжалъ графъ. У меня съ тобою и сестрицами твоими черезполосное владѣніе».—Точно такъ-съ.—«Ну, нынѣ обыграй меня опять въ шахъ, а завтра утромъ прошу пожаловать. Я это дѣло порѣшу».—Является капитанъ. «Повозка, лошади и подорожная для тебя готовы. Вотъ и деньги на дорогу: потому что ты ѣдешь по моему дѣлу. Этотъ пакетъ отдай самъ прикащику моему въ руки. Прощай! Да скорѣе возвратись, безъ тебя некому меня обыгрывать».—Капитанъ вручаетъ прикащику пакетъ, и каково было его удивленіе, когда послѣдній, прочитавъ графское повелѣніе, бросается предъ нимъ на колѣни, и цѣлуетъ его руки. Вся деревня, и съ прикащикомъ, была подарена капитану и сестрамъ его въ вѣчное и потомственное владѣніе. Возвратясь въ Москву, капитанъ былъ встрѣченъ графомъ сими словами: «Ну, что? Прикащикъ присмирѣлъ?»—Вмѣсто отвѣта канула слеза благодарности на руку графа, которую капитанъ цѣловалъ не у вельможи, а у благодѣтеля.

Графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ отличался тоже благотворительностью. Всякій день являлось къ столу его неопредѣленное число знакомыхъ, пріятелей, но бóльшею частью бѣдныхъ служащихъ и отставныхъ чиновниковъ, которые сверхъ того получали отъ него пенсію. Въ Рождество, Новый годъ, Свѣтлое Христово Воскресенье и прочіе праздники разсылались по знакомымъ подарки, а къ бѣднымъ вспомоществованія деньгами и провизіею. Лѣтомъ графъ живалъ въ Кусковѣ. Всякое воскресенье выѣзжала туда половина Москвы, и, не говоря о гостяхъ у графа, скажемъ только, что пріѣзжіе угощались въ японскомъ домикѣ и другихъ бесѣдкахъ чаемъ, булками и проч., а простой народъ виномъ, пивомъ отъ гостепріимнаго хозяина.

Должно сожалѣть, что графъ Николай Петровичъ Шереметевъ. Богъ вѣсть по какимъ причинамъ, немедленно послѣ смерти отца

сломалъ на Никольской улицѣ въ Москвѣ домъ, въ которомъ онъ жилъ. Какъ пріятно было бы взглянуть, какъ и въ Кусковѣ, на комнаты вельможи, который столько благотворительности изливалъ на Москву, и пышною своею роскошью удивилъ принца Генриха Прусскаго.

Возможно ли умолчать о графинѣ Аннѣ Родіоновнѣ Чернышевой?—Сколько осталось въ неизвѣстности ея благодѣяній! потому что она тщательно старалась скрывать ихъ. Какъ-то услышала она объ одной вдовѣ почтеннаго чиновника, которая, по бѣдности, мыла кружева на бѣдную старуху, обращающуюся съ ней очень дурно. Она купила ей домъ, снабдила ее всѣмъ нужнымъ, опредѣлила ей денежную пенсію, и эта облагодѣтельствованная ею вдова умерла въ полной увѣренности, что все это получила она отъ Ѳ. П. Ключарева, бывшаго тогда адъютантомъ у графа Захара Григорьевича Чернышева, и отъ жены Ключарева, потому только, что они были исполнителями воли графини.

Князь Николай Васильевичъ Рѣпнинъ заплатилъ за хорошаго, исправнаго офицера, имѣвшаго несчастіе проиграть казенныхъ денегъ 30 т. руб., чтобы не наложить пятна на многочисленное его семейство. Во время похоронъ князя, облагодѣтельствованный самъ объявилъ торжественно о семъ великодушномъ поступкѣ князя. Какое краснорѣчивое, высокое надгробное слово!

Но сколько могъ бы я еще прибавить подобныхъ поступковъ великодушія, которые были только подражаніемъ того, что происходило при дворѣ Великой Екатерины. Тогда не славились пышными обѣдами, заморскими винами, иностранною богатою мебелью,—роскошествовали благодѣяніями. Но довольно сказаннаго мною, чтобы познакомить читателя съ духомъ, характеризующимъ тотъ вѣкъ. Духъ этотъ пробудила Екатерина.

— «Высшая точка свѣта, говаривала княгиня Екатерина Романовна Дашкова, служитъ фаросомъ (fare—маякъ) нижнему огню летучему».

Возвышенный духъ Екатерины переходилъ къ вельможамъ, отъ нихъ къ послѣдующимъ за ними начальникамъ, отъ этихъ къ ихъ подчиненнымъ, и такимъ образомъ духъ Великой Екатерины, болѣе или менѣе, но распространялся по всей Россіи. Утвердительно сказать можно, что Россія Екатериной мыслила, судила, жила.

Нѣкоторыя изрѣченія Екатерины, какъ владычицы полвселенной, заслуживаютъ сохранены быть для потомства.

Дошли до ея свѣдѣнія оскорбительныя объ ней заключенія, и совѣтывали наказать дерзновенныхъ. «Я могла бы, сказала она, тре-

бовать отъ русскихъ современниковъ молчанія, и къ тому ихъ принудить; но что сказало бы потомство? а мысль, подавленная страхомъ въ сердцѣ, развѣ менѣе была-бы для меня оскорбительна?»

Мысль истинно царская, которая пренебрегаетъ мелкимъ мщеніемъ, зная, что еще будетъ судъ потомства.

Въ продолженіи разговора о томъ же предметѣ сказала она:

— «Самовольное, не на законахъ основанное управленіе народомъ бываетъ для государей гибельнѣе личныхъ ихъ несправедливостей или заблужденій».

Здѣсь у мѣста упомянуть мнѣніе ея о процессѣ Волынскаго. Она приказала представить ей процессъ Волынскаго, и, прочитавъ оный, написала своеручно (свой по сему процессу отзывъ).

Примѣчаніе. Отзывъ Екатерины II о дѣлѣ Волынскаго былъ неоднократно напечатанъ и, между прочимъ, въ «Русской Старинѣ» изд. 1883 г., томъ XXXVIII, стр. 465—466.

Маскарадъ при дворѣ 6-го янв. 1841 г.

(«Русская Старина», изд. 1883 г., томъ XXXIX, августъ, стр. 411—420).

1. Захаржевскій, Григорій Андреевичъ, не былъ комендантомъ въ Царскомъ Селѣ, но былъ Петербургскимъ комендантомъ, послѣ Мартынова и предъ бар Зальца (лейбъ-гренадерскимъ флигель адъютантомъ).

Въ Царскомъ Селѣ былъ не комендантомъ, а главноуправляющимъ другой Захаржевскій, генералъ отъ артиллеріи, инвалидъ, съ деревянной ногой: ему ногу оторвало подъ Лейпцигомъ въ 1813 году.

Григорій Андреевичъ служилъ въ конной гвардіи до производства въ генералы въ 1831 году и про него осталась въ полку вотъ какая легенда (слышано отъ офицеровъ въ 1831 году и отъ трубача лейбъ-эскадроннаго, Стрекалина, имѣвшаго медали за 1812 и 1814 годы). Въ 1814 году, подъ Фершампенуазомъ, онъ былъ корнетомъ, высокаго роста, но стройнымъ, скорѣе худощавымъ. Въ сраженіи онъ былъ прострѣленъ пулею въ животъ на вылетъ. Къ счастью его, это было на-тощахъ, пуля прошла, не задѣвъ внутренностей, и онъ скоро выздоровѣлъ. Но съ тѣхъ поръ началъ толстѣть непомѣрно. Въ 1841 году онъ уже имѣлъ видъ огромной бочки, поставленной на двѣ громадныя тумбы, и вотъ что придавало особую комичность назначенію его «рейтпажемъ большимъ, толстымъ, жирнымъ».

Не смотря на такую необыкновенную наружность, Гр. Андр. былъ такъ уменъ и съ такимъ достоинствомъ умѣлъ держать себя, что не подавалъ повода ни къ какимъ насмѣшкамъ. Съ нимъ прекратились анекдоты «комендантскіе», которые до него были какъ-бы наслѣдственные въ комендантскомъ (Петербург.) званіи и съ одного коменданта переводились на другаго.

Родная сестра Гр. Андр. Захаржевскаго была замужемъ сперва за Бибиковымъ (у нея дочери: баронесса Офенбергъ и княгиня Бѣлосельская-Бѣлозерская, нынѣ княгиня Кочубей), а потомъ за графомъ А. Х. Бенкендорфъ.

Упоминаемая въ числѣ участницъ въ маскарадѣ Опочинина не могла быть Вѣра Ивановна, рожденная Скобелева, которая была тогда еще очень молода, а ея belle-mère—Дарья Михайловна, супруга Өедора Петровича Опочинина, рожденная княжна Голенищева-Кутузова-Смоленская.

И. В. Вунчъ.

Мерекюль, 1-го сентября 1833 г.

ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ

ВЪ ЕГО ПОВЕЛѢНІЯХЪ И УКАЗАХЪ

съ ноября 1796 по іюнь 1798 г.

На страницахъ „Русской Старины", въ ста шестидесяти шести книгахъ, составляющихъ доселѣ это изданіе (1870—1883 гг.), разсѣяно множество высочайшихъ указовъ, повелѣній, рескриптовъ и повелѣній „отданныхъ при паролѣ" императора Павла Петровича, составляющихъ цѣнный матеріалъ къ исторіи этого краткаго, но весьма своеобразнаго царствованія.

Въ настоящемъ сообщеніи приведено нѣсколько распоряженій, напоминающихъ о томъ, какъ рачительно исполняли въ провинціи мѣстныя власти повелѣнія, послѣдовавшія въ Петербургѣ, и, прежде всего, прямо касавшіяся быта обывателей столицы. Ред.

Указъ е. и. в. самодержца всероссійскаго. Изъ Владимірскаго губернскаго правленія Переславскому городовому магистрату. По указу е. и. в. губернское правленіе слушавъ предложеніе его превосходительства г. дѣйствительнаго статскаго совѣтника Владимірскаго гражданскаго губернатора и кавалера Павла Степановича Рунича, въ которомъ написано: получивъ при отношеніи его сіятельства г. дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, генералъ-прокурора и кавалера князя Алексѣя Борисовича Куракина списокъ высочайшимъ е. и. в. повелѣніямъ С.-Петербургской полиціи съ 19 ноября 1796 г. по нынѣ даннымъ, провождаетъ оныя въ сіе съ тѣмъ, дабы благоволило препроводить точныя копіи съ оныхъ высочайшихъ (повелѣній) ко всѣмъ городничимъ, также въ уѣздные и земскіе суды и въ ратуши для единообразнаго повсюду исполненія и для объявленія повсемѣстно всѣмъ тѣмъ, до кого оныя высочайшія повелѣнія касаться могутъ,—приказали: съ прописаніемъ предложенія е. пр—ва и съ приложеніемъ списковъ высочайшимъ е. и. в. повелѣніямъ С.-Петербургской полиціи съ 19 ноября 1796 г. по нынѣ даннымъ копіевъ въ здѣшнюю полицію отнестись, а къ городничимъ, въ уѣздные суды, городовые магистраты, нижніе земскіе суды и ратуши для единообразнаго повсюду исполненія послать указы и велѣть сіи высочайшія е. и. в. повелѣнія всѣмъ тѣмъ, до кого оныя относятся, повсемѣстно объявить съ подписками, и по исполненіи правленію рапортовать. Означенная копія прилагается у сего, іюля 28 дня 1798 года. Подлинный за подписаніемъ Ивана Старошершавина. За скрѣпою секретаря Лаврентьева, за справою столоначальника Павлинова. Полученъ августа 2-го дня 1798 года, № 287.

Въ Переславскомъ городовомъ магистратѣ Залѣскаго выписано:

Въ полученной въ семъ магистратѣ при указѣ изъ Владимірскаго губернскаго правленія, сего августа 2-го числа 1798 г., съ высочайшихъ е. и. в. повелѣній С.-Петербургской полиціи съ 19-го ноября 1796 года по нынѣ (іюнь 1798 г.) данныхъ копій по протчемъ въ нижеслѣдующихъ статьяхъ напечатано:

I.

Е. и. в—мъ замѣчено, что тѣ, кои одѣты въ нѣмецкое платье, ходятъ въ круглыхъ шляпахъ и разнообразныхъ шапкахъ, а потому предписываетъ управѣ благочинія немедленно объявить въ городѣ всѣмъ наистрожайше, чтобъ кромѣ треугольныхъ шляпъ и обыкновенныхъ круглыхъ шапокъ никакихъ другихъ никто не носилъ и потому смотрѣть наиприлежнѣйше за исполненіемъ сего, и если кто въ противномъ сему явится, тѣхъ тотчасъ брать подъ стражу.

II.

Августа 9 дня 1797 года въ подтвержденіе предписанія 13 января того года (повелѣно) о неношеніи никому круглыхъ шляпъ, кромѣ тѣхъ, кои носятъ русское платье и матросовъ иностранныхъ и россійскихъ, хотя сіи послѣдніи и нѣмецкое платье имѣютъ.

III.

Въ праздничные дни, такъ называемые двунадесятые, въ торжественные императорской высочайшей фамиліи и въ воскресные никакихъ торговъ и продажъ не производилось, кромѣ съѣстныхъ припасовъ, кои дозволить въ помянутые дни продавать съ утра до начатія обѣдни и потомъ продолжать съ окончанія оной до позволенныхъ часовъ вечера; но какъ обыкновенно въ воскресные дни бываетъ привозъ разныхъ потребностей изъ уѣздовъ, то таковыхъ продажу на указныхъ площадяхъ исключительно дозволить. Въ такъ называемомъ же толкучемъ рынкѣ продажа и покупка между народовъ производиться можетъ каждодневно по прежнему.

IV.

1-е, воспрещается всѣмъ ношеніе фраковъ, а позволяется имѣть нѣмецкое платье съ одинакимъ стоячимъ воротникомъ, шириною не болѣе какъ въ три четверти вершка, а обшлага имѣть того же цвѣта, какъ и воротники, исключая сюртуки, шинели и ливрейныхъ слугъ

кафтаны, кои остаются по нынѣшнему ихъ употребленію. 2-е, запрещается носить всякаго рода жилеты, а вмѣсто оныхъ употреблять обыкновенные нѣмецкіе камзолы. 3-е, не носить башмаковъ съ лентами, а имѣть оные съ пряжками, а также и короткихъ, стягиваемыхъ впереди шнурками или съ отворотами сапоговъ. 4-е, не увертывать шею безмѣрно платками, галстуками или косынками, а повязывать оныя приличнымъ образомъ безъ излишней толстоты, и при томъ домоправителямъ, прикащикамъ или хозяевамъ строжайше подтвердить, чтобы всѣмъ пріѣзжающимъ для жительства или на время въ домы ихъ, объявили не только объ исполненіи сего предписанія, но и о всѣхъ прежде бывшихъ и если окажется, что таковыхъ объявленій кому либо учинено не было, то съ виновными поступлено будетъ по всей строгости законовъ.

V.

Мѣра одинакимъ стоячимъ воротникамъ не полагается, а оставляется на произволъ каждаго, но желательно, чтобы не безобразною вышиною сдѣланы были; ливрейное платье могутъ имѣть лежачіе двойные или какъ угодно воротники, но чтобы были по гербамъ цвѣту, съ басонами или безъ оныхъ.

VI.

Въ лабазахъ, конфектныхъ, табачныхъ и Милютинныхъ лавкахъ, цирульняхъ и курятномъ ряду въ праздничные дни, такъ называемые двунадесятые, въ торжественные императорской высочайшей фамиліи и въ воскресные дозволить производить торгъ согласно съ мелочными лавочками, въ коихъ продаются съѣстные припасы, съ тѣмъ, чтобы въ оные дни запертыми были по утру во время обѣдни отъ 9 и по окончаніи оной до 12 часовъ. Торгующихъ же шинелями, фраками, жилетами, воротниками съ шнурками и отворотами сапогами и съ ленточками башмаками обязать подписками, съ тѣмъ, чтобы отнюдь оныхъ въ продажу не употребляли, подъ опасеніемъ жестокаго наказанія.

VII.

Какъ носка перьевъ на шляпахъ принадлежитъ единственно чинамъ придворнаго штата, то и запрещается лакеямъ и кучерамъ партикулярныхъ людей носить на шляпахъ перьевъ и плюмажей, также и на шляпахъ банты какого бы то цвѣта ни было.

VIII.

Замѣчено государемъ императоромъ (Павломъ I), что многіе офицеры имѣютъ мундиры не изъ моченаго сукна и для сего повелѣть соизволилъ: сдѣлать всѣмъ портнымъ запрещеніе, что бы изъ немоченаго сукна на военно-служащихъ мундировъ отнюдь не дѣлали, а въ противномъ случаѣ таковыхъ портныхъ брать подъ караулъ.

Сообщ. Г. К. Рѣпинскій.

Объясненіе въ любви моряка

(1809 г.).

Какъ молнія пловущихъ зракъ,
Средь темной ослѣпляетъ ночи,
Краса твоя мелькая такъ
Мои затмила ясны очи!

***

Смущенъ и изумленъ я сталъ,
Узрѣвъ толь ангела прекрасна;
Не столь опасенъ мачтамъ шквалъ [1],
Какъ ты казалась мнѣ опасна.

***

Изчезъ тогда штиль [2] чувствъ моихъ,
Престрашна буря въ нихъ возстала;
Ты жъ изъ очей своихъ драгихъ,
Брандскугели [3] въ меня метала:

***

Тогда въ смятеніи моемъ
Зря грозну прелесть предъ собою,
Не могъ я управлять рулемъ,
И флагъ спустилъ передъ тобою.

***

Съ тѣхъ поръ тебѣ отдавшись въ плѣнъ,
Твоей я волѣ повинуюсь;
Къ тебѣ душевно прикрѣпленъ,
Я за тобою буксируюсь.

А. Д.

---

[1]) Мгновенный порывъ вѣтра.
[2]) Тишина, спокойствіе.
[3]) Артилл. снарядъ.

Съ тѣхъ поръ нактоузъ [1]) твой, иль домъ,
Тебя который сокрываетъ
Съ такою силой, какъ мальстромъ [2])
Меня онъ всюду привлекаетъ.

***

Мнѣ въ морѣ утѣшенья нѣтъ,
Вездѣ я безъ тебя тоскую;
И часто мысленно, мой свѣтъ,
Къ тебѣ я лавирую.

***

Наполненъ завсегда мечтой
Тебя въ убранствѣ зрю богатомъ:
То яхтой иногда златой,
То легкимъ, чистенькимъ фрегатомъ.

***

Вдругъ вздумаю тебя догнать,
Весь нетерпѣніемъ пылаю—
Спѣшу и марсели [3]) отдать,
И брамсели [4]) я распускаю.

***

Когда же.... парусовъ нельзя
При штормѣ много несть жестокомъ;
Любовью трюмъ свой нагрузя,
Иду, лечу къ тебѣ подъ фокомъ [5]).

***

Или, коль неизвѣстенъ мнѣ
Пунктъ мѣста твоего, драгая,
По близости я къ той странѣ,
Лежу на дрейфѣ [6]) ожидая.

***

Лишь ты отколь предпримешь путь,
Конструкцію твою драгую
Узрю, хоть въ горизонтѣ будь,
И въ мигъ тебя запеленгую! [7]).

---

[1]) Ящикъ, въ которомъ хранится компасъ.

[2]) Водоворотъ у береговъ Норвегіи.

[3]) Средніе паруса.

[4]) Верхніе паруса.

[5]) Нижній парусъ.

[6]) Постановка парусовъ такъ, чтобъ корабль, по возможности, не двигался ни въ ту, ни въ другую сторону.

[7]) Замѣтить по компасу.

А. Д.

Тогда не медля ни часа,
Къ тебѣ я курсъ свой направляю;
Брасоплю [1]), ставлю паруса,
Шумлю, сержусь, повелѣваю.

***

По шканцамъ бѣгая кричу,
Въ кильватеръ [2]) за тобой пускаюсь,
Узловъ по десяти лечу—
Ура! взывая, восхищаюсь.

***

Дышу веселіемъ, горю,
Чту счастливымъ себя на вѣки;
Уставясь на тебя смотрю,
Готовлю для сцѣпленья дреки [3]).

***

Но вдругъ сонъ исчезаетъ сей,
И я, блѣднѣе чѣмъ бумага,
Не зря ни яхтъ, ни кораблей,
Стою, какъ шестъ вѣхи безъ флага!...

А. С. Шишковъ.

Примѣчанія: 1) Не знаю, было ли гдѣ напечатано; но я списалъ съ написаннаго рукою адмирала Александра Семеновича Шишкова еще въ 1809 году, въ бытность мою у него.

А. К.

2) Это интересное, какъ по личности автора, такъ и по литературнымъ достоинствамъ, рѣдкимъ въ то старое время, стихотвореніе найдено въ бумагахъ покойнаго адмирала Петра Ивановича Рикорда; неизвѣстно когда и кѣмъ ему доставлено, и кто такой подписавшійся буквами А. К. Читая эту остроумную шутку въ стихахъ, какъ-то не вѣрится, что она написана въ первые годы настоящаго столѣтія. Только пять, шесть устарѣлыхъ выраженій обличаютъ его старину, а во всемъ остальномъ оно нисколько не уступаетъ произведеніямъ этого рода писателей настоящаго времени. Весьма вѣроятно, что оно было въ печати, но я получилъ копію 1809 г. отъ Людмилы Ивановны Рикордъ и было бы пріятно видѣть эту остроумную шутку на страницахъ бывшей всегда ей любезной «Русской Старины».

А. С. Даниловъ.

---

[1]) Ставить паруса противъ вѣтру.

[2]) Вслѣдъ.

[3]) Приспособленіе для абордажа.

А. Д.

Пѣсня моряковъ

1840-хъ гг.

Въ 1840-хъ годахъ наши моряки не могли пожаловаться на тяжесть службы вообще, какъ морской, такъ и береговой, потому что въ плаваніе ходили черезъ два года въ третій, за малыми исключеніями, а въ зимнее время бо̀льшею частію были свободны, такъ какъ гарнизонной службой были весьма мало занимаемы, а другихъ занятій, какъ въ настоящее время, не было. И потому тогда моряки, можно сказать, жили въ свою волю—ни чѣмъ и ни кѣмъ не стѣсняемые,—просто. А по этой-то причинѣ многіе изъ нихъ не безъ усердія поклонялись Бахусу, подъ вліяніемъ котораго и творили шалости, въ настоящее время немыслимыя.

Все это не безъизвѣстно было начальнику главнаго морскаго штаба или морскому министру, князю А. С. Меншикову, который на все это, какъ говорится, смотрѣлъ сквозь пальцы, да подсмѣивался. Тогда кто-то изъ офицеровъ, вдохновленный такимъ патріархальнымъ порядкомъ вещей, сложилъ нижеслѣдующую пѣсеньку:

Въ море есть островокъ,
А на немъ городокъ—
Чудо!
Тамъ живутъ моряки,
А смолы да пеньки—
Груда!
И у нихъ есть законъ,
Чтобы пить всегда ромъ—
Съ чаемъ!
А изъ Питера князь,
Имъ кричитъ, не сердясь:
Знаемъ!

Сообщ. А. С. Даниловъ.

Историческій дубъ.

1844 г.

Въ 1844 году, на маневрахъ гвардейскаго корпуса, между Краснымъ и Царскимъ Селомъ, 19-го іюня, въ Бозѣ почивающій Императоръ Александръ Николаевичъ, тогда Наслѣдникъ Цесаревичъ, начальникъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, изволилъ имѣть ночлегъ въ своей палаткѣ, на правомъ флангѣ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, за деревней Виттолово, лѣвѣе шоссе, ведущаго въ Царское Село.

На утро, при выступленіи отряда съ бивуака, командиръ полка, генералъ-маіоръ Семенъ Петровичъ Степановъ, поручилъ хозяину ближайшаго—крайняго двора, за деньги, добыть и посадить осенью дубокъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была ставка Его Высочества. Мѣсто это, при мнѣ, полковомъ адъютантѣ, тогда же было тщательно отмѣчено.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1876 года, 32 года спустя, въ одинъ изъ моихъ пріѣздовъ въ С.-Петербургъ, я дознвлъ, что мѣсто сказаннаго бивуака заселено—застроено; дубокъ, уже дубъ, вошолъ въ черту двора крестьянина Андрея Иванова Пирри; въ дубкѣ уже 9½ аршинъ и что онъ ростетъ въ два ствола. Помнится, что не легко было добыть дубокъ, тѣмъ болѣе выростить его. Но настойчивость, которою отличался покойный генералъ Степановъ, выбывшій изъ полка въ концѣ 1847 г., при ежегодномъ поощреніи крестьянина, исполнившаго задушевное его желаніе, превозмогла затрудненія доброму дѣлу.

Ген.-лейт. Дренякинъ.

14-го іюня 1883 г.

Епископъ Платонъ Петрункевичъ

1749 г.

Въ «Русской Старинѣ» т. XXXIX, августъ, стр. 433, напечатанъ «указъ 1749 года» объ игуменѣ епархіи «Платона Левшина», «епископа Владимірскаго и Ярославскаго».

Платонъ Левшинъ былъ хиротонисанъ въ архіепископы (Тверскіе) 10-го октября 1770 года. Въ указѣ 1749 г. рѣчь идетъ о Платонѣ Петрункевичѣ, епископствовавшемъ во Владимірѣ съ 1748 по 1757 г.

«Епископъ Владимірскій и Ярославскій» — такого сочетанія не было въ граматѣ; слѣдуетъ читать: епископъ «Владимірскій и Ярополчскій» (отъ города «Ярополчъ»), каковой титулъ существовалъ для епископовъ Владимірскихъ съ 1748 года, кажется, до 1763 года, когда, одновременно съ отписаніемъ имуществъ отъ монастырей и церквей, произведена была реформа и въ организаціи епархій.

Платонъ Петрункевичъ хирот. въ епископы Владимірскіе и Ярополчскіе 20-го марта 1748 г. изъ архимандр. Владиміро-Рождественскихъ; † 16-го апр. 1757 г., въ Москвѣ. Погребенъ во Владимірскомъ соборѣ. См. „Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Россійскія церкви“. Состав. П. М. Строевъ. Изд. 1877 г. подъ наблюденіемъ члена археографической коммисіи М. И. Семевскаго, стр. 658.

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ГОРЧАКОВЪ

въ его разсказахъ изъ прошлаго.

Государственный дѣятель, вполнѣ историческій, трехъ царствованій: Александра I, Николая I и Александра II — кн. А. М. Горчаковъ займетъ много страницъ въ исторіи этихъ эпохъ. На нашемъ времени лежитъ обязанность собрать матеріалы къ его біографіи, которая конечно и явится впослѣдствіи.

„Русская Старина", представя жизнеописанія многихъ русскихъ государственныхъ дѣятелей трехъ послѣднихъ вѣковъ, независимо отъ біографій, хранитъ на своихъ страницахъ матеріалы и черты къ имѣющимъ явиться жизнеописаніямъ и обозрѣніямъ государственной дѣятельности различныхъ сподвижниковъ русскихъ государей.

Въ виду этого, мы помѣщаемъ на страницахъ „Русской Старины" нѣсколько разсказовъ свѣтлѣйшаго князя Александра Михайловича Горчакова, изъ числа нами за нимъ записанныхъ, въ Ниццѣ, весною 1882 года. Если, какъ и всѣ устные разсказы, они не всегда достаточно точны въ указаніяхъ собственно хронологическихъ данныхъ, тѣмъ не менѣе—они имѣютъ интересъ и значеніе для будущаго біографа этого замѣчательнаго государственнаго мужа.

М. — скій.

Ницца 27-го апрѣля 1882 г.

I.

Осенью 1881 г. и весною 1882 г., именно въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, мнѣ случалось довольно часто посѣщать свѣтлѣйшаго князя Александра Михайловича Горчакова въ Ниццѣ. Князь занималъ весьма скромную квартиру въ нижнемъ этажѣ Villa Michel—sur le boulevard Carabacel,—четыре комнатки, и жилъ до того скромно, что, какъ увѣряли тогда въ средѣ русской колоніи Ниццы, даже

обѣдъ князь получалъ отъ одного изъ мѣстныхъ кухмистеровъ, именно Лаля, кухмистера весьма посредственнаго, откуда ему приносили обѣдъ въ судкахъ.

При князѣ Александрѣ Михайловичѣ былъ камердинеръ и, въ роли сидѣлки, среднихъ лѣтъ женщина-нѣмка.

Князь проводилъ время весьма регулярно: въ извѣстные часы вставалъ, затѣмъ отправлялся на прогулку въ сопровожденіи своей сидѣлки или камердинера; затѣмъ довольно много читалъ— преимущественно книги и журналы историческіе, и время отъ времени дѣлалъ визиты небольшому кружку знакомыхъ изъ русской колоніи.

Въ 11 часовъ утра я обыкновенно заставалъ его за книгою въ рукахъ, сидящимъ на диванѣ, въ длинномъ сюртукѣ,— родъ архалука, и съ шапочкой, родъ ярмолки, на головѣ. Тщательно выбритый, розовый, съ умнымъ и привѣтливымъ взглядомъ большихъ карихъ глазъ, глядѣвшихъ сквозь очки, князь встрѣчалъ меня всегда радушно, и видимо радъ былъ побесѣдовать о старинѣ. Часъ, другой незамѣтно пробѣгали въ разговорѣ, въ которомъ, впрочемъ, мнѣ доводилось лишь вставлять нѣсколько фразъ, скорѣе—вопросовъ, а слово оставалось за нимъ. Книга откладывалась въ сторону, причемъ нерѣдко самое чтеніе журнала (обыкновенно „Русская Старина“ или „Русскій Вѣстникъ“) давали ему тему для бесѣды.

Должно замѣтить, что и въ разсказахъ князя Александра Михайловича Горчакова, при всей свѣжести его ума и памяти, обнаруживалось обычное явленіе, по отношенію къ лицамъ его преклоннаго возраста (83 года), а именно: все, что относилось до событій первой половины его жизни, онъ передавалъ съ замѣчательною подробностію и отчетливостію; все, что было крайне недавно, онъ вспоминалъ съ большими усиліями и даже сердясь на то, что память ему измѣняла. Такъ, напримѣръ, однажды онъ никакъ не могъ вспомнить названіе того мѣста въ Молдавіи, гдѣ въ продолженіи послѣдней русско-турецкой войны (1877—1878 гг.) онъ прожилъ довольно долго, кажется, Унгены въ Молдавіи.

Приведу нѣсколько разсказовъ свѣтлѣйшаго князя Александра Михайловича, впрочемъ въ раздробь, какъ ихъ слышалъ отъ него, и притомъ передавая лишь сущность этихъ разсказовъ въ томъ видѣ, какъ они тогда же внесены въ моей записной книжкѣ.

II.

При самомъ началѣ своей службы я уже возбуждалъ, до извѣстной степени, чувство зависти. 19-ти лѣтъ, въ чинѣ титулярнаго совѣтника, началъ я свою карьеру служебную подъ покровительствомъ и руководствомъ знаменитаго впослѣдствіи президента греческой республики, графа Каподистрія. Но этого покровительства было достаточно, чтобы вызывать во мнѣ нерасположеніе Нессельроде, который былъ смертельный врагъ Каподистрія. Непріязнь эта рано отразилась и на меня.

Однажды дядя мой, князь Андрей Ивановичъ Горчаковъ, человѣкъ весьма храбрый, богатый, но весьма и весьма недальній, пріѣзжаетъ къ Нессельроде, управлявшему тогда министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, съ ходатайствомъ о производствѣ меня въ камеръ-юнкеры.

— „Какъ! его, вашего племянника, Александра Горчакова? Да ни за что!—воскликнулъ Нессельроде.—Посмотрите, онъ уже теперь мѣтитъ на мое мѣсто!"

И отказалъ на отрѣзъ. Тогда князь Андрей Ивановичъ Горчаковъ тутъ же и тогда же попросилъ о той же милости для другаго своего племянника, Хвостова, и Нессельроде тотчасъ согласился.

III.

Императоръ Александръ I рано сталъ отличать меня своею благосклонностію. При встрѣчахъ, въ бытность за границею, въ разныхъ нѣмецкихъ городкахъ на конгрессахъ, а также въ бытность мою въ его свитѣ въ Варшавѣ, государь всегда останавливалъ меня при встрѣчахъ на прогулкахъ, говарилъ очень привѣтливо и всегда отличалъ, какъ одного изъ лучшихъ питомцевъ любезнаго его величеству царскосельскаго лицея. Это онъ самъ мнѣ выразилъ въ Лайбахѣ, встрѣтившись со мною на единственной улицѣ, бывшей въ то время въ этомъ городѣ.

При этомъ государь Александръ Павловичъ, совершенно для меня неожиданно, сказалъ, между прочимъ:

— „Ты просишься въ Англію, въ Лондонъ. И прекрасно. Я отправляю тебя туда секретаремъ нашего посольства".

Должно замѣтить, что я не дерзалъ и мечтать о назначеніи въ Лондонъ, очень хорошо зная, что въ наше посольство въ Лондонъ отправляютъ обыкновенно только самыхъ талантливыхъ, наилучшихъ чиновниковъ.

Въ эпоху восшествія на престолъ императора Николая Павловича, я былъ уже въ Лондонѣ старшимъ совѣтникомъ нашего посольства.

IV.

Достойно вниманія, что императоръ Александръ Павловичъ вовсе не имѣлъ понятія о дѣйствительной цѣнности золота. Однажды, и именно въ томъ же Лайбахѣ, когда государь на улицѣ бесѣдовалъ со мною, нищій, конечно не зная, кто мы такіе, сталъ неотвязчиво дергать государя за полу сюртука, настойчиво вымогая у него милостыню. Тщетно я дѣлалъ знакъ рукою нищему, чтобы онъ убирался, но тотъ продолжалъ свое. Наконецъ, видя, что отъ него нельзя отвязаться, я сунулъ ему пять франковъ и тотъ отошелъ въ сторону.

— „Сколько ты ему далъ?“ спросилъ императоръ.

Я отвѣчалъ, что далъ нищему пять франковъ.

— „Зачѣмъ такъ много? — замѣтилъ государь Александръ Павловичъ, — кажется, было бы довольно ему дать одинъ наполеондоръ“.

Императоръ, конечно, предполагалъ, что одинъ червонецъ менѣе пяти франковъ. А что это такъ, видно изъ того, что когда у императора просили кому либо пособія въ двѣ, въ три тысячи руб., онъ не соглашался, но когда просили 1,000 или 1,500 червонцевъ, то, обыкновенно, довольно легко изъявлялъ свое согласіе.

V.

Не могу забыть нашего пребыванія въ Варшавѣ. На одномъ изъ сеймовъ, депутаты польскіе, съ обычною безтактностію, вмѣсто того, чтобы воспользоваться весьма благосклоннымъ настроеніемъ императора ко всему польскому народу и принять съ признательностію рядъ проектовъ законоположеній, внесенныхъ въ сеймъ по волѣ государя, напротивъ того рѣзко и съ увлеченіемъ

критиковали, осуждали и протестовали противъ нихъ. Мишурный успѣхъ въ публикѣ, наполнявшей трибуны въ залѣ сейма, все болѣе и болѣе увлекалъ легкомысленныхъ поляковъ-депутатовъ.

Весьма оригинальное явленіе представлялъ въ то время изъ себя цесаревичъ великій князь Константинъ Павловичъ. Онъ сидѣлъ въ званіи депутата отъ предмѣстія города Варшавы — Праги, на одной изъ самыхъ верхнихъ скамеекъ залы сейма. Какъ теперь вижу его крайне недовольное лицо, наморщенный лобъ и густыя нависшія брови. Онъ являлся въ большихъ ботфортахъ и обыкновенно сидѣлъ во время засѣданія, не говоря ни слова, насупившись.

Государь, при закрытіи и распущеніи этого сейма, сказалъ превосходную рѣчь съ удивительнымъ мастерствомъ. Она была написана имъ самимъ и сказана съ величайшимъ достоинствомъ.

Въ этой рѣчи государь далъ понять легкомысленнымъ представителямъ Польши, куда приведетъ ихъ безтактный образъ дѣйствій.

VI.

— „Кстати о Польшѣ, замѣтилъ князь А. М. Горчаковъ. Россія, по отношенію къ этому краю должна, разумѣется, смотрѣть на него какъ на свою неотъемлемую часть. Разъ борьба покончена мечомъ, разъ исторія рѣшила эту борьбу въ пользу Россіи,—Польша не должна быть отдѣляема отъ судебъ Россіи; каждое возстаніе немедленно должно быть подавляемо мечомъ. Но на Россіи, на русскомъ народѣ и его правительствѣ, лежитъ священная обязанность не вызывать этихъ возстаній, не давать повода къ братоубійственной рѣзнѣ.—А это далеко не такъ трудно,—продолжалъ свѣтлѣйшій князь,—какъ кажется. Стоитъ только не забывать, что по отношенію къ Польшѣ, странѣ несомнѣнно цивилизованной, мы должны дѣйствовать вполнѣ по европейски. Гуманность должна руководить нашими дѣйствіями. Отсутствіе произвола, честное исполненіе установленныхъ законовъ, заботы о развитіи въ краѣ просвѣщенія, торговли и промышленности, вообще забота какъ о нравственномъ, такъ и матеріальномъ благосостояніи народа въ особенности, должны отличать дѣйствія русскаго правительства въ предѣлахъ польскаго народа и тѣмъ замѣнить ему отсутствіе политическихъ правъ“.

VII.

Славнаго лицеиста, нашего поэта Пушкина я весьма любилъ и былъ взаимно имъ любимъ. Съ удовольствіемъ вспоминаю, что имѣлъ на него нѣкоторое вліяніе, о чемъ сужу по слѣдующему случаю.

Однажды, еще въ лицеѣ, онъ мнѣ показалъ стихотвореніе довольно скабрёзнаго свойства. Я ему напрямки сказалъ, что оно недостойно его прекраснаго таланта.

Пушкинъ немедленно разорвалъ это стихотвореніе.

Вскорѣ, по выходѣ изъ лицея, я посѣтилъ дорогого нашего поэта. Онъ былъ боленъ, лежалъ въ постелѣ, къ нему не допускали. Мнѣ не удалось съ нимъ проститься. Я уѣхалъ за границу на службу.

VIII.

Вспоминаю еще почему, во время пріѣзда моего изъ Лондона въ Москву и въ Петербургъ въ 1825 году, ни одинъ изъ моихъ товарищей по Царскосельскому лицею, членовъ тайнаго общества, не заговаривалъ со мною о дѣлахъ сего общества. Потому, что всѣмъ и каждому изъ нихъ я твердилъ, что питомцамъ лицея, основаннаго императоромъ Александромъ Павловичемъ, не подобаетъ, ни прямо, ни косвенно, идти противъ августѣйшаго основателя того заведенія, которому мы всѣмъ обязаны.

IX.

Достойно вниманія, что предъ самымъ 14-мъ декабря 1825 года я былъ въ Москвѣ. Здѣсь князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ, между прочимъ, весьма мнѣ хвалилъ моего товарища по Царскосельскому лицею, Ивана Ивановича Пущина, служившаго въ то время въ Москвѣ, въ уголовной палатѣ, и воевавшаго противъ взятокъ.

Князь Голицынъ, между прочимъ, предложилъ мнѣ, зная, что я ѣду въ Петербургъ, ѣхать въ одной коляскѣ съ Пущинымъ, туда, какъ впослѣдствіи оказалось, спѣшившаго по дѣламъ тай-

наго общества, о чемъ, т. е. о настоящей цѣли поѣздки Пущина, князь Голицынъ, конечно, ничего не зналъ.

Совершенно случайно я выѣхалъ изъ Москвы не съ Пущинымъ, а съ графомъ Алексѣемъ Бобринскимъ. Поѣзжай я въ одномъ экипажѣ съ Иваномъ Ивановичемъ Пущинымъ, конечно, такъ либо иначе, но я оказался бы въ числѣ прикосновенныхъ; по крайней мѣрѣ меня бы навѣрное за знакомство въ эти дни съ Пущинымъ, однимъ изъ главнѣйшихъ заговорщиковъ, привлекли бы къ допросу. Но этого, какъ видите, не случилось.

X.

Я зналъ и даже былъ друженъ съ нѣкоторыми изъ декабристовъ, каковы наприм. братья Пущины, Кюхельбекеръ и другіе. Но продолжительное мое отсутствіе изъ Россіи, служба моя внѣ предѣловъ отечества на различныхъ дипломатическихъ постахъ оградила меня отъ участія въ тайномъ обществѣ.

Во время моихъ пріѣздовъ въ Петербургъ былъ однако случай, когда одинъ изъ членовъ тайнаго общества заговорилъ со мною о необходимости такого общества.

Я, ничего еще впрочемъ не подозрѣвая, далъ понять мое твердое убѣжденіе, что благія цѣли никогда не достигаются тайными происками, и недосказанное предложеніе само собою замерло на устахъ моего собесѣдника.

Въ день 14-го декабря 1825 г. я былъ въ Петербургѣ и, ничего не вѣдая и не подозрѣвая, проѣхалъ въ каретѣ цугомъ съ форейторомъ въ Зимній дворецъ для принесенія присяги новому государю Николаю Павловичу. Я проѣхалъ изъ дома графа Бобринскаго, гдѣ тогда останавливался, по Галерной улицѣ чрезъ площадь, не обративъ вниманія на пестрыя и безпорядочныя толпы народа и солдатъ. Я потому не обратилъ вниманія на толпы народа, что привыкъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, видѣть на площадяхъ и улицахъ Лондона разнообразныя и густыя толпы народа.

Какъ теперь помню, пріѣхалъ я въ Зимній дворецъ въ чулкахъ, сильно напудренный, и одинъ изъ всѣхъ собравшихся камеръ-юнкеровъ былъ въ очкахъ. Достойно вниманія, что при дворѣ императора Александра Павловича ношеніе очковъ счита-

лось такимъ важнымъ отступленіемъ отъ формы, что на ношеніе ихъ понадобилось мнѣ особенное высочайшее повелѣніе, испрошенное гофъ-маршаломъ Александромъ Львовичемъ Нарышкинымъ; при дворѣ было строго воспрещено ношеніе очковъ.

Помню весьма живо, какъ въ то же утро, 14-го декабря, во дворцѣ императрица Александра Ѳеодоровна прошла мимо меня уторопленными шагами одѣваться къ церемоніи; видѣлъ ее потомъ трепещущею; видѣлъ и то, какъ она, при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ нервно затрясла впервые головою. Эти нервные припадки сохранились затѣмъ у нея на всю жизнь.

Видѣлъ митрополита Серафима, возвратившагося во дворецъ съ Петровской площади и тяжело опустившагося въ кресло, трепещущаго всѣмъ тѣломъ. Онъ полагалъ, что былъ весьма близокъ къ погибели и дрожалъ при воспоминаніи объ опасности, которой избѣгъ, какъ онъ думалъ, совершенно случайно.

Видѣлъ я, и вспоминаю вполнѣ ясно, графа Аракчеева. Онъ сидѣлъ въ углу залы, съ мрачнымъ и злымъ лицомъ, не имѣя на растегнутомъ своемъ мундирѣ ни одного ордена, кромѣ портрета покойнаго государя Александра Павловича, и то, сколько помню, не осыпаннаго бриллiантами. Выраженіе лица Аракчеева было въ тотъ день особенно мрачное, злое. Никто къ нему не приближался, никто не обращалъ на него вниманія. Видимо всѣ считали бывшаго временьщика потерявшимъ всякое значеніе.

Новый государь, Николай Павловичъ, велъ себя вполнѣ героемъ.

XI.

Изъ всѣхъ декабристовъ мнѣ особенно было грустно за судьбу Михаила Ивановича Пущина.

Онъ служилъ въ конно-піонерахъ, пользовался любовью своего августѣйшаго начальника, великаго князя Николая Павловича, и о тайномъ обществѣ ничего не зналъ. Но вотъ 13-го декабря 1825 г., т. е. наканунѣ мятежа, разыскивая брата своего, Ивана Ивановича, пріѣхавшаго изъ Москвы,—Михаилъ Ивановичъ Пущинъ зашелъ къ Кондратію Ѳедоровичу Рылѣеву, жившему на Мойкѣ, близь Синяго моста, въ нижнемъ этажѣ дома Прокофьева, и здѣсь попалъ въ самый очагъ заговора. Маленькія комнатки

квартиры Рылѣева набиты были заговорщиками. Шли горячіе толки о планѣ дѣйствій на другой день. Толки закончились восклицаніями нѣкоторыхъ изъ присутствовавшихъ, что „завтрашній день будетъ славнѣйшею страницею въ русской исторіи!“

— „А я говорю вамъ,—грустно замѣтилъ Михаилъ Ивановичъ Пущинъ,—что эта страница запятнаетъ позоромъ русскую исторію“.

Михаилъ Ивановичъ Пущинъ не присталъ къ заговорщикамъ, но и не выдалъ никого изъ участниковъ въ сходкѣ 13-го декабря 1825 года.

Онъ былъ арестованъ и сосланъ солдатомъ на Кавказъ. Здѣсь участвовалъ онъ въ горячихъ схваткахъ съ горцами, подвергаясь смертельной опасности; получилъ двѣ серьезныя раны. Паскевичъ двукратно представлялъ Михаила Пущина къ производству въ офицеры и Георгію, но императоръ Николай постоянно вычеркивалъ его изъ наградного списка. Наконецъ, раненый Пущинъ былъ уволенъ отъ службы.

Впослѣдствіи, при императорѣ Александрѣ Николаевичѣ, въ бытность его величества на водахъ въ Киссингенѣ, въ 1857 г., гдѣ былъ тогда и старикъ М. И. Пущинъ, я имѣлъ случай говорить о немъ императору. Государь принялъ въ старикѣ участіе, повелѣлъ капитулу розыскать дѣло о представленіи Пущина къ Георгію лѣтъ за 40 предъ тѣмъ графомъ Паскевичемъ. Въ концѣ концовъ Михаилъ Ивановичъ Пущинъ получилъ Георгіевскій крестъ.

Императоръ Александръ II хотѣлъ назначить старика, съ производствомъ его въ генералы, въ Петропавловскую крѣпость комендантомъ, но вакансія тамъ еще была занята и государь его назначилъ въ Динабургъ, гдѣ Пущинъ и умеръ.

XII.

— Кстати о крѣпостяхъ. Въ 1854 г. наши крѣпости въ Царствѣ Польскомъ и въ Западной Россіи оказались совершенно неподготовленными къ войнѣ. Арсеналы въ крѣпостяхъ наполнены были всякимъ хламомъ и ровно ничего не было заготовлено къ страшной борьбѣ, которую, однако, нельзя было не предвидѣть. Вотъ и хваленый князь Иванъ Ѳедоровичъ Паскевичъ, „отецъ-командиръ“, какъ его обыкновенно называлъ императоръ Николай Павловичъ, постоянно и весьма къ нему благоволившій.

XIII.

Я не пользовался благоволеніемъ императора Николая Павловича именно вслѣдствіе непріязни ко мнѣ графа Нессельроде. Многіе годы сидѣлъ я въ Вѣнѣ, не получая очередныхъ почетныхъ наградъ. Любопытно, что этому способствовалъ одинъ ничтожный, повидимому, случай, который однако, въ средѣ лицъ, окружавшихъ государя Николая Павловича, составилъ мнѣ извѣстность либерала, извѣстность, для того времени весьма печальную.

Какъ-то однажды, въ небольшой свитѣ императора Николая Павловича пріѣхалъ въ Вѣну графъ Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ.

За отсутствіемъ посланника, я, исполнявшій его должность въ качествѣ старшаго совѣтника посольства, поспѣшилъ явиться, между прочимъ, и къ графу Бенкендорфу.

Послѣ нѣсколькихъ холодныхъ фразъ, онъ, не приглашая меня сѣсть, сказалъ:

— „Потрудитесь заказать хозяину отеля на сегодняшній день мнѣ обѣдъ“.

Я совершенно спокойно подошелъ къ колокольчику, и вызвалъ maitre d'hôtel'я гостинницы.

— „Что это значитъ?“—сердито спросилъ графъ Бенкендорфъ.

— Ничего болѣе, графъ, какъ то, что съ заказомъ объ обѣдѣ вы можете сами обратиться къ maître d'hôtel'ю гостинницы.

Этотъ отвѣтъ составилъ для меня въ глазахъ всесильнаго тогда графа Бенкендорфа репутацію либерала.

XIV.

Знаете одну изъ особенностей моей дѣятельности, какъ дипломата? Я первый въ своихъ депешахъ сталъ употреблять выраженіе: „Государь и Россія“. До меня для Европы не существовало другого понятія, по отношенію къ нашему отечеству, какъ только „императоръ“. Графъ Нессельроде даже прямо мнѣ говорилъ съ укоризною, для чего я это такъ дѣлаю. „Мы знаемъ только одного царя, говорилъ мой предмѣстникъ: намъ дѣла нѣтъ до Россіи“.

Тотъ же Нессельроде былъ недоволенъ моими, весьма подробными, реляціями о ходѣ переговоровъ на конференціи въ Вѣнѣ

въ 1854—1855 годахъ. Я излагалъ весьма подробно все, что говорилось противъ Россіи, и всѣ мои опроверженія.

— „Зачѣмъ вы это дѣлаете?—укорялъ меня Нессельроде. Во время конгрессовъ въ Лайбахѣ, въ Ахенѣ, Тропау я обыкновенно излагалъ для государя только однѣ резолюціи конгресса".

Но при этомъ Нессельроде забывалъ, что въ эпоху побѣдъ императора Александра Павловича предъ Россіею стояла вполнѣ дружелюбно настроенная къ ней Европа, которая и склонялась волей неволей предъ величіемъ и силою Россіи.

Въ 1854—1855 гг. на Вѣнскомъ конгрессѣ за Россію говорилъ только я, ея слуга и представитель; противъ же Россіи было все и всѣ. Мои защитительныя рѣчи, вся моя борьба съ противниками во всей подробности излагались въ иностранныхъ газетахъ; у насъ же въ Россіи Нессельроде распорядился, чтобы печатали въ самомъ краткомъ видѣ однѣ лишь резолюціи и заключенія Вѣнской конференціи. Замѣчу еще вамъ, что Нессельроде даже и не хотѣлъ посылать меня въ Вѣну на конференцію. Я былъ уполномоченъ на нее лично государемъ императоромъ. Нессельроде хотѣлъ посадить туда Бруннова. При этомъ Нессельроде не далъ мнѣ никакихъ инструкцій. Мало того, онъ мнѣ предлагалъ даже самому ихъ написать и настаивалъ въ этомъ. Я уклонился, однако, отъ сочиненія самому себѣ инструкціи, и тогда Нессельроде ограничился выдачею мнѣ самой ничтожной, ничего незначущей, инструкціи. Когда я проѣзжалъ въ Вѣну черезъ Варшаву, генералъ Ридигеръ, стоявшій во главѣ арміи, въ тайномъ разговорѣ со мной, умолялъ меня сдѣлать все, что только возможно, дабы остановить, хотя на шесть недѣль, вторженіе австрійской арміи въ предѣлы княжества. Шесть недѣль, по его мнѣнію, было достаточно, чтобы намъ собраться съ силою къ какому нибудь отпору австрійцамъ. Пріѣзжаю въ Вѣну; получаю весьма скоро аудіенцію у Франца Іосифа. Императоръ былъ молодъ и обошелся со мною въ высшей степени благосклонно.

Три часа продолжался нашъ разговоръ; но я ясно видѣлъ, что его правительство было всецѣло на сторонѣ враговъ Россіи и только онъ лично еще колебался. Нѣсколько разъ я вставалъ съ готовностію прервать нашу бесѣду и удалиться. Всякій разъ императоръ австрійскій удерживалъ меня въ своемъ кабинетѣ.

Вдругъ меня осѣнила мысль наклонить колебанія императора на нашу сторону.

— Государь—сказалъ я—я въ полнѣйшемъ восторгѣ отъ вашего пріема и вашего вниманія ко мнѣ, и какъ жаль, что не далѣе какъ черезъ два дня я долженъ буду васъ покинуть и возвратиться въ отечество.

— „Какъ такъ?“ — внезапно встревожился мой августѣйшій собесѣдникъ.

— Да! ваше величество—(выдумалъ я весьма смѣло).—Я имѣю положительное приказаніе не медлить ни единаго часа, какъ скоро хотя одинъ солдатъ вашего величества перейдетъ границу и вступитъ въ княжества Молдавіи и Валахіи,—немедля выѣхать изъ Вѣны и прервать сношенія нашего двора съ правительствомъ вашего величества. Мнѣ же извѣстно, что ваше величество послали уже повелѣніе генералу К., дабы тотъ перешелъ границу.

Францъ Іосифъ глубоко задумался и смущенный долго ходилъ по кабинету. Наконецъ, подошелъ ко мнѣ, положилъ обѣ руки на плечи и сказалъ: „князь Горчаковъ! Прежде чѣмъ вы доѣдете до дому, генералъ К. получитъ повелѣніе мое не переходить границу“.

Императоръ австрійскій исполнилъ это. Войска его уже гораздо позже заняли княжества. Императоръ Николай Павловичъ былъ въ высшей степени доволенъ услугою отечеству и ему, мною оказанной, и тогда же повелѣлъ прислать мнѣ ленту и звѣзду Александра Невскаго. Но Нессельроде не исполнилъ высочайшаго повелѣнія и я получилъ этотъ орденъ только семь мѣсяцевъ спустя.

XV.

Покойный Мезенцевъ разсказывалъ мнѣ, что въ спискахъ III-го Отдѣленія многіе, многіе годы значился я, князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ, съ такою отмѣткою: „князь Александръ Горчаковъ не безъ способностей, но не любитъ Россіи“.

XVI.

Въ 1856 г., послѣ заключенія парижскаго трактата, который я отказался подписать (?), Государь Александръ Николаевичъ призвалъ меня въ Петербургъ, осыпалъ знаками вниманія и бла-

говоленія, и просилъ меня занять постъ управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ.

Я рѣшительно отказывался.

Любопытно, что графъ Нессельроде, узнавъ отъ меня о моемъ рѣшительномъ отказѣ принять портфель министра иностранныхъ дѣлъ, сказалъ мнѣ:

— „Совершенно напрасно вы, князь, отказываетесь отъ мѣста министра. Теперь въ Россіи министру иностранныхъ дѣлъ, послѣ заключенія парижскаго мира, совершенно нечего будетъ дѣлать".

Такъ оригинально смотрѣлъ Нессельроде на положеніе своего преемника. Вскорѣ послѣдовало новое объясненіе со мною Государя Императора. Оно произошло предъ Свѣтлымъ Христовымъ Воскресеніемъ.

Государь Александръ Николаевичъ уговаривалъ меня принять портфель министра. Я продолжалъ отказываться, говоря, что въ настоящее трудное время, пламенно любя Отечество, я чувствую себя слишкомъ слабымъ, что бы занять предлагаемое мѣсто.

— „Неужели вы думаете, князь, что я менѣе люблю Россію, чѣмъ вы, и менѣе желаю ей добра? сказалъ Государь. Но я нуждаюсь въ помощи, въ хорошихъ совѣтникахъ. Помогите мнѣ. Исполните мою просьбу".

Извѣстно, что Императоръ Александръ Николаевичъ говорилъ весьма убѣдительно и краснорѣчиво. Я уступилъ. Но прежде чѣмъ оставить кабинетъ Государя, который меня обнялъ въ знакъ своей признательности, я обратился съ просьбою къ Его Величеству:

— Государь! возложите на меня собственноручно крестъ!

Государь отступилъ назадъ и удивленными глазами взглянулъ на меня; видимо тѣнь неудовольствія промелькнула по его прекрасному лицу.

— „Какой крестъ, какой крестъ?!" спросилъ Его Величество.

— Не звѣзды прошу я у васъ, а крестъ, буквально крестъ, Ваше Величество. Снимите съ одного изъ образовъ вашихъ крестъ и возложите на меня. Да даруетъ онъ мнѣ силы къ поднятію того креста великихъ трудовъ, которые вы возлагаете на меня съ обязанностію министра иностранныхъ дѣлъ.

Лицо Государя просвѣтлѣло удовольствіемъ. Онъ вынесъ мнѣ

изъ сосѣдней комнаты небольшой серебряный крестикъ и, возлагая на меня, сказалъ:

— „Примите это, князь. Этотъ крестъ всюду меня сопровождалъ. Да укрѣпятся ваши силы".

XVII.

Моему совѣту Государю Александру Николаевичу обязаны декабристы полнымъ возвращеніемъ тѣхъ изъ нихъ, которые оставались еще въ живыхъ въ 1856 г., возвращеніемъ чиновъ, званій и права возвращенія въ Россію.

По моему же совѣту Государь повелѣлъ понизить пошлину на заграничные паспорты, съ 500 руб. до 5 руб. за полугодичное пребываніе заграницей.

XVIII.

Первое время по восшествіи на престолъ Императора Александра Николаевича, я пользовался наибольшею милостію Государя въ ряду прочихъ министровъ.

Не было дѣла, не было вопроса, о которомъ бы Государь Императоръ не совѣщался со мною. Уже предъ коронаціей въ 1856 г. Государь изволилъ говорить со мною объ освобожденіи крестьянъ и о разныхъ другихъ реформахъ. Я горячо поддерживалъ великія намѣренія Его Величества, и, между прочимъ, напомнилъ Государю объ амнистіи всѣмъ политическимъ ссыльнымъ, о возвращеніи изъ Сибири оставшихся въ живыхъ такъ называемыхъ декабристовъ,—людей, замѣчательно умныхъ и даровитыхъ, изъ которыхъ я многихъ зналъ.

XIX.

Когда мы ѣхали въ Москву въ одномъ вагонѣ съ Государемъ Александромъ Николаевичемъ, между прочими мыслями я позволилъ себѣ высказать Государю и ту мысль, что такъ какъ народъ понесъ весьма громадныя потери въ теченіе трехлѣтней и крайне тяжелой войны, то казалось бы слѣдовало празднество коронаціи обставить сколь возможно меньшими издержками, т. е.

сократить число обѣдовъ, баловъ и проч. и проч. Надо дать вздохнуть народу, сказалъ я. Пусть онъ нѣсколько оправится послѣ тѣхъ потерь и лишеній, которыя онъ понесъ въ 1853—1855 гг.

Государь Императоръ весьма милостиво выслушалъ мое мнѣніе, но, какъ извѣстно, не рѣшился отступить отъ исконныхъ традицій, по которымъ коронованіе державныхъ вождей Россіи сопровождалось значительными издержками.

Коронація Императора Александра II обошлась въ 18 мил. руб.

XX.

Застарѣлый недугъ русскаго правительства состоялъ въ томъ, что правительство наше, т. е. гг. министры дѣйствовали, въ старину, враздробь, какъ „щука, лебедь и ракъ". Я яснѣе другихъ сознавалъ присутствіе этой язвы и на первыхъ порахъ, когда былъ въ силѣ, пытался ей противодѣйствовать. Такъ, въ первый же пріѣздъ Государя Александра Николаевича въ Варшаву, кажется, въ 1860 году, я удачно провелъ предъ Его Величествомъ ту мысль, чтобы по крайней мѣрѣ главнѣйшія органическія дѣла государственныя, прежде чѣмъ быть представленными въ государственный совѣтъ или въ комитетъ г.г. министровъ, словомъ сказать, прежде чѣмъ получить форму закона или высочайшаго повелѣнія, непремѣнно бы обсуждались въ собраніи ближайшихъ совѣтниковъ Государя, подъ непремѣнно личнымъ предсѣдательствомъ Его Величества; въ таковой коллегіи должны быть министры и лица, имъ особо приглашаемые, но что внѣ этого совѣта и именно по этимъ органическимъ вопросамъ, ни одинъ министръ отнюдь не долженъ бы былъ имѣть особаго, съ глаза на глазъ, собесѣдованія, а тѣмъ болѣе доклада Государю Императору.

Таковые совѣты, по моей мысли, первое время были собираемы Государемъ и при томъ довольно часто, даже раза по два въ недѣлю; но впослѣдствіи времени отдѣльные доклады гг. министровъ вновь оттѣснили, мало по малу, добрый обычай, введенный Императоромъ Александромъ Николаевичемъ.

XXI.

Записки графа М. Н. Муравьева и его рѣзкій отзывъ въ этихъ запискахъ обо мнѣ, мнѣ извѣстенъ. Его племянникъ давалъ мнѣ прочесть эти записки и я даже говорилъ о нихъ Государю Императору Александру Николаевичу.

Въ крестьянскомъ вопросѣ я былъ всегда за добровольное соглашеніе крестьянъ съ помѣщиками; но въ тотъ періодъ, когда загорѣлось это дѣло, еще не было рѣчи о выкупѣ. Если бы тогда же возникло предложеніе о выкупѣ, то я бы, разумѣется, за него ухватился. Во всѣхъ сужденіяхъ по крестьянскому вопросу въ общихъ собраніяхъ государственнаго совѣта (январь и февраль 1861 г.) я былъ съ большинствомъ. Извѣстно, что Государь присоединился къ меньшинству, на основаніи мнѣній котораго и созданы Положенія 19 февраля 1861 г.

Но мнѣ пріятно вспомнить, продолжалъ Горчаковъ, что въ вопросѣ о привиллегіяхъ колонистамъ, когда въ государственномъ совѣтѣ всѣ члены были того мнѣнія, что возможно отмѣнить льготы, данныя императрицею Екатериною II колонистамъ по отправленію воинской повинности, я одинъ лишь высказался, и притомъ горячо, за сохраненіе въ неприкосновенности царскаго обѣщанія. Ко мнѣ никто не присоединился, но Государю угодно было согласиться не съ большинствомъ, а съ моимъ единоличнымъ мнѣніемъ.

XXII.

Когда въ Остзейскомъ краѣ стали склонять латышей-лютеранъ въ православіе, склонять (будто-бы) разными обманными средствами, то впослѣдствіи времени, именно въ 1850-хъ годахъ, обнаружились результаты этого насилія (?) тѣмъ, что невольные православные перестали исповѣдывать какую бы то ни было вѣру и не носили своихъ дѣтей крестить къ православному священнику. Для изслѣдованія всего этого дѣла былъ посланъ графъ Бобринскій, и его-то донесенія обсуждались въ совѣтѣ. Здѣсь присутствовали духовникъ Государя, Василій Борисовичъ Бажановъ, князь С. Н. Урусовъ, Валуевъ, графъ Адлербергъ, я и Великіе Князья. Всѣ члены совѣта были того мнѣнія, вслѣдъ за Бажановымъ, что должно настаивать, что бы родители въ Прибалтійскомъ краѣ, однажды перешедшіе уже въ православіе, обя-

зательно бы, подъ страхомъ взысканія, крестили дѣтей своихъ въ православіе и чтобы отнюдь не было имъ дозволяемо допускать переходъ ихъ дѣтей въ лютеранство.

Когда дошла до меня очередь высказать свое мнѣніе, я спросилъ отца Бажанова: то, чего онъ добивается нынѣ, требуется ли по догматамъ нашей православной вѣры?

— Нѣтъ, по догматамъ нашей вѣры того не требуется.

— А если такъ, то правительство, по моему мнѣнію, должно дѣйствовать въ Прибалтійскомъ краѣ точно также, какъ дѣйствуетъ въ Финляндіи. Тамъ, въ великомъ княжествѣ Финляндскомъ, предоставлена нами полная свобода совѣсти и исповѣданія, и какъ ни несовершенно наше законодательство, налагающее взысканіе на православныхъ за переходъ, напр. въ католицизмъ, но по крайней мѣрѣ въ Прибалтійскомъ краѣ, въ средѣ смѣшаннаго населенія этого края, намъ не слѣдуетъ придерживаться его слѣпо.

Завязались пренія, мало по малу почти всѣ присутствовавшіе склонились на мою сторону.

Послѣдствіемъ было то рѣшеніе по сему вопросу, что епископамъ нашимъ написано въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, дабы они смотрѣли тамъ сквозь пальцы на то, посылають ли латыши дѣтей своихъ креститься по православному или желаютъ ихъ видѣть въ лютеранствѣ. Впослѣдствіи времени, въ этомъ краѣ предоставлена была свобода выбора исповѣданія для дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ. Я тогда же предлагалъ ту же свободу распространить и для прочихъ областей Россіи; но предложеніе это не встрѣтило высочайшаго одобренія [1]).

XXIII.

Покойный князь Василій Андреевичъ Долгорукій и въ особенности Иванъ Матвѣевичъ, впослѣдствіи графъ, Толстой, расположены были къ перлюстраціи, находя, что она вызывается государственною необходимостью. Къ этому, впрочемъ, и въ Россіи, да и за границей всегда были склонны правительственные чиновники. У насъ это практиковалось довольно сильно. Я хорошо это знаю, такъ какъ чрезъ министерство иностранныхъ дѣлъ проходила вся шифрованная перлюстрація: у насъ въ министерствѣ подбирали

[1]) Сдѣлано было распоряженіе, дабы прокуроры дѣла этого рода направляли къ министрамъ.

и подыскивали всѣ ключи къ дешифрированію писемъ. Я имѣлъ неоднократно случай говорить о безполезности и вредѣ вскрытія чужихъ писемъ. Но доводы моихъ противниковъ въ этомъ вопросѣ, основанные будто бы на государственной необходимости, каждый разъ разбивали мои аргументы.

Любопытно, что государь Александръ Николаевичъ прислалъ однажды ко мнѣ, доставленное ему въ подлинникѣ, письмо одного изъ москвичей, пріѣзжавшихъ въ Петербургъ.

Москвичъ писалъ къ одному изъ редакторовъ въ Москву, къ Каткову или къ Аксакову, хорошо не помню, что будто бы имѣлъ со мною обширный разговоръ; при этомъ корреспондентъ приводилъ длинныя и весьма рѣзкія сужденія мои о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ императора. Ничего подобнаго, конечно, въ дѣйствительности не было, такъ какъ разговоръ мой съ этимъ москвичемъ ограничился лишь нѣсколькими безцвѣтными фразами. Императоръ, присылая мнѣ это письмо, надписалъ на немъ:

— „Я этому не вѣрю“.

„И прекрасно дѣлаете“,—подписалъ я тутъ же, подъ этою помѣтою, и возвратилъ письмо.

Графъ Петръ Андреевичъ Шуваловъ имѣлъ также случай неоднократно говаривать о совершенной безполезности перлюстраціи. И въ концѣ царствованія покойнаго государя перлюстрованныя письма уже не восходили до его величества.

Вслѣдъ затѣмъ—вскрытіе писемъ, такъ мнѣ говорили, брошено и, какъ надо надѣяться, навсегда.

XXIV.

Въ 1871 г., въ эпоху франко-прусской войны, никто другой, какъ именно я, подалъ мысль государю Александру Николаевичу и поддержалъ затѣмъ его рѣшимость, смыть пятно, оставшееся на страницахъ новѣйшей исторіи нашего отечества: уничтожить запретъ, наложенный на Россію парижскимъ трактатомъ, запретъ строить корабли въ портахъ Чернаго моря и вообще снять запрещеніе на содержаніе въ этомъ морѣ болѣе опредѣленнаго количества кораблей. По этому важному дѣлу былъ собранъ также совѣтъ подъ личнымъ предсѣдательствомъ его величества. На совѣтѣ были: военный министръ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ, П. А. Валуевъ, мой постоянный другъ—кн. С. Н. Урусовъ и

другіе. Всѣ были, конечно, согласны съ тѣмъ, что запретъ долженъ быть снятъ съ Россіи относительно русскаго Чернаго моря; но однако всѣ, а въ томъ числѣ и военный министръ, полагали, въ видахъ осторожности, совершенно необходимымъ, прежде чѣмъ рѣшиться на этотъ шагъ, предварительно снестись съ державами, подписавшими парижскій трактатъ.

— „Если дѣйствовать такъ, какъ здѣсь совѣтуютъ,—сказалъ я весьма горячо,—то это значитъ отказаться отъ самой цѣли; это значитъ ничего не получить, ничего не добиться. Должно просто заявить всей Европѣ, что Россія, по отношенію къ Черному морю, разрываетъ парижскій трактатъ 1856 г. и таковымъ заявленіемъ великій фактъ совершится“.

— Я вполнѣ согласенъ съ княземъ Горчаковымъ — сказалъ государь Александръ Николаевичъ, вставая.

И, такимъ образомъ, одинъ изъ всего совѣта, властію и волею своею державною Государь совершилъ великое дѣяніе.

Достойно вниманія, что посолъ нашъ въ Константинополѣ, графъ Н. П. Игнатьевъ, былъ въ то время въ Петербургѣ, въ отпуску. Я не имѣлъ съ нимъ никакого предварительнаго по сему дѣлу совѣщанія. Немедля послѣ помянутаго рѣшенія, мною были тотчасъ въ высшей степени быстро и секретно, разосланы депеши, съ извѣщеніемъ иностраннымъ правительствамъ о важномъ рѣшеніи, принятомъ Государемъ императоромъ Александромъ II относительно Чернаго моря. Нашему повѣренному въ Константинополѣ, Сталю, замѣнявшему графа Н. П. Игнатьева, одновременно была послана такая же депеша, съ приказаніемъ объявить рѣшеніе Россіи Оттоманской Портѣ немедленно. И когда уже курьеры неслись съ этими депешами, графъ Игнатьевъ, лишь по слухамъ свѣдавшій о бывшемъ у государя совѣщаніи, высказывалъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ Гамбургеру, Фредериксу и Жомини свои опасенія за послѣдствія могущаго быть въ этомъ смыслѣ рѣшенія.

— „Князь Горчаковъ дѣлаетъ слишкомъ рѣшительный шагъ, прямо сказать, дѣлаетъ величайшую глупость, если столь необдуманно рѣшается на такую важную мѣру. Я съ своей стороны умываю руки и не беру на себя отвѣтственности за послѣдствія“.

Меня увѣдомили о томъ, что̀ говоритъ графъ Н. П. Игнатьевъ. Я доложилъ о его опасеніяхъ государю императору, и тотъ,

пригласивъ его къ себѣ, сдѣлалъ внушеніе, сказавъ, что его, Государя, непремѣнная воля, дабы статья парижскаго трактата, закрывающая для Россіи Черное море, была бы немедленно уничтожена.

Графъ Игнатьевъ быстро перемѣнилъ свой взглядъ на это дѣло и поспѣшилъ въ Константинополь.

Въ обществѣ пошелъ слухъ, что разсказанный важный государственный актъ совершенъ по почину и по мысли нашего посла въ Константинополѣ; но я свидѣтельствую, что въ этомъ дѣлѣ не было вмѣшательства графа Игнатьева, а произошло оно прямо вслѣдствіе рѣшимости государя императора Александра II.

Я только удачно и своевременно уловилъ давнюю мысль его императорскаго величества [1]).

XXV.

Осенью 1876 г., въ эпоху сербско-турецкой войны, государь Александръ Николаевичъ жилъ, какъ извѣстно, въ Ливадіи. При мнѣ состояло —разсказывалъ князь Горчаковъ—нѣсколько чиновниковъ и потому я былъ помѣщенъ не въ Ливадіи, а въ Аріандѣ.

Однажды утромъ я одновременно получаю три депеши отъ нашего консула въ Бѣлградѣ. Карцевъ извѣщалъ меня, что турки идутъ на Сербію кровавымъ слѣдомъ, все выжигаютъ и уничтожаютъ. Идутъ на Бѣлградъ и непремѣнно его займутъ безпрепятственно.

Въ ту же минуту я отправилъ эти депеши къ императору. Прошло не болѣе часа, какъ меня приглашаютъ въ Ливадію на совѣтъ.

Въ обыкновенное время къ завтраку собрались министры, бывшіе въ то время въ Крыму при государѣ. Государь открылъ совѣщаніе предъ завтракомъ и исключительно только по дѣлу погибавшей въ эти дни Сербіи и сразу потребовалъ моего мнѣнія. Я попросилъ у государя, дабы высказались сначала прочія присутствовавшія лица.

---

[1]) Кстати отмѣтимъ, что князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ, въ своихъ бесѣдахъ со мною, отдавалъ должное уму и талантамъ графа Н. П. Игнатьева. Но при этомъ, однако, въ дальнѣйшихъ отзывахъ своихъ о немъ высказывалъ явное къ нему личное нерасположеніе и, какъ намъ казалось, вполнѣ пристрастное и обусловленное какимъ-то раздраженіемъ. М. —скій.

Всѣ, не исключая и Д. А. Милютина, впослѣдствіи графа, высказались въ выраженіяхъ грусти и сожалѣнія къ бѣдствіямъ, постигшимъ сербскій народъ, но ни одинъ изъ министровъ, ни даже Д. А. Милютинъ, не предложилъ рѣшительнаго шага для спасенія нашихъ единовѣрцевъ.

Я всталъ и съ полною рѣшимостію заявилъ:

— „Ваше величество! Теперь не время словъ, не время сожалѣній: наступилъ часъ дѣла. Вотъ приготовленная уже мною телеграмма нашему послу въ Константинополѣ“.

Смыслъ телеграммы былъ таковъ: повелѣвалось послу нашему немедля объявить Оттоманской Портѣ рѣшительную волю Государя императора, что если турки не остановятся тотчасъ же въ своемъ стремленіи на Бѣлградъ и не выступятъ изъ предѣловъ Сербіи, то посолъ нашъ въ 24 часа долженъ оставить Константинополь.

— „Я согласенъ съ твоимъ предложеніемъ“—сказалъ государь, вставая и закрывая совѣтъ.

Телеграмма-ультиматумъ была отправлена, объявлена Портѣ, турки остановились, вышли изъ Сербіи и Сербія была спасена.

XXVI.

Конечно извѣстно, что я былъ противъ войны съ Турціею въ 1877 году. Мой совѣтъ Государю Александру Николаевичу былъ тотъ, чтобы созвать представителей державъ въ Берлинѣ и заявить имъ съ твердостію, что Россія готова къ войнѣ, но что не будетъ и не желаетъ воевать въ томъ случаѣ, если державы рѣшатся дѣйствовать твердо въ Константинополѣ въ пользу христіанъ. Мой совѣтъ, однако, не былъ принятъ. Война была рѣшена и послѣдствія ея хорошо извѣстны.

Берлинскій трактатъ 1878 г. я считаю самою темною страницею въ моей жизни. Когда я вернулся изъ Берлина въ Петербургъ, я именно такъ и выразился о Берлинскомъ трактатѣ въ моемъ мемуарѣ, поданномъ мною Государю Императору. Въ этой всеподданнѣйшей запискѣ я написалъ такъ: „Берлинскій трактатъ есть самая черная страница въ моей служебной карьерѣ“.

Государь Императоръ Александръ Николаевичъ изволилъ приписать къ этимъ строкамъ собственноручно:

— „И въ моей также“.

XXVII.

Въ бытность свою въ Ниццѣ, въ мартѣ мѣсяцѣ 1882 г., князь Александръ Михайловичъ, по случаю годовщины кончины Императора Александра II, получилъ изъ Петербурга подарокъ. То были серебряныя большія старинныя карманныя часы съ барельефнымъ портретомъ Александра I, изображеннымъ съ надѣтою на головѣ шляпою; подъ глухою доскою находится серебряный профиль императора Наполеона I, эпохи первыхъ лѣтъ его царствованія. Особенно интересна была при этихъ часахъ длинная прядь женскихъ, темнокаштановаго цвѣта, волосъ. Часы были подарены императоромъ Наполеономъ I Александру Павловичу; отъ него перешли къ государю Николаю Павловичу и затѣмъ Александру II и постоянно находились въ кабинетѣ Его Величества, въ числѣ прочихъ вещей. Часы фабрики Брегета младшаго.

Князя Александра Михайловича Горчакова весьма занимала мысль о томъ, кому принадлежитъ эта прядь волосъ, и онъ полагалъ, что это волоса Маріи Антоновны Нарышкиной, любимицы императора Александра Павловича.

По поводу этихъ часовъ князь Горчаковъ написалъ благодарственное письмо въ Петербургъ, письмо въ нѣсколько строкъ, которое мнѣ тутъ же въ Ниццѣ и показалъ свѣтлѣйшій князь. Это дало мнѣ случай убѣдиться въ томъ, какъ мало, неохотно и крайне крупно-некрасиво писалъ свѣтлѣйшій князь.

Извѣстно, что покойный канцлеръ мастерски диктовалъ, диктовалъ охотно, съ увлеченіемъ, прекрасно, но терпѣть не могъ писать. Все, что говорятъ о существованіи его записокъ,—какъ увѣрялъ самъ кн. А. М. Горчаковъ,—есть чистѣйшій вздоръ. У него тщательно собраны и переплетены въ нѣсколько десятковъ томовъ всѣ имъ написанныя ноты и проч. документы дипломатической переписки, но личныхъ мемуаровъ о событіяхъ изъ его жизни и его знакомыхъ—не существовало и не существуетъ.

Однимъ изъ лучшихъ его сотрудниковъ и наиболѣе талантливыхъ, по отзыву, кн. А. М. Горчакова, помощниковъ его былъ баронъ Жомини.

Запис. и сообщ. въ 1882 г. М. —скій.

ВИЛЕНСКІЕ ОЧЕРКИ

1863—1865 гг. [1]

(Изъ воспоминаній очевидца).

Предлагаемые очерки составлены мною въ исходѣ 1866 года, въ видѣ личныхъ моихъ воспоминаній за время службы моей въ Вильнѣ, при бывшемъ генералъ-губернаторѣ Сѣверо-Западнаго края графѣ Муравьевѣ. Въ то время Вильна представляла самый оживленный центръ политической дѣятельности, на который было обращено общее вниманіе. Состоя при генералъ-губернаторѣ, я принималъ болѣе или менѣе участіе во всѣхъ почти дѣлахъ управленія, а потому и записки эти носятъ на себѣ отпечатокъ времени и представляютъ послѣдовательные очерки двухлѣтняго управленія графа Муравьева Сѣверо-Западнымъ краемъ. Отбросивъ по возможности все, что касалось лично меня и моихъ отношеній къ разнымъ лицамъ, я сохранилъ здѣсь все выдававшееся въ виленской дѣятельности за этотъ любопытный періодъ современной русской жизни.

Очерки мои объемлютъ два года, а именно: съ 1-го мая 1863 г. (время назначенія генерала Муравьева генералъ-губернаторомъ) по май мѣсяцъ 1865 г. (время его увольненія) и раздѣляется на двѣ части: первая заключаетъ въ себѣ описаніе перваго года его управленія краемъ—собственно усмиреніе мятежа, раскрытіе революціонной организаціи и мѣры, временно принятыя до поѣздки его въ Петербургъ въ апрѣлѣ 1864 г. и возвращенія оттуда черезъ

---

[1]) См. «Записки графа М. Н. Муравьева-Виленскаго» и прилож. къ нимъ, въ «Русской Старинѣ» изд. 1882 г., т. XXXVI, ноябрь, стр. 387—432; декабрь, стр. 623—644; изд. 1883 г., т. XXXVII, январь, стр. 131—166; февраль, стр. 291—304; мартъ, стр. 615—630; т. XXXVIII, апрѣль, стр. 193—230.

мѣсяцъ. Съ этого времени начинается второй періодъ дѣятельности ген. Муравьева, въ которомъ мѣры временныя уступаютъ мѣсто болѣе прочнымъ реформамъ, усиленіе русскаго элемента и православія играетъ главную роль и „русское дѣло“ въ Сѣверо-Западномъ краѣ—становится лозунгомъ его дѣятельности до отъѣзда его въ Петербургъ въ мартѣ 1865 г. и увольненія его отъ должности—этотъ періодъ времени описанъ во второй части настоящихъ записокъ.

Главный дѣятель того времени уже сошелъ въ могилу и какъ ни разнорѣчивы были мнѣнія о немъ при жизни, всѣ отдаютъ нынѣ справедливость его изумительнымъ дарованіямъ, государственному уму и заслугамъ, оказаннымъ имъ Отечеству въ одну изъ труднѣйшихъ годинъ. Быть можетъ не безъинтересно будетъ теперь прочесть предлагаемые очерки, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчается замѣчательная личность графа М. Н. Муравьева.

Въ отношеніи оцѣнки его дѣйствій я воздерживался отъ излишнихъ преждевременныхъ сужденій, представляя факты съ совершеннымъ безпристрастіемъ. Политическія событія въ Вильнѣ и въ Сѣверо-Западномъ краѣ разсказаны мною съ надлежащею послѣдовательностію, и потому настоящіе очерки могутъ по крайней мѣрѣ послужить матеріаломъ для историка.

Авторъ.

Январь 1867 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1863 годъ.

I.

Положеніе Сѣверо-Западнаго края во время назначенія генерала Муравьева виленскимъ генералъ-губернаторомъ.—Признаки мятежа до 1863 года.—Приказъ о назначеніи ген. Муравьева въ Вильну.—Мое опредѣленіе въ его канцелярію.—Составъ походной канцеляріи.—Пріемы генералъ-губернатора.—Отъѣздъ изъ Петербурга.—Посѣщеніе Динабургской крѣпости.—Полковникъ Павловъ о событіяхъ послѣдняго мятежа.—Вильна.

Когда генералъ Муравьевъ былъ назначенъ виленскимъ генералъ-губернаторомъ, весь Сѣверо-Западный край былъ объятъ мятежемъ. Всѣ сообщенія въ краѣ были прерваны—шоссе изъ Острова на Кіевъ было не безопасно отъ бродячихъ шаекъ. На желѣзную дорогу дѣлались нападенія. Служащіе въ краѣ всѣ почти были изъ поляковъ. Народъ въ страхѣ безмолствовалъ.

Все русское жило, притая дыханіе; бо́льшая часть мѣстныхъ жителей были увѣрены, что дѣло Россіи въ западныхъ губерніяхъ проиграно. Самыя наглыя демонстраціи производились открыто повсюду; лица, не желавшія носить политическій трауръ, подвергались всякаго рода ругательствамъ и оскорбленіямъ.

Всѣ признаки мятежа въ Сѣверо-Западномъ краѣ обнаружились гораздо ранѣе 1863 года. Край этотъ жилъ постоянно польскою жизнью. Варшава давала всему сигналъ и начавшіеся съ 1861 года въ Царствѣ Польскомъ безпорядки отозвались съ необыкновенною силою въ литовскихъ и бѣлорусскихъ губерніяхъ.

Еще въ 1862 году, во время дворянскихъ выборовъ, происходившихъ въ Подольской губерніи, заявлены были тамошнимъ дворянствомъ желаніе и необходимость присоединить Подольскую губернію къ Царству Польскому. Съ этою цѣлью былъ составленъ извѣстный адресъ Государю, въ которомъ выражалось, что край этотъ по языку, религіи и историческимъ преданіямъ—край польскій, съ Россіею общаго ничего не имѣетъ и потому, для предоставленія ему возможности правильнаго развитія, необходимо присоединить его къ Польшѣ.

Примѣру подольскаго дворянства послѣдовало минское—здѣсь руководилъ этимъ дѣломъ губернскій предводитель Лаппа, умѣвшій въ то же время снискать вниманіе правительства. Многіе русскіе изъ ополяченныхъ подписались подъ протоколомъ, въ которомъ заявлено о необходимости просить Государя присоединить Минскую губернію, по тѣмъ же почти причинамъ, какія выставлены въ подольскомъ адресѣ, къ Царству Польскому. При этомъ нельзя не замѣтить, что въ Минской губерніи на 168,000 католиковъ 740,000 православныхъ. Дерзость минскаго дворянства дошла до того, что когда ему объявлено было высочайшее неудовольствіе, оно положило только занести объ этомъ въ протоколъ и заявить въ немъ, что предположеніе дворянства не состоялось лишь по недопущенію высшаго правительства.

Въ Вильнѣ, съ 1861 года, демонстраціи всякаго рода происходили въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и едва ли не каждый день. Распорядительницей по ношенію патріотическаго траура была богатая виленская помѣщица Матильда Бучинская, завѣдывавшая разными благотворительными заведеніями и обращавшая свои благодѣянія въ средства для достиженія политическихъ цѣлей. Виленскій уѣздный предводитель дворянства и въ особенности жена

его были тоже двигателями всякаго рода демонстрацій: они устроили въ окрестностяхъ Вильны, въ предмѣстьи Бельмонтъ, лѣтомъ 1861 г., народное гулянье, съ польскимъ національнымъ характеромъ. По ихъ приглашенію, на праздникъ этотъ съѣхались всѣ городскія знатныя дамы и танцовали съ простолюдинами и ремесленниками польскіе танцы. Все это дѣлалось въ видахъ сближенія съ народомъ для предстоящаго возстанія. Народу сулились великія милости; по краю разбрасывались всюду, даже по полямъ, тысячи прокламацій; между тѣмъ, при малѣйшемъ противодѣйствіи со стороны крестьянъ, помѣщики настойчиво требовали военныхъ экзекуцій для того только, чтобъ возстановить народъ противъ правительства.

Для Литвы явился вскорѣ свой маркизъ Веліопольскій—это былъ гродненскій губернскій предводитель дворянства, гр. Старженскій. Онъ тоже представлялъ правительству свои мемуары и соображенія, также требовалъ автономіи западныхъ губерній и присоединенія ихъ къ Польшѣ. Онъ успѣлъ вкрасться въ довѣренность многихъ высшихъ лицъ и, хотя его благосклонно слушали, но требованій его не исполняли. Тѣмъ не менѣе онъ считалъ, что правительство, какъ и въ Царствѣ Польскомъ, будетъ вынуждено обратиться къ мѣстной аристократіи и что при этомъ ему будетъ поручено устройство края. Обнадеженный такимъ образомъ, въ началѣ 1863 г., когда правительство вынуждено было усмирять открытый мятежъ войсками, гр. Старженскій подалъ въ отставку, заявляя, что не считаетъ приличнымъ служить такому правительству, которое само возбуждаетъ (!) рѣзню, и циркулярно сообщилъ объ этомъ всѣмъ уѣзднымъ предводителямъ дворянства, приглашая ихъ послѣдовать его примѣру [1]).

Ночь на 11-е января 1863 г. была назначена въ Царствѣ Польскомъ и въ Литвѣ для общей рѣзни всѣхъ русскихъ войскъ и для начала возстанія на подобіе того, какъ это было въ концѣ прошлаго столѣтія [2]). Въ Царствѣ Польскомъ рѣзня была общая.

---

[1]) Лишь по прибытіи графа Муравьева въ Вильну гр. Старженскій былъ арестованъ, судимъ военнымъ судомъ и, по выдержаніи одного года въ Бобруйской крѣпости, сосланъ въ отдаленныя губерніи.

[2]) 1794 г. Игельстромъ въ Варшавѣ былъ опутанъ Залуской; Арсеньевъ въ Вильнѣ Незабитовскою; государю Александру Павловичу въ 1812 г. подставлена была въ Вильнѣ гр. Софія Тизенгаузъ (см. ея Memoires, Paris 1833); перев. напечатанъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1877 г., декабрь. Алексѣй Петр. Ермоловъ опредѣлялъ эти явленія такъ: „польскія Юдиеи находили себѣ въ средѣ русскихъ—Олоферновъ". Авт.

Въ Западномъ же краѣ только въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Гродненской губерніи. Вслѣдъ затѣмъ, все Царство Польское наводнилось мятежными шайками и нѣкоторыя изъ нихъ пробрались въ Гродненскую губернію.

Не смотря на постоянныя битвы и стычки нашихъ войскъ съ мятежниками, въ мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ 1863 г. весь край былъ уже объятъ мятежемъ. Въ Ковенской и Гродненской губерніяхъ мятежники распоряжались какъ у себя дома; шайки ихъ бродили подъ стѣнами Вильны; въ Минской губерніи дѣйствовали Свѣнторжецкій и Траугутъ; изъ Петербурга была отправлена въ Литву 2-я гвардейская пѣхотная дивизія, но войскъ было все-таки недостаточно. Вездѣ были стычки, газеты наполнялись реляціями.

Одновременно съ развитіемъ мятежа ополчилась на насъ и вся западная Европа, обвиняя насъ въ угнетеніи „несчастныхъ“ поляковъ, и предлагая намъ посредничество, конгрессъ.

Всѣ иностранныя газеты были наполнены возгласами и сожалѣніями о полякахъ, мужественно гибнущихъ за отечество; насъ называли варварами и монголами и предлагали намъ убраться подальше на Востокъ, гдѣ наше истинное призваніе, и уступить мѣсто польской цивилизаціи. Выдумки были самыя дерзкія и циническія—и иностранные дворы: англійскій и французскій, отправивъ къ намъ свои требовательныя ноты, лишь воодушевили это движеніе и поддержали надежды поляковъ. За Франціей и Англіей поспѣшили протестовать и прочія государства.

Война казалась неизбѣжною. Принимались всѣ мѣры къ укрѣпленію Кронштадта. Въ публикѣ шелъ говоръ о недостаточности его укрѣпленій и о томъ, что въ скоромъ времени мы увидимъ передъ столицей враждебные флоты. Опасность положенія нашего въ западномъ краѣ только тогда вполнѣ обнаружилась, когда въ апрѣлѣ вдругъ загорѣлся мятежъ въ Могилевской губерніи (впрочемъ уничтоженный въ 10 дней самими крестьянами), а въ Витебской губерніи, въ виду грозныхъ твердынь Динабурга, гр. Плятеръ напалъ на транспортъ, шедшій съ оружіемъ, и разграбилъ его. Правда, тутъ былъ и естественный предѣлъ своевольству поляковъ. Въ Могилевской губерніи народъ перехваталъ мятежниковъ, а въ Витебской онъ дошелъ до крайняго съ ними ожесточенія... Ропотъ въ Петербургѣ былъ всеобщій; какъ всегда въ

подобныхъ случаяхъ, всѣ подозрѣвались въ измѣнѣ; въ умахъ произошелъ сильный переломъ—не въ пользу поляковъ.

По мѣрѣ того, какъ взглядъ на польскій вопросъ сталъ проясняться, въ обществѣ происходила реакція и всѣ спѣшили громогласно отречься отъ сочувствія полякамъ. Первый сигналъ къ этому былъ поданъ петербургскимъ дворянствомъ на обыкновенныхъ выборахъ, происходившихъ въ февралѣ 1863 года. Дворянство представило государю адресъ, проникнутый патріотическими чувствами и заявленіями всеобщей готовности ополчиться противъ враговъ Россіи. Дворянство постановило, на случай войны, жертвовать ежегодно до прекращенія ея 1/10 часть своихъ доходовъ. Адресу этому откликнулась вся Россія. Отвсюду посыпались къ государю адресы и многіе были присланы при депутаціяхъ съ заявленіемъ тѣхъ же чувствъ. Явленіе это было глубоко утѣшительно для всякаго русскаго. Всѣ почувствовали свою силу и эти заявленія остались не безъ вліянія на Европу и на наши къ ней отношенія. Тонъ ея сталъ менѣе требователенъ и не столько, кажется, ноты наши, какъ этотъ патріотическій гулъ вынудилъ ихъ оставить насъ въ покоѣ.

Въ такое-то время, послѣ предварительныхъ совѣщаній, 1-го мая 1863 г. назначенъ былъ виленскимъ генералъ-губернаторомъ членъ государственнаго совѣта, генералъ отъ инфантеріи Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ. Ему подчинены были и губерніи Витебская и Могилевская, управлявшіяся на общемъ основаніи, и даны права командира отдѣльнаго корпуса въ военное время.

Еще за нѣсколько дней до назначенія М. Н. Муравьева въ приказѣ, (но когда государь уже объявилъ ему свою волю), я получилъ приглашеніе явиться къ нему къ 11-ти часамъ утра.

Муравьевъ жилъ въ то время на Литейной, въ домѣ министерства удѣловъ. Уволенный за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ отъ званія предсѣдателя департамента удѣловъ, онъ оставался еще на прежней своей квартирѣ въ ожиданіи отдѣлки помѣщенія въ собственномъ своемъ домѣ. Когда я пришелъ, въ пріемной было уже человѣкъ 5 или 6; я ждалъ съ полчаса. Наконецъ дверь отворилась и быстрыми шагами вышелъ изъ нея Михаилъ Николаевичъ. Сказавъ нѣсколько словъ съ стоявшими выше меня, онъ просилъ меня къ себѣ потолковать. Я вошелъ за нимъ въ огром-

нѣйшій кабинетъ, который былъ перегороженъ шкафами съ книгами. Онъ распрашивалъ меня очень подробно...., остался повидимому мной доволенъ и сказалъ, что зачислитъ въ свою канцелярію, но просилъ зайти черезъ нѣсколько дней, такъ какъ нѣтъ еще приказа о его назначеніи, а до того онъ не можетъ сдѣлать ничего положительнаго.

М. Н. Муравьевъ привѣтливо отпустилъ меня, но я долго не могъ освободиться отъ того впечатлѣнія, которое онъ на меня произвелъ. Я все припоминалъ свои слова, боясь не сказалъ ли какой-нибудь глупости и вообще чего-нибудь лишняго,—такъ сильно было произведенное имъ на меня впечатлѣніе. Это не было обыкновенное чувство подчиненнаго передъ начальникомъ, ибо я не имѣлъ тогда ни малѣйшаго понятія о служебной зависимости и смотрѣлъ на все взглядомъ свѣтскаго человѣка.

Дня черезъ три, кажется, 4-го мая, я отправился снова на Литейную и снова очутился въ большой пріемной, гдѣ на этотъ разъ было уже болѣе ожидающихъ. Между прочими тутъ находились отставной генералъ-лейтенантъ Энгельгардтъ, назначаемый губернаторомъ въ Ковно, и флигель-адъютантъ полковникъ графъ Бобринскій [1]), только что назначенный наканунѣ губернаторомъ въ Гродно. Въ этотъ разъ мнѣ пришлось ждать подолѣе и я увидѣлъ уже дежурнаго чиновника со спискомъ въ рукахъ. Онъ подходилъ къ каждому и спрашивалъ чинъ и фамилію и тотчасъ записывалъ. Наконецъ двери кабинета растворились и Михаилъ Николаевичъ тѣми же маленькими, но быстрыми шагами вышелъ къ намъ. Графу Бобринскому онъ сказалъ нѣсколько любезныхъ фразъ по французски и поздравилъ его съ назначеніемъ. Затѣмъ быстро обратясь ко мнѣ: „ну, теперь, я уже приказалъ васъ зачислить. Принесите въ канцелярію ваши бумаги и начните заниматься“. Я откланялся. Меня привели по другую сторону парадной лѣстницы въ маленькую комнатку, откуда постоянно выходили и входили какіе-то господа. У окна на креслѣ сидѣлъ извѣстный полковникъ Лебедевъ (бывшій редакторъ „Инвалида“, авторъ многихъ статей, въ томъ числѣ и о тюрьмахъ; имъ написана монографія: „Гр. Петръ и Никита Панины“). Меня подвели къ нему, какъ къ начальнику, и просили любить меня и жаловать.

---

[1]) Нынѣ (1867 г.) министръ путей сообщенія. Авт.

Онъ очень былъ привѣтливъ, много шутилъ и нѣсколько меня пріободрилъ.

Канцелярія была цѣлый день полна народомъ; изъ постоянныхъ чиновниковъ былъ собственно одинъ я. Всѣ прочіе были временные чиновники, прежде служившіе подъ начальствомъ М. Н. Муравьева и взятые лишь для кадра на первые дни. Тутъ сочинялись предписанія о введеніи военнаго положенія во всѣхъ губерніяхъ и уѣздахъ Сѣверо-Западнаго края, объ устройствѣ сельскихъ карауловъ, объ учрежденіи разныхъ слѣдственныхъ коммисій. Дня черезъ три стали являться разные чиновники, все по два, командированные изъ разныхъ министерствъ. Такимъ образомъ насъ оказалось 10 или 12 человѣкъ. Писарей вовсе не было, на подобіе дипломатической канцеляріи. Дѣйствительно, всѣ бумаги здѣсь составляли важныя въ то время тайны; занимались и утромъ, и послѣ обѣда отъ 8 часовъ до поздней ночи. Дня за два до отъѣзда, уже часу въ 11-мъ вечера, велѣно было написать какую-то длинную инструкцію въ 10-ти экземплярахъ, такъ что пришлось всѣмъ писать подъ диктовку одного, чтобы поспѣть къ утру. Удовольствіе это продолжалось до 3-го часа ночи.

Однажды мнѣ пришлось быть дежурнымъ у генералъ-губернатора за отсутствіемъ адъютанта. Въ числѣ представлявшихся былъ виленскій губернскій предводитель дворянства, впослѣдствіи столь извѣстный, Домейко. Онъ просился въ отпускъ за границу; но генералъ-губернаторъ приказалъ ему немедленно отправиться къ мѣсту служенія, такъ такъ въ такое бурное время всѣ должны быть на своихъ мѣстахъ. Послѣ 2-хъ часовъ его посѣщали министры и иныя высшія лица; вечеромъ—чиновники, отправлявшіеся въ край передовыми. Отсюда такимъ образомъ былъ назначенъ въ Могилевскую губернію командующимъ войсками кн. Яшвиль, бывшій командиръ лейбъ-гусарскаго полка.

За два дня до отъѣзда, я увидѣлъ въ пріемной новое лицо съ бумагами: мнѣ сказали, что это камеръ-юнкеръ Рачинскій, начальникъ походной канцеляріи, т. е. и моей. Онъ только что принялъ должность отъ полковника Лебедева [1]). Перемѣна эта

[1]) Полковникъ П. С. Лебедевъ, оставшись въ Петербургѣ, прибылъ въ край лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Авт.

сдѣлалась съ необыкновенною быстротою, даже незамѣтно для самихъ дѣйствующихъ лицъ.

Генералъ-губернаторъ нѣсколько разъ ѣздилъ къ государю съ докладами; но намъ еще не назначали дня отъѣзда, опасаясь огласить его, чтобы поляки, узнавъ о томъ, не повредили желѣзной дороги. Наконецъ 12-го мая, въ воскресенье, намъ было объявлено, что отъѣздъ назначенъ въ этотъ же день вечеромъ въ 10 часовъ.

Генералъ-губернаторъ ѣхалъ въ особомъ вагонѣ съ адъютантомъ и генералами Соболевскимъ и Лошкаревымъ. Перваго я уже видѣлъ раза два, а послѣдняго лишь утромъ въ день отъѣзда, такъ какъ онъ только наканунѣ прибылъ изъ Москвы. Провожавшихъ генералъ-губернатора было множество: сочувствіе къ нему было большое, на него были устремлены всѣ взоры, на него всѣ надѣялись.

Въ одномъ поѣздѣ съ нами ѣхали еще два офицера генеральнаго штаба, назначенные въ его распоряженіе, и другія второстепенныя лица, поступившія на службу въ Сѣверо-Западный край.

Такимъ образомъ мы отправились въ Вильну 12-го мая 1863 г. въ 10 часовъ вечера. Генералъ-губернаторъ долженъ былъ на другой день рано утромъ остановиться въ Динабургѣ и съ нимъ изъ канцеляріи человѣкъ 6. Прочіе же, въ томъ числѣ и я, должны были прямо ѣхать въ Вильну и явиться тамъ за приказаніями.

Я сказалъ, что мы выѣхали въ воскресенье 12-го числа ввечеру, а потому и прибыли въ Динабургъ на слѣдующій день рано утромъ часу въ 7-мъ. Здѣсь задній вагонъ, гдѣ находился генералъ-губернаторъ, былъ отдѣленъ и съ прицѣпленнымъ къ нему паровозомъ отправился заднимъ ходомъ чрезъ боковую линію въ самую крѣпость Динабургъ, которая въ полутора верстѣ отъ станціи и куда проведены рельсы. Въ Динабургѣ генералъ-губернаторъ сказалъ сильную рѣчь представителямъ дворянства, принялъ рѣшительныя мѣры къ оборонѣ крѣпости на случай покушенія мятежниковъ и конфирмовалъ графа Плятера, уже приговореннаго военнымъ судомъ къ разстрѣлянію. Эта казнь была первая съ прибытія нашего въ край и произошла дня черезъ четыре по пріѣздѣ нашемъ въ Вильну.

Весь слѣдующій день пути я провелъ съ полковникомъ Павловымъ, начальникомъ политической канцеляріи въ Вильнѣ, прибывшимъ въ Петербургъ тотчасъ по назначеніи Муравьева съ порученіемъ отъ бывшаго генералъ-губернатора, остававшагося въ Вильнѣ. Онъ разсказывалъ мнѣ вещи, о которыхъ я, да и всѣ петербургскіе, не имѣли ни малѣйшаго понятія, и вещи весьма важныя о западномъ краѣ. Онъ знакомилъ меня вкратцѣ съ исторіей управленія тѣмъ краемъ послѣ мятежа 1831 г., съ личностями правителей и главныхъ при нихъ дѣятелей. Между прочимъ онъ разсказалъ въ подробности о разбитіи шайки Сѣраковскаго въ Поневѣжскомъ уѣздѣ Ковенской губерніи и о взятіи его въ плѣнъ генераломъ Ганецкимъ съ Финляндскимъ полкомъ. Молодецкое дѣло при Медейкѣ происходило, сколько помню, три дня, около 25-го апрѣля. Сѣраковскій, капитанъ генеральнаго штаба, извѣстный своими статьями объ уголовныхъ наказаніяхъ, отправлялся въ мартѣ мѣсяцѣ 1863 г. за границу, кажется, даже съ казеннымъ порученіемъ. Онъ оставался довольно долго въ Вильнѣ, всѣхъ посѣщалъ, всѣ его благосклонно принимали, а въ началѣ апрѣля онъ поѣхалъ далѣе. Но изъ Ковно повернулъ въ Вилькомірскій уѣздъ, гдѣ въ самое короткое время образовалъ шайку до 800 чел. Онъ шелъ безпрепятственно чрезъ Поневѣжскій уѣздъ и намѣревался вторгнуться съ 10,000 чел. польскаго войска въ Курляндію, гдѣ полагалъ поднять все населеніе. Безъ сомнѣнія, это былъ бредъ его фантазіи, въ который однако польская часть населенія слѣпо вѣрила. Дѣйствительно, онъ присоединилъ къ своему отряду шайку Колышки въ 400 человѣкъ и ожидалъ шедшую къ нему на соединеніе колонну или толпу, человѣкъ въ 600, ксендза Мацкевича, впослѣдствіи столь извѣстнаго упорными партизанскими дѣйствіями. Высланный изъ Вильны отрядъ генерала Ганецкаго, съ частью Финляндскаго полка, перерѣзалъ путь Сѣраковскому. Въ первый день дѣло ограничилось перестрѣлкой, на второй шайка его была совершенно разбита, самъ онъ раненъ пулей въ спину и укрылся съ Колышко, адъютантомъ своимъ Косаковскимъ, докторами и еще нѣсколькими лицами изъ свиты на сосѣдней мызѣ. Въ этотъ же день ксендзъ Мацкевичъ, уже подходившій съ своею шайкою къ мѣсту боя, услыхавъ сильный огонь, счелъ за благо удалиться и оставить своихъ товарищей. Съ тѣхъ поръ съ перемѣннымъ успѣхомъ онъ

бродилъ по всей Жмуди до декабря мѣсяца 1863 г. и, неоднократно разбиваемый, долго ускользалъ отъ преслѣдованія.

На третій день боя были разсѣяны отдѣльныя части этихъ большихъ шаекъ, а самъ Сѣраковскій съ Колышко и штабомъ захвачены на мызѣ поручикомъ Вангасомъ и доставлены въ Вильну. Здѣсь Сѣраковскій содержался въ госпиталѣ Св. Якова, страдая раною и упорствуя въ показаніяхъ подъ предлогомъ болѣзни, видимо однако проходившей.

Мы пріѣхали въ Вильну ввечеру 13-го мая. Всюду слышался еврейскій говоръ и крикъ. Прежде всего насъ поразили необыкновенно узкія улицы, которыя при вечернемъ слабомъ освѣщеніи казались еще ўже. Мнѣ все представлялось, что если попадется на встрѣчу экипажъ, то мы столкнемся; въ бо̀льшей части улицъ двумъ экипажамъ только и можно, что разъѣхаться. Многіе изъ насъ остановились въ прекрасной, лишь съ 1-го мая открытой, гостинницѣ „Европа", сдѣлавшейся въ скоромъ времени какъ-бы клубомъ вновь прибывающаго русскаго общества. Тамъ я нашелъ прекрасный, чистый номеръ со всѣми удобствами, ярко освѣщенную столовую и хорошій ужинъ. Въ нее сошли тотчасъ же и офицеры генеральнаго штаба, о которыхъ я уже упоминалъ, и многіе другіе чиновники; здѣсь и завязалось наше общее сближеніе.

II.

Первыя впечатлѣнія, производимыя Вильной.—Городъ и окрестности.—Прибытіе ген. Муравьева въ Вильну.—Общій пріемъ.—Пріемъ православнаго духовенства.—Пріемъ римско-католическаго духовенства.—Первые дни и главные сотрудники генералъ-губернатора.—Распредѣленіе привезенныхъ чиновниковъ.—Дѣла политическаго отдѣленія.—Небольшой кружокъ русскихъ, собиравшихся въ Европейской гостинницѣ.—Первыя казни.—Воспрещеніе траура.—Полицейскія мѣры.—Казнь Колышко и Сѣраковскаго.—Перемѣна характера въ преслѣдов. мятежниковъ.—Ссылка еписк. Красинскаго въ Вятку.

Во время прогулки моей по городу, я увидѣлъ впервые общій трауръ; вообще въ городѣ царило какое-то молчаніе, замѣтно было тревожное ожиданіе жителей; никто не зналъ, что-то будетъ завтра, что̀ скажетъ новый начальникъ края.

Къ 4-мъ часамъ прибылъ по желѣзной дорогѣ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ и прямо отправился во „дворецъ", гдѣ

былъ привѣтливо принятъ генералъ-адъютантомъ Назимовымъ, у котораго и обѣдалъ со всѣмъ своимъ штабомъ. Михаилъ Николаевичъ пріѣхалъ безъ семьи и остановился во дворцѣ на верху, гдѣ были почти однѣ парадныя комнаты и церковь; изъ жилыхъ же тутъ были только небольшой кабинетъ, спальня и уборная для генералъ-губернатора, да еще одна большая комната у самаго входа для секретаря. Въ этотъ день я не видѣлъ генералъ-губернатора. Онъ призвалъ къ себѣ правителя канцеляріи и долго съ нимъ бесѣдовалъ и диктовалъ приближеннымъ разныя депеши и инструкціи.

На слѣдующій день, 15-го мая, рано утромъ, всѣ власти и представители всѣхъ сословій собрались въ большой залѣ генералъ-губернаторскаго дворца. Когда я подходилъ къ нему ранѣе другихъ, изъ воротъ выѣхала карета, окруженная 4-мя казаками. Въ ней сидѣли новый и бывшій генералъ-губернаторы, они отправлялись къ митрополиту и въ православный соборъ.

Во дворцѣ собрались уже всѣ наши пріѣзжіе. Рядомъ съ пріемной залой была другая, гдѣ устроилась походная канцелярія. Стѣны этой комнаты были пусты; по срединѣ стояли два огромныхъ стола, вокругъ которыхъ уже расположились чиновники съ бумагами; тутъ же стояли двѣ желѣзныя кровати, на полу валялись чемоданы, словомъ, все было по походному; посторонніе сюда не приходили, а состоящіе при генералъ-губернаторѣ знакомились здѣсь между собою. Черезъ часъ времени возвратился генералъ-губернаторъ и въ залахъ все заколыхалось и пронесся гулъ. Наконецъ онъ появился изъ внутреннихъ комнатъ и все стихло. Онъ ласково привѣтствовалъ военныхъ и гвардію, собравшихся въ большой гостинной рядомъ съ залою, и передалъ имъ благодарность Государя. Пройдя въ залъ и обратясь къ гражданскимъ чинамъ, изъ коихъ бòльшая часть были поляки, онъ строго напомнилъ имъ ихъ обязанности, высказалъ свой взглядъ на управленіе и требовалъ, чтобы всѣ лица, несогласныя съ его взглядомъ на дѣло, немедленно выходили въ отставку. Желающихъ, безъ сомнѣнія, не оказалось. Римско-католическое духовенство на этотъ разъ было оставлено безъ всякаго вниманія; дворянство недовѣрчиво его слушало, какъ бы выражая сомнѣніе въ успѣхѣ его дѣла; еврейское общество являло неописанную радость, что было слишкомъ неестественно.

Общее впечатлѣніе, произведенное генералъ-губернаторомъ, было самое сильное. Всѣ увидѣли предъ собой человѣка твердаго и проницательнаго; тутъ уже не приходилось шутить и надо было переходить въ тотъ или другой лагерь; но всѣ еще ждали за словами дѣйствій и онѣ не заставили себя долго ждать.

По уходѣ представлявшихся, посѣтилъ генералъ-губернатора высокопреосвященный Іосифъ, митрополитъ литовскій, остававшійся въ особой комнатѣ около получасу; вслѣдъ за отъѣздомъ его, принято было въ особой аудіенціи высшее православное духовенство. Генералъ-губернаторъ много говорилъ о значеніи его въ этомъ краѣ, ободрилъ его и обѣщалъ во всемъ содѣйствіе и огражденіе, требуя въ свою очередь усиленной дѣятельности и полнаго самоотверженія. Затѣмъ все утро прошло въ пріемахъ разныхъ высшихъ лицъ, въ ознакомленіи съ ними. Аудіенціи продолжались до 5-ти часовъ. Вечеромъ канцелярія работала до 2-хъ час. ночи, а въ городѣ говорили о новомъ генералъ-губернаторѣ.

На слѣдующій день было принято Михаиломъ Николаевичемъ римско-католическое духовенство, во главѣ котораго стоялъ виленскій епископъ Красинскій, отличавшійся особеннымъ нерасположеніемъ къ правительству и полнымъ сочувствіемъ къ мятежу. Епископъ чрезвычайно много говорилъ, смѣялся надъ мятежемъ и называлъ усмиреніе его охотой за повстанцами. Генералъ-губернаторъ строго ему замѣтилъ неточность его выраженій и объяснилъ ему необходимость, чтобы римско-католическое духовенство, пользующееся такимъ огромнымъ вліяніемъ въ краѣ, подало примѣръ преданности законному правительству и чтобы онъ, стоящій во главѣ духовенства, принялъ чрезвычайныя мѣры къ удержанію его отъ мятежа и къ увѣщанію римско-католической паствы своей. На это епископъ улыбнулся и высказалъ, что онъ не можетъ унять неудовольствій, охватившихъ край, но что подчиненное ему духовенство вполнѣ благонадежно; тогда генералъ-губернаторъ нашелся вынужденнымъ представить ему нѣсколько случаевъ, совершенно несогласныхъ съ этимъ заявленіемъ, и напомнить, что политическія тюрьмы не напрасно наполнены ксендзами.

— „Я не могу ручаться ни за чьи убѣжденія“, возражалъ епископъ.

„Но вы должны отвѣчать за вашихъ подчиненныхъ“.

При этомъ генералъ-губернаторъ указалъ на прелата Бовке-

вича, котораго онъ зналъ еще 30 лѣтъ тому назадъ въ Гроднѣ, и высказалъ свое убѣжденіе въ томъ, что есть люди, не принимавшіе, подобно ему, участія въ мятежѣ, но что, конечно, такихъ между р. к. духовными можно пересчитать. Римско-католическое духовенство вышло отъ генералъ-губернатора съ твердымъ намѣреніемъ упорствовать; но слова новаго начальника произвели уже свое дѣйствіе на умы нѣкоторыхъ изъ второстепенныхъ представителей этого сословія.

Нѣсколько первыхъ дней прошли въ лихорадочной дѣятельности. Въ это время неутомимо занимался генералъ Лашкаревъ, докладывавшій всѣ поступавшія бумаги въ качествѣ главнаго правителя дѣлъ (онъ занялъ во дворцѣ большую комнату близь залы, о которой я упоминалъ). Генералъ Соболевскій писалъ инструкціи для устройства сельскихъ карауловъ, вооруженной стражи Рѣжицкихъ старообрядцевъ, ѣздилъ безпрестанно въ Динабургъ. Кавалергардскаго полка ротмистръ кн. Шаховской принялъ въ свое вѣдѣніе тайную полицію, обыски, городъ вообще. Аудиторъ Неѣловъ разсматривалъ залежавшіяся безъ конфирмацій слѣдственныя и военно-судныя дѣла; въ канцеляріи уже не было мѣста, насъ было до 12-ти чиновниковъ, прибавили еще писарей— всѣ тутъ занимались. Наконецъ черезъ нѣсколько дней сдѣлано было намъ распредѣленіе: въ особой канцеляріи оставили двухъ только чиновниковъ, остальныхъ же отправили въ общую (постоянную) канцелярію, а меня съ тремя какими-то господами въ политическое отдѣленіе, подъ начальство полковника Павлова, ѣхавшаго со мной по желѣзной дорогѣ.

Я сталъ по порядку перечитывать всѣ дѣла отдѣленія съ 1861 г. Каждое, почти, дѣло раскрывало передо мной новый міръ. Польская интрига представлялась въ самыхъ разнообразныхъ и причудливыхъ формахъ. Такъ, между прочимъ, были слѣдующія замѣчательныя дѣла: 1) о дворянскихъ выборахъ въ Минской губерніи, 2) о графѣ Старжинскомъ (гродненскомъ предводителѣ дворянства) и 3) о безпорядкахъ въ губерніяхъ. Послѣднее состояло изъ донесеній, которыя, начиная съ 1861 г., стали получаться отъ исправниковъ, жандармскихъ офицеровъ и губернаторовъ о революціонныхъ проявленіяхъ въ разныхъ мѣстностяхъ; донесенія эти по каждой губерніи сшивались особо и составляютъ любопытные документы; вы видите, какъ туча растетъ,

какъ она приближается, вамъ чуется что-то недоброе, и вотъ вдругъ разомъ посыпались отвсюду грозныя вѣсти: тамъ грабежъ, тамъ повѣсили священника, тамъ неистовствуетъ огромное скопище мятежниковъ... рядъ донесеній прекращается и по каждому изъ нихъ возбуждается особое важное дѣло.

Черезъ недѣлю мнѣ было поручено одно занятіе: составить краткое извлеченіе изъ донесеній о разныхъ убійствахъ, совершенныхъ мятежниками.

Выписка заключала первоначально 32 жертвы; но въ теченіе мѣсяца, который я пробылъ въ политическомъ отдѣленіи, списокъ этотъ утроился, а къ осени онъ достигъ громадной цифры шести сотъ (600) жертвъ.

Утро вездѣ проходило тогда за занятіями; обѣдали мы всѣ за общимъ столомъ въ гостинницѣ „Европа", а въ 7 час. всѣ отправлялись въ Ботаническій садъ, гдѣ играла музыка. Мы составили изъ себя небольшой тѣсный кружокъ. Тутъ душою общества сдѣлался Левъ Саввичъ Маковъ (нынѣ, въ 1867 г., директоръ канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ). Онъ былъ присланъ вмѣстѣ съ Влад. Дм. Левшинымъ еще при генералѣ Назимовѣ, въ концѣ марта, для приведенія въ дѣйствіе указовъ 1-го марта, объ обязательномъ выкупѣ въ губерніяхъ Виленской, Ковенской, Гродненской и Минской, и отъ 9-го апрѣля, объ устройствѣ повѣрочныхъ коммисій. Вотъ начало обширной крестьянской реформы во всемъ западномъ краѣ. До мая мѣсяца 1863 г., за разгоравшимся мятежемъ, г. Маковъ былъ лишь зрителемъ картины; съ прибытіемъ новаго генералъ-губернатора онъ сталъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ; я очень съ нимъ тогда сблизился и наслаждался его умною, живою и своеобразною рѣчью; грустно было тогда у каждаго изъ насъ на сердцѣ; онъ оживлялъ насъ и группировалъ вокругъ себя; всѣ въ этомъ обществѣ дѣлались самыми пріятными и добрыми товарищами; всѣ вновь прибывавшіе молодые люди изъ хорошаго общества невольно примыкали къ нашему кружку и такимъ образомъ составилось въ Вильнѣ первое независимое вполнѣ русское общество; впослѣдствіи оно разрослось и распалось на группы; но почти до выѣзда нашего изъ Вильны оставалось въ тѣсномъ сближеніи.

20-го мая, въ 10 часу утра, сидя у себя дома, я былъ пораженъ отдаленнымъ звукомъ барабана и трубы; звукъ этотъ все

приближался и съ нимъ росъ гулъ толпы. Всѣ всполошились и бросились къ окнамъ: по узкой Доминиканской (нынѣ Благовѣщенской) улицѣ приближалась процессія: вели на казнь ксендза Ишору. Впереди ѣхали жандармы и казаки; далѣе окруженный солдатами, бодро шелъ высокій, молодой ксендзъ, пріятной наружности; рожки уныло играли; рядомъ съ осужденнымъ шелъ духовникъ, а за процессіею и вокругъ нея кипѣла необозримая толпа народа. Женщины всѣ еще были въ черномъ и громко рыдали. Поляки не хотѣли вѣрить, что правительство наше рѣшится на казнь и даже самого Ишору увѣрили, говорятъ, въ томъ, что казнь будетъ лишь примѣрная. Но когда раздался залпъ, ужасъ былъ общій. Слышно было, что до 20 т. народу собралось на обширное поле Лукишки, гдѣ это происходило, и на возвышенностяхъ, вокругъ лежащихъ.

Въ этотъ день въ городѣ было мрачно; русскіе и поляки, при встрѣчѣ, косо другъ на друга посматривали. Вина казненнаго состояла въ чтеніи возмутительнаго манифеста народу, собравшемуся въ костелѣ. Подобное чтеніе, какъ впослѣдствіи обнаружилось, происходило почти повсемѣстно въ краѣ, въ одинъ и тотъ же день, кажется 20-го января. Умыселъ и заговоръ были изъ этого ясны; Ишора былъ задержанъ изъ первыхъ и потому на него палъ жребій. Чрезъ 2 дня происходила новая казнь: разстрѣляны были старый ксендзъ Земацкій и молодой шляхтичъ Лясковскій. Я видѣлъ тоже какъ они шли на казнь. Но казнь эта не произвела уже на жителей такого впечатлѣнія, какъ первая.

Въ концѣ мая 1863 г. издано было воспрещеніе носить трауръ и революціонные знаки; за ослушаніе назначенъ былъ штрафъ, и служащіе обязаны за женъ своихъ подписками. Все это было исполнено быстро, полиціи былъ уже данъ толчекъ и въ первое время взыскано было мало штрафовъ—ихъ взыскивалось гораздо болѣе впослѣдствіи, когда, при разныхъ удобныхъ случаяхъ, были дѣланы поляками неудачныя попытки поставить на своемъ. До сихъ поръ презрѣніе къ русской власти было общее; тутъ стало понятно, что борьба трудна.

Одно было стѣснительное условіе для жизни, какъ послѣдствіе военнаго положенія: вечеромъ послѣ 9-ти часовъ всѣ пѣшеходы должны были имѣть при себѣ зажженые фонари, что въ

свѣтлыя іюньскія ночи выходило очень странно. Кромѣ того нельзя было выѣзжать за городскую черту безъ особаго билета. Окрестности Вильны скоро были очищены; лишь только кто-нибудь выходилъ изъ города въ шайку, съ домовладѣльца или хозяина взыскивался штрафъ. Эта мѣра многихъ остановила.

Такъ протекалъ іюнь мѣсяцъ; два событія особенно въ немъ ярки, именно: казнь Колышко, въ началѣ мѣсяца, а черезъ недѣлю казнь Сѣраковскаго. Первый былъ молодой человѣкъ 22 лѣтъ, дворянинъ Лидскаго уѣзда, Виленской губерніи; родители его, кажется, эмигрировали и онъ воспитывался въ Генуэзской польской школѣ (основанной генераломъ Высоцкимъ), гдѣ отличался своими способностями; характера былъ смѣлаго, съ твердою волею, что называется сорви-голова; онъ быстро всталъ во главѣ одной изъ трехъ главныхъ шаекъ, образовавшихся на Жмуди и былъ разбитъ по соединеніи съ отрядомъ Сѣраковскаго. Во время казни онъ выказалъ много твердости. Сѣраковскій же чрезвычайно растерялся, когда ему пришли объявить о предстоящей участи. Онъ все какъ-то надѣялся на прежнія свои заслуги.

Надо замѣтить, что Сѣраковскій былъ сильно раненъ и долго не могли его допрашивать; но когда рана его почти совсѣмъ зажила, онъ отклонялъ допросы подъ предлогомъ чрезмѣрной слабости.

Казнь его совершилась лишь два мѣсяца спустя послѣ его задержанія, между тѣмъ какъ въ преступленіи его не было никакого сомнѣнія, а на допросахъ отвѣты его были самые короткіе и ничего незначущіе; однако и онъ тоже показалъ, что взятъ въ мятежъ силою!

Во время казни онъ выказалъ необыкновенное малодушіе; бранился, кричалъ и даже ударилъ палача. Объ этомъ тогда было писано въ газетахъ. Между тѣмъ уже впослѣдствіи я отыскалъ во французской иллюстраціи того времени его портретъ съ краткою біографіею, въ которой сказано, что онъ, проженный пулею въ грудь, погибъ на полѣ брани за свое отечество.

Въ теченіе іюля мѣсяца 1863 г. принимались дѣятельныя мѣры къ очищенію лѣсовъ отъ мятежниковъ; всякія реляціи о громкихъ баталіяхъ навлекали на начальствующихъ лицъ неудовольствіе генералъ-губернатора, ибо доказывали только плохое ихъ смотрѣніе; поэтому характеръ преслѣдованія шаекъ измѣ-

нился; прежде смотрѣли на это какъ на войну, какъ на экспедиціи противъ горцевъ, съ цѣлью схватить отличія; а на мятежниковъ, надо сознаться, смотрѣли наши офицеры, какъ на воюющую сторону, восторгались ихъ начальниками и одному изъ нихъ за храбрость противъ насъ выхлопотали прощеніе.

Теперь войска должны были преслѣдовать шайки до полнаго истребленія и до совершеннаго водворенія въ извѣстномъ районѣ спокойствія и военно-полицейскаго управленія, согласно инструкціи начальника края, изданной 24 мая. Весь іюнь ее приводили дружно въ исполненіе. Въ уѣзды назначены новые военные начальники съ другимъ, болѣе серьезнымъ, взглядомъ на дѣло. Многіе были назначены изъ гвардіи. Повсюду стали учреждаться сельскіе вооруженные караулы; но можно сказать, что лишь въ іюлѣ 1863 г. жители края нѣсколько вздохнули.

Въ концѣ іюня прибыла изъ Петербурга 1-я гвардейская пѣхотная дивизія (полки: Преображенскій, Семеновскій, Измайловскій и Гатчинскій) на смѣну 2-й дивизіи, а такъ какъ между новоприбывшими офицерами у насъ было болѣе старыхъ товарищей и знакомыхъ, то слѣдующій мѣсяцъ общество наше особенно оживилось. Генералъ-губернаторъ сдѣлалъ смотръ Павловскому и Московскому полкамъ на площадкѣ дворца, передъ возвращеніемъ ихъ въ Петербургъ. Впервые по пріѣздѣ его увидѣли въ народѣ и энтузіазмъ войска былъ огромный.

Къ этому же времени слѣдуетъ отнести еще одно и притомъ важное событіе: высылку епископа Красинскаго въ Вятку.

Послѣ того какъ генералъ-губернаторъ, при личномъ съ нимъ свиданіи, передалъ ему свой взглядъ на возстаніе и требовалъ его содѣйствія, епископъ рѣшился не принимать никакихъ мѣръ, что и сдѣлалось всѣмъ извѣстно; вслѣдствіе этого генералъ-губернаторъ обратился къ нему съ письмомъ, въ которомъ изложилъ весьма категорически обязанности римско-католическаго духовнаго начальства при настоящихъ смутныхъ обстоятельствахъ, прося немедленно принять мѣры къ удержанію какъ духовенства, такъ и паствы отъ мятежа, напоминая въ письмѣ, что согласно 12 § инструкціи для военно-гражданскаго управленія краемъ одинаковой отвѣтственности съ нарушителями порядка подвергаются и тѣ, которые своимъ несмотрѣніемъ тому способствуютъ. Письмо это было въ то же время распубликовано.

Вмѣсто отвѣта епископъ сказался больнымъ и чрезъ прелата Бовкевича на усмотрѣніе генералъ-губернатора былъ представленъ проэктъ увѣщанія къ народу, своею уклончивостью болѣе походившій на революціонное воззваніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ епископъ, желая уклониться отъ отвѣтственности и устрашенный энергическими мѣрами, принимаемыми правительствомъ къ водворенію порядка, испросилъ себѣ увольненіе, вслѣдствіе отчаяннаго будто бы состоянія здоровья, на нѣсколько мѣсяцевъ на кеммернскія минеральныя воды въ Лифляндіи. Получивъ желаемый отпускъ, епископъ, наканунѣ отказывавшійся, по причинѣ болѣзни, принять присланнаго къ нему отъ начальника края гражданскаго губернатора съ требованіемъ передачи управленія епархіею на время отсутствія, вдругъ выздоровѣлъ и сталъ разъѣзжать по городу и легкомысленно высказывать свою радость и свои надежды. Все это немедленно разнеслось и генералъ-губернаторъ рѣшился разъ навсегда удалить его изъ края.

Когда Красинскій отправлялся изъ Вильны, огромная толпа народа тѣснилась вокругъ станціи желѣзной дороги. Въ одинъ поѣздъ съ епископомъ сѣлъ и жандармскій офицеръ, снабженный открытымъ предписаніемъ, бумагами къ разнымъ губернаторамъ и значительными средствами для пути. До Динабурга никто ничего не зналъ, но пріѣхавъ туда (здѣсь пасажиры пересаживаются на линію, идущую въ Ригу), по выходѣ изъ вагоновъ епископа и его свиты (духовникъ, докторъ и двое слугъ), они были встрѣчены мѣстнымъ военнымъ начальникомъ, который между тѣмъ былъ увѣдомленъ по телеграфу, и помянутымъ жандармскимъ офицеромъ, объявившими епископу распоряженіе начальства. Онъ повиновался безъ особаго смущенія и спросилъ только куда его повезутъ; получивъ въ отвѣтъ, что его велѣно доставить во Псковъ, онъ видимо успокоился; одинъ докторъ былъ въ отчаяніи,—онъ вовсе не располагалъ туда удалиться; но приказано было, лишь по пріѣздѣ туда, объявить епископу о дальнѣйшемъ слѣдованіи къ мѣсту назначенія, а спутникамъ его предложить или слѣдовать за нимъ на собственный счетъ, или вернуться въ Вильну. Докторъ, разумѣется, поспѣшилъ воспользоваться этимъ предложеніемъ; остальные отправились далѣе; велѣно было везти епископа въ Новгородъ по шоссе, чтобъ миновать Петербургъ и не останавливаться долго въ Москвѣ. Во всѣ

города, по пути слѣдованія до Вятки, дано было знать губернаторамъ и они принимали мѣры къ скорѣйшему и удобнѣйшему его отправленію; для епископа же окончательное мѣсто ссылки оставалось тайною до Казани.

Вездѣ по пути онъ имѣлъ отдыхъ и для него нанималась карета. Епископъ и до нынѣ (1867 г.) живетъ въ Вяткѣ, гдѣ я его неоднократно впослѣдствіи видѣлъ.

Высылка его произвела сильное впечатлѣніе на все населеніе.

ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ

на вечерней бесѣдѣ въ С.-Петербургѣ 4-го марта 1880 г.

I.

4-го марта 1880 г. провелъ у насъ вечеръ Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Общество собралось небольшое, кружокъ близкихъ знакомыхъ, между ними достоуважаемый профессоръ И. Е. А—скій, Я. М. Н—въ, 70-ти лѣтній старикъ, нѣкогда товарищъ Тургенева по пребыванію и слушанію лекцій въ Берлинскомъ университетѣ въ 1838—1839 гг. [1]), также пѣвецъ, знаменитый артистъ нашъ и общій любимецъ И. А. М*** и нѣкоторые другіе.

Въ этомъ небольшомъ, но весьма пріятномъ обществѣ Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ пробылъ съ половины девятаго часа вечера до часу ночи, держалъ себя, по обыкновенію, чрезвычайно просто, безъ всякаго самовеличанія и тѣхъ выходокъ самолюбія, которыми зачастую отличаются не только звѣзды первой величины въ мірѣ литературномъ и артистическомъ, но и второй, и третьей величины...

Разговоръ былъ въ высшей степени разнообразный, касался и злобы дня, переходя даже въ споръ, преимущественно между

---

[1]) Я. М. Н—въ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ жилъ съ И. С. Тургеневымъ въ одной квартирѣ, въ Берлинѣ, въ зиму 1838—1839 гг., и именно ему, Я. М. Н—ву, Тургеневъ былъ обязанъ тѣмъ, что былъ введенъ въ Берлинѣ, въ весьма интеллигентное общество. Онъ тогда же сблизилъ его съ своими друзьями Станкевичемъ и Грановскимъ, и ввелъ въ домъ къ одной изъ умнѣйшихъ въ то время женщинъ г-жѣ Фроловой, рожденной Галаховой.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что кругъ такихъ людей, каковы Станкевичъ, Грановскій и Невѣровъ въ высшей степени благотворно повліялъ на развитіе юнаго тогда И. С. Тургенева. Ред.

хозяйкою дома и Иваномъ Сергѣевичемъ, и витая въ области воспоминаній, преимущественно изъ жизни Ивана Сергѣевича. Въ эту область онъ обращался съ видимымъ удовольствіемъ.

На другой же день, рано утромъ, 5-го марта, я постарался собрать въ своей памяти разрозненные отрывки вчерашней бесѣды, подъ весьма живымъ впечатлѣніемъ весьма пріятно проведеннаго вечера. Сведены эти отрывки, такъ сказать, въ хронологическомъ порядкѣ, съ опущеніемъ, разумѣется, всѣхъ моихъ и собесѣдниковъ нашихъ вопросовъ, возраженій и замѣчаній, которыя направляли теченіе разговора; стенографу продиктовано все съ наивозможною точностію, почти дословно,—до того отчетливо врѣзалось въ памяти все, что говорилъ дорогой всѣмъ намъ писатель.

II.

Мать моя была женщиною, вполнѣ вливавшеюся въ форму XVIII-го и первыхъ десятилѣтій XIX-го вѣка. Пушкина она едва-едва признавала за замѣчательнаго писателя, но литературу русскую далѣе Пушкина положительно не признавала. Поэтому, хотя она умерла въ 1850 году, т. е. когда я уже лѣтъ семь, какъ дѣятельно участвовалъ въ журналахъ, она не признавала во мнѣ писателя, да и ни одной статьи моей, ни даже „Записокъ Охотника", совершенно не читала.

Ребенокъ я былъ бѣдовый и своими замѣчаніями нерѣдко вызывалъ сильный гнѣвъ моей матушки, ставя ее въ неловкое положеніе.

Какъ теперь помню, шести—семи лѣтнимъ мальчуганомъ я былъ представленъ одному весьма почтенному старцу. Мнѣ сказали, что это сочинитель Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ, и я продекламировалъ предъ нимъ одну изъ его басень. Но представьте себѣ ужасъ и матушки, и окружающихъ, когда я этому достопочтенному старцу прямо въ глаза такъ и брякнулъ:

— „Твои басни хороши, а Ивана Андреевича Крылова гораздо лучше".

Матушка такъ разсердилась, что высѣкла меня и этимъ закрѣпила во мнѣ воспоминаніе о свиданіи и знакомствѣ, первомъ по времени, съ русскимъ писателемъ.

Другой разъ меня повезли къ одной, весьма также почтенной, старухѣ, то была свѣтлѣйшая княгиня Голенищева-Кутузова-Смоленская, Екатерина Ильинишна, рожденная Бибикова, умершая, сколько помню, въ 1824 г. Мнѣ было тогда лѣтъ шесть не больше и когда меня подвели къ этой ветхой старухѣ, по головному убору, по всему виду своему напоминавшей икону какой либо святой самого дурного письма, почернѣвшую отъ времени,—я, вмѣсто благоговѣйнаго почтенія, съ которымъ относились къ старухѣ и моя матушка, и всѣ окружающіе старушку, брякнулъ ей въ лицо: „ты совсѣмъ похожа на обезьяну“.

Крѣпко досталось мнѣ отъ матушки за эту новую выходку.

Гувернеровъ перешло черезъ домъ моего отца весьма изрядное количество, но учителемъ, который меня впервые заинтересовалъ произведеніемъ россійской словесности, былъ дворовый человѣкъ. Онъ нерѣдко уводилъ меня въ садъ и здѣсь читалъ мнѣ,—что-бы вы думали?—„Россіаду“ Хераскова. Каждый стихъ этой поэмы онъ читалъ сначала, такъ сказать, на черно, скороговоркою, а затѣмъ тотъ же стихъ читалъ на бѣло, громогласно, съ необыкновенною восторженностію. Меня чрезвычайно занималъ вопросъ и вызывалъ на размышленія, что значитъ прочитать сначала на черно и каково отлично чтеніе на бѣло, велегласное. Любилъ я слушать „Россіаду“, и для меня было большимъ наслажденіемъ, когда нашъ доморощенный чтецъ-декламаторъ позоветъ меня бывало въ садъ въ сотый разъ вслушиваться въ чтеніе его отрывковъ изъ тяжеловѣснаго произведенія Хераскова.

Съ нѣмецкой литературой познакомилъ насъ одинъ нѣмецъ, очень плохо говорившій по русски.

Живо помню, какъ этотъ чудакъ пріѣхалъ къ намъ съ клѣткою, въ которой сидѣла самая простая, обыкновенная, даже не ученая ворона. Вся многочисленная наша дворня сбѣжалась посмотрѣть на диковиннаго нѣмца, который возился надъ своею вороною; дворня недоумѣвала, для чего нѣмецъ ее притащилъ, когда этого добра было не занимать-стать у насъ на дворѣ.

Старикъ дворовый, глядя на его суетню, флегматически замѣтилъ: „ахъ ты фуфлыга“, обращая эпитетъ, конечно, къ нѣмцу. Нѣмецъ обидѣлся, задумался, а на другой день за завтракомъ или обѣдомъ неожиданно обратился къ отцу моему и, весьма плохо объ-

ясняясь по русски, заявилъ ему, что онъ имѣетъ спросить его по одному предмету:

— „Позвольте у васъ узнать, что значитъ слово фуфлыга? Меня вчера назвалъ вашъ человѣкъ этимъ словомъ?"

Отецъ, взглянувъ на тутъ же бывшаго двороваго и на меня съ братомъ, догадался въ чемъ дѣло, улыбнулся и сказалъ:

— „Это значитъ живой и любезный господинъ".

Видимо, что нѣмецъ не очень-то повѣрилъ этому объясненію. „А если бы вамъ сказали,—продолжалъ онъ, обращаясь къ отцу моему:—ахъ, какой вы фуфлыга!—вы не обидѣлись бы?"

— „Напротивъ, я принялъ бы это за комплиментъ".

Нѣмецъ этотъ былъ очень чувствителенъ. Бывало начнетъ намъ читать что нибудь изъ Шиллера и всегда, съ первыхъ же строкъ, расплачется. Былъ у насъ онъ недолго. Скоро узнали, что онъ не болѣе, какъ сѣдельникъ, никакой педагогической подготовки до пріѣзда къ намъ не имѣлъ—и его уволили.

Къ русскому языку пристрастилъ и познакомилъ насъ нѣкто Дубенскій, въ Москвѣ, довольно извѣстный ученый, писавшій и напечатавшій, между прочимъ, замѣчательное по своему времени изслѣдованіе о „Словѣ о полку Игоревѣ". Онъ пріѣзжалъ къ намъ въ домъ давать мнѣ и брату моему уроки русскаго языка. Пушкина сильно не долюбливалъ, а воспитывалъ насъ на Карамзинѣ, Жуковскомъ, Батюшковѣ. Какъ теперь гляжу на него—и на его красносиній носъ; онъ всегда имѣлъ видъ человѣка подвыпившаго, хотя, быть можетъ, вовсе не былъ пьяницей. Однажды только наставникъ нашъ пропустилъ нѣсколько уроковъ и пріѣхалъ сильно на-веселѣ.

— „Господа—началъ Дубенскій—я пропустилъ эти уроки потому, что женился, а такъ какъ жениться въ жизни приходится почти всегда только одинъ разъ, то я долгомъ счелъ сильно загулять по этому случаю".

Въ раннемъ дѣтствѣ моемъ оставилъ во мнѣ сильное впечатлѣніе одинъ изъ моихъ гувернеровъ, русскихъ, который бывало разсказывалъ мнѣ на память всего „Юрія Милославскаго", какъ говорится, „отъ до доски до доски". Онъ бралъ меня на колѣна и я съ необыкновеннымъ увлеченіемъ вслушивался въ его разсказъ и почти отъ слова до слова въ состояніи былъ потомъ его повторить.

Достойно однако вниманія, что личность автора этого романа,

Михаила Николаевича Загоскина, ни малѣйшимъ образомъ не заинтересовала меня; и въ моемъ дѣтскомъ понятіи то было нѣчто совершенно особое: романъ самъ по себѣ, а Загоскинъ—какъ нѣчто ему совершенно чуждое и далеко неинтересное явленіе.

Весьма вѣроятно, что этому впечатлѣнію способствовала фигура, манера себя держать и рѣчь Михаила Николаевича Загоскина. Онъ посѣщалъ моего отца довольно часто. Это былъ приземистый, толстенькій человѣчекъ, нѣсколько сутуловатый, съ какимъ-то квадратнымъ лицомъ, съ большими очками на носу, закрытыми какъ то стеклами съ боковъ. Любилъ весьма говорить по французски, но говорилъ очень плохо, съ большими ошибками. О романахъ его, о литературной дѣятельности не слышалъ я отъ него ни полслова, а говорилъ онъ то о своей силѣ физической, то о томъ, какъ въ него влюбляются женщины и какъ онъ ими интересуется.

Другихъ русскихъ писателей въ домѣ отца моего я что-то не припомню, и вообще русская словесность у моихъ родителей была вовсе не признаваема.

III.

Въ концѣ 1830-хъ годовъ—матушка, уже тогда бывшая вдовою, послала меня за границу. Въ менторы или дядьки ко мнѣ былъ приставленъ одинъ изъ нашихъ дворовыхъ, бывшій у насъ фельдшеромъ. Съ нимъ я явился въ Берлинъ и тутъ только убѣдился, какую обузу мнѣ навязали въ этомъ служителѣ, при совершенномъ его незнаніи нѣмецкаго языка.

Сколько припомню, я, не смотря на свои 21—22 года, былъ еще совсѣмъ мальчуганъ. Судите сами: то я читалъ Гегеля и изучалъ философію, то я со своимъ дядькой забавлялся—и чѣмъ бы вы думали?—воспитаніемъ собаки, случайно мнѣ доставшейся. Съ собакой этой возня у меня была пребольшая: притравили мы ее къ крысамъ. Какъ только бывало скажутъ намъ, что достали крысу, я сію же минуту бросаю и Гегеля, и всю философію въ сторону и бѣгу съ дядькой и съ своимъ псомъ на охоту за крысами. Впрочемъ, съ дядькой я жилъ полнымъ пріятелемъ, и бывало строчилъ ему на нѣмецкомъ языкѣ любовныя письма къ его возлюбленной.

Отправились мы потомъ съ нимъ въ Швейцарію, и всюду онъ поражалъ меня необыкновеннымъ своимъ апетитомъ. Для наполненія русскаго желудка всегда оказывалось необходимымъ подавать вмѣсто одного—два обѣда. Въ Швейцаріи я его оставилъ въ одномъ городкѣ, а самъ купилъ себѣ блузу, ранецъ, палку, взялъ карту и отправился пѣшкомъ въ горы, не нанявъ себѣ даже гида. Это впрочемъ, привело къ тому, что путешествіе мое обошлось весьма и весьма не дорого и было не въ примѣръ пріятнѣе.

Въ Швейцаріи обыкновенно всѣ интересныя мѣста ограждены загородками и чтобы пройти за нихъ надо всегда что нибудь платить, а такъ какъ я представлялъ изъ себя простого пѣшехода, а не иностраннаго туриста, то меня всюду пропускали безплатно. Въ гостинницахъ, въ то время, какъ на верху какой-нибудь англичанинъ платилъ за обѣдъ вдвое и втрое дороже, я ѣлъ внизу то же самое, но за какой-нибудь одинъ или полтора франка, при чемъ подавали мнѣ обѣдъ скорѣе, чѣмъ богачу-англичанину.

По прошествіи нѣкотораго времени я возвращался къ своему дядькѣ и всякій разъ замѣчалъ, что мой менторъ необыкновенно сильно толстѣетъ. Онъ тогда уже немножко пообвыкся съ нѣмецкимъ языкомъ, и горевалъ только объ одномъ, что въ сильно холодной и быстрой рѣкѣ ему нельзя было купаться.

Поплелись мы, наконецъ, обратно въ Россію.

Я уже былъ кандидатъ университета, и выдержалъ экзаменъ въ Петербургскомъ университетѣ по философскому факультету; желалъ держать экзаменъ на магистра философіи въ Москвѣ, но тамъ, по этому предмету, некому было экзаменовать, такъ какъ уже не было каѳедры философіи. Экзаменаторомъ въ Петербургѣ былъ извѣстный старикъ Фишеръ. Тогда у меня бродили планы сдѣлаться педагогомъ, профессоромъ, ученымъ. Но вскорѣ я познакомился съ Виссаріономъ Григорьевичемъ Бѣлинскимъ, съ Иваномъ Ивановичемъ Панаевымъ, началъ писать стихи, а затѣмъ прозу, и вся философія, а также мечты и планы о педагогикѣ оставлены были въ сторонѣ: я всецѣло отдался русской литературѣ [1]).

---

[1]) Ив. Сергѣевичъ Тургеневъ, какъ видно изъ „Исторіи Спб. университета“ В. В. Григорьева, изд. 1870 г., прилож. стр. LXXIV и LXXV, окончилъ курсъ въ этомъ университетѣ въ 1836 году, по 1-му отдѣленію философскаго факультета — дѣйствительнымъ студентомъ; но уже въ

Кажется въ 1846 г. я вторично уѣхалъ за границу, пробылъ тамъ до 1849 или 1850 г. Реакція въ Россіи въ это время сдѣлалась до того сильна, что я колебался возвратиться въ отечество, и уже задумался о томъ, какъ бы сдѣлаться совсѣмъ политическимъ эмигрантомъ; но, слава Богу, устоялъ противъ этого искушенія и какъ въ свое время благоразумно и умно отказался отъ философіи и ученой педагогической дѣятельности, совершенно ко мнѣ не подходившей, такъ въ 1850 году оставилъ въ сторонѣ думы сдѣлаться политическимъ дѣятелемъ, что было бы равносильно моей погибели, и для каковой дѣятельности я вовсе не былъ способенъ.

Въ 1850 г. я вернулся въ Россію, и вотъ тутъ вскорѣ (въ 1852 г.) послѣдовалъ мой арестъ за статью о смерти Гоголя, арестъ въ Спасской части въ Петербургѣ (на Офицерской улицѣ [1]), моя высылка изъ Петербурга и т. д. и т. д.

Послѣднія двадцать лѣтъ я почти все время провелъ и провожу за границей. Такова судьба, выпавшая на мою долю.

Я люблю семейство, семейную жизнь, но судьба не послала мнѣ собственнаго моего семейства и я прикрѣпился, вошелъ въ составъ чуждой семьи, и случайно выпало, что это семья француз-

---

слѣдующемъ, 1837 году, Иванъ Сергѣевичъ выдержалъ экзаменъ на кандидата.

Кстати отмѣтимъ, что въ 1843—1845 гг. И. С. Тургеневъ, безъ сомнѣнія, по требованію своей матери, состоялъ на дѣйствительной службѣ. Служба эта была – чиновникомъ особыхъ порученій въ канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ у Л. А. Перовскаго. Здѣсь было трое чиновниковъ сего званія: Владиміръ Ивановичъ Даль, Александръ Васильевичъ Головнинъ и Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Самая тѣсная дружба соединяла трехъ сослуживцевъ-товарищей. Тургеневъ являлся на службу даже лѣтомъ, изъ Павловска, весьма акуратно, но вовсе не занимался ею, а обыкновенно читалъ массу романовъ, исключительно французскихъ, которые тутъ же въ канцеляріи, въ столѣ, у него и валялись. Чуть, бывало, его товарищи освободятся отъ дѣла, у нихъ завязывались споры и разсужденія, преимущественно о русскомъ языкѣ. Тургеневъ былъ собесѣдникъ прелестный; тутъ же въ канцеляріи писалъ онъ стихи и одна изъ первыхъ его повѣстей, въ стихахъ же, „Параша" была написана именно въ канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ. Достойно вниманія, что изъ канцеляріи другого министра, именно министра военнаго, почти въ тѣ же годы, къ концѣ 1840-хъ гг., вышелъ другой знаменитый русскій писатель—Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ.

Почти одновременно И. С. Тургеневъ оставилъ С.-Петербургъ, уѣхавши во второй разъ за границу, а М. Е. Салтыковъ отправился въ Вятку.

Ред.

[1]) Нынѣ часть Казанская.

ская. Съ давнихъ поръ моя жизнь переплелась съ жизнью этой семьи (артистки Віардо Гарсіа). Тамъ на меня смотрятъ не какъ на литератора, а какъ на человѣка, и среди ея мнѣ спокойно и тепло. Перемѣняетъ она мѣсто жительства—и я съ нею; отправляется она въ Лондонъ, Баденъ, Парижъ—и я переношу свое мѣстопребываніе вмѣстѣ съ нею.

Встаю рано; утромъ занятія, посѣщенія меня друзьями, знакомыми и незнакомыми. Обѣдъ у моихъ хозяевъ въ семьѣ; послѣ обѣда соединяемся предъ каминомъ. Я, подъ предлогомъ размышленія, просто засыпаю и нерѣдко просыпаюсь подъ звуки какого-нибудь дуэта или квартета — семейство, къ которому я принадлежу, какъ вамъ извѣстно,—весьма музыкальное.

И вотъ весь вечеръ проводится въ томъ, что я упиваюсь прелестными звуками отличной музыки.

IV.

Жизнь моя въ моемъ Парижѣ, „у себя въ Парижѣ", какъ вы называете, проходитъ чрезвычайно уединенно, почти отшельнически. Каждый представляетъ себѣ, что тамъ, въ Парижѣ, чуть не каждый вечеръ приходится бывать въ театрѣ. Ничуть не бывало: три, четыре раза въ годъ я посѣщаю театръ.

Вотъ сколько лѣтъ я живу въ Парижѣ, а между тѣмъ не знаю внутренняго помѣщенія рѣшительно ни одной редакціи французскаго изданія.

У писателей французскихъ я былъ: раза три, четыре, не болѣе, у Эмиля Зола, разъ или два у Виктора Гюго, разъ или два у Альфонса Доде; но у кого я бывалъ дѣйствительно часто, потому что чувствовалъ къ нему самую искреннюю симпатію, это у Флобера, но именно симпатію не столько какъ къ писателю, а какъ къ человѣку.

Эмиль Зола, который теперь такъ извѣстенъ въ Россіи, человѣкъ, безспорно, умный, еще того болѣе человѣкъ весьма талантливый, но, прямо сказать, человѣкъ мало знающій, какъ и большинство образованныхъ французовъ; далѣе французской литературы онъ не знаетъ, да и не желаетъ ничего знать. Не говорю уже, конечно, о русской словесности, но англійская, да и нѣмецкая вовсе неизвѣстны Эмилю Зола.

Что касается до Виктора Гюго, то это монументальный дубъ, это дѣйствительно дивное воплощеніе французскаго генія, а, между тѣмъ, и его знанія въ иностранныхъ литературахъ самыя младенческія. Такъ, напр., въ первомъ же разговорѣ со мною о Гёте Гюго сказалъ, что—„ровно ничего не видитъ въ сочиненіяхъ Гёте особеннаго, а что трагедія: лагерь Валенштейна ему, Гюго, вовсе даже не понравилась".

Когда я ему замѣтилъ: „maître (учитель), лагерь Валленштейна написанъ не Гёте, а Шиллеромъ",—„Ну, это все равно", отвѣчалъ мнѣ Гюго: „Шиллеръ или Гёте—это одного поля ягоды; но, повѣрьте мнѣ, что я, не читавши, знаю, что могъ сказать и сказалъ Гёте, или что могъ написать Шиллеръ!"

Если такъ легкомысленно относится къ иностранной литературѣ „первоучитель", самый сильный геній изъ французскихъ писателей, то легко себѣ представить, каково развитіе въ этомъ отношеніи у другихъ, болѣе второстепенныхъ, французскихъ писателей.

Зола, повторяю, дѣйствительно человѣкъ талантливый, но какъ французъ и что требуется отъ каждаго изъ нихъ—онъ создалъ себѣ своего собственнаго конька: это служеніе натуральной школѣ, имъ весьма своеобразно понимаемой. И этому коньку, какъ это часто и бываетъ, онъ считаетъ долгомъ служить совершенно рабски.

Послѣдній романъ Зола (1880 г.) „Нана", безспорно, имѣетъ большой успѣхъ, но это, по отзывамъ лицъ, вполнѣ компетентныхъ, успѣхъ скорѣе скандала, нежели художественнаго произведенія, и онъ значительно ниже по достоинству предъидущихъ романовъ того же писателя.

Разубѣдить въ чемъ нибудь французское общество и представителей его, разсѣять въ немъ то или другое предубѣжденіе, какъ напр. къ нашему отечеству, къ Россіи и русскому народу, а также къ нашимъ порядкамъ, къ нашей литературѣ, къ нашимъ нравамъ и обычаямъ,—дѣло невозможное, да, повѣрьте, и не стоитъ труда! Я бы скорѣе отсѣкъ себѣ руку, чѣмъ бросился бы писать съ этою цѣлію, вымаливая у французовъ, какъ нищій: „посмотрите-де у насъ на Руси то̀ или другое вполнѣ хорошо!"

Начиная съ того, что подобнымъ пріемомъ расписыванія и

расхваливанія ничего не достигнешь. Представьте себѣ, что я бы говорилъ, что вотъ у насъ и то и то въ литературѣ хорошо, и то и то въ музыкѣ прелестно, и то и то въ художествѣ и искусствѣ необыкновенно. Мнѣ бы прежде всего не повѣрили.

„Дайте намъ послушать эту музыку, покажите эти художественныя произведенія и дайте намъ случай прочесть ваши произведенія словесности",—вотъ что̀ мнѣ сказали бы французы на мои всѣ распинанія.

Вотъ Вас. Вас. Верещагинъ,—тотъ поступилъ, да и продолжаетъ поступать какъ слѣдуетъ. Онъ создалъ рядъ необыкновенно мастерскихъ произведеній, выставилъ ихъ въ Парижѣ, заставилъ сбѣжаться къ себѣ весь Парижъ! Парижъ видѣлъ его произведенія, говорилъ и писалъ о нихъ, и много и искренно восторгался.

Еще Гегель сказалъ: „создайте что-нибудь великое въ духѣ вашего народа, хотя бы совершенно исключительно только того народа, которому вы принадлежите; пусть это созданіе будетъ воплощеніемъ всего прелестнаго, что заключается въ вашемъ народѣ, и уже по одной своей исключительности и народности, созданное вами дѣлается достояніемъ всего цивилизованнаго міра".

Русская литература, русское искусство, русское художество, по моему крайнему разумѣнію, до сихъ поръ еще ничего подобнаго не создали. Если же таковое будетъ создано, что несомнѣнно, то, повѣрьте, оно безъ всякаго зазыванья въ нашу лавочку, безъ всякаго распинанья за русскую литературу, русскія художества и искусства, само разсѣетъ тѣ или другія противъ насъ предубѣжденія, сдѣлается всеобщимъ достояніемъ, достояніемъ всего цивилизованнаго міра.

V.

Вы спрашиваете, проникло-ли во французское общество и сдѣлался-ли ему извѣстенъ романъ гр. Льва Толстаго „Война и миръ"?

Сочиненіе это, дѣйствительно, переведено и переведено вполнѣ хорошо на французскій языкъ одною личностью здѣшняго высшаго круга; но оно напечатано, къ сожалѣнію, въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ. Переводчица обратилась къ извѣстному издателю въ Парижѣ—Гашету, чтобы тотъ позволилъ поставить его издательскую фирму на этомъ изданіи. Это сдѣлано было, конечно,

хорошо; но затѣмъ Гашетъ указалъ переводчицѣ на необходимость, съ цѣлію „сдѣлать успѣхъ изданію", распорядиться такъ, какъ обыкновенно распоряжаются во Франціи съ прочими книгами: экземпляровъ полтораста надо разослать въ разныя газеты, журналы и обозрѣнія; нѣсколько десятковъ—развезти болѣе извѣстнымъ критикамъ, затѣмъ до 2 т. франковъ израсходовать на объявленія на послѣдней страницѣ крупнымъ шрифтомъ въ болѣе распространенныхъ газетахъ и 40% уступки сдѣлать книгопродавцу-издателю. Все это самые обычные пріемы издательскаго дѣла во Франціи и только при выполненіи ихъ, при весьма точномъ выполненіи, дѣлается успѣхъ.

Переводчица романа „Война и миръ" нашла для себя стѣснительнымъ принять всѣ эти условія и все ограничилось тѣмъ, что я экземпляровъ 20 развезъ болѣе знакомымъ мнѣ критикамъ и пріятелямъ, участвующимъ въ разныхъ изданіяхъ. Сомнѣваюсь, чтобы кто-нибудь изъ нихъ цѣликомъ прочелъ это произведеніе нашего славнаго писателя.

Дѣло въ томъ, что французы не могутъ нынѣ себѣ представить романъ болѣе одного тома, а романъ „Война и миръ", представьте себѣ ихъ ужасъ, въ три или четыре тома.

Флоберъ, прочитавъ два тома „Война и миръ", и приступивъ къ третьему, объявилъ мнѣ, что онъ бросилъ, такъ какъ недоумѣваетъ, откуда явилась вся эта странная философія графа Льва Толстаго. Тенъ, человѣкъ весьма серьезный, труженикъ, имѣющій большое количество работы у себя, конечно, года черезъ два, черезъ три пожалуй и дастъ отзывъ объ этомъ романѣ; но, вообще, изъ нихъ, изъ французскихъ писателей и публицистовъ, ни одинъ съ достаточнымъ вниманіемъ не прочиталъ, да и не прочтетъ это превосходное сочиненіе.

Нынѣ гр. Левъ Толстой, какъ я слышалъ, написалъ какой-то религіозный мистическій трактатъ и уже вошелъ въ соглашеніе съ типографіей въ Парижѣ относительно напечатанія этого трактата, такъ какъ здѣсь онъ, по цензурнымъ условіямъ, не можетъ явиться въ свѣтъ. Конечно нельзя не пожалѣть, что Левъ Толстой, въ своемъ творчествѣ, удаляется въ область, для него совершенно чуждую [1]).

---

[1]) Въ русскомъ обществѣ давно уже ходитъ въ рукописи исповѣдь гр. Л. Н. Толстаго. Она, кажется, въ двухъ частяхъ и обѣ части именно въ томъ родѣ, который вызывалъ глубочайшее сожалѣніе И. С. Тургенева

VI.

Послѣднее произведеніе И. А. Гончарова „Литературный вечеръ“ я прочелъ и, конечно, встрѣтилъ въ немъ человѣка умнаго, живой, прекрасный языкъ автора; но, въ концѣ концовъ, если бы я былъ на мѣстѣ Гончарова, то не сталъ бы ни писать, ни тѣмъ болѣе печатать этого произведенія. Отъ Гончарова ждутъ, и вправѣ ждать, чего либо значительно лучшаго, а не безцѣльнаго разсказа, въ которомъ недоумѣваешь, что̀ хотѣлъ сказать и что̀ хотѣлъ доказать авторъ. Самая развязка разсказа—переодѣванье мнимаго соціалиста,—сильно смахиваетъ на водевиль.

Съ *** я былъ очень и очень близокъ, но въ послѣдніе годы онъ рѣшительно сдѣлался какимъ-то мономаномъ. Видѣть и слышать меня или обо мнѣ для него сдѣлалось смертельною обидою. Представьте, что онъ, при свиданіяхъ со мною, неоднократно обрушивался на меня съ самыми раздражительными укорами въ томъ, что будто бы я передаю всю сущность имъ задумываемыхъ, еще только предполагаемыхъ произведеній, (о которыхъ, замѣтьте, я ничего и не вѣдаю), передаю,—кому бы вы думали?—французскимъ романистамъ Флоберу, Доде, Зола и другимъ!

*** весьма образно передавалъ мнѣ, указывая руками на тѣ слѣды, которые онъ дѣлаетъ, и какъ въ эти самые слѣды, по его увѣренію, французскіе писатели новѣйшей школы, совершенно слѣдъ въ слѣдъ, за нимъ вступаютъ, а причиной этому все я, Тургеневъ! *** не шутя, съ необыкновеннымъ раздраженіемъ разсказываетъ, да и разсказываетъ весьма многимъ, что я подсылаю къ нему, къ ***, соглядатаевъ, тѣ подсматриваютъ, что̀ онъ пишетъ и какъ пишетъ; наконецъ, что эти соглядатаи, подосланные то мною, то̀ N. N., крадутъ у него со стола исписанные листы и пересылаютъ ихъ въ Парижъ! Нерѣдко, выйдя изъ квартиры, *** быстро возвращается къ себѣ, вспомнивъ, что онъ тотъ, либо другой листъ бумаги оставилъ у себя на столѣ. Онъ

Въ газетахъ появилось извѣстіе, что незадолго до своей кончины Иванъ Сергѣевичъ писалъ гр. Льву Николаевичу, умоляя его продолжать прежнюю, столь славную его литературную дѣятельность. Одинъ изъ близкихъ друзей И. С. Тургенева разсказывалъ, что знаменитый авторъ „Войны и Мира“ отвѣчалъ Тургеневу, и что этотъ отвѣтъ глубоко огорчилъ и потрясъ умирающаго. Ред.

спѣшитъ къ себѣ на квартиру, тщательно убираетъ со стола бумагу и прячетъ подъ ключъ. А однажды, не найдя какого-то листа, *** написалъ самыя рѣзкія укоризны N. N., утверждая, что „въ то время, когда я пишу къ вамъ это письмо, вы, безъ сомнѣнія, выкраденныя у меня листы пересылаете уже въ Парижъ, къ Тургеневу“.

Да, это полный недугъ нервовъ, совершенная мономанія и столь опасная, что она можетъ привести къ окончательной болѣзни и катастрофѣ. Дай Богъ, чтобы этого не случилось съ такимъ прекраснымъ писателемъ, какъ ***.

VII.

Я зналъ другого мономана въ этомъ родѣ, это знаменитый нашъ живописецъ Ивановъ, написавшій „явленіе Спасителя“.

Представьте себѣ, что въ теченіе 20 лѣтъ художника Иванова не оставляла самая нелѣпая мысль, что у него множество враговъ, недоброжелателей, которые хотятъ его отравить. Ему казалось, что во всѣхъ кофейняхъ Рима всѣ гарсоны подкуплены и готовы подсыпать ему яду. Въ одномъ лишь ресторанѣ онъ болѣе довѣрялъ, но и то, въ бытность мою въ Римѣ, сталъ выражать сильное сомнѣніе.

Однажды я съ Боткинымъ пригласили Иванова съ нами отобѣдать (я еще не зналъ за̀ нимъ этихъ страховъ отравы). Обѣдъ сошелъ благополучно. На другой или на третій день я вновь его сталъ приглашать принять съ нами участіе въ трапезѣ. Вдругъ, вижу мой Ивановъ совсѣмъ сдѣлался земляного цвѣта,— такъ измѣнился въ лицѣ.

— „Нѣтъ, благодарю покорно, отвѣчалъ онъ мнѣ—мнѣ еще жизнь дорога, я не хочу быть отравленнымъ“.

Думая, что ему не понравилось то или другое блюдо, я сталъ защищать бывшій обѣдъ и настоятельно приглашалъ его на повтореніе этого обѣда.

Вижу мой Ивановъ совсѣмъ почернѣлъ и съ необыкновенною пугливостію сталъ отврещиваться отъ обѣда. Тогда только Боткинъ тихо толкнулъ меня и далъ понять, чтобы я не настаивалъ.

Мы совершенно серьезно повели рѣчь о страхахъ отравы, и на наши вопросы, какъ онъ можетъ опасаться отравы, когда съ

того же блюда ѣдятъ всѣ присутствующіе за столомъ, Ивановъ совершенно серіозно замѣтилъ, что — „это правда,— блюда тѣ не отравлены, но когда онъ беретъ тотъ или другой кусокъ жаркого, то подкупленный служитель изъ-за борта фрака можетъ тряхнуть на этотъ кусокъ ядъ“.

Боткинъ совершенно серьезно—какъ и надо всегда говорить съ подобными мономанами,—предложилъ ему средство избѣжать отравы:—„Будемте обѣдать вмѣстѣ, сядемъ рядомъ, возьмемъ каждый себѣ по куску жаркого или другого кушанья, какое подадутъ, но тотчасъ, какъ возьмемъ, тотчасъ же перемѣнимъ тарелки“.

Ивановъ согласился, и я самъ видѣлъ, какъ за обѣдомъ этотъ бѣдняга глазомъ показывалъ Боткину, какой взять для него кусокъ, чтобы потомъ съ нимъ обмѣняться тарелками.

А сколько разъ послѣ того либо другого завтрака пугливый художникъ Ивановъ, прибѣжавъ домой, принималъ рвотное, спасаясь отъ мнимой отравы!

Всѣми этими пріемами онъ въ конецъ разстроилъ свое здоровье и преждевременно скончался въ С.-Петербургѣ, послѣ одного изъ данныхъ ему обѣдовъ, послѣ котораго онъ, безъ сомнѣнія, принялъ много рвотнаго.

Въ Петербургѣ говорили тогда, будто Ивановъ умеръ отъ холеры.

VIII.

Предлагая мнѣ написать нынѣ какой-нибудь романъ или повѣсть, съ цѣлію возстановить въ обществѣ стремленія къ надлежащимъ чистымъ идеаламъ, къ исправленію вкуса въ обществѣ, извращеннаго многими послѣдними произведеніями французскихъ и другихъ романистовъ, показываютъ тѣмъ самымъ совершенное незнаніе творчества писателя такого, какъ я.

Я не только не хочу, но я совершенно не могу, не въ состояніи написать что-нибудь съ предвзятою мыслію и цѣлію, чтобы провести ту или другую идею.

У меня выходитъ произведеніе литературное такъ, какъ ростетъ трава.

Я встрѣчаю, напр., въ жизни какую нибудь Ѳеклу Андреевну, какого нибудь Петра, какого нибудь Ивана, и представьте, что

вдругъ, въ этой Ѳеклѣ Андреевнѣ, въ этомъ Петрѣ, въ этомъ Иванѣ поражаетъ меня нѣчто особенное, то, чего я не видѣлъ и не слыхалъ отъ другихъ. Я въ него вглядываюсь; на меня онъ или она производитъ особенное впечатлѣніе; вдумываюсь, затѣмъ эта Ѳекла, этотъ Петръ, этотъ Иванъ удаляются, пропадаютъ неизвѣстно куда, но впечатлѣніе, ими произведенное, остается, зрѣетъ. Я сопоставляю эти лица съ другими лицами, ввожу ихъ въ сферу различныхъ дѣйствій, и вотъ создается у меня цѣлый особый мірокъ...... Затѣмъ, нежданно, негаданно является потребность изобразить этотъ мірокъ и я удовлетворяю этой потребности съ удовольствіемъ, съ наслажденіемъ.

Такимъ образомъ никакая предвзятая тенденція мною совершенно и никогда не руководитъ.

Вотъ эту-то воспріимчивость чего либо особеннаго въ встрѣчаемыхъ мною лицахъ и явленіяхъ я и потерялъ. Самая потребность изобразить то, что я вижу передъ собою, меня постепенно оставила.

Понимая теперь характеръ моего творчества, вы поймете, что сдѣлать романъ или повѣсть для меня совершенно невозможно, доколѣ во мнѣ не проснется творчество того именно вида, который я только что вамъ объяснилъ.

IX.

Музыку я люблю, люблю ее весьма давно, смѣю думать—знаю и, во имя этого, позволяю себѣ прямо сказать, что не то, что не понимаю, но совершенно не люблю музыку Вагнера.

Мелодія Моцарта льется для меня совершенно естественно, такъ, какъ льется какой нибудь прекрасный ручей или источникъ. Но эти вѣчные диссонансы Вагнера на меня производятъ, съ перваго же ихъ звука, самое непріятное впечатлѣніе.

Голосъ Лавровской прекрасный контральто, густой, сочный, хотя въ послѣднее время, какъ мнѣ показалось, нѣсколько и поблекшій. Но, конечно, никто изъ присутствующихъ не помнитъ, не слыхалъ Воробьевой, впослѣдствіи жены знаменитаго артиста Осипа Афанасьевича Петрова; мнѣ же довелось ее въ молодости слышать и слышать напр. въ оперѣ „Семирамида“.

Трудно представить себѣ, какое поразительное очарованіе она производила! Это былъ необыкновенный контральто, съ какими-то чисто серебряными переливами.

Декламація трагическаго артиста Василія Андреевича Каратыгина была весьма своеобразна. Не могу напр. забыть, какъ онъ декламировалъ напр. извѣстное стихотвореніе:

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ онъ, думъ великихъ полнъ.

Какъ усиливался представить предъ зрителями пустыню—разводя руками, и волны, и Петра Великаго; при этомъ случаѣ самымъ зычнымъ образомъ возвышалъ свой голосъ; а затѣмъ самою жалостною кислою физіономіею пытался представить ничтожество утлаго челнока, брошеннаго на эти волны.

Жена Каратыгина, Александра Михайловна Колосова, была хорошая артистка, совершенно во вкусѣ старой французской школы. Медленныя движенія, крайне растяжимая декламація тогда никого не поражали, а напротивъ восхищали.

Не могу забыть, напр., какъ восторгались ею въ извѣстной тогда мелодраммѣ „Слѣпая Валерія". Между прочимъ, тутъ пріѣзжаетъ на сцену экипажъ ландо. Валерія, еще слѣпая, почему-то съ неудовольствіемъ слышитъ о пріѣздѣ этого экипажа и говоритъ: „этотъ противный ландо". Два три слова этихъ она начинаетъ говорить на одномъ концѣ сцены, у рампы, и тянетъ, переходя сквозь всю громадную сцену театра... Это умѣніе растянуть два три слова на медленный переходъ чрезъ большую сцену чрезвычайно тогда нравился.

С.-Петербургъ,
4-го марта 1880 г.

Примѣчаніе. Какъ замѣчено выше, разсказъ и замѣтки И. С. Тургенева продиктованы нами на другой же день, 5-го марта 1880 г., рано утромъ, стенографу, о чемъ, нѣсколько дней спустя, пишущій эти строки сообщилъ лично Ивану Сергѣевичу.

Послѣ этого мы видѣлись нѣсколько разъ и въ Петербургѣ, и въ Парижѣ; много и долго бесѣдовали. Особенно интересна была бесѣда съ нами маститаго романиста въ Парижѣ, въ концѣ марта мѣсяца 1882 г.,—то былъ почти канунъ роковой болѣзни, низведшей дорогого нашего писателя въ преждевременную могилу. Z***.

Крокетъ въ Виндзорѣ.

(1876 г.)

Сидитъ королева въ Виндзорскомъ бору,
Придворныя дамы играютъ
Въ недавно вошедшую въ моду игру;
Ту „крокетъ“ игру называютъ.

Катаютъ шары и въ назначенный кругъ
Ихъ гонятъ такъ ловко, умѣло.
Глядитъ королева, смѣется и вдругъ
Умолкла, лицо помертвѣло.

Ей чудится: вмѣсто точеныхъ шаровъ,
Гонимыхъ лопаткой проворной,
Катаются цѣлыя сотни головъ,
Обрызганныхъ кровію черной.

То — головы женщинъ, дѣвицъ и дѣтей,
На лицахъ слѣды истязаній,
И звѣрскихъ насилій, и звѣрскихъ плетей —
Весь ужасъ предсмертныхъ страданій.

И вотъ королевина младшая дочь,
Прелестная дѣва, катаетъ
Одну изъ головъ и все далѣе прочь
И къ царскимъ ногамъ пригоняетъ.

Головка ребенка въ пушистыхъ кудряхъ
И ротикъ лепечетъ укоры.
И вскрикнула вдругъ королева и страхъ
Безумный затмилъ ея взоры.

— „Мой докторъ, на помощь скорѣе!“ Ему
Она повѣряетъ видѣнье.
И докторъ въ отвѣтъ: „Не дивлюсь ничему:
Газетъ васъ разстроило чтенье.

„Толкуетъ намъ „Times“, какъ болгарскій народъ
Сталъ жертвой турецкаго гнѣва.
Вотъ капли, примите: все это пройдетъ“.
И въ замокъ идетъ королева.

Вернулась домой и въ раздумьѣ стоитъ,
Сомкнулись тяжелыя вѣжды;
О ужасъ! кровавой струею залитъ
Весь край королевской одежды.

„Вели это смыть! Я хочу позабыть!
На помощь, британскія рѣки!“
— „Нѣтъ, ваше величество, намъ не отмыть
Той крови невинной во вѣки“.

Ив. Тургеневъ.

Спб. іюль 1876 г.

Примѣчаніе. Стихотвореніе это написано Иваномъ Сергѣевичемъ Тургеневымъ въ одну безсонно-мучительную ночь, проведенную имъ въ гостинницѣ Демутъ, въ Петербургѣ, въ іюлѣ 1876 г., въ эпоху кровавой рѣзни въ Болгаріи и борьбы Сербіи съ Турціей, въ которой такую позорную роль играла Англія.

Стихотвореніе «Крокетъ» было напечатано, кажется, въ 1879 г., въ журналѣ «Народное богатство», но еще въ 1876 г. разошлось въ большомъ числѣ списковъ. Мы напечатали со списка, сообщеннаго, въ іюнѣ 1882 г., г. Иринеемъ Влодзимірскимъ изъ города Барнаула, Томской губерніи.

Ред.

ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ

ВЪ ЕГО ПИСЬМАХЪ [1]).

1874—1880 г.

I.

Карлсбадъ, вторникъ 6 (18) августа 1874 г.

Многоуважаемая ** **, вы вѣроятно удивляетесь, что я такъ долго не откликнулся на ваше письмо и въ особенности на вашу посылку; причина моего молчанья—болѣзнь-подагра, которая два мѣсяца тому назадъ схватила меня въ деревнѣ и даже здѣсь не даетъ мнѣ покоя, мѣшаетъ моему леченью и заставляетъ до времени уѣхать въ Парижъ. По милости этой болѣзни я только на дняхъ просмотрѣлъ ввѣренный мнѣ портфель. Это чтеніе возбудило во мнѣ сомнѣнія, которыя не могу не повергнуть на ваше обсужденіе.

Цѣль ваша—при передачѣ означенныхъ документовъ—была, сколько я могу судить, познакомить меня съ образомъ мыслей—вообще съ личностями „новыхъ людей", которыхъ я не могъ изучать, живя за границей. Экземпляры, съ которыми я долженъ былъ познакомиться, представлялись вамъ въ весьма вы-

---

[1]) Печатаемый нами съ подлинниковъ въ этой книгѣ рядъ писемъ И. С. Тургенева, романиста Мих. Авдѣева и Ѳ. М. Достоевскаго писанъ къ одному и тому же лицу, въ періодъ времени съ 1870 по 1880 г.

Всѣ эти письма писаны къ одной дамѣ, весьма образованной, горячо и искренно преданной, въ то время, благотворительной, весьма плодотворной дѣятельности на помощь бѣднѣйшему классу населенія С.-Петербурга.

Документы эти, весьма интересные для характеристики помянутыхъ трехъ русскихъ писателей, переданы, въ подлинникахъ, въ наше собраніе рукописей 22-го апрѣля 1881 г. Ред.

годномъ, почти идеальномъ свѣтѣ—иначе вы бы не дали мнѣ того портфеля... но представьте: все, что я въ немъ нашелъ, за исключеніемъ дневника, поразившаго меня своею честною правдивостью и неподдѣльнымъ энтузіазмомъ—все можетъ служить матеріаломъ... только съ сатирической, юмористической точки зрѣнія! Эта точка зрѣнія особенно примѣняется къ „молодому юношѣ", къ русскому „Лео", г-ну ***. Это опьянѣніе самообожанія рядомъ съ изумительной бездарностью (я много читалъ плохихъ стиховъ на своемъ вѣку, но вирши г-на ***—все превосходятъ!). Этотъ догматическій тонъ при такомъ невѣжествѣ! все это просится въ каррикатуру. И замѣтьте—меня нисколько не смущаетъ рѣзкость мнѣній; меня изумляетъ эта пустота, воображающая, что она „на 20-мъ году жизни уже разрѣшила всѣ вопросы науки и жизни" (textuel). Прошу вашего извиненія, любезнѣйшая ** **, въ томъ, что такъ жестко выражаюсь о молодомъ человѣкѣ, въ которомъ вы принимаете такое живое участіе; но я не могу говорить иначе. Мнѣ кажется, что и тутъ ваше добрѣйшее сердце васъ обмануло: изъ молодыхъ людей, подобныхъ ***, никогда ничего не выходитъ. Откиньте всѣ его разглагольствованія о собственной особѣ подъ предлогомъ идеи и вы удивитесь, какой тамъ останется нуль.

Но, при такомъ воззрѣніи, имѣю ли я право сохранять у себя бумаги, данныя мнѣ съ совершенно иными мыслями; могу ли я пользоваться ими? Совѣсть моя говоритъ мнѣ, что: нѣтъ; что если бы вы предположили впечатлѣніе, которое произведутъ на меня всѣ эти документы, вы бы навѣрное не вручили ихъ мнѣ;—а потому я не имѣю права держать ихъ у себя долѣе. Вслѣдствіе этого покорно прошу васъ дать мнѣ знать въ Парижъ, Rue de Douai, № 50, что вы прикажете сдѣлать съ этимъ портфелемъ и куда и какъ его отправить.

Нѣтъ, любезнѣйшая ** **, это еще не новые люди; я знаю такихъ между молодыми, которымъ гораздо болѣе приличествуетъ подобное наименованіе. За то въ дневникѣ высказывается прекрасная, свободная душа, которой я отъ всего сердца желаю счастья, т. е. исполненія ея завѣтныхъ надеждъ и намѣреній, клонящихся къ добру и благу меньшей братьи.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи и преданности Ив. Тургеневъ.

Отвѣтъ ** ** И. С. Тургеневу.

Спасибо за дорогое письмо, которое навсегда будетъ храниться въ нашей семьѣ и переходить отъ бабушки къ внукамъ. Много есть справедливаго въ немъ, но не все. Замѣтка о „Новыхъ людяхъ“ черезъ чуръ утрирована. Что же касается до 20-ти лѣтняго юноши, то слишкомъ односторонне. Развѣ можно судить такъ строго о человѣкѣ, начинающемъ только свою жизнь. У него все еще впереди; всѣ его пороки—пороки молодости, кто изъ насъ не былъ въ этомъ случаѣ грѣшенъ.—Судьба благодѣтельно поступила бы съ нимъ, если бы почаще давала ему „по носу“. Это впрочемъ неминуемо, при его самонадѣянности, доходящей до смѣшнаго. Жалѣю, что не познакомила васъ съ другими личностями,—они далеко не подходящіе для каррикатуръ. Плоды ихъ трудовъ уже видимы, напр. *** нѣсколько уже лѣтъ какъ мировымъ судьей близь Петербурга, имѣлъ случай сдѣлать карьеру, отказался отъ всего, и теперь обожаемъ во всемъ участкѣ; выбранъ въ земство и дѣйствуетъ очень усердно, по школѣ, по медицинской части и пр. Какъ можно налагать такую ужасную печать—и знавши людей! Я впрочемъ тутъ болѣе всѣхъ виновата; я дала вамъ матерьялы безъ предварительной, тщательной къ нему подготовки. Но во первыхъ не было времени, а во вторыхъ я просто была счастлива подѣлиться съ вами моимъ единственнымъ сокровищемъ, полагая, что вы придадите ему должную цѣну. Оказалось, что вы никакой цѣны ему не придаете, мое дѣло было сдѣлано, совѣсть моя чиста, и мы квиты. Мнѣ былъ нагоняй отъ Р*, за то что я вамъ передала мой портфель; вижу, что онъ отчасти былъ правъ. Благодарю за лестный отзывъ о «Дневникѣ»; я не придаю никакого значенія этому отзыву, по той простой причинѣ, что вы другаго и не могли дать. Разрѣшаю вамъ, дорогой нашъ другъ, дать безпристрастный отзывъ, я нисколько не обижусь; вѣдь я уже прожила свой вѣкъ, и уже проучена. Въ былые годы была и я самонадѣянна, и черезъ чуръ самолюбива, но и меня щелчки не обошли—и всякаго рода щелчки, они были мнѣ полезны, и вотъ почему я такъ снисходительна къ молодости; ихъ самонадѣянность больше ничего, что избытокъ молодыхъ силъ;—уходятся онѣ, и увы! очень скоро. Вѣдь этотъ жаръ, этотъ пылъ часто двигаетъ, намъ остается только сдвинуть или разставлять, но мы то уже не сдвинемъ. Тоже и въ нашу очередь дѣлали мы для предъидущихъ поколѣній. Мнѣ кажется, всегда надо смотрѣть снисходительно на горячку молодости, какъ и на безсиліе старости. Не правда-ли? Первые уходятся, вторые уходились.

Вашъ портретъ стоитъ передо мною, такой у васъ строгій видъ. Не сердитесь на меня, нашъ дорогой! Обладаю единственно хорошимъ, но невыгоднымъ для меня качествомъ, всегда говорить и писать что думаю;—говорятъ, что это не политично, портитъ дѣло,—отчасти справедливо, но природу не передѣлаешь, да и поздно!—Это самое качество или недостатокъ заставляетъ меня передать вамъ одно письмо, касающееся васъ, въ немъ вы найдете много справедливаго. Письмо это писано одной старушкой, нашей общей знакомой, „стоустной молвой“. Такъ какъ эта старушка пользуется большимъ авторитетомъ, то я рѣшаюсь ее письмо препроводить къ вамъ. Не взыщите. Я стараюсь по возможности вѣрно резюмировать и скомпелировать всѣ толки этой старушки—пеняйте не на меня, а на нее, затѣмъ примите въ сообра-

женіе еще одно обстоятельство, что литература есть фотографія общества,-какимъ образомъ фотографъ можетъ снимать виды, не бывъ на самой мѣстности? Имѣя при себѣ всѣ хорошіе инструменты, онъ можетъ превосходно снять домъ, но не избу и т. п. Ежели внѣшніе признаки трудно воспроизвести, что же можно сказать о психическихъ процессахъ!—они еще неуловимѣе. Вы нарисовали Базарова... Вы изъ него хотѣли сдѣлать каррикатуру, но не подумали объ этомъ, что всякій ростъ, особливо ростъ мысли можетъ породить разныя болѣзненныя проявленія,—можно-ли смѣяться надъ больными? Повторяю вышесказанное, это недостатки молодости, которые проявляются различно. Кромѣ того всякое движеніе сопряжено съ трудомъ, иногда эти движенія не граціозны, какъ напр. я часто вижу бѣдныхъ такихъ, у которыхъ движенія далеко не естественны, но развѣ хватитъ духу надъ ними смѣяться? Такъ и у нашей молодежи все выходитъ неуклюже, но Базаровски, но не лучше ли они въ тысячу разъ нашихъ отшлифованныхъ и примазанныхъ дэнди?

Какое тяжелое впечатлѣніе дѣлаетъ на читателя чтеніе нашихъ газетъ и журналовъ. N. N.

II.

Bougival (près Paris) maison Halgan.
Буживаль. Воскресенье, (30) 18-го августа 1874.

Любезнѣйшая ** **, хотя вы не просите и, кажется, даже не желаете отвѣта—однако довѣріе, которое вы мнѣ оказали, и чувство симпатическаго уваженія, которое вы мнѣ внушили, налагаютъ на меня обязанность сказать вамъ нѣсколько словъ по поводу вашего письма.

Во 1-хъ, могу васъ увѣрить, что вашъ дневникъ поразилъ меня своей честной и искренней правдивостью; о комплиментахъ тутъ не могло быть и рѣчи. Во 2-хъ, что касается до вашихъ новыхъ людей... какой я былъ бы художникъ (не говорю уже: человѣкъ)—если бы я не понималъ, что самоувѣренность, преувеличеніе, извѣстнаго рода фраза и поза, даже нѣкоторый цинизмъ, составляютъ неизбѣжную принадлежность молодости? Не въ этомъ я упрекаю вашихъ знакомыхъ—а въ скудости мысли, въ отсутствіи познаній, а главное: въ бѣдности, въ нищенской бѣдности дарованія. Не въ томъ бѣда, что *** подъ двѣнадцатью стишками („Люби не меня, но идею“) съ одной стороны выставляетъ число, когда онъ задумалъ, а съ другой—число, когда онъ свершилъ это великое дѣло — а въ томъ, что стихи его вообще ни-

1848—1850 годовъ, въ теченіе которыхъ я написалъ именно „Записки Охотника“, между тѣмъ какъ „Рудинъ“, „Дворянское гнѣздо“, „Наканунѣ“ и „Отцы и дѣти“ написаны въ Россіи. Но это для старушки ничего не значитъ: son siège est fait.

Вторая слабость старушки — та, что она постоянно слѣдитъ за модой.

Теперь мода въ литературѣ на политику: все, что не политика— для нея вздоръ или даже нелѣпость.

Какъ-то неловко защищать свои вещи—но вообразите вы себѣ, что я никакъ не могу согласиться, что даже „Стукъ стукъ“ нелѣпость. Что же оно такое?.. спросите вы. А вотъ что: повальная студія русскаго самоубійства, которое рѣдко представляетъ что либо поэтическое или патетическое, а напротивъ почти всегда совершается въ слѣдствіи самолюбія, ограниченности, съ примѣсью мистицизма и фатализма. Вы мнѣ скажете, что моя студія мнѣ не удалась.... Быть можетъ; но я хотѣлъ только указать вамъ на право и умѣстность разработки чисто психическихъ (не политическихъ и не соціальныхъ) вопросовъ.

Старушка также упрекаетъ меня въ недостаткѣ убѣжденій. На это можетъ послужить отвѣтомъ вся моя 30-ти лѣтняя литературная дѣятельность. Ни за одну строчку, написанную мною, мнѣ не приходилось краснѣть—ни отъ одной отказаться. Пусть кто другой скажетъ то же самое! А впрочемъ пусть себѣ старушка болтаетъ! Я на нее не обращалъ вниманія и прежде: не начинать же теперь!

Я не знаю, напишу ли я свой романъ; и знаю навѣрное, что въ немъ много будетъ недостатковъ... Но позвольте, любезнѣйшая ** **, отчего же новые молодые люди не берутся за эти задачи? Мы, старики, охотно уступили бы имъ „честь и мѣсто“—и первые порадовались бы приливу новыхъ силъ. Но на литературной аренѣ подвизаются беллетристы „Дѣла“—да „люди особой породы“—въ родѣ г-на ** **.

Видите, любезная ** **, что не вы однѣ умѣете говорить полную и беззавѣтную правду. Надѣюсь, что и вы не разсердитесь на нее—и примите сказанное мною—ну хоть къ свѣдѣнію.

Я все еще болѣю подагрой—добрался до Буживаля—но хожу еще на костыляхъ и раньше мѣсяца въ Парижъ не попаду. Вы

можете быть увѣрены, что я найду средство—въ цѣлости и сохранности доставить вамъ вашъ портфель.

А засимъ прошу васъ принять выраженіе моего уваженія и вѣрить въ его искренность. Преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

Примѣчаніе дамы, къ которой писано это письмо: Одного не могу понять: если Иванъ Сергѣевичъ въ Базаровѣ не хотѣлъ дѣлать каррикатуры на молодое поколѣніе, и сознательно его рисовалъ, любилъ его, то отчего ему не нравится моя молодежь?

Я никогда не думала, что Базаровъ каррикатура, напротивъ преклонялась передъ этимъ типомъ, но предполагала, что создатель его хотѣлъ сдѣлать каррикатуру, которая ему не удалась. Оказывается я ошиблась и преклоняюсь. (1874 г.).

III.

Bougival, maison Halgan, près Paris. Середа (23) 11-го сентября 1874 г.

Ваше письмо такъ мило и симпатично, любезная ** **, что я не хочу медлить отвѣтомъ.

Вы начали съ Базарова: и я съ него начну. Вы ищите его въ дѣйствительной жизни; и вы его не найдете: я вамъ сейчасъ скажу почему. Времена перемѣнились; теперь Базаровы не нужны. Для предстоящей общественной дѣятельности не нужно ни особенныхъ талантовъ, ни даже особеннаго ума—ничего крупнаго, выдающагося, слишкомъ индивидуальнаго; нужно трудолюбіе, терпѣніе; нужно умѣть жертвовать собою безъ всякаго блеску и треску—нужно умѣть смириться и не гнушаться мелкой и темной и даже жизненной работы—я беру слово: жизненной—въ смыслѣ простоты, безхитростности, „terre à terre'a". Что можетъ быть напр. жизненнѣе—учить мужика грамотѣ, помогать ему, заводить больницы и т. д. На что тутъ таланты и даже ученость? Нужно одно сердце, способное жертвовать своимъ эгоизмомъ—тутъ даже о призваніи говорить нельзя—(не упоминая уже о звѣздѣ г-на ** **!)... Чувство долга, славное чувство патріотизма въ истинномъ смыслѣ этого слова—вотъ все, что нужно.

А Базаровъ все таки еще типъ, провозвѣстникъ, крупная фигура, одаренная извѣстнымъ обаяніемъ, не лишенная нѣкотораго ореола: это все теперь неумѣстно—и смѣшно толковать о герояхъ или художникахъ труда. Блестящихъ натуръ въ литературѣ

вѣроятно не проявится; тѣ, которыя бросятся въ политику, только даромъ погубятъ себя. Все такъ, но примириться съ этимъ фактомъ, съ этой сѣренькой средой, съ этой скромной рѣшительностью многіе не могутъ сразу; особенно впечатлительныя и энтузіастическія женщины, какъ вы. Чтобы вы ни говорили—вамъ все таки хочется восторгаться и увлекаться; вы сами пишете, что вы желаете преклоняться: а передъ только полезными людьми не преклоняются. Мы вступаемъ въ эпоху только полезныхъ людей... и это будутъ лучшіе люди. Ихъ вѣроятно будетъ много; красивыхъ, плѣнительныхъ—очень мало. А въ вашемъ исканіи Базарова—„настоящаго"—все таки сказывается, быть можетъ безсознательно, жажда красоты—конечно своеобразной. Эти всѣ мечты надо бросить.

Я бы первый не сталъ упрекать вашихъ знакомыхъ въ отсутствіи даровитости, еслибъ они на нее не претендовали: будь они усердные труженики—ничего бы не оставалось желать: но коли ужъ они становятся на дыбы и заявляютъ притязаніе на удивленіе—то нельзя не напомнить имъ, что они никакихъ правъ на это удивленіе не имѣютъ. Увы, ** **, мы не увидимъ людей типовъ, тѣхъ новыхъ людей, о которыхъ такъ много толкуютъ. Народная жизнь переживаетъ воспитательный періодъ внутренняго, хороваго развитія, разложенія и сложенія; ей нужны помощники—не вожаки, и лишь только тогда, когда этотъ періодъ кончится, снова появятся крупныя, оригинальныя личности. Я сейчасъ сказалъ, что вы ихъ не увидите... Вы еще молоды—вы доживете до тѣхъ дней. Я—другое дѣло.

А пока будемъ сами учиться азбукѣ и учить другихъ—и добро дѣлать помаленьку—въ чемъ вы уже преуспѣваете.

Письмо вашего сына, которое я вамъ возвращаю, очень хорошо и тепло. Да поступитъ и онъ въ ряды полезныхъ рабочихъ и народныхъ слугъ! (какъ нѣкогда были царскіе слуги).

Не знаю насколько Р** самолюбивъ, во всякомъ случаѣ онъ этого не высказываетъ—и не носится съ самимъ собою. Въ совѣтѣ, данномъ имъ — высказывается не столько недовѣрія ко мнѣ, сколько участія къ вамъ.

Здоровье мое поправляется,—и я вѣроятно скоро переѣду въ Парижъ. rue de Douai, 50.

Дружески жму вамъ руку и остаюсь преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

IV.

Парижъ, 50, Rue de Douai. Воскресенie, 22-го февр. (6-го марта) 1875 г

Очень мнѣ было прiятно увидать снова вашъ почеркъ, любезнѣйшая ** **, и услыхать вѣсточку отъ васъ — хотя письмо ваше очень грустно. Но позвольте васъ пожурить немного сейчасъ же: вы начинаете съ того, что увѣдомляете меня объ окончанiи вашей постройки, о заведенiи школы и т. п. и черезъ нѣсколько строкъ говорите объ отчаянiи, которое овладѣваетъ вами. Помилуйте, дѣятельность ваша достигла хотя маленькаго результата—слѣдовательно не безплодна—чего же больше? Пусть каждый въ своей сферѣ сдѣлаетъ столько же и выдетъ дѣло большое и хорошее. Вспомните старика Шиллера:

Die Thätigkeit die nie ermattet...
Die Sandkorn nur an Sandkorn reicht...

Пора у насъ въ Россiи бросить мысль о „сдвиганiи горъ съ мѣста“ — о крупныхъ, громкихъ и красивыхъ результатахъ; болѣе чѣмъ когда либо и гдѣ либо слѣдуетъ у насъ удовлетворяться малымъ, назначать себѣ тѣсный кругъ дѣйствiя: мы умремъ—и ничего громаднаго не увидимъ. Съ этимъ надо помириться—и предоставить все къ этому неподходящее господамъ въ родѣ *** если онъ самъ уже не излечился отъ прежнихъ мечтанiй.

Вы мнѣ ничего не пишете о своемъ здоровьѣ, о своемъ семействѣ: вѣроятно все идетъ своимъ порядкомъ, чему я искренне радуюсь. О себѣ скажу вамъ, что у меня тоже идетъ все полегоньку и потихоньку: одна работа совершенно остановилась. Не знаю, когда я попаду въ Петербургъ, но съ особеннымъ удовольствiемъ думаю о свиданiи и бесѣдѣ съ вами.

Прошу васъ извинить меня, что до сихъ поръ не возвратилъ вамъ вашего портфеля: все ждалъ удобнаго случая, который не представлялся. Теперь однако надѣюсь въ весьма скоромъ времени доставить вамъ ваши любопытные документы.

Еще разъ напоминаю вамъ: у васъ здоровье, молодость, хорошее семейство, добрые друзья—и возможность дѣлать добро и приносить пользу. Съ этимъ еще можно жить и не слѣдуетъ ни роптать, ни падать духомъ.

Дружески жму вамъ руку и остаюсь преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

V.

50. Rue de Douai. Paris. Середа, 21-го января 1880 г.

Любезнѣйшая ** **. Мнѣ очень пріятно было получить ваше письмо. Я всегда дорожилъ вашимъ сочувствіемъ, а въ теперешнее время и подавно. Доходившіе до меня слухи возбуждали мои воспоминанія и я много думалъ о васъ, о томъ трагическомъ положеніи многихъ русскихъ женщинъ, которому онѣ подвергаются въ силу нашего тяжелаго, часто нестерпимаго историческаго развитія. Воображаю себѣ какъ вамъ было грустно разстаться съ Россіей, съ вашей дѣятельностью, со всѣмъ, что придавало жизни значенье и смыслъ. И утѣшительнаго я ничего сказать не могу: темно впереди—и когда просвѣтлѣется—Богъ вѣдаетъ. Надо стараться жить и ждать.

Я на дняхъ уѣзжаю въ Россію—тоже не на радости. Когда я вернусь, навѣрное не знаю; это будетъ зависѣть отъ разныхъ обстоятельствъ, которыхъ теперь даже предвидѣть трудно. Думаю однако, что не позже іюня мѣсяца. Можетъ быть тогда мы увидимся.

Еще разъ дружески благодарю васъ за ваше воспоминаніе обо мнѣ—и крѣпко жму вашу руку.

Искренне вамъ преданный—Ив. Тургеневъ.

МИХАИЛЪ АВДѢЕВЪ [1]).

1870 г.

Петербургъ, 11 ноября 1869 г.

Милостивая государыня N. N. Есть дѣла и дѣятельность, въ которыхъ свѣтская щепетильность не должна имѣть мѣста. По одному изъ нашихъ дѣлъ, намъ одинаково близкихъ, позволяю себѣ прямо и безцеремонно обратиться къ вамъ.

Раздумывая надъ положеніемъ женщинъ у насъ, улучшенію котораго вы посвящаете вашу почтенную дѣятельность, и принимая въ соображенія препятствія, съ которыми именно въ Россіи приходится бороться тѣмъ, которыя ему сочувствуютъ, я пришелъ къ убѣжденію, что въ этомъ дѣлѣ болѣе, чѣмъ въ какомъ другомъ, частныя и особенно женскія силы, даже общества, но съ ограниченной и односторонней программой совершенно недостаточны. Чтобы двинуть подобное дѣло, въ которомъ приходится расчищать совершенно новыя пути, нужны усилія огромныя, нужно—что весьма важно у насъ, въ странѣ бюрократическихъ формъ—имѣть право ходатайства и иниціативы въ офиціальномъ мірѣ. Частнымъ лицамъ, коллективнымъ просьбамъ у насъ отказываютъ только по одному тому уже, что первыя слабы, а вторыя даже незаконны, чтобы пытаться измѣнить современный домострой. Изъ этого вы конечно уже усмотрѣли, что по моему мнѣнію дѣлу можетъ помочь только сильное и съ широкой программой общество, которое можно бы назвать «Женское общество взаимнаго вспомоществованія»; оно должно имѣть цѣлью улучшить положеніе женщинъ въ Россіи—въ обширномъ значеніи этого слова,

---

[1]) Даровитый писатель, нынѣ покойный, авторъ, между прочими произведеніями, романа «Подводный камень». Ему принадлежитъ: проектъ женскаго общества взаимнаго вспомоществованія. Ред.

т. е. матеріальномъ, нравственномъ и общественномъ отношеніяхъ (о политическомъ, разумѣется, не можетъ еще быть и рѣчи). Для этого общество должно исходатайствовать себѣ право учреждать всякія воспитательныя, образовательныя и вспомоществующія заведенія, изъискивать на то средства, стараться о возможномъ расширеніи круга образованія и дѣятельности женщинъ и имѣть уполномочіе входить въ ходатайство по этимъ предметамъ у правительства и по своимъ, и частнымъ учрежденіямъ. Къ обществу должно быть привлечено наиболѣе возможное количество участвующихъ: надобно, чтобы отъ большой барыни и до ея прачки— всѣ женщины принимали въ немъ посильное участіе. Изъ самаго названія вы можете заключить, что я полагалъ бы участіе и иниціативу въ немъ предоставить исключительно самимъ женщинамъ, но не нужно отказываться и отъ сильной матеріально и нравственно мужеской половины: ей можно бы предоставить денежное и совѣщательное участіе.

Вотъ въ самыхъ крупныхъ и существенныхъ чертахъ мысль моя. Зная болѣе или менѣе лицъ, сочувствующихъ женскому дѣлу, я полагаю, что никто болѣе и лучше васъ не могъ бы осуществить ее: вотъ почему именно къ вамъ я позволилъ себѣ обратиться съ ея изложеніемъ. Я былъ бы очень радъ, если бы вы ее одобрили и приняли на себя огромный трудъ ея осуществленія. Считаю излишнимъ присовокуплять, что если бы угодно было вамъ узнать мое мнѣніе о подробностяхъ исполненія, то я всегда готовъ къ вашимъ услугамъ.

Во всякомъ случаѣ прошу васъ, милостивая государыня, вѣрить искренности моего глубочайшаго уваженія и преданности, которыя лучше всего свидѣтельствуются настоящимъ моимъ обращеніемъ къ вамъ и вмѣстѣ оправдываютъ его. Михаилъ Авдѣевъ.

P. S. Письмо это я посылалъ къ вамъ въ ваше отсутствіе; узнавъ о вашемъ возвращеніи, посылаю его вновь. Въ разъясненіе моей мысли могу добавить, что «Общ.» могло бы, имѣя предлагаемую программу, учредить высшее и техническія учебныя заведенія, согласить и устроить общую дѣятельность члена провинціальныхъ учрежденій, переустроить женскія гимназіи и пр.

Адресъ мой на Лиговкѣ, д. Фридерикса, противъ Знаменія, 2-й подъѣздъ. Явился бы къ вамъ лично, но легкое нездоровье держитъ дома.

28 февр. 1870 г.

ѲЕДОРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ДОСТОЕВСКІЙ

ВЪ ЕГО ПИСЬМАХЪ.

1877—1879.

I.

Пятница, 12-го марта 1877 г.

Многоуважаемая N. N. Благодарю васъ за ваше радушное приглашеніе, буду имѣть большое удовольствіе явиться къ вамъ въ субботу къ 5-ти часамъ. Я ѣмъ скоромное, какъ и вы. Стихи прочелъ, не совсѣмъ понравились, потомъ скажу почему. А пока весь вашъ

Ѳ. Достоевскій.

II.

28-го ноября 1877 г.

Многоуважаемая N. N. Такъ вы были больны и какъ пишете опасно! Въ тотъ же день, какъ получилъ ваше милое письмецо, хотѣлъ ѣхать къ вамъ, но самъ я теперь завишу отъ цензора и метранпажа въ типографіи, потому что на дѣлѣ выдаю выпускъ замучившаго меня «Дневника». Такъ было и въ воскресенье и сегодня, а завтра послѣдній и самый горячій день. Но я постараюсь урваться къ вамъ, какъ только увижу возможность бросить корректуры и верстки. У меня тѣмъ туже все это двигается, что самъ я весь этотъ мѣсяцъ былъ боленъ и 2 недѣли лежалъ въ лихорадкѣ. Почелъ пока необходимымъ васъ увѣдомить этимъ письмецомъ. Благодарю васъ за ваше. А пока весь вамъ преданный искренно и душевно

Ѳ. Достоевскій.

III.

27-го апрѣля 1878 г.

Многоуважаемая N. N. Къ чрезвычайному несчастью у меня субботній вечеръ уже обѣщанъ, и даже въ два мѣста, и я, не зная какъ поступить, хочу быть въ обоихъ мѣстахъ, если только удастся. Ваше

же приглашеніе выходитъ третье и я, на этотъ разъ, поневолѣ долженъ отказаться, чтобъ не оскорбить тѣхъ. Но если бы это было отложено, или какъ нибудь повторилось впослѣдствіи, то я съ удовольствіемъ, хотя-бы и пришлось сидѣть на скамейкахъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ я вовсе не бѣлоручка. Благодарю за бумажку няни, которую получилъ. Жму вамъ руку и остаюсь вашъ весь

Ѳед. Достоевскій.

IV.

8-го мая 1878 г.

Многоуважаемая N. N. Благодарю за книги, но книгу Флеровскаго отсылаю вамъ обратно. Дѣло въ томъ, что много черезъ недѣлю выѣзжаю изъ Петербурга, теперь же занятъ съ утра до ночи и ночью всѣмъ тѣмъ, что надо закончить передъ отъѣздомъ. Днемъ-же на всю недѣлю у меня часы распредѣлены тоже по разнымъ разъѣздамъ, а потому читать здѣсь, въ Петербургѣ, я уже ничего не могу и не буду, а стало быть выходитъ, что надо вамъ возвратить Флеровскаго, такъ какъ вы этой книгой дорожите. Тена же возьму съ собою до сентября. (Если же и эта книга вамъ нужна, то дайте знать и я вамъ возвращу ее до отъѣзда). Впрочемъ я навѣрно и самъ къ вамъ заѣду проститься. И такъ благодарю за книги.

Что же до технолога, то тутъ какое-то мошенничество. Этотъ господинъ зашелъ ко мнѣ на дняхъ (первый разъ въ жизни). Фамилія его X...кій (такъ онъ назвался). То же говорилъ мнѣ, что и вамъ (о купцахъ), тоже увѣрялъ, что не ѣлъ сутки, тоже указывалъ на свое платье. Просилъ на хлѣбъ. Я далъ ему три рубля и теперь почти жалѣю, ясно вижу, что это промышленникъ. Это потому, что никогда я его не посылалъ къ вамъ, ни одного слова не сказалъ про васъ, даже имени не упомянулъ (и въ мысляхъ не было посылать его къ вамъ!). И вдругъ онъ вамъ мелетъ такую неправду. Ясное дѣло, что онъ отъ кого нибудь и гдѣ нибудь узналъ о томъ, что я съ вами знакомъ и воспользовался моимъ именемъ для рекомендаціи, чтобъ выманить и у васъ. (Моимъ именемъ и прежде нѣкоторые пользовались, являясь къ другимъ, будто я ихъ послалъ, и тѣмъ очень меня компрометировали, по редакціямъ напримѣръ). И такъ это явно мошенникъ. Прошу васъ не принимать его. Я же еще разъ увѣряю, и даю слово, что не посылалъ его къ вамъ и не упоминалъ о васъ совсѣмъ въ разговорѣ съ нимъ ни прямо, ни намекомъ.

Что онъ технологъ—это можетъ быть, но что онъ мошенникъ—это не отмѣнно. Да не шпіонъ-ли онъ?

А засимъ до свиданія. Благодарю и жму вашу руку. Вашъ

Ѳ. Достоевскій.

И такъ, если Тенъ очень нуженъ, черкните мнѣ, я къ вамъ завезу.

V.

Старая Русса, 11-го іюля 1879 г.

Дорогая, уважаемая и незабвенная ** **. Ровно мѣсяцъ какъ получилъ ваше милое письмецо и до сихъ поръ не отвѣтилъ—но не судите, не осуждайте. Да и вы ли станете судить,—вы, добрая беззавѣтно и беспредѣльно, съ вашимъ прекраснымъ умнымъ сердцемъ! Я все время былъ здѣсь, въ Руссѣ, въ невыносимо тяжеломъ состояніи духа и хоть и было время побесѣдовать съ вами, но такъ иногда тяжело становилось, что каждый разъ откладывалъ, когда приходилось взяться за перо. Главное, здоровье мое ухудшилось, были все больные—сначала сынъ тифомъ, а потомъ оба теперь коклюшемъ; погода ужасная, невозможная, дождь льетъ какъ изъ ведра съ утра до ночи и ночью холодно, сыро, простудно; на цѣлый мѣсяцъ не болѣе трехъ дней было безъ дождя, а солнечный день выдался развѣ одинъ. Въ этомъ состояніи духа и при такихъ обстоятельствахъ все время писалъ, работалъ по ночамъ, слушая какъ воетъ вихрь и ломаетъ столѣтнія деревья (sic). Написалъ весьма мало, да и давно уже замѣтилъ, что чѣмъ дальше идутъ годы, тѣмъ тяжелѣе мнѣ становится работа. Все мысли стало быть неутѣшительныя и мрачныя, а мнѣ хотѣлось побесѣдовать съ вами въ другомъ настроеніи души.

Чрезвычайно мы (я и жена) порадовались, что вы вздумали поѣхать на Кавказъ: во 1-хъ несомнѣнная польза отъ леченія, въ это я вѣрю, только бы удалось вамъ не попасть къ худому доктору. (О, берегитесь медицинскихъ знаменитостей! всѣ онѣ съума сошли отъ самомнѣнія и отъ заносчивости, уморятъ. Выбирайте всегда средняго доктора, какого нибудь скромнаго нѣмца, ибо, клянусь, нѣмцы, какъ доктора, лучше русскихъ, это свидѣтельствую вамъ я, славянофилъ!). Во вторыхъ, поѣздка подальше, въ такое характерное мѣсто какъ Кавказъ, сильно развлечетъ и отвлечетъ васъ отъ утомительно-однообразной (хотя и чрезмѣрно характерной съ виду) нашей Санктпетербургской дребедени и пошлости. Отдохнете, только имѣйте силу духа забыть недавнее, и непосредственнѣе отдаться

впечатлѣніямъ природы и новаго мѣста. А затѣмъ въ августѣ, въ деревню къ милымъ дѣткамъ. Какъ хорошо, что у васъ есть они—сколько очеловѣчиваютъ они существованіе въ высшемъ смыслѣ. Дѣтки—мука, но необходима, безъ нихъ нѣтъ цѣли жизни. А европейскіе соціалисты проповѣдываютъ всѣ о воспитательныхъ домахъ! Я знаю великолѣпныхъ душой людей, женатыхъ, но дѣтей не имѣющихъ—и что же: при такомъ умѣ, при такой душѣ—все чего-то имъ недостаетъ и (ей Богу правда) въ высшихъ задачахъ и вопросахъ жизни они какъ-бы хромаютъ.—У васъ есть горькія строки о людской жестокости и о безстыдствѣ тѣхъ самихъ, на которыхъ вы, истинно любя ихъ, пожертвовали можетъ быть всю жизнь и дѣятельность вашу (про васъ это можно сказать). Но не удивляйтесь и не огорчайтесь—никогда болѣе и не надо ждать ни отъ кого. Не осуждайте меня какъ бы за высшій профессорскій тонъ; я самъ оскорбленъ многими и право, иными невинно, другіе же были оскорблены моимъ характеромъ (въ сущности тѣмъ, что я говорилъ имъ искренно слово, по ихъ-же просьбѣ) и горько отплатили мнѣ за это искреннее слово—и что-же, я навѣрно досадовалъ и негодовалъ болѣе, чѣмъ вы. Правда, болѣе того, что вы претерпѣли отъ тѣхъ и другихъ, рѣдко могло быть—ибо самъ я былъ свидѣтелемъ и сколько разъ слышалъ я ваше имя, обвиняемое тѣми и другими. Но вотъ что хорошо тутъ всегда: знайте, что всегда есть такая твердая кучка людей, которые оцѣнятъ, сообразятъ и сочувствуютъ непремѣнно и вѣрно. У васъ есть сочувственники, понимающіе вашу дѣятельность и прямо любящіе васъ за нее. Я такихъ встрѣчалъ и свидѣтельствую, что они есть. Меня же сочтите какъ горячаго изъ горячихъ почитателей вашихъ и прекраснаго, милаго, добраго, разумнаго сердца вашего. Жена же моя васъ сразу полюбила, а знаетъ васъ меньше моего.

Грудь моя здѣсь такъ разстроилась, до того, что я 17-го числа іюля ѣду въ Эмсъ на шесть мѣсяцевъ до сентября. Ужасъ что вынесу скуки въ уединенномъ леченіи моемъ. Напишите мнѣ тогда хоть строчку (Allemagne. Ems, M-r Theodor Dostoewsky, poste restante).

Глубокое мое уваженіе вашему супругу, до свиданія, дорогая ** ** жму вамъ руку и цѣлую ее. Анна Григорьевна очень васъ любитъ и свидѣтельствуетъ вамъ свою беззавѣтную преданность.

Вашъ Ѳедоръ Достоевскій.

Напомните обо мнѣ вашимъ дѣткамъ.

ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ

въ заботахъ о судьбѣ своихъ сочиненій.

Письма къ А. В. Топорову.

1882—1883 гг.

Сочиненія Тургенева—драгоцѣнное наслѣдіе всего русскаго народа. Имя этого писателя, вмѣстѣ съ именами Пушкина и Гоголя, перейдетъ къ отдаленнѣйшимъ вѣкамъ, доколѣ будетъ слышаться на землѣ русское слово.

Вполнѣ понимаемъ тотъ живой интересъ, который возбуждаетъ въ каждомъ грамотномъ русскомъ вопросъ о томъ, въ какомъ видѣ и какъ скоро явится въ свѣтъ полное, нынѣ, увы, уже посмертное изданіе произведеній великаго художника; въ какой мѣрѣ Иванъ Сергѣевичъ самъ *былъ* озабоченъ этимъ дѣломъ; въ чемъ состояли его, по сему предмету, взгляды и желанія,—въ виду зіявшей уже предъ страдальцемъ могилы.

Для удовлетворенія этого живаго интереса всѣхъ и каждаго, кому дорога память Тургенева, мы обратились къ Александру Васильевичу Топорову,—одному изъ ближайшихъ и искреннѣйшихъ друзей покойнаго писателя въ послѣднее десятилѣтіе его жизни (1873—1883 гг.),—съ убѣдительнѣйшею просьбою сохранить на страницахъ «Русской Старины» переписку съ нимъ Ивана Сергѣевича.

А. В. Топоровъ, уступая нашей просьбѣ, представилъ для помѣщенія въ «Русской Старинѣ» часть этой переписки.

Напечатанныя нынѣ, вслѣдъ за симъ, письма И. С. Тургенева къ А. В. Топорову по существу касаются одного только и притомъ весьма важнаго предмета: заботъ Тургенева о судьбѣ своихъ сочиненій, а по времени—относятся къ 1882 году (съ 1-го мая) по августъ 1883 года.

Печатаемый рядъ писемъ драгоцѣненъ какъ живѣйшее свидѣтельство заботъ Тургенева о его наслѣдствѣ, созданномъ имъ для Россіи, о тщательномъ собраніи и наивозможно лучшемъ изданіи его превосходныхъ произведеній.

Должно порадоваться, что—какъ видно изъ этихъ же подлинныхъ писемъ—Провидѣніе послало Тургеневу, въ лицѣ г. Топорова, ревностнаго, безгранично преданнаго и вполнѣ заботливаго объ его интересахъ друга и тѣмъ доставило нѣсколько отрадныхъ минутъ страдальцу на его смертномъ одрѣ.

Благодаря энергіи и заботамъ А. В. Топорова, котораго Иванъ Сергѣевичъ даже вызвалъ изъ Спб. предъ самою своею смертью къ себѣ, первое посмертное полное собраніе сочиненій Тургенева печатается и будетъ, въ скоромъ времени, выпущено въ свѣтъ И. И. Глазуновымъ, старѣйшимъ и вполнѣ уважаемымъ книгопродавческимъ домомъ въ Россіи.

Тому же издателю, И. И. Глазунову, отнынѣ, въ теченіе полувѣка, принадлежитъ право собственности на изданіе произведеній Тургенева.

Безчисленные почитатели памяти Ивана Сергѣевича Тургенева могутъ быть, такимъ образомъ, увѣрены, что его высоко-художественныя произведенія явятся въ свѣтъ столь же въ достойномъ его имени видѣ, въ какомъ изданы Иваномъ Ильичемъ Глазуновымъ собранія сочиненій прочихъ первокласныхъ русскихъ писателей.

Ред.

23-го сентября
1883 г.

I [1]).

И. С. Тургеневъ—П. В. Анненкову.

Парижъ, 50, Rue de Douai, 1 (13) мая 1882 г.

Любезный Павелъ Васильевичъ! На основаніи нашей многолѣтней неизмѣнной дружбы обращаюсь къ вамъ съ слѣдующимъ заявленіемъ и просьбой.

Вслѣдствіе разстройства моего здоровья, я желалъ-бы еще при жизни сдѣлать распоряженіе о капиталѣ, образуемомъ моими сочиненіями. Полное ихъ собраніе (послѣдняго изданія) находится теперь

---

[1]) Помѣщаемъ въ началѣ серіи писемъ Тургенева къ г. Топорову, по связи съ оной, письмо Ив. Сергѣевича къ П. В. Анненкову; письмо это, въ подлинникѣ, было передано г. Анненковымъ г. Топорову. Ред.

въ распоряженіи книгопродавцевъ наслѣдниковъ купца Салаева въ Москвѣ и срокъ ихъ владѣнія ими уже близится за истощеньемъ экземпляровъ. Желая продать теперь ихъ вполнѣ съ присовокупленіемъ всѣхъ новыхъ моихъ произведеній, появившихся въ журналахъ, сборникахъ и отдѣльно,—а также и всего того, что еще можетъ быть написано мною впредь—конечно по предварительномъ напечатаніи ихъ въ журналахъ—поручаю вамъ, купно съ М. М. Стасюлевичемъ, барономъ Г. О. Гинцбургомъ, В. В. Самарскимъ-Быховцемъ [1]) и другими лицами, какія вы почтете за нужное привлечь къ участію въ этомъ дѣлѣ—отыскать покупщика и сообщить мнѣ сюда въ Парижъ проектъ довѣренности, посредствомъ которой я передамъ избранному вами лицу мои права собственности на означенныя сочиненія.

Затѣмъ все, что отыщется послѣ меня въ моихъ бумагахъ, какъ-то: начатые романы, повѣсти, неконченные и недодѣланные разсказы—а равно и мои личныя записки и корреспонденцію—также рукописи напечатанныхъ сочиненій предоставляю вамъ самимъ, любезный Павелъ Васильевичъ, въ полное распоряженіе и употребленіе, смотря по вашему усмотрѣнію. Прошу васъ вмѣстѣ съ тѣмъ взять на себя право рѣшить: a) не слѣдуетъ ли, судя по обстоятельствамъ, прибѣгнуть къ старому срочному способу моихъ изданій, вмѣсто теперь предполагаемой безсрочной продажи? b) нужно ли включить въ число продажъ обоего рода стереотипное изданіе «Записокъ Охотника» или должно продолжать имъ пользоваться отдѣльно?—и наконецъ c) въ случаѣ свершенія продажи буду ли я имѣть право на предоставленіе изданія другому лицу чѣмъ то, которое ихъ пріобрѣло, буде *оно* окажется несостоятельнымъ или недобросовѣстнымъ? При опредѣленіи условій предполагаемой продажи обращаю вниманіе ваше и почтенныхъ моихъ совѣтчиковъ вообще на то обстоятельство, что самъ я не могу опредѣлить непремѣняемой цифры или цѣны новаго изданія; но могу приблизительно указать имъ на слѣдующія соображенія. Продажа моихъ сочиненій доселѣ давала мнѣ до 6,000 р. годоваго дохода, не включая сюда 1,000 р., ежегодно получаемыхъ съ «Записокъ Охотника»; да вѣроятно столько-же, если не болѣе, получали доходу съ нихъ и ихъ издатели. Отъ вашего суда, стало быть, будетъ зависѣть опредѣлить, на основаніи какихъ процентовъ можетъ быть капитализированъ вышеозначенный доходъ, принимая въ расчетъ, что продажа будетъ соотвѣтствовать полному отчужденію

---

[1]) Неизвѣстно, было ли совѣщаніе по этому дѣлу, согласно желанію Ивана Сергѣевича, по крайней мѣрѣ, В. В. Самарскій-Быховецъ приглашенъ не былъ.
А. Т.

моей собственности и изданіе будетъ длиться на весь срокъ, закономъ установленный.

Настоятельно прошу упомянуть въ будущемъ документѣ о предоставленіи корректуры изданія литератору трудолюбивому и добросовѣстному во избѣжаніе безобразій корректурныхъ, отличающихъ прошлыя изданія мои, особенно послѣднее!

Примите заранѣе выраженіе всей моей благодарности и увѣреніе той глубокой искренней дружбы, съ которымъ остаюсь на всегда всѣмъ сердцемъ вамъ преданный Ив. Тургеневъ.

И. С. Тургеневъ къ Александру Васильевичу Топорову.

II.

50, Rue de Douai. Парижъ, 29 (17) мая 1882 г.

Любезный Топоровъ, обращаюсь къ вамъ съ слѣдующей просьбой. Я обращался было съ ней къ Стасюлевичу, Анненкову и др., но они отказались. Это на счетъ продажи моихъ сочиненій, если не навсегда—то хотя новаго изданія. Не можете ли вы или съѣздить въ Москву, или хоть списаться съ наслѣдникомъ Салаева (не помню какъ его зовутъ—фамилія начинается съ буквы Д.)—не хочетъ ли онъ купить новое изданіе моихъ вещей съ прибавкою того, что вновь напечатано, и на какихъ условіяхъ? Сколько экземпляровъ, какая цѣна, какіе сроки уплаты? Я все это говорю въ томъ предположеніи, что экземпляры прежняго изданія близки къ истощенію.

Съ моей стороны я полагаю два условія: 1) чтобы половина цѣны была уплачена немедленно—впередъ, чтобы корректура была поручена знающему человѣку—литератору, дабы не повторились ужасы прежняго изданія. Быть можетъ—если наслѣдникъ Салаева не согласится—можно будетъ попытать другаго книгопродавца. Гг. Стасюлевичъ и Анненковъ предполагаютъ, что можно запросить 20,000 р. (за 5500 экз.).

Въ этомъ же письмѣ вы найдете особое уполномочіе мое къ вамъ. Надѣюсь, что вы согласитесь, если же нѣтъ—дайте знать. Еще просьба: попросить отъ меня Самарскаго (если онъ еще не уѣхалъ за границу) прислать мнѣ:

a) Образецъ довѣренности вамъ для этого дѣла, которую я спишу здѣсь и, засвидѣтельствуя въ консульствѣ, отошлю вамъ.

b) Образецъ завѣщанія, по которому я на будущее время подарю право издавать мои сочиненія (ихъ собственность словомъ) послѣ моей смерти кому мнѣ вздумается.

Я очень ему буду за это благодаренъ—ибо я въ этихъ формальностяхъ ничего не смыслю.

Здоровье мое все въ томъ же положеніи—хотя мнѣ лучше, я сидѣть могу—но болѣзнь эта очень продолжительная.

Въ концѣ этой недѣли надѣются перевезти меня въ Буживаль.

Прошу скораго отвѣта—а пока дружески кланяюсь всѣмъ знакомымъ и дружески жму вамъ руку. Ив. Тургеневъ.

III.

Уполномочиваю Александра Васильевича Топорова, на всѣ переговоры по поводу новаго изданія моихъ сочиненій. Ив. Тургеневъ.

Парижъ. 29-го (17) мая 1882 г.

Примѣчаніе. Получивши это письмо и полномочіе, А. В. Топоровъ немедленно обратился къ гг. Стасюлевичу и Анненкову, съ просьбою о содѣйствіи ему исполнить порученіе Ивана Сергѣевича. П. В. Анненковъ вызвался заѣхать въ Москвѣ въ магазинъ Салаева, а М. М. Стасюлевичъ предложилъ свои услуги относительно наблюденія за корректурой предполагаемаго изданія.

Ред.

IV.

П. В. Анненковъ къ А. В. Топорову.

Вторникъ, 25 мая 1882 г. Москва.

Многоуважаемый Александръ Васильевичъ. Вчера, выйдя измученный изъ вагона, я все таки направился къ наслѣднику Салаевыхъ, благо магазинъ его находился на томъ пути. Оказывается, что онъ уже самъ думалъ о пріобрѣтеніи новаго изданія Т°—и за прежнюю цѣну, но ваша и наша обязанность стараться объ увеличеніи старой цѣны до 25,000 руб. Самъ наслѣдникъ Салаевыхъ намѣревается писать къ вамъ, по этому поводу, узнавъ отъ меня, что вы представляете лицо Тургенева въ эту минуту. Обо всемъ здѣсь изложенномъ я уже извѣстилъ вчера Тургенева, да вдобавокъ сообщилъ ему неожиданную вѣсть: Салаевъ непрочь и отъ покупки изданія навѣчно, если Тургеневъ считаетъ это нравственно возможнымъ, 50,000 руб., которые я назначилъ исходнымъ пунктомъ всѣхъ дальнѣйшихъ переговоровъ, кажется его не удивили. Принимайте и это въ соображеніе при соглашеніи для соблюденія выгодъ автора, поступающаго въ кабалу къ книгопродавцу еще при жизни.

Я свое дѣло сдѣлалъ, но очень желалъ бы знать результаты всего нами начатаго. Напишите мнѣ о томъ, что воспослѣдуетъ со стороны Салаева. Адресъ мой слѣдующій: „На почтовую станцію Тагай, Симбирской губерніи. Такому-то. Въ село Чирьково“. Покамѣстъ прощайте, другъ, я крѣпко жму вамъ руку. П. Анненковъ.

Гостинница Лоскутная.

И. С. Тургеневъ къ А. В. Топорову.

V.

(Seine et Oise), Буживаль, Les Frênes. 26-го мая (7 іюня) 1882 г., середа.

Любезный Александръ Васильевичъ, вчера меня перетащили сюда въ надеждѣ, что воздухъ меня поправитъ. До сихъ поръ ничего незамѣтно.—Прежде я не могъ ни ходить, ни стоять, а теперь и лежать не могу—ибо къ моей мерзости въ лѣвой сторонѣ груди присоединись nevralgia intercostalis въ правой. Остается одно: сидѣть. Я и сижу.

Надѣюсь, что вы получили всѣ мои письма—и жду отвѣта. А я болѣе, чѣмъ когда нибудь, принужденъ пребывать въ совершенной неизвѣстности.

Жму вамъ дружески руку. Поклонитесь Полонскимъ и всѣмъ друзьямъ и хорошимъ знакомымъ. Ив. Тургеневъ.

P. S. Можетъ быть, вы уже удосужились съѣздить въ Москву? Во всякомъ случаѣ жду извѣстій.

На оборотѣ.

P. P. S. Сію минуту получилъ отъ Гинцбурга письмо, въ которомъ онъ предлагаетъ высланные ему мои 18,400 рублей употребить на изданіе—и потомъ самому продавать. Выгоды конечно большія,—но чѣмъ буду я пока жить?—А можетъ быть столько экземпляровъ осталось въ Москвѣ у Салаева, что и приступить къ новому изданію нельзя. Вы обо всемъ этомъ переговорите съ Стасюлевичемъ и др.

VI.

(Seine et Oise) Bougival, Les Frênes, 1-го (13) іюня 1832 г.

Любезнѣйшій Топоровъ, вчера получилъ я ваше письмо—а сегодня пришло письмо Думнова (наслѣдника Салаева), который готовъ купить новое изданіе и даже не прочь отъ пріобрѣтенія моихъ сочиненій на вѣчныя времена. — Но я согласенъ съ вами, что лучше сперва продать одно изданіе—а тамъ виднѣе будетъ. Я ему сегодня же пишу, что онъ черезъ васъ узнаетъ мои условія, кои суть слѣдующія:

Экземпляровъ, по прежнему, для него 5,500, а для меня 25. Цѣна 25,000 р. съ прежней разсрочкой, но что бы непремѣнно 5,000 р. были бы высланы сюда теперь же, по совершеніи контракта.

Такъ какъ лучшаго редактора, какъ Стасюлевичъ, даже въ об-

ласти идеала нельзя найти—то и это должно внести въ контрактъ, тѣмъ болѣе, что болѣе дешевой и во всѣхъ отношеніяхъ отличной типографіи тоже и Думскому (sic) найти нельзя.

Въ составъ новаго изданія войдетъ конечно все уже напечатанное—и сверхъ того все что я въ нынѣшнемъ году (если напишу), и статья: «Семейство Аксакова и Славянофилы», которая давно уже готова, но по разнымъ причинамъ откладывалась. Въ ней будетъ два листа слишкомъ—и она войдетъ въ составъ «Литературныхъ и Житейскихъ воспоминаній».

И такъ, по полученіи сего письма, войдите, пожалуйста, въ сношеніе съ Думновымъ и авось дѣло уладится. Въ случаѣ нужды даю вамъ полное право измѣнить, по вашему усмотрѣнію, иныя изъ сихъ условій, какъ напр. на счетъ цѣны и т. д.

Ожиданнаго поправленія къ лучшему въ моемъ здоровіи не воспослѣдовало: оно, напротивъ, хуже стало. О поѣздкѣ въ Россію лѣтомъ нечего и думать.

Дружески жму вамъ руку и остаюсь преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. Если Стасюлевичъ еще не уѣхалъ изъ Петербурга, поклонитесь ему отъ меня низкимъ поклономъ за его любезное предложеніе. Буду ждать сообщенія отъ Самарскаго, которому также поклонитесь отъ меня.

VII.

(Seine et Oise). Bougival, Les Frênes. Воскресенье, 13 (25) іюня 1882 г.

Любезный Александръ Васильевичъ. Вчера вечеромъ я получилъ ваше письмо съ довѣренностью. Такъ какъ сегодня воскресенье, то консульство закрыто; но завтра же довѣренность будетъ засвидѣтельствована и отправлена къ вамъ.

Не забудьте также напомнить любезнѣйшему Самарскому, что я все еще жду проектъ завѣщанія. Наслѣдника Салаева зовутъ не Думскимъ, а Думновымъ. Контрактъ съ Салаевымъ остался у меня въ Парижѣ; постараюсь его достать и тоже пришлю вамъ.

Что же касается моего здоровья, то мнѣ одинъ день будто получше, другой хуже. Въ сущности ничего не измѣнилось и я все также осужденъ на неподвижность на неопредѣленное время. Погода все не исправляется.

Дружески жму вамъ руку и остаюсь преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

VIII.

(Seine et Oise), Bougival, Les Frêmes. Воскресенье, 28-го іюня (9 іюля) 1882 г.

Любезнѣйшій Топоровъ. Въ отвѣтъ на ваше письмо имѣю вамъ сказать, что не вижу необходимости въ особенныхъ инструкціяхъ. Продавать сочиненія не слѣдуетъ уже просто потому, что никто 60,000 не дастъ. А отдѣльное изданіе продать, если нельзя за 25,000, то хоть за 23,000. Это послѣдняя цѣна и отъ васъ будетъ зависѣть на какую сумму рѣшиться. Одно непремѣнное условіе: 5,000 р. впередъ. Впрочемъ, молчаніе Думнова служитъ, кажется, доказательствомъ, что онъ, въ виду большаго количества остающихся экземпляровъ, беретъ свое намѣреніе назадъ. Если Глазуновъ точно желаетъ быть издателемъ—тѣмъ лучше, но я сомнѣваюсь. Контракта я вамъ не выслалъ потому, что онъ въ Парижѣ—поѣхать туда я пока не могу—а лица, которымъ я поручалъ розыскать его, не нашли его. Но я надѣюсь въ скорости его прислать. Кстати: другое непремѣнное условіе—это хорошая и честная корректура, какъ это было сказано въ Анненковской программѣ, что вѣрнѣе всего связано съ печатаніемъ въ типографіи Стасюлевича. Въ концѣ мѣсяца онъ будетъ у меня здѣсь и мы переговоримъ. Во всемъ остальномъ даю вамъ: carte blanche, т. е. оставляю все на вашъ произволъ. Благодарите отъ меня Самарскаго за присылку образца завѣщанія: я имъ воспользуюсь.—

Что касается до моей болѣзни,—то мнѣ опять хуже стало, послѣ нѣкотораго облегченія. Хуже, лучше—это не имѣетъ значенія.—Болѣзнь моя неизлечимая—и я навсегда прикованъ здѣсь. Я съ этимъ примирился... насколько это возможно.

Дружески жму вамъ руку и остаюсь искренно вамъ преданный

Ив. Тургеневъ.

IX.

(Seine et Oise), Bougival, Les Frênes. Воскресенье, 4 (16) іюля 1882 г.

Любезнѣйшій Топоровъ. На ваше письмо имѣю отвѣчать слѣдующее: вамъ извѣстны условія, на которыхъ я согласенъ продать изданіе моихъ сочиненій—(5,000 р. впередъ, хорошая корректура и печатать у Стасюлевича); все остальное зависитъ отъ вашего благоусмотрѣнія. Я вамъ писалъ, что доволенъ буду 23,000 вм. 25; если вы найдете возможнымъ спустить еще 1,000—т. е., продать за 22—и то добре.

Вы можете сказать Глазунову, что сверхъ напечатанныхъ еще статей—я могу обѣщать еще двѣ, которыя въ первый разъ у него

явится—одна: «Семейство Аксаковыхъ и Славянофилы» (она давно уже лежитъ въ моемъ портфелѣ)—другая: автобіографическая.—Кажется Глазунову не обидно будетъ дать 23 тысячи.

Конечно лучше было-бы 25—да мало чего нѣтъ! Вотъ и мнѣ лучше было быть здоровымъ—а вотъ поди-жь ты!

Предоставляю сіе вашему благоразумію и такту.

Въ болѣзни моей никакой нѣтъ перемѣны—и я еще долго буду сидѣть здѣсь какъ прикованный.

Дружески жму вамъ руку, преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

P. S. Вы уже изъ прежняго моего письма могли усмотрѣть, что я на Думнова махнулъ рукою.

X.

(Seine et Oise), Буживаль, Les Frênes. Понедѣльникъ, (5) 17-го іюля, 1882 г.

Любезнѣйшій Александръ Васильевичъ. Вчера я вамъ писалъ—и вотъ опять пишу сегодня, такъ какъ вчера вечеромъ пришло ваше письмо, въ которомъ вы мнѣ сообщаете предложеніе наслѣдниковъ братьевъ Салаевыхъ. Я очень этому радъ и благословляю васъ на совершеніе съ ними контракта. Условія вамъ извѣстны, но я готовъ ихъ повторить: 1) Цѣна (если они даютъ) 25,000 р.,—5,000 р. впередъ, остальныя деньги съ разсрочкой какъ въ прежнемъ контрактѣ. (NB. Я завтра, какъ ни какъ, потащусь въ Парижъ—найду тамъ прежній контрактъ и пришлю его вамъ тотчасъ). 2) Исправная и литературная корректура. Печатаніе у Стасюлевича, если возможно. 4) Прибавленіе съ моей стороны двухъ неизданныхъ статей сверхъ всѣхъ напечатанныхъ. 5) Въ мою пользу 25 экземпл. 6) На 6,000 экз. я не согласенъ—достаточно 5,500, если же Салаевъ хочетъ непремѣнно 6,000, то слѣдуетъ сдѣлать пропорціональную надбавку на цѣну всего изданія.

Благодарю васъ за всѣ хлопоты. Ждите на дняхъ присылки контракта. Дружески жму вамъ руку, преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

XI.

(Saine et Oise), Bougival. Les Frênes. (8) 20 іюля, 1882 г.

Любезнѣйшій Топоровъ. Посылаю вамъ наконецъ мною найденный контрактъ съ Салаевымъ. Изъ него вы усмотрите, что онъ заключенъ на сумму 22,000 р., (а не 25,000). Вслѣдствіе сего вамъ будетъ возможно—если найдете удобнымъ—либо также ограничиться

этой цифрой или 23,000 р.—или согласиться на печатаніе 6,000 экз. при 25,000 цѣнѣ.

Вообще, повторяю, дѣйствуйте совершенно самостоятельно,—я же заранѣе на все согласенъ, чтобы вы не рѣшили.

Жму вамъ дружески руку. Преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

XII.

И. С. Тургеневъ къ г. Думнову.

М. г. Я получилъ ваше письмо, которое я отправилъ къ г. Топорову, вмѣстѣ съ старымъ контрактомъ, въ которомъ сдѣлалъ надлежащія измѣненія. Въ главныхъ пунктахъ мы согласны; но считаю долгомъ замѣтить, что корректура не можетъ быть сдѣлана на мой счетъ—а г. Стасюлевичъ принимаетъ на себя ревизію каждаго готоваго къ печатанію листа, что совершенно необходимо, для избѣжанія безобразій прежняго изданія;—что я весьма бы желалъ, чтобъ печатаніе происходило въ типографіи г. Стасюлевича въ Петербургѣ, такъ какъ тогда я былъ бы увѣренъ, что оно будетъ отлично и для васъ самихъ это будетъ выгоднѣе, такъ какъ дешевле г. Стасюлевича никто не возьметъ. Чтоже касается до вашего возраженія на счетъ пересылки экземпляровъ въ Москву, то я охотно беру эту издержку на себя.

Примите и т. д. Ив. Тургеневъ.

P. S. Меня удивляетъ нѣсколько тотъ фактъ, что вы будто бы заявили, что у васъ моихъ сочиненій осталось еще 1500 экз., тогда какъ въ прошломъ году (болѣе года тому назадъ) вы говорили мнѣ, что остается ихъ всего не много болѣе 1,000.

Примѣчаніе. Эта копія написана Иваномъ Сергѣевичемъ собственноручно и переслана имъ А. В. Топорову. Ред.

XIII.

Контрактъ И. С. Тургенева съ книгопрод. домомъ Салаева.

Тысяча восемьсотъ семдесятъ девятаго года, мая перваго числа, мы нижеподписавшіеся, коллежскій секретарь Иванъ Сергѣевъ Тургеневъ и наслѣдники книгопродавца Өедора Иванова Салаева, полковникъ Евгеній Александровичъ Погожевъ, жена Московскаго купеческаго сына Софья Дмитріевна Думнова и дочь Подольскаго купца Вѣра Дмитріевна Андреева заключили слѣдующее условіе:

1) Я, Тургеневъ, предоставляю наслѣдникамъ Ө. И. Салаева право на печатаніе, изданіе и продажу въ собственную ихъ пользу новаго (четвертаго) полнаго собранія моихъ сочиненій, въ десяти томахъ, въ которое войдутъ,

сверхъ всѣхъ статей, помѣщенныхъ въ послѣднемъ изданіи 1873 года, а также и отдѣльно вышедшаго романа: Новь—слѣдующія статьи: а) уже напечатанныя въ „Вѣстникѣ Европы“ и „Новомъ Времени“ разсказы: „Часы“, „Сонъ“ и „Разсказъ отца Алексѣя“; б) сдѣланные мною переводы двухъ легендъ г. Флобера тоже напечатанные въ „Вѣстникѣ Европы“ „Иродіадъ“ и „Св. Іюліанъ“; в) три уже напечатанныя критическія статьи и г) новыя прибавленія къ „Литературнымъ и Житейскимъ воспоминаніямъ“, а также д) новое предисловіе къ романамъ.—Статьи подъ буквами в, г и д, объемомъ приблизительно въ восемь листовъ печатныхъ.—Подробный перечень и порядокъ расположенія статей по томамъ обозначены въ прилагаемомъ къ сему спискѣ.

2) Изданіе имѣетъ быть въ пять тысячъ пять сотъ экземпляровъ (изъ коихъ двадцать пять предоставляется мнѣ, Тургеневу, безплатно)—на бумагѣ одинаковаго качества съ присланнымъ образцомъ; шрифтъ и форматъ также имѣютъ быть согласны съ присланнымъ образцомъ.

3) Я, Тургеневъ, обязуюсь—прежде чѣмъ отъ этого новаго, четвертаго, изданія 1879 года не останется у наслѣдниковъ Ѳ. И. Салаева менѣе двухъ сотъ экземпляровъ—ни самому не предпринимать другаго изданія—полнаго или отдѣльныхъ статей—ни отчуждать этого права другимъ лицамъ.

4) Къ каждому экземпляру этого новаго изданія прилагается портретъ Тургенева, заказъ, гравировку и присылку котораго беру я, Тургеневъ, на себя, съ тѣмъ, чтобы наслѣдники Ѳ. И. Салаева приняли на себя половину всѣхъ сдѣланныхъ по этому пункту издержекъ.

5) Прибавочныя статьи обязуюсь я, Тургеневъ, доставить издателямъ не позже 1 (13) августа нынѣшняго года, а всѣ сдѣланныя мною въ текстѣ поправки и измѣненія должны быть мною представлены не позже 1 (13) сентября нынѣшняго же года. Десятый же томъ, въ которомъ заключаются комедіи, долженъ быть доставленъ немедленно въ исправленномъ видѣ, съ тѣмъ чтобы издатели могли начать съ него печатаніе всего изданія.

6) Я, Тургеневъ, предоставляю себѣ право отдѣльнаго дешеваго (народнаго) изданія «Записокъ Охотника» и продажи его въ мою пользу.

7) Опубликованная цѣна на полное собраніе моихъ сочиненій въ десяти томахъ не должна превышать пятнадцати рублей за экземпляръ.

8) Издатели имѣютъ право, по выпускѣ первыхъ двухъ или трехъ томовъ открыть, по усмотрѣнію, подписку на остальные и выдавать билеты на ихъ полученіе.

9) Наслѣдники Ѳ. И. Салаева обязуются обратить особое вниманіе на корректурную исправность текста.

10) За право напечатанія и продажи новаго собранія моихъ сочиненій, гг. наслѣдники Ѳ. И. Салаева обязуются взнести мнѣ, Тургеневу, двадцать двѣ тысячи рублей сер. въ слѣдующіе сроки:

1) Первый платежъ, восемь тысячъ рублей, въ день подписанія наслѣдниками Ѳ. И. Салаева сего контракта, т. е. 15 (27) мая 1879 г. (Изъ этихъ восьми тысячъ рублей полторы тысячи уже взнесены, слѣдовательно остается шесть тысячъ пятьсотъ руб.).

2) Второй платежъ 15 (27) ноября 1879 года, три тысячи пятьсотъ рублей.

3) Третій платежъ 15 (27) мая 1880 года,—три тысячи пятьсотъ рублей.

4) Четвертый платежъ 15 (27) ноября 1880 года,—три тысячи пятьсотъ рублей.

5) Пятый платежъ 15 (27) мая 1881 года,—три тысячи пятьсотъ рублей.

Неуплата же денегъ въ одинъ изъ назначенныхъ сроковъ влечетъ за собою уничтоженіе контракта и полученныя до тѣхъ поръ деньги остаются въ пользу Тургенева.

11) Контрактъ сей долженъ сохраняться обѣими сторонами во всѣхъ пунктахъ свято и нерушимо и имѣетъ одинаковую силу для нашихъ наслѣдниковъ, какъ и для насъ самихъ.

12) Наслѣдники Ѳ. И. Салаева обязуются доставить мнѣ, Тургеневу, засвидѣтельствованную копію настоящаго контракта съ ихъ подписями, а самый контрактъ съ моей подписью хранить у себя.

Полковникъ Евгеній Александровъ Погожевъ.

Подпись руки полковника Евгенія Александрова Погожева симъ свидѣтельствуется подписомъ и приложеніемъ казенной печати. С.-Петербургъ, іюня 30 дня 1879 года. За секретаря петербургскаго военно-окружнаго суда Зерицкій.

Жена московскаго купеческаго сына Софья Дмитріевна Думнова.

Подольская купеческая дочь Вѣра Дмитріевна Андреева.

1879 года іюля 5 дня подпись рукъ г-жъ Думновой и Андреевой удостовѣряю. Мясницкой части 2 квартала надзиратель Ивановъ.

И. С. Тургеневъ къ А. В. Топорову.

XIV.

(Seine et Oise). Bougival, Les Frênes. (10) 22-го іюля. 1882 г.

Любезный Александръ Васильевичъ. Вслѣдствіе письма, полученнаго мною отъ Анненкова, я вамъ послалъ вчера телеграмму о моемъ согласіи на изданіе Думновымъ моихъ сочиненій въ числѣ 6,000 экз. за 25,000 руб. сер.

Я это сдѣлалъ потому, что по старому контракту, который я высылаю вамъ страховымъ письмомъ, я получилъ всего 22,000. Слѣдовательно приходится за лишніе 500 экз. получить лишнихъ 3,000 р. Но при этомъ вы будете настаивать на слѣдующихъ условіяхъ:—печать и корректура у Стасюлевича;—немедленная уплата 5,000 р.,—сокращеніе сроковъ общей уплаты, такъ чтобы остальныя 20,000 р. были выплачены никакъ не позже двухъ лѣтъ. Анненковъ совѣтуетъ назначить два срока еще ближе. Впрочемъ, это будетъ зависѣть отъ вашего благоусмотрѣнія. Вѣроятно вы увидитесь съ Анненковымъ и потолкуете съ нимъ.

Засимъ желаю вамъ всего хорошаго и дружески жму руку, преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

XV.

(Seine et Oise). Bougival, Les Frênes. 17 (29) августа 1882 г.

Любезнѣйшій Топоровъ. Сейчасъ получилъ ваше застрахованное письмо—и спѣшу искренне благодарить за счастливое окончаніе дѣла, которое вы провели съ полнымъ благоразуміемъ и тактомъ. Нечего и говорить, что какъ издателя И. И. Глазунова въ тысячу разъ предпочитаю московскимъ господамъ.

Въ отвѣтъ на ваши запросы сообщаю вамъ:

1) Двѣ прибавочныя статьи: «Семейство Аксакова» и «Пожаръ»—составятъ около 3 листовъ—и будутъ помѣщены въ I томѣ—въ «Житейскихъ воспоминаніяхъ». Сверхъ того, по всей вѣроятности, въ теченіе года прибавятся еще статьи въ 4 листа печатныхъ, если не болѣе, которыя появятся въ отдѣльныхъ изданіяхъ (журналахъ)—и попадутъ въ 9 (предпослѣдній) томъ.

2) На счетъ портрета, посылаю вамъ фотографію, признанную лучшей и болѣе похожей. Покажите ее И. И. Глазунову—и если онъ того желаетъ—то можно ее увеличить, а потомъ награвировать здѣсь, за исполненіе чего въ наилучшемъ видѣ—я берусь. Пусть онъ только пришлетъ мнѣ образчикъ величины самой книги—и размѣръ, который онъ желалъ бы дать моей головѣ.

Надѣюсь, что г. Думновъ не вздумаетъ затѣять никакихъ затрудненій или объявить, что у него осталось пропасть экземпляровъ. Въ случаѣ нужды, я, какъ вамъ извѣстно, имѣю право купить у него эти остающіеся экземпляры.

Еще и еще разъ благодарю васъ и крѣпко жму вашу руку. Преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

XVI.

(Seine et Oise), Bougival. Les Frênes.
Понедѣльникъ, 23-го августа (4 сентября) 1882 г.

Любезный Топоровъ. Сей часъ получилъ ваше письмо; но уже вчера я получилъ телеграмму отъ Гинцбурга изъ Динара, что имъ получены 5500 р. с. Слѣдовательно, все дѣло приведено къ благополучному окончанію — и я не знаю какъ благодарить васъ за всѣ ваши хлопоты и старанія. Не даромъ я надѣялся на васъ, какъ на каменную стѣну.

Въ скорости опять напишу вамъ, а теперь долженъ сообщить

вамъ, что въ моемъ выздоровленіи опять остановка—надѣюсь небольшая.—Что дѣлать! Не всему-же удаваться. Но пью молоко съ остервенѣніемъ.

Дружески жму вамъ руку Ив. Тургеневъ.

XVII.

(Seine et Oise), Bougival. Les Frênes. 27-го августа (8 сентября), 1882 г.

Любезнѣйшій Топоровъ. Вчера я получилъ копію контракта — и извѣщеніе отъ конторы Гинцбурга, что она получила отъ васъ 5500 р. Остается воскликнуть вмѣстѣ съ вами: «совершилось!» и прибавить къ тому мое вторичное, сердечное спасибо. О дальнѣйшемъ переговоритъ съ вами Стасюлевичъ лично—такъ какъ на дняхъ онъ будетъ здѣсь—а дней черезъ десять—непремѣнно въ Петербургѣ.

Выздоравливаніе мое на нѣсколько времени запнулось было, но теперь приняло опять свой хотя медленный, но поступательный ходъ.

Крѣпко жму вашу руку преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

XVIII.

Контрактъ И. С. Тургенева съ И. И. Глазуновымъ.

С.-Петербургъ. 1882 года августа 21 дня. Нижеподписавшіеся: дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Ильичъ Глазуновъ и дѣйствующій по довѣренности коллежскаго секретаря Ивана Сергѣевича Тургенева, титулярный совѣтникъ Александръ Васильевичъ Топоровъ, заключили настоящій договоръ въ слѣдующемъ: 1) г. Глазунову предоставляется право напечатанія и продажи въ свою пользу пятаго изданія полнаго собранія сочиненій—И. С. Тургенева, въ десяти томахъ, въ которые войдутъ, кромѣ всѣхъ статей, напечатанныхъ въ четвертомъ изданіи и въ журналахъ за послѣдніе годы, еще двѣ новыя, а именно: 1) „Семейство Аксаковыхъ и Славянофилы" и 2) „Пожаръ парохода Николай I". Эти статьи должны быть доставлены издателю не позже перваго января тысяча восемьсотъ восемьдесятъ третьяго года. 2) Предпринимаемое пятое изданіе имѣетъ быть напечатано въ количествѣ шести тысячъ ста экземпляровъ, съ предоставленіемъ изъ нихъ въ пользу автора пятидесяти экземпляровъ безплатно и съ назначеніемъ опубликованной, цѣны не свыше пятнадцати рублей за экземпляръ. 3) Къ каждому экземпляру пятаго изданія долженъ быть приложенъ портретъ автора, который и принимаетъ на себя заказъ его, гравировку и доставку, съ отнесеніемъ половины всѣхъ, по этому предмету, издержекъ на счетъ издателя; всѣ же прочіе по изданію расходы г. Глазуновъ производитъ за свой счетъ, употребляя бумагу, шрифтъ и форматъ согласно съ посланными г. Тургеневу образцами. 4) Редакція корректуры принадлежитъ принявшему на себя этотъ трудъ безвозмездно М. М. Стасюлевичу, а потому всякій окончательно приготовленный къ печати листъ должно прежде доставлять къ нему и безъ его подписи не

печатать; если же противъ его поправокъ окажется хотя одна ошибка, то, по требованію г. Стасюлевича, таковой листъ перепечатать. 5) Выборъ типографіи для печатанія предпринимаемаго изданія принадлежитъ г. Глазунову, но два тома должны быть напечатаны въ типографіи г. Стасюлевича. 6) Доколѣ всѣ экземпляры пятаго изданія полнаго собранія сочиненій И. С. Тургенева не будутъ г. Глазуновымъ распроданы, выпускъ въ свѣтъ ни самимъ авторомъ, ни кѣмъ либо другимъ, шестаго изданія полнаго собранія его сочиненій не допускается, но г. Тургеневу предоставляется право отдѣльнаго стереотипнаго или инаго народнаго изданія и продажи въ свою пользу „Записокъ Охотника". 7) За право изданія и продажи въ свою пользу пятаго полнаго собранія сочиненій И. С. Тургенева г. Глазуновъ уплачиваетъ автору двадцать пять тысячъ пятьсотъ рублей, въ слѣдующіе сроки: при подписаніи сего договора пять тысячъ пятьсотъ рублей, а перваго іюля тысяча восемьсотъ восемьдесять третьяго, перваго января и перваго іюля тысяча восемьсотъ восемьдесять четвертаго и перваго января тысяча восемьсотъ восемьдесятъ пятаго года, каждый разъ, по пяти тысячъ рублей. 8) Платежи эти должны быть производимы безостановочно, независимо отъ того когда предпринимаемое изданіе будетъ окончено печатаніемъ; если же съ перваго января тысяча восемьсотъ восемьдесятъ четвертаго года его нельзя будетъ пустить въ продажу по той причинѣ, что у прежняго издателя Салаева не будутъ еще распроданы всѣ экземпляры четвертаго изданія полнаго собранія сочиненій И. С. Тургенева, то въ такомъ случаѣ и производство назначенныхъ въ предыдущемъ пунктѣ срочныхъ платежей съ 1-го января тысяча восемьсотъ восемьдесятъ четвертаго пріостанавливается; но лишь только это препятствіе къ выпуску предпринимаемаго изданія въ свѣтъ будетъ устранено, то въ то же время должны быть уплачены автору пять тысячъ рублей за срокъ перваго января тысяча восемьсотъ восемьдесять четвертаго года, а остальные два срочные платежа чрезъ шестимѣсячные промежутки. 9) Въ случаѣ неисправнаго платежа денегъ или какого либо инаго нарушенія условій сего договора, г. Глазуновъ уплачиваетъ автору единовременно всю сумму, какая будетъ оставаться по сему договору и тогда, само собою разумѣется, можетъ пользоваться всѣми предоставленными ему симъ договоромъ правами. 10) Настоящій договоръ обѣимъ сторонамъ и наслѣдникамъ ихъ хранить свято и ненарушимо; подлинному быть у г. Глазунова, а г. Топорову получить для довѣрителя своего засвидѣтельствованную копію. Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Иванъ Ильичъ Глазуновъ. Къ сему договору руку приложилъ и означенные въономъ пять тысячъ пятьсотъ рублей получилъ, по довѣренности Коллежскаго Секретаря Ивана Сергѣевича Тургенева, Титулярный Совѣтникъ Александръ Васильевичъ Топоровъ.

И. С. Тургеневъ къ А. В. Топорову.

XIX.

(Seine et Oise). Bougival, Les Frênes. Понедѣльникъ, (13) 25-го сентября 1882 г.

Любезный Топоровъ. Сію минуту получилъ отъ Думнова телеграмму съ отвѣтной—онъ меня спрашиваетъ правда-ли, что я продалъ изданіе Глазунову? Я ему отвѣчалъ: «продалъ право на новое изданіе Гла-

зунову». — (Vendu droit de nouvelle édition à Glasounoff). О чемъ спѣшу Васъ предупредить.......

Вчера былъ у меня Прилежаевъ и привезъ мнѣ томъ Пушкина, посланный вашей воспитанницей, которую цѣлую за подарокъ.

Здоровье мое поправляется.

Вы уже навѣрное видѣли теперь Стасюлевича. Онъ того мнѣнія, что Думновъ не оставитъ меня въ покоѣ — что дѣлать!

Дружески жму вамъ руку. Ив. Тургеневъ.

XX.

(Seine et Oise). Bougival. Les Frênes. (18) 30-го октября 1882 г.

Любезный Топоровъ. Получилъ я ваши обращики шрифта, бумаги и формата (а также и портретъ Гончарова). — Все мнѣ кажется очень хорошимъ; развѣ вотъ бумага нѣсколько тонка — сквозить будетъ. Портретъ будетъ принятъ въ соображеніе. (Кстати, Стасюлевичъ видѣлъ обращики? — и что онъ говоритъ?). Печатаніе начнется, вѣроятно, со втораго тома (гдѣ «Записки Охотника»). Это будетъ сдѣлано съ стереотипнаго изданія, гдѣ опечатокъ нѣтъ. Къ I и послѣднему тому будутъ, какъ вамъ извѣстно, прибавленія. Для облегченія корректурной работы — прошу васъ о слѣдующемъ: къ одному изъ томовъ Салаевскаго изданія (кажется, къ четвертому) приложенъ списокъ опечатокъ — главнѣйшихъ. Потрудитесь заставить вписать всѣ эти опечатки, т. е. поправки — и постепенно пересылайте мнѣ сюда каждый поправленный томъ, начиная съ 3-го. А я тотчасъ каждый томъ вновь перечту, окончательно исправлю и вышлю вамъ обратно, для передачи Глазунову.—Къ I тому будутъ прибавлены: a) «Семейство Аксаковыхъ и Славянофилы», b) Пожаръ «Николая I»; къ послѣднему «Пѣснь торжествующей любви»; «Старые портреты»; новая повѣсть «Послѣ смерти» и «Стихотворенія въ прозѣ»—въ хронологическомъ порядкѣ (такъ же будетъ прибавлено если я что нибудь еще напишу въ 1883 году).

Дружески жму вамъ руку. Ив. Тургеневъ.

PS. Видаете вы Савину? Скажите ей, что она меня совсѣмъ забыла.

XXI.

Bougival. Les Frênes. Chalet. Пятница, (5) 17-го ноября 1882 г.

Любезнѣйшій Топоровъ. Пишу вамъ наканунѣ переѣзда въ Парижъ (rue de Douai, 50). Я думалъ дольше здѣсь остаться—но вышло иначе. Третьяго дня я получилъ ваше письмо — а сегодня третій

томъ Салаевскаго изданія со вложеннымъ обращикомъ бумаги. Она кажется мнѣ вполнѣ удовлетворительной. Черезъ три дня я вышлю этотъ обращикъ съ моей аттестаціей, вложивъ его въ третій томъ, который прочту тщательно. Я нахожу, такъ же какъ и вы, что почтенный Глазуновъ ведетъ себя отлично. Еще разъ спасибо вамъ за посредничество.

День моего рожденія [1]) я провелъ очень мирно, въ семейномъ кругу. Здоровье мое стало въ послѣднее время поправляться. Боль во время стоянія и хожденія не прошла, но полегчила. Авось это улучшеніе продолжится.

Я попросилъ Стасюлевича, чтобы онъ и вамъ, и Полонскимъ далъ по оттиску моихъ «Стихотвореній въ прозѣ», когда онѣ появятся. Редакція «Вѣстника Европы» — ихъ очень хвалитъ; но что-то скажетъ публика? Очень уже эти стихотворенія не подходятъ къ тому, что она привыкла читать.

Дружески жму вамъ руку преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

XXII.

Парижъ. 50, rue de Douai. Понед. (14) 26-го ноября 1882 г.

Любезнѣйшій Топоровъ. Съ нынѣшней же почтой отправляю вамъ тщательно выправленный мною 3-й томъ моихъ сочиненій (Рудинъ и Двор. Гнѣздо).

Въ теченіе нынѣшней же недѣли вы непремѣнно получите 4-й и 5-й томы, которые пришли вчера.

Меня нѣсколько задержалъ переѣздъ сюда; теперь дѣло пойдетъ живо—и печатанью не предстанетъ никакихъ препятствій.

Дружески жму вамъ руку. Преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

XXIII.

Парижъ. 50, Rue de Douai. Середа, (18) 30-го ноября 1882 г.

Любезнѣйшій Топоровъ. Съ сегодняшней почтой отправляется къ вамъ выправленный 4-й томъ (Накануне и Отцы и Дѣти); послѣ завтра—пятый (Дымъ и Новь); третій—(Рудинъ и Дворянское Гнѣздо) вы уже навѣрное получили. Томъ 2-й «Записки Охотника» надо будетъ печатать со стереотипнаго экземпляра; но въ немъ проскользнули три, четыре опечатки, которыя я вамъ пришлю также на этой недѣлѣ. Съ моей стороны задержки не будетъ.

Повѣсть для „Нивы“ я обѣщалъ, но съ непремѣннымъ условіемъ

---

[1]) 28-го октября ст. ст. 1818 г.

не назначенія срока. Никакого контракта я, разумѣется, не заключалъ. Марксъ предлагаетъ мнѣ 2000 р. за печатный листъ его «Нивы»,—который равняется двумъ листамъ «В. Е.» Цѣна, какъ видите, очень большая. Но я не хочу связываться—тѣмъ болѣе, что мое здоровье опять значительно ухудшилось—и я совсѣмъ не знаю, когда я буду въ состояніи приняться за работу. Къ тому же мнѣ слѣдуетъ прежде окончить обѣщанныя двѣ статьи для I тома Глазуновскаго изданія.

Кстати о Глазуновѣ. Я слышалъ, что онъ пріобрѣлъ полныя сочиненія Гончарова и намѣренъ ихъ издать въ томъ же форматѣ, какъ и сочиненія Жуковскаго, Лермонтова и др. Не найдетъ-ли онъ для себя выгоднымъ пріобрѣсть такъ же сочиненія Я. П. Полонскаго, если не полныя, то съ выборомъ; мнѣ кажется, что было-бы дѣло хорошее—и для литературы? и для самаго издателя.

Засимъ крѣпко жму вамъ руку и остаюсь преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

XXIV.

Парижъ. 50, Rue de Douai. Пятница, 8 декабря (26-го ноября) 1882 г.

Любезный Топоровъ. Сегодня послалъ къ вамъ исправленный пятый томъ моихъ сочиненій (Дымъ и Новь). Шестой и седьмой (повѣсти) получены—и на будущей недѣлѣ отправятся обратно. Кстати, я забылъ одну важную вещь: подъ заглавіемъ „Отцовъ и дѣтей“—непремѣнно нужно помѣстить въ скобкахъ:

„Посвящено памяти Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго“.

Незабудьте.

Полонскій мнѣ пишетъ, что вы жалуетесь, что давно не имѣете отъ меня извѣстій,—рѣшительно не понимаю: я въ послѣднее время часто писалъ вамъ.

О своемъ здоровьѣ писать нечего: все тоже — и будетъ такъ до конца дней моихъ.

Дружески жму вамъ руку. Ив. Тургеневъ.

XXV.

Парижъ, 50, Rue de Douai. (30 ноября) 12-го декабря 1882 г.

Любезный Топоровъ. Огорошили вы меня извѣстіемъ, что 3-й томъ (Рудинъ и Дворянское Гнѣздо) пропалъ. Но получили-ли вы по крайней мѣрѣ письмо, которое его сопровождало и безъ котораго я ни одной книги не посылаю! Если получили, то извѣстите меня немедленно: когда, въ какой день вы его получили? Это облегчитъ мнѣ здѣсь справки на почтѣ.

Сочиненія Пушкина я получилъ—и извѣстилъ васъ объ этомъ, это заставляетъ меня думать, что иныя мои письма пропадаютъ.

5-й томъ (Дымъ и Новь) я отправилъ къ вамъ дней пять тому назадъ,—6-й и 7-й поѣдутъ на дняхъ, 8-й, 9-й и 10-й получены мною.

На этой же недѣлѣ вы получите маленькій списокъ опечатокъ, все-таки оставшихся въ стереотипномъ изданіи «Записокъ Охотника».

Радуюсь за синицу обѣщанную В—мъ. Но особенно буду радъ, когда она вамъ дѣйствительно попадетъ въ руки.

Дружески кланяюсь вамъ. Ив. Тургеневъ.

XXVI.

Парижъ. 50, Rue de Douai. (7) 19-го декабря 1882 г.

Любезный Топоровъ. Вчера получилъ ваше письмо съ извѣщеніемъ о прибытіи V тома.—III томъ очевидно пропалъ. Но чтобы розыскать его здѣсь какъ слѣдуетъ, повторяю прозьбу прислать какъ можно скорѣе свѣдѣнія: въ какое число получили вы сопровождавшее или предварявшее о немъ письмо? Это необходимо. Радуюсь тому, что вы устроили себѣ собственную семейку, въ видѣ вашей питомицы.

Да вотъ еще два порученія: 1) узнать отъ Іогансена получилъ ли онъ отъ меня романсъ г-жи П. Віардо на слова И. Сурикова: Часовой? 2) Я получилъ очень сочувственное письмо отъ Андрея Ткачева (адвоката), на которое я не могъ ему отвѣтить, такъ какъ онъ не выставилъ своего адреса. Доведите до его свѣдѣнія, что я ему очень благодаренъ за память и привѣтъ. (Вы помните я съ этимъ адвокатомъ ѣздилъ въ Москву по дѣлу съ Маляревскимъ). Кстати или не кстати—вы можете ему сообщить невеселую новость: братъ его, проживающій въ Парижѣ, сошолъ съ ума: третьяго дня его посадили въ больницу.

Полагаю, что Стасюлевичъ вручилъ вамъ оттискъ „Стихотвореній въ прозѣ". Надѣюсь, что хотя нѣкоторыя изъ нихъ вамъ понравятся. Публика и критика отнесутся къ нимъ или равнодушно, или презрительно: но я отъ этого не заплачу.

Здоровье мое все въ томъ же мало отрадномъ положеніи — но я къ этому совершенно привыкъ.

Дружески жму вамъ руку. Ив. Тургеневъ.

XXVII.

Paris. 50, Rue de Douai, (8-го) 20-го янв. 1883 г.

Любезный Александръ Васильевичъ. Въ прошлое воскресенье у меня изъ брюха вынули какую-то прескверную сливу, а сегодня, въ субботу, рана уже почти заросла (длиною же была въ 16 сантиме-

тровъ!). Лихорадки и слѣда не было, а черезъ недѣлю стоять на ногахъ будетъ мнѣ мѣшать только моя старая болѣзнь, которая продолжаетъ существовать безбѣдно. За то я буду безъ невромa!

Заочно цѣлую вашу дочь, кланяюсь вашей женѣ и жму вашу руку. «Иванъ Тургеневъ».

Примѣчаніе. Письмо не собственноручное, но подписано Тургеневымъ; на оборотѣ чертежъ разрѣза сдѣланной ему операціи. Ред.

XXVIII.

Парижъ. 50, Rue de Douai. Понед. 17-го (29) янв. 1883 г.

Любезный Топоровъ. Сегодня посылается вамъ выправленный VIII томъ моихъ сочиненій. Остальные имѣющіеся у меня два тома послѣдуютъ вскорѣ.

Такъ какъ III томъ, повидимому, окончательно пропалъ—то придется выслать его вновь.

Я окончательно выздоровѣлъ отъ операціи (я впрочемъ писалъ вамъ объ этомъ недавно);—но, къ сожалѣнію, старая моя болѣзнь вернулась съ удвоенной силой; никогда мнѣ не было такъ худо. Не только сидѣть или ходить—даже лежать я не могу—и безъ вспрыскиванья морфиномъ не въ состояніи былъ бы спать.

Но такъ какъ этому горю помочь нельзя—то и толковать объ этомъ не стоитъ. Крѣпко жму вамъ руку. Преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

XXIX.

Парижъ. 50, Rue de Douai. Пятница, 21-го янв. (2-го февр.) 1883 г.

Любезный Топоровъ. Сегодня отправляется къ вамъ IX (9-й) томъ выправленный. На дняхъ послѣдуетъ VI и X (комедіи)—то есть это уже будетъ, въ новомъ изданіи, не 10-й, а 11-й, ибо въ 10-й томъ войдутъ послѣднія написанныя мною вещи: 1) «Старые Портреты» и «Отчаянный»; 2) «Пѣснь Торжествующей Любви», 3) «Стихотворенія въ прозѣ»—4) «Клара Миличъ»—и 5) небольшая повѣсть, обѣщанная Нивѣ или можетъ быть Глазуновъ пожелаетъ присоединить все это къ 9-му тому, который довольно тонокъ? Это отъ него зависитъ. Когда вы получите VI и X томы—то за мной останется I-й томъ (куда должны войти новыя двѣ статьи къ «Житейскимъ Воспоминаніямъ»)—небольшое предисловіе и портретъ. Онъ уже сдѣланъ здѣшнимъ извѣстнымъ рисовальщикомъ Лингартомъ—и гравируется.

А проклятый III-й томъ? Онъ пропалъ. Надо будетъ его выслать вторично.

Здоровье мое—по обыкновенію—скверно—хотя рана отъ операціи совершенно зажила. Если бы не старая болѣзнь, я бы танцовать могъ. А съ ней я и двигаться не могу.

Желаю вамъ всего хорошаго. Ив. Тургеневъ.

XXX.

Paris. 50, Rue de Douai, (11) 23-го февр. 1883 г.

Любезный Топоровъ. По полученіи сего письма, пріобрѣтите хорошую большую фотографію мою и отправьте ее отъ моего имени его высокобл. Петру Владиміровичу Алабину, г. Самара, собств. домъ. Приложите къ ней и посылаемый мною листикъ, который они тамъ сами приклеятъ.

Надѣюсь выслать вамъ завтра X томъ, а черезъ 3 или 4 дня и VI-й.

Здоровье мое продолжаетъ быть скверным. Жму вамъ дружески руку. «Ив. Тургеневъ».

Примѣчаніе. Писано не собственноручно, но подписалъ Тургеневъ.

XXXI.

Paris. 50, rue de Douai, 24-го февраля (8 марта) 1883 г.

Любезный Александръ Васильевичъ. Съ нынѣшнею почтою посылается вамъ VI томъ моихъ сочиненій. Какъ вамъ извѣстно, стр. 256 до 273 въ немъ не достаютъ. На ихъ мѣстѣ вы найдете списокъ замѣченныхъ мною главныхъ опечатокъ. Я получилъ ваше письмо, въ которомъ вы увѣдомляете меня о полученіи X-го тома. Третій томъ вторично надѣюсь выслать вамъ скоро.

На счетъ моего здоровья не имѣю ничего новаго сказать.

Жму крѣпко вашу руку преданный. «Ив. Тургеневъ».

Примѣчаніе. Писано не собственноручно; подписано Тургеневымъ.

XXXII.

Bougival, les Frênes Chalet, (май 1883 г.).

«Диктую вамъ по французски, такъ какъ самъ не въ состояніи писать. Вашъ Ив. Тургеневъ.»

Mon cher Toporoff! Il y a bien longtemps que je n'ai reçu de vos nouvelles. Il y a longtemps aussi que je ne vous ai donné des miennes. La maladie a été la cause de mon silence; j'espère que ce n'est pas un motif aussi triste qui vous a empêché de m'écrire.

L'affaire de l'édition de mes oeuvres semble s'être arrêtée. A ce propos je tiens à vous dire, et c'est là le but principal de cette lettre,

que vous seul demeurez chargé de la direction de cette édition. Toute personne qui aurait tenté ou tenterait de se substituer à vous dans cette affaire à un titre quelconque devrait être considérée comme sans mandat. Je vous prie donc, mon cher ami, de me mettre très promptement au courant de la situation. Vous aurez l'obligeance de m'indiquer quels sont les volumes imprimés, quels sont ceux en cours d'impression. Vous me direz ce qui manque au premier volume que je n'ai pas pu complèter et auquel j'essaie en ce moment de travailler. Vous me direz aussi si vous avez reçu le portrait. En un mot vous me fournirez tous les renseignements que vous aurez et que j'ai hâte de connaître. Vous me donnerez en même temps des nouvelles de votre famille.

Ma santé est toujours à peu près la même et j'attends avec impatience une amélioration qui ne vient pas vite.

Je vous serre cordialement la main. «Jean Tourgueneff».

Примѣчаніе. Только первыя двѣ строки и подпись руки Ив. Сергѣевича. Получено 30 мая 1883 года.

XXXIII.

Bougival, (8-го) 20-го іюня 1883 г.

Любезнѣйшій Александръ Васильевичъ. Тутъ никакого гешефту не было—я самъ надѣялся на Липгарта возбужденный успѣхомъ его замѣчательнаго портрета Флобера; но оказалось, что на этотъ разъ онъ сдѣлалъ фіаско—и портретъ не годится, не смотря на то, что я по обыкновенной моей распущенности его вполнѣ одобрилъ. Скажите Ивану Ильичу, чтобы онъ распорядился заказомъ хорошаго портрета въ Петербургѣ въ хорошей фотографіи, коихъ много. А съ Липгартомъ я уже самъ распоряжусь. Впрочемъ, если портретъ этотъ не кажется Глазунову такимъ дурнымъ, то дайте мнѣ знать—во всякомъ случаѣ не Глазуновъ за него платитъ. Ваше предложеніе мнѣ кажется очень выгоднымъ, но моя слабость ещё такая безобразная, что ничего предпринять не могу; впрочемъ «Пожаръ на морѣ» я кое-какъ одолѣлъ; остается одна статья объ Аксаковыхъ, авось и съ ней я справлюсь до конца года.

Крѣпко пожмите отъ меня руку Ивану Ильичу (Глазунову)—мнѣ очень пріятно имѣть съ нимъ дѣло. Благодарю васъ за присылку фотографій—онѣ очень хороши. Вашъ «Ив. Тургеневъ».

Примѣчаніе. Письмо только подписано Ив. Сергѣев, и очень слабою рукою. Портретъ, исполненный Липгартомъ, оказался хорошъ, и въ виду полнаго признанія, въ апрѣлѣ 1883 г., сходства портрета самимъ Иваномъ Сергѣевичемъ [1]), И. И. Глазуновъ нашелъ портретъ весьма удовлетворительнымъ.
А. Т.

---

[1]) На оттискѣ этого портрета рукою Тургенева надпись: «Парижъ, 28-го (16-го) апрѣля 1883 г. вполнѣ одобряю. Иванъ Тургеневъ».

XXXIV.

Воскресенье, 26 іюня (8 іюля) 1883 г.

Милый Топоровъ. Очень обрадовали меня ваши два письма— пріѣзжайте скорѣе, мы устроимъ всѣ дѣла. Надѣюсь, что вы меня еще застанете въ возможномъ умственномъ видѣ. Обнимаю васъ. — До свиданія вашъ Ив. Тургеневъ.

XXXV.

Буживаль (близь Парижа). Воскр. (15) 27-го іюля.

Любезный Топоровъ... жаль, что ваше письмо, отъ 5-го іюля, пришло сюда только вчера! — На это письмо одинъ отвѣтъ: конечно, пріѣзжайте, какъ можно скорѣе, если хотите еще застать меня..... Надѣюсь, что все здѣсь устроится. Пишу вамъ такимъ страшнымъ почеркомъ, ибо пишу лежа на спинѣ.

Обнимаю васъ. Кланяюсь всѣмъ вашимъ. Ив. Тургеневъ.

P. S. Маршрутъ изъ Парижа—Буживаль—черезъ Gare S'Lazare, каждый часъ и 35 минутъ.

Примѣчаніе. Это письмо найдено А. В. Топоровымъ у себя въ Петербургѣ по возвращеніи изъ Франціи 5-го авг. 1883 г.

XXXVI.

Послѣднее письмо Ив. Серг. Тургенева, полученное А. В. Топоровымъ по пріѣздѣ въ Парижъ, въ гостинницѣ, 17-го (29-го) Іюля 1883 г.

Буживаль. Les Frênes (Chalet). Суббота 16 (28) іюля 1883 г.

Пріѣзжайте когда хотите, любезный Топоровъ—я для всѣхъ поневолѣ всегда дома—а ужъ для васъ-то! Заранѣе васъ обнимаю.

Преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

XXXVII.

И. С. Тургеневъ къ И. И. Глазунову.

Bougival. (Seine et Oise). Les Frênes (Chalet). 2-го августа 1883 г.

Милостивый государь Иванъ Ильичъ! Съ удовольствіемъ узналъ я отъ А. В. Топорова о желаніи вашемъ пріобрѣсти право собственности на изданіе всѣхъ сочиненій моихъ.

Предложеніе ваше совпадаетъ съ желаніемъ моимъ передать право изданія въ руки честнаго и надежнаго издателя.

Что касается до условій, то я надѣюсь, что сумма въ 80 т. рублей не покажется вамъ слишкомъ высокою, такъ какъ я включаю въ нее

тѣ 25,500 рублей, которые слѣдуютъ мнѣ по контракту 1882 г., а также и тѣ 20 т., въ которыя я опредѣляю стоимость «Записокъ Охотника», приносящихъ мнѣ по 1400 р. и болѣе ежегодно. Прибавивъ эти 20 т. къ тѣмъ 60 т., въ которыя было оцѣнено полное собраніе сочиненій моихъ, съ оставленіемъ за мною права стереотипнаго изданія «Зап. Охотн.», я нахожу, что требованія мои не должны показаться вамъ слишкомъ преувеличены.

Вслѣдствіе разстройства моего здоровья, я просилъ бы васъ также избавить меня отъ хлопотъ о портретѣ, такъ какъ слабость силъ моихъ не даетъ возможности ничего дѣлать. Топоровъ здѣсь переговоритъ съ художникомъ Липгартомъ на счетъ окончательныхъ распоряженій о печатаніи, высылкѣ и т. д.

Искренно благодарю васъ за предложеніе оставить за мною пожизненное право пользованія доходами со стереотипнаго изданія «Записокъ Охотника», ибо вижу въ этомъ вашемъ предложеніи несомнѣнное сочувствіе къ моей дѣятельности; напротивъ сознавая, что нѣкоторые пункты нашего контракта не были мною своевременно исполнены и чувствуя себя передъ вами виноватымъ, я берусь вознаградить это тѣмъ, что доставлю вамъ, для напечатанія въ вашемъ изданіи, небольшой біографическій отрывокъ, въ которомъ будутъ выведены нѣсколько лицъ, справедливо интересующихъ нашу публику; а также и продолженіе «Стихотвореній въ прозѣ», но во всякомъ случаѣ покорнѣйше прошу васъ до времени сего не разглашать.

Засимъ въ твердой надеждѣ, что наше дѣло скоро и благополучно завершится—какъ этого и нельзя не ожидать отъ человѣка столь достойнаго уваженія, какъ вы, прошу васъ принять отъ меня выраженіе дружескаго и вполнѣ искренняго уваженія, съ которымъ остаюсь—вашимъ душевно преданнымъ «Ив. Тургеневъ».

Примѣчаніе. Письмо только подписано Иваномъ Сергѣевичемъ Т—мъ.

Въ понедѣльникъ 22-го августа 1883 г., въ два часа по полудни, И. С. Тургеневъ скончался въ Буживалѣ близь Парижа.

Полное собраніе его сочиненій, въ изданіи И. И. Глазунова, оканчивается печатаніемъ въ трехъ типографіяхъ: Академіи наукъ, гг. Глазунова и Стасюлевича, въ 6000 экземплярахъ, въ десяти томахъ и, несомнѣнно, выйдетъ къ 1884 году. Изъ этихъ томовъ девять (томы 2—10) просмотрѣны и исправлены самимъ И. С. Тургеневымъ; I-й томъ авторъ не успѣлъ просмотрѣть.

Въ I-й т. войдутъ, между прочимъ, новый очеркъ Тургенева, оконченный имъ въ іюлѣ 1883 г. „Пожаръ парохода Николай I“, а также будетъ напечатана и другая его статья. Къ изданію будутъ приложены, по желанію опочившаго автора, два его портрета: одинъ работы Липгарта, а другой съ портрета акад. Дмитріева-Оренбургскаго: Тургеневъ въ охотничьемъ костюмѣ съ ружьемъ. Оригиналъ этого портрета принадлежитъ кн. Н. А. Орлову.

24-го сент. 1883 г. Ред.

АРХИМАНДРИТЪ ИГНАТІЙ, НАСТОЯТЕЛЬ СЕРГІЕВОЙ ПУСТЫНИ,

почетный вольный общникъ императорской академіи художествъ.

1811—1883.

Архимандритъ Игнатій, настоятель Сергіевой близь С.-Петербурга пустыни, извѣстенъ нынѣ всей Россіи.

Это тотъ самый достоуважаемый от. архимандритъ, по счастливой мысли и проэкту котораго нынѣ благополучно царствующему Государю Императору благоугодно было Высочайше повелѣть соорудить храмъ на мѣстѣ, гдѣ былъ смертельно раненъ 1-го марта 1881 г. Освободитель и Преобразователь Россіи въ Бозѣ почивающій Александръ II.

Архимандритъ Игнатій, въ мірѣ Иванъ Васильевичъ Малышевъ, по происхожденію мѣщанинъ Ярославской губерніи, Даниловскаго уѣзда, дер. Шишкино, родился 24-го марта 1811 г. Въ 1824 году онъ съ «протяжными» извощиками, т. е. съ обозомъ, пришелъ въ Петербургъ и поступилъ мальчикомъ къ купцу первой гильдіи Петру Васильевичу Лѣсникову, торговавшему сукнами въ Чернышевомъ переулкѣ [1]). Малышевъ пришелъ уже грамотнымъ; въ теченіе шести мѣсяцевъ обучилъ его грамотѣ отецъ.

Въ благочестивомъ и достойномъ семействѣ Лѣсникова, юноша въ теченіе десятилѣтней жизни въ Спб. встрѣтилъ благочестіе, добронравіе и любовь къ нему всей семьи за его честность и трудолюбіе. Страсть къ чтенію свящ. книгъ и весь окружавшій его складъ честной, тихой, вполнѣ религіозной жизни въ доброй русской семьѣ - благотворно повліяли на юношу. Онъ получилъ неотразимую склонность и влеченіе поступить въ монастырь. Не надѣясь получить на то разрѣшенія ни отъ родныхъ, ни отъ своего хозяина, онъ въ декабрѣ 1833 года, 22-хъ лѣтъ, идетъ на Троицкое подворье,

---

[1]) Это глава извѣстнаго торговаго дома Лѣсниковыхъ. Сынъ Петра Васильевича, тайный совѣтникъ Иванъ Петровичъ, былъ шесть лѣтъ городскимъ головою въ С.-Петербургѣ, нынѣ состоитъ гласнымъ С.-Петербургской городской Думы.

гдѣ въ это время остановился игуменъ одного изъ вологодскихъ монастырей, Игнатій Брянчаниновъ, назначенный тогда въ архимандриты-настоятели Троицкой пустыни и ждавшій своего туда поставленія. Игнатій Брянчаниновъ—нѣкогда гвардейскій офицеръ—былъ добрый знакомый въ семьѣ Лѣсниковыхъ.

Четыре раза приходилъ на Троицкое подворье Иванъ Вас. Малышевъ, и охваченный чрезвычайнымъ смущеніемъ не рѣшался войти къ Брянчанинову. Наконецъ, точно невѣдомая сила толкнула юношу къ от. архимандриту. Онъ повѣдалъ ему о своемъ влеченіи къ монашеству и тотъ съ радостью его принялъ подъ свое покровительство, быстро замѣтивъ искреннюю преданность въ молодомъ человѣкѣ къ иноческому подвижничеству.

5-го января 1834 года, то есть почти пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, новый архимандритъ-настоятель Троицко-Сергіевой пустыни увезъ туда молодого послушника на великое послушаніе и поистинѣ большіе труды.

Монастырь былъ заброшенъ, братіи было мало и между нею порядокъ отсутствовалъ.

Брянчанинову предстояло много трудовъ и онъ вполнѣ явилъ себя на высотѣ своего положенія. Это человѣкъ былъ дѣйствительно замѣчательный, полный энергіи и проникнутый глубоко-религіознымъ чувствомъ. Большой свѣтъ, который онъ смѣнилъ на монашеское подвижничество, не простилъ ему этого, и сплетни, всякія выдумки сыпались на него. Брянчаниновъ выносилъ всѣ невзгоды съ христіанскимъ терпѣніемъ и былъ истиннымъ наставникомъ окружавшей его братіи, которую онъ наставлялъ и словомъ, и примѣромъ, и хорошо выбираемыми духовно-нравственными книгами для чтенія.

Подъ ближайшимъ руководствомъ этого достойнаго настоятеля, Иванъ Васильевичъ Малышевъ,—по постриженіи от. Игнатій,—прошелъ всѣ степени иноческаго подвижничества. Въ 1841 г. принялъ полный постригъ, въ 1843 году сдѣланъ іеромонахомъ; постоянно былъ отличенъ знаменитымъ от. архимандритомъ Игнатіемъ Брянчаниновымъ; многому учился, читалъ, писалъ, посѣщалъ императорскую академію художествъ, сблизился съ славнѣйшими подвижниками художествъ въ Россіи въ 1840-хъ годахъ, и въ 1857 году сталъ преемникомъ своего руководителя, от. Игнатія Брянчанинова,—поставленъ архимандритомъ-настоятелемъ Сергіевой пустыни [1]).

Вполнѣ русскій самородокъ, отецъ Игнатій (Малышевъ) рано былъ отличенъ всею Августѣйшею фамиліею и множествомъ представителей столичнаго общества, посѣщавшихъ и посѣщающихъ Сергіеву обитель. Прекрасный хозяинъ, умѣлый руководитель ввѣреннаго ему братства монаховъ и зодчій по призванію, по страсти—от. Игнатій чрезвычайно возвысилъ Сергіеву пустынь,

[1]) Брянчаниновъ 23 окт. 1857 г. назначенъ епископомъ Кавказскимъ и Черноморскимъ, каковой постъ занималъ до 1861 г., когда удалился на покой. Умеръ 10-го апр. 1867 г.

какъ обитель, въ общемъ мнѣніи, и украсилъ ее нѣсколькими монументальными зданіями, созданными по его мысли, по его рисункамъ, подъ его ближайшимъ руководствомъ.

О томъ, чтобы дерзнуть предложить проэктъ храма на мѣстѣ, освященномъ пролитою царскою кровью 1 марта 1881 г., от. Игнатію не приходило и въ голову. Другіе зодчіе—признанные, таланты крупные, академики, профессора, такъ сказать, патентованные художники—спѣшили на призывъ съ своими проэктами. Конкурсъ шелъ своимъ порядкомъ, но ни одинъ изъ представленныхъ проэктовъ не удостоивался Высочайшаго утвержденія.

Между тѣмъ, въ четвергъ, на Страстной недѣлѣ, 25-го марта 1882-го года, от. архимандритъ Игнатій, вставши рано и приготовившись молитвою къ предстоящему ему въ тотъ день служенію въ церкви, прохаживался по террасѣ. Вдругъ его осѣнила мысль начертить проэктъ какого-либо зданія. Карандашъ и бумага всегда подъ рукою у нашего самородка-зодчаго. Онъ садится и изъ подъ карандаша выходитъ церковь. Онъ вырисовываетъ ее съ любовью и рачительностью. Выходитъ рисунокъ очень хорошій. Тогда мгновенно осѣняетъ его мысль, что храмъ, по этому рисунку, будетъ вполнѣ достойнымъ выраженіемъ тѣхъ чувствъ, съ какими русскій народъ желаетъ создать церковь на мѣстѣ, освященномъ кровью Царя-мученика. Между тѣмъ раздается благовѣстъ. От. архимандритъ спѣшитъ въ церковь, горячо молится, и въ немъ, съ неотвязною мыслью о задуманномъ имъ проэктѣ храма, является непостижимая нравственная увѣренность, что именно его проэктъ, (нѣкогда ярославскаго мѣщанина), а не кого-либо изъ знаменитыхъ архитекторовъ, съ какою-либо иностранною фамиліею, нѣтъ и нѣтъ, а именно его, старца-архимандрита, проэктъ удостоится утвержденія и осуществленія!

— „Откуда явилась у меня такая увѣренность, разсказывалъ намъ от. Игнатій, я просто понять не могу! Но она была у меня съ самаго великаго въ жизни моей дня—страстнаго четверга, 25-го марта 1882 года, и дала мнѣ несокрушимую твердость довести дѣло до конца".

А между тѣмъ разочарованія и борьба съ сомнѣніемъ начались немедля. Альфредъ Александровичъ Парландъ (англичанинъ по происхожденію), ближайшій помощникъ от. Игнатія (Малышева) при монастырскихъ постройкахъ, архитекторъ, не хотѣлъ и слушать, когда тотъ пригласилъ его къ совѣту, по поводу сдѣланнаго уже рисунка. Долго убѣждалъ его от. Игнатій выработать въ подробностяхъ его, архимандрита, проэктъ; тщетно передавалъ г. Парланду от. Игнатій о своемъ необъяснимомъ нравственномъ убѣжденіи, о своемъ „залогѣ внутреннемъ", что именно его проэктъ, от. Игнатія, будетъ утвержденъ,—г. Парландъ улыбался и отвѣчалъ, что онъ самъ уже истратилъ до 600 руб. на издержки по выработкѣ собственнаго своего проэкта, но что все это оказалось безплодно, что конкурируютъ такія знаменитости-архитекторы, что отцу архимандриту, строителю-самоучкѣ, состязаться болѣе, нежели странно...

Наконецъ однако от. Игнатій убѣдилъ г. Парланда вглядѣться въ проэктъ и выработать его детали. Проэктъ былъ выработанъ прямо по указаніямъ от. архимандрита. Проэктъ пошелъ на утвержденіе. Разсматривался долго, внимательно, всесторонне—и удостоился Высочайшаго утвержденія.

Читателямъ „Русской Старины", конечно, интересно будетъ познакомиться съ талантливымъ русскимъ самородкомъ-зодчимъ, архимандритомъ от. Игнатіемъ, который живо воскрешаетъ предъ нашимъ умственнымъ взоромъ образъ тѣхъ русскихъ иноковъ отдаленной старины, которые являлись не только подвижниками благочестія въ монастырскихъ трудахъ, но одушевленные какимъ-то самороднымъ геніемъ, созидали храмы и обители, до сихъ поръ привлекающіе подъ свою сѣнь православныхъ христіанъ и восхищающіе ихъ красотою сооруженій — памятниками русскаго зодчества XII—XVII вѣковъ.

Въ видахъ этого ознакомленія нашихъ многочисленныхъ читателей съ творцомъ Высочайше утвержденнаго проэкта храма, представляемъ здѣсь воспоминаніе от. архимандрита Игнатія. Это воспоминаніе вызвано съ его стороны избраніемъ его, „за полезные труды на художественномъ поприщѣ", въ „почетные вольные общники императорской академіи художествъ", въ торжественномъ засѣданіи академіи 4-го ноября 1881 г., т. е. за пять мѣсяцевъ до составленія от. Игнатіемъ его знаменитаго, нынѣ уже, по Высочайшей волѣ, осуществляемаго проэкта храма Воскресенія Христова, на мѣстѣ, гдѣ пролита кровь Царя-Освободителя.

Ред.

I.

4-го ноября 1881 года, на актѣ въ императорской академіи художествъ, подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владиміра Александровича, въ числѣ прочихъ счастливцевъ, удостоили и мое имя званія почетнаго свободнаго общника академіи художествъ.

Не могу представить достаточныхъ заслугъ, и не съумѣю обычно благодарить совѣтъ академіи за столь пріятное и почетное званіе.

Академія угадала чѣмъ потѣшить старика—нѣкогда ученика академіи.

Заблаговременно прошу прощенія, если моя благодарность выльется въ своеобразной формѣ. Мнѣ всегда отрадно говорить объ этомъ учрежденіи: я съ радостью вспоминаю мою юность, проведенную между знаменитыми профессорами того времени.

Всѣми былъ я принятъ радушно съ любовію и лаской, въ этомъ отношеніи не уступила и нынѣшняя академія, но живыхъ не хвалятъ, по монастырскому правилу. Я полагаю, что самое занятіе художниковъ воспитываетъ къ высокому и идеальному состоянію души; они чужды дрязгъ и сплетней человѣческихъ; ихъ мысли сохраняются въ чистотѣ, отъ всегдашняго занятія высокимъ идеаломъ, вредятся только тѣ, которые невнимательны къ своему дѣлу.

Я хочу сказать о томъ, что̀ я видѣлъ въ академическомъ знакомствѣ въ продолженіи десятковъ лѣтъ.

Будучи еще молодымъ человѣкомъ, въ монастырскомъ черномъ подрясникѣ, обучаясь въ академіи, я всѣми былъ принятъ и обласканъ какъ родной. Вотъ перечень современныхъ мнѣ столповъ академіи:

Карлъ Павловичъ Брюловъ, Александръ Павловичъ Брюловъ, Алексѣй Егоровичъ Егоровъ, Шубуевъ, Варникъ, Абрамъ Ивановичъ Мельниковъ, Воробьевъ, Басинъ, Бруни, Ник. Ив. Уткинъ, Ѳедоръ Ивановичъ Іорданъ, нынѣ здравствующій, Григоровичъ, Ухтомскій—мой соперникъ и состязатель, Марковъ, и многіе другіе.

Всѣ они были добры и привѣтливы, повидимому дружны между собою, посѣщали другъ друга, раздѣляя мысли и время, однимъ словомъ, жили какъ одна семья. Посѣщалъ и я многихъ, особенно Карла Павловича, у котораго былъ принятъ какъ свой человѣкъ; часто оставался я одинъ въ его мастерской, работая съ утра до вечера, и почти ежедневно посѣщалъ Алексѣя Егоровича Егорова. Когда случалось, по какой либо причинѣ, не успѣешь зайти къ нему, на другой день Алексѣй Егоровичъ встрѣчаетъ бывало съ выговоромъ: „что это значитъ, Иванъ Васильевичъ вчера не пришелъ? Я думалъ, думалъ, ужъ не заболѣлъ ли; я, братецъ, по тебѣ соскучился". Часто говорили мы съ нимъ о предметахъ религіозныхъ; онъ любилъ читать житія святыхъ. Однажды пришелъ я къ нему въ день Благовѣщенія, конечно послѣ обѣдни, и засталъ Алексѣя Егоровича въ мастерской сидящимъ предъ иконами, которыя наканунѣ писалъ. Послѣ обычнаго привѣтствія, я поздравилъ его съ праздникомъ.

— „Что, братецъ Иванъ Васильевичъ, говоритъ онъ, сижу, да скучаю".

— О чемъ же Алексѣй Егоровичъ? спросилъ я.

— „Да хочется поработать, а не смѣю—говорятъ праздникъ такъ великъ, что птица гнѣзда не завиваетъ“.

Вотъ какое было настроеніе и какой страхъ Божій у знаменитыхъ профессоровъ академіи художествъ.

О Карлѣ Павловичѣ Брюловѣ многіе говорили съ невыгодной стороны; но я скажу по совѣсти, что во все время моего знакомства съ нимъ, я никогда не слыхалъ отъ него пустого слова, такъ онъ былъ уменъ и деликатенъ. Нерѣдко случалось, что Карлъ Павловичъ при мнѣ возвращался съ дружескаго обѣда и былъ неизмѣнно уменъ и болѣе обыкновеннаго ласковъ. Когда онъ работалъ—это было истинное наслажденіе для учениковъ. Бывало приготовятъ палитру для Карла Павловича и онъ сядетъ писать. Одинъ изъ учениковъ въ это время читаетъ что-либо интересное, а прочіе стоятъ вокругъ него и глазъ не спускаютъ, любуясь, какъ онъ кладетъ краски на холстъ; кисть его гуляетъ, какъ рука артиста по клавишамъ: планы вѣрны, краски горятъ,—наслажденіе! Онъ часто говаривалъ: „меня упрекаютъ, что я мало работаю, а я работаю когда гуляю, а когда сажусь исполнять, мнѣ легко достается“. И правда, случалось на большихъ работахъ, Карлъ Павловичъ Брюлловъ запрется на недѣлю и наработаетъ столько, что хорошему художнику въ годъ не исполнить, а если и исполнитъ, то все не такъ, какъ онъ.

А первостепенные наши граверы! О Ѳедорѣ Ивановичѣ Іорданѣ говорить не буду,—онъ на лицѣ, разумѣющій да разумѣетъ какихъ онъ правилъ и познаній. Маститому старцу уже 83 года, а работаетъ по сіе время, и въ искусствѣ соперника не имѣетъ [1]). А Николай Ивановичъ Уткинъ, глядитъ, бывало, не глазомъ, а умомъ и сердцемъ, весь любовь! Не забыть мнѣ и Андрея Ивановича Ухтомскаго, смотрителя академіи и соперника моего, какъ я выразился. Бывало только входитъ въ зало изъ корридора, первое слово обращаетъ ко мнѣ: „ну что ты дармоѣдъ! съ твоимъ талантомъ забился въ монастырь“. Я, бывало, отвѣчу ему почти-

---

[1]) Ѳ. И. Іорданъ († 19 сент. 1883 г.) оставилъ вполнѣ достойнаго ученика и преемника, гравера на мѣди, Ивана Петровича Пожалостина. Академикъ, почетный вольный общникъ императорской академіи художествъ, г. Пожалостинъ справедливо пользуется славою одного изъ самыхъ лучшихъ граверовъ на мѣди не только въ Россіи, но и въ Европѣ. Многіе портреты замѣчательныхъ русскихъ людей, исполненные его художническимъ рѣзцомъ, хорошо извѣстны читателямъ „Русской Старины“. Ред.

тельнымъ поклономъ и продолжаю писать молча. Онъ подойдетъ ко мнѣ поближе, а за нимъ и всѣ воспитанники, желающіе слышать нашъ диспутъ. Я былъ начитанъ, и съ убѣжденіемъ защищалъ свои права. Полагаю, что А. И. Ухтомскій диспутировалъ со мной не по своему предубѣжденію противъ монастырей и монашествующихъ, а болѣе для воспитанниковъ. Приходилось и ему выслушивать отъ меня горькую истину; я былъ твердъ и рѣшителенъ въ отвѣтахъ.

— „Ты могъ бы, продолжалъ Андрей Ивановичъ, быть полезенъ государству, живя въ мірѣ, а что ты тамъ сидишь въ монастырѣ?"

— Почему же вы полагаете, отвѣчалъ я, что находясь въ монастырѣ, я не могу быть полезенъ? У насъ перестраивается соборная церковь, а денегъ нѣтъ, безпокоить никого не хотимъ, и безъ того укоряютъ монаховъ, называя ихъ дармоѣдами. Вотъ я и пишу иконостасъ, около 70-ти образовъ, безплатно, за святое послушаніе. Мнѣ за это ничего не дадутъ, да я бы и не принялъ ничего, а не дай-ка вамъ квартиру, жалованье, чинъ, или награду, будете-ли вы служить государству?

— „Намъ нельзя, братецъ, у насъ семейство, жена, дѣти, надо кормить и воспитывать ихъ".

— Ну, что-жъ; никто не принуждалъ васъ къ брачной жизни; если вы добровольно избрали ее, то обязаны понести и труды этой жизни. Монашескій путь не многими избирается, всѣ устремляются болѣе къ семейной жизни; не есть ли это доказательство, что этотъ путь труднѣе мірского?

— „Вотъ видишь, братецъ, мірскіе люди служатъ, кто подати платитъ, рекрутскую повинность отправляетъ, а вы, монахи, живете на чужой счетъ".

— Я подати заплатилъ до будущей ревизіи; рекрута поставилъ за себя, мое ярмо не легло ни на кого, какъ и всѣхъ поступающихъ изъ міра въ монастырь. Не всѣ же идутъ въ солдаты: другіе не доживутъ до будущей ревизіи, не говорю о неплательщикахъ,—ихъ ярмо ложится на общество, и ихъ не укоряютъ. На чужой счетъ мы не живемъ, мы служимъ человѣчеству въ самыхъ необходимыхъ, духовно-нравственныхъ потребностяхъ. Мы насильно никого не тянемъ, къ намъ приходятъ и смиренно просятъ исполнить ту или другую требу. Русскій православный человѣкъ скорѣе рѣшится умереть, чѣмъ лишиться церкви или святаго пріобщенія.

— „На это есть бѣлое духовенство“.

— Это иной вопросъ: бѣлое духовенство само по себѣ, а монастыри сами по себѣ; монастыри освящены и прославлены святыми угодниками чудотворцами; слово Господне оправдалось ими, Христосъ сказалъ: Знаменія вѣровавшимъ сія послѣдуютъ: именемъ Моимъ бѣсы иждепутъ, языки возглаголютъ новы, змія возмутъ, на недужные руки возложатъ и здравы будутъ. Въ иномъ мѣстѣ Онъ говоритъ, посылая учениковъ Своихъ: болящіе исцѣляйте, прокаженные очищайте, мертвые воскрешайте. Все сіе исполнилось въ нашемъ отечествѣ чрезъ святыхъ угодниковъ-монашествующихъ. Это русскій народъ твердо знаетъ, оттого и имѣетъ вѣру большую къ монастырямъ и монашеству. Приходятъ въ обители православные, и съ усердіемъ приносятъ по требная. Закройте монастыри—пожалуй забудутъ Бога, вѣру и благочестіе, а благочестіе на все полезно. Если бы благочестіе сохранялось въ должной мѣрѣ, не было бы преступленій, не было бы огромнаго административнаго расхода на полицію и тюрьмы, было бы блаженство на земли. Человѣчество страдаетъ за отступленіе.

Въ такомъ родѣ диспуты возобновлялись у насъ почти ежедневно съ Андреемъ Ивановичемъ Ухтомскимъ, и мы всегда оставались друзьями.

II.

Вспоминаю о томъ, какъ познакомился я съ художествомъ вообще и пристрастился къ искусству.

Всегда любилъ я художество и завидовалъ тѣмъ, которые занимались имъ. Особенный случай привелъ и меня въ академію. Отъ юности проживалъ я въ монастырѣ; одинъ изъ послушниковъ—келейникъ настоятеля заболѣлъ горячкою, меня приставили къ больному, и два мѣсяца я безвыходно находился при немъ. Въ свободное время я сталъ карандашомъ копировать картинки; настоятель, часто навѣщая больного, замѣтилъ, что я копирую довольно вѣрно и предложилъ мнѣ ѣхать въ Петербургъ и поучиться въ академіи. Я охотно отправился и помѣстился на нашей монастырской квартирѣ на Лиговкѣ. Въ день моего пріѣзда, присылаютъ за мной незнакомыя мнѣ дамы (оказалось, что это были три почтенныя сестры Мансуровы, извѣстныя нашей обители).

Я немедленно отправился къ нимъ. Онѣ сообщили мнѣ, что говорили со мной, бывши въ монастырѣ, и имъ особенно понравился строгій монашескій складъ моихъ отвѣтовъ. Узнавши, что я пріѣхалъ учиться живописи, онѣ пригласили меня къ себѣ, чтобы познакомить съ нѣкоторыми художниками. У нихъ я сошелся съ профессоромъ Варникомъ и Михаиломъ Ивановичемъ Скоти. Профессоръ Варникъ распрашивалъ меня: занимался ли я сколько нибудь рисованіемъ и предложилъ мнѣ нарисовать что-либо, чтобы представить въ академію. Мнѣ дали рисунокъ — поясное изображеніе карандашомъ Іоанна Богослова въ натуру. Въ продолженіи недѣли я скопировалъ его и подалъ на экзаменъ. Мнѣ дали третій № и перевели на оригинальныя фигуры. Нарисовалъ я фигуру, дали мнѣ восьмой №; началъ другую фигуру, не много не кончилъ; сосѣди по классу увѣряли меня, что за эту фигуру меня непремѣнно переведутъ на гипсовыя головы, а мнѣ представилось, что мною мало занимаются и учитель Вистеліусъ недовольно указываетъ мнѣ недостатки, подходя къ ученику только два раза въ недѣлю. Впослѣдствіи я убѣдился, что этого достаточно. При трудныхъ для меня условіяхъ жизни внѣ обители, я оставилъ классы и сталъ ходить только къ Михаилу Ивановичу Скоти, чтобы писать красками. Скопировалъ двѣ головы евангелистовъ Іоанна Богослова и Луки, съ оригиналовъ профессора Егорова.

Время подвигалось къ веснѣ; у насъ въ обители началась перестройка соборной церкви, приглашенъ былъ художникъ-академикъ Як. Алексѣевичъ Яненко, который взялся написать иконостасъ за 4,000 руб., при готовой квартирѣ и нѣкоторыхъ продуктахъ, съ тѣмъ, чтобы онъ продолжалъ заниматься со мною.

Я написалъ почти весь трехъ-ярусный иконостасъ безъ поправки, а Яненко 12 кружковъ въ царскіе врата.

Оставилъ я академію, какъ выше сказано, за недостаткомъ средствъ: хотя и были у меня богатые родственники, но я не хотѣлъ ихъ безпокоить, своихъ денегъ не имѣлъ, и съ монастыря также ничего не получалъ. Въ два мѣсяца я издержалъ на карандаши, на бумагу и на извощиковъ въ Сергіеву пустыню и обратно четыре рубля. Каждую субботу я ѣздилъ въ монастырь, а въ воскресенье, послѣ службы, возвращался обратно. Одинокая жизнь моя въ шумной столицѣ шла однообразно: обыкновенно утромъ ставилъ я самоваръ и покупалъ къ чаю трехъ-копѣечную

булку; затѣмъ отправлялся на Васильевскій островъ къ Михаилу Ивановичу Скоти. Иногда онъ угощалъ меня калачемъ съ икрой, спаси его Господи! Вечеромъ, послѣ работы, покупалъ у саячника трехъ-копѣечную сайку. Какъ быть, стыдно ѣсть на улицѣ, тѣмъ болѣе, что мнѣ казалось, что всѣ узнаютъ, что я монахъ, не смотря на мой тулупчикъ, которымъ прикрывался подрясникъ. Голодъ научитъ хитрости: спрячешь бывало сайку въ рукавъ, и ѣшь ее пока переходишь черезъ Неву,—опять подкрѣпился до Лиговки!

Возвратясь на квартиру, отправлюсь прямо въ сарай, съ фонаремъ, наколю дровъ, затоплю печку и поставлю въ нее горшокъ съ картофелемъ, привезеннымъ мнѣ изъ монастыря, а самъ прилягу отдохнуть отъ изнеможенія; проснусь утромъ: печка потухла, труба не закрыта, картофель забытъ. Опять ставлю самоваръ и подкрѣпляюсь трехъ-копѣечной булкой. Иногда покупалъ я въ лавочкѣ на 4 коп. трески или пареной брюквы и угощалъ еще этимъ пріѣзжую братію. Рѣдко, рѣдко позволялъ себѣ роскошь: возьму, бывало, тарелочку въ салфетку и отправлюсь отъ Кузнечнаго моста къ Знаменью въ трактиръ; войду на кухню, по черной лѣстницѣ, не снимая тулупа и фуражки, чтобъ не узнали, что я монахъ, закажу пирогъ въ 4 коп., снесу домой, и съѣмъ тамъ.

Такъ проводилась жизнь,—любовь къ искусству превозмогла все. Вотъ видно за что удостоили меня почетнаго званія.

Много я писалъ, но сожалѣю, что мало учился.

Впослѣдствіи перешелъ я на другое поприще художественной дѣятельности, именно строительное.

При помощи Божіей и добрыхъ людей, я произвелъ до 50-ти большихъ и малыхъ построекъ, и радуюсь, что капиталы, вручаемые мнѣ безотчетно, я передалъ въ руки бѣдныхъ рабочихъ людей. Сооруженія мои на лицо. Оцѣнка—впослѣдствіи.

Архимандритъ Игнатій.

1881 г.

Примѣчаніе. Отцу архимандриту Игнатію (Малышеву) принадлежитъ нѣсколько историческихъ трудовъ и проповѣдей. Нѣкоторые изъ тѣхъ и другихъ напечатаны. Таковы: „Краткія жизнеописанія русскихъ святыхъ“. Спб. 1875 г., два тома; „Жизнеописаніе епископа Игнатія Брянчанинова“, составлено подъ редакціею и при непосредственномъ содѣйствіи от. Игнатія (Малышева). Спб., 1881 г., въ больш. 8 д., съ портретомъ; „Слово въ защиту русскихъ монастырей“. Спб. 1874 г.; „Слово о духѣ времени“. Спб., 1874 г. и проч. Ред.

О ВОЗОБНОВЛЕНІИ ПАМЯТНИКА НА ОБЩЕЙ МОГИЛѢ

АРТЕМІЯ ВОЛЫНСКАГО, ЕРОПКИНА И ХРУЩОВА

27-го іюня 1740 г.

Кладбище у церкви Самсонія, что на Выборгской сторонѣ, въ Петербургѣ,—въ XVIII вѣкѣ было довольно обширное и вмѣщало въ себѣ много могилъ Петербургскихъ обывателей, хорошихъ дворянскихъ и купеческихъ фамилій. Упраздненное,—оно быстро стало обращаться въ пустырь, обнесенный оградою и довольно небрежно содержимый: отъ прежнихъ надгробныхъ памятниковъ сохранилось десятка два каменныхъ плитъ, вросшихъ въ землю, съ полувытертыми надписями, безъ крестовъ надъ ними. По многимъ изъ этихъ плитъ ѣздятъ, ходятъ, и видимо множество таковыхъ плитъ ушло въ различныя строевыя подѣлки. Здѣсь погребены семейство секундъ-маіора Челищева, старушки 83 л. Юшковой, купца Милютинскаго и друг. Большинство плитъ относится къ 1750—1770 гг.

Памятникъ на могилѣ знаменитаго посла и администратора при Петрѣ Великомъ и министра при Аннѣ Іоанновнѣ—Артемія Волынскаго находится у самой почти калитки, налѣво отъ входа;—онъ въ полуразрушенномъ состояніи: переломанная плита вросла въ землю и только запавшія въ вырѣзанныя буквы листья обозначаютъ надпись, нѣсколько словъ изъ которой уже нельзя разобрать. Надпись эта приведена въ «Русской Старинѣ» изд. 1883 г., май, стр. 471. Въ головѣ могилы стоитъ памятникъ, поставленный въ началѣ царствованія Елисаветы Петровны и подновленный при Екатеринѣ II. Въ настоящее время онъ въ жалкомъ видѣ: отъ мраморной урны, стоявшей на верхней колонкѣ, осталась лишь полушарообразная частичка, вокругъ которой шла надпись, но изъ нея только можно

прочесть пять-шесть словъ, въ которыхъ указывается, что въ сей могилѣ покоятся тѣла: Артемія Волынскаго, Андрея Хрущова и Еропкина. Всѣ трое были казнены, какъ извѣстно, въ одинъ день: 27-го іюня 1740 г. Этотъ остатокъ урны уже вовсе не прикрѣпленъ къ колонкѣ и какой нибудь шалунъ мальчикъ, снимая этотъ осколокъ невозбранно, его разобьетъ или унесетъ. Плита огорожена грубою деревянною, не окрашенною, въ двѣ перекладины, низенькою загородкою, видимо въ позднѣйшее уже время.

Извѣстно, что на Руси издавно не берегли отечественными памятниками. Но въ послѣдніе двадцать лѣтъ, когда разработка отечественной исторіи и древностей сдѣлала весьма значительные успѣхи, вниманіе русскихъ людей изъ образованнаго общества все чаще и чаще стало направляться на разысканіе, сохраненіе и возстановленіе памятниковъ родной старины, напоминающихъ какъ объ историческихъ событіяхъ, такъ и объ историческихъ дѣятеляхъ.

Артемій Волынскій, вмѣстѣ съ своими страстотерпцами Хрущовымъ и Еропкинымъ—личности крупныя въ русской исторіи XVIII в. Одинъ изъ даровитыхъ «птенцовъ» Петра Великаго, Волынскій былъ его сподвижникомъ, исполнителемъ геніальныхъ его предначертаній на поприщахъ дипломатическомъ и административномъ; затѣмъ усердно служилъ его преемникамъ, и наконецъ былъ энергическимъ, вполнѣ русскимъ кабинетъ-министромъ въ царствованіе Анны Ивановны и въ кровавую эпоху казней и угнетенія русскихъ людей Бирономъ.

Въ суровую эпоху 1730—1740 гг., эпоху заполоненія Россіи нѣмцами, Волынскій высоко держалъ знамя русской народности. Въ немъ билось русское сердце, онъ любилъ отечество, горячо желалъ ему блага и сложилъ свою голову подъ сѣкирою палача только потому, что дерзнулъ идти противъ Бирона.

Можетъ ли быть забыта могила Артемія Волынскаго и его страстотерпцевъ, Хрущова и Еропкина, людей чисто русскихъ, людей весьма достойныхъ и просвѣщенныхъ,—представителей двухъ старинныхъ служилыхъ русскихъ родовъ?

Мы полагаемъ, что нѣтъ и не должна быть забыта эта братская могила, и въ этихъ видахъ помѣстили въ текущемъ году, въ пятой книгѣ «Русской Старины» (изд. 1883 г. томъ XXXVIII, май, стр. 464—471) описаніе того печальнаго состоянія, въ которомъ находится эта общая могила надъ тремя страстотерпцами-мучениками—Волынскимъ, Хрущовымъ и Еропкинымъ.

Статья эта немедленно вызвала слѣдующій сочувственный откликъ:

С.-Петербургъ, 10-го іюня 1883 г.

„Милостивый государь, Михаилъ Ивановичъ. Въ помѣщенной въ майской книгѣ за 1883 годъ издаваемаго вами журнала «Русская Старина» замѣткѣ о могилѣ Волынскаго описано то печальное состояніе, до котораго дошло нынѣ мѣсто упокоенія русскаго патріота.

„Воздвигнутый дѣтьми казненнаго кабинетъ-министра, подновленный и дополненный при императрицѣ Екатеринѣ II-й и бывшій когда-то мѣстомъ паломничества со стороны жителей столицы, памятникъ на могилѣ А. П. Волынскаго—какъ сказано въ этой замѣткѣ—угрожаетъ въ близкомъ будущемъ окончательнымъ исчезновеніемъ.

„Такой участи ни въ какомъ случаѣ не долженъ быть подвергаемъ памятникъ на могилѣ русскаго патріота и нужно надѣяться, что если романъ Лажечникова «Ледяной домъ» воскресилъ, полъ-вѣка тому назадъ, память о Волынскомъ, то помѣщенная въ «Русской Старинѣ» замѣтка о его могилѣ должна вызвать въ русскомъ обществѣ мысль о возобновленіи пришедшаго нынѣ въ упадокъ памятника.

„Въ виду этой статьи, редакціи «Русской Старины» долженъ принадлежать починъ въ открытіи подписки на этотъ предметъ, а потому, если вы изволите раздѣлять этотъ взглядъ, имѣемъ честь препроводить при семъ къ вашему превосходительству десять рублей на возобновленіе памятника А. П. Волынскаго.

„Примите и проч. Константинъ Константиновичъ Миллеръ.
Митрофанъ Ивановичъ Городецкій.“

Присоединяемъ съ своей стороны на тотъ же предметъ сорокъ руб. и приглашаемъ родичей и потомковъ жертвъ жестокости Бирона, равно приглашаемъ всѣхъ ревнителей старины и почитателей памяти знаменитаго историческаго дѣятеля Артемія Волынскаго, присоединить свои пожертвованія на возобновленіе памятника на могилѣ Волынскаго, Еропкина и Хрущова, незаслуженныя страданія которыхъ вызвали, двадцать лѣтъ спустя, глубокія сожалѣнія великой Екатерины II и собственноручно ею начертанный прекрасный завѣтъ своимъ потомкамъ [1]).

Если соберется 400 или 500 рублей, возможно уже будетъ обнести могилу чугунной рѣшеткой и возстановить разбитую урну, воспроизведя на ней надпись съ именами достопамятныхъ русскихъ дѣятелей, первой половины XVIII вѣка, опочившихъ въ этой вполнѣ исторической могилѣ.

Ред.

27-го іюня 1883 г.

---

[1]) См. «Русскую Старину» 1883 г., май, стр. 465.

Письмо И. С. Тургенева къ одному изъ гласныхъ Петербургской Городской Думы.

Bougival, Les Frènes Chalet. Вторникъ, (20 іюня) 2-го іюля 1879 г.

Милостивый государь, М. И.! Позвольте мнѣ воспользоваться нашимъ короткимъ (по времени) знакомствомъ, чтобы обратиться къ вамъ съ просьбой, исполненіе которой я счелъ бы за личное одолженіе.

Мнѣ извѣстно, что въ послѣднее время С.-Петербургская Дума положила открыть нѣсколько новыхъ училищъ. Я бы очень былъ радъ, если бы одно изъ казенныхъ мѣстъ классной дамы или учительницы досталось г-жѣ Евдокіи Ивановнѣ Кузьминой, дочери крестьянина, 19 лѣтъ отъ роду, имѣющей дипломъ на званіе учительницы...

Я имѣю полное основаніе думать, что г-жа Кузьмина съ совершенной добросовѣстностью и знаніемъ дѣла исполнитъ обязанности, которыя будетъ угодно начальству возложить на нее.

Вліяніе ваше, какъ гласнаго думы и какъ человѣка, пользующагося всеобщимъ уваженіемъ, могло бы быть рѣшительнымъ въ подобномъ случаѣ.

Въ надеждѣ, что вы захотите споспѣшествовать исполненію моей прозьбы, прошу васъ принять увѣреніе въ глубокомъ уваженіи и преданности вашего покорнаго слуги Ив. Тургенева.

Примѣчаніе. Напечатанное въ намъ письмо приводится какъ одно изъ безчисленныхъ доказательствъ отзывчивости незабвеннаго Ивана Сергѣевича на поддержку всѣхъ трудящихся и нуждающихся въ покровительствѣ и помощи. Эта черта добрѣйшей, мягкой души нашего дорогаго писателя была общеизвѣстна въ обширномъ кругу знакомыхъ и почитателей Тургенева.

Ред.

По поводу кончины И. С. Тургенева.

Отовсюду въ предѣлахъ нашего отечества слышатся не только выраженія глубочайшей скорби о безвременной кончинѣ И. С. Тургенева, не только массы его почитателей спѣшатъ въ храмы съ молитвами о упокоеніи истинно праведной его души, но во многихъ мѣстахъ и многія лица соединяютъ молитву съ какимъ либо добрымъ дѣломъ во имя и въ память Ивана Сергѣевича Тургенева.

Редакторъ „Русской Старины“, съ своей стороны, препроводилъ 27 сент. на мѣсто своей родины, въ г. Великія Луки (Псковской губ.), 100 руб. въ мѣстное „Общество вспомоществованія ученикамъ и ученицамъ въ учебныхъ заведеніяхъ г. Великихъ Лукъ и Великолуцкаго уѣзда“ для оказанія пособія, въ память И. С. Тургенева, особенно нуждающимся ученицамъ мѣстной женской Прогимназіи.

родѣ русскомъ то уваженіе къ закону, безъ коего невозможно общественное благосостояніе и которое должно быть руководителемъ дѣйствій всѣхъ и каждаго отъ высшаго до низшаго».

Появленіе интересной и съ пылкою искренностью написанной брошюры Гр. Джаншіева напоминаетъ о пользѣ и своевременности появленія подобныхъ же обозрѣній дѣятельности прочихъ сподвижниковъ Александра II - Преобразователя и Освободителя, именно тѣхъ, смерть которыхъ уже выдвинула на судъ исторіи. А такихъ уже не мало! Вспомнимъ Я. И. Ростовцева, гр. В. Н. Панина, кн. П. П. Гагарина, К. В. Чевкина, С. С. Ланского, Н. А. Милютина, Я. А. Соловьева, Ю. Ѳ. Самарина, кн. В. А. Черкасскаго, С. М. Жуковскаго, Буцковскаго, В. П. Буткова, П. А. Зубова (послѣдніе трое — крупные дѣятели по судебной реформѣ) и нѣкоторыхъ друг. А сколько дѣятелей второстепенныхъ, сколько дѣятелей мѣстныхъ, оказавшихъ большія заслуги при осуществленіи реформъ, при проведеніи ихъ въ жизнь и сознаніе русскаго народа! Мы наканунѣ уже четверти вѣка отъ обнародованія главнѣйшей изъ реформъ минувшей эпохи — Положеній 19-го февраля 1861 г.; давно уже выдвинулось совершенно новое поколѣніе, которое пользуется плодами этихъ и прочихъ реформъ 1861—1869 гг. и которое, усматривая нѣкоторые ихъ недостатки и несовершенства, неизбѣжные во всякомъ созданіи человѣческаго разума, едва-ли цѣнитъ ихъ достоинства, и, во всякомъ случаѣ, не воздаетъ должное тѣмъ колоссальнымъ трудамъ, которые должны были вынести на себѣ русскіе скромные труженники, горячо отозвавшіеся на призывъ Преобразователя и Обновителя Россіи.

Будемъ же ждать ихъ біографій и возможно подробныхъ, честно и искренно написанныхъ обзоровъ ихъ дѣятельности; таковыя изслѣдованія поведутъ къ яркому освѣщенію всей эпохи реформъ Александра II, а вмѣстѣ съ тѣмъ къ упроченію ихъ въ сознаніи новыхъ поколѣній русскаго народа.

Крымскія цѣлебныя минеральныя грязи въ деревнѣ Саки и морскія купанья въ городѣ Евпаторіи. Очерки А. Н. Н—на. Спб. 1883 г., въ 8 д., стр. 220, съ рисункомъ Сакен грязнев. ваннъ. Цѣна 2 руб.

Это вполнѣ изящно напечатанная и хорошо написанная книга признательнаго за исцѣленіе паціента читается легко и съ интересомъ. Въ небольшой литературѣ книгъ, относящихся до великолѣпной Тавриды, книга А. Н. Н—на представляетъ пріятное явленіе. Не ограничиваясь подробнымъ и живымъ изложеніемъ всего, что только можетъ и должно заинтересовать и быть полезнымъ лицу отправляющемуся для леченія въ Саки и Евпаторію, авторъ приводитъ указанія и на прочія цѣлебныя богатства Крыма.

Самоубійство въ западной Европѣ и Европейской Россіи. Опытъ сравнительно - статистическаго изслѣдованія А. В. Лихачева. Спб., въ 8 д., стр. X+251 съ раскраш. картами. Цѣна два руб.

Въ то время, когда въ Европѣ изслѣдованіе самоубійства поставлено уже очень высоко, въ особенности въ трудахъ нѣмецкихъ и итальянскихъ ученыхъ, въ Россіи матеріалъ по этому предмету «еще не разработанъ: онъ даже не собирается ни въ одномъ оффиціальномъ изданіи, куда попадаютъ только самыя общія данныя, входящія въ уголовную статистику». Отсюда понятны интересъ, польза и значеніе названной книги, принадлежащей перу молодого ученаго. Авторъ указываетъ на значеніе статистики явленій нравственнаго міра, въ особенности самоубійства; обозрѣваетъ источники и пособія статист. самоубійствъ, и семь главъ посвящаетъ слѣдующимъ вопросамъ: движеніе наклонности къ самоубійству, измѣненіе этой наклонности къ самоубійству подъ вліяніемъ естественныхъ условій, вліяніе племеннаго происхожденія и народности, вліяніе условій общественной и личной жизни, побужденія и способы самоубійства. Въ приложеніяхъ таблицы; также приведены письма и записки самоубійцъ, и проч. Книга заключаетъ въ себѣ множество хорошо сгруппированныхъ данныхъ, вполнѣ научно разработанныхъ и читается съ большимъ интересомъ. Ред.

Издатель-редакторъ **Мих. Ив. Семевскій.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ четырнадцатый. НОЯБРЬ. 1883 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ генералъ-адъютанта князя Михаила Дмитріевича **Горчакова**, съ фотографіи, снятой въ Севастополѣ присланнымъ отъ непріятеля художникомъ, въ маѣ 1855 г. II. Рисунокъ **храма Воскресенія Христова** въ С.-Петербургѣ, Высочайше утвержденный проектъ архимандрита **Игнатія**.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Средняя Подъяческая, д. № 1.
1883.

XI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го ноября 1883 г.

А. Н. Радищевъ, авторъ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву". Изслѣдованіе **М. И. Сухомлинова** Спб. 1883 г., въ 8 д., стр. 143.

Въ этой монографіи приведено нѣсколько досель неизвѣстныхъ матеріаловъ, извлеченныхъ академикомъ Сухомлиновымъ изъ государственнаго архива, архива бывшаго II-го Отдѣленія и друг.; матеріалы эти касаются допросовъ лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу объ изданіи и распространеніи извѣстнаго «Путешествія» Радищева 1790 г., а также относятся къ дѣятельности его въ царствованіе Александра I-го въ званіи члена законодательной коммисіи 1802 г. Радищевъ, какъ членъ этой коммисіи, подавалъ свои мнѣнія по нѣкоторымъ юридическимъ вопросамъ; его «записка о цѣнахъ за людей убіенныхъ», впервые приведенная въ печати Сухомлиновымъ, въ высшей степени замѣчательна по широтѣ и гуманности взглядовъ Радищева на крѣпостныхъ крестьянъ.

Независимо отъ новыхъ матеріаловъ, монографія Сухомлинова очень интересна; это, можно сказать, послѣднее и въ высшей степени вѣское слово о Радищевѣ. Почтенный академикъ весьма обстоятельно разбираетъ положеніе Радищева, автора «Путешествія», предъ судомъ Екатерины II. Онъ разъясняетъ подъ вліяніемъ какихъ обстоятельствъ сложился тотъ строй идей, который привелъ Радищева къ написанію имъ его книги; указываетъ какъ Екатерина II вызвала, такъ сказать, эти идеи своими твореніями 1760—1770-хъ гг. («Наказъ» и проч.), а затѣмъ явилась ихъ ожесточенною гонительницею въ 1790-хъ годахъ, наконецъ г. Сухомлиновъ разбираетъ посмертную судьбу литературной извѣстности Радищева, объясняетъ заслуги по отношенію къ возстановленію его репутаціи со стороны А. С. Пушкина и свидѣтельствомъ авторитетовъ окончательно опредѣляетъ значеніе и положеніе Радищева въ исторіи русской литературы.

Сказаннаго довольно, чтобы судить какъ интересно и важно это изслѣдованіе; но мы должны еще добавить, что оно написано вполнѣ мастерски, именно такъ, какъ хотѣлось бы почаще видѣть академическія изслѣдованія. Авторъ, какъ и всегда, прежде всего вполнѣ въ курсѣ своего предмета: литература всего писаннаго о Радищевѣ изучена имъ превосходно; затѣмъ онъ—трактуетъ вопросъ съ полною свободою, безъ оговорокъ, безъ недомолвокъ, не рѣдко дѣлая цитаты такія, которыя не могли являться даже на стр. вполнѣ спеціально историческихъ изданій, каково напр. наше изданіе. Такъ, укажемъ напр. на четыре стиха изъ трагедіи Княжнина «Вадимъ», опущенные въ «Русской Старинѣ», изд. 1871 года. Вообще, повторяемъ, настоящая монографія о Радищевѣ полна интереса и, безспорно, есть одно изъ лучшихъ произведеній талантливаго пера академика и профессора **М. И. Сухомлинова**, труды котораго въ области изслѣдованій по исторіи русской словесности, вообще говоря, весьма важны. **Ред.**

Хивинскій походъ 1873 года. Н. И. Гродекова. Изданіе ред. журнала «Русская Старина». Спб. 1883, въ 8 д., стр. 345+65, съ картою. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

Хивинскій походъ 1873 года произвелъ глубокое впечатлѣніе какъ у насъ въ Россіи, такъ и во всемъ мірѣ. Помня примѣры прошлыхъ походовъ и соображая естественныя препятствія, созданныя природою, многіе думали, что успѣхъ русскихъ невозможенъ. Когда же русскія войска заняли Хиву, когда хивинскій ханъ въ угоду русскому Императору освободилъ невольниковъ и на вѣки уничтожилъ рабство, когда наконецъ были объявлены условія мирнаго договора, то всѣ справедливо признали, что хивинскій походъ будетъ служить эпохою исторіи въ средней Азіи въ политическомъ и торговомъ отношеніяхъ. Не смотря на важность событія, оно осталось у насъ безъ должнаго освященія, и до сихъ поръ мы не находимъ описанія Хивинскаго похода, хотя уже прошло болѣе 10 лѣтъ съ тѣхъ поръ. Книга **Н. И. Гродекова** отчасти пополняетъ существующій въ этомъ отношеніи пробѣлъ. Онъ описываетъ только дѣйствія двухъ кавказскихъ отрядовъ. Какъ извѣстно, для покоренія Хивы были сформированы три главныхъ отряда: въ Оренбургѣ, Ташкентѣ и въ Закаспійскомъ краѣ изъ войскъ Кавказскаго округа. Всѣ три отряда должны были одновременно прибыть въ Хиву, и каждый былъ настолько силенъ, что могъ самостоятельно бороться со всѣми силами хивинцевъ. При этомъ, если бы одинъ изъ

КНЯЗЬ МИХАИЛЪ ДМИТРІЕВИЧЪ ГОРЧАКОВЪ

1855 г. въ Севастополѣ. 1856 г.

БЛИЖНІЙ БОЯРИНЪ

АѲАНАСІЙ ЛАВРЕНТЬЕВИЧЪ ОРДИНЪ-НАЩОКИНЪ,

одинъ изъ предшественниковъ петровской реформы.

V [1]).

Въ связи съ политическими и промышленными предпріятіями царствованія Алексѣя Михайловича не менѣе важное значеніе имѣютъ попытки правительства завести свой флотъ на Балтійскомъ и Каспійскомъ моряхъ. Еще Иванъ Грозный и Борисъ Годуновъ сознавали всю важность морскихъ сношеній съ Западомъ. Голландія давно уже торговала съ Россіею черезъ Нарву и вообще черезъ Балтійскіе порты. Войны Ивана Грознаго за Лифляндію прервали эту торговлю, вслѣдствіе чего голландскіе корабли принуждены были приходить въ Бѣлое море, гдѣ они встрѣтились съ англійскими. Смутное время задержало надолго попытку русскихъ пробиться въ Европу черезъ Балтійское море. Алексѣй Михайловичъ, наслѣдовавъ политику своихъ предковъ въ этомъ вопросѣ, сдѣлалъ болѣе рѣшительный шагъ. Тѣмъ болѣе эти стремленія заслуживаютъ вниманія, что въ основаніи ихъ лежала не одна военная, политическая цѣль, но, главнымъ образомъ, промышленная. Уже въ 1660 г. состоялось назначеніе русскимъ резидентомъ въ Голландію англичанина Гебдона, откуда постоянно вызывались ратные люди и мастера [2]). Мысль о заве-

[1]) См. въ «Русской Старинѣ» изд. 1883 г. томъ XL, октябрь, стр. 17—66.

[2]) До того времени резидентъ былъ уже въ Швеціи. Соловьевъ, IX, 267—268.

деніи своихъ кораблей на Балтійскомъ морѣ, для отправки ихъ въ западныя морскія государства за дорогими товарами, относится къ 1662 г. [1]); но такъ какъ на Балтійскомъ морѣ не было своихъ пристанищъ, то явилось желаніе завести мореплаваніе изъ чужихъ гаваней. Московское правительство находилось въ это время въ дружескихъ отношеніяхъ съ курляндскимъ герцогомъ, поэтому царскому посланнику Желябужскому поручено было, проѣздомъ въ Англію и другія государства, пригласить въ Ригу курляндскаго канцлера (Фёлькерзама) и спросить его о стоимости кораблей и о мѣстахъ, въ которыя они ходятъ для покупки пряностей и овощей, а также просить герцога заказать для царя корабли со всѣми принадлежностями, съ тѣмъ, что стоимость ихъ будетъ уплочена ему изъ царской казны. Посолъ разспрашивалъ при этомъ гдѣ можно достать мастеровъ для разработки серебряныхъ рудъ и гдѣ самъ князь добываетъ серебряную руду? Канцлеръ сообщилъ, что герцогскіе корабли ходятъ за овощами въ Индію, гдѣ есть у князя свой островъ, на которомъ живетъ княжескихъ людей 200 человѣкъ; что постройка кораблей дорого обошлась князю, такъ какъ оттуда возили лѣсъ; что корабли обходятся дорого, потому что всѣ принадлежности ихъ доставляются изъ чужихъ странъ. Онъ совѣтовалъ построить корабли въ Архангельскѣ. Герцогъ съ своей стороны прислалъ подробную грамоту о постройкѣ кораблей, не дошедшую до насъ, но, изъ отвѣта канцлера и прежней политики Запада относительно подобныхъ же попытокъ Россіи, можно догадываться, что отвѣтъ герцога былъ неблагопріятенъ для царя [2]).

Потерпѣвъ неудачу въ этомъ дѣлѣ, Алексѣй Михайловичъ не оставилъ, однако, мысли о кораблестроеніи. Спустя 5 лѣтъ (въ половинѣ 1667 г.) та же мысль была перенесена въ другую, болѣе доступную область—на Каспійское море.

Англичане давно стремились проложить черезъ Россію торговый путь въ Среднюю Азію и Индію, но соперниками ихъ явились предпріимчивые голландцы. Вполнѣ понятно, что московское правительство старалось теперь удержать восточную торговлю въ своихъ рукахъ, чему и долженъ былъ содѣйствовать каспійскій

---

[1]) Управляя частью Ливоніи, Ординъ-Нащокинъ устроилъ флотъ на западной Двинѣ, но по условіямъ Кардисскаго мира, флотъ этотъ былъ уничтоженъ. П. С. Зак. I, № 301.

[2]) Соловьевъ, XII, 237—38. В. И.

флотъ. Кромѣ того, сооруженіемъ каспійской флотиліи московское правительство думало прекратить грабежи казаковъ на Волгѣ и Каспійскомъ морѣ. Попытка подобнаго рода была сдѣлана еще при Михаилѣ Ѳедоровичѣ: въ 1635 г. голштинскіе мастера построили въ Нижнемъ Новгородѣ плоскодонный корабль, который при первомъ плаваніи по морю погибъ въ виду Низабата. При Алексѣѣ Михайловичѣ, голландскому купцу Сведену, отправленному въ Голландію въ качествѣ русскаго комисара (1660 г.), поручалось закупить тамъ значительное число ружей и нанять плотниковъ, которые могли бы строить корабли для морскаго ходу, и людей, которые могли бы управлять кораблями. На первый разъ ему удалось нанять на 4 года корабельщика Гельта съ 4-мя товарищами, которые прибыли въ Москву въ половинѣ 1667 года. Имъ поручено было осмотрѣть лѣса въ Вяземскомъ и Коломенскомъ уѣздахъ; а Марселисамъ—отпускать лучшее желѣзо съ тульскихъ и каширскихъ заводовъ. Плотниковъ и кузнецовъ велѣно набирать безъ принужденія, изъ охотниковъ, въ селѣ Дѣдиновѣ, Коломенскаго уѣзда, лежащемъ на берегу Оки, гдѣ происходила постройка. Завѣдываніе корабельнымъ дѣломъ возложено было на боярина Ордина-Нащокина, главнымъ же распорядителемъ при постройкѣ кораблей назначенъ былъ Яковъ Леонтьевичъ Полуехтовъ. Сначала постройка шла тихо, по недостатку нужныхъ матеріаловъ и мастеровыхъ; притомъ, между строителями и крестьянами происходили неудовольствія и столкновенія. Однако, уже въ сентябрѣ 1668 г., были изготовлены корабль, яхта, 2 шлюпы и ботъ, хотя спустить ихъ въ Нижнемъ Новгородѣ, въ томъ же году, не удалось. Между тѣмъ, въ ноябрѣ 1668 г. прибылъ въ Россію изъ Амстердама капитанъ Давидъ Бутлеръ, съ 14 товарищами, приглашенный тѣмъ же Сведеномъ, побывавшій уже во многихъ странахъ и знавшій многіе языки. Онъ составилъ дневникъ своего пребыванія въ Астрахани, а одинъ изъ его мастеровъ, Стрюйсъ, описалъ свое путешествіе по Россіи и плаваніе корабля до Астрахани [1]). Первый корабль велѣно было назвать: „Орелъ“. Въ маѣ слѣдующаго года онъ былъ спущенъ въ Нижнемъ Новгородѣ, а въ іюнѣ отправленъ оттуда въ Астра-

---

[1]) Во все время плаванія Бутлеръ занимался опредѣленіемъ географическаго положенія городовъ. В. И.

ханъ. Постройка всей русской флотиліи обошлась въ 9,021 руб. Но въ 1670 г., появившись вторично подъ Астраханью, Стенька Разинъ распорядился сжечь корабль [1]). Яхта и военное судно были также взяты Разинымъ [2]). Петръ Великій придавалъ большое значеніе кораблестроительной дѣятельности своего отца. Вотъ его отзывъ объ этомъ: „монархію русскую дѣдъ нашъ очистилъ и успокоилъ, отмщеніе же и распространеніе сыну своему оставилъ, который какое тщаніе къ тому прилагалъ, а особливо въ воинскихъ дѣлахъ, о томъ всѣмъ есть извѣстно, и не точію на землѣ, но и на морѣ покушался (которое дѣло такъ у насъ странно было, что едва слыхали о немъ), какъ-то изъ осады города Риги и изъ строенія двухъ кораблей въ Дѣдиновѣ на Каспійскомъ морѣ видѣть возможно. Но чего ради тогда тому не исполниться и на насъ сіе бремя, воля Вышняго Правителя возложить изволила, то оставляемъ непостижимымъ судьбамъ Его“ [3]).

Въ качествѣ представителя иностранной политики Россіи, Ординъ-Нащокинъ хлопоталъ о расширеніи ея торговыхъ и международныхъ сношеній. Такимъ образомъ въ 1668 г. онъ самъ отправился въ Митаву для заключенія торговыхъ договоровъ съ Швеціею и Пруссіею и союза съ Польшею противъ Турціи. Впрочемъ польскіе послы не пріѣхали тогда на съѣздъ по причинѣ отреченія отъ престола короля Яна-Казимира, вслѣдствіе чего въ Москвѣ снова возникаетъ мысль о соединеніи русской и польской короны. Но Ординъ-Нащокинъ былъ теперь противъ этого плана, ссылаясь на большія затрудненія для Россіи въ случаѣ приведенія въ исполненіе послѣдняго [4]).

Повидимому обстоятельства были благопріятны для московской политики. Когда король Янъ Казимиръ задумалъ сложить съ себя корону, онъ убѣждалъ поляковъ серьезно подумать объ избраніи ему преемника; въ противномъ случаѣ Польшѣ, по его словамъ, грозилъ бы раздѣлъ между ея сосѣдями — Москвою,

---

[1]) О постройкѣ корабля „Орелъ“. А. Попова, Рус. Бесѣда, 1858 г. кн. IV, ст. Висковатова, Морск. Сборн. 1856 г. № 1; Дополн. къ Акт. истор. V; Путеш. Стрюйса, Рус. Арх. 1880 г. т. I; Древн. Рос. Вивліоѳ. т. III (сокращ. переводъ Стрюйса); Соловьевъ, XII, 282—286.

[2]) Спис. рус. воен. судовъ. 1872 г., стр. 2.

[3]) Соловьевъ, XIV, 115.

[4]) Труды и лѣт. М. О. Ист., VI, 182—185. Терещенко, I. В. И.

Бранденбургомъ и Австріею [1]). Народъ склонялся призвать на престолъ сына царя Алексѣя; но царь самъ желалъ быть избраннымъ. Ординъ-Нащокинъ въ обоихъ случаяхъ видѣлъ теперь опасность для Россіи, указывая на то, что поляки могутъ потребовать за это возвращенія Кіева, Смоленска, Чернигова и др. городовъ. „Вдаваться, государь, въ избраніе, говоритъ онъ, страшно и помыслить сколько еще Россіи должно будетъ пожертвовать королевству польскому! Въ Польшу ѣхать мнѣ посломъ не на утвержденіе, а на разрушеніе мира. Польскую корону, государь, перекупятъ другіе, какъ товаръ". Но царь надѣялся заключить съ поляками въ этотъ удобный моментъ вѣчный миръ, поэтому Ординъ-Нащокинъ отправился на съѣздъ. Вскорѣ, однако, царю пришлось разочароваться въ искренности поляковъ по поводу избранія его сына въ короли; такъ какъ условія ихъ были крайне унизительны для Россіи, притомъ послѣдней пришлось бы еще защищать Польшу отъ Швеціи и Пруссіи. Ординъ-Нащокинъ былъ правъ. Въ Польшѣ, по обыкновенію, оказалось нѣсколько кандидатовъ, изъ которыхъ предпочтеніе было отдано природному поляку—князю Михаилу-Корибуту Вишневецкому, а въ то время, когда происходило это избраніе, Ордину-Нащокину, по прежнему, приходилось понапрасну тратить время на перекоры съ посольскимъ приказомъ [2]).

Еще при Михаилѣ Ѳедоровичѣ была сдѣлана попытка войти въ близкія сношенія съ Франціей; но она не увѣнчалась успѣхомъ, вслѣдствіе большихъ требованій въ пользу французскихъ купцовъ и вѣроятныхъ происковъ въ Москвѣ англійской торговой компаніи. Со вступленіемъ Ордина-Нащокина въ должность начальника приказа (15-го іюля 1667 г.), московское правительство поспѣшило отправить посольство въ Испанію и Францію, съ цѣлью заключенія торговыхъ договоровъ. Оно состояло изъ стольника

---

[1]) Пуфендорфъ говоритъ, что еще въ 1660 г. былъ заключенъ тайный трактатъ между Россіей и Австріей о раздѣлѣ Польши. De rebus gestis Caroli Gustavi, VII, § 5; Капустинъ, Диплом. снош. 30.

[2]) Историч. доказ. о давнемъ желаніи польскаго народа присоединиться къ Россіи, А. Ѳ. Малиновскаго, Труды Общ. ист. и древн. т. VI, стр. 77—78 и прилож.; Соловьевъ, XII, 62—73.

Впослѣдствіи (1673 г.) русскому посланнику Менезіусу поручено было просить папу отъ имени царя о содѣйствіи при возведеніи его сына на польскій престолъ. Берхъ. I, 275. В. И.

Потемкина и дьяка Румянцева и выѣхало въ путь изъ Архангельска 25-го августа на кораблѣ, который шелъ въ Италію съ икрою. Послѣ труднаго плаванія корабль присталъ 4-го декабря къ Кадиксу. Исполнивъ свое порученіе въ Испаніи [1]), въ концѣ іюня 1668 г. русское посольство прибыло къ французскимъ границамъ. Мѣстныя власти на пути были затруднены въ пріемѣ пословъ, такъ какъ не имѣли на этотъ счетъ никакихъ инструкцій отъ своего правительства. Русскій посланникъ думалъ, что и во Франціи посольство будетъ содержаться на счетъ французскаго правительства, по принятому обычаю въ Россіи [2]); но онъ ошибся въ своемъ разсчетѣ. Въ Байонѣ русское посольство помѣстилось въ гостинницѣ; но тутъ возникли новыя непріятности: необходимо было заказать постный столъ (изъ 9-ти рыбныхъ блюдъ), который оказался слишкомъ дорогимъ (50 ефимковъ). Въ пути пословъ оскорбило и другое обстоятельство; откупщики пошлинъ потребовали у нихъ списокъ вещей и заставили уплатить стоимость провоза, а въ утѣшеніе посламъ было сказано только, что „если бы и королевское величество шелъ мимо тѣхъ городовъ, гдѣ откупщики пошлину емлютъ, и они-бъ съ самого короля взяли пошлину, потому что въ ихъ государствѣ такое право положено" [3]). Мало того: пришлось заплатить за серебряные оклады и дорогіе каменья на образахъ, которые русскіе послы обыкновенно возили съ собою. Вѣроятно дорогая цѣна за постой (50 ефимковъ въ сутки), потребованная въ Бордо, заставила русскаго посланника разбить у ближайшаго села палатки и поселиться въ нихъ со всею свитою, въ чистомъ полѣ; только его персидская шелковая палатка поставлена была въ саду, привлекая толпы любопытныхъ изъ окрестныхъ мѣстъ. Послѣ этого посольству предложили переѣхать въ домъ одного изъ владѣльцевъ Грандиньяна, причемъ, для

---

[1]) Царь извѣщалъ испанскаго короля о прекращеніи войны съ Польшею и просилъ поддерживать сношенія. Карлъ II, въ своей грамотѣ, обѣщалъ отправить въ Россію посольство и вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ во всѣхъ испанскихъ пристаняхъ допускать царскихъ подданныхъ къ вольной торговлѣ, надѣясь, что и царь сдѣлаетъ съ своей стороны тоже самое для испанцевъ. Соловьевъ, XII, 250.

[2]) Содержаніе послу производилось во все время пребыванія его въ Россіи, а въ другихъ государствахъ только три дня. Капустинъ, Дипломат. снош. 68.

[3]) Впослѣдствіи эти пошлины были возвращены. В. И.

охраны посольства отъ взоровъ любопытныхъ, бордосскій намѣстникъ прислалъ ему десять человѣкъ стражи.

Положеніе русскаго посольства значительно измѣнилось, когда французское правительство дало знать о его пріемѣ. Съ этого момента послы пользовались вниманіемъ и почестями во всѣхъ городахъ, черезъ которые имъ приходилось проѣзжать (Бордо, Блей, Пуатье, Блуа, Орлеанъ). Но переводчики русскаго посольства плохо знали латинскій языкъ, французскаго не знали вовсе, а могли объясняться только по нѣмецки. Поэтому пришлось прибѣгнуть къ помощи поляка Урбановскаго, жившаго въ Парижѣ для изученія наукъ, знакомаго по Польшѣ съ Потемкинымъ и знавшаго хорошо русскій языкъ.

Въ Парижѣ посольство было помѣщено въ домѣ, назначенномъ для пріема чрезвычайныхъ пословъ, а 25-го августа ему была дана торжественная аудіенція у короля въ Сенъ-Жерменѣ. Во время переѣздовъ только нарушеніе общепринятаго московскаго этикета (титулъ, пріемы послѣ обѣда) отъ времени до времени смущали русскаго посла. За то любезность и предупредительность Людовика XIV къ русскому посольству превзошла всѣ его ожиданія, и современная стихотворная газета въ большихъ похвалахъ отзывается о пріемѣ, оказанномъ королемъ Потемкину. При пріемѣ посольства, королева находилась въ залѣ, incognito, со многими дамами; но еще болѣе поразило посольство то, что „королева и королевичъ ни мало не укрывалися, какъ отъ нихъ, такъ и отъ своего королевства людей во время выѣздовъ изъ двора, съ небольшимъ числомъ экипажей и при малочисленной свитѣ“ [1]). Посольство поднесло королю дорогую

---

[1]) Когда англійскій посолъ Карлейль пожелалъ представиться царицѣ и царевичамъ, ссылаясь на то, что въ Англіи царскіе послы имѣли частыя аудіенціи у королевы, то приставъ отвѣчалъ, что при русскомъ дворѣ это не въ обычаѣ, а царевичи показываются только по достиженіи 12-ти-лѣтняго возраста (по Рейтенфельсу на 19). „Русскіе не смѣютъ не только говорить свободно о царицѣ, но даже и смотрѣть ей прямо въ лицо. Когда она ѣдетъ по городу или за городъ, то экипажъ всегда бываетъ закрытъ, чтобы никто не видалъ ея... Общественныхъ собраній совѣмъ не посѣщаетъ. Русскіе такъ привыкли къ скромному образу жизни своихъ государынь, что когда нынѣшняя царица, проѣзжая первый разъ между народомъ, нѣсколько открыла окно кареты, они не могли надивиться такому смѣлому поступку“, пишетъ Рейтенфельсъ, стр. 8. В. И.

булатную саблю, собольи и горностаевые мѣха, которые цѣнились весьма высоко.

Въ переговорахъ съ русскими послами принималъ участіе герцогъ Вильруа, Ліонь и Кольбертъ, мнѣнія котораго имѣли большой вѣсъ въ глазахъ французскаго правительства. Русскіе послы предложили завести правильную торговлю съ Франціею; а французское правительство предлагало заключить мирный договоръ съ Россіею на вѣчныя времена; оно дозволяло русскимъ купцамъ ѣздить сухимъ путемъ и моремъ во всѣ свои города, свободно покупать и продавать свои товары, съ уплатою пошлины за продажу и вывозъ. Московскимъ купцамъ предоставлялось право жить во Франціи, свободно отправлять свое богослуженіе, нанимать дома, лавки и амбары, даже имѣть своего судью для разбора тяжбъ и споровъ. Но французское правительство желало знать, такія-ли права будутъ даны въ московскомъ государствѣ его купцамъ; дозволено ли будетъ имъ ѣздить безпрепятственно и возить товары безъ пошлинъ въ Персію? Оно заявляло требованіе, чтобы французскимъ купцамъ были даны тѣ же права, какими пользуются въ Россіи англичане, и чтобы съ ихъ товаровъ брали только половинныя пошлины. Потемкинъ не рѣшился дать письменнаго согласія на эти условія, но заявилъ, что московскій государь желаетъ заключить союзъ съ Франціею, и что съ этою цѣлью королю слѣдуетъ отправить посольство въ Россію. Парижскіе купцы, въ свою очередь, обратились къ Потемкину съ просьбою дать имъ списокъ товаровъ, какими торгуютъ московскіе купцы, какіе французскіе товары имъ нужны и въ какой портъ могли бы приходить ихъ корабли. Они просили также проѣзжей грамоты за подписью посланника. Потемкинъ отвѣчалъ, что и безъ грамоты они могутъ смѣло идти съ своими товарами къ Архангельску и торговать тамъ свободно, уплачивая законныя пошлины, за исключеніемъ продажи запрещенныхъ товаровъ — двойнаго вина и табаку. Выслушавъ объясненія Потемкина, французы заявили, что они будутъ покупать мѣха, юфть, сало, ворвань, пеньку, поташъ и т. п., а сами привозить ефимки, разныя ткани и виноградное вино, и обѣщали на будущій годъ снабдить ими нѣсколько кораблей.

Посланники довольны были пріемомъ короля и прощальною аудіенціею (на которой король слушалъ рѣчь посланника стоя и

безъ шляпы [1]); даже царскій титулъ былъ прописанъ въ королевской грамотѣ; но одно обстоятельство снова смутило Потемкина: титулъ не былъ полонъ, и посланникъ не успокоился до тѣхъ поръ (онъ не хотѣлъ даже обѣдать въ покояхъ графа Люда), пока маршалъ де-Бельфонъ не устранилъ это препятствіе, за что Потемкинъ подарилъ ему тутъ же свою соболью шапку. Такъ окончилось русское посольство во Францію въ 1668 году.

Между дѣломъ, русскіе послы развлекались удовольствіями столицы. Они видѣли все замѣчательное въ Парижѣ и его окрестностяхъ. Въ Венсенѣ имъ показывали дворецъ и паркъ; въ Парижѣ Королевскую площадь, дворецъ Тюльери и садъ; ихъ возили на Гобеленовскую мануфактуру, гдѣ знаменитый живописецъ Le Brun показывалъ имъ всѣ работы; а также въ Версаль, только что отстроенный и отдѣланный Людовикомъ XIV; въ Сенъ-Клу; показывали дворецъ герцога Орлеанскаго и садъ, гдѣ Потемкинъ особенно восхищался фонтанами. Во время прощальнаго обѣда, въ саду, ихъ тѣшилъ арапъ: на лошади скакалъ стоючи, во всю пору, безъ сѣдла.

Для русскаго посольства были даны особыя представленія на обоихъ парижскихъ театрахъ. Такъ, 5-го сентября, въ Hôtel de Bourbon, въ присутствіи Потемкина, его сына и дьяка Румянцева, давали „Les coups de l'Amour et de la Fortune", траги-комедію въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, сочиненія François de Metel, sieur de Boisrobert, драмы котораго славились въ это время. Перемѣна декорацій и балетъ много занимали русскихъ. Въ Пале-Роялѣ давала тогда представленія знаменитая труппа Мольера. Незадолго до того Мольеръ поставилъ на сцену своего Амфитріона, который производилъ сильное впечатлѣніе на французское общество. 6-го сентября русское посольство было на этомъ представленіи. Въ знакъ особеннаго уваженія, Потемкину, его сыну и дьяку устроены были мѣста на самой передней сценѣ. По окончаніи представленія актеры поднесли имъ двѣ вазы, съ конфектами и плодами, и вино. Отказавшись отъ конфектъ и плодовъ, они выпили немного вина и поблагодарили актеровъ за удовольствіе, доставленное имъ игрою. Стихотворная газета также упоминаетъ объ этомъ случаѣ.

---

[1]) Что составляло значительную уступку. Ср. споры съ польск. послами. Бутурлинъ, Бумаги Флорент. арх., 403.

Но для насъ особенный интересъ имѣетъ то впечатлѣніе, какое вынесъ Потемкинъ, какъ туристъ, изъ своего посольства, и какія стороны быта обратили на себя его вниманіе. Въ его статейномъ спискѣ, вообще отличающемся краткостью оффиціальной записки, мы читаемъ слѣдующія интересныя замѣтки: „Люди во французскомъ государствѣ человѣчны и ко всякимъ наукамъ, къ философскимъ и рыцарскимъ, тщательны. Изъ иныхъ государствъ во французскую землю въ городъ Парисъ и въ иные городы пріѣзжаютъ для науки философской и для ученья ратнаго строя, королевичи и великородные, и разныхъ чиновъ люди, потому что городъ Парисъ великій, и многолюдный, и богатый, и школъ въ немъ безмѣрно много; студентовъ въ Парисѣ бываетъ тысячъ до тридцати и больше“. Относительно населенности столицы Потемкинъ замѣчаетъ: „тѣ мѣста, которыми шли, безмѣрно жилы; городы великіе, и многолюдные, и крѣпкіе, и пѣхоты въ городахъ много-жъ, и селъ и великихъ деревень много и людно безмѣрнымъ обычаемъ“ [1]).

Отзывы эти, не смотря на свою краткость, заслуживаютъ вниманія въ связи съ западными симпатіями Ордина-Нащокина, которому обязано было настоящее посольство своимъ осуществленіемъ.

Безъ договора французскіе купцы не рѣшились пуститься въ путь; но въ 1670 г. царь отправилъ къ Людовику XIV грамоту, извѣщавшую его, что русскіе и польскіе уполномоченные, назначенные для заключенія вѣчнаго мира, избрали въ посредники его, короля, императора нѣмецкаго, королей шведскаго и датскаго и курфирста бранденбургскаго [2]).

Нащокинъ считался покровителемъ англичанъ, между тѣмъ, какъ его врагъ, Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, получая много денегъ съ голландцевъ и пользуясь большимъ вліяніемъ при дворѣ, покровительствовалъ этимъ послѣднимъ [3]). Но личныя симпатіи Нащокина къ англичанамъ не заставили его, однако, кривить душой тамъ, гдѣ на первомъ планѣ стояли интересы страны.

---

[1]) Стат. списки Потемкина о посольствѣ въ Испанію и Францію, въ Древн. Рос. Вивл. т. IV. Франц. извѣстія см. въ La Russie du XVII siècle dans les raports avec l'Europe occidentale, par Em. Galitzine, Paris 1855. Рус. посольство во Францію въ 1668 г., А. Попова, Рус. Бесѣда 1856 г., кн. I, 48—79.

[2]) Соловьевъ. XII, 250.

[3]) Коллинсъ, 33, 37. В. И.

По вступленіи на престолъ Карла II, англійскіе купцы думали возвратить свои торговыя привилегіи въ московскомъ государствѣ и улучшить натянутыя отношенія обоихъ дворовъ, установившіяся въ правленіе Кромвеля. Съ этою цѣлью, уже въ 1664 г., пріѣхалъ въ Москву знатный посолъ, молодой (34 лѣтъ) Говартъ графъ Карлъ Карлейль, съ женою, сыномъ (17 лѣтъ) и многочисленною свитою, въ числѣ которой было 7 дамъ и служанокъ [1]). Посольство Карлейля обошлось англійскому правительству очень дорого (до 20,000 руб., Соловьевъ, XII, 246). Тѣмъ не менѣе ему не удалось возвратить англичанамъ привилегій и неудовольствіе на московское правительство за это отразилось въ его запискахъ и донесеніяхъ [2]). Впрочемъ царь считалъ нужнымъ оказывать нѣкоторыя любезности англичанамъ. Такъ, во время войны англичанъ съ голландцами, онъ извѣстилъ короля черезъ находившагося въ русской службѣ шотландца, полковника Гордона, что онъ запретилъ продавать голландцамъ у Архангельска лѣсъ и другіе корабельные припасы. Послѣ этого, въ 1667 г. явился въ Москву старый знакомецъ русскихъ Гебдонъ, служившій до того московскимъ резидентомъ въ Голландіи, а теперь въ качествѣ чрезвычайнаго посла отъ Карла II, какъ сторонникъ Стюартовъ. Онъ добивался совершеннаго удаленія голландцевъ изъ предѣловъ московскаго государства и возвращенія старыхъ привилегій англійскимъ купцамъ. Но на эти требованія отвѣчалъ самъ „оберегатель посольскихъ дѣлъ" Ординъ-Нащокинъ. „Нынѣ, писалъ онъ Гебдону, въ Московскомъ государствѣ торговыя статьи учинены великимъ разсмотрѣніемъ, чтобы торговля происходила безъ ссоръ и безъ обиды; прежнимъ компаніямъ быть не годится, потому что отъ нихъ больше ссоры, чѣмъ дружбы:

---

[1]) Въ письмѣ короля царь былъ названъ въ титулѣ императоромъ, какъ писалъ и Кромвель. Отеч. Зап. 1855 г. № 11, стр. 57.

Первый тостъ, предложенный царемъ за торжественнымъ столомъ, былъ провозглашенъ „въ вѣчную память блаженному мученику Карлу I, и проч. Ibid. 64.

Въ императорскомъ посольствѣ Боттонія, бывшемъ въ Москвѣ въ 1675 г., послу сопутствовали его жена и дочь со служанкою. Сказаніе Лизека о посольствѣ въ Россію, Журн. Мин. Нар. Просв. 1837 г., № 11, стр. 327—394.

[2]) La relation de trois ambassades de mons. le comte de Carlisle. Paris 1857. Библіографическія свѣдѣнія о его посольствѣ въ Отеч. Зап. 1855 г. № 11 и 1856 г. № 4; Описаніе Московіи въ Историч. Библ. 1879 г., № 5.

Соловьевъ, XII, 243—246. В. И.

открылось, что иноземцы торгуютъ подврадными (поддѣльными) товарами, тайные подряды дѣлаютъ и многими долгами русскихъ людей обременяютъ" [1]). Прежнія исключительныя привилегіи англичанъ по торговлѣ въ Россіи не были уже никогда болѣе возстановлены [2]). Только, когда турки напали на Польшу, царь Алексѣй Михайловичъ, по религіознымъ побужденіямъ, задумалъ пригласить всѣхъ европейскихъ государей присоединиться къ союзу, въ защиту Польши противъ враговъ христіанства. Съ этою цѣлью былъ посланъ въ Англію переводчикъ посольскаго приказа Андрей Виніусъ (1673 г.). Въ Англіи отказали въ удовлетвореніи этой просьбы, ссылаясь уже не только на войну съ Голландіей, но и на торговые интересы англичанъ въ Турціи, гдѣ находился тогда постоянный англійскій посолъ. Но русскій посланникъ считалъ нужнымъ объяснить свою неудачу ссылкою на политическій строй Англіи. Въ его статейномъ спискѣ читаемъ слѣдующее интересное мѣсто: „правленіе англійскаго королевства или какъ общимъ именемъ именуютъ Великой Британіи, есть отчасти монархіально (единовластно), отчасти аристократно (правленіе первыхъ людей), отчасти демократно (народоправительно). Монархіально есть потому, что имѣютъ анчличане короля, который имѣетъ отчасти въ правленіи силу и повелѣніе, только не самовластно. Аристократно и демократно есть потому: во время великихъ дѣлъ, начатія войны или учиненія мира, или поборовъ какихъ денежныхъ, король созываетъ парламентъ или сеймъ. Парламентъ дѣлится на два дома: одинъ называютъ вышнимъ, другой нижнимъ домомъ. Въ вышнемъ собираются сенаторы и шляхта лучшая изо всей земли; въ другомъ собираются старосты мірскихъ людей всѣхъ городовъ и мѣстъ, и хотя что въ вышнемъ домѣ приговорятъ, однако, безъ позволенія нижняго дома совершить то дѣло не возможно, потому что всякіе поборы денежные зависятъ отъ меньшаго дома. И потому вышній домъ можетъ назваться аристократія, а нижній демократія. А безъ повелѣнія тѣхъ двухъ домовъ король не

---

[1]) Соловьевъ, XII, 277.

[2]) Отеч. Зап. 1855 г., XI, 74. Въ 1665 г. былъ также въ Москвѣ, для устраненія разныхъ недоразумѣній по торговымъ дѣламъ, голландскій посланникъ Яковъ Борель, а потомъ (1675 г.) опять чрезвычайный посолъ Фанъ-Кленкъ. Дворц. Разр. III, 586; Берхъ, I, 186; Медовиковъ, 152.

В. И.

может ъвъ великихъ дѣлахъ никакого совершенства учинить" [1]).

Кромѣ того, съ предложеніемъ союза противъ турокъ тотъ же Виніусъ ѣздилъ во Францію и Испанію [2]). Вслѣдствіе важности тогдашнихъ сношеній съ Польшею, еще во время андрусовскихъ переговоровъ, Ординъ-Нащокинъ предложилъ установить постоянное резидентство въ Варшавѣ и учредить постоянную почту между Россіей и Польшею. Первымъ русскимъ резидентомъ былъ назначенъ стольникъ В. М. Тяпкинъ. Впрочемъ онъ отправился къ своему посту гораздо позже (1673 г.) [3]). Опасенія Польши со стороны турокъ и надежды папъ на изгнаніе послѣднихъ изъ Европы, о чемъ они хлопотали въ теченіе всего XVII вѣка, привели къ новымъ сношеніямъ между Москвою и Римомъ. Въ виду этого союза, папы соглашались сдѣлать весьма существенную уступку, допустивъ въ своихъ сношеніяхъ съ московскимъ государемъ употребленіе царскаго титула. Такимъ образомъ въ 1670 г. появилось „Разсужденіе о титулѣ царя, давать ли его московскому государю отъ папы Климента X" [4]) и „Мнѣніе аббата Скарлати о титулѣ московскаго государя" [5]). Авторы этихъ записокъ допускаютъ царскій титулъ вслѣдствіе употребленія его другими государствами, въ особенности императоромъ и королемъ польскимъ, который считался природнымъ врагомъ русскихъ, но наконецъ уступилъ ихъ требованіямъ. Признавая важность этой уступки, они подкрѣпляютъ ее тѣмъ, что Россія можетъ подать помощь Польшѣ противъ Турціи и что есть надежда на введеніе латинства въ Россіи. Дѣйствительно, въ XVII вѣкѣ папы окончательно утвердили царскій титулъ за русскими государями [6]).

При Ординѣ-Нащокинѣ всѣ европейскія происшествія дѣлались извѣстными для русскаго двора и посольскаго приказа посредствомъ постоянныхъ вѣстовыхъ писемъ и газетъ, называв-

---

1) Соловьевъ, XII, 247—248.

2) Соловьевъ XII, 250.

3) Ibid. 203—204; А. Поповъ, Русское посольство въ Польшѣ въ 1673—1677 гг., Спб. 1854.

4) Hist. Rus. Monum. II, № 115, стр. 224—232. Нѣкоторые приписываютъ его аббату Скарлати (Ж. М. Н. Пр. 1847, № II, 137.

5) Ibid. № 116, стр. 232—35.

6) Ibid. № 124. Капустинъ, Дипломатич. снош. Рос. съ Зап. Европою М. 1852, 85—87.

В. И.

шихся тогда курантами [1]). При немъ же купцы стали переводить векселя, благодаря чему установился заграничный денежный курсъ на Россію [2]). Впрочемъ, не смотря на давнія связи Россіи съ Западною Европою, свѣдѣнія объ иностранныхъ событіяхъ не всегда получались во-время, а потому московское правительство часто впадало въ дипломатическія ошибки. Такъ, когда Чемодановъ былъ въ Венеціи и представилъ грамоту на имя дожа Франциска, то очень удивился, когда ему объявили, что „прежняго князя Францискуса волею Божіею не стало, а послѣ него нынѣшвій князь уже третій" [3]). Потемкину въ Италіи также объявили: „Его королевскаго величества (Филиппа) не стало, тому нынѣ четвертый годъ" [4]).

---

[1]) Куранты писались на нѣсколькихъ листахъ склеенной бумаги длиною въ нѣсколько саженъ. При Алексѣѣ Михайловичѣ ихъ выписывалось до 20. Въ московскомъ главномъ архивѣ сохранились выписки изъ голландскихъ, нѣмецкихъ ординарныхъ почтовыхъ, недѣльныхъ вѣдомостей, гамбургскихъ, бреславскихъ, амстердамскихъ 1645 и 1646 гг., гарлемскихъ 1660, также переводы съ печатныхъ и письменныхъ вѣдомостей, присланныхъ изъ Новгорода и Пскова, цесарскихъ курантовъ 1669 г., голландскихъ 1691 г., польскихъ и краковскихъ 1692 г. Курантами (отъ латинскаго слова currens, текущій) они назывались по имени главной газеты, выписывавшейся въ то время «Courante rigt Italien» (Капустинъ, Диплом. снош. Россіи съ Запад. Европою, М. 1852 стр. 76. Терещенко, Опытъ, I, 49. Собр. госуд. грамотъ и договоровъ IV, стр. 628.). При посольскомъ приказѣ состояло до 50 человѣкъ переводчиковъ и до 70 толмачей, для переводовъ съ латинскаго, шведскаго, нѣмецкаго, греческаго, польскаго, татарскаго и др. языковъ. Они имѣли ежедневную работу по текущимъ дѣламъ и переводу книгъ и старыхъ писемъ; переводили въ приказѣ, а на домъ ни въ какомъ случаѣ дѣла не выдавались изъ опасенія пожара и по др. причинамъ. Котошихинъ, гл. VII, 2. Важнѣйшіе изъ иностранныхъ переводчиковъ были православнаго исповѣданія. Это Гроцій Регенсбургскій и Виній бельгіецъ, недавно опредѣлившій на географической картѣ путь изъ Москвы въ Китай, и еще какой-то саксонецъ, превосходно знавшій много языковъ. За ними слѣдуютъ: поляки, турки, армяне, персы, арабы, но больше всѣхъ употребляются греки, какъ единовѣрные съ русскими. Рейтенфельсъ, Журн. Мин. Нар. Просв. т. XXIII, 25. Въ Польшѣ куранты были печатныя; царь Алексѣй жаловался на распускаемыя о немъ извѣстія и просилъ наказать виновныхъ. Соловьевъ, XII, 230.

Вѣстовыя письма съ голландскаго переводились еще въ 1655 г. Образцы курантовъ 1655 и 1666 гг. въ Чт. М. О. Ист. 1880 г., кн. II. За 1683 г.—въ Лѣтоп. занят. археограф. ком. вып. 4.

[2]) Труды и лѣтописи общ. исторіи и древн. VI, 188—89.

[3]) Древн. Рос. Вивл. IV, 206.

[4]) Ibid. 396 В. И.

VI.

Обязанный своимъ возвышеніемъ личнымъ заслугамъ, Ординъ-Нащокинъ чувствовалъ себя, однако, далеко не обезпеченнымъ въ своемъ положеніи, не смотря ни на свой первенствующій постъ въ чиновной іерархіи, ни на близость къ царю.

Въ Москвѣ постоянно думали о томъ, чтобы, подъ благовиднымъ предлогомъ, почаще удалять отсюда Ордина-Нащокина [1]. Когда не удался съѣздъ въ Митавѣ, его отправили вторично въ Андрусовъ (1668 г.), гдѣ ему удалось оттянуть вопросъ о сдачѣ Кіева полякамъ и склонить ихъ къ союзу противъ турокъ, а весною 1669 года мы его снова видимъ на съѣздѣ съ поляками подъ Смоленскомъ [2]. На этотъ разъ переговоры затянулись до 7 марта 1670 г.; тѣмъ не менѣе андрусовскій договоръ былъ снова подтвержденъ и Кіевъ по прежнему остался въ рукахъ русскихъ. Но эта отлучка дорого стоила Ордину-Нащокину. Вражда противъ него была съ двухъ сторонъ: отъ вельможъ, недовольныхъ возвышеніемъ человѣка, незнатнаго по происхожденію, и отъ подчиненныхъ ему дьяковъ посольскаго приказа, дѣйствія которыхъ онъ подвергалъ строгому контролю, между тѣмъ какъ они привыкли ловить рыбу въ мутной водѣ. Это двойное чувство негодованія постоянно слышится въ его письмахъ въ Москву.

„Думнымъ людямъ никому ненадобенъ я, ненадобны такія великія государственныя дѣла! Откинуть меня, чтобы не раззорилось мною государственное дѣло! Какъ въ московскомъ царствѣ искони, такъ и во всѣхъ государствахъ посольскія дѣла вѣдаютъ люди тайной ближней думы, во всемъ освидѣтельствованные разумомъ и правдою. А я холопъ твой, всего пустъ и вся дни службы своей плачусь о своемъ недостоинствѣ. У такого дѣла пристойно быть изъ ближнихъ бояръ: и роды великіе, и друзей много, во всемъ пространный промыслъ имѣютъ и жить умѣютъ, и посольскій приказъ ни отъ кого обруганъ не бу-

---

[1]) Труды и лѣт. VI, 183.

[2]) 27 апр. 1669 г. былъ заключенъ съ участіемъ Ордина-Нащокина мирный договоръ между Россіей и Крымомъ, причемъ опять выговоренъ былъ миръ въ пользу поляковъ. П. С. Зак. I, № 469. В. И.

детъ; отдаю тебѣ, великому государю, крестное цѣлованіе, за собою держать не смѣю по недостатку умишка моего".

Въ другомъ письмѣ онъ укоряетъ царя Алексѣя за попущеніе его врагамъ, которые сильно давали ему себя чувствовать: „Ты меня вывелъ, замѣчаетъ онъ, такъ стыдно тебѣ меня не поддерживать, дѣлать не по моему, давать радость врагамъ моимъ, которые, дѣйствуя противъ меня, дѣйствуютъ и противъ тебя" [1]). „Припомни, великій государь, многія горькія слезы предъ лицомъ твоимъ государскимъ. Кто Богу и тебѣ неотступно служитъ, безъ мірскаго привода, тѣ гонимы. Явно тебѣ, великому государю, что я, холопъ твой, по твоей государской неисчетной милости, а не по палатному выбору тебѣ служу, и, никакихъ пожитковъ тлѣнныхъ не желая, за милость твою никого сильныхъ не боясь, умираю въ правдѣ. Разрушая Божію помощь, мучатъ меня злыми ненавистями, не доискавшись вины"... Причиною своихъ бѣдъ онъ называетъ корыстолюбіе враговъ и свои симпатіи къ иноземнымъ порядкамъ и обычаямъ („къ иноземцамъ меня въ поступкахъ дѣлъ причитаютъ") [2]), мотивъ весьма важный и интересный въ связи съ общимъ характеромъ разсматриваемой эпохи.

Мы знаемъ уже, что однимъ изъ открытыхъ противниковъ Ордина-Нащокина былъ такой сильный человѣкъ, какъ Б. М. Хитрово, который также примыкаетъ къ кружку лицъ, сочувствовавшихъ сближенію съ Западомъ, но благосклонный болѣе къ голландцамъ, нежели къ англичанамъ. Поэтому во враждѣ къ Нащокину вѣроятно здѣсь дѣйствовало болѣе соперничество, нежели личная непріязнь.

По словамъ одного современника, Хитрово былъ человѣкъ благодушный, мягкій, охотно выслушивавшій просьбы иностранцевъ и вообще людей нуждающихся; кроткій и любезный въ обращеніи. Онъ завѣдывалъ царскимъ оружіемъ и сокровищами [3]). Долго живя въ Польшѣ, онъ пріобрѣлъ слабость къ женскому полу, а въ Москвѣ содержалъ многихъ невольницъ въ своихъ садахъ и въ самыхъ хоромахъ, которыхъ обвиняли даже въ на-

---

[1]) Соловьевъ, XII, 62—66.

[2]) Ibid. 71—72.

[3]) Зап. поляка о вельможахъ ц. Ал. Мих. Сѣверн. Арх. 1825, ч. XVII, 313—314.

сильственной смерти его жены, послѣ чего царь велѣлъ ему снова жениться и отказаться отъ развратной жизни. Будучи ровесникомъ царя и воспитываясь съ нимъ съ дѣтства, Хитрово пользовался большимъ вліяніемъ на него. При дворѣ его называли шепчущимъ любимцемъ, потому что, приходя въ совѣтъ, онъ дѣйствовалъ всегда изъ-за двери. Пользуясь своимъ вліяніемъ, онъ получалъ весьма большія деньги отъ голландцевъ [1]). Въ излишнихъ похвалахъ ему поляка вѣроятно слышатся личныя симпатіи къ нему автора за его связи съ Польшею, а его добродушіе и способъ дѣйствій быть можетъ обнаруживаютъ въ немъ человѣка вкрадчиваго, привыкшаго дѣйствовать болѣе тайно, нежели открыто и прямо.

Другимъ противникомъ Нащокина при дворѣ Алексѣя Михайловича былъ царскій тесть, бояринъ Иванъ Даниловичъ Милославскій [2]).

Но откуда происходила такая упорная борьба противъ Нащокина со стороны его подчиненныхъ — дьяковъ посольскаго приказа?

Давно уже сложилась на Руси пословица: „какъ помѣтитъ дьякъ, то и быть дѣлу такъ“ [3]). Но особенное значеніе пріобрѣтали они въ посольскомъ приказѣ. Достаточно назвать рядъ дьяковъ, пользовавшихся большимъ вліяніемъ на дѣла со времени Ивана Грознаго, каковы братья Щелкаловы, Власьевъ, Грамотинъ, Алмазъ Ивановъ.... Вступивъ въ управленіе иностранными дѣлами, Ординъ-Нащокинъ получилъ въ помощь себѣ двухъ весьма вліятельныхъ дьяковъ: Дохтурова и Голосова.

Герасимъ Дохтуровъ, въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича, былъ посланъ гонцомъ къ англійскому королю Карлу I. Онъ сообщилъ весьма обстоятельныя свѣдѣнія объ образѣ правленія въ Англіи и борьбѣ парламента съ королемъ, результатомъ

---

[1]) Коллинсъ, 36—37. Тотъ же Коллинсъ замѣчаетъ: „Завоевавъ Вильну и многіе другіе пограничные польскіе города, русскіе взяли въ плѣнъ госпожу Lues Venerea, которая прежде была, въ продолженіе 1000 лѣтъ, неизвѣстна, стр. 29. Необходимо, однако, замѣтить, что еще Иванъ III (въ 1499) поручалъ разузнать о распространеніи ея въ Литвѣ. Карамзинъ, VI, 222, пр. 617.

[2]) Соловьевъ, XII, 337.

[3]) Снегиревъ, Русскіе въ своихъ пословицахъ, III, 114. Труды и лѣт. VI, 173.

чего между прочимъ было лишеніе англичанъ привилегій въ Россіи [1]). Потомъ онъ не разъ принималъ участіе въ переговорахъ съ поляками и шведами [2]), причемъ рядомъ съ нимъ встрѣчается также имя дьяка Юрьева. Дьякъ Лукіанъ Тим. Голосовъ, происходилъ изъ мелкихъ дворянъ (углицкихъ), отецъ котораго былъ также дьякомъ въ Новгородской четверти, подчиненной посольскому приказу; въ юныхъ лѣтахъ онъ былъ взятъ знаменитымъ Ртищевымъ для обученія латинскому языку въ его училищѣ, гдѣ учили Кіевскіе монахи, но въ тайныхъ бесѣдахъ съ своими пріятелями онъ разсказывалъ о еретическихъ наклонностяхъ кіевскихъ ученыхъ и жаловался на Ртищева и на сильнаго тогда Морозова, который, по его словамъ, только для приличія держалъ у себя духовника, а въ дѣйствительности весь отдался кіевскимъ ученымъ и уклонился въ ихъ ересь [3]). Тѣмъ не менѣе, „еретическая наука" проложила Голосову дальнѣйшій путь въ служебной іерархіи. При пріемѣ Карлейля въ Москвѣ онъ игралъ уже выдающуюся роль. Вмѣстѣ съ Дохтуровымъ онъ былъ назначенъ помощникомъ Ордину-Нащокину, получилъ санъ думнаго дьяка, а потомъ и думнаго дворянина [4]), что̀ открыло его дѣтямъ доступъ уже въ стольники. Тѣмъ же дьякамъ посольскаго приказа—Голосову, Дохтурову, Юрьеву порученъ былъ надзоръ и за кораблестроеніемъ [5]).

Такимъ образомъ безъ нихъ не обходилось ни одно важное дѣло, но они думали, по старому обычаю, распоряжаться всѣмъ, хотя начальникомъ посольскаго приказа былъ теперь такой человѣкъ, какъ Ординъ-Нащокинъ, постоянно боровшійся противъ

---

[1]) Соловьевъ, X, 342—45. По словамъ Рейтенфельса фамилія его имѣетъ слѣдующее происхожденіе: „Одинъ нѣмецкій докторъ, находясь на службѣ при царскомъ дворѣ, собралъ большое богатство и хотѣлъ возвратиться въ свое отечество. Царь узналъ объ этомъ и повелѣлъ, чтобы, если онъ хочетъ выѣхать изъ Россіи, оставилъ здѣсь все свое богатство или одного изъ сыновей заложникомъ. Докторъ уѣхалъ за границу съ своимъ богатствомъ, оставивъ сына въ Москвѣ. Онъ былъ воспитанъ при дворѣ, вышелъ въ люди и далъ имя своимъ потомкамъ" (38). Званіе „доктора" писалось тогда „дохтуръ", „дохтуры". Соловьевъ, XIII, 62.

[2]) Ibid. X, 410; XI, 81, 100.

[3]) Соловьевъ, X, 168.

[4]) Труды и лѣт. VI, 177; Ключевскій, Бояр. дума, 406.

[5]) Соловьевъ, XII, 282. В. И.

канцелярской рутины, тормозившей всѣ лучшія его начинанія и планы. По словамъ одного современника, дьяки посольскаго приказа при немъ пользовались такимъ малымъ значеніемъ, что въ совѣтѣ (Думѣ), по его настоянію, имъ не дозволялось сидѣть въ присутствіи государя [1]). Вскорѣ эти непріязненныя отношенія Нащокина къ дьякамъ достигли крайняго предѣла, особенно во время частыхъ отлучекъ его изъ Москвы. Такъ, во время его поѣздки въ Курляндію дьяки долго не высылали ему посольскаго наказа, произвольно передѣлывали въ немъ нѣкоторыя мѣста и не хотѣли даже писать его имени съ полнымъ титуломъ [2]). Но вотъ что говоритъ самъ Ординъ-Нащокинъ объ этихъ отношеніяхъ въ письмѣ къ царю Алексѣю Михайловичу: „На Москвѣ, государь, ей! слабо и нерадѣтельно въ государственныхъ дѣлахъ поступаютъ. Посольскій приказъ есть око всей Великой Россіи, какъ для государственной превысокой чести и здоровья, такъ и промыслъ и попеченіе имѣя со всѣхъ сторонъ... И иныхъ приказовъ къ посольскому не примѣнять, а думные дьяки великихъ государственныхъ дѣлъ съ кружечными (кабацкими) дѣлами не мѣшали бы и непригодныхъ рѣчей на Москвѣ съ иностранцами не плодили бы“ [3]). Изъ этой откровенной жалобы можно видѣть какое высокое мнѣніе имѣлъ Ординъ-Нащокинъ о значеніи посольскаго приказа, которому, какъ обладавшему значительными просвѣщенными силами, Петръ Великій поручалъ многія дѣла, не имѣвшія прямаго отношенія къ его дѣятельности (переводъ книгъ и т. п.) и самый слогъ котораго онъ ставилъ въ образецъ тогдашняго литературнаго языка. Понятно также, что Ординъ-Нащокинъ желалъ поставить посольскій приказъ на ту высоту, какая подобала ему, какъ учрежденію, имѣвшему постоянныя и непосредственныя отношенія къ иностраннымъ государствамъ, отнявъ у него всѣ побочныя и неприличныя статьи дохода и въ то же время ограничивъ произволъ дьяковъ. Но этого ему не удалось достигнуть. Въ то время, когда переговоры съ поляками

---

[1]) Зап. поляка, Сѣверн. Арх. 1825 г., ч. XVIII, 112. О дьякахъ въ собраніяхъ см. у Флетчера, стр. 22.

[2]) Соловьевъ, XII, 73—74: „Въ чужія государства меня оберегателемъ пишутъ, а у себя въ приказѣ не вѣрятъ“.

[3]) Труды и лѣт. VI, 183—185.

затянулись надолго, въ посольскомъ приказѣ составлялись длинныя вопросныя статьи о его собственныхъ дѣйствіяхъ (въ числѣ 14), на которыя онъ далъ, по обыкновенію, твердый и рѣшительный отвѣтъ. Противники его старались также заподозрить въ глазахъ царя его отношенія къ Марселису, въ распоряженіи котораго находились таможенныя пошлины; но и на эти клеветы Нащокинъ отвѣчалъ не менѣе рѣзко и откровенно: „Только бы въ приказѣ правдою разсуждено было: неисчетные убытки твоей казнѣ въ приказѣ", писалъ онъ царю[1]). А когда одинъ грекъ хотѣлъ добиться провезти свои товары въ Москву безпошлинно, заручившись согласіемъ посольскаго приказа, то Нащокинъ, давъ отказъ, написалъ по этому поводу царю слѣдующее письмо: „Есть съ чего посольскимъ дьякамъ нескуднымъ быть и безъ иноземскихъ дѣлъ. Не научились посольскіе дьяки, при договорахъ, на съѣздахъ, государственныя дѣла въ высокой чести имѣть, а на Москвѣ живучи безстрашно мѣшаютъ посольскія дѣла въ прибыляхъ съ четвертными и съ кабацкими откупами" [2]). Такимъ образомъ всѣ его жалобы оканчивались обычнымъ припѣвомъ противъ общаго, органическаго зла древней Руси, бороться съ которымъ одному человѣку, не смотря на его положеніе и значеніе въ глазахъ государя, было и трудно, и даже опасно.

Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ онъ посылалъ настойчивыя оправдательныя письма въ Москву, оттуда, какъ бы по недовѣрію къ нему, отправили на помощь ему, для переговоровъ съ поляками, Ивана Аѳан. Желябужскаго, ѣздившаго еще въ 1662 г., въ качествѣ товарища князя Прозоровскаго, въ Англію, а потомъ въ Италію. Онъ отличался гордымъ, непривѣтливымъ характеромъ; былъ нелюбезенъ въ обращеніи, не пользовался расположеніемъ окружающихъ, но, какъ дипломатъ, считался опытнымъ и энергическимъ человѣкомъ [3]). Также высокомѣрно относился онъ и къ Ордину-Нащокину, который не вынесъ подобнаго обращенія и настоялъ, чтобы его отозвали въ Москву [4]).

Таковы были послѣднія непріятности Ордина-Нащокина. Идти

---

[1]) Соловьевъ, XII, 67—71.
[2]) Соловьевъ, XII, 72.
[3]) Соловьевъ, XII, 240—243. Коллинсъ, въ Чт. М. О. Ист. 1846, № 1.
[4]) Ibid. 72—74.

далѣе противъ теченія было невозможно. О дальнѣйшей дѣятельности Ордина-Нащокина дошло до насъ мало свѣдѣній.

Въ январѣ 1671 г., по случаю втораго брака царя Алексѣя Михайловича, Ординъ-Нащокинъ упоминается въ числѣ бояръ, бывшихъ за великимъ государемъ [1]); а въ концѣ января и началѣ февраля того же года онъ участвовалъ въ пріемѣ бухарскаго посла Муллофора, бывшаго въ Москвѣ съ цѣлью сохраненія и поддержанія дружественныхъ и торговыхъ сношеній Россіи съ Бухаріей [2]). Нащокину повидимому удалось даже добиться устраненія отъ дѣлъ враждебныхъ ему дьяковъ: на аудіенціи означеннаго посольства присутствовали уже другія лица [3]). Но въ то же время взошла звѣзда новаго царскаго любимца—А. С. Матвѣева, человѣка, подобно Нащокину, не высокаго происхожденія (онъ былъ сынъ дьяка), но отличавшагося значительною податливостью и болѣе мягкимъ отношеніемъ къ сильнымъ міра [4]). Послѣ оставленія посольскаго приказа, за Ординымъ-Нащокинымъ былъ оставленъ только почетный титулъ „ближняго боярина" [5]). Онъ предназначался даже вновь въ польское посольство, но быть можетъ какія нибудь условія, заявленныя имъ правительству, не были приняты, а онъ не счелъ возможнымъ взять на себя новое порученіе, въ виду важности возникшихъ тогда отношеній къ Польшѣ по поводу турецкихъ дѣлъ. Тогда онъ былъ замѣненъ окольничимъ Вас. Сем. Волынскимъ [6]).

Религіозный и благодушный по своему характеру [7]) Ординъ-Нащокинъ, послѣ многихъ житейскихъ неудачъ и непріятностей, избралъ на концѣ своихъ дней тотъ путь, по которому еще слѣдовали многіе въ древней Руси на закатѣ старости: онъ удалился (въ 1672 г.) на свою родину, въ Крыпецкій монастырь (Іоанна

---

[1]) Соловьевъ, XII, 75.

[2]) Сборн. кн. Хилкова, 515—517.

[3]) Труды и лѣт. 185—186. Сборн. Хилкова ibid.

[4]) Соловьевъ, XII, 335.

[5]) Труды и лѣт. 187.

[6]) Соловьевъ, XII, 75.

[7]) Въ собственноручномъ письмѣ къ Ордину-Нащокину царь замѣчаетъ: „Въ прежнихъ временахъ люди говаривали про тебя всяко: да одно де у него добро. Богъ де милуетъ да царь жалуетъ". Зап. Археол. Общ. по отдѣлу словесн. II, 767. В. И.

Богослова, въ 12-ти верстахъ отъ Пскова), гдѣ и постригся, принявъ имя Антонія [1]). Но и послѣ этого цѣнились его умъ и дипломатическія способности. Когда въ 1679 г. прибыло въ Москву польское посольство, то монахъ Антоній былъ вызванъ въ столицу, облеченъ въ свѣтскую одежду и уполномоченъ вести съ нимъ переговоры. Понятно, что удалившись въ монастырь, онъ еще болѣе отдался дѣлу благотворенія: такъ, доходы съ Порѣцкой волости онъ назначилъ на устройство во Псковѣ больницы, которую часто посѣщалъ самъ. Цари Алексѣй Михайловичъ и Ѳедоръ Алексѣевичъ не разъ обращались къ нему съ своими письмами, по дѣламъ политическимъ. Онъ умеръ въ 1680 г.; бумаги его, отобранныя присланнымъ нарочно изъ Москвы дьякомъ, поступили въ посольскій приказъ [2]). Впослѣдствіи, на фронтонѣ московской оружейной палаты былъ помѣщенъ бюстъ Нащокина [3]). Въ томъ же 1680 году мы встрѣчаемъ извѣстіе о единственномъ сынѣ его (Воинѣ), по дѣлу о продажѣ имъ вотчины своей жены [4]). Въ боярскихъ книгахъ онъ значится въ званіи стольника съ 1668—1676 гг. [5]). Бывшій въ это время въ Москвѣ Рейтенфельсъ замѣчаетъ о немъ: „онъ говоритъ свободно по французски, по нѣмецки и на другихъ языкахъ, но познанія скорѣе служили ему препятствіемъ, нежели рекомендаціею при повышеніяхъ“ [6]). Вѣрнѣе, что на его судьбу имѣло вліяніе бѣгство за границу. Нѣсколько позже онъ состоялъ воеводою въ Галичѣ (до 1678 г.) [7]). Онъ былъ бездѣтный [8]). Нѣ-

---

[1]) Родословная, изд. ред. „Русской Старины“, I, 265.

[2]) Труды и лѣт. VI, 187—188.

[3]) Терещенко, 65. Портретъ его, вмѣстѣ съ портретами другихъ начальниковъ посольскаго приказа, поступилъ отъ Н. Н. Бантыша-Каменскаго въ москов. главн. арх. мин. иностр. дѣлъ. Жизнь Н. Н. Бантышъ-Каменскаго, М. 1818, стр. 68.

Портретъ Ордина-Нащокина приложенъ къ краткой біографіи его, помѣщенной въ Труд. и лѣтопис. общ. исторіи, т. VI.

[4]) Ключевскій, Бояр. Дума, 487—488.

[5]) Алфав. указат. бояр. книгъ, М. 1853, стр. 308.

[6]) De rebus Moscovit. Patavii 1680. Медовиковъ, Историч. знач. цар. Ал. Мих. 215. Въ рус. перев. Рейтенфельса (Ж. М. Н. Пр.) этого мѣста нѣтъ.

[7]) Росписной списокъ г. Галича о сдачѣ его воеводѣ кн. Дм. Сатыевичу Шейдякову (1678 г.). Дополн. къ Акт. истор. IX, № 29. Замѣчательно, что воевода Шейдяковъ былъ неграмотный и за него подписался подъячій. Стр. 86. За другаго воеводу (Ив. Мих. Колтовскаго), также неграмотнаго, подписался попъ. Сборникъ кн. Хилкова, стр. 219.

[8]) Родословн. книга, изд. ред. „Русской Старины“, I, 265. В. И.

которые изъ Ординыхъ-Нащокиныхъ упоминаются въ числѣ помѣщиковъ въ описи 1700 года [1]). Родъ ихъ прекратился въ концѣ XVIII вѣка [2]).

Въ заключеніе нашего очерка постараемся представить общую характеристику личности Ордина-Нащокина.

Мы видѣли, что Ординъ-Нащокинъ получилъ по тому времени прекрасное воспитаніе: онъ зналъ латинскій, нѣмецкій языки и математику. Впослѣдствіи, имѣя частыя сношенія съ поляками, онъ выучился и польскому языку. Такъ, съ польскими послами, бывшими въ Москвѣ въ 1667 г., онъ могъ объясняться по латыни и по польски [3]). Самый слогъ Ордина-Нащокина [4]) свидѣтельствуетъ уже о вліяніи книжности XVII вѣка и тѣхъ условныхъ формъ рѣчи, которыя были тогда въ употребленіи, подъ вліяніемъ латино-польской образованности. Не мало, конечно, принесли пользы Ордину-Нащокину его постоянныя обращенія съ иностранными послами и многократныя путешествія по дипломатическимъ порученіямъ [5]). О благосклонности Нащокина къ англичанамъ намъ приходилось уже упоминать. Ученый врачъ царя Алексѣя,—Коллинсъ,—извѣстный въ свое время не только какъ опытный практикъ, но и сочиненіями (по анатоміи), пользовался особеннымъ расположеніемъ Нащокина. Какъ англичанинъ, ненавидящій голландцевъ, Коллинсъ приписываетъ свои симпатіи и антипатіи Нащокину, который, по его словамъ, называлъ голландцевъ „мужиками“, противъ которыхъ слѣдовало бы соединиться всѣмъ

---

[1]) Ивановъ, Систематич. опис. помѣстныхъ правъ въ Россіи. 243. Любопытно, что старинная повѣсть „о россійскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобѣевѣ и стольничей дочери Нардина-Нащокина Аннушкѣ“, съ именемъ послѣдняго соединяетъ идею болѣе свободной семейной жизни и общественныхъ отношеній. (Москвитянинъ 1853, I, 3—16; III, 81—82).

[2]) „Русская Родословная книга“ изд. „Русск. Стар.“, 265.

[3]) Бумаги Флорент. Арх., изд. гр. Бутурлинымъ, 426. Царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ обращался къ посламъ на тѣхъ же языкахъ.

[4]) Соловьевъ, XII, 247. Бумаги Флорент. Арх. ibid.

[5]) Впрочемъ указаніе Арцыбашева (III, 149) и Берха (Царств. Алекс. Мих (I, 162 и II, 73) о поѣздкѣ Ордина-Нащокина вмѣстѣ съ кн. Прозоровскимъ въ Англію (ссылки на Древ. Рос. Вивл., т. XVI и XVIII невѣрны) не подтверждается. Соловьевъ, XII, 240; Русское посольство въ Англіи въ 1662 г., по документамъ моск. главн. арх. мин. ин. дѣлъ, съ портрет., А. Ладыженскаго, Историч. Вѣстникъ, 1880, III, 433—453. В. И.

европейскимъ государямъ, и говоритъ о немъ, какъ о „единственномъ покровителѣ англичанъ“ въ Россіи. Въ сужденіяхъ автора безъ сомнѣнія выразилась вся ненависть къ соперничеству голландцевъ въ Россіи [1]), о которомъ онъ не разъ упоминаетъ на страницахъ своихъ записокъ (см. особенно 38, 39). По этому поводу онъ замѣчаетъ: „очень хорошо было бы, по моему мнѣнію, если бы какой умный человѣкъ сдѣлалъ въ Москвѣ самое выгодное описаніе государствъ, принадлежащихъ его величеству королю Британскому, его могущества, западно-индѣйскихъ колоній со всѣми ихъ доходами и, приложивъ карту всѣхъ этихъ земель, поднесъ бы это сочиненіе Нащокину, чтобы опровергнуть клеветы голландцевъ и дать ему истинное понятіе о могуществѣ Британскаго королевства. Не должно также пренебрегать и Богданомъ Матвѣевичемъ, прибавляетъ авторъ: онъ охотникъ до рѣдкостей и ему не худо было бы поднести въ подарокъ рѣдкостей. Нащо-

---

[1]) Такъ, онъ говоритъ: „Англійское сукно совершенно упало въ цѣнѣ, потому что оно дороже голландскаго, а голландское сукно хотя не прочно и ссѣдается въ мочкѣ на шестую долю, но нравится русскимъ, которые говорятъ, что ссѣдается только новое сукно. Напрасно мы не возимъ имъ такого, къ тому же мы все торгуемъ однимъ сукномъ, а голландцы привозятъ шелки и всякаго рода мелочные товары, расходящіеся больше, нежели сукно, которое теперь выходитъ изъ употребленія.... Голландцы стараются также унизить и осмѣять англичанъ, рисуютъ каррикатуры, сочиняютъ пасквили и тѣмъ даютъ русскимъ невыгодное о насъ понятіе. Они изображаютъ насъ въ видѣ безхвостаго льва съ тремя опрокинутыми коронами и множества большихъ собакъ съ обрѣзанными ушами и хвостами. Такихъ неприличныхъ картинъ очень много и кистью они владѣютъ искуснѣе, нежели перомъ“. Стр. 38—39.

Торговыя непріятности англичанъ начались со смертью Карла I, которая послужила Алексѣю Михайловичу предлогомъ лишить ихъ важныхъ привилегій („за то, что они всею землею учинили большое злое дѣло, государя своего убили до смерти“). Потомъ онъ вступился за Карла II, сына умерщвленнаго короля, и послалъ протестъ о томъ ко всѣмъ европейскимъ дворамъ, заявляя, что въ лицѣ Карла I нанесена обида всѣмъ государямъ. Царь называетъ Карла I „славнымъ мученикомъ“ и спрашивалъ о здоровьѣ вдовы его у англійскаго посланника, а за столомъ, въ присутствіи того же посланника, Карлейля, предложилъ выпить первый тостъ въ память „блаженнаго мученика Карла I“. La Relation des trois ambassades de Carlisle, Paris 1857. Капустинъ, 42—43. Но замѣчательно, что въ „Дворцовыхъ разрядахъ“ (стр. 572) о тостѣ въ память Карла I не упоминается.

Ординъ-Нащокинъ также высоко ставилъ самодержавный принципъ (въ письмахъ къ Алексѣю Михайловичу и отзывахъ Коллинса). В. И.

кинъ занимаетъ первое мѣсто въ дѣлахъ государственныхъ, а Богданъ можетъ выиграть личную любовь царя къ его величеству королю Британскому". Предпочтеніе голландцевъ въ Россіи онъ объясняетъ щедрыми подарками, которые они дѣлали русскимъ боярамъ; онъ опасается также, что распространеніе восточной торговли русскихъ лишитъ навсегда англичанъ надежды возвратить свои торговыя права. Нащокину не нравились частыя рекомендаціи, съ которыми обращались иностранныя правительства за своихъ подданныхъ: „какъ будто нашъ царь недовольно печется какъ объ русскихъ, такъ и объ иностранцахъ", замѣчалъ онъ.

Съ именемъ Ордина-Нащокина связано также распространеніе и улучшеніе садоводства въ Россіи.

Въ древней Россіи сады имѣли по преимуществу экономическое значеніе. Убранство и украшеніе садовъ долго здѣсь не имѣли мѣста. Между тѣмъ, въ Западной Европѣ было сдѣлано чрезвычайно много въ отношеніи садоводства. Итальянцы, находившіеся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Востокомъ, первые содѣйствовали распространенію рѣдкихъ растеній въ европейскихъ садахъ. Въ свою очередь, голландцы, благодаря своимъ поѣздкамъ въ южную Азію, успѣли вывезти оттуда разные цвѣты и овощи, которые затѣмъ распространились по другимъ странамъ Европы. Въ Германіи и Голландіи съ особеннымъ успѣхомъ занимались огородничествомъ, въ Италіи любили великолѣпіе въ садахъ, соединеніе садоводства съ архитектурой и культурой, украшеніе садовъ самыми замысловатыми фонтанами и т. п. Французы, при Людовикѣ XIV, заимствовали подобную утонченность въ устройствѣ садовъ у итальянцевъ [1]). Русскіе путешественники XVII вѣка съ особеннымъ вниманіемъ останавливаются уже на описаніи садовъ и ихъ украшеній [2]). Михаилъ Ѳеодоровичъ обратилъ вниманіе на устройство дворцовыхъ и загородныхъ садовъ; но еще болѣе сдѣлалъ въ этомъ отношеніи Алексѣй Михайловичъ. При нихъ стали привозить изъ-за границы садовыя деревья, овощи и цвѣты, а изъ Астрахани Алексѣй Михайловичъ распорядился выписать виноградъ, тутовыя деревья и сѣмена хлопчатой бу-

---

[1]) Генъ, Культурныя растенія, Fraas, Gesch. d. Landwirthschaft.
[2]) Брикнеръ, Рус. дипломаты-туристы, „Русск. Вѣстн." 1877, № 7, 36—40.

маги. Тогда же появляются въ Россіи иностранные садовники и аптекарскіе огороды. Въ дворцовыхъ садахъ устраивались каналы, ставились картины и дѣлались другія украшенія [1]). Царямъ подражали въ изящномъ устройствѣ садовъ нѣкоторые вельможи; а въ числѣ не многихъ изъ послѣднихъ при Алексѣѣ Мих. славился въ Москвѣ садъ Ордина-Нащокина [2]).

Объ административной дѣятельности Нащокина Коллинсъ говоритъ: „Онъ оживилъ торговлю шелкомъ въ Россіи и думаютъ, что вся индійская торговля обратится сюда. Теперь онъ занимается преобразованіемъ русскихъ законовъ и новымъ образованіемъ всего государства. Доносы уничтожатся; всѣ намѣстники съ помощниками своими будутъ имѣть власть надъ жизнію и смертію, потому что прежде всѣ преступники привозились въ Москву, а это было для царя очень безпокойно и отяготительно. Нащокинъ человѣкъ неподкупный, строго воздержный, неутомимый въ дѣлахъ и обожатель государей". Отсюда видно, что Ординъ-Нащокинъ мечталъ о коренномъ преобразованіи русской администраціи и законодательства. Въ этихъ отрывочныхъ извѣстіяхъ нельзя не видѣть также его намѣренія ослабить сильно развившуюся тогда централизацію государства. Вѣроятно по его же настоянію, царь рѣшился, вскорѣ по вступленіи его въ должность, разсматривать лично бумаги дьяковъ, чтобы видѣть какія дѣла рѣшены, а какія остались безъ отвѣта и исполненія.

При всемъ своемъ расположеніи къ западнымъ порядкамъ, Нащокинъ не былъ, однако, слѣпымъ подражателемъ и поклонникомъ ихъ. „Да что намъ за дѣло до иностранныхъ обычаевъ, говаривалъ онъ иногда: ихъ платье не по насъ, а наше не по нихъ". Но здѣсь онъ вдругъ остановился, прибавляетъ Коллинсъ, какъ будто высказалъ больше, нежели хотѣлъ сказать, какъ будто боялся, чтобы его словъ не повторяли. Поэтому вы можете судить, что онъ великій политикъ, очень важный и мудрый государственный министръ и можетъ быть не уступитъ ни одному изъ европейскихъ министровъ" [3]).

---

[1]) Москов. сады въ XVIII ст. Опыты Забѣлина, II, 266—321.

[2]) Взглядъ на историч. древнее садоводство въ Москвѣ до Петра В. Снегирева, 13.

[3]) Коллинсъ, 33—35.

Баронъ Мейербергъ, посѣтившій Россію въ 1661—1663 гг., въ качествѣ императорскаго посланника, былъ принятъ въ Маріенбургѣ Нащокинымъ, выѣхавшимъ къ нему на встрѣчу изъ Дерпта. „Въ этотъ день, говоритъ Мейербергъ, воевода угощалъ насъ у себя съ большою привѣтливостью". Онъ хвалитъ умѣренность Нащокина и устраненіе за столомъ многихъ русскихъ обыкновеній, такъ поражавшихъ иностранцевъ. „Самъ онъ вовсе не глупый подражатель нашихъ обычаевъ, съ дружескою любезностью уволилъ насъ отъ способа пить (въ присутствіи своей жены) и напиваться до пьяна". Нащокинъ, по словамъ Мейерберга, „былъ одаренъ острымъ умомъ" [1]). Современникъ-полякъ, говоря о немъ, замѣчаетъ: „прославиться самимъ собою, создать себѣ счастіе можетъ только тотъ, кого необыкновенная доблесть отличила отъ толпы... При отличномъ расположеніи государя, милосердое небо и снисходительное благоволеніе природы отличило Нащокина... Однимъ словомъ ни къ какому государству нельзя лучше примѣнить двустишія латинскаго поэта:

Summos posse viros, et magna exempla daturos,
Vervecum in patria, et crassoque sub aëre nasci.

(Великіе мужи, достойные служить образцами, могутъ раждаться даже въ странахъ необразованныхъ и подъ мрачнымъ небомъ [2]).

„Это одна изъ замѣчательнѣйшихъ личностей до-петровской Руси, говоритъ Капустинъ; при тогдашней неразвитости дипломатическихъ сношеній, трудно представить себѣ такое ясное пониманіе положенія государства и его потребностей, такой вѣрный взглядъ на всѣ явленія исторіи, такое умѣнье угадывать исходъ событій и ихъ значеніе, какіе замѣчаемъ у Ордина-Нащокина. Это былъ главный представитель русской дипломатіи въ XVII вѣкѣ; на немъ отразилось все ея значеніе и движеніе, всѣ вопросы того времени. Ординъ-Нащокинъ во всю жизнь не измѣнялъ глубоко сознанныхъ убѣжденій, не отступая отъ нихъ ни на шагъ" [3]). „Это былъ одинъ изъ предтечъ Петра Великаго, замѣчаетъ Со-

---

[1]) Путешествіе въ Московію, изд. въ Чт. М. О. Ист. 1874, 35—39.
[2]) Сѣверн. Арх. 1825, XVII, 311—312.
[3]) Капустинъ, Дипломатич. снош. Рос. съ Зап. Евр. во 2-й половинѣ XVII в. М. 1852, стр. 9—10.

ловьевъ, человѣкъ, который убѣдился въ превосходствѣ Запада и началъ громко говорить объ этомъ превосходствѣ, требовать преобразованій по западному образцу. Онъ дорого поплатился за это, когда хваленый западъ отнялъ у него сына. Но непріятности не могли этимъ ограничиться. Узнавши чужое, лучшее, Нащокинъ сталъ пирицать свое худшее; но порицая дѣла, онъ непремѣнно долженъ былъ порицать и лица, принять на себя роль учителя, выставляя свое превосходство, тогда какъ было много людей сильныхъ, которые не хотѣли признавать этого превосходства, не хотѣли быть учениками Нащокина. И нельзя не признать, что Нащокинъ поступалъ при этомъ не очень мягко, слишкомъ давалъ чувствовать свое превосходство, свои учительскія права" [1]).

Ординъ-Нащокинъ былъ представителемъ тѣхъ лучшихъ стремленій и идей своего вѣка, которыя нашли отголосокъ въ произведеніяхъ нѣкоторыхъ его современниковъ, каковы были труды Котошихина и Юрія Крижанича [2]).

Первый изъ нихъ служилъ подъячимъ при Ординѣ-Нащокинѣ во время пребыванія его въ Ливоніи [3]), а потомъ въ посольскомъ приказѣ, благодаря чему успѣлъ собрать массу свѣдѣній объ административномъ и общественномъ строѣ современной Россіи. По его труду мы можемъ судить, какимъ матеріаломъ могъ располагать уже Ординъ-Нащокинъ, предпринявшій рядъ реформъ въ государственномъ бытѣ страны. Крижаничъ отчасти служитъ дополненіемъ къ Котошихину, отчасти посвящаетъ свои мысли и труды внѣшней политикѣ Россіи, причемъ къ иностранцамъ онъ относится также критически, какъ и Ординъ-Нащокинъ. Но это не мѣшало ему постоянно говорить о необходимости сближенія Россіи съ Западомъ, о потребности въ общественныхъ и эконо-

---

[1]) Соловьевъ XII, 62—63 Ср. его же статью: „А. Л. Ординъ-Нащокинъ" въ „Спб. Вѣд." 1850, № 70; замѣтка объ этой статьѣ Жур. Мин. Нар. Пр. ч. LXVII, стр 240.

[2]) Нѣсколько свѣдѣній о Нащокинѣ см. въ Опис. славян. и рус. рукописн. сборниковъ импер. публичн. библ. А. Ѳ. Бычкова. Спб. 1878, 126—130.

[3]) Здѣсь съ Котошихинымъ была непріятность, за описку въ титулѣ (пропускъ слова «государь»): государь велѣлъ за это наказать его—„бить батоги". Соловьевъ, XI, 466. В. И.

мическихъ реформахъ Московскаго государства. Свои труды онъ посвятилъ царю Алексѣю и его сыну, царевичу Алексѣю. Его „Политика“ была въ рукахъ у Алексѣя Михайловича и Ѳедора Алексѣевича, переписывалась, переплеталась и ходила по рукамъ; то же извѣстно и о другихъ сочиненіяхъ Юрія Крижанича, зашедшихъ въ Москву изъ Сибири и переходившихъ здѣсь изъ рукъ въ руки [1]). Сохранилась, какъ говорятъ, переписка Крижанича во время его жизни въ Сибири съ русскими людьми [2]), которая должна имѣть большое значеніе для оцѣнки тогдашнихъ общественныхъ отношеній и его трудовъ.

Въ важнѣйшемъ вопросѣ внѣшней политики—мы говоримъ о славянскомъ вопросѣ—у Крижанича есть также много точекъ соприкосновенія съ Ординымъ-Нащокинымъ.

Такова была эпоха, таковы были лучшіе ея представители.

Поворотъ съ Востока на Западъ становится очевиднымъ. Къ грекамъ въ Москвѣ не питали уже прежняго довѣрія [3]). Мы видѣли, что они съ начала царствованія Алексѣя не пользовались даже торговыми преимуществами; въ „новоторговомъ уставѣ“ проведено то же начало [4]). Въ 1669 г. въ посольскомъ приказѣ разсматривалось скабрезное дѣло о торговлѣ мощами грековъ и волоховъ, разсчитывавшихъ на наивность москвитянъ [5]). Славянскій патріотъ Крижаничъ на одну доску ставитъ, какъ враговъ славянства, нѣмцевъ, жидовъ, цыганъ, армянъ, такъ и грековъ, „которые кровь изъ насъ высасываютъ“ [6]). Русскіе туристы, ѣздившіе на востокъ въ XVII в. по церковнымъ дѣламъ (Арсеній Сухановъ, монахъ Тимоѳей), возвращались оттуда съ печальнымъ сознаніемъ о религіозномъ и умственномъ упадкѣ грековъ. Лучшія силы воспитывались на Западѣ (братья Лихуды и др.). Авторитетъ старыхъ учителей видимо падалъ, а въ „Духовномъ регламентѣ“ Петръ Великій произноситъ уже надъ ними суровый приговоръ.

---

[1]) Арс. Маркевичъ, Юр. Крижаничъ, 157, Безсоновъ, Прав. Обозр. 1870, т. I, 129—159. „Политика“ была писана авторомъ въ 1663—1664 гг.

[2]) Маркевичъ, 24.

[3]) Соловьевъ, XIII, 229.

[4]) Статьи 80—81.

[5]) Зап. Археол. общ. по отд. словесн. II, 390—394.

[6]) Рус. госуд 6—29.

Съ иными впечатлѣніями возвращались русскіе туристы, побывавшіе на Западѣ. Не смотря на внѣшнее описаніе памятниковъ и городовъ, видѣнныхъ ими на пути, отчасти объясняемое оффиціальнымъ характеромъ ихъ записокъ, все таки замѣтно, что послѣдніе производили на нихъ извѣстное, притомъ благопріятное впечатлѣніе. Съ другой стороны, они здѣсь впервые познакомились съ театральными зрѣлищами, культурными садами, зоологическими собраніями и рѣдкостями, благотворительными заведеніями, отличительными чертами жителей разныхъ странъ Европы, торговлею и обычаями [1]). Менѣе другихъ сторонъ поддавалась ихъ наблюденію и оцѣнкѣ наука: Чемодановъ и Лихачевъ, видѣвшіе глобусы во Флоренціи, не имѣли о нихъ яснаго представленія [2]). Но наука уже цѣнилась ими: вспомнимъ отзывъ о Парижѣ Потемкина. Въ 1676 г. датскій резидентъ подарилъ царю Ѳедору великолѣпный серебряный глобусъ, хранящійся въ Оружейной палатѣ [3]). Котошихинъ уже съ сожалѣніемъ говоритъ, что москвитяне сами не ѣздятъ и дѣтей своихъ не посылаютъ въ другія государства для изученія наукъ и обычаевъ, опасаясь перемѣны вѣры и нравовъ [4]). Повидимому эта опасность имѣла основаніе въ фактахъ, обнаружившихся еще во время войны русскихъ съ поляками при Михаилѣ Ѳедоровичѣ. Вотъ что писалъ объ этомъ кн. Иванъ Голицынъ: „Русскимъ людямъ служить вмѣстѣ съ королевскими нельзя, ради ихъ прелести: одно лѣто побываютъ съ ними на службѣ и у насъ на другое лѣто не останется и половины русскихъ лучшихъ людей, не только что боярскихъ людей: останется кто старъ или служить не захочетъ, а изъ бѣдныхъ людей не останется ни одинъ человѣкъ“ [5]). Въ свою очередь, Крижаничъ хотя не одобряетъ путешествія поляковъ за гра-

---

[1]) См. у Брикнера, Рус. дипломаты-туристы въ Италіи въ XVII ст. Рус. Вѣстн. 1877 г.

[2]) Ibid. № 7, стр. 21. Представленіе о мірѣ Симеона Полоцкаго, учившаго въ это время царскихъ дѣтей, носитъ еще вполнѣ средневѣковой характеръ. См. о немъ статью Л. Н. Майкова въ Древн. и Нов. Рос. 1875, гл. III, 130—131.

[3]) Изображеніе его въ Древн. Рос. госуд. т. V, № 41.

[4]) Гл., IV, 24.

[5]) Соловьевъ, IX, 470. Ср. интересный отрицательный взглядъ на поляковъ у Крижанича, О промыслѣ, стр. 70—71, и у Коллинса (Чт. М. О. И. годъ I, книга I).

ницу, которые привозятъ домой глупость, и поэтому предлагаетъ запретить всѣмъ царскимъ подданнымъ „скитаніе по чужимъ землямъ" [1]), но онъ же настаиваетъ на усвоеніи западно-европейской науки въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, чтобы успѣшнѣе вести борьбу съ иностранцами въ области торговли и политики [2]). Съ этою цѣлью онъ предлагаетъ переводить съ иностранныхъ языковъ на русскій лучшія сочиненія о ремеслахъ, земледѣліи и другихъ полезныхъ предметахъ, и приглашать иностранцевъ для обученія русской молодежи ремесламъ и искусствамъ, обезпечивъ имъ свободное возвращеніе въ ихъ отечество. Онъ предлагаетъ обширную программу внутреннихъ реформъ, основываясь на опытѣ западно-европейскихъ государствъ, и ратуетъ противъ тѣхъ, которые считали знаніе ересью, а науки ненужными для русскихъ. Политику онъ называетъ самою благородною изъ всѣхъ свѣтскихъ наукъ. Онъ обращаетъ уже вниманіе на неудобства русскаго платья. Его поражаютъ странные контрасты: роскошь убранства и стѣсненія въ движеніяхъ русскихъ пословъ, бывшихъ за границею [3]); пышность въ отдѣлкѣ одежды и отсутствіе самыхъ необходимыхъ предметовъ въ домашнемъ быту. „Мы продаемъ многія кожи другимъ народамъ, говоритъ онъ, а сами босые ходимъ... Не слѣдуетъ подшивать шубы и шапки дорогими мѣхами и обшивать сорочки бисеромъ и золотомъ, что дѣлаютъ на Руси даже крестьяне,—но чего не дѣлаютъ въ другихъ странахъ даже короли.... Въ Германіи три князя могли бы одѣться на тѣ деньги, которыя у насъ тратитъ на свой костюмъ простой бояринъ". Онъ предлагаетъ запретительныя мѣры противъ этихъ обыкновеній и совѣтуетъ усвоить покрой и форму одежды у иностранцевъ. Вопросъ о преобразованіи одежды онъ предлагаетъ взять на себя самому правительству, сдѣлавъ опытъ на царскихъ стрѣльцахъ и приближенныхъ, которымъ только во время большихъ празднествъ выдавать богатую казенную одежду [4]).

---

[1]) Рус. госуд. I, 333.

[2]) Политика, Рус. госуд. XVII в. М. 1860, и О промыслѣ 1860, изд. Безсоновымъ.

[3]) Рус. госуд. I, 148, 182.

[4]) Рус. госуд. I, 129—143.

Но дѣйствовать въ этомъ направленіи было пока очень трудно. Не смотря на свою близость къ царю и знатность, бояринъ Никита Ивановичъ Романовъ однажды подвергся непріятности отъ патр. Никона за то, что одѣлъ своихъ слугъ въ ливрею, по иностранному образцу. Никонъ, которому не нравилась эта затѣя, придумалъ средство избавить царскаго дядю отъ грѣха: онъ попросилъ у него это платье, какъ будто бы для образца, желая одѣть такимъ же образомъ своихъ слугъ, но когда послѣдній прислалъ платье, то патріархъ велѣлъ изрѣзать его въ куски (или бросить въ огонь). „Онъ (Романовъ) былъ большой любитель нѣмецкой музыки, говоритъ Олеарій. Онъ имѣетъ особенное расположеніе не только ко всѣмъ иностранцамъ, преимущественно же къ нѣмцамъ, но даже и къ ихъ платью, такъ что построилъ себѣ польское и нѣмецкое платье, въ которыхъ ради своего удовольствія, и выѣзжаетъ иногда на охоту, не обращая вниманія на замѣчанія патріарха; но на эти, равно и другія замѣчанія его, по поводу нѣкоторыхъ противорѣчивыхъ поступковъ, онъ всегда давалъ короткіе и рѣзкіе отвѣты, такъ что патріархъ долженъ былъ прибѣгнуть къ хитрости“. У того же Романова былъ ботъ, который обратилъ впослѣдствіи на себя вниманіе молодого внука его и послужилъ началомъ русскаго флота [1]).

Даже въ концѣ своего царствованія (1675 г.) царь Алексѣй, уступая требованіямъ защитниковъ старины, велѣлъ исключить изъ списка стряпчихъ и записать въ жильцы молодого князя Андрея Михайловича Кольцова-Масальскаго за то, что онъ подстригъ у себя на головѣ волосы; а вмѣстѣ съ тѣмъ велѣлъ объявить, чтобы стряпчіе, дворяне и жильцы нѣмецкихъ обычаевъ не перенимали и волосъ у себя на головѣ не подстригали, а также платья, кафтановъ и шапокъ по иностраннымъ образцамъ не носили и людямъ своимъ не велѣли. За нарушеніе этого постановленія виновнымъ грозило пониженіе въ чинахъ и царская опала [2]).

---

[1]) Олеарій, изд. М. О. И., 164; Соловьевъ XII, 348. Сынъ боярина Шереметева сбрилъ бороду, а постоянныя обличенія, направленныя противъ этого нововведенія, свидѣтельствуютъ, что оно было уже значительно распространено. Соловьевъ, XIV, 277.

[2]) П. С. З. № 607; Соловьевъ, XII, 330, XIV, 277. Патр. Іоакимъ и Адріанъ снова издаютъ запрещенія противъ бралобритія, указывающія на его распространеніе. Ibid. XIV, 277—78. Буслаевъ, Древне-рус. борода, Очерки литерат. и искус., т. II. В. И.

Однако въ 1681 г., по повелѣнію царя Ѳедора Алексѣевича, была введена для придворныхъ и служилыхъ людей польская одежда [1]). Перемѣну эту объясняли тогда вліяніемъ молодой жены царя (Грушецкой), происходившей изъ польской фамиліи. Такъ постепенно подготовлялись будущія реформы Петра Великаго.

Задолго до него сближеніе это началось и въ сферѣ школы, и въ сферѣ науки. Русская молодежь, ѣздившая учиться въ польскія училища, проникалась тамъ католическими мнѣніями въ нѣкоторыхъ религіозныхъ вопросахъ (о пресуществленіи, хлѣбопоклонная ересь) и успѣшно распространяла ихъ даже въ высшемъ обществѣ и въ средѣ духовенства, что̀ обнаружилось уже въ царствованіе Ѳедора и правленіе Софіи [2]). Въ концѣ 1673 г., въ Варшаву отправился русскій резидентомъ, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, стольникъ и полковникъ В. М. Тяпкинъ. По своимъ симпатіямъ Тяпкинъ былъ вполнѣ русскій человѣкъ; онъ умиралъ въ Польшѣ съ тоски по родинѣ, не могъ ужиться съ поляками, смотрѣлъ на нихъ съ самой черной стороны, а между тѣмъ самъ онъ сталъ писать полупольскимъ языкомъ, какъ видно изъ его писемъ и донесеній въ Москву, а своего сына отдалъ учиться въ польскую школу. Спустя два года послѣ пребыванія въ Польшѣ, онъ отправилъ въ Москву сына съ грамотою короля Яна Собѣскаго. При этомъ молодой Тяпкинъ былъ представленъ послѣднему и благодарилъ его „за его королевское жалованье, за хлѣбъ и соль и за науку школьную, которую употреблялъ, будучи въ его государствѣ". Рѣчь свою онъ говорилъ по латыни „довольно переплетаючи съ польскимъ языкомъ, какъ тому обычай наукъ школьныхъ надлежитъ"; а отецъ хвалился даже, что сынъ его „такъ явственно и изобразительно орацію свою предложилъ, что ни въ одномъ словѣ не запнулся". Король поблагодарилъ оратора сотнею золотыхъ червонныхъ и 15-тью аршинами краснаго бархата [3]).

---

[1]) Одинъ современникъ говоритъ, что эта перемѣна была совершена весьма скоро и не встрѣтила тогда противодѣйствія. Соловьевъ, XVI, 32—33.

[2]) Остенъ, патр. Іоакима, изд. Казан. дух. акад., Казань, 1865 г. Въ западной Россіи эти мнѣнія распространяются еще въ концѣ XVI в., Матер. для ист. возсоед. Руси, Кулиша, 60.

[3]) Соловьевъ, XII, 204—205, 225; XIII, 228—29.

Въ это время переводятся, вѣроятно, съ польскаго, нѣкоторыя сочиненія знаменитыхъ средневѣковыхъ писателей: Альберта Великаго (О таинствахъ женщинъ), Михаила Скотта (Физіогномика), Раймунда Люллія (Великая и предивная наука etc.); была переведена математика съ греческаго, латинскаго и польскаго языковъ, ариѳметика (Спафаріемъ) съ нѣмецкаго и книга о семи свободныхъ художествахъ (его же). Въ посланіи изографа (живописца) Іосифа къ царскому живописцу Симону Ушакову выражается сочувствіе художника къ произведеніямъ западной живописи. Въ немъ отвергается грубый взглядъ на иконопись, по которому изящная красота священныхъ изображеній считалась дѣломъ непристойнымъ и соблазнительнымъ. Переводились, преимущественно съ латинскаго и польскаго языковъ, космографіи и врачебныя книги [1]); появилась даже поваренная книга, переведенная съ нѣмецкаго языка [2]). Съ учрежденіемъ почтъ въ 1663 г., по словамъ Кильбургера, въ посольскомъ приказѣ стало получаться много иностранныхъ газетъ; а въ одной нѣмецкой брошюрѣ временъ Петра Великаго сообщается, между прочимъ, что газеты переводилъ и читалъ передъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ извѣстный своею ученостью и знаніемъ многихъ языковъ докторъ медицины и философіи Генрихъ Келлерманъ [3]). Обращая все болѣе и болѣе вниманія на Европу, въ Москвѣ боялись невыгоднаго мнѣнія о военныхъ дѣйствіяхъ русскихъ. Съ этою цѣлью было составлено описаніе похода 1660 года, для опроверженія распускаемыхъ поляками слуховъ, и отослано въ Любекъ къ Ягану фонъ-Горну съ тѣмъ, чтобы онъ напечаталъ его на нѣмецкомъ языкѣ и разослалъ по окрестнымъ государствамъ [4]).

Въ 1679 году было отправлено царемъ Ѳедоромъ посольство въ Австрію и Францію, съ цѣлью склонить эти державы къ союзу противъ турокъ. Посольство это состояло изъ боярина И. В. Бутурлина, окольничаго И. И. Чаадаева и думнаго дьяка Голосова. Въ Парижѣ русское посольство обратило на себя особенное вниманіе Кольбера. Однажды во время пребыванія пословъ въ Вер-

---

[1]) Буслаевъ, Галаховъ, Пекарскій.
[2]) Отчетъ Румянц. муз. за 1867—1869 гг., 28.
[3]) Пекарскій, I, 198—199; Рихтеръ, Ист. медицины въ Россіи, II, 290.
[4]) Соловьевъ, XI, 124—125.

сали пришли инкогнито къ ужину, въ числѣ прочихъ посѣтителей, жена маршала d'Estrées и г-жа de Thiange. Послы, не показавъ виду, что они ихъ замѣтили, подошли по окончаніи ужина къ этимъ дамамъ, и, выпивъ за ихъ здоровье вина, приказали играть въ честь ихъ музыкѣ. Французскій писатель восхищается тонкою учтивостью москвитянъ. Benoit снялъ съ обоихъ пословъ и съ сына Бутурлина весьма хорошіе портреты. Посѣтивъ обсерваторію знаменитаго Кассини, Бутурлинъ разсматривалъ все съ особеннымъ вниманіемъ, и, увидя земной глобусъ, сдѣлалъ своему сыну нѣсколько географическихъ вопросовъ, на которые получилъ весьма удовлетворительные отвѣты. Оставаясь довольно долго у Кассини и увидѣвъ, что Венера начала восходить на горизонтѣ, Бутурлинъ просилъ астронома показать ему эту планету въ телескопъ, а потомъ показалъ ее своему сыну [1]).

Въ самой Москвѣ потребность высшей школы стала уже сознаваться при Алексѣѣ Михайловичѣ. Недостаткомъ просвѣщенія объясняли тогда самые недостатки въ церкви. „Искалъ я, говоритъ Паисій Лигоридъ, митр. газскій, корня этого духовнаго недуга, поразившаго нынѣ царство русское, и старался открыть, откуда бы могло произойти такое наводненіе ересей на общую нашу пагубу, и наконецъ нашелъ, что все зло произошло отъ двухъ причинъ: отъ того, что нѣтъ народныхъ училищъ и библіотекъ. Если бы меня спросили, какіе столпы церкви и государства? я бы отвѣчалъ: во первыхъ училища, во вторыхъ училища и въ третьихъ училища". Подъ вліяніемъ такой настоятельной необходимости, уже въ 1668 г. возникла мысль объ учрежденіи въ Москвѣ славяно-греко-латинскаго училища, которая нашла поддержку въ восточныхъ патріархахъ и въ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ [2]). Въ своей привилегіи на учрежденіе въ Москвѣ академіи, царь Ѳедоръ ссылается на грамоту патріарховъ 1668 года, какъ на предвѣстницу этой послѣдней [3]).

Но высшая школа XVII вѣка должна была служить еще интересамъ церкви; академіи XVIII в. учреждались въ интересахъ

---

[1]) Берхъ, Царств. Ѳедора Алексѣевича, 74—78.
[2]) Смирновъ, Ист. моск. акад., 6—7.
[3]) Ibid. 12.

науки и государства и стоятъ въ непосредственной связи съ тѣми практическими нуждами страны, которыя ясно были намѣчены въ XVII вѣкѣ, какъ въ стремленіяхъ и мнѣніяхъ лучшихъ его представителей, такъ и въ нѣкоторыхъ постановленіяхъ правительства.....

В. С. Иконниковъ.

Кіевъ.
12 февраля 1883 года.

ИМПЕРАТОРЪ ІОСИФЪ II ВЪ РОССІИ.

Донесенія шведскаго посланника Нолькена [1]).

№ 1.

Его превосходительству г. государственному совѣтнику и президенту канцеляріи [2]), графу Ульрику Шеферу.

С.-Петербургъ. (19) 30-го іюня 1780 г.

Слухъ о прибытіи ея императорскаго величества въ Царское Село [3]) не былъ еще достовѣренъ при отходѣ послѣдней почты; но теперь могу подтвердить его тѣмъ несомнѣннѣе, что я еще въ тотъ же день получилъ о томъ положительное извѣстіе, а затѣмъ въ понедѣльникъ, по случаю обычнаго спектакля, самъ представлялся государынѣ.

Рядомъ съ этимъ отраднымъ обстоятельствомъ, особаго сообщенія заслуживаетъ только пріѣздъ знаменитаго путешественника, который нынѣ здѣсь находится. Третьяго дня около полудня прибылъ сюда графъ Фалькенштейнъ изъ Москвы, гдѣ онъ оставался недѣлю и куда ѣхалъ съ такою поспѣшностью, разставшись въ Смоленскѣ съ ея величествомъ, что князь Потемкинъ, ранѣе выѣхавшій оттуда съ намѣреніемъ предупредить его, но задержанный по пути въ своемъ имѣніи, пріѣхалъ позднѣе. Передъ выѣздомъ изъ Смоленска графъ Фалькенштейнъ роздалъ драгоцѣнные подарки, какъ важнѣйшимъ изъ бывшихъ тамъ генераловъ, такъ и лицамъ, принадлежавшимъ къ свитѣ императрицы. Изъ числа этихъ подарковъ назову табакерку въ

---

[1]) Шведскій текстъ ихъ напечатанъ во 2-мъ томѣ рѣдкой нынѣ книги: „Skrifter af blandadt, dock mest politiskt och historiskt innehall, af Gustaf d'Albedyhll". Nyköping. 1810.

[2]) Прежнее названіе министра иностранныхъ дѣлъ въ Швеціи. Свѣдѣнія о графѣ Шеферѣ можно найти въ статьѣ моей: „Екатерина и Густавъ III", стр. 30, въ Сборникѣ отд. р. яз. и сл., т. XVIII.

[3]) На обратномъ пути изъ Могилева, куда императрица ѣздила на свиданіе съ Іосифомъ II.

8,000 руб., пожалованную фельдмаршалу Румянцову, и двѣ еще болѣе дорогія вещи — князю Потемкину, именно табакерку съ вензелемъ графа Фалькенштейна и перстень съ его портретомъ. Фельдмаршалъ графъ Чернышевъ, князь Репнинъ и многіе другіе также получили подарки. Съ своей стороны и императрица наградила сопровождавшихъ графа Фалькенштейна особъ; между прочимъ графъ Кобенцль удостоился получить осыпанную брильянтами золотую табакерку. Въ дорогѣ графъ Фалькенштейнъ останавливался только въ имѣніи фельдмаршала Чернышева (Гіераполисѣ). Прибывъ сюда, онъ сперва занялъ помѣщеніе въ домѣ имперскаго посольства, а потомъ отправился кушать въ отель Городъ Лондонъ. Узнавъ о его пріѣздѣ, я немедленно поспѣшилъ въ посольскій домъ, чтобы представиться графу Фалькенштейну. Въ отвѣтъ на это посѣщеніе я уже вчера получилъ отъ него визитную карточку. Но ни я, ни кто-либо другой изъ моихъ товарищей не были приняты графомъ Ф., потому что онъ положилъ себѣ за правило не принимать никакихъ представленій, а напротивъ самому представляться и дѣлать первый визитъ. Другимъ доказательствомъ строгаго инкогнито, которое онъ хочетъ соблюдать, и намѣренія посвящать все свое время императорскому семейству или на осмотръ здѣшнихъ примѣчательностей, можетъ служить то, что онъ заранѣе отказался отъ всякихъ празднествъ и обѣдовъ у частныхъ лицъ; да и при дворѣ не будетъ никакихъ экстренныхъ увеселеній. Всякій разъ, когда графъ Ф. не кушаетъ съ ея величествомъ, онъ обѣдаетъ въ избранномъ на все время отелѣ, гдѣ устроена его собственная кухня, и тогда никто, кромѣ лицъ, составляющихъ свиту графа, не допускается къ его столу. Точно также во время путешествія изъ Могилева, ни одинъ изъ русскихъ вельможъ, ни даже соотечественникъ графа Ф.—Кобенцль не имѣлъ этой чести. Вчера утромъ графъ Ф. присутствовалъ на литургіи въ католической церкви, а оттуда отправился въ Академію наукъ, но тамъ ничего не могъ видѣть, такъ какъ комнаты были замкнуты. Послѣ того онъ отправился въ Царское Село, откуда возвратился вечеромъ. Сегодня онъ вѣроятно опять туда поѣдетъ на нѣмецкій спектакль, къ которому удостоились приглашенія и иностранные послы. Нолькенъ.

№ 2.

С.-Петербургъ. (19) 30-го іюня 1780 г.

Строжайшее инкогнито графа Ф. и то, что онъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ освобождаетъ себя отъ обязанностей, которымъ подчиняется всякое высоко поставленное частное лицо, всѣхъ очень удив-

ляетъ и кажется производитъ вообще не совсѣмъ благопріятное впечатлѣніе. Особенно рѣшеніе его не обѣдать ни у кого изъ частныхъ лицъ, во время пребыванія въ Петербургѣ, повидимому весьма не нравится здѣшнимъ вельможамъ, которые надѣялись угощать его и щеголять роскошью своихъ пировъ и своими богатствами. Но это по всей справедливости можно извинить тѣмъ, что графъ Ф. не желаетъ терять на ежедневныя посѣщенія краткаго времени, которое ему дорого для пріобрѣтенія новыхъ знаній. Вотъ почему онъ велъ и въ Парижѣ такой же образъ жизни. Но что онъ на всемъ пути отъ Кіева до Могилева не обѣдалъ съ гр. Румянцовымъ, ни даже съ гр. Броуномъ, а всегда одинъ, за исключеніемъ только одного раза, когда онъ кушалъ у князя Потемкина въ Москвѣ, и что, живя здѣсь у своего министра, онъ даже въ первый день не захотѣлъ у него обѣдать, а отправился въ отель, гдѣ стояла его свита,—все это возбуждаетъ удивленіе въ публикѣ и заставляетъ приписывать ему либо спесь, несообразную съ инкогнито, либо какую-то непонятную странность.

Какія чувства ея величество русская императрица въ душѣ питаетъ къ своему высокому гостю, объ этомъ до сихъ поръ трудно судить, такъ какъ нельзя вывести никакого заключенія изъ безконечныхъ любезностей, ему оказываемыхъ, и государыня съ такимъ искуствомъ умѣетъ скрывать то, что думаетъ. Графъ Ф. съ своей стороны пользуется всякимъ случаемъ, чтобы лестью и удивленіемъ предъ ея совершенствами угождать и нравиться императрицѣ. Говорятъ, что до сего времени онъ въ своихъ бесѣдахъ съ нею вовсе не затрогивалъ политической струны и въ многолюдныхъ собраніяхъ превозносилъ какъ декларацію, обращенную русскимъ правительствомъ къ воюющимъ державамъ, такъ и предложеніе его нейтральнымъ государствамъ.

№ 3.

С.-Петербургъ. (26 іюня) 6-го іюля 1780 г.

Продолжая свой подробный отчетъ о пребываніи здѣсь графа Фалькенштейна, какъ о предметѣ, который, рядомъ съ состояніемъ драгоцѣннаго здоровья императорской фамиліи, наиболѣе долженъ привлекать вниманіе вашего превосходительства, имѣю честь почтительнѣйше донести слѣдующее:

Въ прошлую пятницу былъ въ Царскомъ Селѣ спектакль, о которомъ я заявилъ съ отходившею въ то время почтою. Графъ Ф., сидѣвшій въ императорской ложѣ возлѣ государыни, намѣревался

сдѣлать здѣшнему дипломатическому корпусу честь посѣтить его ложу; но, будучи непрерывно занятъ разговоромъ съ императрицею, онъ не могъ ни на минуту оставить ея величество, и потому мы въ тотъ день не могли удостоиться предназначавшейся намъ чести. На другой день вечеромъ графъ Ф. прибылъ въ городъ и въ воскресенье утромъ былъ у обѣдни въ католической церкви, куда онъ отправился пѣшкомъ, во фракѣ; за нимъ на далекомъ разстояніи слѣдовалъ лонлакей. Оттуда графъ пошелъ прогуляться по городу, а около обѣденнаго времени отправился въ отель. Послѣ обѣда онъ изволилъ посѣтить графиню Румянцову, занимающую домикъ въ императорскомъ саду, гдѣ и онъ хотѣлъ принять участіе въ гуляньи, обыкновенно бывающемъ въ этотъ день; но такъ какъ его узнала и стала преслѣдовать толпа, то онъ поспѣшно удалился и поѣхалъ къ г. Бецкому, у котораго и пробылъ полтора часа. Оттуда онъ отправился къ фельдмаршальшѣ Голицыной [1]), но не былъ принятъ и воротился въ отель. Въ понедѣльникъ утромъ графъ Ф. поѣхалъ въ Царское Село, и такъ какъ въ тотъ день ея императорское величество была не совсѣмъ здорова, то онъ кушалъ у ихъ высочествъ. Нездоровье императрицы доставило ему честь бесѣдовать съ нею во время спектакля, на которомъ ея величество не могла присутствовать, почему и онъ засталъ только конецъ представленія. Прибывъ туда, онъ тотчасъ же посѣтилъ двѣ ложи дипломатическаго корпуса и пожелалъ быть представленнымъ г-жѣ Гаррисъ [2]) и моей женѣ, а также и каждому изъ насъ: вниманіе, которымъ мы были тѣмъ болѣе польщены, что графу Фалькенштейну угодно было присоединить къ тому самыя любезныя и милостивыя слова. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выразилъ сожалѣніе, что долженъ такъ скоро оставить насъ, такъ какъ пьеса въ то самое время кончилась, а ему хотѣлось посѣтить еще ихъ императорскія высочества [3]), въ ложѣ которыхъ онъ и пробылъ до конца балета. Ночь провелъ онъ въ Царскомъ Селѣ, на слѣдующее же утро возвратился сюда, въ Петербургъ, въ обществѣ государыни и кушалъ съ императорскою фамиліею въ Лѣтнемъ дворцѣ. Послѣ обѣда онъ отправился домой, чтобы вернуться во дворецъ около 6-ти часовъ, и

---

[1]) Супруга князя Александра Михайловича, рожденная княжна Дарья Алексѣевна Гагарина (кн. Долгор. Родословная книга I, 289).

[2]) Супруга англійскаго посла Джемса Гарриса Мальсбери, который занималъ этотъ постъ при русскомъ дворѣ съ 1777 по 1783 г. Депеши его изъ Петербурга, см. въ Русскомъ Архивѣ 1866 и 1874 гг.

[3]) Т. е. великаго князя Павла Петровича и супругу его, Марію Феодоровну

оставался у императрицы во все время карточной игры, послѣ чего опять отъѣхалъ къ себѣ.

Въ прошедшую среду графъ Ф. сопровождалъ ея величество въ Киккерики [1]) на освященіе церкви, которой основаніе положено было за три года передъ тѣмъ графомъ Готландскимъ [2]) вмѣстѣ съ императрицею и которая по этимъ двумъ обстоятельствамъ вѣчно будетъ достопамятна. Церковь была названа по имени Іоанна, празднуемаго въ этотъ день [3]), и Киккерики, со всѣми своими принадлежностями переименовано Чесмою въ память бывшаго въ этотъ же день [4]) знаменитаго морскаго сраженія. По окончаніи этой церемоніи графъ Ф. кушалъ съ императорскою фамиліей въ Чесмѣ, откуда онъ отправился въ монастырь благородныхъ дѣвицъ (Смольный) на праздникъ, который ежегодно бываетъ тамъ въ этотъ день, какъ день именинъ г. Бецкаго, почтеннаго начальника монастырскаго института. Императрица не изволила присутствовать на этомъ празднествѣ, но ихъ императорскія высочества приняли въ немъ участіе. Приглашенныхъ было очень не много, но дипломатическій корпусъ имѣлъ удовольствіе принадлежать къ этому числу, и такъ какъ я довольно рано явился въ пріемную залу, то графъ Ф., прибывшій вслѣдъ за мною, удостоилъ меня бесѣды, продолжавшейся четверть часа, какъ объ учрежденіи, для осмотра котораго онъ пріѣхалъ, такъ и о многихъ другихъ предметахъ, возбудившихъ его любопытство. Праздникъ, данный собственно для г. Бецкаго, начался прологомъ въ честь его; затѣмъ представлена была на сценѣ, устроенной въ саду, комическая опера L'Amant déguisé. Послѣ балета, которымъ окончился спектакль, можно было, прогуливаясь по саду, встрѣчать на каждомъ шагу танцовавшія группы, или сцены, въ которыхъ игрались пословицы (Proverbes). Между 8-ю и 9-ю часами вечера дѣвицы сѣли ужинать вдоль нѣсколькихъ столовъ, и, по ихъ приглашенію, ихъ императорскія высочества также расположились у приготовленнаго для нихъ стола, у котораго и намъ отведены были мѣста. Графъ Ф. никогда не ужинаетъ и потому только прогуливался вокругъ столовъ, а потомъ сѣлъ позади стула великой княгини. Подъ впечатлѣніемъ талантовъ и прелести молодыхъ дѣвицъ, графъ Ф. не могъ не выражать имъ своего

---

[1]) Собственно Кекерекексино, финское названіе, въ переводѣ „лягушечье болото“, на 7-й верстѣ бывшаго царскосельскаго шоссе.

[2]) Т. е. шведскимъ королемъ Густавомъ III, который подъ этимъ названіемъ въ 1777 году гостилъ при петербургскомъ дворѣ. См. статью: „Екатерина II и Густавъ III“, стр. 22.

[3]) Рождество Іоанна Крестителя 24-го іюня.

[4]) 24-го іюня (6-го іюля) 1770 года.

искренняго одобренія, своего полнаго сочувствія къ такому превосходному учрежденію. Его похвалы, при необыкновенной вѣжливости и привѣтливости этого знаменитаго путешественника, естественно, внушали всѣмъ присутствовавшимъ живѣйшія чувства радости и благодарности. Позвольте къ этому прибавить, въ доказательство неизгладимаго впечатлѣнія, произведеннаго графомъ Готландскимъ [1]) на этихъ молодыхъ дѣвицъ, какъ и на всѣхъ кто его здѣсь видѣлъ,— что какъ ни счастливы онѣ были присутствіемъ въ ихъ средѣ одного изъ славнѣйшихъ въ мірѣ государей и его благоволеніемъ, но тѣмъ не менѣе онѣ нѣсколько разъ невольно выражали мнѣ со всею живостію ихъ возраста свой энтузіазмъ къ графу Готландскому; сожалѣніе о незабвенномъ прошломъ, повидимому, отравляло ихъ радость въ настоящемъ. Послѣ того вся императорская фамилія, вмѣстѣ съ графомъ Фалькенштейномъ, присутствовала на прекрасномъ фейерверкѣ, устроенномъ по обыкновенію передъ Лѣтнимъ дворцомъ. Вчера высокій путешественникъ кушалъ съ императрицею въ Эрмитажѣ, а послѣ обѣда, сохраняя полнѣйшее инкогнито, былъ на ежедневномъ ученіи здѣшняго кадетскаго корпуса. Сегодня весь дворъ отправляется въ Петергофъ, и императрица, по обыкновенію, проѣздомъ остановится у оберъ-шталмейстера Нарышкина [2]). Въ Петергофскомъ дворцѣ, на будущей недѣлѣ, даны будутъ обычные въ эту пору празднества.

№ 4.

С.-Петербургъ, 3 (14) іюля 1780 г.

Петергофскія празднества, о которыхъ я упомянулъ въ предыдущемъ донесеніи, теперь миновались, но они заслуживаютъ болѣе подробнаго описанія по новому блеску, который имъ придало присутствіе высокаго путешественника. Въ прошлое воскресенье праздновалось восшествіе на престолъ ея имп. величества большимъ выходомъ и весьма оживленнымъ баломъ. Новый французскій посолъ, маркизъ де Веракъ, недавно прибывшій, въ этотъ самый день представлялся императорской фамиліи. Во время выхода обращала на себя общее вниманіе продолжительная бесѣда между императрицею и графомъ Ф., отличавшаяся, какъ всегда, взаимною задушевностью, а также не менѣе замѣтная внимательность графа къ ихъ императорскимъ высочествамъ, какъ и вообще его невыразимая привѣтливость

---

[1]) Густавомъ III, также посѣтившимъ Смольный монастырь въ 1777 году. См. статью „Екатерина II и Густавъ III“, стр. 23.

[2]) Дача эта была на 6-й верстѣ отъ Петербурга. См. статью: „Екатерина II и Густавъ III“, стр. 27.

ко всѣмъ присутствовавшимъ. Тѣ же явленія пріятно занимали любопытство публики на слѣдующій день, въ тезоименитство его высочества великаго князя; три года тому назадъ, на торжествѣ по этому случаю присутствовалъ графъ Готландскій. И нынче роскошный садъ былъ великолѣпно иллюминованъ съ разными украшеніями; между прочимъ изъ фонарей составлена была памятная графу Готландскому надпись: «Soyez le bien venu!» (добро пожаловать). Садъ былъ наполненъ множествомъ масокъ; болѣе не могло бы умѣститься во дворцѣ. Иногда графъ Ф. смотрѣлъ на танцующихъ и многихъ удостоивалъ разговора; когда же императрица изволила сѣсть за карточный столъ, то онъ уже не отходилъ отъ нея. Я также подошелъ къ этому столу, чтобы поклониться ея величеству. Тогда графъ Ф. обратился ко мнѣ съ большою любезностію: онъ выразилъ свое искреннѣйшее уваженіе и дружелюбіе къ нашему всемилостивѣйшему королю и самымъ лестнымъ образомъ отозвался о счастливыхъ его подданныхъ, при чемъ отличилъ особенно обоихъ графовъ Шефферъ, также государственнаго совѣтника графа Ферзена, о которыхъ замѣтилъ, что хорошо ихъ знаетъ, и отдалъ имъ полную справедливость. Онъ спросилъ меня, сколько нужно времени, чтобы изъ Кронштадта доѣхать до Стокгольма, на что я отвѣчалъ, что министръ Римскаго императора графъ Кауницъ и графъ Ласси совершили это путешествіе въ трое сутокъ. Затѣмъ графъ Ф. изъявилъ величайшее сожалѣніе о томъ, что отсутствіемъ его королевскаго величества лишенъ удовольствія лично съ нимъ познакомиться. Съ большимъ интересомъ разспрашивалъ онъ о предпринятомъ его величествомъ путешествіи и о цѣли его, при чемъ выразилъ желаніе, чтобы кромѣ драгоцѣннаго здоровья короля, такою цѣлію было посѣщеніе вѣнскаго двора, который всегда желалъ этого и льстился надеждой, что это желаніе осуществится еще во время перваго заграничнаго путешествія его королевскаго величества; но тогда надежда эта была разрушена смертью короля Адольфа Фридриха. Хотя я и мало знакомъ съ этими обстоятельствами, однакожъ смѣю думать, что поступилъ согласно съ видами его королевскаго величества, отвѣтивъ на эти дружественные разспросы графа Ф. живѣйшими завѣреніями его желанія при первомъ благопріятномъ случаѣ посѣтить дворъ, къ которому влечетъ его какъ дружба, такъ и восторженное уваженіе къ обѣимъ царствующимъ тамъ особамъ [1]). Я прибавилъ, что подданные его королевскаго величества ласкаются надеждой въ будущемъ октябрѣ мѣсяцѣ привѣтствовать возвращеніе своего короля и отца; но что во вся-

[1]) Т. е. къ Іосифу II и его матери, Маріи Терезіи.

комъ случаѣ его королевское величество съ величайшимъ удовольствіемъ принялъ бы у себя графа Фалькенштейна, котораго заимствованное имя не можетъ скрыть прирожденныхъ ему достоинствъ и блестящихъ качествъ, а слѣдовательно и измѣнить соотвѣтственнаго имъ чествованія. Описываемое празднество длилось очень долго.

На слѣдующее утро вся императорская фамилія съ графомъ Ф. отправилась въ Ораніенбаумъ, гдѣ имѣла обѣденный столъ и показала своему гостю всѣ мѣстныя примѣчательности. Въ тотъ же вечеръ графъ Ф. возвратился въ городъ, чтобы въ среду осмотрѣть всѣ предметы, еще заслуживавшіе его вниманія. Въ этотъ день онъ посѣтилъ сенатъ, адмиралтейство, академію, монетный дворъ и галерную гавань; вездѣ его принимали съ тѣмъ отличіемъ, какое только было совмѣстно съ его инкогнито, и обо всѣхъ этихъ учрежденіяхъ онъ отзывался съ тою же похвалою, которую имъ воздаютъ всѣ знатоки и съ которою неразрывно связано благоговѣніе къ великой ихъ покровительницѣ. Въ академіи онъ оставилъ гравированный на мѣди, весьма похожій портретъ свой съ подписью: Графъ Фалькенштейнъ и съ означеніемъ 1-го іюля, какъ дня этого посѣщенія [1]). Такое же вниманіе оказалъ онъ монетному двору, гдѣ ему поднесена была выбитая по этому случаю медаль съ его пояснымъ изображеніемъ и съ тѣмъ же числомъ. Вчера онъ отправился въ Шлюссельбургъ, откуда вернется, вѣроятно, только сегодня; вечеромъ онъ будетъ въ большой итальянской оперѣ, для которой сюда пріѣхала и ея императорское величество. Въ воскресенье назначенъ опять выходъ въ Петергофѣ, вѣроятно послѣдній, на которомъ будетъ присутствовать графъ Ф. Полагаютъ, что на слѣдующій день или во вторникъ онъ намѣренъ уѣхать. Объ этомъ думаю донести на ближайшей почтѣ.

---

[1]) Директоръ академіи наукъ С. Г. Домашневъ встрѣтилъ высокаго гостя на крыльцѣ кунсткамеры, и тутъ же представилъ ему тѣхъ академиковъ, которые должны были показывать ему рѣдкости этого кабинета. Особенное вниманіе обратилъ гр. Фалькенштейнъ на статую Петра В. и на французскій автографъ Наказа. Домашневъ поднесъ ему экземпляръ Наказа, напечатанный на четырехъ языкахъ. Потомъ онъ повелъ императора въ академическое собраніе, гдѣ подалъ ему списокъ всѣхъ академиковъ и записку о назначенныхъ къ чтенію въ этотъ день диссертаціяхъ. При представленіи ему академиковъ, гр. Фалькенштейнъ съ нѣкоторыми изъ нихъ разговаривалъ. Осмотрѣны были и разныя учрежденія академіи, гдѣ императору поднесены золотая медаль, собраніе описаній всѣхъ путешествій по Россіи, разные планы, карты, эстампы и рисунки, при чемъ на переплетахъ и портфеляхъ были выгравированы гербъ и вензель его. (С.-Петерб. Вѣдомости 1780 г., № 53, отъ 3-го іюля). Я. Г.

№ 5.

С.-Петербургъ, 3-го (14) іюля 1780.

Разговоръ, котораго удостоилъ меня императоръ и о которомъ я донесъ въ сегодняшней депешѣ [1]), конечно тѣмъ болѣе будетъ пріятенъ вашему превосходительству, что онъ обратилъ на себя вниманіе всѣхъ присутствовавшихъ: стоявшіе тѣснымъ кружкомъ около карточнаго стола императрицы, вблизи отъ графа и меня, не могли проронить ни одного слова изъ этой бесѣды. Произошла она вслѣдствіе разговора моего съ государыней, въ продолженіе котораго ея величество два раза произнесла: «Le Roi de Suède!» Послѣ того императоръ тотчасъ же подошелъ ко мнѣ и отозвался съ особеннымъ уваженіемъ и дружелюбіемъ о его королевскомъ величествѣ, и высказалъ много лестнаго о шведской націи, употребивъ между прочимъ слѣдующее выраженіе: «J'aurais été enchanté de voir un pays, où il y a des citoyens et des hommes» (мнѣ было бы крайне пріятно увидѣть страну, гдѣ есть граждане и люди). Эту похвалу можно было понять въ смыслѣ не совсѣмъ благопріятнаго сужденія о жителяхъ той земли, гдѣ императоръ теперь находится.

Графъ Фалькенштейнъ много выигрываетъ отъ ближайшаго съ нимъ знакомства, и можно сказать, что здѣсь онъ внушилъ самое выгодное о себѣ мнѣніе. Онъ чрезвычайно вѣжливъ, особливо къ прекрасному полу, и въ разговорѣ съ дамами примѣтно оживляется. Въ обращеніи его виденъ болѣе военный человѣкъ, нежели придворный, въ рѣчахъ онъ не многословенъ и простъ, въ доказательство чего я могу привести его фразу, когда онъ выражалъ мнѣ свое желаніе побывать въ Швеціи: съ самой добродушной миной, въ которой видна была искренность, онъ сказалъ мнѣ: «Si le roi était à Stockholm, je serais diablement tenté de faire ce voyage» (еслибъ король былъ въ Стокгольмѣ, мнѣ бы дьявольски хотѣлось съѣздить туда). И онъ конечно исполнилъ бы это желаніе, еслибъ король не былъ въ чужихъ краяхъ. По словамъ графа Броуна [2]) императоръ во время путешествія изъ Вѣны въ Могилевъ нѣсколько разъ говорилъ ему то же самое и выражалъ сильное желаніе познакомиться съ его королевскимъ величествомъ.

---

[1]) См. выше стр. 315.

[2]) Принадлежавшаго къ свитѣ гр. Фалькенштейна.

№ 6.

С.-Петербургъ, 10-го (21) іюля 1780.

Ваше превосх. можете представить себѣ, какъ встревожили и озаботили не только меня, но и все петербургское общество извѣстія о болѣзни, постигшей его королевское величество въ дорогѣ.

Что касается здѣшняго двора, то имѣю честь доложить, что вся императорская фамилія находится въ вожделѣнномъ здравіи и ничто иное не огорчаетъ ея, кромѣ недавняго отъѣзда графа Фалькенштейна и помянутыхъ извѣстій изъ Стокгольма. Городъ не имѣлъ счастья, въ прошедшую пятницу, увидѣть въ стѣнахъ своихъ на нѣсколько часовъ царское семейство, какъ всѣ надѣялись. Этому помѣшало кратковременное, уже миновавшееся нездоровье императрицы; равнымъ образомъ и графъ Фалькенштейнъ не могъ быть въ театрѣ, удержанный болѣе пріятнымъ препровожденіемъ времени у ея величества. Субботу онъ также провелъ въ Петергофѣ. Въ воскресенье онъ былъ у обѣдни здѣсь въ городѣ, но по окончаніи службы тотчасъ же уѣхалъ назадъ, чтобы присутствовать на выходѣ. Когда я занятъ былъ игрою въ карты съ ихъ импер. высочествами, графъ подошелъ къ моему стулу и съ большимъ безпокойствомъ спросилъ меня о состояніи здоровья короля, про болѣзнь котораго онъ слышалъ отъ императрицы. Ничего еще не зная тогда объ этомъ прискорбномъ обстоятельствѣ, я могъ отвѣчать только изъявленіемъ благодарности за столь живое участіе графа. Позднѣе графъ Панинъ подтвердилъ мнѣ тревожное извѣстіе. Въ понедѣльникъ утромъ графъ Фалькенштейнъ отправился въ Кронштадтъ для осмотра достопримѣчательностей этого города. Вечеромъ онъ вмѣстѣ съ ея импер. величествомъ присутствовалъ на спектаклѣ, бывшемъ въ Петергофѣ; при этомъ случаѣ дипломатическій корпусъ въ послѣдній разъ имѣлъ честь видѣть высокаго путешественника. Вторникъ прошелъ въ приготовленіяхъ къ отъѣзду, который и состоялся въ слѣдующій день, т. е. въ прошедшую среду, вечеромъ [1]; графъ поѣхалъ на Вѣну черезъ Ригу и Львовъ. Изъ числа новыхъ милостей, которыхъ онъ передъ отъѣздомъ удостоилъ нѣкоторыхъ изъ здѣшнихъ лицъ, назову слѣдующія, сдѣлавшіяся мнѣ извѣстными: великолѣпная золотая табакерка, украшенная портретомъ Римскаго императора, пожалована графу Панину; драгоцѣнный перстень—графу Остерману, богатыя

---

[1]) 8-го іюля.

табакерки—генералъ-прокурору кн. Вяземскому и вице-президенту адмиралтействъ коллегіи графу Ивану Чернышеву. Не знаю, заслуживаетъ ли вниманія вашего превосходительства, что я въ прошлую субботу имѣлъ удовольствіе принять у себя къ обѣденному столу трехъ кавалеровъ свиты графа Фалькенштейна, именно: графа Броуна, полковника Ланга и подполковника Цехентера; но смѣю надѣяться, что ваше превосходительство благосклонно одобрите усердное мое желаніе выразить по крайней мѣрѣ этимъ лицамъ какъ благодарность, такъ и энтузіазмъ, внушенные мнѣ высокимъ ихъ спутникомъ.

№ 7.

С.-Петербургъ, 24-го іюля (4 августа) 1780 г.

По отъѣздѣ императора изъ Петербурга ежедневно становится болѣе и болѣе замѣтнымъ, какое неблагопріятное впечатлѣніе его величество произвелъ на большинство здѣшнихъ жителей: всякій разъ, когда зайдетъ о немъ рѣчь, начинаютъ разбирать и осуждать его свойства и поступки во время пребыванія въ Петербургѣ. Недавно почтенный генералъ Бецкій сказалъ мнѣ: «Votre roi a été bien sincèrement et généralement chéri ici, après que nous avons eu le bonheur de le posséder; mais je puis vous assurer qu'après la visite de l'empereur on l'aime encore vingt fois davantage» [1]). Послѣ того я провелъ нѣсколько часовъ у названнаго генерала; и самъ онъ, и жена его горько жаловались на холодность и высокомѣріе императора, на поспѣшность, съ какою онъ осматривалъ все, что ему показывали, быстро переходя отъ одного предмета къ другому, на равнодушіе и пренебреженіе, которыя онъ обнаруживалъ вездѣ, гдѣ надѣялись удовлетворить его любознательность. Особенно замѣтили это, когда онъ былъ въ кадетскомъ корпусѣ: онъ показалъ явное нетерпѣніе, неожиданно сокративъ и перервавъ военныя упражненія кадетъ поспѣшнымъ отъѣздомъ. Будучи избалованы милостивымъ обращеніемъ императрицы, и помня какое любезное вниманіе оказывалъ имъ также графъ Готландскій, эти молодые дворяне были удивлены и недовольны тѣмъ, что графъ Фалькенштейнъ ни одного изъ нихъ не удостоилъ ласковымъ словомъ, особенно жаловался императрицѣ на это

---

[1]) Т. е. „вашего короля всѣ здѣсь искренно полюбили послѣ того, какъ мы имѣли счастье видѣть его у себя; но могу васъ увѣрить, что его полюбили еще въ двадцать разъ болѣе послѣ посѣщенія императора“.

графъ Бобринскій [1]), котораго ему при всякомъ случаѣ подводили и представляли. Естественно было, что онъ главнымъ образомъ старался быть пріятнымъ императрицѣ и ихъ высочествамъ; но какъ могъ графъ Фалькенштейнъ совершенно упустить изъ виду средство тѣмъ вѣрнѣе понравиться императрицѣ и упрочить произведенныя имъ на этихъ особъ впечатлѣнія? Средство это состояло бы въ томъ, чтобъ какъ можно болѣе расположить и привязать къ себѣ массу. Вмѣсто того русскіе не могли не обидѣться спесью, которую онъ имъ показывалъ и которая рѣзко выдавалась въ сравненіи съ его подобострастіемъ передъ императрицею: оно превышало всякую мѣру и даже роняло его санъ. Приведу тому примѣръ, бывшій на глазахъ всего дипломатическаго корпуса: каждый разъ, когда государыня появлялась на выходахъ, графъ Фалькенштейнъ выскакивалъ впередъ и становился въ ряды камергеровъ, камеръ-юнкеровъ и стражи,— любезность, которою всѣ были непріятно поражены.

Поистинѣ осыпанный знаками вниманія и благосклонности графа Ф., я весьма неохотно и только для исполненія своего долга счелъ нужнымъ передать вашему превосходительству все, что касается этого высокаго лица. Но я съ особеннымъ удовольствіемъ и притомъ съ полною правдивостью повторяю въ заключеніе приговоръ общества о двухъ посѣтившихъ здѣшній дворъ высокихъ гостяхъ, приговоръ, который служитъ къ чести графа Готландскаго во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ,—сколько по его уму и талантамъ, по привлекательнымъ свойствамъ, которыми онъ отличается, столько же и по достоинству и приличію, какими здѣсь сопровождались всѣ его дѣйствія.

Въ дополненіе къ этимъ свѣдѣніямъ о пребываніи Іосифа II въ Петербургѣ, помѣщаю здѣсь краткій обзоръ его царствованія и характеристику его личности, пользуясь преимущественно обширнымъ историческимъ трудомъ Георга Вебера.

Сынъ Маріи Терезіи родился въ 1741 году и обязанъ былъ образованіемъ болѣе своей любознательности, чѣмъ воспитанію: главный наставникъ его былъ суровый военный человѣкъ, который хотѣлъ строгою дисциплиною обуздать его пылкій нравъ; ученіе велось пе-

[1]) Извѣстно, что молодой графъ А. Г. Бобринскій, передъ отправленіемъ его въ путешествіе, воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ. См. о томъ Р. Арх. 1866 (изд. 2), стр. 893, и обстоятельную статью о Бобринскомъ въ томъ же изданіи 1876, т. III, стр. 5 и д.

дантически и сухо; самое сильное на него вліяніе имѣлъ профессоръ естественнаго права Мартини, который внушилъ ему мысль, что законы разума и правильнаго государственнаго устройства должны итти впереди существующаго, установленнаго исторіею порядка, и эта мысль отразилась впослѣдствіи во всей дѣятельности Іосифа; уже въ мальчикѣ можно было видѣть всѣ тѣ свойства, которыми опредѣлился его историческій характеръ. Ловкій, проворный въ своихъ движеніяхъ, съ тѣлесною крѣпостью, развитою гимнастическими упражненіями, онъ соединялъ чувствительное сердце, согрѣтое любовью къ человѣчеству, воспламененное мечтою сдѣлаться благодѣтелемъ своего народа, но рядомъ съ этимъ и нетерпѣливую поспѣшность и склонность къ самовластію. Его страсть дѣйствовать, разрушать и строить, его стремительность, которая однакожъ легко и отступала передъ неожиданными затрудненіями, все это выражалось уже въ его быстрой поступи, въ его живыхъ пріемахъ, но еще болѣе въ его своенравіи и строптивомъ противодѣйствіи своимъ наставникамъ, что дало Маріи Терезіи поводъ замѣтить: «Сынъ мой Іосифъ не умѣетъ повиноваться».

Къ важнѣйшимъ средствамъ къ его образованію послужили путешествія. Онъ объѣхалъ многія страны Европы, и не для увеселенія или разсѣянія, а для изученія свѣта и людей. Подъ именемъ графа Фалькенштейна онъ безъ всякой пышности и безъ большой свиты посѣтилъ всѣ значительнѣйшіе города Европы. Въ Парижѣ онъ свелъ знакомство съ знаменитѣйшими представителями литературной и политической жизни и всѣхъ удивлялъ своимъ умомъ, любезностью и начитанностью. Послѣ свиданія съ нимъ въ Нейштадтѣ Фридрихъ В. былъ въ восторгѣ отъ пытливаго ума молодого принца, умѣвшаго освободиться отъ предразсудковъ своего дома и восхищавшагося Вольтеромъ. Очень хотѣлось Іосифу и самому побывать у фернейскаго мудреца, но Марія Терезія рѣшительно запретила ему это. Въ Италіи и въ Испаніи онъ ознакомился съ искуствомъ и общественною жизнью.

Послѣ смерти своего отца Франца I въ 1765 году, Іосифъ сдѣлался соправителемъ своей матери въ наслѣдственныхъ австрійскихъ владѣніяхъ, бывъ избранъ также и Римскимъ императоромъ, но пока жила Марія Терезія, кругъ дѣйствія его ограничивался собственно военною частью. Въ послѣдніе годы ея жизни болѣе и болѣе обнаруживалось несогласіе въ ихъ взглядахъ. Марія Терезія слѣдовала по преимуществу консервативной системѣ, тогда какъ Іосифъ стоялъ во главѣ оппозиціи и, увлекаемый примѣромъ Пруссіи, хотѣлъ ввести

новѣйшую систему государственнаго единства въ средневѣковую машину своей державы.

Въ ноябрѣ 1780 г. скончалась Марія Терезія, женщина высокихъ достоинствъ не только какъ государыня, но и какъ супруга и мать. Сыну ея было 39 лѣтъ, когда онъ такимъ образомъ сдѣлался самодержцемъ одной изъ первостепенныхъ державъ Европы. Его по справедливости называютъ истиннымъ сыномъ своего вѣка, такъ какъ въ немъ отпечатлѣлись всѣ черты его времени. Въ немъ какъ и въ XVIII вѣкѣ соединились непримиримыя повидимому противорѣчія— съ одной стороны филантропія и гуманность, съ другой своего рода жесткость и самовластіе, мечты о свободѣ и рядомъ наклонность къ деспотизму, высокое сознаніе права и пренебреженіе къ праву, вѣротерпимость и неспособность мириться съ чужимъ мнѣніемъ. Іосифъ однажды самъ о себѣ выразился, что онъ исполненъ фанатизма ко благу государства, и между тѣмъ видѣлъ въ подвластныхъ ему разноплеменныхъ народахъ какъ бы лишенную воли массу, съ которою можно обращаться по своему произволу; онъ не понималъ, что одни и тѣ же законы не могутъ годиться для всѣхъ странъ и всѣхъ людей. Понятія военной централизаціи и объединенія, къ которымъ онъ привыкъ завѣдуя арміей при Маріи Терезіи, сталъ онъ теперь прилагать къ государственному организму, и какъ монархъ-философъ старался соединить свои народы узами одного законодательства и управленія. Въ этомъ духѣ приступилъ онъ немедленно къ цѣлому ряду реформъ, которыя касались какъ церкви, такъ и гражданскихъ отношеній и судопроизводства.

Въ отношеніи къ церкви, онъ издалъ достопамятный законъ о вѣротерпимости, которымъ предоставилъ свободу богослуженія и равныя съ католиками политическія права послѣдователямъ протестантскихъ исповѣданій и греческой церкви. Затѣмъ онъ уменьшилъ число монастырей на цѣлую треть, упразднивъ около 700 монастырей и отъ 30 до 36,000 монашествующихъ. Сбереженныя такимъ образомъ суммы онъ обратилъ на улучшеніе учебнаго дѣла, на учрежденіе новыхъ приходовъ, училищъ и благотворительныхъ заведеній, какъ то больницы, института глухонѣмыхъ и т. п. Далѣе онъ сократилъ разные внѣшніе обряды, напр. процессіи, велѣлъ переводить библію на народные языки и ввелъ въ церквахъ пѣніе нѣмецкихъ псалмовъ; ограничилъ вліяніе папы и сообщенія духовенства съ Римомъ и проч. Тщетно папа Пій VI прибѣгнулъ къ необычайному средству образумить императора, предпринявъ путешествіе въ Вѣну. Іосифъ принялъ его съ величайшимъ почетомъ; какъ самъ онъ, такъ и его

придворные всячески оказывали ему свое глубокое уваженіе, но о дѣлѣ, для котораго собственно пріѣхалъ папа, рѣчи не было, и онъ долженъ былъ воротиться въ Римъ безъ успѣха.

Къ важнѣйшимъ преобразованіямъ Іосифа принадлежало уничтоженіе крѣпостнаго состоянія, равномѣрное обложеніе податями гражданъ всѣхъ сословій на основаніи новаго размежеванія недвижимой собственности, уравненіе всѣхъ передъ судомъ и дарованіе равноправности евреямъ. Онъ заботился также объ улучшеніи земледѣлія, скотоводства и промышленности; запретилъ ввозъ заграничныхъ винъ и мануфактурныхъ издѣлій, строго преслѣдовалъ контрабанду, открылъ австрійской торговлѣ путь къ Черному морю посредствомъ договоровъ съ Турціею и пр.

Большая часть его реформъ возбуждали общее неудовольствіе. Духовенство и дворянство негодовали за нарушеніе своихъ правъ, національное чувство подвластныхъ народовъ было оскорблено. Іосифъ обращалъ слишкомъ мало вниманія на установившіеся изстари порядки, обычаи и предразсудки; намѣренія его и стремленія были самыя благородныя и потомство всегда будетъ отдавать ему въ этомъ отношеніи справедливость, но онъ дѣйствовалъ слишкомъ поспѣшно и необдуманно. Его стараніе уничтожать церковныя злоупотребленія и распространять образованіе въ народѣ приписывались невѣрію и вольнодумству; въ его стремленіи ввести повсюду единство въ управленіи и судопроизводствѣ видѣли самовластіе и деспотизмъ.

Неудовольствіе, возбужденное крутыми мѣрами Іосифа, достигло крайнихъ предѣловъ въ Нидерландахъ и Венгріи и наконецъ обратилось тамъ въ открытое восстаніе. Напрасно австрійское войско старалось укротить бунтъ силою: нидерландскія провинціи провозгласили себя независимыми и учредили въ Брюсселѣ конгрессъ. Подобныя же событія готовились и въ Венгріи, гдѣ населеніе съ самаго начала царствованія Іосифа было недовольно тѣмъ, что онъ не захотѣлъ по древнему обычаю короноваться въ Пресбургѣ, а велѣлъ перенести завѣтную венгерскую корону въ Вѣну и тѣмъ отклонилъ отъ себя присягу на охраненіе венгерской конституціи; затѣмъ онъ не созвалъ сейма, поселилъ на венгерской землѣ нѣмецкихъ колонистовъ и вмѣсто латинскаго языка ввелъ въ дѣлопроизводство нѣмецкій, обязавъ всѣхъ мадьяръ учиться ему. Все это вмѣстѣ съ другими прежде упомянутыми преобразованіями произвело въ странѣ такое волненіе, что Іосифъ, въ то время занятый турецкою войною, принужденъ былъ въ концѣ жизни отмѣнить большую часть своихъ нововведеній какъ въ Венгріи, такъ и въ Нидерландахъ. Такая неудача

въ самыхъ великодушныхъ намѣреніяхъ, общее непризнаніе или даже вѣрнѣе превратное ихъ объясненіе глубоко огорчали пылкаго государя; къ этому присоединилось гибельное дѣйствіе военныхъ тревогъ и самаго пребыванія въ нездоровой мѣстности по берегамъ нижняго Дуная, и вскорѣ Іосифъ сдѣлался жертвою неизлечимой болѣзни: онъ скончался (9-го) 20 февраля 1790 года.

Перейдемъ теперь къ началу сношеній между Екатериною и Іосифомъ. Въ первую четверть своего царствованія, находясь въ союзѣ съ Фридрихомъ II, Екатерина смотрѣла весьма недовѣрчиво на Марію Терезію и ея сына, и въ перепискѣ съ Гриммомъ отзывалась о нихъ иронически, называла первую Maman, а Іосифа Янусомъ, подозрѣвая его въ двуличности. Но по мѣрѣ того, какъ Екатерина разочаровывалась въ Фридрихѣ и переставала вѣрить въ его искренность и доброжелательство, она стала болѣе и болѣе склоняться въ пользу Іосифа. Хотя его намѣреніе пріѣхать въ Россію для свиданія съ императрицею сначала и пугало ее, однакожъ когда въ 1780 г. Екатерина, желая осмотрѣть новопріобрѣтенный ею Бѣлорусскій край, рѣшилась предпринять туда путешествіе, то къ этому присоединилась и политическая цѣль личнаго знакомства съ Іосифомъ. 24-го мая оба монарха дѣйствительно съѣхались въ Могилевѣ на Днѣпрѣ. Это свиданіе было важно не только по союзу, къ которому оно привело, но и потому, что Іосифъ здѣсь подробно объяснилъ императрицѣ систему учебнаго дѣла, незадолго передъ тѣмъ введенную въ австрійскихъ владѣніяхъ Маріей Терезіей, и принятую Екатериною за образецъ для будущихъ русскихъ училищъ. На другой день послѣ перваго свиданія съ Іосифомъ она писала къ Гримму и разсказала ему свою бесѣду съ императоромъ, который уже сообщилъ ей и планы своихъ будущихъ преобразованій. 27-го числа государыня пишетъ къ тому же лицу: «Отсюда (т. е. изъ Могилева), мы ѣдемъ, графъ Фалькенштейнъ и я, въ шестимѣстной каретѣ, другъ возлѣ друга въ Смоленскъ... Оттуда онъ отправится въ Москву и вернется къ себѣ черезъ Петербургъ, гдѣ я буду его ожидать». Помѣщенный выше подробный отчетъ о его пребываніи въ нашей столицѣ тѣмъ болѣе любопытенъ, что онъ составленъ очевидцемъ, который не по однимъ слухамъ зналъ о всѣхъ подробностяхъ пріема и въ интересѣ котораго было собирать объ этомъ самыя точныя свѣдѣнія. Правдивость его разсказа не подлежитъ никакому сомнѣнію, тѣмъ болѣе, что при явномъ желаніи умалить успѣхъ посѣщенія Римскаго императора въ сравне-

ніи съ впечатлѣніемъ, какое за нѣсколько лѣтъ до того произвелъ своимъ пріѣздомъ шведскій король Густавъ III, баронъ Нолькенъ не можетъ защититься отъ обаянія высокой личности и достоинствъ Іосифа.

Особенно яркій свѣтъ на отношенія Екатерины къ императору бросаетъ переписка, изданная въ 1869 году въ Вѣнѣ г. Арнетомъ. Мы узнаемъ изъ нея, что желаніе обоюднаго сближенія было впервые выражено Іосифомъ. Послѣ того, какъ они лично объяснились и вполнѣ оцѣнили важность взаимной дружбы, уже въ 1781 году зашла между ними рѣчь о заключеніи оборонительнаго и наступательнаго союза, направленнаго, по самому положенію дѣлъ въ ту эпоху, главнымъ образомъ противъ Турціи. Эта переписка между прочимъ любопытна въ томъ отношеніи, что изъ нея въ первый разъ вполнѣ выяснилось, въ чемъ именно заключались планы Екатерины по восточному вопросу, въ чемъ собственно состоялъ знаменитый «греческій проектъ». Въ виду приближавшейся второй турецкой войны, уже въ сентябрѣ 1782 г. императрица, считая успѣхъ ея, при слабости Оттоманской Порты, несомнѣннымъ, выражаетъ, на случай ея пораженія, два главныхъ желанія: во 1-хъ, для устраненія будущихъ столкновеній между Австріей, Россіей и Турціей создать подъ древнимъ именемъ Дакіи независимое государство, образовавъ его изъ дунайскихъ княжествъ и Бессарабіи и поставивъ во главѣ его православнаго государя, безусловно преданнаго Россіи и Австріи. Во 2-хъ, распространить границы Россіи до Чернаго моря, и предоставить ей Очаковъ съ его округомъ между Бугомъ и Днѣстромъ, и сверхъ того одинъ или два острова въ Архипелагѣ для охраненія и развитія русской торговли. Въ дополненіе къ этому Екатерина высказывала надежду, что въ случаѣ, если соединеннымъ силамъ обѣихъ державъ удастся изгнать турокъ изъ Константинополя, то Іосифъ поможетъ ей возстановить Греческую имперію подъ управленіемъ внука ея Константина.

Въ отвѣтномъ письмѣ своемъ Іосифъ, изъявляя согласіе на эти условія, съ своей стороны требовалъ: уступки Хотина съ небольшою областью, которая служила бы оплотомъ Галиціи и Буковины, затѣмъ части Валахіи и побережья Дуная по обѣ его стороны отъ Бѣлграда до Никополя со включеніемъ этихъ двухъ городовъ и, кромѣ того, Орсовы и Виддина. Наконецъ, императоръ желалъ еще получить венеціанскія владѣнія на материкѣ, Истрію и Далмацію. Таковы были, сто лѣтъ тому назадъ, скромныя требованія Австріи, которая впослѣдствіи на дѣлѣ осуществила нѣкоторыя изъ нихъ, а въ наше время ловко достигла успѣха и въ дальнѣйшихъ своихъ притязаніяхъ.

Екатерина, одобривъ первыя условія императора, рѣшительно воспротивилась урѣзанію владѣній Венеціанской республики, содѣйствіе которой считала необходимымъ въ борьбѣ противъ Порты. Оскорбленный отказомъ, Іосифъ писалъ Кауницу, что Екатерина хочетъ обойти своего союзника, но что онъ не дастся въ обманъ. Вотъ единственный случай, когда мы въ перепискѣ обоихъ монарховъ видимъ тѣнь недовѣрія и неудовольствія. Но это чувство вскорѣ изгладилось въ Іосифѣ, и когда Екатерина, готовясь къ своему крымскому путешествію, выразила желаніе, чтобы императоръ ей сопутствовалъ, то онъ, хотя и неохотно, поспѣшилъ принять ея приглашеніе. Такимъ же образомъ онъ, несмотря на прежнее нерасположеніе свое къ войнѣ съ Турціей, съ какимъ то энтузіазмомъ согласился на участіе въ борьбѣ Россіи съ Портой и самъ съ своею арміей явился на берегахъ Дуная. Совершившееся между тѣмъ отпаденіе нидерландскихъ провинцій такъ сильно потрясло его, что уже ничѣмъ нельзя было остановить развитія въ немъ смертельной болѣзни. Трогательно послѣднее письмо его къ русской императрицѣ. Передъ тѣмъ Екатерина, изъявляя ему свое соболѣзнованіе по поводу нидерландскихъ событій и опасеній его со стороны Пруссіи, вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщала ему дѣятельную помощь.

«Ваше довѣріе ко мнѣ, писала она, вполнѣ заслужено тою добросовѣстностію, съ какою я привыкла исполнять свои обязательства, и сознаніемъ моего долга отплатить вамъ за ту честную и энергическую поддержку, которую вамъ угодно было мнѣ оказать въ двухъ важныхъ случаяхъ, когда дѣло шло о пользѣ и славѣ моей имперіи. Мнѣ отрадно будетъ исполнить эту обязанность».

Вотъ что Іосифъ отвѣчалъ Екатеринѣ за четыре дня до своей кончины:

«Вѣна, 16-го февраля 1790 года. Государыня сестрица. Въ то время, когда, подавленный болѣзнію, я долженъ ежеминутно ждать смерти, мнѣ приносятъ письмо вашего императорскаго величества. Оно произвело на меня неизъяснимое дѣйствіе, давъ мнѣ силы начертать вамъ слабою рукою еще эти строки.

«Никогда не было писано подобнаго письма, и только вы однѣ, государыня, способны такъ чувствовать, желать и поступать, какъ вы говорите. Ваши слова священны. Какъ отрадно въ моемъ ужасномъ положеніи завѣщать такую опору моему брату, за образъ мыслей котораго я ручаюсь; ожидаю его съ часу на часъ.

«Примите послѣднюю просьбу самаго вѣрнаго изъ вашихъ друзей и самаго искренняго изъ почитателей вашихъ: сохраните моему брату

и моему государству тѣ же чувства и ту же могущественную помощь, которыя вы мнѣ обѣщаете. Я имѣлъ добрыя намѣренія; всѣ тягости и всѣ опасности падаютъ на мое государство.

«Итакъ, мнѣ уже не видать почерка руки вашего величества, который меня болѣе всего счастливилъ, и я невыразимо скорблю, что послѣдній разъ приношу вамъ увѣреніе въ нѣжной моей дружбѣ и высокомъ уваженіи».

Смерть Іосифа произвела на императрицу Екатерину глубокое впечатлѣніе. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ она писала Гримму: «Я очень довольна, что вы отдаете справедливость Іосифу II. Я чувствовала къ нему искренно дружеское расположеніе, и онъ меня тоже любилъ. Не могу вспомнить о немъ безъ умиленія. Онъ мнѣ написалъ ужасное письмо: я тотчасъ же отвѣчала ему, но мое письмо пришло слишкомъ поздно». Окончательно Екатерина такъ отозвалась объ этомъ государѣ: «Не могу притти въ себя отъ изумленія. Какъ, бывъ рожденъ и воспитанъ для своего высокаго званія, бывъ одаренъ умомъ, талантами и знаніями, онъ ухитрился царствовать такъ дурно? Мало того, что онъ ни въ чемъ не имѣлъ успѣха: онъ еще довелъ себя до несчастій, среди которыхъ и умеръ!»

Это заключеніе великой императрицы о Іосифѣ невольно наводитъ насъ на сравненіе между обоими историческими дѣятелями, и мы не ошибемся, если признаемъ за Екатериною все противоположное тому, что она такъ мѣтко высказала о Іосифѣ: ея долгое царствованіе представляетъ непрерывный рядъ доказательствъ геніальнаго пониманія трудныхъ задачъ правленія; всѣ ея предпріятія столько же отличались глубокою обдуманностью, сколько Іосифовы были поспѣшны и несоразмѣрны съ требованіями дѣйствительности. Наконецъ, всѣ ея дѣла увѣнчивались необычайнымъ успѣхомъ, и она сошла въ могилу во-время, начавъ въ послѣдніе годы своего царствованія переживать себя. Какъ человѣкъ и просвѣщенный сынъ своего вѣка, Іосифъ стоялъ можетъ быть не ниже Екатерины; но ему недоставало именно того, что составляетъ ея величіе въ исторіи—высокаго государственнаго ума. Скажемъ болѣе: ему недоставало не только политической мудрости, но и простого житейскаго благоразумія. Извѣстна эпитафія, которую онъ въ одномъ разговорѣ самъ себѣ предназначалъ: «Здѣсь покоится государь, который, при самыхъ чистыхъ намѣреніяхъ, имѣлъ несчастіе во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ встрѣчать полнѣйшую неудачу». Но рядомъ съ этими словами должно быть приведено и то, что́ онъ за годъ до своей смерти произнесъ передъ торжественнымъ причащеніемъ св. таинъ въ дворцовой церкви:

«Предъ присущимъ здѣсь Господомъ, на судъ котораго я скоро предстану, завѣряю, что все мною сдѣланное въ десятилѣтнее мое царствованіе было задумано для блага моихъ подданныхъ. Если я ошибался, то Господь Богъ, во вниманіи къ моимъ намѣреніямъ и къ человѣческой слабости, которой не чуждъ ни одинъ смертный, будетъ ко мнѣ милосердъ!»

Я. К. Гротъ.

ПОЖАРЪ ЗИМНЯГО ДВОРЦА

17, 18 и 19 декабря 1837 г.

Изъ записокъ стараго л.-г. Преображенскаго полка офицера [1]).

На третьемъ году моей службы въ лейбъ-гвардіи Преображенскомъ полку, именно въ 1837 г., случился пожаръ Зимняго дворца. Событіе это сильно запечатлѣлось въ моей памяти.

На Большой Милліонной постоянно былъ расположенъ батальонъ нашего Преобр. полка около Зимняго дворца, рядомъ съ Эрмитажемъ, о чемъ я прежде уже упоминалъ, объ этой соприкосновенности объ этомъ близкомъ нашемъ сожительствѣ съ Зимнимъ дворцомъ. И такъ, въ казармахъ 1-го батальона находились квартиры: командира полка, полковаго адъютанта и командира роты государевой, а остальное все зданіе казармъ вмѣщало въ себѣ помѣщеніе нижнихъ чиновъ батальона, писарей и полковую канцелярію. Затѣмъ, полковникъ, командиръ 1-го батальона, всѣ остальные ротные командиры и младшіе офицеры 1-го батальона, всѣ размѣщались и жили въ домѣ, отведенномъ подъ офицерское помѣщеніе, домъ Богдановича, который и понынѣ существуетъ.

Домъ Богдановича находился на разстояніи какихъ-нибудь 10-ти шаговъ до дворца и до казармъ одинаково, состоялъ изъ неболь-

---

[1]) См. первыя главы этихъ Записокъ въ „Русской Старинѣ" изд. 1883 г., томъ XXXIX, май, стр. 273—310; іюнь, стр. 593—622.

Предъ нынѣ печатаемою главою, въ рукописи есть еще глава, заключающая въ себѣ, по преимуществу, характеристики офицеровъ-сослуживцевъ автора. Пока мы ее опускаемъ, но впослѣдствіи и ей дадимъ мѣсто на стр. „Русской Старины", такъ какъ она заключаетъ въ себѣ, какъ и вообще всѣ Записки ген.-маіора Д. Г. Колокольцова, интересныя черты внутренняго быта полка 1830—1840 гг., стоявшаго и стоящаго въ челѣ всей русской гвардіи.

Ред.

шого домика, 3-хъ этажнаго, со дворомъ, ворота котораго и передній фасъ выходили на канаву, почти противъ Пѣвческаго корпуса и Пѣвческаго моста.

Въ среднемъ этажѣ дома Богдановича жилъ командиръ 1-го баталъона, полковникъ Есиповъ. Онъ былъ холостой и занималъ только часть бель-этажа. А другую часть занимали наши офицеры, сколько я могу теперь припомнить: Суходольскій, Аверкіевъ, Сеславинъ, Демидовъ; впрочемъ, всѣ пережили на этихъ квартирахъ, когда бывали поочередно переводимы въ 1-й батальонъ.

Въ нижнемъ этажѣ, гдѣ помѣщеніе было чуть ли не попространнѣе, съ правой стороны, обитали два родныхъ брата: Платонъ и Иванъ Челищевы, изъ которыхъ первый командовалъ 1-ю ротою, а Иванъ 2-ю ротою. Рядомъ съ этою квартирою было еще помѣщеніе, въ которомъ жили тоже два родныхъ брата: Николай и Алексѣй Челищевы, которые приходились двоюродными—первымъ двумъ братьямъ Челищевымъ.

Съ лѣвой стороны этого нижняго этажа жилъ тогда нашъ подпоручикъ Левъ Яковлевъ.

Въ 3-мъ этажѣ дома Богдановича, на одной изъ квартиръ, жили два родныхъ брата: Григорій и Андрей Шостакъ. Эта квартира Шостакъ отдѣлялась дверью отъ квартиры, въ которой жили: командиръ 3-й роты, штабсъ-капитанъ Потуловъ, мой двоюродный братъ и его меньшой братъ, Николай, и съ ними вмѣстѣ помѣщался и я. Каждый изъ насъ имѣлъ свою особую, очень недурную, комнатку. Я тогда находился во 2-й ротѣ подъ начальствомъ штабсъ-кипитана Ивана Ивановича Челищева; я былъ въ этотъ годъ только что переведеннымъ, для исполненія служебныхъ обязанностей, въ первый батальонъ.

Такимъ образомъ, тогда наша холостая, казарменная жизнь была совершенно безъ всякихъ стѣсненій—прямо товарищеская; одинъ другого безцеремонно навѣщали по нѣсколько разъ въ день; иногда обѣдали всѣ вмѣстѣ, цѣлою компаніею, у кого нибудь изъ товарищей на квартирѣ, и случалось проводить цѣлый день до поздней ночи—до того отношенія были хороши и коротки всѣхъ, вообще, между собой.

Въ одинъ изъ такихъ дней, вѣрнѣе сказать, злосчастныхъ дней, 17-го декабря 1837 года, насъ цѣлая компанія своихъ офицеровъ собралась, по обыкновенію, на квартирѣ у братьевъ Шостакъ, у которыхъ, очень часто, импровизировались вечера-чаепитія, игры въ карты, проведенія времени въ болтовнѣ и каламбурахъ, которые тогда были въ большой модѣ и въ обществѣ, и въ казармахъ.

Это было часовъ въ 8, или около 9 часовъ вечера; я какъ сей-

часъ помню, изъ Тавриды пріѣхалъ въ это время нашъ офицеръ, подпоручикъ Подымовъ, который тотчасъ взбулгачилъ всѣхъ сѣсть играть въ новую, только что недавно вошедшую въ моду, игру въ преферансъ, которая въ Таврическихъ казармахъ уже практиковалась. Сказано и сдѣлано. Подымовъ, я, Андрей Шостакъ и Суходольскій тотчасъ, не теряя времени, засѣли къ зеленому полю; нѣкоторые изъ офицеровъ пристроились къ нашему столу смотрѣть, а нѣкоторые остались при своихъ прежнихъ занятіяхъ: болтали, острили и всѣ находились въ нетерпѣливомъ ожиданіи подаванія чая, ибо подходило время, кажется, къ 9 часамъ вечера.

У насъ тогда у всѣхъ, или у большей части офицеровъ, была собственная прислуга изъ крѣпостныхъ людей, только у нѣкоторыхъ находилась казенная прислуга, въ томъ числѣ ее имѣли и братья Шостаки, крымскіе помѣщики. Имъ, вѣроятно, неудобно было выписывать изъ Крыма своихъ людей.

И въ тотъ самый моментъ, когда прислуга гг. Шостакъ, вѣроятно, была занята приготовленіемъ чая за отдѣльной перегородкой, гдѣ все это производилось, вдругъ, совершенно неожиданно, потому что этого никогда не было прежде, чтобы безъ доклада могъ войти солдатъ въ тѣ комнаты, гдѣ сидятъ офицеры; и такъ, въ этотъ разъ, безъ всякаго доклада, вбѣгаетъ въ ту самую комнату, гдѣ мы всѣ сидѣли и играли въ карты, дежурный унтеръ-офицеръ по ротѣ, портупея чрезъ плечо и киверъ на головѣ, и какъ теперь вижу—немного пригнулся, чтобы султаномъ кивера не задѣть потолка, ибо у насъ въ 3-мъ этажѣ потолки были довольно низки, и какимъ-то испуганнымъ и торопливымъ голосомъ произноситъ, что Зимній дворецъ горитъ, и что «дежурная рота по пожару» въ готовности стоитъ у воротъ казармъ.

Всеконечно, вольно всякому повѣрить, или не повѣрить, но только внезапность эта и мысль, чтобы во дворцѣ государя Николая Павловича могъ быть пожаръ, до того насъ озадачила и поразила, что я, теперь, когда пишу эти строки, по прошествіи болѣе 45 лѣтъ, меня при одномъ воспоминаніи того момента разбираетъ нервная дрожь. Послѣ того можно себѣ представить, какъ мы тогда всѣ и каждый, забывъ игру, положеніе и костюмы, кто въ какомъ находился, въ одинъ мигъ, какъ безумные, вскочили съ своихъ мѣстъ. Полетѣли со стола карты, чайныя ложки, отодвинутые стулья; однимъ словомъ, казалось бы, что самый сильный громовой ударъ, разразившійся надъ зданіемъ, не заставилъ бы такъ встрепенуться, какъ вѣсть, что Зимній дворецъ государя могъ когда-нибудь горѣть.

Я еще разъ повторю, что съ того времени прошло болѣе 45 лѣтъ,

а между тѣмъ, при одномъ воспоминаніи этого поразительнаго тогда событія, въ моей памяти все воскресаетъ такъ живо, какъ нельзя болѣе. Вбѣжавшій къ намъ унтеръ-офицеръ представляется въ моемъ воображеніи въ лице; конечно, я не могу помнить, какой онъ былъ роты и какъ онъ прозывался, но какъ сейчасъ вижу его физіономію: высокій ростомъ, немного пригнувшись, бѣлая портупея съ тесакомъ чрезъ плечо, киверъ съ султаномъ на головѣ, и этотъ тонъ торопливаго голоса, которымъ какъ будто старался насъ тогда вразумить, все отдается еще въ моихъ ушахъ.

Всѣ бросились съ квартиры братьевъ Шостакъ вонъ, опрометью. Я не помню кто былъ изъ офицеровъ въ этотъ день дежурнымъ по пожару. Въ тѣ времена, дежурный офицеръ, на случай пожара, долженъ былъ вести роту на пожаръ, и обязательно оставаться до конца, почему офицеры эти не выѣзжали изъ дому, а ежели и отлучались, то сообщали всегда прислугѣ: гдѣ кто находится, и человѣкъ бывало летитъ на извощикѣ за своимъ бариномъ; а предварительно попроситъ кого-либо изъ находившихся дома офицеровъ изъ товарищей свести роту къ мѣсту пожара. Обыкновенная форма офицеровъ на пожарѣ была: сюртукъ, перепоясанный шарфомъ, и киверъ, а въ холодное время мы всѣ имѣли или ваточный, или мѣховой сюртукъ, что впрочемъ, зимой на службѣ, постоянно мы носили.

Я бросился въ дверь, ведущую отъ Шостака въ нашу съ Потуловыми квартиру. Человѣкъ Потулова, старикъ Матвѣй, меня встрѣтилъ, объявляя мнѣ, что его господъ нѣтъ дома; онъ держалъ въ рукахъ мой теплый сюртукъ, полусаблю и киверъ, и присовокупилъ, что мой камердинеръ Степанъ побѣжалъ за уголъ взглянуть на пожаръ, ибо, какъ я уже говорилъ, отъ насъ до дворца было рукою подать. Я, спускаясь съ лѣстницы, успѣлъ сказать Матвѣю: «смотри, чтобы къ намъ кто нибудь не забрался», и выбѣжалъ изъ воротъ дома Богдановича по тротуару канавы, обогнулъ дворцовый манежъ и явился къ комендантскому подъѣзду Зимняго дворца.

Пока я спѣшилъ, проходя тротуаръ канавы, которая выходила на Милліонную и къ нашимъ казармамъ 1-го батальона, я мимоходомъ успѣлъ усмотрѣть массу нашихъ солдатъ 1-го батальона, стоявшихъ около казармъ и на Милліонной улицѣ въ шинеляхъ и фуражкахъ съ устремленными взорами на Эрмитажъ и на дворецъ, которые находились рядомъ. И въ этомъ пространствѣ къ началу Милліонной, близь Эрмитажа, близь дворца, около нашихъ казармъ, вездѣ темнота, вездѣ тишина и все спокойно; только мнѣ показалось, какъ будто уже тутъ находилось нѣсколько пожарной команды. А быть можетъ дѣйствительно мнѣ такъ только показалось, потому что,

ни на Милліонной, ни близь дворца и Эрмитажа, въ это время не было слышно ни чьихъ голосовъ, ни распоряженій, все было смирно, и, какъ будто, выжидалось появленіе самаго огня или пламени, а между тѣмъ царствовалъ полнѣйшій мракъ, за исключеніемъ горѣвшихъ постоянно уличныхъ фонарей, освѣщавшихся въ то время масломъ.

Это бѣдствіе было зимой. Я не помню хорошо, былъ ли этотъ день морозный, ибо климатъ Петербургскій въ то время былъ замѣчательно непостояненъ; случались перемѣны съ холода на подтаиваніе раза по два въ день, всегда сопровождаемыя постояннымъ вѣтромъ. Въ день же самой катастрофы дворца, я очень хорошо помню, что вѣтеръ былъ сильный,—въ особенности, когда я явился къ комендантскому подъѣзду, открылась дворцовая большая площадь, и тутъ вѣтеръ дулъ пронзительный и очень рѣзкій.

Около Александровской колонны, какъ и въ настоящее время, горѣли четыре фонаря, но только освѣщались масломъ. Равномѣрно и на всей дворцовой площади фонари были поставлены по извѣстному направленію, и съ извѣстнымъ расчетомъ; и хотя было несравненно темнѣе, чѣмъ теперь, но со всѣмъ тѣмъ, всегда можно было различить и людей, и проѣзжающіе экипажи. Мнѣ показалось, что на площади въ это время было большое движеніе и многолюдство, но вмѣстѣ съ тѣмъ особенной суматохи и чего-либо особенно выражающагося замѣтно не было, и дворецъ и площадь продолжали находиться въ совершенномъ мракѣ.

Наша рота, назначенная на пожаръ, конечно пришла первая на площадь, и стала наискось, противъ комендантскаго подъѣзда, ближе къ Александровской колоннѣ и тыломъ къ оной, почти противъ главныхъ дворцовыхъ воротъ и тѣхъ парныхъ часовыхъ, которые постоянно охраняютъ эти главныя ворота.

Вскорѣ подошла рота лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, назначенная на пожаръ; потомъ, послѣдовательно, стали подходить роты и прочихъ полковъ, и всѣ пристраивались къ нашей ротѣ, въ совершенномъ мракѣ и тишинѣ и порядкѣ, какъ будто заранѣе вызванныя, въ ожиданіи долженствующихъ быть распоряженій.

Въ это время я не усмотрѣлъ никакого начальства: ни военнаго, ни со стороны города. Всѣ пришедшіе офицеры съ командами, все это разсѣялось во мракѣ и мелькали около дворца и площади близь Александровской колонны; и всѣ недоумѣвали, что за причина всеобщаго вызова командъ всѣхъ полковъ, когда не видно никакого пожара ни около, ни въ самомъ дворцѣ?

Между тѣмъ, я увидѣлъ нашего командира батальона, полков-

ника Есипова, вышедшаго изъ воротъ дворца съ нѣкоторыми изъ нашихъ офицеровъ, и нѣсколько офицеровъ другихъ полковъ, которые всѣ говорили, что караулъ главной гауптвахты, который былъ чуть ли не лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка, я теперь уже не помню, весь выведенъ на платформу и что, по приказанію коменданта, который во дворцѣ находится, всѣ внутренніе караулы изъ залъ сняты и выведены на большой дворъ, гдѣ главная гауптвахта, и въ каменномъ большомъ корридорѣ, и всѣ въ ожиданіи приказаній, что залы дворца полны дыма, а что̀ горитъ, и что̀ дѣлается во дворцѣ—никто не знаетъ.

Такимъ образомъ, всѣ недоумѣвали, отъ кого и какимъ образомъ пришло приказаніе вытребовать на площадь дежурныя роты по пожару, которыя стояли на площади сложа руки по крайней мѣрѣ съ часъ времени? Все казалось тихо, не было ни малѣйшей суматохи, но все это казалось только намъ, находившимся на площади, и не проникавшимъ во внутренность дворца.

А между тѣмъ, что былъ за переполохъ, что былъ за ужасъ внутри дворца, какъ это все узналось впослѣдствіи!

Сколько погибло первыхъ жертвъ и чего только не пожрало неслыханное до того у насъ бѣдствіе.... [1]). Нѣтъ довольно словъ, которыми можно бы было выразить такой поражающій ужасъ.

Пожаръ Зимняго дворца, какъ были тогда слухи и какъ впослѣдствіи подтвердились, начался внутри, съ самаго верхняго чердака этого громаднаго зданія, въ которомъ, какъ тогда было извѣстно, помѣщалось обитающихъ въ Зимнемъ дворцѣ, со всѣмъ придворнымъ штатомъ, до 7-ти тысячъ душъ. Соотвѣтственно сему населенію, конечно, все было предусмотрѣно, все было приспособлено для могущаго произойти какого либо несчастнаго случая: во всякомъ этажѣ, на каждомъ дворѣ, а дворовъ въ Зимнемъ дворцѣ, кромѣ главнаго, имѣются еще нѣсколько внутреннихъ, въ каждомъ отдѣленіи—имѣлись пожарныя трубы, надлежащіе инструменты и при нихъ своя дворцовая команда. Поэтому, очень правдоподобно, что когда во дворцѣ случилась бѣда, то прежде чѣмъ ее огласить дворцовому начальству, а еще болѣе изъ опасенія бывшаго тогда министромъ двора, впослѣдствіи свѣтлѣйшаго князя Волконскаго, котораго боялись и страшились пуще самаго огня, очень можетъ быть, дѣйствительно, что завѣдующіе и надсматривающіе какія-то лопнувшія трубы на чердакѣ сами отъ себя зачинивали и замазывали, а когда потомъ убѣ-

---

[1]) По извѣстіямъ офиціальнымъ въ пожарѣ Зимняго дворца изъ людей никто не погибъ, но это, конечно, не правда. См. „Русск. Арх." 1865 г. стр. 1093.

дились, что дѣло еще хуже испортили, начали всѣми средствами стараться не давать огню распространиться и, такъ какъ у нихъ все было подъ рукою, и пожарныя трубы, и команда, то они тушили и до нельзя силились не давать вспыхивать пламени. Вотъ единственная причина, вслѣдствіе которой снаружи, съ площади, очень долго ничего не могло быть видно...

При этомъ страшномъ событіи нельзя не усматривать великаго покровительства Провидѣнія, Всемогущаго Бога, что въ этотъ самый вечеръ ни государя, ни императрицы, ни наслѣдника престола не случилось во дворцѣ, — они были въ театрѣ — чрезъ что избѣгли, быть можетъ, моментальнаго, но страшнаго, могущаго ихъ охватить, испуга [1]). А затѣмъ, за отсутствіемъ императорской фамиліи, во время этого страшнаго переполоха и сумятицы, которая произошла во дворцѣ, и гдѣ распоряжались, какъ было слышно, комендантъ и дворцовое начальство, вѣроятно, малолѣтнія царскія дѣти тотчасъ же были перевезены въ Аничкинъ дворецъ.

И такъ, хотя всему этому прошло уже болѣе 45-ти лѣтъ, но я на свою душу не принимаю во лжи ни малѣйшаго грѣха, и, какъ личный очевидецъ, утверждаю, что мы всѣ тогда на площади во мракѣ простояли, конечно, болѣе часа времени.

По той ли причинѣ, что мы часъ времени стояли на мѣстѣ безъ движенія; или дѣйствительно потому, что вѣтеръ, какъ на бѣду, усилился и началъ дуть порывистымъ уже вихремъ, (видно въ такихъ случаяхъ въ природѣ все должно такъ складываться), только мы всѣ стали ощущать нѣкоторую отъ стужи дрожь.

Вдругъ, какъ будто по какому велѣнію, или въ силу какого-либо волшебства, внезапно, неожиданно для всѣхъ, находившихся на площади, въ моментъ одного изъ сильныхъ порывовъ вѣтра, съ страшнымъ шумомъ и трескомъ, какъ будто все разверзлось во мракѣ, посыпались стеклы изъ оконъ дворца, рамы вылетѣли горѣвшими на площадь, шторы на окнахъ всѣ вдругъ спустились, и въ этотъ же мигъ огненными змѣйками начали взвиваться по вѣтру. Въ этотъ же самый моментъ дворецъ внутренно весь освѣтился! Да какъ освѣтился! Вылетѣвшія рамы изъ оконъ образовали громадныя отверстія, которыя стоявшимъ на площади выказали всю внутренность бель-этажа дворца: всѣ комнаты, все убранство, всѣ стѣны, объятыя пламенемъ. Въ особенности было поразительно видѣть покои надъ ко-

---

[1]) Государь, по пріѣздѣ изъ Большаго театра, (въ тотъ вечеръ шла опера съ балетомъ „Баядерка" и всѣ восхищались знаменитою Тальони) самъ разбудилъ дѣтей своихъ и отправилъ ихъ въ Аничкинъ дворецъ.

Ред.

мендантскимъ подъѣздомъ, въ которомъ одно сплошное огненное пламя какъ будто стояло, освѣщая какъ солнце.

Эта неожиданность, эта внезапность превращенія дворца изъ мрака — въ огненный, произвели то, что весь людъ, находившійся на площади: народъ и войско, одновременно, однимъ возгласомъ, все ахнуло. Это дало почувствовать, что подобное пораженіе потрясло нервы всѣхъ безразлично. И въ это самое мгновеніе, дежурныя по пожару роты, стоявшія близь Александровской колонны, какъ бы инстинктивно, съ наклоненными штыками, ринулись прямо въ главныя ворота дворца, а за ними бросился и народъ.

Вслѣдъ затѣмъ поднялся шумъ, крикъ и всеобщій гамъ, которые, смѣшавшись съ бушевавшей погодой, превратили все въ какой-то невыразимый хаосъ! Не видно и не слышно было среди прилива массы народа ничьихъ и никакихъ распоряженій; одинъ только, какъ будто, густой ревъ или гулъ переполнялъ воздухъ. Однимъ словомъ, не находится довольно словъ, ни выраженій, чтобы понятно изобразить все тогда видѣнное и чувствуемое!

Мы всѣ обомлѣли, какъ будто безсознательно взирали на все, что творилось съ этимъ громаднымъ, съ этимъ великолѣпнымъ зданіемъ—жилищемъ русскаго царя, превратившимся въ огненное пекло.

Площадь, народъ, войско, стоявшіе предъ тѣмъ во мракѣ, внезапно очутились освѣщенными свѣтомъ огненнымъ. Всѣ человѣческія фигуры людей, находившихся на площади, всѣ представлялись цвѣта огненнаго. Однѣ только высокія каменныя стѣны дворца давали вблизи себя какую-то густую тѣнь. Онѣ стояли невредимыми, въ то время, когда внутри ихъ все пожиралось огненнымъ неизобразимымъ пламенемъ.

Одновременно, какъ только освѣтился дворецъ, страшная масса черно-сѣроватаго дыма, вѣроятно спертаго внутри дворца, съ ужасной силой устремилась во всѣ отверстія.

Дворцовыя окна, вслѣдствіе сгорѣвшихъ и вылетѣвшихъ рамъ, представляли собою какія-то огромныя ворота, изъ которыхъ валилъ этотъ густой дымъ и бушевавшимъ вѣтромъ разносился по воздуху. Вмѣстѣ съ тѣмъ, надъ самой крышей дворца, составилась изъ дыма черная, точно грозовая, туча, которая освѣщалась огромнѣйшимъ на небѣ заревомъ, и это зарево, говорятъ, было видно за нѣсколько десятковъ верстъ отъ Петербурга.

Въ минуты человѣческихъ бѣдствій есть-ли возможность найти достаточно словъ, которыми можно бы было выразить вполнѣ ощущеніе и самое состояніе человѣка? Въ это время всѣ люди—людьми, одинаково поддаются ощущеніямъ испуга, страха и паники, рѣдко

кто неизмѣнно сохранитъ свой твердый духъ, и человѣкъ этотъ всегда выдается и всегда отличаемъ. Мы всѣ тогда, это я могу сказать безъ преувеличенія, вся масса присутствующаго люда при зрѣлищѣ свирѣпствующаго элемента, мы всѣ находились въ такомъ положеніи, которое не только трудно, но невозможно передать! Такое бѣдствіе, которое представлялось, сама неожиданность уже отбила, такъ сказать, у всѣхъ разумъ! Всѣ растерялись. Никто не зналъ за что взяться, что предпринять! всѣ галдѣли, шумѣли и только одна всеобщая суматоха!

Вдругъ, среди самаго этого гвалта, внезапно оглашается пріѣздъ на пожаръ государя Николая Павловича. Какъ огласился, кѣмъ огласился, я опять-таки ничего теперь сказать не могу! Но только скажу одно: кто жилъ и служилъ въ царствованіе государя Николая Павловича, тому должно быть очень памятно, какое всегда магическое дѣйствіе имѣло на все и на всѣхъ появленіе государя.

И то сказать, находился ли когда нибудь и кто нибудь, хотя бы одинъ такой, который сказалъ бы, что въ просвѣщенномъ и образованномъ мірѣ того времени онъ встрѣчалъ подобнаго человѣка, какимъ постоянно представлялся государь Николай Павловичъ во всѣхъ случаяхъ въ жизни. Прежде всего, государь Николай Павловичъ былъ, конечно, во всѣхъ отношеніяхъ первымъ рыцаремъ своего вѣка. Во вторыхъ, чтобы припомнить всѣмъ тѣмъ, кто жилъ въ царствованіе государя Николая Павловича, то нравственное вліяніе, которымъ обладалъ тогда русскій царь, я безошибочно могу подвести хотя бы такого рода обстоятельство: ежели бы собрать сотню тысячъ людей разныхъ націй на какомъ нибудь пространномъ мѣстѣ и призвать какого либо изъ заморскихъ этихъ господъ и спросить его, чтобы онъ указалъ, который изъ этой сотни тысячъ людей можетъ быть русскій царь?—всеконечно, и безъ сомнѣнія, онъ указалъ бы на Николая Павловича.

И такъ, во время самаго разгара бушующаго огненнаго вихря, государь Николай Павловичъ спокойно, тихо, по обыденному своему положенію одинъ въ санкахъ въ одну лошадку, подъѣхалъ ко дворцу, въ шинели съ бобровымъ воротникомъ и въ трехъ-угольной шляпѣ, которую его величество всегда носилъ по установленной формѣ.

Въ этотъ вечеръ, какъ я уже сказалъ, вся царская фамилія находилась въ театрѣ. По докладѣ о пожарѣ, государь прямо изъ театра пріѣхалъ на пожаръ и подъѣхалъ прямо къ главнымъ воротамъ Зимняго дворца и сошелъ съ саней.

При появленіи государя Николая Павловича на пожарищѣ,

среди страшнаго шума, криковъ и гвалта, въ одинъ мигъ все смолкло. Весь людъ, послѣ невыразимой всеобщей суматохи, все очутилось въ тиши и всѣ оставались, какъ будто, въ какомъ-то напряженномъ состояніи, въ ожиданіи, что̀ будетъ произнесено царемъ? Только и чувствовалось всѣми и каждымъ, при произнесеніи единаго слова государемъ, полнѣйшая готовность на всякое сверхъ-естественное предпріятіе.

При этомъ, опять-таки, я, какъ изъ людей древнихъ временъ, несовременный нынѣшнему, и потому всему дивлюся: откуда все взялось, какъ это сообразить, по щучьему что-ли это велѣнію, какъ въ басняхъ говорятъ? Только, не успѣлъ государь выйти изъ саней, какъ все дышащее въ Петербургѣ, всѣ высокопоставленныя личности, все городское и воинское начальство, всѣ иностранные посланники и все военное офицерство гвардіи, все это вдругъ внезапно очутилось предъ государемъ и всѣ въ одномъ ожиданіи.

Государь предъ главными вратами своего разрушающагося жилища. Передъ государемъ стоялъ великій князь Михаилъ Павловичъ, приложивъ руку къ шляпѣ, а за великимъ княземъ,—вся масса вышесказанныхъ лицъ въ полукругѣ, и ни полъ-слова между собою. Вѣтеръ страшно завывалъ и изъ отверстій оконныхъ дворца поминутно выходило пламя и освѣщало мѣстность. Государь разсылалъ изъ окружающихъ его величество генералъ-адъютантовъ и флигель-адъютантовъ, и съ этой минуты все сосредоточилось на одномъ государѣ.

Подходя къ Салтыковскому подъѣзду, государь опять остановился и обернулся ко всѣмъ его окружающимъ. Мы всѣ приложили руки къ козырьку. Государь отрывисто произнесъ:

— «Г. г. офицеры 1-го батальона Преображенскаго полка—на половину императрицы, и, что можно, сохраните отъ огня, но прошу собой не рисковать».-

Затѣмъ куда государь, великій князь и вся свита отошли, я сказать не могу, потому что вслѣдъ затѣмъ, какъ только государь произнесъ эти слова, вся масса офицеровъ, которая только тутъ находилась и Преображенскихъ и другихъ полковъ, а въ числѣ всѣхъ и я—мы всѣ чрезъ разные подъѣзды устремились во дворецъ и, какъ теперь помню, всѣ бросились съ какимъ то увлеченіемъ, съ какой-то охотой и тотчасъ же присоединились къ громадной массѣ солдатъ, которые были разсыпаны по всѣмъ покоямъ и комнатамъ дворца.

Тутъ я уже не могу сообразить что̀ передать, и какъ передать: устремляясь во дворецъ и зная, что въ немъ горитъ, я все таки не воображалъ видѣть всего того, что неожиданно представилось! Какъ

изобразить все, что происходило внутри дворца, когда мы въ него проникли, вслѣдствіе словъ государя?

Послѣ такого порядка, чистоты и убранства, которыя мы привыкли всегда видѣть во дворцѣ, намъ представился полнѣйшій хаосъ, ежели только это выраженіе можетъ достаточно опредѣлить, во всей силѣ слова, настоящее безобразіе, которое мы тамъ усмотрѣли! Массы солдатъ, все ломаютъ, все обдираютъ, все тащатъ, все вытаскиваютъ въ дворцовый манежъ, который дѣйствительно былъ наполненъ вынесенными и, конечно, изковерканными вещами! И по чьему все это дѣлалось указанію, никто ничего не зналъ; а между тѣмъ, казалось, что эта ломка, обдираніе, какъ будто, болѣе раздражало и возбуждало огонь, ибо все кругомъ вспыхиваетъ, трещитъ и валится. Минуты не возможно было оставаться на одномъ мѣстѣ! Солдаты сами не знали, что они дѣлаютъ; оглушающій трескъ, ежеминутное появленіе новаго огня, спирающійся дымъ, все вмѣстѣ заставляло теряться и приводило въ чувство одуренія!

Мы всѣ первоначально, конечно, имѣли въ мысляхъ, когда мы проникнули только во дворецъ, полную увѣренность быть чѣмъ-либо полезными, но какъ попали въ это хаотическое пекло, совершенно растерялись, ибо тотчасъ усмотрѣли, что не только быть полезными, но необходимо самимъ спасаться, тѣмъ болѣе, что среди свирѣпствующаго повсюду огня вмигъ потеряли нить на выходъ, ибо откуда вошли, то это пространство уже занялось сплошнымъ огнемъ! Вотъ тутъ-то появляется въ человѣкѣ трепетъ, который никакому ощущенію не возможно уподобить.

Офицеры, солдаты, безразлично, всѣ растерялись окончательно! Захваченные со всѣхъ сторонъ огнемъ и дымомъ, какъ обезумѣвшіе, одинъ за другимъ, или вѣрнѣе, толпа за толпой перебѣгали изъ залы въ залу, сопровождаемые стукомъ и трескомъ и не находя возможности отыскать выхода; все занялось огнемъ, все переполнилось дымомъ, ничего различить невозможно, бѣжимъ безсознательно, начинаемъ задыхаться и чувствовать, что мысли въ головѣ начинаютъ путаться.

Офицеры, солдаты, всѣ смѣшались, но не только всѣ смѣшались, но всѣ сравнялись, всѣмъ одна участь, всѣ бѣгутъ; никто никого знать не хочетъ, и каждый бѣжитъ, думая только о себѣ. Дворцовыя залы, безъ того огромныя, а въ это время онѣ показались намъ неизмѣримой величины.

Въ этой душевной тоскѣ, пробѣгая по горѣвшимъ заламъ, мы столкнулись еще съ нѣсколькими изъ своихъ офицеровъ и, вдругъ, всѣ повернули въ другую залу и побѣжали, какъ будто, по другому

направленію, и я въ дыму тотчасъ потерялъ двухъ изъ своихъ товарищей и началъ бѣжать на голосъ полковника Есипова, нашего батальоннаго командира, котораго голосъ я хорошо зналъ. Есиповъ, бѣжавши, поминутно кричалъ: «Ефимовъ, Ефимовъ!» и прибавлялъ «куда, гдѣ?» Ежели бы не голосъ полковника Есипова, я бы рѣшительно потерялся въ столкновеніяхъ съ солдатами, бѣжавшими и поминутно измѣнявшими направленіе.

Не взирая на все сокрушительное положеніе, въ мысляхъ моихъ промелькнуло любопытство—кто такой можетъ быть этотъ Ефимовъ,—такого офицера у насъ въ полку не было и быть не могло. Оказалось, впослѣдствіи, что этотъ Ефимовъ, спасшій тогда много людей, былъ никто другой, какъ нашей государевой роты унтеръ-офицеръ.

И такъ, пробѣгая залы толпами, одни за другими, мы очутились, какъ послѣ дознались, какъ будто въ той залѣ, гдѣ постоянно занимали внутренній караулъ кавалергарды и конно-гвардія. Безобразіе, произведенное пожарищемъ, перебуравило до того внутренность покоевъ дворца, что невозможно было ихъ узнать, ни различить что либо, еще болѣе и потому, что дымъ отъ всего прогорѣлаго такъ сгустился въ иныхъ комнатахъ, что казался, какъ будто кисея, протянутая отъ потолка къ полу. Этотъ дымъ рѣзалъ глаза и заставлялъ задыхаться; а при томъ еще трескъ, паденіе чего-то громоздкаго и безнадежность отыскать выходъ и спастись начинали приводить къ ощущенію такого отчаянія, которое можно приравнять къ агоніи умирающаго, но только для здороваго и полной жизни человѣка это несравненно тягостнѣе.

Вдругъ, внезапный пронзительный крикъ: «сюда, сюда, ваше высокоблагородіе, здѣсь!» Этотъ голосъ такъ оживилъ всѣхъ, что моментально раздались сотни голосовъ, повторившихъ: «здѣсь, сюда!»

Возгласъ этотъ заставилъ, какъ будто, опамятоваться или придти въ себя, ибо придалъ всѣмъ и каждому сто процентовъ бодрости, мужества и оживленія. Всѣ ринулись еще поспѣшнѣе и, какъ сейчасъ помню, пробѣжали какое-то еще пространство съ трепетомъ, и когда подбѣгали, то вновь послышался, какъ бы на нѣкоторомъ разстояніи, голосъ: «сюда!»

Затѣмъ, моментально, предъ какимъ-то спускомъ, столпилась громадная масса солдатъ и офицеровъ перемѣшавшихся и началась давка, толкотня безъ разбора; пожалуй бы могло дурно кончиться, ежелибъ не крикнулъ какой-то хриплый басъ, но, какъ будто, повелительный голосъ: «легче, не всѣ вдругъ!» Всю кучу составляли солдаты, и при этомъ повелительномъ «легче» невольно всѣ на минуту пріостановились — предъ всѣми нами оказалась каменная

лѣстница, ведущая въ нижній этажъ Зимняго дворца къ тому выходу, чрезъ который кавалерійскіе караулы проходятъ въ залы для содержанія внутреннихъ карауловъ. Однимъ словомъ, это оказался единственный путь къ общему спасенію. Лѣстница эта, въ сравненіи съ другими лѣстницами, которыя чрезъ всѣ подъѣзды проходили во дворецъ, оказалась очень узкою. Но ужъ тутъ самосохраненіе взяло такой верхъ надъ всѣмъ, что и басистаго голоса не слышно было болѣе; вся толпа солдатъ разомъ съ криками устремилась, давка была страшная. Къ этому темнота на лѣстницѣ, дымъ, и при этомъ невыразимая внутренняя тоска чувствъ, вырваться, такъ сказать, изъ преисподней на свѣтъ, не можетъ быть изобразима! Я теперь, писавши эти строки, ей, ей, ощущаю, какъ будто, какое-то стѣсненіе въ груди!

Наконецъ, при давкѣ и крикахъ, выбились въ какой-то широкій каменный корридоръ, который тоже былъ наполненъ дымомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, вдругъ охватило надворнымъ воздухомъ и холодомъ. Но разобрать и видѣть тоже невозможно было ровно ничего и никого. Пространство корридора оказалось довольно широкое, всѣ пустились бѣгомъ по корридору, не знавши еще куда онъ насъ ведетъ, при страшномъ шумѣ и отъ происходившаго надъ нами стука и треска горѣвшаго дворца, и слышавшихся съ надворья криковъ,—все это потрясало нервы и весь организмъ.

Мнѣ казалось, что мы будто бы довольно долго бѣжали по корридору и, вмѣстѣ съ тѣмъ, холодный воздухъ все болѣе и болѣе давалъ себя чувствовать, наконецъ, оказался надворный ночной, но все-таки уже свѣтъ, и мы изъ корридора вышли на площадку, гдѣ я тотчасъ же узналъ караульныя главной гауптвахты: офицерскую и солдатскую. Но все это въ безобразномъ положеніи: видно было, что по уходѣ караула, тотчасъ принялись все ломать. Двери офицерскихъ комнатъ были выломлены, мебель вытащена и разломанная валялась. Нары изъ огромной солдатской караульни частью были вытащены и тоже разбросаны у крыльца схода съ гауптвахты на главный дворъ, гдѣ находилась платформа. Но ни платформы, ни сошекъ для ружей, ни колокольчика, ни будки часоваго—не существовало.

Главный дворъ былъ полонъ солдатъ, пожарной командой, трубами, бочками и лошадьми. И такъ какъ дворъ этотъ составляетъ большое каре или квадратъ, то весь людъ и все находившееся на дворѣ было ярко освѣщено окнами, выходившими изъ дворца на этотъ главный дворъ. И такъ какъ въ этихъ окнахъ рамъ, конечно, не существовало уже, то яркимъ пламенемъ изъ этихъ отверстій все и освѣщалось.

Пожарная команда тутъ сильно работала, наведенными трубами не переставала заливать въ окны, но со всѣмъ тѣмъ, внутри все продолжало горѣть и сильно трещать. И вообще на этомъ главномъ дворѣ, въ это время, было такое огромное скопленіе солдатъ съ пожарною командою и такая суетня, крикъ и шумъ, что невозможно было ничего сообразить, ни разобрать.

Я въ числѣ прочихъ, но съ кѣмъ—я уже сказать не въ состояніи, но только въ числѣ страждущихъ, трепещущихъ и, могу сказать, одурѣлыхъ, прошмыгнулъ чрезъ этотъ главный дворъ въ ворота и вышелъ на дворцовую площадь. Я чувствовалъ, что я стремлюсь и спѣшу такъ, какъ будто изъ боязни, чтобъ меня не схватили, или не остановили. И вотъ какія чувства могутъ охватывать въ моментъ потери своего нормальнаго состоянія и даже сознанія.

А между тѣмъ этотъ кипѣвшій людъ на главномъ дворцовомъ дворѣ не обратилъ даже на меня ни малѣйшаго вниманія. Я, одинъ, самъ только чувствовалъ откуда и какъ я вышелъ. Но даже, ежели бы вся эта масса людей меня и замѣтила, какъ офицера, то что это для нихъ, ихъ бы нисколько не удивило, ни особенно тронуло и даже не смутило-бы, потому собственно, что всѣ находились въ одномъ и томъ же душевномъ состояніи. А имъ опасность, безъ сомнѣнія, всегда предстоитъ еще бóльшая и всѣ они съ полнымъ самоотверженіемъ и безмолвно приносятъ себя въ жертву. Надо отдать полную справедливость великому народу русскому.

Когда я вышелъ изъ главныхъ воротъ дворца на площадь, что могъ я ощутить, что могъ я чувствовать? Это я предоставляю на сужденіе всѣхъ тѣхъ, которые прочтутъ эти простыя, эти древнія мои воспоминанія.

Я былъ только три года офицеромъ гвардіи; мнѣ было отъ роду какихъ нибудь 21 годъ. Гдѣ взять словъ, которыми можно бы было выразить состояніе той молодости, которой будущность всегда представляется въ самыхъ радужныхъ цвѣтахъ.

Теперь я сознаюсь чистосердечно и откровенно, что послѣ того, когда возвратились ко мнѣ всѣ мои нравственныя силы и когда я опамятовался и ощутилъ, что я могу вздохнуть свободно, то я подумалъ и сказалъ про себя: «гори дворецъ, хоть еще сильнѣе, но я болѣе туда не ходокъ!»

Дворцовая площадь была переполнена людомъ и это скопленіе произвело на площади всеобщую невыразимую суетню, крикъ, шумъ, которыя превратились въ какой-то гулъ въ воздухѣ. Движеніе на площади было страшное, пожарная команда, пожарныя бочки скакали,

пріѣзжали и отъѣзжали ежеминутно. Все смѣшалось; пожаръ, продолжавшая свирѣпствовать буря и эта возня народа на площади, все это такъ оглушало и охватывало со всѣхъ сторонъ, что поневолѣ необходимо было поминутно озираться, чтобы не быть задавленнымъ.

На площади невозможно было усмотрѣть и признака того, что было первоначально, когда приходили на площадь роты и становились около Александровской колонны въ тишинѣ и порядкѣ. Въ это время всеобщее движеніе пожарныхъ командъ и переполнявшихъ площадь солдатъ сотворили полную суматоху. Вѣтеръ продолжалъ страшно и порывисто дуть, и пожарище, мнѣ казалось, нисколько не уменьшалось. Я полагаю, что было тогда болѣе часу ночи, а внутренность дворца продолжала истребляться и пожираться страшнымъ огнемъ.

Я невольно обратилъ мой взоръ на горѣвшій дворецъ и мнѣ вдругъ сдѣлалось страшно смотрѣть во внутренность зданія; я содрогнулся всѣмъ тѣломъ, когда вспомнилъ, что внутри дворца осталось много людей, а въ это время чрезъ освѣщенныя отверстія бывшихъ оконъ слышался стукъ, трескъ и паденіе чего-то тяжелаго, которое конечно минутно, но какъ будто потрясло все зданіе дворца. И какъ узналось впослѣдствіи, это паденіе тяжелаго, это было разрушеніе и паденіе потолковъ въ нѣкоторыхъ залахъ. И одинъ изъ таковыхъ обваловъ потолка, въ одинъ моментъ, прикрылъ и въ мусорѣ похоронилъ до 30 человѣкъ солдатъ экипажа-гвардіи. Ужасъ, который при одномъ воспоминаніи невольно заставляетъ содрогаться.

О погибшихъ и отысканныхъ впослѣдствіи нами, войсками, жертвахъ, когда мы очищали дворецъ, я буду говорить ниже, потому что пожаръ внутри дворца продолжался, сколько я помню, цѣлую недѣлю, ежели не болѣе, конечно, не такимъ огнемъ, какъ тотъ, который первоначально свирѣпствовалъ, но не менѣе того, впродолженіи нѣсколькихъ дней, внутри этой громады зданія продолжало все горѣть и горѣло до тѣхъ поръ, пока все сгораемое вещество не было истреблено, и затѣмъ, образовались груды жара и горячаго угля.

И такъ, когда я обратилъ вниманіе на все то, что творилъ этотъ злѣйшій элементъ съ жилищемъ государя, меня, не смотря на всю молодость и вѣтренность, меня охватили думы и думы крайне сокрушительныя. Такое зданіе, такое великолѣпіе, какъ Зимній дворецъ, обитель русскаго царя, сосредоточіе всѣхъ надеждъ и упованій, однимъ днемъ разрушается и превращается въ груду пепла. Такъ для меня это казалось тогда непостижимымъ.

Этотъ всепожирающій огнь, безпощадно уничтожая и истребляя

все находящееся внутри стѣнъ дворца, не принесъ однако тяжкаго вреда самимъ стѣнамъ. Рамы, окна, все убранство, ничего не осталось и въ поминѣ. Изъ оконъ образовались какія-то огромныя отверстія, въ родѣ воротъ, откуда валилъ сѣро-черный, сгустившійся продолговатой массой, въ родѣ какого-то чудовища, дымъ и, по вылетѣ изъ отверстій, принимался вѣтромъ и разсѣевался по воздуху. Взирать тогда на все это было нестерпимо.

Я, удрученный мыслями, взволнованный отъ небывалаго со мной до того времени ничего подобнаго, и при томъ утомленный физически, намѣревался пробраться домой и потому взялъ направленіе, пересѣкая дворцовую площадь прямо къ Пѣвческому мосту, который какъ разъ находился наискось воротъ дома Богдановича и моей квартиры съ братьями Потуловыми. Но площадь эта, хотя громадная, но до того была запружена пожарными командами, трубами, бочками, лошадьми, пожарными инструментами, что съ большимъ трудомъ можно было пробираться среди солдатъ почти всего гвардейскаго корпуса, которые, въ это время, были вѣроятно вызваны и приданы на помощь дѣйствующимъ пожарнымъ командамъ и самой полиціи, для удержанія простого народа.

Я уже почти подходилъ къ пѣвческому мосту, какъ вдругъ и внезапно я поражаюсь, совершенно не ожидая и не предполагая даже, звонкимъ и повелительнымъ голосомъ Государя: «спасибо, ребята, молодцы!..» И вслѣдъ затѣмъ грянуло единодушное, громогласное: «рады стараться, Ваше Императорское Величество»!.. И это самымъ бушевавшимъ вѣтромъ разнеслось по всей площади и прозвенѣло въ ушахъ всего находящагося на площади воинства.

Что же это былъ за гласъ въ ночи, что же это были за возгласы, раздавшіеся со стороны горѣвшаго дворца отъ комендантскаго подъѣзда? Я минутно оторопѣлъ, но тотчасъ опамятовался; это былъ голосъ царя и отвѣтъ войска стараго закала!

При одномъ теперь воспоминаніи о прошедшемъ бѣдствіи, о томъ, какъ работало это войско на пожарищѣ, какъ гибли эти люди, какія были выказаны высокія самоотверженіе и преданность — живьемъ шли въ огонь за царя — у меня трепещетъ сердце.

Какъ только я услыхалъ голосъ Государя, мои усыпленныя усталостью и томленіемъ чувства вдругъ оживились, я ощутилъ вновь и бодрость, и силу, и, не доходя до своей квартиры, повернулъ къ сторонѣ дворцоваго манежа, добрался до комендантскаго подъѣзда и вышелъ къ началу самой Милліонной улицы. Тутъ представилось зрѣлище, выходящее изъ ряда всякаго описанія. Чтобы передать все

видѣнное, недостаточно одной памяти и воспоминанія, необходима сила изложенія.

Какъ выше я говорилъ, съ лѣвой стѣны отъ Зимняго дворца проходила крытая галерея въ Эрмитажъ, слѣдовательно, это мѣсто дворцовой стѣны, откуда былъ проходъ въ галерею, было единственнымъ пунктомъ, откуда огонь могъ легко пройти чрезъ галерею въ Эрмитажъ; охвативъ Эрмитажъ, чрезъ вторую такую же галерею, которая упиралась въ стѣну нашихъ казармъ 1-го батальона, проникнуть въ казармы, охватить дома Большой Милліонной, Мраморный дворецъ и далѣе, и тогда бѣдствія для Петербурга могли быть неисчислимыми!.. Поэтому, не допускать перехода огня изъ дворца въ галерею и въ Эрмитажъ было дѣломъ чрезвычайной важности и вмѣстѣ съ тѣмъ крайне опасной задачей, для выполненія которой требовались сверхъестественныя человѣческія силы.

Пробравшись къ началу Милліонной на тротуаръ дворцоваго манежа, который своимъ длиннымъ фасомъ былъ совершенно противъ Эрмитажа, я усмотрѣлъ по всему протяженію Милліонной, отъ стѣны дворца и до нашихъ казармъ 1-го баталіона, что вся улица была загромождена пожарными командами, и дѣятельность кипѣла неизобразимая. Большое количество пожарныхъ трубъ дѣйствовали безостановочно, не только въ самый проходъ стѣны, откуда страшное пламя и огонь пробивались на галерею, ведущую къ Эрмитажу, но обливался усиленно весь Эрмитажъ, равномѣрно манежъ и всѣ прилежащія строенія. Вся эта мѣстность, пожарные люди и войска, имъ приданныя въ помощь, всѣ были вымочены, какъ говорится, до костей. А самая Милліонная улица, между дворцовымъ манежемъ и Эрмитажемъ,—вся эта часть мѣстности представляла полное наводненіе.

Крытая галерея, выходящая изъ стѣны дворца и упирающаяся въ Эрмитажъ, составляла именно проходъ въ Эрмитажъ, который совершенно былъ разломанъ и оставались одни только толстые желѣзные брусья, протянутые отъ стѣны дворцовой до стѣны Эрмитажа, на которыхъ былъ насланъ полъ галереи, когда она существовала. И вотъ, на этихъ-то брусьяхъ громоздились нижніе чины какъ пожарной команды, такъ и войскъ, приданныхъ имъ въ помощь. Всѣ имѣли въ рукахъ стволы пожарныхъ трубъ, направленные и дѣйствующіе въ отверстіе стѣны дворца, изъ котораго страшная масса огненнаго пламени выбивалась наружу, къ сторонѣ разрушенной галереи. Усилія людей остановить эту свирѣпствующую огненную бурю были неимовѣрныя. А смотрѣть эту картину было изумительно и страшно!

Одновременно снизу, на улицѣ, было тоже сосредоточено нѣсколько пожарныхъ трубъ на одномъ мѣстѣ, какъ будто наведенныя батареи, дѣйствующія по одному и тому же предмету. Все это огромное количество пожарныхъ трубъ, дѣйствующихъ совокупно, имѣло ту силу, что заставляло неоднократно выбивающееся изъ прохода стѣны дворца огненное пламя потухать, и мѣстность въ этотъ моментъ покрывалась, какъ будто, темнотою.

Казалось бы достигали цѣли, утушивъ въ проходѣ огонь, не выпускать пламя наружу. Но затѣмъ, все вновь какъ будто разверзалось. Силою вѣтра страшное пламя съ трескомъ вылетало изъ прохода стѣны, обдавало людей, громоздившихся на желѣзныхъ брусьяхъ; люди обожженные падали съ брусьевъ и убивались. При видѣ всего этого кровь застывала въ жилахъ, до того это было поразительно. Съ симъ вмѣстѣ, было замѣтно, что каждая такимъ образомъ поражающая сцена ужасно озлобляла людей; наши солдатики, въ особенности пожарная команда, вмигъ взбирались на смѣну упавшихъ, и съ большимъ упорствомъ напрягали все человѣческое усиліе. Самоотверженіе, самопожертвованіе дѣйствующихъ на пожарищѣ нижнихъ чиновъ, вообще, можетъ смѣло быть названо безпримѣрнымъ.

Это былъ бой съ силою огненной стихіи, который ни съ какимъ боемъ въ мірѣ сравняться не можетъ. Тутъ люди, безъ малѣйшихъ помысловъ, приносили себя въ жертву, и преданность солдата государю здѣсь выказалась на чистоту.

Гибель, грозившая, можетъ быть, бо́льшей части Петербурга, была остановлена тѣмъ, что, наконецъ, отстояли Эрмитажъ и не допустили пожарище охватить нашихъ казармъ и затѣмъ Милліонной улицы; вся огненная лава осталась въ стѣнахъ и внутри Зимняго дворца. Стѣны этого громаднаго зданія, отдѣлавшіяся одной только копотью, величаво стояли, сохраняя въ своей утробѣ временно-переполненный дышащимъ огнемъ мусоръ... При этомъ, не малое количество отстаивающихъ Петровъ градъ сдѣлались жертвами спасенія и погребли себя подъ развалинами всего разрушеннаго и истребленнаго огненнымъ бѣдствіемъ.

Самъ государь Николай Павловичъ во все время находился на тротуарѣ дворцоваго манежа, прямо противъ Эрмитажа, въ той же самой формѣ одежды, какъ пріѣхалъ изъ театра на пожаръ, въ шинели съ бобровымъ воротникомъ и въ трехъ-угольной шляпѣ. Около государя также находились великій князь Михаилъ Павловичъ и та жа свита генералъ-адъютантовъ и флигель-адъютантовъ. Самъ государь и всѣ его окружающіе, всѣ были, какъ говорится, до нитки вымочены водой.

Государь слѣдилъ за дѣйствіями работавшихъ такъ, какъ мнѣ кажется, никто другой не могъ бы такъ исполнить. Не теряя никогда присутствія духа, государь лично распоряжался, отдавалъ всѣ приказанія, ни минуты не оставаясь празднымъ. Его величество предпринималъ всѣ мѣры, которыя только были возможны для того, чтобы не допускать далѣе распространяться огню. Личное присутствіе государя имѣло неимовѣрное вліяніе, крайне воодушевляло, ободряло и поддерживало усиліе солдатъ. Вотъ почему эти возгласы: «рады стараться» и разносились по воздуху, предъ силой, все опустошающей въ глазахъ самаго государя.

Отъѣзжалъ ли государь отъ пожарища хотя на нѣкоторое время, или находился безотлучно съ минуты своего пріѣзда изъ театра, я, къ моему сожалѣнію, ничего теперь не помню, и поэтому ничего сказать не могу. Но, по силѣ воли, которою обладалъ государь Николай Павловичъ, въ особенности въ минуты трудныя, надо полагать, что его величество ни на минуту не покидалъ пожара, усмотрѣвъ грозящее бѣдствіе. Впрочемъ не безъизвѣстно было въ тѣ времена всѣмъ и каждому, что въ царствованіе государя Николая Павловича это было не первое бѣдствіе, которое личнымъ присутствіемъ его величества всегда прекращалось, утушалось и нормальное положеніе возстановлялось.

На другой день и въ послѣдущіе нѣсколько дней, тушеніе пожара въ Зимнемъ дворцѣ все продолжалось. Съ самаго вечера катастрофы съ Зимнимъ дворцомъ, вся царская семья переѣхала въ собственный ихъ величества Аничкинъ дворецъ.

Зимній же дворецъ продолжалъ горѣть нѣсколько дней къ ряду, а именно сколько дней, я теперь хорошенько припомнить не въ состояніи, но по крайней мѣрѣ внутри дворца все продолжало горѣть съ недѣлю. Очень натурально, не такимъ огнемъ и пожаромъ, какъ въ первый день,—не видно было снаружи ни огня, ни выходящаго пламени, но вся внутренность этого громаднаго зданія, гдѣ насчитывалось нѣсколько внутреннихъ дворовъ, а поэтому и жилья, которыя всѣ были охвачены пожарищемъ перваго дня, распространеніе котораго внутри стѣнъ двора остановлено быть не могло, поэтому все, весь дворецъ былъ переполненъ оставшимся еще жаромъ и горящимъ углемъ. Слѣдовательно, необходимо было продолжительное и тщательное наблюденіе за тѣмъ, чтобы эти груды мусора съ огнемъ и горящій пепелъ не могли быть раздуты вѣтромъ и выброшены наружу.

Нашъ Преображенскій полкъ со втораго же дня пожара началъ

чередоваться съ Семеновскимъ полкомъ. Мы по двѣнадцати часовъ къ ряду, безвыходно, стояли на дворцовой площади, близъ Александровской колонны, противъ дворца, и днемъ и ночью, безотлучно, такъ что нижнимъ чинамъ пища доставлялась изъ казармъ на площадь. А такъ какъ непостоянный петербургскій климатъ повернулъ вдругъ и, какъ нарочно, на сильный морозъ, то дозволили намъ, съ полной осторожностью развести для нижнихъ чиновъ костры, и въ особенности вечеромъ и ночью наша стоянка на площади представляла видъ очень недурной, видъ освѣщеннаго бивака. Только мнѣ очень и очень памятно, какъ мы всѣ впродолженіи этихъ 12 часовъ мерзли. У насъ въ то время не было и въ заведеніи имѣть на службѣ фуражекъ, а былъ постоянный киверъ съ султаномъ на головѣ; ружья стоятъ въ козлахъ, а люди сидятъ у костровъ, да отогрѣваются. Тогда у нижнихъ чиновъ не существовало никакихъ башлыковъ; чтобы не заморозить ушей, то въ 10 градусный морозъ надѣвали черные наушники и шинели на мундиръ въ рукава. И я, право, во всю мою службу не помню, чтобы когда нибудь нижніе чины отмораживали себѣ члены, за это строго взыскивалось. Мы же, офицеры, въ эту 12-ти часовую стоянку, конечно находились съ ротами на площади безотлучно. У насъ, у всѣхъ, были или сюртуки на ватѣ или мѣховые и тоже черные наушники подъ киверомъ. Мы отогрѣвались большею частію чайкомъ, а иногда водочкой и винцомъ. Да, я очень хорошо помню, что тогда морозъ насъ всѣхъ пробиралъ порядкомъ.

Съ нами вмѣстѣ на площади дежурила тоже и часть пожарной команды въ полномъ составѣ, т. е. съ трубами, бочками и лошадьми. Эта пожарная команда тоже чередовалась и послѣ 12-ти часовой стоянки уходила къ себѣ. Равномѣрно, внутри самаго дворца, находилась постоянно пожарная команда, но еще въ бо́льшемъ составѣ, которая и денно и нощно, безостановочно, продолжала поливать и все заливать каждый уголокъ во дворцѣ.

Такое наше наблюденіе продолжалось недѣли двѣ, всякій Божій день, до тщательности неимовѣрной, и, при этомъ наблюденіи, повѣряющихъ и надсматривающихъ надъ площадью и дворцомъ и денно и нощно было безчисленное множество начальствующихъ лицъ. Когда всѣ убѣдились, что все потухло, охладѣло и не осталось ни единой искры ни въ мусорѣ, ни во всемъ обгорѣломъ, тогда приступили къ очищенію дворца.

Что относится до очистки Зимняго дворца послѣ пожара, то я опять нахожусь въ томъ затрудненіи, чтобы достаточно изобразить, что была это за работа. Конечно, не египетская, какъ имѣютъ обык-

новеніе называть всякую тяжелую работу, но очистка дворца была такая работа, въ которой участвовали всѣ гвардейскіе полки безпромежуточно, по крайней мѣрѣ съ мѣсяцъ времени, ежели не болѣе. Масса всего обгорѣвшаго во дворцѣ, въ этомъ громадномъ зданіи, и обратившагося въ мусоръ, сотнями подводъ ежедневно вывозился, но не сотнями, а тысячами пудовъ. Послѣ того можно судить, что̀ такое было въ зданіи, въ которомъ внутри сгорѣло все до тла! Вся внутренность дворца была загромождена, такъ сказать, наваленными кучами такой громады мусора, что бо̀льшая часть этихъ кучь имѣли нѣсколько саженъ въ высоту и столько же въ объемѣ. И вотъ тутъ, когда разрывали эти кучи, представлялись сцены, душу раздирающія. Находили иныхъ людей, какъ заживо похороненныхъ, другихъ обезображенными и искалѣченными. Множество труповъ людей обгорѣлыхъ и задохшихся отъ дыма было усмотрѣно почти по всему дворцу. Однимъ словомъ, мы не могли безъ ужаса выслушивать разсказы нашихъ солдатъ о томъ, въ какихъ видахъ и положеніяхъ они находили своего брата солдата во время очистки дворца. А когда, по отрытіи труповъ, выносили этихъ людей, я и всѣ мы поспѣшали отходить въ сторону единственно отъ душевнаго терзанія. Я помню, между прочимъ, фигуру одного обгорѣлаго солдата. Я помню, какъ насъ всѣхъ поразило: это былъ настоящій обгорѣлый черный уголь, въ немъ положительно ничего невозможно было признать, кромѣ человѣческаго контура.

Небывалое до того, по крайней мѣрѣ, въ наше время бѣдствіе погубило множество людей. Не знаю, было ли это доведено до всеобщаго свѣдѣнія, но, какъ было извѣстно въ то время, что государь Николай Павловичъ не оставилъ ни одной сироты, ни одной семьи изъ числа погибшихъ безъ щедраго награжденія и полнаго обезпеченія на всю жизнь.

И такъ, вотъ происшествіе, которое истинно никогда изъ памяти моей не изгладится.

Кромѣ того, вслѣдъ за воспоминаніемъ объ изложенной мною катастрофѣ съ Зимнимъ дворцомъ, мнѣ приходитъ на память, какія же чудеса въ самомъ дѣлѣ творились въ тѣ времена, ежели взять въ соображеніе тотъ фактъ, что изъ обезображеннаго огненнымъ опустошеніемъ дворца и такимъ опустошеніемъ, какому мы тогда всѣ были личными очевидцами, ровно чрезъ годъ воздвигнулся вновь тотъ же самый Зимній дворецъ, такой же великолѣпный и безъ малѣйшаго измѣненія внутренняго убранства, но до такой степени, что ежели на какомъ либо драпри прежде была золотая пуговка, то и

въ новомъ дворцѣ она оказалась на томъ же мѣстѣ, а уже объ остальномъ устройствѣ дворца нечего и упоминать. Зимній дворецъ, какъ будто, никогда и не подвергался никакой порчѣ, или въ особенности злополучію.

Затѣмъ, тоже вѣроятно, нигдѣ такъ не осуществляются пословицы, какъ у насъ на Руси, въ томъ отношеніи, что не бываетъ ни одной бѣды безъ другой, или что одна бѣда влечетъ за собой другую. Такъ и случилось.

Послѣ возстановленія и отдѣлки вновь воздвигнутаго изъ пепелища великолѣпнаго дворца, въ который государь и вся царская фамилія переѣхали, всегда бывалъ, по установленному порядку, въ день праздника св. Георгія Побѣдоносца, большой выходъ во дворцѣ со всѣми кавалерами орденовъ св. Георгія и имѣющихъ золотое оружіе. Послѣ того, въ назначенный часъ этого дня всѣ вышесказанные кавалеры приглашались къ обѣденному царскому столу и это празднество въ то время происходило въ Георгіевской залѣ.

Государь Николай Павловичъ, въ кругу своей августѣйшей семьи, чествовалъ своихъ доблестныхъ воиновъ, какъ первый во главѣ кавалеръ ордена св. Георгія. Обѣдъ, какъ всегда, бывалъ однимъ изъ торжественныхъ. Государь, постоянно въ отмѣнномъ расположеніи духа, припоминая и восхваляя подвиги славныхъ тогда побѣдъ, удостаивалъ всегда своимъ монаршимъ благоволеніемъ и своихъ героевъ-воиновъ. Затѣмъ, по окончаніи обѣда, государь и вся царская фамилія удалялись во внутренніе покои.

На другой день этого перваго празднества во вновь воздвигнутомъ дворцѣ, пробѣжалъ вновь ужасающій слухъ по всему Петербургу, что потолокъ въ этой самой Георгіевской залѣ весь рухнулъ, что впослѣдствіи и подтвердилось.

Въ этомъ случаѣ нельзя не видѣть опять великаго покровительства свыше....

Въ добавленіе къ изложенному мною происшествію относительно катастрофы Зимняго дворца, я долженъ присовокупить еще слѣдующее мое воспоминаніе.

Когда государь во время пожара, обратившись къ намъ, офицерамъ Преображенскаго полка, приказалъ офицерамъ 1-го баталіона идти на половину императрицы, я, бросившись въ числѣ другихъ во дворецъ, не попалъ на половину императрицы, или потому что я бросился, хотя со многими нашими офицерами, не на тотъ подъѣздъ, или вѣрнѣе всего, мы не знали съ какого подъѣзда скорѣе можно было попасть на половину государыни, или полагали, что, проник-

нувъ во дворецъ, мы найдемъ покои императрицы, но когда вошли во внутренность дворца, мы очутились въ такой обстановкѣ, какъ я сказалъ выше, что пробѣжавъ нѣсколько комнатъ, мы разошлись, растерялись среди огня, и не было возможности воротиться даже туда, откуда вошли, ибо все занялось огнемъ и чѣмъ болѣе мы кружили по огненному лабиринту, все болѣе и болѣе запутывались, почему необходимо было отыскивать не половину императрицы, а выходъ къ спасенію, то очень натурально, что я, разобщившись съ своими, сталъ слѣдовать за толпою бѣжавшихъ, самъ не зная куда.

Часть нашихъ офицеровъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, забравшихся съ другихъ подъѣздовъ, дѣйствительно добрались благополучно до покоевъ государыни, чему можетъ служить фактическимъ доказательствомъ то, что нашъ офицеръ, подпоручикъ или поручикъ Александръ Россетъ, тогда же взялъ съ письменнаго стола императрицы ея маленькія часы, и тутъ же ночью ихъ передалъ командиру полка, генералу Микулину.

Подпоручикъ Россетъ тремя годами ранѣе меня былъ произведенъ въ Преображенскій полкъ изъ Пажескаго корпуса и за годъ до производства, будучи камеръ-пажемъ императрицы, цѣлый годъ служилъ при ея величествѣ. И такъ какъ эти камеръ-пажи не только во время офиціальныхъ выходовъ, но постоянно и чуть ли не всякій день, поочередно, находились на службѣ при дворѣ, то имъ не только внутренніе покои всѣхъ высочайшихъ особъ были извѣстны, но всѣ входы и выходы они хорошо знали, и потому съ Россетомъ тогда угодили на половину императрицы и бóльшая часть нашихъ офицеровъ, выпущенныхъ изъ камеръ-пажей, изъ коихъ я помню: Андрей Шостакъ, Левъ Яковлевъ, Сеславинъ, Батюшковъ и другіе, которыхъ теперь я перезабылъ, но всѣ они во время пожара были въ покояхъ государыни и всѣ представили кой-какія захваченныя ими вещицы....

А нашему брату, — остальнымъ офицерамъ, расположеніе дворца не могло быть такъ извѣстно, ибо мы знали дворецъ только по выходамъ и баламъ, а внутренніе покои, у дверей которыхъ бывало стояли постоянно арабы и никого не допускали, мы внутреннихъ комнатъ не могли ни видѣть, ни знать.

И такъ, вслѣдствіе сказанныхъ словъ государемъ на пожарѣ дворца, чтобы офицеры 1-го баталіона Преображенскаго полка отправились на половину императрицы, на другой день послѣ пожара приказомъ по полку повелѣно было всѣмъ офицерамъ 1-го баталіона

прибыть къ 2-мъ часамъ пополудни въ парадной формѣ въ Аничковъ дворецъ, для представленія государынѣ императрицѣ.

Въ назначенный часъ, мы, всѣ офицеры 1-го баталіона, съ нашимъ командиромъ во главѣ, полковникомъ Есиповымъ, пріѣхали во дворецъ.

Нашъ командиръ полка, генералъ-адъютантъ Микулинъ, вслѣдъ за нами пріѣхалъ въ Аничковъ дворецъ. Микулинъ, постоянно щегольски одѣтый и въ своемъ генералъ-адъютантскомъ мундирѣ, имѣлъ всегда видъ бодрый, оживленный и сіяющій. Онъ тотчасъ былъ потребованъ на половину государя. Возвратившись изъ кабинета государя еще болѣе оживленнымъ, Микулинъ сталъ насъ просить и торопить скорѣе встать по старшинству чиновъ въ одну линію и все съ той же, какъ я выше его описывалъ, характеризующей его угодливостью, въ ожиданіи скораго выхода государя Николая Павловича изъ внутреннихъ покоевъ.

Первымъ, правѣе всѣхъ, всталъ нашъ батальонный командиръ, полковникъ Есиповъ, лѣвѣе, и рядомъ съ нимъ,—командиръ государевой роты съ серебристыми на головѣ волосами, но личность видимо представительная, нашъ полный капитанъ Александръ Катенинъ. Рядомъ съ нимъ — командиръ 1-й роты, потомъ 2-й и 3-й и такъ далѣе, субалтернъ-офицеры по старшинству чиновъ, а тамъ и наша братья мелкота—подпоручики и прапорщики.

Въ такомъ порядкѣ мы ожидали выхода государя, по крайней мѣрѣ, съ полчаса.

Вдругъ растворилась дверь и вышелъ изъ внутреннихъ покоевъ министръ двора—старикъ князь Волконскій. Какъ только вошелъ и приближаясь къ нашему небольшому обществу преображенскихъ офицеровъ, онъ, съ чувствомъ своего достоинства, привѣтствовалъ насъ всѣхъ съ самою утонченною вѣжливостью.

Вслѣдъ затѣмъ, внезапно, растворились всѣ двери, ведущія изъ внутреннихъ покоевъ и показалась вся царская семья, за царской фамиліей слѣдовали много придворныхъ и много генералъ-адъютантовъ.

Этотъ маленькій выходъ царской семьи, окруженной своимъ приближеннымъ штатомъ, въ небольшомъ дворцѣ, по сравненіи съ Зимнимъ, — казался какъ бы домашнимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ до того величественнымъ, что всѣхъ присутствующихъ, въ особенности насъ молодыхъ людей, мало вращавшихся еще въ кругу придворномъ, обдало такимъ чувствомъ обаянія, которое передать трудно.

Императрица Александра Өеодоровна шла посреди, между

государемъ и великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, и разговаривала по французски. Наслѣдникъ цесаревичъ былъ въ мундирѣ казачьяго атамана.

Императрица, приблизившись къ намъ, остановилась на нѣкоторомъ предъ нами разстояніи, и какъ будто не прерывая своего разговора, отнеслась ко всѣмъ намъ на томъ же французскомъ языкѣ, и въ нѣсколькихъ милостивыхъ словахъ выразила намъ свою благодарность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень быстро подошла къ полковнику Есипову и подала ему руку. Полковникъ Есиповъ поспѣшилъ поцѣловать руку у императрицы, и, съ подобающимъ глубокимъ поклономъ, отступилъ шагъ назадъ.

Затѣмъ императрица подала руку капитану Катенину, который также поцѣловалъ руку государыни. Послѣ того, ея величество продолжала подходить къ каждому офицеру, и каждый, въ свою очередь, удостоивался цѣловать руку императрицы. Это продолжалось какихъ нибудь нѣсколько минутъ. Между тѣмъ, взоры всѣхъ: государя, великаго князя и всѣхъ присутствующихъ придворныхъ, въ глубокомъ молчаніи, взоры всѣхъ были обращены на насъ.

Что относится до меня, я былъ совершенно озадаченъ. Для меня это было совершенною новостью. Я не ожидалъ и не предполагалъ ничего подобнаго. Я никогда еще не видѣлъ и не присутствовалъ при подобныхъ обстоятельствахъ, какъ цѣлованіе руки у высочайшихъ особъ. Вся эта сцена въ присутствіи государя, всей царской фамиліи и всѣхъ придворныхъ на меня произвела какое-то особенное, какое-то необыкновенное впечатлѣніе. Мнѣ все это казалось такъ изумительно и до того величественно, что я совершенно растерялся мыслями и не успѣлъ еще опомниться, какъ очередь дошла до меня, и я въ совершенномъ забытьи, которое продолжалось какую-нибудь секунду времени, я чуть-чуть не перекрестился предъ тѣмъ, какъ поцѣловать руку у императрицы. Я чувствовалъ, что я уже заносилъ свою руку ко лбу, чтобы сотворить знаменіе креста, но тотчасъ же опомнился.

Много прошло послѣ того времени, много лѣтъ легло мнѣ на плечи, но воспоминаніе это живо и никогда не изгладится изъ моей памяти.

Не знаю, замѣтилъ ли мое движеніе кто-либо изъ царской фамиліи или изъ присутствующихъ, но ближайшіе изъ моихъ товарищей это очень хорошо замѣтили, ибо объ этомъ разнесся слухъ не только между товарищами, которые долго надо мной подтрунивали, но слухъ этотъ перешелъ и къ знакомымъ товарищамъ, въ дру-

гіе полки, такъ что бывало при встрѣчахъ меня осыпали допросы и запросы, точно ли я перекрестился предъ тѣмъ, чтобы поцѣловать руку у государыни Александры Ѳеодоровны?

А когда это дошло до командира полка, до нашего знаменитаго генерала Микулина, онъ на это сказалъ:

— «И хорошо бы сдѣлалъ, ежелибъ перекрестился!»...

Д. Г. Колокольцовъ.

АМВРОСІЙ ПРОТАСОВЪ, АРХІЕПИСКОПЪ ТВЕРСКОЙ.

† 1-го іюля 1831 г.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1882 г., томъ XXXIV, іюнь, стр. 615—640, напечатана нами біографія архіепископа тверскаго Амвросія Протасова († 1-го іюля 1831 г.). Помѣщаемъ здѣсь три замѣтки, могущія служить дополненіемъ къ этой біографіи. Ред.

I.

Въ дѣлѣ о Захаріе-Елисаветинской церкви, что при Новокрещенскихъ школахъ Луки Канашевича въ Казани.

Послѣ Казанскаго пожара 1749 года преосвященный Лука Канашевичъ „не безъ усилія" построилъ въ Татарской слободѣ, на берегу озера Кабана, каменную церковь праведныхъ Захаріи и Елисаветы и при ней деревянныя школы для новокрещенскихъ учениковъ [1]), „желая тѣмъ, по словамъ татаръ, совсѣмъ на вѣки выгнать ихъ (татаръ) вонъ изъ этой слободы" [2]). Цѣль, какъ видите, была чисто миссіонерская. Но прошло 50 лѣтъ—школы новокрещенскія закрылись, заперли и церковь. Зданія школъ послѣ того постепенно разрушались, гнили, уничтожалась, ветшали; разрушалась и церковь, пока не была совершенно уничтожена въ 1825 году, по распоряженію преосвященнаго Амвросія Протасова.

Передавая „подробно" въ 1868 году съ каѳедры предъ избраннымъ казанскимъ обществомъ судьбу Захаріе-Елисаветинской церкви, спеціалистъ профессоръ противомусульманскаго отдѣленія при Казанской академіи, Е. А. Маловъ, дозволилъ себѣ набросить слишкомъ мрачную тѣнь на преосвященнаго Амвросія Протасова въ дѣлѣ упраздненія этой церкви, чего во всякомъ случаѣ преосвященный Амвросій никакъ не заслуживаетъ.

Е. А. Маловъ обставилъ тогда предъ слушателями дѣло въ слѣдующей картинѣ: „въ 1825 году въ Казань ждали государя Александра Павловича. Время настало хлопотливое. Преосвященный Амвросій Протасовъ предложилъ,

---

[1]) См. «Сборникъ древностей Казанской епархіи» Платона Любарскаго, стр. 102. Казань, 1868 г.

[2]) Слова татарской челобитной императрицѣ Екатеринѣ II, приводятся въ указѣ государыни Каз. губ., кн. Мещерскому. «Прав. Соб.» за 1868 г. кн. 10.

23 апрѣля, семинарскому правленію „на случай прибытія въ Казань въ настоящее лѣто его императорскаго величества не медля приступить къ разобранію Захаріе-Елисаветинской церкви, такъ какъ она, будучи безъ присмотра, пришла въ совершенное запустѣніе и ветхость и дѣлаетъ одно только безобразіе городу“ (курсивъ у Малова). „2 мая были сдѣланы торги на разборъ церкви, а 21 іюня разборка эта была уже покончена. Такъ настойчиво торопились уничтожить православную христіанскую церковь! Она разобрана по случаю всерадостнѣйшаго ожиданія въ Казань государя Александра Павловича, какъ составляющая безобразіе городу!!.. Но извѣстно, что государь не былъ въ Казани. Онъ скончался въ Таганрогѣ 19 ноября 1825 года. Но ужъ церкви нельзя было поднять изъ развалинъ! Матеріалы разобранной церкви проданы были на 958 рублей и этихъ матеріаловъ оказалось такъ много, что каменная церковь Захаріи и Елисаветы скорѣе могла быть исправлена, чѣмъ вовсе уничтожена“ [1]).

Перебирая для этой картины семинарскій архивъ, Е. А. Маловъ, видимо, отбрасывалъ тѣ дѣла, которыя рисовали дѣло вопреки созданному имъ плану эффектаціи, и тѣмъ намѣренно старался омрачить предъ слушателями высокую личность покойнаго владыки [2]).

Положимъ, что церковь была и каменная, но уже при преосвященномъ Павлѣ Зерновѣ, по его распоряженію, были сняты изъ предосторожности колокола съ ея колокольни. Вотъ что говорится объ этомъ въ дѣлѣ старой казанской академіи за 1816 г. № 47: «10 мая 1816 г. академическое правленіе покорнѣйше докладывало преосвященному Амвросію: съ колокольни, находящейся при церкви св. Захаріи и Елисаветы, что въ Старо-татарской слободѣ, въ бывшихъ новокрещенскихъ школахъ, нынѣ принадлежащихъ къ академіи вашего высокопреосвященства, для предосторожности, по приказанію покойнаго преосвященнаго Павла архіепископа—сняты были всѣ колокола, кои и хранились въ академической кладовой палатѣ; но въ случившійся 3 сентября пожаръ прошлаго 1815 года, они отъ сильнаго огня всѣ растопились. Мѣди въ слиткахъ найдено и взвѣшено 51 пудъ съ нѣсколькими фунтами. А какъ мѣдь сія академіи не нужна, на стройку же академіи и на

---

[1]) Публичная лекція 7 апрѣля 1868 г. «О Новокрещенскихъ школахъ въ XVIII в.», читанная въ залѣ Казанскаго дворянскаго собранія въ пользу братства св. Гурія и напечатанная въ Іюльской кн. «Правосл. Обозрѣнія» за 1868 г. Надобно замѣтить, что доселѣ сказанное г. Маловымъ о судьбѣ Захаріе-Елисаветинской церкви въ печати—послѣднее слово по этому вопросу, если не считать повторенія того же самаго въ 1881 году (см. «Исторію казанской семинаріи» при «Прав. Собесѣд.» за 1881 г., сент. кн., стр. 92 и 93) quasi историкомъ казанской семинаріи, г. Благовѣщенскимъ, который, вращаясь среди историческихъ документовъ, предпочитаетъ разбору этихъ документовъ своего рода пихлеровщину, именно: индѣ готовое чужое слово, а болѣе—безъ зазрѣнія совѣсти—воровство чужихъ ученыхъ трудовъ и, пользуясь покровительствомъ покрывающихъ милостивцевъ, печатаетъ все это отъ своего имени, поощряемый отъ невѣдущихъ его продѣлокъ похвальными отзывами и рублями. Но, какъ говорилъ Суворовъ про Наполеона, скажу и я про г. Благовѣщенскаго: «далеко шагаетъ этотъ ярославецъ, пора его и унять».

[2]) Моя аппологія есть исполненіе желанія лицъ, свято чтущихъ память пр. Амвросія, возмутившихся картиной г. Малова 7 апрѣля 1868 г.

А. Можаровскій.

покупку нужныхъ матеріаловъ требуются наличныя деньги: почему вашему высокопреосвященству академическое правленіе покорнѣйше докладываетъ: не благоугодно ли будетъ отъ вашего высокопреосвященства оную въ слиткахъ мѣдь приказать продать съ публичнаго, на законномъ основаніи, торгу, а деньги, вырученныя за оную, употреблять съ докладу вашему высокопреосвященству на настоящія постройки». Резолюція пр. Амвросія: «мѣдь продать, а деньги, вырученныя за нее, причислить къ академической, остающейся отъ экономіи, суммы». Но отъ 14 мая того же года академическое правленіе снова вошло докладомъ къ преосвящ. Амвросію: „по резолюціи вашего высокопреосвященства, воспослѣдовавшей сего маія 13 дня на докладѣ онаго правленія, велѣно продать съ публичнаго торгу растопившуюся отъ колоколовъ мѣдь, снятыхъ съ колокольни Елисаветинской церкви, и хранящейся въ кладовой академической палаткѣ. Но какъ мѣдь сія, по извѣщенію академическаго правленія, для мѣдниковъ, такъ какъ спрудная, ни къ чему не удобна, кромѣ колоколовъ же, а колокольники, полагая оную отъ 25 до 40 р., весьма дешевую цѣну назначаютъ оной, между тѣмъ какъ сами продаютъ въ большихъ колоколахъ отъ 48 до 50 рублей, а въ малыхъ и до 55 рублей; въ каѳедральный же вашего высокопреосвященства Благовѣщенскій соборъ предполагается изъ мѣди разбитаго большаго колокола, коей въ наличности состоитъ 788 пудъ, перелить и устроить новый вѣсомъ до 1000 пудовъ, и потому въ добавокъ къ прежней мѣди, въ разбитомъ колоколѣ находящейся, потребно будетъ прикупить и новой до 200 пудовъ; почему вашему высокопреосвященству академическое правленіе симъ покорнѣйше докладываетъ: не благоугодно ли будетъ отъ вашего высокопреосвященства оную наличную мѣдь, въ академіи имѣющуюся, а именно 51 пудъ съ нѣсколькими фунтами приказать взять въ каѳедральный соборъ для перелитія предполагаемаго большаго колокола; деньги же, за оную причитающіяся, считая пудъ по 40 рублей, 2,040 рублей, отдать изъ соборной церковной суммы". Резолюція Амвросія 15 мая: „мѣдь взять въ соборъ и за оную заплатить изъ церковной суммы въ академію, по прилагаемой цѣнѣ" [1]). Одновременно съ симъ академическое правленіе покорнѣйше докладывало преосвященному Амвросію: „церковь, состоящая въ Старо-татарской слободѣ, при бывшихъ новокрещенскихъ школахъ, кои принадлежатъ къ академіи вашего высокопреосвященства, созданная во имя св. Захарія и Елисаветы, каменнаго зданія, по уничтоженію тѣхъ школъ въ 1800 году и по причисленію какъ оной, такъ и дома и всего строенія къ академіи, за ветхостію иконостаса и прочей церковной утвари, не только предвидится не способною, но отъ продолженія времени и безъ поправленія въ большую приходить будетъ ветхость и разрушеніе. За погорѣніемъ же академіи производится въ оной нынѣ немаловажная постройка, на которую потребно много матеріаловъ. Какъ же всѣ матеріалы въ настоящее время чрезвычайно вздорожали, академическое же правленіе отъ разобранія оной церкви надѣется выручить довольное количество какъ кирпича, щебню и бута, такъ и желѣза, кои могутъ замѣнить покупку новую; почему вашему высокопреосвященству и беретъ смѣлость то правленіе покорнѣйше доложить: не благоугодно ли будетъ отъ вашего высокопреосвященства упомянутую церковь, такъ какъ находящуюся безъ всякаго употребленія, да и на бу-

---

[1]) Дѣло архива стар. каз. акад. за 1816 г. отъ 10 мая № 47 на 4 лист. «о продажѣ мѣди въ слиткахъ изъ колоколовъ З. Е. ц. въ каѳедральный соборъ».

дущее время не нужную, приказать и съ колокольнею при ней разобрать на счетъ академіи, а матеріалы всѣ употребить при будущей постройкѣ на академію". Резолюція Амвросія: „церковь разобрать, а матеріалъ употребить на академическую постройку". По сообщенію о семъ архитектору Михаилу Емельянову, обстраивавшему тогда академію, онъ «отозвался совершенною ненадобностію старыхъ матеріаловъ при настоящей обстройкѣ академіи, выставляя въ причину, что матеріалы старые и сами по себѣ не такъ удобно принимаютъ въ себя клейкость извести, а кольми паче, будучи прикладываемы къ старымъ стѣнамъ, тѣмъ меньше вяжутся». Академическое правленіе, по докладѣ о семъ преосвященному Амвросію отъ 25 мая, получило слѣдующую резолюцію: «церковь не разбирать впредь до разсмотрѣнія и рѣшенія о ней» [1].

Эти документы говорятъ, что вопросъ о разобраніи Захаріе-Елисаветинской церкви поднятъ еще при преосвященномъ Павлѣ, по его почину, и потомъ настойчиво поддерживаемъ былъ академическимъ правленіемъ не далѣе какъ на другой мѣсяцъ по прибытіи преосвященнаго Амвросія на казанскую паству, когда онъ менѣе всего могъ не желать существованія Захаріе-Елисаветинской церкви. Лично самъ преосвященный Амвросій только завершилъ этотъ вопросъ, приказавъ разобрать церковь, пришедшую уже въ крайнюю ветхость, до безобразія.

Е. А. Малову хотѣлось бы скорѣе исправить ее, а не уничтожать. Такъ. Но зачѣмъ было ее исправлять, когда не существовало болѣе новокрещенскихъ школъ, для которыхъ она была и назначена? Вѣдь не возстановили же обгорѣлой церкви въ зданіяхъ казанской семинаріи при ихъ отстройкѣ въ 1862 году подъ торговыя помѣщенія; вѣдь уничтожили же святительскую церковь на дворѣ 1-й гимназіи въ недавнее время, какъ ненужную? И не кого и не за что здѣсь винить за эти распоряженія. Всему свое время. Устроилась на мѣстѣ Новокрещенскихъ школъ учительская семинарія—явилась при ней и Захаріе-Елисаветинская церковь (стало льзя поднять ее изъ развалинъ); поселилась въ торговыхъ помѣщеніяхъ опять семинарія—явилась снова и церковь.

Если при преосвященномъ Павлѣ Зерновѣ, когда съ постоя въ зданіяхъ Новокрещенскихъ школъ получалось по 500 рублей въ годъ [2], ничего не было дѣлаемо по поддержкѣ не нужной церкви, когда она лишь только начинала разрушаться, и была, предполагается, процентовъ на 15 прочнѣе того, какою стала къ 1825 году, то при преосвященномъ Амвросіѣ Протасовѣ приступить къ ея исправленію—въ ряду неотложныхъ нуждъ къ возведенію изъ-подъ пепла академіи—было бы вовсе неумѣстно. А когда архитекторъ Емельяновъ забраковалъ предлагаемые отъ разборки церкви матеріалы къ исправленію зданій академіи, то естественно было, для той же цѣли, эти матеріалы перевести на деньги, что и сдѣлалъ преосвященный Амвросій. Въ томъ же предложеніи отъ 23 апрѣля 1825 года семинарскому правленію онъ писалъ: „....а разобравъ, матеріалы оной (церкви) продать въ пользу семинаріи" [3].

---

[1]) Дѣло того же архива за 1816 г. отъ 10 мая № 48 на 2 лист. «о разобраніи церкви Захаріи и Елисаветы».

[2]) Дѣло того же архива за 1816 г. отъ 10 октября № 92 «съ запросомъ изъ каз. консисторіи: нуженъ ли домъ Новокр. школъ академіи?»

[3]) Дѣло архива каз. сем. за 1825 г. отъ 23 апрѣля № 103 «о разборкѣ Захаріе-Елисав. церкви, что въ Новокр. школахъ» л. 1-й. А. М.

Предполагать же, чтобы преосвященный Амвросій не сочувствовалъ миссіонерскому дѣлу или былъ холоденъ къ нему—мы не имѣемъ рѣшительно никакого основанія, послѣ того, когда намъ, а Малову какъ спеціалисту профессору и тѣмъ болѣе, достовѣрно извѣстно какъ онъ ревновалъ о миссіонерской постановкѣ образованія въ семинаріи и училищахъ, „дабы за прекращеніемъ обученія въ Новокрещенскихъ школахъ инородческихъ дѣтей—изучившіяся священноцерковнослужительскія дѣти, по произведеніи ихъ во священство, могли на природныхъ языкахъ инородцевъ объяснять инородческимъ племенамъ ученіе вѣры и совершать богослуженіе на оныхъ"; какъ онъ заботливо руководилъ переводами Новаго Завѣта на инородческіе языки чрезъ членовъ сотовариществъ казанскаго комитета библейскаго общества, и какъ спѣшилъ разсылать эти переводы въ Чувашскія, Черемисскія и Мордовскія села со внушеніемъ священнослужителямъ во всѣхъ потребныхъ случаяхъ и въ церкви, и въ домахъ читать инородцамъ Новый Завѣтъ на родномъ ихъ языкѣ; какъ отечески убѣждалъ онъ „священнослужителей, умѣющихъ читать, разумѣть и изъяснять божественное ученіе Искупителя на природномъ татарскомъ языкѣ (по переводу евангелія на ономъ Митчеля и Нордманна), разлiять большій свѣтъ въ татарахъ, уже принявшихъ Евангеліе Іисуса Христа и посредствомъ ихъ дѣйствовать сколько возможно и на тѣхъ, кои обольщаются и увлекаются пустыми призраками магометанства"; какъ всемѣрно старался онъ отыскать лицъ, знающихъ основательно казанское татарское нарѣчіе, дабы чрезъ нихъ совершить переводъ Новаго Завѣта на это нарѣчіе, и проч. и проч.; онъ же первый изъ казанскихъ владыкъ предложилъ синоду о нуждѣ—для истиннаго просвѣщенія свѣтомъ вѣры Христовой казанскихъ инородческихъ племенъ—переложить на ихъ языки богослужебныя книги, дабы они слышали величія Божія на природныхъ языкахъ, безъ чего не полагалъ онъ, чтобы когда-либо просвѣтились инородческія племена свѣтомъ вѣры, и проч.

Да не подумаетъ кто-либо, что я, защищая преосвященнаго Амвросія отъ нареканій по дѣлу упраздненія имъ Захаріе-Елисаветинской церкви, тѣмъ самымъ склоняюсь на сторону вандализма. Вниманіе двухъ археологическихъ обществъ: казанскаго—археологіи, исторіи и этнографіи и московскаго императорскаго—исторіи и древностей россійскихъ, избравшихъ меня въ свои члены, достаточная порука моихъ взглядовъ на памятники старины. Построенная „насильно, на досаду въ близости живущихъ татаръ", церковь Захаріи и Елисаветы въ самомъ фундаментѣ своемъ не заключала прочныхъ основъ къ долгому существованію, какъ и школы при ней, основанныя и державшіяся съ тѣми же аттрибутами насилія и досады, не могли быть ни плодоносны, ни растимы, и они пали чрезъ 50 лѣтъ, давъ епархіи нѣсколькихъ негодящихъ, безнравственныхъ причетниковъ [1]).

Аполлонъ Можаровскій.

---

[1]) «Сборн. древн. каз. епархіи» Любарскаго, стр. 102 и 103; «Чтен. въ имп. общ. истор. и др. Рос.» за 1859 г. кн. III, отд. II, стр. 64 и 65; «Правосл. Обозр.» за 1868 г., іюл. кн., стр. 373.

II.

Съ глубокою благодарностію къ автору прочиталъ я въ „Русской Старинѣ" умѣлое, правдивое и въ высшей степени сочувственное изображеніе личности преосвященнаго Амвросія Протасова, сказавшейся въ его словѣ и жизни. Я тѣмъ болѣе благодаренъ автору, что его „изображеніе", быть можетъ, вразумитъ по крайней мѣрѣ современныхъ, не всегда призванныхъ, сказателей казанскаго прошлаго, что звонить про человѣка, не справившись со святцами, куда какъ не хорошо [1]).

Поставляя своимъ долгомъ строгое служеніе правдѣ во всю жизнь, преосвященный Амвросій неизбѣжно долженъ былъ во имя этой правды и долга вести борьбу со зломъ, какое ему приходилось встрѣчать на поприщѣ его высокаго служенія, особенно въ Казани, которая не только не оправдала его надеждъ, но даже своими житейскими дрязгами и интригами въ лицѣ членовъ консисторіи и гражданскихъ властей довела дѣло до того, что синодъ назначаетъ – не бывалую въ его практикѣ – ревизію епархіальнаго управленія, а губернаторъ Розенъ доноситъ на владыку, что онъ, въ ряду безпокойныхъ людей, состоитъ въ связяхъ съ „дерзкимъ" Магницкимъ, имѣвшіе своимъ послѣдствіемъ переводъ владыки Амвросія изъ старшей въ іерархическомъ порядкѣ епархіи казанской въ младшую – тверскую человѣка, который все время управленія казанскою паствою „болѣзновалъ о братіи своей по духу (паствѣ), дондеже вообразится въ ней Христосъ", и, преслѣдуя систематическое взяточничество консисторіановъ, самъ „сребра, или злата, или ризъ ни отъ единаго изъ нихъ не возжелалъ, но единаго желалъ имъ, да будутъ они сами сребро разжено, искушено и очищено седмерицею" [2]). И хотя пропитанные взяточничествомъ, произволомъ и всяческими кляузами консисторіалы въ теченіе десятилѣтняго управленія казанскою епархіею преосвященнаго Амвросія не очистились и пятерицею, и не только не разожглись (умягчились), но еще болѣе ожестѣли, дозволивъ себѣ даже самого владыку безсовѣстно облыгать предъ синодомъ, тѣмъ не менѣе преосвященный Амвросій отребилъ епархію отъ тѣхъ безобразій, какія указанные консисторіалы успѣли натворить въ ней при его предшественникѣ, архіепископѣ Павлѣ Зерновѣ, и особенно въ періодъ междуархіерейства въ Казани отъ смерти послѣдняго, 14 января 1815 г., и до прибытія въ Казань пр. Амвросія, 25 марта 1816 г.

Такъ, не смотря уже на столѣтнее существованіе семинаріи въ Казани, возведенной даже въ 1797 году въ званіе и достоинство академіи, епархія наполнена была попами изъ необучавшихся [3]), между которыми попадались

---

[1]) По послѣднему обстоятельству, въ защиту отъ нареканій на преосвящ. Амвросія Протасова, напечатана выше въ «Русской Старинѣ» (стр. 355—360) особая статья, которая сообщена г. А. Можаровскимъ подъ живымъ впечатлѣніемъ статьи В. И. Жмакина, главнымъ образомъ составленной по воспоминаніямъ Мих. Макс. Попова († 1872 г.). Ред.

[2]) Слова изъ прощальной бесѣды преосвящ. Амвросія съ казанскою паствою. Прощаніе Казани съ преосвящ. Амвросіемъ мною напечатано въ «Извѣстіяхъ по казанской епархіи» за 1876 г. № 11-й.

[3]) По исчисленіямъ, сдѣланнымъ казанскою консисторіею при учрежденіи въ 1832 году въ Симбирской губерніи особой епархіи, оказалось, что и тогда въ Казанской губерніи число ученыхъ священниковъ въ сравненіи съ неучеными

и такіе, которые не умѣли даже, по выраженію святителя Новгородскаго Геннадія, едва едва брести по книгѣ. И такихъ то поповъ наставила въ инородческой епархіи консисторія за взятки [1]), пользуясь слабостію архіепископа Павла, у котораго вся жизнь прошла въ борьбѣ Бахуса съ Минервой [2]), и особенно въ междуархіерейство, когда консисторія дѣйствовала при опредѣленіи на мѣста вполнѣ безконтрольно, отсылая опредѣляемыхъ ею кандидатовъ на священство только къ посвященію къ архіерею на Вятку или Пензу. „Чтобы избавить епархію и духовенство отъ стыда и поношенія", преосвященный Амвросій, послѣ перваго же объѣзда по епархіи, всѣхъ безграмотныхъ поповъ, какіе ему встрѣтились въ объѣздѣ, записалъ (ихъ) въ русскую школу при академіи, для наученія читать и пѣть въ твердость, и такъ продолжалъ поступать со всѣми членами причта, какъ скоро гдѣ открывался ему безграмотный клирикъ [3]).

Считая академію, яко мѣсто по всѣмъ отношеніямъ нужнѣйшее для образованія епархіи и приведенія ея „въ то состояніе, въ которомъ находятся другія благоустроенныя епархіи", преосвященный Амвросій весь и всецѣло отдался ея устроенію, внѣшнему и внутреннему. Въ жизни академіи все одинаково было важно для преосв. Амвросія, начиная отъ непроизводительно затраченной распорядителями порціи бурсацкой каши и до тѣхъ тысячъ, на которыя должна была отстраиваться академія послѣ пожара 3 сентября 1815 года, и которыя негласно уходили куда-то изъ рукъ приставниковъ-строителей,—отъ преподаванія латинскаго элементаря въ классахъ информаторическихъ и до преподаванія философскихъ и богословскихъ системъ въ классахъ философскомъ и богословскомъ,—отъ школьной шалости информаториста и до поклоненія Бахусу кого-либо изъ студентовъ философіи или богословія. Преосвященный Амвросій не наѣзжалъ только въ академію, какъ то практиковали его собраты, на народныя торжества въ родѣ диспутовъ или публичныхъ экзаменовъ,—нѣтъ, онъ, такъ сказать, постоянно былъ въ академіи, и благодаря этой бдительности владыки, академія стала отвѣчать характеру пастырской школы и своему назначенію: бездарность сама убралась изъ академіи, на мѣсто ея явились даровитые профессора, непризванные къ администраторству замѣнены отвѣчающими лицами, инспекція и экономія поручены лицу справедливѣе и честнѣе, кажется, самого Аристида [4]).

Вводя строгій порядокъ во всѣхъ частяхъ епархіальнаго управленія,

---

было менѣе половины, а въ Симбирской губерніи ученыхъ менѣе пятой части противъ неученыхъ. (См. копію съ доклада Синода объ учрежденіи въ Симбирскѣ особой епархіи въ дѣлѣ о семъ казан. консисторіи).

[1]) См. объ этомъ въ моей замѣткѣ: «Происхожденіе фамилій по дух. вѣдомству». «Казан. губ. вѣдомости» за 1871 г. № 73.

[2]) Преосвящ. Павелъ насколько былъ уменъ, настолько же и не воздерженъ. Много неприличныхъ сказаній о немъ ходитъ по Казани и по сіе время, и народная молва самое сокрытіе мощей св. Гурія въ пожаръ 1815 г. приписала тому, что святитель не пожелалъ почивать болѣе тамъ, гдѣ похоронили разгуляя архіерея.

[3]) См. Дѣла архива старой каз. акад. за 1816 г. № 81 и за 1817 г. № 121.

[4]) См. мою «Старую казанскую академію» или въ отдѣльномъ изданіи, Москва, 1877 г., или въ «Чтеніяхъ имп. общ. исторіи и древн. россійскихъ при моск. университетѣ» за 1877 г. кн. 2-я. А. М.

уничтожая невѣжество въ духовенствѣ и непосредственно и посредствомъ школы, возвышая академію до отвѣчающаго цѣли уровня, преосвященный Амвросій всей душей болѣзновалъ и объ инородческихъ племенахъ своей паствы. Еще до открытія отдѣленія библейскаго общества въ Казани, дѣломъ котораго былъ переводъ Новаго Завѣта на инородческіе языки, преосвящ. Амвросій ввелъ, сверхъ преподаванія татарскаго языка, при академіи обученіе языкамъ чувашскому и черемисскому, побуждаясь къ тому слѣдующими соображеніями: „какъ знатная часть обитателей казанской епархіи состоитъ изъ чувашъ и черемисъ крещеныхъ, кои однакожъ, особливо женскій полъ, не только славянскаго, на которомъ отправляется священнослуженіе, но и россійскаго, на которомъ священнослужители могутъ поучать ихъ истинамъ христіанскаго закона, или совсѣмъ не знаютъ, или знаютъ, но очень мало: потому необходимо нужно, чтобы священнослужители, въ таковыхъ селеніяхъ находящіеся, знали ихъ природный языкъ, дабы могли на ономъ поучать ихъ и наставлять въ христіанской вѣрѣ, безъ чего навсегда останутся они полуобращенными христіанами. Для сего нужнымъ почитаю имѣть при академіи классы сихъ языковъ“ [1]). А когда открылось отдѣленіе библейскаго общества (20 янв. 1818 г.), менѣе чѣмъ въ четыре года были уже готовы переводы Новаго Завѣта на языки казанскихъ инородцевъ: чувашъ, черемисъ, мордвы и вотяковъ, и только перевода Новаго Завѣта на казанское татарское нарѣчіе казанскимъ отдѣленіемъ библейскаго общества сдѣлано не было, не смотря на всѣ старанія преосвященнаго Амвросія отыскать лицъ, знающихъ основательно татарскій языкъ, и чрезъ нихъ совершить переводъ евангелія на казанское татарское нарѣчіе; учитель же татарскаго языка при академіи Онисифоровъ зналъ татарскій языкъ болѣе лексикально, чѣмъ грамматически и къ этому дѣлу не годился, что онъ доказалъ послѣ и на дѣлѣ неудовлетворительнымъ переводомъ. „Начатковъ христіанскаго ученія“. Какъ скоро переводы Новаго Завѣта на инородческіе языки были готовы, преосвященный Амвросій разослалъ во всѣ, состоящія изъ крещеныхъ чувашъ, черемисъ и мордвы, села по пяти экземпляровъ этихъ переводовъ, предписавъ священноцерковнослужителямъ во всѣхъ потребныхъ случаяхъ и въ церкви, и въ домахъ читать Новый завѣтъ на родномъ языкѣ инородцевъ [2]). Какъ ни отрадны были донесенія причтовъ о благотворномъ вліяніи на инородцевъ переводовъ евангелій на ихъ языки, но преосвященный Амвросій не ожидалъ вѣрныхъ плодовъ и отъ этой спасительной мѣры. Вотъ что полагалъ онъ нужнымъ сдѣлать въ дополненіе къ предпринятой уже мѣрѣ, для полученія добрыхъ плодовъ, въ своемъ представленіи св. синоду: „соображая невѣжество племенъ инородческихъ, незнаніе ими богослужебнаго россійскія церкви языка, а иногда незнаніе ихъ языка священниками, въ приходы коихъ опредѣляются, по недостатку знающихъ тѣ языки, и незнающіе оныхъ, не полагаю я, чтобъ когда-либо просвѣтились они свѣтомъ вѣры, если не будутъ переложены на ихъ нарѣчіе по крайней мѣрѣ нѣкоторыя богослужебныя книги. Ибо хотя для пользы ихъ и переведенъ уже на языки чувашскій и черемисскій весь Новый Завѣтъ нѣкоторыми изъ священнослужителей казанской епархіи, подъ

[1]) См. дѣло архива стар. каз. акад. за 1817 г. № 34 «о составленіи азбуки, букваря и грамматики на чувашскомъ и черемисскомъ языкахъ».

[2]) Извѣстія о библейскихъ обществахъ за 1824 г. № 7, стр. 298; № 8, стр. 320—21.

непосредственнымъ смотрѣніемъ и наставленіемъ моимъ, но и отъ сей спасительной мѣры не могу я ожидать вѣрныхъ плодовъ, ежели предварительно не уразумѣютъ они самаго богослуженія, цѣли и существа обрядовъ его, слыша величія Божія на ихъ природномъ языкѣ. Почему нахожу нужнымъ изучившихся инородческимъ языкамъ преимущественно опредѣлять въ села чувашскія и черемисскія, дабы они могли на природныхъ языкахъ объяснять племенамъ чувашскимъ и черемисскимъ ученіе вѣры и прочитывать переведенныя на тѣ языки книги, а также совершать богослуженіе на оныхъ, когда переложено оно будетъ и напечатано" [1]). Вскорѣ затѣмъ преосвященный Амвросій представилъ въ св. синодъ рукописный переводъ на черемисскій языкъ литургіи, учиненный священникомъ Андреемъ Альбинскимъ, и при этомъ писалъ: „когда по распоряженію моему въ нѣкоторыхъ селахъ литургія на черемисскомъ языкѣ въ переводѣ Альбинскаго была прочитываема черемисамъ, тогда они съ удивленіемъ признавались, что они только въ сіе время понимаютъ силу и содержаніе оной, а прежде сего думали, что ихъ принуждаютъ въ церковь ходить только для того, чтобы молиться за русскихъ; теперь же видятъ, что въ церкви молятся за весь міръ и за нихъ самихъ. Это собственныя слова черемисъ, коимъ прочитываема была литургія" [2]). Но эта литургія отъ св. синода не получила желаемаго исхода, а потому и другія богослужебныя книги въ переводахъ на инородческіе языки въ печати не показывались [3]).

Оказывается, св. синодъ не внялъ тогда гласу просвѣщеннаго архипастыря инородческой паствы, не обратилъ должнаго вниманія на указываемую мѣру истиннаго просвѣщенія христіанствомъ инородческихъ племенъ, не смотря на то, что имѣлъ предъ собою примѣръ св. Стефана—просвѣтителя Перми, который началъ благовѣствованіе Христово странѣ той переложеніемъ книгъ какъ св. писанія, такъ равно и богослужебныхъ, дабы на природномъ языкѣ совершать молитвословія и богослуженіе предъ народомъ, невѣдавшимъ таинъ откровенія, и на примѣръ котораго преосвященный Амвросій ссылался предъ синодомъ. Послѣдствія этого невниманія сказались весьма скоро въ цѣломъ рядѣ отпаденій крещеныхъ казанскихъ инородцевъ отъ христіанства въ язычество и магометанство, которыя начались какъ разъ при указанномъ синодомъ преемникѣ преосвященнаго Амвросія, архіепископѣ Іонѣ, и продолжаются доднесь, такъ что казанская церковь болитъ объ отпадшихъ чадахъ своихъ болѣзнями рождающей (parturio) уже болѣе полвѣка, плачетъ о нихъ, какъ Рахиль неутѣшная, яко не суть, и не вѣдаетъ: какой она обрящетъ плодъ Господеви отъ совокупныхъ дѣйствій пастырства, академіи и такого учрежденія, какъ братство св. Гурія съ его центральной крещенской школой.

Указанная преосвященнымъ Амвросіемъ мѣра, оставленная во время благопотребное синодомъ втунѣ, воскресла къ жизни уже въ наши дни, когда перепробованы были всѣ возможныя мѣры къ удержанію крещеныхъ инородцевъ въ христіанствѣ и къ пресѣченію отпаденій. Мѣра эта воскресла по

[1]) Это представленіе преосвящ. Амвросія приводится въ Статистическомъ описаніи Казанской епархіи». Рук. библ. Каз. акад.

[2]) «Прав. Собесѣд.» за 1858 г., ч. III, стр. 480.

[3]) О дѣятельности преосвящ. Амвросія на пользу миссіонерства см. въ моемъ «Изложеніи хода миссіонерскаго дѣла по просвѣщенію христіанствомъ казанскихъ инородцевъ съ 1552 по 1867 г.» Москва 1880 г., стр. 109—115 и 119.

иниціативѣ Н. И. Ильминскаго и поддержана православнымъ миссіонерскимъ обществомъ, которое въ 1876 году учредило на свои средства при братствѣ св. Гурія спеціальную переводческую коммисію изъ отмѣнныхъ знатоковъ дѣла для перевода священныхъ, богослужебныхъ и духовнонравственныхъ книгъ на. языки инородцевъ Поволжья и Сибири.

И такого-то архипастыря „искусившаяся во всевозможныхъ кляузахъ" казанская епархіальная и гражданская администрація исторгла отъ себя и приняла на его мѣсто его недруга, недуживаго Іону, съ которымъ на Казань обрушились тѣ печали, отъ которыхъ она сѣтуетъ донынѣ, и отъ которыхъ плохо приходится и представителямъ епархіальной и гражданской власти, примѣръ чему мы видимъ на преосвященномъ Аѳанасіи и губернаторѣ Н. Я. Скарятинѣ.

Г. Жмакинъ годъ смерти архіепископа Іоны указываетъ 1833 [1]). Это указаніе невѣрно: Іона скончался 3-го февраля 1828 года [2]).

Затѣмъ г. Жмакинъ въ своемъ очеркѣ объ Амвросіи Протасовѣ допустилъ и другую историческую невѣрность. Сообщая о кружкѣ почитателей преосвященнаго Амвросія, собиравшихся къ нему на бесѣду то въ городской архіерейскій домъ, то нерѣдко въ лѣтнюю резиденцію казанскихъ архіепископовъ—Іерусалимъ, г. Жмакинъ говоритъ далѣе: „такъ назывался казанскій загородный архіепископскій домъ, расположенный неподалеку отъ озера Кабанъ и основанный любимцемъ Екатерины II, архіепископомъ казанскимъ Амвросіемъ Подобѣдовымъ, который при щедромъ пособіи императрицы построилъ тамъ себѣ настоящій дворецъ и жилъ въ немъ съ роскошью католическаго прелата, задавая пиры чуть не для всей казанской знати" [3]). Это не вѣрно. И во 1-хъ не вѣрно то, что лѣтняя резиденція казанскихъ архіепископовъ—Іерусалимъ основанъ Амвросіемъ Подобѣдовымъ и во 2-хъ не вполнѣ вѣрно то, что въ этомъ дворцѣ Амвросій Подобѣдовъ задавалъ пиры чуть не для всей казанской знати.

1) Казанскій загородный архіерейскій домъ въ Воскресенскомъ монастырѣ—Іерусалимъ основанъ и выстроенъ при митрополитѣ Веніаминѣ Пуцекъ-Григоровичѣ. Дѣло было такъ. Вскорѣ по освобожденіи Казани отъ Пугачева императрица учредила здѣсь слѣдственную комиссію, подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго камеръ-юнкера П. С. Потемкина, надъ всѣми участниками бунта окрестныхъ мѣстностей, какія попадались въ руки правительства. Для помѣщенія комиссіи преосвященный Веніаминъ уступилъ свой домъ въ Кремлѣ, а самъ выѣхалъ для жительства въ свой загородный домъ въ селѣ Савиновѣ. Но ему не долго пришлось жить здѣсь: 13-го октября 1774 г. онъ былъ вызванъ въ Казань въ архіерейскій домъ подъ предлогомъ нужнѣйшихъ переговоровъ съ Потемкинымъ по дѣламъ относительно Пугачева, но едва явился на этотъ зовъ, какъ къ величайшему изумленію получилъ объявленіе о томъ, что онъ самъ обвиняется въ сношеніяхъ съ Пугачевымъ и потому долженъ оставаться въ своей кельѣ безвыходно подъ арестомъ до

---

[1]) См. стр. 624, примѣч.

[2]) См. объ этомъ мою спеціальную статью во 2 № Извѣстій по каз. епархіи за 1873 г. подъ заглавіемъ: «Преосвященный Іона, архіепископъ казанскій и симбирскій. Его рѣчь при вступленіи въ управленіе казанскою епархіею и надгробныя надъ нимъ отъ пасомыхъ».

[3]) См. стр. 628. А. М.

окончанія слѣдствія. Виновникомъ клеветы на Веніамина былъ казанскій дворянинъ Илья Аристовъ. Когда же клевета обнаружилась, императрица именнымъ указомъ, даннымъ синоду 26-го января 1775 г., возвела преосвященнаго Веніамина въ санъ митрополита. Вотъ текстъ этого указа и особаго рескрипта къ новопожалованному митрополиту: „Указъ святѣйшему синоду. Дознавъ твердо невинность преосвященнаго Веніамина, архіепископа казанскаго, по дѣламъ о мятежѣ тамошняго края, гдѣ онъ нагло обнесенъ былъ бездѣльникомъ Аристовымъ, въ награжденіе его добродѣтели, удовлетворяя тѣмъ и самое правосудіе, всемилостивѣйше повелѣли мы именоваться ему отнынѣ митрополитомъ казанскимъ, и носить ему по обычаю бѣлый клобукъ. Екатерина. Москва, 1775 года января 26 го дня". Рескриптъ: „Преосвященный митрополитъ Веніаминъ казанскій! По пріѣздѣ моемъ въ Москву, первымъ попеченіемъ было для меня разсматривать дѣла бездѣльника Аристова, и узнала я къ крайнему удовольствію моему, что невинность вашего преосвященства совершенно открылась. Покройте почтенную главу вашу симъ отличнымъ знакомъ чести [1]); да будетъ оный для всякаго всегдашнимъ напоминновеніемъ торжествующей добродѣтели вашей; позабудьте прискорбіе и печаль, коя васъ уязвили; припишите сіе судьбѣ Божіей, благоволившей васъ прославить по нещастныхъ и смутныхъ обстоятельствахъ тамошняго края; принесите молитвы Господу Богу; а я съ отмѣннымъ доброжелательствомъ есмь Екатерина. Москва, 1775 года генваря 26-го дня" [2]). Не переставала императрица награждать Веніамина и послѣ возведенія его въ митрополиты. Такъ, узнавъ, что преосвященный Веніаминъ—за негодностію къ жилью кремлевскаго архіерейскаго дома [3]), проживаетъ въ загородномъ домѣ въ селѣ Савиновѣ [4]), который тоже очень плохъ отъ повреждeній, произведенныхъ въ немъ пугачевцами, и отъ ветхости, императрица пожелала доставить митрополиту вполнѣ спокойное жилище. Почему на другой же мѣсяцъ по пожалованіи его въ санъ митрополита, она указомъ отъ 12 февраля 1775 г. повелѣвала казанскому губернатору, ген. П. С. Мещерскому, сдѣлать распоряженіе и составить смѣту какъ на приспособленіе и очищеніе кремлевскаго архіерейскаго дома, который былъ въ великомъ упадкѣ и раззореніи, такъ и на постройку новаго загороднаго дома, но уже не въ селѣ Савиновѣ, а при Воскресенскомъ монастырѣ, что на оренбургской дорогѣ на нагорной сторонѣ озера Кабана, и, не дожидаясь смѣты, приказала немедленно приступить къ сооруженію послѣдняго. Домъ этотъ, весьма богатый, былъ отдѣланъ въ 1781 году, за годъ до увольненія на покой „за болѣзнію и немощами" въ Седміезерную пустынь митрополита Веніамина, и суще-

---

[1]) Говорится про бѣлый клобукъ, посланный при семъ, съ крестомъ наономъ, «составленнымъ изъ большихъ бриліантовъ, который до того монархиня въ складняхъ на себѣ носить изволила». «Сборникъ древностей каз. епархіи» Платона Любарскаго, стр. III, Казань, 1868 г.

[2]) Тамъ же стр. 112 и 113.

[3]) Домъ этотъ за 30 лѣтъ выдержалъ три опустошительныхъ пожара 1742, 1749, 1757 гг. и пугачевскій погромъ 1774 г., ibid. стр. 100, 101, 106.

[4]) Ibid. стр. 141. Въ селѣ Савиновѣ и понынѣ указываютъ мѣсто, на которомъ стояли деревянныя палаты его къ сѣверу за оградой церкви. Село это принадлежало къ архіерейскимъ владѣніямъ. А. М.

ствуетъ донынѣ [1]). Между тѣмъ проэкты, планы и смѣты, составленные Мещерскимъ на сооруженія, исправленія и починки зданій духовнаго вѣдомства, какъ-то соборовъ, консисторіи и семинаріи, потерпѣвшихъ въ пугачевскій погромъ Казани, хотя и были отосланы куда слѣдуетъ, но не получили желаемаго исхода: ихъ накрылъ циркулярный указъ св. синода отъ 7 сентября 1788 года, которымъ предписано было, чтобы, по силѣ учиненнаго въ правительствующемъ сенатѣ опредѣленія, всѣ по духовнымъ мѣстамъ оказывающіяся въ строеніяхъ ветхости исправляемы были на отпускаемую по штатамъ сумму, отнюдь не требуя больше изъ казны.

27-го марта 1785 года былъ назначенъ въ архіепископа казанскаго, послѣ Антонія Зыбелина, преосвященный крутицкій Амвросій Подобѣдовъ. По прибытіи въ Казань преосвященный Амвросій помѣстился для жительства въ построенномъ при м. Веніаминѣ загородномъ домѣ въ Воскресенскомъ монастырѣ. Но онъ не находилъ этого помѣщенія удобнымъ потому, что оно находилось отъ Казани въ 7-ми верстахъ; въ осеннее и весеннее время труденъ былъ проѣздъ для служенія; въ городѣ не было пристанища для отдыха и въ холодное время для обогрѣнія; бѣдные и престарѣлые просители, по дороговизнѣ найма для переѣздовъ въ зимнее и грязное время, терпѣли большое затрудненіе, а между тѣмъ въ консисторіи въ теченіи епархіескихъ дѣлъ происходило замедленіе. Почему преосвященный Амвросій испросилъ разрѣшеніе на постройку архіерейскаго дома въ самомъ городѣ [2]), который за силою указа 7-го сентября долженъ былъ строиться на незначительную штатную сумму, ассигнуемую по содержанію казанскаго архіерейскаго дома на исправленіе ветхостей. Въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ императрица Екатерина II и могла щедро пособить своему любимцу и тѣмъ дать ему возможность построить себѣ настоящій дворецъ.

Скромный на цитаты вообще, В. И. Жмакинъ не указываетъ и того, откуда онъ почерпнулъ свѣдѣнія объ основаніи казанскаго загороднаго дома—Іерусалима Амвросіемъ Подобѣдовымъ. Если предположить, что онъ въ данномъ случаѣ говоритъ на основаніи „Историческаго словаря о писателяхъ духовнаго чина“ митр. Евгенія, гдѣ объ Амвросіи Подобѣдовѣ сказано (стр. 30, т. I. изд. 1827 г.), что онъ обстроилъ загородный архіерейскій домъ въ Казани (но обстроить еще не значитъ основать, да и что обстраивать было въ немъ въ 1785 году, когда онъ только лишь вышелъ изъ рукъ въ 1781 г.?), но тамъ же говорится, что онъ построилъ вновь семинарію, сгорѣвшую въ 1774 году, и выстроилъ вновь школы, такъ называемыя Новокрещенскія; тогда какъ въ дѣйствительности было все гораздо проще. Такъ, изъ пространства, занимаемаго казанскою семинаріею во 103 сажени 3 аршина, преосвященный Амвросій на мѣстѣ развалившихся покоевъ правда построилъ новые на протяженіи 48 саженъ, но это еще не значитъ построить вновь семинарію [3]); Новокрещенскихъ школъ Амвросій Подобѣдовъ также не строилъ вновь, а

---

[1]) См. исторію Нижегородской іерархіи стр. 137. Спб. 1857 г.; ст. Веніаминъ, митрополитъ казанскій въ «Странникѣ» за 1866 г. ян. кн., стр. 56; въ «Правосл. собесѣд.» за 1874 г. іюн. кн., стр. 121, ст. «Сто лѣтъ тому назадъ».

[2]) См. въ «Странникѣ» за 1860 г. майск. кн., стр. 169, ст. Чистовича: «Амвросій Подобѣдовъ, митрополитъ Новгородскій».

[3]) См. мою спеціальную статью объ этомъ въ «Правосл. Собесѣд.» за 1868 г. окт. кн. «Исторія построенія каменной семинаріи въ Казани».

А. М.

только перестроилъ старыя сообразно съ общимъ городовымъ планомъ, апробованнымъ для Казани императрицей [1]).

Вообще, надобно сказать правду: въ вопросѣ о казанскомъ загородномъ архіерейскомъ домѣ въ Воскресенскомъ монастырѣ сбиваются всѣ, такъ или иначе касавшіяся сказанія о немъ. Такъ, профессоръ Знаменскій въ статьѣ «Сто лѣтъ тому назадъ» въ сказаніи объ Іерусалимѣ договорился до противорѣчія себѣ, и чтобы нѣсколько сгладить это противорѣчіе, онъ, не забывая Савиновскаго дома, склоняется признать существованіе загороднаго архіерейскаго дома въ Воскресенскомъ монастырѣ до 1775 года (стр. 110), а императрица-де, не переставая награждать Веніамина и послѣ возведенія его въ митрополиты, указала только казанскому губернатору Мещерскому немедленно составить смѣту для устроенія новаго дома въ Воскресенскомъ монастырѣ (стр. 121). Профессоръ Чистовичъ въ статьѣ «Амвросій Подобѣдовъ, митрополитъ новгородскій» о казанскомъ архіерейскомъ домѣ или не договорилъ, или наговорилъ несообразностей. Такъ, признавая, что загородный архіерейскій домъ—Воскресенскій былъ построенъ при Веніаминѣ (стр. 169), профессоръ Чистовичъ заставляетъ князя Мещерскаго въ 1775 году составлять смѣту по указу государыни, вопреки Знаменскому, не для загороднаго дома въ Воскресенскомъ монастырѣ, а для новаго дома въ Кремлѣ (стр. 166), тогда какъ выше (стр. 165) самъ же говоритъ, что кремлевскій архіерейскій домъ указывалось только очистить. Въ томъ-то и дѣло, что профессоръ Чистовичъ смѣшиваетъ двѣ совершенно различныхъ по назначенію смѣты Мещерскаго въ одну—съ однимъ назначеніемъ, тогда какъ у Мещерскаго раздѣльно назначалось: на постройку дома въ Воскресенскомъ монастырѣ 24,710 р. 8 к., а на очищеніе кремлевскаго дома и поправки къ нему только 5,236 р. 94 к. Не разобравъ различныхъ назначеній въ смѣтахъ, г. Чистовичъ соединилъ эти смѣты въ одну и пріурочилъ ихъ къ кремлевскому дому. Но замѣчательно, что современный митрополиту Веніамину Платонъ Любарскій, бывшій въ то время ректоромъ казанской семинаріи, въ своемъ «Сборникѣ древностей Казанской епархіи» ни слова не проронилъ ни о кремлевскомъ домѣ, ни, тѣмъ болѣе, о домѣ загородномъ—Воскресенскомъ, тогда какъ въ сказаніяхъ о другихъ архіереяхъ онъ не скупится на сообщенія о вещахъ куда меньшей важности, напримѣръ, при такомъ-то архіереѣ въ соборной церкви сдѣланы новыя рамы въ окна, или: при такомъ то домѣ архіерейскомъ кровли покрыты желѣзомъ (стр. 81 и 106); такъ что въ общемъ изъ приведенныхъ разнорѣчивыхъ сказаній однихъ и молчанія другихъ не представляется возможнымъ сказать послѣднее слово о казанскихъ архіерейскихъ домахъ: кремлевскомъ-городскомъ и Воскресенскомъ (Іерусалимъ) загородномъ. Поэтому, хорошо бы сдѣлалъ г. Жмакинъ, если бы указалъ источникъ, откуда онъ заимствовалъ свѣдѣнія объ основаніи загороднаго дома—Іерусалима Амвросіемъ Подобѣдовымъ, и тѣмъ бы, можетъ быть, положилъ конецъ недоразумѣніямъ относительно, по крайней мѣрѣ, этого дома.

2) Казань не помнитъ іерусалимскихъ пировъ при Амвросіи Подобѣдовѣ, но знаетъ ихъ при Павлѣ Зерновѣ, когда тамъ вино пили, вино лили..., какъ на широкой маланьиной свадьбѣ. Въ имѣющемся въ казанской семи-

---

[1]) См. «Странникъ» за 1860 г., майск. кн., стр. 168.

нарской библіотекѣ печатномъ экземплярѣ пѣсни надгробной Павлу, сочиненной учителемъ академіи Мих. Полиновскимъ, противъ словъ: „Ліяевангельскій ей свѣтъ“ строфы:

Померкло кроткое свѣтило
Одиннадцать что слишкомъ лѣтъ
Страну Казанскую живило,
Ліяевангельскій ей свѣтъ.
Изсякъ источникъ......

рукою кого-то изъ современниковъ написано: ironia!

Аполлонъ Можаровскій.

III.

Во время управленія Казанскою епархіею преосвященнымъ Амвросіемъ, отецъ мой занималъ довольно видный постъ въ казанской администраціи, я же былъ еще младенцемъ. Во время кончины архипастыря наше семейство уже проживало въ нашемъ имѣніи Тверской губерніи, и по случаю этой кончины я слышалъ разсказы объ Амвросіи во время бытности его въ Казани.

Изъ этихъ разсказовъ я узналъ, что однимъ изъ главныхъ противниковъ преосвященнаго была игуменья, такъ что весь городъ былъ раздѣленъ на двѣ партіи: партія архіерея и партія игуменьи. Повидимому мои родители принадлежали къ партіи игуменьи, потому что я ничего не слыхалъ объ архіереѣ, а много разговоровъ объ игуменьи, о порядкѣ, который она завела въ монастырѣ, о прекрасномъ хорѣ монастыря, о притѣсненіяхъ, которыя ей дѣлалъ архіерей, и что, наконецъ, она отъ него избавилась; во время этихъ разсказовъ я былъ еще ребенкомъ, и потому многія подробности разсказовъ ускользнули изъ моей памяти, между прочимъ и имя игуменьи, но общій характеръ разсказовъ я помню очень хорошо.

Н. Палибинъ.

Тифлисъ.

КНЯЗЬ МИХАИЛЪ ДМИТРІЕВИЧЪ ГОРЧАКОВЪ ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ.

ЗАПИСКА ФЕЛЬДМАРШАЛА КН. ПАСКЕВИЧА

16-го сентября 1855 г.

Подъ этимъ заглавіемъ мы помѣщаемъ, во второмъ изданіи [1]), письмо генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго графа И. Ѳ. Паскевича-Эриванскаго къ генералъ-адъютанту князю М. Д. Горчакову, диктованное одному изъ близкихъ къ фельдмаршалу лицъ 16-го сентября 1855 года.

Послѣ паденія Севастополя князь Горчаковъ прислалъ къ покойному фельдмаршалу обзоръ дѣйствій своихъ со времени вступленія въ командованіе крымскою арміею. Фельдмаршалъ былъ тогда въ безнадежномъ состояніи, но, несмотря на страданія, онъ, по прочтеніи записки, началъ диктовать 16-го сентября 1855 года свои замѣчанія, которыя, какъ онъ говорилъ: „Рано или поздно займутъ мѣсто въ военной исторіи Россіи". Замѣчанія эти диктованы въ формѣ письма и приведены слово въ слово безъ всякихъ отступленій. Письмо это, по случаю усилившейся болѣзни князя Паскевича, а затѣмъ его смерти въ 1856 г., не было отправлено по назначенію. Ред.

---

[1]) Впервые этотъ документъ былъ изданъ нами въ «Русской Старинѣ» 1872 г., но клочками, въ двухъ разныхъ книгахъ, октябрь и ноябрь. Это обстоятельство, вмѣстѣ съ тѣмъ, что «Русская Старина» 1872 г., имѣвшая два изданія, много уже лѣтъ какъ разошлась сполна, до послѣдняго экземпляра, даетъ намъ поводъ вторично помѣстить въ нашемъ же историческомъ журналѣ Записку князя Варшавскаго графа И. Ѳ. Паскевича-Эриванскаго.

Предсмертная Записка ближайшаго друга императора Николая, его главнаго полководца и «отца-командира», какъ постоянно этотъ государь называлъ Паскевича, имѣетъ, безспорно, важное значеніе какъ для характеристики дѣйствій критикуемаго, т. е. кн. Горчакова, такъ, въ особенности, для оживленія предъ потомствомъ нравственнаго образа его строгаго судіи—кн. Паскевича.

Надѣлавши бездну ошибокъ за Дунаемъ въ 1854 году, явивши постыдную для чести Россіи нерѣшительность въ дѣйствіяхъ, кн. И. Ѳ. Паскевичъ безпощаденъ въ осужденіи крымскаго вождя—кн. М. Д. Горчакова.

Между тѣмъ, до какой степени Паскевичъ считалъ свой судъ надъ вождемъ

Я только что приготовилъ отвѣтъ на послѣднее письмо ваше, любезный князь Михаилъ Дмитріевичъ, какъ получилъ другое, при которомъ приложенъ обзоръ дѣйствій вашихъ въ Крыму. Благодарю васъ за извѣщеніе и за откровенность.

Буду съ вами откровененъ какъ всегда, буду говорить вамъ по убѣжденію. Вотъ уже другой мѣсяцъ какъ я серьезно боленъ; желудокъ ничего не переноситъ, а потому я ослабѣлъ до крайности. Въ болѣзненномъ моемъ положеніи, я въ письмахъ къ вамъ не въ силахъ уже выбирать слова, чтобы смягчать иногда мою мысль; позвольте мнѣ писать такъ, какъ слова приходятъ для выраженія моихъ мыслей.

Думаю, что мнѣ теперь должно говорить то, что̀ моя опытность мнѣ внушаетъ. Простите, если иногда мысли мои не будутъ сходны съ вашими.

Поговоримъ сначала о вашемъ завидномъ положеніи въ мартѣ 1855 года, когда вы были сильнѣе непріятеля 20 или 25-ю тысячами человѣкъ. Отчего вы тогда не начали наступательныхъ дѣйствій, которыя при превосходствѣ вашихъ силъ могли бы имѣть счастливыя и славныя послѣдствія? Вы ничего не предприняли и смотрѣли только, какъ союзникамъ каждый день подвозили свѣжія войска. Словомъ, дали время имъ оправиться, опомниться послѣ убійственной зимы, уничтожившей болѣе половины англійской арміи.

Въ такой нерѣшительности вы простояли мѣсяцъ, и тогда уже было поздно помышлять о наступательныхъ дѣйствіяхъ. Надобно было по необходимости ограничиться пассивною обороною Севастополя, которая, какъ вы пишите, была необходима для удержанія Австріи.

многострадальнаго Севастополя справедливымъ свидѣтельствуетъ то, что онъ, кн. Иванъ Ѳедоровичъ, употребилъ всѣ свои угасавшія силы на отдѣлку вновь печатаемой нами Записки. Онъ ее диктовалъ, оставался недовольнымъ изложеніемъ, поправлялъ, вновь диктовалъ, наконецъ совсѣмъ обдѣлалъ и обточилъ каждое слово, доколѣ слово это, наконецъ, замерло на его помертвѣлыхъ устахъ.

Списки съ письма тогда же разошлись по рукамъ и одинъ изъ служившихъ въ Царствѣ Польскомъ въ 1871 г., Николай Петровичъ Степановъ, весьма обязательно сообщилъ намъ одинъ экземпляръ, который нынѣ мы тщательно свѣрили съ болѣе вѣрнымъ спискомъ того же, вполнѣ историческаго, документа.

Ред.

Отдавая полную справедливость русскому солдату, отстоявшему своею грудью, въ продолженіе 11-ти мѣсяцевъ, земляныя укрѣпленія, и которому, говоря безъ лицемѣрія, Россія единственно обязана безпримѣрною обороною, я однако не могу согласиться, что защитники Севастополя могли помѣшать 200 тысячамъ австрійцамъ вторгнуться въ Польшу. Нѣтъ, ваше сіятельство, не геройская оборона Севастополя остановила австрійцевъ, а благородная твердость короля прусскаго, великодушно забывшаго всѣ наши непростительныя насмѣшки и даже дерзости, которыя столь безразсудно ему дѣлали въ 1848 году и послѣдующихъ годахъ. Еще намъ помогли наши крѣпости въ Польшѣ. Вы, безъ сомнѣнія, забыли все, что мы съ вами писали и говорили, когда я, въ предвидѣніи сбывшихся обстоятельствъ, настаивалъ на необходимости постройки крѣпостей въ избранныхъ пунктахъ. Не для удержанія же только порядка въ Польшѣ согласился покойный государь (Николай I) издержать столько милліоновъ для сооруженія Модлина, Бреста, Ивангорода. Онѣ намъ необходимы какъ оплотъ въ случаѣ европейской коалиціи. Для Польши же во время мира, при энергическомъ правленіи, даже безъ Александровской цитадели, достаточно 30-ти тысячъ человѣкъ. Слѣдственно король прусскій и крѣпости наши въ Польшѣ, вполнѣ оправдавшія въ 1854 и въ 1855 годахъ свое назначеніе, остановили, спасли насъ отъ вторженія, 200 тысячъ австрійцевъ.

Извините, ваше сіятельство, я отвлекся отъ предмета, но необходимо было изложить обстоятельства въ такомъ видѣ, какъ они дѣйствительно должны быть представлены безпристрастнымъ историкомъ, который будетъ описывать событія нынѣшней войны.

Затѣмъ спѣшу возвратиться къ Севастополю. Отъ марта до славно отбитаго штурма вы потеряли передовыя укрѣпленія: Селенгинское, Камчатское, уступили непріятелю безъ выстрѣла Федюхины-горы и Байдарскую долину, гдѣ союзники, какъ въ обѣтованной землѣ, нашли все, что до сихъ поръ имъ недоставало, т. е. воду и траву. Наконецъ, когда подошли къ вамъ сильныя подкрѣпленія, вы вмѣсто того, чтобы маневрировать вдоль Черной, въ тылу непріятеля, съ 50 или 60 тысячами и держать его въ постоянномъ недоумѣніи на счетъ вашихъ намѣреній, что поставило бы его въ весьма затруднительное положеніе,

рѣшились 4-го августа на дѣло несбыточное и пошли, такъ сказать, на проломъ (по-русски, на-авось) атаковать позицію, которая, какъ вы сами говорите, сильнѣе Севастопольскихъ укрѣпленій.

Здѣсь рождается вопросъ: какія стратегическія соображенія могли васъ заставить уступить непріятелю Федюхины-горы? Вѣроятно, чтобы дать ему время укрѣпить ихъ, и когда онѣ сдѣлались неприступными, идти на вѣрное пораженіе, зная, что всякая ваша попытка съ этой стороны, какъ мы сейчасъ же увидимъ изъ вашихъ же словъ, должна быть отбита со стыдомъ и съ большимъ урономъ.

Иначе никакъ не могу объяснить дѣйствій вашихъ подъ Черной, и при всемъ желаніи оправдать ихъ, доходишь, послѣ разбора реляціи сраженія 4-го августа (1855 г.), до грустнаго убѣжденія, что оно принято безъ цѣли, безъ разсчета и безъ надобности, и что всего хуже—окончательно лишило васъ возможности предпринять что-либо впослѣдствіи.

Вы сами пишете: „Наступательное движеніе это, которое было въ видахъ государя императора и при томъ было необходимо для удовлетворенія общаго мнѣнія Россіи (точно Бородинское сраженіе было необходимо прежде отдачи Москвы!), я намѣренъ былъ сдѣлать съ большою осмотрительностію и только при благопріятныхъ обстоятельствахъ, на которыя, впрочемъ, мало разсчитывалъ, перейти къ дѣйствительному наступленію". Приводя параграфъ сей слово въ слово, я дѣлаю нѣкоторыя замѣчанія:

1) Непростительно главнокомандующему писать, что наступательное движеніе это было въ видахъ государя императора. Главнокомандующій, въ извѣстныхъ случаяхъ, долженъ жертвовать всѣмъ для спасенія арміи, а не обвинять Государя, находившагося въ 1,300 верстахъ.

2) Государь, пославшій въ Крымъ, за исключеніемъ гвардіи и 1-го корпуса, всю свою армію, былъ въ правѣ требовать отъ главнокомандующаго, чтобы онъ что-нибудь да дѣлалъ; но ни Государь, ни Россія не могли предвидѣть, что армію поведутъ, такъ сказать, на убой.

3) Никогда не повѣрю, чтобы государь приказалъ вамъ идти на вѣрное пораженіе, зная изъ вашихъ донесеній, что укрѣпленія на Федюхиныхъ-горахъ сильнѣе Севастопольскихъ. Если-бы вы

даже получили такое повелѣніе, тогда вамъ, какъ хранителю русской чести, оставалось изложить то, что совѣсть и долгъ вамъ указывали. А что вамъ указывали совѣсть и честь? Откровенное сознаніе предъ Государемъ въ невозможности исполнить его волю, и затѣмъ просить отозвать васъ изъ арміи, какъ человѣка, не оправдавшаго довѣрія. Вотъ какъ должны вы были поступить, и тогда на душѣ вашей не лежала бы кровь 10-ти тысячъ жертвъ, погибшихъ подъ Черной, потому только что вы не осмѣлились чистосердечно изложить ваше мнѣніе! Повѣрьте, если бы вы приняли на себя благородную рѣшимость говорить правду, вы не только не лишились бы милости Государя, но возвысили бы себя въ глазахъ Александра II, до котораго доступны слова истины. Наконецъ, допустимъ даже, что васъ отозвали бы изъ арміи, тогда вашему сіятельству предстояло завидное утѣшеніе въ собственномъ сознаніи исполненія долга предъ Государемъ и Россіею, и наконецъ, увѣренность, что рано или поздно исторія и потомство отдадутъ вамъ справедливость; а чувства сіи неоцѣненны, когда наступаетъ минута разставаться съ жизнью; говорю вамъ по опыту, ибо вижу мое безнадежное состояніе.

Хотя Провидѣнію угодно было послать мнѣ конецъ мучительный, но я встрѣчаю смерть безъ страха и ропота съ увѣренностью, что соотечественники мои отдадутъ мнѣ справедливость, когда убѣдятся, что въ предвидѣніи всѣхъ несчастій, обрушившихся нынѣ (1855 г.) на Россію, и которыя можно было предупредить, я умѣлъ, какъ увидимъ ниже, говорить правду покойному государю, за которую заплатилъ моею жизнью.

Но что такое моя жизнь и страданія, когда дѣло идетъ о Россіи!

Однако пора обратиться къ дѣлу подъ Черной.

4) Почему, рѣшившись идти атаковать неприступныя позиціи, вы не сдѣлали сего со всѣми вашими силами? Почему вы оставили въ Перекопѣ гренадерскій корпусъ? Чего вы опасались?

Не подлежитъ сомнѣнію, что союзники не могли въ одно время осаждать Севастополь, атаковать васъ у Инкермана и идти на Перекопъ. Оставивъ въ Перекопѣ гренадеръ, вы въ рѣшительную минуту лишили себя 20-ти тысячъ отборнаго войска, погибшаго впослѣдствіи безъ пользы отъ болѣзней.

5) Нельзя также согласиться, что дѣло подъ Черной было столь необходимо, какъ бородинское сраженіе до отдачи Москвы.

Дѣло подъ Черной будетъ вѣчнымъ позоромъ нашей военной исторіи, а бородинская битва одна изъ лучшихъ ея страницъ. Правда, послѣ Бородина мы отдали Москву, но въ ея, хотя неокровавленныхъ развалинахъ [1]) (слова высокаго краснорѣчія), непріятель нашелъ свою погибель. Подобнаго результата не представляетъ дѣло подъ Черной, слѣдственно и сравненіе Черной съ Бородинымъ совсѣмъ не правильно.

6) Никакъ не могу понять, чтобы вы начали наступательное движеніе съ увѣренностію въ неудачѣ. Зачѣмъ же тогда было дѣлать наступленіе? Слѣдственно вы со мною согласны, что дѣло подъ Черной предпринято безъ цѣли, разсчета и надобности.

7) Далѣе вы говорите, что это только была попытка. Нѣтъ, ваше сіятельство, это была не попытка, а страшная ошибка, сдѣланная вслѣдствіе дурныхъ, необдуманныхъ распоряженій, въ которыхъ вы не сознаетесь, ибо изыскиваете средства оправдаться противорѣчивыми объясненіями, а именно: въ обзорѣ вашихъ дѣйствій вы говорите, на что уже я вамъ отвѣчалъ, что наступательное движеніе это или попытка (не знаю какъ назвать сраженіе подъ Черной), было въ видахъ Государя (Александра *II*), и что впрочемъ вы имѣли мало надежды на успѣхъ.

Въ письмѣ же, писанномъ вскорѣ послѣ 4-го августа, вы говорите, что успѣхъ вашего наступательнаго движенія былъ разсчитанъ вѣрно и что отвѣтственность въ неудачѣ должна пасть на Реада, не исполнившаго вашихъ предначертаній, вслѣдствіе чего планъ вашъ не удался и сраженіе было проиграно. Что за противорѣчія!

Прошу ваше сіятельство извинить меня за откровенность; но согласитесь, что по сличеніи двухъ вашихъ объясненій я никакъ не могъ пройти молчаніемъ столько противоположныхъ оправданій. Вѣроятно, писавъ обзоръ вашихъ дѣйствій, вы позабыли, при многотрудныхъ обязанностяхъ, письмо ваше ко мнѣ, въ которомъ вы обвиняете Реада. Рѣшившись обвинять Реада, излишне было бы искать другія причины къ оправданію, ибо

---

[1]) Телеграфическая депеша кн. М. Д. Горчакова послѣ взятія Севастополя.

ничего нѣтъ удобнѣе, какъ сложить все на мертвыхъ. Такъ и хочется прибавить къ этому: „мертвые бо срама не имутъ".

Храбрый Реадъ и достойный начальникъ его штаба Веймарнъ, павшіе жертвами при исполненіи невозможнаго предпріятія, не могли бы вамъ отвѣчать изъ своихъ могилъ, и исторія внесла бы въ свои скрижали имена Реада и Веймарна какъ виновниковъ для Россіи дня 4-го августа [1]).

Засимъ обращаюсь къ другимъ обстоятельствамъ, изложеннымъ въ обзорѣ вашихъ дѣйствій. Вы между прочимъ пишете, что еще въ маѣ мѣсяцѣ были намѣрены очистить южную часть Севастополя.

Здѣсь рождаются два вопроса: почему, принявъ такую рѣшимость, вы заблаговременно не взяли мѣръ для уменьшенія отчасти потерь вещественныхъ и оставили врагамъ между „окровавленными развалинами" до 4-хъ тысячъ орудій? Къ вѣчному нашему стыду, кажется, это единственный примѣръ въ исторіи, и вы еще дерзаете сравнивать пораженіе подъ Черной съ Бородинымъ!.

Почему не были сдѣланы мины подъ Севастопольскими укрѣпленіями? Кажется, это было дѣло первой необходимости. Недостатокъ въ порохѣ не можетъ служить оправданіемъ, ибо союзники послѣ вашего отступленія нашли значительные запасы. Вотъ, ваше сіятельство, вопросы, на которые вамъ трудно будетъ отвѣчать предъ Россіею и потомствомъ. По прочтеніи же всего обзора, я вижу, что у васъ не было заранѣе обдуманнаго плана, который бы служилъ основаніемъ вашихъ дѣйствій. Вы жили день за день, никогда не имѣли собственнаго мнѣнія и соглашались съ тѣмъ, кто послѣдній давалъ вамъ совѣты. Въ заключеніе, я не могу умолчать, что задняя мысль, руководившая вами при составленіи обзора вашихъ дѣйствій, была увѣренность, что никто вамъ возражать не будетъ и по истеченіи нѣкотораго времени все, что вы писали, будетъ признано фактомъ историческимъ.

---

[1]) Покойный князь говоритъ условно, между тѣмъ фактъ совершился: въ реляціи кн. М. Д. Горчакова вся вина сложена на Реада. Несчастное слово „начинайте!", присланное кн. Горчаковымъ чрезъ адъютанта Реада, было причиною гибели арміи. Кн. Горчаковъ не слышалъ выстрѣловъ со стороны Реада, послѣдній понялъ, что, согласно диспозиціи, слѣдуетъ начать атаку, и она была несвоевременна.

Хитрости сего рода часто удаются въ Россіи. Не знаю, удастся ли вамъ изложить событія настоящей войны съ вашей точки-зрѣнія, увѣрить всѣхъ, что военныя дѣйствія ваши были безукоризненны? Но во всякомъ случаѣ это будетъ гораздо легче, чѣмъ представить безукоризненный отчетъ по хозяйственному управленію арміею, ибо я увѣренъ, что послѣ заключенія мира откроются тысячи безпорядковъ и недочетовъ, происходящихъ отъ того, что вы не умѣли предупредить или остановить ихъ во-время, или отъ противорѣчій вашихъ приказаній. О дальнѣйшихъ предположеніяхъ вашихъ вы умалчиваете, ибо опасаетесь справедливыхъ замѣчаній. Прошло уже то время, когда вы спрашивали моихъ совѣтовъ, говорили и писали мнѣ, что одно мое слово проясняло мысли ваши, наводило на путь истинный и что даже вы живете моимъ умомъ.

Признаюсь, я виноватъ предъ отечествомъ, что былъ отчасти причиною возвышенія вашего на ту степень, на которой вы находитесь.

Покойный государь (Николай Павловичъ) былъ правъ, когда онъ, въ февралѣ 1854 года, хотѣлъ, послѣ всѣхъ неудачныхъ дѣлъ на Дунаѣ и неосновательныхъ распоряженій въ Княжествахъ, отозвать васъ изъ арміи. Тогда я еще полагалъ, что вы съ пользою можете служить Россіи. Нынѣ, откладывая всякое самолюбіе въ сторону, откровенно сознаюсь, что я жестоко ошибался.

Изъ приводимаго здѣсь разговора съ покойнымъ Государемъ, ваше сіятельство можете судить, что участь ваша была въ моихъ рукахъ. Мнѣ достаточно было молчать для того, чтобы рѣшить вашу судьбу.

Это было въ первыхъ дняхъ моего прибытія въ Петербургъ, въ 1854 году, когда я уже согласился принять командованіе надъ всѣми войсками, расположенными на западной границѣ и въ Княжествахъ.

Я пришелъ къ государю около 12-ти часовъ съ докладомъ. Мы были въ рабочемъ его кабинетѣ, гдѣ онъ впослѣдствіи скончался. Государь былъ чрезвычайно грустенъ. Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе. Наконецъ онъ обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами:

— „Отецъ-командиръ! Я весьма недоволенъ распоряженіями

Горчакова. Сраженіе подъ Ольтеницею и Четати служатъ явнымъ доказательствомъ вовсе необдуманнаго плана, словомъ сказать, во всѣхъ его дѣйствіяхъ видны нерѣшительность и суета. Судя по ходу всѣхъ его дѣлъ, мнѣ кажется, что онъ неспособенъ быть главнокомандующимъ. Сомнѣваюсь даже, будетъ ли онъ въ состояніи командовать во время войны отдѣльною частью? По всѣмъ этимъ соображеніямъ, я полагаю отозвать его изъ арміи и тебѣ предоставляю избрать себѣ кого хочешь въ начальники штаба".

Сознаюсь, я былъ крайне удивленъ, услыхавъ столь рѣзкое сужденіе и почти приговоръ надъ человѣкомъ, служившимъ всегда съ большимъ отличіемъ. Прошло нѣсколько минутъ пока я собрался съ мыслями. Вотъ, кажется, слово въ слово, отвѣтъ мой Государю:

„Позвольте, ваше величество, сказать нѣсколько словъ въ оправданіе князя Горчакова. Я его знаю слишкомъ 23 года, знаю его храбрость и способности. У насъ въ арміи нѣтъ человѣка, который бы съ бо́льшею пользою могъ занять во время войны мѣсто начальника штаба. Его обширныя свѣдѣнія по всѣмъ частямъ управленія арміею, его военныя способности, смѣю думать, не подлежатъ сомнѣнію. Нельзя осуждать главнокомандующаго, находящагося отъ своихъ отрядовъ во ста и болѣе верстахъ, въ ошибкахъ, сдѣланныхъ подъ Ольтеницею и Четати. За всѣмъ тѣмъ, не могу не обвинить Горчакова въ томъ, что, не слѣдуя великой истинѣ, сказанной Наполеономъ, держать войска свои всегда въ кулакѣ, онъ растянулся съ малочисленными своими отрядами на 600 верстъ".

Государь, выслушавъ меня съ большимъ вниманіемъ, изволилъ сказать:

— „Дай Богъ, отецъ-командиръ, чтобъ я ошибался. Желаю тебѣ вѣрить".

Послѣ сего разговора государь уже ни разу не говорилъ и не намекалъ о вызовѣ вашего сіятельства изъ арміи.

Будучи обязанъ въ дѣйствіяхъ моихъ отдать отчетъ потомству, я откровенно сознаюсь въ моей ошибкѣ и прошу соотечественниковъ моихъ простить мнѣ, что я въ заблужденіи моемъ еще въ 1854 году считалъ ваше сіятельство способнымъ быть самостоятельнымъ начальникомъ.

Сознаніе это доставляетъ мнѣ нѣкоторое облегченіе; а въ минуты тяжкихъ страданій и душевнаго негодованія мнѣ отрадно вспомнить, что до начала войны, когда еще можно было предупредить всѣ бѣдствія, постигшія впослѣдствіи Россію, я противъ мнѣнія всѣхъ въ ту минуту, когда, въ порывѣ безумія, мы готовились закидать всю Европу шапками, осмѣлился 27-го февраля 1854 года представить покойному государю (Николаю Павловичу) записку слѣдующаго содержанія:

„Четыре европейскія державы предлагаютъ намъ свой ультиматумъ. Мы находимся въ томъ положеніи, что теперь вся Европа противъ насъ, на морѣ и на сухомъ пути. Англія, Франція, Турція уже объявили намъ войну; Австрія, можно сказать, на ихъ сторонѣ; Пруссія можетъ быть также увлечена скоро.

„Никогда еще Россія не бывала въ такихъ тяжкихъ обстоятельствахъ.

„При императорѣ Александрѣ Павловичѣ, въ 1812 году, Англія была за насъ; съ Турціею успѣли заключить миръ; неограниченное властолюбіе Наполеона заставляло задолго предвидѣть 1812 годъ и дало намъ полтора года на приготовленія. Въ 1810 году мы уже могли начать формированіе новыхъ полковъ; весь 1811 г. устраивали резервы и магазины въ тылу и потому въ 1812 г., начавъ отступленіе до самой Москвы, пополняли убыль въ войскахъ резервами.

„Нынѣ обстоятельства такъ быстро измѣнились, что не дали намъ возможности приготовиться.

„Дай Богъ, чтобы я ошибался, но мнѣ кажется, что нельзя уже сомнѣваться, что Пруссія будетъ дѣйствовать вмѣстѣ съ Австріею противъ насъ.

„Имѣя двухъ непріятелей въ центрѣ, тогда какъ французы высадятся на Черноморскихъ берегахъ, въ одно время австрійцы изъ Трансильваніи выйдутъ на коммуникаціи нашей дунайской арміи, а пруссаки обойдутъ нашъ флангъ въ Литвѣ, мы уже не можемъ держаться ни въ Польшѣ, ни въ Литвѣ, а отступая, не найдемъ магазиновъ.

„Европа можетъ повторить кампанію 1812 г., но вѣроятно избѣгнетъ ошибокъ Наполеона. Она будетъ вести войну методически, отброситъ насъ за Днѣстръ и, отнявъ Польшу, усилится

нашими крѣпостями въ Царствѣ и Литвѣ. Несчастія и потери тогда Россіи—трудно теперь предвидѣть. Таковы, мнѣ кажется, послѣдствія войны теперь со всею Европою: пока она въ соединеніи, мы съ нею бороться не въ силахъ. Намъ дорого время; чтобы выиграть его, думаю, что на ультиматумъ ея можно бы отвѣчать, что предложенія принимаются съ тѣмъ, чтобъ назначить сроки нашего выступленія изъ Княжествъ и въ одно время непріятельскихъ флотовъ:

„1-й срокъ. Мы очищаемъ Малую Валахію; флотъ выходитъ изъ Чернаго моря.

„2-й срокъ. Мы выходимъ изъ Большой Валахіи; флотъ—изъ Босфора.

„3-й срокъ. Мы очищаемъ Молдавію; флотъ оставляетъ Дарданеллы. О послѣднемъ условіи лучше даже умолчать, ибо нѣтъ надежды, чтобы оно было принято. Для опредѣленій сроковъ и приготовленій къ отступленію, заключить перемиріе на шесть недѣль. Шесть недѣль намъ очень важны, для насъ каждый день дорогъ! Отступая, мы не отдаемъ своей земли, но возвращаемся на свои границы. По крайней мѣрѣ мы удержимъ, можетъ быть, Австрію и Пруссію, показавъ, что не желаемъ войны.

„Австрія боялась за сербовъ, но съ нашимъ отступленіемъ изъ Валахіи ей нѣтъ предлога держать 50 тыс. на сербской границѣ. Если бы морскія державы не согласились на наши предложенія, то и тогда мы, по крайней мѣрѣ, выиграемъ время: въ полтора-два мѣсяца, успѣемъ укрѣпить настоящую стратегическую позицію на Днѣстрѣ; турки не войдутъ въ Княжества, а останутся въ Болгаріи. Въ центрѣ будутъ войска, соберемъ магазины; словомъ, осмотримся, займемъ стратегическіе пункты и приготовимъ продовольствіе.

„Европейскимъ державамъ будетъ время одуматься. Ихъ лихорадочное состояніе можетъ быть успокоится и разсудокъ возьметъ верхъ.

„Конечно, мы и тогда не въ состояніи держаться на центрѣ, если и Пруссія противъ насъ; но неужели нѣтъ возможности отдѣлить ее отъ другихъ державъ и склонить въ нашу пользу?

„Несчастія, которыя могутъ постигнуть Россію въ случаѣ общаго на нее возстанія, будутъ неисчислимы и не скоро изгла-

дятся. Еслибъ ихъ можно было предупредить, хотя бы съ нѣкоторыми уступками, которыя всегда будутъ сравнительно менѣе важны и впослѣдствіи при благопріятныхъ обстоятельствахъ вознаградятся.

„Конечно, больно для самолюбія каждаго русскаго рѣшиться теперь уступить; но со временемъ Россія пойметъ, что оттого зависѣла ея судьба и благословитъ, какъ спасителя, того, кто великодушно рѣшился теперь на пожертвованія".

Сообщ. въ 1871 г. Н. П. Степановъ.

Павелъ Александровичъ Межаковъ.

На 659 стр. мартовской книги „Русской Старины" изд. 1883 г., т. XXXVII, въ статьѣ „К. Н. Батюшковъ въ письмахъ къ Ник. Ив. Гнѣдичу", между прочимъ, напечатано: „Хочешь ли новостей? Межиковъ женится на племянницѣ Брянчанинова".

Затѣмъ въ выноскѣ: „Павелъ Александровичъ посредственный стихотворецъ того времени и т. д. Непрямое его поколѣніе отъ П. А. В. существуетъ и нынѣ, съ нѣсколько измѣненной фамиліей".

Эти свѣдѣнія не точны. Во первыхъ, Павелъ Александровичъ былъ Межаковъ, а не Межиковъ, въ чемъ легко убѣдиться, взявъ книжку его стихотвореній [1]), о которой упоминается въ той же выноскѣ. Букву *а* легко смѣшать съ буквою *и*, что вѣроятно случилось при чтеніи писемъ Батюшкова Павелъ Александровичъ былъ женатъ на Ольгѣ Ивановнѣ, рожденной Брянчаниновой, отъ которой имѣлъ двухъ сыновей; изъ нихъ старшій, Александръ Павловичъ, былъ женатъ два раза и имѣлъ 10 человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ Александръ Межаковъ нынѣ (чуть ли не съ 1869 г.) Кадниковскій предводитель дворянства; другой, Мануилъ Межаковъ, служитъ нынѣ въ Петербургѣ.

И такъ, Пав. Ал. Межаковъ оставилъ послѣ себя прямое поколѣніе, но не отъ П. А. В. и не съ измѣненной фамиліей.

Мануилъ Межаковъ.

С.-Петербургъ.
3-го октября 1883 г.

Нарская.

Считаю не лишнимъ исправить ошибку въ объясненіи псевдонима „Ольга N" на 646 стр. „Русской Старины" за сентябрь 1883-го года. Подъ псевдонимомъ „Ольга N" писала не Ольга Нарская, какъ показано, а О. В. Энгельгардтъ. Писательницы же Ольги Нарской не было, но была „Е. Нарская", что также означало псевдонимъ княгини Е. Шаликовой.

Вячеславъ Катеневъ.

Вольскъ.
20-го сентября 1883 г.

---

[1]) Стихотворенія Павла Межакова. С.-Петербургъ, 1828 г.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II НА КАВКАЗѢ

въ 1861 году.

До чего всѣ помышленія покойнаго царя-освободителя были проникнуты благими преднамѣреніями о повсемѣстномъ и окончательномъ устройствѣ быта крестьянъ во всей дорогой для его сердца—Россіи, служитъ примѣромъ поѣздка его величества, въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1861 года, сначала въ Кубанскую область, для осмотра сосредоточенныхъ тамъ войскъ для покоренія западнаго Кавказа, а затѣмъ прибытіе черезъ Новороссійскъ, Сухумъ и Поти въ Кутаисъ.

Въ этомъ послѣднемъ городѣ были собраны всѣ почти представители закавказскаго дворянства, и покойный императоръ взялъ на себя трудъ лично передать имъ свой взглядъ и свои предположенія о готовящемся въ то время освобожденіи крестьянъ во всемъ Закавказьи. Не доказываетъ ли эта поѣздка, до чего нашъ великій преобразователь заботился о благѣ дворянства и крестьянъ и въ такой далекой окраинѣ Россіи—какъ Закавказье? И вотъ эта поѣздка принесла самые полезные результаты. Дѣло освобожденія крестьянъ въ Закавказьи совершилось такъ же мирно и спокойно, какъ и во всей Россіи. Дворянство христіанскихъ: Грузіи, Имеретіи, Мингреліи и Гуріи и магометанскихъ провинцій края, услышавъ изъ устъ своего обожаемаго монарха о необходимости подчиниться Имъ уже совершенной реформѣ въ Россіи, безпрекословно и съ полною готовностію, приступило къ дѣлу освобожденія крестьянъ.

А Богъ вѣдаетъ—была ли бы эта реформа такъ скоро окончена въ мусульманскихъ провинціяхъ—не пріѣзжай сюда самъ покойный императоръ!

Цѣль настоящихъ воспоминаній моихъ не есть описаніе совершившагося освобожденія крестьянъ въ Закавказьи и его подробность,—это дѣло будущаго историка. Я хочу коснуться только, какъ

очевидецъ, собственно путешествія государя императора Александра II изъ Новороссійска въ Кутаисъ и обратно въ Крымъ. Хочу воскресить въ памяти современниковъ обожаемаго монарха тотъ ангельскій характеръ, то всѣхъ очаровывавшее обаяніе, которымъ всегда отличался покойный государь.

Назначенный, за нѣсколько мѣсяцевъ до пріѣзда его величества въ Кутаисъ, тамошнимъ генералъ-губернаторомъ генералъ Н. П. Колюбакинъ, (при которомъ я состоялъ адъютантомъ), окончивъ экспедицію для покоренія возмутившагося общества Псху, 10-го сентября вышелъ изъ Сухума на военной шкунѣ Келасуры въ Новороссійскъ для встрѣчи государя императора. 13-го числа его величество прибылъ туда вечеромъ, и на другое утро взошелъ на палубу императорской яхты «Ливадія», и въ сопровожденіи двухъ военныхъ шкунъ: Келасуры и Казбекъ, составлявшихъ въ то время едва-ли не весь военный флотъ нашъ въ Черномъ морѣ, направился къ Сухуму.

Еще до прибытія въ Сухумъ, на яхтѣ «Ливадія», государь императоръ изволилъ утвердить, по представленію генералъ-губернатора, награды болѣе отличившимся за экспедицію въ Псху. Въ числѣ награжденныхъ удостоился производствомъ въ генералъ-маіоры бывшій въ то время начальникомъ Сухумскаго военнаго отдѣла полковникъ Шатиловъ [1]). Генералъ Колюбакинъ, передавая мнѣ копію съ высочайшаго приказа, строго на строго приказалъ, по прибытіи въ Сухумъ, не говорить полковнику Шатилову о монаршей милости, такъ какъ его в—во пожелалъ лично поздравить его въ Сухумѣ, что конечно и было мною исполнено. Ровно въ 12 часовъ дня яхта «Ливадія» вошла въ Сухумскій рейдъ. Государь пересѣлъ на гребный катеръ и направился къ пристани. Но къ ужасу всѣхъ начальствующихъ на устроенной на берегу деревянной пристани не было видно никого изъ представителей военной и гражданской администраціи г. Сухума. Спросятъ: почему же это случилось, когда знали едва-ли не о часѣ прибытія государя въ Сухумъ? А вотъ причина. Сухумскій комендантъ, зная заранѣе, что императорскую яхту сопровождаютъ двѣ военныя шкуны, устроилъ на мысу, сѣвернѣе Сухума, наблюдательный постъ изъ нѣсколькихъ донскихъ казаковъ, снабдивъ ихъ ракетами, съ такимъ подробнымъ наставленіемъ: при появленіи на высотѣ мыса перваго парохода, какъ передового, дать знать одной ракетой, при появленіи второго, на которомъ долженъ присутствовать государь, должны взвиться двѣ ракеты и по нимъ уже войска, распо-

[1]) Въ настоящее время генералъ-отъ инфантеріи, командиръ корпуса, одинъ изъ отличившихся генераловъ въ прошлую кампанію въ азіатской Турціи, кавалеръ св. Георгія 3-й степени.

ложенныя въ Сухумѣ, строятся шпалерами отъ пристани къ дому начальника отдѣла, гдѣ приготовлена была квартира для августѣйшаго путешественника, а всѣ начальствующіе собираются у пристани для встрѣчи его величества. Распоряженіе, какъ казалось коменданту—мудрое, но о которомъ не зналъ ничего государь. Еще не доѣзжая нѣсколькихъ миль до Сухума, императорская яхта, обогнавъ, дѣйствительно слѣдующую впереди шкуну Казбекъ, первая показалась на высотѣ мыса, и сторожившіе казачки пустили одну ракету, затѣмъ когда показался второй пароходъ и взвились двѣ ракеты, яхта «Ливадія» стала уже на якорь въ Сухумскомъ рейдѣ. Полковникъ Шатиловъ, когда ему дали знать, что въ рейдъ вошелъ не передовой пароходъ, а яхта «Ливадія» подъ императорскимъ флагомъ, едва успѣлъ во-время прибыть на пристань и встрѣтить государя, войска же строились тогда уже, когда его величество шелъ къ квартирѣ.

Прибывъ въ домъ начальника отдѣла, государь императоръ изволилъ принимать почетныхъ князей и дворянъ Абхазіи и начальствующихъ лицъ въ Сухумѣ. Послѣ завтрака, предложеннаго полковникомъ Шатиловымъ, его в—во отправился осматривать Сухумъ. Посѣтилъ госпиталь, казармы нижнихъ чиновъ, милостиво распрашивалъ офицеровъ и солдатъ о ихъ житьѣ, благодарилъ за службу и въ особенности за храбрость и труды, понесенные въ послѣднюю экспедицію, возложивъ тутъ же на нѣкоторыхъ изъ нижнихъ чиновъ георгіевскіе кресты.

Въ 5 часовъ прибывъ на пристань и сѣвъ уже въ катеръ, обратился къ стоявшему на платформѣ полковнику Шатилову, съ слѣдующими милостивыми словами: «прощайте, генералъ, благодарю васъ за службу и за тотъ порядокъ, какой я нашелъ въ Сухумѣ». Восторженное ура! новаго генерала и всей толпы, собравшейся на пристани, провожало обожаемаго монарха до тѣхъ поръ, покуда онъ не взошелъ на палубу Ливадіи. Тутъ и я не преминулъ передать генералу Шатилову приказъ о его производствѣ, и отъ души поздравить съ этою милостію.

Ровно въ 6 часовъ по полудни яхта Ливадія, во время самаго обѣда его в—ва, вышла изъ Сухумскаго рейда съ такимъ расчетомъ, что бы минута въ минуту, въ 12 часовъ ночи, стать на Потійскомъ рейдѣ, гдѣ заранѣе высланный рѣчной пароходъ долженъ былъ принять государя императора и высадить въ Поти. Надо сказать, что еще за нѣсколько часовъ до отплытія Ливадіи изъ Сухума, военная шкуна, «Казбекъ» или «Келасуры», теперь не вспомню, была отправлена въ Поти съ извѣстіемъ о прибытіи туда его в—ва къ 12 часамъ ночи, и съ приказаніемъ выслать къ этому времени рѣчной

пароходъ. Но всѣ эти распоряженія разбились о неаккуратность стараго морского капитана надъ Потійскимъ портомъ. Прибывъ въ назначенный часъ на Потійскій рейсъ, мы увидѣли только военную шкуну, разукрашенную по реямъ флагами и огнями,—о рѣчномъ пароходѣ ни слуху, ни духу. Спросили въ рупоръ капитана шкуны: дано ли знать въ Поти о высылкѣ парохода? отвѣчаютъ: есть! Ночь темная, безлунная: вдали едва виднѣются черный лѣсъ и погруженный въ какую то темную мглу г. Поти. А парохода все нѣтъ да нѣтъ. Проходитъ часъ, проходитъ два,—не ползетъ и не показывается несчастный пароходъ. А этотъ царь—обладатель стомилліоннаго народа—облокотясь о бортъ яхты, всматривается въ темную даль; иногда подзоветъ къ себѣ кого-либо изъ приближенныхъ и что-то скажетъ, или спроситъ. Ни ропота, ни гнѣва не видно въ этомъ ангельскомъ взорѣ,—онъ, августѣйшій труженникъ, давно бы долженъ быть на берегу и отдохнуть отъ морского путешествія. Бьетъ на яхтѣ и три часа, а парохода нѣтъ.

Въ Новороссійскѣ встрѣтилъ государя бывшій въ то время командиръ черноморскаго флота, вице-адмиралъ, генералъ-адъютантъ Глазенапъ, которому приказано было сопровождать его в—во до Кутаиса и обратно въ Крымъ. Тутъ же находился въ свитѣ царя и контръ-адмиралъ ген.-адъют. Сколковъ, всегда сопутствовавшій государя въ его путешествіяхъ. Два эти лица, конечно, болѣе всѣхъ были возмущены неакуратностію по невысылкѣ парохода, и болѣе всѣхъ чувствовали себя какъ бы виновниками въ томъ мучительномъ ожиданіи, которое испытывалъ обожаемый ими Царь. И вотъ, когда пробило и три часа ночи, а парохода нѣтъ, адмиралъ Сколковъ подходитъ къ Глазенапу, стоявшему въ толпѣ лицъ, сопровождавшихъ Государя, и обращаясь къ нему, указывая на Его В—во, облокотящагося на бортъ яхты и все всматривающаго въ темный берегъ, говоритъ: «А что, ваше п—во, что бы было съ нами, если бы, вонъ тамъ у борта, теперь стоялъ покойный императоръ Николай?»—«Что бы было, отвѣчаетъ тотъ, да то, что мы съ вами давно бы были за бортомъ».

Наконецъ, около четырехъ часовъ ночи, несчастный пароходъ подошелъ. Море было не совсѣмъ спокойно и онъ съ трудомъ присталъ къ яхтѣ. Капитанъ надъ портомъ въ Поти, Китаевъ, старичекъ около 60 лѣтъ, взошелъ на палубу «Ливадіи», и что-то, вѣроятно по морскому уставу, отрапортовалъ Его В—ву и подалъ рапортъ. Ни одного слова неудовольствія не произнесли царственныя уста. Но за то и досталось же этому, быть можетъ и хорошему старому моряку черноморскаго флота, отъ его начальника. Какъ только капитанъ Китаевъ

окончилъ свой рапортъ, адмиралъ Глазенапъ началъ дѣлать ему знаки идти за нимъ, и когда взялъ его въ толпу, которая скрыла ихъ отъ Государя,—схватилъ виновника за одну изъ пуговицъ мундира и, потрясая перепуганнаго капитана, началъ грозно допрашивать: почему до сихъ поръ онъ не прибылъ съ пароходомъ? Бѣдный старецъ съ приложенною, трепещущею, къ шляпѣ рукою, отвѣчаетъ, что опоздалъ потому, что на пароходѣ не были разведены пары. Надо было видѣть въ это время адмирала-моряка. «Какъ, г. капитанъ, восклицаетъ Глазенапъ,—да вы знали еще 14-го сентября 1860 года, что Государь Императоръ 14-го сентября 1861 г. въ 12 часовъ ночи будетъ на Потійскомъ рейдѣ, вы должны были бы распорядиться, чтобы вашъ несчастный пароходъ стоялъ цѣлый годъ подъ парами, ожидая Его Величество—и это оправданіе моряка».

Къ 5 часамъ Государь и всѣ, сопровождавшіе его, были уже на рѣчномъ пароходѣ и онъ направился къ берегу. Отъѣхавъ на нѣкоторое разстояніе отъ «Ливадіи», его немного начало качать. Стоявшій на обычномъ капитанскомъ мѣстѣ Китаевъ, приложивъ все еще трепещущую руку къ шляпѣ, провозглашаетъ—«баръ, Ваше Императорское Величество». Государь, сидя, взглянулъ на капитана своимъ спокойнымъ взоромъ и не сказалъ ни слова. Проходитъ 10—15 минутъ, качка на пароходѣ чувствуется сильнѣе, и по обѣимъ сторонамъ его виднѣются два азовскихъ барказа, матросы стоятъ съ поднятыми веслами и раздаются возгласы: «баръ, баръ». Государь поднялъ глаза въ сторону капитана и спросилъ его: «давно, капитанъ, вы въ Поти»?—«Пять лѣтъ, Ваше Императорское Величество». —«Пять лѣтъ, повторяетъ Государь, и не знаетъ гдѣ баръ!» Вотъ и весь укоръ царя человѣку, который по оплошности своей заставилъ его почти всю ночь пробыть безъ сна на палубѣ. Стало уже свѣтать, когда мы вышли на берегъ у Поти.

Около 9-ти часовъ утра я явился къ генералъ-адъютанту графу А. В. Адлербергу (начальнику главной квартиры Его Величества), и, получивъ окончательное приказаніе о часѣ выѣзда изъ Поти Государя и его дальнѣйшемъ слѣдованіи, передалъ все это генералъ-губернатору. Не могу не сказать здѣсь, что личность графа Александра Владиміровича занимала меня болѣе всѣхъ, сопровождавшихъ Государя. Я встрѣчалъ графа еще молодымъ флигель-адъютантомъ въ Чечнѣ, въ экспедицію 1841 года, когда два отряда: одинъ подъ начальствомъ корпуснаго командира, генерала Головина, а другой командующаго войсками на Кавказской линіи, генерала Граббе, сошлись на Хубарскихъ высотахъ, по занятіи первымъ отрядомъ укрѣпленнаго аула на р. Сулакѣ. Какъ теперь вижу его въ сѣромъ

короткомъ пальто, какія носили въ то время, стройнымъ красивымъ молодымъ человѣкомъ. И вотъ встрѣчаю его сановникомъ, облеченнымъ особымъ довѣріемъ царя, серьезнымъ, сосредоточеннымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ привѣтливымъ. Прошло слишкомъ двадцать лѣтъ съ 1861 г., но мнѣ и теперь представляется онъ расхаживающимъ съ костылемъ въ рукѣ по палубѣ «Ливадіи» и слѣдящимъ за каждымъ движеніемъ обожаемаго имъ монарха, чтобы угадать и предупредить малѣйшее его желаніе.

По заранѣе составленной программѣ, Государь Императоръ, переночевавъ въ Поти, долженъ былъ, на другой день, въ 10 часовъ утра, отправиться на рѣчномъ пароходѣ вверхъ по Ріону и остановиться въ верстахъ 15-ти около с. Челодиды, гдѣ приготовлена была Его Величеству охота. Распоряжаться этой охотой поручено было управлявшему въ то время Мингреліею, дѣйствительному статскому совѣтнику М. Е. Чиляеву. По окончаніи охоты Государь и всѣ сопровождавшіе Его Величество слѣдуютъ, въ выставленныхъ тутъ же экипажахъ, по берегу Ріона въ м. Маранъ, гдѣ собраны были для представленія Государю князья и дворяне Мингреліи.

Въ полъ-верстѣ отъ берега Ріона, гдѣ остановился пароходъ, передъ небольшою прогалиной, было устроено помѣщеніе для Государя, составлявшее что-то въ родѣ бесѣдки, открытой къ сторонѣ лѣса, съ дерновыми скамейками. Всѣ принимавшіе участіе въ этой охотѣ размѣстились также на указанныхъ имъ мѣстахъ. Его Величество вошелъ въ бесѣдку, а я, желая лично полюбоваться на царственнаго охотника, пріютился тутъ же за кустами, но такъ, чтобы меня не было видно. Государь сѣлъ на одну изъ скамеекъ и закурилъ сигару. Прошло 10—15 минутъ,—послышался шумъ людей, составлявшихъ облаву, лай гончихъ собакъ. Государь всталъ со скамейки, взялъ одно изъ ружей, находящихся въ бесѣдкѣ, и, положивъ его на присошку, сталъ ожидать. Шумъ и крики начали приближаться ближе и ближе; наконецъ послышался какой-то трескъ, вѣроятно произведенный бѣгущимъ звѣремъ. Я взглянулъ на Царя-Охотника и вижу какъ оживилось его лицо и заблестѣли глаза, онъ приложился и готовъ былъ уже спустить курокъ. Но, чудо, что же я вижу? Государь преспокойно снимаетъ съ присошки ружье, кладетъ его на скамейку и выходитъ изъ бесѣдки. Самъ недоумѣвая, что̀ все это значитъ, я оставляю мою засаду и иду за Государемъ, и вотъ глазамъ моимъ представляется слѣдующая картина: на лужайкѣ противу бесѣдки стоитъ великолѣпный рослый олень и щиплетъ траву. Государь съ улыбкою подходитъ къ нему и начинаетъ гладить его по спинѣ. Картина, дѣйствительно, умилительная для зрителя посто-

ронняго,—какъ меня, но вѣроятно не весьма пріятная для охотника. Обернувшись и увидѣвъ не вдалекѣ меня, Государь произноситъ: «Вели подать коляску и скажи князю Григорію Дмитріевичу [1]), что онъ ѣдетъ со мною». Конечно, всѣ раставленные вблизи Государя охотники бросились узнать, что произошло? Какъ теперь вижу: подходитъ къ графу Адлербергу, если не ошибаюсь, князь Долгорукій и спрашиваетъ: «въ чемъ дѣло», а тотъ отвѣчаетъ—«охота кончена и взятъ въ плѣнъ олень». Коляску подали, Государь сѣлъ съ кн. Орбеліани и выѣхалъ по направленію къ Марани. Много было толковъ, впослѣдствіи, какимъ образомъ попалъ въ облаву ручной олень. Что къ этому не былъ причастенъ М. Е. Чиляевъ, я въ этомъ убѣжденъ; тутъ поусердствовалъ одинъ изъ мингрельскихъ князей, а именно—Микадзе, у котораго оленя этого я самъ видѣлъ во дворѣ еще за годъ до происшедшаго.

Государь скрылся и я приступилъ къ отправленію десяти каретъ, доставленныхъ изъ Тифлиса и только что прибывшихъ туда изъ Варшавы, для учреждаемаго почтоваго сообщенія по военно-грузинской дорогѣ, въ которыхъ должны были слѣдовать всѣ лица, сопровождавшія Его Величество. Кареты выстроены у дороги и я со спискомъ въ рукѣ, по заранѣе сдѣланному росписанію, указываю каждому № кареты и онѣ слѣдуютъ одна за другою. Подходитъ очередь, не помню 6 или 7 кареты—я подхожу и вижу, что въ ней сидятъ уже двое: начальникъ главнаго штаба Кавказской арміи, генералъ-адъютантъ Карцевъ, и одно изъ лицъ, сопровождавшихъ Государя, съ нѣмецкою фамиліею, а возлѣ кареты стоитъ генералъ-адъютантъ Сколковъ, который и обращается ко мнѣ, указывая на росписаніе: «въ каретѣ № 7 предназначено мѣсто мнѣ и генералу Карцеву, а въ ней сидитъ уже» (такой-то, произнося фамилію). Съ почтительнымъ видомъ, я обращаюсь къ нарушителю порядка и предлагаю пересѣсть въ назначенную для него карету, но тотъ и слышать не хочетъ, объясняя, что разъ онъ занялъ мѣсто и пересаживаться не намѣренъ. Всѣ эти объясненія продолжаются нѣсколько минутъ и послѣдующія кареты не двигаются. Вижу, что мой генералъ-губернаторъ что-то подергиваетъ плечами, и громко спрашиваетъ меня: «въ чемъ дѣло и почему карета не отъѣзжаетъ?» Я объясняю, что такой-то занялъ мѣсто въ каретѣ, не ему предназначенное, а генералу Сколкову, но не хочетъ его уступать. И вотъ раздается громо-

[1]) Князь Г. Д. Орбеліани, за отсутствіемъ князя Барятинскаго, исправлялъ въ то время должность намѣстника, встрѣтилъ Государя въ Кубанской области и сопровождалъ Его Величество до Кутаиса.

вой голосъ Колюбакина: «Тащи изъ кареты этого нѣмца». Генералъ Карцевъ, чтобы избѣжать послѣдствій такого энергическаго распоряженія грознаго генералъ-губернатора, поспѣшно выскакиваетъ изъ кареты, садится впереди на мѣсто кондуктора, а свое уступаетъ генералу Сколкову; карета двигается, а вслѣдъ за нею и слѣдующія; мой грозный начальникъ успакаивается, но все-таки распекаетъ меня отчего я не вытащилъ нѣмца.

Не могу не сказать здѣсь нѣсколько словъ о Н. П. Колюбакинѣ, этомъ замѣчательномъ дѣятелѣ, въ свое время, на Кавказѣ. Судьба и случай благоволили ко мнѣ—я три раза поступалъ къ нему адъютантомъ, когда онъ занималъ должности: Кутаисскаго и Эриванскаго военныхъ губернаторовъ и, наконецъ, Кутаисскаго генералъ-губернатора. Воспитанникъ царскосельскаго лицея, образованный, глубоко начитанный, рыцарь честности и беспристрастія, онъ могъ бы сдѣлаться однимъ изъ государственныхъ людей, но этому мѣшалъ его своеобразный характеръ. Встрѣчалъ я его очень давно, еще въ 1834—1835 годахъ, бывши тогда гимназистомъ 13—14 лѣтъ, въ г. Ставрополѣ (Кавказскомъ), когда онъ носилъ еще сѣрую солдатскую шинель. Онъ былъ разжалованъ въ рядовые изъ поручиковъ лейбъ-гвардіи Гродненскаго гусарскаго полка, за исторію съ командиромъ онаго. Въ Ставрополѣ моя мать имѣла домъ, въ которомъ жили въ 1834—1835 годахъ такія личности: декабристы Палицынъ (тогда уже поручикъ Тенгинскаго полка), докторъ Мейеръ, рядовой или, кажется, унтеръ-офицеръ Александръ Бестужевъ, носившій синюю со шнурами венгерку; незабвенный поэтъ нашъ Лермонтовъ, и между ними красивый, бравый Н. П. Колюбакинъ въ толстой солдатской шинели. Можно представить, что вынесъ этотъ всегда воспріимчивый человѣкъ изъ этой группы людей—науки, поэзіи и политическихъ убѣжденій!

По прибытіи въ Марань, Его Величество принялъ представляющихся ему князей и дворянъ Мингреліи, милостиво разспрашивалъ многихъ изъ нихъ о ихъ положеніи, благодарилъ за преданность и службу во время прошедшей турецкой войны, принявъ устроенный ими завтракъ. Завтракъ этотъ состоялъ весь изъ блюдъ только одной туземной кухни. Государь удивлялся болѣе всего на шашлыкъ-монстръ. Представьте: четыре рослыхъ мингрельца подносятъ царю зажареннаго на вертелѣ цѣльнаго быка,—разрѣзывая его, вынимаютъ изъ внутри теленка, изъ теленка барашка, изъ этого индѣйку, изъ индѣйки—цыпленка, а изъ него дрозда, и все это приготовлено артистически вкусно. Изъ серебрянной азарпеши (ковшъ съ длинною ручкою) Государь выпилъ за благоденствіе и процвѣтаніе Мингреліи

и азарпешь эта заходила между присутствующими. Какъ теперь вижу, какъ эту азарпешь, вмѣщавшую въ себѣ чуть не цѣльную бутылку вина, одинъ изъ князей поднесъ почтенному лейбъ-медику Карелину, онъ отпилъ изъ нея немного и хотѣлъ было передать сосѣду, но угощающій возсталъ противъ этого, увѣряя, что установленный вѣками обычай не допускаетъ передачу азарпеши, если въ ней осталась хотя капля вина. И вотъ степенный докторъ, волей-неволей, съ величайшимъ трудомъ осушаетъ азарпешь и всѣ аплодируютъ ему.

Въ Кутаисъ Государь прибылъ въ тотъ же день вечеромъ и остановился въ домѣ генералъ-губернатора, который заранѣе былъ обновленъ для принятія высокаго гостя. Предположено было, что Государь пробудетъ въ Кутаисѣ два дня, а на третій послѣдуетъ обратно въ Поти. Въ первый день долженъ былъ состояться пріемъ прибывшихъ въ Кутаисъ начальствующихъ лицъ и дворянства всего Закавказья, осмотръ госпиталя, учебныхъ заведеній и обѣдъ Его В—ва, а на другой день обѣдъ и балъ, для котораго собрались въ Кутаисъ всѣ красавицы Имеретіи, Мингреліи и Гуріи. Балъ этотъ долженъ былъ состояться въ устроенномъ за городомъ, въ одной изъ живописныхъ мѣстностей, роскошномъ павиліонѣ, стоящемъ по своему убранству десятки тысячъ, но все это рухнулось. Въ ночь пріѣзда Государя въ Кутаисъ полилъ такой дождь, который бываетъ только въ этой странѣ, и лилъ какъ изъ ведра два дня и двѣ ночи, не переставая ни на часъ. Конечно о балѣ нечего было и думать, а потому Государь пожелалъ, чтобы въ этотъ вечеръ были приглашены дамы въ домъ генералъ-губернатора и столько, сколько можно было помѣстить ихъ тамъ, преимущественно изъ туземокъ. И вотъ начались хлопоты—кого пригласить и кого нѣтъ. Устроенный павиліонъ вмѣстилъ бы конечно всѣхъ прибывшихъ въ Кутаисъ, а тутъ надо было ограничиться какими нибудь 20—30-ю дамами. Пригласить одну только дамскую аристократію края, наберешь пожалуй однѣхъ только старухъ, пригласить однѣхъ красавицъ, разобидишь до-нельзя первыхъ; надо было избрать среднее,—пригласили частію и тѣхъ, и другихъ. Танцы въ этотъ вечеръ ограничились одной только лезгинкой. Но что это была за лезгинка! Я, старый кавказецъ, ни прежде ни послѣ не видѣлъ такого сборища красавицъ, такихъ искусныхъ танцорокъ. Государь былъ необыкновенно оживленъ, хлопалъ, какъ и другіе, въ тактъ лезгинки, привѣтливо разговаривалъ со многими изъ дамъ, а на другой день большинству изъ нихъ послалъ весьма цѣнные подарки. Желая ознаменовать свой пріѣздъ особыми милостями, приказалъ генералъ-губернатору представить къ наградамъ достойнѣйшихъ изъ князей и дворянъ всего генералъ-губернаторства и въ вечеръ бала утвер-

дилъ это представленіе, а на другой день графъ Адлербергъ передалъ этотъ списокъ генералу Колюбакину; всего удостоились наградъ около 300 человѣкъ.

Въ числѣ лицъ, прибывшихъ въ Кутаисъ съ разными просьбами, явилась и княгиня Дадишкиліани—жена казненнаго князя Михаила Дадишкиліани, бывшаго владѣльца малой княжеской Сванетіи и убившаго въ 1857 году кутаисскаго генералъ-губернатора, князя Гагарина, съ просьбою объ оказаніи ей съ дѣтьми пособія, такъ какъ до того времени не были еще окончательно разъяснены права ея на наслѣдство и вознагражденіе за отошедшую въ казенное управленіе княжескую Сванетію. Генералъ Колюбакинъ не взялъ на себя докладывать объ этой просьбѣ Его В—ву и поручилъ мнѣ отвести кн. Дадишкиліани къ графу Адлербергу, который объяснилъ просительницѣ, что подобныя просьбы не разрѣшаются во время самаго путешествія Государя, а она получитъ отвѣтъ на эту просьбу изъ Петербурга. Такъ какъ кн. Дадишкиліани въ прошеніи своемъ упомянула, что она находится въ такой крайней нуждѣ, что даже не можетъ устроить поминки по своемъ мужѣ, то этотъ мотивъ и былъ принятъ за основаніе къ разрѣшенію прошенія, а потому и послѣдовалъ отзывъ министра финансовъ къ кавказскому намѣстнику, что Государь Императоръ Высочайше повелѣть изволилъ выдать кн. Дадишкиліани на поминки мужа ея единовременно 6,000 руб. Когда генералъ Колюбакинъ изъ главнаго управленія намѣстника получилъ увѣдомленіе въ этомъ же родѣ, то, не долго думая, призналъ себя въ правѣ вынуть остатки казненнаго изъ могилы съ обычною церковною церемоніею и передалъ ихъ кн. Дадишкиліани для погребенія. Когда изъ Тифлиса было донесено объ этомъ находящемуся по болѣзни за границей генералъ-фельдмаршалу князю Барятинскому, тотъ, разумѣется, возмутился такимъ поступкомъ генералъ-губернатора, превышавшимъ его власть, и это было причиною, что генералъ Колюбакинъ назначенъ былъ сенаторомъ въ Москву.

На третій день Государь Императоръ Александръ II, около 10-ти часовъ утра, выѣхалъ изъ Кутаиса, по той же дорогѣ въ Поти, а оттуда отправился въ Крымъ.

А. Щербаковъ.

М. Боржомъ.
10 августа 1883 г.

ВИЛЕНСКІЕ ОЧЕРКИ

1863—1865 гг. [1]).

(Изъ воспоминаній очевидца).

III.

Ежедневные пріемы.—Чиновники, прибывшіе отовсюду.—Первая мысль объ адресѣ виленскаго дворянства.—Празднованіе 22-го и 27-го іюля.—Представленіе адреса.—Покушеніе на жизнь Домейко.—Розыски.—Кинжальщики.—Ихъ казнь.—Поимка преступника.—Казнь его и сообщниковъ.—Полковой праздникъ Преображенскаго полка.—Августовская депутація.—Подчиненіе Августовской губерніи генералу Муравьеву.—Управленіе ею.—Общее сочувствіе къ дѣйствіямъ генерала Муравьева.

Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ прибылъ въ Вильну безъ семьи, съ нѣсколькими приближенными, и до іюля мѣсяца дѣятельность его была лихорадочная. Онъ занимался съ 7½ часовъ до 5-ти и затѣмъ, отдохнувъ не много послѣ обѣда, съ 8-ми часовъ принимался за дѣла и занятія продолжались до поздней ночи, и, не смотря на это, въ дежурной комнатѣ близь его кабинета всегда было нѣсколько человѣкъ, ожидавшихъ доклада, и неоднократно нѣкоторые изъ докладчиковъ съ менѣе спѣшными дѣлами уходили, не дождавшись доклада. Комнаты дворца были похожи на бивакъ вокругъ ставки главнокомандующаго.

Занимаясь въ политическомъ отдѣленіи (помѣщавшемся во флигелѣ у дворца), я однако почти всякій день заходилъ во

---

[1]) См. «Записки графа М. Н. Муравьева-Виленскаго» и прилож. къ нимъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1882 г., т. XXXVI, ноябрь, стр. 387—432; декабрь, стр. 623—644; изд. 1883 г., т. XXXVII, январь, стр. 131—166; февраль, стр. 291—304; мартъ, стр. 615—630; т. XXXVIII, апрѣль, стр. 193—230; т. XL, октябрь, стр. 181—200.

дворецъ, въ особую канцелярію, и вмѣстѣ съ прочими появлялся оттуда въ большой малиновой комнатѣ, гдѣ генералъ-губернаторъ дѣлалъ ежедневно пріемъ. Пріемы эти отличались отъ обыкновенныхъ служебныхъ пріемовъ. Генералъ-губернаторъ говорилъ мало, но всегда выразительно, не громко и не возвышая голоса; пріемъ продолжался рѣдко болѣе получаса.

Обойдя всѣхъ представлявшихся, генералъ-губернаторъ обращался на возвратномъ пути въ кабинетъ, къ нашей толпѣ, какъ тогда выражались: состоящихъ при и по (такъ какъ всѣ мы не имѣли опредѣленныхъ мѣстъ, а были зачислены или въ его распоряженіе, или по канцеляріи, при управленіи, при генералъ-губернаторѣ и т. п.). Жаждущихъ мѣстъ было множество. Тутъ были и камергеры, и генералы, и гвардейцы, всѣ зачисленные въ своихъ частяхъ и командированные въ распоряженіе генерала Муравьева. Такъ какъ должности сначала открывались медленно, то толпа этихъ состоящихъ при и по все увеличивалась. Не долго впрочемъ это продолжалось, и по мѣрѣ того, какъ генералъ-губернаторъ освоивался съ управленіемъ и сталъ удалять неблагонадежныхъ чиновниковъ (что сперва дѣлалось весьма разборчиво), на мѣста ихъ опредѣлялись вновь прибывшіе. Нѣкоторымъ изъ нихъ давались тутъ же маленькія командировки и порученія для ознакомленія съ ними; но такъ какъ на всѣхъ дѣла не хватало, то, оставивъ лишь нѣкоторую часть ихъ для постепеннаго замѣщенія открывающихся вакансій, остальныхъ, согласно требованіямъ губернаторовъ, раскомандировали въ ихъ распоряженіе для назначенія на должности по ихъ усмотрѣнію. Надо отдать справедливость, что рвеніе этихъ господъ къ службѣ было огромное, каждый ѣхалъ сюда или для проложенія себѣ дороги, или для поправленія прежнихъ служебныхъ ошибокъ и неудачъ; изъ числа ихъ многіе оказались впослѣдствіи прекрасными и весьма способными мировыми посредниками, членами повѣрочныхъ коммисій и военными начальниками, равно и на прочихъ должностяхъ и лишь весьма малое число оказалось вовсе никуда негодными, которыхъ мало-по-малу спровадили во-свояси. Впослѣдствіи, назначенія на должности по мировымъ учрежденіямъ дѣлались уже по предварительнымъ сношеніямъ и особымъ вызовамъ; и только высшіе изъ прибывающихъ чиновниковъ оставлялись на время при главномъ управленіи для ознакомленія съ ходомъ дѣлъ

и съ руководящимъ направленіемъ; всѣ же мелкіе чиновники, прибывавшіе изъ разныхъ губерній, прямо отсылались къ одному изъ губернаторовъ, гдѣ встрѣчалась надобность, гдѣ открывалось болѣе вакансій, а иногда и сообразно съ желаніемъ пріѣхавшаго.

Я описываю нашъ чиновничій фаланстеръ, какъ одно изъ весьма оригинальныхъ служебныхъ явленій; дамскаго общества вовсе тогда не было; съ поляками мы ничего не имѣли общаго; польскія дамы чуждались насъ, равно какъ и мы ихъ; мѣстные русскіе чиновники смотрѣли на насъ тоже недовѣрчиво и даже непріязненно; пріѣзжавшіе бо̀льшею частію не привозили съ собою семействъ до упроченія на должности, такъ что образъ жизни всѣ почти вели одинаковый, впрочемъ довольно скромный и, сообразно со средствами и потребностями, посѣщали однѣ и тѣ же мѣста.

Въ то время какъ происходили эти передвиженія въ нашемъ маленькомъ чиновничьемъ мірѣ, готовилось одно важное событіе, имѣвшее вліяніе на переломъ мятежа.

Виленскому дворянству была подана мысль о представленіи всеподданнѣйшаго адреса, въ коемъ оно сознало бы свои заблужденія и просило помилованія; главною же цѣлью этого было уясненіе партіи, расположенной къ правительству, такъ какъ всякій подписавшій адресъ, въ случаѣ открытія его виновности, становился вдвойнѣ виновнымъ, а всякій благомыслящій стремился бы, подписавъ свое имя, увеличить ту партію, изъ которой онъ уже не могъ выступить. Дѣло это шло весьма медленно сначала, тѣмъ болѣе что самъ губернскій предводитель Домейко колебался и сомнѣвался въ его успѣхѣ, но къ нему наконецъ примкнули семейство графовъ Платеръ, помѣщикъ Снитко (православный) и нѣкоторые другіе. Со стороны правительства въ этомъ дѣлѣ принималъ участіе тотъ же полковникъ Павловъ, много лѣтъ жившій въ этомъ краѣ и имѣвшій въ средѣ мѣстныхъ помѣщиковъ друзей и родныхъ. Генералъ-губернаторъ зорко слѣдилъ за этимъ дѣломъ и не давалъ ему проявиться, пока оно не созрѣетъ; такъ, дворянство хотѣло было представить адресъ 22-го іюля, въ день тезоименитства государыни; но начальникъ края отклонилъ это до 27-го числа и въ эти пять дней число подписей подъ адресомъ удвоилось.

22-го іюля былъ первый оффиціально торжественный день,

наступившій послѣ долго продолжавшейся упорной борьбы законнаго правительства съ мятежемъ и потому онъ отличался особеннымъ характеромъ. Къ 10-ти часамъ утра всѣ мѣстныя власти и представители всѣхъ сословій наполнили залы дворца и передъ началомъ обѣдни генералъ-губернаторъ обошелъ присутствующихъ. Большая малиновая гостинная, гдѣ обыкновенно дѣлались пріемы, была наполнена гвардейцами: тутъ былъ весь преображенскій полкъ, незадолго прибывшій, лейбъ-уланы и лейбъ-драгуны, собранные въ Вильну для возвращенія въ скоромъ времени въ столицу. Караулъ у дворца былъ Преображенскій. День былъ чудесный и окна дворца были открыты. Генералъ-губернаторъ былъ очень ласковъ съ гвардейцами и предупредилъ ихъ, что скоро пошлетъ въ экспедицію. Дворянамъ онъ сказалъ нѣсколько простыхъ, но сильныхъ и внушительныхъ словъ, и заявилъ, что ему уже извѣстно ихъ намѣреніе, но онъ не можетъ еще допустить его исполненія, такъ какъ мало видитъ чистосердечнаго раскаянія, ибо для этого нужны дѣйствія, а не однѣ слова; евреямъ генералъ-губернаторъ не довѣрялъ, но всегда обращался къ нимъ съ нѣсколькими словами, напоминая о неусыпномъ исполненіи вѣрноподданническихъ обязанностей; римско-католическое духовенство было еще очень смущено недавними казнями ксендзовъ и высылкою своего главы.

Послѣ пріема генералъ-губернаторъ пригласилъ всѣхъ представлявшихся послѣдовать за нимъ въ соборную церковь для слушанія литургіи и молебствія.

Давно уже нашъ православный соборъ не представлялъ такого блистательнаго зрѣлища. Богослуженіе совершали епископы: Ковенскій — Александръ и Брестскій — Игнатій (викаріи Литовской епархіи), 2 архимандрита и 4 протоіерея. Когда же началось молебствіе и духовенство направилось къ амвону—впереди всѣхъ показался знаменитый Литовскій митрополитъ Іосифъ. Весь соборъ былъ наполненъ служащими и даже нѣсколькими дворянами; всѣ были въ мундирахъ; въ лѣвомъ углу помѣщалась небольшая группа русскихъ дамъ; передъ соборомъ на площадкѣ были построены: Преображенскаго и Семеновскаго полковъ роты его величества и спѣшенные эскадроны лейбъ-уланъ и драгунъ. Толпа народа вокругъ была необозримая и все это было залито сіяніемъ іюльскаго солнца. Послѣ молебна загудѣли колокола,

въ цитадели загремѣли пушки и, по выходѣ начальника края изъ собора, пронеслось по площади и въ толпѣ народа нескончаемое ура. Это не былъ обыкновенный праздникъ. Всякій чувствовалъ, что тутъ совершаются историческія событія и, хотя все это представляло лишь внѣшнее торжество русской силы, но въ немъ видимо было и чувствовалось то новое направленіе, которому должны будутъ слѣдовать въ краѣ грядущія поколѣнія. Послѣ развода, генералъ-губернаторъ вмѣстѣ съ многочисленною свитою и начальствующими лицами посѣтилъ митрополита, который былъ чрезвычайно утомленъ службою, и едва былъ въ силахъ принять на нѣсколько минутъ столь многочисленное общество. Голосъ его чрезвычайно былъ слабъ, такъ что во время служенія слова его были слышны лишь близь стоявшимъ.

Вечеромъ въ городѣ была великолѣпная иллюминація, безчисленныя толпы народа покрывали улицы и площади и въ первый, кажется, разъ по возобновленіи играли въ театрѣ. Передъ началомъ представленія оркестромъ Финляндскаго полка былъ исполненъ народный гимнъ: „Боже царя храни", который три раза заставили повторить при громкомъ неумолкаемомъ ура.

Тутъ только, въ эти минуты, мы, равнодушные петербургскіе космополиты, среди враждебной намъ среды, начали чувствовать себя русскими и проникаться самымъ горячимъ патріотизмомъ.

27-го іюля такъ близко слѣдовало за описаннымъ мною торжествомъ, что можетъ почитаться какъ бы его дополненіемъ. По случаю дня рожденія Государыни, снова всѣ собрались въ генералъ-губернаторскій дворецъ, но въ этотъ день Виленское дворянство чрезъ депутацію изъ 15-ти человѣкъ, имѣвшую во главѣ губернскаго предводителя, просило начальника края представить Его Величеству письмо съ выраженіемъ раскаянія и съ заявленіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ. Минута была торжественная. Генералъ-губернаторъ принялъ адресъ, подписанный уже 230 почетнѣйшими дворянами и согласился представить его Государю; но вмѣстѣ съ тѣмъ напомнилъ дворянству какую важность должно имѣть это заявленіе, и что затѣмъ имъ слѣдуетъ дѣйствіями своими доказать, что они отрекаются отъ революціонной партіи и во всемъ намѣрены содѣйствовать правительству для возстановленія спокойствія въ краѣ. Губернскій предводитель

заявилъ при этомъ, что подписка на особыхъ листахъ продолжается по уѣздамъ и идетъ успѣшно.

Немедленно была отправлена государю въ Царское Село телеграмма съ извѣщеніемъ объ этомъ событіи и о содержаніи адреса. Самый же адресъ при пространномъ донесеніи отправленъ къ его величеству въ тотъ же вечеръ съ ротмистромъ кавалергардскаго полка, княземъ **Шаховскимъ**. На телеграмму былъ въ тотъ же день полученъ благосклонный отвѣтъ государя. Затѣмъ нѣсколько времени спустя, его величество удостоилъ генерала Муравьева милостивымъ по этому случаю рескриптомъ, а князь Шаховской былъ назначенъ флигель-адъютантомъ.

Въ тотъ же вечеръ 27-го іюля офицерами Преображенскаго полка былъ устроенъ на вершинѣ Замковой горы, въ виду всего города, великолѣпный фейерверкъ; ничего эффектнѣе мнѣ никогда не приходилось видѣть: положеніе горы, темнота вечера и тишина погоды—все тому благопріятствовало; въ разныхъ мѣстахъ на площадяхъ, равно какъ въ Ботаническомъ саду, играло нѣсколько полковыхъ оркестровъ, на улицахъ слышалась веселая рѣчь; поляки какъ-то не дичились въ этотъ день и выказывали желаніе поддержать свое заявленіе возможно торжественнѣе. Смѣшно сознаться, но я вмѣстѣ съ нѣсколькими людьми, подобно какимъ-нибудь тайнымъ агентамъ, рыскалъ по улицамъ и площадямъ, изъ театра въ садъ, и при встрѣчѣ другъ съ другомъ на улицахъ, буквально залитыхъ огнемъ иллюминаціи, какъ-то крѣпче пожимали мы другъ другу руки и сознавали, что̀ вокругъ насъ совершалось. Шагъ былъ сдѣланъ—надо было идти впередъ.

Описанныя мною торжества и особенно подача адреса Виленскимъ дворянствомъ были слишкомъ очевидными результатами распоряженій правительства, и революціонная партія, чуя приближеніе своей гибели, должна была рѣшиться на отчаянную попытку и терроромъ остановить начавшееся движеніе въ пользу законной власти. Всѣ это чувствовали, но никто не могъ предъугадать откуда направится ударъ.

29-го іюля рано утромъ по городу разнеслась вѣсть, что **маршалка убили**; трудно было понять, что̀ это значитъ, а потому я немедленно отправился во дворецъ. Выходя изъ квартиры, замѣтилъ я необыкновенное движеніе. Нѣмецкая улица, постоянно

полная грязныхъ евреевъ, была занята полиціей, казаками и войскомъ; скакали верховые—тутъ только я догадался въ чемъ дѣло и что покушеніе было на жизнь губернскаго предводителя Домейко; вскорѣ въ канцелярію нашу стали прибывать разныя лица съ мѣста дѣйствія, принося различныя по дѣлу подробности; оказывалось, что въ 8-мъ часу утра неизвѣстный человѣкъ явился къ Домейко подъ предлогомъ подачи просьбы. Слуга просилъ его обождать, пока доложитъ. Губернскій предводитель только что всталъ и еще въ халатѣ вышелъ въ пріемную, куда велѣлъ впустить и пришедшаго. Слуга тѣмъ временемъ остался въ большой прихожей, надъ лѣстницей, гдѣ растворялъ окна. Услыша внезапный крикъ въ сосѣдней комнатѣ, онъ бросается туда и въ дверяхъ сталкивается съ убійцей, у котораго въ рукахъ окровавленный кинжалъ. Онъ сталъ было сопротивляться; но при видѣ кинжала ужасъ имъ овладѣлъ и онъ, весь израненный въ грудь и въ бокъ, упалъ замертво. Убійца скрылся.

Между тѣмъ Домейко не только былъ живъ, но былъ гораздо слабѣе израненъ, чѣмъ его слуга. Убійца хотѣлъ поразить его въ самое сердце, но онъ всякій разъ, какъ тотъ наносилъ ему ударъ, защищался локтемъ лѣвой руки, согнувъ ее въ видѣ щита. На рукѣ его было семь большихъ ранъ, но толстый фланелевый рукавъ предохранилъ Домейко; приходъ же слуги заставилъ убійцу броситься назадъ, чтобъ проложить себѣ путь отступленія. Вмѣсто прошенія, Домейко было подано два листка. Листки эти, съ запекшеюся на нихъ кровью, были отосланы въ канцелярію и съ нихъ дѣлался переводъ. На первомъ было напечатано по польски постановленіе верховнаго народоваго трибунала, которымъ всѣ лица, подписавшія адресъ Государю, изъемлются изъ-подъ покровительства закона и предаются военному полевому суду, а Александръ Домейко, какъ одинъ изъ главныхъ виновниковъ этого дѣла, долженъ быть немедленно казненъ смертью, какъ измѣнникъ отечеству. Къ этому документу приложена была синяя печать, съ изображеніемъ соединенныхъ гербовъ Литвы и Польши, съ надписью вокругъ: pieczęć rządu narodowégo. Oddział Litwy. Другой листокъ заключалъ приказъ исполнительнаго отдѣла Литвы, за подписью начальника miasta Вильны (съ неразборчивою подписью), въ коемъ предписывалось привести въ исполненіе приговоръ надъ гражданиномъ Домейко.

Немедленно была подана медицинская помощь Домейко и его слугѣ, который въ первое время подавалъ мало надежды на выздоровленіе. Къ дому его приставленъ былъ караулъ отъ Преображенскаго полка и разостлали солому. По всей Нѣмецкой улицѣ во всѣхъ квартирахъ и на заднихъ дворахъ были сдѣланы тщательные обыски; городъ былъ весь оцѣпленъ войсками, по всѣмъ направленіямъ были отправлены разъѣзды казаковъ и сообщены примѣты убійцы (средняго роста, рыжій, съ короткими волосами; одѣтъ въ сѣромъ пальто); въ городѣ было общее смущеніе; всѣ власти и служащіе, всѣ русскіе порядочные люди поспѣшили заявить свое сочувствіе Домейко и тѣснились до вечера въ его прихожей, узнавая о его положеніи и записывая на листѣ свое имя. Вечеромъ послѣ 9-ти часовъ вовсе было воспрещено выходить изъ дому; на площадяхъ поставлены караулы и на ночь былъ назначенъ повсемѣстный обыскъ; онъ начатъ былъ одновременно въ разныхъ частяхъ города съ наступленіемъ одиннадцатаго часа; войска были раздѣлены по кварталамъ; на каждый домъ полагалось нѣсколько человѣкъ рядовыхъ съ унтеръ-офицеромъ. Въ обыскѣ принимали участіе одни гвардейцы и исполнили они эту тяжкую обязанность безъ шуму; по нѣсколько человѣкъ входили въ каждую квартиру, требовали огня, осматривали всѣхъ наличныхъ жильцовъ, заглядывали подъ кровати, за печи, за шкафы, во всѣ чуланы и чердаки. Такъ какъ нельзя было отмѣтить квартиры, занимаемыя русскими, то ко многимъ изъ нихъ заходили солдаты; офицеры за всѣмъ наблюдали и гдѣ дѣлалось извѣстнымъ, что живетъ русскій, или служащій и военный, то воспрещено было ихъ тревожить; обыска не избѣжали и мужскіе монастыри; но все было тщетно: взято было нѣсколько лицъ, схожихъ съ примѣтами преступника, но по предъявленіи ихъ Домейко и слугѣ его, они никого не признали.

Въ это время, когда, казалось, никакой не было надежды открыть даже слѣды преступника, сдѣланы были двумя лицами весьма важныя раскрытія; оба доносчика были изъ шайки кинжальщиковъ, только что сформировавшейся въ Вильнѣ и распространяемой по всему краю съ цѣлью политическихъ убійствъ. Первый былъ нѣкто Мирошниковъ, молодой человѣкъ, православный и русскій, сынъ солдата; но мать его была полька и

онъ былъ воспитанъ въ кругу поляковъ; кутила и сорви-голова, онъ уже былъ однажды арестованъ по какому-то подозрѣнію, а въ то самое время, когда случилось покушеніе на жизнь Домейко, гдѣ-то проговорился, хвастаясь. При допросахъ онъ сознался, что ихъ, кинжальщиковъ, болѣе десяти человѣкъ; но что изъ нихъ онъ знаетъ лишь немногихъ; изъ названныхъ имъ 4-хъ лицъ трое оказались бѣжавшими и никогда не были схвачены; одинъ лишь В. [1]) въ то же самое время заявилъ желаніе сдѣлать указанія, которыя и послужили къ обнаруженію всего этого адскаго общества; каждую ночь, а часто и днемъ, дѣлались обыски. Въ первые же дни схвачены были два брата Ревковскіе, Яблонскій и Сиповичъ—всѣ люди молодые, совершенные пролетаріи, подрядившіеся за небольшое содержаніе на политическія убійства по указанію революціоннаго правительства; въ случаѣ удачи, имъ обѣщались особыя награды. Такъ, оказалось впослѣдствіи, что убійцѣ Домейко было обѣщано 1,000 руб., хотя на самомъ дѣлѣ ему выдали только 700 руб., полагая, что убійство уже совершилось. Всѣ названные мною молодые люди были въ высшей степени жалки, даже революціонеры не могли ихъ почтить своимъ уваженіемъ, какъ гнусныхъ наемниковъ. Всѣ они были захвачены въ расплохъ и хотя никто изъ нихъ еще не совершилъ убійствъ, но при всѣхъ оказались кинжалы и всѣ они сознались въ полученіи денегъ въ счетъ наградъ за преступленія. Слѣдствіе было самое непродолжительное; судъ совершенъ въ два дня и всѣ четверо были повѣшены. Сперва были казнены вмѣстѣ два брата Ревковскіе, а дня черезъ два Яблонскій и Сиповичъ.

Между тѣмъ бдительность полиціи и жандармовъ не ослабѣвала и 6-го августа на Виленской станціи желѣзной дороги дежурный жандармскій офицеръ Собинъ замѣтилъ двухъ молодыхъ людей, прибывшихъ въ вокзалъ слишкомъ за часъ до отправленія поѣзда; едва примѣтное въ нихъ смущеніе при его взглядѣ заставило его обратить на нихъ нѣкоторое вниманіе; они всѣ спѣшили взять билеты и нѣсколько разъ подходили къ кассѣ, которая еще не отпиралась. Въ то время былъ уже учрежденъ по

---

[1]) Я не выставляю здѣсь имени, такъ какъ В. былъ впослѣдствіи помилованъ. Авт.

всей линіи желѣзной дороги осмотръ паспортовъ и багажа, а у лицъ сомнительныхъ осматривались и вещи въ дорожныхъ мѣшкахъ. Молодые эти люди предъявили заграничные паспорты для прописки и, получивъ контрамарки, потребовали въ кассѣ билеты на Варшаву; это показалось Собину нѣсколько подозрительнымъ и, замѣтивъ ихъ неловкость и смущеніе при распросахъ о причинахъ такого отдаленнаго пути за границу, онъ приказалъ ихъ арестовать. Повидимому ожиданіе путешественниковъ было самое мучительное и напряженное, такъ что одинъ изъ нихъ при этомъ не выдержалъ и съ нимъ сдѣлалось дурно.

Оба арестованные были предъявлены Домейко и въ одномъ изъ нихъ, который былъ побойчѣе и поупрямѣе, найдено было что-то общее съ преступникомъ; но черный цвѣтъ волосъ и гладко выбритая борода и платье, казалось, не имѣли съ нимъ ничего общаго; черезъ нѣсколько же дней замѣтили, что у этого молодого человѣка волосы изъ черныхъ дѣлаются фіолетовыми, а концы стали переходить въ рыжій цвѣтъ. Ему смыли голову; волосы его оказались перекрашенными; онъ снова былъ предъявленъ своимъ жертвамъ и на этотъ разъ нѣсколько смутился, а черезъ день во всемъ повинился.

Преступникъ былъ нѣкто Беньковскій, родомъ изъ Варшавы, цирюльникъ, съ небольшимъ 20-ти лѣтъ; онъ нанялся еще въ Варшавѣ совершать убійства и отличался стойкостью характера и предпріимчивостью; изъ Варшавы онъ былъ посланъ въ распоряженіе Виленскаго исполнительнаго отдѣла вмѣстѣ съ сообщникомъ своимъ Чаплинскимъ, (упавшимъ въ обморокъ при арестованіи); здѣсь ему обѣщали за убійство Домейко 1,000 р., но такъ какъ его одѣли и нѣкоторое время кормили, то сдѣлали вычетъ и всего ему пришлось получить около 700 руб. Но не ему одному поручено было убить губернскаго предводителя, а также Чаплинскому и Марчевскому, котораго они признали между арестованными уже кинжальщиками. Всѣ они ходили изучать расположеніе квартиры Домейко, но почему-то не удалось имъ исполнить этого, пока болѣе рѣшительный Беньковскій не приступилъ къ дѣлу.

Первые дни послѣ покушенія, Беньковскій скрывался у разныхъ лицъ, переодѣваясь даже въ женское платье, разъ какъ-то ночевалъ на кладбищѣ и расчитывалъ, что черезъ нѣсколько

дней, когда строгія мѣры наблюденія поослабнутъ,—будетъ легче выбраться изъ города.

Для разслѣдованія шайки кинжальщиковъ, обнаружившей за собою иную, сильнѣйшую, революціонную организацію, была учреждена особая слѣдственная коммисія, подъ предсѣдательствомъ генерала Соболевскаго; членами ея назначены были разные гвардейцы и между прочими Преображенскаго полка полковникъ Шелгуновъ.

Коммисія помѣстилась въ зданіи давно уже упраздненнаго Доминиканскаго монастыря, въ одной небольшой комнатѣ, и всѣ главнѣйшіе преступники, обвиняемые впослѣдствіи какъ участники въ революціонной организаціи, были доставляемы въ мрачную доминиканскую тюрьму, которая съ этого времени сдѣлалась страшилищемъ, тогда какъ до того времени важнѣйшіе политическіе арестанты помѣщались въ одномъ изъ крѣпостныхъ казематовъ № 14-й.

Люди возникаютъ вмѣстѣ съ обстоятельствами, и это было время раздолья для разныхъ ярыхъ сыщиковъ. Сколько помню я таинственныхъ фигуръ, являвшихся подъ вечеръ во дворецъ для передачи своихъ открытій; чиновники самаго невысокаго полета порывались прямо къ генералъ-губернатору, а производившіе аресты по ночамъ тоже напускали на себя мрачный видъ и старались долѣе сохранить слѣды ночныхъ безсонницъ. Вообще же записные доносчики мало оказываютъ пользы; ими можно пользоваться лишь для нападенія на слѣдъ преступленія, когда у правительства нѣтъ никакихъ данныхъ и поддержки въ обществѣ; затѣмъ эти господа стараются запутать дѣло и усложнить его, и такъ какъ это бо̀льшею частію люди съ разными дурными наклонностями, то всегда кончается тѣмъ, что о нихъ же возникаетъ нѣсколько слѣдственныхъ дѣлъ самаго темнаго содержанія.

То же можно сказать и о евреяхъ-лазутчикахъ при военныхъ отрядахъ; по общимъ отзывамъ они эксплоатируютъ обѣ стороны, очень много хвастаютъ о своихъ подвигахъ, а въ результатѣ очень мало оказываютъ услугъ; во всякомъ случаѣ этотъ народъ гораздо лучше политическихъ шпіоновъ: эти послѣдніе всегда негодяи и пользы отъ нихъ почти никакой. Всѣ главнѣйшія открытія были сдѣланы гораздо позднѣе, когда учредилась бдительная и неусыпная полиція и образовалась правительственная

партія, а слѣдственная коммисія, дѣйствовавшая подъ непосредственнымъ наблюденіемъ начальника края, была поручена людямъ чрезвычайно способнымъ.

Казнь Беньковскаго, Чаплинскаго и Марчевскаго была совершена въ концѣ августа 1863 г. Беньковскаго и Марчевскаго везли вмѣстѣ на позорной колесницѣ, спиной къ лошадямъ, лицомъ къ народу и съ руками, связанными назадъ. Чаплинскаго же везли на извощикѣ, такъ какъ онъ по выходѣ изъ тюрьмы до самой казни оставался какъ-бы въ забытьи.

6-го августа былъ полковой праздникъ Преображенскаго полка; день былъ чудесный; весь полкъ былъ выстроенъ покоемъ на внутреннемъ дворѣ передъ домомъ генералъ-губернатора. Посреди двора, на коврѣ, былъ поставленъ аналой и собралось полковое духовенство. Дамы и чиновники собрались на среднемъ большомъ балконѣ и любовались великолѣпною картиною; часовъ въ 11 появился начальникъ края, окруженный многочисленною и блестящею свитою.

Послѣ молебна полкъ пропарадировалъ и направился изъ дворца на площадь предъ Игнатьевскими казармами, рядомъ съ дворцовымъ садомъ, гдѣ былъ приготовленъ полку обѣдъ. Вся площадь была покрыта столами. Межъ ними были воткнуты березки, а къ оградѣ дворцоваго сада примыкала большая палатка, въ которой былъ приготовленъ офицерами полка завтракъ для начальника края и всѣхъ высшихъ приближенныхъ лицъ. Картина была самая оживленная. Во время завтрака командиромъ полка княземъ Барятинскимъ получена изъ г. Владиміра поздравительная телеграмма Его Величества, встрѣченная въ полку неописаннымъ восторгомъ. Праздникъ продолжался весь день. Офицеры не расходились, а приглашенные снова собрались вечеромъ, когда стемнѣло и вся площадь была залита огнемъ иллюминаціи; до полночи не умолкали солдатскія пѣсни, громкіе тосты, а офицерская палатка полна была гостей и все время было угощенье и подъ конецъ ужинъ. Вокругъ тѣснился народъ и порывался принять участіе въ русскомъ веселіи.

Въ это же утро явилась во дворецъ къ генералъ-губернатору многочисленная депутація отъ крестьянъ гмины Зыпле Кальва-

рійскаго уѣзда, Августовской губерніи. Она представила генералъ-губернатору письмо за подписью нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, въ которомъ просили его принять ихъ подъ свою защиту отъ мятежниковъ, такъ какъ въ этой части Августовской губернія не было вовсе войскъ и они предоставлены произволу шаекъ. Генералъ-губернаторъ согласился принять ихъ подъ свою защиту и послать къ нимъ войска; но требовалъ и съ ихъ стороны полнаго содѣйствія. Литвины были въ совершенномъ восторгѣ и, приглашенные преображенцами раздѣлить съ ними хлѣбъ-соль, раздѣляли и общую радость.

Немедленно послѣ представленія депутаціи были сдѣланы сношенія и посланы войска для занятія Кальварійскаго и Маріупольскаго уѣздовъ; нѣсколько позже послѣдовало Высочайшее повелѣніе о подчиненіи временно Августовской губерніи, кромѣ Ломжинскаго уѣзда, генералу Муравьеву въ военномъ отношеніи. Въ январѣ слѣдующаго 1864 г. присоединенъ и Ломжинскій уѣздъ. Тотчасъ были приняты мѣры къ возстановленію порядка въ этой губерніи. Въ нее направились двѣ колонны войскъ: одна—подъ начальствомъ генерала Бакланова (отличавшагося на Кавказѣ и незадолго передъ тѣмъ вызваннаго съ Дону), другая—подъ начальствомъ князя Барятинскаго. Къ преображенцамъ присоединили лейбъ-улановъ и казаковъ.

Одна лишь вторая колонна имѣла довольно значительное дѣло; первая прошла почти безпрепятственно; мятежники побросали оружіе и разбѣжались безъ оглядки; множество ихъ было захвачено бродячими въ одиночку. Генералу Я. П. Бакланову была подчинена вся Августовская губернія; онъ ввелъ въ ней военно-полицейское управленіе, какъ это было въ Сѣверо-Западномъ краѣ, и все пришло въ порядокъ.

Управленіе Августовскою губерніею шло чрезвычайно странно: всѣ гражданскія дѣла должны были идти обыкновеннымъ порядкомъ, а въ военномъ и политическомъ отношеніи, впослѣдствіи же и по устройству быта крестьянъ, губернія эта была подчинена Виленскому генералъ-губернатору; при немъ устроилась для управленія этою губерніею небольшая канцелярія, въ родѣ статсъ-секретаріата по дѣламъ Августовской губерніи. Ее составили нѣсколько чиновниковъ, данныхъ генералу Бакланову въ его первомъ походѣ, для гражданскихъ дѣлъ. Во главѣ этого времен-

наго отдѣленія, или, какъ его называли, коммисіи, поставленъ статскій совѣтникъ Иванъ Акимовичъ Никотинъ, незадолго передъ тѣмъ возвратившійся изъ м. Ворни, Тельшевскаго уѣзда, Ковенской губерніи, куда онъ былъ посланъ для склоненія Самогитскаго епископа Волончевскаго написать увѣщательное слово своей мятежной паствѣ. Успѣхъ этого порученія обратилъ на г. Никотина выборъ генералъ-губернатора; помощниками его были адъютантъ начальника края В. Ѳ. Самаринъ и камеръ-юнкеръ Мясоѣдовъ.

Хотя часть управленія была оставлена за Варшавой, но въ сущности все тянуло въ Августовской губерніи къ Вильнѣ; народонаселеніе съ необыкновенною радостью принимало наши войска, чиновниковъ и властей, отвсюду шли депутаціи, была рѣчь о включеніи Августовской губерніи въ составъ имперіи.

Не говоря уже о значительномъ числѣ (до 12,000) старообрядцевъ, населяющихъ уѣзды Сейненскій и Марьямпольскій, и приславшихъ въ Вильну свою бойкую депутацію изъ чисто русскихъ людей, остальное населеніе губерніи состоитъ изъ литвинъ и частію бѣлоруссовъ, ничего общаго не имѣвшихъ съ поляками.

Двойственное управленіе Августовской губерніи продолжалось почти годъ и когда приказано было возвратить ее въ общее управленіе Царства Польскаго, то населеніе губерніи, какъ бы возродившееся для новой жизни въ теченіе этого года, съ искреннимъ сожалѣніемъ разставалось съ прежними начальниками.

Вѣроятно какія-нибудь высшія политическія соображенія побудили такъ поступить; но, можно смѣло сказать, что было-бы тогда весьма полезно присоединить Августовскую губернію навсегда къ Виленскому генералъ-губернаторству. Минута была благопріятная; никто-бы не сказалъ ни слова, а эта губернія такъ и смотрѣла и просилась въ Россію.

Въ концѣ августа снова послѣдовали одно за другимъ два торжества—коронаціи и имянинъ Государя. Въ послѣдній изъ этихъ дней, послѣ генералъ-губернаторскаго пріема, когда всѣ отправились въ соборъ, а начальникъ края съ небольшою свитою въ домовую дворцовую церковь, получена была отъ военнаго министра телеграмма съ извѣщеніемъ о пожалованіи генералу Муравьеву ордена Андрея Первозваннаго. Вѣсть объ этомъ быстро разнеслась и всѣ изъ собора снова собрались во дворецъ, чтобы

поздравить генералъ-губернатора, который снова обошелъ всѣхъ и благодарилъ за вниманіе. Предсѣдатель государственнаго совѣта, покойный графъ Блудовъ, министры иностранныхъ, и внутреннихъ дѣлъ, и государственныхъ имуществъ и многія высшія лица поспѣшили письмами и телеграммами изъявить М. Н. Муравьеву свое по этому поводу сочувствіе.

Здѣсь я долженъ упомянуть о томъ постоянномъ сочувствіи, которое встрѣчалъ онъ во время управленія Сѣверо-Западнымъ краемъ отъ русскихъ людей вообще. Когда онъ ѣхалъ въ Вильну, никто, казалось, не былъ сторонникомъ его дѣла, онъ былъ какъ-бы одинъ, особенно въ Петербургѣ; ему приходилось бороться на каждомъ шагу съ неодолимыми препятствіями. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Вильну, онъ получилъ отъ покойнаго нынѣ Московскаго митрополита Филарета въ благословеніе икону Архистратига Михаила при замѣчательномъ собственноручномъ письмѣ этого архипастыря; въ письмѣ этомъ между прочимъ говорилось: „ваше назначеніе—есть уже пораженіе враговъ отечества; ваше имя—побѣда“.

Письмо это въ высшей степени ободрило неутомимаго генералъ-губернатора. Въ началѣ же іюля мѣсяца, когда результаты принятыхъ имъ мѣръ становились все очевиднѣе, московскій англійскій клубъ, на обѣдѣ 8-го іюля 1863 г., провозгласилъ его здоровье и постановилъ послать въ Вильну телеграмму съ выраженіемъ сочувствія къ славной его дѣятельности. Событіе это было описано въ газетахъ и примѣръ былъ поданъ: вслѣдъ засимъ со всѣхъ концовъ Россіи отъ всевозможныхъ обществъ и сословій, часто даже отъ отдѣльныхъ лицъ, при всякихъ торжествахъ стали отправляться въ Вильну начальнику края сочувственныя телеграммы, а иногда и весьма знаменательные адресы; можно сказать, что съ того времени развился у насъ въ Россіи обычай посылать сочувственныя телеграммы. Такъ и впослѣдствіи, 8 ноября, въ день его ангела, генералъ-губернаторъ получилъ свыше 80 депешъ; не меньшее число получено было при возведеніи его въ графское достоинство и при всевозможныхъ другихъ случаяхъ. Въ бумагахъ покойнаго графа хранятся всѣ эти телеграммы и адресы, составляя нѣсколько переплетенныхъ книгъ.

Сочувствіе это служило для генерала Муравьева какъ бы регуляторомъ общественнаго мнѣнія и доказывало, что дѣйствія его

оцѣниваются въ ихъ истинномъ свѣтѣ—подобное сочувствіе не могло не имѣть вліянія, и не поддерживать его силы въ столь продолжительной и упорной борьбѣ, тѣмъ болѣе, что въ средѣ правительственныхъ лицъ онъ, какъ извѣстно, не пользовался большимъ сочувствіемъ.

Горы-горецкая катастрофа

1863 г.

Прочитавъ съ большимъ интересомъ въ IX книгѣ „Русской Старины" изд. 1883 г. статью „Горы-горецкая катастрофа", считаю необходимымъ указать на одну неточность въ концѣ статьи. В. Ф. Савицкій, въ описываемое время, былъ исправникомъ въ г. Оршѣ и только впослѣдствіи назначенъ исправникомъ въ г. Горки, въ каковой должности состоитъ и по настоящее время. Какъ житель г. Черикова съ 1862 года, могу также засвидѣтельствовать, что „разбитія шайки Топора подъ Чериковымъ" не было. Шайка эта прослѣдовала прямо въ Быховскій уѣздъ. Тамъ, въ м. Журавичахъ, около 1-го мая 1863 г., положила оружіе, Топоръ же исчезъ ранѣе.

А. Жуковъ.

17 сентября 1883 г.
Г. Чериковъ, Могилевской губ.

Примѣчаніе. Отмѣчаемъ здѣсь, что авторъ статьи „Горы-горецкая катастрофа", одинъ изъ трудолюбивыхъ провинціальныхъ писателей, Степанъ Егоровичъ Кулѣша, въ іюлѣ 1883 г., въ припадкѣ меланхоліи, застрѣлился въ г. Бѣлый, Смоленской губерніи. Ред.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ПОЛЗУНОВЪ

изобрѣтатель первой въ Европѣ паровой машины

въ 1763—1766 гг.

Въ апрѣлѣ 1882 года я былъ командированъ въ составъ коммисіи отъ министерства императорскаго двора для обозрѣнія Алтайскаго горнаго округа [1]). Коммисія наша прибыла въ городъ Барнаулъ, центръ управленія Алтайскаго округа, въ половинѣ іюня, послѣ двадцатипятидневнаго путешествія.

При обозрѣніи учрежденій, принадлежавшихъ горному управленію, мнѣ пришлось посѣтить и Барнаульскій горный музей, находящійся при окружномъ горномъ училищѣ. Въ музеѣ этомъ сосредоточены образцы уральскихъ и алтайскихъ горныхъ породъ и представители мѣстной флоры и фауны. Тамъ же находятся довольно обширныя орнитологическія и энтомологическія коллекціи тропическихъ поясовъ Америки и Африки. Кромѣ того въ музеѣ имѣется небольшой антропологическій кабинетъ и обширный механическій отдѣлъ, гдѣ сохраняются модели рудниковъ, построекъ и различныхъ машинъ. Между этими послѣдними есть одна крайне интересная какъ для механика, такъ и для исторіи машиностроенія: это модель паровой воздуходувной машины, изобрѣтенной и построенной въ 1763—1766 годахъ въ гор. Барнаулѣ шихтмейстеромъ Иваномъ Ивановичемъ Ползуновымъ, за двадцать лѣтъ до постройки первой паровой машины въ Западной Европѣ. Такимъ образомъ документально опровергается существующее мнѣ-

[1]) Алтайскій горный округъ занимаетъ южную часть Томской губерніи и принадлежитъ кабинету Его Императорскаго Величества.

ніе о томъ, что паровая машина изобрѣтена въ Англіи и тамъ же впервые примѣнена къ дѣлу. Представляю на страницахъ „Русской Старины“ исторію постройки ползуновской машины, взятую мною изъ архивовъ Алтайскаго горнаго правленія, замѣнившаго канцелярію Колывано-Воскресенскаго горнаго начальства. Я изложилъ этотъ краткій очеркъ въ хронологическомъ порядкѣ на основаніи подлинныхъ документовъ, счетовъ и смѣтъ какъ Ползунова (умершаго 16-го мая 1766 г.), такъ и тѣхъ лицъ, которымъ послѣ смерти изобрѣтателя было поручено продолженіе начатаго дѣла. Документы эти извлечены мною изъ подлиннаго дѣла о постройкѣ машины Ползуновымъ, начавшагося въ 1763 г. и хранящагося въ архивѣ Алтайскаго горнаго правленія.

А. Н. Воейковъ.

I.

Въ апрѣлѣ 1763 года шихтмейстеръ Иванъ Ивановичъ Ползуновъ обратился съ письмомъ [1]) къ главному начальнику Колывано-Воскресенскихъ заводовъ, генералъ-маіору Андрею Ивановичу Порошину [2]). Въ письмѣ этомъ онъ изложилъ подробно тѣ мотивы, которые побудили его къ отысканію новой двигательной силы, могущей замѣнить водяную, такъ какъ послѣдняя не можетъ быть примѣнена на заводахъ, удаленныхъ отъ рѣкъ. Открывъ новую двигательную силу—паръ, Ползуновъ испрашивалъ средства на постройку изобрѣтенной имъ машины. Канцелярія, на разсмотрѣніе которой генералъ-маіоръ Порошинъ передалъ письмо Ползунова и описаніе машины [3]), нашла, что идея замѣнить паромъ всякую другую двигательную силу извѣстна уже въ Европѣ, но къ дѣлу еще не примѣнена, и въ Россіи не извѣстна вовсе, почему слѣдовало бы оказать содѣйствіе предпріятію Ползунова. Канцелярія „его похвальное намѣреніе пріем-

---

[1]) Дѣло канцеляріи колывано-воскр. гор. начальства, № 525, начав. въ 1763 г. изъ архива Алтайскаго горнаго правленія.

[2]) Отецъ знаменитаго воспитателя великаго князя цесаревича Павла Петровича—Семена Андреевича Порошина, интересный дневникъ котораго вышелъ въ изданіи ред. „Русской Старины“ въ 1881 г.

[3]) Арх. Алт. горн. правл., журналъ канцеляріи 1763 г. 25-го апр., № 867. Это описаніе, равно чертежъ паровой машины Ползунова см. въ „Русской Старинѣ“ изд. 1883 г., декабрь.

леть за благо и к горноя механике признаваетъ за ревность и совершенную охоту тѣмъ болѣе, что не токмо въ здѣшнихъ нужныхъ заводахъ, но и во всей Россіи тотъ способъ войтить и укрѣпиться можетъ, который не сравненно съ нынѣшнимъ могъ бы быть полезну, потому что во многихъ мѣстахъ, а особливо здѣсь к строенію нужныхъ заводовъ многія неудобства и препятствія оказываются".

При видимой пользѣ, которую можно бы было ожидать отъ постройки подобной машины, канцелярія находитъ „сумнительство" въ томъ, что въ распоряженіи ея нѣтъ искуснаго механика, а что если есть люди, знающіе „теорически" ариѳметику, то нѣтъ искуснаго мастера, который съумѣлъ бы обращаться съ такимъ „субтильнымъ" дѣломъ. Это препятствіе было тѣмъ болѣе важно, что дѣло требовало великаго „кошту". Поэтому канцелярія объявила Ползунову, чтобы онъ лично имѣлъ наблюденіе за изготовленіемъ мѣстными рабочими всѣхъ мѣдныхъ, свинцовыхъ и желѣзныхъ частей и приспособилъ свою машину, хотя бы только къ двумъ или тремъ плавильнымъ печамъ. Кромѣ того канцелярія обнадежила его тѣмъ, что разрѣшила ему не стѣсняться временемъ и лишними издержками, если по ходу дѣла и неопытности рабочихъ представится необходимость въ передѣлкѣ или поправкѣ сдѣланнаго. Вмѣстѣ съ этимъ канцелярія о „прожектѣ" Ползунова донесла высочайшему ея величества кабинету [1]) и просила разрѣшить отпускъ нужной на постройку машины суммы.

По докладу кабинета, императрица Екатерина II [2]), „яко щедрая наукъ и художествъ покровительница, для вящаго его, Ползунова, и прочихъ по примѣру его въ таковыхъ же полезныхъ упражненіяхъ поощренія, пожаловала Ползунова въ механикусы, съ жалованьемъ и чиномъ инженернаго-капитана-поручика, и повелѣла выдать въ вознагражденіе четыреста рублевъ, а также буде онъ при заводахъ не надобенъ, указала „прислать его въ С.-Питербурхъ при серебре, дабы онъ для пріобрѣтенія себе большаго в механике искуства здесь, при академіи наукъ, года два или три и въ оной съ вяшшимъ наставленіемъ прилежать и сродныя

---

[1]) Арх. Алт. горн. правл., рапортъ канцеляріи 18-го іюня 1763 г., № 1889.

[2]) Тамъ же, высочайшій указъ 19-го ноября 1763 г.

ево к тому дарованія и способность съ лучшими успехами впредь для пользы заводской употребленъ быть могъ".

Канцелярія не отпустила однако Ползунова въ Петербургъ, такъ такъ въ его отсутствіи постройка изобрѣтенной имъ машины была бы невозможна и поручила ему выбрать изъ среды „оберъ-офицерскихъ и иныхъ служителей дѣтей, школьниковъ и унтеръ-офицеровъ людей, знающихъ теоретически ариѳметику, и съ помощію ихъ построить огнедѣйствующую машину, приспособивъ ее хотя бы къ одной печи и приведя въ дѣйствіе" [1]).

Въ постройкѣ подобной машины предстояла, по мнѣнію канцеляріи [2]), „искренная надобность, такъ какъ въ новооткрытыхъ рудникахъ Новолазурномъ и Семеновскомъ оказываютца свинцовыя руды хотя и небогатыя и непостоянныя, а работа при нихъ производится сильною рукою не столько для добычи, сколько для розысканія настоящихъ свинцовыхъ жилъ, ибо здѣсь въ свинцѣ предстоитъ выскренняя надобность". Постройка же особаго завода для этой мѣстности считалась предпріятіемъ рискованнымъ и поэтому огнедѣйствующая машина, построенная въ Барнаулѣ и перевезенная въ разобранномъ видѣ, была бы весьма полезна" [3]). Поэтому Ползуновъ долженъ былъ остаться въ Сибири до окончанія дѣла.

Вслѣдъ за полученіемъ согласія Ползунова, канцелярія разрѣшила ему взять къ себѣ указанныхъ имъ рабочихъ [4]) и отпустила ему, по представленной имъ смѣтѣ, нужную на постройку сумму и матеріалы, совѣтуя ему „приложить всевозможной трудъ и раденіе, оставя кампаніи (кромѣ высокоторжественныхъ дней) и праздничьи дни упражняться во всегдашней мысли о расположеніи оной къ исправному и похвальному дѣйствію, собирая къ тому государственную и себѣ самому могущую быть пользу и достохвальное почтеніе".

Такимъ образомъ „прожектъ" Ползунова перешелъ на практическую почву. 20-го мая 1765 года, изобрѣтатель донесъ канцеляріи, что подготовительныя работы имъ окончены, и что машина будетъ приведена въ дѣйствіе въ октябрѣ того же года.

---

[1]) Рапортъ канцеляріи 7-го марта 1764 г., № 941.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же, рапортъ Ползунова № 681, 19-го марта 1764 г.
[4]) Журналъ канцел. марта 26-го д. 1764 г.

II.

Ползунову не удалось, однако, кончить постройку машины къ указанному имъ сроку. Масса непредвидѣнныхъ причинъ и неопытность рабочихъ замедлили ходъ работы. Къ тому же многихъ матеріаловъ, необходимыхъ для машины, нельзя было достать въ Сибири. Приходилось выписывать ихъ изъ Екатеринбурга и ожидать присылки въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Въ декабрѣ 1765 г. Иванъ Ивановичъ Ползуновъ снова донесъ канцеляріи о томъ, что машина готова и настолько сильна, что можетъ служить при шести или восьми плавильныхъ печахъ одновременно. Канцелярія, „по неусыпному своему къ пользѣ россійскаго государства рвенію", опредѣлила: „приспособить машину къ одной изъ печей барнаульскаго завода лишь для пробы, такъ какъ этотъ заводъ обладалъ весьма сильнымъ и удобнымъ вододѣйствующимъ двигателемъ, по апробованіи поставить новоизобрѣтенную машину при Змѣиногорскомъ сереброплавильномъ заводѣ и Семеновскомъ рудникѣ" [1]).

Ползунову не удалось видѣть свое изобрѣтеніе на дѣлѣ: тяжелая болѣзнь сразила его за нѣсколько дней до пробы. 20-го мая 1766 года мѣстный лекарь Яковъ Кизингъ донесъ канцеляріи, что 16-го мая механикусъ Ползуновъ волею Божіею „помре отъ жестокаго гортаннаго кровотеченія". Канцелярія немедленно распорядилась поручить окончаніе машины ученикамъ Ползунова: Левзину и Черницыну [2]), бывшимъ ближайшими сотрудниками покойнаго.

Наконецъ, утромъ 20-го мая, машина, въ присутствіи горнаго начальства, была пущена въ ходъ и работала до девяти часовъ вечера. Очень естественно, что первая проба была не совсѣмъ удачна: въ машинѣ открылись недостатки, которые были хотя и незначительны, но тѣмъ не менѣе надолго остановили ея дѣйствіе; оказалось, что водяныя трубы въ спайкахъ дали трещины, которыя могли быть задѣланы только пробочнымъ деревомъ, выписаннымъ изъ Россіи [3]).

Переписка о присылкѣ дерева шла долго, какъ вообще всякаго рода канцелярскія переписки того времени. Посланный за

---

[1]) Журналъ канцел. 16-го декабря 1765 г.
[2]) Рапортъ канцел. 20-го мая 1766 г., № 1639.
[3]) Журналъ канцел. 26-го іюня 1766 г.

нимъ въ Екатеринбургъ нарочный проѣздилъ даромъ, не найдя подобнаго дерева въ екатеринбургскомъ аптечномъ складѣ. Пришлось ждать присылки изъ Петербурга.

Наконецъ первая паровая дѣйствующая въ Европѣ машина была, не смотря на все, пущена въ ходъ при барнаульскомъ среброплавильномъ заводѣ.

Стоила она 7,435 руб. 51 коп. [1]), и въ теченіе двухъ мѣсяцевъ съ ея помощью расплавлено 9,335 пудъ змѣиногорскихъ рудъ, изъ которыхъ получено 15 пудъ 36 ф. 25 зол. и 75 долей золотистаго серебра: изъ него отдѣлено: золота 14 ф. 8 золотн. 21 доля и мѣди 8 пуд. 14 ф.

Изъ дѣла, откуда почерпнуто настоящее сообщеніе, не видно— была-ли машина Ползунова распространена на Алтаѣ. Дѣйствіе ея было вскорѣ прекращено въ Барнаулѣ „по ненадобности", и была ли она устроена при змѣиногорскомъ заводѣ—свѣдѣній нѣтъ. Тѣмъ не менѣе можно сказать одно, что машина работала успѣшно, хотя постройка ея велась руками неопытными и окончена она была послѣ смерти изобрѣтателя людьми, не получившими никакого научнаго образованія.

Не лишнимъ считаю прибавить къ этому краткому очерку эпизодъ изъ жизни Ползунова, касающійся тѣхъ четырехъ-сотъ рублей, которые были пожалованы ему императрицею Екатериною II. Непосредственное начальство его, денегъ этихъ ему не выдало и уже послѣ смерти И. И. Ползунова, вдовѣ его пришлось выхлопатывать себѣ изъ канцеляріи пожалованную мужу ея награду. Императрица, узнавъ объ этомъ, повелѣла немедленно выдать всю сумму наслѣдникамъ Ползунова и кромѣ того пожаловала имъ еще 500 руб. сер. Вмѣстѣ съ этимъ она потребовала къ себѣ модель паровой машины, построенной Ползуновымъ, сдѣланную для тайнаго совѣтника Олсуфьева, „за которую наслѣдники Ползунова отъ щедротъ ея императорскаго величества, яко щедрой и великодушной наукъ и художествъ покровительницы, еще особливаго награжденія надѣяться могутъ" [2]).

Такимъ образомъ, сто двадцать лѣтъ тому назадъ совершилось въ сибирской глуши величайшее открытіе человѣческаго разума, не ученымъ, посвятившимъ себя изученію силъ природы,

[1]) Рапортъ Черницына и вдовы Ползуновой.

[2]) Высочайшій указъ 13-го ноября 1766 г.

но простымъ рабочимъ, полюбившимъ свое ремесло и безкорыстно послужившимъ своей родинѣ. Имя его было забыто и только черезъ сто двадцать лѣтъ, благодаря случаю, оно снова показалось на свѣтъ; теперь только мы можемъ оцѣнить какъ значеніе изобрѣтенія Ивана Ивановича Ползунова, такъ и высоконравственныя качества великаго человѣка, такъ безвременно погибшаго за нѣсколько дней до увѣнчанія начатаго имъ дѣла.

А. Н. Воейковъ.

Письмо И. И. Ползунова къ А. И. Порошину, начал. Колывано-Воскресенскихъ заводовъ апрѣль 1763 года.

Превосходительный г—нъ, м. г. в. п—ство, довольно свидѣтельствуете, какое подъ предводительствомъ вашимъ здѣшняго корпуса горное общество имѣя усердіе къ приращенію пользы въ отечество, такъ что до послѣдняго желаетъ подъ прибѣжищемъ великодушія вашего себя подвергнуть, и тѣмъ самымъ показать: коимъ образомъ по закону истощаемыя для горныхъ дѣлъ государственныя иждивенія соблюсть. И тѣ расходы, которые не токмо здѣсь, но и во всемъ нашемъ государствѣ въ горномъ промыслѣ по причинѣ принятые, безъ которыхъ обходиться не умѣемъ, обыскиваемъ отвращать, и ихъ по силѣ общимъ трудомъ стараемся часто вовсе уничтожать. Объ чемъ всякъ знающій того дѣла промыслъ извѣстенъ. Кое знатное могло подать приращеніе, если бъ при рѣкахъ избираемыя подъ заводъ мѣста намъ не были причиною и учинились впредъ не полезными, а остаться съ тѣмъ и тоже самое, что требуютъ заводы во всякомъ безводномъ мѣстѣ, но при лѣсахъ исправлять, дойдтить другимъ способомъ было можно, чего поставить нельзя, дабы всякаго не увѣренъ отчего тѣ убытки нынѣ происходятъ. Ибо горный промыслъ весь болѣе содержится въ томъ, когда изобиліе рудъ имѣемъ довольно, въ близости же лѣса и угодные къ заводамъ мѣста, изъ коихъ одно другому для прибытковъ будто сродственно быть видимъ. Но съ натуры не всегда то получаемъ, и по большей части одно отъ другаго раздѣлено имѣемъ, такъ что рѣдко угодные къ заводамъ при самыхъ рудникахъ купно съ лѣсами мѣста случатся; въ коихъ отъ земнаго смѣшенія посредствомъ огня металлы въ чистоту приводимы бываютъ, чего для обычно въ Россійскомъ государствѣ почти всѣ заводы на рѣкахъ построены. Изъ чего, но не всегда за неимѣніемъ таковыхъ или по крайней мѣрѣ хотя при рудникахъ лѣса и случатся, но за недостаткомъ приличныхъ для плотинъ водяныхъ угодій (какъ то въ Нерчинску), а напротивъ того въ здѣшнемъ, гдѣ угодные къ заводамъ и есть, тамъ лишаетъ насъ лѣсами, отъ чего премногіе въ перевозѣ къ намъ рудъ. Въ поставкѣ-жъ угля и лѣсовъ, по закону истощаемые возчикомъ въ уплату истекаетъ расходы, не включая народной тягости и умираемому безвозвратно при строеніи плотинъ съ ея приборомъ расходу, что соблюдая обще принятъ. Мы всѣ тѣ, кто сынъ отечества нарещися (и иные способы искать, какъ бы отъ сего избѣжать зло можно) долженъ. Чего для возбудило меня изъ единой моей благодарности, въ честь имени вашего превосходительства, принять смѣлость и всеусильно стараться, дабы способомъ огня дѣйствующею механикомъ съ промысла сей недостаточно отвесть, и сложеніемъ огненной машины водяное руководствомъ пресѣчь и его, для сихъ случаевъ, вовсе уничтожить; а вмѣсто плотинъ за движимое основаніе завода ея учредить. Тогда чтобы

она была въ состоянія всѣ наложенныя на себя тягости; каковы къ раздуванію огня обычно къ заводамъ бываютъ потребны носить, и по волѣ нашей что будетъ потребно исправлять. Съ такимъ условіемъ, дабы вашего превосходительства милостью и усердію моему украшены были подвиги: не менѣе и тѣ перемѣны, которыя выше ума въ самомъ дѣлѣ найдутся зазоромъ почтены мнѣ не были, ибо дѣйствіе огненныхъ машинъ должно болѣе примѣчаніями и опытами, нежели въ тягостяхъ механическими, а въ фигурахъ геометрическими доводами утверждать и теоретически доказывать. При чемъ бываетъ болѣе случаи новые имѣть вымыслъ, потому какъ теорія, а особливо въ воздушныхъ и огненныхъ дѣлахъ бываетъ многимъ слабѣе практики, потому какъ сила воздушнаго знанія понынѣ недалеко дойдена и при томъ еще будучи великой тьмой закрыта, но Богъ все за труды намъ платитъ, и все отъ Него трудами пріобрѣсти возможно; чему ясные примѣры отъ наукъ въ россійскомъ просвѣщеніи видимъ, которые также долгое время отъ нея могли быть сокровены.

Почему и намъ не надлежитъ совсѣмъ отчаяннымъ быть, и такое предпріятіе свѣтомъ вожделѣнное безъ подвига оставить противъ общества есть, что усердно желаю, да благоволятъ ваше превосходительство въ важныхъ сего дѣла начинаніяхъ одни наши подъ своимъ предводительствомъ и тому первую заступить смѣлость, дабы сія славы (если силы допустятъ) Отечеству достигнуть, и чтобъ то во всенародную пользу по причинѣ большаго познанія объ употребленіи вещей, понынѣ не весьма знакомыхъ (по примѣру наукъ прочихъ) въ обычай ввести и тѣмъ самымъ облегчая трудамъ по насъ грядущимъ славу и благодарность имени вашего дойдтить. Такъ что я долженъ всѣ возможные труды и силы на то устремить: коимъ бы образомъ огонь слугой къ машинамъ склонить. И хотя правда, что новыхъ и полезныхъ дѣлъ начинателемъ не всегда вдругъ дѣлается удача, однако таковыхъ умной свѣтъ не почитаетъ продерзкими, но мужественными и великодушными. Что видя наипаче все свое раченіе на то полагаютъ, коимъ бы образомъ съ пристойной осторожностію преодолѣть зло можно.

И такъ, приступая къ сему, во первыхъ за избѣжаніемъ дальныхъ расходовъ, къ навычнымъ мастеровъ и разсмотрѣнію ея составовъ, движенію и силы, купно съ пропорціею, гдѣ чего требовать станетъ, и какъ то исправлять, и отвращать будетъ потребно, то должно сдѣлать не большую (напримѣръ на одну сребро плавящую печь) со всѣмъ приборомъ, каковой и при большомъ заводѣ быть должно. А какимъ образомъ оную расположить также члены и составы и побужденію движенію связать, и какъ оными дѣйствовать, тому предлагается съ описаніемъ профиль, по которой вся машина должна быть сдѣлана изъ металла. А что же принадлежитъ до искуства мастеровъ, которые къ сему будутъ потребны: то во первыхъ отливнаго дѣла мѣди въ крупныхъ и мелкихъ вещахъ, и притомъ также сверлить, точить и шлифовать мастеру знающему свое дѣло исправно. Во вторыхъ котельнаго изъ мѣди паяльнаго, а наконецъ слесарнаго и токарнаго (для разныхъ образцовъ), которые въ семъ зданіи хотя будутъ и не весьма исправны, однако и къ сложенію машины отъ тѣхъ рукъ субтильныхъ вещей не потребуетъ.

В. п—ство, преданнѣйше прошу сіе мое приношеніе за знакъ искренняго моего усердія принять, и купно симъ, для продолженія дальнѣйшей въ трудахъ ревности, высокой вашего превосходительства милости достойнымъ показать. Превосходительный г—нъ м. г. в. п—ства нижайшій и преданнѣйшій слуга шахтмейстеръ Иванъ Ползуновъ Апрѣля 1763 года.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КОНСТАНТИНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ БАТЮШКОВЪ

въ 1811—1821 гг.

Намъ передана полученная отъ Маріи Ивановны Постниной, внучки Елены Григорьевны Пушкиной, нижеслѣдующая выписка изъ дневника ея покойной бабушки, не лишенная интереса, о славномъ поэтѣ нашемъ Константинѣ Николаевичѣ Батюшковѣ:

«....Ce fut en 1811 que je fis la connaissance de Constantin Batuchkoff. Son esprit et cette brillante imagination, qui ont marqué sa place au nombre de nos poëtes les plus distingués, me séduisirent de prime abord. Il m'honora ensuite du titre de son ami.

Je ne sais quelle est cette inexplicable bisarerie, qui préside quelquefois à nos résolutions, mais il est certain qu'à l'époque dont je parle, je m'abstinais à ne point introduire m-r Batuchkoff chez moi. Cédant enfin aux importunités de mon frère, dont il avait été le compagnon d'armes et qui voulait à toutes forces me le présenter, je marquai le jour de sa première visite. Il vient et ne me laisse que le regret d'avoir tardé si longtemps à l'admettre dans ma societé.

M-r Batuchkoff avait suivi pendant plusieurs années la carrière militaire et fit la campagne de Finlande. Elle lui valut une blessure et un passe droit. Blessé dans le coeur et dans son amourpropre, il demanda sa démission, l'obtint et vint se consoler à Moscou avec ses amis et es muses dont il etait l'enfant gâté, de l'injustice qu'il avait essuyé.

M-r Batuchkoff etait d'une petite stature. Il avait les épaules hautes, la poitrine rentrée, la chevelure blonde, naturellement bouclée; les yeux bleus et le regard languissant. Une teinte de mélancolie, répandue sur tous ces traits, harmonisait avec la pâleur de son visage et la douceur de sa voix, et prêtait à l'ensemble de sa physionomie une expression indéfinissable. Son imagination etait poëtique, son âme etait plus poëtique encore. Il avait l'enthousiasme du beau. Toutes les vertus lui paraissaient faciles. L'amitié fut son idole, le désintéréssement et la probité les traits distinctifs de son noble caractère. Quand il parlait ses traits et ses gestes s'animaient; il avait de l'inspiration dans le regard. Une élocution élégante, facile et pure répandait un grand charme sur tout ce qu'il disait. Extrême par son imagination, il soutenait souvent des sophismes, et s'il ne parvenait point à convaincre, du moins ne provoquait'il jamais l'aigreur, car l'enthousiasme vivement senti porte toujours son excuse avec soi et dispose à l'indulgence.

J'aimais sa conversation, j'aimais encore son silence. Que de fois je me

plaisais à deviner et sa penseé fugitive et le sentiment qui remplissait son âme, quand il paraissait plongé dans les rêveries. Rarement je m'y suis trompée. Une secrète sympaticité rêvelait à mon âme tout ce qui se passait au fond de son coeur. Cette sympaticité établit entre nous, dès les premiers jours de notre connaissance, une sorte d'intimité...

(Переводъ). ....Я познакомилась съ Константиномъ Батюшковымъ въ 1811 году. Его умъ и блестящее воображеніе, поставившіе его въ ряду наиболѣе славныхъ поэтовъ нашихъ, прельстили меня съ первой же встрѣчи. Впослѣдствіи онъ удостоилъ меня названіемъ друга.

Не понимаю, какая необъяснимая странность руководитъ иногда нашими поступками, но дѣло въ томъ, что въ ту эпоху, о которой идетъ рѣчь, я упорно отказывалась принять Батюшкова у себя. Наконецъ, уступивъ настояніямъ брата, бывшаго его товарищемъ по оружію и желавшаго во что бы то ни стало представить его мнѣ, я назначила день для перваго его посѣщенія. Онъ явился ко мнѣ и возбудилъ во мнѣ лишь сожалѣніе по поводу того, что я такъ долго медлила принять его въ свое общество.

Батюшковъ служилъ нѣсколько лѣтъ въ военной службѣ и участвовалъ въ Финляндскомъ походѣ, во время котораго онъ былъ раненъ и обойденъ чиномъ. Это былъ жестокій ударъ для его самолюбія, онъ подалъ въ отставку, получилъ ее и пріѣхалъ въ Москву утѣшаться отъ постигшей его несправедливости со своими друзьями и съ музами, коихъ онъ былъ баловнемъ.

Батюшковъ былъ роста небольшого. Плечи у него были вздернуты кверху, грудь впалая, волосы бѣлокурые, отъ природы вьющіеся, глаза голубые и взглядъ томный. Меланхолическій видъ, коимъ дышали всѣ черты его лица, гармонировалъ съ его блѣдностью и мягкостью его голоса и придавалъ всей его физіономіи какое-то особенное выраженіе, не поддающееся описанію. Воображеніе у него было поэтичное, а душа его была еще болѣе поэтичною. Онъ восторгался всѣмъ прекраснымъ. Всѣ добродѣтели казались ему легко достижимы. (Toutes les vertus lui paraissaient faciles). Дружба была его кумиромъ, безкорыстіе и честность—отличительными чертами его благороднаго характера. Когда онъ говорилъ, черты лица его и вся фигура оживлялись, взоръ его казался вдохновленнымъ. Изящный, легкій и правильный оборотъ рѣчи придавалъ особенную прелесть всему, что онъ говорилъ. Крайній во всемъ въ силу своего пылкаго воображенія, онъ нерѣдко защищалъ софизмы и если ему не удавалось убѣдить, по крайней мѣрѣ онъ никогда не вызывалъ озлобленія, такъ какъ искреннее увлеченіе носитъ оправданіе въ самомъ себѣ и располагаетъ къ снисхожденію. Я любила когда онъ говорилъ, любила также и его молчаніе. Сколько разъ старалась я угадать мимолетную мысль и чувство, наполнявшее его душу, когда онъ былъ погруженъ повидимому въ мечты. Рѣдко ошибалась я. Тайная симпатія подсказывала мнѣ все то, что происходило въ глубинѣ его сердца. Эта симпатія установила между нами, съ первыхъ же дней нашего знакомства, нѣкоторую близость....

(Перев. Т.).

ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ

въ воспоминаніяхъ Я. М Невѣрова.

Въ виду всѣми ясно сознаваемой необходимости теперь же подумать о біографіи Ив. Серг. Тургенева, матеріалы для которой должно немедленно начать собирать,—мы, между прочимъ, обратились къ достоуважаемому Януарію Михайловичу Невѣрову съ вопросомъ: нѣтъ ли въ его запискахъ, съ которыми онъ отчасти насъ познакомилъ и отрывки изъ которыхъ были напечатаны въ „Русской Старинѣ"—какихъ нибудь свѣдѣній о Тургеневѣ?

Я. М. Невѣровъ сказалъ намъ, что онъ не только былъ знакомъ съ Ив. Серг. въ Берлинѣ, гдѣ оба слушали въ зиму 1838—1839 года лекціи въ тамошнемъ университетѣ, но что нѣкоторое время онъ даже имѣлъ общую съ Тургеневымъ квартиру и тогда сблизилъ его съ своими друзьями Станкевичемъ и Грановскимъ, но что въ Запискахъ его упоминается о немъ почти мимоходомъ, потому что сближеніе его съ нимъ было только дружеское общежитіе, продолжавшееся нѣсколько мѣсяцевъ, и такъ какъ Я. М. Невѣровъ вскорѣ затѣмъ оставилъ Берлинъ, то онъ не видался съ Тургеневымъ до 1879 года и не имѣлъ съ нимъ переписки. Мы приводимъ здѣсь вполнѣ, что говоритъ Януарій Михайловичъ въ своихъ запискахъ. Ред.

„Лѣтомъ, по окончаніи въ 1838 году лекцій въ университетѣ, я отправился въ Эмсъ—но не для леченія, такъ какъ былъ совершенно здоровъ, а для свиданія съ Станкевичемъ, который тамъ пользовался водами. Въ Эмсѣ я познакомился съ Тургеневымъ, Иваномъ Сергѣевичемъ, который, по окончаніи курса въ Россіи, также отправился въ Берлинъ, такъ что нашъ кружокъ увеличился еще однимъ лицомъ. По возвращеніи въ Берлинъ, мы не могли найти такого помѣщенія, какое имѣли прежде, а потому каждый помѣстился на особой квартирѣ, и при этомъ Тургеневъ нѣсколько времени жилъ вмѣстѣ со мною, а потому также принадлежалъ къ нашему кружку какъ добрый пріятель; но кромѣ того я по-

знакомилъ его съ Варнгагеномъ и съ фрейленъ фонъ Сольмаръ; слѣдовательно кромѣ нашего кружка онъ находился въ Берлинѣ также и въ высшемъ нѣмецкомъ интеллигентномъ обществѣ. Разставшись съ нимъ въ Берлинѣ, я совершенно потерялъ его изъ виду, такъ какъ между нами не было переписки и онъ большею частію жилъ за границей, а впослѣдствіи и постоянно тамъ поселился, пріѣзжая оттуда только на время въ свою деревню или въ Петербургъ, а я постоянно жилъ на окраинахъ и если пріѣзжалъ въ Петербургъ по дѣламъ службы, то не встрѣчалъ тамъ Тургенева, и такимъ образомъ мы не видались ровно сорокъ лѣтъ.

Въ 1879-мъ году, когда я совершенно оставилъ Кавказъ и уже жилъ въ Петербургѣ, пріѣхалъ туда и Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, гдѣ встрѣченъ былъ необыкновенно сочувственно во всѣхъ кругахъ общества, устраивавшихъ ему почти каждодневно оваціи. Я поѣхалъ также къ нему и, не заставъ его дома, оставилъ ему мою визитную карточку, полагая, что тѣмъ дѣло и кончится, такъ какъ въ теченіе сорока лѣтъ ему ничто не напоминало обо мнѣ, а потому легко можетъ быть, что онъ совершенно забылъ меня, и что даже мое имя ему сдѣлалось неизвѣстно; но какъ я былъ удивленъ, когда онъ на другой же день пріѣхалъ ко мнѣ и отнесся ко мнѣ такъ радушно, съ такимъ сочувствіемъ, какъ будто связь наша не подвергалась такому длинному разрыву, при томъ съ такою любовію вспоминалъ о Берлинскомъ кружкѣ и въ особенности о Станкевичѣ, что во все время его пребыванія въ Петербургѣ мы почти каждый день видѣлись другъ съ другомъ“.

От ъ Ред. Такъ какъ Станкевичъ имѣлъ большое вліяніе на развитіе и направленіе Грановскаго и Невѣрова, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на Тургенева, что видно изъ того, что при свиданіи съ Я. М. Невѣровымъ черезъ 40 лѣтъ Тургеневъ съ такимъ глубокимъ чувствомъ вспоминалъ о Станкевичѣ, то мы предполагаемъ, что вліяніе это отразилось и на литературной дѣятельности Тургенева и содѣйствовало къ развитію въ немъ глубокаго стремленія къ освобожденію народа отъ крѣпостной зависимости, хотя мысль эта могла зародиться въ Тургеневѣ и ранѣе въ семейномъ его кружкѣ, такъ какъ свойственникъ его, декабристъ Николай Ивановичъ Тургеневъ, еще при императорѣ Александрѣ I возбудилъ этотъ вопросъ. Поводомъ къ предположенію о вліяніи Станкевича на Тургенева въ этомъ отношеніи служитъ для насъ слѣдующій разсказъ въ „Воспоминаніяхъ“ Невѣрова, показывающій какое глубокое вліяніе имѣлъ Станкевичъ на окружавшую его молодежь:

„Однажды на вечерѣ у одной весьма образованной русской дамы“, говоритъ Невѣровъ, „оставившей отечество и постоянно жившей за границей, шла рѣчь о преимуществахъ народнаго представительства въ государствѣ, о всесословномъ участіи народа въ несеніи государственныхъ повинностей и о доступѣ ко всякой государственной дѣятельности. Когда по окончаніи этого вечера“,—говоритъ Невѣровъ,—„мы возвратились домой и, естественно, оставаясь подъ впечатлѣніемъ вечерней бесѣды, обсуждали поднятый на ней вопросъ—Станкевичъ обратился къ намъ съ такимъ замѣчаніемъ:

— „Предсѣдательница бесѣды забываетъ, что масса русскаго народа остается въ крѣпостной зависимости и потому не можетъ пользоваться не только государственными, но и общечеловѣческими правами; нѣтъ никакого сомнѣнія, что рано или поздно правительство сниметъ съ народа это ярмо,—но и тогда народъ не можетъ принять участія въ управленіи общественными дѣлами, потому что для этого требуется извѣстная степень умственнаго развитія, и потому прежде всего надлежитъ желать избавленія народа отъ крѣпостной зависимости и распространенія въ средѣ его умственнаго развитія. Послѣдняя мѣра сама собою вызоветъ и первую, а потому, кто любитъ Россію, тотъ прежде всего долженъ желать распространенія въ ней образованія“,— и при этомъ Станкевичъ взялъ съ насъ торжественное обѣщаніе, что мы всѣ наши силы и всю нашу дѣятельность посвятимъ этой высокой цѣли.

И мы сдержали наше слово: самъ Станкевичъ черезъ два года умеръ въ званіи почетнаго смотрителя Острогожскаго уѣзднаго училища, — слѣдовательно, если не лично, что было невозможно при его болѣзненномъ состояніи, то косвенно, взносомъ суммы на училище, содѣйствовалъ образованію народа; Грановскій окончилъ жизнь профессоромъ университета, а я, возвратившись изъ-за границы, вмѣсто литературнаго поприща, какъ предполагалось прежде, поступилъ на учебное, и, конечно, на немъ и окончу мое земное поприще“.

Я. М. Невѣровъ.

От ъ Ред. Каждый знакомый съ литературными произведеніями Тургенева, конечно, сознаетъ, что такой именно духъ отражался и въ этомъ глубокочтимомъ писателѣ.

О вліяніи Станкевича на Тургенева есть драгоцѣнное свидѣтельство са-

маго Ивана Сергѣевича—его письмо къ Т. Н. Грановскому отъ 16-го іюля 1840 года изъ Берлина, въ которомъ онъ увѣдомляетъ о смерти Станкевича. Письмо это Грановскій, находившійся въ 1840 году уже въ Москвѣ, препроводилъ къ Я. М. Невѣрову, у котораго оно сохранилось до настоящаго времени и было сообщено намъ въ подлинникѣ. Вотъ это письмо [1]):

И. С. Тургеневъ—Т. Н. Грановскому.

Берлинъ, 16-го (4-го) іюля 1840 г.

„Насъ постигло великое несчастіе, Грановскій. Едва могу я собраться съ силами писать. Мы потеряли человѣка, котораго мы любили, въ кого мы вѣрили, кто былъ нашей гордостью и надеждою...... 24-го іюня въ Нови [2]) скончался Станкевичъ. Я бы могъ, я бы долженъ здѣсь кончить письмо....—Что остается мнѣ сказать—къ чему вамъ теперь мои слова? Не для васъ, болѣе для меня, продолжаю я письмо: я сблизился съ нимъ въ Римѣ: я его видѣлъ каждый день и началъ оцѣнять его свѣтлый умъ, тёплое сердце, всю прелесть его души...... тѣнь близкой смерти уже тогда лежала на немъ...

Мы часто говорили о смерти: онъ признавалъ въ ней границу мысли и мнѣ казалось тайно содрогался. Смерть имѣетъ глубокое значеніе, если она выступаетъ—какъ послѣднее—изъ сердца полной, развившейся жизни: старцу—она примиреніе: но намъ, но ему—велѣніе судьбы. Ему ли умереть? Онъ такъ глубоко, такъ искренно признавалъ и любилъ святость жизни; не смотря на свою болѣзнь, онъ наслаждался блаженствомъ мыслить, дѣйствовать, любить: онъ готовился посвятить себя труду, необходимому для Россіи... Холодная рука смерти пала на его голову и цѣлый міръ погибъ. Вотъ здѣсь—die kalte Teufelsfaust... die sich—nicht vergebens tückisch ballt. Отъ 11-го іюня получилъ я отъ него письмо изъ Флоренціи.

Вотъ вамъ отрывки: .....„во Флоренціи я имѣю иногда отдыхъ, вообще я поправился и кажется дѣло идётъ впередъ.... Наконецъ рѣшено, чтобы я провёлъ лѣто на озерѣ Комо..... M-me Diakof, услышавъ въ Неаполѣ о моей болѣзни..... пріѣхала съ сыномъ и

---

[1]) Сборникъ подлинныхъ писемъ къ Я. М. Невѣрову отъ его друзей. стр. 228—229.

[2]) Весною 1839 года Станкевичъ посланъ былъ врачами въ Италію, куда, какъ видно, поѣхалъ и Тургеневъ; Грановскій же и Невѣровъ возвратились въ Россію. Станкевичъ умеръ въ Италіи въ 1840 году. Ред.

мы вмѣстѣ пробудемъ лѣто". Онъ (Станкевичъ) мнѣ тутъ довѣряетъ своё отношеніе къ покойной сестрѣ Дьяковой. Помните: „закрылись прекрасныя очи"—хоралъ Клюшникова. И онъ умеръ, и Станкевичъ умеръ!—„Въ Дьяковой я нашёлъ настоящую сестру; по прежнему,—пишетъ Станкевичъ,—ея заботы и участіе дѣйствуютъ на поправленіе силъ моихъ больше всего". — Его мучило тягостное отношеніе къ Бертѣ: онъ поручалъ мнѣ сходить къ ней, узнать и т. д.—„У меня въ головѣ много плановъ—но когда ихъ не было? замѣчаетъ Станкевичъ. Собираюсь зимой работать надъ исторіей философіи. Есть въ головѣ тоже нѣсколько статей. Богъ знаетъ какъ—это всё переварится"... „Напишите о Вердерѣ: скажите ему мое почтеніе; скажите ему, что его дружба будетъ мнѣ вѣчно свята и дорога и что все, что во мнѣ есть порядочнаго, неразрывно съ нею связано.... Прощайте, пока!"

Вотъ еще отрывокъ: „Фроловыхъ я засталъ еще здѣсь. Лиз. Пав. была ужасно больна; теперь, къ счастію, стала поправляться: я думаю, по выздоровленіи ея, они поѣдутъ въ Неаполь. Кени наняли здѣсь домъ на цѣлый годъ".

Чрезъ 14 дней онъ умиралъ, ночью, въ Нови.

12-го іюля получилъ я слѣдующее письмо отъ Ефремова [1]).

Нови, 27-го іюня (1840 г.).

„Иванъ Сергѣевичъ! Немного собравшись съ духомъ, спѣшу увѣдомить васъ о несчастьи, случившемся со всѣми нами. Въ Нови, городкѣ миль 40 отъ Генуи, по дорогѣ въ Миланъ, въ ночь съ 24 на 25-е умеръ Станкевичъ Онъ ѣхалъ въ Комо. Не знаю, что писать, голова идетъ кругомъ, хаосъ. Кончивши всѣ дѣла въ Генуѣ,—я располагаюсь ѣхать прямо въ Берлинъ, если ничто не остановитъ. Теперь хлопочу, чтобъ приготовить все, для перевоза его тѣла въ Россію. Прощайте. Надѣюсь скоро съ вами увидѣться. Прощайте, вашъ А. Ефремовъ".

Я съ нетерпѣніемъ его ожидаю, узнаю всё—и тотчасъ всё вамъ напишу. Боже мой! какъ этотъ ударъ поразитъ васъ, (Януарія Михайловича) Невѣрова, Фроловыхъ..... всѣхъ его знакомыхъ и друзей! Я не могъ рѣшиться сказать объ этомъ Вердеру: я написалъ ему письмо. Какъ онъ былъ глубоко пораженъ! Я ему сказалъ при свиданіи: „in ihm ist auch ein Theil von Ihnen gestorben". Онъ чуть-чуть не зарыдалъ. Онъ мнѣ говорилъ: Ich fühle es—Ich bin auf dem halben Wege meines Lebens: meine

---

[1]) Копія руки И. С. Тургенева.

besten Schüler, meine Jünger sterben, ob Ich überlebe sie! Онъ мнѣ прочелъ превосходное стихотвореніе—Der Tod, написанное имъ тотчасъ послѣ полученія извѣстія. Если онъ согласится, я его спишу и пошлю къ вамъ.

Я оглядываюсь, ищу — напрасно. Кто изъ нашего поколѣнія можетъ замѣнить нашу потерю? Кто, достойный, приметъ отъ умершаго завѣщаніе его великихъ мыслей и не дастъ погибнуть его вліянію, будетъ идти по его дорогѣ, въ его духѣ, съ его силой?.......

О, если что нибудь могло бы заставить меня сомнѣваться въ будущности, я бы теперь, переживъ Станкевича, простился съ послѣдней надеждой. Отчего не умереть другому, тысячѣ другимъ, мнѣ напр.? Когда же придётъ то время, что болѣе развитый духъ будетъ непремѣннымъ условіемъ высшаго развитія тѣла и сама наша жизнь условіе и плодъ наслажденій—Творца, зачѣмъ на землѣ можетъ гибнуть или страдать прекрасное? До сихъ поръ казалось—мысль была святотатствомъ и наказаніе неотразимо ожидаетъ всё превышающее блаженную посредственность. Или возмущается зависть Бога, какъ прежде зависть греческихъ боговъ? Или намъ вѣрить, что всё прекрасное, святое, любовь и мысль—холодная иронія Іеговы? Что же тогда наша жизнь?

Но нѣтъ—мы не должны унывать и преклоняться.

Сойдемтесь—дадимъ другъ другу руки, станемъ тѣснѣе: одинъ изъ нашихъ упалъ—быть можетъ—лучшій. Но возникаютъ, возникнутъ другіе; рука Бога не перестаетъ сѣять въ души зародыши великихъ стремленій и, рано-ли поздно—свѣтъ побѣдитъ тьму.

Да, но намъ, знавшимъ его—его потеря невозвратима. Едва ли не Rahel сказала. „Wäre noch nie ein junger Mann gestorben hätte man nie Wehmuth gekannt“. Изъ сердца Творца истекаетъ и горе, и радость. Freude und Leid: часто ихъ звуки дрожатъ роднымъ отголоскомъ и сливаются: одно неполно безъ другаго. Теперь череда горю...

Прощайте: будьте вы здоровы. Напишите мнѣ слово отвѣта. Мнѣ кажется, я васъ еще болѣе полюбилъ, со смерти Станкевича.

Вашъ И. Тургеневъ.

И. С. ТУРГЕНЕВЪ И КНЯЗЬ А. М. ГОРЧАКОВЪ

1876 г.

Кончина великаго человѣка вызываетъ обыкновенно въ печати массу разнородныхъ о немъ воспоминаній, и въ этой массѣ, на ряду съ крупнымъ матеріаломъ, посвященнымъ его свѣтлой памяти, появляется, какъ и всегда, и мелкій. Приношу въ послѣдующемъ небольшомъ разсказѣ моемъ объ эпизодѣ одной встрѣчи изъ жизни незабвеннаго Ивана Сергѣевича Тургенева благоговѣйную дань своего скромнаго о немъ воспоминанія.

То, что я намѣренъ здѣсь разсказать, происходило въ Петергофѣ, въ лѣтнюю пору 1876 года. Чудный вечеръ, рѣдко выпадающій на долю окрестностей нашей сѣверной столицы, стоялъ на сей разъ надъ Петергофомъ и, какъ бы нехотя замедляя переходъ свой къ темной ночи, окрылялъ его своими легкими и прозрачными тѣнями. Масса гуляющей публики наполняла всѣ аллеи вѣковаго парка, а по главнымъ аллеямъ тянулись нескончаемые ряды разновидныхъ щегольскихъ экипажей, между которыми замѣтно выдѣлялись ливреи придворныхъ и царской фамиліи. Два превосходныхъ оркестра военной музыки, сливаясь звуками своихъ мелодій съ плескомъ и журчаніемъ безчисленныхъ фонтановъ, довершали эффектъ этой поистинѣ восхитительной картины, унося мечтой въ область фантастическихъ сказокъ тысячи и одной ночи, а пестрый колоритъ движущейся толпы, оживленный говоръ ея и веселый смѣхъ проносившихся кавалькадъ—придавали всему отпечатокъ непринужденнаго веселія и праздничнаго настроенія... Вотъ прослѣдовалъ и покойный Государь въ открытомъ экипажѣ, съ любимой своей собакой у ногъ—извѣстнымъ всѣмъ сетеромъ Милордомъ—и долго еще мелькала, постепенно удаляясь въ перспективѣ аллеи, его бѣлая фуражка, среди обнаженныхъ головъ и сторонящихся экипажей.... Я свернулъ въ сторону и направился къ Монплезиру. Здѣсь, усѣвшись на одну изъ скамеекъ выступающей въ

море мраморной террасы и окинувъ взглядомъ своихъ сосѣдей, я замѣтилъ неподалеку отъ себя небольшую группу людей, окружавшую сидѣвшаго на боковой скамейкѣ старичка въ золотыхъ очкахъ. Старичекъ этотъ былъ никто иной, какъ покойный канцлеръ россійской имперіи, князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ. Тотъ, кому не доводилось видѣть его, не могъ бы, кажется, заподозрить въ этомъ безмятежно улыбающемся и мирно бесѣдующемъ старичкѣ того самаго государственнаго человѣка, на котораго въ ту минуту были обращены тревожные взоры всей Европы и въ головѣ котораго умѣщалась превеликая забота о разрѣшеніи неразрѣшаемой столько вѣковъ проблемы, именуемой восточнымъ вопросомъ,—этомъ вѣчномъ гордіевѣ узлѣ дипломатіи!.. Но вотъ кто-то изъ собесѣдниковъ канцлера удалился и вскорѣ вновь, поспѣшно возвратясь на террасу, подошелъ къ нему и сказалъ:

— «Mon prince, Tourgeneff est ici,—il veut vous parler».

Не успѣлъ онъ вымолвить этихъ словъ, какъ изъ за-угла показался и вступилъ на террасу бѣлобородый старикъ высокаго роста, въ которомъ, конечно, я сразу узналъ незабвеннаго Ивана Сергѣевича, хотя до того мнѣ никогда не случалось его видѣть. Почтительно и далеко не доходя еще до кн. А. М. Горчакова, приподнялъ онъ свою шляпу и, подвигаясь на встрѣчу протянутымъ ему рукамъ князя, улыбался своими впалыми и умными глазами. Маститые старцы поцѣловались. Заходящее за моремъ солнце освѣтило въ ту минуту фигуры этихъ двухъ могиканъ лучшей эпохи минувшаго царствованія и послѣдніе лучи его позолотили матовымъ ореоломъ эти двѣ серебрящіяся сѣдинами знаменитыя головы... Я оглянулся на присутствующихъ, нечаянныхъ, какъ и я, зрителей этой любопытной сцены, и по общему выраженію лицъ и глазъ, устремленныхъ на эту группу, замѣтилъ, что всѣ понимали и находились подъ одинаковымъ обаяніемъ ея.

«На долго-ли вы къ намъ прибыли?» послышался первый вопросъ Горчакова и знаменитый государственный дѣятель, взявъ подъ руку геніальнаго поэта, зашагалъ съ нимъ медленно взадъ и впередъ по террасѣ.

— «Я нахожусь проѣздомъ въ Петербургѣ, возвращаюсь изъ своей Орловской деревни», или ѣду туда,—хорошо не припомню какъ именно сказалъ Тургеневъ, но, при первыхъ же звукахъ его голоса, я былъ удивленъ теноральною мягкостью его тембра, далеко не гармонирующаго съ массивною фигурою Ивана Сергѣевича.

«Чѣмъ новымъ подарите вы насъ въ эту зиму?» послѣдовалъ снова вопросъ князя. Разговоръ, кстати упомянуть, велся на французскомъ языкѣ.

— «Я готовлю повѣсть подъ заглавіемъ «Новь», печатаніе которой и заставитъ меня прибыть еще разъ въ Россію въ этомъ году, зимой, и тогда я надѣюсь пробыть здѣсь подольше».

Дальнѣйшій затѣмъ разговоръ, къ сожалѣнію, уже не такъ ясно доходилъ до посторонняго слуха, но онъ, очевидно, перешелъ на ту тему, которая въ то время занимала всѣхъ, а именно на тему о предстоящей войнѣ за свободу славянскихъ племенъ, такъ какъ въ заключеніи его, при прощаніи, снова явственно послышались слова автора «Наканунѣ», сказавшаго, пожимая руку канцлера:

— «Дай Богъ, чтобы къ будущему пріѣзду моему всѣ надвинувшіяся на политическомъ горизонтѣ тучи были разсѣяны вашей опытной рукой и чтобы я уже болѣе не засталъ васъ столь озабоченнымъ, но спокойнымъ и вполнѣ здоровымъ».

На этомъ сердечномъ пожеланіи Ивана Сергѣевича закончилось случайное свиданіе участвовавшихъ въ немъ лицъ, уже обоихъ отошедшихъ теперь въ вѣчность, и... не могу я подыскать болѣе умѣстнаго окончанія своему слабому описанію этого эпизода, какъ помянувъ незамѣнимаго утраченнаго Россіею геніальнаго поэта, приложеніемъ къ нему его же словъ о Пушкинѣ:

— «Пушкинъ», говоритъ Тургеневъ въ своихъ литературныхъ воспоминаніяхъ, описывая свою встрѣчу съ нимъ, «былъ въ ту эпоху для меня, какъ и для многихъ моихъ сверстниковъ, чѣмъ-то въ родѣ полубога. Мы дѣйствительно поклонялись ему». И далѣе: «намъ нуженъ былъ вождь», и еще: «мы не стыдились нашего идола и нашего поклоненія, а напротивъ, гордились и тѣмъ, и другимъ»....

Тургеневъ, скажемъ и мы въ свой чередъ надъ свѣжею его могилою, былъ для насъ никѣмъ другимъ, какъ тѣмъ же Пушкинымъ нашей эпохи, идоломъ и полубогомъ нашего поколѣнія, нашимъ вождемъ, и не стало болѣе у насъ нашей гордыни, нашей славы, и померкла русская мысль надолго, до вожделѣннаго восхода новаго свѣтила!...

Анатолій Ег—овъ.

Одесса,
августъ 1883 г.

КРО̀КЕТЪ ВЪ ВИНДЗОРѢ

1876 г.

Это стихотвореніе предназначалось И. С. Тургеневымъ первоначально въ «Новое Время», куда и было отдано 20-го іюля 1876 г.: тогда же Иванъ Сергѣевичъ продержалъ корректуру и 21-го іюля уѣхалъ въ Парижъ. Стихотвореніе однако не явилось въ газетѣ по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ. У одного изъ нашихъ читателей сохранился корректурный оттискъ, исправленный самимъ Тургеневымъ, и мы воспроизводимъ «Кро̀кетъ» совершенно въ исправномъ видѣ, безъ описокъ той копіи изъ города Барнаула, по которой это интересное стихотвореніе напечатано въ «Русской Старинѣ», изд. 1883 г., т. XL, октябрь, стр. 217—218.

Ред.

Сидитъ королева въ Виндзорскомъ бору...
Придворныя дамы играютъ
Въ вошедшую въ моду недавно игру:
Ту — кро̀кетъ — игру называютъ.
Катаютъ шары — и въ отмѣченный кругъ
Ихъ гонятъ такъ ловко и смѣло...
Глядитъ королева, смѣется... и вдругъ
Умолкла... лицо помертвѣло.

* * *

Ей чудится: вмѣсто точеныхъ шаровъ,
Гонимыхъ лопаткой проворной —
Катаются цѣлыя сотни головъ,
Обрызганныхъ кровію черной...
То̀ головы женщинъ, дѣвицъ и дѣтей....
На лицахъ слѣды истязаній
И звѣрскихъ обидъ и звѣриныхъ когтей —
Весь ужасъ предсмертныхъ страданій.

* * *

И вотъ королевина младшая дочь —
Прелестная дѣва — катаетъ
Одну изъ головъ — и всё далѣе, прочь, —
И къ царскимъ ногамъ подгоняетъ...
Головка ребенка въ пушистыхъ кудряхъ...
И ротикъ лепечетъ укоры..
И вскрикнула тутъ королева — и страхъ
Безумный застлалъ ея взоры.

* * *

„Мой докторъ! На помощь! Скорѣй!“ — И ему
Она повѣряетъ видѣніе...
Но онъ ей въ отвѣтъ: „Не дивлюсь ничему;
„Газетъ васъ разстроило чтеніе.
„Толкуетъ намъ Таймсъ, какъ болгарскій народъ
„Сталъ жертвой турецкаго гнѣва...
„Вотъ капли, — примите — все это пройдетъ“.
И въ замокъ идетъ королева.

* * *

Вернулась домой — и въ раздумьи стоитъ...
Склонились тяжелыя вѣжды:
О ужасъ! кровавой струею залитъ
Весь край королевской одежды!
„Велю это смыть! Я хочу позабыть!
„На помощь, Британскія рѣки!“
— „Нѣтъ, Ваше Величество! Вамъ ужь не смыть
„Той крови невинной во вѣки!“

Ив. Тургеневъ.

С.-Петербургъ.
20-го іюля 1876 г.

Лаврентій Авксентьевичъ Сѣряковъ.

Къ перечню его гравюръ.

Въ спискѣ, сообщенномъ Н. П. Собко, на стр. „Русской Старины", всѣхъ гравюръ Сѣрякова (іюнь 1831 г.), не упомянуты слѣдующія его гравюры:

Нива. Спб. изд. Маркса, 1870 г. 1) Гулянье на Адмиралтейской площади, во время масляницы, съ картины профессора К. Е. Маковскаго.— Грав. Л. А. Сѣряковъ (рис. самъ авторъ), (№ 13, стр. 196); 2) Морской видъ, оригинальный рисунокъ исполненъ проф. И. К. Айвазовскимъ.—Л. А. Сѣряковъ (№ 14, стр. 213); 3) Императорскій С.-Петербургскій Воспитательный Домъ, съ натуры рис. Э. Вернеръ.—Л. А. Сѣряковъ (№ 17, стр. 261); 4) На охотѣ, съ картины П. Соколова, рис. В. Шпакъ.—Л. Сѣряковъ (№ 18, стр. 277); 5) Фасадъ и главный подъѣздъ Всероссійской мануфактурной выставки, рис. съ натуры В. Шпакъ.—Л. Сѣряковъ (№ 20, стр. 309); 6) Памятникъ Богдану Хмельницкому, съ модели, исполненной академикомъ М. Микѣшинымъ, рис. Шпакъ.—Л. Сѣряковъ (№ 39, стр. 612); 7) Маляръ, ориг. рисунокъ В. Васнецова.—Л. Сѣряковъ (№ 41, стр. 645); 8) Соборъ Пресвятыя Богородицы въ Нижнемъ-Новгородѣ, съ фотографіи рис. В. Шпакъ.— Л. Сѣряковъ (№ 49, стр. 773); 9) На роздыхѣ, съ картины Верещагина рис. В. Шпакъ.—Л. Сѣряковъ (№ 51, стр. 805).

Кромѣ того, въ журналѣ „Охота и Коннозаводство", въ № 1 за 1872 г. (изд. Ильина) на стр. 5, помѣщенъ рисунокъ съ картины П. Грузинскаго „Травля лисицы", помѣченный „гр. Л. А. Сѣряковъ".

Настоящею замѣткою пополняемъ весьма обширный списокъ превосходныхъ произведеній нашего знаменитаго и единственнаго въ Россіи академика-гравера на деревѣ.

А. П. Полетаевъ.

25-го августа 1883 г.
Г. Кострома.

Полковникъ Штрикеръ.

Въ статьѣ „Дневникъ Вильгельма Карловича Кюхельбекера", напечатанной въ „Русской Старинѣ" изд. 1883 г., въ томѣ XXXIX, іюльской книги, въ примѣчаніи на стр. 128 сказано: ...„Исправляющій должность Свеаборгскаго коменданта плацъ-маіоръ полковникъ Штрик...".

Можетъ быть „Русской Старинѣ" желательно знать полную фамилію Штрик...; въ этихъ видахъ я сообщаю, что въ 1833 году въ Свеаборгѣ былъ плацъ-маіоръ полковникъ Штрикеръ.

Э. Элерсъ.

СТРАНИЦА ИЗЪ ИСТОРІИ КРѢПОСТНАГО ПРАВА.

Записки Январія Михайловича Невѣрова.

1810—1826 гг.

Я. М. Невѣровъ въ теченіе послѣдняго времени (1877—1883 гг.) составилъ обширныя и интересныя Записки о своей жизни и своей общественной дѣятельности. Почтенный авторъ не предназначалъ и не предназначаетъ ихъ къ печати. Онъ полагаетъ, между прочимъ, что его „скромная литературная и общественная дѣятельность не имѣетъ общаго интереса" [1]). Но многое, однако, и въ особенности въ описаніи имъ его дѣтства и отрочества, вмѣстѣ съ нравственно-педагогическимъ интересомъ, дѣйствительно представляетъ яркую картину крѣпостного права,—картину, которая, какъ предполагаетъ Я. М. Невѣровъ, „конечно, вызоветъ не одинъ порывъ благодарности къ Монарху, избавившему Россію отъ этого страш-

---

[1]) Членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ Я. М. Невѣровъ, бывшій пятнадцать лѣтъ попечителемъ Кавказскаго учебнаго округа, началъ службу, по окончаніи курса въ Арзамасскомъ уѣздномъ училищѣ, въ мѣстномъ уѣздномъ судѣ канцеляристомъ; по смерти отца, заботами матери и благодаря собственной энергіи приготовился, минуя гимназію, къ поступленію въ Московскій университетъ, куда и поступилъ въ 1828 году. Въ 1832 г. Невѣровъ кончилъ курсъ кандидатомъ; въ 1833 г. началъ службу въ редакціи Журнала Мин. Нар. Просвѣщенія; въ 1836 г. оставилъ службу и поступилъ въ Берлинскій университетъ. По возвращеніи изъ-за границы, въ 1839 г., назначенъ инспекторомъ Рижской гимназіи, въ 1844 г.—директоромъ Черниговской, въ 1850 г.—Ставропольской, въ 1861 г.—директоромъ Лазаревскаго института и съ 1864 по 1879 г. занималъ постъ попечителя Кавказскаго учебнаго округа („Сборникъ автографовъ" въ ред. „Русской Старины", томъ II, стр. 85). Ред.

наго бича". Зная, какъ часто и много разсказывалъ именно изъ этого періода своей жизни Я. М. Невѣровъ въ 1838—1839-хъ годахъ своимъ друзьямъ Грановскому, Станкевичу и молодому пріятелю и сожителю въ Берлинѣ И. С. Тургеневу, что именно не могло не вліять на нашего романиста, мы испросили дозволеніе у Я. М. Невѣрова привести нѣсколько страницъ изъ его Записокъ.

Ред.

I.

..."Я родился 18 августа 1810 года. Родина моя—городъ Ардатовъ, Нижегородской губерніи. Отецъ мой, губернскій секретарь Михаилъ Гавриловичъ Невѣровъ, былъ сынъ мѣстнаго протоіерея и изъ семинаріи [1]) поступилъ въ гражданскую службу и былъ секретаремъ Ардатовскаго земскаго суда, но вслѣдствіе какой-то исторіи былъ удаленъ отъ должности, сталъ заниматься хожденіемъ по частнымъ дѣламъ (адвокатурою) и составилъ себѣ репутацію отличнаго дѣльца. Онъ завѣдывалъ дѣлами богатаго помѣщика Кошкарова, часто бывалъ въ имѣніи его, въ селѣ Верякушахъ, бралъ меня туда съ собою, а моя мать даже жила тамъ долгое время со мною, что и дало мнѣ возможность близко приглядѣться къ быту этого своеобычнаго, даже для своего суроваго времени, 1820-хъ гг., душевладѣльца.

Петръ Алексѣевичъ Кошкаровъ—бодрый старикъ, которому въ эпоху гощенья моего въ с. Верякуши было лѣтъ подъ семьдесятъ. Онъ никогда не былъ женатъ; одна изъ его побочныхъ дочерей и ея семь братьевъ прижиты имъ были съ солдаткою Натальею Ивановной, которая хотя жила въ одномъ съ нимъ домѣ и была окружена нѣкоторымъ почетомъ какъ со стороны домочадцевъ, такъ и сосѣднихъ помѣщиковъ, посѣщавшихъ весьма часто Верякуши, но не только не имѣла никакого вліянія на Кошкарова и вообще на дѣла его, но даже и на дѣтей своихъ. У ней была особая комната, особая женская прислуга, и она являлась въ пріемныя комнаты какъ почетное лице, впрочемъ—совершенно чуждое всему, что вокругъ нея происходило. Дѣти

---

[1]) Впрочемъ, не знаю, гдѣ онъ учился: всѣ его братья, а мои дяди—ихъ было двое—были также чиновниками, такъ что изъ всѣхъ дѣтей протоіерея Невѣрова ни одинъ не поступилъ въ духовную службу. Я. Н.

ея носили фамилію Щ—хъ и, получивъ домашнее образованіе, поступили въ военную службу, за исключеніемъ старшаго сына Всеволода, который служилъ въ статской и былъ въ Рыбинскѣ виннымъ приставомъ. Они часто пріѣзжали въ отпускъ и гостили по-долгу въ Верякушахъ. Кромѣ этихъ семи лицъ, къ составу семьи принадлежалъ еще отчасти полковникъ Корсаковъ, сынъ бѣдной дворянки изъ сосѣдней деревни, который въ дѣтствѣ взятъ былъ Кошкаровымъ на воспитаніе, опредѣленъ имъ вмѣстѣ съ своими сыновьями въ военную службу, а потому былъ какъ бы членомъ семьи. Впослѣдствіи онъ женился на племянницѣ Петра Алексѣевича, также побочной дочери Гаврила Алексѣевича Кошкарова, имѣвшаго помѣстье въ 10 верстахъ отъ Верякушъ. Гаврила Алексѣевичъ также никогда не былъ женатъ, и мать его дочери—простая крестьянка—была поставлена въ такое же положеніе, какъ и Наталья Ивановна, т. е. она пользовалась нѣкоторымъ почетомъ и была какъ бы хозяйкой—конечно, только номинальною въ домѣ, но впослѣдствіи Гаврила Алексѣевичъ взялъ къ себѣ вторую, молодую сожительницу, изъ-за чего у нихъ вышла крупная ссора съ Кор........, вступившимся за мать своей жены. Былъ еще третій братъ у нашего героя—Алексѣй Алексѣевичъ Кошкаровъ, имѣвшій помѣстье также недалеко отъ Верякушъ, но это былъ человѣкъ женатый, а потому прервавшій съ братьями всѣ сношенія—ни онъ къ нимъ, ни они къ нему никогда не ѣздили.

Село Верякуши лежитъ въ полутора верстѣ отъ почтовой дороги изъ Арзамаса въ Тамбовъ, въ 6 верстахъ отъ станціи Орѣховецъ. Въ немъ было болѣе двухсотъ дворовъ, и оно расположено вокругъ довольно большого пруда, на берегу коего небольшая деревянная церковь, а близь нея помѣщичій домъ—обширное, старое деревянное зданіе на дворѣ, окруженномъ многочисленными хозяйственными постройками: кухнею, людскими, амбарами и проч.; впрочемъ на другой сторонѣ пруда, такъ называемой Волынской, былъ другой, новый барскій домъ, принадлежавшій Натальѣ Ивановнѣ, но онъ оставался пустымъ и только изрѣдка занимался подъ помѣщеніе гостей и вообще служилъ цѣлію нашихъ прогулокъ, такъ какъ новый домъ былъ изящно меблированъ, содержался весьма чисто и украшенъ былъ семейными портретами. Вообще, хозяйственная политика Кошкарова была

такова: родовое имѣніе было для него неприкосновенною собственностью, и онъ завѣдывалъ имъ самъ, все же благопріобрѣтенное, какъ собственность дѣтей, состояло въ вѣдѣніи Натальи Ивановны, и у нея была своя касса, свое хозяйство, а потому и новый домъ былъ въ ея исключительномъ завѣдываніи; кромѣ денегъ, дома и проч., кажется, были и крестьяне, купленные на имя ея сыновей Щ—хъ, такъ какъ сама Наталья Ивановна до самой смерти подписывалась — я это очень хорошо помню — „солдатка Наталья Иванова"; но какимъ образомъ ея сыновьямъ усвоена была фамилія Щ—хъ и дворянскія права—объяснить не могу. Въ то время нерѣдко бывали такіе случаи, что помѣщикъ, имѣвшій побочныхъ дѣтей, подкупалъ какого нибудь бѣдняка-дворянина, на имя коего священникъ записывалъ новорождающихся незаконныхъ дѣтей барина, и такимъ образомъ они пользовались правами потомственныхъ дворянъ. До самой смерти Кошкаровъ былъ вѣренъ принципу сохраненія родового имѣнія для передачи его законнымъ наслѣдникамъ—братьямъ, и только въ 1826-мъ году рѣшился было заложить его въ Московскій Опекунскій совѣтъ съ тѣмъ, чтобы на пріобрѣтенный такимъ образомъ капиталъ купить имѣніе на имя сыновей своихъ Щ** и тѣмъ увеличить скромныя средства, скопленныя для нихъ Натальею Ивановною; съ этою цѣлію отправился онъ въ Москву, но, пріѣхавъ въ Арзамасъ, занемогъ и послѣ кратковременной болѣзни умеръ въ нашемъ Арзамасскомъ домѣ. Такимъ образомъ, проэктъ этотъ не осуществился, и все родовое имѣніе его по смерти перешло въ родъ Кошкаровыхъ, а Щ—вы остались при тѣхъ небольшихъ средствахъ, которыя для нихъ скопила Наталья Ивановна.

II.

Верякушскіе крестьяне были на пашнѣ, и Кошкаровъ самъ завѣдывалъ хозяйственными дѣлами съ помощію своего quasi-секретаря Ѳеоктисты Семеновны, дѣвушки среднихъ лѣтъ, весьма красивой, бойкой и развитой, мать которой была начальницею гарема Кошкарова. Ѳеоктиста, конечно, получила домашнее образованіе въ Верякушахъ, но кромѣ того, что она завѣдывала всею перепискою Кошкарова, счетами,—она была весьма начитанная

особа и очень хорошая музыкантша. Это было третье по важности лицо въ домѣ, и она пользовалась правами члена семьи, т. е. сидѣла въ гостиной, принимала гостей, выѣзжала въ гости, словомъ, была какъ бы второю барынею. Одни подозрѣвали въ ней также дочь Кошкарова, другіе, напротивъ того, почитали ее намѣстницею Натальи Ивановны, которая, конечно, уже давно утратила свои матримоніальныя права и отношенія и была чисто пассивнымъ лицомъ въ домѣ, только какъ мать дѣтей барскихъ. Ѳеоктиста же, какъ дѣятельный домоправитель, постоянно находилась при Кошкаровѣ и, кромѣ чисто секретарскихъ обязанностей, т. е. веденія счетовъ, переписки, читала ему—время отъ времени—книги и играла на фортепіано, и своей игрой увлекала даже и меня: я помню, что слушалъ ее съ особымъ удовольствіемъ и у нея же началъ учиться игрѣ на фортепіано.

Не смотря на обширность хозяйства, оно велось такъ удачно, что крестьяне были очень довольны Кошкаровымъ и отличались замѣтною—въ отношеніи къ сосѣдямъ—зажиточностью. Даже такого рода повинность, что если въ какой-либо семьѣ дочь отличалась красивою наружностью, то ее брали въ барскій гаремъ, т. е. дворню,—не только не возмущала ихъ, но даже радовала семью, потому что за это ей прибавлялся надѣлъ и давались разныя льготы.

Я упомянулъ, что у Петра Алексѣевича былъ гаремъ.

Дѣйствительно, бытъ женской прислуги въ его домѣ имѣлъ чисто гаремное устройство. Изъ многочисленной мужской прислуги—болѣе сорока человѣкъ, считая поваровъ, кучеровъ, садовниковъ и проч.—однихъ лакеевъ, которые всѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, были музыканты, пѣвчіе и псовые охотники, было до 20 человѣкъ; многіе были, конечно, женаты, но жены ихъ жили на общихъ основаніяхъ, или въ отдѣльныхъ съ мужьями комнаткахъ, или въ общихъ помѣщеніяхъ при прачешныхъ, конюшняхъ, оранжереяхъ и псовомъ дворѣ; точно также были особыя горничныя при Натальѣ Ивановнѣ и для прислуги гостямъ, но 12—15 молодыхъ и красивыхъ дѣвушекъ занимали цѣлую половину дома и предназначались только для прислуги Кошкарова; вотъ онѣ-то и составляли то, что я назвалъ гаремомъ. Весь барскій домъ раздѣлялся на двѣ половины—мужскую и женскую. Первая состояла изъ прихожей, обвѣшанной охотничьими трубами, ору-

жіемъ,—огромнаго зала, буфета, биліардной, диванной и такъ называемой братской комнаты, въ которой помѣщались сыновья помѣщика, когда пріѣзжали въ отпускъ. Всѣ эти комнаты были очень обширны, и въ нихъ же помѣщались и гости, остававшіеся ночевать, а пріѣзжавшіе на болѣе продолжительный срокъ располагались въ новомъ барскомъ домѣ за прудомъ. Вторая, собственно женская половина барскаго дома, начиналась гостиной, которая, собственно, была нейтральною комнатою, потому что въ ней обыкновенно на одномъ диванѣ сидѣлъ Кошкаровъ, а на другомъ, напротивъ, Наталья Ивановна, и особое мѣсто имѣла Θеоктиста Семеновна. Здѣсь же обыкновенно проводили время всѣ прочіе члены семьи и гости, и здѣсь стояло фортепьяно. У дверей гостиной, ведущихъ въ залъ, стоялъ обыкновенно дежурный лакей, а у противоположныхъ дверей, ведущихъ въ спальню Кошкарова—дежурная дѣвушка, и какъ лакей не могъ переступить порога спальни, такъ дѣвушка не могла перешагнуть черезъ порогъ зала; но если случалось, что вслѣдъ за выходомъ дежурнаго лакея нужно было тотчасъ отдать приказаніе, касавшееся мужской прислуги, то дѣвушка должна была отворить дверь, остававшуюся всегда закрытою, и громко позвать помощника дежурнаго и отдать ему приказаніе; дверь же въ спальню никогда не закрывалась, и если выходила дежурная, то тотчасъ же являлась другая, да по большей части дежурная и ея помощница обѣ стояли вмѣстѣ, такъ что не было надобности вызывать кого-нибудь. Не только дежурный лакей или кто нибудь изъ мужской прислуги, но даже мужскіе члены семьи или гости не могли пройти далѣе дверей, охраняемыхъ дежурною дѣвушкою. За гостиной слѣдовала такъ называемая спальня, но въ ней не было ни кровати, ни какихъ-либо другихъ спальныхъ и туалетныхъ принадлежностей, а это была въ сущности вторая гостиная, въ которой также иногда располагался Кошкаровъ со всею семьею. Отличіемъ ея служила нишь, за которой помѣщались постельныя принадлежности Кошкарова; въ этой же комнатѣ стояли шкафы съ книгами. Затѣмъ слѣдовалъ кабинетъ, но также безъ всякихъ кабинетныхъ принадлежностей, а просто большая комната съ разными хозяйственными вещами и отхожимъ мѣстомъ собственно для Кошкарова, и тутъ же былъ входъ къ комнату Натальи Ивановны и другой въ дѣвичью, огромную комнату съ нѣсколькими отдѣльными ка-

морками. Кошкаровъ никогда не спалъ въ спальной, въ которой—какъ сказано выше—не было и кровати, а только за перегородкой хранились спальныя принадлежности. Обыкновенно, вечеромъ, послѣ ужина дежурная дѣвушка, по его приказанію, объявляла громко дежурному лакею: „барину угодно почивать“, что было знакомъ для всей семьи расходиться по своимъ комнатамъ; удалялась, раскланявшись, Наталья Ивановна, а за нею и всѣ мы, а лакеи вносили тотчасъ въ гостиную изъ мужской половины простую деревянную кровать и, поставивъ ее посрединѣ комнаты, тотчасъ удалялись, а дверь изъ гостиной въ залъ запиралась, и дѣвушки изъ спальной выносили пуховикъ, одѣяло и прочія принадлежности для постели Кошкарова, который въ это время совершалъ вечернюю молитву по молитвеннику, при чемъ дежурная держала свѣчу, а въ это время всѣ прочія дѣвушки вносили свои койки и располагали ихъ вокругъ кровати Кошкарова, такъ какъ всѣ непремѣнно должны были, кромѣ Матрены Ивановны,—начальницы гарема,—спать въ одной съ Кошкаровымъ комнатѣ, причемъ дежурная раздѣвала его и, уложивъ въ постель, садилась возлѣ на стулъ и начинала непремѣнно сказывать сказки, имѣя въ рукахъ кусокъ краснаго сукна, которымъ, по требованію лежащаго, иногда растирала ему спину или ноги и цѣлую ночь оставалась на стулѣ, не смѣя лечь спать. Поутру она отпирала дверь въ залъ и, возвѣстивъ громко мужской прислугѣ, что „баринъ приказалъ ставни открывать“,—удалялась въ каморку при дѣвичьей и тамъ ложилась спать; новая же дежурная поднимала съ постели барина, а прочія дѣвушки убирали свои койки изъ гостиной.

Утро было самое тяжелое и непріятное время для всѣхъ, въ особенности для горничныхъ. Пока Кошкаровъ одѣвался и умывался, онъ до самой утренней молитвы и непосредственно слѣдующаго за нею чаю и трубки табаку—былъ необыкновенно раздражителенъ, и всѣ наказанія производились въ это время. Особенно доставалось бѣднымъ дѣвушкамъ: если не было экзекуцій розгами, то многія получали лично отъ него пощечины, и все утро раздавалась крупная брань, иногда безъ всякаго повода, подъ предлогомъ, напримѣръ, что дежурная, стоя у дверей, очень часто и умильно посматривала на дежурнаго лакея, стоявшаго съ противоположной стороны, или, передавая ему какое нибудь

приказаніе барское, возвращалась на свое мѣсто раскраснѣвшись,—это также преступленіе: значитъ „ей захотѣлось", какъ объяснялъ Кошкаровъ, и на слѣдующее утро за то ей давалась пощечина. Все это—говорю—продолжалось отъ четверти часа до получаса во время вставанья съ постели; затѣмъ, помолившись Богу и сѣвши на диванъ съ чашкою чаю и трубкою табаку, Петръ Алексѣевичъ дѣлался кроткимъ и любезнымъ хозяиномъ,—двери отворялись въ залу, являлась Наталья Ивановна и вся семья, и если онъ не ѣхалъ на охоту или не отправлялся по хозяйству, то послѣ хозяйственныхъ распоряженій и рапортовъ старосты, конюшаго, садовника, ловчаго (ловчій—начальникъ псовой охоты и смотритель псарнаго двора) занимался дѣлами съ Ѳеоктистой Семеновной или, по временамъ, слушалъ ея игру на фортепіано; она также читала ему книги; затѣмъ, когда наступало время обѣда и раздавался призывающій къ столу звонокъ, ему вносили въ гостиную маленькій обѣденный столикъ, а мы всѣ садились въ залѣ за общій столъ, и намъ услуживали лакеи, Кошкарову же дѣвушки. Послѣ стола мы всѣ расходились по своимъ комнатамъ, а Кошкарову приносили на диванъ подушки, и онъ ложился отдыхать, причемъ дежурная садилась возлѣ и читала ему какую нибудь книгу. Послѣ послѣобѣденнаго отдыха семья опять собиралась въ гостиную, занималась музыкой, а Кошкаровъ игралъ въ карты, обыкновенно въ вистъ въ четверомъ, и если не было гостей, то партнерами бывали и горничныя, но не садились за карточный столъ, а должны были играть стоя; Наталья Ивановна же на своемъ мѣстѣ раскладывала пасьянсъ или играла съ кѣмъ-нибудь въ пикетъ, причемъ и мнѣ доводилось не рѣдко быть партнеромъ у Кошкарова или у Натальи Ивановны. Я, впрочемъ, охотнѣе игралъ съ послѣднею, потому что играли на изюмъ, тогда какъ съ Кошкаровымъ не было никакихъ призовъ игры,—а потому я тихонько подъ столомъ передавалъ тузовъ и всѣ лучшія карты его партнеру, чтобы скорѣе окончить обычные шесть роберовъ и отправиться въ залъ къ музыкантамъ или въ женскую половину къ дѣвушкамъ.

По вечерамъ часто собирался въ сосѣдней комнатѣ домашній оркестръ и если были гости, то устраивались танцы; когда же призывали пѣвчихъ, то такъ какъ въ хорѣ участвовали и дѣвушки, то хоръ устраивался въ гостиной, но въ такомъ случаѣ хоръ исполнялъ

не церковную музыку, а русскія и другія пѣсни, между которыми было много не только двусмысленныхъ, но даже прямо непристойнаго содержанія. Изъ нихъ у меня осталась въ памяти очень пріятная въ мелодическомъ отношеніи пѣсня: „сзади іорникъ шелъ пѣшкомъ“; собственно, содержаніе ея состоитъ изъ набора фразъ, не имѣющихъ въ себѣ ничего шокирующаго, но мелодія составлена такъ, что въ концѣ каждаго куплета первый стихъ разсѣкается долгою нотою, отъ чего выходитъ самое площадное сквернословіе. . . . . . .

. . . . И это пѣлось хоромъ мужчинъ и дѣвушекъ, не только при всей семьѣ нашей, но и при гостяхъ, если только между ними не было дамъ. Вообще существовала цѣлая рукописная литература подобнаго рода стихотвореній и пьесъ, неизвѣстно кѣмъ составленная. Цѣлый портфейль былъ ею наполненъ и портфейль этотъ находился въ распоряженіи Ѳеоктисты Семеновны.

Помню очень хорошо одинъ случай: мать полковника Кор*..., воспитывавшагося въ домѣ Кошкарова вмѣстѣ съ его сыновьями, Щ—ми, и составлявшаго какъ бы члена семьи Петра Алексѣевича,—Авдотья Ивановна жила въ сосѣдней деревнѣ въ трехъ верстахъ отъ Верякушъ и по праздникамъ приходила пѣшкомъ въ Верякушскую церковь, а по окончаніи обѣдни, конечно, заходила на барскій дворъ, чтобы отдохнуть и выпить чашку чаю. Вотъ, однажды, Кошкаровъ обращается къ ней съ вопросомъ: „Слышала ли ты, Авдотья Ивановна, что у насъ теперь война? вотъ, можетъ быть и наши (т. е. Щ—вы и Кор—въ) теперь сражаются?“—„Нѣтъ, батюшка, не слыхала“.—„Какъ же! вотъ и въ газетахъ есть о томъ. Эй, Ѳеоктиста, прочти описаніе взятія Ширшавинской крѣпости!“ Это юмористическое иносказательное описаніе процесса лишенія дѣвушки невинности, которое Ѳеоктиста Семеновна тотчасъ доставала изъ завѣтнаго портфейля и начинала торжественнымъ голосомъ читать вслухъ. Описаніе оканчивается фразою: „наконецъ, непріятель вторгнулся въ крѣпость, и полились потоки крови, а съ задняго бастіона послѣдовалъ выстрѣлъ“. При этомъ бѣдная старушка начинала усердно креститься, повторяя: „Господи, какое кровопролитіе“, а публика разражалась громкимъ хохотомъ, который Кошкаровъ объяснялъ старухѣ тѣмъ, что это описаніе войны съ французами, а теперь войны нѣтъ, а

только боятся, что будетъ,—и тѣмъ успокоивалъ бѣдную мать, боявшуюся за своего сына. Всѣ эти пѣсни, двусмысленныя описанія и такого же рода фразы пѣлись, читались и говорились дѣвушками безъ всякой застѣнчивости,—да и что удивительнаго: разъ въ недѣлю Кошкаровъ отправлялся въ баню, и его туда должны были сопровождать всѣ обитательницы его гарема, и нерѣдко тѣ изъ нихъ, которыя еще не успѣли, по недавнему нахожденію въ этой средѣ, усвоить всѣ ея взгляды, и въ банѣ старались спрятаться изъ стыдливости,—возвращались оттуда битыми. Вообще съ дѣвушками Кошкаровъ обращался сурово, но съ крестьянами и мужскою прислугою былъ очень добръ и ласковъ, и наказаніе лакеевъ было такъ рѣдко, что въ теченіе 8 или почти 9 лѣтъ моего частаго посѣщенія и житья въ Верякушахъ я помню только одинъ случай наказанія, но случай такой возмутительный, что онъ произвелъ на меня глубоко-потрясающее впечатлѣніе и имѣлъ на меня огромное нравственное вліяніе.

III.

Я не пользовался ласками хозяйской семьи, а Кошкаровъ, вслѣдствіе неудовольствія на моего отца, относился ко мнѣ даже съ пренебреженіемъ и нерѣдко называлъ меня „подьячимъ“. Ребенкомъ—я цѣлый день проводилъ между дѣвушками въ женской половинѣ, и онѣ меня очень ласкали, потому что я былъ единственное дитя въ домѣ. Ночь, конечно, я проводилъ въ мужской половинѣ, и изъ мужской прислуги меня въ особенности ласкалъ конюшій Ѳедоръ, котораго, вслѣдствіе того, я очень любилъ.

Изъ числа гаремныхъ дѣвушекъ молодая, недавно вступившая въ гаремъ, Аѳимья сильно понравилась Ѳедору, и онъ рѣшился—во чтобы то ни стало—похитить ее и бѣжать съ нею, такъ какъ не было другой возможности имъ сблизиться, и сношенія между ними производились, конечно, только по тайной перепискѣ, потому что лично имъ не было никакой возможности объясниться. Такъ какъ Ѳедоръ завѣдывалъ конскимъ заводомъ, то въ условленное съ Аѳимьей время, вечеромъ, онъ запрегъ въ повозку тройку лихихъ лошадей и, подъѣхавъ сзади дѣ-

вичьяго отхожаго мѣста, выломалъ тамъ доску и поджидалъ Аѳимью. Отхожее мѣсто было устроено въ видѣ шатра противъ дѣвичьяго крыльца, и задняя сторона его выходила на площадь, гдѣ Ѳедоръ стоялъ съ лошадьми. Обыкновенно, дѣвушки ходили за естественною нуждою не иначе какъ съ дозволенія и подъ надзоромъ начальницы своей—Матрены Ивановны, которая, обыкновенно, приказывала имъ поджидать, пока соберутся двѣ—три и тогда выходила съ ними на крыльцо и поджидала, пока онѣ окончатъ свою нужду. Такъ было и въ описываемомъ случаѣ, съ тою только разницею, что Аѳимья, заявивъ о своей крайней нуждѣ, вошла въ шатеръ первая и, заперевъ дверь, чрезъ выломанную Ѳедоромъ доску тотчасъ вышла изъ шатра, сѣла съ нимъ въ телѣгу и ускакала. Матрена Ивановна и подруги ждутъ пять, десять минутъ,—наконецъ, начинаютъ кричать: „Аѳимья, что съ тобой? выходи!“ Аѳимья не выходитъ. Поднялась тревога, сбѣжались люди, выломали дверь, и тогда, замѣтивъ проломъ, догадались о побѣгѣ. Тотчасъ доложили Кошкарову. Велѣно было всѣмъ людямъ забрать въ конюшнѣ лошадей и отправиться немедленно по всѣмъ дорогамъ въ погоню за бѣглецами,—и къ утру ихъ догнали и привели назадъ. Аѳимья послѣ сильной порки была посажена на стулъ на цѣлый мѣсяцъ. Это одно изъ самыхъ жестокихъ наказаній, теперь едва-ли кому извѣстныхъ, а потому я постараюсь описать его.

На шею обвиненной надѣвался широкій желѣзный ошейникъ, запиравшійся на замокъ, ключъ отъ котораго былъ у начальницы гарема; къ ошейнику прикрѣплена небольшая желѣзная цѣпь, оканчивающаяся огромнымъ деревяннымъ обрубкомъ, такъ что, хотя и можно было, приподнявъ съ особымъ усиліемъ послѣдній, перейти съ одного мѣста на другое,—но по большей части это дѣлалось не иначе, какъ съ стороннею помощью; вверху у ошейника торчали желѣзныя спицы, которыя препятствовали наклону головы, такъ что несчастная должна была сидѣть неподвижно, и только на ночь подкладывали ей подъ заднія спицы ошейника подушку, чтобы она сидя могла заснуть. Инструментъ этотъ хранился въ дѣвичьей, и я въ теченіе восьми лѣтъ одинъ разъ только видѣлъ примѣненіе его на несчастной Аѳимьи,—и не помню, чтобъ онъ въ это время примѣнялся къ кому нибудь изъ мужской прислуги, которая вообще пользовалась несравненно бо-

лѣе гуманнымъ обращеніемъ,—но исторія съ несчастнымъ Ѳедоромъ составляетъ исключеніе[1]).

Въ тотъ же день, когда была произведена экзекуція надъ Аѳимьей,—которую я впрочемъ не видѣлъ, потому что ее производили въ обыкновенное время всѣхъ расправъ съ дѣвушками—утромъ до чая, когда женская половина закрыта для всѣхъ,—и расправы эти, конечно, производились женщинами,—послѣ чаю приведенъ былъ на дворъ предъ окна кабинета бѣдный Ѳедоръ. Кошкаровъ сталъ подъ окномъ и, осыпая его страшною бранью, закричалъ: „люди, плетей!“ Явилось нѣсколько человѣкъ съ плетьми, и тутъ же на дворѣ началась страшная экзекуція. Кошкаровъ, стоя у окна, поощрялъ экзекуторовъ криками: „валяй его, валяй сильнѣй!“ что продолжалось очень долго, и несчастный сначала страшно кричалъ и стоналъ, а потомъ началъ притихать и совершенно притихъ, а наказывавшіе остановились. Кошкаровъ закричалъ: „что-жъ стали? валяй его!“—„Нельзя“, отвѣчали тѣ:—„умираетъ“. Но и это не могло остановить ярость Кошкарова гнѣва. Онъ закричалъ: „эй, малый, принеси лопату“. Одинъ изъ сѣкшихъ тотчасъ побѣжалъ на конюшню и принесъ лопату. „Возьми г.... на лопату“, закричалъ Кошкаровъ. Надобно замѣтить, что предъ его окнами постоянно стояла колода, въ которой кормились назначаемыя въ разгонъ лошади, а въ этотъ день тутъ кормились всѣ бывшія въ погонѣ за бѣглецами, а потому, естественно, около нихъ образовались кучки лошадинаго кала. При словѣ: „возьми г.... на лопату“ державшій ее зацѣпилъ тотчасъ кучу лошадинаго кала. „Брось его въ рожу мерзавцу и отведи его прочь!“

При этихъ словахъ я, стоявшій во все время въ той же комнатѣ и горько плакавшій, потому что мнѣ очень жаль было бѣднаго Ѳедора, который постоянно ласкалъ меня,—до такой степени былъ возмущенъ этимъ варварствомъ, что вырвался изъ

---

[1]) Такого рода истязанія практиковались не только между помѣщиками 1820-хъ годовъ, но и у служилыхъ людей. Это видно, между прочимъ, изъ высочайшаго указа, даннаго сенату 9-го февраля 1827-го года, въ которомъ объяснено, что нѣкто «служилый сотникъ Григорій Левицкій—сажалъ малороссіянина Климова въ станичной избѣ въ какую то неподвижную колоду»,—каковой способъ держанія людей указъ призналъ за «родъ пытки, отъ послѣдствій каковой пытки Климовъ и умеръ».

Государь повелѣлъ всѣ «подобныя орудія истребить» повсемѣстно.

Сообщ. 30-го іюля 1874 г. Г. К. Р—й.

рукъ дѣвушки Настасьи, которая старалась успокоить меня и закрывала мое лицо отъ Кошкарова, чтобы онъ не видалъ моихъ слезъ,—и бросился на него съ намѣреніемъ его самого ударить въ лицо—но Настасья меня оттащила и увела въ другую комнату. Кошкаровъ однако замѣтилъ мое порывистое къ нему движеніе и спросилъ: „что съ нимъ? чего онъ барахтается?“ Настасья объяснила, что я будто хотѣлъ просить прощенія Өедору,—и тѣмъ дѣло и кончилось. Но сцена эта произвела на меня такое потрясающее впечатлѣніе, что съ тѣхъ поръ рука моя осталась чиста на всю жизнь: она не иначе прикасалась къ человѣку, да даже и животному, какъ съ лаской, и все это—какъ теперь понимаю—именно потому, что я былъ свидѣтелемъ возмутительнаго истязанія и надругательства надъ человѣкомъ, мнѣ близкимъ, меня ласкавшимъ, — и это было въ моемъ дѣтствѣ — мнѣ было шесть лѣтъ,—а въ это время всѣ впечатлѣнія неизгладимо остаются въ памяти на всю жизнь. Весьма вѣроятно, что если-бы страждущимъ лицемъ въ этой сценѣ былъ кто-нибудь другой, а не мой добрый Өедоръ, то я бы отнесся къ ней если не равнодушно, то по крайней мѣрѣ безъ такого сильнаго потрясенія, а при частомъ повтореніи предо мною наказаній разнаго рода надъ другими привыкъ бы къ нимъ и смотрѣлъ бы на нихъ какъ на обыкновенный порядокъ вещей, но, повторяю, такого звѣрства надъ мужскою прислугою я не видалъ, да кажется, его и не было, а всѣ пощечины и порки дѣвушкамъ производились утромъ, до чая, слѣдовательно, я не могъ быть при нихъ; сажанье же на стулъ было, вѣроятно, нерѣдко, но на короткое время, а потому у меня осталась въ памяти только исторія съ бѣдной Аөимьей. Что сдѣлалось послѣ съ бѣднымъ Өедоромъ—не знаю, потому что его затѣмъ я не видѣлъ болѣе. Онъ долго былъ боленъ, а по выздоровленіи, вѣроятно, былъ сосланъ въ другую деревню, или даже умеръ. Аөимью же, дѣйствительно, я видѣлъ съ мѣсяцъ или болѣе пригвожденною къ своему такъ называемому стулу, потому что она сидѣла въ дѣвичьей, куда я имѣлъ всегда свободный входъ. Затѣмъ она была исключена изъ горничныхъ и употреблялась для черной работы: помню, что она въ простомъ крестьянскомъ платьѣ съ метлой въ рукахъ мела барскій дворъ и жила у дяди своего—садовника. Дальнѣйшая же ея участь мнѣ также неизвѣстна.

IV.

Я сказалъ, что связь Аѳимьи съ Ѳедоромъ началась и производилась посредствомъ тайной переписки, такъ какъ дѣвушки лишены были всякой возможности сближаться съ мужскою прислугою и даже въ случаѣ передачи какихъ либо приказаній барина дежурная не смѣла переступить порогъ изъ гостиной въ залу, но должна была, отворивъ дверь, громко передать приказаніе и тотчасъ возвратиться. Къ семьѣ, къ роднымъ онѣ никогда не отпускались ни подъ какимъ предлогомъ, а принимали ихъ въ общей дѣвичьей, и то, если приходили братья или другіе мужскіе родственники, то бесѣда производилась подъ наблюденіемъ Матрены Ивановны. Дѣвушки ходили, конечно, въ церковь и дѣлали прогулки въ садъ, но не иначе, какъ полнымъ хоромъ и подъ наблюденіемъ той же Матрены Ивановны; а въ церкви у нихъ было особо назначенное для нихъ мѣсто. Переписка же, какъ я узналъ послѣ, производилась такимъ образомъ, что дѣвушка и лакей, стоя во время дежурства въ гостиной,—одинъ у однихъ дверей, другая у другихъ, имѣли наготовѣ записки, и, въ случаѣ, если надобно было отдать стаканъ или чашку или вообще передать что-нибудь другъ другу, то вмѣстѣ съ тѣмъ давалась и заранѣе приготовленная записка съ названіемъ шопотомъ лица, которому она назначалась,—и эта тайная почта исполняла свои обязанности самымъ добросовѣстнымъ образомъ, потому что къ тому побуждалъ общій интересъ. Хотя не только въ селеніи, но и въ барскомъ дворѣ не было школы, но большинство мужской прислуги и всѣ безъ исключенія дѣвушки были не только грамотныя, но очень развитыя и начитанныя, и въ распоряженіи ихъ состояла довольно большая библіотека, состоявшая, конечно, почти исключительно изъ беллетристическихъ произведеній. Для дѣвушки грамотность была обязательна, иначе она не могла исполнять своихъ обязанностей чтицы при Кошкаровѣ, партнерки въ вистъ и проч., а потому каждая вновь поступившая тотчасъ же начинала учиться чтенію и письму у подругъ,—но не было не только правильно организованной школы, но даже опредѣленной учительницы: обязанности послѣдней исполняла каждая свободная подруга, и обученіе шло очень быстро. Благодаря этому, и

я въ раннемъ дѣтствѣ научился читать и писать самъ не знаю отъ кого, потому что, какъ сказано прежде, я почти цѣлый день проводилъ въ средѣ дѣвушекъ. Для мужской прислуги грамотность хотя и не была обязательна, но большинство ея также было грамотнымъ, обучаясь такимъ же способомъ, какъ и дѣвушки, и тамъ побужденіемъ къ грамотности было то, что не будучи грамотнымъ нельзя было получить высшихъ должностей: дворецкаго, буфетчика, конюшаго, ловчаго—или попасть въ хоръ музыкантовъ и пѣвчихъ [1]). Главною моею учительницею, вѣроятно, была добрая Настасья, потому что я въ особенности помню, что она постоянно привлекала меня къ себѣ разсказами о прочитанныхъ ею книгахъ, и что отъ нея я впервые услыхалъ стихи Пушкина и со словъ ея наизусть выучилъ Бахчисарайскій фонтанъ и впослѣдствіи завелъ у себя цѣлую тетрадь стихотвореній Пушкина же и Жуковскаго. Вообще дѣвушки всѣ были очень развиты: онѣ были прекрасно одѣты и получали—какъ и мужская прислуга—ежемѣсячное жалованье и денежные подарки къ праздничнымъ днямъ. Одѣвались же всѣ, конечно, не въ національное, но въ общеевропейское платье. Послѣ извѣстнаго времени гаремной службы онѣ выдавались за-мужъ за заслуженныхъ лакеевъ и получали хорошее приданое, и только за тяжкіе проступки исключались—подобно Аѳимьи—изъ дѣвичьей и возвращались въ семьи съ воспрещеніемъ носить такъ называемое барское (европейское) платье, которое у нихъ отбиралось,—или отсылались на кухню на черную работу.

Мужская прислуга—разумѣю комнатную—также была весьма многочисленна и находилась подъ главнымъ начальствомъ дворецкаго. Большинство лакеевъ были вмѣстѣ съ тѣмъ и псовыми охотниками, т. е. когда баринъ выѣзжалъ въ отъѣзжее поле, надѣвали охотничьи костюмы, садились на коней и провожали его на охоту, а вмѣстѣ съ тѣмъ участвовали въ музыкальномъ или пѣвческомъ хорѣ. Музыкальный хоръ былъ, впрочемъ, небольшой и игралъ только для танцевъ, но пѣвчихъ было человѣкъ 15 мужчинъ и четыре или пять дѣвушекъ изъ горничныхъ. Хоръ обучался и репетировалъ, конечно, на мужской половинѣ,

[1]) А съ этимъ сопряжены были нѣкоторыя весьма существенныя преимущества въ такъ называемомъ мѣсячномъ, т. е. ежемѣсячно выдаваемомъ денежномъ жалованьи, и въ одеждѣ. Я. Н.

а дѣвушки являлись туда подъ надзоромъ Матрены Ивановны или ея помощницы; регентъ хора былъ вольнонаемный. Кромѣ пѣнія въ церкви, хоръ — какъ я сказалъ выше — при гостяхъ и даже безъ гостей призывался иногда по вечерамъ въ гостиную и развлекалъ Кошкарова пѣніемъ народныхъ и другихъ пѣсенъ. Вообще Кошкаровъ очень любилъ музыку, и всѣ его сыновья, Щ**..., были музыкантами, — а одинъ изъ нихъ — Петръ Петровичъ — даже композиторомъ, но сочиненія его, преимущественно пѣсни и варіаціи къ нимъ для фортепіано, не распространялись далѣе Верякушъ и, конечно, никогда не появлялись въ печати. Оттуда и у меня съ ранняго дѣтства проявилась любовь къ музыкѣ, и я такимъ же способомъ, какъ и грамотѣ, т. е. почти самоучкою, выучился брянчать на фортепіано.

V.

Такъ какъ я проводилъ время почти исключительно на женской половинѣ дома,—за исключеніемъ ночи,—то на меня дѣвушки имѣли почти исключительное вліяніе: у нихъ я выучился грамотѣ, игрѣ на фортепіано, получилъ страсть къ чтенію, а потому остался чуждъ псовой охотѣ, которая составляла главный интересъ мужской половины. Мнѣ нравилась только внѣшняя обстановка этой забавы, которая была очень эффектна. Когда Кошкаровъ задумаетъ бывало ѣхать на охоту, то призывается ловчій, съ которымъ ведется совѣщаніе, куда именно ѣхать. Избравъ мѣсто охоты, Кошкаровъ даетъ приказаніе собираться, — и тогда ловчій надѣваетъ охотничій костюмъ, беретъ трубу и, выйдя на крыльце, долго трубитъ, давая тѣмъ знакъ къ сборамъ. По первому же звуку трубы конюшій собираетъ лошадей, псари ведутъ собакъ, а охотники въ своихъ живописныхъ костюмахъ садятся на лошадей, и подается для Кошкарова коляска, за которой ѣдетъ верхомъ конюшій, держа подъ уздцы барскую верховую лошадь. Когда баринъ готовъ, то ловчій снова трубитъ, и охотники выстраиваются въ рядъ, и, какъ только выйдетъ Кошкаровъ и сядетъ въ коляску, то вся кавалькада съ пѣснями отправляется въ путь; возвращеніе совершается при такой же торжественной обстановкѣ, что, конечно, очень меня интересовало. Но такъ какъ съ отъѣздомъ на охоту весь домъ пустѣлъ, и въ дѣвичьей закипала

болѣе широкая жизнь, то я былъ вполнѣ доволенъ, что могъ оставаться дома съ дѣвушками, а потому собственно охота меня вовсе не интересовала. Я только съ удовольствіемъ участвовалъ въ прогулкахъ на псарный дворъ. Прогулки эти устраивались, конечно, только лѣтомъ, въ хорошую погоду, передъ закатомъ солнца — именно въ пору вечерняго кормленія собакъ. Давалось заранѣе знать ловчему, и въ назначенный часъ отправлялся Кошкаровъ со всей семьей и даже въ сопровожденіи всего гарема. Псарный дворъ былъ на площади, шагахъ въ двухъ-стахъ отъ барскаго двора. Предъ воротами его была длинная колода, въ которой готовилась пища для собакъ—овсянная мука съ водой и куски мяса. Предъ колодой ставилось кресло для Кошкарова и стулья для гостей, прочая же публика размѣщалась на скамьяхъ. Когда мѣсиво было готово, ловчій давалъ знакъ въ трубу, и тотчасъ же отворялись ворота и выбѣгали сначала борзыя, но, не касаясь корыта, строились во фронтъ передъ нимъ, сидя на заднихъ лапахъ. По второму знаку трубы выбѣгали гончія прямо къ корыту и, опорожнивъ его, стройно убѣгали во дворъ, и тогда псари начинали готовить пищу для борзыхъ. По данному знаку борзыя бросались къ корыту и, по окончаніи, въ такомъ же порядкѣ возвращались въ свои сараи, и во все это время трубачи играли на своихъ трубахъ. Если случалось когда захватить живого зайца, то на той же площади, въ присутствіи публики, производилась травля; но и эти развлеченія меня привлекали потому, что на нихъ присутствовали дѣвушки и, слѣдовательно, я находился — какъ говорится—въ своей любимой средѣ. Послѣ, когда мнѣ минуло 13 лѣтъ, и я уже не жилъ въ Верякушахъ, а пріѣзжалъ туда время отъ времени гостемъ,—въ день моего рожденія—Кошкаровъ подарилъ и мнѣ свору собакъ и назначилъ ко мнѣ стремяннаго, такъ какъ, по обычаю, каждый мужчина, долженъ быть непремѣнно охотникомъ и, по возведеніи въ это званіе, обязанъ былъ принимать дѣятельное участіе въ охотѣ. При первомъ же выѣздѣ въ отъѣзжее поле взяли и меня, но я очень былъ не доволенъ, потому что въ это время читалъ книгу, которая очень меня интересовала: „Матильда, или записки изъ исторіи крестовыхъ походовъ“, сочиненіе г. Коттень, конечно, въ русскомъ переводѣ.

Пріѣхавъ на островъ — такъ на охотничьемъ языкѣ у насъ

называлась роща, окруженная гладкимъ полемъ — Кошкаровъ вышелъ изъ экипажа и сѣлъ на коня, указавъ каждому изъ охотниковъ, гдѣ онъ долженъ стоять со своею сворою, — а гончія были спущены въ рощу и тотчасъ нашли зайца и начали его преслѣдовать. Всѣ охотники жадно прислушивались къ ихъ лаю, стараясь по нему угадать мѣсто, гдѣ выбѣжитъ звѣрь,—но меня это вовсе не интересовало,—я разлегся на отведенномъ мнѣ мѣстѣ и преспокойно читалъ взятый мною съ собой романъ, и такъ увлекся имъ, что и не замѣтилъ, какъ бѣдный заяцъ выбѣжалъ прямо противъ меня и направился въ поле. Стремянной мой — по правиламъ охоты — не могъ безъ моего приказанія спустить свору (пара борзыхъ собакъ) и хотя кричалъ мнѣ: „баринъ, баринъ, вотъ звѣрь", но я не обратилъ на то вниманія, и такимъ образомъ, благодаря прекрасной Матильдѣ и ея обожателю, Малекъ-Аделю, всецѣло приковавшихъ къ себѣ мое вниманіе, — заяцъ преспокойно пробѣжалъ мимо и замѣченъ былъ другими охотниками тогда, когда спущенныя ими собаки уже не могли его догнать. Кошкаровъ былъ взбѣшенъ до крайности этой неудачей и если бы меня не спряталъ занимавшій ближайшій ко мнѣ постъ дядя Петръ,—то онъ избилъ бы меня бывшимъ у него въ рукахъ арапникомъ. Возвратившись домой, долго толковали о моей неловкости и Кошкаровъ рѣшилъ такъ: „что тутъ удивительнаго! Нурка,—такъ звали меня обыкновенно,—какъ сынъ подьячаго—не способенъ къ благороднымъ удовольствіямъ: отобрать отъ него стремяннаго и свору и исключить изъ охоты". Я очень былъ доволенъ этимъ рѣшеніемъ, потому что дѣйствительно не чувствовалъ ни малѣйшаго влеченія къ охотѣ [1])....

Я. М. Невѣровъ.

---

[1]) Писано въ іюлѣ 1877 г. въ Желѣзноводскѣ.

МИХАИЛЪ АНДРЕЕВИЧЪ КАТЕНИНЪ,

начальникъ Владимірскаго ополченія

въ 1855 г.

Вѣроятно уважаемый Д. Г. Колокольцевъ, помѣстившій въ „Русской Старинѣ" интересныя свои воспоминанія о службѣ въ л.-гвардіи Преображенскомъ полку, не посѣтуетъ на меня, если я сдѣлаю небольшую поправку на то, въ чемъ ему измѣнила память или не было лично извѣстно. Замѣтка моя относится до его бывшаго сослуживца—преображенца Михаила Андреевича Катенина, котораго мнѣ удалось уже узнать впослѣдствіи, а какъ поводомъ знакомства и продолженіемъ его послужили обстоятельства, если такъ можно выразиться „историческія", то я позволю себѣ коснуться всего, что относилось до личности Мих. Андр. въ это время.

Михаилъ Андреевичъ по выходѣ въ отставку изъ адъютантовъ великаго князя Михаила Павловича, но не съ чиномъ генералъ-маіора, какъ сказано въ статьѣ Д. Г. Колокольцова, а съ чиномъ полковника, поселился съ семьею своею въ сельцѣ Михайловскомъ, Владимірской губерніи, Судогодскаго уѣзда, занимаясь устройствомъ вновь возводимой усадьбы и преимущественно садомъ и оранжереями, до которыхъ онъ былъ страстный охотникъ; но наступилъ грозный 1855 годъ, когда потребовались въ дѣло не только войска, но и участіе всѣхъ силъ Россіи. 29 января послѣдовалъ высочайшій манифестъ о сформированіи государственнаго подвижного ополченія; наборъ ратниковъ производился по уѣздамъ, для выбора же начальника ополченія, начальниковъ дружинъ и офицеровъ, дворяне приглашались въ губернскіе города. Мих. Андр., не взирая на то, что имѣлъ конкуррентами лицъ болѣе чиновныхъ и прежде занимавшихъ болѣе выдающіяся должности, былъ избранъ начальникомъ Владимірскаго ополченія. Этотъ выборъ для него былъ чрезвычайно лестенъ, о чемъ онъ и самъ много разъ говаривалъ; да и дѣйствительно быть избраннымъ въ начальники ополченія, въ одно время съ А. П. Ермоловымъ и графомъ С. Г. Строгановымъ, не могло не быть лестнымъ для отставного, хотя бы и гвардейскаго полковника, кромѣ того это былъ единственный примѣръ выбора полковника въ начальники ополченія, должность равную съ начальникомъ дивизіи; поэтому первое время не всѣ были увѣрены въ его утвержденіи; но утвержденіе послѣдовало, дружины быстро сформировались и Мих. Андр. принялъ надъ ними начальство, я же поступилъ въ составъ дружины № 119 (Муромской) въ чинѣ поручика и занялъ должность казначея и квартермистра; съ этого времени я не только имѣлъ честь познакомиться съ Мих. Андр., но до самой его кончины пользовался его особымъ расположеніемъ.

Когда ополченіе сформировалось, то для осмотра его былъ командированъ свиты его величества генералъ-маіоръ Астафьевъ, и по донесеніи о его готовности, мы получили приказъ о выступленіи въ походъ. Владимірское ополченіе, вмѣстѣ съ Нижегородскимъ и Вологодскимъ, вошло въ составъ средней арміи, которою командовалъ генералъ-адъютантъ Панютинъ, и главная квартира которой находилась въ Кіевѣ, куда и мы пришли въ половинѣ лѣта 1855 г. Здѣсь ополченіе было расформировано по полкамъ: два

резервные баталіона и двѣ дружины составили резервный полкъ, наша Муромская дружина, вмѣстѣ съ Переславскою, вошла въ составъ Шлиссельбургскаго егерскаго полка, прочія дружины тѣмъ же порядкомъ въ составъ другихъ полковъ. За упраздненіемъ должности начальника ополченія, Мих. Андр. могъ-бы возвратиться къ своей семьѣ; но цѣня, по его же словамъ, то, что сдѣлало для него Владимірское дворянство, сказалъ, что пока останется въ войскахъ средней арміи хотя одинъ Владимірскій дворянинъ-ополченецъ, онъ не считаетъ свою службу оконченною и потому просилъ разрѣшенія остаться прикомандированнымъ къ средней арміи. Присутствіе его въ Кіевѣ принесло большую пользу какъ военному начальству, такъ и бывшимъ его подчиненнымъ: онъ постоянно являлся посредникомъ между военными и ополченцами, многія недоразумѣнія устранились благодаря его посредничеству, мы же, молодежь, имѣли въ немъ постояннаго ходатая, а просьбы Мих. Андр. имѣли такой вѣсъ, что никогда не получалось отказа; я испыталъ это на себѣ. По соединеніи дружины къ полку, мнѣ представилась надобность съѣздить въ отпускъ, но получить отпускъ въ то время было весьма трудно, полковой командиръ даже не рѣшался принять отъ меня рапортъ, оставалась одна надежда на Мих. Андр., я такъ и сдѣлалъ, поѣхалъ въ Кіевъ и разсказалъ ему въ чемъ дѣло, и онъ, взявъ съ меня слово, что я по окончаніи отпуска немедленно возвращусь, поѣхалъ самъ къ начальнику штаба, генералу Тучкову, и устроилъ такъ, что когда я явился, то генералъ, услышавъ кто я, предупредилъ меня и сказалъ: „Мих. Андр. мнѣ передавалъ вашу просьбу, поѣзжайте съ Богомъ", и даже накинулъ мнѣ нѣсколько дней лишнихъ. Когда нибудь о многомъ разскажу, что привелось мнѣ видѣть хорошаго и дурного во время службы въ ополченіи. Теперь же возвращусь къ прерванному. Владимірское, Нижегородское и Вологодское ополченіе простояло всю зиму въ Кіевской и сосѣднихъ губерніяхъ, ожидая съ весной дальнѣйшаго похода; но среди приготовленій къ нему, внезапно пришла вѣсть объ окончаніи войны, тогда Мих. Андр. вновь вступилъ въ командованіе Владимірскимъ ополченіемъ и привелъ его въ свою губернію. По расформированіи онъ получилъ чинъ генералъ-маіора, а по его представленію почти всѣ безъ исключенія начальники дружинъ, ротные командиры, адъютанты и казначеи кресты.

Окончивъ службу въ ополченіи, Мих. Андр. опять поселился въ своемъ Михайловскомъ и предался любимымъ занятіямъ по саду и оранжереямъ. Въ первые послѣ ополченія выборы Владимірское дворянство убѣдительно просило Мих. Андр. дозволить баллотировать себя на должность губернскаго предводителя; и хотя безъ сомнѣнія выборъ его былъ бы столь же блестящъ, какъ и въ начальники ополченія; но онъ категорически отказался, не переставая до кончины своей быть старшимъ товарищемъ дворянъ-ополченцевъ или, какъ онъ называлъ, «братьевъ-крестовиковъ», подразумѣвая данные ополченцамъ кресты, которыхъ, увы, съ каждымъ годомъ становится меньше и меньше.

В. Ц. Герцыкъ,
бывшій ополченецъ дружины № 119.

Муромъ.
23-го іюня 1883 года.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СТАРИНА.

Новости, объявленія и распоряженія правительства

въ 1799 г. [1]).

4-го января. Въ именномъ его императорскаго величества высочайшемъ указѣ, объявленномъ сенату г. дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, генералъ-прокуроромъ и кавалеромъ Лопухинымъ минувшаго декабря 21-го дня изображено: что е. и. в. высочайше повелѣть соизволилъ отъ капитана Ерлыкова никакихъ проэктовъ не принимать (№ 1).

— Коллежскому ассесору Шишкову, двоекратно утруждавшему е. и. в. жалобами на дядю своего, бригадира Карабанова, за разлученіе съ нимъ жены его и дочерей, по высочайшему повелѣнію отказывается, ибо онъ черезъ развратное поведеніе и жестокіе поступки, собственными его письмами обличаемые, принудилъ ее съ дочерьми искать убѣжища у его дяди, бригадира Карабанова.

— Подпоручицѣ Тарбѣевой, утруждавшей е. и. в. жалобою бывшаго костромскаго гражданскаго губернатора Кочетова за неутвержденіе по ея просьбѣ надъ имѣніемъ, ея мужемъ расточаемымъ, опеки, по высочайшему повелѣнію отказывается, поелику двухъ уѣздовъ дворяне свидѣтельствами удостовѣрили, что Тарбѣевъ ведетъ себя добропорядочно и имѣніе не расточаетъ.

— По начертанію, предложенному весьма съ важнымъ намѣреніемъ для отечества, Россіи, въ изданной за нѣсколько предъ симъ мѣсяцовъ отъ библіотекаря россійско-императорской публичной библіотеки Михайла Антоновскаго книгѣ, подъ заглавіемъ: вѣрное лекарство отъ предубѣжденія умовъ, въ книгѣ удостоенной всемилостивѣйшаго отъ государя россійскаго императора Павла I пріятія и вознагражденія, нынѣ издается въ свѣтъ тѣмъ же библіотекаремъ во первыхъ библіотека духовная, въ которой предлагаются

---

[1]) Выписки изъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», изд. при «Императорской Академіи Наукъ», въ 4-ю долю. Выписки объемлютъ царствованіе Павла I, съ 1796 г. См. въ «Русской Старинѣ» изд. 1874 г. т. XI, стр. 187; 589; 754; изд. 1875 г. томъ XII, стр. 231; 451; 663 и 830, томъ XIII, стр. 457; изд. 1882 г., томъ XXXV, стр. 425 и 653.

для чтенія соотечественникамъ высочайшія и необходимыя для знанія каждому истинны, предлагаются просто, удобопонятно всякому даже и не ученому поселянину (ибо представлены въ бесѣдахъ между простолюдиновъ), предлагаются для внушенія о томъ, въ чемъ состоитъ истинное блаженство, щастіе каждаго человѣка, гражданина, а слѣдовательно и благоденствіе цѣлаго государства.

— Ежели кто для расхода при высочайшемъ е. и. в. дворѣ апрѣля съ 1-го сего 1799 года желаетъ ставить живность, какъ то: гусей, индѣекъ, утокъ, куръ, цыплятъ и голубей молодыхъ, тѣ люди съ узаконенными о залогахъ свидѣтельствами и одобрѣніями отъ присутственныхъ мѣстъ или съ поручительствомъ для торговъ и договоровъ, могутъ являться во всякіе дни кромѣ праздничныхъ въ придворную канцелярію; а кто безъ таковыхъ увѣреній явится, тотъ къ торгу допущенъ не будетъ.

— Если кто для расхода при высочайшемъ е. и. в. дворѣ, какъ въ Санктпетербургѣ, такъ и въ высочайшія въ загородныхъ мѣстахъ присутствія разстояніемъ отъ Санктпетербурга въ 60-ти верстахъ февраля, съ 18-го числа будущаго 1799 года ставить желаетъ стрѣляную дичину, какъ то: тетеревы полевые, глухіе, рябчики, дрозды, куропатки сѣрыя, кулички, свиристели, перепелки соленыя, поддорожники, птички маленькія, утки дикія и зайцы,— тѣ люди съ узаконенными о залогахъ свидѣтельствомъ и одобрѣніями отъ присутственныхъ мѣстъ или съ поручительствомъ для торговъ и договоровъ могутъ являться во всякіе дни кромѣ праздничныхъ въ придворную канцелярію, а кто безъ свидѣтельства или поручительства явится, тотъ и къ торгу допущенъ не будетъ.

7-го января. Его императорское величество въ присутствіи своемъ въ городѣ Санктпетербургѣ соизволилъ отдать слѣдующій приказъ 4-го числа: генералъ-лейтенантъ Аракчѣевъ назначенъ командиромъ гвардіи артиллерійскаго баталіона и инспекторомъ всей артиллеріи на мѣсто генералъ-лейтенанта Челищева, коему остаться только шефомъ его баталіона (№ 2).

— Отъ генерала-прокурора съ высочайшаго соизволенія объявляется, что по отчету за истекшій 1798 годъ, число рѣшеныхъ дѣлъ простирается по сенату конской и хозяйственной экспедиціи, герольдіи и у генерала рекетмейстера до 25,517; по коллегіямъ межевой канцеляріи, департаментамъ и канторамъ въ Санктпетербургѣ и Москвѣ 144,916; по присутственнымъ мѣстамъ въ губерніяхъ 777,563; да по канцеляріи генералъ-прокурора исполнено высочайшихъ повелѣній, сообщеній, требованій и представленій 28,617; вообще по всѣмъ мѣстамъ 976,613, противу предпрошедшаго 1797 года болѣе 215,246 дѣлъ.

— Рѣчь, говоренная е. и. в. Павлу I-му самодержцу всероссійскому, въ новый 1799 годъ, въ большой придворной церкви святѣйшаго сѵнода членомъ Амвросіемъ, архіепископомъ казанскимъ и орденовъ св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго и св. Іоанна Іерусалимскаго большаго креста кавалеромъ.

„Сынове, говоритъ пророкъ, Сіони возрадуются о царѣ своемъ. Какогожъ инаго Сіона сыны, и о какомъ своемъ царѣ столько могутъ имѣть причинъ, сколько мы имѣемъ щастія радоватися о тебѣ, всепресвѣтлѣйшій и всемилостивѣйшій великій государь императоръ! Внутренняя въ толико пространной имперіи промысломъ твоимъ сохраняемая тишина, спокойство на границахъ, устроеніе многочисленнаго и сильнаго воинства, дѣятельность ополченій, жи-

вость званій, вниманіе общее на должности, порядокъ дѣлъ и тому подобное, не являютъ ли, что Сіонъ оный есть Россія? Россія, тобою воздѣланная, есть яко гора великая и преславная паче горы Синайскія. А по изобилію потребнаго къ жизни, по обширности промысловъ и торговли, по неотъемлемому праву собственности, по безопасности отъ всякаго насилія и дерзости, сынове ея не благоденствуютъ ли, яко же живяху во дни Соломона, кійждо подъ виноградомъ своимъ, и подъ смоковницею своею? При семъ общемъ благосостояніи церковь веселится о тебѣ, зовущи: яко ты ея крѣпость, сила и утвержденіе! Благочестіе твое образуя вѣрующихъ и связуя ихъ духовнымъ единеніемъ, составляетъ аки оплотъ или твердыню нѣкую, гдѣ какъ сокровище вѣры хранится безопасно, такъ и благовѣствованіе Христово свободно священнодѣйствуетъ. Ваше величество, обратя монаршее свое вниманіе на служителей церкви, и одобря ихъ духъ то изліянными на все состояніе сіе щедротами, то предуставленными отличія знаками для подающихъ вѣрнымъ образъ словомъ и житіемъ своимъ, успособили и усилили ихъ, да исходятъ на дѣло свое, и на дѣланія своп отъ утра и до вечера, съ радостію творя сіе, а не воздыхающе. Умножа въ духовныхъ училищахъ науки къ умноженію въ людяхъ и народы христіанскаго просвѣщенія, и снабдя отъ сокровищъ своихъ какъ оныя, такъ и прочія духовныя мѣста всѣмъ къ содержанію потребнымъ, положили твердое и извѣстное утвержденіе ея православію. Принявъ же на себя званіе великаго магистра ордена святаго Іоанна Іерусалимскаго, открыли въ могущественной особѣ своей обще для всѣхъ вѣрныхъ ея чадъ прибѣжище, покровъ и заступленіе. Къ вящшему восхищенію нашему, а твоему величію, видимъ мы и то, что вся сія печешися устрояти не славолюбія ради, но да прославляется о тебѣ помазаный тя Богъ, и да будеши утѣхою роду человѣческому, радостію Сіону твоему, всѣмъ вѣрноподданнымъ.

„Таковое наше исповѣданіе, исповѣданіе лести чуждое, (ибо и царіе, во днехъ твоихъ благоденствующіе, премудрость и великодушіе твое прославляютъ) [1]; таковое душъ нашихъ исповѣданіе дерзаемъ мы открыть предъ священнѣйшею особою твоею въ сей новолѣтія день, сколько во изъявленіе всеподданнѣйшей благодарности и признательности нашей ко всѣмъ бывшимъ на насъ великимъ твоимъ благодѣяніямъ, столько во свидѣтельство того сердечнаго нашего желанія, съ коимъ молимъ Вышняго, да продлитъ онъ благословляти вся дѣла и начинанія, вся желанія и предпріятія и самыя намѣренія твои счастливыми успѣхами".

— Изъ Флоренціи отъ 1-го декабря. Разсказываютъ здѣсь, будто нѣкій францисканецъ, знавшій Пія VI въ молодыхъ его лѣтахъ, предсказалъ ему тогда всѣ приключенія его жизни, которыя нынѣ сбылись. Между прочимъ предвѣщалъ онъ, что его (папу) выгонятъ изъ Рима, но что онъ опять возвратится, и въ Римѣ скончается.

— У Синяго моста въ домѣ подъ № 151 показываны будутъ китайскія тѣни во всякіе дни, выключая вторника и пятницы.

— Шляпнаго дѣла мастеру Фолькману, представившему государю императору работы своей три шляпы, и просившему о дозволеніи продолжать ему ремесло свое, высочайше повелѣно объявить, что онъ не знаетъ чего проситъ (№ 3, объявленіе генералъ-прокурора).

— Вологодской губерніи деревни Вецковой крестьянину Иванову, про-

[1]) «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей» № 100, стр. 2516.

сившему позволенія собирать на украшеніе состоящей тамо церкви живоначальныя Троицы, дается знать, чтобъ онъ упражнялся въ работахъ ему приличныхъ, а не ханжилъ.

— Отставнымъ, капитану Исаевичу и поручику Бараневу, просившимся паки въ службу, отказано, поелику оставили оную добровольно.

— Вдовѣ придворнаго лакея Шнидорова, при Красномъ Селѣ служившаго, въ просьбѣ о пожалованіи ей за службу мужа ея пенсіона дается знать, что поелику Красное Село не принадлежитъ государю императору, то его величество не принимаетъ на себя обязанность награждать служившихъ тамъ [1].

— Арсеньева мушкетерскаго полку поручику Шеншину, просившему объ отпускѣ его въ Грузію для полученія долгу съ грузинскаго царевича Маріана, отказано, поелику служба не терпитъ отлучки для подобныхъ надобностей.

— Статскому совѣтнику Паульсену, просившему объ опредѣленіи ему сверхъ получаемаго имъ нынѣ жалованья, таковаго же пенсіона, объявляется, чтобы довольствовался тѣмъ, что ему по мѣсту его опредѣлено.

— Отставному придворному истопнику Сидорову, просившему объ отдачѣ ему порожжаго мѣста между чугуннымъ заводомъ и конной гвардіи фуражнымъ сараемъ, отказано, какъ въ просьбѣ пустой.

— Отставному матросу Пирогову, просившему о переселеніи его изъ Гатчины въ Костромскую губернію, отказано, поелику долженъ жить тамъ, гдѣ поселенъ.

— Супругѣ маршала дюка де-Брогліо, просившей позволенія жить съ семействомъ въ другой какой либо губерніи и испрашивающей въ недостаточномъ ея положеніи монаршаго пособія, объявляется, что просьба ея оставлена безъ уваженія.

— Служившему при высочайшемъ дворѣ птичьимъ подмастерьемъ Добринскому, просившему о дополненіи получаемаго имъ пенсіона, отказано и велѣно быть довольнымъ тѣмъ, что уже дано.

— Нижеписаннымъ же просителямъ возвращены прошенія ихъ яко недѣльны съ надраніемъ; новоторжскому мѣщанину Сизякову и шляхтичу Дамченкѣ-Черленіовскому, которой сверхъ того за дерзностное прошеніе его по наказанію высланъ изъ столицы.

— Изъ Брюна отъ 30-го декабря . . . . . Въ тотъ же день по утру (29-го декабря) для удовлетворенія любопытства его величества (императора Франца) представлены ему были солдатъ, козакъ и калмыкъ во всей ихъ формѣ. Его императорское величество, разсмотрѣвъ мундиръ и амуницію каждаго во всей подробности, и распрося о цѣнѣ и срокѣ каждой вещи по уставу, нашелъ зимнее ихъ одѣяніе совершенно соотвѣтствующимъ сѣверному климату и признался, что россійскій солдатъ одѣтъ лучше австрійскаго. Маневры козацкіе и егерскіе, кои е. в. желалъ видѣть, дѣланы были на пространномъ лугу за городомъ и пріобрѣли отъ всѣхъ справедливѣйшую похвалу храброму и устроенному россійскому воинству. Затѣмъ осматривалъ императоръ артиллерію и дѣйствія всѣхъ орудій.

— Изъ Лондона отъ 7-го декабря. Лорду Нельсону опредѣлено пенсія

---

[1]) Красное Село было подарено императоромъ Павломъ супругѣ своей, императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. См. нашъ «Очеркъ исторіи города Павловска» 1777—1877 гг..

2 тысячи фунтовъ стерлинговъ, не въ вѣчное потомство, а на двѣ жизни его наслѣдниковъ. Но сіе не мало не предосудительно ему самому; ибо давно будучи женатъ, дѣтей не имѣетъ; сверхъ же того получаетъ еще 1000 фунт. стерлинговъ въ годъ по случаю экспедиціи своей противъ Канорскихъ острововъ, да съ капитала, которой достанется ему отъ взятыхъ у непріятеля кораблей, будетъ имѣть еще вѣчнаго и наслѣдственнаго дохода около 2-хъ тысячъ фунт. стерлинговъ, такъ что въ два года войны обогатился онъ славою и доходами.

— Потребенъ для чищенія трубъ трубочистный мастеръ и 24 трубочиста. Таковые для условія явиться могутъ въ Санктпетербургскую полицейскую экспедицію.

— Вдовѣ подпоручицѣ Рутковской, просящей исключеннаго изъ службы за лѣность сына ея объ опредѣленіи въ мушкетерскій Мансурова 2-го полкъ, отказывается по той же причинѣ, по коей онъ выключенъ (№ 4 объявленія генералъ-прокурора).

— Тайный совѣтникъ Неплюевъ объявляетъ, что чрезъ весь 1798 годъ на высочайшее имя получено по почтѣ прошеній 3,229 и состоялось высочайшихъ именныхъ указовъ 864, словесныхъ именныхъ повелѣній 1,793.

— Французскій дворянинъ, чиновной и пожилой человѣкъ, намѣренъ вступить въ хорошій домъ учителемъ или собесѣдникомъ; онъ не такъ желаетъ большаго жалованья, какъ благороднаго пріема. О немъ узнать можно въ домѣ Вахтина подъ № 228 близь Поцѣлуева моста, у г. де-Морелли.

— Въ Литейной части въ 4-мъ кварталѣ, по третьей Адмиралтейской улицѣ, въ домѣ надворнаго совѣтника Крузе, подъ № 350, продается дворовый человѣкъ съ женою хорошаго поведенія, годный въ лакеи и обученный при томъ портному мастерству, а жена его превозрядная кухарка.

16-го января. Отъ сего числа впредь до 1-го сентября изъ полковъ, назначенныхъ для составленія армій, отпусковъ и отставокъ не будетъ дѣлано (№ 5).

— 4-й Адмиралтейской части 3-го квартала, по Большому проспекту Екатерининскаго канала, у живущей въ домѣ отставнаго офицера Анциферова, подъ № 121, вдовы Марьи Васильевой продаются оды, сочиненныя г. Державинымъ на поднесеніе е. и. в. великаго магистерства ордена св. Іоанна Іерусалимскаго и на побѣду надъ французами, россійскимъ флотомъ одержанную 1798.

— На шведскомъ кирошномъ дворѣ у вдовы Олдагъ можно получать гробы всякаго сорта.

— Карлъ Грейсонъ, фабрикантъ, симъ объявляетъ, чтобъ никто находящимся у него прикащикамъ довѣрія не имѣлъ.

— У Семеновскаго моста на Фонтанкѣ, въ домѣ купца Родіона Захарова, во второмъ этажѣ продаются тульскіе и новосильскіе соловьи и лучшіе козырные трубастые голуби.

17-го января. Отъ нынѣ впредь именовать командировъ егерскихъ полковъ шефами (№ 6).

— Бывшему подольской губерніи въ виницкомъ повѣтѣ коммисаромъ Игнатію Богдашевскому, жаловавшемуся на тамошнее губернское правленіе за отрѣшеніе его безвинно отъ должности и просившему объ опредѣленіи его къ мѣсту, симъ объявляется высочайшая резолюція, что просьбу его, яко недѣльную, обратить съ наддраніемъ (объявленія генералъ-прокурора).

25-го января. Адмиралъ Мордвиновъ, по случаю подорванія на глубокой пристани бомбеннаго погреба, отставленъ отъ службы, а на мѣсто его опредѣленъ въ черноморскій флотъ и порты главнымъ командиромъ адмиралъ фонъ-Дезинъ 1. (№ 7).

— Изъ Гамбурга отъ 10-го января..... Профессоръ Мазюеръ утверждаетъ, что нынѣшняя зима должна быть жестокая; онъ подкрѣпляетъ свое мнѣніе тѣмъ, что сильныя стужи въ семъ столѣтіи были съ 4 на 5 и съ 8 на 9 годъ. Въ доказательство же приводитъ въ примѣръ зиму 1708 на 1709, съ 44 на 45, съ 74 на 75, съ 78 на 79, съ 84 на 85, съ 88 на 89 и съ 94 на 95 годъ.

— Изъ Гамбурга отъ 11-го января. Въ Бордо проявился второй Каліостро плутъ превеликой, которой сказываетъ о себѣ, что ему 300 лѣтъ отъ роду и обѣщаетъ легковѣрнымъ молодымъ людямъ такой же долговременной вѣкъ. Онъ хотѣлъ подлеститься къ тамошнему коменданту, но сей обнаружилъ его безстыдство.

28-го января. Генералъ провіантмейстеръ-лейтенантъ Кутайсовъ 2 произведенъ въ полковники и опредѣленъ въ гвардейской артиллерійской баталіонъ, которому и быть инспекторскимъ адъютантомъ при генералъ-лейтенантѣ баронѣ Аракчеевѣ. (№ 8).

— Титулярному совѣтнику Данилову, утруждавшему е. и. в. просьбою объ отведеніи въ дачахъ его Борисовки и Кривца къ одному мѣсту земли въ разныхъ мѣстахъ расположенной, объявляется, что на прошеніе его высочайшаго соизволенія не послѣдовало потому, что таковой отводъ земли былъ бы предосудителенъ для прочихъ его сосѣдей.

— Женѣ житомирскаго судьи Дубровскаго, утруждавшей е. и. величество жалобою на то, что она не получаетъ надлежащей части изъ секвестрованнаго имѣнія ея мужа, по высочайшей волѣ объявляется, что поелику имѣніе сіе осеквестровано и послѣ отдано по высочайшему повелѣнію генералу отъ инфантеріи Голенищеву-Кутузову, и поелику рѣшеніе главнаго суда найдено несправедливымъ, то ей въ сей недѣльной просьбѣ и отказывается.

— Изъ Лондона отъ 4 декабря. . . . . Правленіе открываетъ безпрестанно, что между французами здѣсь живущими есть много такихъ, которые хотя дворяне и получаютъ отъ двора пенсіи, однако имѣютъ зловредную переписку съ французскою республикою. Всѣхъ сихъ измѣнниковъ немедленно высылаютъ изъ Великобританіи. Что же касается до неблагодарныхъ французовъ всякаго званія и ремесла, то сколько ихъ не высылаютъ, все еще остается много изверговъ.

— Бывшей ея высочества государыни великой княжны Маріи Павловны кормилицѣ Сергѣевой, просившей о монаршей помощи на поправку дома ея, отказано, поелику она награждена будучи монаршими щедротами и содержаніемъ изобильнымъ, должна тѣмъ довольствоваться (№ 9 отъ 1 февраля).

— Протопоповой, просившей дозволенія принести лично благодарность за оказанныя ей монаршія милости, дается знать, что государь императоръ довольствуется письменно принесеннымъ ею благодареніемъ.

— Княгинѣ Кантакузиной, просившей о пожалованіи ей по примѣру соотечественниковъ ея, въ Россіи поселившихся, 12 тысячъ десятинъ земли отказано, и велѣно быть довольною тѣмъ, что уже ей всемилостивѣйше пожаловано.

— Иностранцу Клее, просившему позволенія поднесть государю импера-

тору планъ объ учрежденіи университета, объявляется, что оный за много поданными подобными планами принятъ не будетъ.

— Женѣ портнаго дѣла мастера Регата просившей монаршаго пособія, отказывается по неимѣнію на то никакого права.

— Иностранцу Визнеру, просившему денежнаго вспомоществованія на предлежащій дальній путь, объявляется, что путешествовать можетъ по мѣрѣ возможности своей.

4-го февраля. Его императорское величество высочайше указать соизволилъ, по случаю кончины Маріи Амаліи, эрцгерцогини австрійской, наложить на двѣ недѣли камертрауръ съ обыкновеннымъ раздѣленіемъ, начиная оной сего февраля съ 1 дня (№ 10).

— На сихъ дняхъ издана вновь книга: „Картина всемогущества, премудрости и благости Божіея, созерцаемая въ природѣ; или новѣйшій и надежнѣйшій вождь, руководствующій людей всякаго состоянія путемъ весьма любопытнымъ и пріятнымъ къ вящшему познанію и благоговѣйнѣйшему почитанію Бога".

— Дѣвицѣ Ярославской, утруждавшей е. и. в. прошеніемъ о возвращеніи ей жениха прапорщика Чудовскаго, сосланнаго на казенную иркутскую суконную фабрику, за продерзости противъ своего отца, по высочайшему повелѣнію отказывается: ибо женихъ ея самъ навлекъ на себя сыновнею непокорливостію таковое наказаніе (№ 11, объявленія генералъ прокурора).

— Титулярной совѣтницѣ Ивановой, утруждавшей е. и. в. жалобою на воронежскую палату суда и расправы, отъ которой она по дѣлу о разхищенной мужемъ ея—соляныхъ приставомъ казенной соли, продажею собственнаго ея приданаго, будто бы терпитъ разныя притѣсненія, по высочайшему повелѣнію отказывается, ибо по справкѣ оказалось, что просительница не только недвижимаго, да едва ли что и движимаго имѣнія принесла мужу своему. (№ 13, объявленія генералъ-прокурора).

— Господамъ, упражняющимся въ переводахъ, чрезъ сіе извѣщается, что Ренальдъ, героическая поэма, переводомъ уже окончена.

— Отъѣзжающій за границу: Алоизъ фонъ Швейкгардъ, римской имперіи рыцарь.

18-го февраля. Его императорское величество, находящагося въ статѣ санктпетербургской полиціи частнаго инспектора Кламмера, за расторопное исправленіе должности и за стараніе въ отысканіи здѣсь воровъ, всемилостивѣйше пожаловать соизволилъ въ 31 день истекшаго января коллежскимъ ассесоромъ. (№ 14).

— Его и. в. находящагося государственной иностранной коллегіи при московскомъ архивѣ вахмистра Страхова, во уваженіе 53-хъ лѣтняго служенія его, всемилостивѣйше указать соизволилъ отставить съ чиномъ титулярнаго совѣтника отъ службы.

— Отставному маіору Кугаевскому, получающему пенсіона по 150 руб. и просящему о пожалованіи таковаго по 300 руб. на годъ, представляется довольствоваться тѣмъ, что ему опредѣлено отъ милости монаршей. (Тамъ же, объявленія тайн. сов. Неплюева).

— Отставному прапорщику Сурину, просящему объ опредѣленіи его въ оренбургскія инвалидныя роты, отказывается по причинѣ той, что онъ долженъ былъ просить о семъ тогда, когда подавалъ просьбу объ отставкѣ.

— Шляхтичу Добкевичу, просящему о переводѣ двухъ сыновей его по

малолѣтству изъ баталіона генералъ-маіора Экбоума въ Старобаденскій мушкетерской полкъ, а его объ опредѣленіи къ мѣсту, на первое отказывается по причинѣ той, что переводовъ таковыхъ нынѣ не бываетъ, о чемъ уже предъ симъ и въ вѣдомостяхъ публиковано; а мѣста предоставляется самому искать и просить о себѣ гдѣ слѣдуетъ.

— Донесеніе дворянина Арсеньева о дворянахъ во многихъ губерніяхъ, живущихъ безъ всякой службы въ праздности, оставлено безъ уваженія.

— Вышли книги: . . . „Точное и подробное описаніе телеграфа или новоизобрѣтенной дальноизвѣщающей машины съ присовокупленіемъ 4 чертежей и съ телеграфическою азбукою“, въ бум. 50 коп.

22-го февраля. Его императорское величество объявилъ свое удовольствіе учившемуся того дня (17-го февраля) лейбъ-гвардіи измайловскаго полку гренадерскому его высочества Константина Павловича баталіону и пожаловалъ нижнимъ чинамъ по рублю и по чаркѣ вина на человѣка. (№ 15).

— Отставному ротмистру Тоту, просившему за службу пенсіона отказано. поелику буде бы оный ему слѣдовалъ, получилъ бы его еще при отставкѣ отъ службы (объявленія дѣйст. ст. сов. Брискорна).

— Отставному маіору Ахматову, просившему объ отдачѣ ему въ управленіе мѣдныхъ и желѣзныхъ капитана Лугинина заводовъ, отказано, и просьбу его яко недѣльную повелѣно возвратить съ надраніемъ.

— Гатчинскому купцу Безсонову, просившему на постройку дома заимообразно 1000 руб., по ненадежности въ возвращеніи оныхъ отказано.

— Митавскому сѣдельному мастеру Шмидену, утруждавшему неоднократно государя императора своими просьбами, объявляется, чтобы онъ впредь отъ сего воздержался.

— Отставному поручику ф. Ремлингену, представившему планъ для умноженія государственныхъ доходовъ, объявляется, что оной оставленъ безъ вниманія.

— Нижеписаннымъ же просителямъ прошенія ихъ возвращены яко недѣльныя съ надраніемъ: бывшимъ польскимъ военноплѣннымъ, нынѣ при сенатскихъ баталіонахъ служащимъ Павловичу и Вашковскому, коихъ сверхъ того велѣно наказать; Вологодской губерніи орловской волости отъ крестьянъ повѣренному Мелехину, коего сверхъ того за повторенную имъ недѣльную просьбу вмѣстѣ съ сочинителемъ оной велѣно наказать.

— Россійское сочиненіе подъ заглавіемъ: „Евгеній, или пагубныя слѣдствія дурнаго воспитанія и сообщества“, нынѣ уже вышло совсѣмъ изъ печати.

— По дворцовой набережной въ домѣ подъ № 8 продается аглинская на времени корова за сходную цѣну.

Сообщ. въ 1874 г. Г. И. С—нъ.

Альбомъ Московской Пушкинской выставки 1880 года. Изданіе общества любителей россійской словесности подъ редакціей д. ч. Льва Поливанова. М. 1882 г. [1]).

Три года прошло послѣ открытія памятника Пушкину, послѣ московскихъ и всероссійскихъ торжествъ въ честь нашего поэта. Въ то время въ Москвѣ, между прочимъ, общество любителей россійской словесности устроило Пушкинскую выставку и осенью того же года рѣшило издать Альбомъ выставки; но исполнило только это черезъ $2^1/_2$ года. Конечно, лучше поздно, чѣмъ никогда, и мы не остановились бы на этомъ обстоятельствѣ, если бы въ предисловіи къ Альбому не указывалась очень странная причина такого запозданія: выходъ Альбома замедлился потому, что портреты для него дѣлались фотогравюрнымъ способомъ! Извѣстно, что фотогравюра, уступая гравюрѣ во всѣхъ отношеніяхъ, имѣетъ передъ нею лишь то единственное преимущество, что можетъ быть исполнена несравненно скорѣе,—и то, что обыкновенно ускоряетъ работу, задержало Альбомъ!

Альбомъ имѣетъ цѣлью представить Пушкинскую выставку 1880 года въ Москвѣ. Его содержаніе: 1) біографическій очеркъ А. С. Пушкина. Составилъ А. А. Венкштернъ. 2) 62 фотогравюры и фотолитографіи художника М. М. Панова и три политипажа. 3) Приложенія.

Конечно, главное въ Альбомѣ—портреты, виды и снимки; съ этого мы и начнемъ.

---

[1]) Недавно мы прочли въ газетахъ, что изданіе этого Альбома почти сполна разошлось и приступлено ко второму его тисненію. Въ виду этого, считаемъ полезнымъ помѣстить настоящую статью въ тѣхъ цѣляхъ, что издатели, быть можетъ, воспользуются сдѣланными здѣсь замѣчаніями и указаніями на недостатки перваго ихъ опыта. Ред.

I.

Въ своемъ торжественномъ объявленіи объ Альбомѣ издатели заявили, что они помѣстили двѣнадцать изображеній поэта.

Первый портретъ Пушкина-мальчика (стр. 261) воспроизведеніе извѣстной гравюры Гейтмана, приложенной еще къ первому изданію «Кавказскаго плѣнника» въ 1822 году и затѣмъ повторенной много разъ въ различныхъ изданіяхъ. Фотогравюра Альбома несравненно ниже оригинала и копіи, воспроизведенной при «Русской Старинѣ» изд. 1879 г.

Слѣдующій портретъ Пушкина въ Альбомѣ—снимокъ съ Тропининскаго портрета, снимокъ, сдѣланный до того грубо, что губы какъ бы отдѣлились отъ щеки, а въ носѣ не хватаетъ значительнаго куска, волосы слились съ фономъ и проч.; о выраженіи и говорить нечего. Тутъ же помѣщенъ портретъ работы Кипренскаго, фотогравюра нѣсколько лучше предыдущей, но значительно уступающая воспроизведенной при «Русской Старинѣ» 1880 г. Текстъ Альбома гордо завѣряетъ, что прилагаемыя въ немъ копіи ближе всего подходятъ къ оригиналамъ. Позволяемъ себѣ сильно усумниться въ истинѣ этого завѣренія. Портретъ работы Тропинина, найденный кн. Оболенскимъ, уже не разъ былъ издаваемъ, и политипажные снимки были помѣщены даже въ исторіи русской литературы Полеваго и въ московской газетѣ Гатцука. Всѣ они были исполнены лучше, яснѣе, отчетливѣе. Что же касается до портрета работы Кипренскаго, то онъ былъ награвированъ еще при жизни Пушкина нашимъ знаменитымъ граверомъ Н. Уткинымъ, но если сравнить Уткинскую гравюру съ фотогравюрой Альбома, то просто поражаешься различіемъ двухъ копій. Не говоря уже о томъ, что фотогравюра никакъ не можетъ равняться съ тонкимъ рѣзцомъ Уткина, двѣ копіи съ одного оригинала вышли совершенно не похожи одна на другую: не только выраженіе, но самыя черты лица совершенно иныя. Никому не придетъ въ голову допустить, чтобы Уткинъ исказилъ подлинникъ Кипренскаго до неузнаваемости въ своей гравюрѣ, которую современники находили поразительно похожею. Честь искаженія, поэтому, слѣдуетъ признать за новою фотогравюрою, весьма слѣпою, безъ полутѣней и сильно заретушованною рукой ремесленника-ретушера, чѣмъ объясняется даже несходство шевлюры Пушкина съ Уткинской гравюрой и то, что плащъ, видимый на гравюрѣ изъ-за лѣваго плеча, на фотогравюрѣ слился съ сюртукомъ, отчего плечо сдѣлалось выше и почти уничтожилась характерная особенность въ покроѣ платья,—очень выдающіеся кверху рукава.

Далѣе въ Альбомѣ находимъ снимокъ съ портрета Пушкина, работы Мазера. Не зная другихъ снимковъ съ этого портрета, мы можемъ только сказать, что на фотогравюрѣ Альбома лицо опять лишено полутѣней, такъ

что нельзя судить о выраженіи его, а волосы заставляютъ подозрѣвать сильную ретушевку.

Къ 162-ой страницѣ приложенъ снимокъ съ портрета, писаннаго Брюловымъ: это худшая фотогравюра во всемъ Альбомѣ; выраженіе лица невозможное, тѣней конечно нѣтъ, лѣвый глазъ точно опухъ и совершенно блѣдный, ротъ кривой. Трудно представить себѣ что нибудь хуже. Въ концѣ Альбома находимъ изображеніе Пушкина въ гробу: очень блѣдная, неясная фотогравюра, которой вмѣстѣ съ предыдущею никакъ не слѣдовало помѣщать въ порядочномъ изданіи.

Вотъ и всѣ портреты Пушкина въ Альбомѣ. Положительно, безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что всѣ они вмѣстѣ взятые не стоятъ, напр., одной прекрасной гравюры Райта, приложенной къ послѣднему, вышедшему раньше Альбома, московскому изданію Пушкина (1882 г.).

Мы перечислили шесть портретовъ Пушкина, а объявленіе заявляетъ, какъ мы видѣли, о двѣнадцати изображеніяхъ поэта. Гдѣ же остальныя шесть? Седьмое, восьмое и девятое,—это каррикатуры Пушкина на самаго себя въ альбомѣ Ушаковой, о которомъ скажемъ ниже; затѣмъ десятое и одиннадцатое изображеніе на картинахъ, одна изъ которыхъ представляетъ группу литераторовъ въ кабинетѣ Жуковскаго (тоже очень плохой снимокъ), другая изображаетъ группу четырехъ писателей съ извѣстнаго эскиза Чернецова. Оба изображенія поэта ровно ничего портретнаго не даютъ; наконецъ двѣнадцатое изображеніе—плохой снимокъ съ далеко незамѣчательной и очень неудачной картины художника Ге (стр. 78).

Не буду останавливаться подробно на помѣщенныхъ въ Альбомѣ портретахъ другихъ личностей. Исполненіе страдаетъ тѣми же общими недостатками фотогравюры, какія уже были указаны: блѣдностью полутѣней, рѣзкостью тѣней, сильной ретушовкой. Сравнительно лучше вышли снимки портретовъ отца, брата и дяди, да Жуковскаго (стр. 44), хотя тѣней въ лицѣ опять таки мало; остальные плохи (напр. портреты матери Пушкина, его жены—кисти Мазера). Не дурно вышли еще копіи съ литографіи Вяземскаго и Чаадаева и портретъ Плетнева; а два портрета Дантеса принадлежатъ къ числу наиболѣе ясныхъ фотогравюръ въ альбомѣ, только нѣсколько грубы. За то совсѣмъ плохо вышли Пущинъ (съ хорошей фотографіи), кн. Горчаковъ, Мицкевичъ, Языковъ, Бенкендорфъ и Гоголь. Сдѣлаемъ, въ заключеніе, нѣсколько общихъ замѣчаній относительно промаховъ, допущенныхъ издателями Альбома.

Во первыхъ, къ великому удивленію, мы находимъ въ Альбомѣ изъ числа товарищей Пушкина только Пущина и кн. Горчакова; нѣтъ такихъ близкихъ его товарищей, какъ Дельвигъ, Кюхельбекеръ, Данзасъ и др. Мы видимъ портретъ Жуковскаго, но нѣтъ ни Карамзина, ни Тургенева, ни Катенина и пр., есть Языковъ, но нѣтъ Бестужева, Рылѣева, Баратынскаго,

нѣтъ ни Раевскихъ, ни Орловыхъ, ни Вульфовъ, ни Кернъ, ни Осиповой, ни многихъ другихъ близкихъ друзей и знакомцевъ поэта. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы встрѣчаемъ въ альбомѣ портретъ Бенкендорфа: если помѣщать его, то надо было помѣстить еще многихъ другихъ лицъ, вліявшихъ не меньше шефа жандармовъ на судьбу Пушкина [1]).

Во вторыхъ, портреты друзей и знакомыхъ Пушкина, помѣщенные въ Альбомѣ, относятся большею частью къ позднѣйшей эпохѣ, не къ той, въ которую съ ними былъ близокъ и знакомъ Пушкинъ. Такъ, портреты Жуковскаго, Вяземскаго, Языкова, Гоголя, Даля принадлежатъ уже къ 1840-мъ и 1850-мъ годамъ; издатели (или составители выставки) легко могли найти портреты этихъ писателей, относящіеся къ 1820 и 1830 годамъ, что и было въ Петербургѣ на Пушкинской выставкѣ. Если у издателей не было болѣе раннихъ портретовъ Пущина, Чаадаева, Нащокина, то во всякомъ случаѣ кн. Горчакова или Мицкевича они не должны были представлять дряхлыми стариками. Объяснительный текстъ альбома обыкновенно не опредѣляетъ времени, къ которому относится тотъ или другой портретъ, и редакторъ, нисколько не смущаясь, помѣщаетъ портретъ старика Жуковскаго къ разсказу о первыхъ его сношеніяхъ съ Пушкинымъ, портретъ старика Мицкевича къ разсказу о 1828-мъ годѣ.

Вообще хронологія портретовъ для издателей, повидимому, ничего не значитъ; но когда изрѣдка они начинаютъ ее опредѣлять, то впадаютъ въ странныя ошибки, иной разъ очень характерныя. Такъ, помѣстивъ поздній портретъ уже ожирѣвшаго Языкова, они увѣряютъ, что поэтъ изображенъ на портретѣ юношею 1820-хъ годовъ. Портретъ Пушкина, работы Брюлова, издатели относятъ къ 1836 году только потому, что въ письмахъ этого года Пушкинъ не разъ упоминаетъ о Брюловѣ. Между тѣмъ, если нѣтъ никакихъ другихъ данныхъ для опредѣленія хронологіи Брюловскаго портрета, кромѣ переписки Пушкина, то портретъ этотъ долженъ быть, на основаніи ея, отнесенъ скорѣе къ началу 1832 г. Когда Пушкинъ, вскорѣ послѣ женитьбы, проводилъ лѣто въ Царскомъ Селѣ, то Нащокинъ, жившій въ Москвѣ, просилъ прислать ему портреты Пушкина и его жены. Пушкинъ писалъ ему 26 іюля 1831 года: «Фуляровъ не присылаю, ибо съ Петербургомъ всякое сообщеніе прервано (Царское Село было оцѣплено по случаю холеры въ Петербургѣ). По той же причинѣ не получишь ты скоро и моего образа. Брюловъ въ Петербургѣ и женатъ, слѣдственно въ Италію такъ скоро не подымется». Въ январѣ 1832 года онъ снова упоминаетъ въ письмѣ:

---

[1]) Редакторъ альбома можетъ оправдываться тѣмъ, что онъ помѣщалъ только тѣ портреты, которые были на выставкѣ, а упоминаемыхъ нами, можетъ быть, на ней не было. Въ такомъ случаѣ этотъ упрекъ, какъ и слѣдующій, относится всецѣло къ устроителямъ выставки; если не ошибаемся, главнымъ изъ нихъ былъ тотъ же редакторъ, г. Поливановъ.

«портретъ мой Брюловъ напишетъ на дняхъ (Сочин. Пушкина, изд. 1882 г., VII, 321 и 328). Такимъ образомъ, Брюловскій портретъ, на основаніи переписки Пушкина, долженъ быть отнесенъ не къ 1836 году, а къ 1832. Надо думать, что письма Пушкина къ Нащокину были неизвѣстны издателямъ Альбома [1]).

Всего характернѣе опредѣленіе хронологіи портрета Дантеса. Въ Альбомѣ два портрета Дантеса; на одномъ онъ изображенъ въ кавалергардскомъ мундирѣ, на другомъ въ штатскомъ платьѣ; по поводу этихъ портретовъ издатели говорятъ: «изъ прилагаемыхъ портретовъ Дантеса первый относится именно ко времени пребыванія его въ Петербургѣ и столкновенія съ Пушкинымъ, второй къ позднѣйшему времени, къ какому именно—намъ неизвѣстно» (154 стр.). Стоитъ всякому читателю только взглянуть на портретъ, чтобы замѣтить внизу, съ правой стороны, подпись художника: «L. Wagner, 1844»; на подлинной литографіи надпись еще виднѣе. Какимъ же образомъ издатели могли просмотрѣть эту помѣту? Объясняется это только крайнею небрежностью, съ которою они разбирали портреты для своего Альбома [2]).

Эта же небрежность редакціи вполнѣ отразилась и на весьма существенной части Альбома, на самомъ описаніи помѣщенныхъ въ немъ портретовъ. Необходимо было составить весьма точное указаніе: объяснить происхожденіе портрета, когда и кѣмъ онъ сдѣланъ и какой портретъ: масляный, акварельный, гравированный и пр. Мы видѣли сейчасъ, какъ слаба хронологическая часть описанія. То же самое замѣчается и въ другихъ отношеніяхъ. Только о сомнительномъ портретѣ А. П. Ганнибала альбомъ вошелъ въ подробности и даже до излишества, зачѣмъ-то перепечатавъ цѣликомъ и съ разными помѣтами, за №№ и пр., письмо начальника того архива, гдѣ находится этотъ портретъ какого-то арапа, и справку изъ капитула орденовъ; затѣмъ подробно изложена исторія Тропининскаго портрета, а объ остальныхъ читатель въ большинствѣ случаевъ ровно ничего не узнаетъ. Все описаніе состоитъ въ указаніи лица, доставившаго тотъ или другой портретъ на Пушкинскую выставку; напримѣръ: «прилагаемый портретъ Жуковскаго снятъ съ портрета, обязательно доставленнаго на выставку П. М. Третья-

---

[1]) Кстати, говоря о портретѣ Пушкина, работы Брюлова (къ сожалѣнію намъ не пришлось видѣть оригинала), мы ставимъ вопросъ: не есть ли этотъ портретъ лишь копія съ портрета Кипренскаго? Какъ иначе объяснить не только сходство въ позѣ и шевлюрѣ (о лицѣ по отвратительной фотогравюрѣ Альбома судить нельзя), но даже во всѣхъ подробностяхъ одежды, въ складкахъ галстуха или воротничка рубашки, въ наброшенномъ плащѣ, и пр.

[2]) Замѣтимъ еще, что портретъ Дантеса въ кавалергардскомъ мундирѣ можно было помѣстить при разсказѣ о его столкновеніи съ Пушкинымъ, но второй портретъ его является уже совершенно лишнимъ.

ковымъ» (стр. 44). И только, ни слова не сказано, кѣмъ и какъ сдѣланъ этотъ портретъ. Въ другомъ мѣстѣ: «прилагаемый портретъ И. И. Пущина обязательно доставленъ племянникомъ покойнаго» и т. д. (стр. 81). Или, например, о портретѣ Чаадаева (стр. 98) замѣчено: «Портретъ Чаадаева—собственность автора» (т. е. г. Венкштерна), тогда какъ онъ находится въ Импер. Публичной библіотекѣ, а собственностью г. Венкштерна надо считать только литографическій снимокъ, сдѣланный и продававшійся магазиномъ Щепкина.

Всѣ эти три портрета описаны одинаково; можно подумать, что они всѣ одинакіе,—а между тѣмъ портреты Жуковскаго и Чаадаева рисованы масляными красками, портретъ Пущина—фотографія. Какъ вообще небрежно описаны въ Альбомѣ портреты хорошо видно и изъ слѣдующаго примѣра: на 172-й страницѣ, къ которой приложено изображеніе Пушкина въ гробу, читаемъ: «Въ то же время съ мертваго Пушкина были сняты два портрета: одинъ покойнымъ Бруни, а другой ученикомъ Брюлова, Мокрицкимъ.

«Фотографія, здѣсь прилагаемая, обязательно доставлена Обществу любителей Россійской Словесности кн. П. П. Вяземскимъ». Но съ котораго же изъ двухъ портретовъ сдѣлана присланная кн. Вяземскимъ фотографія? Еще примѣръ (стр. 146, пр.): «прилагаемъ снимки съ трехъ портретовъ Н. Н. Пушкиной, бывшихъ на выставкѣ: первый — дѣтскій, обязательно доставленъ былъ Д. Д. Гончаровымъ; второй—акварельный—А. А. Пушкинымъ; третій—кисти Мазера—И. Н. Подклюшниковымъ».

Изъ 29 фотогравюръ Альбома о 16-ти вовсе не говорится съ какого оригинала онѣ сдѣланы.

Изъ видовъ, находящихся въ Альбомѣ, лучше всего четыре вида Болдина хотя оттиски довольно блѣдны; затѣмъ недуренъ видъ кишиневскаго дома гдѣ жилъ поэтъ; плохо исполненъ видъ Захарова [1]), снятый въ 1879 году т. е. черезъ три четверти столѣтія послѣ того, какъ тамъ жилъ Пушкинъ такъ что надо предполагать, что существующія теперь деревья, изображенныя на фотогравюрѣ, еще не существовали при Пушкинѣ и мѣстность во всякомъ случаѣ имѣла совсѣмъ другой видъ. Пушкинскій кипарисъ въ Юрзуфѣ (издатели Альбома почему-то употребляютъ, въ противоположность Пушкину, книжное названіе Гурзуфъ) изображенъ очень плохо, такъ что совершенно не разберешь, что находится у подножья дерева, а здѣсь-то такъ любилъ сидѣть Пушкинъ [2]). Царскосельскій Лицей изображенъ въ Альбомѣ очень странно, именно съ боку, съ узкой поперечной стѣны въ одно окно

---

[1]) Отчего нѣтъ видовъ Михайловскаго и Тригорскаго, существующихъ въ прекрасныхъ литографіяхъ 1837 г.?

[2]) При VII томѣ послѣдняго изданія Сочиненій Пушкина приложенъ его портретъ, рисованный имъ самимъ въ Крыму; Пушкинъ представилъ себя сидящимъ подъ деревомъ, можетъ, подъ этимъ самымъ кипарисомъ. Подлинный портретъ этотъ былъ на выставкѣ, отчего-же его нѣтъ въ Альбомѣ?

Если хотѣли, чтобы на рисункѣ была видна арка, соединявшая лицей съ дворцомъ, то надо было дать два вида, непремѣнно представивъ самый фасадъ лицея.

Переходимъ къ факсимиле Пушкинскихъ рукописей, помѣщенныхъ въ Альбомѣ при стр. 123. Приложенныя картинки рисованы Пушкинымъ въ альбомѣ Е. Н. Ушаковой: это лучшая часть всего разбираемаго изданія. Альбомъ Ушаковой находится въ частныхъ рукахъ и его, безъ сомнѣнія, слѣдовало представить въ Альбомѣ выставки вполнѣ; рисунки Пушкина очень характерны и имѣютъ значеніе для его біографіи. Но чѣмъ интереснѣе этотъ альбомъ, чѣмъ важнѣе было его обнародованіе, тѣмъ съ большимъ основаніемъ можно и на этотъ разъ упрекнуть издателей въ небрежности: никакого описанія альбома Ушаковой они опять-таки не даютъ. Заявивъ, что берутъ изъ этого альбома нѣсколько рисунковъ, они оставляютъ насъ въ полномъ невѣдѣніи на какомъ основаніи былъ сдѣланъ выборъ рисунковъ, великъ-ли альбомъ Ушаковой, и какого содержанія были рисунки, ими забракованные, не говоря уже о внѣшнемъ видѣ альбома, его форматѣ и т. п.

При стр. 126-й находимъ снимки изъ записныхъ тетрадей поэта, которыя во время Пушкинскаго праздника были пожертвованы старшимъ сыномъ его въ Московскій Румянцевскій Музей и находились на выставкѣ. Тетради эти представляютъ драгоцѣнный матеріалъ какъ для критики текста, для пополненія его еще неизданными произведеніями поэта, для исторіи его творчества, для хронологіи его произведеній, такъ и для самой біографіи. Извѣстно, сколько интереснаго сообщилъ П. В. Анненковъ въ своихъ «Матеріалахъ», основанныхъ главнымъ образомъ на тетрадяхъ Пушкина; но изъ самого труда г. Анненкова видно, что онъ воспользовался этими тетрадями далеко не вполнѣ, не исчерпалъ ихъ окончательно: такъ, онъ постоянно приводитъ то или другое изъ тетрадей лишь для примѣра, для того чтобы охарактеризовать извѣстное положеніе, выписываетъ лишь начало піесы и пр.; послѣ г. Анненкова тетрадями Пушкина въ послѣднее время занимался г. Бартеневъ, который и представилъ нѣкоторыя новыя дополненія. У издателей Альбома пушкинской выставки были въ рукахъ эти драгоцѣнныя тетради и они воспользовались ими для своего изданія, но какъ? Имъ необходимо было представить хотя бѣглое описаніе этихъ рукописей, отмѣтить послѣдовательность, въ какой идутъ въ третрадяхъ произведенія и пр. Опять-таки совсѣмъ нѣтъ никакого описанія. Издатели взяли десять снимковъ изъ рукописей, причемъ не задались даже цѣлью представить хоть почеркъ Пушкина въ разное время (хронологія для издателей Альбома, какъ мы не разъ видѣли, имѣетъ весьма мало значенія). Выборъ этихъ десяти снимковъ изъ тридцати тетрадей поэта сдѣланъ тоже не всегда удачно; такъ, неизвѣстно, зачѣмъ помѣщены на отдѣльномъ листѣ двѣ зачеркнутыя

строчки первоначальной редакціи «Скупаго рыцаря» [1]). Точно также и выборъ рисунковъ изъ тетратей Пушкина можно было, кажется, сдѣлать лучше: въ пушкинскихъ рукописяхъ есть, напр., рисунокъ изображающихъ разговоръ двухъ пьяныхъ мужиковъ (вѣроятно, иллюстрація къ прелестному отрывку—«Сватъ Иванъ, какъ пить мы станемъ»), фигура кухарки (къ Доминку въ Коломнѣ) и пр., по изданію г. Анненкова мы знаемъ тоже нѣсколько интересныхъ рисунковъ Пушкина; въ своей книгѣ «Пушкинъ въ александровскую эпоху» г. Анненковъ еще упоминаетъ о многихъ рисункахъ Пушкина, наприм., о демоническихъ рисункахъ въ Кишиневской тетради. Издателямъ Альбома надо было гораздо полнѣе представить рукописи и рисунки Пушкина, тѣмъ болѣе, что фотолитографія у нихъ вышла гораздо лучше фотогравюры; они поступили бы гораздо правильнѣе, издавъ Альбомъ пушкинскихъ рукописей, составивъ имъ подробную опись и т. д., но они, имѣя въ своихъ рукахъ такой драгоцѣннѣйшій матеріалъ, не съумѣли или не захотѣли имъ воспользоваться [2]).

Мы разсмотрѣли «фотогравюры и фотолитографіи художника Панова»; но въ Альбомѣ помѣщены еще «три политипажа». Что это такое? Откройте заглавный листъ, вы увидите на немъ гербъ Пушкиныхъ, изображенный одною краскою въ весьма небольшомъ размѣрѣ, — это первый политипажъ, второй политипажъ —снимокъ съ надписи на перстнѣ Пушкина (величиной въ гривенникъ), наконецъ третій—снимокъ съ небольшого пригласительнаго билета на похороны Пушкина. Вотъ каковы «три политипажа».

II.

Переходимъ къ тексту Альбома. Издатели, находя неудобнымъ печатать одни сухія объясненія рисунковъ, помѣстили вмѣсто того цѣлый «біографическій очеркъ А. С. Пушкина» [3]), составленный г. Венкштерномъ. «Не имѣя цѣлію писать полную біографію поэта, а тѣмъ менѣе обзоръ его поэтической дѣятельности, авторъ очерка считалъ своею обязанностью прослѣдить

---

[1]) Издатели увѣряютъ, что онѣ необходимы для объясненія изслѣдованія г. Анненкова о происхожденіи и названіи «Скупаго рыцаря», — но у г. Анненкова нѣтъ ни слова объ этихъ зачеркнутыхъ строчкахъ

[2]) Наприм. издатели характеризуютъ черновую рукопись «Полтавы» выпиской изъ разсказа г. Юзефовича (стр. 107) вмѣсто того, чтобы взять на себя трудъ просмотрѣть и описать ее самимъ.

[3]) Спрашиваемъ г. Поливанова, какъ учителя и издателя учебника русской грамматики, правильно-ли сказано: «біографическій очеркъ Пушкина?» Можно ли поэтому говорить «біографическій опытъ Пушкина», вмѣсто «опытъ біографіи Пушкина».

внѣшнюю жизнь поэта и близкихъ его, но, какъ увидятъ читатели, исполнивъ это, онъ далъ и болѣе»... Итакъ г. Венкштернъ долженъ былъ представить въ своемъ трудѣ объясненіе выставочныхъ портретовъ и рисунковъ и очеркъ жизни нашего поэта. Мы уже видѣли, какъ плохо и неполно составлено описаніе (значительная часть отвѣтственности за это падаетъ, конечно, на г. Поливанова); что-же касается до самаго «очерка Пушкина», то, скромно задавшись цѣлью изобразить лишь внѣшнюю жизнь Пушкина, авторъ дѣйствительно мало касается до внутренней жизни его, мало обращаетъ вниманія на постепенное развитіе поэта и его творчества; описывая дружескія связи и знакомства Пушкина, «очеркъ» почти не затрогиваетъ вліянія на него той или другой личности, такъ, напр., онъ не останавливается на отношеніяхъ Пушкина къ Чаадаеву, не обращаетъ вниманія на ихъ «вольнолюбивыя надежды», на ихъ стремленія «отчизнѣ посвятить души священные порывы», на ихъ мечты о «зарѣ плѣнительнаго счастія» и проч. [1]); «очеркъ» какъ-бы нарочно обходитъ молчаніемъ вліяніе Пущина на нашего поэта и многое, многое другое. Не охарактеризовавъ «вольнолюбивыхъ надеждъ» Пушкина, «Очеркъ» совершенно опустилъ изъ виду и перемѣну во взглядахъ Пушкина съ 1826-го года, не объяснилъ намъ ни ея психологической стороны, ни ея общаго значенія. Вообще, мы не находимъ въ очеркѣ почти ничего о политическихъ и общественныхъ взглядахъ Пушкина, который самъ въ концѣ своего поприща ставилъ себѣ въ справедливую заслугу то, что онъ «въ жестокій вѣкъ возславилъ свободу», о положеніи, занимаемомъ имъ въ общественной исторіи того времени, объ его отношеніи къ правительству, къ современнымъ ему политическимъ движеніямъ; мы не видимъ малѣйшей попытки представить дѣйствительную «среду», окружавшую поэта, охарактеризовать наше общество 1820-хъ и 1830-хъ годовъ. Понятно, что изобразить Пушкина внѣ всей его обстановки, внѣ окружавшихъ его условій, оказалось невозможнымъ, и въ концѣ концовъ читатель далеко не видитъ «образа поэта», не видитъ его высоко человѣчной, любящей, свѣтлой личности, которая, наприм., такъ хорошо открывается въ перепискѣ поэта.

Конечно, и при описаніи «внѣшней жизни поэта» автору приходится иногда останавливаться на томъ или другомъ фактѣ его внутренней жизни, объяснять ту или другую черту его характера, но онъ дѣлаетъ это мимоходомъ и повторяетъ лишь сказанное до него, иногда ничѣмъ не подтверждая свои слова (напр. о развитіи религіозности въ Пушкинѣ за послѣдніе

---

[1]) Значительный матеріалъ для характеристики разныхъ вліяній на Пушкина и его направленія даютъ его стихи, но «Очеркъ» почему-то пренебрегъ этимъ важнымъ матеріаломъ.

годы его жизни). Только въ двухъ, кажется, случаяхъ авторъ высказалъ самостоятельный взглядъ по вопросу о характерѣ Пушкина и о его внутреннемъ настроеніи. Хотя одинъ изъ этихъ случаевъ касается не важнаго сравнительно вопроса, но мы остановимся на обоихъ, чтобы ужъ разсмотрѣть все, что есть оригинальнаго въ «Очеркѣ», все, что онъ «далъ болѣе»... Постараемся быть краткими.

По мнѣнію автора, Пушкинъ въ своей внѣшности, въ своихъ пріемахъ нисколько не подражалъ Байрону; такой взглядъ основанъ на слѣдующемъ: Пушкинъ познакомился съ Байрономъ только на югѣ Россіи, а еще въ Петербургѣ, до ссылки, въ немъ, по свидѣтельству современниковъ, было уже стремленіе къ оригинальности въ костюмѣ, въ манерахъ и пр., такъ что «поведеніе Пушкина въ Кишиневѣ было прямымъ продолженіемъ его петербургскаго образа жизни, который съ байронизмомъ ничего общаго не имѣетъ» (стр. 61). Противъ этого можно возразить многое. Во первыхъ кишиневское «поведеніе» Пушкина отличается отъ петербургскаго: въ Петербургѣ видимъ въ Пушкинѣ стремленіе выдаваться странностью своего костюма, своей прически, вообще своего поведенія, но у него нѣтъ въ этомъ системы, ему все равно обстричь-ли или отпустить кудри и т. п.; въ Кишиневѣ же подъ вліяніемъ Байрона многое въ его пріемахъ сводится къ одному началу. Во вторыхъ, современники не даромъ же видѣли въ пріемахъ Пушкина подражаніе Байрону, не даромъ же самъ поэтъ въ одномъ письмѣ къ брату изъ деревни говоритъ: «хочу жеребцовъ выѣзжать—вольное подражаніе Alfieri и Байрону» (VII т., стр. 121); не даромъ же наконецъ Татьяна подозрѣваетъ, что Онѣгинъ—«Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ». Въ «Очеркѣ» не разобрано ни одного изъ этихъ обстоятельствъ. Переходимъ къ другому мѣсту «Очерка», къ вопросу—почему Пушкинъ женился. До сихъ поръ всѣ думали, что Пушкинъ влюбился въ молодую красавицу Н. Н. Гончарову и потому «огончарованный» сдѣлалъ ей предложеніе и женился на ней. «Очеркъ» иначе смотритъ на дѣло: Пушкинъ сначала рѣшилъ вообще, что ему нужно жениться, затѣмъ увидалъ Гончарову и сдѣлалъ ей предложеніе. не будучи влюбленъ въ нее, удивляясь лишь ея красотѣ, какъ художникъ: только послѣ женитьбы онъ страстно полюбилъ жену.

На чемъ же основанъ такой взглядъ? Только на одномъ свидѣтельствѣ князя П. П. Вяземскаго (стр. 111), что Пушкинъ тяготился холостою жизнью и говорилъ, что началъ помышлять о женитьбѣ, желая покончить жизнь молодого человѣка и выдти изъ того положенія, при которомъ всякій могъ трепать его по плечу и звать въ неприличное общество. Прежде всего замѣтимъ, что свидѣтельство князя П. П. Вяземскаго въ этомъ случаѣ не особенно достовѣрно, такъ какъ онъ былъ ребенкомъ, когда Пушкинъ женился, а записалъ это извѣстіе въ 1880-мъ году; далѣе, если и принять свидѣтель-

ство кн. Вяземскаго, то какіе серіозные выводы можно строить на приведенной отдѣльной фразѣ, еслибъ она даже и принадлежала Пушкину? «Очеркъ» сначала выражается осторожно. «Трудно опредѣлить, встрѣча-ли съ Гончаровой внушила Пушкину мысль о женитьбѣ, или намѣреніе это явилось у него прежде и красота Натальи Николаевны только рѣшила его выборъ. По нашему мнѣнію послѣднее предположеніе правдоподобнѣе» (стр. 111). Но черезъ два десятка страницъ «Очеркъ» дѣлается смѣлѣе и говоритъ по поводу женитьбы Пушкина: «Былъ-ли это неудержимый порывъ страсти или хладнокровный обдуманный шагъ? Конечно послѣднее» (стр. 129). Такимъ образомъ, по словамъ «Очерка», Пушкинъ женился по холодному разсчету, «измученный неутомимыми гоненіями судьбы, неудовлетворенный жизнью, безъ опредѣленнаго положенія въ свѣтѣ, безъ дома, безъ семьи, обезсиленный и усталый,—онъ искалъ покоя и отдохновеній». «Онъ долго боролся и наконецъ призналъ себя побѣжденнымъ»... Все это разсужденіе основывается только на приведенномъ свидѣтельствѣ кн. П. П. Вяземскаго и еще на томъ фактѣ, что Пушкинъ не былъ хорошъ съ родителями. Похоже ли на Пушкина жениться безъ малѣйшаго увлеченія, по разсчету, для того только, чтобы имѣть «опредѣленное положеніе въ обществѣ»? Можно смѣло сказать, что Пушкинъ вовсе не былъ способенъ на такой «хладнокровно-обдуманный шагъ».

Но посмотримъ насколько это предположеніе «Очерка» находится въ согласіи съ фактами. Пушкинъ искалъ отдыха и семейнаго очага, хотѣлъ создать себѣ «опредѣленное положеніе», хладнокровно выбиралъ, на комъ-бы ему жениться, и кого-же онъ выбралъ? Кому онъ хладнокровно рѣшился довѣрить свое счастіе, спокойствіе, положеніе? Молоденькой дѣвочкѣ, только что начинавшей жить, думавшей объ удовольствіяхъ, а не о семейномъ спокойномъ очагѣ. Пушкинъ, «съ раннихъ лѣтъ постигнувшій людей», не могъ не понимать характера и стремленій своей юной невѣсты, и изъ его писемъ мы знаемъ, что онъ хорошо понималъ ее. Еслибы онъ въ самомъ дѣлѣ хладнокровно выбиралъ себѣ жену для устойства дома и для отдыха, онъ, конечно, никакъ не выбралъ бы Н. Н. Гончаровой. Припомнимъ, что дѣла Гончаровыхъ тогда были очень запутаны, что Пушкинъ долженъ былъ дать своей будущей тещѣ взаймы десять тысячъ рублей для устройства приданаго и потомъ долго не могъ получить ихъ обратно, что ему такъ много приходилось хлопотать по денежнымъ дѣламъ жены, заботиться о ея родныхъ, что собственные его доходы были очень неопредѣленны и непостоянны; ясно, что, желая создать себѣ «опредѣленное положеніе», онъ никакъ не выбралъ-бы Гончаровой.

«Очеркъ» приводитъ выдержки изъ писемъ Пушкина, въ которыхъ рисуется безпокойное состояніе поэта передъ свадьбой, его тревоги о буду-

30*

щемъ. Пушкинъ пишетъ: «я женюсь безъ упоенія, безъ ребяческаго очарованія. Будущее является мнѣ не въ розахъ, но въ строгой наготѣ своей. Горести не удивятъ меня: онѣ входятъ въ мои домашніе разсчеты. Всякая радость будетъ мнѣ неожиданностью». Разсказывая въ другомъ письмѣ о своихъ непріятностяхъ и заботахъ, Пушкинъ говоритъ: «жизнь жениха тридцатилѣтняго хуже 30-ти лѣтъ жизни игрока [1]... Словомъ, если я и не несчастливъ, по крайней мѣрѣ не счастливъ». Эти выдержки, приводимыя «Очеркомъ», совершенно опровергаютъ высказываемый въ немъ взглядъ на женитьбу Пушкина. Составитель «Очерка» такъ характеризуетъ первую выписку: «что-то надломленное и безнадежное звучитъ въ этомъ откровенномъ признаніи. Съ недовѣріемъ смотритъ поэтъ на свое будущее». Характеристика эта преувеличена, но во всякомъ случаѣ письма Пушкина показываютъ волненія и тревоги Пушкина-жениха во время приготовленій къ свадьбѣ: «безнадежность и недовѣріе къ будущему» совершенно противорѣчатъ предположенію, что женитьба на Гончаровой была хладнокровно обдуманнымъ шагомъ для пріобрѣтенія спокойнаго и опредѣленнаго положенія. Къ такому же заключенію долженъ приводить и разсказъ цыганки Тани о разстройствѣ и рыданіяхъ Пушкина передъ свадьбой, если только признавать этотъ разсказъ достовѣрнымъ.

Приведенные выше отрывки изъ писемъ Пушкина, по мнѣнію составителя «Очерка», указываютъ, что Пушкинъ не любилъ своей невѣсты. Заключеніе совершенно неосновательное. Мрачный тонъ нѣкоторыхъ писемъ этого времени вполнѣ объясняется внѣшними обстоятельствами, запутанностью денежныхъ дѣлъ, разными препятствіями къ свадьбѣ, отсрочками, размолвками съ будущей тещей и съ невѣстой изъ-за разныхъ сплетенъ и пр.; это ясно видно, если взять не отрывки, а всѣ письма цѣликомъ (см. VII томъ Сочиненій). Все это, дѣйствительно, мучило бѣднаго поэта; притомъ-же его положеніе затруднялось еще тѣмъ, что тридцатилѣтній женихъ семнадцатилѣтней дѣвочки могъ являться для нѣкоторыхъ въ смѣшномъ видѣ, (чего, Пушкинъ, какъ извѣстно, всегда страшился). Онъ чувствовалъ это, боялся казаться смѣшнымъ, старался предупредить насмѣшки завѣреніемъ, что онъ далекъ отъ «упоенія и ребяческаго очарованія», тѣмъ болѣе, что раньше не разъ зло смѣялся надъ женитьбой своихъ пріятелей (см. напр. въ VII томѣ сочиненій, въ его письмѣ къ кн. Вяземскому 1826 г. о женитьбѣ Баратынскаго—стр. 41, ср. стр. 113 и 137). Въ любви его къ невѣстѣ нельзя сомнѣваться, прочитавъ его письма къ ней, къ ея матери и къ нѣкоторымъ другимъ лицамъ...

И такъ оригинальная, самостоятельная часть въ разсматриваемомъ «Очер-

[1]) Извѣстная драма.

кѣ» не велика и малоцѣнна. Такъ какъ самъ авторъ не ставилъ себѣ цѣли «дать болѣе», и очень скромно ограничилъ свою задачу, то отъ него мы можемъ требовать только, чтобы онъ толково передалъ все высказанное до него, сгруппировалъ-бы обильный матеріалъ, съумѣлъ-бы въ немъ разобраться, воспользоваться имъ. Къ сожалѣнію, и этимъ болѣе скромнымъ требованіямъ «Очеркъ» далеко не удовлетворяетъ.

Какъ отнесся «Очеркъ» къ источникамъ?

Поэтическая дѣятельность, творчество Пушкина, по совершенно вѣрному замѣчанію еще Бѣлинскаго, отличается особенною связью съ внутреннею и съ внѣшнею жизнью поэта, такъ что его стихотворенія очень часто являются очень цѣннымъ матеріаломъ для опредѣленія и объясненія не только его настроенія, но даже и внѣшнихъ событій его жизни. Недавно г. Неземновъ сдѣлалъ попытку (впрочемъ очень неудачную) прослѣдить эту связь между поэзіей и жизнью Пушкина; г. Стоюнинъ въ своей біографіи Пушкина постоянно и съ большимъ успѣхомъ пользуется біографическимъ матеріаломъ, заключающимся въ Пушкинскихъ стихотвореніяхъ; даже еще г. Анненковъ въ своихъ «Матеріалахъ» показалъ образчикъ такой работы; но разбираемый очеркъ, неизвѣстно почему, очень мало прибѣгаетъ къ стихамъ Пушкина. Еще въ первой главѣ дѣлается нѣсколько ссылокъ на «Мою родословную» [1]), но далѣе цитаты становятся все рѣже и рѣже и ихъ едва-ли наберется два десятка на всѣхъ 170 страницахъ. Не знаешь, чѣмъ объяснить это: нежеланіемъ или неумѣніемъ пользоваться стихами Пушкина. Повидимому авторъ даже незнакомъ со всѣми произведеніями Пушкина, потому что онъ, не задумываясь, довѣрчиво приводитъ со словъ Комовскаго будто-бы экспромтъ Пушкина—Вы помните ль то розовое поле... (стр. 32), а между тѣмъ это вовсе не отдѣльный экспромтъ, а передѣланный памятью Комовскаго отрывокъ изъ одной поэмы Пушкина. Вотъ подлинные стихи ея, напечатанные въ обоихъ послѣднихъ изданіяхъ:

Не правда-ли, вы помните то поле,
Друзья мои, гдѣ въ прежни дни, весной,
Оставя классъ, рѣзвились мы на волѣ
И тѣшились отважною борьбой?

---

[1]) Кстати замѣтить: одна цитата изъ этой піэсы сдѣлана очень странно; въ текстѣ (стр. 4) говорится: «Извѣстно, что трое Пушкиныхъ тягались о мѣстахъ съ Пожарскимъ», и къ этой фразѣ сдѣлана ссылка:

«Водились Пушкины съ царями,
Изъ нихъ былъ славенъ не одинъ,
Когда тягался съ Поляками
Нижегородскій мѣщанинъ».

Точно также «Очеркъ» мало приводитъ цитатъ изъ несомнѣнныхъ, лучшихъ произведеній Пушкина, а между тѣмъ на стр. 114 неизвѣстно зачѣмъ выписываетъ кавказскій экспромтъ въ честь генерала Скворцова, хотя подлинность этого экспромта весьма и весьма сомнительна.

«Очеркъ», мало пользуясь стихами Пушкина, столь-же рѣдко дѣлаетъ заимствованія и изъ его прозы, даже изъ его записокъ. Чаще онъ прибѣгаетъ къ перепискѣ поэта, но далеко не весь важный матеріалъ писемъ извлеченъ авторомъ. Судя по отрывочности цитатъ, судя по неполнотѣ текста въ этихъ цитатахъ (напр., по пропуску собственныхъ именъ: гр. X.—вмѣсто графъ Хвостовъ, Б. вмѣсто Батюшковъ, Г. вмѣсто государь и пр.) надо думать, что бо́льшая часть этихъ цитатъ заимствована изъ вторыхъ рукъ, вѣроятно изъ «Матеріаловъ» г. Анненкова (исключеніе составляютъ письма Пушкина къ женѣ, не вошедшія въ изслѣдованіе г. Анненкова). Можно прямо указать на нѣкоторыя мѣста, которыя показываютъ, что авторъ очерка недостаточно знакомъ съ прозой и письмами Пушкина. Такъ, на стр. 51-й приводится мнѣніе современниковъ, будто оригиналомъ для «Демона» послужилъ А. Раевскій, при чемъ не упоминается о томъ, что Пушкинъ въ особой замѣткѣ опровергаетъ это мнѣніе (V, стр. 14). Еще одинъ примѣръ: говоря о томъ, что «Моя родословная» была вызвана неприличной выходкой Булгарина, «Очеркъ» (стр. 128) прибавляетъ, что Пушкинъ пояснилъ смыслъ этой піесы статьею въ Московскомъ Телеграфѣ, подписанною псевдонимомъ: Ѳеофилактъ Косичкинъ. Во первыхъ, обѣ статьи Ѳеофилакта Косичкина напечатаны не въ Московскомъ Телеграфѣ, а въ «Телескопѣ» (1831 г. №№ 13 и 15); во вторыхъ, подъ этимъ псевдонимомъ Пушкинъ напечаталъ лишь двѣ статьи, и обѣ онѣ касаются вовсе не выходки Булгарина, не значенія «Моей родословной», а защищаютъ А. А. Орлова отъ нападокъ и критики Булгарина и Греча въ «Сынѣ Отечества». Объ этомъ авторъ «Очерка» долженъ былъ знать не только изъ самыхъ статей, напечатанныхъ въ собраніи сочиненій Пушкина (V, стр. 163 и стр. 171; см. также стр. 489) [1]), но и изъ письма Пушкина къ взятому имъ подъ свою защиту Орлову (VII, стр. 353). Ниже мы увидимъ еще подобные-же примѣры.

Если относительно цитатъ изъ писемъ у насъ есть только косвенная, такъ сказать, улика, утверждающая наше подозрѣніе, что цитаты заимствованы изъ вторыхъ рукъ, то относительно другихъ матеріаловъ, разсказовъ современниковъ и т. п., авторъ часто не скрываетъ своихъ позаимствованій отъ другихъ изслѣдователей; такъ, напр., описаніе открытія лицея или

---

[1]) Первая статья Косичкина такъ и называется: «Торжество дружбы или оправданный Александръ Анѳимовичъ Орловъ».

извѣстный разсказъ Якушкина о встрѣчѣ съ Пушкинымъ въ Каменкѣ, имѣніи Давыдовыхъ, авторъ взялъ изъ сочиненій Стоюнина со всѣми его неточностями. Сплошь и рядомъ «Очеркъ» длинныя тирады беретъ дословно изъ Анненкова, при чемъ заимствованіе не всегда обозначено вносными знаками. Иногда авторъ ссылается на Анненкова и другихъ съ такимъ видомъ, какъ будто онъ ихъ считаетъ за непреложный первоисточникъ. Такъ, напр., говоря о наружности Языкова въ 1820-хъ годахъ, авторъ добавляетъ: «таковъ былъ Языковъ, по описанію г. Семевскаго»,—какъ будто г. Семевскій самъ видѣлъ тогда Языкова.

Мы уже упомянули, какъ авторъ «Очерка» былъ введенъ въ заблужденіе «розовымъ полемъ» Комовскаго. Укажемъ другіе примѣры слишкомъ довѣрчиваго, недостаточно критическаго отношенія къ источникамъ. «Очеркъ» беретъ изъ воспоминаній Ципринуса очень невѣроятный разсказъ о первомъ и второмъ свиданіи Пушкина съ Мицкевичемъ, не обращая вниманія на искуственность всего разсказа и отдѣльныя противорѣчія; по Ципринусу (Альбомъ, стр. 109) Мицкевичъ въ 1828 году совѣтуетъ Пушкину начать учиться по англійски и подробно объясняетъ ему легкость изученія этого языка, говоритъ съ нимъ о великомъ значеніи Шекспира, какъ о чемъ-то для Пушкина будто-бы неизвѣстномъ. Между тѣмъ въ самомъ «Очеркѣ» раньше было разсказано, что Пушкинъ учился по англійски еще въ Крыму (стр. 53) [1]; извѣстно, что онъ читалъ Шекспира еще въ Одессѣ (VII, стр. 187) и въ Михайловскомъ (объ этомъ есть опять въ Альбомѣ, стр. 72); наконецъ еще въ 1825 году былъ написанъ Борисъ Годуновъ, вліяніе на котораго піесъ Шекспира такъ очевидно. Точно также «Очеркъ» зачѣмъ-то приводитъ длинный и то же очень невѣроподобный разсказъ цыганки Тани о Пушкинѣ-женихѣ, хотя этотъ разсказъ переданъ какимъ-то анонимомъ и напечатанъ въ весьма подозрительномъ по части исторической достовѣрности юмористическомъ журналѣ кн. Мещерскаго, «Добрякѣ». Неизвѣстность автора и извѣстность издателя мало говорятъ въ пользу разсказа.

Остановимся еще на одномъ примѣрѣ, особенно характерномъ. Говоря о нелюбви Пушкина къ прозѣ, о его насильственномъ, вынужденномъ трудѣ надъ историческими матеріалами (это, конечно, далеко несправедливо), «Очеркъ» опирается только на фразу Пушкина, передаваемую г-жею Фуксъ. Если автору очерка еще можно кое-какъ простить его довѣріе къ Комовскому, къ Ципринусу или къ «Добряку» кн. Мещерскаго, то свидѣтельство г-жи Фуксъ онъ никакъ не могъ, не долженъ былъ принимать, такъ какъ

[1]) См. также письмо къ кн. Вяземскому, въ сентябрѣ 1825 г., изъ Михайловскаго (VII, стр. 38).

ему должно бы знать кто такая г-жа Фуксъ, какъ къ ней относился Пушкинъ, что могли значить его слова, обращенныя къ ней. Авторъ заимствуетъ разсказъ г-жи Фуксъ изъ «Матеріаловъ» Анненкова, но г. Анненкову не были извѣстны тѣ письма, которыя напечатаны теперь, которыя составитель «Очерка» долженъ-бы обязательно знать хорошо. Пушкинъ познакомился съ г-жею Фуксъ въ Казани, въ 1833 году, во время поѣздки своей для собиранія на мѣстѣ матеріаловъ о Пугачевскомъ бунтѣ и вотъ какъ описалъ женѣ своей это знакомство: «Изъ Казани написалъ я тебѣ нѣсколько строчекъ—некогда было. Я таскался по окрестностямъ, по полямъ, по кабакамъ и попалъ на вечеръ къ одной blue stockings, сорокалѣтней, несносной бабѣ съ вощеными зубами, и съ ногтями въ грязи. Она развернула тетрадь и прочла мнѣ стиховъ съ двѣсти, какъ ни въ чемъ не бывало. Баратынскій написалъ ей стихи и съ удивительнымъ безстыдствомъ расхвалилъ ея красоту и геній. Я такъ и ждалъ, что принужденъ буду ей написать въ альбомъ—но Богъ помиловалъ; однако она взяла мой адресъ и стращаетъ меня перепискою и пріѣздомъ въ П. Б., съ чѣмъ тебя и поздравляю. Мужъ ея умный и ученый нѣмецъ» и пр. [1]).

Понятно, какой смыслъ нужно придавать фразѣ Пушкина, сказанной имъ Казанской поэтесѣ: «какъ жалки тѣ поэты, которые начинаютъ писать прозой; признаюсь, ежели бы я не былъ вынужденъ обстоятельствами, я бы для прозы не обмакнулъ пера въ чернила» (Альб., стр. 150). Сношенія Пушкина съ г-жею Фуксъ не ограничились бесѣдою въ Казани: какъ онъ и боялся, она писала ему, и ея письма (въ изданіи г. Бартенева: «А. С. Пушкинъ», I стр. 21), и отвѣты ей Пушкина (Соч. томъ VII, стр. 362) очень характерны для личности г-жи Фуксъ (Ангелъ ея радуется присылкѣ сочиненій Пушкина и пр.), для отношенія къ ней Пушкина, который, разсыпаясь въ любезностяхъ, извиняется передъ поэтесой за прозаическую исторію пугачевскаго бунта («Не браните меня. Поэзія, кажется, для меня изсякла. Я весь въ прозѣ; да еще въ какой! право совѣстно; особенно передъ вами». Тамъ же стр. 363), называетъ себя поклонникомъ ея музы, но, повидимому, старается скрывать отъ нея свой адресъ, чтобы не часто получать произведенія этой музы. Такимъ образомъ тутъ мы не только видимъ недостаточную критику источника со стороны автора «Очерки», но и опять встрѣчаемся съ неудовлетворительнымъ знаніемъ переписки Пушкина, на этотъ разъ даже и писемъ его къ женѣ, хотя раньше намъ показалось, что авторъ знаетъ эти письма лучше другихъ.

Сказаннаго довольно, чтобы вполнѣ охарактеризовать способъ пользованія матеріалами въ разбираемомъ очеркѣ: мы видимъ недостаточное, неполное

---

[1]) „Вѣстникъ Европы“ 1878, № 1, стр. 38.

и не самостоятельное знакомство съ источниками [1]). Это вполнѣ отразилось на цѣломъ рядѣ неточныхъ или ошибочныхъ указаній, которыя могутъ быть объяснены только недостаточнымъ знакомствомъ съ сочиненіями Пушкина и съ другими матеріалами. Такъ, авторъ ошибочно говоритъ о вольнодумныхъ стихотвореніяхъ Пушкина во время пребыванія его въ лицеѣ (на стр. 35; мы-бы попросили автора указать какія-нибудь вольнодумные лицейскіе стихи Пушкина); такъ онъ увѣряетъ (стр. 72), что Пушкинъ сталъ впервые заниматься библіей и Шекспиромъ въ Михайловскомъ, при чемъ забываетъ или не знаетъ, что Пушкинъ читалъ и библію, и Шекспира еще въ Одессѣ, о чемъ прямо говорится въ томъ письмѣ его, за которое онъ былъ выславъ въ деревню (Соч. VII, стр. 187); точно такъ же невѣрно заявленіе автора, будто Пушкинъ, до 1831 года, когда онъ просилъ о доступѣ въ архивы, заявилъ уже себя историческими произведеніями (стр. 136): мы опять попросили бы составителя очерка указать эти историческія произведенія Пушкина, такъ какъ онѣ никому неизвѣстны. Говоря о вліяніи Кишиневскихъ впечатлѣній на Пушкина, «Очеркъ» приписываетъ этому вліянію пѣсню Земфиры,—«Рѣжь меня, жги меня» (стр. 62), какъ будто только одна эта пѣсня, а не всѣ «Цыганы» должны объясняться кишиневскими впечатлѣніями, путешествіями Пушкина по степи, съ цыганами. Подобныхъ ошибокъ и неточностей можно указать въ «Очеркѣ» очень много.

Небрежность, съ какою составлялся и редактировался «Очеркъ», отразилась вполнѣ и на его языкѣ: тутъ можно указать много такихъ курьезовъ, которые заставляютъ только удивляться, какъ авторъ допустилъ ихъ, какъ г. Поливановъ, учитель русскаго языка, постоянно поправляющій тетради своихъ учениковъ, могъ не замѣтить этихъ курьезныхъ промаховъ въ редактированномъ имъ очеркѣ. Посмотримъ нѣкоторые примѣры.

Пушкинъ сосланъ въ Екатеринославль. «Счастливое стеченіе обстоятельствъ (стр. 50) избавило Пушкина отъ долгаго пребыванія въ уныломъ провинціальномъ захолустьѣ». Что-же это за счастливыя обстоятельства? «Черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ, катаясь въ лодкѣ по Днѣпру, онъ выкупался и схватилъ горячку». И такъ первое изъ счастливыхъ обстоятельствъ, это—опасная для жизни болѣзнь: на обыкновенномъ языкѣ мы

---

[1]) Пренебрегая собственноручными тетрадями поэта, онъ пользуется сомнительными свѣдѣніями, какъ напр. изустными разсказами: такъ въ одномъ мѣстѣ приводится длинный разсказъ, совершенно не идущій къ дѣлу и нисколько неинтересный, о смерти А. П. Кернъ, разсказъ самимъ „Очеркомъ“ называемый „легендою“ (стр. 84), а въ другомъ мѣстѣ (стр. 122) сообщается, что Пушкинъ такъ сильно ухаживалъ за Е. Н. Ушаковой, что считался ея женихомъ, свѣдѣніе, за достовѣрность котораго авторъ не ручается. Это впрочемъ всѣ самостоятельныя новыя данныя „Очерка“.

назвали бы это несчастнымъ случаемъ, хотя имѣвшимъ потомъ благопріятныя послѣдствія,—поѣздку на Кавказъ съ Раевскими. Иначе это «стеченіе счастливыхъ обстоятельствъ» напоминаетъ слова Скалозуба: «пожаръ способствовалъ ей много къ украшенію».

На стр. 53 «Очеркъ» увѣряетъ насъ, что извѣстная любовь Пушкина на югѣ къ какой-то незнакомкѣ была идеально чистая, безъ взаимности (такъ-ли?) и потому спокойная, непомрачавшая его безмятежнаго счастія. Это совершенно новое психологическое открытіе: любовь безъ взаимности не помрачаетъ счастія, оставляетъ человѣку полное спокойствіе,—насколько же она, значитъ, счастливѣе любви съ взаимностью!

«Очеркъ» разсказываетъ, какъ въ половинѣ ноября 1824 года Пушкинъ остался одинъ въ Михайловскомъ (стр. 71). Авторъ знаетъ, какъ Пушкинъ любилъ осень, какъ хорошо она вліяла на его творчество, но говоря объ этомъ, онъ въ данномъ случаѣ указываетъ еще одно совершенно особенное, имъ впервые замѣченное, благопріятное для поэзіи Пушкина обстоятельство: «глубокая ненастная осень и огромный нетопленный домъ съ заколоченными ставнями представляли обстановку весьма подходящую для поэтическихъ вдохновеній и серіозныхъ занятій». Опять великое открытіе: какъ легко всякому устроить себѣ такую подходящую для серіозныхъ занятій обстановку! Надо однако замѣтить, что лицейскій товарищъ поэта, Пущинъ, хорошо знавшій, что̀ составляетъ подходящую и что неподходящую обстановку для творчества его друга, пріѣхавъ въ Михайловское и найдя почти всѣ комнаты нетопленными, вовсе не нашелъ, чтобы это было полезно для поэзіи Пушкина, и устроилъ такъ, чтобы ихъ топили, о чемъ говоритъ и «Очеркъ» нѣсколько далѣе, на стр. 80.

Разсказывая объ архивныхъ занятіяхъ Пушкина, авторъ говоритъ: сначала изысканія его ограничивались государственными архивами, но вскорѣ, именно 29-го февраля 1832, по его просьбѣ, ему дано было разрѣшеніе разобрать библіотеку Вольтера, хранившуюся въ Эрмитажѣ» (стр. 139). Такимъ образомъ, по мнѣнію составителя очерка, библіотека Вольтера для занятій по исторіи (особенно русской) гораздо важнѣе, чѣмъ наши «государственные архивы», и допущеніе Пушкина къ разбору библіотеки Вольтера кажется автору до того важнымъ, что онъ съ точностью обозначилъ годъ, мѣсяцъ и число, когда совершилось это важное событіе. Примѣры подобной небрежности въ словахъ попадаются въ «Очеркѣ» очень часто. Иногда даже трудно рѣшить, происходитъ ли неловкое выраженіе отъ одной небрежности. Напр., на стр. 19: «энциклопедисты вольтеровой эпохи», или стр. 63: «въ началѣ весны 1821 года Кишиневъ значительно оживился по случаю (?) гетеріи».

Все сказанное даетъ достаточное понятіе о характерѣ и значеніи «Очерка».

Мы видѣли, что авторъ, поставивъ себѣ задачею изобразить только внѣшнюю жизнь поэта, мало касается его внутренней жизни, при чемъ почему-то совершенно исключилъ изъ своего описанія политическія и общественныя условія того времени, а безъ этого даже внѣшняя жизнь Пушкина не вездѣ является достаточно объясненной; что же касается до внутренняго міра нашего поэта, то это молчаніе, наложенное на себя авторомъ по нѣкоторымъ вопросамъ, непоправимо вредитъ характеристикѣ гуманной и свѣтлой личности Пушкина: можно ли вырвать горячаго, впечатлительнаго поэта изъ окружающей его среды? Предисловіе къ Альбому обѣщало, что «Очеркъ» «воскреситъ въ воображеніи читателей образъ поэта, его обстановку и среду, его окружавшую». Обѣщаніе это совершенно не исполнено: «Очеркъ» вовсе не даетъ цѣльнаго образа, полной характеристики поэта и человѣка, и именно потому, что издатели альбома странно понимаютъ слово «среда и обстановка». Обходя непонятнымъ (неумышленнымъ) молчаніемъ политическую обстановку и общественную среду, въ которыхъ жилъ Пушкинъ, они конечно не могутъ помочь дѣлу описаніемъ квартиры поэта, платья его жены и т. п.

Но если даже смотрѣть лишь на то, что̀ дано «Очеркомъ», а не на то, что̀ онъ долженъ былъ дать, то и тутъ приходится дѣлать разбираемому изданію массу справедливыхъ упрековъ. Издатели могутъ такъ или иначе защищать планъ «Очерка», но они не могутъ оправдаться въ недостаточномъ, неполномъ, несамостоятельномъ изученіи матеріаловъ, въ небрежности обработки, въ небрежности выраженій. Чтобы быть справедливыми, мы должны однако сказать, что, несмотря на указанную выше небрежность въ языкѣ, «Очеркъ» г. Венкштерна все-таки читается очень легко.

За послѣдніе годы, когда Пушкинскій праздникъ такъ оживилъ всеобщій интересъ къ поэзіи и личности Пушкина, мы имѣемъ нѣсколько біографій поэта. Если недавно вышедшее сочиненіе г. Незеленова, хотя и болѣе самостоятельное, чѣмъ разбираемый «Очеркъ», страдаетъ другими существенными недостатками, то не только книга г. В. Я. Стоюнина, но и неотдѣланныя статьи о Пушкинѣ въ «Русской Старинѣ» 1879 года несравненно выше «Очерка» въ Альбомѣ.

Мы разсмотрѣли художественную и литературную часть Альбома, но въ немъ есть еще и «приложенія». Что это такое? Можетъ быть это интересное извлеченіе изъ рукописей поэта, можетъ быть это подробная опись его бумагъ или описаніе портретовъ Альбома? Нѣтъ, это только латинскій переводъ трехъ стихотвореній Пушкина о поэтѣ, сдѣланный профессоромъ московскаго университета, г. Коршемъ. Мы увѣрены, что ученый профессоръ перевелъ эти стихи наилучшимъ образомъ, но всетаки рѣшительно не понимаемъ, зачѣмъ этотъ переводъ помѣщенъ въ Альбомѣ Пушкинской

выставки. Редакторъ намъ этого совершенно не объясняетъ, да, вѣроятно, и не можетъ объяснить удовлетворительно.

Рѣшеніе издать «Альбомъ Пушкинской выставки» заслуживаетъ полнаго одобренія, но небрежность и неумѣлость издателей испортили все дѣло и лишили всякаго значенія изданіе, которое могло быть очень интереснымъ.

Я. У.

М. А. Бестужевъ-Рюминъ

1828 г.

Въ послѣднемъ изданіи сочиненій А. С. Пушкина, подъ редакціею П. А. Ефремова, въ примѣчаніяхъ III-го тома, на стр. 451-й, приведены слѣдующіе стихи:

Какія нынѣ времена,
На все возвышена цѣна,
И къ удивленію людей
И этотъ стоитъ пять рублей.

П. А. Ефремовъ справедливо заподозрилъ подлинность этихъ стиховъ и дѣйствительно—они не Пушкина, а плохого писателя 1820-хъ годовъ—М. А. Бестужева-Рюмина. Стихи эти напечатаны въ анекдотической сценѣ М. А. Бестужева-Рюмина: Мавра Власьевна Томская и Фролъ Савичъ Калугинъ, на стр. 34-й, въ текстѣ:

Такія нынче времена:
На все высокая цѣна!

и въ подстрочной выноскѣ:

А къ удивленію людей,
И эта книжка 5 рублей.

Упомянутое сочиненіе Бестужева-Рюмина напечатано въ 1828 году въ Петербургѣ, въ типографіи Воспитательнаго дома, въ 16 д. л.

Сообщ. 10-го декабря 1880 года кн. Н. Н. Голицынъ.

НАДЕЖДА ПАВЛ. ШУЛЬЦЪ И ЛЮДМИЛА ИВ. РИКОРДЪ.

Посвящается ихъ доброй памяти.

Говорить о подобныхъ личностяхъ при ихъ жизни — значитъ оскорблять ихъ скромность; молчать объ нихъ послѣ смерти—значитъ не цѣнить достоинства истинной просвѣщенной благотворительности, скромно, безъ шума, безъ всякаго внѣшняго блеска дѣлающей добро, да какъ дѣлающей—съ истинно христіанскою любовію и смиреніемъ, съ такою задушевностью, которая, право же, рѣдкость даже въ настоящее время, когда такъ велико число благодѣтелей, благодѣтельницъ оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ. Намъ лично пришлось довольно близко быть знакомыми съ благотворительною дѣятельностью Людмилы Ивановны и Надежды Павловны и думаемъ, что воспоминаніе объ нихъ не будетъ лишнимъ на страницахъ почтенной «Русской Старины».

Имена Надежды Павловны и Людмилы Ивановны мы соединяемъ вмѣстѣ, потому что узнали ихъ почти въ одно время, да и по общему дѣлу: устройству нашихъ сестеръ въ Царскосельское училище для дѣвицъ духовнаго званія.

Чтобы, кажется, тутъ замѣчательнаго? Пожалуй и такъ, особенно теперь, когда училищъ побольше, а въ описываемое время бѣдному сельскому священнику, рѣшительно безъ всякихъ протекцій, опредѣлить въ сказанное училище дочерей далеко было не просто.

Отецъ мой, имѣя шестерыхъ дѣтей, которыхъ онъ едва былъ въ состояніи кормить и одѣвать, могъ только мечтать объ опредѣленіи дочерей въ училище. Но видно сильно было его желаніе дать образованіе дѣтямъ, что онъ рѣшился попытаться опредѣлить ихъ въ означенное училище. Не мало, должно быть, передумалъ онъ дорогой и сильное смущеніе чувствовалъ онъ, подъѣзжая къ училищу съ матерью на своей старой лошаденкѣ. Что-то они узнаютъ, какъ-то ихъ примутъ, удастся ли что-нибудь?

Удалось, да и какъ удалось! Покойный отецъ, а мать и до сихъ поръ не можетъ безъ искренняго душевнаго волненія и глубокой благодарности вспоминать объ этомъ.

Безъ всякой задержки въ передней, безъ всякихъ длинныхъ докладовъ, Надежда Павловна съ сердечною привѣтливостью приняла отца, съ такимъ участіемъ разспрашивала его, что онъ, какъ говорится, раскрылъ ей свою душу, забывши все смущеніе, которое такъ свойственно бѣдному священнику чувствовать предъ генеральшей, предъ начальствомъ.

Внимательно выслушала отца Надежда Павловна и тутъ же велѣла ему написать прошеніе, обѣщая устроить дочь на только что открывшуюся вакансію.

Глубоко тронутый лаской начальницы, оставилъ отецъ училище и съ надеждою поѣхалъ домой. Недолго пришлось ждать ему отвѣта; скоро была получена бумага объ опредѣленіи его дочери, а когда привезли ее въ училище, то та же Надежда Павловна нашла возможнымъ разсрочить внесеніе платы, для кого небольшой (60 р. въ годъ), а для отца—куда какой большой.

Съ этого началось наше знакомство съ Надеждою Павловною, а вслѣдъ затѣмъ и съ Людмилою Ивановною.

Какъ ни облегчила Надежда Павловна положеніе отца разсрочкою платы, но все-таки трудненько ему было платить за сына и за дочь, и вотъ тутъ подоспѣла съ помощью Людмила Ивановна. Както разъ проѣздомъ посѣтила отца одна изъ почитавшихъ его старушекъ, не богатая, но и не нуждавшаяся. Узнавъ изъ разговора о затруднительномъ положеніи отца, она взялась обратить на него вниманіе знакомой ей Людмилы Ивановны, обѣщая ей написать.

Конечно, мало ли что говорится, да и съ чего какая-то Людмила Ивановна Рикордъ будетъ помогать неизвѣстному ей человѣку,—такъ думали родители по отъѣздѣ старушки,—но ошиблись. Скоро было получено отъ Людмилы Ивановны доброе сердечное письмо и приложена плата за ученіе сестры.

Чтобы хоть чѣмъ нибудь поблагодарить неизвѣстную благотворительницу, отецъ написалъ письмо, а мать, собравъ кое-что изъ сельскихъ продуктовъ, отправилась къ Л. И., которою и была принята съ рѣдкою простотою и радушіемъ. Подробно и участливо разспросила она мать о семейномъ положеніи и съ самою нѣжною деликатностью дала понять, что она ее не оставитъ.

Крѣпко ободрило отца такое участливое отношеніе къ нему, но прежнія невзгоды по службѣ, вполнѣ имъ не заслуженныя, о которыхъ говорить не время, значительно потрясли его организмъ и онъ вскорѣ умеръ, оставивъ семью буквально безъ копѣйки, да еще съ долгомъ. Какъ ни поразило страшное горе хлопотунью-мать, но она не оставила безъ исполненія завѣтную мысль отца—дочерямъ дать образованіе (сыновья, порядочно учившіеся, были приняты на казенный счетъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ).

Тѣ же Надежда Павловна и Людмила Ивановна помогли матери въ ея хлопотахъ.

Какъ только узнала Надежда Павловна о смерти отца, сейчасъ устроила сестру на казенное, а Людмила Ивановна обѣщала платить за нее. Между тѣмъ Н. П. приняла и другую мою сестру съ платою. Вотъ тутъ и вышло, пожалуй, нѣсколько забавное упрямство добрѣйшихъ старушекъ. Н. П. твердитъ матери: «пусть Оленька будетъ на казенномъ, а Л. И. пусть платитъ за Сашеньку». Людмила Ивановна твердитъ: «Нѣтъ, нѣтъ, я не знаю, почему я полюбила Оленьку (которую она впрочемъ еще и въ глаза не видала) и пусть она будетъ моею пансіонеркою, а Сашенька пусть будетъ на казенномъ»,

и посылаетъ просить объ этомъ къ Н. П., а та отсылаетъ мать, въ свою очередь, съ просьбою къ Л. И. Дѣло, впрочемъ, уладилось скоро и Л. И. просила позволеніе, хотя за Сашеньку, но только внести содержаніе сразу за всѣ шесть лѣтъ воспитанія, что ей, конечно, было позволено и обѣ славныя старушки остались вполнѣ довольны.

Между тѣмъ подросла и еще сестра. Потому ли, что двѣ старшія сестры своими успѣхами и поведеніемъ вполнѣ оправдывали заботы Н. П. о нашей семьѣ или, вѣрнѣе, по ея неистощимой добротѣ, но и она была принята въ училище и опредѣлена на казенное содержаніе безъ особыхъ затрудненій, хотя это было рѣдкимъ явленіемъ, чтобы три сестры воспитывались въ одномъ и томъ же Царскосельскомъ училищѣ, считавшимся такимъ важнымъ въ духовномъ вѣдомствѣ. Таковы были дѣла этихъ добрыхъ почтенныхъ старушекъ,—дѣла, извѣстныя только намъ, а намъ ли только однѣмъ помогали онѣ?!

А вотъ примѣры ихъ личныхъ отношеній къ людямъ. Когда, бывало, ни явится мать къ нимъ, всегда онѣ принимали ее къ себѣ, можно сказать, за-просто, съ такою нѣжною предупредительностью, что даже робкая, угнетенная нуждою, мать чувствовала себя болѣе спокойною.

Только, бывало, при своихъ обходахъ замѣтитъ, Н. П. въ училищѣ мать, пріѣхавшую посѣтить сестеръ, какъ сейчасъ сестрамъ приказъ: «Миленькія, приведите маму ко мнѣ обѣдать» или пить кофе, смотря по времени. Отказаться невозможно. Добрѣйшая старушка не успокоится, пока ея просьба не будетъ исполнена. Миленькія ведутъ, при чемъ, для утѣшенія матери, и сами должны оставаться. И вотъ начинается угощеніе. Добрая старушка изъ всѣхъ силъ хлопочетъ, чтобы гостья не стѣснялась обстановкою, слишкомъ роскошною для сельской попадьи, и ужасно рада, когда гостья принимаетъ угощеніе и чуть не благодаритъ за честь. И такъ при каждомъ посѣщеніи и почти для всѣхъ пріѣхавшихъ бѣдныхъ. По крайней мѣрѣ мать не разъ была у Н. П. въ сообществѣ другихъ бѣдныхъ матерей, изъ которыхъ нѣкоторыя были чуть не въ сарафанѣ и лаптяхъ и всѣ встрѣчали одинаковый привѣтъ и радушіе.

Какъ хотите, невозможно не умилиться предъ такимъ поведеніемъ старушки высокопоставленной, знатной, уважаемой всѣми, лично извѣстной и уважаемой покойнымъ Государемъ. И при всемъ томъ эта старушка оставалась доброй, нѣжно-любящей и чрезвычайно скромной.

Настолько она была обаятельна въ обращеніи, что я самъ, въ то время студентъ,—бурсакъ, изъ подлобья смотрѣвшій на весь міръ, по принципу косо смотрѣвшій на какое-то благоговѣніе предъ генеральшей, съ первой же встрѣчи съ нею окончательно покорился ея обаятельному радушію.

Конечно, какъ только я явился повидаться съ сестрами, я не могъ не встрѣтиться съ Надеждой Павловной, которой, по принципу,

величественно, едва поклонился; но добрая старушка сейчасъ же отозвала сестеръ и начала выпытывать—обѣдалъ ли я; конечно, сейчасъ-же: «Миленькія, пусть придетъ миленькій ко мнѣ непремѣнно». Какъ ни бычится миленькій, но уступаетъ просьбамъ сестеръ и рѣшается отправиться къ генеральшѣ, а чрезъ нѣсколько времени выходитъ положительно разстаявшимъ отъ сердечнаго пріема старушки, которой, при прощаніи, вопреки всѣмъ принципамъ, отъ души чмокаетъ ручку. Да, велико было вліяніе этой святой старушки! Что и говорить, были въ ея управленіи прорѣхи, но все это покрывалось силой ея высокаго нравственнаго вліянія.

Впродолженіе десяти лѣтъ, въ которыя воспитывались подъ ея руководствомъ мои сестры, по ихъ словамъ, въ этомъ закрытомъ заведеніи не случилось ничего такого, что клало бы хотя маленькое пятнышко на нравственную чистоту воспитанницъ ея заведенія. Всѣ воспитанницы, даже такія рѣзвыя, горячія, какъ моя младшая сестра, рѣзко протестовавшія противъ бестактности нѣкоторыхъ классныхъ дамъ, одинаково благоговѣли предъ старушкой-начальницей, одинаково обливались горючими искренними слезами, если она, въ видѣ наказанія, не давала имъ цѣловать свою руку.

Какъ велика была сфера благотворительности Л. И.—сказать трудно,—ужъ очень скромна была она на этотъ счетъ, но видно, что въ эту дѣятельность она клала всю свою душу и отдавала ей все свое время. По крайней мѣрѣ при каждомъ, хотя и не частомъ, посѣщеніи моей матери, Л. И., встрѣчавшая ее просто съ рѣдкимъ радушіемъ, всегда просила ее подождать немножечко, пока она вотъ, вотъ только сбѣгаетъ по одному дѣлу. И каждый разъ въ своемъ скромномъ нарядѣ она куда-то скрывалась—какъ говорили окружающіе—къ бѣднымъ. Считая одну сестру своею пансіонеркою, она вмѣстѣ съ тѣмъ участливо разспрашивала о всей семьѣ и всегда была рада, если кто-нибудь изъ насъ являлся вмѣстѣ съ матерью.

Тутъ она мало что разспроситъ какъ учишься, но непремѣнно постарается какъ-нибудь надѣлить деньгами. Только за часъ до обѣдни трудненько было ее видѣть: она въ это время, какъ разъ сама созналасъ, скрывалась, потому что ей «немножечко хочется побыть одной и приготовиться къ богослуженію».

Вотъ и все! Кажется ничего замѣчательнаго?!, но не къ тому ли и стремились наши старушки, чтобы люди не замѣчали ихъ дѣятельности, а только Отецъ Небесный; въ настоящее же время и незамѣчательность ихъ, пожалуй, замѣчательна среди новаго направленія благотворительности.

С. И. Аландскій.

С.-Петербургъ,
5-го октября 1883 г.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ ОТЪ ГОСТОМЫСЛА

съ IX по XIX в.

ШУТКА-ПОЭМА

Графа Алексѣя Константиновича Толстого.

1868 г.

Въ обширномъ собраніи матеріаловъ для исторіи отечественной словесности въ „Русской Старинѣ" (1870—1883 гг.) помѣщенъ длинный рядъ такихъ произведеній, которыя, до появленія ихъ на стр. нашего спеціальнаго журнала, расходились по всей грамотной Россіи во множествѣ списковъ.

Таковы многія басни И. И. Хемницера, „Вадимъ" трагедія Я. Б. Княжнина, „Подщипа" или „Трумпфъ" шуто трагедія И. А. Крылова, Лубочный театръ А. С. Грибоѣдова, басни и шутки А. Е. Измайлова, „Домъ Сумасшедшихъ" А. Ѳ. Воейкова, многія стихотворенія К. Ѳ. Рылѣева, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, кн. А. И. Одоевскаго, гр. Е. П. Ростопчиной; „Солдатская сказка" Ѳ. А. Чернышева, „Маіоръ" П. А. Ѳедотова, шутки и эпиграммы Н. Ѳ. Щербины, Севастопольская пѣсня гр. Л. Н. Толстого, „Крокетъ" стихотв. И. С. Тургенева, „Сонъ Попова" шутка-поэма графа А. К. Толстого и многія другія.

Къ этому ряду прекрасныхъ произведеній отечественныхъ талантливыхъ писателей должно присоединить одну изъ самыхъ добродушныхъ и веселыхъ шутокъ-поэмъ гр. А. К. Толстого: „Русская исторія отъ Гостомысла". Любя отечество, постоянно изучая его минувшій бытъ по источникамъ, поэтъ воспроизвелъ его въ нѣсколькихъ сочиненіяхъ, составляющихъ драгоцѣнное достояніе отечественной словесности. Но рядомъ съ произведеніями, можно сказать, классическими, гр. А. К. Толстой любилъ шутку и умѣлъ шутить умно, талантливо, необыкновенно добродушно и весело. Такова его „Русская исторія отъ Гостомысла". Отрывки изъ этого стихотворенія являлись уже въ печати, но полнаго текста, сколько помнимъ, еще не было издано. Чтобы устранить возможность дальнѣйшаго его распространенія въ спискахъ малограмотныхъ и неточныхъ, мы приводимъ здѣсь текстъ этой шутки, внимательно провѣривъ его по нѣсколькимъ исправнымъ копіямъ. Ред

ГРАФЪ АЛЕКСѢЙ КОНСТАНТИНОВИЧЪ ТОЛСТОЙ

† 1875 г.

Русская исторія отъ Гостомысла.

862—1868.

—«Вся земля наша велика и обилна, а наряда въ ней нѣтъ».
Несторъ, лѣтопись, стр. 8.

1.

Послушайте, ребята,
Что вамъ разскажетъ дѣдъ.
Земля наша богата,
Порядка въ ней лишь нѣтъ.

2.

А эту правду, дѣтки,
За тысячу ужъ лѣтъ
Смекнули наши предки:
Порядку-де, вишь, нѣтъ.

3.

И стали всѣ подъ стягомъ,
И молвятъ: „какъ намъ быть?
„Давай, пошлемъ къ Варягамъ:
„Пускай придутъ княжить.

4.

„Вѣдь нѣмцы тароваты,
„Имъ вѣдомъ мракъ и свѣтъ,
„Земля жъ у насъ богата,
„Порядка въ ней лишь нѣтъ“.

5.

Посланцы скорымъ шагомъ
Отправились туда
И говорятъ Варягамъ:
„Придите, господа!

6.

„Мы вамъ отсыплемъ злата,
„Что кіевскихъ конфектъ;
„Земля у насъ богата,
„Порядка въ ней лишь нѣтъ“.

7.

Варягамъ стало жутко:
„Ну, думаютъ, чтожъ тутъ?
„Попытка вѣдь не шутка—
„Пойдемъ, когда зовутъ!“

8.

И вотъ пришли три брата,
Варяги среднихъ лѣтъ,
Глядятъ—земля богата,
Порядка—вовсе нѣтъ.

9.

„Ну, думаетъ команда,
„Здѣсь ногу сломитъ чортъ,
„Es ist ja eine Schande,
„Wir müssen wieder fort“ [1]).

10.

Но братецъ старшій Рюрикъ,
„Постой“, сказалъ другимъ,
„Fortgehen ungebürlich,
„Vielleicht ist's nicht so schlimm [2]).

---

[1]) Вѣдь это срамъ—мы опять должны уйти!
[2]) Уйти недостойно, можетъ быть не такъ плохо!

11.

„Хоть вшивая команда,
„Почти одна лишь шваль;
„Wir bringen's schon zum Stande,
„Versuchen wir einmal“ [1]).

12.

И сталъ княжить онъ сильно;
Княжилъ семнадцать лѣтъ;
Земля была обильна,
Порядка жъ нѣтъ какъ нѣтъ!

13.

За нимъ княжилъ князь Игорь,
А правилъ имъ Олегъ,
Es war ein grosser Krieger [2])
И умный человѣкъ.

14.

Потомъ княгиня Ольга,
А послѣ Святославъ;
So ging die Reienfolge [3])
Языческихъ державъ.

15.

Когда взошелъ Владиміръ
На свой отцовскій тронъ,
Da endigte für immer
Die alte Religion [4]).

16.

Онъ вдругъ сказалъ народу:
„Вѣдь наши боги дрянь,
„Пойдемъ креститься въ воду!“
И сдѣлалъ тамъ Іордань.

---

[1]) Мы еще справимся, попробуемъ немножко.
[2]) Онъ былъ великій воинъ.
[3]) Такова была очередь или таковъ былъ порядокъ.
[4]) И былъ конецъ навсегда старой вѣрѣ.

17.

„Перунъ ужъ очень гадокъ!
„Когда его спихнемъ,
„Увидите, порядокъ
„Какой мы заведемъ!“

18.

Послалъ онъ за попами
Въ Аѳины и Царьградъ,
Попы пришли толпами,
Крестятся и кадятъ,

19.

Поютъ себѣ умильно
И помнютъ свой кисетъ;
Земля, какъ есть, обильна,
Порядка только нѣтъ.

20.

Умре Владиміръ съ горя,
Порядка не создавъ.
За нимъ княжить сталъ вскорѣ
Великій Ярославъ.

21.

Оно, пожалуй, съ этимъ
Порядокъ бы и былъ;
Но изъ любви онъ къ дѣтямъ
Всю землю раздѣлилъ.

22.

Плоха была услуга,
А дѣти, видя то,
Давай тузить другъ друга:
Кто какъ и чѣмъ во что!

23.

Узнавши то, Татары
„Ну, думаютъ, не трусь!“
Надѣли шаровары,
Пріѣхали на Русь.

24.

„Отъ вашего, молъ, спора
Земля пошла вверхъ дномъ,
Постойте-жъ мы вамъ вскорѣ
Порядокъ заведемъ“.

25.

Кричатъ: „давайте дани!“
(Хоть вонъ святыхъ неси)
Тутъ много всякой дряни
Настало на Руси.

26.

Что день, то братъ на брата
Въ орду несетъ извѣтъ;
Земля, кажись, богата—
Порядка-жь просто нѣтъ.

27.

Иванъ явился третій;
Онъ говоритъ: „шалишь!
Ужъ мы теперь не дѣти!“
Послалъ Татарамъ шишъ.

28.

И вотъ земля свободна
Отъ всякихъ золъ и бѣдъ
И очень хлѣбородна,
А все-жъ порядка нѣтъ.

29.

Насталъ Иванъ четвертый,
Онъ третьему былъ внукъ;
Калачъ на царство тертый
И многихъ женъ супругъ.

30.

Иванъ Васильичъ Грозный
Ему былъ имя рекъ;
За то, что былъ серiозный,
Солидный человѣкъ.

31.

Пріемами не сладокъ,
Но разумомъ не хромъ;
Такой завелъ порядокъ,
Хоть покати шаромъ!

32.

Жить можно бы безпечно
При этакомъ царѣ;
Но ахъ! ничто не вѣчно—
И царь Иванъ помре.

33.

За нимъ царить сталъ Өедоръ,
Отцу живой контрастъ;
Былъ разумомъ не бодеръ,
Трезвонить былъ гораздъ.

34.

Борисъ-же, царскій шуринъ,
Не въ шутку былъ умёнъ,
Брюнетъ, лицомъ не дуренъ,
И сѣлъ на царскій тронъ.

35.

При немъ пошло все гладко,
Не стало прежнихъ золъ,
Чуть-чуть было порядка
Въ странѣ онъ не завелъ.

36.

Къ несчастью, самозванецъ,
Откуда ни возмись,
Такой задалъ намъ танецъ,
Что умеръ царь Борисъ.

37.

И на Бориса мѣсто
Взобравшись, сей нахалъ
Отъ радости съ невѣстой
Ногами заболталъ.

38.

Хоть былъ онъ парень бравый
И даже не дуракъ,
Но подъ его державой
Сталъ бунтовать Полякъ.

39.

И то намъ не по сердцу;
И вотъ, однажды въ ночь
Мы задали имъ перцу,
И всѣхъ прогнали прочь.

40.

Взошелъ на тронъ Василій,
Но вскорѣ всей землей
Его мы попросили,
Чтобъ онъ сошелъ долой.

41.

Вернулися Поляки,
Казаковъ привели;
Пошелъ сумбуръ и драки:
Поляки и казаки,

42.

Казаки и Поляки,
Насъ паки бьютъ и паки;
Мы-жъ безъ царя какъ раки
Горюемъ на мели.

43.

Прямыя были страсти,—
Порядка-жъ ни на грошъ.
Извѣстно, что безъ власти
Далеко не уйдешь.

44.

Чтобъ тронъ поправить царскій
И вновь царя избрать
Тутъ Мининъ и Пожарскій
Скорѣй собрали рать.

45.

И выгнала ихъ сила
Поляковъ снова вонъ,
Земля же Михаила
Взвела на русскій тронъ.

46.

Свершилося то лѣтомъ;
Но былъ-ли уговоръ—
Исторія объ этомъ
Молчитъ до этихъ поръ.

47.

Варшава намъ и Вильна
Прислали свой привѣтъ;
Земля была обильна—
Порядка-жъ нѣтъ, какъ нѣтъ.

48.

Сѣлъ Алексѣй на царство;
Тогда роди Петра.
Пришла для государства
Тутъ новая пора.

49.

Царь Петръ любилъ порядокъ
Почти какъ царь Иванъ,
И также былъ онъ сладокъ,
Порой бывалъ и пьянъ.

50.

Онъ молвилъ: «мнѣ васъ жалко,
Вы сгинете въ конецъ;
Но у меня есть палка,
И я вамъ всѣмъ отецъ!..

51.

Не далѣе какъ къ святкамъ
Я вамъ порядокъ дамъ!»
И тотчасъ за порядкомъ
Уѣхалъ въ Амстердамъ.

52.

Вернувшися оттуда,
Онъ гладко насъ обрилъ,
А къ святкамъ такъ что чудо
Въ голландцевъ нарядилъ.

53.

Но это впрочемъ въ шутку,
Петра я не виню:
Больному дать желудку
Полезно ревеню.

54.

Хотя силенъ ужъ очень
Былъ, можетъ быть, пріемъ;
А все жъ довольно прочень
Порядокъ былъ при немъ.

55

Но сонъ объялъ могильный
Петра во цвѣтѣ лѣтъ,
Глядитъ, земля обильна,
Порядка жъ снова нѣтъ.

56.

Тутъ крѣпко или строго
Царило много лицъ,
Царей не слишкомъ много,
А болѣе царицъ.

57.

Биронъ царилъ при Аннѣ;
Онъ сущій былъ жандармъ,
Сидѣли мы какъ въ ваннѣ
При немъ, dass Gott erbarm! [1])

58.

Веселая царица
Была Елисаветъ:
Поетъ и веселится,
Порядка только нѣтъ.

59.

Какая жъ тутъ причина
И гдѣ же корень зла,
Сама Екатерина
Постигнуть не могла.

60.

«Madame, при васъ на диво
Порядокъ зацвѣтетъ»,
Писали ей учтиво
Вольтеръ и Дидеротъ,

61.

«Лишь надобно народу,
Которому вы мать,
Скорѣе дать свободу,
Скорѣй свободу дать».

62.

„Messieurs, имъ возразила
Она, vous me comblez“ [2]),
И тотчасъ прикрѣпила
Украинцевъ къ землѣ.

---

[1]) Помилуй Богъ!
[2]) Господа, я весьма тронута.

63.

За ней царить сталъ Павелъ,
Мальтійскій кавалеръ,
Но не совсѣмъ онъ правилъ
На рыцарскій манеръ.

64.

Царь Александеръ первый
Насталъ ему взамѣнъ,
Въ немъ слабы были нервы,
Но былъ онъ джентльменъ.

65.

Когда на насъ въ азартѣ
Стотысячную рать
Надвинулъ Бонапарте,
Онъ началъ отступать.

66

Казалося, ну, ниже
Нельзя сидѣть въ дырѣ,
Анъ, глядь: ужъ мы въ Парижѣ,
Si Louis le désirait [1]).

67.

Въ то время очень сильно
Разцвѣлъ въ Россіи цвѣтъ,
Земля была обильна,
Порядка-жъ нѣтъ, какъ нѣтъ

68.

Послѣднее сказанье
Я бъ написалъ еще,
Но чаю наказанье,
Боюсь monsieur Veliot.

---

[1]) Какъ того пожелалъ Людовикъ.

69.

Ходить бываетъ склизко
По камешкамъ иными,
И такъ о томъ, что близко,
Мы лучше умолчимъ.

70.

Оставимъ лучше троны,
Къ министрамъ перейдемъ,
Но что я слышу? стоны,
И крики, и содомъ!

71.

Что вижу я! Лишь въ сказкахъ
Мы зримъ такой нарядъ;
На маленькихъ салазкахъ
Министры всѣ катятъ.

72.

Съ горы со крикомъ громкимъ
In corpore [1]) сполна,
Скользя, своихъ потомковъ
Уносятъ и меня.

73.

Се Норовъ, се П...тинъ,
Се Панинъ, се М...инъ,
Се Брокъ и се Замятнинъ,
Се Корфъ, се ......инъ.

74.

Ихъ много, очень много,
Припомнить всѣхъ нельзя
И внизъ одной дорогой
Летятъ они скользя.

---

[1]) Въ полномъ составѣ.

75.

Я грѣшенъ: лѣтописный
Я позабылъ свой слогъ;
Картинѣ живописной
Противостать не могъ.

76.

Лиризмъ на все способный,
Знать, у меня въ крови:
О Несторъ преподобный,
Меня ты вдохнови.

77.

Поуспокой мнѣ совѣсть,
Мое усердье зря,
И дай свою мнѣ повѣсть
Окончить не хитря.

78.

И такъ, начавши снова,
Столбецъ кончаю свой
Отъ Рождества Христова
Въ годъ шестьдесятъ восьмой.

79.

Увидя, что все хуже
Идутъ у насъ дѣла,
Зѣло изрядна мужа
Господь намъ ниспосла.

80.

На утѣшенье наше
Намъ, аки свѣтъ зари,
Свой ликъ яви .....евъ,
Порядокъ водвори.

81.

Что азъ же многогрѣшный
На бренныхъ сихъ листахъ
Не дописахъ поспѣшно,
Или переписахъ,

82.

То спереди, то сзади
Читая во всѣ дни,
Поправь ты, правды ради,
Писанье же не кляни.

83.

Составилъ отъ былинокъ
Разсказъ немудрый сей
Худый смиренный инокъ,
Рабъ божій Алексій.

Графъ А. К. Толстой

1868 г.

Изъ эпохи Венгерской войны.

1849 г.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1882 г., томъ XXXV, іюль, стр. 101, напечатано: «Въ главной квартирѣ произошла дуэль между гусарскимъ офицеромъ княземъ Горчаковымъ и австрійскимъ офицеромъ Маракези, кончившаяся смертью послѣдняго, хотя была вызвана причинами, совершенно ничтожными».

Обстоятельство дѣла было такъ: въ кондитерской въ Гросъ Вардейнѣ было много офицеровъ русскихъ и австрійцевъ; поручикъ Карпи изюмскаго гусарскаго полка подошелъ къ хозяйкѣ, чтобы расплатиться, гдѣ въ это время стоялъ австрійскій офицеръ не Марокези, а Макези, и подавалъ для расплаты кашутовку, хозяйка сказала; „попрошу васъ дать монету, такъ какъ неизвѣстно будутъ ли ходить эти бумажки“. На это Макези сказалъ ей по-нѣмецки, вѣроятно полагалъ, что стоящій тутъ русскій офицеръ не пойметъ, и видя, что тотъ расплачивается золотомъ, „у меня нѣтъ золота, оно все теперь у наемщиковъ“; на это Карпи отвѣчалъ: «я удивляюсь, что вы можете это говорить, видя, что я плачу золотомъ, и если это относится къ намъ, русскимъ, то тѣмъ хуже еще ваше выраженіе“.

Макези: „если вы считаете себя обиженнымъ, то я готовъ дать вамъ удовлетвореніе“. Карпи сказалъ: «съ такими неблагодарными скотами, какъ австрійцы, не стоитъ стрѣляться», плюнулъ и хотѣлъ выйдти изъ кондитерской, но въ это время подскочилъ къ нему нашъ конно-артиллерійскій поручикъ С. и сказалъ: «отчего вы не принимаете дуэль отъ австрійца?» «Что я не трусъ, такъ это можетъ вамъ служить доказательствомъ то, что я принимаю дуэль отъ австрійца, а чтобъ вы не мѣшались въ мое дѣло, то и отъ васъ». Дѣло закипѣло, какъ говорится: посланы были секунданты и австріецъ ни за что не хотѣлъ стрѣляться, и требовалъ дуэли на сабляхъ, но какъ у насъ такая дуэль не принята, то смѣялись и говорили: лучше на пикахъ! но наконецъ таки убѣдили австрійца, что слѣдуетъ стрѣляться. Вѣроятно объ этой дуэли узнало и начальство, потому что Карпи былъ въ 1 эскадронѣ, а первый дивизіонъ Изюмскаго полка на другой день долженъ былъ идти въ Аротъ для пріема плѣнныхъ,—какъ вдругъ пріѣзжаетъ къ полковому командиру военный полиціймейстеръ генералъ Бевотъ и говоритъ, чтобъ сейчасъ поручика Карпи перевели изъ перваго дивизіона, чтобы онъ могъ остаться въ Гросъ-Вардейнѣ, что и было исполнено и Карпи былъ переведенъ въ 6 эскадронъ, которымъ командовалъ я. На другой день дуэль состоялась и Макези былъ убитъ. Когда Карпи упрекнули, зачѣмъ онъ цѣлилъ въ сердце, а не въ ногу или руку, то Карпи хладнокровно отвѣтилъ: „я бы и съ перваго разу его положилъ, да пистолеты незнакомы (пистолеты были австрійскіе)“.

По вступленіи въ Россію, Карпи былъ арестованъ и три дня шелъ за ящикомъ,—вотъ и все наказаніе.

Замѣчательно, что на этой дуэли присутствовали не одни секунданты и было очень много русскихъ и австрійскихъ офицеровъ; точно будто рѣшалось дѣло между этими двумя націями.

Вакселъ.

6-го іюля 1882 г.

О ВОЗОБНОВЛЕНИИ ПАМЯТНИКА НА ОБЩЕЙ МОГИЛѢ

АРТЕМІЯ ВОЛЫНСКАГО, ЕРОПКИНА И ХРУЩОВА

† 27-го іюня 1740 г.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1883 г., октябрь, мы помѣстили приглашеніе на подписку о возобновленіи памятника на этой вполнѣ исторической могилѣ достопамятныхъ русскихъ людей.

Нынѣ получено нами отъ Никанора Петровича Конопатова, изъ Москвы, на этотъ предметъ сто рублей, при слѣдующемъ письмѣ:

„Г. редакторъ! Прилагая при этомъ письмѣ сто рублей, я покорно прошу васъ, милостивый государь, употребить ихъ на возобновленіе памятника на могилѣ „страстотерпцовъ-мучениковъ“ А. П. Волынскаго, Хрущова и Еропкина.

Прошу принять увѣреніе въ глубокомъ уваженіи и сердечной благодарности за вашу инціативу по этому дѣлу. Н. П. Конопатовъ“.

Кромѣ того получено:

Отъ В. С. И—ва	. . . . .	10 руб.
„ Н. К. Ш—ра	. . . . .	10 „
„ А. С. Л—го	. . . . .	2 „
„ Я—на	. . . .	10 „

А всего съ прежде полученными 182 руб.

„Крокетъ“ И. С. Тургенева.

Въ примѣчаніи къ стихотворенію „Крокетъ въ Виндзорѣ“ (окт. „Русская Старина“) между прочимъ упоминается, что это стихотвореніе, кажется, было помѣщено раньше въ ж. „Народное Богатство“ въ 1879 г., на самомъ дѣлѣ оно появилось впервые въ печати въ 1881 г. въ № 3 кн. ж. „Слово“ за мартъ мѣсяцъ.

Ник. В—чъ.

ХРАМЪ ВОСКРЕСЕНІЯ ХРИСТОВА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

НА МѢСТѢ СОБЫТІЯ 1-ГО МАРТА 1881 Г.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» ИЗД. 1883 Г.

Отъ Комитета Общества пособія несовершеннолѣтнимъ, освобождаемымъ изъ мѣстъ заключенія.

ВЪ ПАМЯТЬ ЧЛЕНА ОБЩЕСТВА И. С. ТУРГЕНЕВА

просятъ сдѣлать пожертвованіе убѣжищу для малолѣтнихъ.

«И кто приметъ одно такое дитя во имя Мое, тотъ меня принимаетъ».
(Еванг. Матѳ. 18—5).

Среди обширнаго люда, каждогодно освобождаемаго изъ тюремъ, есть одна категорія лицъ, многими особенностями своими отличающаяся отъ остальнаго тюремнаго населенія,—это лица, не достигшія совершеннолѣтняго возраста. Къ числу этихъ лицъ принадлежатъ преимущественно дѣти, которыхъ нуждающееся въ отхожихъ промыслахъ крестьянское населеніе высылаетъ изъ деревень въ столицу для обученія ремесламъ или промысламъ, съ цѣлью пріобрѣтенія заработка. Не всѣмъ прибывшимъ съ такими намѣреніями въ Петербургъ дѣтямъ выпадаетъ счастливая доля устроиться какъ слѣдуетъ. Очень часто предоставленныя своимъ слабымъ силамъ, лишенныя способности яснаго пониманія значенія окружающей ихъ обстановки и не обладая при этомъ развитою и окрѣпшею волею, дѣти эти, подъ вліяніемъ непривычныхъ для нихъ условій столичной жизни, и не имѣя надлежащаго руководительства, сбиваются съ правильнаго пути жизни и такимъ образомъ легко попадаютъ на скамью подсудимыхъ. Самое свойство обыкновенно совершаемыхъ ими въ первый разъ преступленій свидѣтельствуетъ о томъ, что легкомысліе и неразуміе составляютъ главные элементы ихъ преступной воли. Они начинаютъ чаще всего свою неразумную дѣятельность съ мелкихъ кражъ съѣстныхъ припасовъ, носимаго платья или ничтожныхъ денегъ, достаточныхъ лишь для покупки лакомства. Происходящія въ уголовныхъ судахъ судебныя разбирательства этихъ дѣлъ обнаруживаютъ содержательный матеріалъ для вѣрнаго опредѣленія преступнаго значенія корыстныхъ побужденій, руководящихъ такими дѣйствіями несовершеннолѣтнихъ. Оказывается, что почти всѣ несовершеннолѣтніе, совершающіе преступленія, живутъ при условіяхъ, гибельно дѣйствующихъ на развитіе нравственной ихъ стороны, и что нерѣдко только исключительными обстоятельствами ихъ ненормальной житейской обстановки, а отнюдь не развращенностію ихъ личности, приходится объяснять совершеніе ими перваго преступленія.

Въ виду этого многіе изъ нихъ выходятъ изъ суда оправданными,

многіе признаются дѣйствовавшими безъ разумѣнія и только небольшая, сравнительно, часть приговаривается къ наказаніямъ (чаще всего къ заключенію въ тюрьмѣ, или къ отдачѣ въ исправительную земледѣльческую колонію). Но не смотря на разницу существа постановляемыхъ о несовершеннолѣтнихъ приговоровъ, въ дѣйствительности всѣ тѣ изъ нихъ, которые заключены были судебнымъ слѣдователемъ подъ стражу, подвергаются, по выходѣ на свободу, однимъ и тѣмъ же тяжкимъ послѣдствіямъ своего заключенія. Всѣ они, въ концѣ концовъ, встрѣчаются лицомъ къ лицу съ несравненно худшими условіями жизни, чѣмъ тѣ, среди которыхъ они жили раньше, до лишенія ихъ свободы. Куда пойдетъ выпущенный изъ тюрьмы малолѣтній? Къ чьей помощи прибѣгнетъ онъ для того, чтобы удовлетворить первые позывы къ пищѣ, пріютиться куда либо отъ мороза или непогоды, замѣнить возвращенныя ему обратно изъ тюрьмы рубища необходимымъ для обихода платьемъ и пріобрѣсти обыкновенно не имѣющійся у нихъ или находящійся въ безпорядкѣ видъ на жительство? Гдѣ будетъ онъ искать себѣ заработка, который бы удовлетворялъ необходимымъ потребностямъ его жизни и затѣмъ помогъ ему твердо стать на ноги? Если у него прежде и были лица, которыя кормили его, то мало вѣроятія, чтобы онъ нашелъ въ нихъ вновь, по выходѣ изъ тюрьмы, готовность прійдти къ нему на помощь. Эти лица бываютъ часто потерпѣвшими отъ его проступка лицами и слѣдовательно питающими къ нему чувство злобы. Но и независимо отъ этого, не скоро забудется, что онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ и испыталъ на себѣ вліяніе пагубныхъ условій тюремной жизни. Никто не будетъ производить изслѣдованій о томъ, оправданъ ли онъ, или осужденъ, признанъ ли судомъ дѣйствовавшимъ съ разумѣніемъ или безъ разумѣнія, въ чемъ заключалась сущность совершеннаго имъ преступленія и не было ли такихъ исключительныхъ и тяжкихъ условій въ его жизни, которыя, если и не могутъ служить основаніемъ къ совершенному оправданію его преступленія, то все таки въ значительной степени объясняютъ, почему его молодыя и не окрѣпшія силы не устояли въ борьбѣ съ преступными побужденіями. Предъ слабымъ, не знающимъ жизни и не имѣющимъ въ обществѣ никакой поддержки несовершеннолѣтнимъ, будутъ почти обыкновенно закрываться тѣ двери, чрезъ которыя онъ попытается войти для того, чтобы пріискать себѣ работу. Можно съ увѣренностію сказать, что положеніе такихъ освобожденныхъ изъ тюремъ лицъ безвыходное и крайнее.

Но не одно только чувство состраданія, не одно только требованіе христіанской нравственности побуждаютъ прійти на помощь къ этому люду. Побуждаютъ къ тому, кромѣ того, интересы чисто прак-

тическаго свойства—интересы общественной безопасности. Судебная уголовная практика всѣхъ странъ показываетъ, что самые опытные и опасные для общества преступники образуются изъ тѣхъ лицъ, которыя начинаютъ совершать преступленія съ молодыхъ лѣтъ. Освобожденные изъ тюремъ и предоставленные на произволъ судьбы, лица эти естественно ставятся въ роковую необходимость путемъ совершенія новыхъ преступленій поддерживать свое существованіе. Тѣ чувства недовѣрія, предубѣжденія и недоброжелательства, которыя они привыкли видѣть по отношенію къ себѣ съ раннихъ лѣтъ своей жизни, возбуждаютъ въ нихъ озлобленіе и безсердечіе, отражающіяся на энергіи и характерѣ ихъ всей дальнѣйшей преступной дѣятельности. Вслѣдствіе этого мало по малу изъ нихъ вырабатывается типъ самыхъ страшныхъ и враждебныхъ обществу людей. Ускользая отъ бдительности полицейской власти, люди эти безнаказанно совершаютъ свои преступленія, а если и попадаютъ подъ дѣйствіе уголовной кары, то оказываются уже не поддающимися вліянію тѣхъ пенитенціарныхъ исправительныхъ средствъ, которыми располагаетъ наша современная тюрьма. Отсюда понятно до какой степени велико и плодотворно значеніе той благотворительной дѣятельности, которая имѣетъ цѣлью предупредить развитіе преступленій посредствомъ оказанія своевременной и цѣлесообразной помощи тѣмъ освобожденнымъ изъ тюремъ несовершеннолѣтнимъ, которые имѣютъ намѣреніе приняться за честный трудъ, но собственными усиліями добыть себѣ его не могутъ.

Съ цѣлью оказанія такой помощи несовершеннолѣтнимъ, въ 1879 году основалось въ Петербургѣ особое благотворительное Общество подъ названіемъ «Общество пособія несовершеннолѣтнимъ, освобождаемымъ изъ мѣстъ заключенія» [1]). Попеченіе свое Общество это распространяетъ только на тѣхъ изъ несовершеннолѣтнихъ, которые своимъ поведеніемъ подаютъ надежду на возможность нравственнаго исправленія и возвращенія къ честному труду, и притомъ какъ на тѣхъ, которые освобождены изъ тюремъ вслѣдствіе состоявшагося о нихъ оправдательнаго приговора, такъ и на тѣхъ, которые освобождаются изъ тюремъ по отбытіи ими наказанія. Для достиженія своихъ цѣлей Общество заботится главнымъ образомъ о пріисканіи принятымъ на ея попеченіе лицамъ мѣстъ служенія или

[1]) До сихъ поръ это Общество представляется въ Петербургѣ единственнымъ посвящающимъ свою дѣятельность исключительно для оказанія помощи несовершеннолѣтнимъ, освобождаемымъ изъ мѣстъ заключенія. Не слѣдуетъ смѣшивать его съ Обществомъ земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ въ устраиваемыхъ заведеніяхъ котораго несовершеннолѣтніе помѣщаются по приговору суда для отбытія наказанія въ замѣнъ тюремнаго заключенія.

занятій; до пріисканія таковыхъ помѣщаетъ несовершеннолѣтнихъ въ устроенное для сего убѣжище, Фонтанка домъ, № 141, и кромѣ того оказываетъ имъ посильную матеріальную поддержку, снабжая ихъ платьемъ и дѣлая денежныя затраты для полученія ими вида на жительство. Несовершеннолѣтнихъ же, могущихъ быть отправленными обратно въ свою семью, на родину, въ провинцію, снабжаетъ билетами на проѣздъ по желѣзной дорогѣ. Принявъ несовершеннолѣтнихъ подъ свое покровительство, Общество изыскиваетъ способы для наблюденія за ними и послѣ устройства ихъ судьбы. Для предоставленія членамъ Общества возможности отправленія столь много объемлющей благотворительной дѣятельности, Уставъ Общества предоставляетъ членамъ его право посѣщать, по билетамъ, выдаваемымъ комитетомъ Общества, тюрьмы, въ коихъ содержатся несовершеннолѣтніе, для предварительнаго ближайшаго съ ними ознакомленія.

Членами означеннаго Общества могутъ быть лица обоего пола, принимающія на себя обязанность вносить ежегодно не менѣе десяти руб. или содѣйствовать достиженію цѣлей Общества посредствомъ личныхъ трудовъ или пріема на свое попеченіе освобождаемыхъ изъ заключенія несовершеннолѣтнихъ. Единовременный взносъ въ сто руб. освобождаетъ отъ каждогодняго взноса.

Въ виду высокаго жизненнаго значенія преслѣдуемыхъ Обществомъ цѣлей, Комитетъ общества обращается ко всѣмъ лицамъ, сочувственно относящимся къ устройству судьбы несовершеннолѣтнихъ, съ покорнѣйшею просьбою оказать Обществу свою посильную помощь, въ формѣ ли участія личною дѣятельностію своею въ дѣлахъ его, или посредствомъ матеріальныхъ пожертвованій.

Не смотря на недолгій періодъ существованія своего, Общество успѣло уже проявить свою дѣятельность въ осязаемыхъ результатахъ, оказывая свою поддержку до 126 несовершеннолѣтнимъ каждогодно имъ призрѣваемымъ. Въ текущемъ 1883 году Общество удостоилось высокаго счастія обратить на себя Августѣйшее вниманіе Царственной четы: Государь Императоръ пожертвовалъ 500 руб., Государыня Императрица 300 руб. на пользу Общества.

Съ пожертвованіями или личными заявленіями слѣдуетъ обращаться: къ Казначею Общества, Льву Карловичу Гернету, котораго постоянно можно видѣть кромѣ праздничныхъ дней отъ 1 до 4 часа дня въ Главномъ Тюремномъ Управленіи; 2) къ Секретарю общества Сергѣю Осиповичу Константинову, живущему на углу Вознесенской улицы и Вознесенскаго переулка въ д. № 4; 3) къ Попечительницѣ Убѣжища Елисаветѣ Евгеньевнѣ Вагановой, живущей по Крюкову каналу, на углу Мойки, въ домѣ № 15/98, и 4) къ предсѣдателю общества Николаю Ивановичу Стояновскому (Надеждинская, № 20).

отрядовъ и потерпѣлъ неудачу вслѣдствіе какихъ либо мѣстныхъ препятствій, то другіе могли бы поправить дѣло. Отрядъ кавказскихъ войскъ предполагалось двинуть изъ Чекишляра, подъ начальствомъ Маркозова. Неудачный ходъ подготовительныхъ операцій, и въ особенности недостатокъ верблюдовъ побудили кавказское начальство сформировать на-скоро другой отрядъ, подъ начальствомъ Ломакина, а авторъ былъ начальникомъ штаба отряда. Гродековъ въ своей книгѣ описываетъ подробно и безпристрастно разбираетъ причины неудачи, постигшей отрядъ Маркозова. Еще бо́льшій интересъ возбуждаетъ его изложеніе страданій и лишеній, которыя перенесъ отрядъ Ломакина, и побѣду одержанную нравственною природою русскаго человѣка надъ всѣми ужасами пустыни.

Вмѣстѣ съ авторомъ мы можемъ смѣло сказать, что походъ кавказскаго отряда невозможно сравнивать съ другими, когда-либо произведенными, такъ какъ обстановка, при которой совершался хивинскій походъ, единственная въ исторіи регулярныхъ армій. Войска въ этомъ походѣ добыли себѣ чести и славы, а государю своему пріобрѣли новаго вассала и обширную область.

Книга Гродекова представляетъ вполнѣ обработанный, критически провѣренный, матеріалъ во всемъ, что касается дѣйствій кавказскихъ войскъ въ хивинскую экспедицію. Чтеніе ея представляетъ глубокій интересъ для изучающихъ наше движеніе въ Среднюю Азію, наглядно показываетъ, что не только дисциплина и усовершенствованное оружіе, но главнымъ образомъ нравственная сила русскаго народа дали намъ побѣду и надъ природою, и надъ непріятелемъ въ Средней Азіи.

Война въ Туркменіи. Походъ Скобелева въ 1880—1881 гг. Соч. Н. И. Гродекова. Т. I-й. Спб. 1883 г. Цѣна 2 руб. 50 коп. съ пересылкою.

Наше движеніе въ Туркестанѣ въ послѣднія 20 лѣтъ представляетъ громадное значеніе для судебъ нашего отечества. Между тѣмъ мы не имѣемъ до сихъ поръ не только полнаго изслѣдованія этого движенія, но и отдѣльные эпизоды, такіе, какъ хивинскій походъ, до сихъ поръ не освѣщены надлежащимъ образомъ. Пока мы имѣемъ лишь отдѣльныя описанія различныхъ эпизодовъ изъ того или другого событія въ видѣ замѣтокъ частныхъ лицъ, которыя имѣютъ значеніе сырого матеріала для будущаго историка.

Въ другомъ положеніи находится исторія нашего движенія въ Закаспійскомъ краѣ. Выходящее въ свѣтъ сочиненіе Н. И. Гродекова: Война въ Туркменіи, походъ Скобелева 1880—1881 гг. представляетъ вполнѣ обработанную монографію не только по исторіи этого похода, но обнимаетъ сношенія наши съ туркменами и очеркъ ихъ исторіи отъ времени Петра Великаго до 1881 года. Этотъ трудъ Гродекова заключаетъ въ себѣ описаніе страны и народа, до сихъ поръ еще мало извѣстныхъ; изложеніе всѣхъ политическихъ вопросовъ, которые находятся въ связи съ этою страною и военными событіями въ краѣ. По богатству фактовъ, полнотѣ изложенія, многосторонности и безпристрастію, а также по времени своего появленія, сочиненіе Гродекова представляетъ выдающееся явленіе въ нашей исторической и въ особенности военно-исторической литературѣ. Его книга можетъ быть рекомендована всѣмъ интересующимся нашимъ движеніемъ въ Азіи. Книга Гродекова показываетъ, что̀ нужно дѣлать, чтобы сберечь драгоцѣнную жизнь и достояніе русскихъ людей при достиженіи великихъ задачъ, назначенныхъ Провидѣніемъ для Россіи на благо человѣчества. Книга написана чистымъ и яснымъ языкомъ, при этомъ она издана, можно сказать, роскошно. Чтеніе ея облегчается хорошо составленными картами и планами. Пожелаемъ возможно широкаго распространенія этой книги во всѣхъ слояхъ русскаго общества и въ особенности въ кругу правящихъ классовъ.

Продолженіе этого военно-историческаго сочиненія печатается и выйдетъ въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени. Тому же автору принадлежитъ книга: «Черезъ Афганистанъ» цѣна 2 руб.

Н. В.

Народные музыкальные инструменты. Спб. 1884 г., стр. 56. Изслѣдов. Мих. Пѣтухова. Цѣна 1 р. 20 к.

Очень интересная брошюра съ политипажами и нотами въ текстѣ.

Издатель-редакторъ **Мих. Ив. Семевскій.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ четырнадцатый. ДЕКАБРЬ. **1883 годъ.**

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Рисунокъ **первой паровой машины въ Европѣ, изобрѣтенной Ив. Ив. Ползуновымъ**, исполнилъ П. И. Матюшинъ.—II. Портретъ **генерала Дитятина**, гравюра И. П. Матюшина съ наброска артиста императ. театровъ И. Ѳ. Горбунова.

Открыта подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1884 г.

Пятнадцатый годъ изданія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Средняя Подьяческая, д. № 1.

1883.

XII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го декабря 1883 г.

Столѣтіе Собесѣдника Любителей Россійскаго Слова.

Подъ этимъ названіемъ ко дню столѣтняго юбилея россійской академіи издана брошюра in folio съ хорошо исполненною гравюрою академика В. А. Боброва, на которой изображенъ facsimile, заглавный листъ «Собесѣдника», портреты Екатерины II, Дашковой и Державина, а вверху Ихъ Императорскихъ Величествъ, такъ какъ столѣтіе журнала совпадаетъ со днями коронаціи. Текстъ обстоятельно составленъ нашимъ сотрудникомъ И. Н. Божеряновымъ. Изданіе отпечатано въ количествѣ 300 экземпляровъ для любителей художественныхъ произведеній и библіографическихъ рѣдкостей и, конечно, не въ далекомъ будущемъ будетъ составлять, въ свою очередь, рѣдкость. Гг. иногородные исключительно должны обращаться на имя г. Божерянова: Спб., Вас. Островъ, 13 линія, собств. домъ, № 42, прилагая 3 р. за экземпляръ. Ред.

Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Т. XXXVII, Спб. 1883, 664, ц. 3 р.; т. XXXVIII, 443, ц. 3 р.

Въ первомъ изъ названныхъ томовъ продолжается переписка прусскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ (т. XXII), извлеченная профес. Марбургскаго унив. Германомъ изъ Берлинскаго государственнаго архива. Продолженіе это заключаетъ въ себѣ переписку Фридриха II съ Сольмсомъ съ янв. 1767—февр. 1772 г., когда былъ заключенъ тайный договоръ между Россіею и Пруссіею, и бумаги тайнаго архива, касающіяся секретной переписки короля Фридриха съ кабинетъ-министромъ Финкенштейномъ о переговорахъ съ Россіею по первому раздѣлу Польши. Новые матеріалы значительно выясняютъ и дополняютъ свѣдѣнія по диссидентскому вопросу, о раздѣлѣ Польши и отношенія Пруссія и Австріи въ восточномъ вопросѣ.

Въ другомъ поименованномъ томѣ продолжается собраніе памятниковъ дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ иностранными державами, извлеченныхъ изъ моск. арх. мин. иностр. дѣлъ, и начавшихся въ XXXV томѣ. Хотя историки давно пользовались этими матеріалами, но вполнѣ они не были изданы. Настоящій томъ обнимаетъ періодъ сношеній Россіи съ Англіею съ 1581—1604 г., весьма интересныхъ не только въ политическомъ, но и въ бытовомъ отношеніи, касаясь торговли иностранцевъ, вызова докторовъ, аптекарей и др. знающихъ людей въ Россію, посылки русскихъ молодыхъ людей за границу при Борисѣ Годуновѣ и т. п.

Описаніе церковно-славянскихъ и русскихъ рукописныхъ сборниковъ императорской публичной библіотеки. Сост. А. Ѳ. Бычковымъ. Ч. I, 538+152. Ц. 3 р. Спб. 1882.

Мы упоминали уже объ этомъ важномъ и любопытномъ изданіи при выходѣ I выпуска настоящаго тома. Съ выходомъ послѣдняго выпуска оно становится доступнымъ для всѣхъ, а съ его изданіемъ значительно пополнятся наши историческія и литературныя свѣдѣнія по древнему періоду, такъ какъ помимо обстоятельнаго описанія составитель даетъ рядъ извлеченій важнѣйшихъ мѣстъ рукописныхъ сборниковъ, занимавшихъ видное мѣсто въ нашей древней письменности. Въ первой части этого труда описанъ 91 сборникъ изъ Погодинскаго древлехранилища, извѣстнаго изслѣдователямъ отечественной исторіи и литературы. Изданіе снабжено библіографическими указаніями и указателями лицъ, мѣстъ предметовъ и и статей. Описаніе рукописей и выписки сдѣланы съ дипломатическою точностію.

Сборникъ матеріаловъ историі по исторіи Прибалтійскаго края. Т. IV, Рига, 1882, 617 стр. Ц. 3 р.

Съ похвальною настойчивостью издатель продолжаетъ вести дѣло ознакомленія русской публики съ исторіею этой своеобразной окраины Россіи. Въ вышедшемъ томѣ помѣщены: въ первомъ отдѣлѣ—окончаніе Ливонской лѣтописи Франца Ніенштедта и записки Лаврентія Миллера о временахъ Стефана Баторія; во второмъ отдѣлѣ указы Екатерины I, Анны Ивановны и Екатерины II; записки Нейендаля о дѣйствіи въ Ригѣ общаго городового положенія съ 1783—1797 г.; разсказъ ландрата Гривальда изъ исторіи составленія свода мѣстныхъ узаконеній Прибалтійскаго края; выписка изъ отчета генер. Головина по управленію краемъ 1845—1848 гг. (изъ Чт. моск. общ. ист. и древн. 1871); воспоми-

ВАСИЛІЙ ЛЕОНТЬЕВИЧЪ КОЧУБЕЙ

въ разсказѣ его современника

1708 г.

Служа при Жуковской Покровской церкви, въ которой погребены дѣти, внуки и правнуки Василія Леонтьевича Кочубея, казненнаго Мазепою, въ которой также находится икона, поруганная шведами, и хранится священническая риза съ оплечьемъ изъ боярскаго кафтана Василія Леонтьевича—я получилъ въ 1875 году отъ князя Сергѣя Викторовича Кочубея, изъ его домашняго архива, рукопись 1748 г. съ нѣсколькими подробностями о жизни и казни Василія Леонтьевича Кочубея и его супруги.

Рукопись была написана устарѣлымъ почеркомъ и языкомъ минувшаго вѣка; князь Сергѣй Викторовичъ просилъ меня переложить разсказъ на языкъ современный, что я и исполнилъ. Подлинникъ съ переложеніемъ былъ тогда же мною отосланъ князю; у себя же я оставилъ копію съ переложенія, которую я, какъ буквальный переводъ помянутаго разсказа современника о Вас. Леонтьевичѣ Кочубеѣ, и представляю на стр. „Русской Старины".

На подлинной рукописи означено (какъ у меня отмѣчено) болѣе позднимъ почеркомъ и другими чернилами „1748 года".

Благочинный священникъ с. Жуки Василій Курдиновскій.

19-го марта 1708 года, на память св. мучениковъ Хрисанфа и Даріи, генеральный судья Василій Леонтьевичъ Кочубей и полтавскій полковникъ Іоаннъ Искра выѣхали изъ села Диканьки на другую сторону Ворсклы, чрезъ слободскіе города, въ Смоленскъ, куда спѣшили они къ царскому величеству, избѣгая гнѣва и мщенія клятвопреступнаго измѣнника Ивана Мазепы.

Еще 18-го марта, въ четвертокъ, подступали къ Диканькѣ посланные отъ Мазепы, съ приказаніемъ схватить Кочубея: Гадячскій полковникъ Стефанъ Трощинскій съ своимъ полкомъ и съ полкомъ

волоховъ и кампанійскій полковникъ Юрій Кожуховскій съ своимъ полкомъ. Но они остановились на ночлегъ въ Великихъ Будищахъ, недалеко отъ Диканьки.

Между тѣмъ въ тотъ же день вечеромъ привезъ письмо въ Диканьку посланный изъ Хвастова (Фистовъ?), отъ Миргородскаго полковника, старый его слуга Андрей Лосъ. Узнавъ содержаніе письма, Василій Леонтьевичъ, нимало немедля, отправилъ въ Полтаву слугу своего Ивана Завадовскаго за Іоанномъ Искрою, который ночью и пріѣхалъ въ Диканьку. Въ ту же ночь, за часъ до разсвѣта, простившись со всѣми своими, Василій Леонтьевичъ съ Искрою оставили Диканьку, переѣхавъ мостъ на рѣкѣ Ворсклѣ въ селѣ Гаврандахъ, и прибыли въ Краснокутскъ, гдѣ находился Ахтырскій полковникъ. Отъ царскаго величества пріѣхалъ въ Краснокутскъ поручикъ съ указомъ, въ которомъ предписано было «Искрѣ одному явиться къ Государю, а Кочубею оставаться въ слободахъ». Изъ Краснокутска оба они, въ сопровожденіи Ахтырскаго полковника, прибыли въ Богодуховъ. Но въ Богодуховѣ другой офицеръ пріѣхалъ отъ царскаго величества съ приказаніемъ—Кочубею и Искрѣ—обоимъ явиться къ государю.

Вслѣдъ за выѣздомъ изъ дому Василія Леонтьевича и Искры, вступилъ въ Диканьку съ своими войсками Трощинскій съ намѣреніемъ схватить Кочубея и представить въ Фистовъ къ Мазепѣ; но, поискавши его вездѣ, съ неудовольствіемъ возвратился обратно въ Будищи и простоялъ тамъ три дня—пятницу, субботу и воскресенье. Въ понедѣльникъ утромъ Трощинскій опять вступилъ въ Диканьку, и остановясь со всѣми своими войсками въ новомъ дворѣ—на Ковалевкѣ, послалъ волоховъ въ старый дворъ, гдѣ находилась супруга Василія Леонтьевича, г-жа Любовь Кочубеева. Въ то время ея не было дома: на разсвѣтѣ дня св. священномученика Василія Анкирскаго (тезоименитство сына и мужа) она въ церкви слушала молебенъ о благополучномъ путешествіи своего мужа. Узнавъ объ этомъ, волохи вокругъ церкви поставили караулъ, а старшій волошинъ ротмистръ, по имени Констанцій, вошелъ въ церковь съ приказаніемъ г-жѣ Кочубеевой выдти изъ церкви. «Не выйду», рѣшительнымъ тономъ сказала благородная госпожа, «лучше пострадаю у алтаря, какъ пророкъ Захарія». Ротмистръ понудительно и съ угрозами вывелъ ее; и какъ только переступила порогъ церковный была схвачена въ коляску и отвезена на Ковалевку къ Трощинскому съ невѣсткою своею, женою Василія Васильевича Кочубея, бывшею вмѣстѣ съ нею въ церкви.

Пріѣхавъ передъ дворъ къ Трощинскому, ее высадили, и она нѣсколько часовъ простояла, ожидая доклада. Ожидая долго и напрасно возвращенія докладчика, она рѣшилась сама явиться къ

Трощинскому, и мужественно протѣснилась между лошадьми. которыми набитъ былъ дворъ.

Между тѣмъ Трощинскій вышелъ на крыльце, въ бѣломъ кафтанѣ, безъ пояса, въ желтыхъ шараварахъ, будучи весьма пьянъ. Благородная госпожа Кочубеева кротко начала къ нему свою рѣчь: «за то ли васъ прислалъ Мазепа съ войскомъ за моимъ мужемъ, что онъ усердно и вѣрно служилъ войску запорожскому въ должностяхъ писаря и судьи?»... Но Трощинскій, не отвѣчая на ея рѣчь ни слова, вдругъ приказалъ волохамъ стрѣлять въ нее. И едва успѣлъ Кожуховскій, совѣтникъ Трощинскаго, отчаяннымъ крикомъ остановить волоховъ, которые уже взвели курки въ ружьяхъ. Перепуганная совершенно госпожа Кочубеева за карауломъ была возвращена въ свой дворъ, и вокругъ двора поставлена была стража, также и въ домѣ, и даже въ ея спальнѣ. А супруга Василія Васильевича Кочубей получила дозволеніе, забравъ свое имущество, отправиться въ Сорочинцы къ своимъ родителямъ, гдѣ находился и ея мужъ.

На другой день утромъ Трощинскій съ своими совѣтниками и прибывшимъ ночью отъ Мазепы посломъ отправились на старый дворъ, гдѣ, по его приказанію, все найденное имущество г. Кочубея, всѣ цѣнныя вещи были уложены въ ящики, а госпожу Кочубееву съ одною служанкою, въ крытомъ экипажѣ за карауломъ, отправили въ Батуринъ. Здѣсь имущество оставили на Гончаровкѣ, а Кочубееву помѣстили во дворѣ, въ предмѣстьи Батурина, гдѣ и прежде ея милость останавливалась. Потомъ чрезъ недѣлю перевели въ старый дворъ, гдѣ отвели ей мрачную комнату, съ запрещеніемъ выходить ей куда-либо, равно и къ ней не велѣно никого допускать не только къ дому, даже къ забору. Два караула желдицкій и московскій были приставлены къ мѣсту ея заключенія.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1708 г., къ свѣтлому празднику воскресенія Христова, Василій Леонтьевичъ Кочубей и Искра достигли уже въ Смоленскъ и Витебскъ. Отсюда бояринъ Гаврило Ивановичъ Головкинъ, князь Долгоруковъ и Петръ Павловичъ Шаферовъ, тайный секретарь государя, препроводили ихъ въ Порѣчье; и здѣсь пытками допрашивали ихъ въ вѣрности донесенія на Мазепу. При первомъ допросѣ старику Василію Леонтьевичу нанесено четыре удара кнутомъ, и Искрѣ—семь ударовъ; черезъ недѣлю опять поновляли раны столькими же ударами кнутомъ. Мѣсяцы май и іюнь они продержаны въ заключеніи, и потомъ отосланы водою въ Черниговъ; изъ Чернигова воевода Веніаминъ препроводилъ ихъ въ Кіевъ, а отсюда въ Бѣлую церковь къ Мазепѣ, который стоялъ лагеремъ между Борщовымъ и Ковшаговымъ. Здѣсь 15-го іюля 1708 года, въ четвертокъ, на па-

мять св. равноапостольнаго великаго князя Владиміра, головы невинныхъ страдальцевъ Кочубея и Искры скатились на одну плаху, и тѣла ихъ лежали на мѣстѣ казни, до конца литургіи. Потомъ положены въ деревянные гробы и впослѣдствіи отосланы для погребенія въ Кіевъ. Они покоятся въ Кіевопечерской лаврѣ, на погостѣ, съ правой стороны, близъ трапезной церкви.

Неповинная кровь страдальцевъ сильно тревожила Мазепу, и онъ безсознательно бродилъ съ своимъ войскомъ по разнымъ городамъ,—какъ наконецъ обнаружилось предъ всѣмъ войскомъ малороссійскимъ, что онъ измѣнилъ пресвѣтлѣйшему монарху и убѣжалъ къ королю шведскому. Это было 17-го октября, на память прор. Осіи и св. Андрея Критскаго, черезъ четырнадцать недѣль послѣ мученической кончины Кочубея и Искры.

При вѣсти о семъ Батуринъ заперся со всѣхъ сторонъ отъ его оставшагося измѣнническаго войска; изъ четырехъ воротъ только однѣ береговыя, со стороны Сейма, были открыты. За недѣлю предъ взятіемъ Батурина прибылъ туда свѣтлѣйшій князь Меншиковъ; но въ городъ не вступалъ, а вышли для переговоровъ къ его сіятельству начальствующій надъ войсками въ городѣ Чечель полковникъ Сержецкій, эсаулъ Армацкій, сотникъ Батуринскій,—и князь отправился обратно.

Пользуясь неурядицею въ городѣ, невинная страдалица Любовь Кочубеева нашла возможность уйдти изъ мѣста своего заключенія, при помощи монахини дѣвичьяго Новомлинскаго монастыря. Черница выѣзжала изъ города простою телѣгою съ будкою. Кочубеева, одѣвшись въ ея монашеское платье, а Искрина (жена Искры), находившаяся съ нею,—въ мужицкую одежду, съ дѣвками пѣшкомъ вышли изъ города, а панича Ѳеодора Васильевича (Кочубей) черница посадила къ себѣ въ возъ, подъ видомъ черницы.

Опасаясь преслѣдованія, благородныя вдовы избрали путь на Митченки, Куреню, Ичню, Прилуку, Свѣтличное, Чернухи, мимо Городища, на село Канцеляристовъ, Крутый Берегъ. Въ Снѣтинѣ переѣхали рѣку Сулу и прибыли въ Шишаки,—имѣніе г. Петра Кулябки, зятя полковника Миргородскаго, свояка г. Кочубея. Здѣсь получивъ свѣдѣніе, что супруга полковника Миргородскаго и Василій Васильевичъ Кочубей находятся въ Сорочинцахъ, отправились туда, гдѣ и прожили нѣсколько дней. Туда же прибыла г-жа Обыдовская, потому что у супруги Василія Васильевича въ это время родился сынъ Павелъ. Прогостивъ по этому случаю недолго, всѣ вмѣстѣ выѣхали изъ Сорочинецъ; но за Сорочинцами разстались: г-жа полковница Миргородская, Василій Васильевичъ Кочубей, г-жа Обыдовская и Ломаковскій

отправились въ Криловъ, а вдовы Кочубеева и Искрина направили путь въ московскія слободы: на Барановку, Опошне, Старые Млины, чрезъ Ворсклу, Врублевку и Коломакъ. Отсюда г. Захаріевскій уѣхалъ въ Водолаги, а Кочубеева и Искрина укрывались въ Ровнахъ близь лѣса въ Искриной пасѣкѣ.

Тамъ получили они, чрезъ г. Ивана Жученка, письмо, присланное отъ свѣтлѣйшаго князя Меншикова, писанное въ Конотопѣ, по взятіи Батурина, который взятъ 25-го октября 1708 г., на память свв. мучениковъ Маркіана и Мортирія. Письмо было на имя Василія Васильевича и въ немъ объявлялась великая милость государя, и предписывалось ему явиться въ Глуховъ къ его величеству съ матерьею своею и вдовою Искры. Изъ ровенской пасѣки г-жа Кочубеева послала слугу своего въ Кременчугъ за наименьшимъ сыномъ. Вслѣдъ засимъ скитающіяся вдовы отправились на Свинковку; рѣку Ворсклу переѣхали въ Семяновкѣ и остановились въ селѣ Жукахъ, въ домѣ близкаго родственника ихъ обѣихъ, Жученка, на нѣсколько дней. Но недолго онѣ пользовались гостепріимствомъ и покровительствомъ Жученка. Въ мясопустъ на Филипповъ постъ пріѣхалъ въ Жуки Яковъ Рогуля и объявилъ имъ объ угрозахъ полтавскаго полковника Левенца, намѣревающагося схватить ихъ и препроводить къ Мазепѣ.

Въ темную глубокую ночь они оставили Жуки. Переѣзжая въ селѣ Петровкѣ Ворсклу, были схвачены петровскими мужиками, которые, будучи пьяны, устремились на ночной поѣздъ и, безъ всякаго распроса, хотѣли ихъ убить. Къ счастію г-жа Искрина узнала петровскаго атамана, по прозванію Дригу; и онъ, разузнавъ великородныхъ дамъ, сильнымъ крикомъ усмирилъ мужиковъ и далъ имъ провожатаго въ Коломакъ. Изъ Коломаки держали путь на Перекопъ, Валки, Люботинъ и Харьковъ. Въ Харьковѣ бригадиръ Ѳеодоръ Васильевичъ г. Шидловскій пріютилъ беззащитныхъ вдовъ въ своемъ домѣ на двѣ недѣли. Изъ Харькова отправились на Водолаги, отсюда трактовою дорогою на Валки, Краснокутскъ и Ахтырку въ Лебединъ, и здѣсь представлены были пресвѣтлѣйшему монарху, тамъ находившемуся, и удостоились получить отъ него монаршія милости. Отсюда отправились въ Тростянскъ и тамъ проводили рождественскіе праздники, а 1-го января 1709 года прибыли въ новую Водолагу къ г. Ивану Захаріевскому, гдѣ находилась и полковница Миргородская со всѣмъ своимъ семействомъ.

Въ это время уже шведскія войска вступили въ Украйну и разорили Коломакъ, и потому ихъ милости не могли здѣсь оставаться внѣ опасности, и разъѣхались всѣ чрезъ Харьковъ, Бѣлгородъ и Сумы; госпожи Кочубеева и Искрина остались въ имѣніяхъ своихъ въ

Ярославцѣ, а полковница Миргородская съ г. Иваномъ Водолажскимъ — въ имѣніи своемъ, въ Авдѣевцѣ.

Того же года лѣтомъ іюня 2-го 1709 г. русскія войска стали противъ шведовъ между Жуками и Петровкою, подъ Полтавою, и пресвѣтлѣйшій монархъ, при помощи Божіей, побѣдилъ шведовъ, и всѣхъ генераловъ, полковниковъ и офицеровъ разбилъ и взялъ въ плѣнъ.

1748 года.

Сообщ. 19-го іюля 1882 г. о. **Вас. Курдиновскій.**

Полтавскій уѣздъ,
Село Жуки.

ГРАФЪ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ МУРАВЬЕВЪ-АМУРСКІЙ.

Эпизодъ изъ его жизни.

На обращенныя государемъ императоромъ Николаемъ І-мъ въ началѣ 1848 года къ отправившемуся тогда изъ Петербурга въ Иркутскъ вновь назначенному генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири, генералъ-маіору Н. Н. Муравьеву, слова, что онъ, Муравьевъ, вѣроятно не будетъ въ Камчаткѣ, потому что туда затруднительно ѣхать и потребуется слишкомъ много времени, онъ отвѣтилъ его величеству: „я постараюсь и туда добраться",—иными словами: „я и тамъ буду, Богъ милостивъ!" Н. Н. Муравьевъ былъ человѣкъ въ высшей степени богобоязненный, поэтому чтобы онъ ни задумывалъ, чтобы онъ ни предпринималъ, всегда онъ прибавлялъ: Богъ милостивъ, или: коли Господь дозволитъ. Онъ глубоко вѣрилъ, что нѣтъ препятствій и затрудненій какъ физическихъ, такъ и нравственныхъ, которыхъ онъ не поборитъ, коли Господь дозволитъ. Кто зналъ характеръ Н. Н. Муравьева, тому понятно, что вмѣстѣ съ отвѣтомъ царю, въ его умѣ уже было рѣшено, при первой возможности, непремѣнно отправиться въ Камчатку, чтобы получить право подкрѣпить всѣ свои ходатайства въ будущемъ словами: я самъ видѣлъ, я лично убѣдился.

Предпринимая въ 1849 году путешествіе въ Камчатку, Муравьевъ открылъ рядъ дѣйствій, доказывающихъ, что едва-ли не онъ одинъ изъ государственныхъ дѣятелей того времени, по какому-то вдохновенію свыше, предчувствовалъ и предвидѣлъ какую роль суждено было играть Тихому океану въ ближайшемъ бу-

и M-lle Elise Christiani, знаменитая віолончелистка своего времени; изъ чиновниковъ докторъ-натуралистъ Ю. И. Штубендорфъ съ препараторомъ Фурманомъ, корпуса топографовъ поручикъ Вагановъ съ топографомъ Литвиновымъ, и я, въ качествѣ управляющаго путевою канцеляріею и начальника всей экспедиціи. Составивъ маршрутъ и снабдивъ меня точнѣйшею во всѣхъ отношеніяхъ инструкціею, Муравьевъ приказалъ мнѣ принять суммы, назначенныя имъ на расходы по этому походу, а затѣмъ безусловно воспретилъ мнѣ обращаться къ нему съ какими бы то ни было вопросами собственно по ходу экспедиціи, требуя только одного, чтобы маршрутъ и инструкція были неуклонно выполнены, если какія либо сверхъестественныя обстоятельства, зависящія отъ воли Божьей, тому не помѣшаютъ. Въ силу этого всѣ члены экспедиціи, не исключая самого генералъ-губернатора и его супруги, должны были безпрекословно подчиниться моимъ распоряженіямъ, основаннымъ на инструкціи. Сколько разъ случалось, что бѣдная Екатерина Николаевна, утомленная неимовѣрными трудностями пути, обращалась къ любившему ее до безумія мужу своему съ просьбою дозволить на ночлегѣ или на привалѣ дать ей лишнюю подушку, вмѣсто плаща или пальто — одѣяло, или же поставить желѣзную кровать вмѣсто ложа изъ хвороста — и тогда слѣдовалъ всегда стереотипный короткій его отвѣтъ: „это меня не касается, это дѣло Струве, его и отвѣтственность". Никогда не забуду я, когда послѣ перваго 25-ти-верстнаго верхового перехода имъ р. Амги, Екатерина Николаевна, будучи разбита до изнеможенія, не могла въ назначенный часъ сѣсть опять на лошадь (что не было предусмотрѣно въ инструкціи), и я получилъ приказаніе: отправить ее одну съ камердинеромъ Флегонтомъ Кузьмичемъ обратно въ Якутскъ, гдѣ ей было предоставлено остаться до возвращенія супруга изъ Камчатки или вернуться въ Иркутскъ. Отдавъ это приказаніе, Муравьевъ сѣлъ на свою лошадь въ назначенный по маршруту часъ, и Екатерина Николаевна вернулась бы въ Якутскъ, если бы она не сдѣлала поистинѣ сверхъестественное усиліе: при помощи моей и Флегонта она поднялась, заливаясь слезами, на свою лошадь и поѣхала за жестокимъ мужемъ. Неужели Муравьевъ дѣйствительно былъ жестокъ относительно своей жены? Отнюдь нѣтъ!

Онъ былъ настойчивъ и опытенъ, онъ зналъ, что если въ томъ разбитомъ состояніи, въ которомъ находилась его жена, залежаться, то это не пройдетъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, а если немедленно опять сѣсть на лошадь и продолжать путь, то эта разбитость пройдетъ сама собою, незамѣтно, безъ потери времени для дѣла, въ которомъ ежели не каждый часъ, то каждый день былъ разсчитанъ. Сколько неимовѣрныхъ трудностей перенесли мы, сколько казавшихся намъ непреодолимыми препятствій побороли мы, сколько интересныхъ, въ высшей степени характеризующихъ тяжелыхъ и веселыхъ сценъ пережили мы въ этомъ походѣ—объ этомъ можно бы написать цѣлый томъ. Мнѣ особенно дорого вспомнить нашу поистинѣ отважную переправу черезъ р. Бѣлую на Охотскомъ трактѣ, между станціями Аллахъ-Юномъ и Юдомскимъ Крестомъ. Подходя подъ вечеръ 18-го іюня къ рѣчкѣ Бѣлой, за которою въ 4-хъ верстахъ былъ назначенъ ночлегъ на просторномъ кормовищѣ [1]), мы шли уже четверо сутокъ подъ проливнымъ дождемъ. Вьючный нашъ транспортъ, состоявшій изъ 40 лошадей и кромѣ того нѣсколькихъ запасныхъ, согласно инструкціи, отправленъ былъ съ утра впередъ. Не доходя около пяти верстъ до рѣки Бѣлой, послышались вдругъ какіе-то неопредѣленные крики. Чуткое ухо стараго кавказскаго воина, Муравьева, привыкшаго прислушиваться къ малѣйшему шороху, тотчасъ обратило на это вниманіе.

— „Что это значитъ, неужели мы догоняемъ вьюки?“ были его слова, обращенныя ко мнѣ, ѣхавшему позади его.

— Не знаю, ваше превосходительство, былъ мой отвѣтъ.

— „Узнайте!“

Насколько дозволила тундристая почва, поросшая густымъ кустарникомъ, я ускорилъ ходъ моей лошади.

Вскорѣ я, дѣйствительно, встрѣтилъ передовые вьюки нашего транспорта съ урядникомъ Хандаковымъ во главѣ, они возвращались. На вопросъ мой: что это значитъ? Хандаковъ сообщилъ мнѣ: „Бѣлая отъ дождей разыгралась, нельзя переправиться, нужно вернуться къ кормовищу, которое мы уже прошли въ

---

[1]) Пастбище, на которомъ за ночь выкармливаются лошади на подножномъ корму. В. С.

7-ми верстахъ отсюда". Съ этимъ отзывомъ я вернулся къ генералъ-губернатору.

— „Вздоръ! Какъ смѣлъ Хандаковъ вернуться, галуны спорю! Коли не рѣшился переправиться, то онъ долженъ былъ дождаться нашего прибытія у самой рѣки. Велите ему немедленно вернуться къ рѣкѣ".

Сказано—сдѣлано. Дойдя до самой рѣки, мы увидѣли мутныя волны ея, которыя, стремясь съ страшною быстротою, струятся, пѣнятся и камни несутъ.

— „Гдѣ переправа, гдѣ бродъ?" спросилъ Муравьевъ.

— Здѣсь! указываютъ якуты.

— „Покроетъ вода спину лошади?"

— Нѣтъ, а повыше полубрюха будетъ.

— „Сперва переправимся вдвоемъ, Струве!" были слова Муравьева, обращенныя опять ко мнѣ. Якуты стали увѣрять, что это невозможно: „Не можно, пропадешь!" Признаюсь, у меня, 22-хъ лѣтняго юноши, душа въ пятки ушла, но ослушаться не посмѣлъ и не хотѣлъ. Муравьевъ крѣпко пожалъ руку своей женѣ, которая не могла удержать выраженія своего отчаянія и, съ любовью взглянувъ на него, въ надеждѣ его еще остановить, сказала ему: „Nicolas, tu es fou!" но напрасно! Мы были въ мѣховыхъ сюртукахъ и высокихъ болотныхъ сапогахъ. Поднявъ фалды сюртуковъ подъ мышки и перекрестившись, мы вступили въ рѣку. Якуты смотрѣли на насъ молча со страхомъ, блѣднѣли и машинально крестились. Переправа была саженъ въ 30—40 шириною. Шли мы по грядѣ камней; оступись лошадь на шагъ—и она погибла бы вмѣстѣ съ своимъ всадникомъ. Я ѣхалъ за Муравьевымъ совершенно безотчетно. У самаго противоположнаго берега лошадь его было пошатнулась и казалось, что ее мгновенно снесетъ, но ударомъ нагайки и натянувъ быстро лѣвый поводъ Муравьевъ съумѣлъ ее поставить на моментъ противъ теченія; въ слѣдующій моментъ она выскочила на берегъ, а вслѣдъ за нею и моя лошадь. Крики удивленія и радости якутовъ слышались съ другой стороны.

— „Ну, теперь назадъ, только не одинъ за другимъ, а рядомъ, для того, чтобы испытать могутъ ли пройти двое рядомъ. Вы увидите, что возможно, пойдемте за дамами!"

— Слушаюсь! былъ короткій мой отвѣтъ.

Мы вернулись также благополучно. Муравьевъ велѣлъ немедленно развязать вьючныхъ лошадей и перегнать ихъ черезъ рѣку по одиночкѣ [1]). Одну лошадь со всѣмъ ея вьюкомъ снесло въ пучину и мы ее больше не видали, она видимо была слабѣе другихъ. Переправивъ вьючный транспортъ и обзпечивъ такимъ образомъ дальнѣйшее продовольствіе экспедиціи, Муравьевъ взялъ къ себѣ подъ лѣвую свою руку лошадь своей жены, Штубендорфу велѣлъ то же сдѣлать съ лошадью г жи Христіани, а мнѣ приказалъ ѣхать во главѣ, чтобы, такъ сказать, указать путь остальнымъ. Такъ мы переправились и черезъ часъ мы дошли, къ удивленію всѣхъ якутовъ, до ночлега, назначеннаго по маршруту за р. Бѣлою. Эта небывалая, по словамъ якутовъ, переправа произвела на нихъ такое впечатлѣніе, что они ничего не считали невозможнымъ для Муравьева; они рѣшили, что онъ обладаетъ какимъ-то особеннымъ талисманомъ, они на него молились.

Для чего же Муравьевъ, повидимому, такъ безразсудно рисковалъ своею жизнью и жизнью всѣхъ своихъ спутниковъ? Не значило ли это искушать Бога? Нѣтъ! онъ бывалъ въ подобныхъ передѣлкахъ; онъ зналъ, что, съ Божіею помощіею, онъ ничѣмъ не рискуетъ; его смѣлость, его настойчивость были основаны на опытности, которою весьма немногіе обладаютъ. Его поступокъ вполнѣ оправдался результатомъ: если бы мы переночевали на кормовищѣ по ту сторону р. Бѣлой, то она за ночь такъ разыгралась бы, что на другой день, дѣйствительно, переправа была бы уже невозможна и намъ пришлось бы, если бы дожди даже тотчасъ перестали лить, переждать дня три—четыре, пока рѣка вошла бы опять въ положеніе, возможное для переправы, и это время было бы потеряно для экспедиціи, маршрутъ не былъ бы выполненъ;

---

[1]) Это обстоятельство требуетъ объясненія. При передвиженіи вьючныхъ транспортовъ по Охотскому тракту всегда связывается десять лошадей. одна за хвостъ другой. и при нихъ полагается одинъ погонщикъ. Этимъ способомъ эти караваны извиваются между деревьями необозримыхъ лѣсовъ, по кочкамъ тундръ, по скаламъ и камнямъ и въ бродъ черезъ рѣки. Здѣсь же Муравьевъ приказалъ ихъ развязать на тотъ случай, если ту или другую лошадь снесетъ теченіемъ, то она по крайней мѣрѣ не увлечетъ съ собою остальныхъ, съ которыми она была связана. В. С.

а кто не знаетъ съ какими послѣдствіями сопряженъ однажды нарушенный порядокъ безъ основательныхъ причинъ.

Пришедши къ ночлегу, я роздалъ ковры и подушки; на постановку палатокъ я не могъ рѣшиться, опасаясь, что не успѣю ихъ утромъ снять во-время, потому что мы пришли къ ночлегу въ 10-мъ часу, а подняться назначено было къ 4-мъ часамъ утра, какъ обыкновенно, когда мы приходили къ ночлегу въ седьмомъ часу. Поужинали какъ слѣдуетъ и послѣ того расположились пить чай. Я былъ подъ такимъ впечатлѣніемъ этого, пó моимъ понятіямъ, рѣдкаго подвига, рѣшительности и настойчивости Муравьева при переправѣ черезъ р. Бѣлую, что я тутъ же, сидя на коврѣ, недалеко отъ Екатерины Николаевны, какъ бы предчувствуя какія услуги мужъ ея еще окажетъ нашему отечеству, сказалъ ей:

— „Savez vous, Madame, que je n'ambitionne qu'une chose, c'est d'écrire un jour la biographie du général".

Прослуживъ при Муравьевѣ до 1855 г., я и послѣ того съ величайшимъ участіемъ и вниманіемъ слѣдилъ за всѣмъ, что происходило и совершалось въ Восточной Сибири, будучи въ ближайшихъ дружественныхъ отношеніяхъ ко всѣмъ сотрудникамъ Муравьева, въ особенности къ М. С. Корсакову, Г. И. Невельскому, П. В. Казакевичу, Б. К. Кукелю и кн. Мих. Серг. Волконскому. Еще въ 1880 г. я задумалъ было исполнить мое завѣтное желаніе— написать біографію графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго, и въ этихъ видахъ написалъ ему въ Парижъ письмо изъ Штутгарта, гдѣ я временно проживалъ съ своимъ семействомъ; но получилъ, къ сожалѣнію, отъ него отвѣтъ по телеграфу. „Lettre reçue, trop malade pour répondre". Взяться тогда въ Штутгартѣ за собираніе необходимыхъ для біографіи данныхъ было положительно невозможно. По возвращеніи въ 1882 г. въ Петербургъ, я узналъ отъ князя Мих. Серг. Волконскаго, что онъ также задумалъ издать біографію своего бывшаго начальника и благодѣтеля графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго. Какъ старые товарищи и друзья по Сибири, временъ муравьевскихъ, мы встрѣтились съ нимъ и теперь,—послѣ смерти нашего глубоко нами почитаемаго начальника-благодѣтеля, и, по нашему убѣжденію, несомнѣнно замѣчательнаго государственнаго дѣятеля,—на томъ же желаніи: въ дополненіе къ сози-

даемому въ Сибири графу Н. Н. Муравьеву-Амурскому металлическому памятнику, воздвигнуть ему, по нашимъ силамъ, другой— въ видѣ его біографіи, въ томъ убѣжденіи, что только тотъ не ошибается, кто ничего не дѣлаетъ.

Бернгардъ Вас. Струве.

Примѣчаніе. Редакція „Русской Старины" приглашаетъ всѣхъ лицъ, знавшихъ графа Николая Николаевича Муравьева-Амурскаго и обладающихъ свѣдѣніями о государственной дѣятельности этого замѣчательнѣйшаго русскаго человѣка, сообщить ихъ на страницы нашего изданія. Да послужатъ таковыя сообщенія кн. Михаилу Сергѣевичу Волконскому и Бернгарду Васильевичу Струве матеріалами, въ числѣ многихъ ими уже собранныхъ, для подробнаго жизнеописанія гр. Н. Н. Муравьева-Амурскаго.

Ред.

ЗАМѢТКИ И МАТЕРІАЛЫ.

Петербургскіе скопцы

въ 1809—1810 гг.

Въ 1809 и 1810 гг., производилось въ Петербургской уголовной палатѣ дѣло по обвиненію прикащика Кункина въ кражѣ денегъ у хозяина, петербургскаго 2-й гильдіи купца Сидора Ненастьева, который былъ скопецъ. Кункинъ, видя, что дѣло его не выгораетъ и придется отдѣлаться за преступленіе своей спиной, придумалъ способъ съ цѣлію облегчить или отдалить наказаніе, если не совсѣмъ избавиться: онъ обратилъ вниманіе чиновниковъ палаты на своего хозяина и другихъ скопцовъ изъ купечесства, отъ которыхъ можно поживиться. Палата дала значеніе показанію Кункина и усердно принялась за другое дѣло — объ оскопленіи, «начавъ преслѣдовать» проживавшихъ въ столицѣ скопцовъ. Послѣдніе всполошились и, въ лицѣ Ненастьева, принесли на уголовную палату жалобу государю императору, «что оная, вмѣсто рѣшенія дѣла о покраденныхъ у Ненастьева Кункинымъ деньгахъ, приняла отъ него доносъ».

По высочайшему повелѣнію приказано было петербургскому военному губернатору сообщить министру юстиціи, Ив. Иван. Дмитріеву, «что общество скопцовъ, здѣсь находящееся, извѣстно его величеству. Поелику же оное состоитъ изъ людей трудолюбивыхъ, тихихъ и спокойныхъ, то и есть монаршее соизволеніе, дабы ни какого стѣсненія и преслѣдованія дѣлаемо оному не было. Но какъ имъ же строго запрещено вновь кого либо скопить, то если-бъ появились здѣсь кромѣ настоящихъ скопцовъ вновь оскопленные, съ таковыми высочайше повелѣно поступать по общимъ правиламъ». Министръ юстиціи, «для надлежащаго свѣдѣнія и въ потребномъ случаѣ исполненія, нужнымъ призналъ сообщить о семъ высочайшемъ повелѣніи «по инстанціи» вмѣстѣ со спискомъ скопцамъ, въ копіи препровожденнымъ».

Въ спискѣ показано всѣхъ скопцовъ въ Петербургѣ 110 человѣкъ, принадлежащихъ къ купеческому, мѣщанскому и крестьянскому сословіямъ и разночинцамъ. Во главѣ 2-й гильдіи купцовъ, которыхъ трое, стоитъ Сидоръ Ненастьевъ; купцовъ 3-й гильдіи 17, мѣщанъ петербургскихъ и иногородныхъ 35, крестьянъ государственныхъ и господскихъ 36, однодворцевъ 3, вольноотпущенныхъ 4 и

разночинцевъ, т. е. солдатъ, мастеровыхъ и проч. 12 человѣкъ. Противъ фамилій скопцовъ двѣ графы; въ одной показывается количество лѣтъ оскопленному, въ другой — время оскопленія. Самый старшій по лѣтамъ купецъ 3-й гильдіи Василій Аѳанасьевъ — 75-ти лѣтъ. самому младшему — рижскому мѣщанину Андрею Иванову 14 лѣтъ, оскопленному, какъ сказано, въ малолѣтствѣ. Старшій по времени оскопленія—ревельскій мѣщанинъ Мих. Савельевъ, оскопленный въ 1773 г., младшій—Антонъ Ѳедоровъ, адмиралтейскій плотникъ, въ 1806 г. Изъ 110-ти человѣкъ, 75 показаны оскопленными въ XVIII столѣтіи, 35 человѣкъ въ XIX-мъ.

Нужно полагать, что послѣ приведеннаго нами высочайшаго повелѣнія, врядъ ли дѣло Кункина выгорѣло.

Отъѣздъ князя Кутузова въ армію

1812 г.

Царскосельскій исправникъ Маничаровъ. 10-го августа 1812 г.; получилъ отъ петербургскаго губернатора, Мих. Мих. Бакунина, извѣщеніе, что «главнокомандущій арміей, его свѣтлость г. генералъ отъ инфантеріи и кавалеръ князь Мих. Иларіон. Голенищевъ-Кутузовъ завтра, поутру рано, отправляется отсюда по московскому тракту, и подъ проѣздъ его свѣтлости нужно на станціяхъ по 50 лошадей».

Бакунинъ «рекомендовалъ исправнику, оное количество надежныхъ и хорошихъ лошадей, ни мало не медля, съ исправными ямщиками и крѣпкою упряжью, на станціяхъ Ижорѣ и Тоснѣ приготовить и наблюсти, чтобъ на почтахъ сохраненъ былъ должный порядокъ и чтобъ въ лошадяхъ, а также во время проѣзда въ пути, не могло послѣдовать ни малѣйшаго затрудненія».

«Встрѣтить его свѣтлость и препроводить имѣете вы, сами», заключилъ губернаторъ, «и по прослѣдованіи мнѣ донести; при чемъ даю вамъ знать, что его свѣтлость на нѣкоторое время остановится въ Павловскѣ».

За отсутствіемъ исправника въ уѣздъ по дѣламъ службы, проводы князя Кутузова пали на дворянскаго засѣдателя мѣстнаго земскаго суда Грановскаго, который 12-го августа донесъ слѣдующее: «отправлялся я для встрѣчи и препровожденія, и его свѣтлость чрезъ Царскосельскій уѣздъ проѣхать изволилъ благополучно, безъ малѣйшей остановки».

Сообщ. Г. С.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ПИРОГОВЪ.

Замѣтки къ его біографіи.

Личность недавно отошедшаго въ вѣчность великаго хирурга и замѣчательнаго педагога достойна самой обстоятельной біографіи. Найдется, конечно, впослѣдствіи повѣствователь, который предъявитъ читающему міру полное описаніе жизни и трудовъ почтеннаго представителя науки, но это дѣло будущаго. Въ настоящее время, когда еще не только память о покойномъ, но и самъ онъ, его образъ, живетъ въ душѣ каждаго, кто зналъ его или встрѣчался съ нимъ, — теперь-то и наступаетъ пора для составленія біографическаго матеріала. Весьма важно собрать своевременно тѣ данныя, по которымъ можно было бы будущему біографу рельефно изобразить свѣтлую личность Пирогова, представить его и какъ профессора, и какъ виднаго дѣятеля въ печальную годину Крымской войны, и какъ автора «Вопросовъ жизни». Даже самый мелкій, повидимому, фактъ, обрисовывающій его просто какъ человѣка, не долженъ пройти безслѣдно, не долженъ быть преданъ забвенію. Вотъ почему я желаю принести свою посильную лепту, желаю сказать нѣсколько словъ объ этомъ незабвенномъ сѣятелѣ просвѣщенія на едва вспаханной нивѣ, о почтенномъ мужѣ науки, имя котораго займетъ почетное мѣсто въ исторіи культуры русскаго государства.

I.

Мнѣ пришлось только разъ въ жизни видѣть Пирогова, и то лишь въ продолженіе одного часа, когда я находился еще на школьной скамейкѣ. Это было въ 1857 году, когда онъ въ качествѣ попечителя Одесскаго учебнаго округа ревизовалъ учебныя заведенія

Новороссійскаго края и, между прочимъ, посѣтилъ уѣздное училище въ г. Александровскѣ.

Въ то время только что окончилась Крымская война. Чрезъ Александровскъ, лежащій на пути изъ внутренней Россіи въ Крымъ, проходила масса войскъ. Чуть ли не весь городъ обращенъ былъ въ обширный лазаретъ, гдѣ Севастопольскіе герои излѣчивались отъ ранъ и разныхъ недуговъ. Офицеры и доктора, познакомившись съ мѣстнымъ обществомъ, передавали много интересныхъ разсказовъ о минувшей войнѣ, о ея видныхъ дѣятеляхъ, въ числѣ которыхъ доктора съ гордостью упоминали о Пироговѣ; разсказывали о неусыпныхъ трудахъ его на перевязочныхъ пунктахъ, о его глубокихъ знаніяхъ, о геніальной находчивости при опасныхъ операціяхъ. Слава о немъ, какъ о замѣчательномъ хирургѣ, гремѣла уже повсюду, когда Николай Ивановичъ былъ назначенъ попечителемъ Одесскаго учебнаго округа.

Вступивъ на новый постъ общественнаго служенія, Пироговъ предпринялъ вскорѣ путешествіе по Новороссіи съ тою цѣлью, чтобы ознакомиться съ ходомъ дѣла въ подвѣдомственныхъ ему учебныхъ заведеніяхъ. И вотъ разнеслась вѣсть, что, проѣздомъ, онъ посѣтитъ и Александровское уѣздное училище. Взволновалось мое родное захолустье. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней только и разговору было, что объ ожидаемомъ пріѣздѣ новаго попечителя. Разговоры эти мнѣ тѣмъ болѣе памятны, что въ домѣ моего отца бывали всѣ мѣстные учителя, для которыхъ предстоящая ревизія составляла цѣлое событіе.

То было время, когда въ литературѣ уже начали затрогиваться новые общественные вопросы; повсюду слышались толки объ уничтоженіи крѣпостнаго права... Но традиціи прошлыхъ временъ находились еще въ полной своей силѣ. Грозное, подобно грому, появленіе начальства среди трепещущихъ и безмолвно выслушивающихъ «внушеніе» подчиненныхъ, сугубое стараніе послѣднихъ показать товаръ лицемъ, прикрыть благообразною внѣшностью неблаговидное содержаніе,—все это хорошо извѣстно тому, кто помнитъ дореформенный строй нашей общественной жизни.

Понятно, какъ переполошились уѣздные педагоги, для которыхъ пріѣздъ всякаго ревизора былъ моментомъ «трепетанія», паническаго страха, и возобновлялъ въ памяти извѣстное школьное причитаніе: «помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его»... Въ училищѣ поднялась возня, какая обыкновенно бываетъ предъ ожиданіемъ важнаго посѣтителя. Я былъ тогда ученикомъ и хорошо помню это ожиданіе. Смотритель училища по цѣлымъ днямъ возился надъ приведеніемъ въ благообразный видъ внѣшности классовъ и вообще всего

училищнаго зданія; учителя изъ кожи лѣзли, чтобы не ударить въ грязь лицемъ предъ такимъ важнымъ ревизоромъ, собирали насъ даже послѣ уроковъ для репетированія пройденнаго.

Глядя на всеобщую кутерьму — на суетящуюся фигуру нашего начальника, на озабоченныя лица педагоговъ, мы, школяры, и сами подчинялись общему настроенію: съ какимъ-то нервнымъ напряженіемъ ожидали пріѣзда необычайнаго гостя. Дѣтская фантазія рисовала намъ его грознымъ по внѣшности, недоступно-важнымъ сановникомъ, который задастъ всѣмъ порядочнаго страху. Да и самъ смотритель поддерживалъ въ насъ такое представленіе о ревизорѣ. «Знаете-ли вы, ракаліи, что̀ это за важная персона его превосходительство, г-нъ попечитель округа? Вотъ вы знаете директора—важная особа, а попечитель будетъ поважнѣе его гораздо! Онъ начальникъ не одного только нашего директора, а нѣсколькихъ директоровъ!» Такъ выяснялъ намъ личность ожидаемаго ревизора нашъ принципалъ, обходя дозоромъ вылощенное училище и наблюдая при этомъ, чтобы мы не причинили и «казнѣ убытку» рѣзаніемъ скамей или пачканьемъ стѣнъ, выбѣленныхъ для предстоящей торжественной оказіи.

Наконецъ насталъ давно ожидаемый важный моментъ: Николай Ивановичъ Пироговъ прибылъ въ Александровскъ. Когда, въ день его пріѣзда, я пришелъ на уроки въ училище, то былъ весьма удивленъ отсутствіемъ той торжественности, какая обыкновенно бывала въ подобныхъ случаяхъ: не было ни мундировъ, ни треуголокъ; смотритель и учителя, облекавшіеся въ то время даже при директорской ревизіи въ полную парадную форму, теперь были только въ форменныхъ сюртукахъ. Намъ потомъ сказали, что почтенный мужъ науки не пожелалъ видѣть педагоговъ въ мундирахъ, а предложилъ имъ явиться на уроки въ томъ костюмѣ, въ которомъ они бываютъ каждодневно. Теперь, разумѣется, это обстоятельство не представляетъ ничего особенно важнаго; никто изъ попечителей не требуетъ отъ педагоговъ какой-либо торжественности; но четверть вѣка назадъ, когда внѣшность играла важную роль, распоряженіе Пирогова о мундирахъ было такою новизною для уѣзднаго захолустья, что о ней всюду говорили.

Пробилъ звонокъ предъ началомъ занятій. Начались уроки. Нашъ учитель и мы всѣ пребываемъ въ сильной ажитаціи; прислушиваемся къ малѣйшему шуму... «Пріѣхалъ!»—пронеслось, какъ бы электрическимъ токомъ, по училищу. Вскорѣ заслышались шаги, усиливающіеся по направленію къ нашему классу. Быстро растворилась дверь, и нашимъ глазамъ предсталъ давно ожидаемый гость. Это былъ не генералъ въ звѣздахъ, какъ мы представляли, не важный сановникъ съ величественной осанкой, а просто держащій себя чело-

вѣкъ, съ серьезной, но добродушной физіономіей, одѣтый въ длиннополый драповый сюртукъ-пальто, съ замѣтными на немъ слѣдами пуху, какъ у дорожнаго человѣка.

Поклонившись намъ привѣтливо, Николай Ивановичъ обратился къ учителю съ вопросомъ, гдѣ онъ воспитывался, и, получивъ отвѣтъ, освѣдомился о содержаніи урока. У насъ былъ тогда урокъ ариѳметики; проходили умноженіе дробей. Выслушавъ отвѣтъ ученика, вызваннаго къ доскѣ, Пироговъ спросилъ учителя:

— Умѣютъ ли ваши ученики рѣшать задачи устно?

— «Нѣтъ, я не практиковалъ такимъ способомъ», отвѣчалъ смутавшійся математикъ.

— А вотъ попробуемъ вмѣстѣ, сказалъ Пироговъ.— Предложите кому-нибудь легонькую задачу на небольшія числа.

Учитель вызвалъ одного изъ насъ, кто былъ побойчѣе, и, при наведеніи самимъ Пироговымъ, началось умственное рѣшеніе задачи безъ помощи мѣла или грифеля. Классъ оживился; прежнее смущеніе наше стало постепенно исчезать при весьма простомъ обращеніи съ нами ревизора; задача была рѣшена довольно скоро; на лицѣ нашего учителя видно было удовольствіе, а еще больше—удивленіе.

— «Почаще упражняйте ихъ въ умственномъ счетѣ. Дѣти попривыкнуть, и вы увидите, что дѣло пойдетъ легко», замѣтилъ въ такихъ словахъ Николай Ивановичъ при выходѣ изъ класса.

Простое, привѣтливое обращеніе Пирогова произвело на насъ, запуганныхъ школою дѣтей, весьма глубокое впечатлѣніе. Прошло уже двадцать пять лѣтъ со времени этой памятной ревизіи, но я какъ теперь вижу сидящаго на скамьѣ знаменитаго педагога, вижу его дорожный, въ пуху, драповый сюртукъ, слышу его отрывистое: «А вотъ попробуемъ вмѣстѣ», обращенное къ учителю относительно устнаго рѣшенія задачи. Кстати здѣсь замѣчу, что съ его легкой руки и началось тогда умственное счисленіе въ нашемъ училищѣ.

Въ тотъ же день, вечеромъ, Пироговъ и выѣхалъ изъ Александровска. Предъ отъѣздомъ онъ пригласилъ къ себѣ на квартиру смотрителя и учителей, гдѣ довольно долго съ ними бесѣдовалъ. Помню я, какъ прибѣжалъ къ моему отцу одинъ изъ нашихъ педагоговъ, весь сіяющій послѣ бесѣды съ Пироговымъ. И сколько восторга было въ его словахъ, когда онъ передавалъ отцу объ этой бесѣдѣ и о тѣхъ совѣтахъ, которые давалъ уѣзднымъ учителямъ знаменитый попечитель.

II.

Вскорѣ я поступилъ въ Екатеринославскую гимназію. И тамъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ недавней ревизіи Пирогова, ходило о немъ много разсказовъ, въ которыхъ обрисовывалась та же простота, та же гуманность автора «Вопросовъ жизни». Явился онъ въ гимназію, разсказывали мнѣ, какъ снѣгъ на голову: пришелъ, когда еще учителя не собрались, и направился въ одинъ изъ классныхъ корридоровъ.

— Что вамъ угодно? обратился къ нему надзиратель, совсѣмъ не подозрѣвая въ простомъ съ виду посѣтителѣ важнаго ревизора.

— «Да мнѣ вотъ къ ученикамъ нужно», отвѣтилъ ему Пироговъ.

— Сюда не дозволяется входить всякому, заявилъ категорически надзиратель, преграждая дальнѣйшій путь странному посѣтителю.

Неизвѣстно, долго ли бы продолжалось это препирательство, если бы въ это время не показался въ корридорѣ инспекторъ, лично знавшій Николая Ивановича, и не водворилъ бы его, такъ сказать, въ гимназіи, какъ ревизора.

Прошло много лѣтъ съ того времени, какъ Пироговъ оставилъ Одесскій учебный округъ, оставилъ затѣмъ и Кіевскій; но память о немъ живетъ до сихъ поръ не только въ кругу лицъ, близко къ нему стоявшихъ—о немъ вспоминаютъ съ глубокимъ уваженіемъ и тѣ люди, которымъ пришлось хоть разъ въ жизни встрѣтиться съ этимъ знаменитымъ педагогомъ, доказательствомъ чего можетъ служить нижеслѣдующій разсказъ.

Наканунѣ поступленія въ университетъ, мнѣ пришлось познакомиться съ приходскимъ учителемъ, г. Н—вымъ, который разсказалъ мнѣ о посѣщеніи Пироговымъ его школы. Почтенный ветеранъ-учитель принадлежалъ къ тому незначительному меньшинству начальныхъ педагоговъ, которыхъ не успѣла обезличить ихъ неприглядная служебная обстановка,—онъ былъ именно педагогъ по призванію. Понятно, что такой рѣдкій экземпляръ приходскаго учителя среди безжизненнаго міра тогдашней народной школы не могъ укрыться отъ зоркаго взгляда того, кто искалъ «человѣка въ человѣкѣ» и человѣка въ педагогѣ. Николай Ивановичъ понялъ, что̀ за личность представлялъ собою Н—овъ и оцѣнилъ его по достоинству.

«Вѣдь вамъ извѣстно—такъ говорилъ Н—овъ—что мѣстечко Н—ль, гдѣ я учителемъ, находится, что называется, на-юру. Проѣзжихъ тамъ всегда бываетъ изрядное количество. Приходится ли кому лошадей на станціи ожидать или же парохода, наскучитъ си-

дѣть на станціи, ну и заходитъ въ училище. Вотъ, знаете, сижу я разъ съ своими ребятами и занимаюсь россійскою грамотой, какъ входитъ въ классъ какой-то господинъ, съ виду совсѣмъ не видный, одѣтъ по дорожному. Усѣлся онъ и слушаетъ нашъ урокъ, а потомъ и самъ сталъ спрашивать, да такъ умѣючи, такъ просто предлагалъ вопросы дѣтямъ, что я сейчасъ же смекнулъ, что это мастеръ нашего дѣла, не простой посѣтитель... И представьте-жъ себѣ мое удивленіе, когда я узналъ, что это былъ самъ попечитель округа, Николай Ивановичъ Пироговъ!

«Пришлось ему заночевать въ Н—лѣ, такъ такъ пароходъ отходилъ на слѣдующее утро. Я предложилъ ему свою убогую храмину, потому что на станціи помѣщеніе вы сами знаете какое, а о гостинницѣ у насъ тогда и помину не было. Онъ согласился. Я напоилъ чайкомъ своего высокаго гостя, угостилъ чѣмъ Богъ послалъ, а затѣмъ сталъ хлопотать какъ бы поудобнѣе устроить ему ночлегъ. «Пожалуйста, не безпокойтесь. Я лягу на полу, замѣтилъ мнѣ Николай Ивановичъ; да и сами ложитесь здѣсь. Побесѣдуемъ, пока заснется».

«Я, признаться, былъ сильно озадаченъ этимъ заявленіемъ моего гостя, представлялъ, что ему гораздо удобнѣе уснуть на кровати, но по настойчивому его желанію постель была приготовлена на полу. Вотъ лежимъ мы и бесѣдуемъ. И о чемъ только онъ, голубчикъ, не распрашивалъ: и обо мнѣ самомъ, и о моей школѣ, и о нашемъ мѣстечкѣ. Долго мы такъ бесѣдовали, пока сонъ не одолѣлъ. На другой день встали рано. Утро такое ясное, теплое.

— «А что, Н—овъ, обратился ко мнѣ Николай Ивановичъ, — не дурно было бы выкупаться въ Днѣпрѣ. Пойдемъ-ка!

«Пошли мы. Николай Ивановичъ смотритъ на днѣпровскія плавни и спрашиваетъ меня:

— «Должно быть у васъ здѣсь часто болѣютъ лихорадкой?

— «Да, ваше п—во, треплетъ-таки порядкомъ.

«Вотъ и началъ онъ тутъ совѣты мнѣ давать, какъ лѣчить лихорадку, простуду и другія болѣзни, если кто изъ учениковъ моихъ заболѣетъ, чтобы подать на первыхъ порахъ необходимую помощь,— и все это такъ благодушно выходило у него, что я, можно сказать, совсѣмъ забылъ, что предо мною самъ попечитель округа: ужъ больно онъ простъ былъ со мною.

«Въ этотъ же день мнѣ пришлось и распрощаться съ дорогимъ гостемъ. Больше ужъ и не встрѣчался я съ нимъ. А душевный былъ человѣкъ Николай Ивановичъ, — никогда я его не забуду!» Такъ заключилъ свой разсказъ г. Н—овъ.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого памятнаго посѣщенія, Н—овъ,

по его словамъ, принималъ въ своей школѣ одного суроваго начальника, который держалъ себя съ олимпійскимъ величіемъ. Но маленькій человѣкъ, приходскій учитель, не сробѣлъ предъ важною особой и съумѣлъ ввернуть, между прочимъ, свой оригинальный разсказъ о посѣщеніи его школы Пироговымъ. «Какъ разсказалъ я про обхожденіе со мною Николая Ивановича, такъ мой генералъ сейчасъ же понизилъ тонъ своей рѣчи», говорилъ объ этомъ съ самодовольной улыбкой старый педагогъ.

Приведенный мною разсказъ далеко неполонъ. Я не помню всѣхъ подробностей, тѣхъ характерныхъ оттѣнковъ, въ которыхъ такъ прекрасно обрисовывалась въ устахъ разсказчика личность Пирогова. Но все же и изъ этой неполной передачи можно видѣть отношеніе его къ своимъ подчиненнымъ, а тѣмъ болѣе—къ меньшимъ братьямъ педагогической семьи, къ тѣмъ жалкимъ по положенію, загнаннымъ судьбою, приходскимъ учителямъ, которыхъ многіе въ то время третировали свысока, какъ ничтожество.

Кратковременное управленіе Пирогова Одесскимъ учебнымъ округомъ оставило тамъ глубокій слѣдъ. И теперь многіе изъ педагоговъ съ восторгомъ вспоминаютъ о первыхъ годахъ своей службы, протекшихъ подъ руководствомъ знаменитаго попечителя. По ихъ разсказамъ, на каждаго изъ вступающихъ на педагогическое поприще Николай Ивановичъ обращалъ особенное вниманіе. «Имѣете ли вы призваніе къ учительской дѣятельности?»—обращался онъ съ такими словами къ молодому педагогу, и затѣмъ въ обстоятельной бесѣдѣ онъ успѣвалъ болѣе или менѣе узнать будущаго наставника. Мнѣ передавали также, что въ квартирѣ Пирогова происходили часто собранія одесскихъ педагоговъ, гдѣ обсуждались жгучіе вопросы учебнаго дѣла.

Какъ къ учителямъ, такъ и къ учащейся молодежи Николай Ивановичъ относился съ горячимъ участіемъ; старался пріучить юношество къ самостоятельной работѣ, расширить его умственный кругозоръ.

Въ Новороссійскомъ университетѣ находится цѣлый отдѣлъ библіотеки для студентовъ, извѣстной подъ названіемъ «Пироговской». Этотъ драгоцѣнный даръ незабвеннаго попечителя есть лучшее доказательство его живаго, сердечнаго отношенія къ молодому поколѣнію.

Ал. Людвиг. Колянковскій.

Кутаисъ.
25 марта 1883 г.

Исторія Саратова.

Новое провинціальное изданіе.

Въ Саратовѣ однимъ лицемъ предпринято составленіе „Очерковъ по исторіи Саратова и Саратовской губерніи" по весьма широкой программѣ, въ нѣсколькихъ выпускахъ. Авторъ не ограничивается изложеніемъ болѣе или менѣе полной офиціальной исторіи края, географическимъ и статистическимъ его обзоромъ, но желаетъ, кромѣ того, обрисовать умственный обликъ губерніи и группируетъ въ своемъ изданіи рядъ біографій выдающихся уроженцевъ мѣстнаго края и мѣстныхъ дѣятелей вообще, а также собираетъ матеріалы для библіографіи Саратовской губерніи. Первый выпускъ изданія въ рукописи готовъ уже и заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, библіографію сочиненій, касающихся Саратовскаго края, библіографическій указатель мѣстныхъ изданій (до 130 названій) и біографіи: А. Н. Радищева, Н. Г. Скопина, Н. А. Радищева, І. Х. Гамеля, А. М. Княжевича, священ. Г. И. Чернышевскаго, А. Ф. Леопольдова, А. А. Росницкаго, Н. И. Навашина, С. П. Шевырева, А. В. Попова, Н. П. Слѣпцова, А. К. Жуковскаго, И. И. Введенскаго, Э. И. Губера, А. Ч. Порѣцкаго, А. И. Артемьева, Я. П. Буткова, И. Г. Воронина, Е. Д. Коровина, И. П. Ларіонова, А. Н. Минха, А. Н. Пыпина, И. П. Балабанова, В. И. Дурасова, И. Я. Салова, Г. Н. Минха, П. Н. Яблочкова, С. С. Гусева и П. М. Волохова. Остается еще много работы для слѣдующихъ выпусковъ и работа эта, разумѣется, можетъ идти успѣшнѣе при условіи полученія авторомъ необходимаго сторонняго содѣйствія.

Въ этихъ видахъ и вполнѣ сочувствуя изданіямъ подобнаго рода, мы отъ имени автора просимъ всѣхъ лицъ, имѣющихъ что-либо по предмету, занимающему автора, своими сообщеніями оказать содѣйствіе ему въ его трудѣ. Желательно особенно получить свѣдѣнія о писателяхъ-саратовцахъ, воспитанникахъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній, трудящихся или трудившихся на поприщахъ науки, литературы, педагогіи и проч. Не менѣе желательно получить свѣдѣнія о старыхъ саратовскихъ изданіяхъ—книгахъ и брошюрахъ, о рукописяхъ, касающихся мѣстнаго края.

Адресъ составителя и главнаго редактора „Очерковъ по исторіи Саратова и Саратовской губерніи": Саратовъ, Армянская улица, д. Осетровой, Николаю Феодоровичу Хованскому.

ДВА ЭПИЗОДА ИЗЪ ВОЙНЫ ВЪ АЗІЯТСКОЙ ТУРЦІИ.

Изъ записокъ очевидца, генер.-лейтен. Павла Дмитріевича Рудакова.

1853—1856 гг.

Составитель настоящихъ воспоминаній, покойный генералъ-лейтенантъ Павелъ Дмитріевичъ Рудаковъ, изъ потомственныхъ дворянъ Тверской губерніи, родился 10-го января 1811 года, воспитывался въ Александровскомъ сиротскомъ домѣ, и затѣмъ въ Дворянскомъ полку, нынѣ Константиновское военное училище. Въ службу вступилъ прапорщикомъ въ 1828 году, въ батарейную № 1 роту 14-й артиллерійской бригады. Первые годы своей службы П. Д. Рудаковъ провелъ при штабѣ 6-й артиллерійской дивизіи; въ 1838 году назначенъ адъютантомъ при начальникѣ 6-й артиллерійской дивизіи; въ 1844 году прикомандированъ къ С.-Петербургскому арсеналу по искусственной части, и того же года утвержденъ адъютантомъ къ исправляющему должность инспектора мѣстныхъ арсеналовъ. Въ 1846 году, по собственному желанію, отчисленъ во фронтъ, съ прикомандированіемъ къ образцовой пѣшей батареѣ; въ 1847 году назначенъ командующимъ резервной № 12 батареи 4-й артиллерійской бригады; въ 1848 году назначенъ командиромъ легкой № 6 батареи той же бригады, съ производствомъ, за отличіе, въ подполковники.

Участвовалъ покойный во многихъ походахъ и сраженіяхъ: въ 1848—1849 г. въ кампаніи въ Венгріи. Въ 1853—1854 гг.—въ слѣдованіи на кавказско-турецкую границу, гдѣ присоединился къ дѣйствующему корпусу. Въ 1854 г., 24-го іюня, съ 1-мъ дивизіономъ батареи, въ составѣ Александропольскаго отряда, при семъ городѣ, въ сраженіи при селеніи Кюрукъ-Дара, командовалъ на правомъ флангѣ нашей боевой линіи своднымъ дивизіономъ, состоявшимъ изъ одного взвода бывшей легкой № 6 и одного взвода легкой № 8 батареи 18-й артиллерійской бригады, при совершенномъ разбитіи въ этомъ дѣлѣ 60-ти тысячнаго корпуса, бывшаго подъ начальствомъ мушира Зарифа-Мустафа-паши. Послѣ этого блестящаго сраженія, покойный П. Д. Рудаковъ произведенъ, за отличіе, въ полковники и награжденъ орденомъ.

Въ теченіе 1855 года П. Д. Рудаковъ принималъ дѣятельное участіе во многихъ перестрѣлкахъ и сраженіяхъ съ непріятелемъ; 17-го сентября того же года былъ при штурмѣ Карса и блокадѣ этой крѣпости, а 16-го ноября 1855 г. при сдачѣ крѣпости Карса, съ находившимся въ ней турецкимъ гарнизономъ.

По окончаніи войны 1853—1856 гг. П. Д. Рудаковъ оставилъ фронтовую службу и былъ назначенъ командиромъ Московскаго арсенала; въ 1876 году, за отличіе, былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, а 30-го декабря того же года произведенъ въ генералъ-лейтенанты, съ увольненіемъ за болѣзнію отъ службы.

Послѣдніе годы своей жизни покойный П. Д. Рудаковъ провелъ почти безвыѣздно въ имѣніи своей жены, селѣ Крестъ, Велижскаго уѣзда, Витебской губ., гдѣ съ любовью занимался садоводствомъ и наслаждался деревенскою жизнью, которую всегда любилъ. Боевая, походная жизнь и тяжкій ударъ неумолимой судьбы, лишившей Павла Дмитріевича единственнаго сына, поручика 1-й батареи Его Величества гвардейской конно-артиллер. бригады, Алек. Павловича Рудакова, умершаго въ цвѣтѣ лѣтъ, 26-го мая 1873 года, подкосили силы П. Д. Рудакова.

Мы лично знали Павла Дмитріевича: это былъ человѣкъ чрезвычайно симпатичный—скромный, честнѣйшій служака, русскій человѣкъ до мозга костей, страстно любившій отечество и безгранично преданный Верховному Державному Вождю Россіи.

Злодѣйское покушеніе Соловьева, 2-го апрѣля 1879 года, на жизнь императора Александра II-го окончательно разбило потрясенное уже здоровье П. Д. Рудакова и въ томъ же году низвело его въ преждевременную могилу.

Ред.

ГЛАВА I.

Кампанія 1855 года въ Азіятской Турціи кончена. Войска размѣщены по зимнимъ квартирамъ и, по всѣмъ вѣроятіямъ, до будущей весны ни въ Анатоліи, ни вообще во всемъ Закавказскомъ краѣ не должно быть никакихъ военныхъ дѣйствій.

Пользуясь мирною стоянкою въ страшной глуши, въ мѣстечкѣ Ахалкалакахъ, я вздумалъ описать, какъ съумѣю, ходъ этой кампаніи, со всѣми ея событіями, глубоко врѣзавшимися въ моей памяти, въ которыхъ я былъ постояннымъ участникомъ.

Предпринимая это занятіе, я не имѣю ни малѣйшей претензіи на историческую работу, и не берусь быть вѣрнымъ описателемъ стратегическихъ соображеній, тактическихъ плановъ и, вообще,

всѣхъ военныхъ дѣйствій, происходившихъ во время кампаніи. Сознаюсь откровенно, что не имѣя никакихъ источниковъ, сверхъ газетныхъ реляцій, для вѣрнаго опредѣленія числа войскъ, дѣйствовавшихъ въ разныхъ мѣстахъ и случаяхъ, я не гонюсь за строгою точностью цифръ въ своихъ описаніяхъ.

Разсказывать подробно мало мнѣ извѣстные планы сраженій считаю также дѣломъ весьма затруднительнымъ. Цѣль моя чисто наблюдательная и заключается въ томъ, чтобы изобразить, по возможности, общій характеръ настоящей войны въ Азіятской Турціи и отдѣльные характеры главныхъ дѣйствующихъ лицъ, бывшихъ въ ней двигателями и участниками.

Работу мою завѣщаю сыну. Черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, можетъ быть не безъ любопытства прочитавши слабые труды мои, онъ узнаетъ гдѣ находился отецъ его въ смутную для отечества эпоху, что̀ онъ тамъ дѣлалъ и съ какими людьми привелъ ему Господь дѣлить боевыя опасности. Разсуждая о людяхъ, я не ручаюсь за строгое безпристрастіе моихъ мнѣній. Каждый изъ насъ обыкновенно смотритъ на другихъ подъ вліяніемъ собственныхъ впечатлѣній. Но помня это, даю себѣ слово говорить сколько возможно справедливѣе, стараясь избѣгать всякихъ личностей.

Записки мои ничтожны, но когда нибудь онѣ могутъ попасть въ руки человѣка, желающаго изъ всего извлечь пользу, и послужатъ источникомъ для опредѣленія истины. Слѣдовательно совѣсть моя заставляетъ меня свято ея придерживаться.

Въ чинѣ полковника будучи командиромъ батареи и завѣдуя вмѣстѣ съ тѣмъ, 8 мѣсяцевъ, цѣлою артиллерійскою бригадою, я имѣлъ много случаевъ сблизиться съ людьми, находившимися въ составѣ управленія нашего отряда, и узнать довольно близко главныхъ его начальниковъ. И потому только рѣшаюсь изложить откровенно о каждомъ изъ нихъ собственныя мои мнѣнія. Приступая къ описанію воспоминаній о настоящей кампаніи, считаю необходимымъ сдѣлать краткій обзоръ всѣмъ предшествовавшимъ ей событіямъ.

Осенью 1853 года послѣдовалъ разрывъ между Россіей и Турціей. Судя по газетнымъ извѣстіямъ, давно уже надобно было къ нему приготовиться. Но бо̀льшая часть нашихъ политиковъ

никакъ не допускали его, считая все дѣло одною пустою тревогою. Къ числу такихъ мыслителей принадлежалъ, повидимому, намѣстникъ Кавказскаго края, князь Воронцовъ: онъ не принялъ никакихъ мѣръ для встрѣчи непріятеля, могущаго вторгнуться въ наши предѣлы. Отдалъ фортъ св. Николая, съ большими запасами провіанта, не сдѣлавши для защиты его ни малѣйшаго распоряженія, и тогда только подумалъ о сосредоточеніи войскъ на границѣ, когда турки въ значительныхъ силахъ стали собираться подъ Карсомъ, въ 70-ти верстахъ отъ Александрополя, главнаго опорнаго пункта нашихъ предѣловъ, и разграбили нѣсколько пограничныхъ селеній. Получивши о томъ извѣстіе, князь Воронцовъ, съ поспѣшностью, неизбѣжною при потерянномъ времени, приказалъ собраться въ Александрополѣ отряду, составленному изъ Кавказской гренадерской бригады съ артиллеріею, нѣсколькихъ баталіоновъ 13-й пѣхотной дивизіи, трехъ дивизіоновъ драгунскаго наслѣднаго принца Виртембергскаго полка, нѣсколькихъ сотень казаковъ и нѣсколькихъ сотень милиціи, всего тысячъ до 14-ти. Начальникомъ этого отряда былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ князь Василій Осиповичъ Бебутовъ, старый кавказскій ветеранъ, пріобрѣвшій репутацію храбраго и распорядительнаго генерала.

Въ концѣ октября, князь Бебутовъ пріѣхалъ въ Александрополь и нашелъ тамъ только головы колоннъ, слѣдовавшихъ туда со своихъ зимнихъ квартиръ усиленными переходами, между тѣмъ, какъ турки начали уже показываться, въ значительныхъ партіяхъ, за рѣкою Арпачаемъ, протекающею верстахъ въ ста отъ города и служащею общею границею. Въ началѣ ноября партіи турокъ усилились, произошло даже нѣсколько схватокъ между ими и линейными казаками, стоившихъ послѣднимъ человѣкъ до 30-ти убитыми. Наконецъ, 11-го числа, когда не собрались еще всѣ наши войска, долженствовавшія составлять Александропольскій отрядъ, передъ селеніемъ Баяндуромъ, отстоящимъ отъ города верстъ на 12, на нашей границѣ показались значительныя толпы баши-бузуковъ, переправившихся ночью, черезъ рѣку, имѣющею вездѣ броды. Князь Бебутовъ отправилъ имъ на встрѣчу генералъ-маіора князя Орбеліани съ нѣсколькими баталіонами пѣхоты, двумя батареями артиллеріи, двумя дивизіонами драгунъ, милиціей и нѣсколькими сотнями казаковъ, всего около

6-ти тысячъ,—приказавъ атаковать турокъ, если это будетъ возможно, или остановиться, ожидая подкрѣпленія, ежели встрѣтитъ непріятеля въ слишкомъ превосходномъ числѣ; но назадъ не отступать ни въ какомъ случаѣ. При приближеніи князя Орбеліани, баши-бузуки начали отступать, и когда подошли къ Баяндуру, очистили поле: передъ отрядомъ нашимъ открылись высоты, усѣянныя турецкой пѣхотой и артиллеріей, готовыми къ бою,—числомъ болѣе 20,000. Съ обѣихъ сторонъ открылась канонада, продолжавшаяся съ 3-хъ часовъ пополудни до самаго вечера, и стоившая намъ немалой потери. Турки пробовали нѣсколько разъ атаковать нашихъ, но были всегда отбиты.

Князь Орбеліани, вслѣдствіе даннаго ему приказанія, не отступилъ, пославъ доложить князю Бебутову о происшедшемъ; между тѣмъ Бебутовъ, видѣвшій самъ въ чемъ заключалось дѣло, отправился уже съ остальною частью своего отряда на выручку впереди стоявшихъ. При приближеніи его, уже передъ вечеромъ, Орбеліани отступилъ, потерявъ человѣкъ до 1,000 выбывшими изъ строя, но въ должномъ порядкѣ. Дѣло это турки считаютъ выиграннымъ; они понесли въ немъ, по превосходству въ числѣ и по выгодной мѣстности, потерю весьма незначительную, но за всѣмъ тѣмъ, продержавшись еще сутки около Баяндуру, ушли за Арпачай, по направленію къ Карсу, и скрылись у насъ изъ виду, вѣроятно для того, чтобы соединиться съ идущими къ нимъ подкрѣпленіями. Между тѣмъ, князь Бебутовъ, дождавшійся остальныхъ своихъ войскъ съ отрядомъ тысячъ въ 12, черезъ нѣсколько дней рѣшился выступить вслѣдъ за пропавшими изъ виду турками.

Переправясь за Арпачай, онъ сдѣлалъ ночлегъ въ аулѣ Пирвали, въ 17-ти верстахъ отъ Александрополя; тамъ жители увѣрили, что главныя турецкія силы отправились въ Карсъ и что около высотъ Башъ-Кадыкъ-Ларскихъ, верстахъ въ 8-ми отъ селенія, оставленъ кавалерійскій отрядъ.

19-го числа ноября князь двинулся къ Башъ-Кадыкъ-Лару; отойдя отъ мѣста ночлега верстъ пять, онъ увидѣлъ стоявшую на высотахъ кавалерію, за которою начали тотчасъ показываться значительныя массы пѣхоты, расположенныя въ стройномъ боевомъ порядкѣ. Думать тутъ долго нельзя,—князь собралъ совѣтъ изъ всѣхъ главныхъ своихъ начальниковъ и командировъ полковъ, на которомъ рѣшили атаковать немедленно турокъ, не смотря

на огромное ихъ превосходство. Впослѣдствіи оказалось, что силы ихъ простирались до 30,000.

Сраженіе Башъ-Кадыкъ-Ларское, описанное подробно въ реляціяхъ, дѣйствительно, можетъ назваться однимъ изъ самыхъ молодецкихъ подвиговъ русскаго войска. Честь его принадлежитъ равно безъ исключенія всѣмъ участвовавшимъ въ этомъ дѣлѣ, начиная отъ князя Бебутова, до послѣдняго солдата. Частные о немъ толки, по обыкновенію, между собою совершенно не сходны: одни прославляютъ того, другіе другого. Князь Бебутовъ, обладающій личною храбростью, показывался въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ и одушевлялъ войска тамъ, гдѣ было надобно. Но вѣрнымъ и быстрымъ тактическимъ взглядомъ онъ похвалиться не можетъ, а потому общее мнѣніе всѣхъ участниковъ дѣла не относитъ успѣха его къ прямымъ и непосредственнымъ распоряженіямъ князя. Но какъ бы то ни было, бой, продолжавшійся часовъ съ двухъ пополудни до наступленія сумеровъ, кончился для нашего оружія блистательнымъ образомъ. Турки были совершенно разбиты и бѣжали, оставивъ въ рукахъ нашихъ весь свой лагерь, нѣсколько пушекъ, знаменъ и разныхъ другихъ трофеевъ. Тысячъ около трехъ ихъ положили на мѣстѣ. Ночь прекратила преслѣдованіе, а на другой день всѣ уцѣлѣвшіе отъ пораженія были уже подъ Карсомъ. Выпалъ довольно глубокій снѣгъ и отрядъ нашъ возвратился въ Александрополь. Около этого же времени, но немного пораньше, а именно, 14-го ноября, генералъ-лейтенантъ князь Андронниковъ разбилъ на голову турокъ, подступившихъ къ Ахалцыху въ несоразмѣрно превосходныхъ силахъ противъ стоявшаго тамъ отряда.

Этимъ окончились военныя дѣйствія 1853 года на кавказско-турецкой границѣ. Турки показываться болѣе нигдѣ не осмѣлились, сосредоточивъ остатки разбитыхъ частей около Карса и Эрзерума, для сформированія новой арміи къ предстоящей кампаніи 1854 года.

Неожиданное вторженіе ихъ въ наши предѣлы было, повидимому, превосходно расчитано: если они не совсѣмъ къ нему приготовились, то мы вдесятеро противъ нихъ меньше. Только примѣрная храбрость войскъ нашихъ могла избавить Закавказскій край отъ угрожавшей ему опасности. Но обстоятельства разъяснились и сдѣлалось видимо, что это былъ только прологъ

къ кровавой драмѣ будущаго года, въ которой готовились принять участіе двѣ сильнѣйшія державы въ Европѣ.

Князь Воронцовъ приказалъ Бебутову расположить въ Александрополѣ и его окрестностяхъ свой отрядъ, понесшій подъ Башъ-Кадыкъ-Ларомъ, сравнительно съ турками, незначительную потерю, но самъ по себѣ очень малочисленный, и просилъ Государя подкрѣпить его свѣжими войсками, сколько можно, въ бо̀льшемъ количествѣ. Покойный императоръ Николай I, различавшій уже ясно угрожавшую Россіи бурю, къ которой повидимому давно онъ готовился, но которую, кажется, еще не ожидалъ такъ рано, двинулъ впередъ, съ величайшею поспѣшностью, расположенный около Москвы 6-й пѣхотный корпусъ, по направленію къ Кавказу и Крыму.

Въ половинѣ ноября, войска начали подыматься съ зимнихъ квартиръ своихъ, и къ концу мѣсяца весь корпусъ былъ уже на походѣ, формируясь дорогою по военному положенію. Въ Харьковъ назначено было вступить всѣмъ частямъ совершенно готовыми. До этого города корпусъ слѣдовалъ по одному пути, въ двухъ баталіонныхъ колоннахъ, имѣя на один ъ проходъ разстояніе между эшелонами. Далѣе государь, вѣроятно, уже получившій подробныя донесенія отъ князя Меншикова и отъ князя Воронцова, приказалъ отправить къ первому въ Крымъ 16-ю и 17-ю пѣхотныя дивизіи, съ ихъ артиллерію, а на Кавказъ 18-ю дивизію, къ которой имѣла честь принадлежать моя батарея, вмѣстѣ со всей бригадой.

Страшно тяжелъ былъ походъ нашъ, совершенный въ глубокую зиму, при жестокихъ морозахъ и мятеляхъ, а потомъ весенней распутицей. Перевалъ же черезъ Кавказскій хребетъ въ самое неудобное время года, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, довершилъ наши бѣдствія, испытанныя на протяженіи 2,000 верстъ. Въ концѣ апрѣля, дивизія начала сосредоточиваться подъ Александрополемъ, оставивъ, по распоряженію, Ряжскій полкъ въ Тифлисѣ и два баталіона Ряжскаго полка въ мѣстечкѣ Ахалкалакахъ. При проходѣ чрезъ Тифлисъ, встрѣтилъ всѣ части генералъ Реадъ, занимавшій тогда мѣсто князя Воронцова, и усиленно благодарилъ войска за добрый видъ и порядокъ, въ которомъ они сохранились, сдѣлавши такой далекій и тяжкій походъ. Похвалы его, доведенныя потомъ до свѣдѣнія государя императора, при-

нимали мы съ полною признательностью, но не могли не видѣть, что не досчитываемся изряднаго количества лучшихъ солдатъ, и что въ рядахъ нашихъ слѣдуетъ еще много жертвъ, долженствующихъ скоро погибнуть, вслѣдствіе трудовъ чрезмѣрныхъ и невыносимыхъ.

Да! Война есть бѣдствіе страшное! Да будутъ прокляты безумные честолюбцы, ее желающіе. Отымая рабочія руки и земледѣльца, предавая опустошенію цѣлыя области, одѣвая въ трауръ семейства и наполняя міръ несчастными сиротами, она не столько губитъ людей прямымъ своимъ назначеніемъ, т. е. въ сраженіяхъ, сколько голодомъ, холодомъ, тяжкимъ изнуреніемъ силъ и другими мучительными пытками, ниспосылаемыми Провидѣніемъ въ гнѣвѣ своемъ на провинившееся человѣчество. Я полагаю, что князь Воронцовъ, на этотъ разъ, думалъ совершенно одинаково со мною, потому что, при самомъ началѣ кампаніи, сказавшись больнымъ, убрался за границу, откуда уже на Кавказъ не возвращался. Дѣла тамъ становились смутны, турки вездѣ готовились напасть на насъ въ превосходныхъ силахъ; французы и англичане, не обозначавшіе еще настоящихъ своихъ намѣреній, могли прислать значительную помощь своимъ союзникамъ. Шамиль собиралъ въ горахъ большія массы, угрожая вездѣ опустошительнымъ набѣгомъ на наши предѣлы.

Князь Воронцовъ, уѣзжая изъ Тифлиса, будто-бы не надолго, для приличія, снабдилъ программою будущихъ дѣйствій занявшаго на время мѣсто его генерала Реада, человѣка весьма добраго и хорошаго, но начальника во всѣхъ отношеніяхъ весьма слабаго, не имѣвшаго ни собственной воли, ни должной власти, ни малѣйшей военной распорядительности. Въ помощь ему оставилъ онъ своего начальника штаба, генералъ-адъютанта князя Барятинскаго, которому, по должности, дѣла края должны были быть хорошо извѣстны. Это аристократъ, происходившій отъ древнерусской фамиліи и воспитывавшійся вмѣстѣ съ Государемъ Наслѣдникомъ, нынѣшнимъ Императоромъ Александромъ II [1]), котораго неизмѣннымъ расположеніемъ, можно сказать дружбою, онъ постоянно пользовался,—пріобрѣлъ себѣ репутацію отважнаго и счастливаго генерала въ нѣсколькихъ экспедиціяхъ, на Кавказѣ имъ предпринятыхъ.

[1]) Писано въ 1878 г.

По отъѣздѣ князя Воронцова, князь Барятинскій не нашелъ никакой занимательности копаться въ бумагахъ вмѣстѣ съ безгласнымъ Реадомъ, а почелъ за лучшее отправиться въ Александропольскій отрядъ, для того, чтобы тамъ выщипать, на свою долю, нѣсколько лавровыхъ листковъ изъ свѣжаго вѣнка князя Бебутова, которымъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, этотъ добрый старикъ долженъ былъ украсить снова свою посѣдѣлую въ бояхъ голову.

ГЛАВА II.

Такимъ образомъ, въ то время, охраненіе границъ нашихъ и ходъ всей кампаніи сосредоточился на двухъ лицахъ: князѣ Бебутовѣ, командовавшемъ Александропольскимъ, и князѣ Андрониковѣ—Гурійскимъ отрядами. Долгомъ считаю разсказать здѣсь все, что могъ узнать достопримѣчательнаго о генералахъ этихъ, кончившихъ такъ блистательно въ Азіятской Турціи кампанію 1854 года.

Съ княземъ Бебутовымъ я познакомился предъ выступленіемъ его въ походъ, потомъ былъ съ нимъ въ сраженіяхъ, и наконецъ провелъ нѣсколько зимнихъ мѣсяцевъ въ Александрополѣ, послѣ похода, будучи имъ обласканъ самымъ обязательнымъ образомъ. Князь Бебутовъ, происходя отъ одной изъ лучшихъ армянскихъ фамилій, воспитывался въ Петербургѣ, кажется, въ Пажескомъ корпусѣ, гдѣ и получилъ хорошее свѣтское образованіе. Служилъ сперва въ гвардіи, потомъ на Кавказѣ, испыталъ въ жизни своей много разныхъ превратностей, и, наконецъ, въ послѣднюю эпоху войны, пріобрѣлъ себѣ настоящую свою извѣстность.

Въ физіономіи князя Бебутова типъ преобладаетъ армянскій: при чрезвычайно большомъ носѣ, глаза не велики, но умны, быстры и проницательны, волосы нѣкогда черные, теперь значительно сѣды. Лицо, по большей части, выражаетъ улыбку; ростъ нѣсколько выше средняго, станъ худощавый и отъ лѣтъ порядочно сгорбленный. Движенія живы и добры. Манера въ обращеніи чрезвычайно привлекательная,—съ окружающими его, всегда почти добръ и вѣжливъ. Въ случаѣ надобности умѣетъ взыскать,—съ подчиненными постоянно ласковъ, и имѣетъ даръ

обращаться съ солдатами,—кстати и одобрить и задобрить ихъ привѣтливымъ словомъ. Любитъ наружный блескъ и большую кругомъ себя свиту. На конѣ показываетъ всегда желаніе казаться добрымъ и молодцоватымъ.

Не получивъ спеціальнаго военнаго образованія, князь Бебутовъ не можетъ назваться ни искуснымъ стратегомъ, ни замѣчательнымъ тактикомъ, но будучи уменъ, счастливъ, и обладая личною храбростью, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, онъ представляетъ собой образецъ такого начальника, подъ командой котораго служба для подчиненныхъ легка и пріятна.

Князя Андроникова я никогда не видѣлъ, но изъ всѣхъ слышанныхъ мною о немъ разсказовъ заключаю, что умственными способностями своими онъ далеко отстоялъ отъ князя Бебутова. Потомокъ знаменитаго грузинскаго царя Соломона, кажется, не надѣленнаго проницательностью своего славнаго пра-пра-дѣда, князь Андрониковъ гордился своимъ происхожденіемъ, но въ обращеніи простъ, головой не мудръ, душой благороденъ, духомъ храбръ и безстрашенъ. Онъ пользуется также любовью всѣхъ своихъ подчиненныхъ, отъ старшаго начальника до послѣдняго солдата.

Отъ этихъ-то двухъ генераловъ, отчетливо служившихъ представителями націй своихъ: Бебутовъ—армянской, Андрониковъ—грузинской, какъ я сказалъ уже выше, зависѣлъ здѣсь весь успѣхъ кампаніи 1854 года. Зная о приготовленіяхъ турокъ, они, съ своей стороны, употребили всѣ мѣры для встрѣчи ихъ.

Князь Андрониковъ стоялъ въ Гуріи съ отрядомъ, состоявшимъ изъ нѣсколькихъ баталіоновъ 13-й пѣхотной дивизіи, нѣсколькихъ баталіоновъ кавказскихъ, нѣсколькихъ сотень казаковъ, при трехъ батареяхъ артиллеріи, числомъ всего немного болѣе 10,000. Противъ него силы непріятеля собирались второстепенныя, сформированныя большею частію наскоро, изъ милиціонеровъ и жителей, но числомъ далеко его превосходящія.

Лучшія турецкія войска, регулярныя, пѣхота и конница, обучаемыя европейскими офицерами, были сосредоточены около Карса, составляя вмѣстѣ съ баши-бузуками армію, назначенную для дѣйствій противъ Александропольскаго отряда, числомъ тысячъ около 60-ти.

Князь Бебутовъ, знавшій приблизительно, черезъ лазутчиковъ обо всемъ происходившемъ около Карса, дѣятельно принималъ

свои мѣры: стянувъ въ Александрополь всѣ войска, имѣвшіяся въ его распоряженіи, онъ озаботился преимущественно тѣмъ, чтобы дать отдыхъ полкамъ 18-й пѣхотной дивизіи, съ ихъ артиллеріей совершившимъ изнурительный полугодовой походъ, и двумъ драгунскимъ полкамъ, № 4-го и № 8-го, также только что пришедшимъ изъ глубины Россіи. Числительность его отряда простиралась съ небольшимъ за 20,000. Бóльшую половину его, въ началѣ іюня, онъ переправилъ за Арпачай, и расположилъ тамъ лагеремъ, имѣя въ виду Александрополь, и ожидая какое дѣйствіе произведетъ это на турокъ.

Турки выдвинулись также отъ Карса, впередъ верстъ на 30, и стали лагеремъ около аула Суботана, прислонивши свой тылъ къ большой гористой возвышенности. Прождавъ еще нѣсколько времени и видя, что турки не предпринимаютъ ничего рѣшительнаго, князь Бебутовъ двинулся къ нимъ на встрѣчу.

15-го іюня, собравши корпусъ верстахъ въ 5-ти передъ Александрополемъ, онъ выѣхалъ къ войскамъ, въ сопровожденіи многочисленной свиты, составленной преимущественно изъ разныхъ искателей приключеній, пріѣхавшихъ сюда за наградами. Громкое „ура“ со всѣхъ сторонъ огласило воздухъ въ отвѣтъ на ласковыя рѣчи князя, поздравлявшаго солдатъ съ походомъ. Полки, пришедшіе изъ Россіи, хотя имѣли еще на себѣ отпечатокъ сильнаго изнуренія, но были всѣ вообще бодры, веселы и кипѣли желаніемъ поскорѣе встрѣтиться съ непріятелемъ.

Хитрый старикъ очень хорошо зналъ, чему онъ готовится, но умѣлъ ловко распустить слухи, что у турокъ не болѣе 30,000 и что войско ихъ совершенно плохо и неустроенно. Часа въ два пополудни, отслуживши обыкновеннымъ порядкомъ молебствіе, отрядъ нашъ съ музыкой и громкими пѣснями двинулся по направленію къ Карсу. Половина моей батареи была оставлена въ Ахалкалакахъ, а другой половинѣ и мнѣ при ней назначено было оставаться въ Александрополѣ, вмѣстѣ съ двумя баталіонами Ряжскаго полка. Проводивши глазами отрядъ, кипѣвшій жизнью и веселіемъ, я воротился грустно домой, въ ожиданіи извѣстія о подвигахъ своихъ ратныхъ товарищей. Но ожиданіе это оправдалось не скоро: медленно двигался впередъ осторожный князь Бебутовъ, дѣлая въ день переходы по нѣсколько верстъ и останавливаясь безпрестанно на мѣстѣ. Почти въ двѣ

недѣли прошелъ онъ не болѣе 30-ти верстъ, и расположился лагеремъ, верстахъ въ 12-ти отъ турокъ, примыкая лѣвымъ флангомъ къ подошвѣ горы Кароялъ и имѣя почти въ центрѣ своемъ аулъ Кюрукъ-Дара, оставленный жителями.

Позиція наша была не крѣпка: съ лѣвой стороны гора Кароялъ, занятая одними только аванпостами, почти совершенно ею командовала; спереди и съ праваго фланга не представлялось никакихъ мѣстныхъ препятствій. Объ искусственныхъ укрѣпленіяхъ никто не хотѣлъ думать. Рѣчь шла не о томъ, чтобы укрѣпляться отъ турокъ, напротивъ, всѣ единодушно желали атаки ихъ лагеря. Желаніе это обнаружилось еще сильнѣе въ началѣ іюля, когда получили извѣстіе, что князь Андрониковъ, при рѣкѣ Челокѣ, разбилъ на голову непріятеля, втрое противъ него сильнѣйшаго. Подвигъ князя Андроникова былъ блистательный, но онъ совершилъ его, имѣя дѣло, какъ я сказалъ уже выше, съ войсками по большей части иррегулярными и мало устроенными. Князю Бебутову предстояла борьба гораздо труднѣйшая, и онъ очень хорошо постигалъ всю опасность ея.

Не обращая вниманія на разные толки, можно сказать, ропотъ въ отрядѣ, князь твердо слѣдовалъ задуманному имъ плану: онъ продолжалъ распускать слухи о малочисленности и о безсиліи турокъ, лагерь которыхъ потому только, будто бы, не атакуетъ, что онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ сильными минами, а между тѣмъ готовился, не безъ тайнаго сомнѣнія, къ кровавой развязкѣ.

Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ схватокъ между казаками и баши-бузуками, въ которыхъ первые били всегда послѣднихъ, и послѣ многихъ фуражировокъ, исполненныхъ, такъ сказать, подъ носомъ у турокъ, постоянно оказывавшихъ замѣтную робость, наступило 24 число іюля,—день, покрывшій новою славою оружіе русское и утвердившій окончательно военную репутацію князя Бебутова.

Мнѣ Господь привелъ, совершенно неожиданно, быть участникомъ въ знаменитомъ Кюрукъ-Дарскомъ сраженіи. Соскучившись бездѣйствіемъ въ Александрополѣ, я воспользовался тѣмъ случаемъ, что одному взводу моей батареи досталось конвоировать, до отряда, транспортъ съ провіантомъ, и отправился посмотрѣть поближе на турокъ. Это было 19 или 20 число іюля, хорошенько не помню. 23-го числа, когда я имѣлъ уже приказаніе завтрашній

день возвращаться съ обратной оказіей въ Александрополь, вдругъ князь Бебутовъ насъ оставилъ при отрядѣ, впредь до приказаній! Оказалось, что князь получилъ извѣстіе, чрезъ лазутчиковъ, въ восемь часовъ пополудни, что турки отправляютъ въ Карсъ часть своихъ тяжестей, сами же приготовляются къ ночному движенію, съ цѣлью или напасть на насъ, или отступить назадъ къ Карсу; послѣднее князь нашелъ болѣе вѣроятнымъ; а почему?— не знаю.

Вечеромъ часовъ въ 11 по всему лагерю были разосланы приказанія, чтобы войска послѣ полуночи снимали палатки и немедленно выходили на-легкѣ, безъ ранцевъ, строиться впереди первой линіи, такимъ порядкомъ, какъ будетъ указано [1]). Всѣ лишнія тяжести приказано отправить въ вагенбургъ, устроенный сзади лагеря, съ одной стороны, на довольно крѣпкомъ отъ природы мѣстѣ, а съ другой—защищенный небольшимъ бастіономъ, подъ прикрытіемъ сапернаго баталіона и небольшой сборной команды при 10 орудіяхъ.

Двумъ Ряжскимъ баталіонамъ, пришедшимъ изъ Александрополя съ транспортомъ, назначено, подъ начальствомъ своего полковаго командира, прикрывать аріергардъ, вмѣстѣ съ четырьмя орудіями, надъ которыми командованіе поручили мнѣ. Такимъ отразомъ, отрядъ часа за два до свѣта находился уже на мѣстѣ, выстраиваясь въ двѣ походныя колонны. Чуть начало брезжиться, переднія части двинулись впередъ увеличеннымъ шагомъ, чтобы застигнуть скорѣе бѣгущихъ турокъ. Подобное распоряженіе доказываетъ ясно, что проницательный князь Бебутовъ, на этотъ разъ, попалъ въ большой промахъ.

Турки бѣжать не думали: армія ихъ, выстроенная также ночью въ боевой порядокъ, находилась у насъ съ лѣвой стороны, и ожидала только разсвѣта, чтобы атаковать нашу позицію. Появленіе зари объяснило все дѣло... пошла страшная суматоха. Оказалось, что вмѣсто движенія впередъ, намъ надобно выстроить фронтъ налѣво. По неожиданности этого маневра, исполненіе его произведено было въ большомъ безпорядкѣ. Находясь въ аріергардѣ, повозки котораго только что начались устраиваться, мы не могли замѣтить турецкой арміи, скрытой отъ насъ въ лощинѣ,

---

[1]) Фронтомъ и поставленными въ нѣсколько рядовъ повозками.

за пологою возвышенностью, и потому пришли въ большое изумленіе, когда увидѣли, что переднія наши колонны поворачиваютъ влѣво, съ чрезвычайною поспѣшностью, при чемъ послѣдовали скачки адъютантовъ и разныхъ искателей приключеній.

Но вотъ просвѣтлѣло еще немного, и на горѣ Кароалѣ показались войска: это были турки, занявшіе ее передъ свѣтомъ, какъ главный пунктъ своего праваго фланга. Они втащили туда 2 орудія, сверху блеснулъ огонекъ, поднялось облако дыма и загремѣлъ первый выстрѣлъ. Черезъ нѣсколько минутъ, впереди, съ лѣвой стороны, поле покрылось дымомъ и раздалась жестокая канонада; тогда мы, хотя и не видѣли за высотою какъ сходились двѣ арміи, поняли ясно въ чемъ заключается дѣло. Все вниманіе наше устремилось въ ту сторону, гдѣ гремѣли безпрерывно ружейная и пушечная пальба и громкое „ура“ нѣсколько разъ уже огласило воздухъ... Но не прошло четверти часа, какъ я услышалъ кругомъ себя голоса, говорящіе: „смотрите, смотрите, вѣдь это турки“. Я поглядѣлъ впередъ и увидѣлъ дѣйствительно значительныя массы пѣхоты и конницы, шевелившіяся въ лощинѣ, верстахъ въ двухъ передъ нашей позиціей. Они, вѣроятно, были тамъ скрыты, съ намѣреніемъ обойти нашъ правый флангъ, и теперь, когда по расчету ихъ наступила пора, начали выдвигаться впередъ.

—„И то турки! Да кажется, что на насъ идутъ“, послышалось тотчасъ же. Прискакалъ адъютантъ, съ приказаніемъ оставить двѣ роты для прикрытія перевязочнаго пункта и вагенбурга, а остальнымъ шести ротамъ съ артиллеріею двигаться впередъ на встрѣчу показавшемуся вновь непріятелю.

Полковой командиръ Ряжскаго полка, полковникъ Ганецкій[1]), повелъ самъ колонну. Отошедши впередъ съ полъ-версты и видя, что турки уже приближаются, Ганецкій началъ выстраиваться,— я приказалъ снять съ передковъ и дать первый выстрѣлъ.

Вслѣдъ затѣмъ, турки, имѣвшіе передъ нами, какъ оказалось, орудій 22, открыли жестокій огонь.

Держась твердо намѣренія слѣдовать въ воспоминаніяхъ моихъ цѣли нравственно-наблюдательной, а не исторической, я не стану описывать всѣхъ подробностей дѣла, продолжавшагося часовъ до 11, скажу только о томъ, чему самъ былъ свидѣтелемъ.

---

[1]) Въ настоящее время корпусный командиръ и герой войны 1877—1878 гг.

Часа два стояли ряжцы противъ турецкой пѣхоты, осыпавшей ихъ убійственнымъ батальнымъ огнемъ. Нѣсколько разъ, обѣ стороны пробовали бросаться въ штыки другъ противъ друга, но ни одна не имѣла успѣха. Ряжцы, поражаемые огнемъ превосходнаго въ силахъ непріятеля, начали было ослабѣвать, какъ прибытіе генерала Багговута, съ нѣсколькими дивизіонами драгунъ и 4 орудіями конной артиллеріи, возстановило ходъ дѣла. Турки, взятые во флангъ картечнымъ огнемъ вновь прибывшихъ пушекъ, и убѣдившіеся ясно, что армія ихъ въ центрѣ разбита, начали отступать и вскорѣ побѣжали въ совершенномъ безпорядкѣ.

Много турокъ порубили и человѣкъ до 800 захватили въ плѣнъ. Преслѣдованіемъ распоряжался генералъ Багговутъ; онъ гналъ, съ конницею, бѣгущихъ почти до самаго лагеря ихъ; пѣхота не могла слѣдовать за кавалеріей и потому мы отъ него немного отстали.

Наконецъ, отъ князя Бебутова, котораго съ главнымъ отрядомъ мы потеряли совсѣмъ изъ вида, получено приказаніе остановиться. Непріятель былъ разбитъ окончательно, на всѣхъ пунктахъ, и бѣжалъ, оставивши намъ 15 пушекъ, много знаменъ, ружей и разныхъ другихъ трофеевъ. Болѣе 6,000 турокъ легло убитыми на полѣ сраженія. 1,800 чел., въ томъ числѣ до 100 офицеровъ, забрано въ плѣнъ.

Курюкъ-Дарское сраженіе принадлежитъ къ числу самыхъ блистательнѣйшихъ эпизодовъ нашей военной славы. Зарифъ-паша, турецкій главнокомандующій, при самомъ началѣ кампаніи, имѣлъ армію превосходящую числомъ отрядъ князя Бебутова больше, нежели вдвое; увеличивъ ее значительно войсками, взятыми изъ Ардагана и остатками войскъ, разбитыхъ подъ Челокомъ, онъ имѣлъ около 60,000 войска, когда рѣшился атаковать нашъ 18-ти тысячный корпусъ.

Несоразмѣрность въ силахъ огромная! Солдаты имѣютъ даръ выражать простыми словами, очень вѣрно и хорошо, самыя сложныя вещи. Мнѣ случилось нечаянно слышать, послѣ сраженія, разговоръ двухъ солдатъ, изъ которыхъ одинъ говорилъ другому: „Ну, братъ, ужъ подлинно, что мудреная была штука, какъ мы одолѣли этихъ бусурманъ! Куда на нихъ ни глянешь—вездѣ стѣна, а какъ посмотришь на своихъ—вездѣ ворота!“ Оно такъ и было дѣйствительно, но ворота сломили стѣну!

ГЛАВА III.

Ходъ Кюрукъ-Дарскаго дѣла, также какъ и послѣ Башъ-Кадыкъ-Ларскаго, общая молва не относитъ къ непосредственному распоряженію князя Бебутова, показывавшагося во многихъ опасныхъ мѣстахъ и одушевлявшаго солдатъ собственнымъ примѣромъ, но не бывшаго главнымъ лицемъ, отъ котораго получались всѣ приказанія.

Распоряжался и князь Барятинскій, и начальникъ артиллеріи Брюммеръ, и начальникъ кавалеріи Багговутъ, и нѣкоторые другіе начальники частей, каждый по своему усмотрѣнію, и не распоряжался никто, а такъ какъ-то, по милости Божіей, при помощи солдатской вѣры и храбрости, все кончилось благополучно. За всѣмъ тѣмъ, здѣсь вся честь успѣха далеко больше, чѣмъ подъ Башъ-Кадыкъ-Ларомъ, принадлежитъ исключительно одному князю Бебутову: тамъ онъ, только что принявши команду надъ корпусомъ, пошелъ на удачу противъ непріятеля и вынужденъ былъ къ сраженію случаемъ, безъ всякихъ расчетовъ. Здѣсь весь успѣхъ подготовленъ его хитрымъ умомъ, его умѣньемъ обращаться съ солдатами и пользоваться мѣстными средствами. Онъ съ горстью войска держалъ въ страхѣ многочисленную турецкую армію цѣлыхъ два мѣсяца; онъ переупрямилъ турецкаго главнокомандующаго, заставивъ его выйти въ чистое поле. Онъ увѣрилъ солдатъ своихъ въ безсиліи турокъ. Онъ повелъ ихъ безстрашно на бой, когда пришла надобность!

Былъ маленькій промахъ съ его стороны,—въ увѣренности, что турки бѣгутъ отъ насъ, тогда какъ они вышли сражаться, но уже кому судьба начнетъ благопріятствовать, то все устроется къ лучшему.

Легко можетъ быть, что заблужденіе князя Бебутова послужило ему въ пользу: еслибъ турки встрѣтили отрядъ нашъ готовымъ къ бою, они атаковали-бы его съ большей рѣшимостью, слѣдуя заранѣе составленному ими плану. Между тѣмъ, какъ неожиданное появленіе передъ ними нашихъ войскъ, двигавшихся въ разныя стороны, ихъ очень смутило и обдало паническимъ страхомъ.

Покойный государь, обладавшій во многихъ случаяхъ большою проницательностью, умѣлъ оцѣнить всю важность услуги, оказанной побѣдой князя Бебутова: получивъ о ней донесеніе, онъ прислалъ князю орденъ Андрея Первозваннаго, награду, каковой въ генералъ-лейтенантскомъ чинѣ въ Россіи еще никто не получалъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, пожалованы Георгіевскіе кресты на шею князю Барятинскому и Брюммеру, полковнику Ганецкому орденъ св. Георгія 4-й ст., и генеральскій чинъ начальнику штаба полковнику Невѣровскому, по правдѣ сказать, очень мало виноватому въ пораженіи злосчастныхъ османовъ. Я получилъ чинъ полковника.

Многіе въ отрядѣ нашемъ осуждали князя Бебутова за то, что онъ не преслѣдовалъ дальше бѣгущаго непріятеля, но я съ этимъ мнѣніемъ не согласенъ. Нѣсколько лишнихъ часовъ преслѣдованія прибавило-бы только сотни двѣ или три лишнихъ жертвъ, не принеся никакой существенной пользы. Идти же за отступающими турками, до самаго Карса, было-бы безразсудно: турки, хотя и совершенно разстроенные, могли бы собраться снова подъ пушками своихъ укрѣпленій и поставить армію, числомъ вдвое насъ превосходящую, и тогда, въ случаѣ неудачи, всякое отступленіе было-бы невозможно. Къ тому же, войска наши, особенно кавалерія, утомленныя продолжительнымъ боемъ, чувствовали сильную нужду въ отдыхѣ.

Къ 3-мъ часамъ пополудни, бо́льшая половина отряда была уже на мѣстѣ прежняго лагеря, и разбивала снова палатки. На другой день, въ 9 часовъ утра, всѣ генералы, артиллерійскіе штабъ-и оберъ-офицеры и другихъ частей штабъ-офицеры ходили поздравлять съ побѣдою князя Бебутова, окружившаго свою палатку отбитыми трофеями всякаго рода, какъ-то: пушками, знаменами, значками, ружьями, саблями и разными другими предметами.

Потомъ поздравляли и князя Барятинскаго, и артиллеристы, сверхъ того, Брюммера. Каждый, съ торжественнымъ видомъ принималъ поздравленія какъ дань, вполнѣ имъ заслуженную,— отвѣчая различными привѣтствіями и похвалами общему отличію всѣхъ частей войска.

Потомъ, въ корпусной церкви, была панихида за упокой душъ воиновъ, погибшихъ въ сраженіи, и наконецъ, молебствіе Господу,

даровавшему намъ побѣду. Князь Бебутовъ имѣлъ даръ устраивать все это очень прилично и эффектно.

26-го числа, часовъ въ 8 утра, отправился я обратно въ Александрополь, вмѣстѣ со своимъ взводомъ; при этой оказіи слѣдовали плѣнные турки и человѣкъ до 600 раненыхъ, положенныхъ на повозки. Нѣсколькихъ тяжело раненыхъ штабъ-и оберъ-офицеровъ солдаты несли на носилкахъ.

Передъ Александрополемъ встрѣтило насъ почти все народонаселеніе города, содрогнувшееся сначала, при видѣ длинной вереницы повозокъ, наполненныхъ окровавленными жертвами, и пришедшее потомъ въ восторгъ, когда начали приближаться шедшіе сзади плѣнные турки. Армяне никогда еще такого большого количества ихъ не видали, а потому долго кричали во все горло ура!......

Князь Бебутовъ простоялъ еще нѣсколько дней при Курюкъ-Дарѣ, посылая цѣлые баталіоны закапывать людскіе и лошадиные трупы, покрывавшіе поле сраженіе... Время стояло жаркое, запахъ отъ гніенія ихъ началъ дѣлаться весьма ощутительнымъ, и тогда оказалось необходимымъ перемѣнить мѣсто отряду. Князь Бебутовъ отодвинулся нѣсколько назадъ и влѣво,—потомъ принялъ вправо, а потомъ, перемѣнивши еще нѣсколько позицій, въ концѣ ноября, подошелъ къ самому Александрополю.

Четыре мѣсяца употребилъ осторожный старикъ на обратное слѣдованіе по пространству, пройденному имъ въ 10 дней во время наступательнаго движенія! Турки, собравшіеся послѣ понесеннаго ими пораженія, имѣли снова у себя болѣе 30,000 и стояли лагеремъ недалеко впереди Карса, но больше уже ни разу насъ не тревожили. Въ началѣ декабря, отрядъ нашъ былъ распущенъ по зимнимъ квартирамъ.

Тѣмъ кончилась здѣсь кампанія 1854 года.

На первый штурмъ Карса.

17-го сентября 1855 г.

Тети Сони имянины
Исправлялись, тамъ, у васъ,
Здѣсь, кровавыя крестины
Въ этотъ день намъ задалъ Карсъ:

Громъ гремѣлъ, сверкало пламя,
Бушевала смерть въ рядахъ,
Развѣвалось наше знамя
На Шпрахскихъ высотахъ.
Но не долго тамъ стояло:
Разозлившійся Османъ
Штурмъ отбилъ, и чѣмъ попало
Провожалъ гостей въ свой станъ.
Слава падшимъ!—ихней кровью
Обагрился весь Ширахъ.
Вспомянемъ о нихъ съ любовью
И съ молитвой на устахъ!
. . . .
. . . .

ГЛАВА IV.

Октябрь, ноябрь и декабрь 1854 г. провелъ я въ Ахалкалакахъ, занимаясь устройствомъ своей батареи. Въ январѣ же 1855 года былъ вытребованъ въ Александрополь, для командованія бригадой, вмѣсто настоящаго бригаднаго командира, уѣхавшаго по болѣзни въ отпускъ. Обстоятельство это, хотя и невыгодное въ хозяйственномъ отношеніи, принесло мнѣ большую пользу по службѣ, и доставило много занимательныхъ предметовъ наклонности моей къ наблюдательности.

Здѣсь имѣлъ я случай сблизиться со многими главными лицами нашего отряда и заслужить расположеніе князя Василія Осиповича, любезности, привѣта и ласки котораго никогда не забуду. Отсюда совершилъ я, по службѣ, поѣздку въ Эривань, оставившую въ моей памяти много пріятныхъ воспоминаній. Здѣсь дождался я прибытія къ отряду новаго намѣстника, новаго владыки Кавказа, эпохи, составляющей главную цѣль настоящихъ записокъ моихъ: постараюсь изобразить ее такъ, какъ самъ понялъ и какъ здѣсь отзывается о ней общее мнѣніе.

Покойный императоръ Николай I, предъ самой кончиной своей, назначилъ на Кавказъ главнокомандующимъ генерала отъ инфантеріи Муравьева, бывшаго передъ тѣмъ командиромъ гренадерскаго корпуса, наградивъ его званіемъ генералъ-адъютанта и облекши саномъ намѣстника. Покойный императоръ, хотя имѣлъ здравый умъ и великую въ дѣлахъ проницательность, но въ выборѣ

людей ошибался не рѣдко: настоящій случай, кажется, можетъ служить тому доказательствомъ. За что столько милостей человѣку, въ жизни своей ничего особеннаго еще не сдѣлавшему? Повидимому, это долженъ быть геній, а вотъ посмотримъ!

Полной біографіи Муравьева я не знаю, да еслибъ и зналъ, то не взялъ бы на себя труда ее описывать. Мнѣ извѣстно только, что нѣкогда онъ командовалъ полкомъ на Кавказѣ, еще при князѣ Паскевичѣ, которому съумѣлъ опротивѣть, и былъ имъ отсюда изгнанъ. Далѣе, водилъ вспомогательный корпусъ турецкому султану противъ взбунтовавшагося египетскаго паши, который смирился отъ одного появленія русскихъ у Константинополя! Затѣмъ, командовалъ 3-мъ корпусомъ, гдѣ сгрубилъ покойному государю, за что былъ, нѣкоторое время, въ немилости. Передъ послѣднимъ назначеніемъ своимъ былъ командиромъ гренадерскаго корпуса, расположеніемъ котораго, кажется, похвалиться не можетъ, и наконецъ, назначенъ намѣстникомъ на Кавказъ, находившійся, по правдѣ сказать, въ обстоятельствахъ незавидныхъ. До Муравьева, нѣсколько лѣтъ сряду, былъ Кавказскимъ намѣстникомъ князь Воронцовъ, настоящій русскій вельможа какъ по богатству, такъ и по аристократическому происхожденію, имѣвшій бо̀льшую часть качествъ и недостатковъ своего сословія: изысканно вѣжливый въ обращеніи, барски-роскошный въ образѣ жизни, одаренный благородною наружностью, князь Воронцовъ, пріѣхавши въ Тифлисъ, произвелъ на весь край самое пріятное впечатлѣніе, но это продолжалось не долго. Князю Воронцову не доставало прямоты, характера, привычки къ постояннымъ трудамъ, способности выбирать довѣренныхъ людей, и основательнаго знанія потребностей края; коваренъ, лѣнивъ, легкомысленъ и поверхностенъ въ дѣлахъ серьезныхъ. Нѣкоторую часть своей молодости онъ провелъ въ Лондонѣ, гдѣ заразился англоманіей и несбыточными мечтами о равенствѣ, и потому, прибывъ къ новому мѣсту, началъ усиленнымъ образомъ преслѣдовать злоупотребленія, для чего, по недостатку собственной проницательности, окружилъ себя доносчиками и шпіонами, по ремеслу своему, разумѣется, людьми подлыми. Чуждый правильнаго понятія о настоящемъ положеніи кавказскаго солдата, онъ задумалъ облегчить военный бытъ его, и тѣмъ много по-

вредилъ дисциплинѣ. Въ сношеніяхъ съ разнородными племенами, составляющими народонаселеніе Кавказа, показалъ неумѣстную снисходительность, затѣялъ много проэктовъ и плановъ, съ перваго взгляда эффектныхъ, но въ сущности не всегда полезныхъ и для правительства раззорительныхъ. Злонамѣренные люди съумѣли воспользоваться мало-основательною страстью князя къ преобразованіямъ, и начали ловко извлекать для себя пользу.

Наконецъ, когда 70-ти лѣтній старикъ привязался, какъ молоденькій мальчикъ, къ одной грузинкѣ, изъ угожденія которой началъ оказывать пристрастное покровительство всѣмъ туземцамъ, часто въ обиду служащимъ на Кавказѣ русскимъ, всѣ стали громко жаловаться на легкомысленное поведеніе князя, дошедшаго почти до ребячества, и желать другого правителя, болѣе достойнаго царской довѣренности.

Въ это время началась кампанія; князь Воронцовъ поѣхалъ за границу въ отпускъ, а вмѣсто его, какъ я сказалъ уже, покойный государь назначилъ главнокомандующимъ Муравьева, со всѣми правами, принадлежащими его предмѣстнику. Бо̀льшая часть людей честныхъ, дѣльныхъ и здраво-мыслящихъ этимъ назначеніемъ были довольны. О Муравьевѣ носился слухъ, что онъ хотя имѣетъ довольно тяжелый характеръ, но справедливъ, уменъ, дѣятеленъ и обладаетъ замѣчательными военными качествами; что̀ было поводомъ къ послѣднему мнѣнію, неизвѣстно! Изъ всего мною выше разсказаннаго можно заключить при какихъ благопріятныхъ для себя обстоятельствахъ прибылъ Муравьевъ къ новому своему мѣсту, и какъ легко было ему заслужить общее расположеніе на Кавказѣ, утомленномъ правленіемъ князя Воронцова.

Но какъ онъ этимъ воспользовался—увидимъ впослѣдствіи.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1855 года, достигла до Александрополя, гдѣ я тогда находился, молва о прибытіи Муравьева къ кавказской границѣ, о путешествіи его по линіи и, наконецъ, о въѣздѣ въ Тифлисъ. Новый намѣстникъ вездѣ ознаменовалъ свое появленіе разными строгостями: кого отрѣшилъ отъ мѣста, кого посадилъ подъ арестъ, кого надѣлилъ рѣзкимъ выговоромъ. Со всѣми обошелся болѣе грубо, нежели ласково. Въ Тифлисѣ оскорбилъ, безъ всякой нужды, самымъ непривѣтливымъ пріемомъ грузин-

скихъ владѣтелей, пріѣзжавшихъ къ нему съ поздравленіемъ. Подобныя дѣйствія, конечно, никому не показались по вкусу, но Муравьевъ этимъ не ограничился: ему пришла какая-то странная мысль публиковать свои заключенія обо всемъ найденномъ имъ на Кавказѣ! Для этого онъ написалъ письмо къ Алексѣю Петровичу Ермолову, съ которымъ находился въ очень хорошихъ отношеніяхъ, въ которомъ напалъ самымъ рѣзкимъ образомъ, и по большей части не совсѣмъ справедливо, на всѣ постановленія и обычаи, существовавшіе до сихъ поръ въ краѣ. Письмо это онъ отдалъ переписать сыну Ермолова, служившему при немъ адъютантомъ, замѣтивъ изъ-подъ руки, что тотъ можетъ прочитать его кому хочетъ.

Черезъ нѣсколько дней письмо ходило уже по всему Кавказу, возбуждая всеобщее негодованіе.

Во главѣ партіи недовольныхъ стоялъ князь Барятинскій, сильно оскорбленный надменнымъ пріемомъ Муравьева.

Говорятъ, что будто-бы подъ его вліяніемъ было написано безъимянное и пущенное также въ ходъ письмо, въ которомъ очень умно и дѣльно опровергались ѣдкія выходки главнокомандующаго, надѣляемаго уже во всѣхъ кругахъ тифлисскаго общества разными оскорбительными названіями. Самое употребительное изъ нихъ тогда было хлыщъ; послѣ оно замѣнилось другимъ, чуть ли не больше ему приличнымъ. Но объ этомъ разскажу въ своемъ мѣстѣ.

Когда въ Александрополѣ, по случаю приближенія кампаніи, начали собираться должностныя лица, всѣ пріѣзжавшіе изъ Тифлиса привозили намъ тамошнія новости въ изобиліи. Главнымъ предметомъ ихъ, разумѣется, былъ всегда Муравьевъ.

Зная по опыту, какъ пристрастно судятъ иногда люди, находящіяся подъ вліяніемъ какого-нибудь живого впечатлѣнія, я не очень вѣрилъ всѣмъ разсказамъ и ждалъ случая убѣдиться лично въ ихъ справедливости; случай этотъ не замедлилъ представиться. Въ маѣ мѣсяцѣ, не помню котораго именно числа, назначенъ былъ день прибытія намѣстника въ Александрополь,— событіе это глубоко врѣзалось въ моей памяти. Постараюсь передать его съ нѣкоторыми подробностями.

На площади, передъ квартирой главнокомандующаго, въ

10 часовъ утра, была выставлена, въ почетный караулъ, рота Бѣлевскаго полка, приготовлены ординарцы отъ всѣхъ частей войскъ, расположенныхъ лагеремъ около города, и собраны всѣ наличные генералы, штабъ-и оберъ-офицеры. Погода стояла прекрасная, пестрая толпа въ разнообразныхъ мундирахъ, со звѣздами, лентами и всѣхъ родовъ орденами, расхаживала по площадкѣ въ ожиданіи новаго своего владыки! Появленіе его должно было быть замѣчено верстахъ въ 12-ти отъ Александрополя, при выѣздѣ изъ-за хребта горъ, пересѣкающихъ тифлисскую дорогу, покрытую на этотъ разъ множествомъ скачущихъ взадъ и впередъ всадниковъ: армяне и куртины, на лихихъ коняхъ, въ живописныхъ костюмахъ, богато-вооруженные, выѣхали на встрѣчу намѣстнику. Улица, по которой слѣдовало ему проѣзжать, и всѣ крыши были покрыты народомъ. Общая картина всего этого движенія представляла много занимательности. Я отъ души любовался ею. Но такъ какъ ожидаемый гость долго не являлся, мнѣ пришло въ голову обратить на досугѣ особенное вниманіе на всѣхъ собранныхъ передо мною генераловъ нашего отряда. Провѣривъ въ памяти моей замѣчанія, о каждомъ изъ нихъ отдѣльно мною составленныя, начну, по порядку, съ Брюммера, готовившагося тогда быть нашимъ корпуснымъ командиромъ: генералъ-лейтенантъ Брюммеръ—старый артиллеристъ и старый кавказецъ, замѣчательно хладнокровный и храбрый въ сраженіяхъ. Герой Башъ-Кадыкъ-Ларскій и Курюкъ-Дарскій пользовался до сихъ поръ репутаціей человѣка не мудраго, но честнаго, прямого и добраго.

Наружность генерала Брюммера не лишена благородства, но забавно оригинальна: корпусъ онъ держитъ очень прямо, даже нѣсколько выгнуто назадъ. Походкѣ старается придать особенную важность, для чего какъ-то вычурно становитъ ноги! Волосы, усы и бакенбарды имѣетъ бѣло-сѣдые, глаза сѣроватые, не выражающіе никакой мысли,—физіономіей вообще похожъ на деревянныхъ львовъ, украшающихъ ворота богатыхъ домовъ въ нашей Бѣлокаменной.

Начальникъ 18-й пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенантъ князь Гагаринъ:—весьма пріятной и благородной наружности, уменъ, деликатенъ и вѣжливъ; особенными военными способностями не

отличается, но подчиненными любимъ и всякое порученіе готовъ исполнить добросовѣстно.

Бригадный командиръ кавказской Гренадерской бригады, генералъ-маіоръ Майдель:—человѣкъ почти молодой, пользуется репутаціею храбраго и дѣльнаго кавказскаго генерала, видъ имѣетъ пріятный, ростъ хорошій, станъ прямой и тонкій, манеры и обращеніе открытыя и воинственныя.

Бригадный командиръ 1-й бригады 18-й пѣхотной дивизіи, генералъ-маіоръ Трегубовъ:—типъ Скалозуба, какъ его представляютъ на московскомъ и петербургскомъ театрахъ, большого роста, неуклюжъ въ манерахъ, добръ сердцемъ, тупъ головой, служитъ постоянно предметомъ пошлыхъ анекдотовъ отряда, много больше, нежели того заслуживаетъ.

Бригадный командиръ 2-й бригады 18-й пѣхотной дивизіи, генералъ-маіоръ Фетисовъ:—флегма по наружности, флегма въ словахъ и на дѣлѣ; съ виду обращеніемъ простъ, но въ сущности человѣкъ весьма тонкій и хитрый. Ходитъ не прямо, а всегда какъ-то бокомъ.

Начальникъ кавалеріи въ отрядѣ, генералъ-маіоръ Ниродъ:—отчетливый представитель своего лифляндскаго рыцарскаго происхожденія какъ наружностью, такъ и характеромъ. Собою очень красивъ, усы и бакенбарды носитъ большіе; ростомъ выше средняго, прямъ и строенъ. Душой благороденъ, въ обращеніи вѣжливъ, въ сраженіяхъ храбръ. По-русски говоритъ весьма плохо.

Начальникъ иррегулярной кавалеріи, генералъ-маіоръ Висмундъ:—кроткій и честный нѣмецъ, кажется, не совсѣмъ кстати окрещенный въ предводители отчаянныхъ головорѣзовъ.

Командиръ 4-го драгунскаго полка, генералъ-маіоръ Тинуторовъ:—хитрый армянинъ, умѣющій всегда и вездѣ сохранять свои интересы; командиръ полка очень приличный.

Командиръ 8-го драгунскаго полка, генералъ-маіоръ Куколевскій:—чистый русакъ, отъ природы не глупый, лихой кавалеристъ, храбрый въ бою, взыскательный на ученіяхъ, на конѣ молодецъ.

Начальникъ штаба дѣйствующаго корпуса, генералъ-маіоръ Невѣровскій:—очень не глупый и способный молодой человѣкъ, умѣющій о себѣ позаботиться. Бойкій въ рѣчахъ, скромный въ сраженіяхъ, при князѣ Бебутовѣ пользовался большою властью.

Инженерный генералъ-маіоръ Ганзенъ:—весьма невзрачная фигурка, прибывшая въ отрядъ съ желаніемъ распоряжаться осадными работами Карса, но также незамѣтно исчезнувшая, какъ появилась на сценѣ.

Генералъ-маіоръ Ходзько:—маленькій человѣчекъ, трудолюбивый, честный, но мизерный, составляющій въ теченіе всей кампаніи одно цѣлое и нераздѣльное съ большимъ телескопомъ, возимымъ постоянно при отрядѣ для наблюденій за непріятелемъ.

Генералъ-маіоръ Баклановъ:—казакъ, пріобрѣвшій блестящую славу удалыми подвигами на линіи. Самъ Шамиль трепеталъ его имени! Видъ имѣетъ богатырскій, лицо рябоватое, съ большими бакенбардами и усами, но если хорошенько всмотрѣться, то не лишенное нѣкоторой пріятности. Въ плечахъ широкъ, тѣломъ крѣпокъ; носятся слухи, что однимъ ударомъ шашки своей онъ разрубаетъ пополамъ человѣка. Умомъ хитеръ. Манерами расчитанно простъ. Рѣчь любитъ прикрашивать русскими выраженіями, въ обществѣ не употребительными.

Отправивши генерала Бакланова въ отрядъ, Муравьевъ поступилъ весьма благоразумно, потому что трудно выбрать человѣка, болѣе способнаго для партизанской службы. У Муравьева вообще нельзя отнять проницательности и дара выбирать людей дѣльныхъ, но только, какъ же онъ поступаетъ съ ними? Нашедши человѣка, къ чему либо годнаго, онъ налегаетъ на него безъ малѣйшаго снисхожденія, заставляя работать до тѣхъ поръ, пока достанетъ силы. Если же силы измѣнятъ или надобность превращается, избранный бываетъ покинутъ безъ всякаго къ нему участія!

Но обратимся къ разсказу.

Долго еще толпа расхаживала по площадкѣ, какъ явился князь Бебутовъ, въ Андреевской лентѣ, съ большимъ бѣлымъ крестомъ на груди и тремя главными въ Россіи звѣздами. Благородная наружность почтеннаго старика внушала невольно уваженіе; ласково раскланялся онъ со всѣми, осмотрѣлъ караулъ, ординарцевъ и пустился прохаживаться вмѣстѣ съ прочими.

Князь Бебутовъ ѣздилъ уже въ Тифлисъ, на встрѣчу къ намѣстнику, съ которымъ былъ старый товарищъ по службѣ: свиданіе ихъ произошло очень дружески, бесѣды о дѣлахъ всегда

продолжались долго, такъ что, кажется, обо всемъ должны были наговориться вдоволь. Но Муравьевъ, остановившійся ночевать въ 3-хъ станціяхъ отъ Александрополя, прислалъ за княземъ курьера съ требованіемъ къ себѣ будто для нѣкоторыхъ объясненій по службѣ. Бѣдному старику, ни за что, ни про что, пришлось проскакать взадъ и впередъ больше 150 верстъ въ сутки. А вся штука заключалась въ гнусномъ желаніи Муравьева показать, что онъ можетъ распоряжаться каждымъ по прихоти своей, не смотря на лѣта и заслуги.

И такъ, князь Бебутовъ, только что возвратившійся отъ послѣдняго свиданія съ гордымъ владыкою, ходилъ теперь передъ его квартирой вмѣстѣ со всѣми. Глаза всѣхъ устремлены были безпрестанно на дорогу, пролегавшую по равнинѣ до самыхъ горъ совершенно открытою. Вдругъ, вдали показалось облако пыли, всѣ закричали: „ѣдетъ! ѣдетъ!“ Дѣйствительно, это былъ онъ! Мы ясно могли различить какъ экипажи двигались и какъ кругомъ ихъ гарцовали всадники, привѣтствуя, по мѣстному обычаю, джигитовкой дорогого гостя. Когда же гость этотъ приблизился къ городу, изъ крѣпостныхъ орудій, по приказанію князя Бебутова, была открыта пальба; у заставы намѣстника встрѣтили жители съ хоругвями, хлѣбомъ и солью. Пока онъ занимался тамъ слушаніемъ разныхъ привѣтственныхъ рѣчей, на насъ нахлынули фургоны съ кухней, съ лакеями и поварами, важно пропарадировавшіе мимо насъ въ приготовленныя для нихъ владѣнія.

Но вотъ, въ концѣ улицы, показалась живописная толпа лихихъ всадниковъ, быстро наскакали они на насъ, раздвинулись въ обѣ стороны, и тѣмъ открыли запряженную четверней коляску, съ сидящимъ въ ней виновникомъ этой всей сумахоти.

ГЛАВА V.

Коляска остановилась. Человѣкъ пожилыхъ лѣтъ вышелъ къ намъ въ запыленномъ сюртукѣ и фуражкѣ, нѣсколько тучный, коренастый и сутуловатый, съ волосами почти что рыжими, глазами оловяннаго цвѣта, щеками одутловатыми и взглядомъ, отъ котораго морозъ подиралъ по кожѣ!

Это былъ ожидаемый всѣми намѣстникъ. Князь Бебутовъ подалъ ему рапортъ. Караулъ сдѣлалъ честь. Всѣ приложили руки къ козырькамъ и вытянулись въ струнку.

Муравьевъ, поднявши съ головы фуражку, раскланялся, сказавъ, что онъ не заслужилъ еще чести быть встрѣченнымъ пушечною пальбой, и что честь эта принадлежитъ князю Бебутову, побѣдителю въ двухъ важныхъ сраженіяхъ. Поздоровался съ карауломъ, обошелъ его, осмотрѣлъ ординарцевъ, объявилъ, что все находитъ въ превосходномъ видѣ, и послѣ небольшого, малозначущаго разговора, отправился въ комнаты. Минутъ черезъ 5 туда пригласили всѣхъ начальниковъ частей.

Мы построились въ залѣ, по роду войскъ и по порядку. Не замедлилъ явиться Муравьевъ; князь Бебутовъ представилъ ему каждаго изъ насъ, по очереди, называя чинъ и фамилію.....

П. Д. Рудаковъ.

Примѣчаніе. На этомъ останавливаются записки Павла Дмитріевича Рудакова, потому что, за нѣсколько мѣсяцевъ до своей кончины, покойный уничтожилъ ихъ по причинѣ, о которой разскажу ниже.

Павелъ Дмитріевичъ, какъ видно изъ его записокъ, имѣлъ, преимущественно, цѣлью описать то тяжелое впечатлѣніе, которое произвело на Кавказѣ появленіе Николая Николаевича Муравьева, а также его дѣятельность, какъ намѣстника края. Неоднократно мнѣ приходилось пробѣгать эти записки. Особенно живо былъ описанъ первый штурмъ Карса 17-го сентября 1855 года, при которомъ пало столько жертвъ, именно благодаря капризу и своенравію Ник. Ник. Муравьева!

Вообще, въ запискахъ была произведена самая подробная и весьма строгая критика дѣйствій Муравьева, какъ намѣстника Кавказа; не пожалѣлъ красокъ покойный, чтобы обрисовать и нравъ ненавистнаго ему человѣка!...

Но вотъ судьба бросаетъ Павла Дмитріевича, во время послѣдняго польскаго мятежа въ 1863 году, въ Западный край, гдѣ находится наше имѣніе, вслѣдствіе чего входитъ онъ въ со-

прикосновеніе съ другимъ Муравьевымъ, съ Михаиломъ Николаевичемъ. Будучи пылкимъ сторонникомъ всего русскаго и истиннымъ сыномъ отечества, покойный сильно сочувствовалъ энергическимъ, рѣшительнымъ и справедливымъ дѣйствіямъ Михаила Николаевича Муравьева, и чѣмъ болѣе осуждали и клеветали на эти дѣйствія, тѣмъ болѣе покойный восторгался ими.

Впослѣдствіи, когда въ 1874 году Павелъ Дмитріевичъ вышелъ въ отставку и поселился въ имѣніи Крестъ, Витебской губерніи, то занялся тщательнымъ разборомъ всѣхъ дѣйствій бывшаго начальника и усмирителя края, и чѣмъ болѣе знакомился онъ съ ними, тѣмъ болѣе отдавалъ имъ справедливость, и, наконецъ, когда совершилось первое гнусное и злодѣйское покушеніе на жизнь Государя Императора [1]), то покойный, едва оправившійся послѣ тяжкой болѣзни, почувствовалъ себя окончательно пораженнымъ... Заказавъ обѣдню съ благодарственнымъ молебствіемъ, чрезъ силу выстоялъ онъ службу и, крайне утомленный возвратясь домой, отправился въ свою комнату и заперся въ ней, сказавъ, что будетъ отдыхать. Предъ обѣдомъ, когда онъ вышелъ изъ своей комнаты, то полъ послѣдней былъ усѣянъ цѣлою кипою рваной бумаги [2]). На вопросъ, что это онъ дѣлалъ? покойный отвѣчалъ, сильно разстроеннымъ голосомъ: „уничтожилъ свои записки“ [3]), и затѣмъ прибавилъ: „только такой человѣкъ, какъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, можетъ спасти Россію, только такая желѣзная воля, такое самоотверженіе можетъ сломить крамолу и очистить землю русскую отъ ненавистнаго ей соціализма!... Я благоговѣю предъ этимъ человѣкомъ, благоговѣю предъ фамиліей Муравьева, которую Михаилъ Николаевичъ не пощадилъ и съ готовностью принесъ на жертву своей родинѣ, отдавъ ее на поруганіе врагамъ Россіи! Вотъ почему я уничтожилъ свои записки, что мнѣ, какъ русскому человѣку, не подобаетъ молвить слово противъ славнаго имени Муравьева“.

Какъ ни старалась я извлечь, на память, хотя что нибудь

---

[1]) 4-го апрѣля 1878 года.

[2]) Покойный не удовольствовался однимъ разрывомъ листовъ, но бросивъ спичку въ кипу бумаги, превратилъ въ пепелъ бо̀льшую часть лоскутковъ записокъ.

[3]) Записокъ было около 110 главъ.

изъ массы рваной бумаги, но кромѣ оставшихся первоначальныхъ главъ записокъ ничего не могла собрать [1])... Павелъ Дмитріевичъ тщательно уничтожилъ все, съ чего начиналась его оцѣнка дѣйствій Ник. Ник. Муравьева на Кавказѣ.

С. Рудакова.

22-го января 1880 г.
С. Крестъ.

Разные отрывки стиховъ Павла Дм. Рудакова.

I.

Большой богатый муравейникъ
Родилъ злодѣя-муравья.
И вотъ онъ, бѣшенный затѣйникъ,
Все рыть въ немъ началъ какъ свинья.
Крутитъ, коверкаетъ, ломаетъ
И строитъ вновь на старый ладъ,
Но ничего не довершаетъ,
И все выходитъ не впопадъ.
Терпѣнье всякое теряя,
Вся муравейная семья
Вездѣ бранитъ, какъ негодяя,
Клянетъ злодѣя-муравья.
Да какъ дѣла его не взбѣсятъ? —
Пошли о немъ вопросы въ ходъ, —
Да какъ поганца не повѣсятъ
Иль не взведутъ на эшафотъ?
Какъ не напишутъ хоть указъ:
Не смѣй де портить и ломать.
Отродье адское, зараза —
Уймешься-ль ты?...

II.

Бульдогъ.

Насѣлъ на дремлющую львицу
Какой-то бѣшенный бульдогъ.
Кусаетъ, рветъ свою царицу
И съѣлъ бы въ мигъ, когда бы могъ.
Но львица спитъ себѣ; — однако
Сжимаетъ судорожно зѣвъ...
Уймись, проклятая собака!
Вѣдь львица спящая — все левъ.

---

[1]) Осталось нѣсколько черновыхъ листовъ.

На разоспавшуюся львицу
Напали стаей муравьи,
И будто старую тряпицу
Ее трактують въ забытьи.
Вездѣ разсыпались въ разбивку,
Въ шерсти копаясь какъ въ травѣ;
Досталось мордѣ и загривку,
Хвосту, бокамъ и головѣ.
Что спишь ты, львица, сномъ глубокимъ?
Давно пора! проснись и встань,
И опахни хвостомъ широкимъ
Всю эту дерзостную дрянь.
Въ хвостѣ-жъ пускай ужъ уцѣлѣетъ
Одинъ изъ стаи ....,
Вѣдь онъ, какъ всѣ, понять умѣетъ,
Что уцѣлѣлъ онъ за любовь.

П. Д. Рудаковъ.

1855 г.

ВЪ ПРИБАЛТІЙСКОМЪ КРАѢ.

Изъ записокъ русскаго чиновника.

1856—1866 г.

VI [1]).

Дѣло о повинностяхъ въ пользу церквей [2]).

Въ началѣ 1860-хъ годовъ пришлось мнѣ изучить сложное дѣло по спорному вопросу о повинностяхъ въ пользу церквей въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Дѣло это, по моему мнѣнію, очень характерно и интересно и я намѣренъ изложить здѣсь его странную исторію.

Для ясности приходится начать ab ovo. Когда меченосцы, съ папскаго благословенія, завоевали Лифляндію и ad maiorem Dei gloriam конфисковали въ свою пользу землю и самую личность аборигеновъ, эстовъ и латышей, обративъ ихъ въ своихъ крѣпостныхъ людей и окрестивъ ихъ скорѣе по праву сильнаго, чѣмъ путемъ христіанской проповѣди и убѣжденія, то они и ближайшіе ихъ потомки, подъ вліяніемъ католическаго духовенства, озаботились устройствомъ церквей и монастырей и щедрымъ и прочнымъ обезпеченіемъ средствъ существованія созданныхъ ими духовныхъ учрежденій. Въ пользу церквей даны были частью населенныя имѣнія, водворенные въ коихъ крѣпостные крестьяне обязаны были обработывать, барщиннымъ трудомъ, свободныя за надѣломъ крестьянъ церковныя земли; частью же ненаселенныя имѣнія, обработка коихъ, (равно какъ и имѣній слабонаселенныхъ, гдѣ барщиннаго труда приписанныхъ къ нимъ крестьянъ было недостаточно), возложена была, безплатно, на обязанность крестьянъ сосѣднихъ помѣщичьихъ имѣній.

---

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1882 г., томъ XXXV, стр. 59—90.

[2]) Писано въ 1876 году и относится къ періоду времени съ 1861 по 1863 годъ.

Такимъ образомъ, содержаніе церквей и духовенства обезпечено было слѣдующими способами: 1) доходомъ съ земель, состоящихъ въ непосредственномъ распоряженіи духовенства; 2) барщинными работами или, взамѣнъ ихъ, оброкомъ съ крестьянъ, водворенныхъ въ имѣніяхъ, отведенныхъ духовенству; 3) платою за требы и службы и 4) безплатными работами и нѣкоторыми сборами натурою, коими обложены были помѣщичьи имѣнія въ пользу духовенства. Часть этихъ работъ, потребная для ежегоднаго воздѣлыванія церковныхъ земель, для пашни, посѣва, уборки хлѣба, сѣнокошенія, рубки дровъ и проч., была положительно опредѣлена въ постоянномъ, для каждаго прихода, размѣрѣ и распредѣлена, разъ навсегда, между крестьянами ближайшихъ помѣщичьихъ имѣній,—равно какъ и сборы натурою—яйцами, льномъ, ягодами и проч.; часть же работъ, потребная для ремонта церковныхъ зданій, распредѣлялась, по мѣрѣ надобности, видоизмѣняясь, смотря по роду и количеству потребныхъ работъ и нося названіе повинностей случайныхъ; причемъ крестьяне исполняли ремонтныя работы, а помѣщики ставили безплатно матеріалъ. Какъ постоянныя, такъ и случайныя повинности эти, помѣщики называли реальными (Real-Lasten), т. е. лежащими на состоящей въ пользованіи крестьянъ помѣщичьей землѣ, въ отличіе отъ повинностей личныхъ, къ коимъ они причисляли только плату за требы.

Съ переходомъ помѣщиковъ и крестьянъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ въ лютеранское исповѣданіе, духовенство сего исповѣданія вступило во всѣ права католическаго духовенства, въ томъ числѣ и въ право пользованія не только отведенными католическому духовенству имѣніями, но и тѣми повинностями, коими обложены были въ пользу духовенства, крестьяне помѣщичьихъ имѣній.

Въ 1846 году, съ переходомъ въ православіе почти одной пятой доли лифляндскихъ крестьянъ, возникъ вопросъ о способѣ отправленія этими крестьянами повинностей въ пользу церквей, т. е. собственно повинностей постоянныхъ и случайныхъ, лежащихъ на земельныхъ участкахъ, состоящихъ въ пользованіи православныхъ крестьянъ-хозяевъ, которыхъ, казалось, несправедливымъ и неудобнымъ заставлять работать въ пользу лютеранскихъ пасторовъ.

Въ 1846 году, по положенію особаго комитета объ устройствѣ духовной части въ Лифляндіи, состоялось высочайшее повелѣніе: православныхъ крестьянъ лифляндской губерніи освободить отъ всякихъ повинностей въ пользу лютеранскихъ церквей и пасторовъ, за исключеніемъ тѣхъ крестьянъ, кои водворены на земляхъ пасторатскихъ, за которыя пасторы пользуются оброкомъ или барщиною по праву владѣльческому, по контрактамъ или по установленной оцѣ-

кѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для удобства распредѣленія церковныхъ крестьянскихъ повинностей, между церквами и духовенствомъ православнаго и лютеранскаго исповѣданія, перевести оныя на деньги, съ тѣмъ чтобы каждый вносилъ ихъ по принадлежности въ пользу церкви, священника или пастора своего исповѣданія. Переоцѣнку эту возложить на мѣстнаго генералъ-губернатора, съ представленіемъ о результатахъ на утвержденіе министровъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ и оберъ-прокурора синода. Не трудно было это рѣшить и написать; но не легко было даже такимъ умнымъ и энергическимъ министрамъ, какъ графы Перовскій, Киселевъ и Протасовъ, при такомъ государѣ, каковъ былъ Николай I, заставить остзейскія власти привести это въ исполненіе, вопреки пассивному, но неодолимому сопротивленію дворянства и лютеранскаго духовенства, умѣющихъ свести всякое дѣло на нѣтъ, запутавши и затянувши его въ долгій ящикъ, сохраняя видъ наружной покорности власти и прячась за мѣстнымъ начальствомъ, которое дѣлается ихъ безсознательнымъ орудіемъ. Разыграть эту штуку въ данномъ случаѣ было не мудрено: стоило, съ одной стороны, выставить невозможность распредѣленія повинностей между церквами обоихъ исповѣданій, впредь до перевода повинностей на деньги (такъ какъ неимѣвшіе земель православные священники не могли воспользоваться барщинными работами крестьянъ) и отложить примѣненіе самой мѣры, впредь до переоцѣнки повинностей, оставивъ покуда все по старому; а съ другой стороны—затянуть переоцѣнку на неопредѣленное время. Это и было сдѣлано. Между тѣмъ правительство, на бумагѣ, стояло на своемъ. При изданіи, въ 1849 году, новаго лифляндскаго крестьянскаго положенія, въ статьяхъ онаго 643 и 644 было постановлено, что церковныя повинности составляютъ обязанность приходскихъ, а не помѣстныхъ обществъ и что посему повинности эти отбываются каждымъ, въ пользу церкви своего вѣроисповѣданія. Этимъ положительно подтверждалось высочайшее повелѣніе 1846 года, но далѣе (въ ст. 644) было сказано, что впредь до исполненія генералъ-губернаторомъ переоцѣнки повинностей на деньги,—всѣ обязанности казенныхъ и частныхъ имѣній, а также крестьянъ, относительно церковныхъ повинностей, опредѣляются существующими узаконеніями; а этимъ вся мѣра сводилась на неопредѣленное время къ платоническому déclaration de principe, безъ всякаго практическаго примѣненія, ибо, до переоцѣнки повинностей, все оставалось по старому; а къ переоцѣнкѣ и не думали приступать.

Такъ прошло десять лѣтъ, пока, въ 1856 году, само лифляндское дворянство, за смертью прежняго государя и удаленіемъ преж-

нихъ министровъ, не вздумало поднять этотъ вопросъ, не съ тѣмъ, конечно, чтобы привести, наконецъ, законъ въ исполненіе; а съ тѣмъ, чтобы вовсе устранить изъ закона, даже на бумагѣ, коловшій имъ глаза принципъ распредѣленія церковныхъ повинностей между церквами обоихъ исповѣданій, пропорціонально населенію того и другого исповѣданія. При новыхъ людяхъ, могли забыть о серьезныхъ основаніяхъ, бывшихъ въ виду комитета 1846 года, и дворянство надѣялось достигнуть своей цѣли.

Нашлись однако въ средѣ правительства люди, не столь податливые и безпамятные, какъ надѣялось лифляндское дворянство, и вездѣ его домогательство вызвало горячіе споры. Дѣло обсуждалось два раза въ Остзейскомъ комитетѣ и два же раза въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и экономіи и въ общемъ собраніи Государственнаго совѣта [1]) и вездѣ произошли разногласія. Одни стояли за предоставленіе повинностей этихъ, какъ реальныхъ и поземельныхъ, всецѣло въ пользу лютеранской церкви, независимо отъ вѣроисповѣданія крестьянъ-хозяевъ, тѣмъ болѣе, что въ противномъ случаѣ помѣщики побуждались бы, для сохраненія доходовъ своимъ пасторамъ, отнимать земельные участки у православныхъ и передавать ихъ лютеранамъ. Стало быть нашелся аргументъ, основанный на заботливости о православныхъ крестьянахъ, не говоря объ уваженіи къ правамъ собственности лютеранской церкви, о практической невозможности для православнаго безземельнаго духовенства, пользоваться этими повинностями натурою, и о неприличіи давать крестьянамъ премію за переходъ въ православіе, въ видѣ освобожденія отъ исполненія церковныхъ повинностей. Другіе же, не отвергая практическихъ неудобствъ, сопряженныхъ съ непосредственнымъ распредѣленіемъ натуральныхъ повинностей между священниками и пасторами, настаивали на томъ, что налоги, установленные для удовлетворенія духовныхъ потребностей народа, должны употребляться сообразно измѣненію этихъ потребностей; что если эти повинности, установленныя въ пользу католическаго духовенства, перешли къ лютеранскому духовенству вслѣдствіе перехода населенія въ лютеранство,—то точно также, съ переходомъ части населенія въ православіе, къ православному духовенству должна перейти и часть этихъ повинностей; что въ этихъ видахъ повинности должны быть переведены всѣ на деньги и затѣмъ распредѣлены между духовенствомъ обоихъ исповѣданій пропорціонально населенію того и другого

---

[1]) Тогда нѣмцы не выучились еще проводить свои законодательные вопросы мимо Государственнаго совѣта.

исповѣданія. Таково было различіе въ основныхъ взглядахъ; способы же исполненія придумывались каждый разъ различные и часто не совсѣмъ практичные. Видя такую разноголосицу, нѣмцы времени не теряли и хлопотали въ высшихъ сферахъ о представленіи ихъ государю въ видѣ покорныхъ и преданныхъ слугъ, гонимыхъ фанатическою ультра-русскою и ультра-либеральною партіею, посягающею на ихъ свободу совѣсти и на кровное достояніе ихъ церкви. Наконецъ, разногласія были разрѣшены слѣдующею собственноручною резолюціею государя:

— «Такъ какъ православное духовенство въ Лифляндіи обезпечено въ своемъ существованіи назначеннымъ для него жалованьемъ, то всѣ реальныя повинности въ пользу церквей отмѣнить и предоставить содержаніе лютеранскихъ церквей попеченію тамошняго дворянства».

Этою резолюціею, устраняющею не только противоположныя мнѣнія спорящихъ сторонъ, но и самый предметъ спора, ибо повинности церковныя вовсе отмѣнялись,—казалось разсѣкался Гордіевъ узелъ. Государь не хотѣлъ обращать въ пользу православныхъ церквей части доходовъ лютеранскихъ пасторовъ; но не допускалъ привлеченія православныхъ крестьянъ на работы въ пользу пасторовъ, а потому, принявъ на счетъ казны содержаніе православнаго духовенства, предоставилъ дворянству содержать лютеранскую церковь. Въ послѣдней мѣрѣ не было произвольнаго возложенія на одно дворянское сословіе новой тягости, ибо дворянство, въ своихъ просьбахъ и запискахъ по этому дѣлу, постоянно само доказывало, что содержаніе лютеранской церкви всецѣло лежитъ и всегда лежало на дворянствѣ, такъ какъ реальныя повинности лежатъ не на крестьянахъ, а на помѣщичьихъ земляхъ; крестьяне же, арендующіе помѣщичьи земли, исполняютъ эти повинности какъ бы за помѣщиковъ, въ счетъ оброка или барщины. Если бы дворяне могли жаловаться на высочайшую резолюцію, то развѣ въ томъ отношеніи, что государь les a pris au mot и аргументъ, натянутый для красоты слога (такъ какъ на самомъ дѣлѣ повинности исполнялись крестьянами въ пользу пасторовъ не въ счетъ, а сверхъ оброка по контрактамъ и барщины по вакенбухамъ) — принялъ въ буквальномъ смыслѣ какъ фактъ,—и фактъ этотъ узаконилъ. Но тутъ не было мѣста обычнымъ doléances на нарушеніе принциповъ собственности, привиллегій и проч., на красное ультра-русское направленіе и т. под.,—уже потому собственно, что не на кого было взваливать отвѣтственность за внушеніе этой мѣры, придуманной лично самимъ государемъ. Потому-то, хотя это высочайшее разрѣшеніе озадачило дворянство,

далеко не соотвѣтствуя его надеждамъ; но оно его приняло молча, съ наружною покорностью,—въ надеждѣ вывернуться, безъ убытка для себя, и изъ этой оказіи, наложивъ въ свою пользу на крестьянъ повинности, равныя тѣмъ, которыя дворяне исполняли бы наймомъ или деньгами въ пользу пасторовъ. Но на практикѣ это оказалось не совсѣмъ удобнымъ. Не говоря о случайныхъ повинностяхъ, (на ремонтъ зданій), которыя трудно было предусмотрѣть и включить въ арендные контракты съ крестьянами, какъ поступить съ дѣйствующими контрактами, впредь до истеченія ихъ сроковъ? Тутъ нельзя было возложить на крестьянъ новыя, въ пользу помѣщиковъ, повинности, взамѣнъ отмѣненныхъ церковныхъ повинностей; а въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ дѣйствовала барщина, ограниченная узаконенною нормою вакенбуховъ, нельзя было увеличить повинности крестьянъ, впредь до отмѣны барщины; то есть этого нельзя было по точному смыслу закона, но помѣщики надѣялись все это сдѣлать на практикѣ и въ своей самоувѣренности плохо скрывали эту надежду.

Между тѣмъ подоспѣло тутъ изданіе новаго крестьянскаго Лифляндскаго положенія 1860 года, и правительство рѣшилось настоять на дѣйствительномъ исполненіи высочайшаго повелѣнія, включивъ его въ новое положеніе въ выраженіяхъ, не допускающихъ сомнѣній и произвольныхъ толкованій.

Въ ст. 588 сего положенія приведено высочайшее повелѣніе это, съ объясненіемъ, что, со времени обнародованія положенія 1860 года, реальныя въ пользу церквей повинности отмѣняются и исключаются изъ числа поземельныхъ повинностей, возложенныхъ на крестьянъ по прежнимъ вакенбухамъ. Этой оговоркой устранялся всякій предлогъ къ возложенію этихъ повинностей, или равносильныхъ имъ повинностей въ пользу помѣщиковъ, во всѣхъ барщинныхъ имѣніяхъ (а бо́льшая половина крестьянъ оставалась еще тогда на барщинѣ) и помѣщикамъ приходилось дѣйствительно платить за работы въ пользу пасторовъ изъ собственнаго своего кармана. Крестьянское положеніе было обнародовано и на мѣстныхъ нарѣчіяхъ и роздано по волостямъ. Крестьяне, прочитавъ статью объ отмѣнѣ церковныхъ повинностей, могли отказаться исполнять эти повинности. При заявленіи этого отказа, основаннаго на буквѣ закона, цѣлою массою крестьянъ и не одними православными, а вмѣстѣ и лютеранами,—трудно было бы выставить этотъ отказъ бунтомъ и заставить крестьянъ исполнять повинности вопреки закону, коль скоро, по вакенбухамъ и контрактамъ, онѣ исполнялись въ числѣ общественныхъ повинностей, сверхъ повинностей въ пользу помѣщика. Спохватились г. лифляндскіе дворяне, что не въ добрый часъ за-

тѣяли они просить объ отмѣнѣ спокойно лежавшаго десять лѣтъ безъ исполненія, въ ожиданіи переоцѣнки повинностей, высочайшаго повелѣнія 1846 года; что, если на то пошло, то уже лучше было бы, для дворянъ, возвратиться къ statu quo ante bellum, т. е. къ возстановленію высочайшаго повелѣнія 1846 года на бумагѣ, съ тѣмъ, разумѣется, чтобы дѣйствительное исполненіе онаго было опять отложено на неопредѣленное время,—и поспѣшили гг. дворяне заявить всеподданнѣйшее ходатайство объ отмѣнѣ приведенной выше статьи 588 крестьянскаго положенія 1860 года.

Ходатайство это было, по высочайшему повелѣнію, разсмотрѣно въ остзейскомъ комитетѣ, который опредѣлилъ подробныя правила о порядкѣ переоцѣнки на деньги церковныхъ повинностей, думая обезпечить этимъ правильное и безотлагательное (?) исполненіе этой мѣры,—и затѣмъ положилъ уплату переложенныхъ на деньги повинностей возложить на помѣщиковъ, но предоставить имъ, въ контрактахъ съ крестьянами, выговаривать себѣ за это соотвѣтственное вознагражденіе, сверхъ повинностей, слѣдующихъ помѣщикамъ по вакенбухамъ. При этомъ, однако, оговорено, что, до истеченія срока нынѣ дѣйствующихъ контрактовъ и до заключенія новыхъ, требованіе съ крестьянъ добавочныхъ, въ пользу помѣщиковъ, повинностей, въ размѣрѣ церковныхъ повинностей, не можетъ быть распространено на тѣхъ крестьянъ, которые были освобождены отъ церковныхъ повинностей въ силу высочайшаго повелѣнія 1846 г., т. е. на православныхъ крестьянъ-арендаторовъ. Равнымъ образомъ православные крестьяне-собственники, успѣвшіе купить участки, съ освобожденіемъ ихъ, по закону 1846 года, отъ церковныхъ повинностей, не подлежали уже обложенію вновь этими повинностями.

Практическое значеніе этихъ оговорокъ ослаблялось тѣмъ, что, для примѣненія ихъ, нужно было сперва отыскать православныхъ крестьянъ, которые были бы дѣйствительно освобождены отъ церковныхъ повинностей въ силу закона 1846 года, не смотря на статью 844 крестьянскаго положенія 1849 года, допускавшую сохраненіе прежняго порядка, впредь до переоцѣнки церковныхъ повинностей на деньги; а возможность отыскать такихъ крестьянъ-хозяевъ представляется мнѣ весьма сомнительною,—такъ что, въ сущности, оговорка эта не представляла для помѣщиковъ ничего страшнаго. Наконецъ,—что было всего важнѣе для дворянства,—остзейскій комитетъ полагалъ: впредь до переоцѣнки церковныхъ повинностей на деньги, оставить въ силѣ существующій, согласно съ высочайшимъ повелѣніемъ 1846 года, порядокъ. Журналъ остзейскаго комитета былъ, по высочайшему повелѣнію, внесенъ въ коми-

тетъ министровъ, который испросилъ, 14 мая 1862 года, высочайшее повелѣніе на перенесеніе дѣла въ государственный совѣтъ, гдѣ состоялось слѣдующее мнѣніе:

1) „Всѣ отбываемыя въ Лифляндской губерніи въ пользу церквей повинности, кромѣ платы и приношеній за совершеніе церковныхъ требъ и кромѣ повинностей, отправляемыхъ за наемъ пасторатскихъ земель, переводятся на деньги, которыя и разлагаются на всѣ податныя земли.

2) „Сумма, происшедшая изъ означеннаго сбора, дѣлится между духовенствами православной и ев. лютеранской церквей, по числу лицъ, принадлежащихъ въ Лифляндской губерніи къ той и другой церкви,

и 3) „Распредѣленіе суммъ, принадлежащихъ тому и другому духовенству, между приходами предоставляется, по подвѣдомственности ихъ, епархіальному начальству и евангелическо-лютеранской консисторіи въ лифляндской губерніи, подъ наблюденіемъ главнаго мѣстнаго начальства".

Государь, на меморіи государственнаго совѣта (по общему собранію) изволилъ начертать слѣдующую резолюцію:

— «Прежде окончательнаго рѣшенія сего дѣла, привести въ точную извѣстность повинности по каждому приходу, съ переложеніемъ ихъ на деньги, по оцѣнкѣ, составленной лифляндскимъ дворянствомъ и палатою государственныхъ имуществъ, съ утвержденія генералъ-губернатора, и затѣмъ внести въ государственный совѣтъ новое представленіе по сему предмету. При чемъ министру внутреннихъ дѣлъ обратить вниманіе на изысканіе средствъ къ обезпеченію нуждъ и огражденію правъ какъ православной, такъ и лютеранской церкви въ Лифляндской губерніи, а для сего имѣть въ виду соображенія епархіальнаго начальства, генералъ-губернатора и лифляндскаго ландтага и войти въ предварительное соглашеніе съ министромъ государственныхъ имуществъ».

Такимъ образомъ еще разъ была подтверждена необходимость переложенія церковныхъ повинностей на деньги, но вопросъ о распредѣленіи повинностей, по переложеніи ихъ на деньги, остался неразрѣшеннымъ по существу, ибо государь не утвердилъ мнѣнія по сему предмету государственнаго совѣта, а повелѣлъ войти о томъ съ новымъ представленіемъ, по переоцѣнкѣ повинностей. Между тѣмъ все таки оставалось рѣшить безотлагательно: какъ же поступить впредь до переложенія повинностей на деньги, т. е. считать ли ихъ отмѣненными по ст. 587 и 588 лифляндскаго крестьянскаго положенія 1860 года (а въ такомъ случаѣ—къ чему было переоцѣнивать отмѣненныя повинности), или же возвратиться къ statu quo, опредѣленному высочайшимъ повелѣніемъ 1846 года и статьями 643 и 644 положенія 1849 года? Этотъ вопросъ былъ вновь внесенъ въ комитетъ министровъ, который положилъ: статью 588 положенія 1860 года замѣнить слѣдующею:

„Содержаніе православныхъ церквей и духовенства, а равно евангелическо-лютеранскихъ церквей, духовенства и учрежденій, обезпечивается на основаніи нынѣ соблюдающагося порядка (ст. 643 и 644 крестьянскаго положенія 1849 года), впредь до изданія дальнѣйшихъ по сему предмету правилъ".

Примѣчаніе. Собственноручною высочайшею резолюціею, послѣдовавшею на меморіи государственнаго совѣта 18 іюня 1862 года, относительно поземельныхъ въ Лифляндіи повинностей въ пользу лютеранскихъ церквей и пасторовъ, повелѣно министру внутреннихъ дѣлъ внести по сему предмету представленіе въ государственный совѣтъ, обративъ вниманіе на изысканіе средствъ обезпеченія нуждъ и огражденія правъ какъ православной, такъ и лютеранской церкви въ Лифляндіи".

Это положеніе комитета министровъ было высочайше утверждено 22 іюля 1862 года, объявлено генералъ-губернатору, распубликовано сенатомъ и привело къ возвращенію дѣла въ то самое положеніе, въ какомъ оно было при изданіи высочайшаго повелѣнія 1846 года, съ нѣкоторымъ еще оттѣнкомъ, болѣе пріятнымъ для лифляндскихъ нѣмцевъ; именно, хотя въ обоихъ случаяхъ все оставалось по прежнему впредь до переоцѣнки повинностей, которую можно бы оттянуть на неопредѣленное время; но въ 1846 году прямо былъ указанъ принципъ распредѣленія повинностей, по переоцѣнкѣ ихъ, между церквами обоихъ исповѣданій; а теперь, 16 лѣтъ спустя, вопросъ этотъ признавался еще не рѣшеннымъ и подлежащимъ новому разсмотрѣнію впослѣдствіи. C'était autant de gagné и всѣ хлопоты дворянства за время съ 1856 до 1862 года не пропали таки совсѣмъ даромъ. Теперь дворянству остается только затянуть дѣло и выждать благопріятную минуту, чтобы окончательно повернуть его по своему.

Генералъ-губернаторъ, однако, счелъ нужнымъ, на первыхъ порахъ, сдѣлать видъ, будто онъ въ самомъ дѣлѣ хочетъ приняться за переоцѣнку церковныхъ повинностей и предложилъ учредить для сего особую коммисію, что и было разрѣшено ему отношеніемъ министра внутреннихъ дѣлъ отъ 31-го декабря 1863 года за № 1137.

На этомъ дѣло и стало и лежитъ себѣ преспокойно тринадцатый годъ [1]) и будетъ себѣ лежать еще десятки лѣтъ, пока дворянство не вздумаетъ само поднять вопросъ, какѣ въ 1856 году.

Но оно научено опытомъ и рисковать и торопиться не станетъ. Оставалось высочайшее повелѣніе 1846 года безъ исполненія тридцать лѣтъ—поработаютъ еще десятки лѣтъ православные крестьяне въ пользу лютеранскихъ пасторовъ!

Чѣмъ же объяснить такое бездѣйствіе правительства, въ виду упорнаго неисполненія его требованій?

---

[1]) Это писано въ 1876 г., но и теперь, въ 1883 г., дѣло все въ томъ же положеніи. Ред.

Нѣтъ ли тутъ какой-либо особой причины, помимо того общаго характера взаимныхъ отношеній русской власти и остзейскаго self-government, въ силу коего, на рубежѣ Прибалтійскаго края, остановились до сихъ поръ всѣ реформы императора Александра II и всѣ распоряженія правительства разбиваются объ остзейскую самобытность, какъ волны о гранитную скалу?

Не заключается ли, въ самомъ дѣлѣ, въ самомъ принципѣ распредѣленія повинностей согласно требованію правительства, чего либо существенно несправедливаго, подрывающаго основы собственности и права терпимаго исповѣданія? Но чего же требовало бы правительство, еслибы утверждено было мнѣніе государственнаго совѣта 18-го іюня 1862 года. Прекращенія непосредственныхъ обязательныхъ отношеній къ лютеранскому духовенству крестьянъ, водворенныхъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, т. е. секуляризаціи церковныхъ повинностей, коими обложены эти крестьяне, съ вознагражденіемъ за то лютеранскаго духовенства, не касаясь даже повинностей крестьянъ, водворенныхъ въ пасторатскихъ населенныхъ имѣніяхъ. Между тѣмъ всѣ населенныя имѣнія были отобраны отъ православнаго духовенства еще при Екатеринѣ II, а отъ католическаго при Николаѣ I, - точно также какъ и во всей Европѣ произведена секуляризація населенныхъ духовныхъ имѣній. Слѣдовательно, правительство хотѣло сдѣлать въ Лифляндіи, относительно лютеранскаго духовенства, лишь частицу того, что давно имъ было сдѣлано во всей Россіи, относительно прочихъ исповѣданій, начиная съ православнаго?! Въ секуляризаціи церковныхъ повинностей, въ прекращеніи обязательныхъ отношеній всѣхъ лифляндскихъ крестьянъ (а не однихъ православныхъ) къ пасторамъ и въ ассигнованіи, взамѣнъ церковныхъ повинностей, въ пособіе лютеранскому духовенству, опредѣленной суммы, распредѣляемой по приходамъ лютеранскою консисторіею,—несомнѣнно заключалось единственное средство къ окончательному и справедливому разрѣшенію вопроса о церковныхъ повинностяхъ. При этомъ правительство имѣло бы полное право обратить часть общей суммы повинностей, пропорціонально числу православнаго населенія, въ пользу православнаго духовенства, но могло бы и не воспользоваться своимъ правомъ и подарить эту часть лютеранскому духовенству, принявъ на счетъ казны обезпеченіе православныхъ церквей по мысли, выраженной въ первой резолюціи государя. Это вопросъ второстепенный и сумма расхода была бы не велика. Но дѣло было бы кончено и православные крестьяне платили бы повинности (кромѣ оброка за землю) только въ казну, а не пасторамъ. Но скажутъ, быть можетъ, что самое переложеніе,

на мѣстѣ, на деньги, натуральныхъ повинностей, въ особенности случайныхъ, встрѣчало неодолимыя практическія затрудненія. Въ отвѣтъ на это достаточно привести слѣдующій фактъ: когда, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, православнымъ причтамъ были розданы во владѣніе казенныя земли, обложенныя повинностями въ пользу пасторовъ, то правительство рѣшительно устранило возложеніе на православныхъ священниковъ исполненія этихъ повинностей и предложило генералъ-губернатору оцѣнить ихъ на деньги, для опредѣленія размѣра пособія, которое можетъ быть назначено, взамѣнъ этихъ повинностей, пасторамъ изъ казны. Это порученіе исполнено было въ нѣсколько мѣсяцевъ и лютеранской консисторіи ежегодно ассигнуется, въ исчисленномъ размѣрѣ, сумма, которая распредѣляется ею между приходами, лишившимися повинностей съ казенныхъ земель, отведенныхъ православнымъ причтамъ и православнымъ крестьянамъ, вновь водвореннымъ на казенныхъ земляхъ. Почему же тутъ-то дѣло не затянулось въ долгій ящикъ? Очень просто: правительство начало съ того, что прекратило исполненіе церковныхъ повинностей съ этихъ земель, съ самаго дня отвода ихъ православнымъ причтамъ и крестьянамъ; а при ассигнованіи, по смѣтѣ, суммы вознагражденія за эти повинности, въ ежегодномъ размѣрѣ, на будущее время, выдало, сверхъ того, единовременно, сумму вознагражденія, причитающагося, по разсчету, со дня прекращенія повинностей, за все время до начала года, съ котораго назначено было постоянное пособіе. При такомъ порядкѣ, замедленіе въ переоцѣнкѣ повело бы только къ отсрочкѣ выдачи вознагражденія за прекращенныя уже повинности и пасторамъ невыгодно было затягивать дѣло. Но если можно было, въ нѣсколько мѣсяцевъ, составить, провѣрить и утвердить разсчеты по переоцѣнкѣ повинностей по двѣнадцати казеннымъ имѣніямъ, то точно также не могло бы, при доброй волѣ исполнителей, встрѣтиться практическихъ затрудненій къ окончанію такихъ же разсчетовъ и по всѣмъ прочимъ казеннымъ и частнымъ имѣніямъ, если не въ тотъ же срокъ, то никакъ уже не далѣе, какъ года въ два. Между тѣмъ, съ учрежденія коммисіи для переоцѣнки повинностей прошло слишкомъ двѣнадцать лѣтъ и не слыхать, чтобы она приводила свои работы къ окончанію [1]. Любопытно было бы узнать: въ какомъ видѣ дѣло объ этой переоцѣнкѣ найдено было при пересмотрѣ дѣлъ упраздненной теперь генералъ-губернаторской канцеляріи; не напомнитъ ли теперь (писано въ 1876 г.) объ этомъ дѣлѣ губернатору министер-

[1] Я слышалъ. что въ 1875 году генералъ-губернаторъ писалъ, что работы сдѣланы въ половинѣ имѣній. Авт.

ство внутреннихъ дѣлъ, если не напоминало о немъ генералъ-губернатору, со времени отсылки ему отношенія отъ 31-го декабря 1863 года объ учрежденіи коммисіи для переоцѣнки повинностей,—на чемъ дѣло повидимому и остановилось [1]). А мнѣ кажется, что еслибы правительство догадалось заинтересовать пасторовъ въ скорѣйшей переоцѣнкѣ, то дѣло сдѣлалось бы скоро; напримѣръ, еслибы для представленія общаго по губерніи разсчета и для прекращенія, на самомъ дѣлѣ, отправленія повинностей въ натурѣ, былъ назначенъ опредѣленный срокъ, положимъ двухъ-лѣтній, съ тѣмъ, чтобы непредставленіе разсчетовъ по нѣсколькимъ приходамъ не задерживало утвержденія общаго разсчета, и чтобы пасторы въ тѣхъ приходахъ, гдѣ разсчеты затянутся, были все-таки лишены повинностей натурою съ общаго срока, а денежное пособіе получали впослѣдствіи, по предъявленіи переоцѣнки, но безъ вознагражденія за лишеніе повинностей въ промежуточное время, съ правомъ иска убытка съ виновныхъ въ замедленіи, еслибы дѣло затянулось не по винѣ самихъ пасторовъ. Но правительство не рѣшится такъ настаивать на своемъ въ отношеніи къ нѣмцамъ; а скорѣе нужно предположить, что пройдутъ десятки лѣтъ, и дѣло все будетъ въ томъ же положеніи. Qui vivra verra.

VII.

Обезпеченіе православнаго духовенства и православныхъ безземельныхъ крестьянъ въ Лифляндіи.

1863 — 1866.

Въ связи съ разсказаннымъ выше дѣломъ о повинностяхъ въ пользу лютеранскихъ церквей,—находится вопросъ объ обезпеченіи, въ Лифляндіи православныхъ причтовъ и школъ. Коль скоро правительство не могло достигнуть удѣленія православнымъ учрежденіямъ частицы доходовъ церковныхъ, обезпеченныхъ мѣстными землями и повинностями, ему приходилось принять на счетъ казны заботу о православныхъ причтахъ и школахъ, ибо бѣдные православные крестьяне не въ силахъ были содержать ихъ. Назначено было православнымъ священникамъ жалованье отъ казны въ увеличенномъ, противъ другихъ губерній, размѣрѣ; но, при невозможности отвести имъ въ приходахъ, расположенныхъ внѣ казенныхъ имѣній, даже узаконенный 33-хъ десятинный надѣлъ, жалованье не устраняло

[1]) Напоминать объ этомъ дѣлѣ взялось только министерство государственныхъ имуществъ, по поводу переоцѣнки въ казенныхъ имѣніяхъ. Но при сенаторской ревизіи, вѣроятно, обращено было вниманіе на поразительную медленность веденія этого дѣла. Ред.

стѣсненнаго положенія семейныхъ священниковъ. Не имѣя ни огорода, ни выгона для коровы и лошади, они должны были овощи и молоко покупать у крестьянъ-хозяевъ лютеранъ и у нихъ же нанимать лошадей для поѣздки на требы въ отдаленныя отъ церкви мѣста. Будь у нихъ земелька, хоть не рядомъ съ церковнымъ домомъ, даже верстахъ въ двухъ или трехъ,—она служила бы имъ большимъ подспорьемъ. Я знаю, напримѣръ, семью священника, положеніе коей совершенно измѣнилось послѣ отвода причту участка казенной земли, не смежной съ мѣстомъ жительства причта. Землю эту священникъ сдалъ въ аренду на такихъ условіяхъ, чтобы арендаторъ обязался, сверхъ денежной арендной платы, доставлять священнику извѣстное количество овощей, держать у себя лѣтомъ и пускать на свой выгонъ священническую корову, а для поѣздокъ священника, собственно по требамъ, давать ему безплатно лошадь.

Такимъ образомъ, ближайшимъ способомъ къ обезпеченію православнаго духовенства въ Лифляндіи, являлся отводъ ему казенныхъ земель; а это дѣло касалось министерства государственныхъ имуществъ, коимъ управлялъ тогда (въ 1865 году) А. А. Зеленый, человѣкъ въ душѣ русскій и православный, горячо принимавшій къ сердцу національные наши интересы и поддержаніе православія на нашихъ окраинахъ.

У А. А. Зеленаго,—въ виду бѣдственнаго положенія православныхъ церквей и духовенства въ Лифляндіи, а также православныхъ крестьянъ, которыхъ помѣщики лишали, иногда, арендуемыхъ ими участковъ, предпочитая передать ихъ крестьянамъ лютеранамъ,—возникла благая мысль надѣлить православные причты, отъ казны, земельными участками, которые обезпечили бы имъ порядочный доходъ (т. е. участками отъ 100 до 200 десятинъ на причтъ, вмѣсто узаконенныхъ 33-хъ десятинъ) и сверхъ того водворить, по близости къ православнымъ церквамъ, на казенныхъ земляхъ, безземельныхъ православныхъ крестьянъ. Послѣ личнаго соглашенія по этому предмету съ бывшими генералъ-губернаторами, графомъ Шуваловымъ и Альбединскимъ, А. А. Зеленый послалъ на мѣсто, для собранія свѣдѣній, своего чиновника особыхъ порученій Боровкова, который, по возвращеніи, написалъ, подъ личнымъ руководствомъ министра, представленіе по этому дѣлу въ комитетъ министровъ. Вопросъ ставился въ общемъ и широкомъ смыслѣ, какъ будто дѣло шло о надѣленіи щедрою рукою всѣхъ православныхъ причтовъ и крестьянъ,—что̀ было-бы непріятно лютеранскому духовенству и мѣстному дворянству, которое могло опасаться пониженія цѣнъ на крестьянскіе арендные участки въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, коль скоро пра-

вославные крестьяне стали-бы переходить изъ помѣщичьихъ въ казенныя имѣнія, получая тамъ участки за самый умѣренный оброкъ, да еще съ льготами на первое время послѣ новаго водворенія. Такая постановка вопроса рисковала возбудить горячіе споры въ комитетѣ министровъ со стороны покровителей остзейскихъ нѣмцевъ и затѣмъ, (въ случаѣ даже торжества мнѣнія А. А. Зеленаго), вызвала бы упорное противодѣйствіе при приведеніи мѣры въ исполненіе, со стороны дворянства, которое воспользовалось-бы первымъ случаемъ, чтобы представить всю мѣру, въ глазахъ генералъ-губернатора и высшаго правительства, зловредною, соціалистическою, и т. д., и чтобы добиться ея отмѣны или всячески парализировать ея примѣненіе на практикѣ. На такой рискъ можно было-бы еще идти, если бы министерство государственныхъ имуществъ имѣло дѣйствительно возможность энергически и быстро примѣнить свою мысль на дѣлѣ, т. е. имѣло-бы въ своемъ распоряженіи достаточно свободныхъ казенныхъ земель, для надѣленія ими, въ короткій срокъ (пока противъ этой мѣры не успѣетъ наступить реакція въ правительственныхъ сферахъ) хотя бо́льшей части православныхъ причтовъ и крестьянъ. Но, на самомъ дѣлѣ, хотя казна и владѣетъ значительными имѣніями въ Лифляндіи, но министерство могло распорядиться, въ ближайшемъ будущемъ, лишь незначительнымъ количествомъ земли. Прежде всего нужно было обезпечить землею крестьянъ, приписанныхъ къ казеннымъ имѣніямъ, безъ различія ихъ исповѣданія, и не только сохранить за ними существующій надѣлъ, но и увеличить оный на счетъ свободныхъ казенныхъ земель, тамъ, гдѣ надѣлъ былъ слишкомъ недостаточенъ. Отграниченіе надѣла и устройство землевладѣнія крестьянъ дѣлалось постепенно, при регулированіи казенныхъ имѣній; а, при сложности этой работы (благодаря отводу надѣла на каждый дворъ отдѣльно, а не на цѣлое селеніе, какъ внутри Россіи), дѣло могло затянуться на восемь лѣтъ и болѣе. Съ другой стороны, всѣ не состоявшія въ пользованіи крестьянъ казенныя земли, кромѣ лѣсовъ, были сданы въ долгосрочное арендное содержаніе и этими землями (мызными угодьями) казна могла располагать, для раздачи ихъ православнымъ причтамъ и крестьянамъ, лишь по мѣрѣ истеченія срока арендного контракта на каждое имѣніе. Наконецъ изъ имѣній, освобождающихся отъ арендныхъ контрактовъ, были пригодны для этой цѣли тѣ только, которыя были расположены въ недальнемъ разстояніи отъ православныхъ церквей. При такихъ условіяхъ, все дѣло сводилось, на практикѣ, къ тому, чтобы, по мѣрѣ окончанія регулированія въ казенныхъ имѣніяхъ и по мѣрѣ истеченія сроковъ арендныхъ контрактовъ на мызныя угодія, разрѣшить министру государственныхъ имуществъ: часть свободныхъ

мызныхъ угодій, расположенныхъ вблизи отъ православныхъ церквей, предоставлять православнымъ причтамъ и часть ихъ отводить подъ водвореніе православныхъ крестьянъ; при чемъ ежегодно могли быть надѣляемы землею, въ количествѣ отъ 100 до 200 десятинъ, не болѣе 10, много 15 причтовъ и поселяемы на казенныхъ земляхъ нѣсколько десятковъ православныхъ безземельныхъ крестьянъ, съ предоставленіемъ имъ нѣкоторыхъ льготъ на первое время. Въ сущности, къ этому именно и приводило заключеніе записки А. А. Зеленаго; но хотя это было равносильно частной хозяйственной мѣрѣ, не могущей имѣть сколько нибудь широкаго примѣненія, ни какого либо существеннаго значенія для измѣненія общихъ экономическихъ условій и распредѣленія землевладѣнія въ Лифляндіи и Курляндіи, однако, по общему тону записки и по приведеннымъ въ ней мотивамъ,—этой мѣрѣ придавалось, какъ будто, важное и общее значеніе, и она какъ будто противоставлялась стремленію лютеранства и нѣмецкаго дворянства подорвать значеніе православія въ краѣ. Въ комитетѣ министровъ, послѣ жаркихъ споровъ, восторжествовало таки мнѣніе А. А. Зеленаго, съ нѣкоторыми лишь ограниченіями.

При томъ впечатлѣніи, какое произвели предположенія А. А. Зеленаго объ отводѣ земель православнымъ причтамъ и крестьянамъ и при той оппозиціи, какую они вызвали въ средѣ гг. остзейцевъ въ Ригѣ и въ Петербургѣ, еще до внесенія ихъ въ комитетъ министровъ (ибо гг. остзейцы всегда отлично знаютъ заранѣе все, что творится, предполагается или замышляется въ оффиціальныхъ сферахъ),—утвержденіе этихъ предположеній было для меня пріятнымъ сюрпризомъ. Но оставалось привести ихъ въ исполненіе и при этомъ побороть новую и еще сильнѣйшую оппозицію со стороны тѣхъ, кому мѣра эта не нравилась.

Исторія этой мѣры подробно изложена Ю. Ѳ. Самаринымъ въ въ его «Окраинахъ Россіи» (выпускъ IV, Берлинъ, 1874 г., стр. 116—172), и послѣ такого блестящаго изложенія мнѣ здѣсь ее подробно повторять по своему нечего. Но я все-таки выпишу одно весьма характерное мѣсто, касающееся всеподданнѣйшаго отчета лифляндскаго губернатора; а напередъ вкратцѣ приведу, въ общихъ чертахъ, содержаніе статьи Юрія Ѳедоровича Самарина, чтобы указать на нѣкоторыя частности и подробности ея, съ которыми я не могу вполнѣ согласиться.

Разсказавъ о первоначальномъ возникновеніи мысли о водвореніи православныхъ крестьянъ въ казенныхъ имѣніяхъ; о попыткахъ къ проведенію этой мѣры, сдѣланныхъ генералъ-губернаторомъ Головинымъ, а потомъ, въ 1849 году, епископомъ Рижскимъ Платономъ; о противодѣйствіи этой мѣрѣ со стороны генералъ-губерна-

тора князя А. А. Суворова; о рѣшеніи министерства государственныхъ имуществъ, въ 1850 году, водворять, въ казенныхъ имѣніяхъ, удаляемыхъ помѣщиками изъ участковъ крестьянъ-хозяевъ безъ различія исповѣданій (это былъ компромиссъ,—чтобы не сказать прямо: крестьянъ, сгоняемыхъ съ участковъ помѣщиками за то, что они приняли православіе); о догадливости помѣщиковъ, пріостановившихъ удаленіе изъ участковъ православныхъ крестьянъ, чтобъ не давать повода къ примѣненію этой мѣры,—которая такимъ образомъ и была забыта; наконецъ, о составленіи, въ 1865 году, изложенныхъ выше предположеній министерства государственныхъ имуществъ и о живомъ участіи, въ этомъ дѣлѣ, управлявшаго лифляндскою палатою государственныхъ имуществъ Шафранова,— Ю. Ѳ. Самаринъ переходитъ къ изложенію той оппозиціи, которую встрѣчало министерство государственныхъ имуществъ и въ особенности Шафрановъ (въ 1866 году удаленный отъ должности по настоянію генералъ-губернатора), со стороны даже мѣстныхъ властей, при исполненіи означенной мѣры,—не говоря о дворянствѣ и мѣстной печати, выставлявшихъ всю мѣру плодомъ чуть не анархической агитаціи.

«Въ Рижской газетѣ прямо говорится, что водвореніе батраковъ есть дѣло соціализма, распространяемаго въ народѣ, есть революціонный пріемъ, влекущій за собою насильственный раздѣлъ между батраками земель, принадлежащихъ помѣщикамъ и хозяевамъ-собственникамъ.

«Въ № 80, 1867 года, на который здѣсь указывается, въ статьѣ подъ заглавіемъ: «Настоящій аграрный вопросъ» (die eigentliche Agrarfrage), вопросъ этотъ приводится въ прямое соотношеніе съ правительственными мѣрами по надѣленію батраковъ. Далѣе значится буквально: «на практикѣ всего хуже то, что соціалистическія надежды на общую раздачу земель и тому подобное, искусственно разсѣеваемыя и питаемыя, выросли не на нашей мѣстной почвѣ. Съ своими доморощенными наставниками въ соціализмѣ, мы бы какънибудь управились; но наши провинціи беззащитны противъ зарубежныхъ пророковъ, имѣющихъ постоянную осѣдлость въ сторонѣ отъ насъ и только случайно запускающихъ къ намъ свою руку». Тутъ же указывалось на цѣлый рядъ статей однороднаго содержанія, появившихся прежде въ Рижской и другихъ мѣстныхъ газетахъ. Черезъ нѣсколько дней, въ той-же Рижской газетѣ, № 91, вышла новая передовая статья на ту же тему, подъ заголовкомъ: «О положеніи здѣшнихъ дѣлъ» (zur Situation). Въ ней заявлялось, какъ несомнѣнный фактъ и какъ послѣдствіе приготовительныхъ распоряженій въ казенныхъ имѣніяхъ, что въ краѣ поколеблена всякая увѣренность въ прочности правомѣрнаго землевладѣнія, что у состоятельныхъ крестьянъ пропала всякая охота къ покупкѣ земель

у помѣщиковъ, а масса сельскаго населенія волнуется ожиданіемъ скорой раздачи даровыхъ надѣловъ. Ссылаясь на высочайшій рескриптъ 15 мая 1866 года на имя князя П. П. Гагарина, редакція совѣтовала земскому представительству (т. е. дворянству) потребовать отъ главнаго мѣстнаго начальства оффиціальнаго опроверженія разнесшихся слуховъ, «чтобъ этимъ образумить народъ и вырвать всякую опору изъ рукъ злонамѣренныхъ агитаторовъ». Чего не смѣли выговорить мѣстныя газеты, то договаривали за нихъ нѣмецкія заграничныя. Тамъ прямо называли А. А. Зеленаго отъявленнымъ демократомъ и обличали злонамѣренность его между прочимъ тѣмъ, что онъ, вопреки исконному обычаю, назначилъ въ Ригу управляющаго русскаго. Оба, министръ и его подчиненный, служили-де вожаками партіи такъ называемыхъ молодыхъ латышей и русскихъ соціалистовъ. Между тѣмъ бывшій министръ и бывшій генералъ-губернаторъ Альбединскій были недовольны тѣмъ, что дѣлу о сосредоточеніи православнаго населенія Шафрановъ «придалъ характеръ религіозный, вмѣсто того, чтобъ сохранить за нимъ характеръ хозяйственнаго распоряженія»,—это было ему объявлено генералъ-губернаторомъ. Надобно сознаться, что задача была нелегкая. Казна отказывалась отъ всѣхъ своихъ мызныхъ земель, раздавала ихъ частью подъ православныя школы, частью православнымъ причтамъ, частью православнымъ крестьянамъ, на льготныхъ для нихъ условіяхъ, и добровольно принимала на себя убытокъ, исчисленный приблизительно въ 200 тыс. р. въ 12 лѣтъ; а отъ исполнителя, дѣйствовавшаго на мѣстахъ, требовалось, чтобъ онъ нашелъ средство замаскировать заботливость правительства о православіи отъ нѣмцевъ и лютеранъ, въ глазахъ которыхъ производилась вся операція, и чтобъ они оставались при наивномъ убѣжденіи, что правительство руководилось не религіозными или политическими, а чисто хозяйственными распоряженіями!

«Вслѣдъ за журнальными застрѣльщиками пошелъ въ атаку самъ губернаторъ ф. Эттингенъ. Прежде всего онъ потребовалъ къ своему просмотру всю переписку по вопросу о водвореніи православныхъ крестьянъ, происходившую помимо его, между министромъ и генералъ-губернаторомъ. Послѣдній помялся, но все-таки уступилъ—это было еще до окончательной его размолвки съ г. ф. Эттингеномъ. Вооружившись такимъ образомъ всѣми нужными справками, губернаторъ вклеилъ во всеподданнѣйшій свой отчетъ за 1866 годъ слѣдующую статью:

„Мѣры, проектированныя управленіемъ государственными имуществами, не соотвѣтствуя ни интересамъ казны, ни успѣшному развитію крестьянскаго экономическаго быта, могутъ считаться лишь раздражительнымъ способомъ къ достиженію агитаторскихъ цѣлей.

Предположенное раздробленіе казенныхъ дворовъ и раздачи земель православнымъ крестьянамъ производятся, какъ утверждаютъ, съ цѣлью сосредоточенія православнаго элемента. Подобная цѣль, если она можетъ быть достигнута, конечно заслуживаетъ уваженія; но одинъ уже взглядъ на географическую карту и на распредѣленіе народонаселенія по вѣроисповѣданію, достаточно убѣждаетъ, что осуществленіе означенной мѣры влечетъ за собою лишь уменьшеніе цѣнности казенныхъ дворовъ, матеріальное обогащеніе православныхъ крестьянъ и, что всего опаснѣе, возбужденіе недовольствія между большинствомъ населенія, т. е. между безземельными крестьянами, тогда какъ мнимая цѣль сосредоточенія православнаго элемента остается въ сторонѣ".

Тамъ же: „Управленіе государственныхъ имуществъ изъято отъ круга вѣдомства моего; тѣмъ не менѣе, однако, я не счелъ себя въ правѣ умолчать во всеподданнѣйшемъ моемъ отчетѣ передъ вашимъ императорскимъ величествомъ о такихъ мѣрахъ означеннаго управленія [1]), которыя, ни въ какомъ отношеніи, не могутъ служить въ пользу, а во многихъ отношеніяхъ служатъ во вредъ ввѣренной управленію моему губерніи, а слѣдовательно и во вредъ государству. Возникшая идея раздачи казенныхъ земель въ Лифляндіи особенно характеризуется еще тѣмъ, что, не только всѣ пріуготовительныя распоряженія по осуществленію этого проэкта были отъ меня скрыты, но и въ настоящее время, когда мнѣ сообщено главнымъ управленіемъ края, что означенная мѣра почитается вопросомъ рѣшеннымъ,—мѣстное управленіе государственными имуществами все еще скрываетъ отъ меня происходившую по сему предмету переписку. Подобныя дѣйствія, въ отношеніи начальника и хозяина губерніи, объясняются развѣ только тѣмъ опасеніемъ, что губернаторъ, узнавъ оффиціально о свойствѣ и цѣли проектированной мѣры, счелъ бы священнымъ долгомъ всемѣрно стараться парализировать пагубныя какъ для губерніи, такъ и для государства стремленія".

«Государь Императоръ, ставя суть дѣла выше тона, ограничился передачею выписаннаго отрывка на ближайшее соображеніе министра государственныхъ имуществъ. Генералъ-адъютанту Зеленому конечно очень не трудно было бы опровергнуть весь этотъ наборъ коварныхъ инсинуацій и притворныхъ опасеній; но чтобъ сдѣлать это основательнѣе и представить одновременно взглядъ на дѣло главнаго мѣстнаго начальства, при непосредственномъ, личномъ участіи котораго принимались всѣ приготовительныя мѣры, онъ обратился къ генералъ-губернатору съ просьбою высказать свое мнѣніе по содержанію отчета ф. Эттингена.

«Онъ ждалъ этого отвѣта цѣлыхъ два года и не дождался его.

«Не смотря однако на всѣ интриги, козни и колебанія, по май мѣсяцъ 1870 года, въ 33-хъ лифляндскихъ казенныхъ имѣніяхъ нарѣзано было (только нарѣзано) подъ водвореніе православныхъ безземельныхъ крестьянъ 6,087 дес., раздѣленныхъ большею частью на

[1]) Мѣры эти исходили не отъ мѣстнаго управленія государственныхъ имуществъ, а изъ министерства, по соглашенію съ генералъ-губернаторомъ, и изъ комитета министровъ. Наконецъ, онѣ уже получили высочайшее утвержденіе, и губернаторъ это зналъ. Примѣч. Ю. Ѳ. Самарина.

5-ти десятинные участки, слѣдовательно примѣрно на 1,200 дворовъ. Число это было менѣе половины всѣхъ православныхъ батраковъ, проживавшихъ въ однихъ казенныхъ имѣніяхъ лифляндской губерніи, не считая острова Эзеля.

«Изъ этихъ 1,200 участковъ, по имѣющимся у меня свѣдѣніямъ (за полноту которыхъ я не смѣю ручаться), дѣйствительно роздано православнымъ крестьянамъ только 288, а изъ этихъ 288, самимъ Шафрановымъ (до 1868 года) роздано было 213, въ десяти имѣніяхъ; слѣдовательно послѣ него водворено было только 75 человѣкъ.

«Я, пишетъ Ю. Ѳ. Самаринъ, не берусь разъяснить причины сравнительной медленности хода этого дѣла въ послѣднее время; думаю, однако, что удаленіе Шафранова осталось не безъ вліянія на него. Но вотъ что мнѣ достовѣрно извѣстно: еще при немъ, когда онъ осматривалъ на мѣстахъ нарѣзанные бобыльскіе участки, предназначавшіеся къ раздачѣ, оказывалось кое-гдѣ, что на нѣкоторыхъ изъ нихъ совершенно самовольно, безъ вѣдома и разрѣшенія палаты, успѣли уже водвориться лютеране. Подобныхъ случаевъ было немного, не болѣе 5-ти или 6-ти; объ нихъ Шафрановъ входилъ съ представленіями и министерство, изъ снисхожденія, оставляло самовольныхъ поселенцевъ на мѣстахъ, отводя имъ по 1 десят. (вмѣсто 5-ти) и въ то же время облагая ихъ оброкомъ. Изъ области законодательной, въ которой ихъ происки не увѣнчались полнымъ успѣхомъ, они спустились въ область исполнительныхъ распоряженій и остановились на мысли просто на просто не допускать православныхъ до водворенія. Въ этомъ стремленіи сошлись всѣ: волостные старшины, ихъ писаря, земская полиція и мѣстные суды.

«На практикѣ установился слѣдующій порядокъ: какъ только въ какомъ нибудь казенномъ имѣніи оканчивалась разбивка мызныхъ земель, бобыли-лютеране немедленно захватывали участки, предназначавшіеся для православныхъ. Это происходило въ глазахъ волостныхъ правленій и земской полиціи; но они ничего не видѣли и ничего не знали». («Окраины Россіи», выпускъ IV, стр. 161—167).

Далѣе Ю. Ѳ. Самаринъ разсказываетъ и подтверждаетъ документально, фактическими примѣрами, какъ мѣстное начальство и мѣстные суды систематически уклонялись отъ отобранія назначенныхъ православнымъ крестьянамъ казенныхъ земель отъ самовольно захватившихъ ихъ крестьянъ-лютеранъ. Тутъ, на практикѣ, подтвердилась пословица: «Царь жалуетъ, да псарь не жалуетъ». Казенныя земли назначались православнымъ крестьянамъ по Высочайшей волѣ; а волостной старшина допускалъ лютеранъ водворяться на земляхъ этихъ; а потомъ, на возраженія вѣдомства государственныхъ имуществъ, ему мѣстное начальство объявляло, что, для устраненія

захватовъ, нужно начать иски судебнымъ порядкомъ; иски рѣшались низшими инстанціями въ пользу лютеранъ; а по аппеляціямъ вѣдомства государственныхъ имуществъ, дѣло возвращалось въ тѣ же низшія инстанціи для пересмотра; а тамъ опять постановлялись такія же незаконныя рѣшенія, вызывавшія новыя аппеляціи, и дѣло тянулось безъ конца; а православные крестьяне назначенныхъ имъ участковъ все-таки не получали.

Такимъ образомъ, возникшее во мнѣ, когда я первоначально узналъ о содержаніи записки, внесенной Александромъ Алексѣевичемъ Зеленымъ въ комитетъ министровъ,—опасеніе, что министерству государственныхъ имуществъ не удастся очень многаго сдѣлать для православныхъ батраковъ въ Лифляндіи,—въ сущности отчасти оправдалось, не смотря на неожиданное для меня утвержденіе предположеній А. А. Зеленаго Высочайшею властью. Затѣмъ, что касается статьи Ю. Ѳ. Самарина,—то, имѣвъ, въ свое время, возможность ознакомиться документально съ ходомъ этого дѣла, я могу подтвердить, что статья эта не только блестяще изложена, какъ все принадлежащее перу Ю. Ѳ. Самарина, но и фактически вѣрна. Только въ отношеніи къ одному обстоятельству, я позволю себѣ сдѣлать маленькую оговорку. Мнѣ кажется, что Ю. Ѳ. Самаринъ немножко идеализируетъ Шафранова, въ ущербъ другимъ дѣятелямъ министерства государственныхъ имуществъ, которые не выставлялись наружу своимъ сочувствіемъ этому дѣлу, избѣгали раздражать нѣмцевъ, гдѣ можно было ихъ обойти; но служили дѣлу этому честно и искренно, также какъ и Шафрановъ, и принесли свою долю пользы въ достиженіи практическаго результата, который не былъ грандіозенъ, но и не выходилъ въ узкія рамки цифръ, приведенныхъ Самаринымъ, по даннымъ не полнымъ, или относившимся ко времени не далѣе 1868 года,—хотя, между тѣмъ, говорится въ статьѣ и о событіяхъ 1870 года. Такъ, Самаринъ (стр. 166) говоритъ, что роздано было православнымъ батракамъ 288 участковъ 5-ти десятинныхъ, т. е. 1,440 десятинъ, изъ коихъ, при Шафрановѣ, 213 участковъ, а послѣ него только 75 участковъ. Между тѣмъ, до конца 1871 года было роздано въ 46 имѣніяхъ Лифляндской губерніи почти 7,500 десятинъ, т. е. считая по 5 десятинъ каждый, до 1,500 участковъ; стало быть, послѣ Шафранова, въ шесть разъ болѣе, чѣмъ при немъ и значитъ дѣло, послѣ выхода Шафранова, не остановилось. Эту одну только неточность я замѣтилъ въ статьѣ Ю. Ѳ. Самарина; но онъ и самъ оговорился, въ этомъ мѣстѣ, что за полноту свѣдѣній по этому собственно пункту не ручается.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВИЛЕНСКІЕ ОЧЕРКИ

1863—1865 гг. [1]).

Воспоминанія очевидца.

IV.

Лица, стоявшія во главѣ управленія Сѣв.-Зап. краемъ ко времени прибытія въ Вильну М. Н. Муравьева.—Виленскій театръ.—Туристы-англичане.—Францисканская тюрьма.—Андрей Ник. Муравьевъ.—Адресъ дворянъ государю.—Адресы Муравьеву.—Обложеніе помѣщичьихъ имѣній процентнымъ сборомъ.—Отъѣздъ изъ Вильны нѣкоторыхъ русскихъ чиновниковъ.—Гвардія.—Высочайшій рескриптъ.

Въ то время, когда генералъ Муравьевъ прибылъ въ Вильну, во главѣ управленія Сѣверо-Западнымъ краемъ стояли слѣдующія лица:

Помощникъ командующаго войсками округа, генералъ-адъютантъ Фроловъ, нѣкогда любимецъ фельдмаршала князя Паскевича. Генералъ Фроловъ [2]) оставался въ этой должности до января 1864 г., когда замѣненъ былъ генералъ-адъютантомъ Крыжановскимъ, а самъ назначенъ сенаторомъ.

Виленскою губерніею управлялъ генералъ-маіоръ Галлеръ бывшій въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ дежурнымъ штабъ-офице-

---

[1]) См. «Записки графа М. Н. Муравьева-Виленскаго» и прилож. къ нимъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1882 г., т. XXXVI, ноябрь, стр. 387—432; декабрь, стр. 623—644; изд. 1883 г., т. XXXVII, январь, стр. 131—166; февраль, стр. 291—304; мартъ, стр. 615—630; т. XXXVIII, апрѣль, стр. 193—230; т. XL, октябрь, стр. 181—200; ноябрь, 389—406.

[2]) Дисненскій помѣщикъ, постоянно будировавшій за преобразованія въ условіяхъ крестьянскаго быта. Въ 1864 въ кабинетѣ его деревенскаго дома видѣлъ я чамарку, которую онъ снялъ съ плечъ родной племянницы.

Авт.

ромъ, управляющимъ политическимъ отдѣленіемъ и наконецъ нѣкоторое время правителемъ канцеляріи генералъ-губернатора. Назначенный лишь съ годъ до начала мятежа Гродненскимъ губернаторомъ, онъ не задолго до прибытія Муравьева былъ переведенъ въ Вильну; но не прошло мѣсяца, какъ онъ былъ уже уволенъ и на мѣсто его назначенъ г. Панютинъ, бывшій въ то время предсѣдателемъ Динабургской слѣдственной коммисіи.

Гродненскимъ губернаторомъ, какъ я сказалъ уже выше, одновременно съ назначеніемъ гр. Муравьева въ Вильну былъ назначенъ графъ Бобринскій; на мѣсто его назначенъ былъ вскорѣ начальникъ IV округа корпуса жандармовъ, бывшій долгое время Ковенскимъ жандармскимъ штабъ-офицеромъ, генералъ Скворцовъ; онъ скоро водворилъ спокойствіе въ Гродненской губерніи и обратилъ особенное вниманіе на крестьянское дѣло. Гродненское губернское присутствіе было передовое и повѣрочныя работы по Гродненской губерніи были окончены прежде, чѣмъ въ другихъ губерніяхъ.

Ковенская губернія, болѣе остальныхъ охваченная мятежемъ, къ тому же самымъ упорнымъ, долго оставалась какъ бы въ между-царствіи. Прежній губернаторъ контръ-адмиралъ Кригеръ былъ немедленно уволенъ и на мѣсто его назначенъ генералъ-лейтенантъ Энгельгардтъ, вызванный изъ отставки по рекомендаціи генералъ-адъютанта Муравьева-Карскаго. Отличный воинъ, генералъ Энгельгардтъ не могъ справиться съ цѣлою областью, объятою мятежемъ, проникнувшимъ во всѣ слои общества, и не умѣлъ обращаться съ административными мѣрами. Онъ самъ это чувствовалъ и просилъ увольненія. Временно завѣдывать этой губерніей назначенъ былъ сынъ начальника края Н. М. Муравьевъ, бывшій губернаторомъ въ разныхъ губерніяхъ и изъ гражданскаго чина переименованный тогда въ генералъ-маіоры; но съ назначеніемъ его оставалось еще нѣсколько правителей: два уѣзда: Вилькомірскій и Поневѣжскій составили военный отдѣлъ подъ начальствомъ генерала Пахомова; въ Шавельскомъ и Тельшевскомъ начальствовалъ генералъ Майдель, а впослѣдствіи командующимъ войсками въ остальныхъ уѣздахъ губерніи назначенъ князь Яшвиль, водворившій къ августу мѣсяцу 1863 г. порядокъ въ Могилевской губерніи. Такое сложное управленіе болѣе вредило дѣлу, и по истребленіи всѣхъ шаекъ и по взятіи

знаменитаго ксендза **Мацкевича**, къ концу года вся власть сосредоточилась въ рукахъ губернатора.

Въ Минскую губернію, независимо отъ гражданскаго губернатора **Кожевникова**, назначенъ былъ военнымъ губернаторомъ и командующимъ войсками съ большимъ полномочіемъ генералъ-лейтенантъ **Заболоцкій** [1]). Должность его была упразднена лишь весной 1864 г. и тогда онъ перешелъ на службу въ Варшаву.

Витебская и Могилевская губерніи были подчинены начальнику Сѣверо-Западнаго края лишь при назначеніи на эту должность генерала Муравьева и объявлены на военномъ положеніи. Въ первую былъ посланъ еще до того времени генералъ **Длотовскій**, по случаю возникшихъ близь Динабурга безпорядковъ, а потому онъ же и былъ назначенъ командующимъ войсками въ губерніи. Мѣстопребываніемъ его былъ Динабургъ. Въ Витебскѣ оставался гражданскій губернаторъ Оголинъ. По замѣщеніи въ въ августѣ 1863 г. г. Оголина генераломъ Веревкинымъ, Витебская губернія раздѣлена на 2 военные отдѣла. Ему подчиненъ былъ 2-й отдѣлъ, т. е. восточная половина губерніи, съ г. Витебскомъ, а на мѣсто генерала Длотовскаго, немного лишь позднѣе, назначенъ генералъ Ковалевскій военнымъ начальникомъ 1 отдѣла и ему же подчинены ближайшіе къ Динабургу уѣзды: Дисненскій—Виленской губерніи и Новоалександровскій —Ковенской [2]). Изъ этого возникла впослѣдствіи мысль объ образованіи особой Динабургской губерніи; отъ министерства былъ даже присланъ особый чиновникъ для составленія соображеній; но дѣло было отложено до окончанія крестьянской реформы, такъ какъ съ образованіемъ новой губерніи приходилось нѣсколько измѣнить всю карту Сѣверо-Западныхъ губерній и прирѣзать часть Курляндіи.

Въ Могилевской губерніи начальствовалъ А. П. **Беклемишевъ**,

---

Вас. Ив., быв. деж. генер. при кн. Горчаковѣ въ Варшавѣ. Предупреждалъ о развитіи мятежа. Первый приказалъ стрѣлять по мятежникамъ. Былъ жестоко израненъ камнями въ спину. Уволенъ. Отданъ подъ слѣдствіе но впослѣдствіи, въ 1870 г., былъ въ Варшавѣ членомъ Учредительнаго комитета.

[2]) Содѣйствовалъ оправданію предводителей мятежа въ Дисненскомъ уѣздѣ Деспотъ-Зеновича и Куровскаго; защищалъ полякофиловъ Киріенка Волошина и Богуславскаго, которые въ повѣрочной коммисіи обдѣлывали дѣла помѣщиковъ въ ущербъ крестьянъ; и когда уличенные были уволены М. Н. Муравьевымъ, Ковалевскій сталъ обвинять А. В. Рачинскаго, обнаружившаго полонизмъ въ Дисненскомъ уѣздѣ. **Примѣч. въ рукоп.**

оставшійся тамъ до 1866 г., но по случаю возникшихъ въ губерніи безпорядковъ и съ объявленіемъ въ ней военнаго положенія, назначенъ былъ временно командующимъ войсками князь Яшвиль. Мятежъ Могилевской губерніи въ недѣлю былъ усмиренъ крестьянами при помощи полиціи и кой-какихъ солдатиковъ; поэтому, согласно съ представленіемъ князя Яшвиля, туда не были даже назначены военно-уѣздные начальники и исправники исполняли ихъ обязанности. Князь Яшвиль ходатайствовалъ у начальника края о снятіи военнаго положенія съ Гомельскаго уѣзда, гдѣ даже не было допущено проявленій мятежа и на это послѣдовало согласіе [1]). Самъ же князь Яшвиль былъ осенью переведенъ въ Ковенскую губернію и затѣмъ въ Могилевской губерніи все шло почти обыкновеннымъ порядкомъ (см. Описаніе мятежа Могилевской губерніи, составл. Василіемъ Θедоровичемъ Ратчемъ, „Вѣстникъ Западной Россіи", изд. 1865 г.) [2]).

Главнымъ правителемъ дѣлъ, т. е. постояннымъ докладчикомъ всѣхъ поступавшихъ бумагъ, экстренныиъ распорядителемъ по всѣмъ дѣламъ, передатчикомъ текущихъ приказаній всѣмъ должностнымъ лицамъ и завѣдующимъ личнымъ составомъ былъ ген.-м. Лошкаревъ, занимавшій въ то же время должность директора Константиновскаго межеваго института въ Москвѣ и командированный министерствомъ юстиціи въ распоряженіе генерала Муравьева, на время усмиренія мятежа. Онъ жилъ во дворцѣ на верху, постоянно былъ требуемъ генералъ-губернаторомъ и положительно цѣлый день былъ занятъ. На всѣхъ доложенныхъ имъ бумагахъ онъ писалъ резолюціи начальника края, и отмѣчалъ мѣсто, куда должна поступить бумага. Эти доклады служили высшимъ контролемъ по всѣмъ частямъ управленія и при

---

[1]) Полякъ-исправникъ Вержбицкій твердо убѣдилъ шляхту сидѣть смирно, обѣщая ей благодушное отношеніе властей къ крестьянской реформѣ.

Въ 1867 г. Вержбицкій тайно въ средѣ духовныхъ, присоединился къ православной церкви, будучи Оршанскимъ исправникомъ. Типъ весьма любопытный въ отношеніяхъ своихъ къ староварамъ.

[2]) Зимою 1868—1869 года по стараніямъ г.-а. Потапова Ратчъ получилъ служебную непріятность, заставившую его прервать работы по собиранію и изданію свѣдѣній о польскомъ мятежѣ 1863 г.—Ударъ былъ силенъ; быстро развился аневризмъ сердца и 2 янв. 1870 г. бѣдный страдалецъ скончался въ своемъ имѣніи въ Тамбовской губерніи въ Козловскомъ уѣздѣ.

Примѣч. въ рукоп.

необыкновенной памяти Михаила Николаевича были причиной того, что бумаги не залеживались въ канцеляріяхъ.

Правителемъ особенной канцеляріи, какъ я уже выше сказалъ, подъ непосредственнымъ завѣдываніемъ г. Лошкарева, былъ камеръ-юнкеръ Рачинскій.....

Одинъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей, подполковникъ Черевинъ, прибылъ въ Вильну, по приглашенію генералъ-губернатора, съ Кавказа, въ концѣ іюля мѣсяца 1863 г., въ мундирѣ Севастопольскаго пѣхотнаго полка, съ которымъ онъ тамъ отличался. Первое время дѣятельность его была весьма ограниченная: разъ только ему было дано порученіе въ Вилькомірскій и Поневѣжскій уѣзды для разъясненія мѣстныхъ недоразумѣній. При веселомъ нравѣ, соединенномъ съ самымъ плѣнительнымъ остроуміемъ и находчивостью, онъ сдѣлался душею небольшаго кружка состоящихъ при генералъ-губернаторѣ, но въ ноябрѣ мѣсяцѣ, когда генералъ Лошкаревъ долженъ былъ возвратиться къ своему мѣсту, должность его была поручена Черевину. Всѣ сначала были изумлены, такъ какъ никто еще, кромѣ самаго генералъ-губернатора, не зналъ серьезныхъ свойствъ веселаго товарища. Исполняя важную свою должность до 1865 г., онъ всегда оставался неизмѣннымъ при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, дѣлалъ много добра, сдерживалъ своимъ вліяніемъ разныя увлеченія и порывы служащихъ и всегда былъ удивительно скроменъ. Онъ имѣлъ несомнѣнно нѣкоторое вліяніе не только на ходъ дѣлъ, но и на самаго генералъ-губернатора, который любилъ всегда имѣть его близь себя и совѣтоваться съ нимъ: совершенно независимаго характера, онъ смѣло и съ достоинствомъ высказывалъ свое мнѣніе и хотя начальникъ края не всегда слѣдовалъ его указаніямъ, тѣмъ не менѣе выслушивалъ ихъ и цѣнилъ.

Не выказывая безъ нужды своихъ знаній, онъ обладалъ однако познаніями и понятіями всегда точными, ясными и опредѣлительными. Истинное наслажденіе говорить о такомъ человѣкѣ.

Правителемъ общей штатной канцеляріи былъ д. с. с. Тумановъ, служившій прежде по учебной части [1]). Чиновники этой канцеляріи были еще по большей части поляки и лишь посте-

---

[1]) Инспекторомъ хозяйственной части въ Бѣлостокскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ. Жена его была урожденная Павлова,

Примѣч. въ рукоп.

пенно замѣщались русскими и то болѣе съ 1864 года. Они составляли особый міръ и рѣдко являлись во дворецъ.

Въ настоящихъ очеркахъ мнѣ неудобно представить полную характеристику главнѣйшихъ изъ дѣйствовавшихъ въ то время лицъ; но скажу только, что при замѣчательномъ разнообразіи характеровъ и наклонностей, всѣ мы были одушевлены какъ бы однимъ духомъ, и стремились къ одной цѣли. Это направленіе сообщалось и всѣмъ служащимъ въ краѣ въ самыхъ отдаленныхъ пунктахъ. Ежедневные пріемы генералъ-губернатора и доступность его всѣмъ служащимъ, а равно и наша Особенная Канцелярія много способствовали этому объединенію. До пріемовъ и послѣ того всѣ представляющіяся должностныя лица и болѣе или менѣе намъ извѣстныя заходили въ нашу канцелярію, которая, какъ я уже сказалъ, была рядомъ съ пріемною. То, что не было договорено генералъ-губернаторомъ, здѣсь пояснялось, здѣсь каждый могъ понять господствовавшія мысли и примѣнять къ нимъ свою дѣятельность, сюда стекались всѣ свѣдѣнія, всѣ лица, словомъ сказать, это былъ маленькій foyer.

Тутъ же составлялись отвѣты на депеши, шифровались и расшифровывались секретныя телеграммы.

Кромѣ этого кружка ближайшихъ сотрудниковъ начальника края, постепенно сталъ увеличиваться кружокъ мировыхъ дѣятелей. Къ сожалѣнію, Маковъ, завѣдывавшій первоначально этимъ дѣломъ, по семейнымъ обстоятельствамъ, вынужденъ былъ въ сентябрѣ 1863 г. покинуть Вильну и занятія его перешли къ помощнику его, г. Левшину, только что вернувшемуся изъ Минской губерніи, куда онъ былъ посланъ для образованія повѣрочныхъ коммисій и для наблюденія за началомъ ихъ занятій.

Къ осени число прибывающихъ на должности по крестьянскому дѣлу увеличилось; ни одного поляка не оставалось уже на мѣстахъ по этому роду службы; и при этомъ обнаружилось, что во многихъ мѣстахъ крестьянамъ даже не было растолковано прежними мѣстными посредниками изъ поляковъ положеніе и они оставались какъ-бы въ крѣпостномъ состояніи. Всѣ новоприбывающіе дѣятели были по большей части мировыми посредниками у себя дома, что уже служило нѣкоторымъ ручательствомъ; иные, лично извѣстные генералъ-губернатору или другимъ лицамъ, были приглашаемы прямо на извѣстныя должности; по большей части

это все были люди порядочные, многіе изъ хорошихъ фамилій и даже со средствами; надо замѣтить, что больше всего посредниковъ прибыло изъ Смоленской губерніи, изъ числа тамошнихъ небогатыхъ помѣщиковъ, для которыхъ прибавка 500 руб. къ содержанію по близости Сѣверо-Западнаго края имѣла значеніе, и оттуда шли лучшіе люди.

Всѣ эти господа соединялись ежедневно въ Европейской гостинницѣ, гдѣ собирались также и офицеры Преображенскаго полка и всѣ пріѣзжающіе и путешественники, которыхъ къ осени много появилось. Собранія были въ высшей степени оживленныя и интересныя,—все русскіе люди изъ разныхъ дальнихъ странъ собрались въ краѣ, мало извѣстномъ въ остальной Россіи и, конечно, это тоже не мало служило къ разъясненію взглядовъ нашихъ на польскій вопросъ и преимущественно въ Сѣверо-Западномъ краѣ.

Къ осени пріѣхало остальное семейство начальника края, многіе изъ служащихъ выписали тоже своихъ женъ и дочерей, ко многимъ стали пріѣзжать знакомые, и пошли гулянья и пикники. Въ загородныхъ домахъ устроивали завтраки, а послѣ того танцовали до вечера; вообще Вильна въ то время оживилась; театръ былъ въ полномъ ходу. Генералъ-губернаторъ, понимая всю важность общественныхъ зрѣлищъ, съ самаго начала обратилъ на нихъ серьезное вниманіе; при открытіи театра на немъ играли лишь польскія пьесы—и только иногда въ концѣ представленія давали плохенькій русскій водевильчикъ, или неважную сцену, въ родѣ: „Запечатаннаго Ицка“; да и актеры, изъ коихъ многіе отличались истиннымъ талантомъ, были всѣ поляки; но въ скоромъ времени мало по малу русскія пьесы на Виленскомъ театрѣ стали появляться все чаще и къ ядру польскаго состава труппы стали прибавляться русскіе наѣзжіе актеры; польскіе же актеры окончательно выучились говорить по русски, и театръ сдѣлался такъ хорошъ, что многія русскія пьесы были разыгрываемы даже не хуже, чѣмъ въ Петербургѣ въ Александринскомъ театрѣ.

Около этого же времени стали посѣщать Вильну разные туристы-англичане: первый изъ нихъ, г. Дей, прибылъ еще въ концѣ іюля; но такъ какъ онъ не зналъ ни по русски, ни по французски, то его мало замѣтили; между тѣмъ онъ собралъ

всѣ нужныя свѣдѣнія и напечаталъ рядъ замѣчательныхъ статей по польскому вопросу въ „Daily News“, которыя были переведены въ то время на русскій языкъ и обратили на себя общее вниманіе. Англичанинъ подробно описалъ генерала Муравьева, отдавая справедливость всѣмъ его мѣрамъ и даже нѣсколько восторгался его умомъ и энергіей. Г. Дей этимъ не удовольствовался и пріѣхалъ еще черезъ годъ, когда о немъ ужъ забыли, и сталъ настойчиво требовать разныхъ данныхъ для книги, которую онъ составлялъ; просилъ дать ему выписку изъ дѣла о кинжальщикахъ и предъявилъ другія требованія. Генералъ-губернаторъ принялъ его очень ласково, приказалъ снова показать ему всѣ тюрьмы, пріюты, окрестности и т. п., но вмѣстѣ съ тѣмъ отстранилъ весьма искусно и его притязанія.

Вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ болѣе серьезный посѣтитель, нѣкто г. О'Брейнъ, съ товарищемъ въ родѣ секретаря. О'Брейнъ отличался высшимъ образованіемъ, имѣлъ какое-то оффиціальное положеніе и довольно хорошо говорилъ по французски; приглашенный къ обѣду къ начальнику края, онъ вообще остался въ восторгѣ отъ его пріема; ему также былъ открытъ доступъ во всѣ тюрьмы; онъ посѣтилъ и слѣдственную коммисію и ему разрѣшено было присутствовать при допросахъ; такъ какъ я обыкновенно былъ назначаемъ въ спутники этимъ господамъ, то вмѣстѣ съ г. О'Брейномъ посѣтилъ, между прочими тюрьмами, и тюрьму Францисканскую.

Въ глубинѣ двора, за костеломъ, нынѣ закрытымъ, находится это большое четырехъ-угольное зданіе въ два этажа, составлявшее прежде жилище францисканов. Вокругъ него идутъ по наружной стѣнѣ широкіе чистые корридоры, а всѣ кельи, высокія и сухія, обращены окнами на внутренній дворъ, на которомъ устроенъ цвѣтникъ и посажено нѣсколько тополей. Въ цвѣтникѣ этомъ гуляли нѣкоторые арестанты и между прочими мнѣ указали на богатаго помѣщика Александра Оскерко, оказавшагося впослѣдствіи однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ Огрызко; уже сосланный въ Уфу, онъ былъ вытребованъ оттуда обратно и по приговору суда отправленъ впослѣдствіи на 20 лѣтъ въ каторжную работу. Полковникъ Петръ Семенов. Лебедевъ (бывшій редакторъ „Русскаго Инвалида“), имѣвшій высшее наблюденіе за всѣми тюрьмами въ Вильнѣ, какъ-бы угощая иностранца

этою образцовою тюрьмою, берегъ для насъ еще одинъ сюрпризъ. Послѣ обзора нѣкоторыхъ арестантскихъ, мы были приведены въ комнату, гдѣ содержалась богатая Виленская помѣщица Матильда Бучинская, урожденная Гинтеръ. Высокаго роста, величественная, уже пожилая, г-жа Бучинская приняла насъ весьма любезно, какъ великосвѣтская женщина принимаетъ въ своей гостиной. Она поразила насъ своимъ умомъ, познаніями и живостью. Въ какія-нибудь десять минутъ рѣчь зашла даже о Данте; она говорила, что вовсе не сѣтуетъ, а благодаритъ судьбу за это небольшое испытаніе, такъ она до сихъ поръ не знала въ жизни превратностей и теперь только въ этомъ уединеніи лучше научилась понимать нѣкоторыя вещи и думать о томъ, на что прежде не обращала вниманія. У постели ея висѣлъ на стѣнѣ коверъ, на столикѣ передъ диваномъ стояли слѣды домашняго обѣда, на окнѣ въ горшкѣ подъ стекломъ она выращала какую-то травку. Г-жа Бучинская содержалась не какъ подсудимая, но въ видѣ административнаго взысканія за прежніе ея подвиги и руковожденія въ демонстраціяхъ всякаго рода; а мѣсяца черезъ три она отправлена была въ Нижегородскую губернію. Вообще, содержаніе въ Францисканской тюрьмѣ считалось самымъ легкимъ по сравненію съ остальными тюрьмами. Прощаясь съ англичаниномъ, она смѣясь сказала ему: „и такъ передайте въ вашемъ отечествѣ, что вы видѣли въ Виленскихъ тюрьмахъ женщину веселую и совершенно довольную своимъ положеніемъ“, а мнѣ она выразила надежду увидѣться гдѣ-нибудь современемъ при болѣе счастливыхъ обстоятельствахъ.

Г. О'Брейнъ тоже написалъ нѣсколько статей о Вильнѣ и Варшавѣ въ „Evening Star“, отличавшихся впрочемъ бо́льшею сдержанностью, чѣмъ сочиненія Дея.

Были еще другіе пріѣзжіе, менѣе важные; между ними я помню только одного молодого человѣка хорошей фамиліи, готовившагося въ парламентъ, который вмѣстѣ съ своимъ воспитателемъ путешествовалъ по Европѣ и только что прибылъ изъ Норвегіи. Я катался съ нимъ по окрестностямъ и при видѣ полнаго мѣсяца, ярко освѣтившаго рѣку Вилейку, окруженную густыми рощами съ поблекшими листьями, онъ оживился, сталъ декламировать Байрона, прочелъ мнѣ даже какіе-то свои стихи.

Около того же времени прослѣдовалъ черезъ Вильну въ Вар-

шаву съ многочисленною свитою сенаторъ Николай Алексѣевичъ Милютинъ, предназначавшійся для преобразованія управленія Царства Польскаго.

Вмѣстѣ со всѣми своими спутниками онъ остановился въ Европейской гостинницѣ, гдѣ они заняли полъ-этажа. Все утро онъ провелъ у начальника края; а на общій пріемъ прибыли будущіе его сотрудники.

Такимъ образомъ въ этотъ день пріемъ былъ самый замѣчательный. Тутъ были: князь В. А. Черкасскій (впослѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ въ Царствѣ), Юрій Ѳедор. Самаринъ, (извѣстный писатель), тайный совѣтникъ Петерсонъ, г. Протоповъ (директоръ департамента въ министерствѣ государственныхъ имуществъ) и еще человѣкъ десять; для полноты же картины былъ одинъ изящный чиновникъ въ вицъ-мундирѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, какъ говорили, для переводовъ съ польскаго языка.

Генералъ-губернаторъ пригласилъ всѣхъ этихъ будущихъ дѣятелей въ свой кабинетъ и долго съ ними бесѣдовалъ. Въ тотъ же день они были приглашены во дворецъ къ обѣду. Все это укрѣпило впослѣдствіи связь между начальникомъ Сѣверо-Западнаго края и управленіемъ Царства Польскаго. Сенаторъ Милютинъ во время частыхъ поѣздокъ своихъ въ Варшаву, почти всегда останавливался въ Вильнѣ для свиданія съ генералъ-губернаторомъ.

Въ октябрѣ же мѣсяцѣ, въ концѣ, посѣтилъ Вильну братъ начальника края, извѣстный писатель Андрей Николаевичъ Муравьевъ. Онъ осмотрѣлъ всѣ православные памятники древней Вильны и между прочимъ былъ пораженъ величіемъ одного заброшеннаго зданія, носившаго въ то время скромное названіе „Спаскихъ казармъ“. Судьба этого нѣкогда соборнаго храма въ высшей степени замѣчательна. Построенный въ XV столѣтіи на берегу рѣки Вилейки, въ самомъ центрѣ древняго города, храмъ этотъ былъ освященъ московскимъ митрополитомъ Алексѣемъ, во имя Пречистыя Богородицы, и полтора столѣтія служилъ митрополіею Литвы. Всепоглощающая унія обратила его въ свое достояніе. Мало по малу соборъ этотъ тѣсно вокругъ застраивался, городъ расширялся въ другую сторону и онъ потерялъ всякое значеніе, а послѣ пожара, въ прошломъ столѣтіи, былъ вовсе

заброшенъ и считался лишь въ духовномъ уніатскомъ вѣдомствѣ. Князь Чарторыйскій, во время знаменитаго своего управленія виленскимъ учебнымъ округомъ, испросилъ высочайшее повелѣніе на передачу этого ненужнаго зданія въ вѣдѣніе университета для устройства ветеринарной школы и анатомическаго театра. За упраздненіемъ университета и помянутыхъ учрежденій, зданіе поступило въ завѣдываніе городской думы и нѣкоторое время отдавалось подъ постой войскъ. За устройствомъ же болѣе удобныхъ казармъ, сдѣлалось складомъ городского имущества; перегороженныя внутри части его розданы въ наймы бѣднымъ ремесленникамъ. Въ одной части его помѣстился экипажный сарай, а въ главномъ алтарѣ устроена кузница. Я самъ засталъ его въ этомъ печальномъ видѣ [1]). Впослѣдствіи, когда по настояніямъ Андр. Ник. Муравьева, не смотря на большое противодѣйствіе разныхъ высшихъ лицъ и даже на опасенія его брата за громадность издержекъ, зданіе это было нѣсколько пообчищено и внутри его разломаны перегородки, то я увидалъ внутренность чудеснаго православнаго храма съ 4-мя большими посрединѣ столбами, нѣкогда поддерживавшими куполъ. Въ стѣнѣ же у алтаря были видны слѣды древняго иконостаса съ византійскими дверями. Три полукруглые выступа для алтарей еще прежде наводили многихъ на мысль о древнемъ величіи храма. Теперь (1867 г.) соборъ Пречистыя возобновляется и этимъ онъ конечно обязанъ усердному вмѣшательству въ это дѣло Андрея Николаевича Муравьева и его брату, вскорѣ убѣдившемуся въ значеніи этого памятника.

Послѣдствіемъ посѣщенія Андрея Николаевича Муравьева было изданіе брошюры: „Русская Вильна“, въ которой краснорѣчиво описаны всѣ памятники древняго православія въ этомъ городѣ. Книжка эта разошлась въ большомъ числѣ экземпляровъ и переведена была на французскій языкъ графомъ Ожаровскимъ.

Съ обезсиленіемъ мятежа, повсемѣстнымъ почти уничтоженіемъ шаекъ и водвореніемъ строгаго и бдительнаго военно-полицейскаго управленія, необходимо было дать остававшимся мятежникамъ возможность положить оружіе, тѣмъ болѣе, что съ наступленіемъ осенняго времени имъ становилось почти невозможно

[1]) См. статью объ этомъ въ газетѣ «День», октябрь 1863 г. Авт.

держаться въ лѣсахъ, а крестьяне отказывались ихъ продовольствовать, такъ что они вынуждены были почти съ бою доставать себѣ пропитаніе. Съ этою цѣлью 26-го августа циркуляромъ начальника края, повсемѣстно распубликованнымъ, было объявлено всемилостивѣйшее прощеніе всѣмъ тѣмъ, которые явятся изъ мятежа добровольно къ начальству и представятъ оружіе. Начальники шаекъ первое время удерживали нерѣшительныхъ страхомъ, но за удвоеніемъ строгихъ мѣръ и за исполненіемъ въ 24 часа нѣсколькихъ приговоровъ надъ взятыми въ плѣнъ предводителями скитавшихся по краю бродячихъ шаекъ, энергія ихъ пропала и мятежники стали сотнями являться къ начальству. Отъ нихъ отбирались показанія и оружіе и если на нихъ не падало подозрѣній въ совершеніи особо важныхъ преступленій или злодѣяній, они водворялись на прежнемъ мѣстѣ жительства, съ согласія обществъ и по приведеніи къ присягѣ. Первая очистительная присяга, принесенная нѣсколькими шляхтичами и однимъ ксендзомъ въ Вильнѣ, была обставлена возможною торжественностью; прелатъ Немѣкша совершалъ литургію въ Свято-Янскомъ костелѣ и на ней присутствовали высшія должностныя лица. Нѣкоторые изъ заблудшихъ были потрясены до слезъ [1]). Добровольно возвратившихся изъ мятежа было водворено въ краѣ свыше 3,000 челов.; сверхъ того до 300 челов. не были приняты обществами своими на поручительство и отправлены поэтому на водвореніе въ сибирскія губерніи, административнымъ порядкомъ.

За возвращеніемъ столь значительнаго числа лицъ изъ мятежа, не представлялось уже основанія щадить упорныхъ фанатиковъ, державшихъ страну подъ вліяніемъ террора и совершавшихъ ежедневно жестокія истязанія надъ мирными жителями. Тогда-то шайки эти получили извѣстное названіе жандармовъ-вѣшателей. Главнѣйшею ихъ цѣлью было продержаться какъ-нибудь до весны, такъ какъ они надѣялись на присоединеніе къ нимъ снова большаго числа мятежниковъ, которые могли бы отдохнуть зимою и запастись оружіемъ. Тѣмъ временемъ и тайная революціонная организація напрягала всѣ свои силы, чтобы сохранить за собою господство въ краѣ. Во главѣ ея сталъ человѣкъ необыкновенно

---

[1]) Между прочими кальвинскій суперъ-интендендъ Липинскій, обнимавшій своего невольно раскаявшагося сына. Авт.

предпріимчивый и энергическій — нѣкто Калиновскій, долго ускользавшій отъ преслѣдованія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и правительство удвоило свои усилія, такъ какъ необходимо было за одинъ разъ покончить съ мятежемъ и не допустить ни въ какомъ случаѣ возможности возобновленія его съ весны. Независимо отъ преслѣдованій и истребленій жандармовъ-вѣшателей, открытія нѣкоторыхъ агентовъ организаціи и совершенія надъ ними казни, учреждена была уже повсемѣстно сельская стража; въ большихъ лѣсахъ велѣно было въ кратчайшій срокъ прорубить просѣки, что значительно способствовало къ ихъ очищенію. Повѣрочныя коммисіи продолжали свои поздно-начавшіяся работы до тѣхъ поръ, пока земля не покрылась снѣгомъ и сдѣлалось невозможнымъ распознавать ея достоинство.

По примѣру виленскаго дворянства—и отъ другихъ губерній стали прибывать депутаціи [1]) съ представленіемъ всеподданнѣйшихъ адресовъ. Словомъ сказать, правительственная власть на всѣхъ пунктахъ росла, всѣ сословія къ ней приставали и хотя число недовольныхъ не уменьшалось, но явно они не могли дѣлать вреда. Ковенское дворянство представило адресъ за 500-ми подписями 26-го августа, затѣмъ гродненское — въ половинѣ сентября; въ концѣ сентября и минское вмѣстѣ съ новымъ предводителемъ дворянства Прошинскимъ, человѣкомъ замѣчательной честности, силы воли и ума. Рѣшаясь на составленіе адреса, онъ написалъ окружное посланіе на бѣлорусскомъ языкѣ съ выраженіемъ своихъ убѣжденій. Онъ высказывалъ въ немъ увѣренность въ исторической необходимости сліянія западныхъ губерній съ Россіей, но въ то же время необходимость этого сліянія онъ доказывалъ мыслью о панславизмѣ. Мысль эта пустила было корни въ Минской губерніи, такъ какъ въ ней заключалась извѣстная уловка поляковъ, которые на все согласны лишь бы не быть и не называться русскими. Адресы отъ губерній Витебской и Могилевской нѣсколько запоздали; особенно послѣдній, который былъ представленъ чуть ли не въ ноябрѣ; это происходило отъ пассивнаго противодѣйствія и уклончивости тамошняго

---

[1]) Замѣчательнѣйшія слова М. Н. Муравьева къ депутаціи могилевской, предводительствуемой княземъ Любомирскимъ: „для меня, отрицательное положеніе дворянства во время мятежа равняется положительному въ немъ участію". Примѣч. въ рукоп.

губернскаго предводителя князя Любомирскаго, человѣка скрытнаго и осторожнаго.

Для соглашеній по адресу, особенно же для устраненія неудовольствій, возникшихъ въ средѣ значительныхъ русскихъ помѣщиковъ Могилевской губерніи, желавшихъ подать особый отъ поляковъ адресъ, былъ посланъ въ Могилевъ незадолго передъ тѣмъ прибывшій изъ С.-Петербурга генералъ Чевати, хорошо знавшій съ давняго времени край. Въ пространномъ донесеніи своемъ о положеніи дѣлъ въ Могилевской губерніи, онъ съ замѣчательнымъ умомъ обрисовалъ личность и дѣятельность князя Любомирскаго и, объѣхавъ губерніи Витебскую и Минскую, содѣйствовалъ успѣшному составленію адресовъ.

Генералъ-губернаторъ, принимая могилевское дворянство, выразилъ сожалѣніе, что губернія эта такъ поздно приступила къ настоящему заявленію и что отъ нея, какъ отъ коренной русской губерніи, можно было ожидать бòльшаго сочувствія дѣлу обрусѣнія края. Будучи въ 1829 г. могилевскимъ губернаторомъ, Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ хорошо зналъ многихъ тамошнихъ старожиловъ и изумилъ представлявшихся свѣжестью своей памяти и необыкновенно подробными распросами о разныхъ знакомыхъ ему мѣстахъ и лицахъ. Въ числѣ депутатовъ половина была изъ русскихъ. Кн. Любомирскій былъ сухо принятъ и ему воспрещено было возвращаться въ Могилевъ. Затѣмъ онъ выхлопоталъ себѣ разрѣшеніе ѣхать въ Ригу, а оттуда впослѣдствіи въ Петербургъ. О немъ производилось нѣсколько слѣдственныхъ дѣлъ; но по всѣмъ этимъ дѣламъ онъ былъ оставленъ лишь въ подозрѣніи. На мѣсто его назначенъ губернскимъ предводителемъ гомельскій уѣздный предводитель Крушевскій, женатый на русской.

Еще долго послѣ представленія дворянами шести губерній адресовъ, поступали отъ губернскихъ предводителей дополнительные листы съ подписями, собранными по уѣздамъ; такимъ образомъ число подписавшихся подъ адресами дворянъ доходило впослѣдствіи до 12,000. Вмѣстѣ съ представленіемъ на высочайшее воззрѣніе дворянскихъ адресовъ испрашивались награды губернскимъ предводителямъ (кромѣ Любомирскаго), нѣкоторымъ изъ членовъ депутацій и даже самимъ губернаторамъ. Въ отвѣтныхъ бумагахъ вмѣстѣ съ монаршею благодарностью всегда выража-

лась увѣренность, что дворянство не на словахъ, а на дѣлѣ выкажетъ свою преданность Государю и отечеству.

Вмѣстѣ съ тѣмъ стали отвсюду прибывать разныя депутаціи съ адресами отъ разныхъ еврейскихъ и городскихъ обществъ; крестьяне, по мѣрѣ освобожденія отъ полевыхъ работъ, тоже присылали депутатовъ поблагодарить Муравлева, (какъ его называли въ народѣ), за его защиту и благодѣянія. Для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ, вызванныхъ усмиреніемъ мятежа, всѣ помѣщичьи имѣнія Сѣверо-Западнаго края были обложены 10% сборомъ съ ихъ доходовъ; сборъ этотъ, однако, былъ пониженъ съ лицъ нѣмецкаго происхожденія до 3%, а съ русскихъ до $1^1/_2$% и составилъ въ общей сложности въ первый годъ до 2.600,000 р. Когда нѣкоторые изъ русскихъ землевладѣльцевъ, приводя на видъ свое разстроенное отъ мятежа положеніе, жаловались на контрибуціонный сборъ, для нихъ будто бы оскорбительный, начальникъ края постоянно отвѣчалъ имъ, что сборъ этотъ съ нихъ собственно не имѣетъ вовсе вида контрибуціи, а есть скорѣе приглашеніе способствовать правительству въ общемъ дѣлѣ, что доказывается самою его незначительностью въ сравненіи со сборомъ десяти процентнымъ; вмѣстѣ съ тѣмъ имъ представлялось на видъ, что для нихъ болѣе, чѣмъ для другихъ, правительство вынуждено было дѣлать чрезвычайные расходы, такъ какъ въ случаѣ удачнаго исхода мятежа и отпаденія сѣверо-западныхъ губерній отъ Россіи, польское революціонное правительство, конечно, прежде всего распорядилось бы отобраніемъ не только ихъ доходовъ, но и самыхъ имѣній, и что поэтому со стороны русскихъ помѣщиковъ Сѣверо-Западнаго края можно бы ожидать бо̀льшаго содѣйствія.

Когда М. Н. Муравьевъ былъ назначенъ въ Вильну, ему предстояло лишь усмирить мятежъ и водворить спокойствіе въ краѣ; затѣмъ ему и были даны чрезвычайныя полномочія. Онъ не располагалъ оставаться долго въ Литвѣ и ѣхалъ собственно, чтобъ гасить пожаръ; съ этою цѣлью были приглашены и всѣ его сотрудники и было сдѣлано распоряженіе, чтобы чиновники, командируемые отъ министерствъ въ его распоряженіе, сохраняли свои мѣста и содержаніе и считались бы въ командировкѣ; а для доставленія имъ преимуществъ на это время, въ распоряженіе генералъ-губернатора назначена изъ государственнаго казначей-

ства на первый разъ сто-тысячная сумма для выдачи чиновникамъ прогоновъ и подъемныхъ, добавочнаго содержанія и на прочіе экстренные расходы по мятежу и на командировки.

Поэтому всѣ ближайшіе изъ состоявшихъ при генералъ-губернаторѣ лицъ тоже располагали лишь на короткое время поѣхать въ Вильну, поработать, схватить отличій и вернуться въ Петербургъ; никто изъ нихъ не устраивался, не покупалъ мебели, жили какъ на бивакахъ. Семейство генералъ-губернатора тоже поговаривало постоянно о скоромъ возвращеніи въ Петербургъ; нѣкоторые чиновники, болѣе другихъ дорожившіе своими мѣстами и требуемые своими начальствами, видя продолжительность командировки, возвратились къ своимъ должностямъ. (Я не говорю о тѣхъ, которые получили въ Сѣверо-Западномъ краѣ штатныя мѣста). Наконецъ, гвардія тоже мало по малу выступала изъ края; гвардейской кавалеріи въ ноябрѣ 1863 г. уже вовсе не было и только отъ лейбъ-атаманскаго полка оставленъ генералъ-губернатору конвой изъ одного офицера и 20-ти казаковъ. 1-й гвардейскій стрѣлковый баталіонъ прошелъ въ рижскій округъ. Лейбъ-казаки тоже прошли почему-то въ Ригу и только въ Ковенской губерніи оставались до января 1864 года отличавшіеся тамъ стрѣлки императорской фамиліи. Позднѣе другихъ долженъ былъ вернуться Преображенскій полкъ, прибывшій въ октябрѣ изъ августовской экспедиціи. Одинъ изъ офицеровъ этого полка, Г. Оболенскій, написалъ среди боевыхъ биваковъ военный маршъ или гимнъ въ честь М. Н. Муравьева. По этому случаю приглашены были однажды вечеромъ во дворецъ всѣ офицеры Преображенскаго полка и въ большой залѣ двумя полковыми оркестрами и двумя хорами: военныхъ и митрополичьихъ пѣвчихъ былъ исполненъ, въ присутствіи многочисленнаго собранія, гимнъ Г. Оболенскаго, подъ дирекціею самаго композитора. Волненіе его, когда онъ сошелъ съ устроенной для него эстрады, было необыкновенное; генералъ-губернаторъ обнялъ его и благодарилъ. Привѣтствія сыпались ему со всѣхъ сторонъ. Затѣмъ разносили фрукты и вино, протанцовали двѣ кадрили и въ полночь всѣ разъѣхались. Это былъ первый и единственный вечеръ въ домѣ генералъ-губернатора до 1865 года. Предъ выступленіемъ полка былъ снова смотръ на дворцовомъ дворѣ и по окончаніи молебствія

вызваны были подъ знамена 72 наиболѣе отличившіеся унтеръ-офицера и рядовыхъ, а самъ начальникъ края, при звукахъ музыки и неумолкаемомъ ура, надѣлъ на нихъ георгіевскіе кресты. Энтузіазмъ войка былъ неописанный.

Вслѣдъ за отправленіемъ полка мы считали пребываніе свое въ Вильнѣ приближающимся къ концу. Генералъ-губернаторъ послалъ Государю Императору донесеніе съ описаніемъ заслугъ гвардіи, съ изображеніемъ состоянія края, и указывая лишь на незначительныя бродяжничьи шайки, упорно державшіяся въ обширныхъ лѣсахъ Ковенской губерніи, просилъ, по исполненіи возложеннаго на него порученія, уволить его отъ управленія краемъ, тѣмъ болѣе, что здоровье его отъ усиленной дѣятельности слабѣетъ, а устройство края на новыхъ началахъ потребуетъ новыхъ усилій, для которыхъ нуженъ другой человѣкъ.

На письмо это Государь Императоръ рескриптомъ отъ 9-го ноября 1863 г., въ самыхъ лестныхъ для подданнаго выраженіяхъ, отдавалъ справедливость его заслугамъ и просилъ для пользы отечества продолжать управленіе краемъ доколѣ силы его это дозволятъ.

Ободренный высочайшимъ рескриптомъ, начальникъ края приступилъ съ этой минуты къ новой дѣятельности по устройству края; съ этого времени мѣры, имъ принимаемыя, носятъ на себѣ отпечатокъ прочности и вытѣсняютъ мѣры временныя; съ этого времени поднято и частію разрѣшено множество вопросовъ по всѣмъ отраслямъ гражданскаго управленія и политическаго устройства края; съ этого же времени самая дѣятельность его получила значеніе не простого усмиренія мятежа, а русскаго народнаго дѣла. Православіе и русская народность сдѣлались лозунгомъ нашимъ, и генералъ-губернаторъ умѣлъ придать всѣмъ послѣдующимъ своимъ дѣйствіямъ этотъ оттѣнокъ, но такъ какъ всѣ отдѣльныя мѣры получили болѣе опредѣлительности, послѣ поѣздки его въ концѣ апрѣля въ Петербургъ, то съ того времени и мы будемъ считать второй періодъ его дѣятельности и согласно тому раздѣлится это сочиненіе на двѣ части.

V.

Выраженія М. Н. Муравьеву сочувствія русскихъ въ день его имянинъ — Распредѣленіе занятій Муравьева по управленію Сѣверо-Западнымъ краемъ.— Положеніе дѣлъ въ Ковенской губерніи.—Ксендзъ Мацкевичъ.—Конфискаціи.—Возрожденіе сельскаго населенія въ Сѣверо-Западномъ краѣ.

8-го ноября 1863 г., день имянинъ начальника края, былъ, конечно, однимъ изъ торжественнѣйшихъ дней его жизни. Въ этотъ день ясно и осязательно высказалось общее къ нему сочувствіе не только всѣхъ служащихъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ русскихъ, но и цѣлой Россіи. Пользуясь этимъ случаемъ, петербургское общество, по подпискѣ, приготовило къ этому дню великолѣпный чеканенный образъ архистратига Михаила, съ надписью на немъ напутственныхъ словъ митрополита московскаго Филарета: „Твое имя—побѣда", и при краткомъ, но знаменательномъ письмѣ за 80-ю подписями, во главѣ которыхъ стояло имя графа Дмитрія Николаевича Блудова и его дочери и красовались имена: графовъ Строгановыхъ, графини Протасовой, князей Барятинскихъ и иныхъ, препроводило икону въ Вильну съ камеръ-юнкеромъ Шевичемъ, отправлявшимся въ имѣнія свои Минской губерніи. Г. Шевичъ прибылъ во дворецъ во время общаго пріема, на который не только собрались всѣ военные и гражданскіе, но многіе прибыли изъ отдаленныхъ мѣстъ края, и въ томъ числѣ почти всѣ губернскіе предводители. Изъ Петербурга и изъ всѣхъ концовъ Россіи сыпались горячія пожеланія и привѣтствія въ видѣ телеграммъ. Канцелярія едва успѣвала приготовлять краткіе на нихъ отвѣты. Всѣхъ депешъ въ этотъ день было болѣе 80-ти. Къ этому же дню служащіе въ Вильнѣ русскіе люди составили подписку на нѣсколько тысячъ рублей и, представляя ихъ при письмѣ генералъ-губернатору, просили его употребить эти деньги на возобновленіе въ Вильнѣ одной изъ древнѣйшихъ православныхъ церквей во имя св. Николая, стоящей въ центрѣ города и основанной въ XIII столѣтіи знаменитымъ ревнителемъ православія въ Западной Руси княземъ Константиномъ Острожскимъ. Подписавшіе письмо просили въ немъ, чтобы къ этой церкви пристроена была часовня во имя архистратига Михаила.

Изъ глубины уѣздовъ Гродненской губерніи прибыли къ этому дню крестьянскія депутаціи съ богатыми по ихъ средствамъ иконами. Во всѣхъ этихъ заявленіяхъ не было ничего приторнаго или чиновническаго; заслуги человѣка, къ которому все это относилось, слишкомъ были очевидны для края, чтобъ не быть почтены заявленіемъ, выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ.

Когда начальникъ края, видимо тронутый общимъ привѣтствіемъ, удалился въ церковь, то всѣ хлынули туда за нимъ. Большая церковь не могла вмѣстить въ себѣ и половины тутъ бывшихъ; многіе слушали литургію даже изъ третьей комнаты.

У генералъ-губернатора былъ въ этотъ вечеръ обѣдъ, а въ Европейской гостинницѣ, неожиданно для всѣхъ обѣдавшихъ, подано было за жаркимъ шампанское содержателемъ гостинницы и всѣ гости были усердно имъ угощаемы.

Утомленный утренними заявленіями и видимо потрясенный, генералъ-губернаторъ къ вечеру занемогъ и на слѣдующій день не дѣлалъ пріема, хотя продолжалъ заниматься также неутомимо впрочемъ здоровье его вскорѣ поправилось.

Распредѣленіе его занятій было достойно вниманія; конечно, не много на свѣтѣ людей, которые могли бы посвятить въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ столько же часовъ въ день усиленной и внимательной работѣ, сколько посвящалъ ей ген. Муравьевъ. Вниманіе было отличительною чертою въ занятіяхъ Михаила Николаевича. Онъ какъ бы увлекался всякимъ дѣломъ, которымъ былъ занятъ въ данную минуту, но это увлеченіе, ни на мигъ не ослабѣвающее, было ничто иное, какъ изумительная энергія и сила мысли, выработанныя въ теченіе долголѣтней дѣятельной жизни и согрѣтыя высокимъ патріотизмомъ.

День его начинался довольно рано. Въ 8-мъ часу онъ подымался снизу (гдѣ пилъ кофе) въ свой кабинетъ и въ то же время посылалъ за генераломъ Лошкаревымъ, а впослѣдствіи за полковникомъ Черевинымъ. Утромъ докладывались бумаги, полученныя изъ Петербурга въ теченіе ночи, диктовались отвѣты на телеграммы, назначалось за кѣмъ послать и отдавались другія текущія приказанія. Послѣ того принимаемъ былъ комендантъ съ рапортомъ о числѣ арестантовъ, засимъ губернскій почтмейстеръ, д. с. с. Россильонъ. Онъ читалъ выдержки изъ иностранныхъ газетъ и надо замѣтить, что генералъ-губернаторъ часто

позволялъ пропускать такія статьи, какія вымарывались въ Петербургѣ—такъ мало онъ придавалъ значенія западнымъ ругательствамъ. Баронъ Россильонъ приносилъ также списокъ всѣхъ писемъ, полученныхъ въ это утро, въ алфавитномъ порядкѣ, и если какое-нибудь имя было подозрительно, то письма вскрывались. Послѣ губернскаго почтмейстера генералъ-губернаторъ выслушивалъ доклады по слѣдственнымъ дѣламъ и подписывалъ по нимъ рѣшенія; въ первое время докладывалъ всѣ слѣдственныя дѣла г. Неѣловъ, но, съ учрежденіемъ въ октябрѣ 1863 г. при штабѣ виленскаго военнаго округа временнаго полеваго аудиторіата, онъ былъ назначенъ оберъ-аудиторомъ и докладывалъ, по утрамъ же, дѣла военно-судныя, а дѣла слѣдственныя перешли къ г-ну Яковлеву, бывшему дѣлопроизводителю динабургской слѣдственной коммисіи, около того же времени упраздненной. Оба они были примѣрные, честные и неутомимые труженики; черезъ руки ихъ прошли тысячи дѣлъ и всѣ были разсматриваемы съ одинаковою тщательностью. Г. Яковлевъ со своими чиновниками и писарями помѣщался также въ особой канцеляріи, занимая отдѣльную часть ея, пока не получилъ управленіе политическимъ отдѣленіемъ. Часовъ въ 11 являлся полиціймейстеръ съ рапортомъ и докладывалъ; затѣмъ виленскій губернаторъ, а въ пріемной уже собирались представляющіеся и должностныя лица, почти ежедневно появлявшіяся къ этому времени, какъ-то: попечитель виленскаго учебнаго округа, Иванъ Петровичъ Корниловъ, начальникъ полицейскаго управленія с.-петербурго-варшавской желѣзной дороги, полковникъ Житковъ, завѣдующій тюрьмами полковникъ Петръ Семеновичъ Лебедевъ, а впослѣдствіи полковникъ Бушенъ, военный начальникъ виленскаго уѣзда князь Хованскій, командующій войсками въ губерніи (сперва генералъ Дрентельнъ, по уходѣ гвардіи—князь Яшвиль, а по смерти его, съ февраля 1864 г.—генералъ Криденеръ), всѣ чиновники особыхъ порученій, адъютанты и разныя другія лица. Иногда въ это же время посѣщалъ генералъ-губернатора митрополитъ Іосифъ. Начальникъ края выходилъ встрѣчать его въ первой залѣ, а провожалъ до дверей прихожей. Архипастырь едва уже двигался, но каждое посѣщеніе его продолжалось не менѣе получаса.

Послѣ пріема, который мною былъ уже описанъ и на которомъ почти никогда не было дамъ, начальникъ края принималъ

отдѣльно попечителя округа, разныхъ пріѣзжихъ, которыхъ просилъ обождать, и другихъ изъ экстренныхъ посѣтителей; нерѣдко бесѣдовалъ онъ о дѣлахъ церкви съ священникомъ Антоніемъ Пчелкою и съ католическимъ прелатомъ Немѣкшею, всецѣло руководившимъ дѣлами виленской епархіи. Начиная со 2-го часу докладывалъ правитель канцеляріи г. Тумановъ свой нескончаемый докладъ, постоянно прерываемый депешами и другими экстренными дѣлами; г. Тумановъ жаловался, что никакъ не можетъ доложить всѣхъ своихъ бумагъ и часто дожидался доклада по нѣскольку часовъ сряду. Въ 4-мъ часу пріѣзжалъ начальникъ окружнаго штаба, генералъ Циммерманъ, и докладъ его длился до обѣда.

Въ 5 часовъ семейство генералъ-губернатора, нѣсколько приближенныхъ, дежурный адъютантъ и ординарецъ собирались въ столовую; большею частью было человѣка два, три приглашенныхъ, изъ высшихъ должностныхъ лицъ, или пріѣзжихъ. Вообще, приглашеніе къ обѣду въ домъ генералъ-губернатора дѣлалось рѣдко и считалось между служащими за особенную честь.

Отдохнувъ послѣ обѣда около часу, въ концѣ восьмаго, Михаилъ Николаевичъ снова приступалъ къ занятіямъ. Полковникъ Черевинъ докладывалъ всѣ поступившія на имя начальника края бумаги отъ губернаторовъ, командующихъ войсками, военныхъ начальниковъ, сосѣднихъ губернаторовъ и генералъ-губернаторовъ, епархіальныхъ архіереевъ и прочихъ, разныя просьбы и докладныя записки служащихъ. Иногда количество бумагъ, всегда значительное, доходило до ста въ день. Многія требовали серьезнаго обсужденія, нѣкоторыя немедленнаго рѣшенія и лишь малую часть составляли текущія донесенія, которымъ впрочемъ придавалось всегда значеніе. Я не говорю о серьезныхъ проектахъ, поступавшихъ на просмотръ и заключеніе начальника края изъ Петербурга, и прочихъ важныхъ дѣлахъ. Вечеромъ число докладчиковъ было еще болѣе. Всѣ они тѣснились въ дежурной комнатѣ и ожидавшимъ разносили чай. Тутъ были полиціймейстеръ, правитель особой канцеляріи, управляющій политическимъ отдѣленіемъ, управляющій коммисіей по крестьянскимъ дѣламъ, иногда снова правитель общей канцеляріи, предсѣдатель особой слѣдственной коммисіи, чиновники, получившіе особыя приказанія съ докладомъ объ ихъ исполненіи, князь Шаховской съ корректурой „Вилен-

скаго Вѣстника“ и съ проектами реформъ по театру, генералъ Соболевскій (всегда за полночь) съ передовой статьей „Московскихъ Вѣдомостей“ и иные менѣе важные докладчики. Все это дѣлалось быстро, но иногда и въ 2 часа ночи нѣкоторымъ приходилось возвращаться безъ доклада. О каждомъ посѣтителѣ докладывалъ предварительно адъютантъ, въ дежурной же комнатѣ постоянно находился и дежурный ординарецъ изъ молодыхъ офицеровъ гвардіи или полковъ виленскаго округа для посылокъ, или замѣны адъютантовъ во время отлучекъ.

Въ первый годъ пребыванія нашего въ Вильнѣ занятія оканчивались всегда около 2-хъ часовъ ночи, пока докторъ не входилъ въ кабинетъ и не замѣчалъ, что уже спать пора; тогда отворялись изъ дежурной комнаты въ кабинетъ генералъ-губернатора двѣ маленькія двери и нѣсколько человѣкъ приближенныхъ входили въ него; генералъ-губернаторъ докуривалъ трубку, иногда шутилъ, спрашивалъ о погодѣ, о томъ, что дѣлалось сегодня въ городѣ и черезъ минуту или двѣ прощался и уходилъ къ себѣ.

Все мною описанное шло какъ по заведенной машинѣ и лишь это искусное распредѣленіе занятій доставляло генералъ-губернатору возможность обратить одинаковое вниманіе на всѣ отрасли управленія.

Извѣстно, что многія высшія государственныя лица всегда жалуются на недостатокъ времени и что отъ этого часто страдаютъ дѣла въ сложныхъ управленіяхъ; но это по большей части происходитъ отъ неосновательнаго распредѣленія времени и еще болѣе отъ занятія мелочами. Между тѣмъ Михаилъ Николаевичъ умѣлъ облечь иныхъ лицъ обширною властью и, удовлетворяя тѣмъ ихъ самолюбіе, онъ въ то же время отклонялъ отъ себя тысячи второстепенныхъ дѣлъ и вопросовъ, которые, при твердой и ясно опредѣленной системѣ управленія, были также удовлетворительно и въ томъ же направленіи разрѣшаемы второстепенными лицами.

Изъ описаннаго мною видно, что Особенная Канцелярія, въ которой постоянно требовались справки по всѣмъ дѣламъ, всегда должна была быть въ сборѣ и чиновники начинали расходиться къ обѣду лишь тогда, когда приходилъ съ докладомъ начальникъ окружнаго штаба.

Въ концѣ ноября 1863 г. я вынужденъ былъ отправиться по своимъ дѣламъ въ Петербургъ на двѣ недѣли. Когда доложили

начальнику края о моей просьбѣ, онъ выразилъ неудовольствіе; но, впрочемъ, тотчасъ же и отпустилъ меня. Вообще онъ не любилъ давать отпусковъ, даже на самое короткое время; ему казалось, и довольно основательно, что дѣятельные исполнители и работники формируются только близь него, гдѣ все вокругъ постоянно трудится, и что поэтому, отвлекшись на нѣкоторое время отъ занятій, не такъ легко къ нимъ возвращаться.

Въ Петербургѣ въ то время еще интересовались польскимъ вопросомъ и положеніемъ западныхъ губерній; но такъ какъ опасность уже миновала, страхъ прошелъ, то многіе, не двинувшіеся для отвращенія ея съ мѣста, уже прехладнокровно осуждали дѣятельность генерала Муравьева, какъ утратившую свое прямое назначеніе съ усмиреніемъ мятежа; нѣкоторые, впрочемъ не многіе, поговаривали даже снова о примиреніи. Большею частью въ Петербургѣ не понимали, или забывали, что въ томъ краѣ не столько страшенъ былъ мятежъ, какъ польская пропаганда, проникшая во всѣ щели и грозящая нескончаемыми періодическими смутами. Пропаганда эта состояла въ неуваженіи всякой русской власти, въ презрѣніи къ русскому языку, къ литературѣ и наукѣ, въ подавленіи среди крестьянскаго населенія всѣхъ коренныхъ его русскихъ началъ и въ непримѣтномъ ополяченіи массъ. Безъ сомнѣнія, и обрусѣніе края могло бы совершиться только съ такимъ же постоянствомъ и настойчивостью, при содѣйствіи всѣхъ правительственныхъ органовъ въ стремленіи къ этой цѣли въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ; но намъ предстояло открыть еще путь къ обрусѣнію, т. е. сдѣлать его возможнымъ. Всѣ мѣры, принимаемыя начальникомъ края въ этомъ отношеніи, были чисто реактивныя; но и всякое государство неминуемо къ нимъ прибѣгло бы въ подобномъ случаѣ. Такъ, напримѣръ, воспрещеніе говорить по польски въ присутственныхъ мѣстахъ и публичныхъ собраніяхъ, уничтоженіе польскихъ мѣръ и вѣсовъ (воспрещенныхъ и закономъ), снятіе польскихъ вывѣсокъ и т. п. Все это какъ ни странно само по себѣ—было въ высшей степени необходимо, если вникнуть въ дѣло. Еще не задолго предъ тѣмъ русскій, приходившій по своему дѣлу въ присутственныя мѣста Западнаго края и обращавшійся съ вопросомъ на родномъ своемъ языкѣ, встрѣчалъ, вмѣсто отвѣта, взгляды удивленія и недовѣрія и никто его не понималъ или дѣлалъ видъ,

что не понимаетъ, между тѣмъ какъ съ изданіемъ этихъ воспрещеній всѣ польскіе чиновники (по бо̀льшей части воспитанники гимназій) заговорили отлично по русски. Въ то время одни лишь „Московскія Вѣдомости“ обнимали со всею серьезностью этотъ вопросъ и передовыя статьи ихъ, отличавшіяся необыкновенными талантомъ, руководили общественнымъ мнѣніемъ Россіи въ этомъ отношеніи и служили намъ въ Западномъ краѣ какъ бы поддержкой. Читать „Московскія Вѣдомости“ сдѣлалось у насъ такою же необходимостью, какъ исполнять свои служебныя обязанности. Не забуду никогда, что по указаніямъ этой газеты, опередившей виленскихъ дѣятелей, „Виленскій Вѣстникъ“, печатавшійся дотолѣ въ двухъ столбцахъ, по польски и по русски, сталъ съ 1-го января 1864 года выходить исключительно по русски. Изданіе полупольскаго офиціальнаго органа послѣ всѣхъ преобразованій, совершившихся въ краѣ, дѣлалось уже несообразностью; но такова сила привычки и вкоренившихся понятій, что на мѣстѣ если и приходило объ этомъ кому-нибудь въ голову, то считалось неосуществимымъ.

Въ Петербургѣ я узналъ о предполагавшемся назначеніи генер.-адъют. Крыжановскаго помощникомъ командующаго войсками виленскаго округа. Такъ какъ Михаилъ Николаевичъ постоянно стремился сдать свое управленіе, и даже за высочайшимъ къ нему рескриптомъ нельзя было полагать, что онъ останется очень долго въ Вильнѣ по причинѣ болѣзней, то въ новомъ помощникѣ весьма естественно всякій видѣлъ будущаго преемника, тѣмъ болѣе, что и самыя заслуги и прежняя служба г.-ад. Крыжановскаго въ должности варшавскаго генералъ-губернатора заставляли думать, что онъ лишь на время принимаетъ второстепенную должность помощника.

По возвращеніи моемъ въ Вильну около 10-го декабря, я былъ встрѣченъ радостною вѣстью; всѣ говорили мнѣ при встрѣчѣ: „вы знаете, Мацкевичъ взятъ!“

Надо ознакомить читателя съ положеніемъ дѣлъ въ Ковенской губерніи, чтобъ уяснить какое магическое дѣйствіе производили въ то время эти слова.

Съ самаго начала демонстрацій политическаго свойства, проникшихъ изъ Царства Польскаго въ губерніи съ частію литовскаго населенія, въ нихъ началось сильное религіозное движеніе;

могучее населеніе этой губерніи, состоящее изъ жмудиновъ (древней нижней Литвы), сохранило въ себѣ совершенно древній типъ. Ученѣйшіе люди относятъ народъ этотъ къ племенамъ до-историческимъ и не находятъ ничего съ нимъ общаго ни въ одномъ изъ современныхъ европейскихъ племенъ. Высокорослые, сильные эти люди, съ темными длинными волосами и большими проницательными глазами, позднѣе всѣхъ племенъ, населяющихъ Европу, приняли латинское христіанство, именно въ XIV только столѣтіи, тѣснимые рыцарями и ляхами. Долго еще сохраняли они (даже отчасти и понынѣ) свои языческіе обряды и повѣрія, но теперь это самые пламенные и фанатическіе католики. Помѣщики здѣсь не имѣли такого значенія, какъ въ прочихъ Западныхъ губерніяхъ; ксендзъ былъ здѣсь главнымъ лицемъ, народъ здѣсь вѣрилъ въ него какъ въ святыню; здѣшнее духовенство по большей части вышло изъ того же народа и потому имѣетъ на него могучее нравственное вліяніе. Это въ полномъ смыслѣ ѳеократическое правленіе. Самогитскіе епископы, имѣвшіе до 1864 г. пребываніе въ м. Ворни, Тельшевскаго уѣзда, въ средѣ жмудскаго населенія и внѣ всякой свѣтской власти, пользовались конечно бо̀льшимъ авторитетомъ, чѣмъ папа въ своихъ владѣніяхъ; въ XVII и XVIII столѣтіяхъ епископы были какъ бы преемственны въ двухъ родахъ: Тышкевичей и Гедройцевъ; они накопляли огромныя богатства и имѣли свою традиціонную политику.

Поляки, имѣющіе съ жмудянами общаго только религію, искусно играли на этой струнѣ. Послѣ первыхъ варшавскихъ безпорядковъ по всей Жмуди разнесся слухъ, что Москва хочетъ уничтожить вѣру католическую, что въ Варшавѣ русскіе сломали крестъ на каѳедральномъ костелѣ... Во всей жмуди поднялись вопли и стоны. Епископъ и духовенство съ амвона обращаютъ къ народу пламенныя рѣчи, требуя еще бо̀льшаго усердія къ вѣрѣ отцовъ; на кастелахъ появились огромные плакаты, изображающіе распятіе, переломленное пополамъ; кругомъ, огромными буквами, описывались звѣрскія дѣйствія москалей въ Варшавѣ съ католиками и съ ихъ святынею. До десяти подобныхъ изображеній хранились въ мое время въ канцеляріи виленскаго генералъ-губернатора, при донесеніяхъ мѣстнаго начальства.

Первою шайкою въ Ковенской губерніи въ началѣ 1863 г. была шайка лѣсного офицера Корево, который былъ вскорѣ

схваченъ и разстрѣлянъ; но вслѣдъ затѣмъ вся губернія поднялась на ноги; нигдѣ крестьяне не шли въ мятежъ съ такимъ одушевленіемъ; только на Жмуди Сѣраковскій и Колышко могли собрать такія многочисленныя скопища, съ которыми они, впрочемъ, и погибли. Все лѣто 1863 г. прошло въ Ковенской губерніи въ поискахъ и стычкахъ съ повстанцами, изъ коихъ нѣкоторыя были весьма упорны.

По истребленіи же всѣхъ почти шаекъ, какъ-то: Люткевича, Яблоновскаго, Богдановича, ксендза Норейко, Шимкевича и другихъ преимущественно стрѣлками императорской фамиліи, одна только шайка бойкихъ мятежниковъ ксендза Мацкевича постоянно ускользала; нѣсколько разъ разбиваемая, через недѣлю она появлялась тамъ, гдѣ ее вовсе не ожидали.

Молодой ксендзъ фанатикъ Мацкевичъ, съ необычайною энергіей, обладавшій замѣчательнымъ умѣньемъ вести партизанскую войну, до ноября 1863 г. держалъ въ какомъ-то напряженномъ состояніи всю Жмудь. Еще въ ноябрѣ онъ былъ совершенно разбитъ и даже предполагали, что онъ убитъ, но передъ самымъ отъѣздомъ узналъ я, что онъ снова гдѣ-то появился; но вскорѣ затѣмъ, тѣснимый со всѣхъ сторонъ, лишенный продовольствія и крова, Мацкевичъ съ кассиромъ своимъ Родовичемъ, адъютантомъ Дартузи и нѣсколькими сообщниками пробирался къ Нѣману, чтобы, переплывъ его, удалиться на прусскую землю. Невдалекѣ отъ Нѣмана, пообѣдавъ у какого-то лѣсника, всѣ эти мятежники разбрелись по одиночкѣ въ разныя стороны, чтобы удобнѣе укрыться, тѣмъ болѣе, что во время послѣдняго странствованія имъ приходилось метаться по лѣсамъ изъ стороны въ сторону отъ появлявшихся разъѣздовъ и небольшихъ пѣшихъ отрядовъ. Ксендзъ Мацкевичъ, изнуренный, приблизился къ Нѣману и въ лѣсной чащѣ, надъ крутизною берега, легъ подъ деревомъ. Въ такомъ положеніи засталъ его отрядъ штабсъ-капитана Озерскаго, производившій въ лѣсу обыскъ. Отрядъ совсѣмъ было прошелъ то мѣсто, гдѣ скрывался Мацкевичъ, какъ вдругъ унтеръ-офицеръ указалъ г. Озерскому на что-то темное подъ кустомъ. Офицеръ стремглавъ бросился на Мацкевича и надо было много усилій, чтобъ воздержать солдатъ, готовыхъ растерзать мятежника; „я ксендзъ Мацкевичъ!“ простоналъ онъ—и это ихъ остановило. Такъ всѣ были поражены этимъ именемъ. Мацкевича

доставили къ вечеру въ Ковно. Въ Вильну дано было знать объ этомъ по телеграфу и оттуда послѣдовалъ приказъ судить его въ 48 часовъ. Мацкевичъ изъ тюрьмы писалъ письма военному начальнику, губернатору и начальнику края; въ нихъ онъ излагалъ свои взгляды и умолялъ о помилованіи, обѣщая быть человѣкомъ полезнымъ. Найденные при немъ часы, деньги, пистолетъ и иныя цѣнныя вещи были раздѣлены между солдатами отряда, его схватившаго. Мацкевичъ бодро шелъ на казнь..... [1]). Въ день казни дано было знать о совершеніи ея по телеграфу въ Вильну. Сообщники его были также вскорѣ перехвачены, но никто изъ не былъ казненъ, а сосланы большею частью въ Сибирь.

Въ то время какъ я вернулся въ Вильну, штабсъ-капитанъ Озерскій былъ уже тамъ, каждый день приходилъ онъ въ особую канцелярію, гдѣ составлялъ статью о поимкѣ Мацкевича. Молодой человѣкъ этотъ, отличавшійся воспитаніемъ и образованіемъ, былъ упоенъ выпавшимъ на его долю счастіемъ. Онъ тогда былъ въ модѣ, всякій его расспрашивалъ, и онъ только и говорилъ, что о своей счастливой экспедиціи. Составленная имъ статья, чрезмѣрно подробная, но написанная съ увлеченіемъ, была нѣсколько измѣнена и напечатана въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“. Кстати здѣсь упомянуть, что приходившіе какъ-то послѣ того въ Вильну по своимъ дѣламъ смышленные ковенскіе старообрядцы, наиболѣе пострадавшіе отъ мятежниковъ, умоляли меня дать имъ нѣсколько экземпляровъ „Вѣстника“, гдѣ описано взятіе Мацкевича. Надо было видѣть ихъ благодарность, когда я исполнилъ ихъ просьбу. „Пусть дѣти наши читаютъ“, говорили они со слезами на глазахъ. Надо замѣтить, что осенью 1863 г., когда терроръ въ краѣ былъ въ сильнѣйшемъ развитіи, жертвами

---

[1]) Чтобы дополнить поэтическое описаніе ксендза-довудцы, сообщу слышанное отъ полк. Божерянова, командира того полка, къ которому принадлежалъ шт.-кап. Озерскій.

Н. М. Муравьевъ устроилъ у себя свиданіе схваченнаго ксендза съ его отцемъ, простымъ крестьяниномъ-однодворцемъ. Когда старикъ бросился къ сыну, упрекая его въ томъ, что онъ не послѣдовалъ его совѣтамъ, а увлекся совѣтами неразумныхъ мятежниковъ, губящихъ народъ и костелъ,—сынъ остановилъ распростертыя объятія отца, сказавъ:

— „Старикъ, ты знаешь ниву и посѣвъ на ней; ты знаешь мирный плугъ, коимъ рыхлится земля: но тебѣ не данъ мечъ духовный, врученный мнѣ главою костела, для защиты его всѣми и всяческими (wszystkiemi i wszelkiemi) средствами“. Примѣчаніе въ рукоп.

его въ Ковенской губерніи сдѣлались старообрядцы, жившіе въ отдѣльныхъ фольваркахъ, отдаленныхъ одинъ отъ другого. Въ одну ночь въ околицѣ Ибяны, недалеко отъ Ковно, ихъ было повѣшено мятежниками, при жестокихъ истязаніяхъ, одиннадцать человѣкъ. Это не прошло даромъ мятежникамъ. Виновные въ этомъ страшномъ злодѣяніи подвергнуты примѣрному наказанію. Всѣ жители околицы Ибяны, какъ явные участники преступленія, были выселены въ Сибирь; дома ихъ со всѣмъ имуществомъ отданы подъ населенныхъ тутъ старообрядцевъ и православныхъ въ числѣ нѣсколькихъ сотъ семействъ. Такія же поселенія образованы были изъ конфискованнаго имѣнія помѣщика Акко—„Ужусоль“, близъ Ковно, и изъ большой шляхетской околицы Ушполь, Поневѣжскаго уѣзда, которая, кажется, названа слободою Александровскою — и гдѣ на собственный счетъ мировымъ посредникомъ А. С. Бирюковымъ (однимъ, по „Вѣсти“, изъ босоногихъ) построена православная церковь. Такимъ образомъ въ мѣстностяхъ, гдѣ мятежъ долѣе свирѣпствовалъ, образовались значительныя русскія православныя и старообрядческія поселенія.

Безъ сомнѣнія, выселеніе цѣлыхъ околицъ, и даже истребленіе ихъ огнемъ въ виду всѣхъ жителей и сосѣдей, какъ напримѣръ, околицы Щуки въ Гродненской губерніи, сожженной еще въ сентябрѣ 1863 г., были примѣняемы лишь въ послѣдней крайности, когда цѣлыя селенія поголовно упорствовали и содѣйствовали мятежникамъ въ разныхъ злодѣяніяхъ. Это были мѣры, наводившія ужасъ на самыхъ смѣлыхъ, и много надо было рѣшимости и усилія, чтобы къ нимъ прибѣгнуть.

Этимъ зрѣлищемъ завершается картина усмиренія собственно мятежа; но дѣло было далеко еще не кончено; во всемъ краѣ дѣйствовала правильно устроенная революціонная организація, которую, не смотря на всѣ усилія, не удавалось обнаружить. Отдѣльныя открытія указывали на ея силу и обширность; но сначала надо было гасить мятежъ; съ окончательнымъ же его усмиреніемъ дѣятельность полиціи и войска не ослабѣвала. Во главѣ управленія стоялъ человѣкъ, не дававшій никому дремать и лишь это постоянство привело впослѣдствіи къ обнаруженію всего зла, о которомъ только можно было догадываться. Всю зиму войска производили поиски въ лѣсахъ, отыскивали закопанное оружіе, ловили отдѣльныхъ бродягъ и поддерживали духъ сельскаго на-

селенія, которое стало сознавать силу правительства, понимать его благодѣянія и тотъ путь, который былъ имъ указанъ мѣстному населенію. Это возрожденіе крестьянъ дѣлало невозможнымъ всякія попытки возобновить мятежъ съ весны. Сами крестьяне первые дали бы отпоръ. Они уже представляли начальству пойманныхъ ими мятежниковъ и усердно помогали войскамъ розыскивать оружіе.

Тѣмъ временемъ Европа пріумолкла; западная пресса не столь сильно громила Россію; эмигранты были въ отчаяніи; система дѣйствій виленскаго генералъ-губернатора вводилась и въ Варшавѣ и приносила плоды, хотя и съ бо̀льшими усиліями и жертвами. Одна неугомонная Французская Иллюстрація не переставала ратовать; въ концѣ 1863 года появилась въ ней небольшая поэма въ прозѣ L'hiver et la Pologne (Зима и Польша), въ которой весьма яркими, впрочемъ, красками описывались страданія Польши, снѣгъ на ея поляхъ, орошенныхъ кровью, умирающіе въ лѣсахъ съ голоду повстанцы и свистъ русскихъ пуль подъ каламбуры Муравьева. „А Европа, говорилось въ заключеніе, своимъ равнодушіемъ становится участницей злодѣянія и мало по малу приметъ варварскіе обычаи Сѣвера и французы превратятся въ сѣверныхъ казаковъ“.

VI.

Адресъ римско-католическаго духовенства.—Прелаты Немѣкша, Жилинскій и Тупальскій.—Жандармскій полковникъ Лосевъ.—Арестъ Калиновскаго и его казнь. — Назначеніе въ Вильну ген.-ад. Крыжановскаго. — Старообрядцы. — Учебная часть. — Церковно-строительное дѣло. — Двадцатипятилѣтняя годовщина возсоединенія уніи.—Представленія М. Н. Муравьева въ Петербургъ по вопросамъ объ устройствѣ крестьянъ и о ссылкѣ. — Поѣздка Муравьева въ Петербургъ.

1864-й годъ.

Въ самый день новаго 1864 года, когда въ залахъ генералъ-губернаторскаго дворца собрались по обыкновенію всѣ служащіе и представители разныхъ сословій, явилась депутація отъ римско-католическаго духовенства виленской епархіи, имѣя во главѣ прелата препозита Бовкевича и трехъ новопоставленныхъ прелатовъ: Немѣкшу, Жилинскаго и Тупальскаго, вмѣстѣ съ остальными членами капитула. Депутація представила начальнику края

всеподданнѣйшій адресъ за подписью всѣхъ духовныхъ римско-католической епархіи. Принимая письмо, начальникъ края сказалъ имъ какъ мало придаетъ онъ въ настоящее время значенія ихъ заявленію, что онъ считаетъ его вынужденнымъ обстоятельствами, а не чистосердечнымъ. „Во всякомъ случаѣ, сказалъ онъ, бумагу вашу я представлю; но знайте, что вы должны содѣйствовать правительству въ принимаемыхъ имъ мѣрахъ и ни малѣйшія послабленія въ этомъ отношеніи не будутъ допущены".

Еще въ началѣ этихъ очерковъ, описывая первый пріемъ, сдѣланный генералъ-губернаторомъ католическому духовенству, я сказалъ, что слова его западали въ умы нѣкоторыхъ изъ его членовъ; дѣйствительно въ этомъ сословіи было нѣсколько человѣкъ болѣе дальновидныхъ, съ твердою волею и огромнымъ честолюбіемъ. Эти качества поддержали ихъ въ трудное время мятежа; они, если не противодѣйствовали мятежу, то, по крайней мѣрѣ, не одобряли и революціонныхъ манифестацій, очевидно, понимая, что явное проявленіе мятежа обнаруживаетъ тотъ внутренній огонь римскаго католичества, который его поддерживаетъ, питаетъ и въ данное время возбуждаетъ. Понятно, что съ возстановленіемъ порядка, заслуги ихъ (конечно, относительныя) не могли быть забыты и изъ нихъ вскорѣ составилась партія, дѣйствовавшая до нѣкоторой степени въ видахъ правительства. Впереди всѣхъ выдвинулся настоятель богатѣйшаго въ Вильнѣ Свято-Яновскаго прихода, деканъ Немѣкша, уроженецъ юго-западныхъ губерній, бывшій долгое время за границею и состоявшій нѣкогда преподавателемъ богословія въ петербургской римско-католической академіи; человѣкъ еще не старый, любящій жизнь и ея удовольствія, съ умомъ твердымъ и насмѣшливымъ, онъ, не скрывая своихъ польскихъ привычекъ, весьма умно себя держалъ въ отношеніи своей паствы. Во время разгара страстей, не рѣшались его оскорблять, такъ какъ берегли въ немъ человѣка полезнаго на черный день. Впослѣдствіи же, когда правительство взяло верхъ и Немѣкша, назначенный прелатомъ, былъ облеченъ большимъ довѣріемъ, поляки, если и не уважали его, то боялись и даже у него заискивали, такъ какъ ему постоянно удавалось исходатайствовать у правительства кой-какія снисхожденія. Словомъ сказать, дѣйствуя всегда умно и какъ-бы шутя, онъ умѣлъ устроить дѣло такъ, что и овцы были цѣлы, и волки сыты. То же явленіе повто-

рилось и позднѣе при закрытіи монастырей. Онъ въ это время много помогъ намъ, но съумѣлъ и выхлопотать разныя облегченія для монашествующихъ; вообще, онъ сглаживалъ неровности, проявляющіяся при всякой ломкѣ.

Нѣсколько позднѣе возвысился деканъ Вилейскій (Виленской губ.) Жилинскій, человѣкъ еще не старый, но съ бѣлыми какъ лунь волосами, съ видомъ католическаго епископа, важный и сдержанный. Онъ не очень поддѣлывался къ начальству, но былъ ровенъ и важенъ. Онъ получилъ тоже одинъ изъ лучшихъ Виленскихъ приходовъ—Остробрамскій (близь этого костела знаменитыя ворота съ часовней, подъѣзжая къ которымъ по узкой улицѣ, всѣ снимаютъ шапки на подобіе Спасскихъ воротъ въ Москвѣ) и назначенъ прелатомъ.

Я ничего не могу сказать особеннаго о прелатѣ Тупальскомъ; даже не помню его наружности; знаю только, что онъ принадлежалъ къ ихъ партіи и въ одно время съ ними сдѣланъ прелатомъ.

Виленскій капитулъ, составленный еще Красинскимъ, былъ полонъ людьми самыми неблагонадежными въ политическомъ отношеніи, такъ что нѣкоторые изъ нихъ высланы были изъ края. Капитулъ сильно противился избранію трехъ помянутыхъ прелатовъ и, кажется, по сіе время (1867 г.) обрядъ избранія ихъ не совершенъ, хотя они еще въ 1863 году назначены прелатами высочайшею властью и облекли наперсные кресты.

Такъ какъ римско-католическое духовенство сѣверо-западнаго края раздроблено по епархіямъ: Ковенской, Минской, и только губерніи: Виленская и Гродненская соединены въ одну епархію, а Могилевская и Витебская губерніи подчинены католическому митрополиту въ Петербургѣ, то это затрудняетъ дѣйствія главнаго мѣстнаго управленія, такъ какъ у всякаго декана есть всегда множество отговорокъ выполнить то или другое требованіе мѣстныхъ властей, отзываясь неполученіемъ приказанія отъ своего духовнаго начальства. Впослѣдствіи зло это было нѣсколько отстранено, а нынѣ, съ уничтоженіемъ конкордата, заключеннаго нами въ 1847 году съ Римомъ, послѣдуетъ, по всей вѣроятности, коренная реформа во всемъ католическомъ духовенствѣ и въ Вильнѣ учреждена была съ подобною цѣлью особая коммисія.

Надо замѣтить, что римско-католическое духовенство весьма

мало пострадало вслѣдствіе мятежа, кромѣ наказанія лицъ, прямо виновныхъ въ безпорядкахъ и сосланныхъ; лишь нѣкоторыя административныя мѣры нѣсколько стѣснили дѣятельность этого сословія; но такъ какъ, съ ослабленіемъ и уничтоженіемъ военнаго положенія, и самыя мѣры эти утратятъ значеніе, то духовенство римско-католическое останется самымъ сильнымъ, дѣятельнымъ и опаснымъ врагомъ Россіи въ ея собственныхъ предѣлахъ.

На третій день новаго года посланъ былъ внезапно въ Минскъ Виленскій губернскій жандармскій штабъ-офицеръ полковникъ Лосевъ, съ секретнымъ порученіемъ, имѣвшимъ впослѣдствіи огромные результаты.

Я сказалъ уже въ предъидущей главѣ, что отдѣльныя открытія и общія показанія въ слѣдственныхъ коммисіяхъ обнаруживали постепенно составъ революціонной организаціи. Дѣло это нѣсколько болѣе уяснилось послѣ исторіи виленскихъ кинжальщиковъ, по ихъ показаніямъ и потому что вытребованы были изъ Варшавы разныя загадочныя личности и задержанъ одинъ изъ агентовъ варшавскаго жонда, везшій обширную инструкцію въ литовскій революціонный жондъ, найденную въ подошвѣ его сапога. Въ концѣ 1863 г. были сдѣланы многія важныя арестаціи. По дѣлу обнаружилось, что нѣкто Здановичъ, кандидатъ Петербургскаго университета, сынъ бывшаго профессора Виленскаго университета, былъ распорядителемъ всей хозяйственной и денежной части мятежа. При обыскѣ въ домѣ Здановичей, гдѣ-то на заднемъ дворѣ, за обыкновенными складами въ родѣ сѣнника, открыта комната, выходившая единственнымъ окномъ на пустынный берегъ Вилейки. Тутъ были захвачены разные бланки, печати, акты, революціонные приказы и проч.

Въ то же время былъ арестованъ прибывшій изъ Варшавы Дормановскій, уроженецъ Познани, молодой человѣкъ, чрезвычайно изящной наружности, оказавшійся, по общимъ показаніямъ, революціоннымъ коммисаромъ Виленской губерніи, иначе—губернаторомъ; тотъ и другой, сознавшись лично въ своихъ замыслахъ, упорно скрывали все остальное и были казнены въ декабрѣ 1863 г. оба въ одинъ день. По дѣлу же сдѣлалось извѣстнымъ, что вся революціонная власть, бывшая прежде въ рукахъ Дюлорана, (служившаго при виленской станціи желѣзной дороги, и во-время скрывшагося), перешла въ руки энергическаго моло-

дого Калиновскаго, бывшаго до того времени революціоннымъ коммисаромъ въ Гроднѣ. Онъ постоянно мѣнялъ фамилію и, не смотря на всѣ усилія и депеши изъ Вильны, не былъ отысканъ. Въ январѣ мѣсяцѣ 1864 г. казненъ былъ въ Вильнѣ молодой дворянинъ Титъ Далевскій, также упорно не сознававшійся въ своихъ преступленіяхъ, и въ конфирмаціи его однимъ изъ главныхъ пунктовъ обвиненія было то, что онъ находился постояннымъ агентомъ и разсыльнымъ Калиновскаго, управлявшаго революціоннымъ отдѣломъ Литвы; но самого Калиновскаго все еще не было, хотя присутствіе его повсюду ощущалось.

При видѣ усиленныхъ и правильныхъ арестовъ, нѣкоторые изъ главныхъ дѣятелей жонда, подобно Дюлорану, успѣли скрыться; между прочими бѣжалъ изъ Петербурга только что переведенный туда на службу изъ Вильны, офицеръ путей сообщенія Малаховскій, бывшій, какъ оказалось, революціоннымъ начальникомъ г. Вильны, и подписавшій смертный приговоръ Домейкѣ. Въ тотъ самый день, какъ было сообщено въ Петербургъ объ его арестованіи, онъ скрылся изъ дому, выбрилъ голову у парикмахера, купилъ парикъ и съ тѣхъ поръ о немъ ничего не слышно.

Начальникъ края, зорко слѣдя за всѣми видоизмѣненіями мятежа и хорошо понимая характеръ поляковъ, обратилъ особенное вниманіе на Минскую губернію. Въ ней мятежъ уже былъ совершенно усмиренъ. Долѣе другихъ бродившій въ лѣсахъ, Свѣнторжецкій скрылся и все, повидимому, было спокойно; но изъ всѣхъ концовъ губерніи отъ частныхъ лицъ поступали ежедневно серьезныя извѣщенія о разныхъ проявленіяхъ мятежа. По всѣмъ почти этимъ запискамъ производились дознанія, большею частью ничего не обнаружившія, кромѣ существованія очевидной связи и единства во всѣхъ проявленіяхъ мятежа. Это подало начальнику края мысль о томъ, что въ Минской губерніи должна была сформироваться самая полная революціонная [1]) организа-

[1]) Подъ этимъ я разумѣю гражданскій союзъ обывателей противъ правительства, гораздо болѣе опасный, чѣмъ шайки мятежниковъ; образчикъ: подъ видомъ научныхъ стремленій — устраивались музеи и археологическія общества... Для удовлетворенія цѣлямъ педагогическимъ — открывались при костелахъ училища, при присутственныхъ мѣстахъ читальни... Подъ видомъ экономическихъ обществъ образовывались сельско-хозяйственные склады земледѣльческихъ орудій и землевладѣльческіе съѣзды... Подъ видомъ единообразнаго развитія крестьянскаго дѣла назначались по губерніи и уѣздамъ члены-

ція, такъ какъ тамъ дѣятельность революціонеровъ встрѣчала менѣе препятствій. Съ этою же цѣлью и съ указаніемъ на нѣкоторыхъ лицъ, наиболѣе обнаруженныхъ по секретнымъ дознаніямъ, посланъ былъ полковникъ Лосевъ на дѣло почти безнадежное. И что же? черезъ нѣсколько недѣль его неутомимыхъ, терпѣливыхъ трудовъ [1]), была открыта почти вся революціонная организація Минской губерніи. Были обнаружены всѣ уѣздные начальники, коммисары, кассиры, окружные, участковые, полицейскіе и т. п.; бо́льшая часть изъ нихъ были задержаны и вполнѣ откровенно сознавались—оказалось, что въ числѣ революціонныхъ должностныхъ лицъ было много довольно значительныхъ помѣщиковъ.

Послѣдствіемъ искусной дѣятельности полковника Лосева было то, что по дѣлу его въ Минской губерніи не было ни одной казни, а всѣ нити и цѣли мятежа были совершенно уяснены; это доказываетъ какъ важно искуство слѣдователя и какъ часто по его торопливости или нетерпѣнію виновные подвергаются тяжкимъ наказаніямъ безъ пользы для дѣла и для общества.

Въ числѣ лицъ, съ которыми имѣлъ дѣло полковникъ Лосевъ, оказался одинъ молодой человѣкъ, наиболѣе посвященный во всѣ тайны главныхъ дѣятелей мятежа. Полковникъ Лосевъ понялъ это, обѣщалъ исходатайствовать ему помилованіе и воспользовался его открытіями. Молодой организаторъ этотъ обнаружилъ не только главныхъ двигателей мятежа и всѣ перемѣны, происходившія въ ихъ составѣ, но и самое мѣстопребываніе Калиновскаго, съ которымъ онъ былъ въ ближайшихъ сношеніяхъ. Шифрованная телеграмма съ увѣдомленіемъ объ этомъ получена была въ Вильнѣ въ 9 час. вечера; въ ней были описаны примѣты Калиновскаго и сказано, что онъ проживаетъ съ фальшивымъ паспортомъ гродненскаго дворянина Витольда Витоженца въ Свенто-Янскихъ мурахъ. Это послѣднее обстоятельство

надзиратели за дѣйствіями мировыхъ учрежденій и каждое изъ этихъ учрежденій, легальностью своего происхожденія, а иногда и высочайшимъ покровительствомъ прикрывало общую всѣмъ цѣль освобожденія шляхетской отчизны отъ русскихъ правды и законности.

[1]) Слезы участія, горячее участіе, поцѣлуи — вотъ средства Ал. Мих. Лосева. Помню одно его выраженіе послѣ допроса упорнаго мятежника: „Шесть разъ его поцѣловалъ, и каковъ?—ни слова мнѣ не сказалъ“.

Примѣчанія въ рукоп.

было нѣсколько темно, такъ какъ подъ этимъ названіемъ подразумѣвались всѣ зданія, принадлежавшія нѣкогда костелу Св. Яна, занимающія почти цѣлый кварталъ и выходящія одной стороной ко дворцу. Въ обширныхъ зданіяхъ, принадлежавшихъ нѣкогда Іезуитской коллегіи, а впослѣдствіи университету, находятся: гимназія, музеумъ древностей, центральный архивъ, обсерваторія, множество квартиръ для служащихъ и даже отдаются частныя квартиры. Содержаніе телеграммы было сохранено въ глубочайшей тайнѣ. Полиціймейстеру было поручено лично справиться въ книгахъ (только что приведенныхъ къ новому году въ порядокъ) о точномъ адресѣ Витоженца и, какъ всегда бываетъ при поспѣшности, имя его ускользнуло при разсмотрѣніи книгъ, хотя и было въ нихъ внесено. Пришлось снова сдѣлать огромный обыскъ и оцѣпить весь Св.-Янскій кварталъ, для чего понадобились двѣ роты солдатъ, раздѣленныя на 10 партій при офицерахъ полиціи и особыхъ чиновникахъ. Имя лица, которое слѣдовало арестовать, было имъ объявлено лишь ночью передъ самымъ обыскомъ.

Калиновскій нанималъ уже другой мѣсяцъ комнату въ квартирѣ одного учителя гимназіи, уѣхавшаго куда-то въ отпускъ. Его застали на площадкѣ лѣстницы со свѣчою въ рукѣ, и когда спросили фамилію, онъ самоувѣренно отвѣчалъ: „Витоженцъ“ и въ ту же минуту былъ задержанъ. Рано утромъ, не смотря на тайну, которой все это сопровождалось, жиды разнесли уже повсюду вѣсть о томъ, что ночью взяли главнаго начальника жонда, хотя еще не было обнаружено, что арестованный дѣйствительно Калиновскій. Вообще евреи, отлично знающіе вдоль и поперекъ весь край и каждаго отдѣльно, все знали о мятежѣ; но молча на все смотрѣли, по свойственному имъ равнодушію къ той и другой сторонѣ, и ожидали чья возьметъ. Еще во время покушенія на жизнь Домейки всѣ сильно на нихъ негодовали, такъ какъ преступленіе совершилось въ узкой улицѣ, полной съ ранняго утра тысячами евреевъ, и нельзя было не предполагать, чтобъ они не видѣли преступника выходящимъ изъ-подъ воротъ послѣ того, какъ въ домѣ раздавались вопли раненыхъ.

Доминиканская коммисія, перешедшая въ концѣ 1863 г. подъ предсѣдательство полковника Шелгунова, о которомъ я упоминалъ, говоря объ образованіи коммисіи, и который, подобно пол-

ковнику Лосеву, отличался терпѣніемъ, устойчивостью въ занятіяхъ и проницательностью, дѣятельно работала въ концѣ 1863 г. надъ раскрытіемъ организаціи. Съ начала открытій, сообщенныхъ изъ Минска Лосевымъ, и съ арестаціей Калиновскаго она получила особый интересъ. Генералъ-губернаторъ, интересовавшійся ходомъ дѣла въ высшей степени, постоянно посылалъ туда чиновниковъ своихъ. Первый день Калиновскій лишь кусалъ себѣ губы, неохотно даже отвѣчалъ на вопросы; но къ вечеру не выдержалъ и объявилъ свое настоящее имя. Не смотря на всѣ усилія членовъ коммисіи, имъ не удалось исторгнуть отъ Калиновскаго подробнаго показанія о личностяхъ, составляющихъ революціонную организацію края. Онъ однако откровенно сознался, что былъ распорядителемъ жонда во всемъ краѣ, и, какъ видно изъ показаній другихъ лицъ, онъ умѣлъ поддержать падающій революціонный духъ польскаго населенія. Помѣщики его страшились, онъ свободно разъѣзжалъ между ними, воодушевлялъ нерѣшительныхъ и запугивалъ слабыхъ. Калиновскій былъ лѣтъ 26, крѣпкаго сложенія и съ лицомъ жесткимъ и выразительнымъ; короткіе русые волосы были зачесаны назадъ; такимъ я видѣлъ его въ тюрьмѣ за нѣсколько дней до казни. Ему дали перо и бумагу и позволили свободно излагать свои мысли. Онъ написалъ отличнымъ русскимъ языкомъ довольно любопытное разсужденіе объ отношеніяхъ русской власти къ польскому населенію Западнаго края, въ которомъ, между прочимъ, высказывалъ мысль о непрочности настоящихъ правительственныхъ дѣйствій и полное презрѣніе къ русскимъ чиновникамъ, прибывшимъ въ край. Калиновскій сознавалъ, что съ его арестованіемъ мятежъ неминуемо угаснетъ; но что правительство не съумѣетъ воспользоваться пріобрѣтенными выгодами.

Казнь Калиновскаго совершилась уже въ мартѣ или въ концѣ февраля 1864 г. и была едва ли не послѣднею въ Вильнѣ.

Было ясное холодное утро; Калиновскій шелъ на казнь смѣло; придя на площадь, онъ всталъ прямо лицомъ къ висѣлицѣ и лишь по временамъ кидалъ взоры въ далекую толпу. Когда ему читали конфирмацію, онъ сталъ было дѣлать замѣчанія; такъ наприм., когда назвали его имя: дворянинъ Викентій Калиновскій, онъ воскликнулъ: „у насъ нѣтъ дворянъ; всѣ равны!“ Полиціймейстеръ покачалъ ему головой и просилъ замолчать. Не стану описывать

подробностей этого печальнаго зрѣлища, подобныхъ которому не дай Богъ когда нибудь еще увидѣть.

Съ этого времени доминиканская коммисія исключительно занималась раскрытіемъ революціонной организаціи въ краѣ. Въ мартѣ мѣсяцѣ полковникъ Лосевъ окончилъ минское дѣло и вернулся въ Вильну. Какъ я сказалъ уже, по минскому дѣлу не было казненныхъ, а молодой дворянинъ, открывшій Калиновскаго, по собственному его желанію, отправленъ на жительство въ одну изъ внутреннихъ губерній.

Въ Гроднѣ для обнаруженія организаціи была учреждена особая слѣдственная коммисія, усердно работавшая до конца 1864 г. Такъ какъ начальникъ края, вмѣстѣ съ обнаруженіемъ отдѣльныхъ лицъ, особенно заботился объ обобщеніи всѣхъ открытій, дабы разъяснить всѣ средства мятежниковъ и способы ихъ дѣйствій, то онъ и поручилъ разнымъ лицамъ составлять впослѣдствіи по дѣламъ слѣдственныхъ коммисій описанія мятежа. Такимъ образомъ мятежъ по Гродненской губерніи былъ описанъ дѣлопроизводителемъ гродненской слѣдственной коммисіи Варнавинымъ. Описаніе это, не отличающееся литературными достоинствами, тѣмъ не менѣе самое полное и ясное изъ всѣхъ, которыя мнѣ довелось читать. Въ немъ чрезвычайно отчетливо опредѣлены характеръ организаторской дѣятельности въ разныхъ уѣздахъ, роды и классификаціи должностей и выдававшіяся на нихъ личности. Организація въ губерніяхъ Витебской и Могилевской была обнаружена нѣсколько позднѣе виленскою коммисіею, хотя въ Могилевѣ и была особая коммисія, занимавшаяся старыми дѣлами по вооруженному мятежу.

Въ началѣ января 1864 г., на 3-е, кажется, число, были вызваны въ Вильну всѣ губернаторы для совѣщаній по крестьянскому дѣлу; имъ было поручено пригласить съ собою по одному члену губернскаго присутствія и по одному или по два члена повѣрочныхъ коммисій. Собранія эти были весьма замѣчательны. На общемъ представленіи начальникъ края сказалъ имъ рѣчь, въ которой подтвердилъ непремѣнную свою волю, чтобы при повѣркѣ грамать была соблюдаема строгая справедливость и не было дѣлаемо уклоненій въ ущербъ помѣщикамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ высказалъ имъ всю неумѣстность ношенія нѣкоторыми посредниками, представителями правительственной власти въ краѣ,

красныхъ рубашекъ, кафтановъ и т. п. и вообще мысли свои о важномъ нравственномъ значеніи для края всего мироваго института, который и долженъ наполняться людьми примѣрными во всѣхъ отношеніяхъ.

Такъ какъ около того же времени была учреждена при генералъ-губернаторѣ коммисія по крестьянскимъ дѣламъ на подобіе существовавшей въ Кіевѣ, но съ болѣе ограниченными правами, то прибывшіе въ Вильну дѣятели обсудили совокупно съ нею всѣ вопросы, предстоявшіе къ выполненію; тутъ же была обсуждена данная еще въ 1863 г. въ руководство повѣрочнымъ коммисіямъ инструкція и, согласно указаніямъ опыта прошедшаго года, въ ней сдѣланы были нѣкоторыя измѣненія [1]).

Скажу здѣсь нѣсколько словъ о жандармскомъ управленіи. Учрежденіе жандармскихъ командъ было задумано начальникомъ края въ концѣ 1863 г. съ цѣлью усиленнаго наблюденія за обывателями, особенно же за шляхтою и помѣщиками. Около мѣсяца прошло пока послѣдовало высочайшее утвержденіе и списывались съ шефомъ жандармовъ. Начальникъ края составилъ для командъ серьезную инструкцію, по которой на нихъ возлагалась отвѣтственная исполнительная дѣятельность, а не одно только наблюденіе; кромѣ того команды подчинены въ уѣздахъ военнымъ начальникамъ и губернскому начальству и лишь въ строевомъ отношеніи представленія о нихъ шли чрезъ корпусъ жандармовъ.

Положено было въ каждомъ уѣздѣ имѣть одного офицера, съ наименованіемъ начальникомъ жандармскаго управленія, и 16 кон-

---

[1]) Къ этому обстоятельству относится весьма важное для дѣла, по своимъ послѣдствіямъ, раздѣленіе насъ, собранныхъ въ виленскомъ губернскомъ присутствіи членовъ его и повѣрочныхъ коммисій. Ровно половина всѣхъ членовъ, 24 русскихъ, заявили о необходимости надѣлять изъ обезземеленныхъ трехъ-десятиннымъ надѣломъ всѣ наличныя семьи; другая половина, 21 русскій и три поляка (Домейко, Гедройцъ и Тызенгаузъ), стояли за надѣленіе лишь трехъ десятинъ всѣмъ наличнымъ семьямъ, происходящимъ изъ инвентарной семьи. И здѣсь (какъ и въ мѣст. Полож. 19 февр.) предлогъ до трехъ десятинъ далъ оппонентамъ право низводить норму надѣла на инвентарную семью до ¼ десятины. Графъ Тызенгаузъ особенно отличился своими доводами. Пользуясь заявленіемъ А. П. Попова, что современные крестьяне слабы тѣлесными силами, онъ нашелъ тому причиною то, что крестьяне со времени ихъ освобожденія стали ѣсть чистый хлѣбъ безъ мякины, лишая себя такимъ образомъ фосфорина, заключающагося въ мякинѣ и замѣнявшаго для нихъ мясо!!? Примѣчаніе въ рукоп.

ныхъ или 30 пѣшихъ унтеръ-офицеровъ, судя по мѣстнымъ условіямъ. Какъ офицерамъ, такъ и нижнимъ чинамъ назначено было большое содержаніе, и потому на эти должности шли охотно, особенно же полковые унтеръ-офицеры, и можно съ увѣренностью сказать, что все это учрежденіе было образцовое. Всѣ начальники управленій бюли люди порядочные, многіе отличались особенною дѣятельностью, а нѣкоторыми были возбуждены весьма важные для края вопросы. Унтеръ-офицеры дѣятельно исполняли свои обязанности, отлично себя держали съ мѣстнымъ населеніемъ и уважительно съ властями; но надо замѣтить, что подобная полиція, учрежденная въ 50-ти уѣздахъ Сѣверо-Западнаго края, (за исключеніемъ 5-ти) стоила огромныхъ денегъ, и теперь уже (1867 г.) идетъ рѣчь о сокращеніи состава командъ [1]).

Команды формировались постепенно; за недостаткомъ въ людяхъ, сперва были избраны самые мятежные уѣзды, какъ Поневѣжскій,—Ковенской губерніи, Бѣльскій,—Гродненской губерніи и т. п. Но такъ какъ польза ихъ съ самаго начала сдѣлалась ощутительна, то признано было необходимымъ ускорить ихъ формированіе и весной 1864 г. дѣло это было уже окончено.

Въ январѣ мѣсяцѣ послѣдовалъ приказъ объ увольненіи ген.-адъют. Фролова и о назначеніи на его мѣсто помощникомъ командующаго войсками виленскаго военнаго округа, генералъ-адъютанта Крыжановскаго. Въ ожиданіи его прибытія стали о немъ распространяться, какъ это всегда бываетъ, самые разнообразные слухи. Такъ какъ многіе предполагали, что онъ замѣнитъ начальника края, то многіе старались изыскать какія-нибудь свои связи съ новымъ свѣтиломъ.

Николай Андреевичъ Крыжановскій прибылъ въ Вильну въ концѣ января 1864 г.; на слѣдующее утро онъ представился начальнику края, съ которымъ до того времени едва ли былъ знакомъ. При генералѣ Крыжановскомъ состоялъ, по особому распоряженію, гвардейской артиллеріи поручикъ Мазингъ въ видѣ адъютанта.

По воскресеньямъ начальникъ края, сдѣлавъ пріемъ, оставался часто въ большой гостинной разсматривать чертежи и проекты, приносимые академикомъ Чагинымъ, составлявшимъ бо́льшую

---

[1]) Сокращенія дѣйствительно послѣдовали.

часть рисунковъ для вновь устроивавшихся и возобновляемыхъ церквей какъ г. Вильны, такъ и всего Сѣверо-Западнаго края. Генералъ-губернаторъ старался придать этому возможную гласность и не пренебрегалъ ни чьимъ совѣтомъ. Для каждой постройки было представляемо нѣсколько проектовъ и тутъ же при всѣхъ, послѣ многочисленныхъ разсужденій, начальникъ края утверждалъ своею подписью проекты зданій. Это было его развлеченіе, его забава;—страсть къ постройкамъ, въ настоящемъ случаѣ вызванная необходимостью, была сильно развита у генералъ-губернатора. Генералъ Крыжановскій всегда присутствовалъ при этихъ художественныхъ совѣщаніяхъ и подавалъ свое мнѣніе; всѣ жадно ловили его слова, стараясь извлечь изъ нихъ какое нибудь заключеніе объ его личности и, помнится съ сожалѣніемъ, что неблагонамѣренность успѣвала многое (?) переиначить.

Начальникъ края имѣлъ въ виду, что генералу Крыжановскому придется занять его постъ и потому желалъ ознакомить его по возможности съ краемъ и частію съ гражданскимъ управленіемъ. Съ этою цѣлью въ половинѣ февраля генералъ Крыжановскій отправился въ объѣздъ по губерніямъ какъ для осмотра войскъ, такъ и военно-полицейскаго управленія, для чего ему было дано особое предложеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ поручено обратить особое вниманіе на личный составъ уѣздныхъ учрежденій, особенно же на чиновниковъ изъ поляковъ, оставшихся еще въ значительномъ числѣ на своихъ мѣстахъ.

Генералъ Крыжановскій началъ свой объѣздъ съ Ковенской губерніи, гдѣ броженіе умовъ было еще сильно, подобно какъ въ морѣ послѣ жестокой бури. Изъ Ковенской губерніи получено отъ него два, или три пространныя собственноручныя письма. Начальникъ края, читая письма эти, дѣлалъ на нихъ свои отмѣтки и передавалъ въ особую канцелярію для немедленнаго исполненія предпочтительно передъ всѣми остальными дѣлами.

Изъ Ковенской губерніи генералъ Крыжановскій проѣхалъ въ Ригу для переговоровъ съ генералъ-губернаторомъ барономъ Ливеномъ о защитѣ морскаго прибрежья противъ готовившейся высадки поляковъ... и для принятія мѣръ противъ укрывавшихся въ Курляндіи мятежниковъ. Осмотрѣвъ затѣмъ Динабургъ, генералъ Крыжановскій вернулся для личнаго доклада въ Вильну.

Отношенія его съ начальникомъ края были въ это время са-

мыя лучшія; но въ скоромъ времени онъ отправился въ Минскую губернію, а оттуда проѣхалъ въ Гродно.

Первые мѣсяцы 1864 г. были посвящены возбужденію и разрѣшенію многихъ вопросовъ.

Между ними заслуживаютъ особеннаго вниманія слѣдующіе: о прибавкѣ 50% къ содержанію чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ, прибывающихъ изъ внутреннихъ губерній въ Сѣверо-Западный край; мѣра эта была сначала допущена въ видѣ временнаго усиленія штатовъ; но вызванная необходимостью, она получила впослѣдствіи обширное развитіе. Въ 1864 г. чиновники всѣхъ вѣдомствъ получили постепенно прибавку жалованья; это было необходимо для привлеченія въ Сѣверо-Западный край достойныхъ и полезныхъ людей, которые въ этомъ краѣ, конечно, лишены были многаго въ сравненіи съ великороссійскими губерніями и которымъ предстояла жизнь, окруженная борьбою, недоброжелательствомъ и разнаго рода лишеніями.

Затѣмъ, начальникъ края дѣятельно занялся устройствомъ русскихъ и старообрядческихъ поселеній на свободныхъ казенныхъ земляхъ, какъ равно и въ оставшихся отъ выселенныхъ въ Сибирь шляхетскихъ околицахъ. Сдѣланы были опыты раздачи земель отставнымъ унтеръ-офицерамъ и солдатамъ въ губерніяхъ Могилевской и Гродненской. Отъ всѣхъ лицъ польскаго происхожденія сомнительной благонадежности или замѣшанныхъ въ мятежѣ отбирались арендуемыя ими казенныя фермы и изъ нихъ дѣлались отчасти нарѣзки государственнымъ крестьянамъ, а нѣкоторыя въ полномъ составѣ отдавались русскимъ въ аренду же. Въ это же время была сознана необходимость усиленія въ краѣ русскаго землевладѣльческаго элемента и начальникъ края энергически представлялъ о томъ, чтобы всѣ лица, высланныя изъ края за участіе въ мятежѣ, имѣнія коихъ не конфискованы, а лишь подвергнуты секвестру, обязаны были въ извѣстный срокъ продать свои недвижимыя имѣнія русскимъ, потому что такія лица, обнаружившія свои враждебныя побужденія, никогда уже не могутъ сдѣлаться полезными Россіи гражданами. Мысль эта встрѣтила сочувствіе въ министрѣ государственныхъ имуществъ; но въ то время не была одобрена правительствомъ, тѣмъ не менѣе кое-что было уже сдѣлано: 5-го марта 1864 г. были высочайше утверждены правила для выдачи ссудъ при покупкѣ имѣ-

ній въ Западномъ краѣ русскими. Ассигнована была для этого особая сумма; нѣсколько человѣкъ воспользовались этимъ и пріобрѣли довольно значительныя имѣнія при помощи правительства; но это была капля въ морѣ и лишь черезъ два почти года, 10-го декабря 1865 г., былъ изданъ указъ о воспрещеніи лицамъ польскаго происхожденія покупать въ Сѣверо-Западномъ краѣ имѣнія, и объявлена обязательная въ два года продажа секвестрованныхъ имѣній. Это показываетъ какой произошелъ въ эти два года переломъ въ общественномъ сознаніи. Дѣло, встрѣтившее неодолимое повидимому противодѣйствіе въ 1864 г., сдѣлалось въ концѣ 1865 г. безъ особаго труда.

Учебная часть обращала на себя особенное вниманіе начальника края. Осенью 1863 года попечителемъ виленскаго учебнаго округа назначенъ Иванъ Петровичъ Корниловъ, на мѣсто князя Ширинскаго-Шихматова, который въ скоромъ времени получилъ ту же должность въ кіевскомъ округѣ [1]). Князь Ширинскій, горячій русскій патріотъ, имѣлъ однако свой особый взглядъ на дѣло и полагалъ постепенно достигнуть того, что М. Н. Муравьевъ считалъ дѣломъ первой необходимости. Князь Шихматовъ въ два послѣдніе года своей дѣятельности, на выхлопотанные имъ съ большимъ трудомъ деньги, открылъ свыше ста народныхъ школъ. Новый начальникъ края полагалъ необходимымъ немедленно же исторгнуть народное образованіе изъ рукъ ксендзовъ и вообще поляковъ. И. П. Корниловъ, человѣкъ съ замѣчательнымъ сердцемъ и любовью къ Россіи, сдѣлался горячимъ исполнителемъ предначертаній начальника края по устройству народнаго образованія на русскихъ началахъ. Отличительною чертою его дѣятельности было умѣнье привлекать къ себѣ людей способныхъ и преданныхъ дѣлу; онъ не только не тяготился подобными лицами, но какъ бы гордился ими и всѣ успѣхи приписывалъ всегда другимъ. Но рѣшительная реакція въ учебномъ дѣлѣ Сѣверо-Западнаго края произошла во второй половинѣ 1864 года по возвращеніи начальника края изъ Петербурга.

Независимо отъ всего этого генералъ-губернаторъ обращалъ особенное вниманіе на книги и иные предметы, распространяемые въ народѣ; при его помощи были выписаны для Сѣверо-Западнаго

---

[1]) Нынѣ (1867 г.) попечитель московскаго учебнаго округа.

Авторъ.

края десятки тысячъ молитвенниковъ, учебниковъ, крестиковъ какъ для новокрещенныхъ младенцевъ, картинъ духовнаго содержанія, портретовъ Государя и Государыни по самой дешевой цѣнѣ. Все это имѣло глубокую цѣль подѣйствовать на первыя впечатлѣнія народа, въ которомъ пробуждается сознаніе. 1-го января 1864 года открыта въ Вильнѣ, также при содѣйствіи начальника края, первая русская книжная торговля извѣстнаго Сеньковскаго и дѣла ея пошли сначала очень хорошо.

Не меньшее вниманіе было обращено и на внѣшность самыхъ городовъ: вывѣски польскія были уничтожены, воспрещалось говорить по польски въ присутственныхъ и общественныхъ мѣстахъ, счеты въ магазинахъ велѣно было вести по русски—все вещи повидимому не важныя; но это дѣлалось не для того, чтобы придать обманчивую наружность краю, а чтобы провести въ сознаніе массы населенія силу русской власти и преобладаніе русскаго начала.

Церковно-строительное дѣло также было двинуто. Вопросъ этотъ былъ возбужденъ гораздо ранѣе мятежа въ бѣлорусскихъ губерніяхъ, вслѣдствіе настойчивости тайнаго совѣтника П. Н. Батюшкова. На построеніе сельскихъ церквей въ этихъ губерніяхъ положено было отпускать ежегодно изъ казны по 200,000 р. въ теченіе пяти лѣтъ; но дѣло это велось кое-какъ. Начальникъ края принялъ его, вмѣстѣ съ бѣлорусскими губерніями, подъ ближайшій свой надзоръ. Постройки были разсмотрѣны; много въ нихъ было сдѣлано упрощеній и сбереженій; вмѣстѣ съ тѣмъ во всѣхъ почти уѣздныхъ городахъ стали возобновлять или вновь строить православные соборы. Въ самой Вильнѣ начаты были огромныя перестройки. На православный Николаевскій соборъ, въ которомъ происходили всѣ описанныя торжества, было испрошено 80,000 р. Къ сожалѣнію надо замѣтить, что наружность собора, передѣланнаго изъ упраздненнаго костела св. Казиміра, до такой степени католическая, что не смотря на всѣ усилія ничего нельзя было сдѣлать; впослѣдствіи многіе сожалѣли объ этомъ и признавали болѣе полезнымъ употребить эту сумму на возобновленіе храма Пречистыя, которому должно быть возвращено древнее значеніе литовской митрополіи. Церковь Константина Острожскаго стала перестраиваться на деньги, собранныя по подпискѣ 8-го ноября 1863 г.; вокругъ нея скуплены дома, сдавливавшіе и закрывав-

шіе, ее и обведена прекрасная ограда. Далѣе, въ центрѣ города отысканы стѣны древней Пятницкой церкви, въ которой по историческимъ даннымъ погребено тѣло кн. Елены, жены литовскаго князя Александра и дочери Іоанна III. Маленькая церковь эта возобновлена въ самомъ изящномъ византійскомъ стилѣ. Она также была совершенно застроена и теперь еще (1867 г.) загорожена домомъ Махнаура, сосланнаго за политическія преступленія. Постоянно шла рѣчь о покупкѣ этого дома; но не знаю исполнилось ли это [1]). Церковь эта, на которую менѣе другихъ обращали вниманія, вышла лучше всѣхъ; она предназначалась для гимназіи, отъ которой недалеко находится, и было предположеніе устроить для нея изъ гимназистовъ небольшой хоръ пѣвчихъ. Еще въ сентябрѣ 1863 года происходила торжественная закладка на Георгіевской площади часовни во имя Александра Невскаго въ память православныхъ русскихъ воиновъ, павшихъ при усмиреніи мятежа. На бѣлыхъ мраморныхъ доскахъ, коими она обложена, вырѣзаны ихъ имена въ память потомству. Освященіе этой часовни послѣдовало 30-го августа 1865 г. и она вышла такъ изящна, что могла бы украсить собою любую столицу.

По мѣрѣ развитія церковно-строительнаго дѣла, были учреждаемы для этого комитеты въ губернскихъ городахъ. Прежде другихъ былъ основанъ виленскій церковно-строительный комитетъ; онъ завѣдывалъ постройками и расходованіемъ суммъ какъ въ самой Вильнѣ, такъ и во всей губерніи. Въ уѣздахъ были устраиваемы для той же цѣли церковные совѣты изъ лицъ духовнаго званія, мѣстныхъ мировыхъ посредниковъ, нѣкоторыхъ чиновниковъ, и изъ православныхъ помѣщиковъ тамъ, гдѣ они были, подъ предсѣдательствомъ военно-уѣздныхъ начальниковъ. Совѣты эти подчинялись губернскому комитету. Постройка же сельскихъ церквей возлагалась по большей части на сельское населеніе подъ наблюденіемъ священниковъ. Дѣло шло успѣшно.

Всѣми вообще работами съ художественной стороны завѣдывалъ извѣстный академикъ Рязановъ, постоянно пріѣзжавшій изъ Петербурга, а на мѣстахъ, подъ его руководствомъ, работалъ виленскій губернскій архитекторъ Чагинъ. Начальникъ края,

[1]) Слышно было, что домъ Махмаура купленъ казною и приступлено къ его сломкѣ. Въ 1870 году на мѣстѣ дома я видѣлъ уже площадь, отдѣленную отъ улицы легкою, изящною рѣшеткою. Авт.

какъ я сказалъ уже, чрезвычайно любилъ заниматься съ нимъ всякаго рода проектами построекъ и всегда передавалъ на его заключеніе чертежи, присылаемые изъ губерній. Впослѣдствіи, по случаю крайняго разнообразія въ проектахъ для сельскихъ церквей, составлены были образцовые проекты, на различное число прихожанъ, и разосланы, налитографированные, во всѣ губурнскіе и уѣздные церковные комитеты.

Къ тому же времени относится возобновленіе церковныхъ братствъ или попечительствъ при церквахъ, что составляло древній обычай въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Братчиками многихъ изъ бѣднѣйшихъ сельскихъ церквей записались разные богатые москвичи и иные ревнители православія, чрезъ посредство которыхъ, а равно чрезъ супругу начальника края и ея знакомыхъ, было доставлено множество церковной утвари, облаченій всякаго рода и т. п.

Крестьянское дѣло, съ наступленіемъ весенняго времени, было усиленно двинуто: для скорѣйшаго окончанія повѣрочныхъ работъ и для одновременнаго перевода крестьянъ на облегченные платежи по обязательному выкупу были учреждены во многихъ уѣздахъ вторыя повѣрочныя коммисіи, независимо отъ первыхъ и въ такомъ же составѣ какъ первыя, а уѣзды были раздѣлены между ними на участки.

25-го марта 1864 года совершилось 25-ти-лѣтіе возсоединенія западныхъ русскихъ уніатовъ съ восточною церковью. Въ Вильнѣ торжество это тѣмъ особенно было важно, что во главѣ тамошней православной іерархіи стоялъ знаменитый подвижникъ этого великаго дѣла—митрополитъ Іосифъ. Значеніе возсоединенія уніатовъ было вполнѣ оцѣнено лишь послѣ минувшаго мятежа, когда правительство могло опереться на двухъ-миліонную массу православнаго сельскаго населенія, бывшаго за 30 лѣтъ до того болѣе близкимъ къ католицизму и Польшѣ. Я не стану здѣсь распространяться о подробностяхъ самаго возсоединенія, принадлежащаго уже исторіи; но укажу только на статью объ этомъ бывшаго минскаго архіепископа Антонія, напечатанную въ одной изъ книгъ „Русскаго Вѣстника" за 1863 годъ. Архипастырь этотъ былъ однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Іосифа Сѣмашко, находясь еще въ званіи ректора Журавицкой уніатской семинаріи (въ Слонимскомъ уѣздѣ, Гродненской губерніи). Впослѣдствіи, по совершеніи великаго подвига, онъ довольно долгое

время управлялъ минскою епархіею. Лѣтъ уже 20 тому назадъ, будучи склоненъ къ литературнымъ и умственнымъ занятіямъ и къ жизни созерцательной, онъ удалился на покой и понынѣ (1867 г.) живетъ въ Минскѣ на незначительную свою пенсію, нанимая маленькую квартирку—и творя добро, сколько позволяютъ средства. Мнѣ привелось видѣть этого почтеннаго старца зимою, 1865 г., когда онъ, пробужденный новою жизнью, повѣявшею въ краѣ, посѣтилъ Вильну, чтобы видѣть въ ней самый источникъ русской силы. Преосвященный Антоній въ большой залѣ генералъ-губернаторскаго дворца видимо наслаждался, слушая въ день Крещенія огромный хоръ учениковъ народныхъ училищъ, стройно пѣвшихъ молитвы и народный гимнъ: „Боже Царя храни“ [1]).

Возвращаюсь къ празднованію 25-лѣтія возсоединенія уніатовъ въ Вильнѣ. Наканунѣ этого дня оберъ-прокуроръ св. синода препроводилъ къ начальнику края, для врученія митрополиту Іосифу, царскій рескриптъ, въ которомъ вспоминались по этому случаю его труды и заслуги на пользу церкви и отечества.

Рано утромъ начальникъ края отправилъ рескриптъ и высочайше пожалованный жезлъ съ бриллiантовыми знаками къ митрополиту со своимъ адъютантомъ, прося передать и его поздравленіе. Такъ какъ Николаевскій соборъ уже перестраивался, то всѣ высшія власти собрались для выслушанія литургіи въ церковь Троицкаго монастыря, въ коемъ помѣщается и семинарія. Въ концѣ службы ректоръ семинаріи, архимандритъ Іосифъ, взойдя на амвонъ, прочелъ слово высокопреосвященнаго Іосифа, въ которомъ выставлено было значеніе этого событія для края и высказано нѣсколько важныхъ мыслей по поводу его настоящаго положенія и значенія церкви православной въ дѣлѣ упроченія въ немъ русской народности. Слово это было напечатано отдѣльной брошюрой и раздавалось желающимъ. Начальникъ края, по выходѣ изъ церкви, былъ привѣтствованъ войсками, выстроенными на дворѣ монастыря по обѣ стороны пути его слѣдованія, и направился въ митрополичій домъ поздравить главнаго виновника торжества. Надо замѣтить, что Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, въ бытность свою съ 1831 по 1835 годъ гродненскимъ губер-

---

[1]) Съ 1868 г. преосвященный Антоній переселился въ Пожайскій монастырь близь Ковны. Авт.

наторомъ, много содѣйствовалъ возсоединенію уніатовъ въ тотъ періодъ времени, когда послѣ мятежа 1831 года мысль эта только что зарождалась, а Іосифъ Сѣмашко, съ вышеназваннымъ Антоніемъ Зубко, занимались отобраніемъ подписокъ отъ отдѣльныхъ лицъ и склоняли въ пользу замышляемаго ими дѣла главнѣйшихъ представителей уніатскаго духовенства.

По поводу этого событія нельзя не придти къ нѣкоторымъ серьезнымъ заключеніямъ. Мятежъ 1831 г. и принятыя за нимъ мѣры правительства породили возсоединеніе уніатовъ и если большинство возсоединенныхъ не сдѣлались тотчасъ же истинными православными, то все таки край уже былъ признанъ таковымъ, а черезъ 30 лѣтъ, когда еще живы главные дѣятели того времени, мы лишь изрѣдка встрѣчаемъ, и то гдѣ нибудь въ глуши края, безсильные обломки уніи, наиболѣе сохранившейся въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ обрядахъ; эти остатки мало по малу сами собою исчезнутъ, поглощаемые временемъ—и такимъ образомъ Западный край сдѣлался въ значительной степени краемъ православнымъ. Равнымъ образомъ, послѣ мятежа 1863 г. край этотъ былъ прежде всего оффиціально признанъ русскимъ; журналистика наша помогла тому, что мысль эта проникла теперь въ сознаніе всего русскаго общества и лишь въ силу этого признанія принятъ въ немъ и принимается рядъ мѣръ, клонящихся къ упроченію за нимъ русскаго характера. Мѣры эти, по большей части, вызываютъ (какъ въ свое время вызывало возсоединеніе уніатовъ) горячія порицанія враговъ Россіи и даже нѣкоторой части русскаго общества. Допустивъ даже, что со временемъ, въ силу общей всѣмъ людямъ забывчивости и снисходительности, онѣ поослабнутъ, то часть дѣла будетъ уже сдѣлана: въ краѣ русскомъ и православномъ, хотя бы и съ значительнымъ католическимъ населеніемъ, невозможны будутъ національно-религіозные мятежи, какимъ издали казался послѣдній въ Сѣверо-Западномъ краѣ.

Возвращаясь затѣмъ къ событію 1839 года, можно придти къ заключенію, что митрополитъ Іосифъ, коему всецѣло принадлежитъ побѣда въ этомъ дѣлѣ, положилъ первый основаніе твердому владычеству Россіи въ западныхъ ея окраинахъ.

Начальникъ края.... предвидѣлъ, что ему скоро придется оставить край. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сознавая, что всѣ тѣ вопросы, которые не будутъ возбуждены при немъ, едва ли возникнутъ при

послѣдующихъ правителяхъ, спѣшилъ хотя отчасти коснуться[1]) всѣхъ отраслей управленія и скорѣй разрѣшить главнѣйшіе для судьбы края вопросы. Въ мартѣ мѣсяцѣ онъ дѣлалъ въ Петербургѣ энергическія представленія; я уже упомянулъ о перепискѣ его съ министромъ государственныхъ имуществъ по усиленію въ краѣ русскаго землевладѣльческаго элемента; не менѣе важны были его письма къ шефу жандармовъ, покойному князю Долгорукову. Въ одномъ изъ нихъ, замѣчательномъ по самому своему изложенію, генералъ-губернаторъ ясно высказалъ свой взглядъ на особенности крестьянскаго дѣла въ Сѣверо-Западномъ краѣ по поводу опасеній, чтобъ обязательный выкупъ, первоначально предположенный лишь въ 4 литовскихъ губерніяхъ и распространенный уже на бѣлорусскія губерніи и на Юго-Западный край, не проникъ внутрь Россіи и не произвелъ тамъ важныхъ замѣшательствъ. Начальникъ края въ письмѣ этомъ обрисовалъ всѣ составные элементы края и положительно доказалъ какъ необходимо было создать въ немъ, не взирая на всѣ возгласы, независимое крестьянское землевладѣльческое сословіе. Говоря о необходимости измѣненія основныхъ началъ положенія 19-го февраля для Сѣверо-Западнаго края, онъ припомнилъ слѣдующее: „когда мы съ вашимъ сіятельствомъ занимались крестьянскимъ вопросомъ, мы имѣли въ виду не мятежный край, а православную Россію, преданную своему Государю“. Въ томъ же письмѣ говорится, что насколько важно было въ то время имѣть въ виду сохраненіе добрыхъ отношеній между разными сословіями государства, такъ, напротивъ, нынѣ въ Сѣверо-Западномъ краѣ—не менѣе необходимо разобщить крестьянъ и помѣщиковъ. Изъ этого видно, что тогда еще Михаилъ Николаевичъ мало расчитывалъ на привлеченіе въ край русскихъ людей для покупки имѣній. Не мудрено, что при такомъ взглядѣ на дѣло начальника края, нѣкоторые изъ крестьянскихъ дѣятелей, желая скорѣе достичь цѣли, имъ предположенной и ясно всѣми понимаемой, позволяли себѣ нѣкоторыя излишества. Впрочемъ, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, они были круто останавливаемы, не смотря на постояннаго своего защитника Левшина.

Другое изъ этихъ любопытныхъ писемъ было посвящено во-

---

[1]) Гр. Муравьевъ выражался, что тамъ, гдѣ онъ не видѣлъ возможности разрѣшить вопросъ при себѣ, онъ закидывалъ лишь якорь, къ которому рано или поздно возвратятся. Примѣч. въ рукоп.

просу о размѣщеніи лицъ, высылаемыхъ изъ края; число этихъ лицъ, высланныхъ по разнымъ категоріямъ взысканія, достигло уже тогда значительной цифры и самъ начальникъ края заботился объ уменьшеніи на будущее время высылаемыхъ и о замѣнѣ, по возможности, ссылки инымъ административнымъ наказаніемъ. Лица, высланныя изъ края по приговорамъ судовъ и съ лишеніемъ правъ состоянія, хотя и составляли большинство, но не представляли особыхъ затрудненій, такъ какъ они предназначались или въ каторжныя работы и арестантскія роты, или въ Сибирь на поселеніе и на житье. Самою опасною въ будущемъ являлась категорія лицъ, которыя въ числѣ до 1,500 человѣкъ высланы были изъ края на жительство во внутреннія губерніи, подъ надзоръ полиціи (по распоряженіямъ начальника края) въ тѣхъ случаяхъ, когда по слѣдствію или по суду не было юридическихъ доказательствъ къ ихъ наказанію, но представлялось столько подозрѣній, что оставлять въ краѣ подобныхъ лицъ не было возможности. Это были главные виновники мятежа, болѣе вліятельные чиновники и знатные помѣщики, которые заблаговременно обставили себя предосторожностями на случай подозрѣнія со стороны правительства.

Начальникъ края указывалъ на то, что эти лица, размѣщаемыя министерствомъ внутреннихъ дѣлъ по внутреннимъ нашимъ губерніямъ, лишь разносятъ съ собою зло и подготовляютъ въ будущемъ неурядицы — и признавалъ необходимымъ сосредоточить ихъ въ какой нибудь отдаленной мѣстности, „гдѣ имъ могли-бы быть даны всѣ средства къ жизни, кромѣ способовъ вредить Россіи“.—Онъ присовокуплялъ, что „прежде всего должно имѣть въ виду Россію и что нельзя останавливаться передъ такою мѣрою, употребляемою для политическихъ преступниковъ во многихъ государствахъ, славящихся своею гуманностью и либерализмомъ“.

Вопросъ этотъ остался не разрѣшеннымъ и, впослѣдствіи, когда лѣтомъ 1865 г. всю Россію охватило пламя пожаровъ и общественное мнѣніе ясно указывало на источникъ зла—Михаилъ Николаевичъ, живя уже тогда на покоѣ, составилъ по поводу пожаровъ статью и включилъ въ нее выдержки изъ разныхъ своихъ представленій, заключающія въ себѣ печальныя предсказанія, начинавшія уже сбываться...

Приближалась Святая недѣля, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нашъ отъѣздъ въ Петербургъ. Онъ назначенъ былъ въ концѣ недѣли. Всѣ были убѣждены, что генералъ Муравьевъ уже не возвратится въ Вильну. Къ пасхальной заутрени собралось въ ярко освященную дворцовую церковь множество лицъ. Всѣ были въ напряженномъ состояніи, ожидая, что начальникъ края получитъ въ этотъ день графское достоинство и что это будетъ сигналомъ къ его увольненію.

По окончаніи богослуженія всѣ присутствовавшіе были приглашены въ большую гостиную, гдѣ обыкновенно происходили пріемы и въ которой на этотъ разъ стоялъ огромный столъ, убранный всякими яствами. Едва собрались въ эту комнату и бокалы наполнились виномъ, какъ генералъ Крыжановскій провозгласилъ тостъ за начальника края, встрѣченный единодушнымъ „ура". Затѣмъ слѣдовали и другія возглашенія, но никакихъ извѣстій изъ Петербурга все-таки получено не было.

Съ субботу на Святой недѣлѣ начальникъ края выѣхалъ въ Петербургъ.

Передъ отъѣздомъ были сдѣланы слѣдующія главныя распоряженія: генералу Крыжановскому поручалось вступить въ командованіе войсками округа; ему же предоставлены: конфирмація военно-судныхъ и слѣдственныхъ дѣлъ и управленіе Августовскою губерніею. Въ случаяхъ важныхъ и не терпящихъ отлагательства — онъ могъ принимать чрезвычайныя мѣры, донося о томъ по телеграфу; ему же поручалось доносить о всѣхъ происшествіяхъ, заслуживающихъ вниманія, и вообще представлять собою лицо начальника края; но всѣ дѣла общей канцеляріи съ объяснительными записками и заготовленными отвѣтами или предписаніями должны были отсылаться ежедневно съ жандармомъ въ Петербургъ для доклада генералъ-губернатору. Такимъ образомъ Михаилъ Николаевичъ долженъ былъ изъ Петербурга управлять краемъ, что при удобствѣ сообщеній и телеграфѣ не представляло особыхъ затрудненій. Съ генералъ-губернаторомъ отправились въ Петербургъ слѣдующія лица: полковникъ Черевинъ, генералъ Чевати и я — собственно для веденія дѣлъ; адъютантъ Павловъ и ординарецъ Бибиковъ, для дежурствъ и пріема посѣтителей; затѣмъ въ видѣ свиты: камергеръ Булычовъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Брянчаниновъ, жандармскій капитанъ Медвѣдевъ, докторъ Фавишъ, при томъ два писца и два лейбъ-казака изъ конвоя. Въ день отъѣзда нашего, 25-го апрѣля 1864 г.,

высшія лица собрались во дворецъ и начальникъ края передалъ имъ свои инструкціи. Во всемъ этомъ было нѣчто величественное— многіе были потрясены до глубины души, разставаясь съ начальникомъ края и полагая, что его болѣе уже не увидятъ въ стѣнахъ Вильны. Многіе, преданные дѣлу, а не лицу, утѣшали себя тѣмъ, что если Михаилъ Николаевичъ и оставитъ управленіе краемъ, то будетъ назначенъ предсѣдателемъ Западнаго комитета, который будетъ руководить и направлять всю администрацію 9-ти западныхъ губерній; но Западный комитетъ, возникшій съ началомъ смутъ въ Западномъ краѣ, прекратилъ свое существованіе какъ разъ незадолго передъ тѣмъ, и дѣла по западнымъ губерніямъ вошли по прежнему въ комитетъ министровъ — что совершенно раціонально—и лишь уцѣлѣлъ до настоящаго времени (1867 г.) комитетъ по дѣламъ Царства Польскаго...

Генералъ-губернаторъ отправился съ пассажирскимъ поѣздомъ, отходящимъ въ 4 часа дня.

Огромное число служащихъ и дворянъ собралось на станцію желѣзной дороги. Михаилъ Николаевичъ пріѣзжалъ всегда заблаговременно и потому тутъ происходилъ цѣлый пріемъ; до послѣдней минуты онъ отдавалъ приказанія, и видимо былъ тронутъ общимъ къ нему сочувствіемъ; всѣ говорили, что ждутъ его поскорѣе назадъ и смѣло можно сказать, что для большинства это было искренно.

Когда поѣздъ уже сталъ трогаться, генералъ-губернаторъ, снимая шапку и кланяясь, повторялъ: „прощайте, прощайте“; но всѣ, какъ будто въ одинъ голосъ, закричали ему: „до свиданія!“ и этому общему желанію суждено было на этотъ разъ осуществиться.

VII.

Встрѣчи Муравьева по пути изъ Вильны. — Встрѣча въ Петербургѣ.—Представленіе государю Александру II.—Записка М. Н. Муравьева объ устройствѣ Сѣверо-Западнаго края въ комитетѣ министровъ.—А. Л. Потаповъ.—Возвращеніе М. Н. Муравьева въ Вильну.

М. Н. Муравьевъ ѣхалъ въ Петербургъ въ особо приготовленномъ для него вагонѣ; свита его помѣщалась въ другомъ. Будучи и безъ того уже слабаго здоровья, измученный безпрерывными трудами, генералъ-губернаторъ едва выдержалъ дневной

переѣздъ и къ утру слѣдующаго дня ему сдѣлалось такъ дурно, что онъ хотѣлъ остановиться въ Псковѣ для отдыха и лишь благодаря доктору, тутъ бывшему, доѣхалъ безостановочно до Петербурга. Въ предѣлахъ Сѣверо-Западнаго края были всюду приготовлены торжественныя встрѣчи и на платформахъ толпились старообрядцы и крестьяне съ хлѣбомъ-солью. Въ Петербургѣ его ожидала блистательная встрѣча. Министры: государственныхъ имуществъ и путей сообщенія, сенаторъ И. М. Гедеоновъ, П. Н. Батюшковъ и многія другія высшія лица; начальникъ 1-й гвардейской дивизіи генералъ Дрентельнъ, командиръ Преображенскаго полка князь Барятинскій и всѣ офицеры этого полка въ полной парадной формѣ ожидали его на станціи желѣзной дороги; толпы любопытныхъ толпились вокругъ станціи — и когда Михаила Николаевича вынесли на креслѣ изъ вагона, въ сводахъ огромнаго дебаркадера пронеслось оглушительное ура. Когда же начальникъ Сѣверо-Западнаго края появился въ толпѣ и его стали усаживать въ карету—толпа народа и даже извощики, повскакавшіе на свои дрожки, привѣтствовали его громкими восклицаніями.

Въ домѣ Муравьевыхъ на Сергіевской улицѣ ожидали его съ хлѣбомъ-солью графиня А. Д. Блудова и многія дамы и лица высшаго круга [1]). Михаилъ Николаевичъ былъ совершенно разстроганъ этою встрѣчею; здоровье его было до того потрясено, что первые дни онъ не только не выѣзжалъ; но не могъ заниматься дѣлами. Многія лица позволили себѣ въ его пользу маленькія демонстраціи, такъ, напримѣръ, въ одно утро его посѣтили 7 сенаторовъ; офицеры Финляндскаго полка, столько отличавшіеся въ виленскомъ округѣ, также явились всѣ вмѣстѣ.

Московское купечество, узнавъ о прибытіи генерала Муравьева въ Петербургъ, отправило къ нему депутацію изъ почетнѣйшихъ представителей этого сословія. Утренніе пріемы были крайне замѣчательны: кого тутъ не было? разные генералы, помѣщики, купцы, лица, желающія поступить на службу въ Сѣверо-Западный край, разныя дамы-просительницы; (многія, кажется, прихо-

---

[1]) Встрѣча М. Н. Муравьева довольно вѣрно описана въ извѣстной статьѣ: «La Russie après l'insurrection Polonaise» par Charles de Mazade, напечатанной въ 1-й книжкѣ «Revue des deux mondes» за 1866 г. и надѣлавшей столько шуму въ Петербургѣ. Гр. Муравьевъ читалъ эту статью съ живымъ интересомъ. Авт.

дили изъ любопытства посмотрѣть на Муравьева и чтобъ разсказать о своемъ съ нимъ свиданіи). До представленія Государю, онъ старался отклонять посѣтителей, но впослѣдствіи посѣщенія эти еще усилились; у дома Муравьевыхъ былъ постоянный съѣздъ.

Не ранѣе какъ черезъ недѣлю по прибытіи въ Петербургъ, начальникъ Сѣверо-Западнаго края представился Государю. Его Величество ласково его принялъ и просилъ продолжать управленіе краемъ сколько хватитъ силъ; Государь поручилъ ему представить свои соображенія въ самомъ скоромъ времени, такъ какъ Его Величество предполагалъ въ концѣ мая ѣхать вмѣстѣ съ Императрицей за границу на все лѣто. Государыня приняла Михаила Николаевича въ тотъ же день.

Когда мы ѣхали въ Петербургъ, было почти рѣшено, что Михаилъ Николаевичъ уже не возвратится въ Вильну; неожиданный оборотъ дѣлъ крайне всѣхъ насъ удивилъ. Вслѣдъ за пріемомъ Государя, Михаила Николаевича посѣтили: министръ иностранныхъ дѣлъ князь Горчаковъ, военный министръ, министръ юстиціи, и иные.

Между тѣмъ канцелярія наша помѣстилась гдѣ-то въ третьемъ этажѣ по черной лѣстницѣ. Занятія шли безпрерывно. Въ Вильнѣ ничего не смѣли сдѣлать сами и обо всякихъ пустякахъ спрашивали начальника края. Сюда присылались всѣ дѣла общей канцеляріи, политическаго отдѣленія, всѣ донесенія ген. Крыжановскаго и, по подписаніи, бумаги должны были немедленно возвращаться. Одна разборка и отправка почты составляла египетскую работу. Кромѣ того Михаилъ Николаевичъ никогда не былъ доволенъ редакціею бумагъ Туманова и передѣлывалъ иныя раза по три, по четыре; при всемъ томъ текущія дѣла, телеграммы, спѣшныя разрѣшенія и приказанія въ Вильну, разныя дѣла, отложенныя до Петербурга,—это была сфера М. Н. Муравьева.

Черезъ нѣсколько дней прибылъ изъ Вильны управлявшій коммисіей по крестьянскимъ дѣламъ, Левшинъ, и тоже помѣстился въ нашей маленькой канцеляріи. Тогда начали обращаться къ нему неотступно разные господа, желавшіе поступить на службу по крестьянскому дѣлу въ Сѣверо-Западномъ краѣ— никто не хотѣлъ должности менѣе посредника, или члена повѣрочной коммисіи (жалованья отъ 2,000 до 3,500 руб.!), но многіе затѣмъ примирялись и съ мѣстомъ становаго. „Отчего, ду-

мали, не запросить побольше; хоть что нибудь дадутъ". Но, признаюсь, такія появлялись личности, что мы часто не могли удерживаться отъ смѣха въ ихъ присутствіи. Одинъ какой-то помѣщикъ такъ настойчиво требовалъ должности посредника, что сталъ кричать и чуть не ругаться; одинъ какой-то почтенный гвардейскій капитанъ, прослужившій всю жизнь въ образцовомъ полку, тоже изъявилъ желаніе ѣхать въ Польшу [1]) на должность въ повѣрочную коммисію. Когда же его спросили весьма деликатно занимался-ли онъ крестьянскимъ дѣломъ и знакомъ-ли съ положеніемъ 19-го февраля,—то онъ чрезвычайно замялся и отвѣчалъ, что слышалъ о немъ что-то,—и этотъ-то воинъ тоже хотѣлъ быть членомъ повѣрочной коммисіи, не имѣя даже понятія о томъ, что̀ предстоитъ имъ повѣрять.

Начальникъ края приступилъ тѣмъ временемъ къ составленію замѣчательной записки о нѣкоторыхъ вопросахъ по устройству Сѣверо-Западнаго края. Онъ пригласилъ для этой цѣли вице-директора хозяйственнаго департамента министерства государственныхъ имуществъ, Вешнякова (прежняго своего подчиненнаго), и диктовалъ ему ежедневно въ теченіе почти всего утра. Записка была окончена дней въ 10 и представлена Государю 15-го мая 1864 г. Государь, прочитавъ ее, приказалъ въ кратчайшій срокъ разсмотрѣть въ комитетѣ министровъ, въ присутствіи генерала Муравьева.

Разсмотрѣнію этой записки посвящены были два, или три засѣданія; тутъ, казалось, рѣшались судьбы Сѣверо-Западнаго края. Записка обнимала всѣ главнѣйшіе вопросы, какъ-то: крестьянское дѣло, учебную реформу, закрытіе католическихъ монастырей, обезпеченіе быта православнаго духовенства и постройку церквей, устройство русской администраціи, воспрещеніе въ дѣлахъ польскаго языка, высылку изъ края политическихъ преступниковъ; но въ главѣ всего этого стоялъ одинъ вопросъ,повидимому не требующій разрѣшенія, но на которомъ генералъ Муравьевъ особенно настаивалъ—это необходимость признанія Сѣверо-Западнаго края разъ навсегда русскимъ и веденія въ немъ дѣла на будущее время въ этомъ смыслѣ. По этому, какъ и по

[1]) Мы чрезвычайно обижались когда кто нибудь изъ русскихъ и просителей по невѣжеству называлъ Сѣверо-Западныя губерніи Польшею и дѣлали видъ, что не понимаемъ просителя и отвѣчали, что генералъ Муравьевъ управляетъ лишь въ Сѣверо-Западныхъ губерніяхъ Россіи. Авт.

многимъ другимъ вопросамъ, послѣдовало утвержденіе; по нѣкоторымъ было поручено разнымъ министрамъ войти въ ближайшія соглашенія съ генералъ-губернаторомъ и лишь по одному возникло разногласіе. Генералъ Муравьевъ представилъ о вредномъ преобладаніи польскихъ уроженцевъ во многихъ учебныхъ заведеніяхъ и университетахъ и полагалъ необходимымъ ограничить число польскихъ уроженцевъ въ этихъ заведеніяхъ до 10% всего числа учащихся и свыше того не принимать. Предположеніе это было вызвано тѣмъ, что польскіе уроженцы составляли совершенно замкнутые кружки въ университетахъ и часто завлекали въ нихъ и русскихъ. Тогдашній министръ народнаго просвѣщенія возсталъ противъ этого и съ нимъ было большинство комитета; мнѣніе меньшинства (предсѣдателя и трехъ членовъ, въ числѣ коихъ былъ и М. Н. Муравьевъ) хотя и было утверждено, но мѣра эта признана лишь временною. Въ концѣ записки генералъ-губернаторъ просилъ, чтобы министры и главноуправляющіе сообщали на предварительное заключеніе начальника края всѣ предположенія касательно края—на это послѣдовало заключеніе комитета такого рода, что это по возможности уже исполняется.

Достигнувъ такимъ образомъ утвержденія многихъ мѣръ, предварительно уже имъ принятыхъ, и вообще одобренія общаго направленія дѣлъ въ краѣ, генералъ Муравьевъ возвращался въ Вильну съ бо̀льшею еще властію и ему предстояло привести въ исполненіе, такъ сказать, внести въ жизнь края, всѣ высшія рѣшенія, которыя ему удалось испросить у правительства.

Когда въ Вильнѣ узнали, что Михаилъ Николаевичъ возвращается, радость всѣхъ русскихъ была общая; особенно торжествовалъ виленскій губернаторъ Панютинъ, предсказывавшій всѣмъ намъ, что мы непремѣнно вернемся, не смотря на наши положительныя увѣренія въ противномъ. Семейство же генералъ-губернатора было почему-то очень недовольно и съ трудомъ примирилось съ мыслью о необходимости возвратиться въ Вильну.

До отъѣзда въ Вильну начальникъ края былъ еще разъ съ докладомъ у Государя, испросилъ приказанія по случаю предстоявшаго слѣдованія чрезъ край Императорской фамиліи, а также нѣкоторымъ лицамъ награды. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выхлопоталъ себѣ чрезвычайно важное право имѣть помощника по граждан-

свой части, такъ какъ ближайшее завѣдываніе семью губерніями было сопряжено со множествомъ второстепенныхъ дѣлъ, мѣшавшихъ генералъ-губернатору устремить все свое вниманіе на устройство края въ политическомъ отношеніи. Кромѣ того имѣлось въ виду, что преемникъ его долженъ быть человѣкъ, не только знакомый съ гражданскимъ управленіемъ и съ краемъ, но хорошо понявшій и направленіе, необходимое для управленія въ Западныхъ нашихъ областяхъ. Выборъ палъ на управлявшаго III отдѣленіемъ и начальника штаба корпуса жандармовъ, генерала Александра Львовича Потапова.

Новаго дѣятеля въ Сѣверо-Западной Россіи въ нѣкоторомъ отношеніи характеризуютъ собственныя слова, сказанныя генераломъ Потаповымъ преосвященному Александру въ Вильнѣ, въ первый же день по прибытіи на генералъ-губернаторство, когда преосвящ. просилъ Александра Львовича вѣрить искренности и доброжелательности русскихъ людей, служащихъ въ краѣ и заранѣе имъ осужденныхъ на высылку:

— „Никогда, никому, ни въ чемъ въ жизни моей я не вѣрилъ, и никогда не имѣлъ, ваше преосвященство, повода въ томъ раскаиваться"...

. . . .

Назначеніе генерала Потапова было отложено до возвращенія Государя изъ-за границы, такъ какъ шефъ жандармовъ сопровождалъ туда Его Величество, а генералъ Потаповъ долженъ былъ управлять на это время III Отдѣленіемъ.

За два дня до возвращенія въ Вильну, начальникъ края, графъ М. Н. Муравьевъ, ѣздилъ въ Царское Село откланяться.

Отъѣздъ нашъ назначенъ былъ 24-го мая 1864 г. и мы прибыли въ Вильну 25-го утромъ —пробывъ въ Петербургѣ ровно мѣсяцъ.

Съ возвращеніемъ генералъ-губернатора начинается новый рядъ правительственной дѣятельности въ краѣ, гражданское и политическое его устройство и развитіе русскихъ началъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, что продолжалось до вторичной его поѣздки чрезъ годъ въ Петербургъ и послѣдовавшаго затѣмъ увольненія генерала Муравьева.

Описанію этого года я посвящаю вторую часть моихъ „Виленскихъ очерковъ".

конецъ первой части „виленскихъ очерковъ".

ПЕРВАЯ ПАРОВАЯ МАШИНА ВЪ ЕВРОПѢ

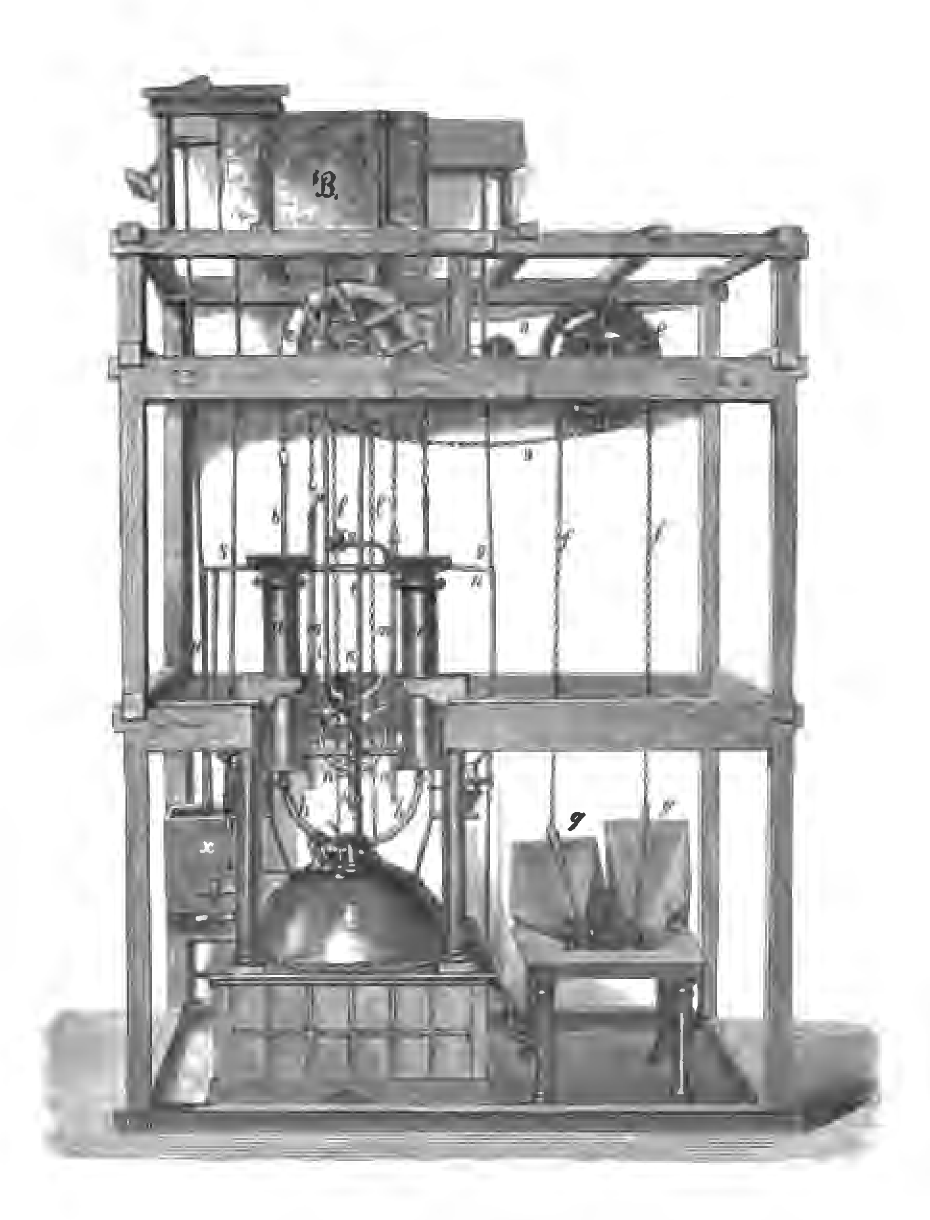
1763 г.

Обозначенія ея частей на прилагаемомъ чертежѣ.

aa — паровые цилиндры.
bb — ихъ поршневые стержни, соединенные съ цѣпью, перекинутою
c — барабанъ, который, помощью
d — безконечной цѣпи, соединяется съ
e — двойнымъ барабаномъ. Черезъ этотъ барабанъ перекинута
ff — цѣпь, которой концы соединены съ крышками
gg — мѣховъ.
A — мѣдный паровой котелъ (кубъ), сообщающійся съ паровыми цили (по очереди) помощью
hh — трубъ и съ
B — резервуаромъ для воды помощью
pi — трубы.
kk — кранъ, служащій для попремѣннаго сообщенія паровыхъ цили то съ паровымъ котломъ, то съ резервуаромъ *B*. Кранъ этотъ рачивается помощью
nn — зубчатыхъ (неполныхъ) колесъ, приводимыхъ въ качательное дѣ отъ барабана *c* при помощи цѣпей *ll* съ противувѣсами на ющими (*mm*). Отъ трубы (*pi*) идетъ колѣно съ краномъ (о мощью котораго впускается вода на поверхность поршней па цилиндровъ. Излишняя вода стекаетъ по
uu — трубамъ въ
x — сосуды, откуда по
s — трубамъ подается въ резервуаръ *B*.
t — труба, проводящая воду прямо въ котелъ *A*.

Примѣчаніе. Это объясненіе чертежа «огненной» или паровой м Ив. Ив. Ползунова составлено уже въ наше время. Полное описан самимъ написанное, мы сообщаемъ вслѣдъ за симъ буквально, гл

образомъ для техниковъ изъ среды нашихъ многочисленныхъ читателей. Къ сожалѣнію, всѣ значки и буквы, поставленные Ползуновымъ по отношенію къ его чертежу, не сохранились на семъ послѣднемъ или не сообщены на фотографіи съ чертежа, намъ доставленной. Поэтому мы и вынуждены были вытребовать вышеприведенное, уже нынѣ составленное, обозначеніе частей машины Ползунова. Ред.



ПЕРВАЯ ПАРОВАЯ МАШИНА ВЪ ЕВРОПѢ

ИЗОБРѢЛЪ ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ПОЛЗУНОВЪ

ВЪ 1763 Г.

ПЕРВАЯ ПАРОВАЯ МАШИНА ВЪ ЕВРОПѢ

въ описаніи ея изобрѣтателя Ив. Ив. Ползунова

1763 г.[1]).

О членахъ машины.

Заглавные въ машинѣ члены слѣдственно предпочесть: воздухъ, воду и пары, которые въ безпрерывномъ дѣйствіи машину содержать повинны, и для того къ порядочному союзу оныхъ вопервыхъ о качествѣ и силѣ каждаго особо, сколько по нынѣ извѣстно предложить я долженъ.

1-е. Объ воздухѣ. Изъ механики извѣстно, что воздухъ тѣмъ же законамъ, какъ и всѣ жидкія тѣла, отъ высоты тяжести подверженъ, о чемъ свидѣтельствуютъ барометры, такъ что воздушный столбъ атмосферы, которою мы одѣты, равною тяжестью землю давитъ, какъ бы вмѣсто того возвышенія въ 33 фута (то есть на 408 дюймовъ) вода или разлитая по поверхности земной на 30 дюймовъ ртуть давить могла. Но матеріи, которыя по качествамъ тѣлъ хотя различны, но отъ належащей въ количествахъ высоты въ тягости равны, изъ чего по исчисленію коихъ высотамъ въ тяготы вода къ воздуху состоитъ въ такой пропорціи какъ одинъ къ 888½, а ртуть къ водѣ какъ 14 къ одному. И по дѣйствительнымъ опытамъ кубичный футъ здѣшней воды тянетъ 1 пудъ 27⅗ фунта, а воздухъ около семи съ четвертью золотниковъ. И тако исчисляя отъ вышины на 408 дюймовъ воданаго столба, равнаго въ тягости атмосферѣ, придетъ на 1 квадратный дюймъ тягости воздуха, что лежать будетъ въ машинѣ на эмволе 15¾ фунта, а что на всей его поверхности, о томъ (въ 12 §) показано. Сверхъ же сего имѣетъ еще онъ растягательную силу, которая въ немъ оказывается тогда, когда будучи нагрѣтъ и принять въ себя теплоту знатнымъ числомъ по градусу оной, рѣдѣетъ, и растирается, съ тѣмъ купно растетъ его упругость. Заимствуетъ по вмѣщенію себя количества болѣе, такъ что усиливается глухіе крѣпкіе сосуды рвать, а метальные растягивать; напротивъ же того,

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1883 г., томъ XL, ноябрь, стр. 407—414.

отъ недостатка теплоты теряя свое напряженіе, лишается силы, самъ въ себя вмѣщаясь станетъ прежняго гуще, оставляя свое мѣсто и занимствуетъ количество меньшее.

2-е. О водѣ. О свойствѣ же и силѣ оной можно начало принять отъ физики, которая тончайшими и точными разсужденіями составы тѣлъ по ихъ родамъ разбираетъ, по связаніи частей доказываетъ, а потомъ и очевидные эксперименты утверждаетъ, такъ что не оставляетъ больше мѣста ни единому сомнѣнію. Она опредѣляетъ въ жидкихъ тѣлахъ, между коими и въ водѣ множество ванўръ, полостей и гдѣ собственной матеріи нѣтъ, тамъ разсыпаетъ натура по ней воздухъ, которыхъ для мелкости, кромѣ экспериментовъ, бываетъ не видно, и что также для совмѣстныхъ воздушныхъ въ ней частицъ, равно какъ и самый воздухъ отъ теплоты растягивается, а отъ стужи сжавшися меньше становится, о чемъ изъ спиритовъ (т. е. спирта) сдѣланные термометры сама о себѣ доказываетъ довольно. А при томъ когда будучи въ глухой металловой сосудъ заключена и до градуса кипящей воды приведена, тогда ослабѣя отъ жару разсыпанный по себѣ воздухъ изъ смѣшенію свобождаетъ, отъ чего онъ ужасныя пріемля въ напряженіяхъ силы, такъ что вскорѣ рвать и растягивать понуждаетъ металлы.

3-е. О парахъ. Что касается до свойства паровъ, изъ воды восстающихъ, оные состоятъ изъ пузырьковъ весьма мелкихъ и коло исходящей воздушной теплоты прильнувъ растянуты бываютъ утлою скорлупою, которая ихъ съ собою ради полости до ровнаго съ воздухомъ въ тягости градуса вверхъ уносятъ и тамъ содержать доколѣ онъ не обрѣдѣетъ дозволяетъ, (подобно, какъ тощій металловый шаръ изъ воды сплываетъ), о которыхъ въ темной каморкѣ сквозь маленькую дирку на пропущенномъ солнечномъ лучѣ по свѣтлой дорожкѣ (когда подъ ней вода кипитъ) чрезъ микроскопъ всякъ себѣ въ доказательство представить можетъ. О паденіи же паровъ сверху, когда лишаетъ ихъ мѣста и своего равновѣсія воздухъ (чему по тягости законовъ и быть должно), о томъ физическими эксперименты очевидно доказано, ибо отъ ожженной водки исходя разсыпанные подъ закрытымъ сосудомъ по воздуху пары бываютъ всегда (?), а когда чрезъ воздушный насосъ воздухъ рѣже и пропорціонально сдѣлается легче, обложится туманомъ и ходячи въ кругъ косами потерявъ равновѣсіе внизъ опустится, такъ что верхняя часть накрытаго сосуда чиста будетъ. Но какъ скоро потомъ совнѣшняя сдѣлается, равенъ туманъ тотчасъ исчезаетъ, а ежели снова убвится воздухъ, то равно какъ и прежде туманъ возвратится и опять пропадаетъ, коль скоро внѣшній пустится, при семъ же напомянуть должно и то, что кипящая вода всегда опредѣленную степень теплоты на себѣ хранить, выше котораго она уже имѣть не можетъ (о чемъ свидѣтельствуютъ термометры).

О теплотѣ. Физики по нынѣ еще не согласны (либо по крайней мѣрѣ

до насъ не дошло): нѣкоторые ищутъ въ ней весьма скоро движ
теріи, многимъ воздуха тонѣе, въ движеніи которой теплота сост
читаютъ за стихію, да и опытами утверждаютъ такъ, что она к
силу и въ безвоздушномъ мѣстѣ проходя поры тѣлъ не токмо ж
воздухъ, воду и самую ртуть, но и твердые, какъ металлы, ра
Оной же и есть нѣкоторое количество по тѣламъ разсыпано сокр
и движеніемъ въ нихъ возбуждается, а даетъ начало отъ того,
о другое дерево трутъ, производитъ пламень или особливымъ
наискось желѣзо куютъ докрасна разгораетъ. При томъ же въ р
одномъ воздухѣ лежащихъ тѣлахъ неровная степень теплоты бу
туры даже примѣчается, что хотя не такъ знатно, однако по тер
въ которыхъ бываетъ воздухъ, чрезъ ртуть замѣченъ оказывает
тельно; напротивъ же того другіе многими изъ самаго искуства
доводы опровергаютъ и мѣсто, имѣющее въ натурѣ, быть ей не оп
Они начало теплоты полагаютъ отъ трѣнія и отъ коловратнаго
нечувствительныхъ частицъ, самыя тѣла составляющихъ, которы
ленію и по согласію знатнѣйшихъ химиковъ, состоятъ изъ перво
матерій, дѣйствующихъ и страждущихъ: или главныхъ и служебн
оные и присутствію трехъ родовъ эфирной матеріи, дѣйствующей
теченія солнца и такъ далѣе. Сверхъ же сего первые утвер
одного тѣла въ другое матеріею проходною, когда изъ теплаго
равновѣсіе выходитъ въ холодное и согрѣвая оное, а сама простые
наго теплоты градуса: другіе же напротивъ доказываютъ, что
растворъ и кипѣнія не содержа теплоты равновѣсія согрѣваютъ
прохлажденія вещей близь ихъ лежащихъ и съ которой стороны
достовѣрно и сему дѣлу ожидать тѣхъ поръ, какъ скроется правд
но пусть останутся для тѣхъ, чья есть въ томъ должность, а
того довольно, чтобъ принятые въ машину члены побужденіе
требуемую тягость носили и полезной и желаніемъ успѣхъ им
порядку слѣдуетъ описать ея составъ, купно и движеніе.

О составахъ. 1-е) Сдѣлать изъ мѣди цилиндры отливные
подъ литерою *A*, другой *B*, длиной каждый по 9 футъ, и во в
собою сходны, въ тѣлѣ толщиною полдюйма. Внутренній діаметр
9 дюймовъ и должны быть весьма ровны; внутри же какъ сте
ваны гладко, по концамъ и срединѣ ихъ вокругъ по одному шир
толщиною въ полдюйма подъ знакомъ + рантъ изъ коихъ
винтами прикрѣпятся кованыя изъ мѣди бочки (2), которыя с
удержанія стоящей воды надъ эмволе (9) и когда который съ в
снизу цилиндровъ подымется къ верху, то свобождая воду эмвол
тягости сбирается и вмѣщается въ бочку (какъ представлено на ци
а ежели на низъ пойдетъ, то и вода паки по прежнему изъ боч

умножая ему тягость за нимъ пуститься (какъ значитъ во второмъ цилиндрѣ *B*), съ чего число той воды такъ и пропорціональная отъ нея на эмволѣ тягость хранится одинако, и при всякомъ отъ перваго движенія, если хотя мало вольется отъ натекающей сверху чрезъ ключъ (*θ*) пропущенною трубкою (3) воды излишно откуда она паки изъ первой бочки, имѣющей паденіе трубкою (4), всегда въ другой цилиндръ истекаетъ (⊕), изъ коего потомъ также при подниманіи втораго эмвола въ прежнее мѣсто вступить для наклоненія трубки (4) не можетъ, ибо конецъ при первой бочкѣ выше горизонта бочки втораго цилиндра, отчего она будетъ должна трубкою (5) спускаться въ запасный бассейнъ (6).

2-е) Бочки на цилиндрахъ къ удержанію воды вышиною въ 1½, въ діаметрѣ 2½ фута, изъ битой мѣди толщиною противъ восьмины дюйма.

3-е) Внизу у каждаго цилиндра по два крана (7), выше дна на три дюйма, изъ коихъ по одному глухихъ (3) быть должно съ мѣдными станками и свинцовыми фентелми, привѣшенными на пружинахъ для диренціи воздуха (⏀), которые (изъ лишней въ цилиндръ приходя съ холодною водою) свобождается воздухъ, а другіе два (7) соединены съ трубками отъ водянаго плеча (8) и на концахъ ихъ весьма маленькія отверстія (*V*), в которымъ холодная вода попеременная при каждомъ подъемѣ эмвола (9) почёмъ (*D*) попрямая въ цилиндръ проходитъ и въ отверстіяхъ (*V*) фанталомъ (♂) бьетъ, съ которой купно и воздухъ въ парахъ ея натурою заключенной излишнимъ остается, гдѣ отъ удару о эмволъ будучи раздроблены мелко пары прохолодитъ и упругость воздуха ея эмволъ подниматся сперва сгустить и опорознить мѣсто посяданію эмвола, тогда внѣшнею тягостью онаго эмволъ долженъ опуститься будетъ внизъ, а въ самое то время, когда въ первый цилиндръ при поворотѣ плеча (*D*) отверстію (*V*) бросится вода комуникаціальная въ цилиндрѣ, труба бываетъ регуляторомъ заперта (4), а въ другомъ цилиндрѣ комуникаціонная (♀) съ парами отворена, чѣмъ и воздухъ разширяя даетъ ему упругость (гдѣ водяная будучи стоитъ тогда заперта) и эмволъ погонитъ къ верху; а какъ до настоящей вышины второй дойдетъ, то первый отъ фантала осядетъ, тогда разомъ паки колесомъ (47) плечу (*D*) и регуляторъ (50) переворотятъ и комуникаціонную перваго отворятъ и фанталъ въ немъ запретъ (чѣмъ какъ и прежде эмволъ къ верху погонитъ); а у другаго въ самое то время и въ одинъ разъ комуникаціальную паровъ запретъ, а фантальную отворитъ и воду подъ него пуститъ, отъ чего второй осядетъ, а первый подниматься долженъ и такъ они безпрерывное движеніе имѣть будутъ повинны.

4-е) И нижнему ранту (4) прикрѣпится винтами вмѣсто дна со своими трубками мѣдные круги (*C*), въ діаметрѣ равные цилиндрамъ и съ рантами толщиною въ полдюйма (что должно съ ними обшевелить или припаять кадкому) по двѣ трубки, изъ коихъ первая комуникаціальная паровъ изъ котла

возстающихъ (10) длиною одного фута, чтобы вдалась выше круга въ цилиндръ на три или на четыре дюйма, а на концахъ загнуты ранты, дабы, стоящая на днѣ вода (≈) его чрезъ рантіи въ котелъ не входила; внутренній же діаметръ 1¼ или въ два дюйма, другіе такою же длиною на концѣ ея со дномъ вровень (11) связаны въ нижнемъ концѣ съ трубами по рантамъ винтами (*E*) съ глухимъ колѣномъ (12) длиною одного фута, на концѣ коего мѣдный кованый стаканъ со свинцовымъ фентелемъ (4), привѣшенномъ на пружинѣ; отверстіе колѣна въ цилиндръ въ діаметрѣ 1½ дюйма, по оной должно быть примкнуто правое выливное равнаго съ нею діаметра колѣно (13); на концѣ также свинцовые на пружинѣ фентели (⫟) и оному всегда состоять подъ водою въ теплой цистернѣ (14) должно, по которому вода (≈) что сбирается внутри отъ фантики (*V*) и стоять на днѣ цилиндра, въ то время какъ эмволъ упругостію воздуха гонитъ къ верху, а оную внизъ, отворяя фентель (⫟) въ цистерну (14), всегда посылаетъ, а какъ эмволъ идетъ къ низу, то она въ колѣнѣ (13) пребываетъ неподвижно стаканъ же мѣдный (*L*) съ глухимъ колѣномъ (12) для того потребенъ, когда остановленную машину сперва въ дѣйствіе пустить, то какъ глухое (12), такъ и выливное (13) чрезъ оной трубкою (15) и ключемъ (⫟), слѣдственно водою наполнять, а тѣ трубки (15), утвержденныя въ бочкѣ (2), отъ движенія эмволовъ всегда снабжены водою и заперты ключемъ (⫟) бываютъ.

5-е) Чтоже подлежитъ до котла (*F*), откуда начало и побужденіе дѣйствію всей машины состоитъ, то онъ долженъ быть изъ кованой мѣди, такъ чтобы имѣлъ силу противъ всегдашняго огня не менѣе и отъ напряженія внутрь его паровъ (*M*) состоять, которые должно въ немъ такъ заключать, дабы они въ неопредѣленныя мѣста отнюдь выходу не имѣли, для чего и подлежало ему быть всему изъ одинакой мѣди, но и сполна же за величиною его, а паче за невѣжествомъ искуства мастеровъ, сдѣлать и къ заклепанныхъ (не только запаянныхъ припоемъ плотно) мѣдныхъ листовъ можно величиною же оной въ діаметрѣ по горизонту межъ литерами (*MN*) въ 5 уступы (*MO*), коими висѣть будетъ на печи съ половину отъ горизонта до дна въ полтора, а отъ горизонта до своду, гдѣ примкнется регуляторъ паровъ, въ два съ половиною, діаметръ же дна въ три съ половиною футовъ; въ немъ кубичное содержаніе водъ около восемнадцати, а паровъ тридцать четыре фута; на верхнемъ онаго сводѣ оралъ (16) по длинѣ въ 18 шириною въ 12 дюймовъ обложить къ котлу съ припоемъ гладкимъ мѣднымъ кольцомъ, сквозь которой для починки и поправленія въ котелъ проходить бы человѣку было можно, на что также накрывать мѣдною доскою къ кольцу пришлифованную и прикрѣплять винтами, въ которой придѣлать двѣ пробныя трубки (17) съ ключами (⫟), самыя тонкія и одна другой опущены въ котелъ ниже на три дюйма, такъ что одна сколько до горизонта воды не дойдетъ, а другая концемъ столько ниже горизонта въ воду опустится и въ то

время какъ вода кипитъ чрезъ оные можно знать, сколь высоко ея въ котлѣ стоитъ, потому когда ключь у нихъ (♆) отворить, то изъ первой, которая не достала воды горизонта, пойдетъ паръ, а съ другой, что ниже онаго, потечетъ вода. Но когда же въ котлѣ вода убудетъ, ниже обѣихъ трубокъ станетъ, въ такомъ случаѣ изъ обѣихъ окажется паръ. Напротивъ же того, когда выше прежняго станетъ и до обоихъ оныхъ концовъ коснется, то изъ обоихъ потечетъ вода и потому всегда опредѣленную мѣру въ котлѣ воды содержать можно, недостатокъ же воды, что тратится изъ котла и выходитъ въ цилиндръ парами, снабдитъ питательная трубка (18) отъ ключа (±/6), изъ которой по малой препорціи пустить должно безпрерывно воды столько, сколько въ котлѣ требуетъ убыль, и питательная трубка (18) должна быть не малой вышины, дабы тягостью воды, которая въ ней противъ упругости въ котлѣ стоящихъ паровъ противиться могла. Сверхъ же того въ водѣ котла должно быть еще двумъ трубкамъ и одной паровой (19) и при ней на блочкахъ свинцовый фентелъ (*V*), а другой фентелной съ фентелемъ же (⚲), изъ коихъ первая проведется чрезъ печь и какъ мѣсто дастъ, а другая короткая припаянная къ своду, а обѣ служать для паровъ, по первой изъ нихъ, какъ машина стоитъ, выгоняетъ пары и прохлаждаетъ котелъ; а другая, если при дѣйствіи машины усилятся надъ мѣру веліи пары и чтобъ не сорвало свода, опирается фентелъ (⚲) самъ, на днѣ же котла трубка (21) съ ключемъ (△), по которой выпущается вода вонъ, если сдѣлается зачѣмъ либо ненадобна, въ нижній бассейнъ (22); а какъ снова въ котелъ налить потребно, тогда изъ запаснаго бассейна (6) по трубкѣ (23) ключемъ (*K*) наполнится.

6-е) Запасный деревянный бассейнъ (6) на печномъ сводѣ всегда съ водою быть долженъ, а дно онаго нѣсколько выше горизонта воды, въ котлѣ стоящей, внутри высмоленъ такъ крѣпко, дабы во все то время, доколѣ стоять долженъ, течи не имѣлъ. Въ него воды кубичныхъ футъ вмѣщалось бы столько, сколько требуетъ въ себя, во первыхъ, когда будучи пустъ мѣдный котелъ, чтобъ изъ него наполнить, также когда ручнымъ насосомъ (24) чрезъ очепъ или висячимъ шатуномъ (25), чѣмъ вода вверхъ третьяго этажа въ насосный ящикъ (26) поднята будетъ, а оттуда по желобу (27) въ водяной верхней бассейнъ (28) пустится и оной наполняетъ, а потомъ также изъ него по водяной трубѣ (29) истекая внизъ, по всѣмъ прочимъ разливается и наполняетъ въ мѣста (*Ж*) цилиндръ надъ эмволами (9) и отъ туда чрезъ бочки (2) по трубамъ (15) и до стакановъ (*L*), что при глухомъ колѣнѣ (12) доходитъ; изъ коего потомъ какъ глухое, такъ и выливное (13) даже до самой нижней цистерны (14) того водою питаетъ. И когда всѣ оныя трубы и ящики изъ него водою сколько куда будетъ потребно наполнятся и тѣмъ къ началу движенія сдѣлаются готовы, тогда въ запасномъ бассейнѣ (6) сверхъ всего для незапнаго случая должны оставить воды вышиною хотя еще на футъ.

7-е) Съ движеніемъ эмволовъ (9) и колеса (*MN*) для поворота вне-

редъ и обратно цѣпями (30) съ ними соединены, которые и въ поворотѣ купно имъ послѣдуютъ и тѣмъ желаемый подъемъ мѣхамъ (31) исправляютъ; а нанизъ для прогнанія изъ себя соплами воздуха сами наложенными на верхъ ихъ подвижными тяжестями осядать и одинъ за другимъ какъ эмволъ рядомъ ходить долженъ, которыхъ подъемъ и изъ нихъ сильное о наложенныя тягости воздуха прогнаніе съ пропорціею діаметровъ колесъ и съ высотою эмволныхъ (9) подъемовъ такожъ и обоихъ сихъ различные къ подъемахъ термины должны расположены быть исправною механикою. Такъ чтобы не обременяя толщиною колесъ и валовъ машину, ибо исчисляя тягость мѣховъ съ силою эмволовъ и уравнивая то, сводитъ термины ихъ въ согласіе разстояніемъ (то есть величиною окруженіевъ колесъ, гдѣ какъ требовать будетъ) должно о семъ ниже въ (§ 12) показано.

8-е) На валу позади колеса (*M*) на цѣпяхъ расположатся, первое, проушныя брусья (41—42), которыми для регулятора и водянаго плеча, зубатое колесо (47) будетъ имѣть поворотъ. Второе, на томъ же валу на цѣпяхъ за ними далѣе, ежели мѣсто дастъ, или привязавъ къ нему цѣпями (33) на откосѣ, около другаго вала (34), на цѣпяхъ же (35), внизъ отпущенныхъ въ колодезь (36), желѣзныя или деревянныя двое рамы (37), укрѣпя въ нихъ снизу вверхъ въ деревянный ящикъ (38) приводитъ, а оттуда желобомъ (39) въ верхній водяной бассейнъ (28) непрестанно наполнятъ, изъ коего излишняго мѣдною трубою (40) въ запасный бассейнъ (6) уходить и полонъ водою всегда содержать, а изъ него также излишняго трубкою (20) въ бассейнъ же перваго этажа (22) и стекая оную должно по желобамъ въ прежнее свое мѣсто, гдѣ имѣлась сначала (то есть въ колодезь 36) вступить и потомъ насосами паки вверхъ подниматься и тѣмъ во время всегдашняго дѣйствія непремѣнную циркуляцію содержать.

9-е) Для же перемѣны повороту въ машинѣ водянаго ключа и пароваго регулятора на валу колеса (*M*), какъ показано выше, имѣютъ быть учреждены на цѣпяхъ два бруса (41 и 42), и по длинѣ оныхъ сдѣлать проухи, подобно какъ и рамы (37), однимъ за другимъ подниматься и опущаться должны; а посреди ихъ въ проухахъ укрепить винтами деревянные подвижные въ каждомъ по одной ладони (43) и сзади тѣхъ для привертыванія оныхъ по проуху и брусьямъ, также и для пропорціональной передвижки когда надо спустить ниже или поднять выше деревянные съ гайкою на концахъ винты (44), дабы можно было ладони по проухамъ брусьевъ вверхъ и внизъ, какъ пропорцію движенія запроситъ, съ однаго на другое мѣсто переводить.

10-е) И когда брусья съ ладонями движеніе отъ поворотовъ вала примутъ и одинъ за другимъ рядомъ пойдутъ, тогда на долгомъ желѣзномъ веретнѣ фигура (11), что середнѣ круга представлено въ круглой точкѣ (●), надѣтую съ полукружкомъ вилку (45), на концѣ имѣющую походячую по ней на винту тажесть (46) ладонями (43) отъ одной стороны горизонтальной линіи (*QR*) по другую, а съ другой опять на первую переворачивать

будетъ и тѣмъ совершать называемое вилочное полукружіе (QSR), но при томъ веретну (●), на чемъ вилка (45) ходитъ, слѣдуетъ стоять въ горизонтѣ неподвижно, а къ нему позади вилки (45) укрѣпить зубатое колесо (47), имѣя только не многимъ больше четверти круга зубья и въ двухъ крестовинахъ онаго, длиною по полуфуту, примкнуть по гвоздю (TU), но когда валъ колеса (M) эмволомъ (9) идучи внизъ по цилиндру (B) къ своей сторонѣ поворотитъ, а въ противной тому проушный на цѣпи брусъ (42) съ ладонью къ верху поведетъ и полукружную ходячую около веретна вилку (45) до перпендикуляра точки (S) поднявъ съ ладони спуститъ, которая вошедъ изъ перпендикуляра ручкою (V) коснется по гвоздю (T), укрѣпленному въ крестовинѣ круга (47) и собственною тяжестью, что на концѣ межъ вилокъ (46) зубатое съ ручками колесо (47) и брусу (41) поворотитъ и гвоздь (T) на самый горизонтъ (QR) въ точку (W) поставить, причемъ и сама въ горизонтѣ же одержавшись станетъ, а другой крестовины гвоздь (U) и перпендикуляру (S) ближе и въ точку (Φ) приведетъ и колесо по тѣхъ поръ, также и въ крестовинѣ гвоздь (U), что вступитъ на мѣсто (Φ), стоять будетъ неподвижно, пока сорокъ перваго бруса ладонь (43) вилчатую ручку (45), принявъ съ горизонта (QR), обратно вверхъ и изъ перпендикуляра на другую сторону къ сорокъ второму брусу не склонитъ. А между тѣмъ какъ брусъ сорокъ первый вилчатую ручку (45) принявъ до перпендикуляра къ верху доводить будетъ, тогда сорокъ второй брусъ съ ладонью какъ былъ и прежде ниже горизонта станетъ, и вилчатая ручка (V) гвоздь на крестовинѣ (U), что былъ въ точкѣ (Φ), отъ (Φ до U) купно съ колесомъ (47) поворотитъ и сама къ ладонѣ сорокъ втораго бруса придетъ и гвоздь (T) отъ горизонта (W) въ прежнее мѣсто поставить, а потомъ также колесо какъ и прежде остановить, доколѣ сорокъ втораго бруса ладонь (43) снизу къ горизонту (RQ) и къ ручкѣ (45) не подойдетъ и тѣмъ обращая при каждомъ бруса подъемѣ взадъ и впередъ колесо съ остановкою, потому что вилчатая ручка (45) исправлять должна свое полное полукружіе, а колеса поворотъ одну четверть. Остановки же и повороты терминовъ сего колеса во всемъ движеніи машины содержатъ главную важность, потому что колесо чрезъ зубья соединено съ поворотомъ пароваго регулятора и воданаго ключа и если открытыхъ паровъ въ цилиндрахъ въ поворотѣ регулятора потерять терминъ и позадержать хотя секунду обыкновеннаго дольше, выбросить изъ нихъ эмволы къ верху, не менѣе же и отъ воданаго ключа въ движеніи потрутъ машину и потому же они опредѣляютъ подъемъ и опуски въ цилиндрахъ, эмволахъ, мѣхахъ и проушнымъ брусьямъ, такъ и насоснымъ рамамъ, коими прогоняетъ воду къ верху въ (38) ящикъ третьяго этажа.

11-е) Къ зубьямъ сего колеса (47) должна подведена быть отъ осей регулятора и воданаго ключа желѣзная и къ осямъ ихъ плотно прикрѣпленная ручка (48), имѣющая на концѣ съ цѣпками часть круга (49) въ радіусъ

отъ осей къ периферію его равна четверти зубатаго круга, въ движеніи же между собою совмѣстны (то есть ладъ въ ладъ) соединены и съ поворотомъ зубатаго быть въ движеніи и останавливаться вмѣстѣ и тѣмъ пары, изъ котла въ цилиндръ востающіе, по мѣрѣ пропущать и затворять, ея же однимъ поворотомъ и въ тоже самое время водянымъ ключемъ (*D*) чрезъ трубы (8) и прамы (7) въ цилиндры отверстіемъ (*V*) воду отворять и запирать, ибо когда эмволъ по цилиндру (*A*) стоитъ внизу, то ему и сорокъ второй брусъ въ томъ послѣдуетъ, а эмволъ цилиндра (*B*) съ брусомъ сорокъ первымъ тогда бываетъ поднятъ кверху и полукружная вилка (45) лежитъ по горизонту къ брусу сорокъ второму, тогда внизу горизонта зубья колеса (47) съ частью круга (49) будетъ передвинута къ сорокъ первому брусу и отъ перпендикуляра (*Z*) зубцы колеса желѣзную съ осью регулятора ручку (48) съ частью круга (49), идучи по его цевкамъ, поворотитъ къ сорокъ первому брусу, тогда регуляторъ цилиндра (*B*) запереть, а въ (*A*) пары отворить, въ немъ фанталу воды удержать, а въ (*B*) пропустить и колесо съ регуляторомъ безъ движенія оставить, отчего эмволъ (*A*) погонитъ парами кверху, а (*B*) тягостью атмосферы книзу погружать начнетъ, валъ колеса (*M*) съ собою поворотитъ и брусъ сорокъ первый книзу опуститъ, а сорокъ второй и съ нимъ на ладонѣ (43) вилку (45) поведетъ кверху и изъ перпендикуляра (*S*) къ сорокъ первому брусу опуститъ, тогда ручка зубатое колесо (47) книзу подъ горизонтомъ отъ перпендикуляра (*Z*) купно съ желѣзной ручкой (48) и частью круга (49) въ противное положеніе къ сорокъ второму брусу зубьями по цевкамъ переведетъ и регуляторъ цилиндра (*A*) запреть воду въ него пустить, а въ (*B*) пары отворять и воду запретъ, изъ чего сорокъ первый брусъ по прежнему кверху пойдетъ и тако сама себя безъ помощи рукъ въ движеніи содержать будетъ.

О вычитаніи силы. 12-е) О силѣ эмвола отъ тягости атмосферы, когда діаметръ его въ 9, арея или площадь заимствуетъ въ такомъ кругѣ квадратныхъ 63⁹/₁₄ дюймовъ, воздухъ же въ барометрахъ ртуть держитъ по обыкновенной его тягости отъ 292,030 дюймовъ, а ртуть водъ тяжелѣе въ 14 кратъ, въ такомъ случаѣ, положа на малую мѣру и умножа ртуть 29 чрезъ 14 кратъ, произведетъ 406 дюймовъ, что значитъ число воды вышиною, которую воздухъ вмѣсто ртути содержать повиненъ, кубичный же футъ имѣетъ 1728 дюймовъ, а воды тянетъ пудъ двадцать семь фунтовъ, изъ чего 406 такимъ дѣйствіемъ потянетъ вѣсу 15³/₄ фунта, почему и на каждомъ въ площади эмволнаго круга квадратномъ дюймѣ быть должно, а на всѣхъ 63⁹/₁₄ дюйма тягости атмосферы на эмволъ ляжетъ 25 пудъ 2¹/₄ фунта, что и дѣйствительно есть, но только въ такомъ случаѣ, когда бы подъ эмволомъ ему уже совсѣмъ не быть, и противъ же той 25 пудной силъ отъ належащаго воздуха на эмволахъ. А притомъ когда они подъемъ и опускъ по цилиндрамъ имѣть будутъ въ 6 футовъ, а мѣховъ подъемъ бываетъ обычно только двадцати одного дюйма, (то будетъ противъ эмво-

ловъ въ 3½ раза менѣе, въ случаѣ котораго расположа механически по діаметрамъ валовъ и колесъ, должны будутъ эмволъ въ равновѣсіи и въ тѣхъ точкахъ, гдѣ мѣха на цѣпахъ (31) тягости втрое, то есть 87½ пудъ содержать, что называется по равновѣсію, а безъ движенія мертвая сила, но когда тягости часть убудетъ и сила тягость овѣситъ, словомъ, живая или сила движенія, въ такомъ случаѣ тягость восьмидесяти семи пудная должна отъ точекъ (31) удѣлена быть, вопервыхъ на фрикціи всей машины, притомъ также на тягости рамъ, что въ колодцѣ при насосѣ (37) на проушибѣ брусья (41 и 42) и на вилчатую съ гирею, что при зубатомъ колесѣ ручку (46) на валовыя и колесныя тяжести, но которыя всѣ если въ исправномъ строеніи машина учреждена будетъ, болѣе семи пудъ опять не должно, потому что они (хотя будутъ и весьма тяжелы), но только однимъ фрикціямъ склонны, и данной силы у машины тягостью своего тѣла отнять не могутъ, а что же принадлежитъ до воды, по насоснымъ трубамъ (32) изъ колодца (36) въ верхній водяной ящикъ (38) востающей, то сколько оной вѣсомъ всего по трубамъ состоитъ, слѣдственно и съ той же тяжестью, изъ чего и фрикціи съ приборомъ выключить, діаметръ которыхъ болѣе трехъ съ половиной дюймовъ не потребенъ, площади произведетъ 9½, которую умножа съ высотою трубъ, хотя бы онѣ взведены были до пяти сажень (то есть на 420 дюймовъ), кубичное въ нихъ содержаніе около 4,000 дюймовъ придетъ, а въ 1,728 таковыхъ, какъ показано выше, тянетъ 67 футовъ, почему во всѣхъ трубахъ тяжести воды придетъ около четырехъ пудъ, а съ фрикціями всего 11 пудъ, что выключая при мѣхахъ изъ тягости точекъ (31) учинитъ на тягость мѣховъ остатокъ 76 пудъ, хотя правда, что остатка тягость для мѣховъ видится и велика, которую можно и три печи съ мѣхами содержать, но напротивъ того, сколько подъ эмволомъ въ цилиндрахъ (какъ упомянуто выше) будетъ воздуха состоять не видно, ибо онъ налегающему сверху на эмволы снизу противится не мало и знатную часть силъ отнимаетъ у эмвола. Отъ точекъ, что при мѣхахъ (31), втрое уничтожитъ тягость, что теоріей безъ опытовъ опредѣлять не надежно, а болѣе для того, какъ воздуха расширеніе и упругость, которая стоять будетъ подъ эмволомъ, опредѣленнаго градуса не имѣетъ. Сверхъ же сего надпоминается, что дѣйствіе эмволовъ и ихъ подъемы и опуски тѣмъ сдѣлаются выше, чѣмъ въ фонталахъ будетъ вода холоднѣе, а паче отъ такой, которая близь пункта замерзанія доходитъ, а еще не огустѣетъ и такого во всемъ движеніи многую подастъ способность.

13-е) Сколько же на сложеніе прописанной машины будетъ потребно мѣди, когда всѣ ея составы сдѣлаются готовы, кромѣ того, что при отлива въ угарь и при дѣлѣ въ опилки и оточку изойдетъ аливное, мѣдное исчисляя по толстотѣ тѣла, что въ которомъ кубичныхъ дюймовъ содержанномъ которыхъ футъ вѣсомъ тянетъ 15 пуд 2¼ фунта, а кованое по площадямъ, которыхъ положа листъ длины въ 84, шириною въ 6½, въ немъ площади

произведетъ 546 дюймовъ тянетъ вѣсомъ 7 фунтовъ, что сдѣлаетъ не надежно футъ по фунту, каковой толщины всѣмъ трубамъ быть должно, а бочкамъ на цилиндрахъ противъ того вдвое, котлу же по крайней мѣрѣ толщиною быть должно втрое (то есть впятину дюйма), свинцовые исчисляя также по толстотѣ тѣло, котораго кубичный футъ тянетъ вѣсомъ 19 пудъ 14½ фунтовъ, а сколько чего по длинѣ—предлагается роспись.

		Числомъ саженъ.	Вѣсомъ. Пуды.	Вѣсомъ. Фунты.
1	29. Водяная труба длиною съ ея поворота изъ верхняго бассейна саженъ	5		
	3. Изъ нея пропущенная, по которой течетъ вода въ эиволъ	½		
	4. Вставленная между бочекъ }въ обѣихъ саженъ. 1. Стоящая надпитательная }	½		
	8. Отъ водянаго ключа съ прамами соединенные въ обоихъ	1		
	15. Изъ бочекъ и съ стаканомъ.	4		
	5. Изъ бочекъ въ бассейнъ.	2½		
	37. Изъ колодца, по которой поднимается вода кверху	6		
	40. Изъ верхняго бассейна, по которому протекаетъ излишняя вода въ средній бассейнъ, что на печномъ сводѣ запасной	5		
	24. При ручномъ насосѣ.	4		
	39. Изъ средняго запаснаго бассейна излишняя протекаетъ въ нижній	2	9	4
	52. Когда же средній совсѣмъ опорожнить . .	2		
	23. Изъ него же въ котелъ воду пустить . .	1		
	19. Паровая изъ котла.	1½		
	21. Совсѣмъ котелъ опорознить.	2		
	14. Питательная въ котелъ	1		
	17. Пробныя двѣ	1½		
	12. На глухое колѣно	½		
	13. На выливное въ цистерну	4		
	53. 54. 55. } Изъ нижняго бассейна излишнюю и когда совсѣмъ опорознить, также и изъ цистерны излишнюю и какъ понадобится совсѣмъ же опорознить, то въ четыре оные саженъ . . .	5		
	39. Изъ насоснаго машиннаго ящика въ верхній бассейнъ . . . . }въ обоихъ 27. Въ него изъ ручнаго насоснаго ящика	3		
	Итого по длинѣ трубъ . .	52	—	—

		Числомъ звень.	Вѣсомъ.	
			Пуды.	Футы.
2	По онымъ же трубамъ, но рантики которыхъ на каждомъ саженномъ звѣнѣ по два, въ нихъ вѣсомъ по полуфунту	—	1	12
3	Въ котелъ, коего діаметръ въ 5 футъ, въ окружности $15^{5}/_{7}$ футъ и когда одно чрезъ другое будетъ умножено, поверхность окажетъ $78^{4}/_{7}$ футъ, въ нихъ квадратныхъ дюймовъ произведетъ 11,314 и когда котелъ толщиною въ тѣлѣ въ $^{1}/_{8}$ дюйма, въ такомъ случаѣ изъ пяти составитъ кубичный дюймъ, которыхъ всего по поверхности сдѣлать 2,263, а таковый футъ вѣсомъ тянетъ 15 пудъ $2^{1}/_{4}$ фунта и во всемъ имѣетъ быть около двадцати пудъ	—	20	—
4	Цилиндры толщиною въ полдюйма, площадь края 15, умножа то съ длиною 9 футъ, произведетъ толстоты 1,620 дюймовъ около его въ рантахъ, которыхъ ширина въ 9 толщиною въ одинъ кубуса 38, а въ трехъ такихъ 114 дюймовъ, всего придетъ въ одномъ цилиндрѣ и съ рантами 1,734, а въ обоихъ 3,468 въ нихъ вѣсомъ.	—	30	9
5	Насосныхъ трубъ три, изъ коихъ два въ колодцѣ и одинъ при ручномъ насосѣ въ діаметрѣ въ 6 въ тѣлѣ въ полдюйма площади по края $10^{3}/_{20}$ длиною по 35 въ одномъ такомъ толстоты 354, а въ трехъ 1,062 дюйма тянетъ вѣсомъ.	—	9	10
6	Дно цилиндровъ изъ мѣднаго круга въ діаметрѣ 14 толщиною $^{1}/_{2}$ въ немъ толстоты 154, а въ обоихъ 308 тянетъ вѣсомъ.	—	2	26
7	Комуникаціальныя трубы въ діаметрѣ $1^{4}/_{8}$ площадь $2^{3}/_{4}$	—	2	—
8	Въ 4 прама до связки отъ водяной трубы и въ 4 стакана	—	1	—
9	Эмволъ толщиною въ $^{1}/_{2}$ дюйма, а на два. . .	—	1	—
10	Ключей къ запиранію трубъ съ ихъ гнѣздами крантами хорошей работы одинадцать въ каждомъ по 4 фунта, а во всемъ.	—	1	4
11	На регулятѣ и водяной ключъ съ ихъ рантами, закрышками и съ прочимъ приборомъ	—	1	—
12	На бочки, что на эмволахъ	—	2	—
	Всего мѣди будетъ потребно .	—	80	25

		Числомъ саженъ.	Вѣсомъ. Пуды.	Вѣсомъ. Фунты.
13	Свинцовыхъ фентелей восемь каждой по пяти фунтовъ	—	1	—
14	На два кольца на эмволы и прижиманію кожи .	—	1	20

14-е) На вышеписанное водяныхъ трубъ изъ кованой мѣди пріуготовленіе которыхъ всего по длинѣ 52 сажени показано мѣди въ нихъ 9 пудъ 4 фунта, что кажется для расходовъ по цѣнѣ число небольшое. Однако если все и съ принасами по ряду собрать мастеровъ работу, когда оную сперва на горнахъ и какъ бы новую и потомъ изъ нее подъ молотомъ ковать встребуемые по длинѣ листы и изъ тѣхъ рѣзовъ въ полосы огибать около ровныхъ желѣзныхъ сердечниковъ, потомъ мѣднымъ припоемъ запаивать, къ чему также на каждой саженной трубѣ по два круглыхъ отливныхъ рантика придѣлывають и одинъ къ другому плотно припиловывать (чего изъ готовой мѣди на одну саженную трубу что только согнуть, спаять, къ рантики придѣлать, то два человѣка ранѣе двухъ дней не окончать)и потому вовію оную работу и въ угарь мѣди расходу безвозвратно произойдетъ, видится многимъ болѣе нежели вовіемъ угарѣ свинца, если изъ него такіе же вылить будутъ сверхъ же сего мѣдь ржаветъ и проѣдается отъ воды сильнѣе, отъ чего также перемѣны и починки скорѣе требовать будетъ, нежели свинецъ, напротивъ же того въ свинцѣ одинъ только то недостатокъ, что онъ къ сложенію машины будетъ тяжелъ и отъ небреженія скорѣе можетъ быть помятъ, нежели мѣдь. Однако какъ его въ работѣ расходу многимъ противъ мѣди произойдетъ менѣе, да и при передѣлкѣ поврежденное оловомъ скорѣе исправиться можетъ ибо въ дѣлѣ мѣдной трубы на одну сажень что произойдетъ расходу, то онымъ десять такихъ въ готовыхъ формахъ при счастливой работѣ отлить можно, а хотя же въ чемъ сдѣлается и неисправность, то онъ наличнымъ къ плавкамъ и безъ передѣлу быть годенъ, а буде то въ мѣди послѣдуетъ (какъ она почти вся въ мѣхахъ собрана, составахъ и обрѣзкахъ) безъ передѣлу ни къ чему уже будетъ негодна, и когда же свинцовыя отливныя трубы въ діаметрѣ $1^1/_2$, а въ тѣлѣ сдѣлать въ полдюйма поверхность края придетъ въ $2^{11}/_{20}$ дюй-

	Числомъ саженъ.	Вѣсомъ.	
		Пуды.	Фунты.
ма, которые умножа чрезъ сажень (или восемьдесятъ четыре дюйма), кубичное содержаніе учинитъ 210, а на 52 сажени произведетъ 10,920, изъ чего сдѣлаетъ не многимъ менѣе шести съ половиною кубичныхъ футъ, а каждый футъ свинца тянетъ вѣсомъ 19 пудъ 14 фунтовъ съ нѣсколькими золотниками. Въ такомъ случаѣ на всѣ свинцовыя трубы будетъ потребно сто двадцать пять пудъ съ фунтами. Однако онъ безъ всякаго упадку и всего останется наличнымъ да и къ плавкамъ же годнымъ	125	—	—
И въ такомъ пріуготовленіи, когда изъ него всѣ потребныя трубы сдѣланы будутъ, въ случаѣ чего для мѣди останутся только одни цилиндры со дномъ, при которомъ комуникаціальная труба, машинные же и ручной всего три насосные цилиндры (гдѣ небольшія движенія имѣть будутъ эмволы) и котелъ съ ближними его трубками, которыя находятся около жару и притомъ также регуляторъ и эмволы, четыре стакана и трубные ключи, а на всѣ оные, какъ показано выше, потребно будетъ мѣди . . .	70	9	—

Сообщ. А. Н. Воейковъ.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СТАРИНА.

Новости, объявленія и распоряженія правительства

въ 1799 г. [1]).

22-го февраля. Отъ Санктпетербургскаго военнаго губернатора, генерала отъ кавалеріи барона фонъ-деръ Палена: Безпредѣльное усердіе къ государю и любовь къ ближнему суть добродѣтели, долженствующія быть основаніемъ всѣхъ нашихъ подвиговъ. Извѣстной отечеству многими услугами подполковникъ Володимеровъ, имѣя въ Московской Ямской домъ, на землѣ, къ сахарному его заводу отведенной, избавленъ дарованными ему монаршими привилегіями отъ всякаго постоя и полицейскихъ повинностей. При сдѣланномъ на построеніе казармъ поземельномъ сборѣ предъявилъ онъ права свои, отъ соучастія въ ономъ его освобождающія, и въ самое то время прислалъ 12 тысячъ рублей съ таковымъ отзывомъ, что онъ особливымъ щастіемъ себѣ поставляетъ содѣйствовать исполненію монаршей воли, а притомъ, что и согражданамъ своимъ онъ въ тягость быть не желаетъ. Потомъ узнавъ, что многіе вдовы и сироты отъ складки въ построеніи казармъ отказались единственно по неимуществу, прислалъ онъ въ пользу домовъ сихъ еще 3 тысячи рублей. Сему похвальному примѣру ревностно послѣдовали коллежскій совѣтникъ Петръ Савичъ Яковлевъ внесеніемъ такъ же въ пользу недостаточныхъ обывателей 5 тысячъ, а купцы здѣшніе Аввакумъ Дмитріевъ и Иванъ Ивановъ и рижской Трифонъ Ветошниковъ, каждый по 500 рублей. Его императорское величество высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ объявить имъ монаршее благоволеніе, и подвигъ ихъ сдѣлать извѣстнымъ публикѣ, что и исполняю съ искреннимъ при томъ желаніемъ, чтобъ убѣдительный примѣръ сихъ благотворителей поощрилъ каждаго по мѣрѣ силъ своихъ содѣйствовать пользѣ ближняго (прибавленіе къ № 15).

22-го февраля. Въ прошлое воскресенье 20-го числа сего мѣсяца въ 7 часовъ по полудни послѣдовало обрученіе ея п. в. великой княжны Александры Павловны съ его королевскимъ высочествомъ ерцгерцогомъ австрій-

---

[1]) Выписки изъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», изд. при «Императорской Академіи Наукъ», въ 4-ю долю. Выписки объемлютъ царствованіе Павла I, съ 1796 г. См. въ «Русской Старинѣ» изд. 1874 г. томъ XI, стр. 187, 589, 754; изд. 1875 г. томъ XII, стр. 231, 451, 663 и 830; томъ XIII, стр. 457; изд. 1882 г., томъ XXXV, стр. 425 и 653; изд. 1883 г., томъ XL, стр. 449—456.

скимъ Іосифомъ, палатиномъ венгерскимъ, слѣдующимъ образомъ: его и. в. государь императоръ по увѣдомленіи, что все къ церемоніи готово, изволилъ шествовать съ ея и. в. государынею императрицею въ бриліантовую комнату, для обряду сего назначенную. За ихъ величествами слѣдовали вся императорская фамилія, принцъ наслѣдный Мекленбургъ-Шверинскій Фридрихъ Людовикъ, братъ его принцъ Карлъ и особы для присутствія тутъ назначенныя, и именно: канцлеръ князь Безбородко, министръ удѣльнаго департамента графъ Румянцовъ, вице-канцлеръ Кочубей, третій присутствующій коллегіи иностранныхъ дѣлъ графъ Растопчинъ, оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ, дежурный генералъ-адъютантъ графъ Ливенъ, камерфрейлина Протасова и дежурныя фрейлины Протасова и княжна Лопухина, да римско-императорскій посолъ графъ Кобенцель и генералъ-лейтенантъ князь Ауерспергъ, съ ерцгерцогомъ прибывшій. Когда высокія новообручаемыя особы стали на свои мѣста, то отправляемъ былъ церковный обрядъ преосвященнымъ архіепископомъ Казанскимъ, имѣющимъ при себѣ двухъ ассистентовъ: духовника е. и. в. и исакеларія придворнаго собора. Перемѣна перстней учинена была высочайшею особою государя императора. Новообрученные приносили потомъ благодареніе е. и. в. государю императору и ея и. в. императрицѣ, что учинили и прочія особы высочайшей императорской фамиліи; а за тѣмъ приносили поздравленіе и другія при помянутомъ обрядѣ находившіяся особы. Оттуда ихъ и. в. изволили войти въ столовую залу, гдѣ начался камерный балъ (№ 16).

— На Васильевскомъ о. при смоленской кладбищѣ продаются похоронные лучшей гравировки билеты по 50 коп. десятокъ, также приономъ для полнаго траура имѣются всѣ принадлежности и имѣющимъ въ оныхъ надобность отпускаются за умѣренную цѣну.

— Въ приходѣ церкви Симеона Богопріимца, въ домѣ архитектора Старова, надъ съѣстнымъ трактиромъ продается рапуха венегредъ въ ведеркахъ, цѣна по 1 р. 50 к. ведерко, да еще маленькіе огурчики въ уксусѣ съ духами.

1-го марта. Минувшаго февраля 25 дня при высочайшемъ присутствіи заложены въ санктпетербургскомъ адмиралтействѣ три корабля: 130-ти пушечной, именуемый Благодать, и два 66-ти пушечные Архистратигъ Михаилъ и Зачатіе св. Анны, нижеслѣдующимъ порядкомъ: въ 12 часовъ по полудни изволили прибыть въ адмиралтейство е. и. в. государь императоръ съ ихъ высочествами великими князьями, государемъ наслѣдникомъ Александромъ Павловичемъ и Константиномъ Павловичемъ верхомъ, а ея и. в. государыня императрица съ ея высочествомъ великою княжною Еленою Павловною и ихъ высочествами эрцгерцогомъ австрійскимъ Іосифомъ палатиномъ венгерскимъ и принцемъ наслѣднымъ мекленбургъ-шверинскимъ Фридрихомъ Людовикомъ въ каретѣ; а за ними въ экипажахъ принцъ Карлъ и свита. Приближеніе е. и. в. къ адмиралтейству возвѣщено было играніемъ на трубахъ на шпицѣ адмиралтейскомъ; въ крѣпости встрѣчены были адмиралтействъ-коллегіи президентомъ Голенищевымъ-Кутузовымъ и вицепрезидентомъ графомъ Кушелевымъ, а равно и прочими членами оной и ея экспедицій, въ провожденіи коихъ и изволили шествовать на мѣсто закладки къ 130-ти пушечному кораблю. Наборные члены корабля сего, такъ какъ и другихъ двухъ поставлены были на свои мѣста, старнъ-постъ поднятъ на блоки; болты для крѣпленія членовъ изготовлены и плотники разставлены были по мѣстамъ работъ ихъ. При вступленіи е. и. в. на корабль, священникъ адми-

ралтейской подносилъ крестъ и кропилъ св. водою, а потомъ окропилъ оною корабль сей. Чиновники коллегіи подносили на блюдѣ золотыя и серебрянныя деньги, коихъ государь императоръ съ ея императорскимъ величествомъ и ихъ высочествами изволилъ нѣсколько взять и опустить въ киль; потомъ поднесена была гравированная доска съ названіемъ корабля и означеніемъ времени заложенія онаго, которую равно государь императоръ изволилъ положить въ киль и помазавъ замокъ старнъ-поста смолою, приказалъ оный опустить. Какъ скоро старнъ-постъ всталъ въ свое мѣсто, то е. и. в. изволилъ сойти съ кормы и шествовать на передовую часть корабля, гдѣ поднесенъ былъ на блюдѣ молотокъ, коимъ е. в. изволилъ положить начало крѣпленія корабля, ударивъ нѣсколько разъ въ болты, крѣпящіе форштевень съ килемъ, что учинено было ея и. в., ихъ высочествами; и потомъ съ даннымъ знакомъ мастеровымъ начинать работы свои, вдругъ началось общее крѣпленіе по всему килю. Совершивъ таковымъ образомъ заложеніе 130-ти пушечнаго корабля, е. и. в. изволилъ шествовать къ 66-ти пушечному кораблю Архистратигу Михаилу, близъ онаго съ правой стороны строеніемъ расположенному, а отъ сего къ другому таковому же, Зачатіи св. Анны, кои, равно какъ и первой, по освященіи святою водою высочайше изволилъ заложить, и отъ послѣдняго изъ сихъ въ провожаніи тѣхъ же чиновниковъ изволилъ ретироваться изъ адмиралтейства; шествуя обратно изволилъ разговаривать съ президентомъ и вицепрезидентомъ коллегіи, изъявивъ особенное удовольствіе свое за найденной порядокъ и чистоту въ адмиралтействѣ. Употребленнымъ къ строенію сихъ кораблей плотникамъ и рабочимъ всемилостивѣйше пожаловать соизволилъ по рублю на человѣка и по чаркѣ вина. Изъ адмиралтейства отбыть изволилъ въ часъ по полудни, высочайше изъявивъ благоволеніе свое всей адмиралтействъ-коллегіи. Высочайшее отбытіе заключено было играніемъ на шпицѣ той же музыки. (№ 17).

— Отпущенные офицеры на срокъ изъ тѣхъ полковъ, которые теперь въ движеніи, не дождавшись термину ихъ сроковъ, имѣютъ явиться въ самоскорѣйшемъ времени къ своимъ командамъ.

— Его и. в. всемилостивѣйше пожаловать соизволилъ сенатскаго регистратора Алексѣя Евенхова въ коллежскіе секретари, повелѣвая быть ему при генералъ-фельдмаршалѣ графѣ Суворовѣ-Рымникскомъ.

— Продаются: „О воздыханіи голубицы, или о пользѣ слезъ“ и „Чувствительные анекдоты, посвященные душамъ благородномыслящимъ“.

4-го марта. Его и. в. объявляетъ свое благоволеніе за порядокъ, который усмотрѣть изволилъ въ городѣ въ теченіи сырной недѣли во всѣхъ частяхъ. (№ 18).

— Потребенъ г-жѣ Полторацкой управитель, знающій сельскую экономію и всѣ домашніе обряды, коему дано будетъ 1,000 руб. въ годъ жалованья. (Тамъ же).

8-го марта. Сего марта 5-го е. и. в. благочестивѣйшій великій государь императоръ Павелъ Петровичъ, самодержецъ всероссійскій, благочестивѣйшая государыня императрица Марія Θеодоровна, наслѣдникъ всероссійскій благовѣрный государь цесаревичъ и великій князь Александръ Павловичъ, благовѣрная государыня великая княгиня Елизаветъ Алексѣевна, благовѣрный государь великій князь Константинъ Павловичъ, благовѣрная государыня великая княгиня Анна Θеодоровна, и благовѣрныя государыни великія княжны Александра Павловна, Елена Павловна, Марія Павловна и Екатерина Па-

вловна въ придворныхъ церквахъ соизволили пріобщиться святыхъ христовыхъ таинъ. (№ 19).

— Новоладожскому мѣщанину Ѳедору Кирилову, утруждавшему е. и в. жалобою на тамошняго городничаго, будто бы имъ несправедливо отданъ мѣщанину Калугину домъ, бывшій въ его владѣніи, просьба его яко недѣльная и справками опровергнутая, по высочайшему повелѣнію возвращается съ наддраніемъ чрезъ гражданскаго губернатора.

— У книгопродавцевъ Сопикова и Глазунова продается книга: „Анекдоты древнихъ пошехонцевъ", содержащая въ себѣ многія о семъ народѣ любопытныя и крайне забавныя преданія, и писанныя въ такомъ вкусѣ, что замѣнить можетъ всякое зрѣлище. Цѣна 1 р. 30 коп. безъ пер.

— Отъ генерала отъ кавалеріи санктпетербургскаго военнаго губернатора и кавалера графа фонъ-деръ-Палена объявляется: здѣшніе питейныхъ сборовъ содержатели, именитые граждане рязанской, Гаврила Рюминъ, и здѣшніе Емельянъ Чоблоковъ, Михайло и Петръ Кусовниковы изъ особливаго усердія внесли на построеніе казармъ въ пользу недостаточныхъ обывателей 20 тысячъ рублей; да граждане Иванъ Кусовъ 2 тысячи, Иванъ Долговъ тысячу и Филиппъ Косцовъ 500 рублей. Таковой благотворительной ихъ подвигъ удостоился высочайшаго е. и. в. благоволенія; а я съ моей стороны удовольствіемъ себѣ поставляю о семъ произшествіи извѣстить публику (№ 20, разныя объявленія).

— Мастерской женѣ Тимофѣевой, просившей на оплату 85 р. долгу ея, отказано, поелику видя себя не въ состояніи заплатить, не долженствовала входить въ оный. (№ 21, объявленія Неплюева).

— Гребнаго флота 2 эскадры лейтенанту Бровцыну, просившему о возстановленіи пропущенной имъ съ братьями аппелляціи на неправое рѣшеніе новгородской палаты суда и расправы по дѣлу о завладѣніи помѣщицею Арцыбатевою пустошью, имъ принадлежащею, объявляется, что порядокъ вещей ни для кого не нарушается.

— Монаху Дамаскину, подносившему государю императору похвальную оду, объявляется, что объ оной доложено было.

— Владимірской губерніи экономическимъ крестьянамъ Иванову и Алексѣеву, жаловавшимся на государственную военную коллегію, обраковавшую принятыхъ за селеніе ихъ двухъ рекрутъ, и возвратившую имъ оныхъ, отказано, потому что есть ли представленные ими рекруты были бы на службу годны, то безъ сомнѣнія не были бы возвращены. (Тамъ же).

— Еврею Шацкилю, третій уже разъ жаловавшемуся на польскаго дворянина Горскаго, заграбившаго яко бы все его имущество, объявляется, что по истребованной справкѣ жалоба его оказалась подлежащею судебному разбирательству, отъ коего онъ самъ удаляется, а потому если онъ впредь утруждать будетъ таковыми пустыми просьбами, то непремѣнно подвергнетъ себя строгому наказанію.

— Витебскому мѣщанину Давидовичу, просившему заимообразно 1,000 рублей, по ненадежности возвращенія оныхъ, отказано.

— Женѣ купца Пантелѣева, просившей монаршей милости на выкупъ заложенныхъ ею вещей, какъ въ просьбѣ пустой, отказано.

ИМПЕРАТОРЫ АЛЕКСАНДРЪ I И НИКОЛАЙ I.

Историческіе матеріалы, къ нимъ и ихъ эпохамъ относящіеся [1]).

1812—1855.

Помѣщаемыя здѣсь на страницахъ „Русской Старины“ два письма графа Ростопчина представляютъ весьма важный матеріалъ для исторіи 1812 года. Замѣчательно, что два послѣдніе историка отечественной войны: М. И. Богдановичъ и А. Н. Поповъ (отъ которыхъ мы и получили помѣщаемыя ниже копіи съ историческихъ документовъ) хотя и включили оба письма въ свои труды („Исторія царствованія императора Александра“ и „Москва въ 1812 году“), но въ сокращенномъ видѣ и не оговоривъ этого обстоятельства въ своемъ повѣствованіи; пропуски даже не означены точками.

Ред.

Москва въ 1812 году.

Графъ Ростопчинъ — князю Багратіону.

6-го августа 1812 г. Изъ матушки каменной Москвы.

Нука мой отецъ генералъ по образу и подобію Суворова! Поговоримъ съ глазу на глазъ, а поговорить есть о чемъ! Что сдѣлано, тому такъ и быть! Да не шалите вы впередъ и не выкиньте такой штуки, какъ въ старину князь Трубецкой и Пожарской: одинъ смотрѣлъ какъ другаго били. Подумайте, что здѣсь дѣло не въ томъ: бить непріятеля, писать реляціи и привѣшивать кресты! Вамъ слава безсмертная! Спасеніе отечества, избавленіе Европы, гибель злодѣя рода человѣческаго. Благодаренъ зело за письмецо. Въ Москвѣ говорятъ: дай лишь волю и Багратіонъ пужнетъ. Мнѣ кажется, что онъ

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1881 г. томъ XXXII, ноябрь, стр. 659—677 и декабрь, стр. 881—909.

васъ займетъ, да и проберется на Полоцкъ, на Псковъ пить Невскую воду. Милорадовичъ съ 31,000 славнаго войска стоитъ отъ Калуги къ Можайску; у меня здѣсь до 10,000 изъ рекрутъ формируется. Силы Московской въ семи смѣжныхъ губерніяхъ до 120,000. И тутъ прелихая есть конница. У обезьяны Лобанова 26,000 свѣжей пѣхоты, деньги есть на нужду и хлѣба будетъ до сыта. Неужели и послѣ этого и со всѣмъ этимъ Москву оскверннтъ французъ! Онъ говорилъ, что п.... Россію и сдѣлаетъ изъ нее б...., а мнѣ кажется, что она ц.... останется. Ваше дѣло ее сберечь! А наше держать въ чистотѣ. У меня здѣсь такъ смирно, что я и самъ дивлюсь. Счастіе, что любятъ и слушаются. Пришаливаютъ французы; сперва я просилъ, чтобы жили смирно, потомъ грозилъ, потомъ посылалъ за городъ гулять въ Пермь и въ Оренбургъ. Не унимаются! Ну, а потомъ драть! Заговорилъ мой поваръ Турне о вольности и что затѣмъ идетъ Наполеонъ. Люди мои тотчасъ донесли, на другой день Турне на конной отдули плетьми и въ Тобольскъ. Опять заговорилъ Mr Mouton, этого люди въ томъ домѣ, гдѣ онъ жилъ, сперва побили, а тамъ привели на съѣзжую; этого отдуютъ кнутомъ. Впрочемъ злоба къ Бонапарту такъ велика, что и хитрость его не дѣйствуетъ; и эта пружина лопнула, а онъ навѣрное шелъ на бунтъ. Князь Кириллъ, на старости лѣтъ, пустился сводничать невѣстами, хочетъ женить Хованскаго, князя Василія Алексѣевича, на вдовѣ Мамоновой и ему же помогаетъ тутъ Циціановъ, князь Дмитрій Евсѣевичъ. Я право въ усъ не дую, мнѣ все кажется, что это дурной сонъ; а страшенъ сонъ, но милостивъ Богъ.

За симъ обнимаю,
И точно пребываю,
Безъ словъ и безъ лести,
А просто по чести:

Вамъ преданный графъ Ф. Ростопчинъ.

Москва, 12-го августа 1812 г.

Принимая во всей мѣрѣ признательности довѣренное письмо в. с., съ крайнимъ прискорбіемъ узналъ о потерѣ Смоленска. Извѣстіе сіе поразило чрезвычайно и нѣкоторые оставляютъ Москву, чему я чрезмѣрно радъ, ибо пребываніе трусовъ заражаетъ страхомъ, и мы болѣзни сей здѣсь не знаемъ. Городъ дивился очень бездѣйствію нашихъ войскъ противъ нуждающагося непріятеля. Но лучше бы ничего еще не дѣлать, чѣмъ, выигравъ баталію, предать Смоленскъ злодѣю. Я не скрою отъ васъ, что все сіе приписываютъ несогласію

двухъ начальниковъ и зависти ко взаимнымъ успѣхамъ; а такъ какъ общество въ мнѣніяхъ своихъ мѣръ не знаетъ, то и увѣрило само себя, что Барклай измѣнникъ. Теперь должно уже у васъ быть извѣстно, какія послѣдствія будетъ имѣть отступленіе отъ Смоленска. Москва ли предметъ дѣйствій непріятельскихъ или Петербургъ; а мнѣ кажется, что онъ, держа васъ тамъ, гдѣ вы, станетъ отдѣльными корпусами занимать мѣста и къ Петербургской, и къ Московской дорогѣ, и къ Калугѣ, дабы, пресѣкая сообщенія, нанести болѣе безпокойства и потрясти духъ русскій. Главная его пружина—вольность, не дѣйствуетъ, и о ней лишь изрѣдко толкуютъ пьяницы. Ополченіе здѣшнее готово и завтра 6,000 будутъ на бивуакѣ. Остальные же сводятся къ Вереѣ и къ Можайску. Ружей, пороху и свинцу пропасть; пушекъ 145 готовыхъ, а патроновъ 4.980,000. Я не могу себѣ представить, чтобы непріятель могъ придти въ Москву. Когда бы случилось, чтобы вы отступили къ Вязьмѣ, тогда я примусь за отправленіе всѣхъ государственныхъ вещей и дамъ на волю каждаго убираться, а народъ здѣшній, по вѣрности къ государю и любви къ отечеству, рѣшительно умретъ у стѣнъ московскихъ, а если Богъ ему не поможетъ въ его благомъ предпріятіи, то, слѣдуя русскому правилу: не доставайся злодѣю, обратитъ городъ въ пепелъ и Наполеонъ получитъ, вмѣсто добычи, мѣсто, гдѣ была столица. О семъ не дурно и ему дать знать, чтобы онъ не считалъ на милліоны и магазейны хлѣба, ибо онъ найдетъ уголь и золу. Обнимаю васъ дружески и по русски отъ души, остаюсь хладнокровно, но съ сокрушеніемъ отъ происшествій. Вамъ преданный графъ Ростопчинъ.

Наполеонъ I и Апокалипсисъ.

Военный министръ Барклай-де-Толли—князю Багратіону.

26-го іюля 1812 г. № 1159.

Дошедшее ко мнѣ отъ профессора Дерптскаго университета, коллежскаго совѣтника Гецеля, письмо съ изъясненіемъ двухъ мѣстъ изъ Апокалипсиса, имѣю честь препроводить въ копіи къ в. с., для такого употребленія, какое полевой оберъ-священникъ арміи, вамъ ввѣренной, признаетъ приличнымъ [1]).

---

[1]) Письмо съ приложеніемъ оставлено княземъ Багратіономъ безъ всякаго употребленія.

Письмо профессора Гецеля.

Дерптъ, 11-го іюня 1812 г.

Милостивый государь! Если можно было вселить въ императорское россійское воинство то увѣреніе, что оно Провидѣніемъ избрано къ прекращенію въ нынѣшнемъ 1812 году тѣхъ бѣдствій, кои Наполеонъ навлекъ на всю Европу, то сіе усугубило бы бодрость духа и облегчило бы одержаніе побѣды.

Таковое увѣреніе можетъ произведено быть въ дѣйство чрезъ прилагаемое при семъ кабалистическое изъясненіе двухъ мѣстъ Апокалипсиса св. апостола Іоанна, т. е. гл. 13 ст. 18 и 5, если полковые священники благоразумно разгласятъ его.

А какимъ образомъ сіе всячески достопамятное изъясненіе должно быть въ войскѣ разглашено, раздачею ли печатныхъ листовъ на россійскомъ языкѣ, или только изустнымъ отъ духовенства внушеніемъ, то предоставляю вышнему благоусмотрѣнію.

На всякій же случай прошу в. впр—во быть увѣреннымъ, что мое намѣреніе есть благое и патріотическое, кое осмѣлился я представить, въ упованіи, что не будетъ осуждено ни отъ е. и. в., ни отъ в. впр—ва.

Имѣю честь быть и пр. Вильгельмъ Фридрихъ Гецель, колл. сов. и профессоръ Дерптскаго университета.

Отъ Ред. Замѣтимъ здѣсь, что письмо Барклая-де-Толли и профессора Гецеля не встрѣчается на страницахъ „Исторіи отечественной войны 1812 года“ М. И. Богдановича. Въ приложеніяхъ къ этому труду находится только объясненіе двухъ мѣстъ Апокалипсиса, сдѣланное профессоромъ Гецелемъ безъ указанія источника. Припомнимъ здѣсь въ чемъ заключается это изъясненіе, которое должно было усугубить бодрость духа русскаго воинства. Въ самомъ имени Наполеона, переложенномъ въ цифры, по еврейскому числоизображенію, г. Гецель усмотрѣлъ звѣря (антихриста), означеннаго въ Апокалипсисѣ числомъ 666, предѣлъ славы котораго опредѣленъ числомъ 42; отсюда выводъ, что 1812 годъ, въ которомъ Наполеонъ имѣлъ отъ рода 43 года, будетъ временемъ его паденія. Ред.

Начальническое внушеніе
1821 года.

20-го августа 1821 года графъ Ланжеронъ сообщилъ адмиралу Грейгу нижепомѣщенный любопытный приказъ, о которомъ отзывается въ письмѣ своемъ слѣдующимъ образомъ:

«Je vous envoie une pièce curieuse; c'est un prikase de Mr Oslanof à son equipage; en vérité le bonhomme est fou. S'il n'était que cela, on pourrait s'en consoler.... je crois qu'il serait nécessaire d'inspecter sévèrement ce comando.

Приказъ капитанъ-лейтенанта Асланова 1 го.

Отъ 15-го августа 1821 года.

Предписываю наистрожайше чиновнику 9-го класса Колосу дабы немедленно по опорожненіи флигеля занимаемымъ нынѣ коммисаромъ Поповымъ, перейти вамъ въ оной же самой флигель немедленно, есть ли кто дерзнетъ изъ офицеровъ ввѣренной мнѣ команды, какого чина и званія не былъ самовольно занять тотъ же самой флигель коммисара Попова, которой мною означенъ имѣть вамъ въ оной же пребываніе, хотя бы имѣлъ кто либо съ моихъ офицеровъ на то соизволенія отъ какого бы ни было частныхъ начальниковъ, какъ то отъ Одесскаго плацъ-маіора Смирнова, или ему подобныхъ Бау маіора Никифорова, которые чиновники противъ командира Одесскаго и Таганрогскаго карантиннаго ластоваго экипажа Асланова 1-го ничего не значутъ ибо къ нему имѣетъ вышнее начальство великаго вниманія и уваженіе. Поелику сей экипажный командиръ имѣетъ власть прямо отнестись къ своему государю императору, а г. Одесскій плацъ-маіоръ Смирновъ и г. Бау маіоръ Никифоровъ относятся только однимъ своимъ частнымъ начальникамъ, слѣдственно они отъ меня далеко отстали, нынѣ только доказалъ по ввѣренной мнѣ команды часть съ моей власти, но есть ли я примѣчу иныхъ изъ офицеровъ ввѣренной мнѣ команды, которые упражняются всегда одними своими интригами, а не занимаются своими должностями, то имъ скоро доказано будетъ до чего простирается власть ихъ экипажнаго командира; есть ли тѣ офицеры не прекратятъ своихъ негодныхъ интригъ, которые господа мнѣ извѣстны, но есть ли кто отважится съ дерзновенныхъ офицеровъ ввѣренной мнѣ команды, занять по опорожненіи, флигель коммисара Попова, то онаго дерзновеннаго офицера, будетъ прогнанъ съ моего экипажа, дерзнующаго не повиноваться воли своего экипажнаго командира, но между тѣмъ предписываю Колосу тотъ же самый день о томъ дерзновенномъ офицерѣ, который осмѣлится противу моего приказа занять флигель коммисара Попова, и тотъ же самый день мнѣ донести о томъ офицерѣ письменнымъ рапортомъ съ подробностію, дабы того дерзновеннаго офицера показалъ бы власть его экипажнаго командира; между тѣмъ позволяю интригантнымъ офицерамъ ввѣренной мнѣ команды, которыхъ мнѣ именъ извѣстны по прошлогоднимъ моимъ приказамъ и оные офицеры взяты мною на замѣчаніе и прочтены тѣ приказы при фрунтѣ, чтобы оные офицеры сняли бы копію съ сего моего приказа только позволяется имъ скопировать сей приказъ въ моей канцеляріи при свидѣтельствѣ клерка

Федосѣева, дабы копію съ моего приказа оные офицеры могли показать Одесскому плацъ-маіору Смирнову и Бау маіору Никифорову, дабы они ясно увидѣли до чего простирается власть командира Одесскаго и Таганрогскаго карантиннаго ластоваго экипажа капитанъ-лейтенанта и кавалера Асланова 1-го, между тѣмъ предписываю дежурному офицеру по командѣ прочесть сей приказъ при фрунтѣ, а по небытности его, оный имѣетъ быть прочтенъ клеркомъ Федосѣевымъ. О чемъ по командѣ даю знать. Капитанъ-лейтенантъ Аслановъ 1-й.

Къ исторіи ссылки поэта А. С. Пушкина въ южную Россію.

Князь Волконскій—генералу Инзову.

С.-Петербургъ, 19-го ноября 1821 г.

До свѣденія его императорскаго величества дошло, что въ Бессарабіи уже открыты, или учреждаются массонскія ложи подъ управленіемъ въ Измаилѣ ген.-м. Тучкова, а въ Кишиневѣ нѣкоего князя Суццо, изъ Молдавіи прибывшаго; при первомъ долженъ находиться также иностранецъ Эліа-де-Фуа, а при второмъ Пушкинъ, состоящій при вашемъ превосходительствѣ и за поведеніемъ коего поручено было вамъ имѣть строжайшее наблюденіе; сверхъ того будто употребляется по дѣламъ сихъ ложъ нѣкто иностранецъ Торингъ; вслѣдствіе сего государю императору угодно было, чтобъ ваше превосходительство немедленно существующія массонскія ложи въ Бессарабіи приказали всѣ запереть, и впредь имѣть неослабное наблюденіе. чтобъ таковыхъ отнюдь въ ввѣренномъ вамъ краѣ не было, что и останется на вашей строгой отвѣтственности.

Иностранцевъ Эліа-де-Фуа и Торинга тотчасъ выслать за границу съ запрещеніемъ когда либо въѣзжать въ Россію, и строго наблюдать за симъ, а буде который изъ нихъ осмѣлится въѣхать, хотя бы и подъ другимъ именемъ, то, по открытіи, тотчасъ его задержать подъ арестомъ и донести его величеству.

Касательно г-на Пушкина также донести его императорскому величеству, въ чемъ состоятъ и состояли его занятія со времени опредѣленія его къ вамъ, какъ онъ велъ себя, и почему не обратили вы вниманія на занятія его по массонскимъ ложамъ? Повторяется вновь вашему превосходительству имѣть за поведеніемъ и дѣяніями его самый ближайшій и строгій надзоръ; равномѣрно государь императоръ повелѣваетъ вамъ имѣть наблюденіе, какъ за кн. Суццо, такъ и за другими какими либо лицами, въ обществѣ семъ замѣшанными,

не позволяя имъ отнюдь имѣть подобныхъ между ими сношеній или учреждать какія либо ложи, или тайныя скопища.

Въ заключеніе прошу ваше превосходительство мнѣ подробно о семъ донести секретно и съ подписью собственныя руки для доклада его императорскому величеству и при томъ увѣдомляю, что копія съ сего сообщена мною новымъ повелѣніемъ г-ну главнокомандующему 2 арміею графу Витгенштейну, дабы имѣлъ съ своей стороны наблюденіе, чтобы никто изъ членовъ 2-й арміи не входилъ въ сіи тайныя общества.

Генералъ Инзовъ—князю Волконскому.

Кишиневъ, 1-го декабря 1821 г.

На почтеннѣйшее сообщеніе вашего сіятельства отъ 19-го ноября, по случаю дошедшихъ свѣденій объ открытыхъ уже или учреждающихся массонскихъ ложахъ въ гг. Кишиневѣ и Измаилѣ, имѣю честь объяснить поводъ къ сему для донесенія его императорскому величеству.

За нѣсколько времени до полученія отношенія вашего сіятельства генералъ-маіоръ Пущинъ показывалъ мнѣ бумагу, полученную имъ отъ главной С.-Петербургской ложи Астреи, которою дозволяется ему съ вѣдома министерства внутреннихъ дѣлъ по желанію его и другихъ подписавшихся лицъ открыть въ Кишиневѣ подъ управленіемъ его Символическую ложу на правилахъ, извѣстныхъ правительству, показавъ при этомъ и имена подписавшихся лицъ по прилагаемой запискѣ, изъявившихъ къ сему желаніе ихъ. Я въ то же время сказалъ г. Пущину, что хотя сіе и дѣлается съ вѣдома правительства, и знаю, что во многихъ губерніяхъ существуютъ ложи и терпимы, но я сего дозволить не могу, пока не получу соизволеніе государя. Симъ кончилось объясненіе мое—и выполненіе остановлено.

Въ Измаилѣ никакихъ ложъ не существовало; даже и намѣренія никто не имѣлъ открыть тамъ оную. Генералъ-маіоръ Тучковъ подписалъ по одному приглашенію, сдѣланному къ нему для умноженія подписавшихся лицъ объ открытіи ложи въ Кишиневѣ, а не въ Измаилѣ.

Иностранецъ Эліа-де-Фуа изъ испанскихъ евреевъ; давно живетъ въ г. Измаилѣ; лѣтъ 50-ти, семейный; бѣденъ; имѣетъ небольшой домъ, занятый подъ военный лазаретъ, а самъ занимался сперва торгомъ бакалейными товарами въ малой лавочкѣ; нынѣ же промышляетъ содержаніемъ благороднаго клуба въ Измаилѣ. Въ числѣ подписавшихся его нѣтъ; участія въ томъ не принималъ и мало кому извѣстенъ.

Князя Суццо, кромѣ бывшаго господаря, другаго въ Кишиневѣ нѣтъ. Сей живетъ тихо, никуда не выѣзжаетъ, а бываетъ иногда у меня. Два брата его живутъ въ Одессѣ, а третій здѣсь, съ которымъ часто вижусь; но имъ не до ложъ массонскихъ.

Кромѣ братьевъ кн. Суццо, есть еще той же фамиліи Суццо два брата, удалившіеся отъ постигшихъ бѣдствій. Одинъ женатъ, а другой холостъ. Живутъ въ Кишиневѣ весьма скромно. Они также далеки отъ того, чтобы затѣвать массонскую ложу и еще болѣе управлять ею.

Иностранца Торанга нѣтъ, но сходные съ оною фамиліею находятся два, изъ коихъ одинъ подписавшійся по приглашенію иностранецъ Тарданъ тотъ самый швейцарецъ, который ходатайствуетъ о поселеніи швейцарской колоніи близь Аккермана и ожидаетъ утвержденія плана сего поселенія, представленнаго отъ меня г. министру внутреннихъ дѣлъ. Онъ временно былъ въ Кишиневѣ у меня на весьма короткое время по своему дѣлу и, слѣдуя совѣту моему, живетъ съ самаго прибытія въ Аккерманъ для узнанія качества произрастающаго тамъ винограда, выдѣлкою изъ онаго вина по ихъ методѣ и открытія травъ, въ тѣхъ мѣстахъ растущихъ; чѣмъ онъ и занимался. Г. Тарданъ человѣкъ благонравный, тихій и ежели подписался, то болѣе изъ угожденія и учтивости, не полагая, чтобы сіе могло обратиться къ его предосужденію. Вотъ всѣ сношенія, въ каковыхъ находился онъ по поводу открытія массонской ложи въ Кишиневѣ. Другой иностранецъ французской службы, офицеръ изъ числа придворныхъ чиновниковъ французскаго двора, баронъ де-Торенкъ, женатый на сестрѣ камергера Бальша, пріѣхалъ сюда съ нею по дѣламъ ея имѣнія. Онъ человѣкъ хотя молодой, но весьма порядочный; ни въ какихъ сношеніяхъ не замѣченъ и спѣшитъ по совершеніи продажи женою его имѣнія, скорѣе возвратиться. Жена его пожилыхъ лѣтъ и смотритъ за нимъ весьма строго.

Объяснивъ вашему сіятельству о всѣхъ лицахъ, упомянутыхъ въ отношеніи вашемъ, обязываюсь сказать и то, что я самъ былъ массонъ, но несмотря на то, никогда не допустилъ бы подобныхъ учрежденій безъ воли государя и могу удостовѣрить ваше сіятельство, что массонскихъ ложъ въ Бессарабіи нѣтъ; а при томъ покорнѣйше прошу доложить государю, что ни малѣйшей не имѣю причины что либо скрывать отъ него; но бывъ на семъ посту орудіемъ его благости и справедливости, вмѣняю себѣ за священный долгъ представить истину и донести, что оба иностранца, подпавшіе сомнѣнію, пострадаютъ невинно; одинъ Эліа-де-Фуа, какъ вовсе не замѣшанный, а другой (если сіе относится до швейцарца Тардана) пріѣхав-

шаго совсѣмъ для иной цѣли и ожидающаго милости и покровительства для своихъ собратій; потерпитъ единственно за угожденіе, оказанное россійскому чиновнику.

Чтобы не сдѣлать ошибки и не поступить въ противность воли и справедливости его императорскаго величества, ваше сіятельство не оставите испросить о сихъ невинно попавшихся разрѣшенія.

Г. Пушкинъ, состоящій при мнѣ, ведетъ себя изрядно. Я занимаю его письменною корреспонденціею на французскомъ языкѣ и переводами съ русскаго на французскій; ибо по малой его опытности въ дѣлахъ, не могу довѣрять ему иныхъ бумагъ; относительно же занятія его по массонской ложѣ, то не по открытію таковой, не можетъ быть онымъ, хотя бы и желаніе его къ тому было. Впрочемъ обращеніе съ людьми иныхъ свойствъ, мыслей и правилъ, чѣмъ тѣ, коими молодость руководствуется, нерѣдко производитъ ту счастливую перемѣну, что наконецъ почувствуютъ необходимость себя переиначить. Когда бы благодатное сіе чувствованіе возбудилось и въ г. Пушкинѣ, то послужило бы ему въ истинную пользу.

Въ предосторожность дабы, по разсѣянности всюду числящихся массонами, не составлялись кѣмъ либо ложи, я сверхъ прежняго бдительнаго наблюденія моего по сей части, усугубилъ нынѣ вновь строгія мѣры къ недопущенію таковыхъ сообществъ въ ввѣренной мнѣ области, если бы кто нибудь предпринялъ учрежденіе оныхъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и проч.

Кишиневскія новости по донесеніямъ секретныхъ агентовъ 1821 года.

Въ Ланкастеровой школѣ, говорятъ, что кромѣ грамоты учатъ ихъ и толкуютъ о какомъ-то просвѣщеніи.

Нижніе чины говорятъ: дивизіонный командиръ нашъ отецъ, онъ насъ просвѣщаетъ. 16-ю дивизію называютъ орловщиной.

Маіоръ Патараки познакомился съ агентомъ начальника главнаго штаба, Арнштейномъ. Пушкинъ ругаетъ публично и даже въ кофейныхъ домахъ не только военное начальство, но даже и правительство.

Охотниковъ поѣхалъ въ Кіевъ, проситъ дивизіоннаго командира, чтобы онъ пріѣхалъ скорѣе.

Липранди (Ив. Петровичъ) говоритъ часовымъ, у него стоящимъ: «не утаивайте отъ меня кто васъ обидѣлъ, я тотчасъ доведу до ди-

визіоннаго командира. Я вашъ защитникъ. Молите Бога за него и за меня. Мы васъ въ обиду не дадимъ, и какъ часовые, такъ и вѣстовые наставленіе сіе передайте одинъ другому».

Охотскаго полка 3-я гренадерская рота при выходѣ со двора корпуснаго командира разсуждала и между прочимъ вотъ разговоръ одного унтеръ-офицера съ рядовымъ за квартою водки:

Рядовой. Ну какъ принялъ насъ корпусный. Это значитъ, что онъ не хочетъ подражать дивизіонному, который желаетъ образовать дивизію по своему вкусу, а корпусному-то непріятно, но дастъ Богъ найдемъ правду.

Унтеръ-офицеръ. Меньше говорить, да больше думать, вотъ наше дѣло. Что-то нашъ полковой мошенничаетъ, только врядъ-ли удастся корпусному утушить.

Собственноручная записка Александра I-го, подаренная императоромъ Николаемъ въ 1826 г. г.-ад. барону И. И. Дибичу [1].

Послѣ кончины императора Александра I, генералъ-адъютантъ баронъ И. И. Дибичъ участвовалъ въ коммисіи, назначенной императоромъ Николаемъ для разбора дѣлъ, находящихся въ кабинетѣ покойнаго государя. Между прочими бумагами найдена была собственноручная записка императора Александра, написанная карандашемъ, на французскомъ языкѣ, безъ означенія числа и года. Государь Николай Павловичъ подарилъ ее г.-а. Дибичу, что видно изъ отмѣтки его: «изъ кабинета покойнаго государя. Съ высочайшаго соизволенія оставлено у меня. 1826 года ноября 23-го дня».

Содержаніе записки нижеслѣдующее:

— «Tu dors malheureux et un tas d'affaires t'attendent. Tu négliges tes devoirs pour te livrer au sommeil ou aux plaisirs, et les malheureux souffrent pendant que tu te vautre sur tes matelats. Quelle honte, tu n'a pas le courage de surmonter cette paresse qui a été toujours ton apanage. Lève toi, secoue le joug de tes propres faiblesses, redeviens homme et citoyen utile de la patrie».

(Переводъ). «Ты спишь несчастный, а груды дѣлъ тебя ожидаютъ. Ты пренебрегаешь своими обязанностями, чтобы предаться сну или удовольствіямъ, а несчастные страдаютъ пока ты валяешься

---

[1]) Документъ этотъ сохранился въ копіи въ бумагахъ, сообщ. намъ въ 1875 г. К. В. Чевкинымъ. Ред.

на своихъ матрасахъ. Какой срамъ, у тебя недостаетъ храбрости, чтобы побѣдить эту лѣность, которая всегда была твоимъ удѣломъ. Встань, освободись отъ ига присущихъ тебѣ слабостей, сдѣлайся опять человѣкомъ и полезнымъ гражданиномъ отечества».

Отъ Ред. Будущему историку царствованія Александра I предстоитъ рѣшить любопытный вопросъ, насколько записка эта можетъ служить для личной характеристики Благословеннаго. Ред.

Къ исторіи 14-го декабря 1825 г.

Собственноручная записка императора Александра I-го 1824 года.

«Есть слухи, что пагубный духъ вольномыслія или либерализма разлитъ или по крайней мѣрѣ сильно уже разливается и между войсками; что въ обѣихъ арміяхъ, равно какъ и въ отдѣльныхъ корпусахъ, есть по разнымъ мѣстамъ тайныя общества или клубы, которыя имѣютъ притомъ секретныхъ мисіонеровъ для распространенія своей партіи».

«Ермоловъ, Раевскій, Киселевъ, Михаилъ Орловъ, гр. Гурьевъ, Дм. Столыпинъ и многіе другіе изъ генераловъ, полковыхъ командировъ, сверхъ того бо́льшая часть разныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ».

Отъ Ред. Записка эта была найдена въ кабинетѣ императора Александра, послѣ кончины государя, и по приказанію императора Николая препровождена г.-а. барономъ Дибичемъ къ цесаревичу Константину Павловичу, который 26-го марта 1826 года отвѣчалъ изъ Варшавы нижеслѣдующимъ письмомъ:

«Баронъ Иванъ Ивановичъ! По высочайшей е. и. в. воли в. пр—во препроводили ко мнѣ записку собственной руки покойнаго государя императора, найденную между бумагъ въ его кабинетѣ, причемъ вы увѣдомили, что е. и. в. угодно знать зналъ ли я объ оной и кому она слѣдовала? препровождая при семъ обратно сію записку, прошу васъ доложить е. и. в., что хотя покойный государь императоръ изволилъ часто говаривать со мною о подобныхъ обстоятельствахъ, но объ сей запискѣ я не зналъ, а полагаю, что оная слѣдовала или къ графу Алексѣю Андреевичу Аракчееву, или къ князю Александру Николаевичу Голицыну. Покойный же государь императоръ, какъ я и прежде уже писалъ, въ 1822 или 1823 годахъ, навѣрное ни какъ не припомню, изволилъ мнѣ вручить въ С.-Петербургѣ для прочтенія весь уставъ Общества Благоденствія; я тогда доложилъ,

что какъ тетрадь большая, то не успѣю тамъ прочитать, государь изволилъ мнѣ приказать взять ее съ собою, и я оную, по прочтеніи, обратно отсюда представилъ е. и в., и вѣрно должна оная найтись въ кабинетѣ покойнаго.

Вы пишите, что у васъ дѣла въ Тайномъ Комитетѣ приходятъ медленно къ концу, и кажется не открывается болѣе новыхъ распространеній сообщниковъ, но только безпрестанно видно болѣе злоумыслія злодѣевъ; скажу вамъ, что здѣсь также комитетъ неутомимо трудится и все возможно старается къ открытію и изслѣдованію замысловъ тайнаго общества. (Цесаревичъ Константинъ).

Цесаревичъ Константинъ какъ образователь польской арміи.

Цесаревичъ Константинъ—г.-а. барону Дибичу.

Варшава, 22-го февраля 1826 г.

Препровожденное при отношеніи в. пр. ко мнѣ, отъ 16-го сего февраля за № 400, по высочайшему е. и. в. повелѣнію, описаніе жизни польскаго генерала Княжевича и найденныя у него записки я получилъ, о чемъ имѣю честь в. пр. увѣдомить и присовокупить, что все описанное о помянутомъ Княжевичѣ есть правда, исключая выраженій между прочимъ: что я имѣлъ надобность въ польскомъ войскѣ яко бы для своей забавы; на сіе могу сказать, что сформированіе оныхъ войскъ и доведеніе до устройства стоило не забавы, а весьма большихъ трудовъ.

Взглядъ императора Николая I-го на смертную казнь въ Россіи въ 1827 году.

Во время отсутствія графа Воронцова изъ Одессы въ 1827 году новороссійскими губерніями управлялъ тайный совѣтникъ графъ Паленъ. Во всеподданнѣйшемъ рапортѣ отъ 11-го октября 1827 г. графъ донесъ о тайномъ переходѣ двухъ евреевъ черезъ р. Прутъ, и присовокуплялъ, что одно только опредѣленіе смертной казни за карантинныя преступленія способно положить предѣлъ онымъ. Императоръ Николай на этомъ рапортѣ написалъ нижеслѣдующую собственноручную резолюцію:

«Виновныхъ прогнать сквозь тысячу человѣкъ 12 разъ. Слава Богу смертной казни у насъ не бывало и не мнѣ ее вводить».

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ по поводу политической благонадежности графа Валевскаго.

Представляя императору Николаю перлюстрованное письмо графа Валевскаго, бывшаго впослѣдствіи французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и предсѣдателемъ Парижскаго конгреса, цесаревичъ Константинъ Павловичъ присовокупилъ о немъ, во всеподданнѣйшемъ донесеніи отъ (24-го августа) 3-го сентября 1830 г., нижеслѣдующій отзывъ: «placé par sa naissance [1]) et par ses relations de famille dans une position, dont il aurait sans doute pu profiter (W.), manifeste des sentiments et une conduite, qui font honneur à ses principes». (Занимая по своему происхожденію и по семейнымъ связямъ положеніе, которымъ онъ могъ бы конечно воспользоваться, Валевскій проявилъ чувства и слѣдовалъ поведенію, приносящія честь его принципамъ).

Графъ Александръ Валевскій—камеръ-юнкеру Кожмяну (Kozmian).

Парижъ, 7 (19) августа 1830 г.

(Переводъ съ французскаго). Сколько событій послѣдовало съ тѣхъ поръ, какъ я васъ видѣлъ, сколько новаго. Вы говорите мнѣ о покореніи Алжира и плѣненіи Дея. Въ настоящее время рѣчь идетъ уже о совершенно иныхъ дѣлахъ. Г. Лафайэтъ, которому я никогда особенно не сочувствовалъ, утверждаетъ, что чудные дни 1789 года возвратились. Теперь наконецъ все спокойно, ясное время снова настало послѣ этой и невѣроятной и вмѣстѣ съ тѣмъ столь же сильной какъ и неожиданной бури; но не предвѣщаетъ ли это временное затишье новыя бури? Надо надѣяться, что нѣтъ. Никто однако не можетъ отвѣчать за будущее.

Всѣ существованія поколеблены, въ особенности велики опустошенія среди нашего общества.... Бо̀льшая часть тѣхъ лицъ, кои образовали общество, въ которомъ мы бывали ежедневно, уѣзжаютъ, покидаютъ Парижъ по разнымъ причинамъ. Во всякомъ случаѣ, я не полагаю провести здѣсь болѣе зимы.

При этихъ послѣднихъ событіяхъ я доказалъ болѣе, чѣмъ когда-либо, что я хочу быть полякомъ, а не французомъ, а между нами будь сказано, я могъ бы въ этой послѣдней роли проложить себѣ довольно хорошую дорогу. Я просилъ русскаго посланника, къ которому я являлся по поводу всей этой неурядицы, донести на сколько

[1]) „Fils naturel de Napoléon et dont la mère défunte avait epousé en secondes noces le général français Ornan“.

мое поведеніе было нейтральнымъ. («J'ai prié l'ambassadeur de Russie chez lequel je me suis présenté au milieu de toute cette bagarre, de faire savoir combien ma conduite avait été neutre»).

Парижъ производитъ теперь очень грустное впечатлѣніе, хотя онъ вполнѣ свободный, но свобода эта покупается слишкомъ дорогою цѣною, когда для пріобрѣтенія ея надо стать такъ близко къ пропасти.

Характеристика Севастопольскихъ защитниковъ.

Ген.-ад. баронъ Остенъ-Сакенъ—графу Киселеву.

Севастополь, 16-го февраля 1855 г. 156-й день обороны.
(Письмо гр. К. 13-го дек. 1854 г.).

Письмо ваше чрезъ г. Карамзина [1]), достойный гр. Пав. Дм., напомнило мнѣ золотыя времена нашего товарищества и служеніе мое подъ вашимъ, въ высокой степени пріятнымъ, начальствомъ.

Я нашелъ большое удовольствіе познакомиться съ симпатическимъ Карамзинымъ, который добросовѣстно исполняетъ благодѣтельную свою обязанность; но пребываніе его здѣсь, къ сожалѣнію, продолжалось только три дня.

Кровавая драма повидимому приближается къ развязкѣ. Провидѣніе очевидно хранитъ насъ. Идеальныя войска наши исполнены изумительнаго терпѣнія, усердія и самоотверженія. Это гладіаторы храбростію, съ тою разницею, что гладіаторы - идолопоклонники жаждали рукоплесканія весталокъ и другихъ зрителей; а наши, подвизаясь за вѣру, царя и отечество, ожидаютъ царства небеснаго.

Генералы наши, исключая единицъ, не соотвѣтствуютъ офицерамъ и солдатамъ. Я не говорю о личной храбрости, которая одна недостаточна для генерала.

Мнѣ пріятно воспользоваться случаемъ, чтобы съ новымъ удовольствіемъ повторить вамъ выраженіе внушенныхъ мнѣ вами искреннихъ чувствъ особеннаго уваженія и непоколебимой преданности. Б. Димитрій Остенъ-Сакенъ.

P. S. По случаю ослабленія зрѣнія, лишенъ удовольствія писать своеручно.

---

[1]) Влад. Ник. Карамзинъ, отправился въ Крымъ для преподанія помощи страждущимъ.

ПЕРВЕНЦЫ ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССІЙСКОЙ ГВАРДІИ

въ очеркахъ исторіи ихъ боевой и мирной жизни.

23-го мая 1883 года два старѣйшіе полка нашей гвардіи праздновали двухсотлѣтнія годовщины своего существованія. «Русская Старина» не только своевременно предупредила объ этомъ своихъ читателей, но помѣстила на своихъ страницахъ нѣсколько статей изъ прошлой жизни обоихъ полковъ Петровской бригады, какъ называютъ теперь полки Преображенскій и Семеновскій.

Каждый изъ этихъ близнецовъ-родоначальниковъ регулярныхъ войскъ, ко дню двухсотлѣтняго юбилея, издалъ свою исторію. Годомъ раньше вышла въ свѣтъ исторія лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка. Такимъ образомъ три первые полка русской гвардіи почти одновременно старались извлечь изъ архивовъ все то, что было замѣчательнаго, поучительнаго и славнаго изъ ихъ дѣяній, какъ на поляхъ битвъ, такъ и на поприщѣ мирной ихъ дѣятельности.

«Русская Старина» не могла оставить этихъ историческихъ трудовъ безъ вниманія и потому мы обратились съ просьбою къ одному изъ нашихъ сотрудниковъ — Павлу Петровичу Карцову — дать отзывъ о помянутыхъ книгахъ.

П. П. Карцовъ самъ принадлежитъ къ плеядѣ нашихъ «полковыхъ исторіографовъ». Одно изъ изслѣдованій этого рода, и притомъ безспорно одно изъ самыхъ лучшихъ въ прежнее время, принадлежитъ перу капитана, нынѣ генералъ-лейтенанта, П. П. Карцова—это исторія л.-гв. Семеновскаго полка, два объемистые тома, вышедшіе въ свѣтъ въ Спб., въ 1853—1854 гг.

Тѣмъ интереснѣе прочесть именно отзывъ этого военнаго писателя о новыхъ трудахъ, объемлющихъ исторію полковъ гвардіи. Ред.

I.

Лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ.

1683—1883 гг.

Вышедшіе въ свѣтъ два первые тома исторіи л.-гв. Преображенскаго полка, составленные капитаномъ Чичеринымъ, представляютъ описаніе жизни этого полка, отъ его основанія до вступленія на престолъ императора Александра I-го. Въ первомъ томѣ излагаются полковыя событія, совершившіяся при великомъ основателѣ полка, начиная отъ его зарожденія подъ именемъ «потѣшныхъ» и до кончины Петра I-го.

Въ вступленіи къ своему труду, авторъ его, хотя и кратко, но вполнѣ ясно очертилъ обзоръ военныхъ силъ Россіи до Петра. Затѣмъ онъ перешелъ къ изслѣдованію вопроса о времени основанія Потѣшной роты,—вопроса, надъ рѣшеніемъ котораго трудилась бо́льшая часть нашихъ историковъ послѣдняго времени: Погодинъ, Устряловъ, Соловьевъ и друг. Сличая выводы девяти историческихъ авторитетовъ, г. Чичеринъ, съ полною основательностію приходитъ къ заключенію, что временемъ основанія полка долженъ считаться 1683 годъ.

Тщательнымъ собраніемъ фактовъ о первомъ времени существованія полка авторъ его исторіи, съ особеннымъ умѣньемъ, пополняетъ тѣ пробѣлы, о которыхъ ранѣе его только вскользь упоминали лица, занимавшіяся тѣмъ же предметомъ. Описаніе маневровъ, происходившихъ въ 1690 и 1691 годахъ у села Семеновскаго, зарожденіе флота, строеніе судовъ на Переяславскомъ озерѣ, забавы на озерѣ Плещеевѣ, походы Кожуховскій и къ Архангельску,—все это изложено съ замѣчательною полнотою и при всемъ томъ разсказъ веденъ чрезвычайно интересно, а вслѣдствіе мастерскаго изложенія, читается легко и свободно.

Главнымъ источникомъ описанія этого времени служили автору: исторія царствованія Петра I-го,—Устрялова и его же сочиненіе «Лефортъ и потѣхи Петра Великаго».

Вообще, какъ изложеніе хода Сѣверной войны и приготовленій къ ней, такъ и весь трудъ г. Чичерина указываетъ на полное знакомство его съ тою массою сочиненій, которыя были написаны о Петровскомъ періодѣ. Въ двухъ объемистыхъ томахъ почти нѣтъ страницы, которая не имѣла бы нѣсколькихъ ссылокъ на того или другого автора. Добросовѣстность въ этомъ отношеніи доходитъ до педантизма, составляющаго, впрочемъ, неотъемлемое достоинство такого рода работы. Укажемъ для примѣра на штурмъ въ 1737 г. Очакова. Описывая его, г. Чичеринъ, на двухъ страницахъ, приводитъ 15 ссы-

ловъ на источники, подтверждающіе сказанное. Пораженные такимъ обиліемъ справокъ, мы сличали ихъ съ текстомъ источниковъ и не нашли ни одной ошибки, что легко могло бы случиться, если бы разработка историческаго матеріала велась съ меньшею тщательностію.

Излагая событія первостепеннаго значенія, авторъ разсматриваемаго нами сочиненія умѣлъ извлечь изъ бывшихъ въ его распоряженіи источниковъ все, что касалось эпизодовъ, относящихся къ отдѣльнымъ личностямъ, если только они принадлежали полку. Подобные эпизоды вставлены имъ такъ кстати, что хотя и составляютъ частности, но нисколько не затѣмняютъ нити разсказа, а напротивъ оживляютъ его. Къ числу такихъ случаевъ отнесятся, напримѣръ: выкупъ изъ плѣна Петромъ Великимъ служившаго въ полку сына посадскаго, взрывъ въ преображенской лабораторіи, усмиреніе булавинскаго бунта и проч.

Воздавая должное замѣчательному военно-историческому труду г. Чичерина, мы считаемъ необходимымъ замѣтить, что ему не слѣдовало вполнѣ полагаться на авторитетъ Устрялова и сомнѣваться въ исторической вѣрности словъ подполковника Семеновскаго полка кн. Голицына, сказанныхъ имъ при взятіи въ 1702 году Нотебурга, когда въ моментъ отчаяннаго боя, Петръ, видя, что гвардейцы гибнутъ, приказалъ ему отступить. «Передай государю, что теперь я принадлежу не ему, а Богу», отвѣтилъ Голицынъ, и чтобы уничтожить въ людяхъ мысль объ отступленіи, приказалъ оттолкнуть лодки отъ берега. Послѣдняго факта г. Чичеринъ не отвергаетъ, но полагаетъ, что такой отвѣтъ былъ несогласенъ съ тѣмъ безусловнымъ повиновеніемъ, которое Петръ требовалъ отъ войскъ. Если это неповиновеніе, оправданное впослѣдствіи, могло быть выражено на дѣлѣ, то почему же оно не могло появиться на словахъ? Если тотъ же Голицынъ, послѣ битвы при Лѣсной, могъ выставить царю заслуги бывшаго подъ опалой Рѣпнина, почему же ему въ моментъ, рѣшающій участь боя, не сказать словъ, подтвержденныхъ многими, вполнѣ достойными довѣрія, историками.

Вообще же, читая первый томъ исторіи Преображенскаго полка, какъ бы забываешь, что это не исторія всего царствованія Петра Великаго. Даже и такія затишья военныхъ дѣйствій, какъ зимнія квартиры гвардіи въ 1712 и 1713 годахъ въ прусской Польшѣ и пребываніе въ 1714 г. въ Голштиніи, описаны авторомъ вполнѣ интересно. Этими пріостановками въ военныхъ дѣйствіяхъ г. Чичеринъ весьма умѣло воспользовался для того, чтобы по собраннымъ имъ матеріаламъ, указать на изумительную заботливость царя о своей гвардіи, доходившую, среди важныхъ и разнообразныхъ политическихъ комбинацій, даже до мелочей.

Съ 1715 года, мы видимъ Преображенскій полкъ на судахъ, у береговъ Финляндіи, въ слѣдующемъ году — въ морскомъ походѣ у Ревеля и Риги, потомъ въ Даніи, затѣмъ снова въ Финскомъ заливѣ, — участникомъ Гренгам-

свой побѣды. Въ бывшихъ при этомъ дѣлахъ, какъ и вообще въ послѣдніе года Сѣверной войны, полку уже не приходилось выказать первенствующаго вліянія на военныя дѣйствія; но несмотря на это, его историкъ разработалъ ихъ съ рѣдкимъ умѣньемъ подмѣтить въ общемъ ходѣ событій все, что касалось, если не всего полка, то отдѣльныхъ членовъ его. Через это нѣтъ почти момента, чтобы читатель, разлучась съ полкомъ, не зналъ гдѣ онъ и что онъ дѣлаетъ. Даже и тѣ мѣста, которыя взяты цѣликомъ у другихъ авторовъ, напримѣръ, описаніе празднествъ по случаю мира съ Швеціей, заимствованное полностію изъ Берхгольца, приведены такъ кстати и такъ удачно, что нисколько не умаляютъ самостоятельности собственной работы г. Чичерина, умѣвшаго столь искусно изобразить петровскій періодъ, въ связи съ жизнію преображенцевъ.

Внутреннія учрежденія полка, составляющія второй отдѣлъ I-го тома, обработаны авторомъ съ меньшею самостоятельностію. Почти все имъ высказываемое основано на данныхъ, извлеченныхъ изъ архивовъ прежними историками гвардейскихъ полковъ. Но и при этомъ слѣдуетъ отдать справедливость той системѣ, съ которою изложена бытовая сторона полковой жизни. Особеннаго вниманія заслуживаетъ статья о командировкахъ, раздѣляющаяся на порученія: по операціямъ военныхъ дѣйствій, по горному производству, по геодезическимъ изслѣдованіямъ и морскимъ сооруженіямъ, по судебнымъ дѣламъ и разслѣдованіямъ. Кромѣ всего этого, въ этомъ отдѣлѣ встрѣчается весьма интересная и новая рубрика, подъ названіемъ: умственное образованіе чиновъ полка,—вопросъ до сихъ поръ незатронутый ни однимъ составителемъ исторіи полковъ.

Обратимся ко второму тому.

Онъ, подобно первому, дѣлится на тѣ же два отдѣла, т. е. на описаніе военныхъ дѣйствій и на внутреннія учрежденія. Первый отдѣлъ, по характеру военныхъ операцій, не могъ представлять того живого интереса и той пищи автору, какъ петровскій періодъ. Несмотря на это, онъ умѣлъ изложить его съ такими въ отношеніи полка подробностями, до которыхъ почти не касались предшественники Чичерина по одинаковой съ нимъ задачѣ. Укажемъ, напримѣръ, на описаніе войны 1733 года съ Польшею и на походъ въ 1735 году къ Рейну, для помощи Карлу VI. Хотя въ первой принимала участіе только команда, выдѣленная изъ преображенцевъ въ числѣ 700 человѣкъ, а во второмъ одни лишь волонтеры, взятые «изъ знатнаго дворянства, и паче достаточные содержаніемъ въ лучшемъ экипажѣ», но во всякомъ случаѣ это факты, незатронутые никѣмъ изъ полковыхъ историковъ.

Вѣроятно въ виду этого, излагая ихъ, авторъ еще чаще, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, почти каждую свою фразу подтверждаетъ ссылкою на источники, служившіе ему матеріаломъ.

Приступая къ изложенію событій той или другой войны, или описывая извѣстный ея эпизодъ, авторъ очерчиваетъ мѣстность боя дѣйствій такъ отчетливо, что читатель какъ бы имѣетъ ее передъ глазами. Чтобы достигнуть подобной рельефности изображенія, нужно было изучить массу источниковъ, что видимо было сдѣлано г. Чичеринымъ. Нѣкоторыя изъ его описаній, если и не имѣютъ выдающагося для полка значенія,—интересны въ смыслѣ старины, напримѣръ, церемоніалъ вступленія гвардейскаго отряда въ Петербургъ 27-го января 1740 года, или заимствованный у Соловьева переполохъ въ русскомъ лагерѣ, во время Шведской войны. Въ послѣднемъ фактѣ не видно участія преображенцевъ, но онъ характеризуетъ нравы того времени и въ особенности ненависть къ иноземнымъ офицерамъ, зародившуюся въ арміи со временъ Петра.

Къ подобнымъ же интереснымъ заимствованіямъ принадлежитъ: выписка изъ доклада императрицѣ Елизаветѣ объ анархическомъ управленіи дѣйствующею арміею, въ семилѣтнюю войну, фельдмаршаломъ Салтыковымъ. Фактъ, подтверждаемый уже однимъ тѣмъ, что было допущено имѣть при себѣ генералу 25, капитану 7, субалтернъ-офицеру 3 и даже каждому сержанту, капралу и фурьеру по одной лошади. Можно вообразить каковъ былъ при подобномъ обозѣ порядокъ на бивуакахъ и въ тылу арміи.

Въ войнахъ временъ Екатерины, Преображенскій полкъ въ полномъ составѣ участія не принималъ, но части его и большее или меньшее число волонтеровъ находилось на всѣхъ театрахъ дѣйствій того времени. Такъ, они являлись въ обѣихъ войнахъ съ турками и польскими конфедератами. были подъ Варшавою и на водахъ Средиземнаго моря. Въ числѣ отдѣльныхъ порученій особенно замѣчательна командировка маіора князя Юрія Долгорукова въ Черногорію, по дѣлу появившагося тамъ самозванца Степана Малаго, выдававшаго себя за Петра III. Дѣйствія же двухъ преображенскихъ ротъ, съ Орловымъ-Чесменскимъ въ Архипелагѣ, представляютъ рядъ блестящихъ подвиговъ, изложенныхъ подъ рубрикою «Архипелагская экспедиція».

Въ войнѣ съ шведами, первый годъ принималъ участіе одинъ баталіонъ, а второй два. Дѣлами при Скоби и Гекфорсѣ въ первую кампанію и дѣйствіями на Финскомъ заливѣ — во вторую, заканчиваются военные подвиги преображенцевъ въ минувшее столѣтіе, съ тѣмъ, чтобы послѣ 15-ти лѣтняго перерыва, начать цѣлый рядъ новыхъ достопамятныхъ военныхъ отличій. Описаніе этихъ дѣяній перваго полка нашей гвардіи должно составить еще непоявившійся III томъ его исторіи.

Внутреннія учрежденія и перемѣны, происходившія въ Преображенскомъ полку отъ кончины Петра I до вступленія на престолъ императора Александра, занимаютъ бо́льшую половину 2-го тома. Въ этомъ отдѣлѣ описаны: внѣшнее управленіе полка, производство и награды, хозяйство, обмундированіе и вооруженіе, строевая и гарнизонная служба, лагери, командировки, церемоніи

и парады. Какъ программа всего этого, такъ и самое содержаніе, большею частію основаны на сказанномъ въ историческихъ очеркахъ другихъ полковъ гвардіи. Впрочемъ иначе и быть не могло, такъ какъ Преображенскій полкъ руководствовался общими съ ними распоряженіями и то, что дѣлалось офиціальнаго въ одномъ полку, повторялось и въ другихъ.

Но совершенно особеннымъ и крайне интереснымъ представляется описаніе г. Чичеринымъ внутренней жизни полка и его участіе въ историческихъ событіяхъ женскихъ царствованій прошлаго столѣтія. Кромѣ подробныхъ разсказовъ о погребеніяхъ и коронованіяхъ императрицъ, въ его трудѣ находится все, что касалось преображенцевъ въ такіе моменты, какъ паденіе Меншикова и возвышеніе Долгорукихъ, какъ сверженіе Бирона и возведеніе на престолъ Елизаветы и Екатерины II.

Во всѣхъ этихъ переворотахъ ясно очерчены роли, выпавшія на чиновъ полка, и очерчены съ полною правдивостію, не скрывая даже и тѣхъ безобразій, которыя чинила потомъ лейбъ-компанія.

Четвертый томъ исторіи Преображенскаго полка состоитъ изъ приложеній къ двумъ первымъ и отчасти къ невышедшему третьему. Онъ принадлежитъ общему труду гг. Чичерина, Долгова и Афанасьева. Приложенія, относящіяся до первыхъ томовъ, составлены ихъ авторомъ; то же, что касается послѣдней войны съ турками—г. Долговымъ, а полный алфавитный списокъ офицеровъ полка, отъ его основанія до настоящаго времени, составили гг. Чичеринъ и Афанасьевъ.

Вышедшіе томы исторіи Преображенскаго полка, какъ по разработкѣ матеріаловъ, такъ по формѣ и легкости изложенія, составляютъ богатый вкладъ въ нашу военную литературу. Что же касается наружнаго вида изданія, то онъ, не оставляя желать ничего лучшаго, вполнѣ соотвѣтствуетъ достоинствамъ внутренняго его содержанія.

II.

Лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ.

Къ двухсотлѣтнему юбилею л.-гв. Семеновскаго полка, отпразднованному въ Москвѣ 23 мая сего года, издана его исторія. Авторъ этого почтеннаго и во многихъ отношеніяхъ замѣчательнаго труда, П. П. Диринъ, въ своемъ предисловіи и во многихъ мѣстахъ текста обоихъ томовъ, ссылается на изданныя мною въ 1852 и 1854 годахъ, по Высочайшему соизволенію, двѣ первыя части исторіи того же полка и на неизданную, но переданную г. Дирину въ рукописи, половину 3-й части.

Въ продолженіи 14-ти лѣтней службы моей въ Семеновскомъ полку, я

посвящалъ весь свой досугъ изученію прошлой, тогда полутора вѣковой его жизни. Я старался собирать по возможности болѣе данныхъ, не столько для оффиціально-служебной, сколько для бытовой стороны этой жизни. Для временъ отдаленныхъ, по неимѣнію записокъ современниковъ, это было невозможно; но начиная съ 1800 года, я уже могъ обращаться къ служившимъ въ полку въ золотой вѣкъ семеновцевъ, т. е. къ жившимъ еще тогда дѣятелямъ царствованія императора Александра I-го. Изъ полученныхъ мною отъ нихъ письменныхъ свѣдѣній, изъ разсказовъ тѣхъ, кого могъ видѣть лично, и было извлечено мною все то, что представляло бытовой интересъ и что я ввелъ, какъ дополненія къ оффиціальнымъ даннымъ, въ описаніе кампаній, ознаменовавшихъ начало текущаго столѣтія.

Хотя въ предисловіи къ изданной г. Дирииымъ книги и сказано, что напечатанная мною въ 1854 году исторія Семеновскаго полка доведена до царствованія Екатерины II, но это невѣрно,—она доведена до Павла I-го. Неизданное же продолженіе моего труда составляло 3-ю часть; въ нее входили царствованія Павла и Александра I-го. Для 4-й части я уже собиралъ матеріалы, думая довести ее до 1850 года, но выступленіе полка къ западной границѣ прервало мою работу. Третья часть раздѣлялась на два отдѣла: въ первомъ были изложены военныя дѣйствія, во второмъ — внутреннія учрежденія.

Весною 1854 года, отдѣлъ военныхъ дѣйствій, тщательно переписанный, по примѣру первыхъ двухъ частей, былъ представленъ мною, по командѣ, на воззрѣніе августѣйшаго шефа полка. Это было сдѣлано потому, что императоръ Николай Павловичъ удостоивалъ и первыя части исторіи полка прочтенія въ рукописи, дѣлая на ней собственноручныя отмѣтки.

Вскорѣ по представленіи 1-го отдѣла III части мы выступили въ походъ. Не имѣя кому оставить черновыя тетради оригинала и считая, какъ уже переписанныя, ненужными,—я уничтожилъ ихъ; черновыя же 2-го отдѣла, какъ не совсѣмъ еще обработанныя, взялъ съ собою. По возвращеніи изъ похода оказалось, что 1-й отдѣлъ затерялся, а 2-й былъ потомъ переписанъ, но издавать его, безъ самой интересной части полковой жизни, я не хотѣлъ. Не смотря на все стараніе разузнать куда дѣвалось описаніе военныхъ дѣйствій, отыскать его я не могъ. Знаю только, что бывшій въ то время начальникомъ штаба гвардейскихъ и гренадерскаго корпусовъ, генералъ-адъютантъ графъ Ѳ. Т. Барановъ, представилъ рукопись государю, что будто потомъ ее передали Великому Князю Николаю Николаевичу, наконецъ что ее видѣли у кого-то во дворцѣ. Впослѣдствіи я даже получилъ изъ главнаго штаба запросъ: нѣтъ ли у меня какихъ-либо свѣдѣній о представленной мною 3-й части исторіи полка.

Въ настоящее время, болѣе чѣмъ когда-либо, приходится сожалѣть о подобной участи описанія военныхъ дѣйствій Семеновскаго полка, потому

что, прочтя вновь изданную его исторію, я встрѣтилъ въ ней нѣсколько пробѣловъ и пропусковъ, о замѣчательныхъ эпизодахъ изъ жизни полка того времени. Въ изложеніи же послѣдующихъ событій, которыхъ я былъ уже личнымъ свидѣтелемъ и участникомъ, есть незначительныя ошибки или недомолвки, нисколько впрочемъ не уменьшающія достоинствъ составленной г. Дириными книги.

Ради полноты исторіи полка, въ которомъ проведены лучшіе годы моей молодости и преданность и любовь къ которому не уменьшились и подъ старость, считаю полезнымъ дополнить то, что недосказано и пропущено, или что выражено не вполнѣ точно.

1.

Составляя описаніе Аустерлицкаго сраженія, я занимался вмѣстѣ съ В. Ф. Ратчемъ, писавшимъ въ то время исторію гвардейской артиллеріи. Въ его рукахъ были походныя записки полковника Костенецкаго (извѣстнаго силача), командовавшаго въ 1805 году одною изъ конно-гвардейскихъ батарей. Изъ этихъ записокъ участника боя подъ Аустерлицемъ видно, что при отступленіи 1-й гвардейской пѣхотной бригады за Раусницкій ручей, одно изъ орудій батареи Костеницкаго продержалось на позиціи долѣе, чѣмъ слѣдовало, и въ то время, когда его брали на задки, на него бросился французскій эскадронъ. Бывшая близь батареи отступавшая цѣпь Семеновскаго полка и нѣсколько кавалергардовъ окружили отставшее орудіе и, образовавъ вокругъ него кучку, отбивались. Поручики того же полка, Текутьевъ и Усовъ, вскочивъ на станины, рубились покуда не пали подъ ударами, на глазахъ Костеницкаго, который въ это время успѣлъ отмотать отвозъ и вырвать орудіе изъ боя. Всѣ окружавшіе его были изрублены и ни одинъ не сдался живымъ непріятелю.

Эпизодъ этотъ совершенно тождественъ съ геройскою смертью офицеровъ л.-гв. Драгунскаго полка, павшихъ на орудіи въ послѣднюю войну съ турками.

2.

Къ числу лицъ, начавшихъ свою службу въ Семеновскомъ полку и достигшихъ потомъ знаменитости, принадлежалъ фельдмаршалъ графъ Дибичъ-Забалканскій. Получивъ образованіе въ прусскомъ кадетскомъ корпусѣ и перейдя въ русскую службу въ 1801 году, Дибичъ оставался въ Семеновскомъ полку до 1810 года, когда въ чинѣ штабсъ-капитана былъ переведенъ въ генеральный штабъ. Дибичъ былъ малъ ростомъ, дурно сложенъ и не мастеръ по фронтовой части. Передъ выходомъ его изъ полка, пріѣзжалъ въ Петербургъ одинъ изъ иностранныхъ принцевъ. Императоръ Ал-

ксандръ Павловичъ пожелалъ показать ему разводъ отъ Семеновскаго полка. Наканунѣ развода, разсматривая представленный полковымъ адъютантомъ поручикомъ Сипягинымъ нарядъ, государь, замѣтивъ, что Дибичъ, наряженный по очереди на главную гауптвахту, будетъ парадировать передъ старшимъ карауломъ, приказалъ назначить другого офицера. Зная свою очередь и, вѣроятно, видя черновой нарядъ, Дибичъ спросилъ Сипягина о причинѣ перемѣны. Адъютантъ долженъ былъ сослаться на приказаніе государя. Дибичъ обидился. Между тѣмъ, какъ всегда, въ полку нашлись остряки, которые передавали, вѣрно или невѣрно, будто бы государь, приказывая измѣнить нарядъ, выразился, что «фигура Дибича наводитъ на строй уныніе». Когда разсказываемое въ полку дошло до Дибича, то онъ черезъ князя Волконскаго просилъ объ отчисленіи его въ свиту по квартирмейстерской части. Эта непріятная для будущаго фельдмаршала случайность дала ему возможность, быть можетъ скорѣе, чѣмъ служба въ строю, выказать свои военныя способности и достичь высшихъ званій.

(Разсказано со словъ бывшаго командира полка, К. А. Криднера).

3.

Причиною отстраненія генерала Депрерадовича, въ 1807 году, отъ командованія Семеновскимъ полкомъ была не столько его расточательность, сколько странное его поведеніе во время сраженія подъ Фридландомъ. Въ то время, когда объ этомъ съ негодованіемъ говорили не только въ полку, но и вообще въ арміи, въ Петербургѣ никто не хотѣлъ этому вѣрить. Да и трудно было повѣрить, чтобы человѣкъ, державшій себя, два года назадъ, подъ Аустерлицемъ порыцарски и бывшій на глазахъ великаго князя Константина Павловича подъ ядрами и пушками, могъ такъ измѣниться. Причина столь странной перемѣны заключалась въ томъ, что передъ кампаніею 1807 года Депрерадовичъ вступилъ въ связь съ какой-то француженкой и настолько привязался къ ней, что имѣлъ слабость взять ее съ собою въ походъ. Это сильно не нравилось офицерамъ. Опасаясь огласки, всѣмъ незнакомымъ съ командиромъ полка лицамъ, спрашивавшимъ о сопровождавшей его дамѣ, приходилось говорить, что это жена его. Еще подъ Гейльбергомъ офицеры замѣтили, что Депрерадовичъ былъ въ возбужденномъ состояніи. Въ день же Фридландскаго сраженія никто не видалъ полковаго командира передъ фронтомъ. Послѣ полудня, передъ атакою гвардейской позиціи дивизіею Биссона, старшій полковникъ Вельяминовъ послалъ адъютанта отыскать полковаго командира. По коляскѣ, стоявшей у одного изъ сараевъ предмѣстья, адъютантъ нашелъ тамъ Депрерадовича, вмѣстѣ съ его подругою. Несмотря на нѣсколько разъ повторяемыя чрезъ посланныхъ просьбы и убѣжденія выѣхать къ полку, командиръ его не появлялся, отго-

заряваясь болѣзнію. Патріотизмъ-ли, или боязнь за любимаго человѣка были причиною, что француженка не выпустила Депрерадовича до конца сраженія, но это испортило его блестяще начатую карьеру. Черезъ нѣсколько дней, вмѣсто него, командиромъ Семеновскаго полка былъ назначенъ, отличившійся и израненный подъ Фридландомъ, командиръ Павловскаго гренадерскаго полка, генералъ Вердеревскій.

(Разсказано со словъ генералъ-адъютанта И. А. Набокова).

4.

Полковникъ Криднеръ получилъ л. гв. Семеновскій полкъ въ 1809 году. Случай, описанный въ книгѣ г. Дирина, о томъ, что онъ былъ принятъ Государемъ въ Вильнѣ прежде ожидавшихъ пріема главныхъ начальниковъ, происходилъ не потому, что Криднеръ являлся по случаю назначенія полковымъ командиромъ, а совершенно по другому обстоятельству и три года послѣ назначенія, именно въ 1812 году. Происходило это такъ:

Семеновскій полкъ въ концѣ мая мѣсяца подходилъ къ Вильнѣ, гдѣ уже находился Императоръ и главная квартира арміи. На послѣднемъ переходѣ, у деревни Нѣменчинъ, ротамъ предстояло, на небольшомъ паромѣ, переправляться черезъ Вилію. Криднеръ воспользовался продолжительностью переправы, чтобы въ это время съѣздить въ Вильно, представить шефу рапортъ и доложить о прибытіи полка. Въ пріемной залѣ дворца онъ увидѣлъ: Барклай-де-Толли, кн. Волконскаго, Сакена, Ермолова, принца Виртембергскаго, Балашова, барона Розена и другихъ. Какъ только камердинеръ доложилъ о Криднерѣ, Государь потребовалъ его въ кабинетъ, разспросилъ подробно о походѣ, о состояніи полка, объ офицерахъ. При этомъ разговорѣ Криднеръ дѣйствительно произнесъ пророческія для него слова: «Ваши ко мнѣ милости, Государь, погубятъ меня».

Что пріемъ молодого полкового командира, прежде выше названныхъ лицъ, могъ возбудить въ нихъ досаду, это несомнѣнно, но не съ этого времени началось недоброжелательство Ермолова къ Криднеру. Зависть къ нему зародилась въ кругу придворныхъ со дня его назначенія командиромъ полка и росла по мѣрѣ того, какъ увеличивалось къ нему благоволеніе Государя. Криднеръ былъ примѣрный, рѣдкій хозяинъ. Въ три года онъ покрылъ всѣ грѣхи Депрерадовича, и поставилъ матеріальную часть полка въ блестящее положеніе, чего не могли достигнуть командиры другихъ полковъ; но при этомъ Криднеръ былъ крайне педантиченъ и строгъ по службѣ. Никакія протекціи и связи не имѣли въ его глазахъ значенія и не избавляли офицера отъ взысканія за упущенія. Ермоловъ же, вообще не любившій нѣмцевъ, имѣлъ въ полку, между молодыми офицерами, двухъ родственниковъ и нѣсколько близкихъ знакомыхъ, разсказы которыхъ доводили до на-

чальника дивизіи многое въ преувеличенномъ видѣ. Вотъ почему, какъ только Государь отъѣхалъ отъ арміи, въ полку, не безъ косвеннаго вліянія Ермолова, стало проявляться между офицерами нерасположеніе къ командиру. Криднеръ видѣлъ это, но не перемѣнялъ своей системы командованія.

На одномъ изъ трудныхъ переходовъ, не доходя Витебска, во взводахъ подпоручика Нарышкина и прапорщиковъ Ладомірскаго и Анненкова, нѣсколько нижнихъ чиновъ, несмотря на строгое запрещеніе, вышли изъ фронта пить воду изъ канавы. Криднеръ увидѣлъ это и сильно, рѣзко распекъ названныхъ офицеровъ. По приходѣ на бивуакъ, вырвавшіеся у полковаго командира выраженія переходили отъ одного офицера къ другому, съ различными варіантами, и возросли до того, что нѣкоторые изъ ротныхъ командировъ обратились къ полковнику Посникову, какъ къ старшему представителю, съ просьбою заявить Криднеру, что если онъ не извинится передъ Нарышкинымъ, Ладомірскимъ и Анненковымъ, въ присутствіи всего общества офицеровъ, то всѣ они служить съ нимъ не будутъ и подадутъ рапорты о переводѣ. Можно вообразить какое дѣйствіе произвело на Криднера подобное заявленіе, но онъ не побоялся угрозъ и выдержалъ характеръ. Онъ поручилъ Посникову передать офицерамъ, что всякій считающій себя обиженнымъ, можетъ лично явиться къ нему для объясненій и получить удовлетвореніе, но извиняться, за сдѣланный по службѣ выговоръ, передъ всѣми, онъ не намѣренъ. Въ тотъ же день все это было передано Ермолову, который поспѣшилъ доложить великому князю Константину Павловичу, какъ корпусному командиру.

Передъ вступленіемъ въ Вязьму, въ раннее, ненастное утро, его высочество подъѣхалъ къ бивуаку полка и приказалъ всѣмъ офицерамъ, кромѣ полковаго командира, собраться къ нему. Здѣсь Константинъ Павловичъ обратился къ офицерамъ съ рѣчью, (въ моей пропавшей рукописи она была приведена дословно), въ которой высказалъ, что недоразумѣніе, возникшее между офицерами и полковымъ командиромъ, ему извѣстно, что онъ крайне сожалѣетъ о немъ, но, въ виду настоящихъ событій, проситъ офицеровъ не придавать этому случаю значенія, тѣмъ болѣе, что ихъ намѣреніе сильно огорчило бы Государя, который такъ любитъ полкъ и Криднера. Послѣдними словами великаго князя были:

— «Оставьте, господа, все это безъ послѣдствій; прошу васъ поступить такъ для меня».

Тронутые словами его высочества, офицеры обѣщали исполнить его желаніе, но на Криднера все это произвело потрясающее дѣйствіе; онъ серьезно заболѣлъ, подалъ рапортъ, но не оставлялъ полка даже и послѣ того, когда 23 августа, за три дня до Бородинскаго боя, Ермоловъ отдалъ приказъ о вступленіи въ командованіе Семеновскимъ полкомъ старшему полковнику Посникову. Для того, чтобы интригующая партія не могла сказать, что Крид-

неръ струсилъ, онъ, какъ свидѣтельствовалъ очевидецъ, полковой священникъ Наумовъ, во время Бородинскаго сраженія велѣлъ привезти себя къ полку, разослать между баталіонными колоннами коверъ и лежалъ на немъ подъ ядрами.

Послѣ Бородина Криднеръ, подавъ по болѣзни въ отставку, уѣхалъ изъ арміи. Возвратясь въ Петербургъ, онъ, не имѣя средствъ, поселился въ небольшомъ домишкѣ за Нарвской заставой, гдѣ жилъ совершеннымъ отшельникомъ. Въ теченіе 13 слѣдующихъ лѣтъ Криднеру только однажды представился случай встрѣтить Императора. Видимо, что ни тотъ, ни другой не искали встрѣчи и что для обоихъ она была бы тяжела. Но однажды, въ 1818 году, ѣхавши изъ Петергофа, Государь, не подалеку отъ заставы, увидѣлъ отставного Семеновскаго офицера идущимъ по шоссе; приглядѣвшись, онъ узналъ Криднера, приказалъ остановиться, подозвалъ его къ экипажу и, милостиво поздоровавшись, спросилъ—не желаетъ ли онъ вновь поступить на службу?

— «Поздно, Ваше Величество, отвѣчалъ Криднеръ,—я уже отсталъ, старѣю, плохъ здоровьемъ и разъ испытавъ послѣдствія Вашихъ ко мнѣ милостей, боюсь повторенія».

Императоръ нахмурился и приказалъ кучеру ѣхать. Съ тѣхъ поръ никто не произносилъ при немъ фамиліи Криднера.

Впослѣдствіи, уже въ царствованіе Николая Павловича, Криднеръ былъ приглашенъ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ управлять его дѣлами и имѣніями, жилъ въ одномъ изъ флигелей Михайловскаго дворца, гдѣ, въ 1850 году, лично передалъ мнѣ все вышеизложенное.

(Разсказано со словъ К. А. Криднера, провѣренныхъ свѣдѣніями, полученными отъ генераловъ Набокова и Бибикова, отъ тайн. совѣтн. Козловскаго, И. А. Дирина и отъ священника С. Наумова).

5.

Въ сраженіи подъ Люценомъ и Бауценомъ, Семеновскій полкъ имѣлъ значительныя потери. Авторъ изданной вновь исторіи его не могъ перечислить ихъ потому, что обозъ полка, а съ нимъ и дѣла полковой канцеляріи, въ слѣдующемъ году были захвачены французами. Но разъ, что въ архивѣ главнаго штаба есть указанія на пожалованныя офицерамъ награды за то, что «20 апрѣля, подъ Люценомъ, полкъ 4 часа находился подъ жестокими картечными выстрѣлами, а 9 мая мужественно прикрывалъ отступленіе арміи»—въ исторіи полка было бы необходимо указать, кто изъ офицеровъ и какъ былъ награжденъ за эти два сраженія.

Во время шестинедѣльнаго перемирія 1813 года, полкъ стоялъ близъ

Рейхенбаха, въ деревнѣ Лангендорфѣ (или Лангенбилау), лежащей въ прекрасной мѣстности, недалеко отъ замка, въ которомъ имѣли пребываніе императоръ Александръ и король Фридрихъ Вильгельмъ III, съ своимъ семействомъ. Въ расположеніи полка была походная церковь. По воскресеньямъ государь пріѣзжалъ въ нее, вмѣстѣ съ королемъ; кромѣ того генералъ Потемкинъ, почти ежедневно, съ нѣсколькими офицерами по очереди, былъ приглашаемъ къ высочайшему столу, такъ что офицеры полка весьма часто имѣли случай видѣть августѣйшихъ союзниковъ. Въ это-то именно время Фридрихъ-Вильгельмъ III и ознакомился съ Семеновскимъ полкомъ на столько близко, что лично зналъ почти всѣхъ офицеровъ. Однажды государю угодно было показать королю полкъ въ полномъ составѣ. Поэтому былъ назначенъ парадъ, на которомъ присутствовала вся королевская фамилія. Здѣсь Семеновцы впервые имѣли случай увидѣть юную, пятнадцатилѣтнюю принцессу прусскую Шарлоту, впослѣдствіи императрицу Александру Федоровну, уже въ то время удивлявшую всѣхъ своею красотою. Это происходило, если мнѣ не измѣняетъ память, 12 (24) іюня.

Скажу теперь о томъ, что хотя и не имѣетъ отношенія къ Семеновскому полку, но не будетъ лишнимъ на страницахъ «Русской Старины», какъ доказательство того почитанія, какое существовало въ Пруссіи къ Николаю I-му.

Черезъ 50 лѣтъ послѣ вышеупомянутаго парада, именно въ мартѣ 1863 года, мнѣ довелось быть командировану въ Берлинъ, на закладку монумента королю Фридриху-Вильгельму III. Прусскій фельдмаршалъ Врангель далъ русской депутаціи обѣдъ, послѣ котораго бесѣдовалъ со мною въ кабинетѣ. Вспоминая объ императорѣ Николаѣ Павловичѣ, онъ показалъ мнѣ портретъ императрицы Александры Федоровны, лично ею подаренный и снятый въ то время, когда они уѣзжали изъ Пруссіи въ Россію. Указывая на него, Врангель сказалъ: «Это была не женщина, а ангелъ». Затѣмъ взявъ меня подъ руку и отводя къ стоявшей за ширмою кровати, прибавилъ:

— «А здѣсь я покажу тебѣ (онъ имѣлъ привычку говорить ты) передъ кѣмъ я ежедневно молюсь».

И съ этими словами отдернулъ зеленую занавѣску, у изголовья кровати, прикрывавшую стеклянный ящикъ. Въ ящикѣ лежала гипсовая маска, снятая съ лица императора Николая Павловича: «das war ein Keiser, das war ein Mensch!» были послѣдними словами этой сцены.

Еще нѣсколько словъ къ характеристикѣ Врангеля.

Перейдя въ крайне просто убранный залъ, я замѣтилъ у камина громадную глыбу каменнаго угля, на отполированной, лицевой сторонѣ которой находилась надпись «An Papa Vrangel. 1849». Оказалось, что это было поднесеніе отъ рабочихъ какой-то шахты. Видя, что и при закладкѣ монумента, когда Врангель велъ къ нему отрядъ ветерановъ 1813 года, публика ока-

зывала ему шумныя оваціи, я рѣшился спросить фельдмаршала: какая главная причина такой любви къ нему народа?

— «Нашъ народъ, отвѣчалъ Врангель, добро помнитъ. Онъ любитъ меня за то, что когда въ 1848 году берлинцамъ вздумалось пошалить, то я угостилъ ихъ картечью».

6.

Въ описаніи П. П. Дириныхъ событія 1820 года встрѣчается нѣкоторая разница съ тѣмъ, что на основаніи достовѣрныхъ источниковъ было помѣщено мною о томъ же происшествіи въ «Русской Старинѣ». Статья моя, находившаяся въ копіи съ оригинала въ рукахъ г. Дирина, была еще въ 1854 году прочтена императоромъ Николаемъ и возвращена мнѣ лично государемъ наслѣдникомъ Александромъ Николаевичемъ, въ его кабинетѣ. Отдавая рукопись, его высочество, при генералъ-адъютантѣ Сумароковѣ, сказалъ мнѣ: «Возьми твою тетрадь и храни ее въ твоемъ семействѣ, какъ память о томъ, что рѣдко на какой либо статьѣ государь дѣлалъ столько своеручныхъ замѣтокъ. Онъ приказалъ поблагодарить тебя за твой трудъ, но печатать его находитъ еще не своевременнымъ, потому что не хочетъ огорчать людей, близкихъ тѣмъ, память которыхъ онъ цѣнитъ. Со временемъ же это можетъ быть издано, какъ правдивое и интересное историческое изслѣдованіе».

Противъ тѣхъ мѣстъ, которыя нѣсколько измѣнены г. Дирінымъ, никакихъ помѣтокъ государемъ сдѣлано не было, и потому полагаю, что ихъ слѣдовало оставить безъ измѣненій. Укажу на эти мѣста:

а) Генералъ Бенкендорфъ, прибывъ въ роту его величества, не дѣлалъ допроса нижнимъ чинамъ совмѣстно съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ. Въ то время, какъ онъ говорилъ съ выстроенною въ корридорѣ ротою, его высочество оставался въ фельдфебельской комнатѣ, съ офицерами.

Кромѣ того не помѣщенъ слѣдующій случай, имѣвшій значеніе.

Для опроса рота была построена: гренадерскій взводъ въ нижнемъ, а стрѣлковый—въ верхнемъ корридорѣ. Когда Бенкендорфъ сталъ говорить съ гренадерами, они начали просить его, чтобы всю роту свели вмѣстѣ, и, къ удивленію, это было исполнено. Не указываетъ ли это, вмѣстѣ съ тѣмъ, что по заявленію, сдѣланному штабъ-офицерами полка еще передъ лагеремъ, ничего не было предпринято, что Бенкендорфъ дѣйствовалъ какъ-то странно, чтобы не сказать двусмысленно. Всякій, занимающій его постъ, никогда не допустилъ бы нижнихъ чиновъ заявлять, изъ фронта, свое мнѣніе, какъ ихъ опрашивать, порознь или вмѣстѣ. На это обстоятельство ясно указано въ моей статьѣ.

б) Вѣроятно авторъ вновь изданной исторіи полка пользовался, сравни-

тельно со мною, источниками болѣе полными. Въ военно-судномъ дѣлѣ, въ запискахъ и письмахъ Вадковскаго, въ воспоминаніяхъ Энгельгарда, Рачинскаго и другихъ, я нигдѣ не встрѣчалъ указаній, чтобы унтеръ-офицеры роты его величества, въ день ея арестованія, были уволены изъ дворцоваго манежа въ казармы и чтобы въ крѣпость отвели однихъ рядовыхъ. Равно мнѣ не было извѣстно и то, что Бенкендорфъ, въ роковую ночь съ 17-го на 18-е октября, посылалъ полковника Вадковскаго разыскивать своихъ адъютантовъ, что Васильчиковъ просилъ мнѣнія и совѣта Вадковскаго, для своихъ распоряженій.

Далѣе: изъ показаній современниковъ о пріѣздѣ ночью на площадь генерала Потемкина, значилось, что его появленіе увеличило безпорядокъ, а не уменьшило его. Нижніе чины, уже начинавшіе было строиться, завидя Потемкина, бросились къ нему, просили его вновь принять полкъ, изъявляли готовность служить безъ жалованья, лишь бы избавиться отъ полковника Шварца; генералъ Бистромъ пріѣхалъ къ полку не при Потемкинѣ, а когда его уже не было на площади. По первому извѣстію о пріѣздѣ корпуснаго командира, люди построились.

в) Въ главѣ объ изслѣдованіи причинъ безпорядка 1820 года справедливо замѣчено, что кротость Александра I не могла допускать побоевъ и жестокостей; но могъ ли государь все знать, хотя и есть указаніе, что кое-что о Шварцѣ было уже извѣстно ему. Передъ 1820-мъ годомъ Шварцъ командовалъ другимъ стоявшимъ въ Петербургѣ полкомъ. Передъ весною государь обыкновенно смотрѣлъ унтеръ-офицеровъ въ залахъ Зимняго дворца. На одномъ изъ такихъ смотровъ его величество остался особенно доволенъ унтеръ-офицерами полка Шварца и сказалъ полковымъ командирамъ: «я бы желалъ, чтобы всѣ довели своихъ унтеръ-офицеровъ до подобнаго совершенства».

— И такими же средствами? сказалъ шепотомъ стоявшій позади государя Потемкинъ.

Государь оглянулся и съ улыбкою погрозилъ Потемкину.

г) Въ той же главѣ П. П. Дирииъ видимо старается оправдать дѣйствія и распоряженія корпуснаго командира князя Васильчикова, но самъ же говоритъ: «знай корпусный командиръ лучше полкъ, отнесись онъ къ нему и дѣйствуй иначе, онъ не только спасъ бы его, но и не далъ бы развиться безпорядку». Не слѣдуетъ ли изъ этого, что Васильчиковъ не зналъ полка и что дѣйствовалъ не такъ, какъ должно. Затѣмъ начинаются оправданія, иначе сказать—облегчающія вину обстоятельства; но все-таки вина существовала. Васильчиковъ самъ чувствовалъ это и потому пробовалъ оправдываться и передъ государемъ, и передъ княземъ Волконскимъ, чтобы было кому за него заступиться. Онъ писалъ императору, что «не могъ допустить, чтобы позволить ротѣ собираться ночью, не слушать фельдфебеля и жаловаться капитану на полковника». Во первыхъ, рота собиралась не ночью, а въ

обычный часъ переклички; во вторыхъ, изъ суднаго дѣла видно, что она собралась не для жалобы, (жалоба высказана послѣ), а чтобы просить объ отмѣнѣ домашняго десяточнаго смотра. Далѣе Васильчиковъ пишетъ, что онъ упрекалъ Шварца за строгость служебныхъ требованій, но что тиранства въ немъ никакого не было. Странно, что корпусный командиръ не зналъ того, что знали всѣ и о чемъ было доложено его начальнику штаба всѣми штабъ-офицерами, за 5 мѣсяцевъ до происшествія? Поступокъ государевой роты, въ одномъ изъ своихъ оправдательныхъ писемъ, Васильчиковъ называетъ вспышкою. Какимъ же образомъ за вспышку сажать цѣлую роту въ крѣпость, да еще тѣмъ обманнымъ способомъ, какъ это было сдѣлано? Роту, вполнѣ покорную, ведутъ въ корпусный штабъ, говоря ей, что корпусный командиръ желаетъ самъ лично опросить ее, и вмѣсто того корпусный командиръ, не показываясь ей и оставаясь въ сѣняхъ штаба, приказываетъ ввести ее въ манежъ, гдѣ уже приготовилъ конвой для отвода въ крѣпость. Могутъ сказать, что рота заключена была не за то, что вышла произвольно на перекличку и не послушалась фельдфебеля, а за то, что не выдала зачинщиковъ. Но изъ описанія происшествія видно какими способами хотѣли узнать ихъ. Всѣ только разговаривали съ нижними чинами, собранными вмѣстѣ, но никто не дѣйствовалъ, никого даже не попробовали спросить по одиночкѣ, точно боялись:—а вдругъ онъ скажетъ кто подбивалъ людей, и тогда никакого безпорядка не выйдетъ, отвѣтятъ отдѣльныя личности, а не весь полкъ. Изъ первыхъ же донесеній императоръ Александръ увидѣлъ, что Васильчиковъ не правъ; государь 5 ноября писалъ Аракчееву: «я почти увѣренъ, что если бы съ 1-ю гренадерскою ротою поступлено было приличнѣе при самомъ началѣ, то ничего важнаго не было бы». Васильчиковъ не могъ быть настолько неопытенъ, чтобы не знать какъ дѣйствуютъ въ подобныхъ случаяхъ. Причину его распоряженій слѣдуетъ искать не въ двусмысленности его положенія, какъ говоритъ г. Диринъ, а въ томъ, что ему, какъ и многимъ другимъ, хотѣлось подорвать расположеніе государя къ Потемкину и доказать, что онъ распустилъ полкъ, а Шварцъ только жертва этой распущенности. Хотѣлось также умалить значеніе полка въ глазахъ императора, и тѣмъ какъ бы показать Семеновцамъ, что и ихъ счастіе преходяще. Если бы Васильчиковъ имѣлъ въ виду помочь полку, а не раздразнивать его своими распоряженіями, то онъ не доносилъ бы государю о происшествіи въ такомъ духѣ, что оно производило впечатлѣніе открытаго бунта, не обрисовалъ бы дѣла самыми мрачными красками, наконецъ не выразилъ бы, что «примѣръ ослушанія Семеновскаго полка имѣлъ хорошее вліяніе на прочія войска», точно ему было необходимо, чтобы въ Семеновскомъ полку что-нибудь случилось, для того чтобы другіе могли доказать свое усердіе и тѣмъ выставить ихъ заслуги.

Замѣчательно и то, что оправдывая себя, Васильчиковъ обвинилъ такихъ

генераловъ, какъ графъ Милорадовичъ, Левашовъ, Потемкинъ, баронъ Розенъ. Левашовъ былъ предсѣдателемъ военно-судной коммисіи надъ нижними чинами и конечно могъ узнать сущность дѣла лучше корпуснаго командира. Если справедливо, какъ писалъ Васильчиковъ, что Левашовъ громогласно заявлялъ, а Милорадовичъ его поддерживалъ, что государева рота невинна и что судъ не можетъ иначе поступить, какъ оправдать ее, то описывающему причины происшествія, не слѣдовало оправдывать человѣка, не умѣвшаго и не хотѣвшаго распорядиться какъ слѣдовало.

Съ сформированіемъ полка въ новомъ составѣ, Васильчиковъ является его протекторомъ. Онъ не останавливается сдѣлать публичный выговоръ почтенному старику коменданту Башуцкому, за то что онъ на разводъ поставилъ новыхъ Семеновскихъ офицеровъ ниже кавалергардовъ. Въ письмѣ же къ князю Волконскому жалуется на петербургское общество, говоря, что послѣднему досадно видѣть между новыми офицерами нѣкоторыхъ весьма приличныхъ. Не указываетъ ли это на желаніе доказать, что о прежнемъ полковомъ обществѣ жалѣть нечего.

Какъ бы ни старались приверженцы и сторонники оправдать бывшаго въ 1820 году командира гвардейскаго корпуса въ описываемомъ дѣлѣ, факты говорятъ сами за себя и ихъ не уничтожатъ никакія разсужденія о благородствѣ характера, о положеніи и личныхъ достоинствахъ Васильчикова. Никто оспаривать этихъ достоинствъ и качествъ не будетъ, но всякій, подробно знающій событіе 1820 года и ходъ его, скажетъ, что Васильчиковъ былъ виновникомъ того, что ничтожная вспышка въ одной ротѣ была, вслѣдствіе его распоряженій, причиною гибели цѣлаго полковаго состава.

7.

Сказанное на 175 стр. второго тома вышедшей исторіи Семеновскаго полка о проѣздѣ въ 1849 году великаго князя Михаила Павловича, черезъ расположеніе 4-й роты (которою я въ то время командовалъ) въ м. Вороновѣ, можетъ быть дополнено слѣдующимъ:

На ординарцы къ его высочеству подходилъ унтеръ-офицеръ не Шелепеватый (такого въ ротѣ не было), а Щегловитый.

По принятіи ординарцевъ великій князь обратился къ офицерамъ съ словами:

— «Ну что вы тутъ подѣлываете?»

Мы отвѣтили, что въ свободное время гуляемъ, занимаемся рыбною ловлею, а Подсѣдлевичъ и Паленъ иногда охотятся.

— «А жидовскихъ свадебъ не устраиваете?

— Нѣтъ, ваше высочество.

— «Это презабавная штука. Въ 1821 году, когда я стоялъ съ 1-ю брига-

дою, въ глухую осень въ Свенцянахъ, я отъ скуки часто занимался этимъ. Бывало дашь 25 руб. и на другой день свадьба готова».

Затѣмъ обходя построенныя возлѣ станціи два капральства (остальныя стояли по деревнямъ), великій князь говорилъ:

— «Какъ это все молодо,—ни одного знакомаго изъ старыхъ сослуживцевъ».

Я доложилъ, что всѣ старики, изъ безсрочныхъ, оставлены въ 4-мъ баталіонѣ.

По другую сторону станціоннаго крыльца стояло нѣсколько помѣщиковъ и шляхты, нарочно собравшихся изъ окрестностей. Замѣтя за озеромъ мызу, его высочество, обратясь ко мнѣ, спросилъ каковы наши отношенія къ жителямъ, и кто владѣлецъ мызы? Я отвѣчалъ, что мы живемъ мирно, а имѣніе принадлежитъ пану Развадовскому, и прибавилъ, что онъ находится въ числѣ собравшейся публики.

— «Неужели это тотъ Развадовскій,—сказалъ великій князь, обращаясь къ генералу Толстому,—который былъ адъютантомъ въ Литовскомъ полку?» и съ этими словами направился къ зрителямъ. Я поспѣшилъ къ Развадовскому предварить его, что его высочество желаетъ говорить съ нимъ и представилъ его.

Послѣ нѣсколькихъ словъ съ нашимъ хозяиномъ, Михаилъ Павловичъ заключилъ разговоръ съ нимъ слѣдующимъ:

— «Очень радъ, что постояльцы ваши довольны, увѣренъ, что и вы будете довольны ими». Затѣмъ, проходя къ экипажу, тихо сказалъ мнѣ: «однако ты не очень полагайся на угодливость пановъ, будь съ ними себѣ на умѣ».

Прибавлю къ этому незначительный, но характеризующій солдатъ того времени, эпизодъ изъ моей стоянки съ ротою въ Вороновѣ, разсказанный самимъ Развадовскимъ.

На одной изъ рыбныхъ ловель, Развадовскій расхваливалъ расторопность унтеръ-офицера Петрова (онъ былъ уроженецъ села Коростыни, на озерѣ Ильмени, и страстный рыболовъ).

— «А вы, кажется, очень полюбили его»—замѣтилъ я.

— Да, теперь мы друзья, а сначала онъ напугалъ меня.

— «Какимъ образомъ»—спросилъ я.

— Вѣдь вы прислали его квартирьеромъ?

— «Ну такъ что же?»

«Наканунѣ прихода роты—продолжалъ панъ—я былъ по хозяйству въ полѣ. Возвращаясь домой, вижу, что жена въ какомъ-то страхѣ и предупреждаетъ, чтобы я входилъ тише, потому что въ кабинетѣ меня ждетъ гвардеецъ. Вхожу и вижу громаднаго мущину при оружіи; каска въ рукахъ, а самъ, растянувшись на диванѣ, спитъ глубокимъ сномъ. Изъ его повелительнаго тона жена и прислуга заключили, что это долженъ быть офицеръ, а

потому я не рѣшился будить его. Долго всѣ въ домѣ ходили на цыпочкахъ. Съ приближеніемъ обѣденнаго времени, я приказалъ поставить приборъ для грознаго гостя. Наконецъ онъ проснулся, протеръ глаза и увидя меня передъ собою, протягиваетъ мнѣ руку и говоритъ:

— «А, панъ, здравствуй! Изволька пошевеливаться, да проворнѣе очищай домъ. Здѣсь будетъ квартира нашего капитана; мебель смотри подбирай получше».

«Я испугался; называю его ясневельможнымъ паномъ, упрашиваю избавить мой домъ отъ постоя, доказываю, что ротному командиру гораздо удобнѣе стоять въ мѣстечкѣ; Петровъ и слышать не хочетъ.

— «Нечего отговариваться. Ты вѣрно не знаешь что̀ такое гвардія! Да знаешь ли ты, что великій князь знаетъ всякаго въ ней солдата, что за ослушаніе тебѣ бѣда будетъ» и проч.

«На мой вопросъ съ кѣмъ я имѣю честь говорить и какой у него чинъ, Петровъ отвѣчалъ:

— «До моего чина тебѣ дѣла нѣтъ, а исполняй что велятъ».

«Чтобы какъ нибудь умаслить его, я предложилъ прежде пообѣдать, а затѣмъ заняться отводомъ квартиры. Двѣ три рюмки старой вудки и стаканъ венгерскаго сдѣлали свое дѣло и смягчили Петрова настолько, что послѣ обѣда онъ вмѣстѣ со мною пошелъ въ мѣстечко, гдѣ мы и выбрали для васъ квартиру, но все-таки мебель для нея онъ взялъ отъ меня».

Когда я разспрашивалъ потомъ Петрова, зачѣмъ онъ заставлялъ Развадовскаго очищать для насъ домъ, то получилъ такой отвѣтъ:

— «Съ ними, ваше высокоблагородіе, иначе не возможно. Я сначала хотѣлъ прямо занять домъ гдѣ вы изволите квартировать, но староста сказалъ, что это домъ пана и что онъ ни за что не велѣлъ отдавать его. «Хорошо же, говорю я старостѣ, твой панъ самъ будетъ просить меня, чтобы въ этомъ домѣ стали господа офицеры. Вотъ я почему и пугнулъ его».

8.

Описывая отдаленныя времена полковой жизни, авторъ исторіи Семеновскаго полка, съ полною откровенностію и съ одинаковою для всякаго періода любовью къ истинѣ, излагаетъ какъ похвальныя дѣйствія чиновъ, стоявшихъ во главѣ управленія полкомъ, такъ и ихъ ошибки и погрѣшности. Такое направленіе всякаго историческаго изслѣдованія должно составлять главное его достоинство, но оно должно быть проводимо одинаково черезъ все описываемое время, а не умаляться съ приближеніемъ къ современности.

Въ этомъ отношеніи замѣтимъ, что при описаніи командованія полкомъ генерала Липранди слѣдовало бы указать, что оно имѣло свои особенности.

П. П. Липранди былъ человѣкъ очень умный и лично вполнѣ безкорыстный, слылъ хозяиномъ, но вовсе не былъ имъ и не умѣлъ заставить другихъ дѣйствовать съ тѣмъ же безкорыстіемъ, которымъ отличался лично. Какъ человѣкъ замѣчательно хитрый и какъ офицеръ, совершенно не любившій строя, онъ понялъ, что надо придумать что-нибудь особенное, новое, и для того, чтобы заставить говорить о себѣ, возсталъ противъ старыхъ обычаевъ хозяйства, чѣмъ сразу прикрылъ свою строевую неспособность. Съ перваго года своего командованія полкомъ, онъ началъ подавать записки о необходимости составить положеніе о ротномъ хозяйствѣ на иныхъ началахъ, объ уничтоженіи артельнаго способа довольствія, основаннаго на вычетахъ изъ получаемыхъ нижними чинами денегъ. Въ то же время онъ старался доказать, что все, что практиковалось до него, никуда не годится, что надо во всемъ больше гласности, что всякая въ полку экономія вредна, потому что ее и быть не можетъ, если все отпускаемое доходитъ до солдата, наконецъ, что если его предположенія осуществятся, то онъ проведетъ въ казармы воду и освѣтитъ ихъ газомъ и проч. и проч. Все это нравилось; о Липранди говорили въ городѣ какъ объ исключительномъ полковомъ командирѣ, какъ о гонителѣ зла и новаторѣ по части хозяйства. Но изъ всего этого вышло больше говора и шума, чѣмъ дѣла. Хотя ротное хозяйство, дѣйствительно, получило иныя основанія, но все другое осталось какъ было.

Въ продолженіе 5-ти-лѣтняго командованія Липранди, внутренній порядокъ значительно опустился. Не проходило мѣсяца, чтобы великій князь за что либо не сердился. То онъ встрѣчалъ нижнихъ чиновъ въ безпорядкѣ, то казармы оказывались дурно топленными, то обнаруживалъ неисправность въ караулахъ, что прежде считалось рѣдкостью. Наконецъ, полкъ, всегда отличавшійся изысканнымъ щегольствомъ, былъ найденъ его высочествомъ, на репетиціи полковаго праздника, въ столь небрежно сшитыхъ мундирахъ, что Михаилъ Павловичъ спросилъ полковаго командира: не повивальная ли бабка завѣдуетъ у него швальнею?

Что касается строевой части, по которой полкъ всегда считался передовымъ, то и она съ 1843 по 1848 годъ постепенно слабѣла и если полкъ не былъ хуже другихъ, то единственно благодаря ротнымъ командирамъ, помнившимъ уроки Ребиндера. Къ несчастію и составъ баталіонныхъ командировъ того времени былъ подходящимъ къ полковому. Кто знавалъ и помнитъ Ив. Ив. Челищева, полковниковъ Дюгамеля и Тутолмина, тотъ конечно согласится, что они были прекрасные люди, но первый и третій не болѣе какъ жуиры, отличные товарищи, дорогіе собесѣдники, но никакъ не руководители баталіоновъ. Сергѣй Осиповичъ Дюгамель былъ человѣкъ весьма умный и начитанный, но флегматикъ, до нельзя разсѣянный, ставившій свой комфортъ выше строевыхъ требованій. Нелюбовь къ строю доходила

у Липранди до того, что на полковыхъ ученьяхъ у него никогда не доставало терпѣнія объѣхать весь полкъ. Доѣдетъ бывало до знамени 1-го баталіона и поворачиваетъ передъ середину полка. Отъ этого остряки-солдаты 2-го и 3-го баталіоновъ говаривали: «вотъ говоритъ, что о здоровьи хлопочетъ, а на насъ и смотрѣть не хочетъ».

Все это привело къ тому, что на одномъ изъ бригадныхъ смотровъ императоръ Николай Павловичъ былъ настолько недоволенъ происходившими въ полку ошибками, что приказалъ увести полкъ съ плаца, чего не бывало ни прежде, ни послѣ. Великій князь Михаилъ Павловичъ, конечно видѣлъ и зналъ гдѣ причины ослабленія порядка, но снисходилъ къ Липранди, какъ къ человѣку, имѣвшему боевую репутацію и потому пользовавшемуся особымъ вниманіемъ государя и симпатіями въ городскомъ обществѣ. Много было труда его преемнику, чтобы возвратить полку то, что было утрачено въ 5 лѣтъ и поставить все на ту же степень внутренняго порядка и строевой исправности, которыми полкъ отличался при Ребиндерѣ и во всѣ послѣдующіе года, при генералахъ Гильденштуббѣ и Бистромѣ. Покойный генералъ Жирковъ, въ то время командиръ Преображенскаго полка и затѣмъ 1-й гвардейской пѣхотной бригады, бывало говаривалъ: «Ужъ стало быть Семеновскій полкъ хорошъ, если и въ 5 лѣтъ его не испортили».

Казалось бы, что для полноты внутренней полковой жизни, въ исторіи полка не слѣдовало умалчивать о вышесказанномъ, во первыхъ, хотя бы даже для того, чтобы заслуги слѣдующихъ полковыхъ командировъ были замѣтны, а во вторыхъ, въ подтвержденіе того, что очень часто одна и та же личность можетъ быть крайне полезною въ бою и совершенно не на мѣстѣ въ мирное время.

9.

О кончинѣ великаго князя Михаила Павловича Семеновцы узнали въ Вильнѣ. Она произвела на полкъ потрясающее впечатлѣніе. Мы не могли себѣ представить гвардію безъ Михаила Павловича. Забыты были всѣ строгія его требованія, его распеканія и взысканія. Въ памяти каждаго офицера одно за другимъ воскресали только тѣ факты, которые краснорѣчиво указывали на его необыкновенную доброту, его справедливую оцѣнку службы, его заступничество при случавшемся съ офицеромъ несчастіи, его тайную помощь нуждавшимся. 30 лѣтъ все это испытывали офицеры полка, находясь подъ командою его высочества. Только когда не стало этого рыцаря долга и чести, молодое военное поколѣніе почувствовало свою потерю. При Михаилѣ Павловичѣ не было мѣста ни протекціи, ни интригѣ. Мы знали, что ни адъютантство при комъ бы то ни было, ни служба въ штабахъ, не дадутъ никому преимущества передъ фронтовою службою, что со стороны

никто не обойдетъ въ чинѣ и въ наградахъ исправнаго строеваго офицера. Вспоминались тѣ безчисленные примѣры, когда всякій, носящій гвардейскій мундиръ, при всѣхъ невзгодахъ жизни, могъ прямо обращаться къ великому князю и находилъ въ немъ и ходатая, и покровителя.

Тѣло его высочества провозили черезъ Вилькоміръ, гдѣ была назначена остановка на сутки. Для встрѣчи его и дежурства при гробѣ были назначены 12 офицеровъ Семеновскаго полка. Такъ намъ пришлось лично убѣдиться въ непритворной печали солдатъ о кончинѣ великаго князя. Когда тѣло везли по фронту Измайловскаго полка, не было солдата, по лицу котораго не катились бы градомъ слезы. Любовь солдата къ Михаилу Павловичу ощутительнѣе всего выражалась во время его вояжей по Россіи. На каждой станціи собиралось множество отставныхъ солдатъ, стариковъ, приходившихъ за десятки верстъ для того, чтобы только взглянуть на бывшаго своего командира.

10.

Походъ Семеновскаго полка въ 1849 году въ Литву, подъ командою генерала Гильденштуббе, заслуживаетъ болѣе подробнаго описанія, чѣмъ сдѣланное во вновь изданной исторіи полка. Про этотъ походъ говорили, что Семеновцевъ вели церемоніальнымъ маршемъ отъ Петербурга до Вильны. Это красное словцо, пущенное въ ходъ завистниками, нуждается въ поясненіи. Генералъ Гильденштуббе требовалъ только указаннаго въ уставѣ, но требовалъ неотступно и постоянно. Находясь безотлучно при полку, онъ на каждомъ переходѣ объѣзжалъ роты, пропускалъ ихъ мимо себя, обращалъ вниманіе на опрятность и въ особенности на бодрый видъ людей. Неряшливымъ и вялымъ сильно доставалось, но тѣмъ ротамъ, которыя хотя бы въ концѣ 25-ти верстнаго перехода шли стройно, молодцовато, отдавалось приказаніе идти нѣсколько переходовъ совершенно свободно, даже не собираясь въ ряды, при его проѣздѣ. Это, сряду послѣ командованія Липранди, казалось труднымъ только въ теченіе первой недѣли марша, но потомъ всѣ такъ втянулись въ подобный порядокъ, что онъ казался вполнѣ естественнымъ. Пройти мимо командира, послѣ 20 верстъ, даже при осенней непогодѣ, живо и молодцовато, потомъ было уже дѣломъ обычнымъ. Помню такой случай: иду я, уже въ концѣ октября, съ ротой по шоссе; на встрѣчу карета; изъ нея выходитъ генералъ. Я велѣлъ ударить фельдмаршъ, рота быстро собралась въ отдѣленія и прошла мимо генерала. Ея видъ и бодрость настолько удивили его, что онъ просилъ меня остановить роту и обошелъ всѣ отдѣленія, подробно осматривая одежду и осанку людей. Спросивъ меня много ли мы прошли отъ ночлега и узнавъ, что уже 17 верстъ, генералъ сказалъ: «Это просто поразительно! Благодарю васъ, поручикъ. Вы мнѣ, старику,

доставили большое удовольствіе видѣть примѣрный порядокъ въ походѣ, да еще при осеннемъ ненастьѣ». Это былъ Н. Н. Муравьевъ, впослѣдствіи Карскій.

Походъ, о которомъ говорю, ясно доказываетъ, что въ военной службѣ все зависитъ отъ того, кто стоитъ во главѣ части. Въ то время, когда про Семеновцевъ говорили, что ихъ 700 верстъ вели церемоніальнымъ маршемъ, мнѣ приходилось видѣть роты другого полка, шедшими въ изумительномъ безпорядкѣ, въ разбродѣ, растянувшимися на версту. Даже на каретѣ командира полка офицеры стояли на подножкахъ, сидѣли на козлахъ и на запяткахъ. При этомъ навѣрное можно сказать, что для нихъ походъ казался гораздо тяжелѣе, чѣмъ для насъ. Въ Семеновскомъ полку, при каждой ротѣ была одна или двѣ осѣдланныя офицерскія лошади, на которыя мы садились по очереди; требовалось только, чтобы по фельдмаршу всѣ были на мѣстахъ. Впрочемъ очень часто, въ теченіе всего перехода, никто не пользовался лошадью,—такъ мы подъ конецъ втянулись въ походъ.

Въ выноскѣ къ стран. 177-й П. П. Дирінъ упоминаетъ о случаѣ съ капитаномъ Скюдери.

Скюдери былъ лихой товарищъ, добрый и умный малый, не всегда исправный по службѣ, за что ему часто доставалось, но солдаты очень любили его. Въ походѣ по ротно, для того чтобы А. И. Гильденштуббе рѣже видѣлъ его роту, а слѣдовательно и рѣже распекалъ бы его, Скюдери выступалъ съ ночлега часа въ два и успѣвалъ придти на мѣсто, не попадаясь на глаза полковому командиру. Послѣдній, не видя 2-й роты нѣсколько дней и догадавшись въ чемъ дѣло, приказалъ не выступать ранѣе 4-хъ часовъ. Скюдери и послѣ этого ухитрялся кончать переходъ раньше, чѣмъ Гильденштуббе догонитъ его роту. Оказалось, что онъ до того пріучилъ 2-ю роту къ быстрому шагу, что она легко, безъ приваловъ и безъ отсталыхъ, дѣлала до 6 верстъ въ часъ.

Служа потомъ въ арміи, Скюдери обнаружилъ блистательную храбрость, отличился при Ольтеницѣ, былъ тамъ страшно израненъ, выздоровѣлъ, получилъ Якутскій полкъ и во время осады Севастополя, въ сраженіи на Черной, палъ передъ полкомъ, получивъ нѣсколько смертельныхъ ранъ. Умирая на перевязочномъ пунктѣ, для того чтобы подчиненные и товарищи не видѣли страданій на его лицѣ, онъ просилъ прикрыть его распущеннымъ знаменемъ и испустилъ духъ, цѣлуя его.

11.

Въ августѣ 1851 года праздновалось не 25-ти лѣтіе царствованія императора Николая, а двадцатипятилѣтіе дня его коронованія. Для этого былъ направленъ изъ Петербурга въ Москву гвардейскій отрядъ, состоявшій изъ первыхъ баталіоновъ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ и изъ пер-

выхъ эскадроновъ кавалергардовъ и конной-гвардіи, подъ командою генералъ-адъютанта Катенина. Семеновскій баталіонъ былъ усиленъ до полнаго комплекта выборными людьми всего полка, снабженъ двойнымъ комплектомъ новаго обмундированія и вещей, однимъ словомъ снаряженъ щегольски. Командовалъ имъ полковникъ баронъ Бистромъ, сдѣланный за первый же разводъ на Кремлевской площади флигель-адъютантомъ. Тогда гвардейскія части впервые были направлены въ Москву по желѣзной дорогѣ, не вполнѣ еще отдѣланной и не открытой для публики. Выступленіе Семеновскаго баталіона происходило въ присутствіи императора Николая Павловича, безъ всякихъ предварительныхъ репетицій. Въ то время не было ни правилъ для перевозки войскъ по желѣзнымъ дорогамъ, ни офицеровъ генеральнаго штаба, завѣдывающихъ передвиженіемъ. Только наканунѣ отъѣзда взводнымъ командирамъ и фельдфебелямъ были указаны на мѣстѣ посадки вагоны и помосты, по которымъ всякому взводу слѣдовало идти на платформу. Затѣмъ на казарменныхъ дворахъ сдѣланъ былъ расчетъ по вагонамъ, указано куда кому поворачиваться рядами и, не смотря на это, посадка была исполнена, при государѣ, въ примѣрномъ порядкѣ, въ продолженіи 5 минутъ. Передъ посадкою, въ высочайшемъ присутствіи происходило молебствіе и освященіе дороги. Его величество оставался на платформѣ, покуда нашъ поѣздъ, при звукахъ народнаго гимна, не скрылся изъ вида.

Помнится, что въ Семеновскомъ поѣздѣ, въ одномъ съ офицерами вагонѣ, были отправлены въ Москву камеръ-пажи, изъ которыхъ многіе занимали и теперь занимаютъ видныя должности, на различныхъ поприщахъ службы. Напримѣръ, графъ Протасовъ-Бахметьевъ, баронъ А. А. Фредериксъ, Н. Е. Барановъ, Маркусъ и другіе.

Желѣзная дорога доканчивалась. Офицеры путей сообщенія и машинисты еще не были вполнѣ знакомы ни съ подъемами, ни съ силою паровозовъ, такъ что у послѣднихъ иногда не доставало паровъ. Мы должны были выходить изъ вагоновъ и тогда нижніе чины помогали локомотиву подымать поѣздъ по подъему.

Императорская фамилія ѣхала въ Москву тоже въ первый разъ по желѣзной дорогѣ. При проѣздѣ императора былъ случай, о которомъ тогда всѣ говорили. Государю угодно было подробно осмотрѣть устройство одного изъ большихъ мостовъ. Для этого онъ приказалъ остановить поѣздъ, со всею свитою спустился къ рѣкѣ, чтобы видѣть систему моста снизу. Затѣмъ разспросивъ обо всемъ графа Клейнмихеля и строителей, его величество возвратился въ вагонъ. Но поѣздъ, взойдя на мостъ, сталъ останавливаться и, не смотря на усилія локомотива, не двигался впередъ, хотя колеса быстро вертѣлись. Оказалось, что подрядчикъ, подновляя окраску желѣзной обшивки мостоваго полотна, передъ самымъ проходомъ царскаго поѣзда, густо окрасилъ и рельсы; чрезъ это колеса крутились по маслу, но не имѣя

тренія, оставались на мѣстѣ. Пришлось ждать покуда рельсы не были посыпаны крупнымъ пескомъ.

По прибытіи въ Москву, батальонъ размѣстился въ Покровскихъ казармахъ, а офицерамъ былъ нанятъ отъ города, по близости, отлично устроенный и меблированный домъ Шелашниковыхъ. Двѣ съ половиною недѣли, проведенныя нами въ Москвѣ, были рядомъ торжествъ, парадовъ и праздниковъ. Такъ какъ г. Диринъ упоминаетъ только объ угощеніи баталіона въ Семеновской слободѣ, то дополню недосказанное.

Довольствіе нижнихъ чиновъ улучшенною пищею производилось отъ города. Кромѣ того, на каждаго человѣка отпускалось ежедневно по бутылкѣ пива и по 20 коп. деньгами. Отъ этого роты ничего не покупали, а отпускаемыя отъ казны съѣстныя деньги обогатили ротныя суммы. Независимо отъ этого, не проходило дня, чтобы въ казармы и въ караулы не являлись прикащики купцовъ, просить у ротныхъ командировъ и караульныхъ начальниковъ позволенія угостить людей калачами, пряниками или яблоками, отъ имени своихъ хозяевъ. Тогдашній генералъ-губернаторъ, графъ Закревскій, старался доставить офицерамъ всевозможныя удовольствія. Обѣды, балы, спектакли, то у него, то въ дворянскомъ собраніи, то у губернскаго предводителя Черткова, смѣнялись одно другимъ.

Въ то время я уже занимался составленіемъ исторіи Семеновскаго полка и потому счелъ необходимымъ представиться ветерану отечественной войны А. П. Ермолову, бывшему въ 1812 г. начальникомъ 1-й гвардейской дивизіи. Ему видимо было пріятно поговорить о прошломъ и отъ него я узналъ многое, что и было мною занесено на страницы пропавшей моей рукописи, о военныхъ дѣйствіяхъ въ царствованіе Александра I-го. Что же касается до событія 1820 года, то Ермоловъ сказалъ слѣдующее: «Меня въ то время, къ сожалѣнію, не было въ Петербургѣ; но если бы я былъ на лицо, то конечно не допустилъ бы Васильчикова сдѣлать то, что онъ сдѣлалъ съ славнымъ полкомъ. Ему, видно, было мало примѣра съ Криднеромъ и захотѣлось снова поддержать нѣмца». О Шварцѣ Алексѣй Петровичъ отзывался съ полнымъ презрѣніемъ.

22-го августа, въ день 25-ти лѣтней годовщины коронаціи, мнѣ довелось стоять съ ротою въ караулѣ на главной кремлевской гауптвахтѣ. Императорская чета шествовала въ Успенскій соборъ, по устроенному мимо караула помосту, среди несмѣтныхъ массъ народа, наполнявшаго не только Кремль, но и окружающія его площади и улицы. Никогда нельзя забыть того момента, когда государь, возвратясь на Красное крыльцо, кланялся на три стороны народу. Ни звона Ивановскихъ колоколовъ, ни пушечныхъ выстрѣловъ, ничего не было слышно отъ того «ура», которое огласило Москву въ эту минуту. Я видѣлъ какъ народъ подымалъ надъ собою младенцевъ, въ знакъ того, что, по слову монарха, онъ готовъ отдать за него и себя, и дѣтей своихъ.

Одинъ изъ купцовъ просилъ дозволенія генералъ-губернатора угостить Семеновцевъ передъ выѣздомъ. Когда баталіонъ пришелъ на путевой дворъ желѣзной дороги, то на немъ были уже накрыты столы для нижнихъ чиновъ, а офицеровъ пригласили на роскошный завтракъ, устроенный въ вокзалѣ. Послѣ нѣсколькихъ тостовъ, хозяинъ угощенія такъ расходился, что, обращаясь къ графу Закревскому, сказалъ:

— «Ваше сіятельство, позвольте остаться имъ еще на денекъ; мы бы показали что̀ можетъ сдѣлать Москва для царской гвардіи».

Войдя въ вагоны, каждый изъ офицеровъ нашелъ на своемъ мѣстѣ нарядную корзинку, съ надписью его чина и фамиліи. Въ корзинкѣ были: бутылка шампанскаго, пара жареныхъ рябчиковъ, страсбургскій пирогъ, нѣсколько пирожковъ, ананасъ или персики и салфетка. Такая предусмотрительность устроителя проводовъ была очень кстати, потому что по дорогѣ не вездѣ еще были устроены буфеты.

Этими одинадцати пунктами заканчиваю мои дополненія и воспоминанія. Много еще интереснаго можно было бы добавить къ исторіи полка, покрытаго двухсотъ-лѣтнею славою, но одному мѣшаетъ измѣняющая память, а оттого является опасеніе сказать что-либо невѣрно, другому—то, что сказанное съ заслуженною похвалою о лицахъ, еще живущихъ, можетъ быть приписано лицепріятію.

III.

Лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ.

1730—1882.

Изданная въ 1882 году исторія л.-гв. Измайловскаго полка, по принятой авторомъ формѣ изложенія и по объему содержанія, рѣзко дѣлится на двѣ половины. До эпохи отечественной войны это скорѣе хроника, нежели исторія, и хроника съ своеобразнымъ, отрывистымъ методомъ разсказа. За исключеніемъ немногихъ эпизодовъ, напримѣръ взятія въ 1781 году Очакова, мы видимъ одно перечисленіе событій, большею частью безъ указаній какъ и почему они происходили. На всѣхъ 256 страницахъ текста, кромѣ двухъ—трехъ ссылокъ на военнаго исторіографа Богдановича, нигдѣ не сдѣлано авторомъ указаній на тѣ источники, которые служили бы основаніемъ того, что онъ описываетъ. Между тѣмъ во всякомъ научномъ, а тѣмъ болѣе историческомъ изслѣдованіи — это необходимо. Подобный недостатокъ лишаетъ сочиненіе авторитетности, и невольно умаляетъ довѣріе къ читаемому. Слѣдовало бы по крайней мѣрѣ хоть тамъ, гдѣ выставляются новые, далеко

чены. Возьмемъ для примѣра хоть то, что фельдмаршалъ Минихъ, въ моментъ Очаковскаго боя, беретъ измайловское знамя, ѣдетъ съ нимъ впереди баталіона и лично ведетъ его на штурмъ крѣпости. Дальнѣйшее описаніе битвы изложено весьма краснорѣчиво. Напримѣръ, на стр. 14, читаемъ, что пули и гранаты рвутъ ряды штурмующихъ, что они встрѣчаютъ неодолимыя препятствія, что массы непріятеля падаютъ къ ногамъ героевъ и т. д. Послѣ столь громкихъ фразъ ожидаешь страшныхъ потерь, но оказывается, что баталіонъ имѣетъ всего трехъ убитыхъ.

По всей вѣроятности авторъ, получивъ приказаніе, какъ онъ говоритъ въ предисловіи, написать исторію полка, или не имѣлъ возможности пользоваться тѣми источниками, которыми такъ богата исторія Семеновскаго полка, или не имѣлъ времени извлечь изъ нихъ то, что касалось его задачи. Первыя 70 лѣтъ существованія полка, жизнь котораго описываетъ авторъ, представляются до того сжатыми, что читатель не видитъ въ нихъ и тѣни бытовой старины этой жизни; недомолвки такъ часты, что невольно задаешь себѣ вопросъ: для чего? зачѣмъ? Такъ, напримѣръ, говорится, что, въ 1748 г. одинъ изъ баталіоновъ полка ходилъ въ Москву и вернулся черезъ два года, но чѣмъ было это вызвано,—необъяснено. Точно также мы не видимъ, какъ шло хозяйственное управленіе полка, было ли оно коллегіальнымъ, какъ въ другихъ полкахъ гвардіи, или зависило отъ командировъ? Были ли въ Измайловскомъ полку такъ называемые «господа полковые штабы», какое отношеніе имѣли его офицеры къ придворной жизни, какой результатъ имѣло учрежденіе при полку кадетскихъ ротъ и какъ шла ихъ жизнь въ теченіе почти полувѣковаго ихъ существованія и проч.?

Но болѣе всего жаль, что авторъ совершенно умолчалъ о томъ дѣятельномъ участіи полка, которое довелось ему принять въ восшествіи на престолъ императрицы Екатерины II. Это замѣчательное событіе такъ важно для полковой исторіи измайловцевъ, что мы считаемъ нужнымъ возобновить его въ памяти тѣхъ, кому оно извѣстно и ознакомить съ нимъ тѣхъ, которые не знаютъ роли полка въ столь важной исторической эпохѣ.

28-го іюля 1762 года, въ 8 часу утра, къ одной изъ ротъ Измайловскаго полка подкатилъ запыленный экипажъ. Въ немъ была Екатерина II. Ударили тревогу. Въ мигъ сбѣжалось нѣсколько солдатъ. Три роты, подготовленныя офицерами, окружили пріѣхавшую императрицу. Она обратилась къ нимъ съ трогательною рѣчью, оканчивавшеюся словами: «только на васъ возлагаю мою надежду». Солдаты отвѣчаютъ ей дружнымъ «ура»! Екатерина выходитъ изъ кареты, принимаетъ съѣзжающихся къ полку лицъ, содѣйствовавшихъ перевороту, затѣмъ обходитъ по нѣкоторымъ солдатскимъ свѣтлицамъ, прося содѣйствія измайловцевъ, и вездѣ слышитъ ихъ отвѣтъ: «рады сложить свои головы за матушку-царицу».

въ это время двое солдатъ приводятъ священника въ ризѣ, съ крестомъ, и подъ открытымъ лѣтнимъ небомъ начинается присяга. При ея началѣ подъѣзжаютъ къ казармамъ извощичьи дрожки и съ нихъ слѣзаетъ, въ блестящемъ мундирѣ, шефъ Измайловскаго полка, знаменитый Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій. Онъ изъявляетъ Екатеринѣ свои вѣрноподданническія чувства и тутъ же присягаетъ. Его примѣръ дѣйствуетъ на солдатъ и офицеровъ и не прошло получаса, какъ весь полкъ былъ на сторонѣ возводимой на тронъ императрицы. Во главѣ его и подъ его охраною, она слѣдуетъ къ Семеновскому полку и затѣмъ торжественно вступаетъ въ столицу [1]).

Вторая половина разсматриваемаго труда разработана полнѣе, хотя и въ ней нѣкоторые интересные моменты описаны слишкомъ бѣгло и безъ связи съ общими событіями. Описанія Аустерлицкаго и Фридландскаго сраженій ведены такъ, какъ будто бы въ нихъ не было другихъ войскъ, кромѣ гвардіи. Обрисовывая частные эпизоды, авторъ вмѣсто подкрѣпленія своихъ словъ источникомъ, изъ котораго они почерпнуты, употребляетъ выраженія «разсказывали», «говорили будто бы», но кто говорилъ, и въ какой мѣрѣ вѣроятно разсказываемое — не объясняетъ.

Въ противуположность сказанному, Бородинскій и Кульмскій бои изображены весьма хорошо, но дальнѣйшій ходъ войны съ такими мировыми событіями, какъ битва народовъ подъ Лейпцигомъ и взятіе Парижа, описаны на одной страницѣ.

Очень можетъ быть, что Измайловскому полку не довелось принимать непосредственнаго участія въ дѣлахъ этого времени, но не полагаемъ, чтобы онъ, состоя въ одной дивизіи съ полками Преображенскимъ и Семеновскимъ, не былъ въ одинаковомъ съ ними положеніи. Для общей связи слѣдовало бы указать, какъ совершалось движеніе полка по Франціи, какихъ именно дѣлъ онъ былъ свидѣтелемъ, гдѣ стоялъ и какую несъ службу въ Парижѣ, на какихъ былъ торжествахъ и парадахъ. Подобнаго рода пропуски встрѣчаются и въ болѣе близкое время: не объяснены причины похода полка въ 1821 г., въ Литву, а также и то, какимъ образомъ, идя отъ Дуная къ Варнѣ, полкъ могъ переходить Малые Балканы, не переходя Большихъ [2]).

Описывая происходившее въ 1850 году празднованіе 50-ти лѣтія, со дня назначенія шефомъ полка императора Николая Павловича, авторъ говоритъ, что при этомъ находились ветераны временъ Екатерины, но никого изъ нихъ не называетъ, тогда какъ было бы крайне интересно знать имена ихъ.

---

[1]) Записки Позье, стр. 631; Шумахеръ, стр. 27; мемуары Германа; «Русская Старина», августъ изд. 1882 г.

[2]) Если авторъ подразумѣвалъ подъ именемъ Малыхъ Балканъ сѣверные отроги Большихъ, то объ этомъ слѣдовало оговорить, потому что подъ Малыми извѣстны горы, окаймляющія долину Гіопса съ юга.

нымъ замѣтить: 1) что нареканіе, сдѣланное на карту Турціи полковника Артамонова, значительно преувеличено. Ошибки могли быть, но никто изъ дѣлавшихъ минувшую войну не замѣчалъ, чтобы вмѣсто 20 верстъ по картѣ, приходилось дѣлать 40 верстъ. Доказывать это тѣмъ, что полкъ вышелъ утромъ и пришелъ только къ ночи, нельзя, такъ какъ продолжительность перехода зависитъ не только отъ разстоянія, но и отъ скорости движенія, отъ качества пути и проч.

2) Подполковникъ генеральнаго штаба Сухомлиновъ не могъ 15-го декабря передавать приказаній Измайловскому полку, потому что онъ находился въ это время совершенно при другомъ отрядѣ,—въ г. Ловчѣ.

Въ заключеніи нашего краткаго отчета о послѣдней изданной исторіи Измайловскаго полка, скажемъ, что все касающееся послѣдней войны и въ особенности участія полка въ сраженіи при Горномъ Дубнякѣ и въ переходѣ черезъ Балканы описано авторомъ вполнѣ подробно и точно.

П. П. Карцовъ.

20-го октября
1883 г.

Примѣчаніе. Помѣщаемъ полныя заглавія разобранныхъ выше исторій трехъ первыхъ старѣйшихъ полковъ россійской императорской лейбъ-гвардіи.

Исторія лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка съ 1683—1883 г.

Четыре тома. Составили: I и II томы—адъютантъ военнаго министра, гвардіи капитанъ А. Чичеринъ, III томъ—л.-гв. Преображенскаго полка штабсъ-капитанъ С. Долговъ и прапорщикъ Афанасьевъ; IV томъ — капитанъ А. Чичеринъ, штабсъ-капитанъ Долговъ и прапорщикъ Афанасьевъ.

Рисунки виньетокъ—профессора Шарлеманя.

Изданіе л.-гв. Преображенскаго полка.

Посвящено Державному шефу.

Печатано въ типографіи А. А. Краевскаго, 1883 г. Въ текстѣ находятся: 1) два портрета Петра I, портреты Екатерины I, Петра II, Анны Іоанновны, Елизаветы Петровны, Петра III, Екатерины II и Павла I; 2) карта походовъ полка, 6 плановъ сраженій и осадъ и 3 рисунка формъ одежды.

IV томъ состоитъ изъ 56 приложеній и полнаго списка штабъ и оберъ-офицеровъ полка, отъ его основанія до настоящаго времени.

Исторія лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка.

Два тома. Составилъ П. Дирииъ. С.-Петербургъ. Типографія Эдуарда Гоппе. 1883 г.

Посвящается Державному шефу.

Въ текстѣ находится: портретъ императора Петра I, 4 карты походовъ и передвиженій, 5 картъ маршрутовъ и 9 плановъ сраженій.

Кромѣ того къ изданію приложенъ изящный альбомъ рисунковъ in folio, состоящій изъ 40 листовъ, съ портретами царствовавшихъ особъ, лицъ императорской фамиліи, числившихся и числящихся въ полку, фельдмаршаловъ, начавшихъ въ немъ службу, и полковыхъ командировъ.

Весь текстъ окаймленъ виньеткою, представляющею полковое шитье на офицерскихъ мундирныхъ воротникахъ.

Вообще изданіе можно назвать роскошнымъ.

История лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка.

Составилъ капитанъ Н. Зноско-Боровскій I. С.-Петербургъ. Типографія Лобанова. 1882 г.

Въ текстѣ находится портретъ императрицы Анны Іоанновны, планъ Измайловской слободы 1755 года и 4 плана сраженій. Приложеній къ книгѣ 6.

П. К.

РАЗСКАЗЪ СОЛДАТА ѲЕДОРА МИНЯЙЛО О ВОЙНѢ

1877—1878 гг.

Въ Полтавѣ живетъ отставной унтеръ-офицеръ Ѳедоръ Миняйло. Судя по его разсказамъ, онъ въ числѣ первыхъ русскихъ воиновъ, въ послѣднюю русско-турецкую войну, вступилъ въ предѣлы Турціи и участвовалъ въ первомъ сраженіи съ врагами. На его долю выпало участіе въ одномъ изъ труднѣйшихъ и въ то же время славныхъ подвиговъ этой кампаніи, а именно—въ защитѣ Шипки противъ бѣшенныхъ атакъ Сулеймана и взятіи въ плѣнъ его арміи. Участвовалъ онъ далѣе въ побѣдоносномъ шествіи нашихъ войскъ къ Константинополю, наконецъ былъ въ Санъ-Стефано, почти подъ самыми стѣнами этого города.

Воротившись изъ похода домой, Ѳедоръ составилъ описаніе этого похода подъ выписаннымъ выше заглавіемъ. Читалъ онъ его своимъ домашнимъ и знакомымъ, такъ попало оно и въ мои руки. Сдѣлавъ въ немъ необходимыя литературныя и грамматическія поправки, сообщаю его почтенной редакціи „Русской Старины", для помѣщенія на страницахъ этого журнала. Разумѣется, разсказъ Ѳедора Миняйло можетъ быть цѣненъ не въ литературномъ отношеніи, какъ равно и со стороны фактической онъ не вноситъ ничего новаго въ исторію послѣдней русско-турецкой войны. Онъ дорогъ и представляетъ интересъ, какъ разсказъ солдата, участника и очевидца всего того, о чемъ въ немъ повѣствуется; дороги—душевное настроеніе, чувства, проникавшія солдата во время военныхъ дѣйствій.

Ив. Матченко.

Незабвенный для меня день 15-е іюня 1877 года. Наканунѣ этого дня, поздно вечеромъ, 14-я дивизія прибыла въ селеніе Зимницы и расположилась по квартирамъ. Ночь провели незамѣтно. Селеніе Зимницы стоитъ на Дунаѣ противъ города Систова, въ которомъ стояли лагеремъ турецкія войска, ожидавшія насъ, чтобы помѣряться съ нами силами.

14-го іюня въ 9 часовъ утра, по приказанію начальника 14-й пѣ-

хотной дивизіи, Драгомирова, духовникъ нашъ о. Дормидонъ служилъ намъ молебенъ о благополучной переправѣ черезъ Дунай. Всѣ мы смиренно стояли, съ глубокимъ и теплымъ чувствомъ слушая молебное пѣніе. На душѣ моей было тягостно и мнѣ уже представлялось, что я послѣдній разъ присутствую при божественной службѣ.

По совершеніи молебна мужественный и непоколебимый духовникъ нашъ о. Дормидонъ сказалъ намъ поучительную рѣчь: о военныхъ подвигахъ побѣдоносныхъ предковъ нашихъ. И когда о. Дормидонъ, стоявшій передъ нами съ крестомъ въ рукѣ, сказалъ слѣдующія слова: «дѣти! я долженъ сказать вамъ, что много разъ предки наши проливали кровь свою и умирали, и за что же? вотъ за этотъ крестъ», въ это время сердце мое забилось, и глаза мои залились слезами. За каждымъ словомъ проповѣдника внимательно слѣдилъ я и старался не пропустить ни одного слова. Поучительная рѣчь его до глубины души тронула меня. Но и самъ онъ имѣлъ печальный видъ: крупный потъ катился по блѣдному лицу его, и очи его наполнены были слезами.

Окончивъ рѣчь, духовникъ осѣнилъ насъ крестомъ и далъ намъ нерушимое благословеніе Божіе: «да благословитъ васъ Господь Богъ на всѣ добрыя дѣла и сохранитъ отъ всякаго зла», говорилъ онъ. Мы всѣ приступили къ нему и съ теплымъ чувствомъ цѣловали крестъ Господа нашего Іисуса Христа. Въ это время духовный отецъ нашъ въ утѣшеніе сказалъ еще слѣдующія слова: «не бойтесь, дѣти, ничего, съ нами Богъ! кто смерти не боится, тотъ одолѣетъ врага. Я вамъ скажу, что Минскій полкъ и въ Севастополѣ былъ въ битвѣ, но остался цѣлъ».

Эти слова пастыря нашего дѣйствительно утѣшили и успокоили сердца наши, прекратились и источники слезъ. На душѣ моей стало легче, и я былъ теперь твердо увѣренъ, что по слову батюшки Господь сохранитъ насъ благополучно. Приложившись ко кресту, духовникъ нашъ еще разъ осѣнилъ насъ крестомъ и, пожелавъ намъ всякаго благополучія, сказалъ: «не бойтесь, я впереди васъ буду идти съ крестомъ въ рукѣ..., смерть врагу!» Эти слова еще болѣе укрѣпили во мнѣ увѣренность въ нашей побѣдѣ. Положивъ три земныхъ поклона, я спокойно отошелъ на свое мѣсто, ожидая будущаго, что будетъ.

Около 12-ти часовъ дня 3-я линейная рота, въ которой и я числился, получила всѣ боевые снаряды и съѣстные припасы на три дня, при чемъ не велѣно было никому никуда отлучаться, а быть въ готовности къ переправѣ черезъ Дунай. Всѣ солдаты суетились и приготовлялись къ роковому дѣлу: надѣвали бѣлое бѣлье и просили прощенія другъ у друга, ибо каждый изъ насъ мыслями былъ уже въ Богѣ.

Дунай, почему и говорилъ я товарищамъ своимъ: «увидимъ ли мы, братцы, завтра утромъ, какъ будетъ восходить ясное солнышко?»

Въ 3 часа по полудни прибылъ къ намъ его превосходительство нашъ начальникъ дивизіи, генералъ Драгомировъ. Онъ отечески ласково говорилъ съ нами со слезами на глазахъ: «ахъ, братцы мои! жаль мнѣ васъ болѣе себя, но дѣлать нечего; добро будетъ, если Богъ поможетъ намъ исполнить честно долгъ святой. Знаете ли вы, что намъ сію ночь надо быть на турецкомъ берегу, и съумѣете ли вы это сдѣлать?» И когда солдаты крикнули въ одинъ голосъ: «съумѣемъ и знаемъ, ваше превосходительство», тогда онъ отъѣхалъ къ другимъ частямъ войскъ.

Въ два часа ночи мы отправились къ Дунаю, чтобы переправляться на турецкій берегъ, а въ три часа уже стояли у его береговъ въ ожиданіи команды. Между тѣмъ полковникъ нашъ Мольскій, баталіонный и ротный командиры занялись распредѣленіемъ солдатъ по лодкамъ. Тутъ-то непріятель поднялъ тревогу и открылъ по насъ пушечный и ружейный огонь; но онъ не остановилъ насъ. Мы сѣли по 45 чел. въ лодку, исключая матросовъ, и Минскій полкъ отчалилъ отъ берега. Турки осыпали насъ градомъ бомбъ, Дунай сильно волновался! и не такъ страшны были намъ вражескіе выстрѣлы, какъ волнующійся Дунай: того и гляди, что волны его унесутъ насъ въ бездну; но Господь сохранилъ насъ, и мы благополучно пристали къ турецкому берегу, который вышиною былъ около десяти саженъ, такъ что пришлось выходить на него съ помощію веревокъ.

Но не обошлось и безъ жертвъ: стрѣлковая рота Минскаго полка пропустила мѣсто вылазки, и волны принесли ее подъ турецкія колонны, которыя осыпали несчастную роту своими выстрѣлами, какъ тучнымъ дождемъ, и на глазахъ моихъ въ какія-нибудь пять минутъ не стало трехъ лодокъ съ людьми: всѣ погибли до одного человѣка; вѣчная память героямъ нашимъ! Въ четыре часа утра 15-го іюня Минскій полкъ былъ уже на турецкомъ берегу и въ тотъ же моментъ закипѣлъ бой жаркій: турки отчаянно дрались и съ громкимъ крикомъ «алла, алла!» бросались на насъ въ штыки; но всѣ ихъ попытки были неудачны, потому что мы также встрѣчали ихъ частыми выстрѣлами и съ крикомъ «ура»! бросались въ рукопашный бой и всегда отбрасывали ихъ отъ себя. Бой кипѣлъ, кровь лилась; богатырская сила въ очахъ горѣла!

Трудно высказать ужасъ и суматоху въ тѣ критическія минуты боевого театра, при всемъ томъ, что мѣстность, на которой происходила эта битва, была весьма неудобна для насъ: бугристая, покрытая

густымъ лѣсомъ, частыми кустарниками и виноградниками. Сраженіе продолжалось съ четырехъ часовъ утра и до трехъ пополудни. Турки не выдержали и обратились въ бѣгство въ совершенномъ безпорядкѣ, оставивъ намъ городъ Систовъ, двѣ батареи и одно орудіе.

Перешедши черезъ Дунай рѣку, мы вступили на такъ называемый Балканскій полуостровъ, гдѣ живетъ много нашихъ единокровныхъ, славянъ: болгаръ, сербовъ, герцеговинцевъ, босняковъ, черногорцевъ а также и грековъ. Всѣ эти народы, забранные нашимъ злобнымъ врагомъ туркомъ, чему прошло уже нѣсколько сотъ лѣтъ, какъ извѣстно намъ по словамъ нашего духовника и по разсказамъ славянъ.

И такъ, народы эти находились въ угнетеніи, подъ вторымъ египетскимъ игомъ, въ теченіе котораго претерпѣвали чрезвычайныя бѣдствія и кровопролитія безвинно, потому только, что они христіане. Жестокіе турки творили надъ ними насилія всякаго рода: имущества грабили, храмы Божіи подвергали поруганію и до основанія разрушали, жилища сожигали и превращали въ пепелъ, женъ и дочерей безчестили, всѣхъ — мужчинъ и женщинъ, взрослыхъ и невинныхъ дѣтей подвергали всякаго рода мученіямъ. И такое бѣдствіе горюющихъ и страждущихъ славянъ вызвало на защиту ихъ Россію.

Вотъ такъ-то, среди этихъ народовъ, безцѣнные мои соотечественники, очутился я съ товарищами своими (далѣе авторъ дѣлаетъ рѣзкій переходъ къ пребыванію своему на Шипкѣ) между непроходимыми и безчисленными горами, которыхъ вершины часто не видны были за тучами. Здѣсь работалъ я день и ночь около пяти мѣсяцевъ. И надъ чѣмъ же я тамъ трудился, благодѣтельные мои соотечественники? Боролся я съ разъяреннымъ врагомъ своимъ туркомъ, который со всѣхъ сторонъ бросался на насъ, какъ лютый тигръ, и открывалъ намъ совершенный адъ, стараясь поглотить насъ живыми; но всѣ его усилія были неудачны.

Тамъ я день и ночь копалъ и носилъ землю, безпрестанно откидывалъ снѣгъ днемъ и ночью отъ своихъ ложементовъ; носилъ изъ лѣса дрова и воду на вершины высокихъ горъ; подвергалъ себя ружейнымъ и пушечнымъ вражескимъ выстрѣламъ, которые ежеминутно оглушали меня. Плелъ туры и строилъ различныя укрѣпленія, стараясь защитить себя и своихъ собратовъ отъ ненавистнаго врага своего. Тамъ я почувствовалъ перемѣну въ жизни и зной въ тѣлесахъ своихъ; тамъ я оставилъ трудъ свой и свилъ навсегда гнѣздо врагу; тамъ почувствовалъ я уменьшеніе физическихъ силъ своихъ; тамъ приходилось мнѣ быть по грудь въ замерзшей водѣ; неоднократно тамъ летѣли на меня и днемъ и ночью тучи вражескихъ

пуль, гранатъ и бомбъ; тамъ представлялась ежеминутно смерть глазамъ моимъ; тамъ ничего не слышно было, кромѣ пушечныхъ громовъ, оглушавшихъ мѣстность; не слышно было и стоновъ людей, умиравшихъ отъ тяжкихъ ранъ; тамъ ничего не видно было, кромѣ однихъ небесъ, темнаго лѣса, горъ, скалъ, страшныхъ пропастей и лужъ человѣческой крови; тамъ не мало погребено убитыхъ собратовъ и друзей моихъ, которые стояли въ рядахъ вмѣстѣ со мной вѣчная имъ намять! Тамъ гнѣздился сорокатысячный врагъ нашъ, который ежеминутно помышлялъ ворваться въ ряды наши и выбить насъ изъ Шипкинскаго перевала; тамъ было намъ плѣненіе вавилонское; тамъ сидѣли мы и вздыхали по отечествѣ своемъ; тамъ плакали мы, пѣли и вспоминали о дорогой каждому родинѣ; тамъ претерпѣлъ я холодъ, голодъ и самую тяжкую скорбь; тамъ трепеталъ я отъ холода, какъ осиновый листъ; тамъ казалось мнѣ, что я не видалъ милаго и вольнаго свѣта; тамъ перенесъ я самую тяжкую трудность и отчаяніе; скажу прямо, тамъ былъ настоящій адъ, потому что тамъ не было утѣшенія и радости, а у каждаго изъ насъ жизнь была на волоскѣ. Но добрые вожди наши облегчали нашу скорбь, и каждый изъ насъ безропотно и благосклонно повиновался своей судьбѣ.

Наконецъ 27-го декабря Шипка была окружена русскими войсками, и турки цѣлые сутки защищались отчаянно, но не могли ничего сдѣлать русскимъ. 28-го декабря сорокатысячный злобный врагъ нашъ положилъ свое оружіе предъ русскими воеводами. Восторгъ былъ неописанный, и у каждаго изъ насъ отвалился тяжелый камень отъ сердца. Послѣ этого мы пробыли на Шипкѣ три дня, занимаясь уборкой тѣлъ убитыхъ нашихъ воиновъ и конвоемъ плѣнной турецкой арміи. 1-го января новаго 1878 года двинулись мы далѣе къ Константинополю. На этомъ пути встрѣчались намъ разрушенные города и обгорѣлыя деревни, по дорогамъ лежали тѣла убитыхъ воиновъ нашихъ и турецкихъ; кромѣ того въ каждой деревнѣ валялось безчисленное множество убитыхъ разнаго рода животныхъ, какъ-то: рогатый скотъ, овесъ, лошадей, буйволовъ, свиней, козъ и птицъ разнаго рода. Часто приходилось намъ убирать убитыхъ животныхъ, чтобы для отдыха было гдѣ расположиться; нерѣдко приходилось также тушить пожаръ въ тѣхъ самыхъ деревняхъ, въ которыхъ мы ночевали. Убивали животныхъ и производили пожары сами же турки, которые всевозможно старались истребить, чтобы русскіе ничѣмъ не могли воспользоваться и терпѣли бы холодъ и голодъ, что и дѣйствительно приходилось намъ испытывать. Во время нашего похода подъ Константинополь была страшная и невылазная грязь, вслѣдствіе чего

съѣстными припасами.

Хотя съ большимъ трудомъ, но добрались мы до Санстефано, гдѣ и заключенъ былъ миръ съ Турціей. Городъ Санстефано стоитъ на берегу Мраморнаго моря, на разстояніи пяти верстъ отъ Константинополя. Тамъ мы стояли лагеремъ тихо, мирно и спокойно. До возвращенія въ Россію, тамъ занимались мы ученьемъ, ходили въ прогулку и на купанье въ Мраморное море. Пищи отпускалось намъ весьма довольно: варился борщъ съ мясомъ, рисовая крутая каша, ежедневно получали водку и кромѣ того отпускался намъ чай и сахаръ, славно—было всего вдоволь; но недоставало только одного—здоровья, а притомъ еще и воздухъ былъ для насъ тяжелый и непріятный, отъ чего мы пищи мало употребляли и болѣли и многіе даже умирали.

Тутъ, какъ и во все время похода, утѣшалъ и ободрялъ насъ нашъ духовникъ о. Дормидонъ; онъ своими поучительными наставленіями многихъ избавлялъ отъ печали и скорби. Великій и непоколебимый это человѣкъ, которыхъ мало бываетъ; трогательно и вліятельно внушалъ онъ въ сердца наши священнослужительскія слова. И никто изъ ввѣренныхъ ему чадъ не оставался безутѣшенъ. Онъ точно посѣялъ въ сердцахъ нашихъ великую добродѣтель, которая принесла намъ и отечеству нашему обильные плоды. Онъ во все время войны никогда не оставлялъ насъ одинхъ; онъ часто собиралъ насъ въ кружки и бесѣдовалъ съ нами, какъ отецъ съ родными дѣтьми; онъ служилъ намъ примѣромъ непобѣдимаго борца за отечество и образцомъ геройства.

Духовникъ нашъ о. Дормидонъ по фамиліи Твердый: онъ дѣйствительно и природой твердый, исполненъ добродѣтелью и религіозностію; онъ сердечно любилъ всѣхъ насъ какъ христолюбивыхъ воиновъ; онъ при каждомъ удобномъ случаѣ утѣшалъ и ободрялъ насъ отрадными словами.

Наконецъ, послѣдовалъ высочайшій указъ о возвращеніи русскихъ войскъ изъ Турціи въ Россію, и тогда только священникъ нашъ отецъ Дормидонъ распрощался съ нами. А 1-го сентября и мы уже стояли у берега Мраморнаго моря въ ожиданіи парохода.

2-го сентября Минскій полкъ размѣстился на англійскомъ пароходѣ и въ 9 часовъ утра съ крикомъ «ура!» поплыли мы водами Мраморнаго моря, которое раздѣляетъ городъ Константинополь, такъ что намъ пришлось ѣхать чрезъ самый городъ. Константинополь имѣлъ видъ довольно пространный, съ огромными постройками разнаго рода домовъ, мечетей и башенъ; особенно замѣчательные въ

Константинополѣ мечеть Авія, бывшій греческій Софійскій соборъ, и дворецъ султана, искусно устроенный на самомъ берегу моря и раззолоченный, со множествомъ различныхъ колоннъ.

Но за то виднѣлись мѣстами развалины греческихъ построекъ, которыя производили (тяжелое) впечатлѣніе. Городъ Константинополь построенъ на гористой мѣстности и пересѣченъ Мраморнымъ моремъ; говорятъ, что пространствомъ своимъ не уступитъ Москвѣ. Мнѣ первый разъ въ жизни, а можетъ быть и многимъ изъ насъ, пришлось видѣть чуждый столичный городъ. Во время нашего прохода чрезъ городъ, погода была благопристойная и ясная: мы первый разъ любовались городомъ, который оставался вправо и влѣво; жители города встрѣчали насъ радушно и привѣтствовали съ пушечными выстрѣлами и крикомъ «ура». Граждане машутъ намъ шляпами, кланяясь въ знакъ желанія намъ доброй дороги. Многіе изъ нихъ крестились въ знакъ того, что они не всѣ турки, мы также въ свою очередь отвѣчали имъ поклонами. И мало-по-малу пароходъ нашъ удалялся, и мы потеряли изъ виду своихъ доброжелателей и турецкую столицу.

Любопытнѣе всего было для меня какъ семи или восьми лѣтняя дѣвочка, набравъ малютокъ въ лодочку и съ весломъ въ рукахъ, кувыркается въ морѣ, какъ утка.—Трое сутокъ плыли мы Чернымъ моремъ. 5-го сентября, около 8-ми часовъ вечера, были уже мы въ своемъ отечественномъ городѣ Одессѣ. И такъ, благополучно окончился нашъ мужественный подвигъ.

Ноября 8-го дня 1878 года унт.-оф. Ѳ. Минайло.

Сообщ. **Ив. Матченко.**

Полтава.
22-го іюня 1883 г.

ПОЛОЦКІЙ КАДЕТСКІЙ КОРПУСЪ

1835—1885 гг.

6-го декабря.

Письмо директора корпуса къ М. И. Семевскому.

М. г. Михаилъ Ивановичъ! 6-го декабря 1885 года ввѣренный мнѣ Полоцкій кадетскій корпусъ, въ которомъ и вы воспитывались, будетъ праздновать первое свое пятидесятилѣтіе.

Къ этому времени предполагается издать исторію корпуса, а такъ какъ заведеніе это существуетъ хотя и въ незначительномъ нынѣ уѣздномъ городѣ, но когда-то имѣвшемъ важное, не менѣе Кіева и Великаго Новгорода, историческое значеніе, и судьбы котораго для всего западно-русскаго края имѣли первенствующее значеніе, а потому предполагается историческому очерку корпуса предпослать историческій обзоръ Бѣлоруссіи и города Полоцка въ особенности.

Съ другой стороны, такъ какъ кадетскій корпусъ занимаетъ зданія знаменитой нѣкогда полоцкой іезуитской коллегіи, основанной Стефаномъ Баторіемъ въ 1582 году и преобразованной въ 1812 году въ полоцкую іезуитскую академію съ широкими учеными и учебно-административными правами,—то въ исторіи Полоцка предполагается дать возможно полный историческій очеркъ этого іезуитскаго учебнаго заведенія и указать его значеніе въ краѣ въ сферѣ полонизаціи и окатоличенія всего искони русскаго и православнаго Бѣлорусскаго края.

Въ виду всего вышеизложеннаго и въ интересѣ предпринимаемаго историческаго обозрѣнія, позволяю себѣ обратиться къ вамъ, м. г., какъ къ историку и любителю старины, а вмѣстѣ съ тѣмъ и полочанину, съ покорнѣйшею просьбою подѣлиться съ ввѣреннымъ мнѣ заведеніемъ историческими свѣдѣніями и матеріалами касательно исторіи Полоцка, полоцкаго іезуитскаго коллегіума и академіи и полоцкаго кадетскаго корпуса, если таковые у васъ имѣются.

Все, что будетъ вами прислано, при желаніи вашемъ получить обратно, по миновеніи надобности, будетъ съ благодарностію вамъ возвращено.

Пользуясь случаемъ, прошу принять увѣреніе и проч. А. Тыртовъ.

Отъ Ред. Настоящее приглашеніе, къ намъ обращенное отъ г. директора Полоцкаго Кадетскаго Корпуса, мы помѣщаемъ на стр. «Русской Старины», въ увѣренности, что оно послужитъ призывомъ ко всѣмъ полочанамъ, интересующимся исторіей города Полоцка и его учебныхъ заведеній, отъ іезуитской академіи до кадетскаго корпуса включительно, и симъ послѣднимъ въ особенности. Таковыя лица поспѣшатъ, конечно, отозваться присылкою г. Тыртову имѣющихся у нихъ матеріаловъ, воспоминаній и проч. Таковыя посылки могутъ быть направляемы и чрезъ редакцію «Русской Старины». Ред.

АЛЕКСАНДРЪ ФИЛИППОВИЧЪ КАКОРИНОВЪ,

строитель и первый директоръ академіи художествъ.

† 10-го марта 1772 г.

10-го марта 1883-го года исполнилась 111-я годовщина со дня смерти Какоринова, по этому случаю представляемъ біографическій очеркъ жизни этого замѣчательнаго дѣятеля на поприщѣ развитія русскаго искусства, который нами составленъ на основаніи статей, напечатанныхъ въ словаряхъ: Бантыша-Каменскаго, Плюшара, Крайя, Краевскаго и Березина, а также «Нѣсколькихъ словъ о Кокориновѣ», помѣщенныхъ въ художественной газетѣ Кукольника за 1836 г., и свѣдѣній, встрѣчающихся въ исторіи С. М. Соловьева.

Авторъ статьи въ художественной газетѣ говоритъ: «Руанская академія для конкурса на 1836 г. предложила сдѣлать подробное описаніе жизни и трудовъ художника Жувенне, поставивъ въ особенную обязанность конкурентовъ доcлѣдовать въ какомъ именно домѣ города Руана родился этотъ живописецъ и за то обѣщаетъ медаль въ 300 франковъ—слѣдовательно это одинъ темный вопросъ въ его жизни, нужно только собрать, а можетъ быть лишь перепечатать; а мы..... съ трудомъ помнимъ даже существованіе многихъ великихъ людей Россіи, зная наизусть дюжинныхъ живописцевъ и писателей Франціи».

Затѣмъ приведя надпись на надгробной плитѣ Какоринова, которую постановила сдѣлать академія художествъ, заключаетъ статью слѣдующимъ четверостишіемъ:

«Сей камень похвалы—не все изображаетъ;
Отмѣнныя дѣла онъ только представляетъ;
Жалѣй, что Александръ жилъ краткій въ свѣтѣ вѣкъ,
Бывъ общему добру усердный человѣкъ».

ность отечественной школы надежно обезпечивалась блестящимъ началомъ, и все бы, конечно, пошло хорошо, если-бы Какориновъ жилъ долѣе».

Укажемъ также съ сожалѣніемъ на то, что во всѣхъ вышесказанныхъ словаряхъ Какориновъ названъ «Кокоринъ», и это превращеніе обязано Бантышу-Каменскому, который, издавая свой словарь въ 1836 г., не пожелалъ справиться съ первыми страницами художественной газеты за тотъ же годъ, почему искаженная фамилія Какоринова перешла во всѣ словари, а въ большинствѣ изъ нихъ показанъ также невѣрно годъ его смерти.

Въ музеѣ академіи художествъ надъ полуразбитой гипсовой фигурой Милона Кротонскаго прибита съ надписью дощечка, гласящая: «Фальконетъ Ежень (1715—1791 гг.), первый директоръ академіи». Надпись эта очевидно сдѣлана какимъ-нибудь премудрымъ членомъ ея ареопага, которому мы посовѣтовали бы за самое лучшее снять ее и прочесть въ общемъ собраніи его сочленовъ предлагаемый нами очеркъ, быть можетъ онъ заставитъ совѣтъ додуматься до задачи програмы на статую Какоринова, для постановки при входѣ на академической парадной лѣстницѣ; ставила же академія памятники К. П. Брюлову (работы профессора М. А. Щурупова) и Сильвестру Щедрину (работы профессора С. И. Гальберга), или это только потому произошло, что эти художники скончались заграницей.

Имя Какоринова тѣсно связано съ учрежденіемъ академіи художествъ и съ исторіею первыхъ лѣтъ ея существованія, поэтому, говоря о немъ, намъ невольно приходится сказать нѣсколько словъ объ этомъ учрежденіи.

Первый подавшій мысль учредить академію художествъ былъ профессоръ Струбе; представленная имъ записка правительству въ 1746 г. хранится въ Московскомъ архивѣ, но не имѣла успѣха. Затѣмъ мысль о заведеніи академіи «трехъ знатнѣйшихъ художествъ» была внушена императрицѣ Елисаветѣ И. И. Шуваловымъ (1727—1798 гг.), а въ 1756 г. онъ ѣздилъ за границу, гдѣ познакомился со многими художниками при посредствѣ Дидро и Вольтера и, по возвращеніи, подалъ проэктъ объ учрежденіи академіи художествъ въ Москвѣ при университетѣ. Въ 1757 г. 6-го ноября послѣдовалъ указъ сената на имя куратора (Шувалова), въ которомъ разрѣшалось ему, согласно его представленію, учредить академію; требовать на содержаніе ея по 6,000 р. въ годъ изъ штасъ-конторы и обо всемъ вообще доносить сенату по третямъ, но впослѣдствіи сенатъ сдѣлалъ революцію, что «сія академія будетъ учреждена въ Петербургѣ, по причинѣ, что

отъ двора работы, такъ и для лучшаго довольствія иностранныхъ здѣшней жизни». По этому указу сдѣланы тотчасъ распоряженія объ открытіи академіи и въ началѣ 1758 г. привезены въ Петербургъ 16 человѣкъ изъ учениковъ Московскаго университета, отъ 14-ти до 17-ти лѣтъ (а старшему изъ нихъ, Баженову, было даже 20 лѣтъ). Здѣсь мы встрѣчаемъ Кокоринова, вступившаго на службу въ академію 13-го октября 1758 г.; онъ былъ уроженецъ Сибири и ученикъ графа Растрелли.

Елисавета Петровна въ половинѣ своего царствованія назначила Какоринова, вмѣстѣ съ живописцемъ Петромъ Фирсовымъ, къ отправкѣ за границу, но дѣло остановилось за незнаніемъ назначенными иностранныхъ языковъ, почему велѣно ихъ выучить французскому и итальянскому языкамъ, чѣмъ дѣло и затянулось; между тѣмъ Кокориновъ въ это время носилъ уже званіе унтеръ-архитектора, и, будучи извѣстенъ графу Шувалову по постройкѣ его дома на Невскомъ проспектѣ, былъ приглашенъ послѣднимъ во вновь учрежденную академію и ему поручено завѣдываніе хозяйственною частію.

Въ 1760 г. Какориновъ былъ сдѣланъ, по ордеру Шувалова, инспекторомъ академіи; впослѣдствіи эту должность занималъ Де-Сентъ-Мартенъ, какъ то видно изъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» за 1784 г.; въ началѣ же сентября 1760 г. Шуваловъ призналъ полезнымъ отправить въ Парижъ, вмѣстѣ съ архитекторомъ Василіемъ Баженовымъ (1737—1799 гг.), рекомендованнаго отъ Какоринова съ хорошей стороны и Антона Лосенко (1737—1773 гг.), который впослѣдствія былъ преемникомъ Какоринова по званію директора академіи.

Въ слѣдующемъ 1761 г. Какоринову поручена уже была дирекція надъ академіею, за что онъ получалъ жалованья 700 руб. и имѣлъ чинъ маіора, какъ это видно изъ ордеровъ къ нему И. И. Шувалова, помѣщенныхъ въ «Сборникѣ матеріаловъ для исторіи И. А. Х.», изданномъ подъ редакціею П. Н. Петрова.

Съ воцареніемъ Екатерины II, государыня въ первый же мѣсяцъ своего правленія, въ 20-хъ числахъ іюля 1762 г., посѣтила академію, видѣла занятія ея, спрашивала объ успѣхахъ учениковъ и желала ихъ видѣть сама.

Въ началѣ января 1763 г. Шуваловъ представлялъ императрицѣ въ Москвѣ картины питомцевъ академіи и въ томъ числѣ пріѣхавшаго изъ Парижа Лосенко съ его дивнымъ произведеніемъ «Андрей Первозванный»; въ то же время, по повелѣнію императрицы, Шуваловъ составилъ, помѣченное мартомъ 1763 г., учрежденіе Императорской академіи художествъ, въ 16-ти пунктахъ, и регламентъ, по которому

полагалось, чтобы академія состояла изъ президента, директора, совѣтника, секретаря, пяти профессоровъ, 8 адъюнктовъ и 40 учениковъ, и штатъ, исчислявшій содержаніе ея въ годъ въ 26,000 руб. Это было послѣднимъ подвигомъ куратора; въ мартѣ же 1763 г. онъ уволенъ былъ за границу безъ срока, а отъ 3-го марта того же года послѣдовалъ сенатскій указъ, говорившій, что «въ отсутствіи генералъ-поручика Шувалова принять въ правленіе академію художествъ генералъ-поручику Бецкому, а какъ оная академія сообщена была университету, по причинѣ, что помянутый Шуваловъ въ обоихъ сихъ мѣстахъ дирекцію имѣлъ, нынѣ ея и. в. за полезно разсудила оную академію совсѣмъ отъ университета отдалить и правленіе особливое въ ней учредить».

9-го марта Ив. Ив. Бецкій, названный въ указѣ «преемникомъ президента», назначенъ съ неограниченною властію и съ правомъ производства въ чины до полковника.

Бецкій, имѣвшій обыкновеніе въ управляемыхъ имъ вѣдомствахъ имѣть лицо, исполнявшее за него дѣла, нашелъ въ академіи Какоринова, который управлялъ въ ней всѣмъ, никого не спрашиваясь. Новый начальникъ не сталъ мѣшать Какоринову въ управленіи, оставивъ себѣ только право, время отъ времени, давать ни къ чему не ведущія приказанія и отмѣнять ихъ, если возникали возраженія.

Въ этотъ же годъ «командованія Бецкаго», въ день раздачи медалей «8-го іюля», Екатерина II вторично посѣтила академію и «въ знакъ своего благоволенія всѣхъ удостоила къ рукѣ», приказавъ сдѣлать проэктъ на постройку для академіи приличнаго зданія. Составлена была коммисія изъ Какоринова, скульптора Жиле, архитектора Валэнъ-де-Ламота подъ предсѣдательствомъ Бецкаго. На сколько помогали другіе члены—неизвѣстно, хотя говорятъ, что Валэню принадлежитъ середина лицеваго фасада на Неву, а планъ внутренняго расположенія Какоринову, за исключеніемъ парадной лѣстницы, въ устройствѣ которой Ю. А. Фельтенъ (1730—1801 гг.), оканчивавшій постройку зданія академіи, сдѣлалъ нѣкоторыя отступленія отъ первоначальнаго расположенія ея. Проэктъ Кокоринова посланъ былъ ра разсмотрѣніе Парижской академіи художествъ, которая удостоила его одобренія и лестнымъ отзывомъ [1]).

«10-го октября 1763 года», читаемъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (за тотъ-же годъ, въ прибавленіи къ № 85), «по прибытіи его п—ства главнаго д—ра въ конференцію на свое мѣсто, съ про-

---

[1]) О постройкѣ зданія И. А. Х. сохранился указъ въ Полномъ собраніи законовъ, отъ 1764 года, № 12,076.

чими той академіи членами и приглашенными посторонними къ тому собранію персонами, г. архитекторъ Какориновъ, какъ опредѣленный къ тому изъ членовъ, учинилъ его п—ву представленіе о назначеніи членомъ кандидатъ, слѣдующимъ:

Господинъ коллежской совѣтникъ Ломоносовъ с.-петербургской императорской и королевской шведской академіи наукъ членъ и химіи профессоръ, знаніемъ и заслугами извѣстный въ ученомъ свѣтѣ, не токмо простираясь въ наукахъ славное пріобрѣлъ имя, но и по склонности къ художествамъ открылъ къ славѣ Россіи толь рѣдкое еще въ свѣтѣ мозаичное искусство; для того имѣю честь вашему п—ству представить его въ достоинство почетнаго члена академіи.

Сіе присоединеніе подастъ взаимное вспоможеніе къ ея лучшей пользѣ.

Его п—во, согласно со всѣмъ собраніемъ, приказалъ назначеннаго члена коллежскаго совѣтника господина Ломоносова привѣтствовать въ конференцію двумъ академическимъ членамъ.

И по вступленію его въ конференцію объявлено было оное его избраніе чрезъ вышеупомянутаго г. Какоринова слѣдующею рѣчью:

«Императорская академія художествъ, уважая отмѣнитыя ваши достоинства и пріобрѣтенную славу въ ученомъ свѣтѣ; а особливо почитая толь рѣдкое еще мозаичное искусство, которое вашимъ раченіемъ и трудами не токмо къ славѣ Россіи открыто, но и съ подлиннымъ успѣхомъ совершенства достигаетъ; чего для все почтенное собраніе согласно къ чести и пользѣ академіи за благо разсудило присоединить васъ въ достоинствѣ почетнаго члена академіи; дабы симъ присвоеніемъ, яко членъ соединенный императорской академіи художествъ, взаимнымъ вспоможеніемъ присовокупили вы наиревностнѣйшее свое усердіе къ безсмертной славѣ августѣйшія художествъ покровительницы великія Екатерины, императрицы и самодержицы всероссійскія, которая премудрыми учрежденіями, монаршимъ снисхожденіемъ и щедротами благополучіе своихъ подданныхъ за наилучшее короны своея украшеніе почитаетъ».

На это привѣтствіе Ломоносовъ отвѣчалъ рѣчью, которую мы приводимъ въ приложеніи къ настоящей статьѣ.

Въ январѣ 1764 года Какориновъ устроилъ аукціонъ продажи ученическихъ работъ, въ видахъ «заохочиванія публики», какъ говорилось въ публикаціи, по ничтожной цѣнѣ; не смотря на все это, выручено было всего 372 р. Деньги отъ этого перваго аукціона (другой повторился еще разъ въ 1767 г.), употреблены были на заведеніе при академіи театра.

Въ то же время готовились къ торжественной закладкѣ и откры-

тію академіи или, какъ тогда говорили, «торжеству инавгураціи академіи», которое однако не состоялось въ 1764 г. вслѣдствіе исторіи Мировича, повліявшей на отложеніе этого празднества. Въ этомъ году, 9-го октября, Бецкій представилъ Шуваловскій проектъ управленія академіею художествъ съ уставомъ воспитательнаго училища и штатомъ послѣдняго. Разсмотрѣніе ихъ поручено было: Шаховскому, Панину, Миниху, Олсуфьеву и Теплову, которые отозвались о трудѣ Шувалова одобрительно и затѣмъ регламентъ со штатомъ былъ утвержденъ 4-го ноября 1764 г.; съ этого дня академія ведетъ свое лѣтосчисленіе.

Въ 1765 г. съ 30-го іюня по 7-е іюля устроили въ академіи первую художественную выставку, куда народъ валилъ толпами смотрѣть невиданныя диковины. 7-го іюля назначена была инавгурація по церемоніалу, напечатанному и розданному посѣтителямъ съ медалями и жетонами. Собраніями, предшествовавшими торжеству, признаны профессорами наставники искуствъ (иностранцы) и Какориновъ.

Любопытно оставленное Порошинымъ описаніе одного изъ этихъ торжественныхъ засѣданій въ академіи художествъ, которое мы приводимъ, такъ какъ въ немъ упоминается о Какориновѣ: «Поѣхали въ академію художествъ. Встрѣтилъ тамъ государя цесаревича И. И. Бецкій со всѣмъ своимъ собраніемъ. Все весьма было чинно и церемоніально. Извѣстно, что И. И. располагать церемоніи и глазамъ дѣлать увеселеніе весьма искусенъ. Пришедъ въ покои, сѣлъ тамъ за богато убранный столъ. Конференцъ-секретарь Салтыковъ читалъ велухъ письма отъ вице-канцлера князя Голицына, отъ графа И. Г. Чернышева и отъ Адама Вас. Олсуфьева, которые объявили желаніе свое быть принятыми въ число почетныхъ любителей. Еще читано письмо отъ Г. Н. Теплова, который желалъ быть принятъ въ почетные члены.

По прочтеніи каждаго письма И. И. качалъ головою по два раза, сперва на правую, а потомъ на лѣвую сторону. Послѣ сего всѣ члены академіи привставаніемъ своимъ, какъ видно, знакъ согласія своего показывали. Тогда И. И. приказалъ конференцъ-секретарю объявить о томъ, кто принятъ. Всѣ приняты, которыхъ читали. Началось баллотированіе. Подъ И. И. Бецкимъ въ академіи нынѣ директоръ Какориновъ. По штату положено, что всякіе четыре мѣсяца изъ профессоровъ выбирались въ директоры по баллотированію. Баллотировали профессоровъ Какоринова, Жилета (скульпторъ), Ламота (архитекторъ), и Торелли (живописецъ), досталось по балламъ остаться попрежнему Какоринову. Симъ засѣданіе кончилось. Пошли смотрѣть

картинъ, писанныхъ съ натуры, которыя всѣ весьма порядочно были расположены. На шесть изъ нихъ, которыя, какъ сказываютъ, прежде еще признались за лучшія, конференцъ-секретарь приложилъ печать для роздачи послѣ премій. Потомъ смотрѣли чертежи нововыѣхавшаго изъ чужихъ краевъ нашего архитектора В. Баженова, которые подлинно хорошо расположены и вымышлены и отъ всѣхъ присутствовавшихъ во многомъ числѣ дамъ и кавалеровъ общую похвалу получили» [1]).

Цесаревичъ Павелъ Петровичъ послѣ этого засѣданія прислалъ съ Порошинымъ рисунокъ своихъ трудовъ съ письмомъ слѣдующаго содержанія: «Почтенная академія художествъ. Привелегія, всемилостивѣйше данная вамъ отъ матери моей государыни, присвоять вашему корпусу любителей художествъ, возбудило во мнѣ желаніе распространить мою любовь, охоту и почитаніе къ художествамъ, продставя себя быть сочленомъ вашимъ. Примите здѣсь въ знакъ особливаго моего уваженія къ полезнымъ трудамъ вашимъ опытъ начальныхъ моихъ въ томъ упражненій и увѣртесь симъ залогомъ, что я при продолженіи оныхъ всегда буду вамъ доброжелательнымъ. Павелъ».

Академія художествъ объявила въ № 48 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» за 1765 г., что великій князь прислалъ съ Порошинымъ письмо и рисунокъ трудовъ своихъ, «который академія сохранитъ вѣчнымъ себѣ монументомъ ради показанія потомству, въ какомъ почтеніи свободныя художества нынѣ въ Россіи во дни царствованія вторыя Екатерины».

Въ день инавгураціи, 7-го іюля, произведена была и закладка настоящаго зданія академіи. Императрица съ великимъ княземъ прибыла въ 10 часовъ утра, на шлюпкѣ, изъ Зимняго дворца къ временной пристани, построенной по этому случаю на Невѣ. Послѣ церемоніи закладки церкви, при чемъ архимандритъ Платонъ говорилъ «слово», Екатерина прошла по классамъ академіи въ конференцъ-залу, сѣла на устроенный тронъ, потомъ привстала съ него, взяла со стола регламентъ, уставъ и привиллегію и передала ихъ Бецкому, произведенному при этомъ въ президенты академіи. Затѣмъ президентъ представилъ Екатеринѣ членовъ, чѣмъ и заключилась церемонія. Для знатныхъ посѣтителей былъ обѣдъ; домà академіи внутри и снаружи были обвѣшаны гирляндами цвѣтовъ, а вечеромъ иллюминованы.

---

[1]) Однако Баженову не удалось получить мѣста профессора академіи; о гнѣвѣ на него Екатерины II и покровительствѣ Павла смотри «Русскую Старину» изд. 1872 г., т. V, стр. 141. И. В.

Въ 1767 году Какориновъ былъ произведенъ въ адъюнктъ-ректоры, независимо отъ другихъ должностей. Природный умъ Какоринова угадывалъ потребности новаго учрежденія, и при всякомъ удобномъ случаѣ, исправляя ошибки или упущенія, выводилъ изъ нихъ выгодные результаты для будущаго; онъ также пользовался всякимъ поводомъ для расширенія круга дѣйствій академіи. Такъ, замѣченная недоброкачественность эстампной бумаги въ продажѣ и недостатокъ хорошихъ красокъ у петербургскихъ москотельщиковъ навели Кокоринова на мысль, развитую въ проэктѣ 1767 г.: вступить въ сношеніе съ голландскими, французскими и итальянскими купцами, чтобы, получая художественные матеріалы изъ первыхъ рукъ, академія могла служить посредницею между публикою и художниками, которые могли въ ней находить все требующееся для своихъ занятій. Въ этихъ видахъ открыта въ академіи «факторская» съ постоянною продажею художественныхъ произведеній. При всѣхъ недостаткахъ, вкравшихся въ это учрежденіе, оно было полезнѣе всего придуманнаго у насъ для искусства. Какориновъ запутался въ счетахъ; послѣ него начались злоупотребленія,—но выгоды и для академіи, и для художниковъ были постоянныя. Художники черезъ факторскую сбывали свои работы и могли трудиться, получая матеріалы надлежащаго качества не на чистыя деньги; академія излишками отъ факторской покрывала недочеты по другимъ статьямъ расходовъ [1]).

Въ 1769 году Какориновъ пожалованъ въ ректоры академіи, а въ февралѣ 1771 г. постройка зданія академіи остановилась и была окончена спустя почти 20 лѣтъ (въ 1784 г. въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» № 66, отъ 16-го августа, увѣдомлялась публика объ открытіи ея музея).

Черезъ годъ въ мартѣ мѣсяцѣ Какоринова уже не существовало.

По распоряженію академическаго совѣта, внесенному въ журналъ, тѣло покойнаго отпѣвали въ академической церкви; выносъ былъ совершенъ 12-ю выпущенными художниками и мастерами въ Благо-

---

[1]) Соображенія Какоринова заставили, по всей вѣроятности, фонъ-Визина заняться этою торговлею, и имъ была заведена „Коммерція вещами, до художествъ принадлежащими“, которую онъ велъ чрезъ купца Клостермана; магазинъ послѣдняго находился на Адмиралтейской площади, какъ то видно изъ объявленій „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ за 1783 годъ. Фонъ-Визинымъ въ этомъ дѣлѣ руководила его любовь къ художествамъ, причемъ, по единогласному признанію историковъ этого „друга честныхъ людей“, проповѣдывавшаго свободу мыслить и говорить, „возвышая голосъ противъ злоупотребленій и предразсудковъ, вредящихъ отечеству“, врядъ-ли можно заподозрить въ меркантильномъ направленіи. И. В.

вѣщенскую церковь, что на Васильевскомъ островѣ. Надгробный камень положено было сдѣлать на счетъ академіи, съ одобренною совѣтомъ слѣдующею надписью: «Здѣсь погребенъ искусный въ архитектурномъ художествѣ мужъ Александръ Филиповъ сынъ Какориновъ. Родился 1726 г. іюля 29-го дня, служилъ при Импер. акад. худож. сначала установленія оной профессоромъ, послѣ за отличные труды по воспитанію юношества при оной произведенъ въ адъюнктъ-ректоры, а потомъ въ ректоры, и по опредѣленію судьбы, оставивъ временное, переселился въ вѣчное 1772 г. марта на 10-е число.

Всесокрушающее время уничтожило эту плиту, отъ которой теперь нѣтъ и слѣда.

Портретъ Какоринова, писанный Левицкимъ, находится въ академіи; сдѣланная съ него гравюра на мѣди Олещинскимъ приложена къ «Художественной газетѣ» 1838 года. Впрочемъ академія еще въ 1813 г. предлагала граверу Вендрамини выгравировать портретъ Какоринова, и въ 1816 г., по представленному Вендрамини эстампу, не допустила его къ баллотированію въ академики, настаивая исполнить сдѣланное ему предложеніе; но, не смотря на это, упрямый Вендрамини не награвировалъ Какоринова.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Рѣчь Ломоносова, сказанная имъ въ академіи художествъ при избраніи въ члены.

«Съ достодолжнымъ благодареніемъ принимаю отъ импер. акад. худож. толь чувствительной знакъ ея ко мнѣ благоволенія, которое не по знанію моему въ высокихъ искусствахъ оказать разсудила, но больше уважила мое къ нимъ любленіе. Однако же, сколько въ силахъ состоитъ, не премину употреблять возможнаго раченія, чѣмъ бы показать себя достойнымъ таковаго присвоенія, особливо по наукамъ, которыя съ художествами тѣснымъ союзомъ сродства соединяясь, всегда требуютъ другъ отъ друга взаимнаго вспомоществованія. Основанныя здѣсь почтенныя художества благословеннымъ предначинаніемъ блаженныя памяти великія государыни императрицы Елисаветы Петровны, которыя сладчайшее воспоминаніе въ роды родовъ не умолкнетъ, нынѣ подъ высочайшимъ покровительствомъ достойныя престола и щедротъ ея преемницы всепресвѣтлѣйшія державнѣйшія великія государыни императрицы Екатерины Алексѣевны самодержцы всероссійскія, еще прежде царствованія царствовавшія въ сердцахъ нашихъ, отмѣннымъ ея величества любле-

ніемъ и самоличнымъ всемилостивѣйшимъ посѣщеніемъ, какъ нѣкоторымъ божественнымъ вдохновеніемъ оживляемыя съ ускореніемъ восходятъ и отворяютъ цвѣты, настоящею пріятностію предзнаменующія будущихъ плодовъ сладость.

«Благополучны художества, видѣвшія себѣ принятіе въ Россію таковымъ монаршескимъ снисхожденіемъ и содержимыя толикою щедротою! Благополучны, что открыто имъ въ сей обширной имперіи пространное поле, по которому тщательнымъ печеніемъ простираясь, могутъ показать свое великолѣпіе и достоинство великой части свѣта!

«Благополучны вы, сыны россійскіе, исполненное надежды юношество, что во дни, избранные для нашего блаженства въ благословенный вѣкъ премудрыя Екатерины, можете предъуспѣвать въ похвальномъ подвигѣ ревностнаго ученія и представить предъ очами просвѣщенныя Европы проницательное остроуміе, твердое разсужденіе и ко всѣмъ искусствамъ особливую способность нашего народа; паче же всего увѣрить, коль много можетъ васъ побудить неусыпное око толь бодрыя монархини, которая сочетаетъ мужество съ прозорливостью, правосудіе съ милосердіемъ, благочестіе съ щедротою, премудрость съ трудолюбіемъ, высочайшую свою на земли власть чрезъ украшеніе отъ наукъ и художествъ величественнѣе быть почитаетъ, и отечество больше просвѣщеніемъ, нежели повелительствомъ возвысить и прославить тщится.

«Благополучнымъ признать и мнѣ себя должно, что по благоизобрѣтенію высокопочтенныхъ особъ, по знанію и заслугамъ избранныхъ и предпоставленныхъ сему достохвальному учрежденію, и по согласію достойныхъ онаго членовъ, симъ къ нему присвоеніемъ поданъ мнѣ благопріятный случай быть нѣкоторымъ участникомъ, или лучше свидѣтелемъ и почитателемъ трудовъ и вожделѣнныхъ успѣховъ, простирающихся къ пользѣ и украшенію толь великаго государства».

Сообщ. И. Н. Вожеряновъ.

ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ЖУКОВСКІЙ [1]).

I.

Берлинъ, 1821 г. 13 (25) мая.

Ты удивишся, милый Очарованный Челнокъ [2]), получивъ отъ меня письмо изъ Берлина; но къ тебѣ въ Америку доходятъ вѣсти о нашей Европѣ, слѣдовательно ты знаешь, что между прочими революціями нашего полушарія, произошла маленькая революція и въ моей маленькой судьбѣ: не пугайся! Это значитъ только то, что вслѣдъ за великою княгинею (Александрою Ѳеодоровною) я изъ Петербурга переѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ доживаю осьмой мѣсяцъ—черезъ два дни берлинская неподвижная жизнь кончится и начнется дѣятельная жизнь путешественника; 27-го великая княгиня ѣдетъ въ Эмсъ, а я, простившись съ нею здѣсь, отправляюсь въ Швейцарію и потомъ на Рейнъ. Она воротится въ Петербургъ въ концѣ августа, а я не прежде какъ въ концѣ октября. Описывая цѣлый вѣкъ природу въ стихахъ, хочу наконецъ узнать на яву, что такое высокія горы, быстрые водопады и разрушенные замки, жилища моихъ любимыхъ привидѣній. Въ самомъ дѣлѣ, надѣюсь сдѣлать пріятное путешествіе и заранѣе наслаждаюсь въ воображеніи, будучи увѣренъ, что его обѣщанія не обманчивы, ибо дѣло идетъ о красотахъ природы, которыя всегда выше описаній, не надобно только смотрѣть на нихъ, ожидая того впечатлѣнія, которое произвели онѣ въ описателѣ, а подходить къ нимъ, сказавъ напередъ Создателю: сердце чисто созижди мнѣ. Надобно быть съ природою младенцемъ. И ученому при всѣхъ его великолѣпныхъ знаніяхъ всего лучше быть младенцемъ. Я, къ несчастію, не ученый; посреди просвѣщенной Европы такой недостатокъ живо чувствителенъ; но добрая природа, которой прелести могу понимать, не оттолкнетъ меня.

Муза моя послѣ нашей съ тобою разлуки была по обыкновенію лѣнива: она довольствовалась мелочами и переводила.... Я кончилъ переводъ Шиллерова Орлеанской дѣвы, и еще перевелъ эпизодъ изъ Lalla Rookh: The paradise and the Pery. У тебя есть эта поэма: по пріѣздѣ въ С.-Петербургъ напечатаю новое изданіе моихъ сочиненій и ты получишь свой экземпляръ.

Это письмо доставитъ тебѣ баронъ Мальтицъ, новый чиновникъ при твоемъ посольствѣ. Радуюсь, что онъ будетъ служить при тебѣ:

---

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1883 г., т. XXXVII, январь, стр. 181—212; февраль стр. 429—456; мартъ. стр. 665—678; т. XXXVIII, апрѣль, стр 95—106; май. стр. 351—362; іюнь, стр. 541—556; т. XXXIX, іюль, стр. 1—20; августъ, стр. 221—236: сентябрь, стр. 533 541; т. XL, октябрь, стр. 79—88.

[2]) Это было прозвище Петра Иван. Полетики въ литературномъ обществѣ „Арзамасъ". П. Е.

это со всѣхъ сторонъ для него выгодно. Рекомендую тебѣ его, какъ моего пріятеля: увѣренъ, что этотъ титулъ обратитъ особенное твое на него вниманіе. Онъ уменъ, благороднаго характера, можетъ хорошо работать, а подъ-часъ пишетъ и хорошіе стихи.

Прости. О Петербургѣ не могу тебѣ сказать ничего; ко мнѣ давно не пишутъ; вообразили, что я давно странствую; а я промедлилъ въ Берлинѣ для великой княгини. Получу письма свои въ Дрезденѣ. Обнимаю тебя отъ всего сердца. Жуковскій.

Помѣта. Получено въ Ньюіоркѣ 21 сентября (3 октября). Отвѣчалъ оттуда же 26 сентября (8 октября) 1821 г.

II.

В. А. Жуковскій—Ѳ. В. Булгарину [1]).

(1822—1823 гг.).

Подумавъ хорошенько, я рѣшился писать къ вамъ въ той надеждѣ, что вы обратите нѣкоторое вниманіе къ словамъ моимъ. До сихъ поръ мы были хороши другъ съ другомъ, знакомы и это даетъ мнѣ право сказать вамъ искренно свои мысли. Вы непріятель Воейкова, вы ведете съ нимъ журнальную войну—въ часъ добрый! деритесь перьями какъ хотите. Я не оправдываю и такой войны: она забавна только для публики; но въ ней нѣтъ никакой выгоды и славы для сражающихся. Но пока дѣйствуютъ одни перья и пока не нарушена благопристойность, по тѣхъ поръ нѣтъ и безславія. Кто же нарушаетъ благопристойность тотъ болѣе наказанъ, нежели тотъ, на кого онъ нападаетъ. Но теперь вы хотите изъ войны литературной зделать войну не на животъ, а на смерть. Я могу изъяснить шагъ, вами сдѣланный, только поспѣшностію и минутнымъ внушеніемъ личной досады. Вы не обдумали послѣдствій и слишкомъ поспѣшно послушались своей горячности. Вы нападаете на Воейкова. Но спрашиваю, что сдѣлала вамъ его жена, достойная вашего уваженія и отъ которой вы ничего не видѣли кромѣ пріязни? Что сдѣлали вамъ его дѣти? За что дѣлаете ихъ отвѣтчиками за тѣ оскорбленія, которыя получили отъ самого Воейкова? Желая отнять у него способъ доставлять имъ нужное имъ содержаніе, вы болѣе хотите повредить

---

[1]) Письмо это относится къ 1822 или 1823 г. Жуковскій, по возвращеніи изъ заграничнаго путешествія, доставилъ Воейкову редакторство „Русскаго Инвалида". Воейковъ, желая уязвить Булгарина, напечаталъ однажды, что булгаринскій „Сынъ Отечества" имѣетъ 750 подписчиковъ, а „Инвалидъ"—1,700. Булгаринъ тотчасъ же подалъ заявленіе въ комитетъ о раненыхъ, чтобы „Инвалидъ" передали ему и онъ будетъ платить комитету вдвое болѣе, чѣмъ получается отъ Воейкова. Комитетъ согласился, и только хлопоты Жуковскаго оставили дѣло по прежнему. П. Е.

койствіе столь же дорого, какъ собственное. Не обманыв
вамъ ваше намѣреніе удастся, то вы будете причиною
несчастія? Но какая же нравственность позволяетъ т
приносить въ жертву священнѣйшія обязанности, чему я
отмстить? Еще не поздно! Прошу васъ поправить
совсѣмъ испорчено! Остановите ходъ этого дурнаго дѣла
первый шагъ долженъ былъ вооружить противъ васъ
людей — то второй, которымъ загладите первый, при
вами. Они отнесутъ къ минутной запальчивости то,
гутъ назвать просто желаніемъ вредить, для котора
ство кажется позволительнымъ.

Извините, что все это пишу. Дѣло для меня сли
Я хотѣлъ объясниться съ вами прежде, нежели рѣ
другихъ средствъ къ воспрепятствованію того, что и
бы большимъ зломъ. Есть-ли захотите все поправить, т
удовольствіе васъ увидѣть. Я обѣдаю нынче у Блудо
на Невскомъ проспектѣ). Туда можете прислать свой о
нужно будетъ назначьте мнѣ часъ, въ который могу
Вашъ покорный слуга Жуковскій.

Сообщ. 17 сентября 1871 г. Т. А. С

III.

Двѣ любви В. А. Жуковскаго.

В. А. Жуковскій побочный сынъ помѣщика Орло
Бунина, отъ наложницы его, турчанки. Одна изъ
ныхъ Бунина вышла за Протасова. Дочери ея, пле
были: старшая, Марья Андреевна, за профессоромъ
младшая, Александра Андреевна, за писателемъ Ал
доровичемъ Воейковымъ. Обѣ племянницы были рѣд
образованія. Воейкова красавица и собою, а Мойер
прелестей, но была милая женщина.

Въ эту старшую племянницу свою В. А. былъ стр
Онъ хотѣлъ жениться на ней, когда она была ещ
его сестра, а ея мать (г-жа Протасова) никакъ на
лась, считая В. А. столько же въ родствѣ съ собо
былъ законнымъ ея братомъ.

Выйдя за Мойера, человѣка умнаго и кроткаго, М
не могла забыть Жуковскаго. Бывъ вѣрной женою му
въ мысляхъ по миломъ ей поэтѣ.

Она умерла, и В. А. долго оставался вѣренъ своей любви, не вступая въ бракъ и чистотою поступковъ своихъ въ этомъ, такъ сказать, вдовствѣ, оправдывалъ, что столько же чисты были сношенія его и при жизни незабвенной для него женщины.

Нѣкоторые, читая посвященіе «Свѣтланы» и другіе стихи В. А. къ Воейковой, стихи, исполненные нѣжности и чувства, и нигдѣ не встрѣчая имени Марія, думали, что онъ влюбленъ былъ въ Воейкову. Но это была осторожность скромнаго поэта, или что-то въ родѣ ревности. Онъ не хотѣлъ при другихъ касаться до своего цвѣтка, какъ бы боясь, чтобы онъ не завялъ. Объ той-то онъ нигдѣ, никогда и не говорилъ, которую любилъ больше всѣхъ, любилъ въ молчаливомъ, нераздѣльномъ наслажденіи. Знающіе подробности его жизни въ другихъ стихахъ видѣли его Марію, гдѣ онъ не называетъ ее, но объ ней думалъ, объ ней говорилъ и тосковалъ. Прочтите стихи его: «Голосъ съ того свѣта», «Утѣшеніе въ слезахъ», «Къ Филалету», «Къ Нинѣ»... вотъ гдѣ его Марія.

Можетъ быть эта любовь и скорая потеря милой развили въ немъ то уныніе и мечтательность, которыя такъ прелестны въ произведеніяхъ В. А. Жуковскаго. Мысль, живущая за могилой, тамъ, гдѣ его Марія и гдѣ вся его душа, настроила и его лиру на этотъ томный ладъ, которымъ запечатлѣны всѣ стихи его. Эта даль, это что-то невидимое, что-то незримое, у другихъ смѣшное, у него имѣло мысль, была истина души его.

Но въ старость, лѣтъ подъ 60, русскій Петрарка измѣнилъ своей Лаурѣ. Въ 1841 г. Жуковскій женился въ Германіи, на дочери русскаго полковника Рейтерна, который послѣ войны Россіи съ Наполеономъ остался тамъ, женился на нѣмкѣ и выростилъ дочь-красавицу. Жуковскій давно былъ друженъ съ Рейтерномъ, въ заграничныя поѣздки всегда останавливался у него, на его глазахъ распускалась и расцвѣтала дочь его. Какъ это сдѣлалось—знаютъ Жуковскій да дочь Рейтерна, только въ 1840 году поэтъ нашъ, прогостивъ съ недѣлю у своего пріятеля, открылся ему въ любви къ его дочери и просилъ руки ея. Отецъ дружелюбно однако же напомнилъ, что не будетъ ли женихъ старше отца невѣсты. Жуковскій смолчалъ и послѣ не напоминалъ объ этомъ. Передъ отъѣздомъ его, дочь Рейтерна бросилась въ ноги къ отцу своему и умоляла его благословить ее съ обожаемымъ ею поэтомъ. «Ну, когда такъ—сказалъ отецъ—пусть будетъ по вашему»—и благословилъ 60-лѣтняго поэта на бракъ съ 18-лѣтней дѣвушкой.

М. М. Поповъ.

1850 г.

ѲЕДОРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ДОСТОЕВСКІЙ.

Письмо къ В. В. Михайлову.

С.-Петербургъ. Четвергъ, 16-го марта 1878 г.

Многоуважаемый Владиміръ Васильевичъ, дорогой корреспондентъ, ваше прелестное, умное, симпатичнѣйшее письмо получено мною 19-го ноября прошлаго года, а теперь 16 марта 1878 г., и вотъ только теперь я собрался вамъ отвѣчать,—можете ли вы примириться съ этимъ? Правда, въ декабрскомъ № Дневника, который вышелъ въ январѣ, было къ вамъ нѣсколько словъ,—но это не облегчаетъ дѣло. Я и не оправдываюсь, но выставлю хоть двѣ причины: слишкомъ больное и разстроенное состояніе вплоть до самаго послѣдняго № Дневника. Такъ и положилъ тогда: никому не отвѣчать пока не издамъ послѣдняго №. Ну а затѣмъ, почти вплоть до сихъ поръ, еще пущее нездоровье, все падучая, и мрачное затѣмъ расположеніе духа. Ну вотъ, это 1-я причина, вѣрьте ей. 2-я причина мое страшное, непобѣдимое, невозможное отвращеніе писать письма. Самъ люблю получать письма, но писать самому письма считаю почти невозможнымъ и даже нелѣпымъ. Я не умѣю, положительно, высказываться въ письмѣ. Напишешь иное письмо и вдругъ вамъ присылаютъ мнѣнія или возраженія на такія мысли, будто бы мною въ немъ написанныя, о которыхъ я никогда и думать не могъ. И если я попаду въ адъ, то мнѣ конечно присуждено будетъ за грѣхи мои писать по десятку писемъ въ день, не меньше. Вотъ 2-я причина, вѣрьте ей!

Письмо ваше произвело на меня чрезвычайно милое и дружественное къ вамъ впечатлѣніе. Я получаю очень много дружественныхъ писемъ, но такихъ корреспондентовъ, какъ вы—не много. Въ васъ чувствуешь своего человѣка, а теперь, когда жизнь проходитъ, а межъ тѣмъ такъ бы хотѣлось еще жить и дѣлать,—теперь, встрѣча съ своимъ человѣкомъ производитъ радость и укрѣпляетъ надежду. Есть, значитъ, люди на Руси и не мало ихъ, и они то жизненная сила ея, они то и спасутъ ее, только бы соединиться имъ. Вотъ для того, чтобъ соединиться, и вамъ отвѣчаю и жму вамъ руку отъ всего сердца.

Все ваше письмо прочелъ раза три, и (виноватъ) прочелъ и еще кой-кому, и еще кой-кому прочту. Взглядъ мнѣ вашъ хочется передать здѣсь, духъ вашъ русскій (настоящій) втолковать кому нибудь изъ здѣшнихъ. (NB. Читалъ между прочими Аполлону Ник—чу Майкову, поэту. Онъ былъ восхищенъ и даже взялъ на время ваше письмо

къ себѣ. Съ этимъ человѣкомъ я въ очень многомъ согласенъ въ мысляхъ).

О подробностяхъ письма вашего писать не стану. О здѣшнемъ много бы можно написать, но я коротко писать не умѣю, да и просто—не умѣю писать писемъ. Но если спросите что нибудь, т. е. если захотите именно отъ меня отвѣта въ чемъ нибудь, то отвѣчу, обѣщаю это. А теперь одно дѣло:

Вы не прочь мнѣ еще писать, какъ упомянули въ вашемъ письмѣ. Я это очень цѣню и на васъ разсчитываю. Въ вашемъ письмѣ меня очень заинтересовало, между прочимъ, то, что вы любите дѣтей, много жили съ дѣтьми, да и теперь съ ними бываете. Ну вотъ и просьба къ вамъ, дорогой Владиміръ Васильевичъ. Я замыслилъ и скоро начну большой романъ, въ которомъ, между другими, будутъ много участвовать дѣти и именно малолѣтніе съ 7 и до 15 лѣтъ примѣрно. Дѣтей будетъ выведено много. Я ихъ изучаю и всю жизнь изучалъ и очень люблю, и самъ ихъ имѣю. Но наблюденія такого человѣка, какъ вы, для меня (я понимаю это) будутъ драгоцѣнны. И такъ напишите мнѣ объ дѣтяхъ то, что сами знаете. И о Петербургскихъ дѣтяхъ, звавшихъ васъ дяденькой, и о Елисаветградскихъ дѣтяхъ, и о чемъ знаете. (Случаи, привычки, отвѣты, слова и словечки, черты, семейственность, вѣра, злодѣйство и невинность, природа и учитель, латинскій языкъ и проч. и проч., однимъ словомъ, что сами знаете). Очень мнѣ поможете, очень буду благодаренъ и буду жадно ждать. Я въ Петербургѣ буду навѣрно до 15 мая, послѣ того буду вѣроятно (съ моими дѣтьми) въ Старой Руссѣ. До 15 мая адресъ мой теперешній.

Посылаю вамъ мою фотографическую карточку и еще разъ прошу прощенія. Хоть и невѣжливъ былъ съ вами, но люблю васъ.

А теперь до свиданія. Вѣрьте моей сердечной искренности и глубочайшему къ вамъ уваженію. Вашъ Ѳ. Достоевскій.

Примѣчаніе. Владиміръ Васильевичъ Михайловъ—почтенный и уважаемый педагогъ, содержатель нѣкогда, въ 1860-хъ гг., очень хорошаго пансіона для мальчиковъ въ Спб., весьма много потрудившійся тогда же для воскресныхъ школъ въ С.-Петербургѣ, затѣмъ служившій дѣлу народнаго просвѣщенія въ одной изъ южныхъ губерній, по приглашенію земства. Просимъ В. В. извинить, что мы позволили себѣ напечатать письмо къ нему Ѳ. М. Достоевскаго, ярко рисующее отзывчивую природу славнаго нашего романиста на каждую дѣятельность, направленную къ добру и, въ особенности, согрѣтую любовью къ дѣтямъ. Ред.

LOUIS LE DÉSIRÉ

1814 г.

Въ напечатанное въ послѣдней книгѣ «Русской Старины», изд. 1883 г., томъ XL, ноябрь, стр. 481—496, превосходное стихотвореніе гр. А. К. Толстого «Русская Исторія» вкралась довольно важная ошибка, на которую спѣшу указать, чтобы сохранить, по возможности, подлинный текстъ произведенія нашего знаменитаго поэта.

Въ строфѣ 66-й послѣдній стихъ напечатанъ въ слѣдующемъ видѣ:

Si Louis le désirait.

Между тѣмъ, въ видѣнномъ мною спискѣ «Исторіи Россіи» всякая неясность исчезаетъ, такъ какъ этотъ стихъ читается слѣдующимъ образомъ:

Съ Louis le Désiré.

Какъ извѣстно, le Désiré было прозвище, данное Людовику XVIII его сторонниками, и въ такой формѣ послѣдній стихъ 66-й строфы имѣетъ глубокое значеніе.

Казалося, ну ниже
Нельзя сидѣть въ дырѣ,
Анъ глядь: ужъ мы въ Парижѣ
Съ Louis le Désiré.

т. е. картина перемѣнилась: мы побѣдили врага, свергли его съ престола и замѣнили своимъ кандидатомъ. Стихъ, представляющій столь рѣзкій контрастъ съ картиной, изображенной въ началѣ строфы, является весьма эффектнымъ окончаніемъ сей послѣдней, и заслуживаетъ предпочтенія въ сравненіи съ напечатаннымъ.

Бар. Ан. ф. д. Паленъ.

2-го ноября 1883 г.

Кромѣ того, другіе читатели «Русской Старины» указываютъ еще двѣ описки въ сообщенныхъ намъ почтеннымъ К. А. Варгунинымъ и другими лицами копіяхъ шутки-поэмы гр. А. К. Толстого:

На стр. 484-й, строфа 6-я, напечатано:

Что кіевскихъ конфектъ,

Читай для гладкости стиха такъ:

Что кіевскихъ конфетъ.

напечатано:

Wir bringen's schon zum Stande,

Читай:

Wir bringen's schon zu Stande.

На стр. 494-й, строфа 72-я, напечатано:

Съ горы со крикомъ громкимъ
In corpore сполна,
Скользя, своихъ потомковъ
Уносятъ и меня.

Читай:

Съ горы со крикомъ громкимъ
In corpore сполна,
Скользя, свои къ потомкамъ
Уносятъ имена.

Тамъ же, на стр. 494-й, въ строфѣ 73-й,
Читай:

се Путятинъ,
се Мѣтлинъ [1])

На стр. 496-й, въ строфѣ 82-й, напечатано:

Писанье-же не кляни.

Читай:

Писанье-жъ не кляни.

Сообщ. П. А. Висковатовъ, А. В. Цитреусъ и N. N.

---

[1]) Управлялъ короткое время, въ 1850-хъ гг., морскимъ министерствомъ.

ДУХОВНОЕ ЗАВѢЩАНІЕ ПОМѢЩИКА МЕЧИНСКАГО

1680 г.

Послѣдняя воля.

Таковое божественное постановленіе жить человѣку на свѣтѣ и умереть, и я, живя съ тысяча шестьсотъ двадцать втораго года, и нося туже смертельность въ моихъ лѣтахъ и моемъ нездоровьи, рѣшился еще до смерти распорядиться моимъ имуществомъ. Прежде всего я заявляю, что раздѣляю на вѣчныя времена между моими сыновьями имущество, пріобрѣтенное моимъ счастіемъ и моимъ трудомъ: старшему Іоанну я назначаю цѣлый Янушовъ, имѣніе во всѣхъ отношеніяхъ хорошое и обширное. Казиміру-же удѣлъ равный по сравненію съ имѣніемъ Янушево, принимая во вниманіе, и взвѣшивая словно на вѣсахъ, чтобы никто изъ нихъ небылъ обиженъ, такъ какъ я отношусь къ обоимъ съ одинаковою отческою любовю — я назначаю Мѣчинъ съ прибавкою двухъ участковъ въ Носковѣ (оба эти имѣнія равны одному Янушеву), что имъ извѣстно и ясно изъ дарственныхъ моихъ записей въ Закрочимскихъ актахъ. Однакоже актомъ, въ Закрочимѣ совершеннымъ, я выдѣлилъ для себѣ и супруги моей, а ихъ матери, участки Носкова въ пожизненное владѣніе изъ надѣла Казимірова, пока мы будемъ въ живыхъ. Въ воздаяніе за то Казиміръ получитъ все, что мы построимъ и исправимъ, такъ въ строеніяхъ, какъ и въ посѣвахъ въ имѣніи Носковъ. Что касается Длотова, то мы сохраняемъ за собою сіе владѣніе цѣликомъ въ неограниченномъ при нашей жизни владѣніи, никому не передавая права собственности на оное до дальнѣйшаго вередъ кончиною распоряженія, имѣя въ виду мы, родители, какую мы найдемъ благодарность со стороны нашихъ дѣтей, какимъ образомъ они будутъ своимъ расположеніемъ къ намъ снискивать нашу благосклонность, о чемъ я вздумалъ написать въ послѣднюю минуту жизни вторичное завѣщаніе относительно всего, чего бы сдѣсь недоставало.

Въ случаѣ есьли-бы это несостоялось, то они должны раздѣлить между собою Длутовъ по ровну, по-поламъ, точно такъ какъ мною сдѣсь описано равенство, то есть полями и холопами есьли мы до этаго времени нелишимся сего имѣнія по какимъ-либо неблагопріятнымъ случаямъ, чего сохрани Богъ! Чтоже касается имѣній, данныхъ нашимъ синовьямъ, то мы съ супругою моею, а ихъ матерью выговорили себѣ надлежащее и полное по всему повиновеніе, всякую сыновскую услужливость и попеченіе въ старые наши лѣта во всемъ, чего отъ нихъ потребуемъ, свободное пользованіе лѣсами такъ для построекъ, какъ и отопленіе, пользованіе садовыми фруктами, хмѣлемъ, рыбою, берегами рѣки Вислы для ловли, амбаремъ для вывозки въ Мѣчинѣ, выгономъ въ нашу пользу, равно какъ и въ пользу жителей Длотова на время, крестьянскими повинностіями и поденщизною съ этихъ-же имѣній, а также ремесленниками, находящимися въ этихъ-же имѣніяхъ.

Посполитое рушеніе долженъ будетъ нести своимъ иждивеніемъ Иванъ какъ старшій отъ нашего имени, равно какъ отъ имени своего брата, а именно поэтому, что онъ при нашей жизни будетъ пользоваться большемъ надѣломъ, у Казиміра-же не чемъ будетъ нести военную службу, такъ какъ

Мечинъ находится подъ залогомъ у сестры, а мы держимъ части Носкова. А такъ какъ въ Длутовѣ нѣтъ выгоновъ, то когда они раздѣлятъ между собою по-поламъ Длутовъ послѣ нашей кончины, Иванъ недолженъ препятствовать холопамъ Казиміра пользоваться на равнѣ со своими крестьянами выгономъ и водою въ Янушевѣ, что онъ самъ, по чувству братской любви, дозволяетъ въ нынѣшнемъ моемъ отцевскомъ письменномъ распоряженіи. Относительно-же границъ между Носковомъ и Янушевомъ за Носковскую усадьбою они должни держать между собою такимъ образомъ, какъ онѣ опредѣлены моими отцевскими межевыми знаками, сохраняя между собою братскую любовь. Новый дворъ въ селеніи Мѣчинѣ, который стоилъ мнѣ болѣе двухъ тысячъ золотыхъ, я имѣя въ виду справедливость вещей и одинаково любя своихъ синовей, и желая, чтобы они одинаково пользовались моимъ трудомъ, позволилъ взять половину на Янушевъ, другая-же половина остается Казиміру въ Мѣчинѣ; я далъ тоже наслѣдственную корчму изъ Мѣчина въ пользу Янушева за разборку этаго строенія и переносъ онаго въ Янушевъ,—родная сестра дала ему право держать Мѣчинъ безвозмездно въ теченіи года ничемъ неуменьшая своего права, которымъ она пользуется какъ закладнымъ имѣніемъ. А такъ какъ супруга моя, какъ мать по тойже любви, точно такъ какъ я отецъ, отказался отъ собственнаго труда отъ моихъ деревень, онаже уступила свои права, то я въ возданіе ей записалъ, не такъ какъ прежде сдѣлана ей была запись, когда она довольствовалась не большимъ записомъ (надѣломъ), но обезпечилъ ей записью на имѣніи, нынѣ оставляемомъ за мною Длотово, двѣ тысячи польскихъ золотыхъ. Снохѣ-же моей я записалъ въ Гостинскихъ актахъ по половинѣ Янушева и половинѣ Длутова шесть тысячъ золотыхъ, взявъ только четире тысячи, слѣдовательно въ силу сего моего постановленія, такъ какъ сыну моему принадлежитъ цѣлый Янушевъ, то онъ неимѣетъ права изъявить притязаніи на Длутово при нашей жизни и эти двѣ тысячи золотыхъ, которые я записалъ прежде всего матери, а не снохѣ, распредѣлено тѣмже правомъ, что и замѣчено въ записи, я прошу чтобы былъ уплоченъ долгъ моей дочери моей госпожи Унецкой, который числится за Казиміромъ въ количествѣ пяти тысячъ золотыхъ, шестая-же тысяча за Яномъ на Янушевѣ и прошу также, чтобы они смотрѣли за тѣмъ, чтобы соединивъ вмѣстѣ эти шесть тысячъ, обеспечили оныя на какихъ нибудь чистыхъ имѣніяхъ, такъ чтобы она непонесла никакаго урона. Они должны смотрѣть за этимъ какъ братья, прочіе-же долги, а именно долгъ шестисотъ золотыхъ, записанный мною на всѣхъ имѣніяхъ, долгъ, сдѣланный на постройку Мѣчинскаго костела, въ честь распятаго на крестѣ Господа, и прошу васъ, сыновья мои, и приглашая васъ съ собою на страшный судъ Господенъ, чтобы вы построили костелъ въ Мѣчинѣ, или чтобы вы уплотили деньги тому, кто возмется построить оной, ибо эти шестьсотъ золотыхъ есть нѣчто иное какъ мои грѣхи, которые вызвали бы на васъ наказаніе Бога. Старынныя права свѣтскія какъ духовныя, на сколько они были привязаны къ этимъ имѣніямъ, передаю вамъ, моимъ синовьямъ, какъ я раздѣлилъ имѣніе по ровну между вами, точно какъ вы должны пользоватся ими и ровну нести отвѣтственность. Долгъ отцевъ іезуитовъ въ Пултускѣ, пятсотъ золотыхъ, которые пришли на мою долю, вслѣдствіе пріобрѣтенія части Мѣчина, хотя третая часть пришла на долю господина Францишка. Вы какъ синовья должны отдать съ процентами, а также вы должны похоронить тѣло госпо-

этаго долга, исходатайствовать освобожденіе отъ проклятія. Я повѣлеваю это сдѣлать и прошу подъ опасеніемъ отказа въ моемъ отцевскимъ благославленіи. А такъ какъ я дѣлалъ значительные расходы въ пользу Яна, показывая его свѣту, а именно опредѣлая въ военную службу (я расходовалъ) три тысячи золотыхъ, при поступленіи опять въ Литовское войско тысячу золотыхъ на разныя его поѣздки, ища для него счастія, навѣрно около тысяча золотыхъ съ излишкомъ, на сватовство его на нынѣшней супругѣ и на устройство для него новоселья и расходовалъ уже по меньшей мѣрѣ тысячу золотыхъ съ излишкомъ. Выдѣливъ ему уже имѣніе, я подарылъ ему лошадь и зброю, стоимостію въ нѣсколько сотъ золотыхъ и другаго еще однаго коня и пару карыхъ лошадей и скотъ, находившійся въ Мѣчинѣ, не считая того, что еще больше дано мною и контушъ въ родѣ полшубка, нѣсколько платьевъ; ему же младшему ничего мнѣ дать и ничемъ вознаградить младшаго, такъ какъ вслѣдствіе сего моего распредѣленія исчерпанъ расходами въ пользу старшаго, то я даю ему лишь мое и материнское благословленіе, пускай онъ самъ почется о себѣ самомъ. Чтоже останется въ Носковѣ послѣ моей смерти, то Янъ недолженъ предъявлять никакихъ притязаніи, на все что останется отъ мала до велика лошади, скотъ, всѣ движимыя вещи, это все я даю, дарую этимъ моемъ распредѣленіемъ послѣ нашей смерти, ничего неназначая Яну, ибо у него всего вдоволь, движимыя-же вещи, которыя останутся послѣ смерти матери, Казиміръ долженъ все это отдать сестрѣ своей госпожѣ Унецкой. А есьлибы мы вслѣдствіе неблагопріятной судьбы лишились того, чѣмъ теперь владѣемъ, то это намъ позваляется и Казиміръ долженъ удовольствоватся тѣмъ, что останется послѣ нашей смерти. А такъ какъ намъ осталось немного, и наличныхъ денегъ у насъ нѣтъ, то я завѣщаю триста польскихъ золотыхъ для Пресвятой Дѣвы въ пользу Червинскаго костела подъ залогъ для отпѣванія понихидъ за упокой моей души въ день святаго Мартина, такимъ образомъ чтобы мои наслѣдники собрали эти деньги съ крестьянскихъ налоговъ изъ Длутова необремѣняя себѣ самыхъ, какъ указываетъ запись, то есть чтобы они уплачивали ежегодно по двадцати золотыхъ, которые я вздумалъ было начать по моей жизни за мои грѣхи.

Я прошу моихъ сыновей, чтобы они насъ вдвоемъ (то есть меня съ матерею), положили въ одну гробницу также и Пресвятой Дѣвы въ монастирскомъ костелѣ.

Я прошу жену мою, чтобы она оставалась въ имѣніи въ томъ надѣлѣ, который мы оставили за собою, пользуясь своими правами, записью и пожизненнымъ владѣніемъ, дѣлая добро за мою душу. Кромѣ того я прошу еще моихъ троихъ дѣтей, чтобы каждое изъ нихъ уплатило за сто панихидъ послѣ моей смерти.

Написавъ это, я даю имъ связку стрѣлъ подобно оному отцу, чтобы они относились взаимно другъ къ другу съ любовью и братскимъ согласіемъ, чтобы они любили насъ до смерти, насъ охраняли и благодарили за наши благодѣянія, оказыванныя имъ отъ рожденія и чтобы они были довольны тѣмъ, что написала моя собственная рука, ибо я здѣсь неруковожусь никакимъ пристрастіемъ, я люблю обоихъ единаково, ибо хотя бы они привели сто тысячъ мудрецовъ, то они не съумѣлибы лучше взвесить вещей. Я заклинаю васъ благословленіемъ Божьимъ, отцевскомъ и материнскомъ.

Что я написалъ то написалъ, а кто изъ васъ противорѣчилъ бы въ чемъ нибудь моей волѣ, то я пишу мое отцевское право: проклятый сынъ пускай на тебя и на твоихъ сыновей.... а прочье догадайся, что я собственоручно и они въ знакъ утвержденія подписали, наравно со мною, и скрепили залогомъ въ триддать тысячъ, соглашаясь со мною.

Войцѣхъ Дунинъ Мечинскій.

Внесено въ протоколъ дѣлъ гродзкихъ старостинскихъ закрочимскихъ въ ближайшій понѣдельникъ на праздникахъ святыхъ угодниковъ Вита и Модеста года Господня 1680—сею послѣднею волю его превосходительства господина Дунина Адальберта Мечинскаго, каштеляна Закрочимскаго.

Достовѣрность перевода съ польскаго языка приложеннаго у сего подлиннаго акта, сдѣланнаго же по прошенію Адама Дунина Мечинскаго 31 мая 1880 года, свидѣтельствуетъ

Варшава, 3 (15) дня января 1881 г.

(L. S.)

(Подп.) начальникъ главнаго архива Царства А. Павинскій.

Вѣрно съ подлиннымъ: членъ императорскаго вольно-экономическаго общества въ Петербургѣ Мечинскій Адамъ Дунинъ.

Секретный арестъ

1807 г.

Главнокомандующій въ Петербургѣ и министръ военно-сухопутныхъ силъ, Сергѣй Козмичъ Вязмитиновъ, поручилъ надзирателю столичной полиціи Фридерици отправиться въ Ораніенбаумскій уѣздъ и доставить въ Петербургъ вѣдомства Ораніенбаумскаго дворцоваго правленія, деревни Мартышкиной, крестьянскую вдову Анну Герасимову и ея свекра. Фридерици отнесся къ мѣстному исправнику Смецкому и, при его содѣйствіи, 22-го сентября 1807 года, взялъ этихъ лицъ, сказавъ исправнику, что они скоро будутъ возвращены. Но какъ арестованныхъ и до 26-го сентября не было, то Смецкій почелъ нужнымъ донести объ этомъ арестѣ петербургскому гражданскому губернатору Петру Степановичу Пасевьеву. Послѣдній спросилъ Вязмитинова о причинѣ ареста и получилъ 13-го октября отвѣтъ такого содержанія: «Герасимова и ея свекоръ взяты были и въ Петербургъ доставлены вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія, по секретному дѣлу. Я не могу вамъ сообщить въ чемъ состоитъ дѣло», прибавилъ Вязмитиновъ, «но люди сіи возвращены въ ихъ жилище, по прежнему».

Сообщ. Г.

О ВОЗОБНОВЛЕНІИ ПАМЯТНИКА НА ОБЩЕЙ МОГИЛѢ

АРТЕМІЯ ВОЛЫНСКАГО, ЕРОПКИНА И ХРУЩОВА

† 27-го іюня 1740 г. [1]

По поводу статей о могилѣ Волынскаго, помѣщенныхъ въ майской и октябрьской книгахъ „Русской Старины" изд. 1883 г., считаю умѣстнымъ и благовременнымъ довести до свѣдѣнія читателей этого почтеннаго журнала слышанное мною отъ родственника моего, С. М. Селифонтова (нынѣ умершаго), считавшаго себя прямымъ потомкомъ рода Волынскихъ, по женскому колѣну.

Родъ Волынскихъ прекратился въ 1837 году, смертью послѣдняго представителя сего рода, генералъ-маіора Михаила Михайловича Волынскаго, умершаго въ Москвѣ. Родная племянница Михаила Михайловича, дочь брата его, Сергѣя—Наталья Сергѣевна Волынская, въ 1824 году вступила въ бракъ съ генералъ-маіоромъ Михаиломъ Петровичемъ Селифонтовымъ и умерла въ 1826 г. въ родовомъ своемъ имѣніи Ярославской губ., Ростовскаго уѣзда, селѣ Лазорцовѣ, гдѣ и похоронена. Отъ этого брака происходитъ Сергѣй Михайловичъ Селифонтовъ.

Питая благоговѣйную память къ своему знаменитому предку, онъ ходатайствовалъ о присоединеніи его фамиліи къ своей и о разрѣшеніи построить часовню на его могилѣ. Встрѣтивъ въ томъ и другомъ предположеніи какія-то затрудненія и не обладая достаточной энергіей, чтобъ преодолѣть препятствія, а главное, не

[1]) См. „Русскую Старину" изд. 1883 г., май, томъ XXXVIII, стр. 464—471; томъ XL, октябрь и ноябрь, стр. 269—271 и 498.

оставались только въ проектѣ. Между тѣмъ, владѣя большимъ состояніемъ, дошедшимъ къ нему отъ Волынскихъ, не въ денежномъ отношеніи было затрудненіе. Онъ желалъ на общей могилѣ Волынскаго, Хрущова и Еропкина устроить часовню и чтобъ могильная плита осталась неприкосновенной, а вошла бы вовнутрь часовни, въ которой предполагалось поставить иконостасъ съ изображеніями угодниковъ, соименныхъ усопшимъ, св. Артемія и св. апостоловъ Андрея и Петра. Надъ плитой, въ полу, полагалось сдѣлать прорѣзь, крытую сквозными рѣшетками.

Послѣ Селифонтова осталась малолѣтняя дочь Наталья 9-ти лѣтъ; состояніе, къ ней перешедшее отъ отца, поступило въ вѣдѣніе С.-Петербургской дворянской опеки и позволительно думать, что гг. опекуны найдутъ возможность принять видное участіе въ устройствѣ исторической могилы бывшаго кабинетъ-министра Артемія Петровича Волынскаго, что всегда составляло завѣтную мечту покойнаго Селифонтова.

Д. Нилов**ъ**.

20-го октября.
1883 г.

На возобновленіе памятника на могилѣ Волынскаго, Еропкина и Хрущова поступило:

Отъ П. А. А—ва	2 руб.
„ В. С. Балашева.	25 „
„ К. А. В—на.	50 „
Итого съ прежде полученными	259 руб.

ГЕНЕРАЛЪ ДИТЯТИНЪ.

Характеристическій очеркъ.

1796—18..

I.

Съ генераломъ Дитятинымъ мы имѣемъ удовольствіе быть давно знакомы. Первый разъ его встрѣтили 22 года тому назадъ, когда на одномъ вечерѣ, сколько помню, у покойнаго поэта Василія Степановича Курочкина, генералъ Дитятинъ сдѣлалъ суровое замѣчаніе одному молодому гвардейскому офицеру, передававшему, въ юмористической формѣ, нѣкоторые случаи изъ своей военной жизни. Съ тѣхъ поръ мы его встрѣчали довольно часто въ различныхъ собраніяхъ и всегда встрѣчали съ большимъ удовольствіемъ. Крайне своеобразныя типическія черты характера этого стараго служаки; его мѣткія, по своему весьма остроумныя, замѣчанія; его отзывчивость на всѣ явленія современной жизни, но всегда съ своей собственной точки зрѣнія, — все это встрѣчалось и встрѣчается до сихъ поръ всюду съ большимъ любопытствомъ и удовольствіемъ.

Редакція «Русской Старины» крайне желательно имѣть возможно точныя біографическія данныя о генералѣ Дитятинѣ; она просила даже у Ивана Өедоровича Горбунова сообщить послужной о службѣ генерала Дитятина списокъ (формуляръ генерала), но Иванъ Өедоровичъ, въ его литературныхъ и артистическихъ трудахъ и заботахъ, до сихъ поръ не собрался передать намъ этотъ, безъ сомнѣнія интересный для «Старины», документъ. Надѣемся, однако, что, рано или поздно, но онъ украситъ собою страницы записной книжки «Русской Старины». Въ настоящее же время удовольствуемся тѣми чертами, какія вспомнимъ изъ собственныхъ разсказовъ генерала Дитятина.

Время его рожденія опредѣлить чрезвычайно трудно. Есть нѣкоторое основаніе отнести годъ его рожденія къ 1796 или 1797 г., т. е. ко времени восшествія на престолъ Павла Петровича. Затѣмъ Дитятинъ какъ-то сбивается въ показаніяхъ о началѣ своей карьеры и если весьма часто является въ своихъ сказаніяхъ сподвижникомъ Ивана Ивановича Дибича-Забалканскаго или Ивана Өедоровича Паскевича-Эриванскаго, князя Варшавскаго, то, заговорившись, появляется иногда чуть ни въ свитѣ Александра Васильевича Суворова-Рымникскаго, при взятіи штурмомъ Праги въ 1794 г.

Дитятинъ—типъ служаки добраго, давно отжитаго, времени. Онъ—суровый поборникъ дисциплины, неумолимый и постоянный врагъ всѣхъ реформъ, въ особенности въ военномъ бытѣ, ознаменовавшихъ двадцатипятилѣтній минувшій періодъ. По его мнѣнію, грамотность не только портитъ, но она развращаетъ солдата, не менѣе того, какъ портитъ его, по мнѣнію его превосходительства, и война. Солдатъ созданъ для караульной въ мирное время службы, для вытяжки, муштровки, а самая физіономія его для зуботычинъ. Дитятинъ знакомъ и съ литературой, но это знакомство почти замыкается періодомъ Державина. Онъ весьма охотно и не безъ выраженія цитируетъ Ломоносова, Державина, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Ивана Ивановича Дмитріева, снисходитъ къ Ивану Андреевичу Крылову; но Пушкинъ для него уже поэтъ весьма юный и которому онъ не можетъ простить его вольнодумства. Генералъ находитъ, что его добрый пріятель Александръ Христофорычъ Бенкендорфъ, въ опекѣ своей надъ Пушкинымъ, былъ слишкомъ мягокъ и снисходителенъ.

Полупренебрежительное отношеніе къ Пушкину не помѣшало однако Дитятину побывать въ 1880 г. въ Москвѣ на юбилеѣ геніальнаго поэта, гдѣ въ рѣчи, сказанной послѣ торжественнаго обѣда, онъ совершенно неожиданно высказалъ свои симпатіи къ этому поэту, не безъ многихъ однако оговорокъ, и привелъ цитаты изъ нѣкоторыхъ его воинственныхъ стихотвореній, подчеркнувъ то обстоятельство, что самая фамилія поэта—Пушкинъ—что-то родное военному дѣлу.

Сколь ни суровъ генералъ Дитятинъ въ своей непримиримой враждѣ къ реформамъ по военному вѣдомству 1860—1870-хъ годовъ, тѣмъ не менѣе и въ его жизни промелькнула однажды готовность воспользоваться нѣкоторыми новыми учрежденіями, этими реформами созданными.

Возникла военно-юридическая академія.

Генералъ Дитятинъ, давно уже остававшійся сначала за штатомъ,—тогда еще не было генераловъ по запасу,—а потомъ и въ полной отставкѣ, уволенный, сколько можно понять изъ его сбивчи-

ловъ, которая разомъ была освобождена отъ службы за многочисленностію этого рода офицеровъ, вздумалъ было поступить въ военно-юридическую академію, находя, что постъ предсѣдателя военно-окружнаго суда, который, по его мнѣнію, неминуемо увѣнчалъ бы его успѣхи въ этой академіи, былъ бы вполнѣ ему по плечу. И вотъ слѣдуетъ разсказъ почтеннаго ветерана о томъ, какъ онъ, генералъ Дитятинъ, подавалъ прошеніе военному министру, Д. А. Милютину, о принятіи его въ военно-юридическую академію. Хлопоты Дитятина, какъ извѣстно всѣмъ, слышавшимъ этотъ разсказъ, увѣнчались полнымъ fiasco. Это едва-ли еще ни болѣе его озлобило противъ реформъ вообще и противъ личности бывшаго военнаго министра въ особенности.

Въ чемъ состояли военные подвиги генерала Дитятина? Крови онъ не проливалъ. Подвиги его ограничивались на поприщѣ мирной муштровки ввѣренныхъ ему командъ. Теперь, будучи не у дѣлъ, и уже давно, онъ является всюду, ко всему прислушивается, приглядывается, и если не читаетъ газетъ и журналовъ, то судитъ о нихъ, хотя вкривь и вкось, и притомъ всегда съ своей своеобразной точки зрѣнія.

Дитятинъ дорогъ и крайне интересенъ намъ тѣмъ, что мы видимъ передъ собою лицо, съ плотью и кровью какъ-бы вставшее изъ могилы, по меньшей мѣрѣ изъ конца 1830-хъ и эпохи 1840-хъ годовъ,—когда въ нашемъ отечествѣ царила полная увѣренность, что все и вся должно вершить начальство; когда общество не должно было вмѣшиваться рѣшительно ни во что; когда дѣятельность отдѣльныхъ лицъ, на какой бы высотѣ нравственнаго и умственнаго развитія они ни находились бы, должна была ограничиваться жизнью матеріальною въ самомъ тѣсномъ смыслѣ; когда духовные интересы были подавляемы; когда литература была только терпима и кругозоръ ея былъ тѣсно ограниченъ опекою III-го отдѣленія, личнымъ произволомъ ея шефовъ гр. Александра Христофоровича Бенкендорфа и его преемника гр. (потомъ князя) Алексѣя Ѳедоровича Орлова, съ его усерднымъ, ловкимъ подручникомъ Леонтіемъ Васильевичемъ Дубельтомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и опекою стоглавой цензуры, выглядывавшей на печать со злобою и ревностію изъ всѣхъ министерствъ и отдѣльныхъ управленій до коннозаводства включительно.

Въ виду этого, бытіе генерала Дитятина въ высшей степени полезно: онъ является въ современномъ русскомъ обществѣ не потѣшникомъ только собравшагося кружка добрыхъ знакомыхъ, всегда весело и радушно его принимающаго въ свою среду, но и лицомъ, имѣющимъ

весьма серьезное значеніе. Этотъ типъ, созданный творческою фантазіею остроумнѣйшаго разсказчика-артиста Ивана Ѳедоровича Горбунова, однимъ бытіемъ своимъ воскрешаетъ въ нашей памяти то суровое время, въ которое русское общество, ублажаемое увѣреніями въ несокрушимой силѣ русскаго государства, дремало безъ праваго суда, безъ гласности, безъ печати, вѣнчая собою всѣ ужасы и язвы крѣпостного ига, и въ полудремотѣ своей не думая, что, наконецъ, грянетъ же громъ.

Ужасная гроза разразилась надъ нашимъ отечествомъ и мученикъ-герой Севастополь кровью искупленія долженъ былъ залить тяжкіе грѣхи русскаго общества.

Мы лишь намѣтили только въ самыхъ общихъ выраженіяхъ черты, обрисовывающія генерала Дитятина. Не должно думать, что это лицо уже вполнѣ отжило свой вѣкъ. Нѣтъ. Въ русскомъ обществѣ, если еще долго будутъ жить герои безсмертныхъ произведеній Гоголя, то не менѣе того еще долго не умрутъ и многія особенности воззрѣній генерала Дитятина.

Обратимся къ артисту, создавшему этотъ типъ.

II.

Едва-ли мы ошибемся, если скажемъ, что Иванъ Ѳедоровичъ Горбуновъ принадлежитъ къ небольшой группѣ самыхъ популярныхъ артистовъ въ нашемъ отечествѣ; въ настоящее время,—кстати замѣтимъ, это одинъ изъ трехъ артистовъ (В. В. Самойловъ, И. В. Самаринъ и И. Ѳ. Горбуновъ), которые отличены правительствомъ почетною наградою—золотою большою медалью,—онъ, талантливый разсказчикъ-артистъ извѣстенъ не только населенію обѣихъ столицъ Россіи, но положительно всѣ, сколько нибудь значительные, города Россіи видѣли у себя Ивана Ѳедоровича Горбунова. 27 лѣтъ его встрѣчаютъ, какъ артиста-разсказчика, повсюду съ полнымъ удовольствіемъ; 27 лѣтъ сцены народныя, имъ передаваемыя, встрѣчаются постоянно рукоплесканіями и криками браво! Много появлялось въ этотъ періодъ подражателей и послѣдователей и Горбунова въ избранномъ имъ родѣ разсказовъ. Но гдѣ эти подражатели, гдѣ эти послѣдователи? Они также быстро исчезли, какъ легко появлялись съ своимъ микроскопическимъ дарованіемъ. Остался, въ своемъ родѣ единственный, И. Ѳ. Горбуновъ. Это одно обстоятельство уже свидѣтельствуетъ о силѣ и своеобразности таланта артиста. Но этотъ талантъ давно бы истощился, если бы онъ не принадлежалъ человѣку, вполнѣ

и журналистикой; въ особенности весьма свѣдущему въ отечественной исторіи и живо ею интересующемуся. Мы уже не говоримъ о наблюдательности и остроуміи этого артиста; но замѣтимъ только, что самая близость его съ литературными сферами, неизмѣнная дружба съ такимъ геніемъ, какимъ справедливо гордится русская современная словесность въ лицѣ Александра Николаевича Островскаго, благотворно вліяла и вліяетъ на И. Ѳ. Горбунова.

Общая симпатія къ этому разсказчику-артисту дозволяетъ намъ надѣяться, что читатели «Русской Старины», въ особенности тѣ, которые давно уже знакомы съ генераломъ Дитятинымъ, не безъ удовольствія встрѣтятъ вышеприведенную замѣтку нашу объ этомъ типѣ, созданномъ творческою фантазіею И. Ѳ. Горбунова.

Портретъ генерала Дитятина, приложенный къ этой же книгѣ, начертанъ рукою того же И. Ѳ. Горбунова; онъ набросанъ въ нѣсколько минутъ, въ 1871-мъ году, въ засѣданіи комитета спб. собранія художниковъ, нынѣ уже не существующаго, и тогда же этотъ набросокъ переданъ И. Ѳ. Горбуновымъ въ нашъ альбомъ. Художникъ И. И. Матюшинъ, ученикъ и сотрудникъ академика А. А. Сѣрякова, воспроизвелъ въ своей гравюрѣ вполнѣ точный снимокъ съ рисунка И. Ѳ. Горбунова.

Мы тѣмъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ закрѣпили и въ гравюрѣ, и въ текстѣ настоящей замѣтки типическія черты генерала Дитятина на страницахъ «Русской Старины», что полной біографіи его превосходительства, генералъ-маіора въ отставкѣ, Дитятина, ни его записокъ уже конечно не появится ни въ какомъ журналѣ, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ разсказываетъ ее самъ генералъ Дитятинъ въ своихъ безчисленныхъ бесѣдахъ въ различныхъ обществахъ въ Петербургѣ, въ Москвѣ и во многихъ городахъ Россіи. Дѣло въ томъ, что разсказы его создаются творческою фантазіею И. Ѳ. Горбунова совершенно экспромтомъ и также скоро забываются артистомъ или преобразовываются имъ совершенно подъ вліяніемъ другой обстановки и другихъ обстоятельствъ, среди которыхъ повторяется тотъ или другой разсказъ изъ жизни или изъ воззрѣній почтеннаго генерала Дитятина на различныя явленія современной жизни.

При настоящемъ характеристическомъ очеркѣ генерала Дитятина приложенъ его портретъ: это весьма точный снимокъ, какъ уже сказано выше, въ гравюрѣ И. И. Матюшина, съ карандашнаго наброска, исполненнаго для альбома «Русской Старины» 5-го февраля

1871 г. самимъ артистомъ И. Ѳ. Горбуновымъ (альбомъ автографовъ, томъ II, стр. 161). Нашъ талантливый разсказчикъ-артистъ весьма бойко владѣетъ карандашемъ и въ настоящемъ наброскѣ изобразилъ ликъ генерала Дитятина именно въ томъ видѣ, какъ онъ представляется его дѣеписателю Ивану Ѳедоровичу Горбунову въ его живой, творческой фантазіи.

Примѣчаніе. Напомнимъ нѣсколько фактовъ изъ біографія нашего даровитаго артиста и писателя. И. Ѳ. Горбуновъ дебютировалъ на московской сценѣ 16 ноября 1854 г.; на петербургской—16 ноября 1855 г. Его книга: „Сцены и разсказы изъ народнаго быта“ выдержала шесть изданій въ 19,000 экземплярахъ. Поддѣлокъ подъ книгу г. Горбунова явилось четыре изданія и всѣ также разошлись.

Ред.

Высочайшее повелѣніе о нецѣлованіи руки

1801 г.

О высочайшемъ соизволеніи, чтобъ преосвященные архіереи и іереи, благословляя, не цѣловали руки его величества и высочайшихъ особъ.

Е. И. В. Государь Императоръ, не дая изъ благоснисхожденія своего цѣловать руки своей вѣрноподданнымъ свѣтскаго званія, соблаговолилъ изъявить мнѣ, что онъ особенно желаетъ сего относительно къ духовнымъ, а именно, чтобы преосвященные архіереи и іереи, не цѣлуя руки его, только по обряду церковному благословляли его и всю высочайшую фамилію его, съ приличнымъ разумѣется поклоненіемъ, а діаконы токмо поклонялись.

Эта Высочайшая воля объявлена была митрополиту Амвросію, а тотъ сообщилъ о ней и другимъ архіереямъ.

Примѣчаніе. Происхожденіе этого высочайшаго повелѣнія относится къ 1801 г., къ первымъ мѣсяцамъ царствованія императора Александра I-го.

Сообщ. въ 1870 г. г. И.

ГЕНЕРАЛЪ ДИТЯТИНЪ,

СОЗДАННЫЙ

АРТИСТОМЪ ИВ. ѲЕД. ГОРБУНОВЫМЪ.

ЛЕРМОНТОВСКІЙ МУЗЕЙ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

ВЪ НИКОЛАЕВСКОМЪ КАВАЛЕРІЙСКОМЪ УЧИЛИЩѢ.

(Письмо къ ред. „Русской Старины“, Мих. Ив. Семевскому).

М. г. Желаніе осязательно увѣковѣчить память о Лермонтовѣ въ Николаевскомъ Кавалерійскомъ училищѣ, въ Петербургѣ, гдѣ воспитывался нашъ великій поэтъ, вызвало въ насъ мысль устроить въ училищѣ — Лермонтовскій музей.

30-го декабря 1880 года мы получили оффиціальное разрѣшеніе отъ военнаго министра, графа Д. А. Милютина, на осуществленіе этой мысли.

Приступая затѣмъ къ устройству Лермонтовскаго музея, мы, 4-го февраля 1881 года, обратились къ вашему просвѣщенному содѣйствію. Горячимъ сочувствіемъ была встрѣчена вами наша мысль: у васъ, тогда-же, впервые обсуждался вопросъ о созданіи Лермонтовскаго музея, вы помогли намъ совѣтами, указаніями и въ мартовской книгѣ издаваемаго вами журнала „Русская Старина“, за 1881 годъ, обязательно помѣстили нашъ призывъ къ обществу объ учрежденіи Лермонтовскаго музея.

Съ тѣхъ поръ прошло почти три года и сказанныя вами тогда слова, въ примѣчаніи къ нашей замѣткѣ, — что призывъ этотъ, всеконечно, будетъ принятъ всею грамотною Россіею съ живѣйшимъ удовольствіемъ, — сбылись.

Съ разныхъ сторонъ къ намъ стали стекаться пожертвованія. Мы вошли въ сношенія съ товарищами, родственниками и знакомыми поэта. Многіе подѣлились своими воспоминаніями о Лермонтовѣ, а также имѣвшимися у нихъ предметами, которые составили весьма цѣнный для музея вкладъ. Для насъ, каждая

мысль, каждое прикосновеніе пера или кисти безвременно погибшаго генія—величайшая драгоцѣнность и потому мы, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, тщательно собирали все, что относится до памяти любимаго русскаго поэта, которымъ такъ гордится наше училище.

Въ настоящее время мы имѣемъ уже такой полный и богатый матеріалъ, что приступили къ окончательному устройству музея, который надѣемся открыть въ декабрѣ мѣсяцѣ нынѣшняго 1883 года. Къ этому же времени будетъ напечатанъ подробный каталогъ всѣмъ вещамъ, хранящимся въ музеѣ, съ которыми позвольте ознакомить васъ пока въ общихъ чертахъ.

Въ „Лермонтовскомъ музеѣ“ къ 15 ноября 1883 г. собрано:

I. Журналы, сборники и альманахи, въ числѣ 74-хъ нумеровъ, въ которыхъ печатались произведенія поэта, начиная съ 1835 года, а именно: „Библіотека для Чтенія“, „Современникъ“, „Отечественныя Записки“, „Одесскій Альманахъ“, „Москвитянинъ“, „Утренняя Заря“, „Молодикъ“ (Украинскій Литературный Сборникъ), „Вчера и Сегодня“, „Раутъ“, „Русская Старина“, „Русскій Вѣстникъ“, „Сборникъ Литературныхъ Статей“, „Библіографическія Записки“, „Атеней“, „Русскій Архивъ“, „Вѣстникъ Европы“, „Русь“, „Русская Мысль“, „Историческій Вѣстникъ“.

II. Отдѣльныя изданія сочиненій М. Ю. Лермонтова въ числѣ 40, начиная съ „Героя нашего времени“, изданнаго Глазуновымъ въ 1840 году.

Въ этой книжкѣ, пожертвованной П. А. Ефремовымъ, на заглавномъ листѣ точка передѣлана въ запятую, послѣ слова Лермонтовъ, и его собственной рукой сдѣлана приписка: „упадаетъ къ стопамъ ея прелестнаго сіятельства, умоляя позволить ему не обѣдать“. (Поднесеніе Лермонтова княгинѣ Одоевской).

III. Сочиненія, журналы и сборники, въ которыхъ помѣщены статьи и отзывы о Лермонтовѣ, его произведеніяхъ, переводахъ, портретахъ и рукописяхъ, въ числѣ 210 нумеровъ, начиная съ 1839 года. Въ томъ числѣ 24 нумера журнала „Русская Старина“, такъ много уже представившаго на своихъ страницахъ матеріаловъ къ біографіи Лермонтова.

IV. Переводы произведеній Лермонтова на иностран-

появившійся въ 1842 году въ Берлинѣ, собрано уже болѣе 50-ти отдѣльныхъ переводовъ на языки: нѣмецкій, французскій, англійскій, итальянскій, шведскій, датскій, финскій, латышскій и на разныя славянскія нарѣчія—польское, чешское, сербское, руссинское.

Такимъ образомъ для музея собрано около 400 книгъ. Въ этомъ настойчиво, съ знаніемъ дѣла и съ любовью, помогалъ мнѣ библіотекарь Николаевскаго кавалерійскаго училища, гвардіи ротмистръ Буковскій, воспитанникъ нашего училища, при обязательномъ содѣйствіи преподавателя русской словесности А. Махначева.

Перехожу затѣмъ къ отдѣлу о рукописяхъ поэта,—самому цѣнному для насъ и составленному исключительно изъ пожертвованій, сдѣланныхъ музею. Особенно богатый взносъ, по количеству и качеству пожертвованныхъ училищу предметовъ, сдѣлалъ Андрей Александровичъ Краевскій, который передалъ намъ всѣ сохранившіяся у него рукописи Лермонтова. Какъ извѣстно А. А. Краевскій былъ въ близкихъ, дружескихъ отношеніяхъ съ Лермонтовымъ и печаталъ его произведенія въ литературномъ прибавленіи къ „Русскому Инвалиду" и затѣмъ въ „Отечественныхъ Запискахъ". Въ числѣ прочихъ, превосходное произведеніе Лермонтова: „Купецъ Калашниковъ" впервые цѣликомъ напечатано А. А. Краевскимъ въ литературномъ прибавленіи къ „Русскому Инвалиду".

V. Рукописи Лермонтова. Въ этомъ отдѣлѣ 16 тетрадей, написанныхъ рукою Лермонтова. Въ числѣ ихъ первая тетрадь, въ 8 д. листа, переплетенная, относится къ 1828 году, когда Лермонтову было всего 14 лѣтъ. Въ тетради три акварельныхъ рисунка и тщательно переписанныя рукою автора двѣ поэмы: „Кавказскій плѣнникъ" и „Корсаръ". Въ другихъ тетрадяхъ — первый и второй очеркъ „Демона", трагедія „Испанцы", романтическая драма „Странный человѣкъ", „Бояринъ Орша", „Мцыри" (Бэри), „Сказка для дѣтей", „Измаилъ Бей", „Ангелъ смерти" и много мелкихъ стихотвореній. 14 рукописныхъ тетрадей Лермонтова принесены въ даръ музею А. А. Краевскимъ; одиннадцатая тетрадь — „Ангелъ смерти", пожертвована Петромъ Александровичемъ Ефремовымъ; шестнадцатая тетрадь пожертвована род-

ственницею Лермонтова, Е. П. Веселовской, рожденной Шанъ-Гирей. Эта интересная тетрадь, которая содержитъ юношескую повѣсть Лермонтова, вся сплошь, на заглавномъ листѣ, покрыта рисунками — перомъ.

Ограничусь этимъ краткимъ перечнемъ рукописей, которыя будутъ подробно описаны въ каталогѣ „Лермонтовскаго музея“.

При разборѣ и систематической классификаціи рукописей мнѣ помогалъ Петръ Александровичъ Ефремовъ, извѣстный знатокъ этого дѣла, подъ редакціею коего вышло нѣсколько изданій сочиненій Лермонтова. Онъ много помогалъ намъ совѣтами и указаніями при составленіи музея, и я считаю пріятнымъ долгомъ выразить ему нашу искреннюю признательность. Кромѣ рукописей, мы получили еще нѣсколько тетрадей, списанныхъ съ подлинныхъ рукописей Лермонтова. Въ числѣ ихъ нѣсколько неизданныхъ стихотвореній и между прочимъ „Школьная заря“ 1834 г., пожертвованная музею въ копіи М. И. Семевскимъ, получившимъ оную, чрезъ посредство В. Н. Поливанова, отъ князя Николая Сергѣевича Вяземскаго, школьнаго товарища Лермонтова. Подлинникъ, вмѣстѣ съ каррикатурами, исполненными перомъ Лермонтова, принадлежитъ кн. Н. С. Вяземскому.

Отъ гг. Краевскаго и Ефремова получены корректурные листы къ разнымъ изданіямъ Лермонтова, съ весьма интересными помѣтками и исключеніями цензора.

VI. Картины и рисунки Лермонтова. Въ этой коллекціи имѣются: двѣ картины масляными красками, сцены изъ кавказской жизни, писанныя Лермонтовымъ въ Селищенскихъ казармахъ Новгородской губерніи, въ л.-гв. Гродненскомъ гусарскомъ полку, и пожертвованныя его товарищемъ по полку, А. И. Арнольди. Три акварельныхъ рисунка: лейбъ-гусары подъ Варшавой въ 1831 году, акварель Лермонтова, копія пожертвована офицерами л.-гв. гусарскаго полка; эпизодъ кавказской войны, — акварель, сдѣланная на Кавказѣ Лермонтовымъ и кн. Гагаринымъ, пожертвована Д. А. Столыпинымъ; эпизодъ маневра школы юнкеровъ, — сепія, сдѣланная Лермонтовымъ въ школѣ, пожертвовалъ Д. А. Столыпинъ. Два рисунка, сдѣланные Лермонтовымъ въ дѣтствѣ, одинъ сепіею, — Божія Матерь съ Спасителемъ, и дѣтская головка, рисунокъ карандашемъ, пожертвованные г-жей К. М. Цехановской. Кромѣ того много мелкихъ набросковъ пе-

тетрадяхъ.

VII. Изъ вещей Лермонтова имѣется черкесскій поясъ, который Лермонтовъ носилъ на Кавказѣ, пожертвованный А. И. Арнольди. Ожидается отъ князя С. Н. Трубецкаго изъ Кавказа серебряная пороховница съ буквою „Л.“, принадлежавшая Лермонтову; отъ А. А. Краевскаго—кинжалъ, подаренный ему Лермонтовымъ, и туфли, оставшіяся по смерти Лермонтова въ селѣ Тарханахъ.

VIII. Портреты Лермонтова и его родственниковъ. Начиная съ прадѣда поэта, Юрія Петровича Лермонтова, въ музеѣ собраны всѣ портреты его родственниковъ, именно: прадѣда, дѣда отца и матери. Портреты поясные, въ натуральную величину, писанные масляными красками, очень хорошо исполненные. Эти въ высшей степени интересные и рѣдкіе портреты я получилъ отъ двоюродной племянницы поэта, г-жи Клеопатры Матвѣевны Цехановской. Ея бабушка, Авдотья Петровна Пожагина-Отрошкевичъ, была родная сестра отца поэта, Юрія Петровича Лермонтова. Родовое имѣніе Лермонтовыхъ, село Кропотово, Тульской губерніи, Ефремовскаго уѣзда, перешло по наслѣдству отъ Лермонтовыхъ къ г-жѣ Цехановской. Въ этомъ-то имѣніи и сохранились фамильные портреты Лермонтовыхъ, которые г-жа Цехановская пожертвовала Музею. Портреты, очень попорченные отъ времени, отлично реставрировалъ г-нъ Сидоровъ, реставраторъ императорскаго Эрмитажа. Затѣмъ имѣется большая фотографія съ портрета бабушки поэта, Елизаветы Алексѣевны Арсеньевой (урожденная Столыпина), которая такъ страстно любила и воспитала своего внука и воспоминанія о коей неразрывно связаны съ именемъ великаго поэта. Такая же фотографія съ портрета М. Ю. Лермонтова въ раннемъ дѣтствѣ. Оригиналы двухъ послѣднихъ портретовъ находятся у Д. А. Столыпина. Портретъ масляными красками М. Ю. Лермонтова въ гусарской формѣ, писанный съ натуры его родственникомъ Шанъ-Гиреемъ. Этотъ портретъ Лермонтовъ подарилъ княгинѣ Ухтомской (урожденной Арнольди), которая пожертвовала его Музею.

Портретъ, писанный съ натуры масляными красками художникомъ Шведе на Кавказѣ, тотчасъ послѣ смерти Лермонтова. По мнѣнію современниковъ это наиболѣе похожій на него портретъ; пожертвованъ Музею Д. А. Столыпинымъ.

Акварельный портретъ Лермонтова, рисованный съ натуры художникомъ К. А. Горбуновымъ, пожертвовалъ Музею г-нъ Горбуновъ.

Акварельный портретъ Лермонтова, рисованный въ 1839 году художникомъ Клюндеромъ, подаренъ музею Михаиломъ Ивановичемъ Семевскимъ [1]; имъ же подарено собраніе акварельныхъ портретовъ тридцати трехъ товарищей и сослуживцевъ Мих. Юрьевича Лермонтова, офицеровъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, начиная съ командира полка до его корнетовъ [2]).

Большая фотографія съ портрета Лермонтова, писаннаго красками художникомъ Заболотскимъ и принадлежащаго Д. А. Столыпину. Большая фотографія-портретъ М. Ю. Лермонтова, исполненная С. Л. Левицкимъ съ оригинала, подарена Мих. Ив. Семевскимъ вмѣстѣ съ большимъ же портретомъ отъ него—В. Г. Бѣлинскаго. Полное собраніе всѣхъ портретовъ Лермонтова, приложенныхъ къ разнымъ изданіямъ, и еще нѣсколько портретовъ его современниковъ.

IX. Матеріалы для біографіи Лермонтова. Четыре приказа о Лермонтовѣ, отданные по школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, за подписью генералъ-маіора Шлипенбаха, и семь высочайшихъ приказовъ о прохожденіи службы Лермонтова. Патентъ, выданный Лермонтову на чинъ поручика, присланный г-мъ Журавлевымъ, управляющимъ имѣніемъ Столыпиныхъ въ селѣ Тарханахъ, гдѣ родился поэтъ. Разные рисунки, акварели, фотографіи и гравюры, всего около 30-ти, тѣхъ мѣстъ, гдѣ родился, воспитывался, жилъ, похороненъ Лер-

---

[1]) Хорошій снимокъ съ этого портрета, отпечатанный красками въ Парижѣ, у Лемерсье, приложенъ при „Русской Старинѣ" изд. 1875 г., книга IX, каковое изданіе давно уже все разошлось.

[2]) А именно акварельные портреты нижеслѣдующихъ офицеровъ лейбъ-гусаровъ: М. Ю. Лермонтовъ †.—Кн. Абамелекъ-Лазаревъ.—Гр. Алопеусъ †.—Бакаевъ †.—Баратынскій †.—Бухаровъ †.—Кн. Бѣлосельскій-Бѣлозерскій †.—Кн. Виттенштейнъ †. — Кн. Витгенштейнъ † (фельдмаршалъ).—Баронъ Герсдорфъ †.—Годейнъ †.—Ив. Никол. Гончаровъ.—Кн. Долгорукій †.—Ив. Ив. Ершовъ †. — Засѣцкій †. — Гр. Ламбертъ †. — Ломоносовъ †. — Кн. Меншиковъ. — Мосоловъ †. — Никитинъ †. — Паншинъ †. — Пашковъ †.—Пономаревъ †.—Рени †.—Баронъ Розенъ.—Соломирскій †.—Столыпинъ †.—Столыпинъ (Монго) †.—Тиранъ †.—Ульяновскій †.—Хомутовъ †.—Храповицкій †.—Шепелевъ †.—Кн. Щербатовъ †.

стихотвореній, написанныхъ на смерть Лермонтова, бо̀льшею частью неизданныя.

X. Полное собраніе рисунковъ къ сочиненіямъ Лермонтова, приложенныхъ къ разнымъ иллюстрированнымъ изданіямъ, а также нѣсколько фотографій съ неизданныхъ рисунковъ, всего 51 рисунокъ. Коллекцію эту обѣщался пополнить своими эскизами Зичи, который уже такъ много иллюстрировалъ сочиненій Лермонтова.

XI. Музыкальныя произведенія на слова Лермонтова. Собрано около 150 нумеровъ, въ томъ числѣ двѣ оперы Рубинштейна „Демонъ" и „Купецъ Калашниковъ" и много мелкихъ романсовъ почти всѣхъ русскихъ композиторовъ.

Въ музей поступили также нѣсколько проектовъ на памятникъ М. Ю. Лермонтова въ Пятигорскѣ, представленныхъ на бывшіе по сему предмету конкурсы.

XII. Собраніе гравированныхъ портретовъ болѣе замѣчательныхъ русскихъ писателей, современныхъ М. Ю. Лермонтову— даръ М. И. Семевскаго и друг. лицъ.

Всего по XII-ти отдѣламъ музея собрано болѣе 700 нумеровъ.

Такое обиліе предметовъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ жизни и поэтическому творчеству безсмертнаго поэта, даетъ намъ право теперь же приступить къ открытію „Лермонтовскаго музея" въ надеждѣ, что онъ и впредь будетъ постепенно пополняться и что бывшіе воспитанники училища, товарищи, родственники и почитатели памяти Лермонтова не откажутъ училищу,— мѣсту его воспитанія,—въ посильныхъ пожертвованіяхъ.

Съ 1-го января 1881 года по 1-е ноября 1883 года пожертвованія поступили: отъ бывшихъ воспитанниковъ училища—деньги, собранныя на товарищескомъ обѣдѣ 1881 года—162 р.; отъ Псковскаго губернатора М. Б. Прутченко—100 р.; отъ графа Крейца—20 р.; отъ графа Михаила Таріеловича Лорисъ-Меликова—100 р.; отъ офицера л.-гв. Московскаго полка—10 р.; отъ генер.-адъют. Стюрлера—25 р.; отъ генер.-лейт. Скалона—50 р.; отъ графа П. Ѳ. Зубова—100 р.; отъ графа С. Д. Шереметева—100 р.; отъ Д. А. Столыпина—500 р.; отъ Э. Д. Нарышкина—200 р.; отъ корнета Кокарева—100 р.; отъ училища—300 р.; отъ начальника училища, генер.-маіора Вильдерлинга—1000 руб., всего 2,767 рублей.

монтовскомъ музеѣ“, позвольте почтительнѣйше просить васъ, Михаилъ Ивановичъ, напечатать его на столбцахъ вашего всѣми уважаемаго журнала, съ выраженіемъ нашей глубокой признательности всѣмъ лицамъ, которыя способствовали устройству музея.

А. А. Бильдерлингъ.

2-го ноября 1883 г.
С.-Петербургъ.

Примѣчаніе. Адресъ начальника Николаевскаго Кавалерійскаго училища: его превосходительству Александру Александровичу Бильдерлингу въ С.-Петербургѣ, Ново-Петергофскій проспектъ, д. № 24.

Рукописи и автографы для Лермонтовскаго музея могутъ быть или отсылаемы прямо къ г. Бильдерлингу, или чрезъ редакцію „Русской Старины“— С.-Петербургъ, Большая Подъяческая, д. № 7. Ред.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ 1883 году.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

двѣнадцать книгъ.

Въ концѣ 1883-го года редакція „Русской Старины“ считаетъ необходимымъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, представить нѣсколько замѣтокъ относительно содержанія двѣнадцати книгъ этого журнала, вышедшихъ въ четырнадцатомъ году его изданія.

„Русская Старина“ состояла, какъ и въ прежніе годы, изъ нѣсколькихъ отдѣловъ, которые были наполнены болѣе или менѣе интересными и болѣе или менѣе важными, въ историческомъ отношеніи, сообщеніями. Такимъ образомъ, въ „Русской Старинѣ“ 1883 г. печатались записки и воспоминанія;—историческія изслѣдованія;—историко-біографическіе очерки,—тянулся рядъ отдѣльныхъ документовъ и разнаго вида матеріаловъ, освѣщающихъ преимущественно XVIII и XIX вѣка въ исторіи Россіи, какъ по отношенію къ характеристикѣ царствовавшихъ въ эти вѣка государей и государынь, такъ и по отношенію къ изображенію быта русскаго общества пережитаго времени.

Занятое событіями и лицами, подлежащими суду исторіи, наше изданіе откликалось, какъ оно всегда дѣлало (1870—1882 гг.), на событія текущей современной жизни, но откликалось въ тѣхъ предѣлахъ, какіе допускаются его программою, а именно, по поводу тѣхъ или другихъ событій представляло или соотвѣтственную историческую справку, или печатало рядъ документовъ, имѣвшихъ отношеніе, опять таки, чисто историческое къ переживаемому событію. Такимъ образомъ „Русская Старина“ от-

кликнулась на событіе величайшей важности, совершившееся, въ виду всего міра, въ Москвѣ, именно священное коронованіе благополучно царствующаго Государя Императора и Государыни Императрицы, а именно, на страницахъ нашего изданія явился рядъ очерковъ: „Историческое обозрѣніе коронацій русскихъ государей и государынь съ эпохи императора Петра Великаго (1724 по 1856 гг.)". Праздновали въ Москвѣ двухъ-сотъ-лѣтнюю годовщину своего учрежденія первенцы россійской гвардіи: полки Преображенскій и Семеновскій (1683—1883 гг.); праздновалъ Румянцовскій музей въ Москвѣ пятидесяти-лѣтнюю годовщину своего основанія; чествовалась память поэта Василія Андреевича Жуковскаго по поводу столѣтней годовщины дня его рожденія; явилось извѣстіе о предпринятомъ полномъ собраніи сочиненій другого поэта, именно Константина Николаевича Батюшкова; чествовалась память только что опочившаго сномъ смерти лучшаго изъ нашихъ современныхъ писателей—Ивана Сергѣевича Тургенева, и вотъ, по поводу всѣхъ этихъ многознаменательныхъ событій, „Русская Старина", въ истекшемъ 1883 г., представила монографіи, очерки и рядъ болѣе или менѣе важныхъ и, смѣемъ сказать, вполнѣ интересныхъ историческихъ и историко-литературныхъ документовъ.

Затѣмъ, изъ вошедшихъ въ наше изданіе за обозрѣваемый 1883-й годъ статей и матеріаловъ представляются болѣе прочихъ интересными нижепоименованныя сообщенія.

I.

Въ отдѣлѣ „Записокъ и воспоминаній" окончены печатаніемъ Записки Якова Ивановича де-Санглена († 1864 г.), заключающія въ себѣ обозрѣніе событій эпохи Александра I и отчасти первыхъ лѣтъ царствованія Николая Павловича. Глава и вдохновитель тайной полиціи въ царствованіе Александра Павловича, де-Сангленъ, независимо уже отъ того, что былъ человѣкъ европейски образованный, безспорно умный и не лишенный нѣкоторыхъ своеобразныхъ дарованій,—заслуживаетъ полнаго вниманія. Записки его касаются многихъ, до сихъ поръ секретныхъ, эпизодовъ эпохи Александра Павловича, какъ, напримѣръ, ссылки

Сперанскаго, въ каковомъ эпизодѣ де-Сангленъ игралъ весьма важную роль, и заключаютъ въ себѣ нѣсколько тонко подмѣченныхъ чертъ къ характеристикѣ Александра I. Слышался укоръ тому, что де-Сангленъ, увлекаемый самооправданіемъ, кое-что подкрасилъ въ свою пользу, многое выставилъ подъ собственнымъ угломъ зрѣнія, далеко не отличавшимся безпристрастіемъ. Нельзя отрицать извѣстной доли справедливости въ этой укоризнѣ, но едва-ли не по стольку, по скольку она вѣрна по отношенію ко всѣмъ вообще личнымъ запискамъ и воспоминаніямъ различныхъ общественныхъ историческихъ дѣятелей. Вообще къ мемуарамъ, что уже давно извѣстно, надобно относиться съ большимъ критическимъ анализомъ; но этотъ давно намѣченный недостатокъ „Записокъ и воспоминаній“ собственно въ нашемъ изданіи, отличающемся всестороннимъ изученіемъ отечественной старины, вполнѣ искупается тѣмъ, что тотъ же журналъ даетъ полную возможность обозрѣть каждую изъ пережитыхъ эпохъ XVIII и XIX вѣковъ съ различныхъ точекъ, выслушать свидѣтельства самыхъ разнообразныхъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, а потому и представляетъ возможность, въ концѣ концовъ, установить вполнѣ вѣрный взглядъ на пережитыя событія. Важно для будущаго историка то, что онъ съ полнымъ довѣріемъ можетъ обратиться къ „Русской Старинѣ“ и знать заранѣе, что на ея страницахъ нѣтъ ничего, такъ сказать, предумышленно подобраннаго подъ предвзятый взглядъ на ту или другую эпоху, на тѣхъ или другихъ историческихъ дѣятелей.

Въ отдѣлѣ „Записокъ и воспоминаній“, кромѣ мемуаровъ де-Санглена, мы можемъ указать въ „Русской Старинѣ“ 1883 г. на весьма интересный отрывокъ изъ Записокъ адмирала Павла Васильевича Чичагова, указать тѣмъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ, что, въ близкомъ будущемъ, надѣемся представить длинный рядъ трудовъ этого, въ высшей степени образованнаго, сподвижника Александра I, за время его преобразованій, т. е. до 1812 г.

Трактатъ Реймерса о „Петербургѣ при императорѣ Павлѣ Петровичѣ“, написанный и поднесенный этому государю за одинъ лишь мѣсяцъ до кончины Павла I, есть также своего рода мемуаръ любопытный, какъ попытка выставить лучшія стороны государственной дѣятельности этого весьма характернаго государя.

Въ обозрѣваемомъ году мы продолжали печатаніе Записокъ

сенатора Якова Александровича Соловьева, одного изъ наиболѣе видныхъ дѣятелей по освобожденію крестьянъ 19 февраля 1861 г. Къ величайшему сожалѣнію, преждевременная кончина сенатора Соловьева оборвала нить его разсказа. Въ нашемъ распоряженіи осталась одна только глава его Записокъ. Все то, что имъ написано, а нынѣ напечатано въ „Русской Старинѣ" 1880—1883 гг., всеконечно, окажется важнымъ матеріаломъ для историка великой реформы, совершенной Императоромъ Александромъ II.

Въ этомъ же 1883 г. окончено нами изданіе Записокъ графа Михаила Николаевича Муравьева о мятежѣ въ Сѣверо-Западномъ краѣ въ 1863—1865 гг.,—причемъ, вслѣдъ за Записками въ различныхъ книгахъ нашего журнала мы помѣстили къ нимъ нѣсколько весьма важныхъ документовъ, къ тому же предмету относящихся,—и рядъ оживленныхъ разсказовъ, подъ заглавіемъ: „Виленскіе очерки". Эти послѣдніе принадлежатъ одному изъ даровитыхъ и весьма образованныхъ сподвижниковъ графа М. Н. Муравьева, настолько имъ отличеннаго и любимаго, что именно автору „Виленскихъ очерковъ" графъ М. Н. Муравьевъ продиктовалъ, въ началѣ 1866 г., свои Записки, которыя, благодаря „Русской Старинѣ", сдѣлались отнынѣ извѣстными всему читающему люду. Затѣмъ, не смотря на нѣкоторыя нареканія на насъ, какія вызвало опубликованіе этихъ Записокъ, мы съ удовольствіемъ отмѣтимъ въ своемъ обзорѣ „Русской Старины" 1883 г., что именно въ нашемъ изданіи, а не въ какомъ-либо иномъ, явился самый богатый и самый разнообразный матеріалъ для оцѣнки графа М. Н. Муравьева и какъ человѣка, и какъ весьма крупнаго государственнаго дѣятеля.

Подлѣ этой грамоздской фигуры, на страницахъ нашего же журнала явилась сухопарая, въ высшей степени подвижная, необыкновенно ловкая фигура другого владыки цѣлаго края, это—графа Ѳедора Ѳедоровича Берга. Очеркъ его личности,—воспоминанія генералъ-лейтенанта П. П. Карцева,—въ живыхъ красскахъ представляютъ намъ этого намѣстника въ Царствѣ Польскомъ въ одну изъ самыхъ смутныхъ и печальныхъ эпохъ, пережитыхъ этимъ краемъ.

Дневникъ Вильгельма Кюхельбекера, новый обширный отрывокъ его страдальческой лѣтописи, веденной этимъ прекрасно-

душнымъ, но злополучнымъ поэтомъ въ теченіе невольнаго уединенія. Этотъ дневникъ вновь, быть можетъ въ тысячный разъ, показываетъ какъ часто въ человѣкѣ, политически заблуждавшемся, просыпается, послѣ его кратковременнаго увлеченія, прекрасное сердце, страстная любовь къ родинѣ, къ наукѣ, жажда знаній и упорное стремленіе къ умственному труду, при условіяхъ, повидимому долженствовавшихъ умертвить всякій позывъ именно къ этого рода дѣятельности. Этотъ дневникъ далеко еще не оконченъ, и мы, отъ времени до времени, будемъ къ нему возвращаться, всегда съ удовольствіемъ встрѣчая въ немъ поэта и писателя не столько талантливаго, сколько добраго сердцемъ и чистаго по своей высоко-нравственной натурѣ. Не надо при этомъ забывать, что Кюхельбекеръ былъ однимъ изъ ближайшихъ товарищей-друзей великаго нашего поэта, А. С. Пушкина.

Рядъ разсказовъ, помѣщенныхъ нами въ „Русской Старинѣ“ 1883 г. со словъ недавно опочившаго сномъ смерти свѣтлѣйшаго князя Александра Михайловича Горчакова, русскаго государственнаго канцлера, былъ весьма многими прочитанъ съ тѣмъ же живымъ интересомъ и увлеченіемъ, съ какимъ мы слушали и записывали эти разсказы со словъ князя Александра Михайловича. Но печатая эти сжатые очерки, мы невольно сожалѣли и не престанемъ сожалѣть о томъ, какъ много интереснаго умираетъ для исторіи съ нашими государственными дѣятелями, одинъ за другимъ сходящими съ житейскаго поприща. Въ самомъ дѣлѣ, не столько лѣность, не столько нерасположеніе къ механизму труда письменному мѣшаютъ имъ излагать записки о своей жизни и давать ясный отчетъ современникамъ и потомкамъ о своей государственной и общественной дѣятельности,—нѣтъ, но кто бы повѣрилъ, что главнымъ препятствіемъ сему занятію служитъ опасливость и полная неувѣренность въ томъ, что ихъ записки сохранятся. Наши, напр., высшіе сановники,—высшіе не по одному только чину, (особъ чиновныхъ, конечно, довольно много), но главное, по своему нравственному значенію, какъ люди дѣйствительно государственные, а такихъ всегда и вездѣ немного,—прежде всего боятся, что послѣ ихъ кончины личныя ихъ записки будутъ взяты, по порученію того, либо другого вѣдомства, и похоронены не вѣсть въ какомъ архивѣ. Но это еще лучшій конецъ, какой можетъ предстоять, по ихъ мнѣнію, для ихъ труда. Не рѣдко имъ гро-

зить, или, по крайней мѣрѣ, въ прежнее время грозила, судьба несравненно болѣе печальная. Мы живо, напр., помнимъ, съ какимъ удовольствіемъ перечитывалъ и давалъ намъ прочитывать свои записки предсѣдатель комитета гг. министровъ, князь Павелъ Павловичъ Гагаринъ, скончавшійся въ 1872 г. Мы какъ теперь видимъ передъ собою, какъ этотъ благообразный типъ русскаго боярина первой стати снималъ съ полки свои записки, переплетенныя въ различнаго формата книги и обнимавшія событія съ 1820-хъ по 1860 гг. включительно. Маститаго старца занимало при этомъ не только содержаніе этихъ записокъ, но и собственный его почеркъ; князь пояснялъ намъ, до чего измѣнился его почеркъ въ теченіе полувѣка; прочитывалъ намъ самъ и давалъ читать французскій и русскій текстъ этихъ записокъ. Но вотъ умираетъ сановный старецъ,—и гдѣ его записки? Ихъ нѣтъ ни въ какомъ архивѣ, онѣ сгинули и, кажется, навсегда и только потому, что къ рукописямъ прикоснулись, по наряду, совершенно чужія руки: встрѣтили въ нихъ отзывы о тѣхъ или другихъ сановникахъ, разныхъ дѣятеляхъ и дѣльцахъ—и этого было достаточно, чтобы запискамъ князя Павла Павловича Гагарина, виднаго сподвижника трехъ русскихъ государей и главнѣйшаго ратоборца за введеніе въ Россіи судебной реформы (1862 и 1864 гг.), погибнуть! Самъ князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ не писалъ своихъ записокъ не только потому, что отвыкъ владѣть перомъ, постоянно диктуя свои дипломатическія творенія, но также и потому, что до смерти боялся письменнаго личнаго отъ себя документа. Князь лично насъ завѣрялъ, что, конечно въ старину, будто бы въ теченіе многихъ лѣтъ его письма вскрывались агентами, и это нагнало на него такую ненависть къ писанію, что къ самымъ близкимъ своимъ друзьямъ онъ писалъ въ высшей степени неохотно. Надо надѣяться, что всѣ эти явленія эпохи до-севастопольскаго погрома изчезнули совершенно въ переживаемую нами эпоху обновленной и преобразованной императоромъ Александромъ II „свободной Россіи“.

Обращаемся, однако, къ нашимъ бѣглымъ замѣткамъ. Предъ нами очерки-воспоминанія другого покойнаго старца, современника двухъ выше названныхъ сановниковъ. Мы говоримъ объ Осипѣ Антоновичѣ Пржецлавскомъ. Разсказы его—плодъ наблюденій старика просвѣщеннаго и умнаго. Записки его, пере-

въ себѣ не мало страницъ дѣйствительно интересныхъ для исторіи петербургскаго общества 1820—1840-хъ годовъ, а также высшихъ административныхъ сферъ этого общества.

Не останавливаемся на прочихъ запискахъ, явившихся въ 1883 году въ „Русской Старинѣ", въ виду невозможности отвести много мѣста нашему обзору, да и потому, что они, вѣроятно, свѣжи еще въ памяти нашихъ читателей. Назовемъ лишь нѣкоторыя изъ нихъ, таковы: далеко не оконченныя еще записки стараго л.-г. Преображенскаго офицера Д. Г. Колокольцова, вполнѣ кстати явившіяся у насъ для характеристики быта этого старѣйшаго полка гвардіи; небольшой, но весьма характерный отрывокъ, единственно уцѣлѣвшій изъ записокъ Еввы Смирной; воспоминанія Людмилы Ивановны Рикордъ, появившіяся почти на другой день послѣ кончины этой святой старушки, вдовы славнаго адмирала Петра Ивановича Рикорда; нѣсколько главъ изъ талантливо написанныхъ Я. М. Невѣровымъ записокъ—„Страница изъ исторіи крѣпостнаго права", 1816—1826 гг.; воспоминанія почтеннаго адмирала и писателя А. И. Зеленаго; героя-воина А. Ѳ. Багговута; воспоминанія объ императорской военной академіи генеральнаго штаба въ 1834—1848 гг., принадлежащія перу извѣстнаго ея профессора, военнаго писателя и ученаго, кн. Н. С. Голицына, давняго и высокоуважаемаго сотрудника „Русской Старины"; записки В. В. Стасова изъ „Исторіи Румянцовскаго музея"; записки секретаря царствующаго въ Черногоріи князя Николая—молодого ученаго Марко Драговича (о войнѣ 1876—1878 гг.), и нѣкоторыя другія.

II.

Въ отдѣлѣ изслѣдованій, а также историческихъ и біографическихъ очерковъ, мы, кромѣ монографіи В. И. Жмакина о коронаціи русскихъ императоровъ и императрицъ, а также кромѣ довольно обширной статьи одного изъ нашихъ друзей и постоянныхъ сотрудниковъ—о Петровской бригадѣ: полки лейбъ-гвардіи Преображенскій и Семеновскій, представили серьезный и интересный трудъ нашего уважаемаго и давняго сотрудника,

профессора Кіевскаго университета В. С. Иконникова: изслѣдованіе о жизни и государственной дѣятельности Афанасія Лаврентьевича Ординъ-Нащокина, замѣчательнаго государственнаго дѣятеля эпохи царя Алексѣя Михайловича и предтечи великаго Петра-Преобразователя.

Рядъ лицъ самыхъ разнообразныхъ по своему положенію въ русскомъ обществѣ пережитыхъ эпохъ, самыхъ разнообразныхъ и по своему историческому значенію, прошелъ на страницахъ „Русской Старины" 1883 г. въ біографическихъ очеркахъ, замѣткахъ и въ цѣломъ рядѣ подлинныхъ мемуаровъ, связанныхъ примѣчаніями, предисловіями, объяснительными вставками и т. п.

Такимъ образомъ, изъ іерарховъ русской церкви мы видимъ въ этой группѣ: митрополита московскаго Филарета Дроздова († 1867 г.) и его друга, архимандрита Иннокентія, въ их письмахъ графу Потемкину; архіепископа Иринея Нестеровича; Амвросія Орнатскаго, епископа Пензенскаго (1778—1827 гг.); Иннокентія, архіепископа Херсонскаго; недавно опочившаго, столь преждевременно и столь неожиданно, знаменитаго Московскаго іерарха Макарія († 9-го іюня 1882 г.); преосвященнаго Амвросія Протасова, за время пребыванія его въ Казани въ 1816—1825 гг.; наконецъ, архимандрита Троице-Сергіевой пустыни близъ Петербурга, Игнатія Малышева, съ 1882 года прославившагося составителя высочайше утвержденнаго проекта храма Воскресенія Христова на мѣстѣ злодѣянія въ Петербургѣ 1-го марта 1881 г..

Изъ государственныхъ и обыденныхъ свѣтскихъ людей мы представили, въ истекшемъ году, въ очеркахъ и матеріалахъ: Ив. Ив. Ползунова, геніальнаго русскаго изобрѣтателя первой паровой машины; графа М. Н. Муравьева-Виленскаго, графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго, М. Д. Скобелева; остановили вниманіе читателей на графѣ Е. Ф. Канкринѣ, высоко чтимомъ въ свое время министрѣ финансовъ, добромъ хозяинѣ и сподвижникѣ императора Николая Павловича; познакомили съ А. А. Гончаровымъ (дѣдъ жены поэта Пушкина) и ярко очертили Осипа Гончара, атамана некрасовцевъ (1796—1879 гг.), русскаго самородка, напечатавъ его жизнеописаніе, составленное такимъ же русскимъ мужичкомъ.

III.

Отдѣлъ указовъ, челобитень, переписки, разсказовъ, болѣе или менѣе незначительныхъ по объему очерковъ и замѣтокъ, какъ и въ прежніе годы, былъ въ „Русской Старинѣ“ изд. 1883 г. весьма разнообразенъ и оживленъ. Тутъ читатель, конечно, замѣтилъ небольшой очеркъ нашего талантливаго историка Н. И. Костомарова: „Историческій памятникъ въ Переяславлѣ 1656 г.“; замѣтку Ад. П. Берже о пребываніи Пугачева на Кавказѣ въ 1772 г. Небольшой очеркъ о могилѣ Артемія Волынскаго и его страстотерпцевъ вызвало весьма пріятное движеніе въ небольшомъ еще кружку русскихъ людей, дорожащихъ памятниками, посвященными нашимъ государственнымъ, вполнѣ историческимъ, дѣятелямъ; явились пожертвованія на возобновленіе памятника на могилѣ этого достопамятнаго человѣка и его мучениковъ-страстотерпцевъ Еропкина и Хрущова. Будемъ надѣяться, что благодаря пожертвованіямъ и сочувствію любителей отечественной старины и исторіи мы получимъ возможность привести могилу Артемія Петровича Волынскаго въ приличный видъ.

Относительно царствованія Елизаветы Петровны „Русская Старина“ представила въ изд. 1883 г. нѣсколько весьма характерныхъ документовъ, преимущественно сообщенныхъ А. Е. Мерцаловымъ, однимъ изъ трудолюбивыхъ провинціальныхъ изслѣдователей отечественной старины.

Яркою страницею для исторіи Екатерины II служитъ цифровая вѣдомость, сообщенная Ѳ. А. Бычковымъ, относительно того, сколько было выпито водки нашими гвардейцами 28-го іюня 1762 года, т. е. въ день восшествія на престолъ этой великой государыни. Документъ, относящійся до Прокопія Демидова, толковое, разумное предложеніе относительно устройства русской агентуры въ Голландіи въ 1770 году (сообщ. кн. П. П. Демидовъ Санъ-Донато) и въ высшей степени любопытный документъ къ біографіи Ивана Ползунова, о которой мы уже упомянули выше, изобрѣтателя первой въ Европѣ паровой машины въ 1763 г. выдвигаютъ предъ нами двухъ умныхъ, а Ползунова даже геніальнаго, русскихъ самородковъ.

Царствованіе императора Павла,—до сихъ поръ неимѣющее

еще своего исторіографа и относительно каковой эпохи мы съ нетерпѣніемъ ждемъ выхода въ свѣтъ историческаго многолѣтняго труда любителя и знатока отечественной исторіи, князя Алексѣя Борисовича Лобанова-Ростовскаго,—выразилось въ обозрѣваемомъ году, какъ и въ прежнее время, рядомъ характерныхъ документовъ; таковы: указы, повелѣнія и распоряженія императора Павла и правительства его времени.

Немаловажнымъ матеріаломъ для освѣщенія его эпохи представляются выдержки, однимъ изъ нашихъ сотрудниковъ исполненныя, изъ „С.-Петербургскихъ академическихъ Вѣдомостей". Благодаря этимъ выдержкамъ, тянущимся въ „Русской Старинѣ" еще съ 1874 г., всѣ стороны петербургскаго быта въ кратковременное царствованіе императора Павла, именно за года 1796—1799, обрисовываются довольно живо.

По отношенію къ императору Николаю Павловичу, „Русская Старина" въ истекшемъ году закончила обширную и весьма не маловажную, по своему историческому значенію, подлинную переписку этого императора съ графомъ Дибичемъ-Забалканскимъ въ эпоху русско-турецкой войны 1828—1829 гг. Трудолюбивый, энергическій государь, выносившій на себѣ массу личнаго труда, является въ этой перепискѣ съ своимъ полководцемъ со многими достоинствами, мало еще освѣщенными въ отечественной исторіи.

Эпоха Александра II намъ всегда пребудетъ дорога и мы ей въ послѣдніе годы съ особенною любовью посвящаемъ многія страницы „Русской Старины". Для оцѣнки всѣхъ благъ великой реформы, совершенной этимъ государемъ освобожденіемъ крестьянъ, мы помѣстили нѣсколько главъ изъ воспоминаній высокоуважаемаго Я. М. Невѣрова. Весь ужасъ крѣпостнаго права обрисовывается въ этихъ запискахъ съ необыкновенною силою, при всемъ извѣстномъ добродушіи почтеннаго автора воспоминаній.

Переписка государя Александра II въ эпоху войны 1855 г. съ княземъ М. Д. Горчаковымъ; письма государя, въ бытность его еще цесаревичемъ, къ В. И. Назимову въ 1839—1849 гг., наконецъ, весьма важная, по своему политическому значенію, переписка съ намѣстниками въ Царствѣ Польскомъ во время послѣдней смуты въ этомъ краѣ представляютъ драгоцѣннѣйшіе матеріалы для характеристики Александра II и какъ человѣка, и какъ истинно незабвеннаго русскаго государя.

IV.

Не всякій годъ и невсегда одинаково богаты тѣ или другіе отдѣлы нашего изданія, но въ 1883 г. весьма посчастливилось отдѣлу исторіи русской литературы. Въ самомъ дѣлѣ, въ „Русской Старинѣ“ обозрѣваемаго года, благодаря сообщеніямъ доктора К. К. Зейдлица, профессора П. А. Висковатова, академика Я. К. Грота и Т. А. Сосновскаго, мы представили обширнѣйшее собраніе писемъ Василія Андреевича Жуковскаго и замѣтокъ о немъ. Письма нашего знаменитаго поэта и достойнѣйшаго русскаго гражданина, въ лучшемъ смыслѣ сего слова, относятся къ 1815—1821 гг. А такъ какъ это переписка бо́льшею частью ведена съ самыми ближними и горячо любимыми имъ друзьями-женщинами, то корреспонденція ярко рисуетъ чистую и высоко симпатичную природу поэта, наставника императрицы Александры Ѳеодоровны, а впослѣдствіи и ея первенца-сына, будущаго преобразователя Россіи. Тутъ же, подлѣ Жуковскаго, въ „Русской Старинѣ“ 1883 г. подъемлется нравственный обликъ его друга и поклонника, поэта съ бо́льшимъ талантомъ. Мы говоримъ о Константинѣ Николаевичѣ Батюшковѣ, обширное собраніе писемъ котораго къ Н. И. Гнѣдичу, за время съ 1811 по 1821 гг., напечатано именно въ „Русской Старинѣ“ обозрѣваемаго года.

Ни одинъ годъ наше изданіе не обходится безъ А. С. Пушкина. Такъ и въ 1883-мъ году мы остановили вниманіе читателей на дѣлѣ о секретномъ надзорѣ надъ поэтомъ въ 1833 году; кромѣ того оживили предъ умственнымъ взоромъ нашихъ читателей интересный обликъ Натальи Николаевны Пушкиной и проч.

Гоголь явился предъ нами въ первоначальныхъ черновыхъ набросках его высоко-художественной повѣсти „Шинель“.

Лермонтову мы посвятили двѣ большія статьи нынѣ уже покойнаго нашего сотрудника В. К. Шульца, это окончаніе его обширной монографіи: „Критическій обзоръ стихотвореній Лермонтова въ переводахъ французскихъ писателей, 1842—1875 гг.“.

Хомяковъ, братья Кирѣевскіе, поэтъ Тарасъ Григорьевичъ Шевченко, Ѳ. М. Достоевскій, М. В. Авдѣевъ, наконецъ И. С. Тургеневъ выдвинулись на страницахъ „Русской Старины“ обо-

зрѣваемаго года въ ихъ подлинныхъ письмахъ, бо́льшею частію чрезвычайнаго интереса, а также нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. И. С. Тургеневъ, въ замѣткахъ и разсказахъ, съ его словъ переданныхъ. Памяти послѣдняго много страницъ посвящено въ нашемъ изданіи 1883 г. И. С. Тургеневу русская періодическая печать послѣднихъ мѣсяцевъ вообще отвела особенно много столбцовъ и страницъ; не мало при этомъ напечатано сообщеній не особенно интересныхъ, довольно блѣдныхъ по своему значенію, а нерѣдко и просто вздорныхъ. Этого, конечно, никто не скажетъ объ обширной подлинной запискѣ И. С. Тургенева по вопросу объ освобожденіи крестьянъ, написанной имъ въ Римѣ, въ 1858 г., и до выхода въ свѣтъ девятой книги „Русской Старины“ 1883 г. не бывшей въ печати; а также о собраніи подлинныхъ же его писемъ, впервые явившихся въ „Русской Старинѣ“, и въ нѣкоторыхъ другихъ петербургскихъ журналахъ. Но и о ничтожности сообщеній, явившихся о Тургеневѣ въ другихъ изданіяхъ, мы говоримъ не съ цѣлію укоризны, напротивъ, пусть печатаютъ и печатаютъ какъ можно больше о нашемъ любимомъ писателѣ,—все это будетъ несомнѣнно свидѣтельствовать о томъ живомъ интересѣ, о той нелицемѣрной любви и уваженіи, которыя питаетъ къ нему громадное большинство дѣйствительно грамотнаго русскаго общества. На ряду съ маловажнымъ сохранится на страницахъ печати много цѣннаго для будущей исторіи новѣйшей отечественной литературы вообще и для біографіи ея наидостойнѣйшаго подвижника И. С. Тургенева въ особенности. Пусть не повторится того, за что мы шлемъ укоризну предъидущему поколѣнію русскихъ образованныхъ людей. Въ самомъ дѣлѣ, любители отечественной литературы не престанутъ скорбѣть о томъ, что благодаря именно равнодушію нашихъ отцовъ, благодаря прежнему цензурному запрету, благодаря тому, наконецъ, что русскіе писатели, не выключая и самаго Пушкина, никогда не обрѣтались въ особенномъ авантажѣ въ сферахъ высшаго общества,—не сохранены матеріалы, сколько нибудь въ достаточномъ числѣ, къ біографіямъ нашихъ первыхъ свѣтилъ русской словесности. Въ самомъ дѣлѣ, много ли мы унаслѣдовали, въ этомъ отношеніи, для біографіи, напримѣръ, поэта Михаила Юрьевича Лермонтова? а это-ли не свѣтило, это-ли не гордость русскаго народа! Кстати сказать, съ живѣйшимъ восторгомъ при-

вѣтствовали мы учрежденіе въ 1880 г. и открытіе въ декабрѣ 1883 г., въ Петербургѣ, въ учебномъ заведеніи, гдѣ провелъ нѣсколько лѣтъ поэтъ Лермонтовъ—музея его имени. Есть основаніе надѣяться, что въ стѣнахъ Лермонтовскаго музея, въ Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ, въ С.-Петербургѣ, дѣйствительно сохранится много драгоцѣнныхъ данныхъ для полузабытой, до сихъ поръ крайне мало извѣстной, біографіи этого талантливѣйшаго русскаго писателя.

Въ отдѣлѣ матеріаловъ для исторіи руссвой литературы, мы съ чувствомъ глубокаго уваженія остановились въ отчетномъ году на обзорѣ полувѣковой учено-литературной и педагогической дѣятельности профессора и академика Якова Карловича Грота. Это дало намъ право, въ сжатомъ очеркѣ, представить обозрѣніе этой жизни, всецѣло отданной на служеніе наукѣ и отечеству.

V.

М. И. Глинка, А. Н. Сѣровъ и Мусоргскій въ области музыки, графъ Ѳедоръ Петровичъ Толстой и Перовъ въ области живописи дали намъ поводъ представить статьи въ „Русской Старинѣ“ изд. 1883 г. и по части исторіи художествъ и искуства въ нашемъ отечествѣ.

VI.

„Русской Старинѣ“ принадлежитъ починъ въ постоянномъ украшеніи книгъ историческихъ сборниковъ портретами и рисунками, исполненными, по возможности, съ лучшихъ оригиналовъ и рѣзцомъ лучшихъ граверовъ. Въ обозрѣваемомъ году мы дали читателямъ нашего изданія снимокъ съ превосходной гравюры—портретъ великой княгини Маріи Ѳеодоровны, супруги цесаревича Павла Петровича, исполненной въ 1782 г. въ Парижѣ и мастерски воспроизведенной въ снимкѣ г. Скамони въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. Въ той же экспедиціи воспроизвели снимокъ съ гравюры 1728 г.—портретъ Сергѣя Леонтьевича Бухвостова—перваго солдата лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. Въ портретахъ, гравированныхъ со-

трудникомъ и ученикомъ академика Сѣрякова, художникомъ И. И. Матюшинымъ, мы дали читателямъ „Русской Старины" 1883 г. интересные портреты Марьи Андреевны Протасовой, въ замужествѣ Мойеръ († 1823 г.), предметъ поклоненія и обожанія незабвеннаго поэта В. А. Жуковскаго. Подлѣ этой чистой личности мы воспроизвели портреты: графа М. Н. Муравьева-Виленскаго и его сподвижника, по усмиренію Сѣверо-Западнаго края, войска-донскаго генералъ-лейтенанта Якова Петровича Бакланова, до того кавказскаго героя; вождя многострадальнаго Севастополя—кн. М. Д. Горчакова (гравюра г. Грачева), атамана некрасовцевъ Осипа Семеновича Гончарова. Кромѣ того мы дали портреты: Нины Грибоѣдовой († 1857 г.), жены автора „Горе отъ ума"; В. А. Жуковскаго, съ неизданнаго его портрета, и Натальи Николаевны Пушкиной, жены А. С. Пушкина, снимокъ съ превосходной современной акварели. Гравюры послѣднихъ трехъ портретовъ исполнены г. Паннемакеромъ въ Парижѣ. Изъ рисунковъ упомянемъ объ изображеніи Михайловскаго замка,—въ которомъ столь внезапно скончался императоръ Павелъ въ ночь на 12 марта 1801 года, а также о рисункѣ весьма интереснаго и вполнѣ изящнаго храма Воскресенія Христова, созидаемаго нынѣ по Высочайше утвержденному проекту архимандрита Троице-Сергіевой пустыни Игнатія Малышева.

Читатели, конечно, замѣтили, что почти каждая книга „Русской Старины" сопровождается либо портретомъ, либо рисункомъ, либо, наконецъ, чертежомъ; если же при какой книгѣ не являются таковые, то это означаетъ только, что въ одной изъ слѣдующихъ книгъ разомъ явится два или три художественныхъ приложенія.

Того же обычая, нами установленнаго и съ нашей легкой руки вызвавшаго похвальное подражаніе въ нѣкоторыхъ изъ прочихъ историческихъ изданій, мы будемъ держаться и въ 1884 г., причемъ надѣемся, при одной изъ книгъ „Русской Старины" слѣдующаго года, подарить нашимъ многочисленнымъ читателямъ красками отпечатанный снимокъ съ одного изъ превосходныхъ портретовъ великаго поэта А. С. Пушкина,—снимокъ съ акварели, исполненной кистью основателя акварельной живописи въ Россіи—Петра Ѳедоровича Соколова, основателя и отличнаго акварелиста († 1848 г.). Надѣемся, что снимокъ этотъ удастся, и, такимъ образомъ, „Русская Старина" дастъ своимъ

Всѣ эти портреты суть изображенія нашихъ геніальнѣйшихъ поэтовъ, таковы: Пушкинъ, Гоголь и Лермонтовъ. Не можемъ не напомнить, что таковой подарокъ, обыкновенно, обходится очень дорого и въ виду еще крайней дороговизны хромолитографическихъ снимковъ, и въ виду значительности числа экземпляровъ (6,000), какое потребно для приложенія ко всѣмъ книгамъ „Русской Старины“.

VII.

Библіографическій листокъ русскихъ историческихъ книгъ заключалъ въ себѣ, въ обозрѣваемомъ 1883 году, болѣе сорока отзывовъ о лучшихъ книгахъ, вышедшихъ на русскомъ языкѣ въ области археологіи, археографіи, исторіи и этнографіи, а также о сборникахъ историческихъ матеріаловъ.

Еще одно слово. „Русская Старина“ въ истекшемъ году состояла изъ четырехъ объемистыхъ томовъ, каждый не менѣе 700 печатныхъ страницъ. Томъ заключаетъ въ себѣ три книги и имѣетъ весьма подробное, въ систематическомъ порядкѣ изложенное, оглавленіе; но ни при одномъ изъ четырехъ томовъ, ни даже при послѣднемъ, какъ то, напротивъ, бывало прежде, не приложенъ азбучный указатель личныхъ именъ, встрѣчающихся въ „Русской Старинѣ“ обозрѣваемаго года. Таковой указатель изданъ нами отдѣльною брошюрою, и притомъ въ количествѣ всего лишь 1,000 экземпляровъ, на томъ основаніи, что не всѣ 6,000 подписчиковъ „Русской Старины“ нуждаются въ таковой росписи, а между тѣмъ она длиннымъ и объемистымъ хвостомъ всегда ложилась на нашемъ изданіи, вызывая даже укоризны со стороны нѣкоторыхъ читателей, что редакція отнимаетъ таковыми указателями мѣсто отъ сообщеній интересныхъ.

Напечатанная нынѣ отдѣльною брошюрою роспись личныхъ именъ, встрѣчающихся въ „Русской Старинѣ“ 1883 г., можетъ быть доставлена за небольшую плату, требуемую главнымъ образомъ на расходы по пересылкѣ (60 к.), всѣмъ тѣмъ изъ нашихъ читателей, кому она дѣйствительно понадобится для облегченія справокъ въ 2,800 страницахъ 12-ти книгъ 4-хъ томовъ „Русской Старины“ изд. 1883 г.

ВѢДОМОСТЬ ЧИСЛА СТАТЕЙ И МАТЕРІАЛОВЪ,

поступившихъ въ редакцію «Русской Старины»

въ 1870—1883 гг. [1]).

Поступило мемуаровъ (Записокъ и воспоминаній), изслѣдованій, историческихъ и біографическихъ очерковъ, документовъ, замѣтокъ и цѣлыхъ частныхъ архивовъ . . . . . №№ 4,650.

Изъ этого числа признано не имѣющими значенія и вообще, по чему бы то ни было, неинтересными для печати. 1,125

Напечатано въ „Русской Старинѣ" 1870—1883 гг. . 1,810

Не напечатано, но признано **вполнѣ интересными** и пригодными къ помѣщенію въ „Русской Старинѣ", а потому и подготовлено къ напечатанію и войдетъ въ послѣдующія книги „Русской Старины" 1,715

Итого поступило съ 1 января 1870 г. по 1-ое декабря 1883 г. 4,650

Имѣя, такимъ образомъ, вполнѣ на готовѣ 1,715 сообщеній, въ числѣ которыхъ если есть и небольшія замѣтки, то имѣются и многотомные мемуары (записки) и воспоминанія, равно цѣлыя серіи документовъ, тѣмъ не менѣе мы просимъ и не перестанемъ просить всѣхъ любителей отечественной старины и исторіи продолжать высылать намъ все интересное и имѣющее историческое значеніе. Считаемъ лишнимъ напоминать, что мы все, что помѣщали въ „Русской Старинѣ", печатали и помѣщаемъ не по времени поступленія матеріала или статьи, а по степени интереса и по разнымъ другимъ редакціоннымъ соображеніямъ. Такимъ образомъ нерѣдко то, что получается сегодня, у насъ, такъ сказать, является въ печати завтра.

Ред.

---

[1]) По 1-е декабря 1883 г. Въ эту вѣдомость не входятъ статьи и выписки, принадлежащія самой редакціи «Русской Старины», какъ заготовленныя ею для печати задолго до начала изданія журнала, такъ и постоянно заготовляемыя либо ею, либо по ея заказу и подъ ея непосредственнымъ руководствомъ, по нашимъ же матеріаламъ. Ред.

Списокъ лицъ, сообщившихъ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» историческія или историко-литературныя статьи и матеріалы

въ 1870—1883 гг.

К. К. Абаза,—Л. В. Абашкинъ,—В. П. Авенаріусъ,—Д. В. Аверкіевъ,—И. П. Аврамовъ,—Ага-бекъ-Гасабовъ,—П. Агапѣевъ,—Н. Агафоновъ,—Адасова,—А. К. Адинцовъ,—М. П. Азанчевскій,—И. К. Айвазовскій,—Аксаковъ,—И. И. Акутинъ,—П. В. Алабинъ,—С. И. Аландскій,—М. А. Албычевъ,—К. Алмазовъ,—В. А. Альфонскій,—игуменъ Амвросій,—И. М. Амелицкій,—Е. Н. Аммонъ,—А. И. Анастасіевъ,—И. Андозкій,--Х. К. Андреевъ,—ректоръ Спб. университета профес. И. Е. Андреевскій,—В. Андреевъ,—Анненковъ,—І. В. Антоновъ,—М. А. Антоновъ,—А. Апраксинъ,—графъ С. А. Апраксинъ,—Е. А. Арапова,—Н. А. Аргиллапдеръ,—И. А. Аренсъ,—М. П. Арнольди,—О. Е. Арнольди,—Ѳ. А. Арсеньевъ,—В. И. Асташевъ,—профес. Астафьевъ,—В. А. Арцимовичъ,—А. Ф. Арцишевскій,—П. Я. Аршеневскій,—Асташевъ,—Астракова,—Н. П. Ахвердовъ,—А. Ю. Ашебергъ.

К. Ѳ. Баговутъ,—Баландовичъ,—В. С. Балашевъ,—О. С. Балкъ,—А. Д. и Е. Д. Бантышъ-Каменскіе,—Н. П. Бараніусъ,—профес. С. И. Барановскій,—П. И. Барановъ,—Баранцевъ,—А. И. Барзецовскій,—Барсовъ,—А. П. Барсуковъ,—Н. П. Барсуковъ,—З. А. Баршъ,—В. С. Барыковъ,—Н. П. Барышниковъ,—кн. В. И. Барятинскій,—Д. Д. Баскаловъ,—А. И. Басовъ,—П. Н. Батюшковъ,—А. П. Бахрушинъ,—Е. П. Бахталовскій,—А. В. Башкатовъ,—В. Башловскій,—кн. В. И. Баюшевъ,—А. Безсоновъ,—В. Безсоновъ,—А. Безукладиновъ,—Н. Л. Венуа,—профес. Н. В. Бергъ,—П. В. Березинъ,—Я. Ѳ. Березинъ-Ширяевъ,—Ад. П. Верже,—І. Берманъ,—М. А. Берманъ,—Беръ,—профес. І. В. Бертенсонъ,—г. Бердяевъ,—Берже,—М. А. Бестужева,—О. А. Бестужева,—В. Н. Бестужевъ-Рюминъ,—проф. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ,—Р. И. Бржостовская,—Бибиковъ,—Н. Билибинъ,—А. А. Вильдерлингъ,—баронъ Бистромъ,—Д. Благово,—А. А. Благовѣщенскій,—гр. А. А. Бобринскій,—П. О. Бобровскій,—Е. Л. Богданова,—А. Н. Боголюбовъ,—С. Богоянскій,—баронъ Н. К. Богушевскій,—И. Н. Божеряновъ,—В. А. Болотовъ,—П. А. Болотовъ,—Болотовъ,—П. Ѳ. Борель,—А. Борзенко,—Я. И. Борзецовскій,—В. А. Борисовъ,—Боричевскій,—С. М. Бородинъ,—А. А. Бородулинъ,—М. Ѳ. Бороздинъ,—А. К. Бошнякъ,—П. Ѳ. Брандтъ,—художн. Н. К. Брезе,—

проф. А. Г. Брикнеръ,—А. Брӳннеръ,— А. П. Брянцевъ, — И. Брянцевъ,— Д. А. Булатовъ, — Б. Ѳ. и В. Ѳ. Булгарины, — А. Булыгинъ, — Е. Ѳ. Буринскій, — Н. Ѳ. Бурцовъ, —Я. Бутковскій,—баронъ Бутлеръ,—гр. М. Д. Бутурлинъ,—М. Быковъ, — Н. Д. Быковъ,—М. Быстровъ,—акад. А. Ѳ. Бычковъ,— Ѳ. А. Бычковъ,—А. Г. Бѣлаго,—К. Бѣлевичъ,—Д. Бѣлевичъ,—Н. А. Бѣлозерская,—С. А. Бѣлокуровъ,—А. П. Бѣляевъ,—баронъ Ѳ. А. Бюлеръ.

Н. А. Вагановъ,—В. Н. Ваксель, — М. С. Валевскій,—В. В. фонъ-Валь,— графъ П. А. Валуевъ,—А. У. Вараксмскій, — К. А. Варгунинъ,—И. Варунъ-Секретъ, — И. И. Василёвъ, — А. И. Васильевъ, —Н. Васильева, — К. И. Васильевъ,—И. И. Васильевъ,—А. П. Васильевъ,—П. П. Васильевъ,—В. А. Васильевъ,—А. А. Васильчиковъ,—Н. Васьковъ, — Н. В. Вахтинъ, — Веденяпинъ,—В. Н. Ведерниковъ,—Е. Вейденбаумъ,—П. Вейль,—П. И. Вейнбергъ,— П. И. Великопольскій,—Величковскій,—А. Величковъ,—К. Н. Вельяминовъ,— М. А. Веневитиновъ, — А. А. Венеціанова,—М. И. Венюковъ,—А. В. Веревкинъ, — А. И. Веригинъ, Ѳ. Ѳ. Веселаго,—акад. К. С. Веселовскій,—С. Весинъ,—Н. И. Викинскій,—Н. Виноградовъ, — А. Н. Виноградовъ, — С. Виноградскій,—К. А. Висковатовъ,—профес. П. А. Висковатовъ (Висковатый),— В. Н. Витевскій, — А. Н. Витмеръ, — Ѳ. А. Витбергъ,—Н. П. Вишняковъ,— Владимірова,—М. Владыкинъ,—И. Влодзимірскій, — А. Н. Воейковъ, — П. П. Возницынъ, — кн. Волконскій, — И. И. Вологдинъ,—И. В. Вологдинъ,—П. П. Волховской, — Вонлярлярская, — Е. З. Воронина, — А. Воронихинъ, — П. А. Вороновъ,—П. Н. Вороновъ,—Ю. Д. Воронова, рожд. Рудакова,—Н. Я. Воскобойниковъ,—Востоковъ,—Н. Н. Вохинъ.—баронесса Вревская,—баронъ Б. А. Вревскій, — П. И. Вріони,—Вудъ,—И. В. Вуичъ,—А. А Вяземитиновъ.

С. Н. Гавриловъ,—кн. Ив. С. Гагаринъ,—кн. Н. В. Гагаринъ,—П. Гагенъ,—М. Н. Галкинъ-Врасскій,—С. А. Галкинъ,—К. И. Гамаринъ,—А. Ганъ,— профес. А. Д. Галаховъ,—Е. А. Ганъ, — Гвоздиковъ, — Э. Гебель, — баронъ В. И. Гейсмаръ, — К. Гелингъ, — А. А. Герке,—В. Ц. Герцыкъ,—Гилюсъ,— Д. И. Гиппіусъ, — В. О. Гладкій, — А. Г. Глинка, — В. С. Глинка, — М. С. Глинка, — Глинка, — П. Гловацкій, — Глуховъ, — Гнѣдичъ, — И. Е. Голдинскій, — гр. П. А. Голенищевъ-Кутузовъ, — В. В. Голенищевъ-Кутузовъ,— кн. К. К. Голицынъ,—кн. Н. Н. Голицынъ,—кн. Н. П. Голицынъ,—кн. Н. С Голицынъ, — кн. С. П. Голицынъ, — Н. И. Головачъ, — Я. Ѳ. Головацкій, — И. Головинъ,—П. С. Головинъ,—А. В. Головнинъ, —К. Д. Головщиковъ,— К. М. Голодниковъ, —И. А. Голышевъ, — Н. И. Голубевъ, — В. В. Голубцовъ, — М. Г. Гольмдорфъ,—проф. В. А. Гольцевъ,—Гондатти,—А. Н. Гончаровъ,—И. Гончаровъ, — И. Ѳ. Горбуновъ, — А. Гордонъ,—М. Горилецкій.— М. П. Горловъ,—Городецкая,—М. И. Городецкій,—Горчаковъ,—проф. А. Д. Градовскій,—Г. К. Градовскій,—художн. Г. И. Грачевъ,—А. К. Грегоріади,— А. Е. Гренъ,—Н. И. Григоровичъ,—А. Н. Григорьевъ,—А. Громачевскій,—акад. Я. К. Гротъ,—К. К. Гротъ,—Н. В. Губерти,—П. Гулакъ-Артемовскій,—С. И. Гуляевъ,—Гулевичъ,—свящ. В. Гурьевъ,—А. Н. Гусевъ,—А. Гусевъ.

К. И. Давыдовъ,—Д. Давыдовъ,—Данильченко,—А. С. Даниловъ,—Г. Е. Дахновичъ,—Н. Я. Дашковъ,—П. П. Деви,—Н. Д. Де-ла-Флизъ,—С. Дельнесъ,— И. Д. Деляновъ,—А. П. Демидовъ, — кн. П. П. Демидовъ-санъ-Донато,—Г. Д. Демяновскій,—В. Ѳ. Де-Пуле,—фонъ-Дерфельденъ,—А. И. Деспотъ-Зеновичъ,—

К. К. Детловъ, — В. А. Дзюбенко, — Діатроптовъ, — Дмитріевъ, — Н. Г. Дмоховскій,—Ф. Н. Добрянскій,—Өеофанъ Г. Доброленскій,—Я. И. Довголевскій,—В. Док—ій,—кн. В. П. Долгоруковъ,—Л. Долгоруковъ,—Д. П. Долинка,—П. П. Долживовъ, — Домонтовичъ,—Е. И. Дощанская,—Живко-Драговичъ,—Марко-Драговичъ,—А. М. Дренякинъ,—кн. С. В. Друцкой-Соколинскій,—И. И. Дубасовъ, — М. Л. Дубельтъ,—М. Л. Дубецкій,—А. Дубицкій, — членъ кор. акад. наукъ,—Н. Ө. Дубровинъ,—А. В. Дурново,—М. Л. Духонинъ.

К. Евлентьевъ,—Евреиновъ,—А. Е. Егоровъ,—от. П. П. Еланскій,—кн. Енгалычевъ,—Н. А. Ермаковъ,—Н. Н. Ермаковъ,—В. Ермаковъ,—К. И. Ермолинъ,—А. Ерошкинъ,—Г. В. Есиповъ,—И. Ефимовъ,—П. А. Ефремовъ.

А. Н. Ждановъ,—Н. Ө. Желтовъ,—А. Жемчужниковъ,—Н. Л. Жемчужниковъ,—В. И. Жиркевичъ,—В. И. Жмакинъ,—В. Жуковъ,—Д. Жуковъ,—А. Жуковъ,—Н. Н. Жуковскій,—П. В. Жуковскій,—Журавскій.

И. Е. Забѣлинъ, — А. Заборинскій, — Л. А. Загоскинъ, — В. Заенчковскій, — Т. М. Заишкевичъ, — Ө. Д. Зайцевъ, — П. Т. Залѣсскій, — А. Зандрокъ,—Зоржецкій,—Я. И. Заринъ,—А. Г. Затлеръ,—И. Н. Захарьинъ,—Д. Захаровичъ, — В. Захаровъ, — профес. Н. Ө. Здекауеръ,—А. К. Зейдеръ,—А. И. Зеленой,—А. Земцовъ,—К. Зенденгорстъ,—А. Л. Зиссерманъ,—М. З. Зіоровъ,—М. Злотковскій,—І. Э. Змунчилла, рожд. Стогова, — А. Змѣевъ,—Золотовъ,—В. Р. Зотовъ,—Е. Б. Зубова, рожден. баронеса Вревская, — В. А. Зыбинъ,—А. Н. Зыряновъ.

И. А. Ибердусовъ,—Н. С. Иванина, рожд. Шпилевская,—Н. И. Ивановъ,—А. В. Ивановъ,—А. Е. Ивановъ,—И. Ивановъ,—И. В. Ивановъ,—Петръ Ивановъ,—Л. К. Ивановскій,—от. И. Иващенковъ,—Ю. В. Иверсенъ,—А. Игнатовичъ,—от. Игнатій (Малышевъ), архимандритъ,—гр. Н. П. Игнатьевъ,—Игнатьевъ, — С. А. Идаховъ, — П. А. Извольскій,—К. А. Измайловъ,—К. В. Измайловъ,—П. Александр. Измайловъ,—проф. В. С. Иконниковъ,—проф. Д. И. Иловайскій, —В. Е. Ильковъ,—Д. В. Ильченко,—М. А. Имбергъ,—Инсарскій, —Л. С. Исарловъ,—А. Д. Исаковъ,—Н. О. Истинской,—Г. Ө. Исѣевъ.

Казадаевъ,—Е. К. Казанскій,—П. С. Казанскій,—Казачокъ, — М. К. Казина, — Казинъ, — А. Г. Казначеевъ, — П. С. Калачевскій,—Калиновскій,—Д. И. Калугинъ,—граф. Л. М. Каменская,—Ө. А. Каменскій,—А. Канаринъ,—кн-ня М. А. Кантакузина,—гр. П. И. Капнистъ,—П. А. Карабьинъ,—А. А Карасевъ,—М. В. Карасевъ, — П. П. Каратыгинъ,—Н. Н. Каргопольцевъ,—М. А. Карлинъ,—А. В. Кармазинскій,—П. Карнауховъ,—Е. П. Карновичъ,—Карповъ,—А. Карташевъ,—Н. А. Карцевъ,—П. П. Карцевъ,—г. Карцевъ,—В. Катеневъ, — В. Катенинъ, — Н. С. Кашкинъ, — М. Н. Кедровъ, — Н. Т. Кедровъ,—от. М. Кедровъ,—М. Кельдышъ,—проф. И. П. Келеръ,—Н. П. Кельшъ,—баронъ Кене,—А. П. Кеппенъ,—Н. Х. Кетчеръ,—Ө. Ө. Кенигъ,—Т. Кибальчичъ, — А Н. Кирилинъ, —Кирилловъ,—Киселевъ,—И. Китаевъ,—П. А. Китицынъ,—Ө. Н. Кишенскій,—Д. В. Кларкъ,—И. Кларкъ,—А. С. Клевановъ,—П. Клениковъ,—Н. Ф. Клюге-фонъ-Клюгенау,—Князевичъ, — А. С. Князевъ,—Д. Ө. Кобеко,—Я. Кобылянскій,—Г. А. Ковалевскій,—М. Е. Ковалевскій,—К. И. Коваленкова,—Н. И. Коведаевъ,—М. М. Ковязинъ,—ген. ад.

скій,—И. Козьминскій,—Н. И. Койленскій,—А. Кокосовъ,—Колачевскій,—А. Колевковскій,—А. Л. Колянковскій.—К. П. Колзаковъ, — Н. М. Колмаковъ,—Д. Г. Колокольцовъ,—бар. М. Колычевъ,—В. А. Комаровъ, —гр-ня Н. М. Коновницына,—А. О. Константинова,—Д. А. Копьева,—И. П. Корниловъ, — І. А. Корозо, — бар. Корфъ, — Корчевскій,—Ю. В. Косова рожденная Кюхельбекеръ, — Я. И. Костенецкій, — акад. Н. И. Костомаровъ,—М. Костылевъ,—Н. П. Косяровскій,—гр. П. Е. Коцебу,—А. А. Краевскій,—А. А. Красильниковъ,—В. А. Краснокутскій,—И. В. Краснонівцевъ,—И. И. Красовскій, — А. Я. Креминской, — В. Д. Кренке, — В. В. Крестовскій,—Н. Θ. Крузе,—М. Круповичъ,—П. А. Крыжановскій,—А. Д. Крыловъ,—В. Ф. Кудрявцевъ,—М. П. Кудрявцевъ, — В. В. Кузминъ,—Г. Кузминъ, — А. Кузнецовъ, —Кулеша,—Н. И. Куликовъ,—П. А. Кулишъ,—акад. А. А. Куникъ,—М. А. Куплетскій,— И. К. Купріяновъ,—В. Курдановскій,—М. Куроптевъ,—М. Н. Кучаевъ.

Т. Н. Лаврентьевъ,—проф. Н. Лавровскій,—А. М. Лазаревскій,—Д. Н. Лазаревъ,—І. А. Лазовъ,—И. Ланинъ,—И. К. Лапотниковъ, —О. А. Ларіонова, по первому мужу Соловьева, рожден. Арбузова,—Н. В. Латкинъ,—С. Лашкаровъ, — А. С. Лашкевичъ,—С. И. Лашкевичъ,—А. С. Лацинскій,—А. С. Лебедевъ, — Н. П. Лебедевъ, — проф. В. Лебедевъ, — В. И. Лебедевъ, — Н. А. Лебедевъ,—К. И. Лебедевъ,—Г. Лебединецъ,—П. П. Лебле,—О. Я. Левенсонъ,—М. А. Левенцовъ,—С. Л. Левицкій,—О. И. Левицкій, —Г. П. Левицкій, — А. А. Левшинъ, — архимандр. Леонидъ, — Леоновъ, — А. Ф. Леопольдовъ, — И. В. Лермонтовъ, — В. В. Лермонтовъ, — В. Н. Лермонтовъ, —Д. Д. Лисенко, — К. Ф. Де-Ливронъ, — И. Линскій, — М. И. Лилеевъ, — В. И. Лихачевъ,—А. В. и А. Н. Лишины,—кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій,—П. В. Лобановъ,—А. Ломачевскій,—Г. Г. Ломоносовъ,—Н. А. Лонгинова,—А. Лонгиновъ, — С. Ц. Лопацкая, — Е. А. Лопушинскій, — Н. Лопухинъ, — графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ,—І. В. Лохвицкій,—Лошаковъ,—Лукинскій,—В. К. Луцкій,—А. Львовъ,—Анатолій Ник. Львовъ,—Л. Θ. Львовъ,—Θ. Θ. Львовъ,—Н. С. Лыкошинъ,—В. И. Лѣствицынъ,—Н. С. Лѣсковъ,—Любарскій,—Н. Н. Любовичъ,—И. Людмиловъ,—И. М. Лядовъ.

Н. С. Маевскій,—О. Маевскій,—Л. Н. Майковъ,—В. Н. Майновъ,—И. В. Майковъ,—Н. Я. Макаровъ,—С. М. Макарова,—от. П. Макаровъ,—К. Максимовъ,—Н. Я. Максимовъ,—профес. А. И. Макшѣевъ,—И. П. Малаховскій,—К. В. Мамоновъ,—И. И. Манжура,—Мансуровъ.—К. А. Маньковскій,—А. В. Мариновъ,—Б. М. Маркевичъ,—А. Н. Маркграфской,—А. А. Маринъ,—Е. І. Марковъ,—А. К. Мартосъ,—П. И. Мартосъ,—А. А. Мартыновъ,—В. Мартыновъ,—П. Мартыновъ,—от. Ив. Мартыновъ,—кн. Н. Масальскій,—Н. В. Масловичъ,—Е. П. Масловъ,—А. Н. Масоловъ,—А. Н. Матвѣевъ,—Н. Е. Матвѣевъ,—У. П. Матвѣевъ,—худож. В. В. Матте,—худож. И. И. Матюшинъ.—Ив. Матченко,—П. И. Мацѣевичъ,—Л. С. Мацѣевичъ,—И. А. Мачинскій,—К. П. Медоксъ,—М. Межаковъ,—бар. Мейендорфъ,—Н. К. Меллеръ,—Мельниковъ,—Меншиковъ, — А. Е. Мерцаловъ, — А. Мечинскій,—Н. Мечъ,—Мешетичъ,—А. А. Мизеровъ,—профес. художн. М. О. Микѣшинъ,—проф. О. Θ. Миллеръ,—П. И. Миллеръ,—гр. Г. А. Милорадовичъ,—Е. Н. Милошевичъ,—А. П. Милюковъ,—Милюковъ,—М. А. Милютина, рожд. Абаза, по второму супруже-

ству Стелли,—Ю. Н. Милютинъ,—Г. Минъ,—С. Миропольскій,—М. П. Митковъ,—А. Михайловъ,—В. Михайловъ,—Влад. Вас. Михайловъ,—М. Ѳ. Михайловъ,—Д. Л. Михайловскій,—от. М. И. Михайловскій,—Я. Л. Михайловскій,—Г. Михельсонъ,—І. О. Мишинъ,—А. Ѳ. Можаровскій,—Меѳ. Мирон. Молчановъ,—А. Морганъ,—графъ А. А. Мордвиновъ,—Д. Л. Мордовцевъ,—А. Л. Мориновъ,—А. И. Моркевичъ,—П. И. Морозовъ,—Д. К. Моровъ,—Е. Т. Морошкина,—И. Я. Морошкинъ,—Я. Морошкинъ,—А. П. Муликовскій,—М. И. Муравьевъ-Апостолъ,—гр. М. Н. Муравьевъ,—Н. Н. Мурзакевичъ,—М. А. Мусницкій,—Г. И. Мѣшковъ.

А. А. Навроцкій,—М. Нагорновъ,—Надеждинъ,—К. В. Назарьева,—М. В. Назимова,—М. А. Назимовъ,—от. А. Накрошинъ,—П. Ѳ. Нарбутъ,—Н. Нарохницкій,—А. С. Наставинъ,—П. И. Неболсинъ,—Н. К. Невзоровъ,—Я. М. Невѣровъ,—Е. С. Некрасова,—И. Некрасовъ,—Н. В. Некрасовъ,—Нелидовъ,—Несвѣтаевъ,—графъ Д. К. Нессельроде,—А. Н. Неустроевъ,—О. Ф. Нечаевъ,—Неѣловъ,—С. А. Никитенко,—профес. А. И. Никитскій,—М. Г. Николаевъ,—баронъ А. П. Николаи,—А. А. Никольскій,—проф. В. В. Никольскій,—Р. Н. Никулинъ,—М. Д. Ниловъ,—Д. Ниловъ,—графъ Нироддъ,—Л. Л. Ничпаевскій,—Н. М. Новицкій,—А. Г. Новоселовъ,—М. Д. Нововъ,—С. Д. Носъ.

Облеуховъ,—кн. А. А. Оболенскій,—кн. Д. А. Оболенскій,—С. Оболенскій,—кн. Ю. Оболенскій,—К. И. Огаревъ,—П. Огіевскій,—П. И. Огородниковъ,—С. Ф. Огородниковъ,—Н. П. Озеровъ,—Ю. А. Ознобишинъ,—М. Я. Ольшевскій,—Н. О. Омельяненко,—от. С. И. Опатовичъ,—И. И. Ореусъ,—В. Ф. Ореусъ,—А. Орловъ,—В. Б. Орловъ,—Орловъ,—Н. М. Орловъ,—П. А. Орловъ,—профес. И. Т. Осининъ,—проф Н. А. Осокинъ,—бар. Остенъ-Сакенъ,—баронесса Л. Остенъ-Сакенъ,—П. Осѣцкій,—М. Очкинъ.

Л. Н. Павлищевъ, — Павловскій, — А. А. Павловъ, — А. С. Павловъ,—В. Ѳ. Павловъ,—Н. Х. Палаузовъ,—Н. А. Паленовъ,—Н. Палибинъ,—С. М. Палицынъ, — А. В. Пальчиковъ, — А. А. и В. А. Панаевы, — художн. Паннемакеръ, — Н. И. Пановъ, — С. Ф. Панютинъ, — П. А. Панчулидзевъ, — С. А. Панчулидзевъ,—С. Ѳ. Папроцкій,—Ѳ. Ѳ. Пардалоцкій,—П. Д. Паренсовъ,—И. В. Паскачинъ,—В. Пассекъ,—Т. П. Пассекъ,—Пафнутьевъ,—В. К. Пашковъ,—В. Пащенко,—И. Пеньковскій,—Г. Г. Перетцъ,—профес. І. Первольфъ, — Перьфильева, — Н. А. Перьфильевъ, — Э. П. Перцовъ, — Петерсонъ,—Г. П. Петерсонъ,—С. Петровскій,—Алексан. Павл. Петровъ,—П. Петровъ, — Андр. Н. Петровъ, — проф. Н. И. Петровъ, — П. Н. Петровъ, — П. П. Петровъ, — от. Пирлингъ, — Н. В. Пирожковъ, —С. П. Писаревъ,—В. В. Плаксинъ,—А. А. Плансонъ,—Платонова,—А. А. Повало-Швыйковскій,—С. И. Погодина,—Подвысоцкій, — И. П. Поддубный, — И. Е. Подтягинъ,—Ѳ. Подтягинъ,—Подушкинъ,—Подшиваловъ,—акад.-граверъ И. П. Пожалостинъ,—Е. Ц. Поздѣевъ,—А. П. Покровскій,—В. Ѳ. Покровскій,—П. Н. Полевой,—А. П. Полетаевъ,—Н. А. Поливановъ,—Поликарповъ,—В. Н. Поливановъ,—А. С. Полонскій,—Я. П. Полонскій,—В. Поляковъ,—А. Полторацкій,—профес. И. В. Помяловскій,—А. Пономаревъ,—Ѳ. Пономаревъ,—С. Пономаревъ,—А. Е. Поповъ,—Анд. Н. Поповъ,—Василій Петр. Поповъ,—И. С. Поповъ,—Михаилъ И. Поповъ,—Николай Поповъ,—Нилъ А. Поповъ,—С. С. Порошина,—С. С. Порошинъ,—В. О. Португаловъ,—Н. Б. Потокской,—

А. О. Пржецлавскій,—П. Г. Пржецлавскій,—Д. И. Прозоровскій,—М. С. Прокудинъ-Горскій,—Пронина,—Н. Н. Протасовъ,—С. В. Протопоповъ,—А. Пругавинъ,—С. Л. Пташицкій,—профес. Александръ Казим. Пузыревскій,—И. А. Пузыревскій,—А. П. Пулло,—А. Г. Пупаревъ,—А. М. Пустоваловъ,—П. А. Пушкаревъ,—А. Н. Пыпинъ,—Д. М. Пѣтуховъ,—М. Пѣтуховъ,—А. П. Пятковскій.

М. Н. Раевскій, — А. Раменскій, — А. Распоповъ,—П. Н. Распоповъ,—Н. А. Ратынскій,—П. С. Ревякинъ,—Р. А. Регменскій,—Ѳ. Ѳ. Рейнботъ,—Н. В. Реутскій,—И. С. Ремезовъ,—графъ А. А. Ржевускій,—Н. В. Ринкъ,—А. Ѳ. Риттихъ,—Д. А. Ровинскій,—П. Роговъ,—Д. П. Родіоновъ,—от. А. И. Розановъ,—Н. П. Розановъ,—Н. И. Розановъ,—О. фонъ-Розенбергъ,—бар. А. Е. Розенъ.—М. П. Розенгеймъ,—Д. А. Рокотовъ,—Г. Ѳ. Романенко-Щирый,—А. Н. Романовскій,—С. И. Романовъ,—Ю. А. Романовъ,—П. Рословъ,—Н. И. Ростиславовъ,—графъ И. Н. де-Рошфоръ,—Д. И. Ртищевъ,—Д. Рубакинъ,—Рубецъ,—С. А. Рудакова,—Рудаковъ,—К. Рудницкій,—Н. Рудниковскій,—баронъ В. Р. Румель,—Руничъ,—А. Ѳ. Рутценъ,—Рыбкинъ,—Н. Рындовскій,—Г. К. Рѣпинскій,—Д. Д. Рябининъ.

Сабуровъ,—профес. П. И. Саввантовъ,—А. И. Савельевъ,—Савельевъ.—А. В. Савельевъ,—Ѳ. Г. Савенко,—А. А. Савурскій,—Д. Садовниковъ,—Садовскій,—Н. Сажинъ,—Н. Ѳ. Сазоновъ,—В. Сантовъ,—В. Самариновъ,—Н. Ѳ. Самаринъ,—артистъ В. В. Самойловъ,—Н. Самойло,—И. Самсоновъ,—А. Сапожниковъ,—В. С. Сахаровъ,—Свамочкинъ,—Свистуновъ,—А. Н. Сергѣевъ,—Т. Н. Седлецкій,—М. Селезневъ.—А. В. Селивановъ—Н. Н. Селифонтовъ,—А. Селиховъ,—магистръ рус. исторіи В. И. Семевскій,—П. П. Семеновъ,—Павелъ А. Семеновъ,—Л. М. Сементовскій,—К. А. Семковскій,—К. К. Сентъ-Илеръ, — Сергѣевъ, — А. Серебряковъ, — Л. М. Сердюкова, — Серно-Соловьевичъ,—Сеславина,—Д. П. Сильчевскій,—П. В. Симанскій,—Симоновъ,—Н. П. Синельниковъ,—А. Н. Сиротининъ,—Р. П. Ситовскій,—А. Е. Скальковскій,—А. А. Скальковскій,—Г. Н. Скамони,—А. Скворцовъ,—А. И. Скиндеръ,—В. Скипскій,—Б. Скоробогатый,—Ѳ. М. Скородумовъ,—А. Слѣпцовъ,—В. Смирновъ,—В. П. Смирновъ,—И. А. Смирновъ,—Смѣкаловъ,—Д. И. Смышляевъ,—Н. П. Собко,—А. И. Соболевскій,—В. Соколовскій,—А. П. Соколовъ,—профес. Ѳ. Г. Солнцевъ,—от. П. Соловьевъ,—Н. И. Соловьевъ,—А. И. Сомовъ,—Р. П. Сорокинъ,—Т. А. Сосновскій,—П. Т. Софіенко-Сухомлиновъ,—В. Д. Спасовичъ,—А. Л. Спасскій,—А. И. Сперанскій,—А. Спицынъ,—И. Спреогинъ,—С. А. Станкевичъ,—М. И. Ставраки.—А. И. Старкъ,—Н. И. Стародубскій,—Старостинъ,—А. В. Старчевскій,—В. В. Стасовъ,—М. М. Стасюлевичъ,—С. В. Стебницкая,—М. А. Стелли-Милютина,—Б. А. Степановъ,—В. А. Степановъ,—В. П. Степановъ.—Н. И. Степановъ,—П. А. Степановъ,—Стишевскій,—А. Д. Столыпинъ,—Стороженскій,—Стороженко,—П. Строевъ,—Строининъ,—В. Я. Стоюнинъ,—Н. И. Стояновскій,—А. Г. Стояновская,—З. Стражева,—А. И. Стригоцкій,—Р. Строгановъ,—Н. С. Строминовъ,—Б. В. Струеве,—Д. М. Струковъ,—Стрѣлковъ,—Г. И. Студенкинъ,—С. Ступишинъ,—С. Судаковъ,—І. М. Судіенко,—С. Н. Сулима,—от. А. И. Сулоцкій,—Н. А. Султанъ-Крымъ-Гирей,—В. Сульменевъ,—А. П. Сумароцкая,—П. Суходольскій,—Д. П. Сушковъ,—профес. П. П. Сущинскій,—С. П. Сысоевъ,—П. Сѣверцовъ,—Л. А. Сѣрякова, рожд. Тицъ.

никовъ,—Н. М. Тереховъ,—А. Т. Тимановскій,—Тимофѣевъ,—Тимченко-Рубанъ,—В. В. Тимощукъ, рожден. Кузнецова,—А. А. Титовъ,—В. П. Титовъ,—Н. Н. Титовъ,—И. Тихомировъ,—А. Е. Тихонравова,—проф. Н. С. Тихонравовъ,—Д. Д. Тогольскій,—графиня А. И. Толстая,—графъ Толстой,—графиня С. А. Толстая,—П. С. Толстой,—Томашевъ.—А. М. Томилина,—А. В. Топоровъ,—Н. Е. Топчіевъ,—Н. Трескинъ,—Л. Н. Трефолевъ,—В. Г. Тририроговъ,—А. Трифоновъ,—П. Трофимовскій,—Д. А. Трощинскій,—А. Н. Труворовъ, — Туганъ-Мирза-Барановскій, — Тураy, — С. И. Турбинъ, — кн. Н. Н. Туркестановъ,—Н. П. и М. П. Тучковы,—Алексѣй Тыртовъ,—И. И. Тѣльновъ.

М. Н. Фатѣевъ, — Н. Федоровъ, — А. Федоченко, —А. И. Фелькнеръ, — Я. Фетвстовъ,—А. Фехнеръ,—М. А. Филипповъ,—Т. И. Филипповъ,—А. П. Философова,—В. Д. Философовъ,—В. С. Флеринъ.—К. Н. Флиге,—Д. Флоринскій,—О. Е. Франкъ,—баронъ А. А. Фредериксъ,—бар. В. А. Фредериксъ,—бар. Фредериксъ,—Фрезе,—А. Г. Фрикенъ,—Н. А. Фроловъ,—Фурдуевъ.

Х. Ѳанъ-Аговъ,—Хмѣльницкій, — Н. Ф. Хованскій, — П. Ф. Хомутовъ,— от. А. Хорошуновъ,—А. Н. Хребтовъ,—М. Н. Хрущовъ, — А. Хрѣновскій,— Н. Хупотскій.

Цвиленевъ,—С. Ѳ. Цвѣтковъ,—кн. Д. Н. Цертелевъ.

Чайковскій,—графъ Э. К. Чапскій,—А. И. Черторижскій,—Ѳ. Ѳ. Чекалинъ,—И. А. Черемухинъ,—И. А. Чернавскій,—И. Черновъ,—Е. В. Чешихинъ,— В. Н. Чеховъ,—Л. М. Чичаговъ,—Г. С. Чириковъ,—проф. И. А. Чистовичъ,— проф Я. А. Чистовичъ,—М. М. Чичаловъ,—Н. Чуйковъ,—А. А. и П. А. Чумиковы,—Н. К. Чупинъ.

А. Экземплярскій,—Э. Элерсъ,—Энгельгардтъ.

Е. А. Шавѣевъ,—П. П. Шалфѣевъ,—И. И. Шамшевъ,—Ф. А. Шатовъ,— кн. Ив. Шаховской,—Н. Шаховской,—В. И. Шаховской,—Е. Г. Шварцъ,— К. Н. Шварцъ,—Б. С. Шевыревъ,—П. В. Шейнъ,—Шелехова,—Н. Шеншинъ,— А. В. Шереметевъ,—Л. И. Шестакова, рожд. Глинка,—Н. И. Шигановъ,— Н. К. Шильдеръ,—Шимановъ,—Ѳ. Ѳ. Шиманъ,—Н. Ширяевъ,—А. Д. Шишковъ,—С. Д. Шишковъ,—А. Шкляревскій.—Я. Шлегель,—А. О. Шлейснеръ,— Шляпкинъ,—А. С. Шляхтинъ,—И. А. Шмаковъ,—М. Ѳ. Шогуровъ,—Н. К. Штрандманъ,—С. Н. Шубинской,—В. В. Шульцъ,—П. А. Шульцъ,—А. Д. Шумахеръ.

П. К. Щебальскій,—А. Щербаковъ,—Щербачевъ,—Н. Щеховскій.

М. Л. Юдинъ,—Н. Юнгъ,—П. И. Юркевичъ.

А. Н. Языковъ.—Д. Языковъ,—С. М. Якимахъ. В. А. Яковлевъ.—С. А. Яковлевъ,—Якубовичъ,—Вяч. Е. Якушкинъ,—Е. И. Якушкинъ,—И. И. Янжулъ,—Г. Д. Яновичъ,—С. Х. Янковскій,—Н. Ясницкій.—В. Н. Ястребовъ,— А. Н. Яхонтовъ,—княгиня Е. М. Яшвиль, рожденная Орлова,—професс. живоп. В. И. Якобій.

Въ заключеніе долгомъ считаемъ поименовать съ признательностію къ памяти нижеслѣдующихъ покойныхъ лицъ: Л. Н. Антроновъ, — А. П. Арбузовъ,—проф. Н. Я. Аристовъ,—А. И. Артемьевъ,—А. Н. Афанасьевъ, — А. Θ. Багговутъ,—Я. П. Баклановъ,—А. А. Баранцевъ,—князь А. И. Барятинскій,—А. П. Башуцкій,—Д. П. Батюшковъ,—Е. А. Бестужева,—М. А. Бестужевъ,—профес. М. И. Богдановичъ, — адм. Бутаковъ, — профес. О. М. Бодянскій, — М. П. Болотовъ,—профес. И. Д. Бѣляевъ,—И. П. Варпаховскій,—П. П. Васильевъ, — князь А. И. Васильчиковъ, — Н. В. Вериги нъ, — А. Θ. Волковъ,—Н. А. Воронихинъ, — А. С. Вороновъ, — Н. М. Востоковъ, — А. Н. Вульфъ,—от. И. Гагаринъ,—Г. Н. Геннади,—Н. В. Гербель,—П. П. фонъ Гецъ,—А. Θ. Гильфердингъ,—Θ. Н. Глинка,—свѣтл. кн. А. М. Горчаковъ,—А. К. Гриббе,—В. Д. Давыдовъ, — В. И. Даль, — П. М. Дараганъ,—Н. Н. де-Прерадовичъ,—Н. П. Дубовъ, — И. И. Европеусъ, — А. П. Есиповъ, — А. П. Заблоцкій-Десятовскій,—Д. Н. Замятнинъ,—К. К. Злобинъ,—И. Θ. Золотаревъ,—В. А. Золотовъ,—К. А. Зыбинъ,—В. А. Инсарскій,—Ф. В. Каразинъ,—В. Н. Карамзинъ,—А. М. Каратыгина, рожденная Колосова, — П. А. Каратыгинъ, — Е. Д. Карповъ, — О. И. Константиновъ,—баронъ Н. А. Корфъ, — Г. И. Кузьминскій,—С. Е. Кулѣша,—кн. Куракинъ,—от. К. Кустодіевъ,—А. М. Княжевичъ,—М. В. Кюхельбекеръ,—П. П. Ламбинъ,—профес. П. С. Лебедевъ,—А. И. Левшинъ,—Е. Ф. Лермонтова,—М. Н. Лонгиновъ,—кн-ня С. А. Мадатова,—Л. С. Маковъ,—М. А. Марковъ,—П. И. Мельниковъ,—П. К. Менковъ,—П. Н. Меншиковъ,—Г. И. Мигринъ, — от. М. Я. Морошкинъ,—Θ. Н. Муратовъ, — П. А. Мухановъ, — Θ. К. Опочининъ,—Г. А. Орловъ,—гр. Остенъ-Сакенъ,—И. Д. Павловскій,—акад. П. П. Пекарскій,—А. О. Подвысоцкій,—А. Н. Поповъ,—М. Н. Похвисневъ,— О. А. Пржецлавскій,—М. М. Рангъ,—В. Θ. Ратчъ,—А. В. Рачинскій,—Людмила Ив. Рикордъ,—Д. И. Романовскій,—А. И. Рыжовъ,—профес. И. И. Свіязевъ,—А. С. Сгибневъ, — И. В. Селивановъ, — А. И. Семевскій,—В. А. Семевскій,—К. С. Сербиновичъ,—баронъ М. Н. Сердобинъ,—А. Е. Сеславина,—Д. И. Скобелевъ,—проф. С. М. Соловьевъ,—И. И. Сосницкій,—Э. И. Стоговъ,—кн. Италійскій графъ А. А. Суворовъ-Рымникскій,—акад.-грав. Л. А. Сѣряковъ,—К. Н. Тихонравовъ,—графъ Θ. П. Толстой,—И. С. Тургеневъ,—кн. С. Н. Урусовъ,—В. И. Фелькнеръ,—бар. Н. П. Фредериксъ,—И. Р. фонъ-деръ Ховенъ, — А. В. Фрейгангъ, — М. Д. Хмыровъ, — В. И. Чаславскій,—Адамъ Петр. Чеботаревъ,—К. В. Чевкинъ, — В. К. Шульцъ, — М. П. Щербининъ,—Н. Н. Щукинъ,—Ястребинскій,—сообщенныя ими Записки (мемуары), изслѣдованія, статьи, письма и бóльшія или меньшія собранія историческихъ матеріаловъ или даже фамильные архивы (напр. К. В. Чевкина) находятся въ распоряженіи редакціи „Русской Старины" и тѣ, которые до сихъ поръ не были еще ею изданы, постепенно будутъ печататься на страницахъ этого историческаго изданія.

Ред.

Поправка. На 700 стр. этой книги напечатано предположеніе г. директора Полоцкаго кадетскаго корпуса объ историческомъ трудѣ по поводу пятидесятилѣтія этого корпуса. Нынѣ г. А. Тыртовъ увѣдомляетъ, что очеркъ исторіи корпуса (1835—1885) не касается бывшей въ этомъ зданіи Іезуитской академіи. Это будутъ два особые очерка. Ред.

МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ.

I.

„Русская Старина“ въ 1883 году.

Въ 1883 г. экземпляры „Русской Старины“ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ, по мѣсту подписки, по губерніямъ и областямъ:

1. Акмолинской обл.	19
2. Амурской обл.	12
3. Архангельской губ.	22
4. Астраханской	39
5. Бакинской	14
6. Батумской обл.	4
7. Бессарабской губ.	53
8. Варшавской	88
9. Виленской	54
10. Витебской	21
11. Владимірской	72
12. Вологодской	21
13. Волынской	56
14. Воронежской	73
15. Выборгской	7
16. Вятской	56
17. Гродненской	36
18. Дагестанской обл.	31
19. Донской обл.	61
20. Екатеринославской обл.	103
21. Елисаветпольской губ.	6
22. Енисейской	28
23. Забайкальскомъ окр.	41
24. Закаспійскомъ отд.	7
25. Заравшанскомъ окр.	7
26. Иркутской губ.	81
27. Казанской	91
28. Калишской	11
29. Калужской	58
30. Карской обл.	6
31. Кіевской губ.	181
32. Ковенской	25
33. Костромской	16
34. Кубанской обл.	39
35. Курляндской губ.	10
36. Курской	128
37. Кутаисской	8
38. Кѣлецкой	10
39. Лифляндской	39
40. Ломжинской	24
41. Люблинской	18
42. Минской	34
43. Михельской	—
44. Могилевской	30
45. Московской	73
46. Нижегородской	77
47. Новгородской	49
48. Нюландской	4
49. Олонецкой	18
50. Оренбургской	39
51. Орловской	109
52. Пензенской	47
53. Пермской	90
54. Петроковской	20
55. Плоцкой	16
56. Подольской	45
57. Полтавской	111
58. Приморской обл.	16
59. Псковской губ.	52
60. Радомской	13
61. Рязанской	62
62. Самарской	57
63. С.-Петербургской	85
64. Саратовской	89
65. Семипалатинской обл.	7
66. Семирѣченской обл.	12
67. Симбирской губ.	59
68. Смоленской	59

69. Ставропольской губ. 51
70. Сувалкской 9
71. Сѣдлецкой 13
72. Сыръ-Дарьинской обл.. . . . 28
73. Тавастгустской губ. 2
74. Таврической 87
75. Тамбовской 106
76. Тверской 57
77. Терской обл. 28
78. Тифлисской губ 84
79. Тобольской 31
80. Томской 32
81. Тульской 74
82. Тургайской. 2
83. Уральской обл. 8
84. Уфимской губ 26
85. Ферганской обл. 5
86. Харьковской губ. 119
87. Херсонской губ. 169
88. Черниговской 77
89. Черноморскомъ окр. 9
90. Эриванской губ. 11
91. Эстляндской 17
92. Якутской обл. 9
93. Ярославской губ. 63

Итого 4079

II. Въ Москвѣ 452

III. Въ С.-Петербургѣ:

съ доставкою 1093

безъ доставки 213

IV. За границею 71

Всего разошлось въ 1883 г. 5908

Осталось къ 1 декабря 1883 г. на лицо. 92

II.

„Русская Старина" въ изданіяхъ 1870—1883 гг.

разошлась въ нижеслѣдующемъ количествѣ экземпляровъ:

	Напечатано:	Разошлось:	Осталось:
	экземпляровъ:		
1870 г. изданія первое, второе и третье.	4,025	3,748	277
1871 г. изданіе первое.	3,500	3,500	Не осталось ни одного экз., всѣ сполна разошлись.
1872 г. изданія первое и второе. . .	4,500	4,500	
1873 г. изданіе первое.	5,000	5,000	
1874 г. » »	5,515	5,515	
1875 г. » »	6,000	6,000	
1876 г. изданія первое и второе. . .	6,535	6,212	323
1877 г. изданіе первое.	5,525	5,310	215
1878 г. » »	5,525	5,233	292
1879 г. » »	5,525	5,320	205
1880 г. изданія первое и второе. . .	6,025	5,745	280
1881 г. изданіе первое.	6,010	5,843	167
1882 г. » »	5,600	5,506	94
1883 г. » »	6,000	5,908	92

Примѣчаніе. „Русская Старина" печатается нынѣ въ 6,000 экз. Болѣе этого количества она печаталась только въ одномъ году, именно въ 1876 г.—6.535 экз. Число читателей этого изданія мы считаемъ до 60,000 лицъ обоего пола, полагая по десяти лицъ, въ среднемъ выводѣ, на одинъ выписываемый экземпляръ.

Завѣдывающій экспедиціей журнала „Русская Старина" *П. А. Александровъ*.

„РУССКАЯ СТАРИНА" изд. 1883 года.

ТОМЪ СОРОКОВОЙ.

ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ.

Записки и Воспоминанія.

Изслѣдованія, историческіе и біографическіе очерки.

Указы, переписка, разсказы, очерки, стихотворенія.

Время до Петра I.

Царствованіе Петра I.

Царствованіе Екатерины II.

Царствованіе Павла I.

Царствованія Александра I и Николая I.

Царствованія Александра II и Александра III.

Исторія русской литературы.

Исторія художествъ и искусствъ.

Портреты и гравюры.

Указатель личныхъ именъ, встрѣчающихся въ XXXVII, XXXVIII, XXXIX и XL томахъ «Русской Старины» изд. 1883 г., и Общее систематическое оглавленіе ко всѣмъ четыремъ томамъ изд. 1883 г. вышло особою брошюрою. Цѣна 60 коп. съ пересылкою.

Библіографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Иллюстрированная исторія Петра Великаго. Текстъ А. Г. Брикнера съ 250 портретами и рисунками. Изд. А. С. Суворина. Спб. въ б. 8 д., стр. 686+27. (На оберткѣ 10-й книги „Русской Старины“ изд. 1883 г.).

2. Страница изъ исторіи судебной рефрмы. Д. Н. Замятнинъ. Гр. Джаншіева. Москва. 1883 г., въ 8 д., стр. 1—VI+156. (Тамъ-же).

3. Крымскія цѣлебныя минеральныя грязи въ деревнѣ Саки и морскія купанья въ городѣ Евпаторіи. Очерки А. Н. Н—на. Спб. 1883 г., въ 8 д., стр. 220, съ рисунками Сакск. грязев. ваннъ. (Тамъ-же).

4. Самоубійство въ западной Европѣ и европейской Россіи. Опытъ сравнительно-статистическаго изслѣдованія А. В. Лихачева. Спб., въ 8 д. д., стр. X+251 съ раскраш. картами. (Тамъ-же).

5. А. Н. Радищевъ, авторъ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву". Изслѣдованіе М. И. Сухомлинова. Спб., 1883 г., въ 8 д., стр. 143. (На оберткѣ 11-й книги „Русской Старины" изд. 1883 г.).

6. Хивинскій походъ 1873 г. Н. И. Гродекова. Изданіе ред. журнала „Русская Старины". Спб., 1883 г., въ 8 д., стр. 345+65 съ картою. (Тамъ-же).

7. Война въ Туркменіи. Походъ Скобелева въ 1880—1881 гг. Соч. Н. И. Гродекова. Т. I-й. Спб. 1883 г. (Тамъ-же).

8. Народные музыкальные инструменты. Спб., 1884 г., стр. 56 Изслѣдованіе Мих. Пѣтухова. (Тамъ-же).

9. Столѣтіе Собесѣдника Любителей Россійскаго Слова. (На оберткѣ 12-й кн. „Русской Старины" изд. 1883 г.).

10. Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Томъ XXXVII. Спб. 1883, 664 стр.; томъ XXXVIII, 443 стр. (Тамъ же).

11. Описаніе церковно-славянскихъ и русскихъ рукописныхъ сборниковъ императорской публичной библіотеки. Состав. А. Ѳ. Бычковымъ. Ч. I, 538+152. (Тамъ же).

12. Сборникъ матеріаловъ по исторіи Прибалтійскаго края. Т. IV. Рига. 1882, 617 стр. (Тамъ-же).

13. Очерки и разсказы изъ всеобщей исторіи. Д. И. Иловайскаго. Ч. I. Древній міръ. М. 1883, 384. (Тамъ же).

14. Исторія русской церкви Макарія, митр. московскаго, т. XII. Спб. 1883, 792 стр. (съ портретомъ автора). (Тамъ же).

15. Императоръ Василій Бончар'а Бойда. Извлеченіе изъ лѣтописи Яхъи Антіохійскаго. Издалъ, перевелъ и объяснилъ баронъ В. Р. Розенъ, доц. спб. унив. Спб. 1883. 447 стр. (Тамъ же).

16. Исторія Саратова. Новое провинціальное изданіе. (См. 11-ую книгу „Русской Старины" изд. 1883 г., стр. 522).

---

12 КНИГЪ „РУССКОЙ СТАРИНЫ"
изд. 1883 г.

съ портретами: Бухвостова, перваго россійск. солдата, 1683 г.; вел. княг. Маріи Θеодоровны, 1782 г.; Вас. Андр. Жуковскаго; Марьи Андр. Протасовой, † въ 1823 г.; Нат. Ник. Пушкиной въ 1837 г.; Нины Алекс. Грибоѣдовой, † въ 1857 г.; гр. М. Н. Муравьева; Ген. Я. П. Бакланова; Ос. Сем. Ганчара, † въ 1879 г.; кн. М. Д. Горчакова; генерала Дитятина; рисунки: памятника на могилѣ Артемія Волынскаго; первой паровой машины И. И. Ползунова, 1763 г.; Михайловскаго замка въ 1800—1801 гг.; Айгунскаго памятника на Амурѣ, 1858 г.; храма Воскресенія Христова въ Петербургѣ.

Содержаніе: Данила Земской, изъ зап. Евы Смирной;—Зап. де-Санглена;—адмирала П. В. Чичагова;—Воспом. Беккера о разореніи Москвы, 1812 г.;—Воспом. Я. М. Невѣрова: глава изъ исторіи крѣпост. права въ Россіи, 1816—1826 гг.;—Морской корпусъ въ воспом. адм. А. И. Зеленаго, 1822—1826 гг.;—Возстаніе 17 (29) ноября 1830 г. въ Варшавѣ:—Пожаръ въ Зимнемъ дворцѣ въ 1837 г.;—Архіерейскій хоръ при арх. Смарагдѣ, 1837 г.;—Дневникъ В. К. Кюхельбекера, 1831—1845 гг.;—Л.-гв. Преображенскій полкъ въ 1831—1846 гг.;—Имп. военная академія въ 1834—1848 гг., воспом. кн. Н. С. Голицына;—Гр. Н. Н. Муравьевъ-Амурскій въ 1849 г., воспом. Б. В. Струве;—Воспом. О. А. Пржецлавскаго;—Война 1853—1856 гг., зап. Д. П. Рудакова;—Записки сенатора Я. А. Соловьева о крест. дѣлѣ въ 1857—1859 гг.;—Румянцевскій музей въ 1860—1861 гг., разсказъ В. В. Стасова;—Записки гр. М. Н. Муравьева о мятежѣ въ сѣв.-зап. краѣ;—Виленскіе очерки, 1863—1865 гг.;—Гр. Θ. Θ. Бергъ, изъ воспом. П. П. Карцова;—Воспом. черногорца Драговича;—Воспом. Людмилы Ив. Рикордъ;—Въ Прибалтійскомъ краѣ;—Кн. Ал. Мих. Горчаковъ въ его разсказахъ изъ прошлаго;—Зап. Ал. Θед. Бagговута, 1806—1883 гг.—Очерки: Ближній бояринъ Аθ. Лавр. Ординъ-Нащокинъ, изслѣд. проф. В. С. Иконникова;—Первенцы имп. россійск. гвардіи, ген.-л. П. П. Карцова;—Петровская бригада, 1683—1883 гг.;—Коронаціи русск. император. и императрицъ, 1724—1856 гг.;—Лейбъ-гв. Семеновскій полкъ въ царств. Павла и Александра I;—Гр. М. Н. Муравьевъ-Виленскій въ отзывахъ о немъ русскихъ людей;—М. Д. Скобелевъ въ 1880—1881 гг.;—Як. Петр. Баклановъ;—Ос. Сем. Ганчаръ;—Гр. Егоръ Франц. Канкринъ;—Нина Алекс. Грибоѣдова;—Ник. Ив. Пироговъ; Филаретъ, митроп. московскій;—Макарій, митроп. московскій и коломенскій;—Амвросій Орнатскій, еп. пензенскій;—Ириней, архіеп. иркутскій;—Иннокентій, архіеп. херсонскій;—Амвросій, архіеп. тверской;—Историч. памятникъ въ Переяславлѣ въ 1654 г., сообщ. Н. И. Костомаровъ;—Пугачевъ на Кавказѣ въ 1772 г., сообщ. Ад. П. Берже;—Вас. Леонт. Кочубей въ 1708 г.;—Могила Артемія Волынскаго;—Прокопій Демидовъ, 1770 г., сообщ. Демидовъ князь Санъ-Донато;—Имп. Іосифъ II въ Россіи, сообщ. Я. К. Гротъ;—Александръ I и Николай I, въ 1812—1855 гг.;—Имп. Николай I и гр. Дибичъ въ 1829 г.;—Имп. Александръ II въ эпоху войны 1855 г.;—Польская смута, по перепискѣ съ 14 февраля 1861 г. по 15 іюня 1862 г.;—кн. Мих. Дм. Горчаковъ въ Севастополѣ въ 1855 г.;—Имп. Александръ II на Кавказѣ въ 1861 г.;—Поѣздка подъ Плевну въ 1877 г., разсказъ проф. Д. И. Иловайскаго.—В. А. Жуковскій,—К. Н. Батюшковъ,—В. К. Кюхельбекеръ,—А. С. Пушкинъ,—М. Ю. Лермонтовъ,—Т. Г. Шевченко,—А. С. Хомяковъ,—Вас. и Ив. Кирѣевскіе,—Н. В. Гоголь,—гр. А. К. Толстой,—Θ. М. Достоевскій.—Мих. В. Авдѣевъ,—И. С. Тургеневъ;—Я. К. Гротъ—въ ихъ письмахъ, очеркахъ жизни и литер. дѣятельности. М. И. Глинка,—гр. Θ. П. Толстой,—Перовъ и Мусоргскій,—А. Н. Сѣровъ,—гр. Θ. П. Толстой,—Л. А. Сѣряковъ,—И. И. Ползуновъ,—А. Ф. Какориновъ,—архим. Игнатій Малышевъ—въ письмахъ, воспом. и очеркахъ,—и проч. и проч.

цѣна ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

ВЪ 1884 ГОДУ

„СЕМЬЯ И ШКОЛА",

(ГОДЪ XIV-II)

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

и

ДОМАШНЯГО И ОБЩЕСТВЕННАГО ВОСПИТАНІЯ,

будетъ издаваться по той-же программѣ, въ тѣ-же сроки и въ такомъ-же объемѣ, какъ и въ 1883 году.

Полное годовое изданіе журнала состоитъ изъ **двадцати двухъ книгъ и 40 №№ «Педагогической хроники»**. Подписная цѣна на полный журналъ безъ доставки 11 р., съ доставкой и перес. 12 р.

Полное изданіе состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, на которые допускается также отдѣльная подписка:

I. **Иллюстрированный отдѣлъ для дѣтей** выходитъ ежемѣсячно, 12 книгъ въ годъ. Подп. цѣна безъ дост. 7 р., съ дост. и перес. 8 р.

II. **Учебно-воспитательный отдѣлъ** (*для родителей и воспитателей*) выходитъ въ количествѣ 10 книгъ (т. е. ежемѣсячно, кромѣ іюня и іюля), съ добавленіемъ **«Педагогической хроники»**, выходящей въ количествѣ 40 №№ въ годъ. Подп. цѣна безъ дост. 4 р. и съ дост. и перес. 5 р.

Первый отдѣлъ (*для дѣтей*) даетъ статьи религіозно-нравственнаго содержанія, разсказы, стихотворенія, путешествія, жизнеописанія и проч., а также игры, работы, рукодѣлія, мастерства и проч. матеріалъ для физическаго и умственнаго развитія. Всюду, по мѣрѣ надобности, прилагаются рисунки и картины.

Второй отдѣлъ (*для родителей и воспитателей*) содержитъ общія статьи педагогическаго содержанія, статьи по воспитанію и обученію домашнему и общественному (высшему, среднему и начальному), нравственному, умственному и физическому; критику и библіографію; біографическіе очерки педагоговъ и статьи по исторіи педагогіи; отдѣлъ математическій и проч. **«Педагогическая хроника»** даетъ отчеты по текущимъ вопросамъ учебно-воспитательнаго дѣла какъ въ Россіи, такъ заграницею и полную библіографію вновь выходящихъ по воспитанію и обученію книгъ.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: С.-Петербургъ, Большая Садовая, противъ Гостинаго двора, № 12, или адресуется просто: Въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала «Семья и школа» (адресъ Почтамту извѣстенъ)—съ сообщеніемъ подобнаго адреса: имени, отчества, фамиліи и того почтоваго учрежденія, его губерніи и уѣзда, гдѣ есть выдача газетъ и журналовъ.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1884 Г.

ГАЗЕТЫ

„МИНУТА".

Годъ 4-й.

Газета „МИНУТА", по прежнему, будетъ выходить ежедневно, въ форматѣ большихъ газетъ.

Подписная цѣна остается прежняя.

Сверхъ этого, подписчики „МИНУТЫ" имѣютъ право на полученіе за уменьшенную цѣну новаго нашего изданія, которое будетъ выходить книжками каждый мѣсяцъ подъ названіемъ:

„КОЛОСЬЯ".

(ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ).

Воспитывать вкусы къ изящному, пробуждать любовь къ наукѣ при помощи популярнаго изложенія ея отраслей или отдѣльныхъ выводовъ это главная задача журнала, въ которомъ будутъ помѣщаться вещи законченныя, хорошо обработанныя въ литературномъ отношеніи и такія произведенія, которыя въ газетѣ утрачиваютъ интересъ и теряются или же по своему объему не могутъ въ нее войти.

Журналъ „КОЛОСЬЯ" будетъ выходить безъ предварительной цензуры, книжками около 15 печатныхъ листовъ, въ изящномъ видѣ (со множествомъ украшеній: виньетокъ, заставокъ и рисунковъ художника Панова, гравированныхъ Паннемакеромъ въ Парижѣ).

Программа его та-же, что и на всѣ другіе большіе ежемѣсячные научно-литературные журналы, а именно:

I. Романы, повѣсти, драматическія произведенія, поэмы и проч. II. Легкія научныя статьи, путешествія, историческіе очерки и проч. III. Литературная критика. IV. Обозрѣніе художественное. Театръ. Музыка. V. Фельетонъ. VI. Объявленія.

Мы задались идеею создать дешевый литературный журналъ, который могъ-бы служить украшеніемъ одинаково, какъ для библіотеки небогатаго читателя, составляемой на трудовыя копѣйки, такъ и для книгохранилища, пополняемаго съ большимъ разборомъ новыми книгами и журналами.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на газету „МИНУТА"

	Въ Петербургѣ съ достав.	Въ провинцію съ перес.
Годъ	8 р. — к.	9 р. — к.
Полгода	4 » 75 »	5 » — »
Три мѣсяца	2 » 60 »	3 » — »
Одинъ мѣсяцъ	— » 90 »	1 » — »

на журналъ „КОЛОСЬЯ"

Годъ съ пересылкою	6 р. — к.
Полгода	4 » — »

Подписчики на оба изданія вмѣстѣ пользуются уступкою одного рубля и высылаютъ—иногородные 14 р., городскіе платятъ 13 р.

Подписка принимается въ конторѣ газеты „МИНУТА" и журнала „КОЛОСЬЯ": въ С.-Петербургѣ, уголъ Болш. Италіанской и Больш. Садовой, д. Крафта.

Редакторъ-издатель И. А. Баталинъ.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„ДѢЛО“

въ 1884 году:

(ГОДЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ).

„Дѣло“ въ 1884 году будетъ издаваться по той же програмиѣ и въ томъ же направленіи, какъ оно издавалось въ прежнія 17 лѣтъ, при постоянномъ участіи въ трудахъ редакціи Н. Ф. Бажина, В. П. Острогорскаго, К. М. Станюковича и Н. В. Шелгунова. Объемъ, форматъ и срокъ выхода книжекъ остаются прежніе.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: **Я. В. Абрамовъ** (Θедосѣевецъ), **М. Н. Альбовъ, Н. Ф. Анненскій, Н. Ф. Бажинъ, К. С. Баранцевичъ, А. П. Барыкова, П. И. Вейнбергъ, Ж. Гальфранкъ** (Лефрансе), **С. Н. Горскій, В. А. Гольцевъ, И. Н. Денисовъ, Ж. Жика, Б. П. Ленскій, В. В. Лесевичъ, Л. И. Мечниковъ, Д. И. Минаевъ, П. Минскій, Д. Л. Михаловскій, Л. Л. Москвинъ, С. Я. Надсонъ, Н. И. Наумовъ, П. В. Омулевскій, В. П. Острогорскій, А. И. Пальмъ, А. Н. Плещеевъ, С. А. Приклонскій, М. А. Протопоповъ, И. Н. Потапенко, Н. С. Русановъ, Д. Н. Сибирякъ, К. М. Станюковичъ, И. Н. Харламовъ, Н. В. Шелгуновъ, И. В. Шпажинскій, М. К. Цебрикова, П. Ф. Якубовичъ, А. И. Эртель** и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полгода.
Безъ пересылки и доставки. . . .	15 р. 50 к.	8 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ . .	16 » — »	9 »
« пересылкою иногороднымъ . . .	17 » — »	10 »
» » заграницу	19 » — »	11 »

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ журнала „Дѣло“, Надеждинская, д. № 39; въ Москвѣ, при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбаснякова, Моховая, д. Коха.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться со своими требованіями исключительно въ главную контору „Дѣла“, (Спб., Надеждинская, № 39).

Разсрочка платежа подписныхъ денегъ допускается на слѣдующихъ основаніяхъ: при подпискѣ вносится 7 руб., 1-го апрѣля — 5 руб. и 1-го іюня — 5 рублей.

Для гг. учителей, учительницъ и учащихся допускается разсрочка на иныхъ условіяхъ, по соглашенію съ редакціею.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА:

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

ВЪ 1884 ГОДУ (ГОДЪ ТРЕТІЙ).

Журналъ будетъ издаваться подъ прежней редакціей и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, **без предварительной цензуры**. Въ журналѣ, въ теченіе двухъ лѣтъ его изданія, принимали участіе: **проф. И. Е. Андреевскій, С. А. Бердяевъ, П. И. Бларамбергъ, П. Д. Боборыкинъ, П. В. Быковъ, И. Ф. Василевскій** (Буква), **Вологдинъ, Е. А. Вернеръ, д-ръ А. С. Виреніусъ, проф. В. П. Даневскій, Ю. Г. Залесцкій, проф. А. И. Загоровскій, д-ръ Ивинъ, проф. А. Ѳ. Кистяковскій, Е. П. Карновичъ, Е. Е. Карцевъ, баронъ Н. А. Корфъ, А. В. Кругловъ, Н. С. Курочкинъ, проф. Ѳ. И. Леонтовичъ, П. Лѣтневъ, С. В. Максимовъ, В. Л. Марковъ, Н. Мизантроповъ, Н. Минскій, В. О. Михневичъ, В. И. Немировичъ-Данченко, И. В. Неручевъ, Ф. Д. Нефедовъ, В. Н. Никитинъ, Омулевскій, Л. И. Пальминъ, М. Л. Песковскій, Л. К. Поповъ, Я. П. Полонскій, проф. В. И. Сергѣевичъ, Д. И. Стахѣевъ, В. Я. Стоюнинъ, Л. Н. Трефолевъ, В. В. Чуйко** и др.

„Наблюдатель“ выходитъ ежемѣсячно, 15-го числа, книгами отъ 20—25 печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	За годъ:	За полгода:
Безъ доставки	12 р.	7 р. — к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ . .	13 „	7 „ 50 „
Съ перес. въ другія мѣста Россіи .	14 „	8 „ — „
Съ пересылкою за границу	16 „	9 „ — „

Книгопродавцамъ 50 к. уступки. Принимающіе подписку въ разсрочку или по полугодіямъ не пользуются уступкой.

Гг. служащимъ дѣлается разсрочка по третямъ, за поручительствомъ казначеевъ.

РАЗСРОЧКА ПЛАТЫ ПО ТРЕТЯМЪ:

	при подпискѣ.	къ 1 мая.	къ 1 сент.
Безъ доставки	5 р.	4 р.	3 р.
Съ доставкою	6 „	4 „	3 „
Съ пересылкою	6 „	5 „	3 „
Съ перес. за границу	8 „	5 „	3 „

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи (Поварской переулокъ, д. № 5), а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Иногородные подписчики адресуются исключительно, въ Главную контору „Наблюдателя“. Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной конторѣ журнала.

Здѣсь же принимается подписка на журналъ „НАРОДНАЯ ШКОЛА“. Годовая цѣна 4 р. 50 к. съ перес. За границу — 6 р. **Подписка на текущій годъ на оба журнала продолжается.**

Редакторъ-издатель **А. П. Пятковскій**.

ПОДПИСКА
НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ
„КІЕВСКАЯ СТАРИНА",
ИЗДАВАЕМЫЙ ВЪ Г. КІЕВѢ.
1884-й годъ.
(Третій годъ изданія).

Журналъ „Кіевская Старина", посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1884 году ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 листовъ, въ 3-хъ томахъ, по той-же программѣ и при участіи тѣхъ-же сотрудниковъ.

Въ составъ его входятъ статьи научнаго и историко-беллетристическаго содержанія, историческіе документы, мемуары, хроники, дневники, воспоминанія, разсказы, біографіи, некрологи, характеристики и сообщенія о вещественныхъ памятникахъ южно-русской древности, равно народныхъ повѣрьяхъ, обычаяхъ, думахъ, сказкахъ, пѣсняхъ и пр., а также библіографическія извѣстія о вновь выходящихъ книгахъ по южно-русской исторіи и этнографіи. Въ приложеніяхъ — изображенія замѣчательныхъ южно-русскихъ дѣятелей, равно памятниковъ южно-русской старины.

Подписная цѣна за 12 книжекъ, съ приложеніями, пересылкою и доставкою на домъ 10 руб., на мѣстѣ 8 руб. 50 к. На заграничную пересылку прибавляется 1 руб. Подписка на годъ; но допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ 5 руб., по выходѣ IV книжки 3 руб. и VI—2 руб.—Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры журнала за 1882 и 1883 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины", Кіевъ, Софійская площадь, домъ № 11-й. Тамъ-же и контора редакціи.

Редакторъ-издатель Ѳ. Г. Лебединцевъ.

на иллюстрированный журналъ литературы, политики и современной жизни

„НИВА"

ВЫХОДЯЩІЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО, Т. Е. 52 НОМЕРА ВЪ ГОДЪ

(болѣе **2000** рисунковъ и чертежей, **2400** столбцовъ текста)
съ ежемѣсячнымъ приложеніемъ „**ПАРИЖСКІЯ МОДЫ**"
(около **500** модныхъ рисунковъ въ годъ, **400** выкроекъ чертежей въ натуральную величину и **350** рисунковъ рукодѣльныхъ работъ)

Премія на **1884** г. большая новая картина **К. Е. МАКОВСКАГО** подъ заглавіемъ:

«ГУСЛЯРЪ»

печатанная масляными красками.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, ВЪ КОНТОРѢ РЕДАКЦІИ ПО БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ, д. № 9.

Подписная цѣна за годовое изданіе „НИВЫ"
съ правомъ на полученіе всѣхъ безплатныхъ премій въ теченіе 1884 года.

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ Москвѣ черезъ Отд. Конт. «Нивы» у Н. Печковской	5 р.
Съ доставкой въ С.-Петербургѣ	5 » 50 »	Съ доставкой въ Москвѣ и другихъ гор. и мѣстечкахъ Имперіи	6 »
		За границу	8 »

„НИВА", вступая въ пятнадцатый годъ своего существованія, озаботилась приготовить на будущій 1884 годъ,—кромѣ массы художественно исполненныхъ гравюръ—слѣдующіе замѣчательные романы и повѣсти:

«НЕДОЛГОЕ СЧАСТІЕ».

Большая повѣсть нашего знаменитаго писателя **Д. В. ГРИГОРОВИЧА.**

Затѣмъ **продолженіе семейной хроники рода Горбатовыхъ**, печатавшейся въ „НИВѢ" подъ заглавіемъ: «**Сергѣй Горбатовъ**» 1881 г., «**Вольтерьянецъ**» 1882 г. и «**Старый домъ**» 1883 г.—нашего талантливаго писателя **В. С. СОЛОВЬЕВА.** Подъ заглавіемъ:

„ИЗГНАННИКЪ".

Кромѣ этого появятся въ слѣдующемъ 1884 году:

«ВЪ СТАРОЙ МОСКВѢ».

Историческій романъ графа **Е. А. САЛІАСА**, автора „Пугачевцы" и пр.

«ВАДИМЪ ГОЛЕТАЕВЪ».

Большой разсказъ нашего знаменитаго поэта **Я. П. ПОЛОНСКАГО.**

«ЗА КУЛИСАМИ».

Романъ изъ современной жизни **В. И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО.**

Кромѣ того, въ „НИВѢ" будетъ помѣщенъ рядъ болѣе или менѣе крупныхъ повѣстей, очерковъ и разсказовъ, изъ которыхъ укажемъ только главнѣйшіе: «**Подъ развалинами**», пов. **Н. Д. Ахшарумова**; «**Жертва злому духу**» и «**На соболей**», разсказы **А. Я. Максимова**; «**Привольное житье**», разсказъ **Н. В. Успѣнскаго**; «**Первая охота**», разсказъ **В. Николаева**; «**Порча**», разсказъ **Ф. А. Арсеньева**; «**Первый дебютъ**», разсказъ **П. П. Гнѣдича**; «**Разбойникъ Сотера**» (изъ воспом. русск. конс.) **К. Н. Леонтьева.** Повѣсти и разсказы **Н. Н. Каразина, К. К. Случевскаго, П. П. Гнѣдича, Н. Морскаго (Лебедева)** и пр. и пр.

Относительно ПРЕМІИ будущаго года, мы смѣло можемъ сказать, что по замыслу и исполненію она особенно удачна. ПРЕМІЯ эта—больш. олеографич. картина, такого-же формата какъ и въ предъидущіе 1882—83 г., имѣетъ названіе:

„ГУСЛЯРЪ".

Эта оригинальная картина написана исключительно для „НИВЫ" профессоромъ Имп. Ак. Худ. **К. Е. МАКОВСКИМЪ.** Сюжетъ картины—сцена изъ жизни русской боярыни XVI вѣка.

Желающихъ подписаться на будущій 1884 годъ, просятъ заблаговременно обращаться въ Главную Контору Редакціи «**НИВЫ**», въ С.Петербургѣ, по Большой Морской, д. № 9.   Издатель „Нивы" **К. Ф. МАРКСЪ.**

Библиотека "Руниверс"

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА"

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

1884 г.

пятнадцатый годъ изданія.

«РУССКАЯ СТАРИНА» будетъ выходить въ 1884 году въ прежнемъ объемѣ, съ гравированными на деревѣ и мѣди портретами замѣчательныхъ русскихъ людей. Нѣсколько интересныхъ портретовъ для «РУССКОЙ СТАРИНЫ» 1884 г. награвировано академикомъ И. П. Пожалостинымъ на мѣди, И. И. Матюшинымъ на деревѣ, а также исполнено въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

«РУССКАЯ СТАРИНА» представитъ на своихъ страницахъ въ 1884 г., между прочимъ, много данныхъ для исторіи минувшаго царствованія Александра II Освободителя.

12 книгъ, цѣна ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

Подписка на «РУССКУЮ СТАРИНУ» 1884 г. принимается для иногородныхъ исключительно въ С.-Петербургѣ, въ редакціи «РУССКОЙ СТАРИНЫ» на Большой Подъяческой, д. № 7.

Городскіе подписчики въ Петербургѣ благоволятъ подписываться въ книжномъ магазинѣ г. **ЦИНЗЕРЛИНГА** на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостиннаго двора, д. № 46, куда и переведена контора изъ склада Мамонтова, а въ Москвѣ подписка по прежнему принимается въ книжномъ магазинѣ Мамонтова.

---

*Лица, имѣющія подписаться по 20-ое декабря 1883 г. на «**Русскую Старину**» изд.* **1884 г.**, *могутъ получить теперь же за **одинъ** руб. съ пересылкою книгу:*

Очерки и разсказы М. И. Семевскаго изъ русской исторіи XVIII в.:

Тайная канцелярія при Петрѣ I. — Слово и дѣло! — Самуилъ Выморковъ — проповѣдникъ явленія антихриста. — Камеръ-фрейлина Гамильтонъ. — Сны Петра Великаго. — Петръ I какъ юмористъ и проч. съ гравированными рисунками пытокъ въ Россіи XVIII в.

Цѣна **ОДИНЪ** рубль съ пересылкою.

☞ **Для прочихъ лицъ цѣна этой книги ДВА рубля.**

нанія барона Левенштерна (продолженіе, 1812 годъ); матеріалы о судьбѣ раскола и православія въ краѣ въ 19 столѣтіи.

Очерки и разсказы изъ всеобщей исторіи. Д. И. Иловайскаго. Ч. I. Древній міръ. М. 1883, 384. Ц. 2 р. 50 коп.

Должно пожелать русскимъ историкамъ всевозможнаго успѣха въ изданіи очерковъ и сборниковъ по всеобщей исторіи, которые имѣли бы самостоятельный характеръ, а не представляли бы только простую передѣлку или переводъ иностранныхъ произведеній. Поэтому съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаемъ мы новый трудъ неутомимаго и даровитаго русскаго историка и ученаго. Появленіе его авторъ объясняетъ педагогическими соображеніями, какъ дополненіе къ учебникамъ и матеріалъ для самостоятельнаго ознакомленія съ всеобщею исторіею. Сборникъ, заглавіе котораго мы означили выше, представляетъ рядъ отдѣльныхъ, но последовательныхъ и законченныхъ очерковъ, посвященныхъ древнему міру. Вопросы, затронутые въ немъ, касаются различныхъ сторонъ историческаго изложенія: біографической, культурной, этнографической, повѣствовательной. Историкъ пользовался лучшими произведеніями иностранной и русской литературы, главнѣйшія изъ которыхъ указываетъ въ своемъ мѣстѣ.

Исторія русской церкви Макарія, митр. московскаго, т. XII, Спб. 1883, 792 стр. (съ портретомъ автора). Ц. 3 р.

Посмертный томъ почтеннаго труда покойнаго автора заключаетъ собственно XII и начало XIII тома и составляетъ III томъ исторіи патріаршества въ Россіи, къ сожалѣнію оставшейся не оконченной. Тѣмъ болѣе заслуживаетъ это сожалѣнія, что авторъ остановился на самомъ интересномъ моментѣ его—низложенія патріарха Никона. По прежнему плану, авторъ слѣдитъ въ своемъ трудѣ параллельно за состояніемъ церкви въ московской и юго-западной Руси. Такимъ образомъ въ этотъ томъ вошли отношенія Никона къ вопросу о соединеніи восточно-русской и западно-русской церкви; исправленіе книгъ при Никонѣ и начало раскола; Никонъ, какъ представитель патріаршей власти; личныя отношенія патріарха; церковная смута; положеніе западно-русской митрополіи; дѣянія московскаго собора 1666 г.; судъ надъ Никономъ и избраніе новаго патріарха.

Намъ приходилось говорить по поводу книги г. Гюббенета, что авторъ не воспользовался всѣмъ наличнымъ матеріаломъ объ этой эпохѣ церковной исторіи, касающимся дѣла Никона. Трудъ пр. Макарія лишенъ этого недостатка, такъ какъ, по обыкновенію, онъ собралъ все, что было извѣстно въ печатной литературѣ, а также въ петербургскихъ и московскихъ архивахъ о дѣлѣ Никона, представивъ такимъ образомъ богатый матеріалъ для разработки послѣдующихъ историковъ. Вотъ перечень рукописныхъ матеріаловъ, на которые ссылается авторъ: дѣла москов. главн. арх. иностр. дѣлъ; москов. синод. библіотеки, библіотеки москов. дух. академіи, мин. юстиціи, государственнаго архива въ Петербургѣ.

Императоръ Василій Болгаробойца. Извлеченія изъ лѣтописи Яхъи Антіохійскаго. Издалъ, перевелъ и объяснилъ бар. В. Р. Розенъ, доц. спб. унив. Спб. 1883. 447. Ц. 3 р.

Воспользовавшись лѣтописью арабскаго историка Яхъи Антіохійскаго (нач. XI в.), по спискамъ, принадлежащимъ преосв. Порфирію и національной библіотекѣ въ Парижѣ, авторъ представилъ обширное извлеченіе изъ нея и подробныя критическія замѣчанія объ извѣстіяхъ, сообщаемыхъ лѣтописцемъ. Послѣднія же касаются исторіи и отношеній Византіи, Болгаріи и Руси въ X и нач. XI вв. Лѣтописецъ отличается обиліемъ хронологическихъ данныхъ и многочисленностью мѣстныхъ матеріаловъ, которыми онъ воспользовался въ своемъ трудѣ.

Для русской исторіи особенный интересъ представляютъ извлеченія и комментарій извѣстія о крещеніи Руси относительно хронологіи и сопровождающихъ его обстоятельствъ, сопоставленныхъ съ византійскими и русскими источниками (194—198, 212—225) и замѣчанія о руссахъ въ Константинополѣ (312—332). Большое введеніе посвящено изслѣдованію объ авторѣ извѣстій и оцѣнкѣ его лѣтописи. **В. И.**

Издатель-редакторъ **Мих. Ив. Семевскій.**